Jean Jaures
HISTOIRE SOCIALISTE DE LA REVOLUTION FRANCAISE
EDITIONS SOCIALES, PARIS 1972

Жан Жорес

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

М.: Прогресс. 1983

ТОМ V
СМЕРТЬ КОРОЛЯ и ПАДЕНИЕ ЖИРОНДЫ (1793)

Перевод с французского под редакцией *А.В.Адо*
Перевод тома V выполнен: *А.О.Зелениной* и *Е.В.Рубининым*
Редактор *Н.В.Рудницкая*
Постраничные ссылки и комментарии, а также дополнительные замечания написаны *Альбером Собулем.*
Комментарии, помеченные *, принадлежат А.В.Адо

Веб-публикация: **Vive Liberta**, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС КОРОЛЯ
Вопрос о неприкосновенности
Довод монтаньяров. Сен-Жюст
Мнение Робеспьера
Мнение Марата
Тактика Жиронды
Доказательства измены короля
Допрос Людовика XVI
Бюзо и изгнание Бурбонов
Защитительная речь де Сеза
Какова могла бы быть защитительная речь короля
Жиронда и обращение к народу
Внешнеполитический аргумент
Речь Верньо
Речь Бюзо
Речь Петиона
Истинное намерение Жиронды
Робеспьер против обращения к народу
Речь Барера
Мнение Дантона
Интрига Дюмурье
Суд над королем
Было ли свободным голосование Конвента?
Поименное голосование
Объявление результатов голосования
Смерть короля была неизбежна
Отклонение отсрочки
Смерть короля
Значение акта казни

Глава II. КОАЛИЦИЯ И ВОЙНА
Внешняя политика Жиронды
Позиция монтаньяров
Политика естественных границ
Дюбуа-Крансе и амальгама
Набор 300 тыс. солдат

Глава III. БЕШЕНЫЕ ПРОТИВ ДОРОГОВИЗНЫ
Революционные силы в Париже
Петиция от 3 февраля 1793 г.
Жирондисты и социальная проблема
Программа бешеных
Петиция от 12 февраля 1793 г.
Варле и Жак Ру
Февральские выступления в Париже против скупки
Позиция якобинцев
Программа Шометта
Лионский кризис
Шалье
Домашние обыски и разгром Центрального клуба
Парижская программа и лионская программа
Социальная проблема и проблема политическая

Глава IV. ПОРАЖЕНИЯ В БЕЛЬГИИ
Интриги и планы Дюмурье
Голландская кампания и первые неудачи
Дюмурье отзывают из Голландии
Бешеные против Жиронды
Гора и Дюмурье
Марат против бешеных
Революционный трибунал
Комитет общественной обороны и проблема исполнительной власти
Волнения 9 и 10 марта
Жиронда и ее политика
Гора и бешеные

Глава V. ВАНДЕЯ
Причины восстания
Тактика дворян
Терроризм в Вандее, убийства в Машкуле
Восстановление старого порядка в восставших областях
Патриотическая Вандея и сопротивление
Жиронда и Вандея

Глава VI. ИЗМЕНА ДЮМУРЬЕ
Поражение и измена Дюмурье
План Робеспьера, направленный против Жиронды
Дантон скомпрометирован и обвинен
Реплика Дантона
Выпад Ласурса против Дантона
Контратака Дантона

Глава VII. ГОРА В БОРЬБЕ С ЖИРОНДОЙ
Надежды Ферзена и коалиции
Жиронда, апелланты и якобинцы
Жиронда привлекает Марата к ответственности перед Революционным трибуналом
Выступление секций против Жиронды
Наступление жирондистов в секциях
Роль газеты «Революсьон де Пари» во время кризиса
Санкюлоты и шитые золотом штаны
Выступление Робеспьера против шитых золотом штанов
Призыв Эбера к пролетариям
Поражения в Вандее и агитация в связи с набором в армию
Почему победят санкюлоты
Санкюлоты в революционных комитетах
Наблюдательные комитеты
Революционная активность Коммуны
Революционное собрание в Епископстве
Центральный комитет наблюдательных комитетов
Коммуна требует организации Революционной армии
Дискуссии в Епископстве
Жиронда рвется в бой

Глава VIII. БОРЬБА МЕЖДУ ПАРТИЯМИ В ДЕПАРТАМЕНТАХ
Представители в миссии
Изер
Монтобан
Ажен
Бордо
Марсель
Контрреволюция в Марселе
Нант против Горы
Командиры-санкюлоты армии, направленной против Вандеи

Глава IX. ПОСЛЕДНЯЯ ФАЗА
Заседание в Якобинском клубе
«История бриссотинцев» Камиля Демулена Учреждение Комиссии двенадцати
Арест Эбера и Варле
Популярность Марата
Угрозы Иснара
Действия секций
Заседание 26 мая в Якобинском клубе
Беседа Гара с Рабо-Сент-Этьенном
События 27 мая
Роль Гара
Упразднение Комиссии двенадцати
Жирондистская печать

Глава X . РЕВОЛЮЦИЯ 31 МАЯ - 2 ИЮНЯ 1793 г.
Роль Комитета общественного спасения
Призыв Робеспьера к восстанию
Революционная Комиссия девяти
Роль департамента
30 мая в Конвенте
Марат в Епископстве
Комитет общественного спасения
Ночь с 30 на 31 мая в Коммуне
Революционное собрание в Епископстве перебирается в ратушу
Возобновление полномочий департаментских властей
Растерянность Жиронды
Облик Парижа
Колебания Коммуны
Заседание Конвента 31 мая
Ухищрения Жиронды
На сцену выходят Люлье и департаментские власти
Заключения Робеспьера
Сообщения газет
Разочарование бешеных, их воздействие на Коммуну
Заседание в Якобинском клубе
Бийо-Варенн требует довести восстание до конца

Действия Революционного комитета
Деятельность Марата 1 июня
Ночное заседание Конвента
Последнее собрание жирондистов
События 2 июня
Конвент осажден
Декрет об аресте вождей жирондистов

Глава XI. ПРИЧИНЫ ПАДЕНИЯ ЖИРОНДЫ
Федерализм жирондистов
Партийный или классовый конфликт?

Дополнительные замечания
Парижские секции
I. Исторический перечень парижских секций (21 мая 1790 г. — 19 вандемьера IV г.)
II. Перечень парижских народных обществ (1792—1794 гг.)
III. Политическая организация парижских санкюлотов
IV. Народная политическая практика

Библиография

Указатель имен

Глава первая

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС КОРОЛЯ

10 августа 1792 г. Людовик XVI был отрешен от власти и заключен в Тампль [2]. 21 января 1793 г. он взошел на эшафот. Зачем Революции потребовалось пять с половиной месяцев для того, чтобы его осудить и покарать? Она была в высшей степени заинтересована действовать быстро. Если бы короля судили и казнили в октябре, как только собрался Конвент, страна была бы еще под впечатлением событий 10 августа и, охваченная гневом, легче приняла бы этот смелый поступок. Поскольку Революция хотела своим бесповоротным решением обескуражить роялистов и изумить Европу, то именно с этого Конвент и должен был начать свою

1. Процесс и казнь Людовика XVI породили большую литературу, в которой апология и агиография преобладают над историей. Общие труды по Французской революции уделяют процессу Людовика XVI более или менее важное место. См. прежде всего: J. Michelet. Histoire de la Révolution française. Livre IX. Paris, 1939; M. Mortimer-Ternaux Histoire de la Terreur, 1792—1794. Paris, 1862—1869. T. V, издание, полезное главным образом приведенными в нем документами Наилучшим исследованием остается: Séligman. La justice en France pendant la Révolution, 1791—1793 Paris, 1901 et 1913, 2 vol. См также: E. Belhomme. Les régicides. Paris, 1893. О смерти короля, его содержании в тюрьме и его последних минутах см.: «Captivité et derniers moments de Louis XVI. Récits originaux et documents officiels», собранные и опубликованные маркизом де Бокуром (de Beaucourt) (Paris, 1892); P. de Vaissière. La mort du roi. Paris, 1910. Общий итог изучения данной проблемы подвел А. Собуль: A. Soboul. Le procès de Louis XVI Paris, 1966, coll «Archives».
2. О восстании 10 августа и его последствиях см.: Ж. Жорес. Социалистическая история Французской революции, т. II, гл V, «Десятое августа», с. 458 и сл.

работу. Таким образом Революция наложила бы на всю свою деятельность неизгладимую печать. Более того, в конце сентября и в октябре Европа пребывала в оцепенении под впечатлением неожиданных побед Революции. Смерть короля усилила бы это оцепенение, породив полное смятение, и европейская коалиция, возможно, распалась бы.

Во всяком случае, в сентября и в октябре месяцах Англия отнюдь не казалась решившейся на войну, и суда над королем, быстрого и грозного, было бы, несомненно, недостаточно, чтобы заставить ее решиться на это. Мир был бы словно захвачен врасплох быстротой случившегося и остался бы недвижим под раскатами грома.

Почему Конвент медлил? Ведь это был главный мандат, врученный ему [3]. Законодательное собрание разошлось лишь для того, чтобы сама нация решила участь и королевской власти, и короля. Королевская власть была упразднена 21 сентября [4]. Надо было спешно, тотчас же после ее упразднения, решить судьбу короля. Испытывал ли Конвент, при всей своей смелости, тайное смущение? Удерживали ли его остаток суеверного почтения или пробудившееся сострадание к этому человеку, которого несчастье сблизило с человечеством, не лишив его полностью престижа вековой королевской власти? Конвент сразу запутался в этих формальных трудностях и юридических тонкостях.

«Подлежит ли Людовик XVI суду за преступления, которые, как ему вменяют в вину, он совершил, будучи конституционным монархом? Кем он должен быть судим? Предстанет ли он перед обыкновенным судом, как всякий другой гражданин. обвиненный в государственном преступлении? Передадите ли вы право судить его трибуналу, образованному избирательными собраниями 83 департаментов? Не более ли естественно, чтобы Национальный Конвент сам судил короля? Необходимо ли и следует ли передать приговор на утверждение всеми членами Республики, объединившимися в собраниях коммун или в первичных собраниях?» Вот вопросы, которые ставит Майль в начале своего предварительного доклада 7 ноября и которые Законодательный комитет «рассматривал долго и глубоко»[5].

ВОПРОС О НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ

Сказать правду, это долгое обсуждение было довольно пустым. Как решить в данный момент вопрос о неприкосновенности короля? Конституция, несомненно, провозгласила особу короля неприкосновенной [6] и возлагала ответственность на одних только министров. Или же, в случае совершения определенных действий, она устанавливала, что «король считался отрекшимся», и провозглашала его низложение. Но вся эта конституционная процедура предполагает, что сами основы конституции не подорваны. Если проступки короля, если даже его измена не подвергают нацию и свободу смертельной опасности, если королевская власть может пережить короля. тогда именно в силу конституции король должен быть судим, поскольку конституция остается в силе. Но если король путем длительных заговорщических действий подорвал саму конституцию, если он, вступив в сговор с иностранными державами, взявшимися за оружие, чтобы ее уничтожить, нанес ей почти смертельный удар, если справедливый гнев, вызванный его преступлением, побудил отчаявшийся и утративший доверие народ к новой революции, то как применить к королю конституцию, от которой по его вине больше ничего не осталось?

Действительно, после 10 августа Франция была уже не конституционным, а революционным государством. Временное отрешение короля от власти и его заключение в Тампль были актами революционными [7]. Сам Конвент был революционным собранием, так как он не был созван в силу Конституции 1791 г., а получил от народа неограниченные полномочия как воплощение Революции. Следовательно, Конвент должен был судить именно как революционное собрание, и спорить об этом было довольно странно.

Конвент явно был единственным революционным трибуналом, правомочным судить короля. Передать судебное решение жюри, составленному из присяжных, по два от каждого департамента, которых выбрали бы избирательные собрания, было бы опасным ребячеством. Это была бы пародия на обычные формы правосудия, так как такое жюри не смогло бы — в вопросе, где сама жизнь нации была под угрозой,— не поддаться влиянию возбужденного общественного мнения и указаниям, повелительным советам самого Конвента. Этот акт суда был, по существу, актом верховной власти, суверенитета, так как от него зависела сама судьба свободы и отечества. Следовательно, суверен, т. е. сама нация,

---

3. В действительности Конвент не был созван для суда над королем. Статья первая декрета от 10 августа 1792 г. гласила: «Французский народ призывается к образованию Национального Конвента». Статья вторая уточняла, что «глава исполнительной власти временно отрешается от своих функций до тех пор, пока Национальный Конвент не решит, какие меры надлежит принять для обеспечения верховной власти народа и царства свободы и равенства».
4. См. Ж. Жорес. Цит соч., т. III, с. 220, «Уничтожение монархии. Значение республики».
5. B.N., 8° Le[33] 3 K 10, imp. in-8°, 39 p. Майль (1754—1834) — законовед из Тулузы, генеральный прокурор-синдик департамента Верхняя Гаронна в 1790 г., депутат Законодательного собрания, затем Конвента.
6. «Личность короля неприкосновенна и священна», согласно Конституции 1791 г. (статья 2, раздел I, глава II).
7. Декрет о временном отрешении короля от власти от 10 августа 1792 г. Декрет о переводе короля в Тампль от 13 августа 1792 г.

представленная в Конвенте, и должен был судить короля. Конституции больше не существовало, так как Конституция 1791 г. была упразднена, а новая еще не разработана.

В течение этого промежутка времени между конституциями оставалась только одна власть — власть нации; вернее, все виды власти возвращались к нации, их источнику. Именно потому, что Конвент был наделен не чисто судебными полномочиями, а политическим мандатом, мандатом всеобъемлющим, он и должен был судить короля, ибо невозможно было отделить судебное решение по делу Людовика XVI от общего решения, касающегося политического и социального положения Франции. Отделить от всеобъемлющей политической власти, какую осуществлял Конвент, судебный процесс короля, от которого зависела вся политическая жизнь нации, означало бы расчленить суверенитет и расколоть его смертельным ударом, противопоставив себе самому. И пусть не говорят, что нация была одновременно и судьей, и стороной и что это противоречит всякому правосудию. Когда король изменил нации, то где найти среди этой нации гражанина, который не был бы одновременно и судьей, и стороной?[8]

Не придется ли в таком случае, писал один из членов Конвента, поискать судей на другой планете?

Было бы странным отказать нации в ее праве судить из-за самой безмерности преступления, которое, оскорбляя совесть и жизнь каждого гражданина, лишает весь народ и каждого человека в отдельности обычной беспристрастности судьи. В этом смысле не только Конвенту, но нации в целом де Сез мог бы сказать [9]: «Я ищу в вас судей, а нахожу только обвинителей». Но эти слова ужасны лишь для Людовика XVI, который, предавая весь народ, заставил весь народ быть одновременно и обвинителем, и судьей.

ДОВОД МОНТАНЬЯРОВ. СЕН-ЖЮСТ

Но теперь не было ли бы более смелым нанести удар и не судить? Именно это — любопытное совпадение — одновременно говорят Кант и Робеспьер. Кант полагает, что Революция была вправе, например, 10 августа нанести королю удар, как его наносят врагу в сражении, но притязать на то, чтобы судить его, подменяя старое право новым, было смехотворно [10].

«А я,— воскликнул Сен-Жюст в своей речи 13 ноября [11],— утверждаю, что король должен быть судим как враг, что мы должны не столько судить его, сколько поразить его. Скажу больше: конституция, принятая королем, не обязывала граждан; даже до его преступления они имели право отрешить его от власти и изгнать. Судить короля как гражданина — да эти слова поразят потомков с холодным умом! Судить — значит применить закон. Закон — это правовые отношения. Но какие же правовые отношения существуют между человечеством и королем? Процесс должен быть начат против короля не за преступления его правления, но за преступление быть королем, ибо ничто в мире не может узаконить эту узурпацию, и, какими бы иллюзиями, какими бы соглашениями ни прикрывалась королевская власть, она — извечное преступление, против которого каждый человек вправе восстать и вооружиться, она — одно из тех посягательств, оправдать которые было бы не в силах даже ослепление всего народа... Нельзя царствовать, не будучи виновным; нелепость этого слишком очевидна. Каждый король — мятежник и узурпатор» [12].

Это софизм. Ибо если Сен-Жюст не будет отвлекаться от истории, то он вынужден будет признать, что установление королевской власти не было делом нескольких дерзких смельчаков, оно отвечало исторической необходимости, и все, что можно было сказать в 1792 г.,— это что указанной необходимости наступил конец и теперь нации могут сами управлять собой. И тогда возникает вопрос: по какому праву можно требовать от человека, бывшего королем, расплаты за длительную неизбежность, в которой он повинен не более, чем другие люди? Или же если Сен-Жюст отвлекается от истории, если он переносит настоящее в прошлое, если он верит и говорит, что в минувшие века люди могли бы в любой момент сбросить с себя ярмо королевской власти, так, как они сбрасывают его ныне, то тогда преступно все человечество

8. Вопрос о неприкосновенности короля: Жорес отмечает здесь противоположность между фиксированной законом концепцией об ответственности короля и народной концепцией суверенитета. Народ путем восстания возвращает себе осуществление своих прав, сосредоточивает в своих руках все виды власти. Проявив таким образом свое всемогущество суверена, народ, сложив оружие, снова передает осуществление своего суверенитета доверенным лицам, вновь облеченным его доверием. Законодательное собрание, склонившись перед восстанием и «прибегнув к суверенитету народа», тогда же, 10 августа, временно отрешило главу исполнительной власти и созвало Национальный Конвент. Поскольку суверен доверил ему осуществление своей верховной власти, новое собрание могло обладать только неограниченными полномочиями, в том числе и правом судить короля.
9. Де Сез (1748—1828) — один из защитников Людовика XVI. См. ниже, с. 37, прим. 26.
10. K a n t. Ecrits politiques. Introduction et notes par A. Aulard. Paris, 1917, p. 123.
11. «Moniteur», XIV, 466; «Archives parlementaires», LIII, 390. Сен-Жюст (1767—1794) был представителем департамента Эна.
12. Речь Сен-Жюста произвела глубокое впечатление. Молодость оратора и сила его логики поразили даже Жиронду. В этой речи, писал Бриссо в «Патриот франсэ», «есть яркие моменты и талант, могущий составить честь Франции». Мишле писал: «Неистовая резкость идеи, классическая форма ораторского искусства, внушительная твердость — все увлекло трибуны. Они почувствовали руку мастера и вздрогнули от радости». Сен-Жюст обладал «этой властью задать тон всему процессу». (J. M i c h e l e t. Histoire de la Révolution française. Livre IX, chap. V, édition G. Walter, II, 237.)

в целом и народы должны сами покарать себя за свое долгое и трусливое рабство так же, как они должны покарать королей за их долгое и надменное владычество.

Напрасно ссылается Сен-Жюст на то, что ослепление народов не оправдывает узурпации королей; оно не оправдывает и мерзкого раболепства народов. И еще — почему следует обрушивать на голову одного Людовика XVI кару, которая должна поразить униженное чело народов так же, как и гордое чело королей? Итак, говорить, что Людовик XVI должен понести кару не за преступления, совершенные им при исполнении своих обязанностей короля, но единственно за то, что он был королем,— значит проявлять чрезмерную суровость к одному человеку и чрезмерную снисходительность к человечеству, бывшему его соучастником.

В то жевремя неверно, что между королем Людовиком и французским народом не было никаких правовых отношений, которые позволили бы судить короля. После Революции 1789 г. между исторической традицией и новым правом, между институтом королевской власти и народным суверенитетом существовало соглашение. Это соглашение могло бы продолжать существовать, будь королевская власть честна и верна своему слову. Именно конституция и была тем «правовым отношением» между королем и нацией, которое отрицает Сен-Жюст. И даже когда конституция была низвергнута, нация сохранила право потребовать от Людовика XVI отчета в изменах, которые свели к нулю договор между королевской властью и народом. Ниспровержение конституции, которую король предавал, не оправдывало его измены. И за эту измену нация и была вправе его судить.

МНЕНИЕ РОБЕСПЬЕРА

В своей речи от 3 декабря [13] Робеспьер приходит к такому же заключению, как и Сен-Жюст, но из других соображений. Как и тот, он хочет, чтобы суда не было и чтобы король был казнен без судебного процесса — как враг.

Но Робеспьер приводит как довод не его королевское достоинство, а преступления, совершенные им против нации: «Народы судят не как судебные палаты, не приговоры выносят они. Они мечут молнии, они не осуждают королей, они вновь повергают их в небытие».

Между Людовиком XVI и Революцией шла борьба. 10 августа было первым ударом; смерть короля будет вторым. 10 августа народ не собирался выносить приговор; он нанес удар, чтобы защититься. Теперь он нанесет решающий удар, чтобы навсегда избавиться от тирана. Чтобы здравствовало отечество, тиран должен умереть. Судить Людовика XVI — это значит предположить,

что он может быть невиновен: а если Людовик XVI невиновен, то Франция мятежна, а Революция — преступление [14] .. Поэтому: никакого судебного процесса, никакого обвинительного акта, ни адвоката, ни суда, ни новых проволочек, но принять меры общественного спасения.

Сильная сторона положения, высказанного Робеспьером, состоит в том, что там, где приговор наперед продиктован судье, какова бы ни была защита обвиняемого, судебного процесса как такового нет. После 10 августа у Конвента не было возможности провозгласить Людовика XVI невиновным, не развязав контрреволюции. Было смело и в известном смысле благородно провозгласить эту жизненную необходимость для Революции и не осложнять акта спасения свободы и отечества судебными формальностями [15].

Но это была чересчур смелая мысль для колеблющегося, охваченного смятением сознания Франции. У нее не хватало отваги нанести такой удар без суда. Она не хотела сама лишать себя выгодного положения в связи с преступлениями Людовика XVI; она желала, чтобы эти преступления были доказаны перед лицом нации и всего мира с соблюдением основных форм правосудия, в ходе публичного судебного разбирательства, когда обвиняемый мог бы заставить себя выслушать. Быть может, высокомерно предложенная Сен-Жюстом и Робеспьером упрощенная процедура была бы возможна еще на другой день после 10 августа, тогда декрет о смертной казни Людовика XVI, принятый без суда, явился как бы следствием битвы. В декабре было уже поздно; Робеспьер сам констатировал перемену в настроениях: «В августе этого года все сторонники королевской власти скрывались; всякий, кто вздумал бы защищать Людовика XVI, был бы наказан как предатель. Сегодня они дерзко и безнаказанно поднимают голову...» И Робеспьер заключает: «Поторопитесь, не теряйте больше времени на соблюдение лицемерных и трусливых формальностей».

---

13. «Archives parlementaires», LIV, 74. Робеспьер уже высказал свою точку зрения на процесс короля в № 5 своих «Lettres à ses commettants», появившемся в середине ноября: «О том, как быть с Людовиком XVI». [Robespierre. Œuvres complètes, t. V, p. 56. (См.: М. Робеспьер. Избранные произведения. Т. II. М., 1965, с. 74 и сл.)]
14. «Неужели вам нужна была революция без революции?»— спросил Робеспьер, отвечая Луве 4 ноября 1792 г.
15. Влияние Робеспьера не было столь сильным, чтобы оно могло заставить Конвент объявить Людовика XVI предателем и преступником, не прибегая к судебной процедуре. Петион выступил против его заключения, настаивая на необходимости судебного процесса. После бурного обсуждения Конвент постановил 3 декабря 1792 г.: «Людовика XVI будет судить Национальный Конвент». («Moniteur», XVI, 651.)

МНЕНИЕ МАРАТА

Но, вне всяких сомнений, теперь уже невозможно было предпринять столь упрощенную процедуру, не задевая чувств общественного мнения. В своей «Истории Робеспьера» Эрнест Амель пишет по этому поводу [16]:

«Верно ли, что в этот момент Марат, наклонившись к Дюбуа-Крансе, сказал ему: «Подобными доктринами Республике причинят больше зла, чем все тираны мира, вместе взятые»? По крайней мере это утверждает один весьма добросовестный историк [Вильоме [17]]; но мы не верим ни одному слову из этого по трем причинам: прежде всего, потому, что такие сомнения нам кажутся, по существу, противоречащими духу и привычкам Марата; во-вторых, потому, что Дюбуа-Крансе — личность весьма сомнительная — не заслуживает никакого доверия [18]; наконец, потому, что нам не было дано ни малейших доказательств подлинности подобного утверждения».

Амеля, по-видимому, смутила мысль, что Марат мог находить Робеспьера склонным к крайностям и неблагоразумным. Он создает себе ложное представление о Марате. Последний порой был очень осмотрительным, очень осторожным, внимательным к тому, чтобы не слишком возбуждать силы контрреволюции. Как раз в декабре месяце он порицает Камбона за то, что тот своим предложением о бюджете культов вызвал возмущение конституционных священников, и приводит письма некоторых из них [19].

Что касается самого суда над Людовиком XVI, то он, несомненно, осуждает метод Сен-Жюста и Робеспьера. Мы знаем, что он очень высоко ценил Робеспьера; это был единственный человек, на которого он никогда не нападал. В то же время его поразили первые речи Сен-Жюста. Он очень тонко анализирует его ораторскую манеру.

«Единственный оратор,— пишет он 1 декабря,— доставивший мне некоторое удовольствие на трибуне,— это Сен-Жюст. Его речь о продовольствии свидетельствует о хорошем слоге, диалектике, дальновидности. Когда он станет зрелым благодаря размышлениям и откажется от мишуры, он сделается мужем; это — мыслитель» [20].

Но по рассматриваемому вопросу Марат не согласен с Сен-Жюстом и Робеспьером. Он пишет, что не одобряет речи Сен-Жюста о Людовике XVI. И действительно, Марат держится твердого мнения, что Людовика XVI следует судить с соблюдением всех формальностей. Он опасается, что если о наиболее явных преступлениях короля не напомнить стране в ходе торжественного процесса, то смертный приговор натолкнется на препятствия. Он высказывает свое мнение [21]:

«Ваш Законодательный комитет показал на основании доводов, почерпнутых из естественного права, международного права, гражданского права, что Людовик Капет должен быть судим. *Такой образ действий был необходим для просвещения народа потому, что нужно убедить различными путями, соответствующими степени развития умов, всех жителей Республики*».

Итак, ясно, что упрощенная процедура, предложенная Робеспьером, не кажется ему способной убеждать; она не «соответствует степени развития умов». И так как Марат представил Конвенту свое мнение в письменном виде 3 декабря, в тот самый день, когда говорил Робеспьер, то весьма вероятно, что он отметил некоторое раздражение, с которым последний выражал свою точку зрения. Непримиримые и резкие положения, высказанные Робеспьером, могли, по контрасту, придать мнению Марата видимость умеренности. Если бы Амель не был всецело поглощен и зачарован любованием Робеспьером, если бы он обратился к написанному Маратом, то он нашел бы вполне правдоподобными слова, какие приписывает ему Дюбуа-Крансе. Марат настаивает на своей идее: Людовик XVI должен быть *судим торжественно* и сурово. И в номере газеты от 13 декабря он, несмотря на свои старания поскорее достичь цели, сетует на неразумное нетерпение, рискующее лишить суд Конвента части его авторитета [22]:

«С чувством скорби увидел я, как члены этого Собрания, патриоты, очертя голову устремляются в ловушку, которую им расставляют; как они не понимают, что их стараются направить по пути ложных мер, побуждая их судить Людовика Капета поспешно! Я призываю их поразмыслить. С величайшим спокойствием и мудростью должны они решить судьбу бывшего монарха — и не

---

16. E. Hamel. Histoire de Robespierre. T. II, «Les Girondins». Paris, 1866, p. 562.
17. Villiaumé (1818—1877). Histoire de la Révolution française. 1850, t. II, p. 340. Этот труд представляет собой панегирик политике монтаньяров.
18. Дюбуа-Крансе Эдмон Луи (1747—1814) — депутат Генеральных штатов от третьего сословия бальяжа Витри-ле-Франсуа, представитель департамента Арденны в Конвенте.
19. 13 ноября 1792 г. Камбон заявил в Конгенте, что бюджет культов должен быть упразднен. См.: Ж. Жорес. Цит. соч., т. III, с. 289, «Вопрос о бюджете культов». Марат назвал проект «неблагоразумным» в своем «Journal de la République française», № 64, 3 décembre 1792.
20. «Journal de la République française», № 62, 1er décembre 1792. О речи Сен-Жюста о продовольствии см.: Ж. Жорес. Цит. соч., т. III, с. 429.
21. «Archives parlementaires», LIV, 246 (annexe à la séance de la Convention du 3 décembre 1792). *Это мнение было полностью опубликовано* в «Journal de la République française», № 65, 4 décembre 1792. (См.: Ж.-П. Марат. Избранные произведения. Т. III. М., 1956, с. 186 и сл.)
22. «Journal de la République française», № 72, 13 décembre 1792. Марат озабочен просвещением масс; нужно повышать их политическую зрелость, разъясняя им преступления, совершенные королем.

столько ради сохранения своей чести, сколько для того, чтобы лишить его пособников предлога клеветать на них, обвиняя их в том, что они убили короля мечом законов».

Марат, очевидно, имеет здесь в виду заседание 12 декабря, когда некоторые члены крайне левой предложили предоставить Людовику XVI для изучения обвинительных документов и представления или обеспечения своей защиты всего четырехдневный срок. Марат был столь озабочен необходимостью считаться с общественным мнением— я сказал бы даже, с общественным мнением средних слоев,— что был момент, когда его обвинили в равнодушии и ему пришлось дать объяснения в своей газете [23]:

«Восстановив Людовика Капета на троне после его бегства к врагу [24], *представители нации простили ему все его прежние преступления. Таким образом, если следует начать против него судебный процесс в соответствии с Конституцией — хотя бы для того, чтобы заставить замолчать его клевретов,— то, по моему мнению, главные пункты обвинения следует ограничить деяниями, совершенными после этого времени. Из этого столь простого замечания друзья сделали вывод, что я предоставляю тирану благоприятную возможность, враги — что я сжалился над его судьбой; последние усмотрели в этом тайну, первые — отвратительное легкомыслие.*

...Впрочем, если только Конвент обнаружит, что защитники Людовика Капета злоупотребляют юридическими формами, допущенными Конвентом *не для спасения тирана, но для того, чтобы сделать очевидными его преступления и доказать всему миру, что Конвент, приговорив его, не приговаривает к смерти невиновного*, то Конвент всегда властен отвергнуть этот порочный образ действий, расправиться с монархом-заговорщиком и рассматривать его как врага общества, схваченного с оружием в руках».

Итак, Марат присоединится к точке зрения Робеспьера и Сен-Жюста только в том случае, если другой метод, суд с соблюдением всех юридических формальностей, вызовет затруднения и не разрешит кризиса. Но, в сущности, его концепция прямо противоположна их концепции. Весьма далекий от того, чтобы видеть в короле лишь его королевское достоинство, и даже от того, чтобы рассматривать его так, словно вся нация видит в нем лишь врага, Марат хочет судить его за его преступления в соответствии с конституцией. Он прощает ему его преступления, совершенные до бегства в Варенн, так как общественное мнение могло воспринять как амнистию его восстановление на троне. Повторяю, удивительно, что Амель ошибся в оценке этой тактики Марата.

Но — и это я хочу подчеркнуть — мнение Сен-Жюста и Робеспьера было единичным; почти всему Конвенту оно показалось парадоксом, и оно, конечно, не представляло собой затруднения, способного приостановить или замедлить судебный процесс. Если бы с первых же дней Конвент оказался перед этой проблемой, то

он, конечно, решил бы — в конце сентября или в начале октября,— что Людовика надлежит судить, что его должен судить Конвент и что ему должно быть полностью гарантировано соблюдение всех юридических форм.

ТАКТИКА ЖИРОНДЫ

Но жирондисты, в эти первые месяцы главенствовавшие в Конвенте, по-видимому, затягивали дело. Жиронда, казалось, была поражена своего рода параличом воли. Она, разумеется, не ставила себе твердой цели спасти Людовика XVI и в это время отнюдь не думала щадить контрреволюцию и потворствовать ей [25]. Но она не смела нанести решающий удар и старалась выиграть время. Приняв министерские посты из рук Людовика XVI, Жиронда сыграла роль посредника и уже не смогла избавиться от этой роли. До 10 августа она вела переговоры, виляла, и у нее было смутное ощущение, что если она развяжет события, то руководить ими будут другие. Смерть короля должна была взбудоражить все силы мира, и при этом возобладали бы самые грубые и наиболее прямые силы.

Что осталось бы от искусных политических комбинаций, что осталось бы от самого красноречия, когда бы все проблемы разрешал нож гильотины. Отныне требовалось проявить волю, ясную и острую, как этот нож; и перед этой машиной смерти, символом простой, величественной и прямой политики, сложный и неуверенный дух Жиронды наполовину отступал [26].

И затем, возможно, первые нанесенные жизнью раны вызвали у жирондистов своего рода грустное сострадание. Они, конечно, совсем не боялись за себя, они обладали большим мужеством; к тому же если их престиж и начал падать, то их могущество еще не было уничтожено и их жизни ничто не угрожало! Но они стра-

---

23. 12 декабря 1792 г. возник вопрос о подлинности записей и пометок на полях, сделанных рукой Людовика XVI на документах, захваченных в Тюильри. Некоторые представители потребовали экспертизы. Камиль Демулен заметил, что если поручить проверку эксперту, то процесс затянется до бесконечности. Проверка экспертом была отвергнута. Было только решено предъявить королю документы, которые еще не были показаны ему. («Moniteur», XIV, 736, 753; «Archives parlementaires», LV, 18. См.: «Journal de la République française», № 77, 18 décembre 1792, «Les réponses aux marchands de parole de Louis Capet».)
24. Намек на бегство в Варенн 21 июня 1791 г.
25. «Я в этом менее убежден, чем Жорес. См. мою статью в «Annales révolutionnaires» за май—июнь 1923 г.». [*Примечание А. Матьеза.*]
26. «С сентября месяца все руководители Жиронды, от Бриссо и до Бюзо, требовали казни монтаньяров». [*Примечание А. Матьеза.*]

дали, они испытывали на себе суровые превратности общественного мнения; был даже момент, во время сентябрьских событий — Робеспьер тогда изобличил Бриссо и его друзей перед лицом Коммуны [27], и уже был приготовлен мандат на арест Ролана,— когда они увидели блеск занесенного над ними топора. Как бренны дела человеческие! Как недолговечна популярность! Как полна случайностей жизнь!

Так порой при скрытых и быстротечных приступах меланхолии трагическая тайна их судьбы сближалась с трагической тайной судьбы короля: на пороге небытия их мысль витала вокруг упраздненной королевской власти и вокруг короля, которому угрожала опасность. И подобно теням, соприкасающимся краями, судьба Жиронды иногда казалась близкой судьбе короля. Были ли жирондисты уверены в том, что, нанося удар, они не наносят его себе? Они готовились подать смерти двусмысленный сигнал, который она могла истолковать широко. Они испытывали и некоторые угрызения совести. Я представляю себе, что Бриссо, который был добр и человечен, с душевной болью узнал, что Делессар был убит в Орлеане. Ведь это он отправил его в Верховный суд; ведь это он, на основании весьма неубедительных данных, желая ускорить объявление войны, добился принятия декрета о предании его суду по обвинению в измене. Был ли он действительно изменником? Эта кровавая тень, несомненно, должна была преследовать Бриссо [28].

Впрочем, Жиронда, используя против Робеспьера и Дантона сентябрьские избиения, сама взяла на себя роль поборницы человечности и милосердия. Она была связана своим собственным образом действий. Вынужденная изображать своих противников кровожадными анархистами, она поневоле должна была проявлять отвращение к любому смертному приговору. Когда однажды в Конвенте Жан Бон Сент-Андре воззвал к погибшим 10 августа, чтобы ускорить суд над королем [29], Бриссо написал: «Вот тени, превращенные в палачей!»

Наконец, возможно, что в октябре и ноябре Жиронда рассчитывала разрешить все затруднения благодаря ослепительным победам. Вальми, Жемапп, Шамбери, Шпейер, Франкфурт, Бельгия, Савойя, Германия... Кто знает, не попросит ли мира устрашенная и потрясенная Европа? Разумно ли затруднять переговоры, бросив королям голову короля? И не прибавит ли победоносной свободе славы помилование короля — предателя и клявопреступника? Это сотрет в глазах всего мира кровавое пятно, оставленное на челе Республики сентябрьскими событиями. Это будет началом эры умиротворения и человечности; и победа Жиронды будет полной: это будет победа над контрреволюцией и над старым миром, победа над «сеющим смерть анархизмом» и варварством.

Вот мысли, волновавшие умы жирондистов. Но Жиронда не облекала их в форму смелой и ясной политики. От милосердия к королю зависел мир с державами. И Бриссо то предчувствовал опасность всеобщей войны, то предавался неблагоразумным излияниям в духе распространения революционной пропаганды на весь мир. Амнистия для короля предполагала и амнистию для революционеров. Было бы чудовищно пощадить изменника и нанести удар тем, кого его измена довела до исступления убийств.

Итак, Жиронда беспрестанно обвиняла и угрожала участникам сентябрьских избиений, т. е.— при том состоянии смятения, в каком пребывали в те дни ответственные власти,— всему народу Парижа. Срывая покров, который она сперва согласилась набросить на сентябрьские события, Жиронда делала для нации невозможным набросить покров презрительного милосердия на преступления короля. Итак, в политике Жиронды были одни только противоречия и мрак. И она, словно не зная, чего она хочет, была, несмотря на свою внешнюю активность, всего лишь инертной силой, воплощением неподвижности и отсрочек [30].

Марат отмечает, что руководители жирондистов воздержались от участия в прениях о неприкосновенности короля [31].

«Вспомните,— пишет он 6 декабря,— план главарей роландистской клики (план, который я не так давно разоблачил) ничего не говорить с трибуны о неприкосновенности Людовика Капета, чтобы ничем не выдать своего роялизма, но заставить выступать в его защиту мелких подпевал, которым они должны были рукоплескать изо всех сил, чтобы вызвать рукоплескания подкупленных зрителей. Этот план уже осуществляется. Мы не слышали выступления с трибуны ни Гюаде, ни Жансонне, ни Лакруа, ни Бюзо, ни Бриссо, ни Ролана, ни Керсена, а только выступления их подпе-

27. См.: Ж. Жорес. Цит. соч., т. III, с. 78, «Робеспьер обличает Жиронду».
28. Делессар (1742—1792) — министр иностранных дел после ухода Монморена. Был противником объявления войны... Предстал перед Верховным судом и был убит 9 сентября 1792 г. в Версале во время перевозки заключенных из Орлеана в Париж. Делессар был обвинен в измене (10 марта 1792 г.) на основании разоблачений Бриссо. См.: Ж. Жорес. Цит. соч., т. II, с. 210, «Обвинение, выдвинутое против Делессара».
29. Жан Бон Сент-Андре (1749—1813) — капитан дальнего плавания, затем протестантский пастор, муниципальный чиновник в Монтобане в 1790 г., депутат Конвента от департамента Ло. См. его «Opinion sur cette question: Louis XVI peut-il être jugé?»; «Archives parlementaires», LIV, 202 (приложение к протоколу заседания 3 декабря 1792 г.).
30. Отметим также и то, чего Жорес не подчеркивает в достаточной степени,— социальную реакцию. Казнь короля и всеобщая война, которая за ней последовала бы, еще более ускорили бы развитие Революции: Жиронда предвидит народную власть, которой политика монтаньяров, по-видимому, пролагает путь.
31. «Journal de la République française», № 67, 6 décembre 1792.

вал — Мориссона, Валазе и Фоше, защищавших, как подлые придворные лакеи, дело тирана» [32].

Марат забывает, что Петион в своем выступлении резко высказался против принципа неприкосновенности [33]. Впрочем, жирондисты не могли поддержать этот принцип, и их план состоял вовсе не в том, чтобы Людовика XVI совсем не судили. Но действительно верно, что они не выступали решительно против короля; они хотели сделать возможным конечный акт милосердия.

Чтобы затянуть прения и ослабить силу гнева, угрожавшего Людовику XVI, они воспользовались главным образом двумя средствами. Сначала они попытались привлечь к участию в процессе весь народ, или по меньшей мере кое-кто из них попытался это сделать, ибо действия жирондистов были весьма различны и непоследовательны — оттого ли, что они были неспособны к дисциплине, оттого ли, что сама эта непоследовательность, умножая проекты, способствовала осуществлению их главной идеи — затянуть дело. Всякий раз, когда процесс, казалось, делал шаг вперед, Жиронда придумывала, как увести его в сторону.

3 декабря Конвент отклонил смелое предложение Робеспьера казнить Людовика XVI без суда:

«Людовик XVI, предатель нации, враг человечества, будет казнен на том самом месте, где 10 августа погибли защитники свободы».

Конвент принял формулу Петиона: «Национальный Конвент объявляет, что он будет судить Людовика XVI» [34].

Правовая сторона дела, казалось, была наконец решена. Но в тот же день один из жирондистов, Дюко, как бы желая открыть умам другой выход, предложил передать дело на рассмотрение народа [35]: «Первичные собрания будут созваны, и каждый гражданин будет вызван.

Он подойдет к столу, и председатель спросит его громко и внятно:

— Одобряете ли и утверждаете ли вы упразднение королевской власти и установление Республики во Франции?

Желаете ли вы, чтобы Людовик XVI мог быть судим?

Желаете ли вы, чтобы Людовика XVI судил Национальный Конвент без права апелляции или же специально назначенный трибунал, который с этой целью будет создан Национальным Конвентом?

Эти три вопроса будут заданы каждый в отдельности: спрошенный гражданин ответит на них тоже в отдельности, сказав «*да*» или «*нет*», и притом громко и внятно».

Когда я говорю, что Дюко хотел передать дело на рассмотрение народа, я не прав. Он передавал на его рассмотрение не само существо дела, а лишь предварительный вопрос, вопрос юрисдикции

и процедуры. Не стану останавливаться на обсуждении этого личного мнения, но ясно, что это значило отложить процесс на неопределенное время. И то, что человек, пользовавшийся расположением жирондистов, внес это вызывающее проволочку предложение, свидетельствует об умонастроении Жиронды.

В предложении Дюко появляется народ с его бесчисленными первичными собраниями. И если какой-нибудь жирондист и хочет облечь его властью инициативы, то почти вся Жиронда, несомненно, оставляет за собой возможность превратить его, если это понадобится, в апелляционную власть.

Но Бюзо прибег к иному отвлекающему маневру, более смелому и в то же время более коварному. 4 декабря он использовал как предлог слова нескольких петиционеров, чтобы неожиданно внести предложение к порядку дня, по-видимому, обдуманное заранее:

«Из слов предыдущего оратора я понял, что общественному мнению хотят внушить мысль, что члены этого Собрания желают восстановления королевской власти во Франции. И вот, для устранения всяческих подозрений, я предлагаю Конвенту декретировать, что всякий, кто предложит восстановить во Франции королей или королевскую власть, *как бы они ни именовались*, будет предан смертной казни». И в протоколе прибавлено: «*Во всех частях зала раздаются громкие аплодисменты. Почти все Собрание встает в знак своего согласия с предложением Бюзо*» [36].

Это было бы довольно хорошо разыграно, если б только в эти страшные дни, когда особенно требовались честность и решимость, самая искусная игра не оказывалась неловкой. Мы видим здесь обычную тактику Бюзо. Всячески стараясь раздавить крайне

---

32 Валазе (1751—1793) — депутат департамента Орн (B N , 8° Le[37] 2 G 1. imp. in-8°, 28 p); Мориссон (1751—1817) — депутат департамента Вандея (B.N., 8° Le[37] 2 G 9, imp in-8°, 19 p); Фоше (1744—1793) — депутат департамента Кальвадос (B.N , 8° Le[37] 2 G 16, imp in-8°, 15 p.)

33 Петион (1756—1794) — адвокат, депутат Генеральных штатов от третьего сословия бальяжа Шартр, депутат департамента Эр и Луар «Discours sur l'affaire du roi» [3 décembre 1792] (B N 8° Le[37] 2 G 79). Петион высказался против неприкосновенности короля 13 ноября 1792 г. («Moniteur», XIV, 464; «Archives parlementaires», LIII, 385.)

34 «Moniteur», XIV, 651, «Archives parlementaires», LIV, 78

35. Дюко (1765—1793) — сын негоцианта из Бордо, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Жиронда См его «Motifs. dans le jugement de Louis Bourbon ci-devant roi», «Archives parlementaires», LIV, 74

36. Бюзо (1760—1793) — депутат Конвента от департамента Эр, друг г жи Ролан у которои он перенял всю ее злобу и всю ее ненависть «Как бы они ни именовались»— намек одновременно на Филиппа Эгалите, бывшего герцога Орлеанского, и на Парижскую коммуну, обвиняемую в стремлении к диктатуре Предложение Бюзо внесло смущение в ряды Горы, в конце концов оно было принято. («Archives parlementaires», LIV, 349)

левую, он попытался предстать большим революционером, чем она сама. Так, в декрете от 15 декабря он усиливал меры против бельгийского дворянства [37].

Но, более того, у него было при этом много задних мыслей. Прежде всего, требуя покарать любое роялистское предложение, он тем самым придавал веру обвинениям в диктатуре, брошенным Жирондой Робеспьеру, Марату и Дантону. Зачем стал бы Конвент принимать постановление о смертной казни для всякого, кто предложил бы восстановить королевскую власть, если бы никто не думал о ее восстановлении? Этот декрет официально признавал наличие мятежных стремлений и притязаний и был направлен не против подлинных роялистов. Последние, если бы они заговорили, потребовали бы открыто восстановления королевской власти под ее истинным наименованием. Но, прибавляя слова «*как бы они ни именовались*», Бюзо метил в тех, кого Жиронда повседневно обвиняла в стремлении к диктатуре и триумвирату.

Он оправдывал этим неопределенную и выжидательную тактику Жиронды в вопросе о короле. Какой смысл имеет, в конце концов, обезглавливать бывшего короля, если целая партия думает о восстановлении королевской власти? И патриотов не может успокоить исчезновение одного человека. Кто знает даже, не замышляют ли те, кто так торопится казнить Людовика, возвести на трон другого человека, более популярного или менее скомпрометированного? Кто знает, не хотят ли они, избавляясь от прежнего короля, очистить место для королевской власти? Вот чудовищный намек, скрытый в предложении Бюзо; в сосредоточенном и злобном Бюзо гений клеветы был столь же велик, как в Робеспьере. Монтаньяр Мерлен из Тионвиля, попав в ловушку, имел глупость сказать [38]: «Я прошу, чтобы к предложению Бюзо прибавили следующие слова: «*если только это не произойдет в первичных собраниях*». Да, это глупость, и притом вдвойне, так как народ не вправе отказываться от своего суверенитета, и Мерлен поистине перестарался ради Бюзо. Можно догадаться, какую пользу сумел извлечь из этого Гюаде [39]. По его мнению, Мерлен только что дал ключ к пониманию всех действий крайне левой; они были направлены на возврат деспотизма. И вот вся партия Робеспьера, Дантона и Марата превращается в роялистскую партию. Восхитительная проделка! Теперь неотложным был не процесс короля, а процесс роялистов. Когда один из членов Конвента воскликнул: «Вынесем смертный приговор Людовику XVI», то Луве ответил ему [40]: «*Прежде всего* примем декрет о смертной казни для роялистов». Таким образом, право первыми взойти на эшафот Жиронда сохраняла за Маратом, Робеспьером и Дантоном; они имели бы преимущество перед Людовиком XVI. Инсинуация вырисовывается: они хотят погубить короля только для того, чтобы короновать другого Бурбона. А так как Конвент только что постановил, что «каждый день с 11 и до 6 часов он будет заниматься

делом короля, предпочтительно перед всеми другими, пока оно не будет закончено», то Жиронда добивается расширения этого постановления, и Конвент принимает дополнительное предложение: «Национальный Конвент будет обсуждать вопрос непрерывно и вынесет решение о семье Бурбонов».

Поистине после этих уловок жирондистов в точности не известно, какое дело будет слушаться: дело ли Людовика XVI или дело монтаньяров, обвиняемых в соучастии с герцогом Орлеанским, притязающим на королевскую власть. Но какое зловещее ребячество и какая прискорбная непоследовательность! [41]

Предположим на мгновение, что тактика Жиронды увенчалась бы успехом. Предположим, что Франция и Конвент пришли бы к убеждению, что крайне левая продалась королям. Тогда все усилия революционеров были бы направлены против Робеспьера и его партии, Людовик XVI был бы забыт в Тампле и процесс короля уступил бы место процессу демократов. Революция погибла бы, так как она сама уничтожила бы себя и пощадила короля. Таким образом, политика Жиронды не могла развиваться и дойти до своего логического конца, не убив Революции. Но у нее не было возможности дойти до конца. Было безумием надеяться на то, что вместо процесса короля состоится процесс Робеспьера и что нация действительно примет демократов из Конвента за роялистов. Жирондисты могли лишь извратить проблему, вызвать раздражение народа оттяжками и ожесточить своих противников. И как могли они отныне надеяться на политику милосердия к королю?

Для того чтобы после суда над королем Революция сохранила ему жизнь, надо было, чтобы все помирившиеся между собой партии смогли противопоставить подозрениям и взаимной ненависти благородное единодушие. А жирондисты, казалось, щадили голову короля только для того, чтобы пали головы их противников. Ожесточившийся Робеспьер изливал свое негодование в Якобинском клубе в речах, дышавших непримиримостью...

---

37. «Archives parlementaires», LV, 74
38. Мерлен из Тионвиля Антуан Кристоф (1762—1833) — депутат Законодательного собрания, затем Конвента от департамента Мозель. «Moniteur», XIV, 655; «Archives parlementaires», LV, 350.
39. Гюаде Маргерит Эли (1758—1794) — адвокат, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Жиронда. «Moniteur», XIV, 656.
40. Луве (1757—1818) — адвокат, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Сомма.
41. Это был не последний маневр Жиронды. См. далее, в связи с вопросом о Филиппе Эгалите, предложение Бюзо об изгнании Бурбонов (16—19 декабря 1792 г.), с. 35, прим. 21.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ИЗМЕНЫ КОРОЛЯ

Однако, несмотря на все эти интриги, процесс короля медленно двигался вперед. Был наконец готов акт, излагавший обвинения против короля. Он был основан на официальных документах короля с момента начала Революции и на документах, найденных в Тюильри [1].

К документам, найденным после 10 августа, прибавились бумаги, изъятые Роланом 20 ноября по доносу слесаря Гамена. Людовик XVI велел устроить в стене, за панелью, нишу, закрывавшуюся железной дверью, и в этом железном шкафу он прятал письма, мемуары и документы. Сделавший этот шкаф слесарь, мучаясь своей ужасной тайной, после трех месяцев колебаний и тревог решился все открыть министру внутренних дел. Ролан, изымая эти бумаги, совершил ужасную ошибку. С привычной своей заносчивостью и нетерпимостью ко всякому контролю, он действовал один. Он не привлек к участию в этом ни одного из членов Комиссии, которой было поручено разобрать и изучить бумаги, найденные ранее. Таким образом, он получал возможность устроить в Конвенте сенсацию. Но сразу же возникло ужасное подозрение, рассеять которое он сам лишил себя возможности [2].

Кто знает, не произвел ли он отбора среди этих бумаг? Кто знает, не изъял ли он бумаг, которые могли бы скомпрометировать его друзей? Прежде чем представить бумаги Конвенту, он их прочитал, поскольку сам неловко заявил, что «многие члены Учредительного и Законодательного собраний, по-видимому, скомпрометированы ими». Значит, он мог сделать выборку из бумаг. Тщеславный и тупой бюрократ мог противопоставить этим ужасным подозрениям лишь ссылку на «свою добродетель». По правде говоря,

можно с уверенностью сказать, что он не утаил ни одного документа. Но какая оплошность со стороны этого неумолимого и мрачного критика и как пора было, чтобы он исчез! Мадам Ролан признает совершенную им ошибку:

«Он вел себя как честный и безупречный человек; он действовал не как политик, который все предвидит и щадит самолюбия. В этом деле Ролан, по существу, не совершил ничего предосудительного, но налицо промах в поведении и неосмотрительность» [3].

В сущности, бумаги из железного шкафа мало что прибавляют к обвинениям, тяготевшим над Людовиком XVI. Его величайшее преступление — это измена Революции и Франции, нарушение честного слова, которое он много раз давал нации, а оно было достаточно доказано всем поведением Людовика XVI начиная с 1789 г.

«Людовик, французский народ обвиняет вас в совершении множества преступлений ради установления своей тирании путем уничтожения свободы» [4].

И в соответствии с этим обвинительный акт от 17 июня напоминал о действиях королевских войск 14 июля, о бегстве в Варенн, об избиении народа 10 августа.

Из бумаг же, найденных в Тюильри, явствовало, что в счет сумм цивильного листа Людовик XVI пытался подкупать деятелей Революции. Все, что примешивалось прискорбно продажного к политике Мирабо, этого «великого человека, чье имя более нельзя произносить», как сказал тогда один из членов Конвента, стало явным, и Революция вменяла Людовику XVI в преступление все измены и неудачи, виновником которых он был.

Наиболее важным документом (или казавшимся таким некоторое время) был список пенсий, которые Людовик XVI продолжал выплачивать своим распущенным телохранителям, даже эмигрировавшим солдатам. Это было явное сообщничество с эмигрантами. Но защитник Людовика XVI сумел установить, что эти щедроты прекратились, когда король узнал, что их получатели действи-

---

1. Комиссия двадцати одного, которая была создана 6 декабря 1792 г. и которой было поручено составление обвинительного акта о преступлениях Капета, получила материалы из шести разных источников:
   — материалы Комиссии, которой было доверено изучение документов, захваченных в Тюильри;
   — материалы Трибунала, созданного 17 августа;
   — материалы, найденные в потайном железном шкафу;
   — материалы Комиссии двенадцати, учрежденной 20 ноября 1792 г.;
   — материалы Комитета общественной безопасности;
   — материалы из Национального архива.
2. Ролан сообщил Конвенту о вскрытом им железном шкафе и о найденных в нем «многих папках, содержащих бумаги», тогда же, 20 ноября 1792 г. («Moniteur», XIV, 531; «Archives parlementaires», LIII, 493.)
3. Mme Roland. Mémoires. Edition Cl. Perroud. Paris, 1905, t. II, p. 297.
4. B.N., 8° Le[38], 63, imp. in-8°, 23 p.

тельно эмигрировали [5]. К тому же Людовик XVI использовал оплошность Ролана: он сказал, что ему не позволили присутствовать при изъятии и разборе документов и что, быть может, исчезли именно те, которые позволили бы ему ответить на обвинения.

Монтаньяры, ненавидевшие Ролана и уверенные в том, что они уличат Людовика XVI с помощью других обвинений, отнеслись довольно благосклонно к такому способу защиты: они делали вид, что не придают большого значения этим бумагам, доказательную силу которых Ролан, по их мнению, ослабил. Впрочем, революционеры вообще создали себе неверное представление об отношениях между Людовиком XVI и его братьями и эмигрантами. Они приписывали королю план контрреволюции, систему сопротивления и предательства, гораздо более последовательную и связную, чем это было в действительности. Они не знали, как знаем мы это в настоящее время из переписки королевы с Ферзеном [6], до какой степени и как часто эмигранты докучали Людовику XVI и Марии Антуанетте и как они опасались эмигрантов. Сообщничество короля с иностранными державами было явным, вернее, многочисленные признаки делали его ощутимым для Революции; но доказательства отсутствовали. В бумагах, найденных в Тюильри, не было ничего такого, что было бы равносильно страшным уликам, содержавшимся в переписке Ферзена. Если бы эта переписка была захвачена, то Революция сразу должна была бы начать процесс по обвинению в измене против королевы, равно как и против короля; и королю, вне всякого сомнения, был бы немедленно вынесен приговор. Тут опять-таки обвинение, плохо подкрепленное неполными документами, действовало, можно сказать, ощупью. Революционеры не представляли себе вполне ясно отношений между королем и иностранными государями. Они и не подозревали о противодействии, какое германские императоры оказывали просьбам короля и королевы об интервенции. Они неверно истолковывали Пильницкую декларацию, в действительности бывшую тонкой уловкой, чтобы уклониться от выполнения настоятельных просьб французского двора [7]. Марат даже доходил до предположения, что из бумаг, найденных в Тюильри, был изъят экземпляр Пильницкой декларации с подписью Людовика XVI. В этом вопросе обвинительный акт только в одном был прав, упрекая Людовика XVI в том, что он не сообщил о Пильницкой декларации сразу, как только узнал о ней. Но и здесь доказательства отсутствовали. Людовик XVI ответил, что он сообщил о декларации немедленно. Это была ложь, так как из переписки с Ферзеном следует, что король держал ее в руках уже в сентябре 1791 г. Но противопоставить его утверждению убедительное доказательство не было возможности. Итак, бумаги из Тюильри принесли революционерам разочарование, а так как они уже столкнулись с юридическими затруднениями, так как многим французам казалось, что трудно требовать от Людовика XVI отчета в его действиях, предшествовавших принятию конституции в сентябре 1791 г. и сопутствовавшей ей всеобщей амнистии, то в обвинении появилась некоторая нерешительность. Именно этому впечатлению поддался Марат, когда он потребовал, чтобы, оставив в стороне все, на что распространялась амнистия, и все спорное, обвинение сосредоточили на событиях 10 августа. День этот, по его мнению, был днем избиения народа в результате коварства короля, и этого должно быть достаточно. Здесь не о чем было спорить, невозможно было никакое адвокатское крючкотворство, и приговор можно было вынести в один день [8].

Предложение Марата было ребяческим: невозможно было выделить таким образом события 10 августа. Вменить королю в вину его действия в этот день можно было только потому, что он на протяжении ряда лет тайно изменял Революции. Будь он действительно честным конституционным монархом, будь он верен своей присяге, свободе и нации, восстание народа было бы преступным возмущением, мятежным актом; король, защищаясь, защищал бы саму конституцию и волю нации, и за несчастья, случившиеся во время борьбы, был бы в ответе только народ, штурмовавший дворец. Произвольный и неосуществимый способ, придуманный Маратом, свидетельствует о беспокойстве и колебаниях, охвативших умы французов [9].

---

5. См. по этому поводу противоположное мнение в книге: E. S e l i g m a n. La justice en France sous la Révolution, t. II. [*Примечание А. Матьеза.*] Об утверждении де Сеза см.: «Archives parlementaires», LV, 627.
6. Эта переписка, широко использованная Жоресом, была опубликована в: «Le comte de Fersen et la Cour de France...» par R. M. de Klinckowstrom. Paris, 1878, 2 vol.
7. См.: Ж. Ж о р е с. Цит. соч., т. I, кн. II, с. 361, «Пильницкая декларация». О сопротивлении императора требованиям интервенции см., например, мемуар императора от 31 января 1792 г. (Там же, т. II, с. 191.)
8. См. по этому поводу: «Journal de la République française», numéros des 4 et 5 décembre 1792 («Opinion de Marat... sur le jugement de l'ex-monarque»).
9. Жорес лишь мельком упоминает о докладе, предшествовавшем обвинительному акту о преступлениях Капета, который 10 декабря 1792 г. представил Конвенту Ленде. Это был искусно составленный исторический обзор действий короля начиная с 1789 г. (хотя Марат и указал на то, что не следовало ставить королю в вину действия, по которым Учредительное собрание его амнистировало). В этом докладе были собраны данные, которые должны были убедить революционеров в измене Людовика XVI; перечислялись главные моменты политики короля: военные приготовления в июле 1789 г., слухи об отъезде и затруднения с продовольствием, породившие события октябрьских дней, сборище контрреволюционеров в Жалесском лагере, дело в Нанси, соглашение с Мирабо в 1791 г., бегство в Варенн, расстрел на Марсовом поле, подкуп депутатов Законодательного собра-

ДОПРОС ЛЮДОВИКА XVI

Утром 11 декабря Людовик XVI в первый раз появился у барьера Конвента, чтобы выслушать чтение обвинительного акта и отвечать при допросе [10]. Председательствовал Барер. Авторитет искусного и способного депутата от департамента Верхние Пиренеи быстро возрос в ходе ожесточенных столкновений между жирондистами и монтаньярами. Были ли причиной тому расчет или его мудрый характер и природный уравновешенный ум? Барер умел отгородиться от злобных и мелочных страстей обеих партий. Когда Луве бросил Робеспьеру свое безрассудное обвинение, Барер добился его отклонения, перейдя к дальнейшей повестке дня, но в то же время он не скрыл своего презрения или по меньшей мере своего пренебрежительного отношения к Робеспьеру, которого считал человеком посредственным. Таким образом, в равновесии, какое он сохранял, было нечто высокомерное [11].

Именно потому, что Барер не ввязывался в раздоры, вызываемые узкими и мелочными страстями, которые раскалывали и унижали Революцию, он приобщился к ее общему величию. Он всегда различал в ней общее движение и умел сделать его явным. Он не делал Революцию средоточием своей жизни, как Дантон, но умел путем точного расчета сил выявить общую линию и приспособиться к ней. Так благодаря своей гибкости он обретал ту природную широту ума и воли, которая ставила Дантона вровень с Революцией; при этом в ловкости Барера было еще некоторое высокомерие.

Доверив ему пост председателя в эти трагические дни, Конвент показал, что он ищет точку равновесия. Он пытался ускользнуть от яростных нападок Жиронды, не подпав под мрачный деспотизм Робеспьера [12].

Заседание от 11 декабря было довольно бесцветным [13]. Несомненно, было нечто драматическое в том, что потомок стольких абсолютных монархов предстал как обвиняемый перед представителями освобожденной нации. Верховная власть нынешнего дня судила верховную власть вчерашнего.

Марат передал это впечатление с довольно большой силой, не лишенной гордости и в то же время человечности [14].

«Это было совсем новое и величественное зрелище для человека, любящего человечество: видеть деспота, еще недавно окруженного блеском великолепия, огромным аппаратом своего могущества, а ныне лишенного всех высоких знаков своего былого величия, приведенного как преступник к подножию народного трибунала, чтобы подвергнуться здесь суду и принять кару за свои преступления. Значит, господству рабских предрассудков теперь настал конец? Да, оно прошло безвозвратно, и даже для тех слоев народа, которые были наиболее принижены деспотизмом и у которых размышление менее всего могло пробудить чувство достоинства человеческого «я»; ибо трибуны увидели появление бывшего монарха, не проявив ни малейших признаков одобрения или неодобрения, я сказал бы — с полнейшим равнодушием, если бы они могли быть равнодушны к суду над тираном.

Что должно было происходить в душе бывшего деспота французов, представшего как преступник перед Собранием тех людей, которых он когда-то с презрением едва удостаивал взгляда, людей, которых он нызывал «мои подданные», людей, которых он заставлял часами ожидать в своих передних, когда они приходили просить его о какой-нибудь милости, людей, которых его наглые слуги, одетые в цвета рабства, жестоко отталкивали, дерзко оскорбляли и безнаказанно притесняли? *Если судить по его внешнему виду и манере держаться, то можно было бы подумать, что он нечувствителен к перемене в своей судьбе и к опасностям своего положения. Что же? Значит, утрата блистательного трона и всех радостей роскошного двора — ничто в его глазах? Этому можно было бы поверить судя по тому, как он ими пользовался, когда они были к его услугам! Сколько раз, уступая своей естественной склонности, отказывался он от этих утех предмета желаний всех честолюбивых сердец, чтобы заниматься самыми тяжелыми работами,*

ния через посредство интенданта цивильного листа, выплаты телохранителям в Кобленце, вспомоществования эмигрантам, замалчивание враждебных намерений Пруссии, отказ утвердить декреты Законодательного собрания, расстрел 10 августа... Доказательство самого главного обвинения — призыва к иностранным державам — отсутствовало. Впрочем, разбор документов был произведен поспешно, и из писем, захваченных Келлерманном после сражения под Вальми среди бумаг эмигрантов, не извлекли должной пользы.

10. Были приняты исключительные меры предосторожности. Коммуна объявила свои заседания непрерывными, все граждане были объявлены под ружьем. См. протокол, касающийся перевозки Людовика XVI из Тампля в Конвент, составленный Коммуной. («Captivité et derniers moments de Louis XVI», par le marquis de Beaucourt. См. выше, прим. 1.)
11. Барер Бертран (1755—1841) — адвокат Тулузского парламента, депутат третьего сословия от Бигора (сенешальство Тарб), депутат Конвента от департамента Верхние Пиренеи. О Барере см.: L. G e r s h o y. Barère, un médiateur de la Révolution.—«Annales historiques de la Révolution française», 1961, p. 1; i d e m. Bertrand Barère, a reluctant terrorist. 1962.
12. Барер сумел сделать так, что Конвент занял в нужный момент величественную позицию, соответствовавшую обстоятельствам.
13. «Moniteur», XIV, 717; «Archives parlementaires», LV, 7.
14. «Journal de la République française», № 73, 14 décembre 1792 («Louis Capet à la barre de la Convention. Reflexions de l'Ami du peuple sur l'ex-monarque»). См. речь Робеспьера в том же духе от 28 декабря 1792 г.: «Неумолимый, когда надо отвлеченным образом рассчитать степень суровости правосудия в отношении врагов человечества, я, однако, почувствовал, как в моем сердце заколебалась республиканская добродетель при виде виновного, униженного перед лицом суверенной власти».

самым грубым ремеслом, как если б инстинкт наперекор гордости возвращал его к тому, что было предназначено ему природой!

Поистине следует сказать, что он предстал и держался у барьера с достоинством, как ни унизительно было его положение; что он слышал, как его сотни раз называли *Людовиком Капетом*, не проявляя при этом ни малейшего раздражения,— он, до слуха которого никогда не доходило иное наименование, как «Ваше Величество»; что он не обнаружил ни малейшего нетерпения в течение всего времени, когда его заставили стоять,— его, в чьем присутствии ни один человек не пользовался привилегией сидеть.

Как бы он был в моих глазах велик в своем унижении, если бы он был невиновен и мягкосердечен и если бы это апатичное спокойствие пришло от смирения мудреца перед суровыми законами неизбежности!»

Но после 10 августа, после заключения короля в Тампль, французы уже начинали чувствовать пресыщение этим великим историческим зрелищем. И во время заседания 11 декабря ничто вновь не возбудило волнения. Обвинительный акт был довольно блеклым. Барер руководил допросом, соблюдая приличия и сохраняя достоинство, без угодливости и заносчивости; но, несомненно, желая избежать видимости спора между обвиняемым и им, он ограничивался постановкой вопросов, не оказывая на Людовика XVI давления, не пытаясь вырвать у него объяснение или признание. Со своей стороны Людовик XVI отвечал очень кратко —«да» или «нет»— или же коротко говорил, что факты, которые ставят ему в вину, касаются его ответственных министров [15].

Он давал объяснения с осторожной сдержанностью, словно боялся, как бы у него не вырвались компрометирующие слова, и уменьшая, так сказать, по возможности поле деятельности, доступное врагу. Он ни разу не выдал себя смелым или гордым жестом; и этот поединок между королем и Конвентом был каким-то заурядным и мирным. В сущности, каждая сторона чувствовала, что эта судебная процедура была несколько пустой и что определить приговор должны соображения политические и государственные, склонив его к милосердию или суровости. Конвент слушал, храня полное молчание.

«Помните, что вы — судьи». Но это молчание было, если можно так сказать, молчанием парадным. Это не была сосредоточенность беспокойного ума; это была чисто внешняя формальность и своего рода соблюдение приличий. Ведь председатель сказал (когда Людовик XVI появился во второй раз): «Воздержитесь от какого бы то ни было ропота; *мы присутствуем здесь при погребальной церемонии*»[16].

Судили не живого; для многих судей это был труп королевской власти и короля, который выставили напоказ, прежде чем навсегда

заколотить его в гроб. Своей отрешенностью король как бы показывал, что принимает этот вид смерти в молчании. Нельзя сказать, чтобы ему недоставало смелости и твердости; он отвечал на вопросы со спокойным лицом, таким тоном, который свидетельствовал о своего рода невозмутимости души; и это несколько кроткое спокойствие перед лицом смерти отнюдь не было лишено величия. Нельзя сказать также, что уже тогда он безоговорочно приносил в жертву свою жизнь. Инстинкту самосохранения трудно совершенно отрешиться от жизни; ему свойственно возбуждать надежды. К тому же сама медлительность в ведении процесса, разногласия между партиями, очевидные колебания Жиронды могли породить у короля мысль, что еще оставались шансы на спасение. И быть может, именно для того, чтобы их не упустить, он и старался быть как можно более сдержанным и не вызвать никакого взрыва. Впрочем, ему не хватало смелости. Хотя он был довольно вспыльчив, у него не было глубоких и внезапных порывов страсти, которые сразу нарушают привычную сдержанность и осторожность и выливаются в волнующий крик.

Возможно также, ему приходилось расплачиваться за то, что он был королем. Абсолютная власть благодаря аппарату устрашения и блеску величия, которыми она окружает государя, восполняет силу его личности. Сделать большое личное усилие значило бы для Людовика XVI признаться в том, что он уже больше не король. В его сдержанном и немного бесцветном добро-

---

15. В собрании воцарилось глубокое молчание, как только король появился у барьера. Мишле, который, несомненно, расспрашивал свидетелей, несколькими штрихами набрасывает его портрет: «Человек, подобный многим другим, напоминавший буржуа, рантье, отца семейства, простой с виду, немного близорукий, с уже поблекшим цветом лица от пребывания в тюрьме и чувствующий близкую смерть». (J. Michelet. Histoire de la Révolution française. Livre VIII, chap. VII, édition G. Walter, t. II, p. 152.) Кое-кто не смог совладать с чувством жалости; Эбер будто бы прослезился. Людовик XVI держался твердо, что, возможно, объясняется его обычной апатией. Он отвечал довольно умело и хладнокровно. Но его способ защиты был признан жалким. Английский король Карл I держался перед судьями вызывающе, отрицая за ними право его судить. Людовик XVI, решив защищаться, ссылался на конституцию, когда речь шла о фактах, предшествовавших сентябрю 1791 г., поскольку ее принятие их перечеркивало. Что касается фактов последующего времени, то он ссылался на своих ответственных министров. Но когда у него потребовали отчета о его сношениях с эмигрантами, он ограничился отрицательным ответом, отказался признать подлинность представленных ему документов, датированных его рукой и с его пометками. Конвент и трибуны выслушали его отрицания без малейшего ропота.

16. Людовик XVI во второй раз предстал перед Конвентом 26 декабря 1792 г. («Moniteur», XIV, 841; «Archives parlementaires», LV, 634.)

душии была все еще гордость королевской власти. И он не отказывался от этого гордого равнодушия добровольно.

Наконец, за три года он усвоил своеобразную двойственность. Он делал вид, что принимает конституцию, все время изменяя ей. Но в этой лжи всегда было нечто смягчающее и приглушающее. Никогда не доводя до конца ни одной из своих противоречивых мыслей, Людовик XVI верил, что он сам оправдается от обвинений в вероломстве. Он жил в обстановке своего рода неясной двусмысленности, с фантастическим горизонтом, странным и призрачным, где королевская власть, заходившая на западе, и народный суверенитет, восходивший на востоке, соприкасались своими лучами и тенями. И этот свет, двойственный, приглушенный и двусмысленный, этот приглушенный полусвет, дрожащий и неверный, остался в его мыслях. Он больше не был способен, даже когда под угрозой была его жизнь, даже перед своими вчерашними подданными, ставшими его судьями, к проявлению сильной, решительной и простой искренности. Ложь, эта преждевременная смерть, уже *превратила его почти в тень.*

У жирондистов было впечатление, что это заседание, как ни бесцветно оно было, создало нечто непоправимое; не произошло ничего такого, что позволило бы приостановить, отложить или хотя бы замедлить ход процесса. Король возбуждал к себе лишь слабый интерес. Гора, решившая погубить его и знавшая, что он в ее руках, смотрела на него без гнева. Марат в своей газете, как мы видели, подчеркнуто говорил *о нем без всякого ожесточения* Он хвалил Мальзерба за то, что тот мужественно согласился защищать короля [17].

Но это было непримиримое и суровое спокойствие партии, знавшей, что смерть была покорна ее приказу, и более не утруждавшей себя ненавистью. Явно лживые отрицания короля, почти всегда отказывавшегося признать свою подпись под документами которые ему предъявляли, вызывали известное презрение к нему. Они уничтожили благоприятное впечатление, произведенное вначале видимостью невозмутимого добродушия и спокойствия перед лицом опасности; они открывали взору стоячее и гнилое болото постоянной лжи, таившееся под этой мнимой простотой. Таким образом, процесс неумолимо продолжался, и страшная машина, которую жирондисты, страшась ее, сами должны были пустить в ход, более не останавливалась: начав со спокойного и почти бесшумного скольжения, она в конце концов должна была пресечь жизнь короля. Великая победа для Горы, сумевшей захотеть и пожинавшей плоды реальных действий. Великое поражение для Жиронды, больше не пожинавшей плодов даже тех деяний, в которых она принимала участие, ибо над нею, казалось, господствовала и увлекала ее сила событий.

БЮЗО И ИЗГНАНИЕ БУРБОНОВ

Бюзо *попытался* действовать и еще раз изменить ход дела посредством обходного маневра [18]. Он немедленно потребовал изгнания герцога Орлеанского. Теперь, когда стало ясно, заявил он, что король должен исчезнуть, нужно получить уверенность в исчезновении самой королевской власти. Ведь со смертью или низложением Людовика XVI герцог Орлеанский неизбежно становился — хотел он того или нет — претендентом на трон. В его жилах текла кровь Бурбонов, и в то же время он умел угождать народным партиям. Что может быть опаснее человека вознесенного к высшей власти силой своей популярности и еще не померкшим обаянием монархической традиции? Не знаю, были ли опасения Бюзо искренними; не думаю. Герцог Орлеанский с самого начала Революции, несомненно, играл двусмысленную роль. Его *считали причастным к волнениям, которые привели к событиям* 5 и 6 октября, полагая их делом его рук и его золота. Ведь в этот момент *во Франции не было республиканцев, и герцог-революционер*, свергая Людовика XVI, не мог иметь иной цели, как занять его место. После провозглашения Республики он подчеркнуто заседал и голосовал вместе с крайне левой [19]. Он дал Марату для его изданий субсидию, в которой ему отказал Ролан. И Бюзо, быть может, видел здесь извечную игру принцев-демагогов, которые, чтобы вернее прийти к власти, шествуют по гребню Революции. Сын герцога Орлеанского, герцог Шартрский, находился в армии, у Дюмурье [20]; уверяли, будто он сыграл под Жемаппом

17. См «Journal de la République française», 23 décembre 1792 Четыре комиссара, в том числе Камбасерес, 12 декабря отправились к королю спросить, кого он избирает своими защитниками; *он назвал Тарже и Тронше*, бывших адвокатов и членов Учредительного собрания. Второй отказался, сославшись на нездоровье и подписавшись «республиканец Тронше» 11 декабря Мальзерб главный директор книжной торговли, *покровитель философов*, бывший министром вместе с Тюрго, «смелый ум и пылкое сердце», по выражению Мишле, которому было тогда 72 года, написал Конвенту. Собрание ознакомилось *с его письмом 13 декабря* («Moniteur», XIV, 735, 738) Король принял предложение Мальзерба Т
18. 15 декабря 1792 г. Конвент постановил *отложить процесс короля* до 26 декабря. Эта приостановка дала жирондистам возможность предпринять новую уловку с целью выиграть время 16 декабря было воскресенье, когда на заседаниях присутствовало *мало депутатов; заседание* ограничилось чтением адресов и петиций, которые были направлены в соответствующие комитеты После выступления Тюрио на трибуну поднялся Бюзо и прочитал речь, составленную заранее. («*Moniteur*», XIV, 762; «*Archives* parlementaires», LV, 79.)
19. Филипп Эгалите, бывший герцог Орлеанский (1747—1793), был депутатом Конвента от Парижа; он сидел вместе с монтаньярами.
20. Герцог Шартрский, будущий король Луи-Филипп (1773—1850), находился в бельгийской армии под началом Дюмурье, вместе с которым 5 апреля 1793 г он перешел на сторону врага

блестящую роль, и благодаря ему революционная слава озарила своими лучами всю семью.

Бюзо и его друзья могли вообразить себе, что свирепые демократы Горы рассматривали герцога Орлеанского по меньшей мере как человека, который еще может пригодиться. Если бы Республика не утвердилась во Франции, если бы возобладал старый монархический инстинкт, то герцог Орлеанский был бы королем, избранным Революцией; чтобы успешно бороться против братьев короля, чтобы обеспечить себе против них точку опоры, он был бы принужден сохранить в политической и социальной области главные завоевания Революции. Кроме того, доходными местечками и щедрыми пенсиями он купил бы благосклонное молчание тех изголодавшихся якобинцев, которые знали его тайные интриги и смогли бы погубить его во мнении всего света. Вот что, быть может, говорил Бюзо в оправдание и обоснование опасений, которые он подчеркивал. История, которая видела у ног Бонапарта стольких образумившихся и разодетых в пух и прах революционеров и впоследствии возвела на трон Бурбонов окольным путем, с помощью революции, именно сына герцога Орлеанского, не может противопоставить этим опасениям убедительных опровержений. И все же трудно поверить, что в эти первые дни 1793 г., когда совсем молодая еще Республика излучала сияние победы и надежды, когда она заставляла биться сердца наций и армий, демократы в Конвенте могли заниматься расчетами, до которых впоследствии унизилась уставшая и обескровленная Революция.

Бюзо не мог всерьез думать, что Робеспьер, Дантон и Сен-Жюст намереваются предать Республику и кровью Людовика XVI помазать чело порочного, трусливого и презренного претендента. Это были прежде всего маневр и тактика. Опасная и вероломная тактика, которая на какой-то момент смутила и ожесточила Гору. Отвергнуть предложение Бюзо означало бы подвергнуть себя клеветническим обвинениям в том, что Гора хочет сохранить в лице одного из Бурбонов надежду на реставрацию королевской власти. Пожертвовать герцогом Орлеанским означало бы признать, что Людовик XVI не представлял собой ни единственной, ни, быть может, наибольшей опасности; это означало признать, что смерть Людовика XVI, если не быть настороже, может оказаться для Республики западней; это означало также провозгласить, что жирондисты, взяв на себя инициативу предложения, направленного против герцога Орлеанского, одни были ревнителями республиканской свободы, ее бдительными защитниками. В этом многозначительном маневре было нечто дьявольское; он был позорен и порочен и мог причинить только зло. Он лишал саму смерть Людовика XVI той революционной эффективности, которая представляет своего рода законность. И действительно, к чему гибель Людовика XVI, если бы нож гильотины не покончил одновременно, для всей нации, с королевской властью как таковой? Казнь короля

была бы самой бесполезной, самой трусливой, самой плачевной жестокостью, если бы она не связывала Францию нерасторжимыми узами с Республикой. Итак, когда Бюзо бросал на эшафот, куда, несомненно, должен был взойти Людовик XVI, тень монархического заговора, когда он показывал народу притаившуюся под мрачным помостом королевскую власть, когда он обвинял самых пылких революционеров — тех, кто наиболее настойчиво требовал головы Людовика XVI,— как тайных зачинщиков контрреволюционной интриги, когда он придавал эшафоту, уже воздвигнутому в воображении людей, неясные очертания трона, на который, быть может, взойдет претендент на королевскую власть, забрызганный кровью короля, — то он лишал смерть Людовика XVI всего ее революционного значения и вливал каплю смертельного яда, вносил безумие сомнения и подозрения даже в трагический акт, путем которого совесть Революции хотела навсегда утвердиться как неумолимая и вечная.

Это было преступление против революционного духа. Будь Бюзо в эту минуту искренен и велик, он попытался бы вырвать Людовика XVI из лап смерти, доказав народу, что казнь короля вновь открыла бы путь для королевской власти. Но покорно соглашаться, как он это делал, на смерть короля и в то же время внушать народу, что она была бы гибельна для Республики, означало придавать революционному акту, который должен был свершиться, чудовищную двойственность: это значило толкать под один и тот же нож и Людовика XVI, и Республику.

Монтаньяры были вначале застигнуты врасплох маневром Бюзо [21]. Они голосовали за изгнание герцога Орлеанского, но на другой день сожалели об этом, поняв, что Жиронда завлекла их в западню. В Якобинском клубе Робеспьер, изливая на Жиронду свой гнев и ненависть, объявил, что нельзя было допустить, чтобы казалось, будто они солидаризируются с герцогом Орлеанским [22]. Но Марата громко приветствовали, когда он воскликнул, что не следовало поддаваться на эти м[illegible]невры и уловки [23]. Несколько

21. Предложение Бюзо внесло смятение как в ряды Горы, так и Жиронды. Петион и Бриссо были связаны с герцогом Орлеанским, к которому были расположены, с другой стороны, Демулен и Марат. Сен-Жюст разоблачил уловку: «В настоящее время стараются связать герцога Орлеанского с судебным процессом короля, возможно, чтобы спасти последнего или смягчить приговор». Большинство в конце концов голосовало за изгнание Бурбонов, но Гора добилась двухдневной отсрочки вопроса о Филиппе Эгалите. («Archives parlementaires», LV, 89.)
22. Заседание Якобинского клуба 17 декабря 1792 г. Buchez et Roux. Histoire parlementaire de la Révolution française. T. XXI, p. 378; A. Aulard. La Société des Jacobins. T. IV, p. 595.
23. О позиции Марата в этом деле см. также: «Journal de la République française», № 80, 21 décembre 1792 («Les renards rolandins et les dindons patriotes»).

позднее, когда измена Дюмурье покажет, что попытка реставрации королевской власти в пользу Орлеанского дома действительно могла быть задумана, якобинцы будут похваляться линией поведения Робеспьера; но в декабре 1792 г. прямая и смелая мысль Марата, вскричавшего: «Не дадим себя дурачить, не позволим сторонними комбинациями затемнять смысл великого революционного акта, который мы собираемся совершить!»— больше отвечала инстинкту Революции. Мера, принятая против герцога Орлеанского, была отменена [24].

Итак, среди множества интриг и раздоров вырисовывался еще довольно неясный силуэт королевского эшафота.

Но хотя Жиронда беспрестанно мешала ходу процесса, она его не останавливала. Она лишь компрометировала себя своей неискренней политикой. Ее единственной целью было придать событиям ее собственную неопределенность, чтобы, запутав дела и приведя в замешательство умы, уменьшить триумф Горы, который она предчувствовала.

ЗАЩИТИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ ДЕ СЕЗА

26 декабря Людовик во второй и последний раз предстал перед Конвентом [25]. Его сопровождали его консультанты Мальзерб и Тронше и молодой адвокат де Сез. Последний в течение двух часов читал написанную им защитительную речь [26]. Несомненно, он читал ее с большим выражением и бурными жестами, так как по окончании ее был весь в поту и принужден был попросить свежую рубашку. «Дайте ее ему,— сказал Людовик XVI с трогательной непринужденностью и простотой,—ведь он хорошо поработал».

Верно ли, что де Сез действительно хорошо поработал и избрал наилучший способ защиты? Он произвел довольно сильное впечатление. Марат сказал: «Де Сез произнес речь, вернее, прочитал длинный мемуар, составленный с большим искусством»— и говорит о «средствах защиты тирана», представляющихся ему «столь же ложными, как и коварными»[27]. «Патриот франсэ» разбирает речь де Сеза со своеобразной снисходительностью, а «Революсьон де Пари» опровергает его утверждения подробно и резко [28]. По моему мнению, на Конвент подействовали и его смутили два положения в этой защитительной речи. Прежде всего то, что де Сез с известным искусством и силой стал настаивать на необычайном характере процесса [29].

«Я говорю об осуждении, но обратите внимание на то, что, если вы лишите Людовика неприкосновенности короля, вы по меньшей мере должны предоставить ему права гражданина; ибо вы не можете сделать так, чтобы Людовик перестал быть королем, когда вы объявляете о своем желании его судить, и чтобы он снова стал им в момент судебного приговора, который вы хотите ему вынести.

Итак, если вы хотите судить Людовика как гражданина, то я вас спрашиваю: где охранительные формы, требовать соблюдения которых — непререкаемое право каждого гражданина?

Я вас спрашиваю: где разделение властей, без которого невозможно существование ни Конституции, ни свободы?

Я вас спрашиваю: где присяжные обвинения и суда, этот своего рода залог, предоставляемый законом гражданам для гарантии их невиновности?

Я вас спрашиваю: где столь необходимое право отвода, которое противопоставляет себя ненависти и страстям, чтобы их устранять?

Я вас спрашиваю: где то соотношение числа поданных голосов, которое он так мудро установил, чтобы отклонять осуждение или смягчать его?

Я вас спрашиваю: где голосование в молчании, которое побуждает судью сосредоточиться, прежде чем он произнесет приговор,

---

24. 19 декабря 1792 г. в порядке дня стояло обсуждение вопроса о Филиппе Эгалите. Леонард Бурдон предложил отменить декрет об изгнании. Появился мэр Парижа и от имени 48 секций потребовал такой же меры. Прения возобновились. В конце концов было принято предложение Петиона отложить исполнение декрета об изгнании до окончания суда над Людовиком Капетом; Конвент так и постановил. («Moniteur», XIV, 788.)
25. Людовика XVI, окруженного его защитниками, сопровождали Шамбон, мэр Парижа, и Сантер, главнокомандующий национальной гвардии. Председательствовал Дефермон, депутат от департамента Иль и Вилен. «Moniteur», XIV, 841; «Archives parlementaires», LV, 616.
26. «Archives parlementaires», LV, 617.
27. «Journal de la République française», 27 décembre 1792 («Le tyran pour la seconde fois à la barre de la Convention»).
28. «Le Patriote français», № 1234, 27 décembre 1792; «Révolutions de Paris», № 181, 22—29 décembre 1792.
29. В первой части своей защитительной речи де Сез вернулся к аргументу о неприкосновенности, основываясь на точном рассмотрении текста Конституции 1791 г. Он сослался на действующие юридические правила: Конвент, приняв постановление о возбуждении обвинения, не должен был брать на себя вынесение судебного решения по существу. Вторая часть его речи была посвящена обсуждению действий, поставленных в вину королю. Де Сез вначале рассмотрел события, предшествовавшие принятию конституции, чтобы заключить: «Нельзя, следовательно, больше вспоминать только то, что предшествовало Конституции». Из действий, совершенных после принятия конституции, де Сез исключал из обсуждения все те, которые подпадали под ответственность министров. Из личных действий, вменяемых в вину Людовику XVI, он подробно остановился на субсидиях эмигрантам, на сношениях с братьями короля и на переговорах с державами. Он решительно отрицал призыв к иностранным державам. Его доводы не могли повлиять на большинство, уже пришедшее к определенному убеждению, несмотря на отсутствие формальных доказательств. Защитительная речь закончилась панегириком добродетелям Людовика XVI.

и которое, так сказать, заключает в одной и той же урне и его мнение, и свидетельство его совести?

Словом, я вас спрашиваю: где все тщательные предосторожности, принятые законом, дабы даже виновного гражданина всегда карал только закон?

Граждане, я буду говорить здесь с откровенностью свободного человека; я ищу среди вас судей, а нахожу лишь обвинителей.

Вы хотите вынести решение о судьбе Людовика и сами же его обвиняете! Вы хотите вынести решение о судьбе Людовика и уже высказали свое желание! Вы хотите вынести решение о судьбе Людовика, *и ваше мнение известно всей Европе!*

Итак, Людовик будет единственным французом, для которого не будет существовать ни закона, ни формы.

У него не будет ни прав гражданина, ни прерогатив короля

Он не сможет использовать ни своего прежнего, ни своего нового положения.

Что за странная и непостижимая участь!»

Это был софизм, ибо Людовик XVI в этот момент действительно не был ни королем, ни гражданином: он был государем, свергнутым с трона и отвечающим перед нацией за свои преступления. Форма судопроизводства была, таким образом, приспособлена к «участи» короля; процесс Людовика XVI носил революционный характер, так же как судьба его определялась Революцией. Но не один член Конвента тревожно вопрошал себя; контраст между системой юридических норм и революционной сущностью процесса смущал нерешительные души. Правильность такого предположения доказывает то, что защитительная речь де Сеза вдруг заставила Марата отказаться от идеи соблюдения формальной законности, которую он хотел придать процессу, чтобы убедить робких *людей.*

«Людовика, по мнению его защитника, нельзя судить как бывшего монарха; но если предположить, что это возможно, то защитник требует предоставления ему прав, которыми пользуется каждый гражданин; абсурдная непоследовательность, так как *тирана должно рассматривать лишь как захваченного с оружием в руках врага государства*». Да, но что в таком случае значит юридический аппарат и предоставляют ли адвоката врагу государства, захваченному с оружием в руках? Это возвращение к методу, первоначально предложенному Робеспьером и Сен-Жюстом, который Марат вначале отвергал.

Я также полагаю, что последние слова де Сеза, где он напоминал о том, что можно назвать годами либерализма Людовика XVI, воспоминание о его сотрудничестве с Тюрго тронули членов Конвента. Они, возможно, спрашивали себя, не найдут ли эти слова отклика в народе. Три года Революции вырыли глубокую пропасть в сознании народа; эти годы оказались веками, и период, как-никак, совсем недавний, когда все считали Людовика XVI другом

его народа, реформатором и освободителем, отступил в бесконечную даль. Кто знает, не заполнит ли жалость, вызванная речью де Сеза, эту пропасть, не оживит ли она воспоминания, казалось, утраченные в невозвратимом прошлом, не вернет ли она, так сказать, ходу времени его нормальный ритм?

«Французы, возродившая вас Революция развила в вас великие добродетели; но берегитесь, как бы она не ослабила в ваших душах чувство человечности, без которого добродетели могут быть только ложными.

Послушайте заранее историю, которую подхватит молва: «Людовик взошел на трон двадцати лет от роду; на троне он был примером нравственности, не проявлял ни предосудительной слабости, ни развращающих страстей; он был бережлив, справедлив и строг; он всегда поступал как неизменный друг народа. Народ желал отмены обременявшего его тяжелого налога — он его отменил. Народ желал упразднения крепостной зависимости — он начал с отмены ее в своих владениях. Народ просил реформ в уголовном законодательстве для облегчения участи обвиняемых — он провел эти реформы. Народ хотел, чтобы тысячи французов, которых суровость наших обычаев лишала до сих пор прав, принадлежащих гражданам, приобрели эти права или получили их обратно,— он их им предоставил своими законами. Народ хотел свободы — он ему дал ее [30]. Он даже предстал перед ним, чтобы принести себя в жертву, и все-таки именем этого народа ныне требуют... Граждане, я не кончаю.... Я останавливаюсь перед лицом истории; подумайте о том, что она будет судить ваш приговор и что ее приговор будет приговором веков»[31].

Де Сез действительно выступал за оправдание короля. Он старательно обошел все то, что могло бы оскорбить убеждения или *возбудить страсти членов Конвента. Ни на одно мгновение* не позволил он себе превратиться в обвинителя; ни на одно мгновение не пытался он сыграть против Революции на ее собственных колебаниях и раздорах. Он не пытался использовать тайную взаимную ненависть соперничающих групп; напротив, он пытался усыпить проявление любого насилия и любой ненависти. Я заметил, что он даже не коснулся вопроса об обращении к народу. Он не сказал Конвенту, что если он хочет судить короля революционным судом, то единственный революционный судья — это сам народ. Не понимаю, как мог Барер сказать в своей знаменитой речи 4 января 1793 г.:

«*Обращение к народу, бывшее оружием обвиняемого*, сделалось оружием многих судей»[32].

---

30. Эта фраза вызвала ропот неудовольствия. Де Сез вычеркнул ее из своей рукописи. Конвент постановил, чтобы зачеркнутые слова были восстановлены.
31. Тонко построенная речь, но холодная; добросовестная, но малоубедительная.
32. «Archives parlementaires», LVI, 199.

Во всяком случае, если роялисты желали и требовали обращения к народу, то его отнюдь не требовал сам обвиняемый, это не отвечало принятой де Сезом системе защиты. Наоборот, Дюбуа-Крансе в своей речи от 31 декабря истолковал одно место в защитительной речи как отказ от обращения к народу [33].

«С моральной точки зрения,— сказал он,— это обращение к народу настолько нелепо, что сам Людовик Капет, которого мы должны считать заинтересованным в том, чтобы его потребовать, от него категорически отказался. Вот выражения, к каким он прибегнул устами своего официального защитника де Сеза, который сказал:

„Говорили, что если бы вообще не существовало закона, который можно было бы применить при данных обстоятельствах, то Людовику Капету противопоставили бы волю народа.

Вот мой ответ,— прибавляет де Сез,— я читаю у Жан-Жака Руссо следующее: «Ни закон, который карает, ни судья, который должен вынести приговор, не могут ссылаться на всеобщую волю, так как всеобщая воля не может, как таковая, высказать суждение ни о человеке, ни о деянии».

Так говорил Людовик у барьера Конвента, так говорил Руссо, поучая народ пользоваться свободой“».

Я думаю, что Дюбуа-Крансе искажает и даже извращает смысл слов де Сеза. Когда адвокат сказал (Дюбуа-Крансе не воспроизвел его выражений дословно): «Говорили еще, что если бы не существовало закона, который можно было бы применить к Людовику, то воля народа могла бы его заменить», он вовсе не думал о процедуре обращения к народу и вовсе не против нее собирался он бороться. Он хотел доказать нечто гораздо большее: абсолютную невозможность судить Людовика XVI. Он утверждал, что не было никакого закона, применимого к Людовику XVI, и что при отсутствии закона воля народа, каким бы способом она ни была выражена, не могла иметь силу. Он не отвергал обсуждения в первичных собраниях; он отказывал самому Конвенту в праве судить волей народа. Что касается самого вопроса об обращении к народу, то де Сез остерегался его касаться, чтобы иметь возможность то ли его потребовать, то ли против него бороться.

Бороться против обращения к народу, быть может, означало закрывать единственную дверь к спасению, которая могла бы открыться перед Людовиком XVI; это значило лишить королевскую власть, побежденную, но еще упрямо надеявшуюся, грозного средства агитации и, быть может, возмездия. Требовать обращения к народу означало сразу признать, что король мог быть судим, что он зависел от воли нации. Но если он мог быть судим народом, то почему не мог он быть судим Конвентом, органом народа?

Де Сез скажет это сам весьма ясно немного позднее, когда выступит с апелляцией к народу *после осуждения короля* [34]:

«Если мы сами не подняли этого вопроса при защите Людовика, то потому, что мы никак не могли предполагать, что Конвент решится его судить или что суд Конвента признает его виновным».

Более того, де Сез и король, несомненно, знавшие, что могущественная партия в Конвенте склонялась к системе обращения к народу, никак не хотели скомпрометировать эту систему, согласившись на нее. Они сделали бы это лишь в том случае, если бы решились развязать партийные страсти, чтобы попытаться проскользнуть и спастись среди бури. Но консультанты короля и сам король, напротив, остановились на системе благодушной и примирительной защиты.

Людовик XVI прибавил к защитительной речи де Сеза лишь несколько слов, отличавшихся пресной сентиментальностью:

«Мое сердце разрывается от того, что в обвинительном акте мне вменяется в вину желание пролить кровь народа, а особенно от того, что несчастья 10 августа приписаны мне.

Полагаю, что данные мною в самое различное время многочисленные доказательства моей любви к народу и мой неизменный образ действий должны, как мне кажется, доказать, что я не очень боялся подвергать себя опасности, чтобы пощадить его кровь и навсегда отвести от себя подобное обвинение»[35].

Эти слова могли пробудить какую-то нежность и жалость в сердцах верных роялистов; они даже могли взволновать чувства части народа. Продолжительное пребывание Людовика в заключении, трагическое зрелище несчастья, имевшего лишь один или два прецедента в истории, медлительность и неуверенность Революции, казалось, сомневавшейся в своем праве и раздираемой разногласиями, вместо того чтобы действовать,— все это малопомалу предрасполагало встревоженные и жалостливые души к тому, чтобы видеть в Людовике XVI своего рода мученика. Испытания очищали его от его слабостей и ошибок; а так как ему был нанесен удар в то же время, что и церкви, так как страдания религиозного фанатизма совпали во времени со страданиями роялистского фанатизма, то на низложенного короля, оскорбляемого, находящегося под угрозой, казалось, был надет терновый венец, и он нес крест распятого бога [36].

---

33. «Archives parlementaires», LVI, 96.
34. «Moniteur», XV, 229; заседание 17 января 1793 г.
35. «Moniteur», XIV, 847.
36. Жорес справедливо подчеркивает этот аспект. Несчастье изменило Людовика XVI, как бы очистило его. Тюремное заключение и судебный процесс сделали из абсолютного монарха отца семейства и человека. На нападки и оскорбления Людовик отвечает терпеливо и спокойно. Перед лицом неумолимой судьбы его твердость возрастает; он очищается в испытаниях горем, его недостатки смягчаются. Это было, несомненно, пассивное мужество, основанное, в сущности, на религиозном смирении. Вера поддерживала Людовика XVI до самого эшафота: «Я выпью чашу до дна».

Начались «страсти короля», и слащавые слова, произнесенные им на предпоследней остановке своего крестного пути, находили отклик в сердцах тысяч людей, видевших в них проявление божественного смирения и сверхъестественной доброты.

КАКОВА МОГЛА БЫ БЫТЬ ЗАЩИТИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ КОРОЛЯ

Такой способ защиты нисколько не подействовал на Конвент. Во время этого наивысшего кризиса, несомненно, было мало шансов спасти короля. Но Людовик XVI должен был бы говорить не как адвокат, а как государственный деятель.

Мне кажется, что если б жив был Мирабо, если б его еще не поглотила буря, то он посоветовал бы королю не оспаривать отдельные пункты обвинения и не пытаться вызвать пошлую жалость, а говорить с революционерами от имени самой Революции. Король мог бы возвыситься над предрассудками королевской власти и понять ход истории. Людовик XVI не был невежественным человеком, но его уму, как и его характеру, недоставало прямоты. В нем было слишком много смирения и в то же время слишком много гордости. У него был крайне униженный вид перед Конвентом когда он отрицал или увиливал и не позволял себе выступить с какими-либо обвинениями. Но он также был слишком горд, ибо, несмотря на трагический характер событий, он не принимал всерьез ни Конвента, ни самой Революции. Он не принимал всерьез даже сделанных им первых уступок. Вся драма, в которой дело шло о самой его жизни, казалась ему случайностью, не задевающей, в сущности, королевского права и не связанной неразрывно с историей. Быть может, наибольшее преступление Людовика XVI в том, что он не понял Мирабо, презирал его и видел в его замечательных политических советах, когда Мирабо пытался заставить его понять Революцию, лишь жалкие усилия авантюриста, попавшего в отчаянное положение. За это преступление ума и сердца, за преступление быть посредственностью и совершать низости Людовик XVI тяжело заплатил в этот час. Именно потому, что он отказался мыслить заодно с великим человеком, пытавшимся добиться гармонии между Революцией и обновленной королевской властью, Людовик XVI и оказался перед Конвентом, не имея никакой определенной идеи [37].

Ему нечего сказать ни по поводу событий, ни по поводу людей· ему придаст некоторое величие только смерть, т. е. его враги Сколько доводов, однако, смог бы он противопоставить своим судьям, если бы он приложил к процессу великую политическую философию, которую ему завещал Мирабо!

«Вы хотите меня судить и, без сомнения, завтра нанесете мне смертельный удар. Я не боюсь смерти и не стану оспаривать у вас

мою голову. История показала мне, что смерть королей представляется народам разрешением страшных кризисов.

Итак, не стану оспаривать ваше право судить меня. Вы — сила, как был силой я; вы — господа нынешнего дня, как я был господином вчерашнего; и если народ, который вы представляете, имел право захватить Тюильри 20 июня и 10 августа, если он имел право отрешить меня от моих обязанностей короля, упразднить королевскую власть, провозгласить Республику и заключить меня в Тампль, то он также вправе лишить меня жизни и придать видимость суда казни, которую он мне готовит. Но почему я здесь и отчего возник конфликт, который поставил меня, вчерашнего короля, перед лицом революционных представителей нации? Вы обвиняете меня, меня одного. На меня одного, на те действия, которые вы называете моими изменами, вы возлагаете ответственность за волнения, от которых страдает Франция. И на голову одного человека вы перекладываете ответственность за необъятные события. Остерегитесь, вы, считающие себя республиканцами! Думать так — значит еще быть монархистом, ибо если верно, что один-единственный человек определяет — хорошо или дурно — ход истории, то право королевской власти обоснованно. На одной стороне — нация-обвинительница, на другой — обвиняемый человек; это монархия навыворот, но это еще монархия. И я, который должен был бы иметь о могуществе королей более высокое представление, чем то, какое имеете вы, говорю вам, что, возлагая на одного человека ответственность за столь широкий кризис и столь глубокий конфликт, вы склоняетесь — более, чем это разумно,— перед вековым престижем королевской власти.

Переход от абсолютной монархии, которую представлял я, к крайней демократии, которую хотите основать вы, происходит не без трудностей и опасностей. Не моя вина, если в течение веков во Франции не было установлений свободы и если вся власть была сосредоточена в руках королей. Это даже не вина моих предков

Считаете ли вы, что одной лишь волей королей учреждения во Франции и в Англии обрели различный облик? Быть может, во Франции такая централизация королевской власти понадобилась чтобы ослабить тех крупных вассалов, тех феодальных деспо-

37. Несчастье действительно не смогло убить в Людовике сознания его королевского величия и убеждения в законности его абсолютной власти Король говорит он сыну в своем завещании может творить добро «только постольку, поскольку он обладает властью», поскольку он «не связан в своих действиях» Но можно ли править «согласно законам», не будучи ими связанным? Странное раздвоение личности. Как частное лицо он возвышался до святости Как низложенный монарх — упорствовал в своем сознании божественного права «Людовик XVI,— писал Мишле, — страдал лишь одним пороком, коим была сама королевская власть»

тов, которые душили народ и дробили нацию. Вы думаете, что вы уничтожили феодальный строй; но от него осталась лишь тень: именно короли лишили прежде его силы и его сущности. И если эти усилия королей не оставили вам в наследство Франции свободной и привыкшей к свободе, то они оставили вам по крайней мере Францию объединенную, где суверенитет нации может проявляться шире, чем в любой другой стране мира. Быть может, народное движение, которое мне угрожает и вскоре меня уничтожит, было бы на полвека отсрочено, если бы я сам не подал ему знака созывом Генеральных штатов и удвоением числа представителей третьего сословия.

Пусть это не уязвляет вашей гордости, если я скажу вам, что именно я вложил в ваши руки оружие Революции, которая готова нанести мне удар. Я сделал это отнюдь не из своего рода благородной снисходительности. Долгая жизнь человеческих обществ не дает нам примеров власти, которая бы добровольно пожертвовала частью своих прерогатив. Я нуждался в помощи нации, чтобы восстановить финансы, чтобы добиться от привилегированных сословий налогов, ставших необходимыми государству, в уплате которых их недальновидный эгоизм мне отказывал. Таинственное сцепление обстоятельств таково, что, возможно, именно из-за поддержки независимости Америки монархия и оказалась в долгах, и поэтому я вынужден был обратиться к Генеральным штатам и открыть путь Революции. Но я вправе был думать, что предосторожности тем более необходимы, что французский народ не привык управлять собой сам. Слишком резкий переход мог погубить все. Вот почему я наблюдал, чтобы сдерживать ее, за начинавшейся Революцией, и там, где вы усмотрели интригу и заговор, было лишь исполнение моего королевского долга перед королевской властью и перед самой Революцией.

Дворянство и духовенство, несмотря на свои вины, были извечной опорой монархии. Ограничивая их привилегии, я попытался спасти их как сословия от полного уничтожения. Вправе ли вы вменять мне это в преступление? Но если попытка остановить Революцию в той или иной мере — преступление, то почему революционеры сразу не потребовали упразднения королевской власти? Почему они пытались примирить королевскую традицию с народным суверенитетом? Именно Учредительное собрание вписало королевскую власть в Конституцию.

Ныне вы все называете или считаете себя республиканцами, и, послушать вас, можно подумать, что монархия — своего рода древнее чудовище, давным-давно погребенное, самое дыхание которого вас не коснулось.

А между тем еще два года назад среди вас, пожалуй, не было ни одного республиканца. Даже когда я покинул Париж в поисках на востоке Франции точки опоры против угнетавших меня клик, никто в Собрании не осмелился с определенностью потребовать упразднения монархии. Даже те, кто требовал отменить неприкосновенность короля и предать меня суду, казалось, думали о другом короле; и от петиционеров Марсова поля отреклись все партии Революции [38]. Но в письме своем, зачитанном в Собрании, я оставил, однако, решающее свидетельство своей истинной мысли; и тем, кто меня обвиняет в том, что я их обманул, я отвечаю, что они старались обмануться. Они страшились Республики и, уличая меня в вероломстве, тешили себя предположением, что я больший революционер, чем мог быть на самом деле,— дабы уклониться от грозной необходимости либо ограничить Революцию, либо упразднить королевскую власть. Если и была ложь, то она именно здесь; если был обман, то он именно здесь. Воображать, что можно довести демократию до крайности, не упраздняя королевской власти, что можно оборвать с дерева всю листву, не срубая его, значило обманываться самим и обманывать нацию. Это я мог бы сетовать на то, что Революция с инстинктивной хитростью воспользовалась мной, чтобы облегчить переход от монархии к Республике. Сохраняли видимость королевской власти, чтобы успокоить простые души, и под прикрытием монархии трудились над уничтожением монархии.

А если в этом не было расчета, если Франция искренне верила в необходимость монархии при новом порядке, то как можно ставить королю в вину, что и он верил в это и захотел сохранить опоры, без которых, по моему разумению, она не могла удержаться? Меня удручала начатая вами борьба против духовенства, и я действительно воспользовался правом *вето*, которое мне давала Конституция, чтобы ослабить удары, которые вы ему наносили. Именно религия — это утешение и потребность моего сердца — является одновременно, по моему мнению, гарантией порядка и законом, необходимым для сохранения добрых нравов и свободы. Таким образом, я полагал, что слишком яростные и ожесточенные нападки на духовенство могли бы поколебать саму религию. Ошибался ли я? В первое время Революции сами революционеры проявляли некое благочестивое рвение и о боге и евангелии никогда не говорили с бо́льшим благоговением, чем в тот час, когда их лишали их служителей. Еще и ныне вы стараетесь не открывать народу нечестивой философии многих из вас. Когда из соображений экономии (ибо и у вас в свою очередь возникли финансовые затруднения; они погубят вас, как погубили меня) какой-нибудь неосторожный человек предлагает упразднить выплату жалованья священникам, вы выступаете против него, так как это вызовет недовольство народа [39]. Но кто посмел бы два

38. См.: Ж. Жорес. Цит. соч., т. I, кн. 2, с. 350, «Избиение на Марсовом поле».

39. Намек на предложение Камбона от 13 ноября 1792 г. об упразднении бюджета культов. См.: Ж. Жорес. Цит. соч., т. III, с. 289, и настоящий том, с. 15, прим. 19.

года назад предположить, что такое предложение может быть внесено? Кто посмел бы предположить, что наступит день, когда с вашей трибуны какой-нибудь дерзкий человек скажет: «Я — атеист» — и ему будут рукоплескать многие из вас? Итак, именно с христианством начинается борьба, и если я предчувствовал ее, если я хотел защитить духовенство от страстей, которые незаметно распространились бы и на саму религию, то я проявил прозорливость и оказал услугу Революции, которая погибнет в тот день, когда всем станет ясно, что она несовместима с христианством.

Чтобы обвинить меня в измене, вы принуждены также обвинять в измене многих прославленных людей, послуживших Революции. Ибо все они, Лафайет, Мирабо, Барнав и другие, полагали, что Революция должна остановиться и укрепиться, что она губит себя, переходя черту, которую сами они наметили [40]. Вы можете клеймить позором и карать их. Но вы клеймите и караете саму Революцию, ибо бесчестие тех, кто ей служил, распространяется и на нее. Неужели вы искренне верите, что эти люди поддались низким помыслам, находились во власти золота? Конечно, нет; они верили, что еще служат Революции и свободе, противодействуя крайностям, которые могли бы их скомпрометировать, и стремясь обеспечить или укрепить необходимую силу исполнительной власти. И если люди, рожденные Революцией и только благодаря ей обретшие силу, авторитет и надежды, считали, что ее надо контролировать и ограничивать, то кто вправе обвинять в подобных мыслях самого короля, потомка королей и стража королевской власти как в силу Конституции, так и в силу традиции?

Берегитесь! Осуждая короля будто бы за измену Революции, вы скоро будете угрожать смертью друг другу, ибо вы отныне обречены на то, чтобы обвинять и карать как изменников всех тех, кто будет понимать интересы Революции не так, как вы их понимаете, и не будет доводить ее до произвольных и переменчивых пределов, определяемых страстями нынешнего дня.

Я назвал Мирабо, которого вы бы казнили, если бы он не умер, Лафайета, который был бы заключен в тюрьму, если бы он не находился в заключении в Австрии, Барнава, который томится в тюрьме по обвинению в том, что он давал политические советы конституционному королю. На этом подозрения не остановятся. Даже те, кто своим неосторожным красноречивым словом возбудил народ против Тюильри, уже считаются изменниками и подозрительными, раз они не отказались составить политический мемуар, о котором их попросили [41]. И генерала, остановившего на равнинах Шампани наступление прусских и австрийских армий, наиболее непримиримые и самые популярные из ваших газет уже обвиняют в том, что он пощадил прусскую армию во время ее

отступления и сражался — подобно тому, как якобы вел переговоры Делессар,— в интересах врага [42].

Поистине странно, что мне ставят в вину как преступление то, что я думал о возможных последствиях неограниченной войны и хотел их предотвратить! А вы, обвиняющие меня в том, что я не ускорил разрыва с Австрией и не отвечал повсюду войной на малейшее оскорбление со стороны иностранных дворов,— уверены ли вы в том, что Революция может, не подвергая себя опасности, воевать со всем миром? Уверены ли вы в том, что новая Франция не погубит в этом гигантском начинании свои финансы и свою свободу? Уверены ли вы в том, что превратности борьбы не доведут соперничество группировок до такой крайности, что Революция будет растерзана и истощена? И если я озабочен последствиями, какие война могла бы иметь для состояния умов и судьбы королевской власти, то кто же подал мне в том пример? Вы! Те, кто весной этого года вовлекли вас в войну, говорили повсюду, что она необходима, чтобы подвергнуть испытанию королевскую власть и изменить Конституцию. Они сделали из войны политическое орудие против короля. По какому праву они упрекают меня в том, что я действительно был озабочен политическими последствиями, какие она могла вызвать, и своими речами и своим поведением старался по возможности максимально смягчить конфликт, от которого ожидали внутреннего потрясения и ниспровержения Конституции? По какому праву меня упрекают в том, что я до конца старался сохранить шансы мира, когда вы открыто придаете войне мятежный характер? Но берегитесь: ради уничтожения королевской власти вы вызвали на борьбу весь мир. Перестав щадить королевскую власть, вы перестали щадить весь мир. Перед лицом потомков я возлагаю на вас ответственность за возможные в будущем бедствия.

Если я вам это говорю, то не из желания спасти свою голову. У вас чересчур много разногласий, чтобы вы могли быть справедливыми. Вы уже теперь следите за своими малейшими жестами, оцениваете каждое слово, чтобы обнаружить признаки снисходительности к тому, кого вы называете тираном. Теперь уже будет недостаточным просто желать моей смерти; понадобится, чтобы это желание было выражено в такой степени и в такой форме, какие укажет господствующая группировка. Вы слишком заняты взаимной слежкой и взаимными обвинениями, чтобы иметь силу возвыситься до высоких целей и разделить ответст-

---

40. «Собираемся ли мы кончать Революцию? Или начнем ее сначала?»— воскликнул Барнав 15 июля 1791 г. См.: Ж. Жорес. Цит соч., т I, кн. 2, с. 334.
41. Намек на тайные переговоры с двором Жансонне, Гюаде и Верньо при посредничестве художника Боза в конце июля 1792 г.
42. См.: Ж. Жорес. Цит. соч., т. III, с. 226, «Переговоры Дюмурье».

венность. Растерзав меня, вы будете терзать друг друга из-за меня. До сего времени проливала кровь одна только необузданность народа. Теперь дело смерти вершит организованная Революция. Вы немедленно вознесете смерть на вершину, которая вчера именовалась королевской властью, но она легко спустится с этой вершины. Эшафот, который вы воздвигаете для меня, расширится настолько, что займет весь форум. Если бы вы были более едины, если бы вы не боялись друг друга, вы смогли бы, сохраняя и укрепляя вашу Республику, объявить особу короля непричастной к делу и обеспечить себе будущее.

Я много читал и размышлял над историей Карла I. Давно уже всеобщее тревожное состояние умов и дел предвещало, что и мне уготовано высшее испытание. Я готов к нему. Но не льстите себя надеждой, что события во Франции примут такой же оборот, как события в Англии. Англия — остров, волнения там ограниченны, и Кромвель мог их остановить. Вы же доступны для воздействия всех сил мира, и эта грозная борьба вызовет здесь страсти и трагические события. У вас нет уверенности в том, что у истощенной Франции когда-нибудь не возникнет искушение вновь попросить защиты у королевской власти. Если такой возврат к прошлому должен произойти, то я не хотел бы, чтобы монархия была восстановлена во Франции из сострадания. Сострадание слепо, в нем таится нерассуждающая сила, и у королей, которых оно возвратит на трон, не будет понимания новых времен. Отрубив мне голову, вы приведете в движение опасную силу сострадания; лучше было бы предоставить будущее опыту и разуму».

Вот то, что Людовик XVI мог бы возразить Конвенту. Вот политическая защита, к какой он мог бы прибегнуть [43]. Он был обречен прежде всего потому, что не сделал ни малейшего усилия усвоить себе этот образ мыслей, что он не мог ни минуты говорить в духе Революции и спорить с ней. Ему мешал в этом укоренившийся королевский предрассудок, а больше всего тайное бремя его измен. Ибо он не только старался ослабить Революцию, но призвал иностранцев, чтобы задушить ее. И ему пришлось ограничиться сомнительным искусством изобретательного адвоката. Королевская власть во Франции была, несомненно, мертва; она на мгновение еще возвратится, но только как призрак.

Защитительная речь де Сеза уже самим хитроумием своим в конечном счете привела революционеров в раздражение, ибо явная и несомненная измена короля становилась тем более отвратительной, чем более ему удавалось ослабить силу ее вещественных доказательств.

Именно эту беспрерывную, глубокую ложь изобличил Сен-Жюст на другой день, 27 декабря, в своем решительном ответе на речь де Сеза [44].

«По крайней мере, Людовик, вы не были лишены искренности... Привычке править, неопределенности положения, ужасу первых гроз я простил бы притворство ради сохранения отвратительных прав, еще дорогих душе, лишенной чувства сострадания. Но затем, когда Национальное собрание одобрило полезные реформы, когда оно представило Права Человека на утверждение короля, то какое несправедливое недоверие, вернее, какая причина — если не жажда править, если не отвращение к всеобщему счастью — воздвигла преграды перед представителями народа? Тот, кто говорил: «*Мой народ, мои дети*», тот, кто говорил, что он живет лишь ради благополучия нации, тот, кто говорил, что он *счастлив только ее благополучием и несчастлив ее бедами*,— отказывал ей в ее самых священных правах. Лживое добродушие, предательское добродушие, превращающее мягкость и кажущуюся доброту в систему тирании...

Поставленный в вину Людовику сговор с императором и прусским королем при заключении Пильницкого соглашения разоблачить нетрудно; *у правосудия нет вещественных доказательств сокрытия великих преступлений... Преступление невидимо, но оно нас поражает*».

Речь Сен-Жюста, произнесенная на другой день после защитительной речи де Сеза и под ее непосредственным впечатлением, отражает раздражение и тревогу, вызванные ею у членов Конвента. Все чувствовали, что вопрос был поставлен неправильно и как бы принижен своего рода лукавым простодушием, бывшим продолжением уклончивой тактики.

Казалось, что при этой решающей встрече королевской власти с Революцией должно было произойти ожесточенное столкновение: совесть и ум всех присутствовавших втайне ожидали решительного объяснения, удара молнии. А Революция сражалась с хитросплетениями судебной процедуры, со слишком ясным запирательством, явную лживость которого не было возможности доказать вещественно. Охваченный гневом Сен-Жюст разорвал эту жалкую и раздражающую сеть:

«Этот день решит участь Республики: она мертва, и с ней все покончено, если тиран останется ненаказанным».

---

43. Вот какой могла бы быть защитительная речь короля... Жорж Лефевр высказал мысль, что более смелый адвокат объявил бы его виновным с точки зрения революционного права, но при смягчающих обстоятельствах. С точки зрения Революции Людовик виновен. Но мог ли он, воспитанный на понятиях божественного права, думать, что его власть можно законно оспаривать, в то время как традиция, его воспитание, его окружение — все склоняло его к отрицанию народного суверенитета? Не проявил ли он своей доброй воли, созвав Генеральные штаты, признав 23 июня 1789 г. принцип конституционного строя и гарантии личной свободы?.. Но согласился ли бы Людовик XVI, чтобы его защищали таким образом? Это означало бы отказаться от себя самого.
44. «Archives parlementaires», LV, 707.

ЖИРОНДА И ОБРАЩЕНИЕ К НАРОДУ

И в момент, когда Конвент находился в тревожном и нервозном состоянии духа, в момент, когда роялисты множили свои происки и пытались спекулировать на сострадании, когда повсюду, в городах и деревнях, брошюры, альманахи, изображения распространяли легенду о короле-мученике, Жиронда предложила Конвенту чудовищную авантюру — обращение к народу [1]. Она потребовала, чтобы судебный приговор был передан на утверждение первичным собраниям. Да, чудовищная авантюра, ибо прежде всего это была бы превосходная пища для роялистской пропаганды и для возбуждения жалости к королю. Под предлогом вынесения решения о том, какой каре следует подвергнуть короля, и определения его ответственности контрреволюционеры подвергли бы критике все события, совершившиеся в последние три года. Это был бы уже не процесс короля, а процесс Революции. Прикрываясь своей ролью судей и приобщаясь на некоторое время к неприкосновенности самого Конвента, доверившего им вынесение высшего решения, мятежники потребовали бы отчета о событиях 10 августа и сентябрьских дней. Они использовали бы против Революции братоубийственную борьбу между революционерами и их взаимные обвинения. И во всем этом поднятом вихре пыли исчезли бы преступления короля.

Заметим, что как раз в это время первый порыв победоносного и славного наступления Республики если и не был сломлен, то по меньшей мере ослабел. В Германии наши армии отступали, в Бельгии они колебались и таяли: дурная организация административных служб привела к гибели тысяч людей от холода и лишений.

Таким образом, Франция, собравшаяся в свои первичные собрания, не имела бы той неодолимой силы веры и гордости, которая не боится никаких происков. И так как из каждой коммуны в армию отправились самые храбрые патриоты, самые пылкие революционеры, то решать этот жизненно важный вопрос должна была бы нация, лишенная своих самых лучших сил. Сколько это таило в себе неожиданностей, сколько интриг! А также сколько поводов к конфликтам между первичными собраниями и Конвентом!

Прежде всего, первичные собрания могли бы сказать: раз Конвент считает своим долгом передать на наше утверждение решение, вынесенное им об особе короля, то по какому праву Конвент до сего времени воздерживался от передачи на наше утверждение значительно более важного решения, вынесенного им о самой королевской власти? И почему вопрос о Республике, несмотря на декрет, который это предусматривает, еще не был передан на утверждение народа?

В том, что касается самого процесса, то, как бы Конвент ни старался передать на утверждение народа только вопрос о мере наказания, разве мог он помешать народу заняться самой сутью процесса и решить не только вопрос о каре, которой следует подвергнуть короля, но и вопрос о том, подлежал ли он наказанию вообще и действительно ли он был виновен? Однако невозможно было передать материалы процесса на рассмотрение 40 тыс. первичных собраний. Что же произошло бы, если бы многие из этих собраний, уступая уговорам роялистов или боясь брать на себя решающую ответственность, пример чего подал сам Конвент, отказались

---

1. 27 декабря 1792 г. порядок дня предусматривал обсуждение способа защиты Людовика XVI. Позиции обеих партий были с самого начала точно определены. Проблемы неприкосновенности больше не касались. Аргументация жирондистов сосредоточилась отныне на двух моментах: на обращении к народу, о котором уже говорилось, и на риске, в случае казни короля, поднять против Революции всю Европу. На трибуне побывали все руководители Жиронды: Саль (из департамента Мёрт) 27 декабря 1792 г., Рабо де Сент-Этьенн и Бюзо — 28-го, Верньо — 31 декабря, Бриссо — 1 января 1793 г., Жансонне — 2-го, Петион — 3 января. Все они приводили прежние доводы, слабость которых можно только подчеркнуть. Было налицо противоречие: между подчеркиванием внешней опасности и требованием обратиться к народу. Аргумент имел смысл только в случае вынесения смертного приговора и в случае, если бы народ помиловал Людовика XVI. Не проще ли было бы потребовать от Конвента не осуждать короля на смерть? С политической точки зрения обращение к народу создавало одни только неудобства. Если бы Конвент высказался за смерть короля и народ утвердил этот приговор, внешняя опасность осталась бы той же; а если бы он кассировал приговор, авторитет Собрания был бы навсегда подорван.

выносить решение? Вся жизнь нации повисла бы в пустоте. Вся Революция оказалась бы напрасной.

И еще, если бы первичные собрания вынесли свое решение и выразили неодобрение Конвенту, если бы, например, они отменили смертную казнь, решенную Конвентом, то сколь опасно стало бы положение членов Конвента! Они были бы в некотором роде отвергнуты страной. Они были бы цареубийцами, раз проголосовали за смертную казнь, но нация одним движением вырвала бы у них топор в тот самый момент, когда он опускался на голову короля. Они стали бы олицетворением напрасного насилия, бессильного преступления, их лоб был бы забрызган кровью, хотя в действительности кровь не пролилась.

Какова бы ни была кара, назначенная страной, достаточно было ей оказаться меньше кары, назначенной Конвентом, и король стал бы отныне выше Конвента; он получал бы от нации действительную неприкосновенность и мог бы смеяться над Конвентом. Контрреволюционеры кричали бы со всех сторон. «Как можно оставлять управление Францией в руках Собрания, которому Франция только что отказала в доверии и которое при решении страшного вопроса доказало, что у него не было ни достаточной смелости одному взять на себя всю ответственность, ни достаточной прозорливости, чтобы согласовать свое предварительное решение с глубоким чувством страны? Они потребовали бы роспуска Конвента и новых выборов. Революционная Франция, *лишенная всякого правительства, всякой* руководящей силы, станет добычей анархии именно в тот час, когда коалиция держав удваивает против нее свои усилия. И у Конвента не будет никаких средств защитить себя; ибо какой мятежник станет бояться за свою голову, если Конвент не смог отрубить голову королю?

Революция никогда не подвергалась большей опасности. Одобрение обращения к народу означало гибель революционной Франции

Как жирондисты могли не видеть этой явной страшной опасности? Или как могли они пренебречь ею и по каким причинам старались забыть о ней?

Вначале они ссылались на суверенитет нации. Именно Верньо придал этому доводу наиболее убедительную форму [2]. Решения собраний имеют силу только потому, что они считаются выразителями общей воли. Следовательно, «любой акт, исходящий от представителей народа, есть посягательство на его суверенитет, если он не подвергается формальному или молчаливому утверждению. А для приговора Людовику молчаливого утверждения недостаточно Смерть непоправима, и, если нация не одобрит смертный приговор, будет уже слишком поздно. К тому же Конституцией 1791 г. сам народ предоставил королю неприкосновенность, и один только народ может лишить его этой неприкосновенности».

Но как мог Верньо забыть, что народ предоставил королю эту неприкосновенность в 1791 г. через посредство своих представителей? Раз они могли взять обязательство от его имени, то они могли и отказаться от него. Как мог Верньо забыть также, что многие другие непоправимые и необратимые акты были совершены без того, чтобы испросить санкции народа? Непоправима не одна только смерть, причем важен не физический факт смерти, важны ее политические последствия. Так, упразднение королевской власти и провозглашение Республики имеют последствия, избежать которые невозможно. И было странно, что та самая Жиронда, которая, объявив войну Австрии и Пруссии, развязала, не спрашивая мнения народа, события, которые имели для Революции гораздо большие последствия, чем вопрос о жизни или смерти короля, вдруг усмотрела необходимость формального утверждения нации. И если один только народ мог лишить короля неприкосновенности, данной ему им самим, то чем становились события 10 августа? Следовало ли признать их преступным восстанием? Или если они были законны, то как мог Конвент, избранный всей нацией, обладать меньшим правом посягнуть на конституционную неприкосновенность короля, чем парижские и марсельские секции, восставшие 10 августа? Сказать правду, после 10 августа неприкосновенности короля больше не существовало, и Конвент оказался перед фактическим положением вещей, созданным непосредственно стихийной силой народа, за которым Верньо, председательствовавший 10 августа в Законодательном собрании, признал право.

Любопытно к тому же, что Жиронда призывает к прямому осуществлению народом своего суверенитета. Она не была единодушна в этом вопросе, и Дюко оставался верен общей политической линии своей партии, когда заявил, что он отвергает обращение к народу «как противоречащее представительной системе». В принципе жирондистам не очень нравилось вмешательство самого народа, вмешательство секций [3]. В этом прямом и непрерывном действии народа они усматривали средство агитации и тирании,

2 Верньо был главным оратором Жиронды во время этих дебатов; он выступил 31 декабря 1792 г., после Робеспьера, изложившего свою позицию 28 декабря

3. Действительно, налицо было противоречие в позиции Жиронды, оправдывавшей обращение к народу, логически вытекавшее из суверенитета народа, но критиковавшей принцип прямого правления, когда на него ссылались парижские секции Обращение к народу противоречило принципу представительного строя, как и принципу учредительной власти. Дюко выступил против обращения к народу 15 января 1793 г («Archives parlementaires», LVII, 76.)

и они больше рассчитывали на мудрость представителей, обсуждающих дела под влиянием блестящего красноречия. Когда Бодо в своих столь глубокомысленных заметках говорит [4]: «Жирондисты хотели значительных изъятий для участия во власти или по меньшей мере при передаче полномочий власти. Мы же хотели бы привлечь всех людей к участию в общественной власти» [5], то это нельзя согласовать с их избирательной системой: они допускали всеобщее избирательное право и право всех граждан быть избранными. Но они полагали, что влияние таланта в сочетании с богатством дало бы стране, путем представительства, правительство элиты, и мало заботились о том, чтобы свой голос возвышали пролетарии.

Разве Бриссо не называет «каннибалами», «антропофагами» большинство петиционеров, которые являлись в Конвент, требуя суда и казни короля? Когда Бодо цитирует высказывания Дюрана-Майана о необходимости участия масс в революциях[6]: «Когда в революции сделано так много, чтобы привлечь народ как ее не только законного, но и необходимого участника, то можно ли резко и против его воли его отстранять? И следовало ли так поступать, после того как он долго оказывал важные услуги? Ибо, признаемся, чего добились бы без него наши ораторы своими красивыми ритмическими фразами?» — то он хочет разбить концепцию жирондистов, используя свидетельство умеренного. Даже после усилий, приложенных жирондистами, чтобы добиться обращения к народу, Малле дю Пан весьма верно замечает, что их политика заключается в том, чтобы умерять могущество народа посредством представительной системы [7].

«Доктрина и цель бриссотинцев состоят в установлении и организации безусловной Республики *при некотором ограничении крайней демократии посредством представительной системы*. ...Большинство высказалось за передачу приговора королю народу отнюдь не из чувства справедливости, человечности и сострадания к этому злополучному государю, но исключительно из политических соображений — чтобы избавить Конвент от вины за столь отвратительное убийство короля и предотвратить его последствия как внутри, так и вне страны».

Не знаю, хорошо ли разобрался Малле дю Пан в соображениях, заставлявших жирондистов требовать обращения к народу по поводу судебного приговора королю. Но противоречие между предпочтением, неизменно отдаваемым ими представительной системе, и их предложением обратиться к народу разительно. Последнее было для них, несомненно — да иначе и не могло быть,— лишь случайным маневром. Правда, я уже отмечал при рассмотрении деятельности Учредительного собрания, что идея обращения к народу была высказана еще в первые дни Революции одним будущим жирондистом, тем самым Салем, который и предложил обращение к народу в связи с процессом короля [8]. Она касалась

приостанавливающего *вето*. Саль соглашался на него при условии, что запрошенный народ сможет прямым выражением своей воли положить конец королевскому «вето». И уже тогда Робеспьер, возражавший против приостанавливающего *вето* так же, как и против абсолютного *вето* [9], изобличил в системе обращения к народу обманчивую видимость демократии, которая в действительности позволяла бы принимать решения, противные демократии. В то время как для демократов-робеспьеристов действие народа должно было служить поддержкой — против двора или против врагов Революции — наиболее смелых решений революционных представителей, для тех, кто назвался жирондистами, оно должно было позволить уклониться от решения наиболее неотложных проблем, рассеять в неопределенной ответственности далекого народа непосредственную ответственность его представителей. Для одних оно было стимулирующим средством, для других — разлагающим; вот почему положению, высказанному ораторами Жиронды, неожиданно сославшимися для решения вопроса о Людовике XVI на прямой суверенитет нации, можно придать лишь случайное значение. Это было, в сущности, средство для проволочки. Обращение к массам, противоречившее основной тактике жирондистов, было лишь способом добиться отсрочки; народ, знавший об обычном недоверии к нему Жиронды, не мог усмотреть акт доверия в этом отчаянном маневре.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ АРГУМЕНТ

Жирондисты выдвигали еще один аргумент и допускали еще одну непоследовательность. Это они, желая обеспечить победу Революции внутри страны, развязали войну. Это они бросили

4. Бодо Марк Антуан (1763—1837) — врач, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Сона и Луара. Его «Notes historiques sur la Convention nationale, le Directoire, l'Empire et l'exil des votants...» были опубликованы вдовой Эдгара Кине (Paris, 1893).
5. B a u d o t. Notes historiques..., p. 147.
6. B a u d o t. Op. cit., p. 261. Дюран де Майан (1729—1814) — адвокат при парламенте Экса, депутат Генеральных штатов от третьего сословия сенешальства Арль, затем депутат Конвента от департамента Буш-дю-Рон.
7. M a l l e t d u P a n. Mémoires et Correspondance..., recueillis et mis en ordre par A. Sayous. Paris 1851, 2 vol., t. I, p. 347.
8. Саль (1759—1794) — врач из Везелиса, депутат Генеральных штатов от третьего сословия бальяжа Нанси, депутат Конвента от департамента Мёрт. Саль предложил обращение к народу 27 декабря 1792 г. «Moniteur», XIV, 859; «Archives parlementaires», LV, 713. О позиции Саля по поводу вето см.: Ж. Ж о р е с. Цит. соч., т. I, кн. 1, с. 405, прим. 1.
9. О позиции Робеспьера по поводу вето см.: «Социалистическая история Французской революции», т. I, кн. 1, с. 405, прим. 2.

вызов всему миру, провозгласив крушение всех тронов и торжество свободы во всем мире. Это они говорили и повторяли революционной Франции, что зародыши революции имеются в избытке у всех народов, что умы созрели для нового порядка и народы ждут от французской свободы только сигнала.

А теперь все ораторы Жиронды утверждают, что весь мир во власти духа контрреволюции, что народы невосприимчивы к идеям Революции и даже возбуждены и настроены против нее и что Конвент, взяв на себя прямую ответственность за смерть короля, даст пищу или предлог для разгула враждебных страстей, что все силы мира объединятся против Французской республики. Саль восклицает [10]:

«Да, граждане, я говорю вам это, так как обязан говорить вам правду; да, все народы Европы, что бы ни говорили о них, еще рабы. Далекие от мысли последовать нашему примеру, сбросив своими силами тяготеющее над ними позорное ярмо, они нехотя принимают дар, который несут им наши армии.

Наши принципы — трудно переваримая пища, в некотором роде отягощающая их организм. Смотрите, что произошло во Франкфурте, что произошло в Трирском епископстве, где крестьяне каждый день предают наших солдат, в Брабанте, который с сожалением вспоминает своих священников, опасается за нелепые обряды своих монахов и, возможно, в конечном счете будет смотреть на нас как на врагов божественного начала, так как мы осуждаем мерзости ультрамонтанов.

Подумайте о клеветнических измышлениях, распространяемых о нас заграницей, об удивительном предубеждении, внушенном вражеским солдатам, которые боятся переходить в наш лагерь из страха, что мы будем обращаться с ними, как каннибалы; подумайте о могущественных средствах, какими располагают деспоты, чтобы воспрепятствовать распространению наших принципов, и спросите себя хладнокровно и беспристрастно, действительно ли революция всего человеческого рода так близка, как нам говорят. Нет, народы находятся еще во власти деспотизма духовенства и всех предрассудков, привязывающих их к их тиранам».

Да, но кто же, как не сами жирондисты, выступил с этими прекрасными и обманчивыми пророчествами? Эти благоразумные и правдивые слова следовало сказать тогда, когда шла речь о принятии в обстановке энтузиазма опасных декретов от 19 ноября и 15 декабря. И какая вера могла быть тем, кто жаждал вначале установить «всемирную революционную власть», а теперь, явно в интересах короля, кричит о банкротстве этой всемирной пропаганды?

Сам Бриссо настаивает на враждебных настроениях, которые тиранам удалось внушить против революционной Франции [11].

«Я уже говорил это *во время прений*: *мы недостаточно хорошо видим Европу, наши взоры слишком прикованы к тому, что нас окружает*. Полные уверенности в чистоте своих помыслов и в благодетельности своих декретов, мы предоставили времени заботу о том, чтобы опровергнуть клевету, вывести народы из заблуждения относительно всей той лжи, которую распространяют о нас.

Однако именно с помощью этих ложных мнений, этих диких клеветнических измышлений королям удается отвратить народы от нашей Революции, внушить им ужас перед республиканским образом правления и даже вооружить их против нас... Английское правительство изображает нас каннибалами; оно увешало стены домов в городах и деревнях самыми отвратительными, но, к сожалению, весьма похожими изображениями избиений 2 и 3 сентября... Рассказывать здесь о комедии, разыгранной правящими Англией макиавеллистами, значило бы поведать о злодеяниях почти всех держав Европы».

О, без сомнения, было бы несправедливо ждать всегда от Бриссо проявленных им вначале смелости и энтузиазма! Было бы несправедливо и бессмысленно отказывать ему в праве на благоразумие под тем предлогом, что именно он первый развязал войну и внушил Франции роковые иллюзии. И если ему угодно, дабы умалить свою ошибку, доказывать, что именно сентябрьские избиения превратили первоначальную благосклонность народов во враждебность, то почему нам не принять объяснения, щадящего его самолюбие? Ведь в час революционной инертности весной 1792 г., когда во всем была неуверенность и вялость, когда казалось, что революционной силе никак не удастся пробиться наружу, он осмелился бросить вызов судьбе. Возможно, что гроза, которую он вызвал и которая должна была грохотом и светом своим охватить весь горизонт человечества, теперь затихает и отступает. Если Бриссо, получив от войны то, что она могла дать, т. е. упразднение королевской власти, теперь заметил, что война эта, расширяясь, становится губительной, если он утратил, столкнувшись с сопротивлением всего мира, кое-какие из своих иллюзий, без которых он не осмелился бы разыграть свою отважную партию усиления Революции посредством войны, то он был вправе признать силу препятствий и ограничить борьбу и опасность.

Если жирондисты, толкнувшие страну на войну, чтобы свергнуть короля, теперь страшатся расширения войны и пытаются ограничить ее, устраняя чересчур удобный для европейской

10. См. выше, прим. 8. Слова Саля вызвали ропот Собрания: его призывы к благоразумию перед угрозой коалиции европейских держав возмутили Собрание.

11. «Moniteur», XV, 26; «Archives parlementaires», LVI, 124. Бриссо вновь повторит эти мысли 19 января 1793 г. в связи с отсрочкой. («Moniteur», XV, 249; «Archives parlementaires», LVII, 451.)

контрреволюции предлог, то это, без сомнения, проявление прозорливости и мужества. Но зачем тогда прибегать к обходному маневру в виде обращения к народу? Почему открыто и прямо не предупредить Францию, что, вынеся коротю смертный приговор, она бессмысленно приведет к созданию против себя пагубной коалиции?

Если верно, как об этом говорят все, что Англия, Голландия и Испания только и ожидают казни Людовика XVI, чтобы напасть на Францию, и если существует малейшая возможность, сохранив королю жизнь, избежать этого грозного расширения конфликта, то это надо сказать без всяких оговорок и страха. Перед страной и всем миром надо изложить самую суть вопроса, а не заниматься процедурными ухищрениями. Они ссылались (и это был главный довод Саля и Бриссо) на то, что всякое решение Конвента, каково бы оно ни было, таило в себе самые серьезные опасности и что опасности эти исчезли бы, если бы народ выступил в роли судьи последней инстанции. Если бы Конвент из благоразумия или жалости сохранил королю жизнь и в своем приговоре ему ограничился тюремным заключением или изгнанием, то это благородное решение было бы извращено и отравлено клеветой, которая изобличила бы в нем маневр интриганов, спасающих короля, чтобы спасти королевскую власть. Напротив, если бы Конвент осудил Людовика на смерть, то все враги Революции во Франции и за ее пределами обвинили бы Собрание в том, что оно либо уступило жестокой кровожадности, либо обсуждало вопрос под угрозой убийц. И тогда весь мир был бы восстановлен против Франции.

Наоборот, пусть приговор вынесет народ! Если он проявит милосердие, если он почувствует, что его сердце достаточно свободно от всякой привязанности к королевской власти, чтобы без боязни сохранить королю жизнь, то кто же во всем мире сможет обвинить в слабости или в интриганстве шесть миллионов человек, возвысившихся над своим чувством справедливого гнева? Стрелы вечных клеветников притупятся, столкнувшись с безграничным благородством всей нации, сама многочисленность которой ставит ее вне подозрений. А если народ отправит Людовика на эшафот, чтобы покарать в лице высшего предателя саму измену, если он захочет придать своей борьбе против старого мира нечто такое торжественное и бесповоротное, как смерть, то кто посмеет сказать, что шесть миллионов сердец были охвачены безумием каннибализма и опьянены кровью? Каково бы ни было решение народа, на нем будет печать величия и неприкосновенности самого народа. Оно будет выше клеветы, как выше клеветы сам народ.

Но каков софизм! Как будто чужеземцы, готовые нанести удар и ждавшие лишь предлога, были безоружны против решения народа! Будь оно мягким, они истолковали бы его как неодобрение Конвента и Революции народом. Будь оно жестоким, они заклеймили бы его как проявление страсти к убийствам, охватившей весь народ, заразившийся революционным безумием. Короли и их министры заявили бы, что в каждом первичном собрании небольшая группа бешеных сделала фанатиками или терроризовала всех остальных, и навлекли бы ненависть наций на весь народ, изображаемый ими чудовищным зверем, одержимым жаждой убийства. Таким образом Конвент, перелагая на народ свою ответственность, лишь увеличил бы в глазах чужеземцев преступление Революции до размеров преступления самого народа.

Нет, нет: если государственные деятели и ораторы Жиронды действительно верят в то, что казнь короля, увеличив ненависть и опасность, усилит страшный кризис, переживаемый Францией, если они действительно верят в то, что политика и человечность не противоречат друг другу в вопросе спасения жизни короля, то нужно, чтобы они взяли славную ответственность его спасения на себя, а не препоручали заботу о благе Революции неисчислимому и нерешительному народу, к чьей далеко не единой воле они взывают только для того, чтобы скрыть растерянность своей собственной мысли.

РЕЧЬ ВЕРНЬО

В сущности, именно таков и был главный смысл речи Верньо[12]. Его великий и благородный ум быстро ставит его выше всех комбинаций и уловок. На одно мгновение он, казалось, совсем забыл об этом печальном и жалком обходном маневре — обращении к народу — и великодушно советует Конвенту проявить милосердие, как если бы короля должен был судить он, и только он.

«Мне слишком дорога слава моей страны, чтобы я стал предлагать Конвенту в столь торжественном случае принять во внимание соображение о том, что сделают или чего не сделают иностранные державы. Однако, поскольку говорят, что мы в этом судебном процессе действуем как политическая власть, я подумал, что ни вашему достоинству, ни вашему разуму не было бы противно, если бы я коснулся политического момента.

Возможно, что один из мотивов, по которым Англия еще открыто не нарушает своего нейтралитета и которые побуждают Испанию обещать его,—это боязнь ускорить гибель Людовика

12. Верньо Пьер (1753—1793) — адвокат парламента в Бордо, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Жиронда; «Archives parlementaires», LVI, 90 (заседание 31 декабря 1792 г.).

своим присоединением к союзу, созданному против нас. Независимо от того, будет ли Людовик жить или умрет, державы, возможно, объявят себя нашими врагами, *но осуждение сделает такую декларацию более вероятной, и можно быть уверенным в том, что если такая декларация будет сделана, то предлогом к ней послужит смерть короля.*

Вы одолеете этих новых врагов, верю в это. Порукой мне в том — храбрость наших солдат и правота нашего дела. Не следует, однако, нам столь обольщаться первыми успехами: это вызовет значительное увеличение ваших расходов; это приведет к необходимости нового набора в ваши армии; это потребует создания военно-морских сил; это создаст новую угрозу для вашей торговли, которая и так уже сильно пострадала от бедствий в колониях; это сулит новые опасности для ваших солдат, которые, в то время как вы здесь спокойно распоряжаетесь их судьбой, мужественно переносят и жестокие ветры, и ненастье, и усталость, и болезни, и опасность смерти.

И если, в то время как заключение мира станет более трудным, война, роковым образом затянувшись, полностью истощит ваши финансы, о чем невозможно подумать без содрогания; если она заставит вас прибегнуть к новым эмиссиям ассигнатов, что вызовет устрашающее повышение цен на продукты первой необходимости; если она усилит всеобщую нищету в связи с новыми ударами, нанесенными вашей торговле; если она прольет потоки крови на суше и на море, — то какую великую службу сослужат человечеству ваши политические расчеты? Чем будет обязано вам отечество за то, что вы, действуя его именем, пренебрегая его непризнаваемым суверенитетом, совершили *акт мщения*, ставший причиной или только предлогом для столь пагубных событий? Осмелитесь ли вы хвалиться перед отечеством своими победами? Я уже не говорю о поражениях и неудачах и гоню от себя все мрачные предсказания. Но естественным ходом событий, даже самых благоприятных, оно будет принуждено делать усилия, которые его истощат. Его население сократится, ибо война унесет огромное число мужчин, не будет ни одной семьи, которая не оплакивала бы отца или сына; земледелию вскоре не хватит рабочих рук, мастерские будут покинуты; истощение вашей казны потребует новых налогов; общество, уставшее от нападок могущественных врагов за рубежом, от внутренних потрясений, вызываемых партийными группировками, впадет в смертельное изнеможение. Берегитесь, как бы среди этих побед Франция не уподобилась знаменитым египетским гробницам, восторжествовавшим над временем. Приезжего иностранца поражает их величие; но если он пожелает проникнуть внутрь, то что же находит он там? Безжизненный прах и гробовое молчание».

Сила и глубина речи Верньо изумительны; но ни единое слово в его речи не ратует за обращение к народу. Все в его речи кричит Конвенту: «Судите Людовика XVI и сохраните ему жизнь». Именно для того, чтобы не показалось, будто он совершенно забыл об идее обращения к народу, Верньо и вставил единственный раз в столь обширное и столь великолепное рассуждение слова, напоминающие о нем: «*пренебрегая его непризнаваемым суверенитетом*». Слова эти не связаны неразрывно с этой частью его речи, они включены сюда лишь в силу ораторского искусства, чтобы не создалось впечатления полного отсутствия какой-либо связи между этим местом и самим предметом речи.

Но это лишь искусственная связь. В смертном приговоре Людовику важно было бы не то, что он был вынесен, не испрашивая воли народа, но то, что он был бы вынесен. Речь шла уже не об обращении к народу, а о призыве к милосердию; и это великолепное рассуждение ничего не утратило бы, если бы Верньо, вместо того чтобы убеждать Конвент отказаться от вынесения приговора, потребовал бы от него вынести этот приговор, проявив при этом милосердие. И какими смелыми, чуть ли не клеймящими словами называет он осуждение на смерть: «*акт мщения*»! Но к чему передоверять этот акт мщения на усмотрение нации? К чему по меньшей мере испытывать народ? И акт, который Верньо предоставляет совершить народу,— это не только акт неразумной жестокости, но и акт трусости.

«10 августа нужна была храбрость, чтобы низложить еще могущественного Людовика; какая храбрость нужна, чтобы предать казни побежденного и обезоруженного Людовика? Солдат-кимвр вошел в тюрьму, где находился Марий, чтобы убить его; испугавшись вида своей жертвы, он убежал, не осмелившись нанести ему удар. Будь этот солдат членом Сената, полагаете ли вы, чтобы он не решился проголосовать за смертный приговор тирану? Какую смелость усматриваете вы в акте, совершить который способен был бы трус?»

Да, но если бы этот солдат, вместо того чтобы быть членом Сената, то есть Конвента, был членом первичного собрания, то он равным образом проявил бы смелость подлеца, голосуя за смертную казнь. И на этот раз слова Верньо направлены не против права вынесения окончательного приговора, которое присвоил бы себе Конвент, не против вынесения им смертного приговора, но против смертного приговора, вынесенного любой властью, будь то нация или Конвент. И только благодаря риторическому искусству вся эта аргументация как бы связана с идеей обращения к народу; в сущности, она совершенно не зависит от нее. Но высказанная или подразумеваемая мысль об обращении к народу ослабляет эту великолепную речь о милосердии, она придает ей некоторую искусственность и отчужденность, так как оратор говорит не перед теми, кто в его глазах — истинный судья. Любопытная вещь! Два раза (и это были самые яркие его речи, наиболее взволновавшие всех), два раза Верньо говорил о Людовике: один

раз в Законодательном собрании, чтобы его обвинить [13], и теперь в Конвенте, чтобы его спасти. И каждый раз он придавал своей мысли, суровой или милосердной, предположительный или приостанавливающий смысл. Вспомним его страшную обвинительную речь: в своих самых неистовых угрозах он еще допускал некоторую условность и останавливался у последнего предела, где угрожающий жест вот-вот превратится в удар. И так же, как тогда он сдерживал свой гнев,— так теперь он сдерживает свое сострадание, потому что в тот самый момент, когда он вызывает волнение у своих слушателей, главный результат этого волнения должен сводиться к тому, чтобы дело было передано другим судьям, которые не услышат его [14].

Как только обаяние этой блестящей речи несколько рассеялось, присутствовавшие спросили себя: но что же имеет в виду Верньо? Если он хочет спасти короля, то зачем обременяет он себя этой тяжелой и опасной процедурой обращения к народу? Или же если он действительно заинтересован в обращении к народу, если он озабочен сохранением прежде всего того, что он называет правом народного суверенитета, то зачем он столь связывает себя словами о милосердии? Почему он словно изображает обращение к народу как высшее орудие человечности и прощения, с риском оттолкнуть от него тех, кто, привлеченный кажущейся логикой этого принципа народного суверенитета, все же не пожелал бы, чтобы его применение привело к спасению тирана?

Неуверенность и замешательство людей усугублялись тем, что даже среди жирондистов, поддерживавших идею обращения к народу, не было единства тактики, мысли и ее конкретного истолкования [15]. Саль желал, чтобы Конвент высказался только по вопросу виновности короля и воздержался от установления кары, предоставив первичным собраниям заботу одним решить, какую кару заслужил Людовик: тюремное ли заключение, изгнание или смертную казнь?

РЕЧЬ БЮЗО

Бюзо, напротив, хотел, чтобы Конвент вынес решение также о наказании, но чтобы оно было передано на утверждение народа [16].

«Мое мнение отличается от мнения Саля в следующем: я высказываюсь за вынесение смертного приговора Людовику XVI и передачу его на утверждение всей нации, тогда как Саль, напротив, хочет, чтобы мы ограничились решением о виновности Людовика XVI и передали первичным собраниям вопрос о наказании. Причины этого различия таковы. Во-первых, вы декретировали, что Людовика должен судить Конвент, и получили на это полномочия от народа, который облек вас всеми полномочиями. Отказаться от них значило бы дать еще одно оружие в руки наших врагов, которые не преминули бы обвинить вас в слабости и решить, что вас удерживает страх; они сказали бы, что вы не смогли мужественно нести бремя, которое взяли на себя, что вы даже побоялись поднять эту тяжесть. Решайтесь же на это, смело и твердо возьмите на себя ответственность, которую это на вас налагает; тем самым вы лишите клеветников нового предлога унизить Конвент. *Во-вторых, я полагаю, что вы должны сами направлять и определять общественное мнение; народ в своих первичных собраниях будет опираться на ваш пример; выражая свое мнение, вы укрепите слабых в их шатком мнении; смелым людям это придаст больше сили, чтобы успешно бороться против сторонников чрезмерного модерантизма; наконец, свобода первичных собраний останется неприкосновенной, но разногласий больше не придется опасаться, и мнения, которые могли бы быть робкими и нерешительными, получат излучающую силу и точку опоры в том приговоре, который будет содержаться в вашем декрете*».

Кто не подумал бы, слушая эти речи, что Бюзо, в полную противоположность Верньо, хочет смерти Людовика XVI? Он хочет, чтобы Конвент определил кару; лично он будет голосовать за смертную казнь. По его мысли, Конвент должен проголосовать за смертный приговор, а поскольку вынесенный им приговор, по всей вероятности, послужит светочем и образцом для первичных собраний, народ последует за Конвентом и проголосует за смертный приговор, вынесенный последним. Итак, Бюзо, казалось бы, прибегает к обращению к народу не для того, чтобы уменьшить шансы на вынесение смертного приговора Людовику XVI, но чтобы придать этому приговору больший вес и большее величие. Однако сам он в этой же речи таким образом говорит

13. Речь 3 июля 1792 г. в Законодательном собрании. См.: Ж. Жорес. Цит. соч., т. II, с. 521, «Верньо угрожает дворцу».
14. Верньо закончил так: «Всякий акт, исходящий от представителей народа, есть посягательство на его суверенитет, если этот акт не был подвергнут его утверждению, формальному или молчаливому».
15. Затруднение было столь велико, что жирондисты не могли прийти к согласию насчет формы обращения к народу. Настолько Жиронда была разъединена и неспособна к согласованным действиям. По мнению Саля, Конвент должен был высказаться о виновности короля, а народ — о его наказании. По мнению других, приговор Конвента следовало передать на ратификацию первичных собраний; но при обосновании законности обращения к народу они приводили разные доводы. То, что для Бюзо и Верньо неизбежно вытекало из народного суверенитета, для Бриссо и Жансонне было лишь простой мерой политической целесообразности.
16. «Moniteur», XIV, 875; «Archives parlementaires», LVI, 12. Бюзо выступил в прениях 28 декабря 1792 г.

об основаниях, какие, возможно, будут у народа для сохранения жизни Людовику XVI, что трудно не усмотреть в его словах совета проявить милосердие:

«Я далек от того, чтобы рассматривать крики части жителей какого-нибудь города как выражение воли нации; я могу признать выражением воли нации только мнение большинства самой нации. Привязанности бывают различными в разных местах. Париж, свидетель разложения королевского двора, должен, быть может, испытывать более остро вызванные этим чувство негодования и жажду мщения; *но справедливости этих чувств отнюдь не достаточно для окончательного решения*; судить надо так, как будет судить потомство,— без запальчивости и пристрастия, как судят, вероятно, в большинстве департаментов: на основании фактов, а не чувств; надо, чтобы разум обосновывал и определял наше поведение, именно разум должен восторжествовать в конце концов, ибо он существует во все времена и не знает исключений. *Даже Париж, где преступления последнего царствования, по-видимому, оставили более глубокие следы, быть может, увидел бы — если бы можно было мирно и свободно опросить мнение всех, —что часть его жителей поражена и взволнована великим уроком несчастной судьбы Людовика XVI*».

Таким образом, Бюзо, заявив, что Конвент вынесением смертного приговора должен подать народу пример твердости и суровой справедливости, по-видимому, ожидает от самого народа акта милосердия. Как при такой путанице в мыслях, при таком распылении усилий могла Жиронда повлиять на ход событий? И какова была, в сущности, мысль Бюзо? Не без чувства изумления читаю я в его написанных в конце 1793 г. «Мемуарах», подлинность которых, впрочем, видимо, отрицать нельзя [17], следующее:

«Не думаете ли вы, что я был так глуп, чтобы когда-нибудь воображать, будто Людовик XVI намеревался благоприятствовать новым установлениям? Нет, это было бы противоестественно; *я даже извинял — насколько мог — противоположные намерения. Тысячи других людей на его месте поступили бы еще хуже. Негодяи, бесчеловечно убившие этого несчастного монарха, были бы на его месте и более дерзкими преступниками, и, быть может, более удачливыми при совершении величайших преступлений.* Оставив Людовика XVI на троне, Учредительное собрание одно заблуждалось бы или было виновно; оно обмануло надежды нации, оно стало виновником всех постигших ее бедствий».

Я хорошо знаю, что в тот час, когда Бюзо писал эти слова, он был изгнанником, постоянно жил под угрозой смерти. Я хорошо знаю, что его преследовали те же люди, которые нанесли смертельный удар королю, и что над ним как бы нависла тень королевского эшафота. Однако странно, что он осмеливается клеймить «негодяев, бесчеловечно убивших несчастного монарха», словно

он сам не признался, что голосовал за смертный приговор, и действительно голосовал за него. Он, несомненно, говорил себе, что его усилия в пользу обращения к народу, а вскоре — в пользу отсрочки исполнения приговора имели целью спасение короля. И он должен был отдавать себе отчет в том, что в глубине души он действительно никогда не желал смерти короля. Именно поэтому он, несомненно, и считал себя вправе клеймить смертный приговор, который он сам фактически вынес. Но какая путаница! И как должна была сама Жиронда запутаться во всех этих тонкостях!

РЕЧЬ ПЕТИОНА

В речи Петиона содержится такое же скрытое противоречие, как и в высказываниях Бюзо [18]. Он объявляет себя обязанным по совести голосовать за смертный приговор, всячески подчеркивая при этом соображения, которые должны заставить этот приговор отвергнуть:

«Я думаю, что каждый из нас должен высказать свое мнение о каре, какую он сочтет справедливой и политически верной для Людовика, и что мнение это должно быть изложено путем поименного опроса.

Итак, какова будет эта кара? Нам представляются возможными только две: тюрьма или казнь.

Предлагалось также изгнание за пределы Республики; эта мера не лишена величия, она говорит о том, что нация сознает свое могущество; она выражает презрение к деспотам; меру эту применил Рим, изгнав Тарквиниев из своих пределов. Но именно те, кто высказал такое предложение, хорошо поняли, что в настоящий момент Людовика небезопасно изгонять с территории свободы; они хорошо поняли, что прежде всего нам надо быть в мире с нашими врагами. Людовик, думается мне, не удвоил бы их кровожадного рвения, ничего не прибавил бы к их ярости и ужасу перед нашей свободой. Но достаточно было бы, чтобы в это могли поверить; достаточно было бы, чтобы могли подумать, что Людовик станет центром более активного собирания сил, чтобы не совершать подобной неосторожности.

Тюрьма или казнь: из этих двух видов кары и надо выбирать.

Тюремному заключению присущи свои опасности; *наибольшая из всех — что это наказание несправедливо, что оно не соответствует тяжести преступления. Тот, кто хотел убить целый народ, тот, кто хотел убить свободу, тот, кто погубил тысячи людей, несомненно, более преступен, чем тот, кто лишил жизни одного*

17 F Buzot Mémoires sur la Révolution Paris, 1823 Edition Dauban, Paris, 1866, p. 45, n 1

18 «Archives parlementaires», LVI, 173 Петион выступил в прениях 3 января 1793 г.

человека. Если этот последний падает, сраженный мечом закона, то как избавить первого от его мщения? Справедливость и мораль восстают против такой мысли.

Находясь среди нас, Людовик смог бы стать постоянным очагом раздоров и разногласий, центром всех заговоров, всех преступных чаяний и самым страшным оружием в руках мятежников.

Казни тоже присущи свои опасности. Не стану говорить, что общество не вправе лишать жизни человека, что эта кара такая же бесполезная, как и варварская. Она еще существует в нашем кодексе, и — пока разум и человечность не устранят ее — я со стоном повинуюсь этому закону, недостойному свободного народа.

Но будет ли это искупление ценой жизни спасительно, а не пагубно для нашей свободы? Убивают ли тиранию, убивая тирана? Разве смерть королей не может вернуть к жизни королевскую власть? История дает нам достопамятные примеры этого. О, если бы у всех тиранов была только одна голова, то тогда свободный человек ради счастья всего мира осуществил бы пожелание, высказанное одним опьяненным человеческой кровью императором варваров об уничтожении человечества; один тиран может быть убит, но из его праха возродится тысяча других.

Если французский народ окажется когда-либо достаточно труслив, чтобы признать над собой господ, помешает ли ему смерть Людовика найти их?

Людовик был бы тем из них, кто внушил бы ему наибольшее отвращение к королевской власти; Людовик заклеймен презрением, Людовик унижен; его преступления были бы всегда перед глазами народа. Умри он, они сойдут вместе с ним в могилу, где они оставят лишь следы, которые время ослабляет и иногда стирает. Вскоре Людовик, быть может, стал бы предметом сострадания! Таков неизменный ход человеческой мысли; не будем себя обманывать, увидим себя такими, каковы мы в действительности.

Не будем более сомневаться в том, что иностранные державы, которые поведут войну против нас, как бы равнодушны ни были они к судьбе Людовика, не преминут объявить публично, что главная причина их враждебных действий — незаконная и жестокая казнь короля. Какие бы невзгоды, какие бы бедствия ни постигли нас впоследствии, не увидит ли народ в своем отчаянии источник всех своих несчастий в трагическом конце Людовика?

Кто знает, не завладеют ли тогда им ловкие и честолюбивые люди и не сумеют ли они заставить его пожалеть о своем былом рабстве?

Не больше ли величия, не больше ли достоинства и истинного мужества в сохранении жизни Людовику, чем в его казни, и окажется ли его казнь менее пагубной, чем его жизнь?

Среди всех этих трудностей, этих предположений, этих различных шансов, этой неопределенности будущего я нахожу точку

опоры в справедливости. Людовик заслужил смертный приговор; мой долг велит мне произнести его. Неведомые события могут сделать эту смерть губительной для моей страны; они могут сделать ее полезной. Я не должен жертвовать своей совестью в угоду комбинациям, которые могут возникать бесконечно».

Странная политика, которая превращает, или делает вид, что превращает, смерть Людовика в долг совести и в то же время предупреждает страну об ужасных опасностях, какие она может за собой повлечь! Обращаясь к одному только разуму, Петион не может решить, что предпочтительно: тюремное заключение или казнь; он колеблется, хотя в действительности он выдвигает свои наиболее устрашающие возражения главным образом против смертного приговора. И если бы у Петиона не было для решения этого вопроса иных способов, кроме расчетов ума, пытающегося предвидеть будущее, то он не смог бы принять решение. Но зачем путем обращения к народу перелагать эти страшные сомнения на нацию? Народ не сможет с большей ясностью, чем Конвент, предвидеть возможный ход событий и, так же как Конвент, не сможет остановиться на какой-либо из комбинаций, меняющихся бесконечно.

И если именно совесть должна вмешаться и разрешить задачу, перед которой отступает мысль, если долг велит: казнь там, где политика приходит в смятение,— то зачем возлагать на нацию разрешение этого страшного конфликта между совестью и разумом? Почему Конвент не возьмет на себя славную ответственность самому разрешить, во имя совести, кажущейся здесь ему высшим арбитром, неразрешимый вопрос, над которым тщетно бьется разум? Почему Конвент хочет, чтобы когда-нибудь, если произойдут роковые события, народ обвинял себя, вместо того чтобы обвинять Конвент? Это было бы еще гораздо более глубоким национальным бедствием, гораздо более страшным духовным кризисом, ибо, подорвав доверие нации к себе самой, он поразил бы самые корни национальной жизни. Прежде чем перелагать задачу на народ, Петион отягощает ее всевозможными сомнениями и ответственностью.

Но разве потому, что бремя могло стать чересчур тяжким, Конвент не должен был нести его сам, рискуя когда-нибудь изнемочь? Поэтому и народ, доведенный до положения, когда он должен был бы винить самого себя, в свою очередь переложил бы вину на Конвент: это Конвент, который мог разрешить проблему, передоверил ее нам. Это Конвент, более просвещенный, чем мы, ввергнас в потемки. Это Конвент, под предлогом уважения к нашему суверенитету, начал с того, что связал его проявление своими советами, но советами двусмысленными, когда он, как оракул, всегда сохранял за собой возможность сказать, что народ плохо его понял.

ИСТИННОЕ НАМЕРЕНИЕ ЖИРОНДЫ

В действительности никаких веских оснований выносить решение об обращении к народу не было, и Жиронда тщетно пыталась прикрыть этим крайним средством неуверенность и несостоятельность своей мысли. Впечатление, производимое жирондистами, было столь двойственным, что, в то время как Дантон, вызванный ими на это, бросит им в своей речи 1 апреля [19] это страшное обвинение, Фабр д'Эглантин в записке, найденной в бумагах Робеспьера и переписанной Бодо, говорит [20]:

«*Жирондисты желают смерти короля*, потому что живой король — помеха для удовлетворения их честолюбия, но они хотят сохранить видимость человечности и поэтому добиваются втихомолку осуществления своей цели. Ланжюине, один из правых, не хотел смерти короля, тогда как другие хотели ее; они это говорили, и они аплодировали Ланжюине».

И дантонист Бодо, словно принимая такое истолкование, восклицает: «Это верх изворотливости и вероломства!»

Нет, я не думаю, чтобы они хотели смерти короля. Я уже говорил о том, каким образом пробудилась в них человечность и жалость, выразившиеся в чувстве печали, примешивавшемся к их неизменному самомнению. Для них, чтобы не желать безоговорочно смерти короля, достаточно было, чтобы ее решительно требовала Гора. По моему мнению, они прежде всего ставили себе целью ослабить Гору, закрыть для нее путь к власти. А для этого надо было, чтобы решения, желательные для Горы, не прошли, а если бы они прошли, то с помощью иных средств. Именно это и побудило жирондистов придумать обращение к народу. Подобно осажденным, желающим «ослабить кольцо осады», жирондисты, начинавшие чувствовать бремя возрастающего влияния Горы и загнанные в тупик парижской демократией, искали выхода в обращении к департаментам [21]. Им не удалось призвать в Париж департаментскую стражу [22]. Им не удалось добиться принятия предложения Гюаде, которое, позволяя первичным собраниям, где жирондисты, по их мнению, располагали еще большинством, отзывать представителей, отдавало на милость Жиронды тех членов Конвента от департаментов, которые действовали в согласии с членами Конвента от Парижа [23].

Если бы вдруг на первичные собрания было возложено решение вопроса, жизненно важного для Революции в целом, то департаменты Франции сделались бы большой силой. Парижские секции сразу утратили бы то особое влияние, какое им придавала их деятельность в центре. И тогда, каково бы ни было решение первичных собраний, восторжествовали бы жирондисты. Если бы Франция совершила акт милосердия, если бы она сохранила королю жизнь, то это было бы поражением Горы, столь неумолимо требовавшей его голову; это было бы также осуждением того, что

жирондисты называли политикой крови; это было бы осуждением сентябрьских избиений, которые они вначале как бы простили, а теперь упорно изобличали; ибо если Франция не мстила, не требовала головы главного виновника, организатора измены, за совершенные им преступления, если у нее было достаточно милосердия, чтобы даровать жизнь величайшему из всех преступников, то какое оправдание могло быть для тех, кто в сентябре, мстя за нацию и спасая, по их словам, свободу, избивал безопасных заключенных или людей, чье преступление по меньшей мере еще не было доказано? И наоборот, если бы первичные собрания проголосовали за смертную казнь, то жирондисты обратились бы к Горе со следующими словами:

«Вы хорошо видите, что вы нас оклеветали, вы и ваши сателлиты, заявляя, что наше обращение к народу департаментов было призывом к контрреволюции или по меньшей мере к модерантизму. Своим страшным решением Франция только что поразила тирана, и решение это, вынесенное всем народом, придает Революции порыв, какой не смог бы ей придать один только Конвент. Верность нашей мысли становится ясной для всех, и вы, несмотря на все ваше коварство, не сможете более ее искажать. То, чего мы хотим,— не допустить ослабления революционного движения, вырвать исключительное руководство им из рук мелких групп народа, которые захотели присвоить суверенитет, а затем позволили нескольким ловким агитаторам отнять у них эту незаконную власть. Раздавив группировки и мятежников, голосование Франции спасло Революцию, и один и тот же приговор, вынесенный всем народом, снес голову тирании и голову анархии».

Итак, Жиронда была озабочена не столько самим смертным приговором, сколько политическими средствами, использованными

19. «Moniteur», XVI, 25. Дантон, отвечая на нападки жирондистов, изобличил «тех, которые по неопытности или преступности своей постоянно хотели, чтобы тиран ускользнул от меча закона». «Вы взялись защищать короля, и вы хотите переложить свои преступления на нас».
20. M.-A. Baudot. Notes historiques sur la Convention Nationale... Paris, 1893.
21. В этом наивно признался 31 декабря 1792 г. Коран-Фюстье, незаметный член Конвента, человек более откровенный и более прямой, представитель департамента Ардеш. В двух фразах он раскрыл цель маневра с обращением к народу: «Мое мнение состоит в этом простом предложении. Парижские секции старались повлиять на Конвент посредством петиций; чтобы это влияние не стало предметом упреков, следует спросить всю нацию в целом». («Moniteur», XV, 15.)
22. См.: Ж. Жорес. Цит. соч., т. III, с. 459.
23. 9 декабря 1792 г. Гюаде, депутат Жиронды, предложил, чтобы Конвент постановил, что «первичные собрания соберутся, чтобы высказаться по поводу отзыва тех членов, которые окажутся изменниками отечества». Декрет, вначале принятый с энтузиазмом, был отменен в конце этого же заседания, после бурных прений. («Moniteur», XIV, 701, 702.)

для его вынесения. Бюзо, тот самый, который с крайним ожесточением вел борьбу жирондистов против Робеспьера и руководил борьбой департаментов против Парижа, проявит в своей речи, в вопросе о жизни короля, величайшее безразличие и черствость. Но для всех жирондистов речь шла прежде всего о том, чтобы — какой бы ни оказалась участь короля — восстановить уменьшившийся престиж своей еще могущественной партии. Даже в замечательной речи Верньо, где как бы ощущается возвышенный трепет человечности, где порой кажется, что политика исчезает, растворяясь в сострадании, главные усилия направлены именно против Горы, и великий оратор озабочен не столько тем, чтобы спасти короля, сколько тем, чтобы раздавить партию Робеспьера.

«Слишком долго,— говорит Бюзо [24],— наши департаменты были только простыми зрителями событий, повлиявших на судьбу всей Франции. Настало наконец время обратить внимание каждого из них на ту роль, какую должны они играть в политическом равновесии. Суд над Людовиком XVI предоставляет вам для этого случай; если вы его упустите, это будет ваша вина... Если вы больше не хотите, чтобы вас угнетала эта кучка людей, порой осмеливающаяся навязывать вам свою волю; если вы хотите оградить себя от опустошений коррупции и от нищеты, от бедствий, порождаемых честолюбием и анархией, которые пожирают этот город, чтобы мирно и доблестно трудиться там на благо Конституции, которая должна принести счастье или несчастье 25 млн. человек; наконец, если вы хотите сохранить Париж,— то момент наступил; умейте его использовать. Наконец, необходимо, чтобы все департаменты немедленно стали выразителями своей собственной воли; необходимо, чтобы эта высказанная громко всеобщая воля подавила всякую частную волю и, таким образом, дала надежду и явилась средством мирного восстания нации против замыслов нескольких честолюбцев или против самих заблуждений тирании представителей, если они окажутся виновными».

Вот истинная суть мысли жирондистов, вот истинный мотив тактики Жиронды. Таким образом, в том, что касалось смертного приговора королю, каждый мог либо поддаться своему чувству сострадания, либо руководствоваться соображениями внешней политики, и они, конечно, склонялись к политике милосердия, но они старались не связывать себя серьезными обязательствами в том или ином духе, дабы решение первичных собраний не стало для них осуждением. Своей позицией и состоянием духа они несколько напоминали судей первой инстанции, которые хотели бы иметь возможность сказать, что, по всей вероятности, приговор апелляционного суда, который последует, подтвердит, в сущности, их решение. Во всех этих расчетах жирондисты забывали лишь одно: бросить этот страшный вопрос тысячам первичных собраний, где стали бы плести интриги дворяне и священники, где выступили бы друг против друга различные революционные группировки, которые из Парижа и Конвента начали распространяться по всей Франции, означало развязать гражданскую войну и погубить Революцию. Для самих жирондистов, быть может, было уже поздно. Господство в первичных собраниях им было бы обеспечено не везде; во всяком случае, даже в тех районах, где, по их мнению, они занимали господствующее положение, произошли бы резкие столкновения. Не могу забыть, что даже в департаменте Эр, пославшем Бюзо в Конвент, его политика подвергалась сильным нападкам: Бюзо, Ришу, Лемарешаль, Савари, Дюбюск проголосовали за обращение к народу, оба Ленде, Дюруа и Буйеро проголосовали против [25]. Барбару получил из Марселя самые суровые предостережения [26]. И я спрашиваю себя, не торопилась ли Жиронда путем обращения к народу заставить департаменты высказать свою волю, прежде чем ее влияние там будет сильно подорвано.

На какой-то момент гений Верньо, казалось, увлек умы, заставив подняться их выше всех расчетов и комбинаций.

Такой был дар этого великого человека: даже когда он служил (или казалось, что служил) узкой партии, он придавал столько благородства ее делу, что оно, казалось, возвышалось над всеми партиями и совпадало с высшими интересами отечества и человечества. О, сколько драматизма в ораторском и политическом сражении между Робеспьером и Верньо! Никогда их гении, их характеры, их приемы не сталкивались с большей силой [27]. Никогда также, словно каждый из них хотел возвыситься до величия событий и послужить своей партии всей силой своего ума и мощью своего слова,— никогда не были они более красноречивы.

---

24. Речь от 28 декабря 1792 г. См. выше, с. 63, прим. 16.
25. «Archives parlementaires», XVII, 466. Ришу — администратор дистрикта Лез-Андели, мэр Жизора; Лемарешаль — негоциант, мэр Рюгла; Савари — национальный комиссар при уголовном трибунале департамента; Дюбюск — фабрикант сукон в Лувье, администратор департамента. Тома Ленде — епископ департамента; Робер Ленде — законовед; Дюруа — судья при трибунале Берне; Буйеро — сборщик налогов в дистрикте Берне.
26. Оппозиция монтаньяров в Марселе действительно усиливалась, как о том свидетельствуют более поздние документы. См. № 132 (от 24 февраля 1793 г.) «Journal de la République française» Марата («Барбару рассматривался своими доверителями как предатель отечества»).
27. В прениях по вопросу обращения к народу двумя наиболее значительными выступлениями были речь Робеспьера (28 декабря 1792 г.) и речь Верньо (31 декабря). В них нашли выражение не только непримиримые позиции Жиронды и Горы, но и два характера: один — несгибаемый, другой — гибкий; один — непоколебимый перед лицом опасности, другой — готовый к компромиссу.

РОБЕСПЬЕР ПРОТИВ ОБРАЩЕНИЯ К НАРОДУ

В своей речи 28 декабря Робеспьер подверг принцип обращения к народу жесточайшей критике [28]. Своим глубоким анализом, где суровая инвектива представляла собой, так сказать, испытанное горечи смешение разума и ненависти, он показал, какой смертельной опасности процедура эта подвергла бы Революцию. Это было «средство вернуть нас через анархию обратно к деспотизму». Это означало открыть бесконечную дискуссию, не имеющую ни предела, ни оснований, в собраниях, чью компетенцию нельзя было ограничить вопросом о каре. Это была насмешка над национальным суверенитетом, так как бедняки, поглощенные каждодневным трудом, не смогли бы участвовать в этих долгих, нескончаемых прениях. И пока нация будет парализована этим широким обсуждением данного вопроса в разбросанных по стране собраниях, пока ее энергию будет как бы пожирать на местах спор, конца которого никто не может предвидеть, враги захватят территорию Франции.

«А в это время нация будет обсуждать судьбу Людовика XVI! Деспоты застанут нацию за обсуждением вопроса о том, заслуживает ли Людовик XVI смертной казни, и за поисками ответа в уголовном кодексе или же за размышлениями о том, следует ли отнестись к нему снисходительно или сурово. Они застанут нацию истощенной, утомленной этими постыдными разногласиями. И тогда, если бесстрашные друзья свободы, ныне столь свирепо преследуемые, еще не будут истреблены, им придется заниматься делом более серьезным, чем препирательства по вопросу процедуры, им придется устремиться на защиту отечества, им придется оставить трибуны и залы собраний, превращенные в арену для крючкотворства, *естественным друзьям монархии — богачам*, эгоистам, трусливым и слабым людям, всем поборникам фейянтизма и аристократии...

В то время как все самые мужественные граждане проливали бы кровь за отечество, подонки нации, самые подлые и развращенные люди, все *ползучие гады сутяжничества, все надменные буржуа и аристократы*, все *люди*, рожденные для раболепства и угнетения под властью короля, став хозяевами собраний, покинутых благородными, но простыми и бедными людьми, безнаказанно уничтожили бы все созданное героями свободы, обратили бы их жен и детей в рабство и одни нагло приняли бы решение о судьбах государства».

Робеспьер характеризует здесь самым беспощадным образом всю клиентелу Жиронды, буржуа-сутяг или буржуа — крупных торговцев, еще господствующих в муниципалитетах. Мнимое обращение к народу в действительности станет лишь направленным против народа обращением к буржуазии. Так рушится первоначальное единство Революции, и борьба, завязавшаяся вокруг судебного процесса короля, предстает классовой борьбой в революционном обществе. Как будто Робеспьер, опасаясь сильного еще влияния Жиронды и крупной революционной буржуазии, призывает к себе из недр земли все неорганизованные силы пролетариата. Пусть короля спасают богачи, пусть Революцию спасают бедняки! Обращение к народу поистине ввергнет Францию в бездну гражданской войны,— гражданской войны, которая вскоре превратится в войну социальную. Целью ставят себе спасение короля; время идет, и впечатление от преступлений Людовика сглаживается, и чем дальше отходит в прошлое 10 августа, тем больше возрастают шансы виновного. Обращение к народу — это еще один способ выиграть время в пользу короля и против народа. А спасенная королевская власть в результате общего охлаждения Революции возвратит богачам то, что она от них получит.

Таким образом, Робеспьер придавал всей проблеме бóльшую глубину и обострял ее. И как всегда, силой поразительной по своей убедительности диалектики он превращал вероятные или возможные последствия событий в подлинные стремления, в обдуманные, определенные замыслы врага.

«Вот какова та гнусная цель, которую глубочайшее лицемерие, скажем прямо — самое бесстыдное мошенничество, скрывает под именем народного суверенитета, между тем как оно хочет уничтожить этот народный суверенитет» [29].

Правда и желчь — колючее и опасное острие, оставляющее каплю яда в глубине самой раны, которую им обрабатывают

---

28. Позицию монтаньяров изложили Сен-Жюст и Лекиньо 27 декабря 1792 г., Робеспьер 28 декабря, Жан Бон Сент-Андре 1 января 1793 г., Дартигоит 3 января. Аргументация монтаньяров покоилась главным образом на соображениях внутренней и внешней обороны. Чтобы отвергнуть обращение к народу, Гора ссылалась на потребности национальной и революционной обороны. «Archives parlementaires», VI, 16; Maximilien Robespierre Œuvres. T. IX, Discours (4e partie), p. 183; Робеспьер опубликовал эту речь в № 12 «Lettres à ses commettants». [См.: М. Робеспьер. Избранные произведения. Т. II. М., 1965, с. 176 и сл.]

29. Робеспьер заканчивает так: «Я доказал, что предложение передать дело Людовика Капета на рассмотрение первичным собраниям имеет целью вызвать гражданскую войну. Если мне не дано способствовать спасению своей страны, я сейчас по крайней мере констатирую, какие усилия я приложил, чтобы предотвратить угрожающие ей бедствия». «Патриот франсэ» Бриссо следующим образом комментировал речь Робеспьера: «Робеспьер боится разума, поэтому он всегда будет взывать к страстям. Он глубок в своей испорченности, поэтому он всегда будет говорить о глубокой испорченности других людей...» (№ 1235).

и лечат. Когда я читаю и перечитываю эту речь и спрашиваю себя, какие чувства она во мне вызывает, я обнаруживаю раздражение и восхищение, далеко не всегда свободное от беспокойства. Я признателен Робеспьеру за то, что он так верно все понимал и так смело говорил; я признателен ему за то, что против губительных влияний, которые должны были завести Революцию в тупик, он призвал на помощь даже силы зависти и ненависти и поставил смутное социальное брожение на службу свободе, которой угрожала опасность. Но я ставлю ему в вину то, что к своей суровой обвинительной речи он примешивает личную злобу и необходимость личных репрессий; я ставлю ему в вину то, что своей смертоносной клеветой в сентябре он предоставил жирондистам предлог, в котором нуждалась их несколько суетная совесть.

И все-таки здесь Робеспьер был совершенно прав; он настолько был вправе возмущаться лживыми призывами к народному суверенитету и партийными интригами, ставившими Революцию под угрозу, что, в конце концов, можно иногда забыть, что сам он никогда не забывает о себе.

В речи Верньо, ответившего ему три дня спустя [30], прекрасно благородное вдохновение, гармонически сочетающее внешне глубоко различные и противоположные ее части; прекрасно исполненное печали спокойствие, которое сопутствует гневным выпадам и даже смягчает их. Верньо, конечно, не щадит Робеспьера и его партии; он обвиняет его многословно в душевном порыве, долгое время сдерживаемом и наконец излившемся. И когда он напоминает Робеспьеру о том, что в дни опасности тот скрывался; когда он спрашивает у тех, кто готов еще более разжечь войну и, быть может, обречь народ на голод, смогут ли они накормить его окровавленными останками жертв: «Вы хотите крови? Вот она, кровь и жертвы»; когда он расширяет таким образом масштабы сентябрьских избиений, чтобы похоронить там саму честь тех, против кого он выступает,— это грозные слова, и все-таки в них не чувствуется никакой внутренней, скрытой и глубокой ненависти; это внезапное излияние благородной и несколько слабой души, которая однажды возмутилась тем, что ей кажется несправедливым и варварским, но ее больше волнует сострадание к пагубному безумию людей, чем личная злоба. Быть может также, сама красота формы, в какой проявлялись эти вспышки гнева, очищала их в душе оратора, как она очищает их в нашей душе.

Неизбежная и благородная радость искреннего художника, который вовсе не ищет в словах красоты, но душа которого может найти удовлетворение только в ней, смягчает, возвышает, расширяет даже самые неистовые страсти. Человек, в лице которого события вдруг обретают своего рода блеск, наполовину примиряется даже с враждебными силами; он знает, что они не могут лишить его этой мощи священного волнения, что они его, наоборот, воодушевляют. Он знает и то, что в памяти людей он приобрел частицу бессмертия и что отныне жизнь его выше ненависти. Верньо вспоминал, что были часы, когда он придавал блеск Революции, и что отделить его от нее так же невозможно, как лишить день красоты света.

Так зачем же мне ждать последних часов жизни Верньо, чтобы привести слова, сказанные им в свою защиту перед революционным трибуналом и переданные нам Бодо? Слова эти, которые он громко сказал своим судьям, чтобы отогнать тень близкой смерти, он, несомненно, не раз тихо повторял себе самому, чтобы развеять печаль и сомнения:

«Ну что ж, кто я такой, чтобы жаловаться, когда тысячи французов умирают на границах, защищая отечество? Тело мое убьют, но не память обо мне» [31].

По ту сторону бурь, по ту сторону клевет, по ту сторону всей злобы — злобы врагов и злобы своего собственного сердца — Верньо покоился в славе и излучал на настоящее покой бессмертного будущего, оставлявшего на жизни и событиях лишь покров печали. Да, это глубоко волнующая встреча — встреча двух столь несхожих одна с другою душ, но порой возносимых разными силами на равную высоту. Это было столкновение двух грозовых туч, гонимых противными ветрами Революции: одной, мрачной и черствой, изливающей исполненную ненависти, но праведную душу в коротких, но резких, прямых и смертоносных молниях, и другой, щедрой и сияющей, не столько пугающей, сколько заливающей горизонт сверкающей красотой и исторгающей из своих несколько неясных тайников гул негодования и грозы скорее с величием, чем с яростью. Величественное столкновение, то освещавшее, то заливавшее мраком внимательное и трагическое чело земли.

Борьбу между этими двумя людьми в тот момент делает еще более драматической то, что оба они охвачены одним и тем же предчувствием поражения и смерти. Именно тогда Робеспьер и произнес следующие слова:

«Добродетель всегда была в меньшинстве на земле. Не будь этого, земля не была бы заселена тиранами и рабами. Гемпден и Сидней принадлежали к меньшинству, ибо они погибли на эшафоте. Такие, как Критий, как Анитус, как Цезарь, как Клодий, принадлежали к большинству [32]. А Сократ принадлежал к мень-

30. См. выше, с. 59, прим. 12.
31. Baudot. Op. cit., p. 226.
32. См. выше, с. 55, прим. 4. Гемпден Джон (1594—1643) — депутат английского парламента, один из самых активных противников абсолютизма Карла I. Сидней Олджернон — сторонник парламента и противник Карла I, был изгнан после реставрации, возвратился в Англию в 1677 г., обезглавлен в 1683 г. за участие в заговоре против Карла II.

шинству, ибо должен был выпить цикуту. Катон принадлежал к меньшинству, ибо кончил самоубийством, бросившись на меч. Я здесь знаю много людей, которые, если это потребуется, будут служить делу свободы по примеру Сиднея и Гемпдена. И если таких насчитывается только пятьдесят человек, одна только мысль об этом должна заставить содрогнуться всех этих трусливых интриганов, которые хотят ввести большинство в заблуждение или подкупить его. В ожидании этого времени я прошу *по меньшей мере первенства для тирана*».

Увы! Робеспьер вынужден был потребовать первенства для многих других. Несомненно, было бы известным педантизмом рассматривать слова Робеспьера сами по себе, словно они были общей формулой философии истории; они, очевидно, обретают свой истинный смысл только в борьбе, которую он вел. Поэтому я не стараюсь выяснить, применимы ли эти числовые и парламентские выражения — большинство и меньшинство — к столкновению сил в человеческой истории, к борьбе учреждений и установленных властей против отважных новаторов.

Цезаря, несомненно, крайне удивил бы вопрос, к большинству или меньшинству принадлежал он. Не знаю также, что, собственно, могут означать страшные слова: «Добродетель всегда была в меньшинстве на земле». В истории прогрессивные усилия меньшинства всегда заканчивались победой над большинством. Но слова эти Робеспьер сказал в разгар народной революции, в разгар демократической революции, революции разума; и они имеют здесь горький смысл, с привкусом отчаяния и властности. Странное откровение души, одержимой своим идеалом и своей гордыней! Нам кажется, что, несмотря на все испытания, деятели Революции могли в эти последние дни 1792 г. питать некоторый оптимизм и проявить известную веру в человеческую природу, в силу идеи, в могущество прогресса. В три года великая нация совершила дело веков: она освободилась и теперь судила своего короля.

Никогда в трагические часы — ни 14 июля, ни после бегства в Варенн, ни 10 августа — народ не изменял себе и на смелую и дальновидную инициативу меньшинства отвечал быстрым одобрением большинства; порой бывали даже часы радостного единодушия. Следует ли в этот момент сомневаться, следует ли отчаиваться в революционной добродетели? Немало расчетов, немало честолюбий, немало притязаний и интриг, несомненно, примешивалось к великому движению, замедляло его и грозило направить по ложному пути. Но — любопытное обстоятельство! Робеспьер как бы порывает с большинством и находит прибежище в горькой гордости меньшинства как раз накануне того дня, когда он, именно в вопросе о суде над королем, одержит верх и станет сам большинством. Что же нужно этому глубокомысленному уму? Не обретет ли он некоторый покой и радость только тогда, когда безграничное различие людских страстей приноровится к его суровому, несколько убогому жизненному идеалу? Не отдастся ли он с доверием Революции только тогда, когда всю ее ощутит в своих руках, как он всю ее носит в своем сердце, в чем он убежден? Да, это были горькие и диктаторские слова, ибо человек, так прославляющий меньшинство, к которому он принадлежит, видящий Революцию и доблесть только там, где находится он, не пойдет на сделки с самим собой и на примирения с людьми, даже необходимые для спасения революций. Он не простит людям, заставившим его слишком долго ожидать осуществления великой мечты его ума, нетерпения его гордости, и,— поскольку добродетель не должна погибнуть,— он добьется смертью и террором победы того, что ему нравится называть меньшинством. Сам он хорошо знает, что в этой жестокой борьбе рискует жизнью: он вспоминает об эшафоте, на который взошел Сидней, чтобы взойти на него в свою очередь; трагично, что он на него действительно взойдет, но прежде заставит взойти на него тех, перед кем кичится теперь своей высшей привилегией смерти. Верньо, над которым Робеспьер в этот момент пытается господствовать с высоты эшафота Сиднея, взойдет на него прежде и из-за него. О, какой предстоит чудовищный спор о первенстве!

«Нас обвиняют,— воскликнул Верньо,— нас обрекают, как это делали 2 сентября, ножу убийц! Но, как мы знаем, Тиберий Гракх пал от руки введенного в заблуждение народа, который он неизменно защищал. Его судьба не страшит нас: *наша кровь принадлежит народу; мы будем сожалеть лишь об одном: что больше крови предложить ему не сможем*» [33].

Это как бы состязание всех революционных партий и всех великих людей Революции перед лицом смерти. История предлагает всем достославные примеры, благородные аналогии, которые они используют и на которые ссылаются. Да, история таит в себе обещание смерти для всех, и Революция исполнит его в отношении всех. Готовность пожертвовать собой уже вызывает у них головокружение, их охватывает опасное опьянение смертью. Смерть — удобное решение вопроса, избавляющее от необходимости искать иных решений. Находящуюся под угрозой Революцию могло спасти только единство действий революционеров. Этого единства действий они смогли бы достичь, только отказавшись от исключи-

---

Критий (460—403 до н. э.) — ученик Сократа, родственник Платона, один из «тридцати тиранов» Афин. Анитус — один из обвинителей Сократа. Клодий Пульхер Публий — римский политический деятель, известный своей враждой к Цицерону, создал вооруженные отряды из гладиаторов и рабов; был убит в 52 г. до н. э. в схватке с соперничающими отрядами Милона. Катон Марк Порций, прозванный Утическим (95—46 до н. э.),— один из руководителей республиканской партии, покончил с собой после победы Цезаря при Тапсе в 46 г. до н. э.

33. Речь от 31 декабря 1792 г. См. выше, с. 59, прим. 12.

тельных притязаний и непомерных подозрений и укрепив то, что было общего и главного в их несколько различных тенденциях. Для них же было легче достичь этого единства упрощенным путем, т. е. путем истребления. Смерть не самая большая жертва; легче отдать свою жизнь, чем смирить свою гордость и отказаться от ненависти. Опасность смерти, давая человеку иллюзию полного самопожертвования, отвлекает его и избавляет от других, бо́льших жертв, она еще более разжигает в нем ту гордость, которую ему следовало бы смирить в себе, и как бы освящает страсти, подавить которые в себе человек отказывается.

Мне еще кажется, что тень смерти окутывает неопределенность мысли у Верньо печалью. За ораторским великолепием чувствуется какая-то нерешительность. Он, несомненно, страдал, не имея точного и немедленного решения, твердой и ясной политики, которые он мог бы предложить измученному народу. Когда Перикл, посоветовавший афинянам начать войну против Спарты, при первых неудачах вызвал против себя гнев народа, он встретил его замечательным спокойствием; он не говорил о смерти, потому что должен был давать точные советы, разработать смелый, ясный план, и именно ясный свет разума и смягчил ненависть. В блестящей речи Верньо есть нечто неясное, туман неосознанной мысли. Он не говорит революционному народу: «Порази короля»; он не говорит ему: «Спаси его»; он говорит ему: «Обсуди [вопрос] и приведи в порядок хаос, в котором сами мы разобраться не в состоянии»... Верньо предлагает народу всю свою кровь, потому что не может предложить ему ничего больше. И грустный призыв к смерти, как и обращение к народу, представляет собой крайнее средство для проволочек и уклонения.

Но какая драма этот судебный процесс, где два человека, два вождя Революции, споря о смертном приговоре королю, призывают на себя тень смерти! Сам себя спрашиваешь: «Но кого же судят?»

РЕЧЬ БАРЕРА

Именно речь Барера положила предел трагическим колебаниям Конвента [34]. Барер был удивительно искусен в деталях аргументации. Он ярко изложил суть преступлений и измен короля и в заключение потребовал смертного приговора, без обращения к народу. Именно он, думается мне, лучше всех разбил софизм о королевской неприкосновенности. Да, если бы король честно принял и соблюдал конституцию, а затем совершил тяжкий проступок, то этот проступок не лишил бы его неприкосновенности, ибо его защищала бы связь, созданная им между конституцией и собой. Но у короля ни на мгновение не возникло желания соблюдать конституцию, ни на мгновение не был он с нею связан. Не может он теперь взывать к ней против народа. Строго говоря, он мог бы

сослаться на предусмотренную конституцией неприкосновенность, чтобы оказать сопротивление установленным властям, которые пожелали бы на него покуситься. Он мог бы, например, отказаться предстать перед судом Законодательного собрания, которое, будучи сформировано в рамках конституции, не могло подменить ее собой, даже желая отомстить за нее; но неприкосновенность не имела значения для Конвента, который получил власть из более глубоких источников, чем теперь уже исчерпавшая себя конституция, а именно из народного суверенитета.

И помимо уже приведенных Робеспьером с такой силой политических соображений, Барер выдвинул против обращения к народу новый хитроумный довод. Можно передать народу на утверждение закон, но судебный процесс короля не закон. Можно даже передать на его рассмотрение судебный приговор, поскольку ни одна из судебных форм не может быть поистине соблюдена. В действительности процесс представляет собой «акт общественного спасения, меру общественной безопасности». Ни одна из форм обсуждения этого акта не изменяет его характера. Напротив, благодаря открытым дебатам и выявлению преступлений короля они придают этому акту бо́льшую действенность, ибо побуждают народ присоединиться к решению о национальном спасении, принятому Конвентом. Это означало превосходно примирить резко выраженное положение, выдвинутое ранее Робеспьером и Сен-Жюстом, с долгой процедурой, принятой Конвентом. Но акт общественного спасения, мера общественной безопасности не передаются на утверждение народа.

Все положения методической речи Барера были исполнены одинаковой силы, одинаковой проникновенной ясности. Но решающий политический эффект ей обеспечило то, что он поддерживал положения Горы совершенно бесстрастно, без малейших выпадов против Жиронды. До этой поры Жиронда даже старалась если

---

34. Прения об обращении к народу завершились 4 января 1793 г. выступлением Барера, представителя департамента Верхние Пиренеи. В его лице Болото выступило с замечательной речью, построенной, несомненно, лучше всех других, произнесенных во время этого продолжительного процесса. Барер мастерски собрал (как с точки зрения революционного права, так и с точки зрения политической необходимости) все аргументы в пользу сохранения Конвентом за собой верховной власти и против обращения к народу. Трезвое политическое чутье позволило Бареру увидеть тупик, в который зашла Жиронда. Еще колебавшемуся Болоту он указал путь. Его выступление явилось вехой, отметившей переход большинства Конвента на сторону Горы. («Moniteur», XV, 53.) В своем логическом построении Барер сначала рассматривает факты. Первый из отмеченных им фактов — единство контрреволюции: «Все факты заговора покоятся на тесных связях». Затем он быстро возвращается к проблеме неприкосновенности. Но главная часть речи Барера касается вопроса об обращении к народу.

не причислить его к своим членам (ибо она сама не была четко определенной организацией), то по меньшей мере привлечь его к себе и истолковывать все его высказывания исключительно в желательном для нее духе. Еще совсем недавно газета Бриссо в номере от 25 декабря приветствовала произнесенную Барером накануне речь о положении в Париже и во Франции [35]:

«Барер со всей энергией обрисовал наше внутреннее положение. Он заключил из него, что Конвенту необходимо занять подобающую ему позицию, и прибавил, что до сего времени Конвент неизменно напоминал Геркулеса, борющегося в своей колыбели со змеями. *Верность этого сравнения поразила добрых граждан и заставила содрогнуться тех, против кого оно было направлено.*

Это не единственная истина, высказанная оратором. Республиканцы бурно рукоплескали ему, когда он сказал, что Конвенту больше нечего разрушать, когда он говорил о направленной против Конвента системе умаления его значения, когда заметил, что в Лонгви собрались не все изменники, что кое-кто из них остался в Париже, когда он указал, что если бы Конвент действовал до сего времени более твердо, если бы анархия была уничтожена, то война вскоре была бы закончена и могущественные союзники помогли бы нам в наших трудах».

Повторяю: Жиронда искажала в желательном для себя смысле гибкую мысль Барера. Когда он сравнивал начинавший свою деятельность Конвент с «Геркулесом, боровшимся в своей колыбели со змеями», он главным образом имел в виду «демагогические» выступления в Париже, притязания Коммуны; он отчасти также имел в виду и тщеславные интриги Жиронды. Если бы она была внимательна, если бы она не была пристрастна, она заметила бы, что Барер, произнося имя Ролана, не сказал ни слова в его похвалу.

«Много говорилось о министре внутренних дел, но я очень боюсь, что нападали лишь на человека, вместо того что бы нападать на организацию его огромного министерства».

Означало ли это защищать Ролана или только прощать его? По-видимому, Барер равно не разделял ни пышных фраз и группового духа Жиронды, ни притязаний Коммуны и призывов Марата к насилию. Но чего добивался Барер, когда он 24 декабря требовал, чтобы Исполнительный совет и парижский муниципалитет представили Конвенту общий доклад о положении во Франции, чтобы главные комитеты Конвента собрались выслушать этот доклад; когда он предлагал в проекте декрета, *принятого единогласно*, чтобы: «На объединенном заседании комитетов (дипломатического, финансов, общественной помощи, военного, военного флота и колоний, переписки, общественной безопасности, земледелия и торговли) они условились с Временным Исполнительным советом о том, чтобы непрерывно предлагать Конвенту все меры, необходимые для поддержания порядка и соблюдения законов,

для сохранения свободы и защиты Республики»? Он старался укрепить Конвент, привлекая к сотрудничеству с ним все власти. А для чего хотел он укрепить Конвент? Не для того, чтобы использовать его как орудие в борьбе против той или иной группировки, но для того, чтобы Конвент господствовал над всеми группировками. И если в эти дни, когда обсуждалась участь короля, он был озабочен обеспечением порядка, то не для того, чтобы Конвент, спасая короля, мог безнаказанно не считаться с чаяниями парижской демократии, а, наоборот, для того, чтобы Конвент смог поразить короля, не будучи заподозрен в том, что он уступил давлению извне и демагогическим угрозам.

Барер был прежде всего человеком Конвента, и, несмотря на все изгибы его тактики, именно это служило порукой единства его революционных действий, чести и достоинства его жизни. В его глазах Конвент был наивысшей силой и наивысшим средством спасения. Все направленное к его ослаблению, к дроблению его сил, к его подчинению было одинаково пагубно. Сохранить и увеличить престиж Конвента означало для Барера спасти саму Революцию. Это чувство было ему присуще в большей степени, чем любому другому человеку той эпохи.

Жирондисты были взволнованы, они завоевали себе славу до Конвента. Не им принадлежала мысль созвать Конвент, он не был потребностью их души; они воображали, будто они им руководят, будто они его покорили, но они видели в Конвенте лишь новое поприще, где мог бы проявиться их гений. Как только Конвент оказал им сопротивление, они стали думать о том, как бы принудить его силой или поколебать его власть. Именно у них у первых родилась мысль аннулировать полномочия некоторого числа представителей [36].

Робеспьер относился к Конвенту с уважением. Он видел в нем главную национальную силу; его созыва потребовал именно Робеспьер. Но он не забывал, что в политический период между деятельностью Законодательного собрания и созывом Конвента сам он успешно действовал через посредство Парижской коммуны, и, не пытаясь развязать силы парижской революции, он оставлял в этом плане в запасе на будущее неясные возможности. Главное, он продолжал посещать Якобинский клуб и именно с его помощью намерен был возглавить и направлять политическое движение. В его глазах Якобинский клуб был своего рода совещательным Национальным Конвентом, чье воздействие на Конвент, решающий все вопросы, должно было быть непреодолимым длительное время.

Барер же посещал Якобинский клуб не чаще, чем салон Роланов. Мне ни разу не удалось установить факт его посещения Яко-

35. «Le Patriote français», № 1232, 25 décembre 1792. Речь Барера от 24 декабря 1792 г., «Moniteur», XIV, 826; «Archives parlementaires», LV, 384.

36. См. выше, с. 69, прим. 23.

бинского клуба, где вскоре, в марте и апреле 1793 г., его обвинят в «роландизме» [37]. Рядом с Конвентом воплотившим в себе пылкую и великую душу всего народа, все казалось ему мелким или анархическим. Подойдя к Робеспьеру с этим мерилом величия Конвента, он назвал Робеспьера человеком посредственным и мелким.

Как тщеславие жирондистов, так и неистовство маратистов должны побледнеть и раствориться в величии Национального Конвента; чтобы защитить себя, Конвент не нуждается в угрозах и оскорблениях, он только должен сконцентрировать свои действия и передать народу, в порядке революционного решения, ту силу, какую он от него получил. Конвент — чудесное зеркало, собирающее все лучи, в его фокусе исчезают все интриги, всякие личные домогательства. А когда начнется процесс короля, то один лишь Конвент должен действовать и взять на себя всю ответственность.

Что означают требования Коммуны, вызывающие петиции секций, призывы парижских листков к насилию? Это мельчайшие части суверена, которые хотят играть в суверена и которые — если Конвент обладает хладнокровием, сознанием своей собственной силы — будут наказаны осмеянием и презрением гораздо больше, чем законом. Но что означает обращение к народу? Это означает снова раздробить суверенитет, который сам народ сосредоточил во имя своего спасения; это означает «разрушить центр объединяющий волю народа, ослабить залог и средство, которое одно обеспечивает единство Республики».

Возвращаюсь к великому и сильному образу, который Барер применил к Конвенту. В своих политических беседах, как и в своих речах, он сам, несомненно, охотно возвращался к этому образу «Я *часто*,— говорил он,— сравнивал Конвент с Геркулесом, который боролся в колыбели со змеями». Но Геркулес не передавал своей палицы и, когда был ею вооружен не позволял другим направлять его руку. Конвент не позволял Парижской коммуне направлять его действия, и, когда наступил час сокрушить своей геркулесовой палицей королевскую власть, он не отказался путем обращения к народу от своей суверенной силы. Таким образом Барер помещал Конвент в центре политических действий, и из этого центра и должна была исходить вся сила Революции. Именно потому, что Барер понял это безличное величие Конвента, он и является одним из тех людей, в лице которых познается Революция.

Бодо писал: «Барером в годы его изгнания в Брюсселе (после 1815 г.) очень интересовались английские виги; *они считали его типичным деятелем Революции*, между тем как их совершенно не занимали ни Сиейес, ни Тибодо, ни Мерлен и другие; для них это были фигуры, воспоминание о которых стерлось под влиянием множества разных впечатлений» [38].

Да, более чем типичным деятелем Революции: в иные дни благодаря его неотделимости от Конвента он отождествлялся с Революцией. В спокойно и убедительно сформулированном мнении, высказанном Барером Конвенту 4 января 1793 г., Конвент признал «объединяющую основу». Барер с благородством говорил о Верньо в тот самый момент когда отмежевывался от него:

«Мнение, поддерживаемое Верньо с таким красноречием, обладает естественным преимуществом перед противоположным мнением, и преимущество это — в душах тех, кто нас слушает. В пользу своего мнения Верньо мобилизует все благородные и прекрасные стороны человеческого сердца, великодушие, желание смягчить наказание — самое прекрасное свойство верховной власти,— милосердие и законную дань уважения, какую каждый гражданин с радостью воздает народному суверенитету.

В пользу мнения этого оратора говорило все, что имеется благосклонного и трогательного; в пользу моего мнения остается лишь то, что содержится в наших законах сурового и непреложного На мою долю выпали лишь республиканская суровость, строгость принципов, верность мандатам и ужасная необходимость добиваться исчезновения тирана, чтобы лишить каких бы то ни было надежд тиранию».

Но он тут же предупреждает, что если его мнение совпадает с мнением волнующихся парижских секций и с мнением Марата, то такое совпадение его удручает, и он доходит до того, что намекает на возможность связанной с именем герцога Орлеанского тайной интриги, где смерть короля была бы только картой в игре:

«*Если что-нибудь и могло бы заставить меня изменить свое мнение, то это факт, что то же мнение разделяет человек, назвать которого я не могу решиться, но который известен своими кровожадными высказываниями, факт, что мое мнение приближается к мнению некоторых парижских секций, в том числе секции Люксембургского дворца, провокационное решение которой не повиноваться законам следовало бы покарать и которая виновна в посягательстве на свободу общественного мнения* [39].

Наконец, если какая-нибудь мысль и могла бы остановить мое перо, то это мысль о том, что если я отвергаю утверждение народом

---

37 См Barère Memoires. Publiés par Hip Carnot et David (d'Angers), Paris, 1842—1844, 4 vol «13 июня [1793 г.] в Якобинском клубе меня обвинили в том, что я жирондист» 14 июня 1793 г Венсан обрушился на Барера с нападками в «Journal de la Montagne», печатном органе клуба (t I p 126)

38 Baudot Notes historiques sur la Convention nationale, p 29

39 Общее собрание секции Люксембургского дворца постановило если Конвент не приговорит Людовика XVI к смертной казни, то оно клянется, «что Людовик XVI погибнет, в противном случае ни один республиканец не переживет его» Это решение было сообщено Конвенту 27 декабря 1792 г («Moniteur», XIV 868)

искоренения королевской власти путем уничтожения трона, то другие люди в Республике, придерживающиеся того же мнения что и я, быть может, таят заднюю мысль заменить одного идола другим и создать из самых честных принципов средства для агитации и смуты».

Несомненно, Барер (и это слабая сторона его метода, который иногда может приводить к своего рода систематическому балансированию и к ложной симметрии) чересчур снисходителен к этой гипотезе Бюзо. В действительности ни в Конвенте, ни в Коммуне не было ни одной партии, ни одной группы, которая бы в самом деле думала возвести на трон герцога Орлеанского.

Но таким образом Барер также успокаивал тех, кто мог опасаться, голосуя за смертный приговор королю без обращения к народу, сыграть на руку Горе; теперь, после почти оскорбительного осуждения «кровожадного автора», они больше не боялись, что их будут смешивать с маратистами.

Притом Барер убеждал тем сильнее, чем меньше, казалось хотел навязать свое мнение. Его простота, искренняя и в то же время рассчитанная, резко отличалась от того, что было властного в воле Робеспьера и порой даже в даровании Верньо.

«Я излагаю свою мысль,— говорил он — и не хочу влиять на мысль других. *Я никогда не домогался, чтобы мой голос считали больше чем за один*».

Мне кажется, я различаю здесь оттенок тонкого, осмотрительного и скрытого честолюбия, которое терпеливо ожидало своего часа и сочло, что он наступил. Он говорил проникновенно и мягко с непринужденностью, придававшей всей его речи какое-то чистосердечие. Через несколько недель Лакомб Сен-Мишель скажет, оспаривая мнение Барера [40]:

«Мнение тем более опасное, что его [Барера] красноречие, отмеченное печатью чистосердечия и мягкой чувствительности, могло бы, на худой конец, ввести в заблуждение многих людей искренностью, какую он придает всему тому, что говорит».

И через много лет после того, как они вместе прошли через столько бурь, Бодо говорил о Барере:

«Он пользовался всеобщей любовью в своем департаменте: все жители, бедные и богатые, видели в нем великого человека и были недалеки от истины; главное, они видели в нем человека мягкого ужившивого, благожелательного, склонного делать добро и без ненависти в сердце» [41]

Его выступление в январе 1793 г. оказалось решающим. Гара очень верно и очень тонко отметил это в своих «Мемуарах». Он рассказывает о разговоре, который состоялся у него с Робеспьером в начале марта

«Именно ваша речь,— сказал он Робеспьеру,— заставила быстро склониться чашу весов национального правосудия в сторону

смертного приговора, а речь Барера, перечислившего все веские доводы, укрепила ее в этом положении» [42].

Быть может, Барер сделал даже больше, чем укрепил чашу весов. После речи Верньо, которая могла нарушить равновесие в сторону милосердия, Барер вернул ее в прежнее положение и укрепил.

МНЕНИЕ ДАНТОНА

Дантон смог сыграть роль только в последний час, когда каждый, несомненно, уже принял решение. Его миссия в Бельгии [43] задержала его вдали от Парижа. Он возвратился в Париж только вечером 15 января, когда Конвент поименным голосованием уже высказался по двум первым вопросам — о виновности Людовика и об обращении к народу — и когда ему оставалось только установить кару. Ламартин, по-видимому, не подозревал об отсутствии Дантона.

«Дантон,— говорит он,— бывший до сих пор безмолвным наблюдателем, на другой же день — 16 января [на другой день после первого голосования] — воспользовался первой возможностью, чтобы подчеркнуть и усилить жажду крови, которой не было в его душе, но которую он изображал, чтобы остаться верным самому себе» [44].

Ошибки такого рода недопустимы, ибо они превращают Дантона в своеобразный сфинкс, придавая его облику и роли нечто загадочное. Дантон не был ни безмолвным, ни наблюдателем; он отсутствовал, удерживаемый вдали трудным и опасным поруче-

---

40 Лакомб Сен-Мишель (1751—1812) — депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Тарн

41. Baudot Op cit, p 186 «Барер [в изгнании в Брюсселе] был мягок приветлив, настроен примирительно, его любили в городе а иностранцы искали с ним знакомства» (p 209) См также, что пишет Шудье, представитель департамента Мен и Луара, в своих мемуарах (Choudieu Memoires et notes Paris, 1897, p 236) «Я должен отдать ему справедливость — я знал мало людей с таким мягким характером и столь приветливых в обхождении»

42. Гара Доминик Жозеф (1749—1833) — министр юстиции, сменивший Дантона в 1792 г., министр внутренних дел в 1793 г Garat Memoires. Paris, 1862. chap V «Entretien avec Robespierre», p 89 См также Buchez et Roux Histoire parlementaire de la Révolution française, XVIII, 338

43 Дантон был послан в Бельгию вместе с Камю, Делакруа и Госсюэном Письмо комиссаров Конвента, датированное 9 января 1793 г (Льеж), извещало об их отъезде из этого города, назначенном на 11 января (A Aulard Actes du Comite de salut public T. I, p 443; «Archives parlementaires» LVII, 27, заседание 13 января 1793 г) См ниже, с 89, прим 56

44 Lamartine Histoire des Girondins Paris, 1847, 8 vol t V, p 55

нием, которое доверил ему Конвент. Мишле допустил еще более странную и более серьезную ошибку, которую отметили и Луи Блан, и Эрнест Амель. В документах той эпохи Мишле прочитал «Дантон» вместо «Дону», как там было сказано [45].

14 января, в тот момент, когда Конвент определял, в какой форме и в каком порядке будут поставлены вопросы, именно Дону [46] предложил длинный ряд вопросов, которые в действительности почти все были направлены на то, чтобы осложнить судебный процесс и отсрочить решение. Он не принимал во внимание решение, принятое Конвентом, о том, что судить Людовика будет сам Конвент, и, исходя из предположения, что этот декрет был отменен, предлагал решить следующие вопросы: «1. Имеются ли основания выдвигать обвинение против Людовика Капета? 2. Кто будет его судить — Парижский уголовный трибунал, или Национальный суд, или же все департаменты?» [47]

Это означало свести на нет всю работу, все постановления Конвента. И Дону предусматривал в своих вопросах не только обращение к народу, но и то, что голосование об обращении к народу можно будет отложить до окончания войны: «Будет ли вопрос об утверждении судебного приговора нацией отложен до окончания войны или до времени принятия Конституции?» Дону указал на все эти вопросы, не мотивируя их. И Конвент даже не обсуждал этого странного творения мелочного юриста, казавшегося чуждым совершавшимся событиям.

Как мог Мишле усмотреть в этой нудной юридической стряпне, лишенной силы и блеска и не сулившей успеха, могущественный маневр Дантона с целью спасения Людовика XVI? [48] Если бы Дантон захотел сделать попытку вмешаться в решение этого опасного вопроса, если бы он захотел преградить в этом пункте революционное течение, то его усилия были бы исполнены красноречия и страсти. Оплошность Мишле трудно понять, между тем он построил на этом целую систему доводов:

«Было очень полезно, чтобы Людовик XVI был судим и осужден; но покарать его смертью означало бы поразить целый мир религиозных и чувствительных душ... Средство, которое Дантон использовал, быть может, единственное, на какое он мог рискнуть при возбужденном состоянии умов — он, Дантон, от которого Гора ожидала самых резких слов,— состояло в изложении, без всякого предисловия и объяснения, списка многочисленных вопросов, искусно подразделенных, где дважды, в разной форме, повторялся главный вопрос: будет ли кара, какова бы она ни была, отложена до окончания войны? Дантон, по-видимому, перебрасывал над пропастью доску и протягивал руку, предлагая преодолеть эту пропасть. Следовало думать, что Жиронда поспешит перейти первая и подать пример центру. Гора онемела от изумления. Возразил лишь один человек, и притом незаметный (это был Гарнье из Сента) [49]. Робеспьер воздержался от выступления. Он

холодно смотрел, погубит ли себя Дантон, вступив на путь сближения с Жирондой. Но Дантон не вступил на этот путь» [50].

Сказать правду, ничто не может сравниться с той путаницей в оценке, какую Мишле дает Дантону в этот период. Он не только верит в то, что Дантон предпринял 14 января эту решающую попытку спасти короля, не только верит в то, что если Дантон не принимал 15 января участия в двух голосованиях, то только потому, что был обескуражен своим неуспехом 14 января: «Неудача 14-го числа внушила ему отвращение, обескуражила его; вот единственное объяснение его прискорбного отсутствия» [51]; но я еще раз отмечаю ту же ошибку, еще осложненную небольшой ошибкой в дате — для заседания 9 января. Несколько далее, говоря о Камбасересе, «молодом и мягком Камбасересе» [52], Мишле пишет: «Он охотно сближался с людьми, обладавшими в наивысшей степени качеством, недоставшим ему самому, я имею в виду — мужественной энергией... Единственный во всем Конвенте, он поддержал Дантона 9 января с его предложением, которое спасло бы Людовика XVI,— голосовал за сохранение ему жизни».

Путаница здесь двойная. Мишле принимает Дону за Дантона; что же касается самого Дону, то Мишле, очевидно, путает заседание 14 января не с заседанием 9-го, а с заседанием 7 января. На заседании 14 января Камбасерес также предложил средство отсрочки, средство новое и несколько неожиданное [53]. Это было

45 Michelet Histoire de la Révolution française (1847—1853), t V, p 242 («Неудача 14-го числа внушила ему отвращение, обескуражила его») Луи Блан (Louis Blanc) указывает на эту ошибку в своей «Histoire de la Révolution française» (1847—1862) t VIII, p 40, n 1 То же сделал Э Амель (E Hamel Histoire de Robespierre (1865—1867) t II, p 599)

46 Дону Пьер Клод Франсуа (1761—1840) — член конгрегации оратонианцев, старший викарий конституционного епископа Па-де-Кале депутат Конвента

47 «Moniteur», XV, 144; «Archives parlementaires», LVII, 51

48 Мишле впал в ошибку из-за «Moniteur» напечатавшего «Даннон» (Dannon) вместо «Дону» (Daunou); в перепечатке «Moniteur» (1847) «Dannon» было исправлено на «Danton» (Дантон) Как писал Э Амель «Этот ряд вопросов так мало соответствовал революционному гению Дантона, что одно это должно было бы предохранить его от всякой ошибки, и если бы он раскрыл «Journal des débats et des décrets» Конвента, то нашел бы там имя Дону, № 120, с 194» (E Hamel Histoire de Robespierre T. II, p 599)

49 Гарнье из Сента (1755—1817) — адвокат, генеральный прокурор синдик департамента Нижняя Шаранта в 1791 г , депутат Конвента («Moniteur», XV, 149)

50 Michelet Op cit , t V, p 242

51 См выше, прим 45

52 Камбасерес Жан Жак (1753—1824) — советник Счетной палаты Монпелье, председатель уголовного трибунала департамента Эро депутат Конвента

53 «Moniteur», XV, 149, «Archives parlementaires», LVII, 53 «Мы не облечены властью судить суверенно Предлагаю потребовать от народа необходимых полномочий, это самое верное средство устранить все сомнения и избегнуть всех опасностей».

обращение к народу уже не по поводу кары, определяемой Людовику, а по вопросу пределов власти Конвента. Конвент должен был спросить нацию, признает ли она за ним право выносить окончательный приговор.

И в этом случае подобное сомнение в себе самом и в своем революционном праве находится в полном противоречии с мыслью Дантона. И на заседании 7 января, превратившемся в явно поспешно составленных путаных заметках Мишле в заседание 9 января, которое к тому же принимается и за заседание 14 января, Дону и Камбасерес оба вручают Конвенту в письменном виде свое мнение о судебном процессе короля [54]. Камбасерес заканчивает — как он это сделает 14 января — предложением обращения к народу относительно судебной компетенции Конвента. Дону заключает предложением изгнать короля после окончания войны, а до установления мира содержать его в тюрьме; в то же время он признавал за Конвентом «*право обвинять Людовика и предать его суду за его происки и интриги*». Нельзя себе представить более жалкого хаоса идей, и с этим политически-юридическим осиным гнездом Мишле на какое-то мгновение связал великого Дантона!

Если я остановился на этой путанице, рискуя нарушить критическим рассмотрением ход драмы, то именно потому, что ошибка Мишле, подобная ошибке Ламартина, дает ложное представление о моральном и историческом облике Дантона. Он, несомненно был свободен от чувства злобы и способен подчинять разуму самые страстные увлечения своей пылкой натуры. Но он был вместе с Революцией, он действовал и мыслил вместе с нею, и не следует приписывать ему, особенно в это время, чувствительности и заранее принятого решения о милосердии, которые отделили бы его от живых сил Революции. Ошибка Мишле имела внушающее тревогу продолжение. Эта позиция Дантона, явно противоречащая его позиции в сентябре, а также позиции самих дантонистов — Фабра д'Эглантина, Давида, Базира, Демулена — во время судебного процесса короля, настоятельно требует объяснения. И Мишле объясняет ее пребыванием Дантона в армии:

«Дантон принес с собой из армии совершенно иные мысли — мысли самой армии. К этому важному вопросу о смертном приговоре, который клубные политики решали с такой легкостью, армия относилась с крайней осторожностью. Никакие инсинуации не могли заставить ее высказаться за или против смертного приговора королю. Осторожность, преисполненная здравого смысла. У армии не было никаких оснований для решения столь неясного вопроса Она считала короля виновным, но хорошо видела, что этому нет никаких доказательств Она вовсе не желала его смерти» [55].

Чистые предположения; разве армия покинула бы так быстро, в начале апреля, прославленного Дюмурье, стремившегося отвратить ее от Конвента, если бы смерть короля оскорбила ее совесть и человечность? Историки слишком часто соглашались с тактикой

противопоставления спокойного и человечного героизма армии слепой ярости политиканов и жестокостям группировок. Армия очень хорошо понимала, что ее героизм едва ли был равен героизму тех, кто в разгар бури, не ведая ни покоя для ума, ни радости от исполнения долга, изнемогал от тяжкого бремени дум о событиях Но система доводов Мишле опасна, так как заранее связывает Дантона с политикой Дюмурье.

Если Дантон, желая ответить на чувства Бельгийской армии, где он совсем недавно находился [56], склонялся к мысли спасти короля — подобно тому, как Дюмурье из ненависти к монтаньярам и из страха перед ними, по-видимому, желал тогда их ослабления в результате их неудачи в процессе короля,— то революционная сила Дантона оказывалась опутанной интригами. Вместе с Жирондой он оказывался связанным с системой модерантизма, узел которой был готов затянуть Дюмурье.

ИНТРИГА ДЮМУРЬЕ

Дюмурье, опьяненный своими победами, уставший и раздраженный контролем, какой стремились над ним осуществлять комитеты Конвента в отчаянии от своих конфликтов с Камбоном из-за военных поставок, из-за способов закупки и оплаты, а также напуганный нападками Марата, который упрекал его в чересчур суровой дисциплине и уже обвинял в измене [57] (с риском ее спровоцировать), старался вести только свою игру и оградить себя от будущих случайностей: по отношению к бельгийцам он проводил политику осторожную, консервативную, резко противоречившую духу революционного декрета от 15 декабря. И он, несомненно, помышлял теперь о вмешательстве в борьбу партий, опираясь на престиж своих побед и на силу армии, в случае если бы его безопасность оказалась под угрозой, а его честолюбию был положен предел [58].

---

54 «Archives parlementaires», LVII, 338 (27° annexe à la séance du 7 janvier 1793, au matin); «Archives parlementaires», LVII, 352 et 354 (34° et 35° annexes à la seance du 7 janvier 1793)

55 Michelet Op cit (edition G Walter), t II, p 315)

56. 30 ноября 1792 г Дантон вместе с Камю, Делакруа и Госсюэном был послан в армию Дюмурье, в Бельгию, выяснить состояние этой армии Поэтому Дантон не присутствовал ни на процессе Людовика XVI, ни на двух первых поименных голосованиях Он появился на заседании Конвента 15 января 1793 г См выше, с 85 , прим 43

57 См ниже, прим 61

58 В действительности поведение Дюмурье объясняется его тайным честолюбием Он надеялся со временем сделаться главой независимой Бельгии Он щадил население, требовал от него возможно меньше, платил поставщикам не ассигнатами, а звонкой монетой Дюмурье щадил бельгийцев, стремясь сделать свою кандидатуру популярной — на случай если они получат независимое управление.

Но его намерения, несомненно, были еще очень неясны и неустойчивы. И я уверен, что он не позволил Дантону почувствовать их, и что последний в то время его ни в чем не подозревал. Дюмурье вторично покинув свою армию, прибыл в Париж 1 января 1793 г. Он оставался там до 26 января, прощупывая почву, расспрашивая людей и изучая обстоятельства, привлекаемый разными интригами. В своих «Мемуарах» он рассказывает, что путем тайных комбинаций и осторожного вмешательства он пытался спасти короля [59]. Правдивость этих «Мемуаров» более чем сомнительна. Они были написаны, когда Дюмурье уже перешел на сторону врага, когда у него, презираемого и заклейменного революционной Францией, не было иных средств, как только льстить эмигрантам, принцам и иностранным державам, убеждая их в том, что он не щадил усилий ради спасения Людовика XVI. Он прибегает даже к своего рода несколько тяжеловесному кокетству и неуклюжим ухищрениям, говоря, что с 18 и по 22 января был болен: «18 января здоровье генерала Дюмурье, хотя и очень крепкое, сломили огорчения; у него началась горячка, и он был вынужден задержаться в деревне, откуда выехал только 22 января» [60]. Это довольно грубое шарлатанство.

С какими выступил он предложениями или какие советы давал жирондистам? [61] Он, несомненно, виделся со многими из них, в частности с Жансонне, с которым был связан с конца 1791 г. «Он всегда был связан с Жансонне, депутатом Жиронды, и простил ему его выступления против него в прошлом году, когда Дюмурье покинул министерство. Дюмурье до этого времени ценил в нем ум, здравые суждения и чувствительное сердце. Он возобновил с ним связи. Сообщил ему обо всех своих опасениях за участь короля, обо всем ужасе, какой он испытывал при мысли о преступлении, которым намереваются запятнать нацию; он дал ему понять, что эта отвратительная победа якобинцев окончательно уничтожила бы партию порядочных людей и сделала бы неизлечимой анархию, которой была поражена Франция; что те из наций Европы, которые с безразличием, быть может, даже с удовлетворением взирали на наши внутренние смуты, на нашу войну с Австрийским домом и с королем Пруссии и, быть может, на наши успехи в борьбе против этих держав, неминуемо были бы возмущены варварским убийством Людовика XVI и чувство чести побудило бы их присоединиться к врагам Франции; что против нас будет весь мир и у нас не найдется ни одного союзника. Эти размышления, по-видимому, произвели впечатление на Жансонне — но — то ли из робости, то ли из-за беспечности характера — он ничего не предпринял и с этого времени даже отдалился от генерала, у которого было *мало случаев* вновь его повидать. Дюмурье встречался и с другими депутатами как из этой партии, так и с независимыми, которым он говорил, что, раз существует Республика, на Людовика следует смотреть уже как на частное лицо» [62].

Утверждения, которые невозможно проверить, и притом лица, слишком заинтересованного, чтобы к ним можно было отнестись с доверием. В действительности отношения между Жансонне и Дюмурье продолжались; переписка между ними прекратилась только незадолго до измены генерала, и вполне вероятно, что Жансонне, который хотя и голосовал за обращение к народу, но затем безоговорочно голосовал за смертный приговор королю, порвал бы с Дюмурье, если бы последний поделился с ним своими мятежными намерениями, которые могли бы стать пагубными для его доверенных лиц. Вполне вероятно, что Дюмурье высказал лишь опасения за будущее в выражениях, мало чем отличавшихся от обычного языка самих жирондистов. Быть может, он ожидал, что они откроются перед ним и попросят его оказать им, в случае надобности, поддержку, но они, очевидно, не потребовали ее. В письме Гавернера Морриса к Вашингтону от 10 января 1793 г. мы читаем: «Верньо, Гюаде и другие в настоящее время поддерживают тесные отношения с Дюмурье, и меня уверяют, что нынешнее правительство должно быть свергнуто; при этом начнут с военного министра Паша» [63]. Но, помимо того, что сведения Морриса часто весьма недостоверны, наличие такой политической связи между Дюмурье и жирондистами еще не означает, что Дюмурье усиленно пытался действовать среди них в пользу Людовика XVI.

Для сближения Дюмурье с жирондистами достаточно было враждебного отношения к Пашу [64]. Впрочем, мне кажется весьма вероятным, что Дюмурье желал, чтобы жирондисты спасли короля. Это было бы поражением и унижением для тех, кто начинал угрожать самому Дюмурье. И я уверен также в том, что он рассчитывал, что мягкий судебный приговор, доведя до крайнего возбуж-

---

59 «La vie et les memoires du général Dumouriez, avec des notes et des eclaircissements» par MM Berville et Barrière Paris, 1822—1824, 4 vol in-8°, t III, p 304

60 Ibid p 330

61 О тайных совещаниях между Дюмурье и «главарями клики Ролана» сообщил 31 декабря 1792 г Марат в «Journal de la Republique française» («Dumouriez dans le boudoir de la femme Roland machinant contre la liberte) О выступлениях Марата против Дюмурье см также «Journal de la Republique française» 22 décembre («Tableau des machinations de Dumouriez»), Ibid , 15 décembre («Preuves évidentes des trahisons de Dumouriez»).

62 «La vie et les memoires du général Dumouriez », t III, p 323.

63 Гавернер Моррис (1752—1816) находился во Франции с 1789 по 1794 г в качестве полномочного посланника Соединенных Штатов «Mémorial de Gouverneur Morris , suivi des extraits de sa correspondance et de ses papiers » Traduits de l'anglais par Jared Sparks, Paris 1840, 2 vol , t II, p 258; письмо от 10 января 1793 г

64 Паш (1746—1823) — финансовый чиновник дворцового ведомства при первом министерстве Некера, сотрудник Ролана в министерстве внутренних дел, военный министр в 1792 г , мэр Парижа в 1793 г

дения революционные и демагогические страсти Парижа, дал бы ему, как генералу, повод для вмешательства внешне на законном основании, при соблюдении конституции. Но он не был силен в политике. Дантон говорил о нем попросту: «Он весьма искусен в военных делах, но в политике — ничтожество», и Дюмурье несомненно, еще сам недостаточно хорошо разобрался в своих намерениях. Он выжидал и оценивал с разных сторон, и, думается мне, Гавернер Моррис был прав, когда писал 6 января Джефферсону: «Дюмурье уже несколько дней в Париже. Он не выходит из дому под предлогом болезни, *но в действительности для того чтобы получать и изучать предложения разных партий*». И Моррис прибавляет слова, из которых следует, что между Жирондой и Дюмурье не было никаких тесных связей и что они и не думали об организации сообща сопротивления: «Жирондисты намечены теперь как жертва, подлежащая закланию при первом удобном случае. Мой осведомитель, являющийся одним из них, заявляет что дорого продаст свою жизнь, *но скорбит о слабости характера своих коллег, обреченных, как и он, на смерть*» [65].

Впрочем, в этой части «Мемуаров» Дюмурье много странного. Он уверяет, что пытался вступить в переговоры с Робеспьером [66]: «Генерал поручил поговорить с Робеспьером одному из своих друзей, который сказал ему [Робеспьеру], что это он должен спасти Людовика XVI, что этим он обессмертил бы себя; что если бы он принял такое решение, то генералы и армии увидели бы в нем великого человека; что наградой за этот благородный поступок была бы диктатура; что в противном случае он будет вызывать такое же отвращение к себе, как Марат, и его всегда будут с ним соединять, что́, как он признавался, ему очень не нравится». Здесь явная ложь. Ибо, если бы подобные предложения были сделаны Робеспьеру в январе 1793 г., он не преминул бы их разоблачить: это было бы для него доводом против тех, кто хотел спасти короля, доказательством присутствия в Париже мятежного генерала, прибывшего для участия в интригах, связанных с процессом короля. Но Робеспьер никогда, даже в своей резкой речи, произнесенной им против отсрочки приведения приговора в исполнение даже в своей полной желчи речи от 10 апреля, в которой он пытается приписать Жиронде участие в измене Дюмурье [67], *не делает даже намека на это пребывание Дюмурье в Париже в январе 1793 г.*

Дюмурье прибавляет: «У генерала в качестве доверенного связного был порядочный и честный человек по имени Друэ, брат начальника почты в Сент-Менеульде, который задержал короля в Варенне и был депутатом Конвента и якобинцем [68]. Генерал прежде всего велел ему подготовить для его брата связного, а затем велел ему прибыть; он изобразил ему всю жестокость этого преступления с такой силой, что Друэ, вне себя от ужаса, обещал потребовать в Конвенте и в Якобинском клубе приостановки процесса короля. Нужен был хотя бы один член Конвента, у которого

хватило бы храбрости внести такое предложение, чтобы спасти короля; на это никто не осмелился. Друэ заболел и не голосовал при вынесении приговора».

Выдумка романтична; мы понимаем, что Дюмурье испытывает известное самодовольство, рассказывая о том, как он подготовлял спасение короля, и как раз тем человеком, который его погубил, задержав в Варенне. А сам Друэ? Почему он не заговорил? Как мог бы он сохранить эту страшную тайну? 15 января он был болен, это верно, и не участвовал в двух первых голосованиях. Но 16 января он сделал над собой усилие, явился в Конвент и голосовал за безоговорочный смертный приговор королю, а затем голосовал против отсрочки. Друэ, если бы Дюмурье обратился к нему с таким предложением, не преминул бы проявить рвение, разоблачив этот своего рода план бегства и повторив арест в Варенне. Он должен был быть весьма недоверчив и очень бояться быть заподозренным. Однажды, когда Марат в своей газете сказал о нем (по ошибке): «Друэ, этот прожженный плут», Друэ поспешил потребовать опровержения и удостоверения в цивизме [69]!

Все эти россказни Дюмурье доказывают лишь одно: в январе у него еще не было окончательного решения, и он старался обезопасить себя со всех сторон. Марат тоже полагает (в номере своей газеты от 12 января), что Вестерман [70], «этот интриган, пролезаю-

---

65 «Mémorial de Gouverneur Morris », t II

66 «La vie et les mémoires du général Dumouriez » t. III, p 326

67. Речь Робеспьера от 10 апреля 1793 г в Конвенте против Бриссо и жирондистов (Maximilien Robespierre Œuvres, t IX, «Discours» 4e partie, p 376)

68. Друэ (1763—1824)— начальник почты в Сент-Менеульде, депутат Конвента от департамента Марна См «La vie et les mémoires du general Dumouriez », t III, p 327

69. Переговоры Дюмурье с депутатами-монтаньярами были изобличены 13 июня 1793 г. в Конвенте Левассером (из департамента Сарта) и подтверждены Друэ Левассер « чувствуя что недостаточно привлечь на свою сторону правых, [Дюмурье] сказал одному патриоту, пользовавшемуся влиянием среди левых «Воспользуйтесь влиянием, каким вы обладаете среди членов Горы, чтобы добиться обращения к народу» Дюмурье обратился именно к Друэ «Я требую, чтобы он сам доложил об этом факте» Друэ «Я отправился к Дюмурье; он сказал мне· «Вы уже спасли отечество один раз, в вашей власти спасти его вторично» — «Что я могу сделать?»— спросил я его «Конвент,— ответил он мне,— не должен заниматься делом короля, пока не окончится война» Так как я говорил ему, что Конвент хочет ускорить рассмотрение этого дела, он убедил меня воспользоваться своим влиянием на патриотов Горы и склонить их к тому, чтобы они не голосовали за смертный приговор бывшему королю, он сказал мне, что склоняет к этому кое-кого из них» («Moniteur», XVI, 640)

70. Вестерман Франсуа Жозеф (1751—1794)—солдат при старом порядке, секретарь муниципалитета Агно в 1789 г , полковник легиона департамента Нор в 1792 г , генерал в 1793 г ; был гильотинирован вместе с Дантоном 16 жерминаля II г

щий всюду, чтобы расположить людей в пользу своего патрона Дюмурье», отправился к Сантеру, зная, что встретит там его [Марата], «чтобы прощупать его и узнать, что из него можно было бы вытянуть» [71] Но никто не станет предполагать, что Дюмурье рискнул бы выступить в защиту Людовика XVI перед Маратом Он не говорит ни слова о своих посещениях герцога Орлеанского у которого он, несомненно, должен был побывать. Как можно поверить, что Дюмурье, имея в своей армии сына Филиппа Эгалите не отправился под этим весьма благовидным предлогом побеседовать с ним самим? К тому же Орлеанский дом должен был отныне занять большое место в комбинациях Дюмурье, касавшихся будущего, и если он об этом полностью умалчивает, то именно потому что, желая подчеркнуть свое рвение в пользу Людовика XVI, он никак не мог рассказать о своих демаршах перед тем, кто собирался голосовать за смертный приговор Людовику XVI и мог достичь трона (или возвести на него члена своей семьи) только в случае смерти Людовика Итак, Дюмурье явно старается создать ложное впечатление, когда он выдает спасение короля за главную цель своего пребывания в Париже

Любопытно и то, что он говорит о своих совещаниях с видными якобинцами [72].

«Якобинцы направляли к генералу разных эмиссаров, чтобы побудить его посетить их заседания Анахарсис Клоотс [73] неоднократно являлся к нему с этим поручением, но генерал каждый раз уклонялся, ссылаясь на невозможность для него появиться в Якобинском клубе, прежде чем он не засвидетельствует свое почтение Конвенту. Доктор Зайферт [74] ставший затем одним из главарей анархии, делал такие же тщетные попытки, как и Проли [75], интриган из Брюсселя, желавший хотя бы устроить встречу с неким Дефье [76], известным якобинцем, одним из наиболее активных разъездных агентов этой секты, прибывшим из Бордо, где он нашел средство подорвать доверие к депутатам Жиронды, возбуждая простонародье этого большого города против порядочных людей Некий Жан Бон Сент-Андре [77], член Конвента, неистовый якобинец (хотя он и обладал репутацией порядочного человека), проникшись уважением к генералу, даже не зная его лично, настаивал на этой встрече и хотел присутствовать на ней Генерал не хотел, чтобы его привел на это свидание авантюрист Проли, которого он презирал Все же, по зрелом размышлении он на это решился, в назначенный день генерал заболел горячкой и был вынужден остаться в постели из-за сильной испарины Не желая нарушать слово, данное им Дефье и Сент-Андре, которых он совсем не знал, он назначил другое свидание с ними у Бонн-Каррера бывшего руководящего чиновника в министерстве иностранных дел, тесно связанного с ними [78].

У него и состоялось свидание Дефье показался генералу грубой скотиной, посредственностью, Жан Бон Сент-Андре показался ему более рассудительным человеком; они ни в чем не смогли достигнуть согласия ни насчет способа посещения генералом Якобинского клуба, ни насчет образа действия якобинцев по отношению к нему, поскольку ими руководил отвратительный Марат. Генерал не обещал им посетить их клуб и не заверял, что отправится туда. Кроме того, в том, что касается дела короля, *которого он решился лишь слегка коснуться, дабы не повредить ему излишним усердием*, он обнаружил в обоих этих людях достойную дикарей грубую ярость, проявившуюся в самых оскорбительных и неуместных выражениях. Он понял тогда, что ожидать ему от них нечего *Что же касается военного министра Паша и канцелярий этого ведомства, то генерал увидел, что их упорно поддерживают, что якобинцы, чьим рупором Дефье себя называл и мог быть, хотели оставить их на месте и желали, чтобы генерал Дюмурье, отказавшись от своих обвинений против них, присоединился к их группе, чтобы свергнуть Лебрена, Гара, Клавьера и особенно Ролана, которых они считали агентами группировки* [79].

С этого момента он решил прервать эти совещания и сказал об этом Бонн-Карреру. Но в то же время он почувствовал всю вытекавшую из этого опасность для него самого» [80].

---

71 «Journal de la Republique française», 12 janvier 1793 («L'ami du peuple tenant Westermann sur la sellette »)

72 «La vie et les memoires du general Dumouriez », t III, p 350

73 Клоотс Жан Батист, именуемый Анахарсисом (1755—1794), барон, подданный прусского короля, получил прозвище «оратора рода человеческого», пылкий сторонник Революции, получивший французское гражданство декретом Законодательного собрания, депутат Конвента от департамента Уаза, был казнен вместе с эбертистами

74 Зайферт — саксонец врач, член Комитета германцев федератов

75 Проли (1752—1794) — внебрачный сын князя Кауница, сторонник Революции, издатель газеты «Le Cosmopolite», возможно, тайный агент Венского двора во Франции О неясной роли этих иностранцв во Французской революции см A Mathiez La Revolution et les etrangers Cosmopolitisme et defense nationale Paris, 1918; idem La conspiration de l etranger Paris, 1918

76 Дефье (1755—1794) — винторговец из Бордо, член Якобинского клуба, пылкий патриот, в конце концов исключенный из клуба за свою связь с Проли, замешанный вместе с ним в так называемом заговоре эбертистов; гильотинирован 4 жерминаля II г

77 См выше, с 19, прим 29

78 Бонн Каррер Гином (1754—1825)— дипломат, посланник Франции в Льеже в начале Революции, член Якобинского клуба, заподозренный в связях с двором, был назначен в министерство иностранных дел в марте 1792 г благодаря влиянию Дюмурье, арестован как его соучастник в ночь на 1 апреля 1793 г

79 Речь идет о членах Временного Исполнительного совета Лебрене, министре иностранных дел, Гара, министре юстиции, Клавьере министре государственных налогов (финансов), Ролане, министре внутренних дел

80 «La vie et les memoires du general Dumouriez », t III p 350

Встреча не оставляет сомнений. Сам Дефьё упомянул о ней в общих чертах в Якобинском клубе, на заседании 27 января, сказав, согласно весьма краткому протоколу [81], что «Дюмурье был бы очень польщен возможностью посетить Общество, но боится встретиться там с Маратом. Дюмурье заявил ему, что не понимает, почему Общество не изгнало Марата». Таким образом, после встречи Дюмурье с Бонн-Каррером разрыва не произошло. Бонн-Каррер был давнишним другом Дюмурье. Именно он — о чем напомнит Бюзо 6 апреля,— используя свои связи с Талоном и двором, помог Дюмурье стать министром и с тех пор оставался его агентом в Париже. Он, видимо, старался разрешить в интересах Дюмурье конфликт между ним и демократами.

Жан Бон Сент-Андре подверг в Конвенте нападкам поставщиков Малю и д'Эспаньяка, чьими услугами пользовался Дюмурье [82]. Важно было помирить его с Дюмурье и свести с Дюмурье якобинцев. Они представляли собой силу и чувствовали, что Дюмурье, еще озаренный славой Вальми и Жемаппа и горячо любимый своей армией, тоже был силой. Нельзя ли было бы вовлечь его в игру Горы? И если бы жирондистам удалось осуществить свой план создания департаментской стражи, если бы они призвали в Париж значительное число своих федератов, то Дюмурье мог бы стать в руках демократов мечом Революции. По поводу этого ходили довольно многозначительные слухи... В письме Гавернера Морриса к Джефферсону от 21 декабря 1792 г. (следует заметить эту дату), за 8 дней до приезда Дюмурье в Париж, мы читаем: «Недавно якобинцы спешно направили Бонн-Каррера со своими предложениями к Дюмурье, у которого вспыхнула ссора с [Исполнительным] советом. Имелось в виду, что если Дюмурье подаст в отставку, то его армия тотчас возвратится в Валансьенн и это можно будет использовать для совершения переворота, влияние которого распространилось бы на всю Францию» [83].

Любопытная вещь: план действий против Горы, избранный Дюмурье несколькими месяцами позднее, именно ей и окажется выгодным. Не думаю, чтобы план монтаньяров совершить государственный переворот [84], о котором сообщал представитель Соединенных Штатов во Франции, когда-либо настолько созрел. Гавернер Моррис, человек весьма смышленый, придавал этим исходившим из клубов слухам, которые доходили до него в виде отголосков в салонах, больше значения и ценности, чем они того заслуживали. Но это были по меньшей мере мечтания, если не поползновения. Предложение Дюмурье о немедленном вторжении в Голландию привело его в столкновение с министром Лебреном и большинством Исполнительного совета. Весьма вероятно, что якобинцы думали использовать эти разногласия. Но разве возможны были еще в январе, когда обсуждалась участь короля, эти длительные переговоры между якобинцами или монтаньярами и Дюмурье, если бы сложилось впечатление, что Дюмурье хочет спасти

Людовика XVI? Разве мог бы Дефьё 27 января (на другой день после отъезда Дюмурье, когда многочисленные признаки, несомненно, свидетельствовали бы о наличии политической кампании, которая уже велась в течение 26 дней), не будучи освистан, сообщить в Якобинском клубе, на каких условиях Дюмурье готов был появиться среди них, и советовать им пожертвовать Маратом ради генерала? Нет, Дюмурье не раскрывал до конца своих намерений, вне всяких сомнений, у него самого еще не было окончательного плана, разве только план любой ценой и любым путем спастись самому.

Таким образом, ни продолжительное пребывание Дантона в армии Дюмурье, ни высокая оценка им живого и быстрого ума этого последнего не могли ни исказить, ни воздействовать на мысль великого революционера. Он был согласен с Дюмурье в одном: в необходимости безотлагательно захватить Голландию, чтобы организовать там Революцию. Для Дантона это было средством обеспечить обладание Бельгией, а также средством нанести удар торговым интересам Англии, чьим враждебным действиям в ближайшее время он уже не надеялся помешать и которые он хотел предупредить смелым ударом. У Дюмурье же была совершенно иная цель. Новыми победами он хотел укрепить свой престиж полководца, чтобы использовать этот возросший престиж для удовлетворения своего честолюбия или по меньшей мере для обеспечения своей безопасности. Он также надеялся избавиться от тяжкого ярма контроля со стороны канцелярий военного министерства и комитетов Конвента, которые в период активных военных действий неизбежно предоставили бы генералу больше инициативы.

Но какое значение имели тогда для Дантона честолюбивые и тщеславные тайные замыслы Дюмурье, которые он, несомненно, отчасти разгадал? Дантон считал себя достаточно сильным, чтобы легко над ними восторжествовать, и политическая непоследовательность Дюмурье вызывала у него улыбку. Этот избалованный большой ребенок, воображавший, что можно всегда добиться осуществления хитрых замыслов, лавируя между громадами великих событий, был против войны с Англией, но при этом считал возможным захватить Голландию, не вызвав этой войны. Дантон

81. A. Aulard. La Société des Jacobins, t. V, p. 10.
82. «Moniteur», XIV, 550, заседание Конвента 22 ноября 1792 г.; «Archives parlementaires», LIII, 553.
83. «Mémorial de Gouverneur Morris...», t. II, p. 239.
84. Говоря о «плане монтаньяров совершить государственный переворот», Жорес преувеличивает и придает чрезмерное значение шатким свидетельствам.

отнюдь не проявлял такого ребячества. К этому времени он уже принял решение воевать с Англией и хотел обезопасить себя, овладев портами Голландии, захватив ее морские силы, бывшие решающим средством в бою. Поэтому он использовал Дюмурье как превосходное и гибкое орудие войны. Он, несомненно, радовался тому, что вторжение в Голландию, льстя самолюбию Дюмурье, позволит полностью проявиться его гению. Но он ни во что не ставил политические цели генерала. В Бельгии он действовал в полном противоречии с политикой Дюмурье. Последний намерен был щадить обычаи и предрассудки бельгийцев и хотел создать из Бельгии независимое государство с полюбовно установленным режимом, своего рода фейянтизмом. Дантон, напротив, пришел к заключению, что в Бельгии невозможно обеспечить Революцию, если предоставить бельгийский народ самому себе, и что было бы пагубно выдать революционное меньшинство на милость перешедших в наступление дворян и священников. Поэтому он и принял решение о необходимости аннексии и во время своей миссии старался воздействовать на умы в этом направлении. Таким образом, он не только выступал против всей политики Дюмурье, но, подготавливая присоединение к Франции Бельгии и даже части Голландии, вплоть до Рейна, делал в конечном счете неизбежным разрыв с Англией. Но только намерение щадить интересы Англии и стремление предотвратить расширение войны могли бы склонить его к проявлению милосердия к Людовику XVI. Таким образом, ничто не стесняло и не парализовало его революционной энергии [85].

Верно ли, что одно время (несомненно, тогда, когда начал возникать вопрос о процессе короля) Дантон подумывал о том, чтобы сохранить ему жизнь? Я не нахожу источника, откуда почерпнули высказывание, которое ему приписывают некоторые историки и с которым он будто бы выступил у кордельеров: «Нация спасает себя, но не мстит за себя». К тому же это отнюдь не призыв к милосердию, а протест против грубости ума и души, видевших в процессе короля «акт мщения». Если бы эти слова имели под собой почву, то жирондисты упрекнули бы в них Дантона, когда он, ожесточенный ими и поставленный в безвыходное положение, обозвал их в апреле «трусами, хотевшими спасти тирана» [86]. Сен-Жюст намекает на эти слова в чудовищном документе, составленном им против Дантона: «Это ты первый в кругу патриотов, которых ты хотел застигнуть врасплох, предложил отправить Капета в изгнание. Предложение это ты не осмелился поддерживать после возвращения, так как оно было бы отвергнуто и погубило бы тебя» [87]. Это совсем неубедительно, и Сен-Жюст нисколько на этом не настаивает. Дантон, конечно, не сказал ни единого слова, которое могло бы связать его, и со всей своей неиссякаемой революционной силой, со всей своей непоколебимой верой в Революцию и в себя самого он снова появился 16 января в Конвенте, как раз

вовремя, дабы ускорить своими речами и обеспечить своим голосованием вынесение смертного приговора королю [88].

85. «Жорес не знал письма, которое Дюмурье написал Дантону 20 января 1793 г. и которое было опубликовано нами в «Annales révolutionnaires» (июль-сентябрь 1918 г.)». [*Примечание А. Матьеза.*]
О внешней политике Дантона см: A. Mathiez. Danton et la paix. Paris, 1919, в частности главу III («Les frontières naturelles et le procès du roi»). Можно только подчеркнуть противоречия в этой политике. Дантон, находившийся у власти с 10 августа до 10 октября 1792 г., проявлял большую озабоченность тем, чтобы закончить войну путем переговоров. Лишившись власти, он, наоборот, стал сторонником войны до победного конца и поборником политики естественных границ. Вернувшись к власти 6 апреля 1793 г. как член Комитета общественного спасения, Дантон в конце концов снова стал добиваться мира на основе компромисса.
86. «Moniteur», XVI, 23, заседание 1 апреля 1793 г.
87. «Moniteur», XX, 97, заседание 11 жерминаля II г. («Rapport sur la conjuration ourdie depuis plusieurs années... et contre Fabre d'Églantine, Danton...»).
88. «Ныне доказано показаниями Талона, опубликованными мной в «Annales révolutionnaires» за май-июнь 1922 г., перепиской Миля, свидетельством Теодора Ламета и пр., что Дантон безуспешно пытался вырвать у Питта 4 млн. для спасения Людовика XVI. См. мою книгу «Danton et la paix», chap. II et III». [*Примечание А. Матьеза.*] Отношение Дантона к процессу короля было гораздо более подозрительным, чем это описывает здесь Жорес. Дантон уже давно участвовал в усилиях, ставивших себе целью спасти короля. В начале декабря 1792 г., во время своей миссии в Бельгии, он встретился в Льеже со своим другом Ноаем, французским поверенным в делах при английском дворе, специально приехавшим из Лондона. 10 декабря, возвратившись в Лондон, Ноэль повел переговоры с Талоном, бывшим распорядителем фондов цивильного листа, вступившим в контакт с Питтом: речь шла о получении 2 млн. для подкупов. 28 сентября 1803 г., при допросе во времена Консульства, Талон заявил, что был посредником, поддерживавшим связь с коалицией держав, в частности с Питтом, с целью побудить их «пожертвовать деньги, о чем просил Дантон». Это свидетельство подтвердил в некотором смысле Теодор Ламет в своих «Мемуарах»: в переговорах с Окарисом, поверенным в делах Испании, Дантон будто бы потребовал 2 млн. О роли Дантона и о попытках подкупа во время процесса над королем см.: A. Mathiez. Danton agent de la Liste civile.—«Annales révolutionnaires», 1914, p. 98; idem. Danton et la mort du roi d'après un document inédit.—«Annales révolutionnaires», 1922, p. 235; idem. Danton, Talon, Pitt et la mort de Louis XVI.—«Etudes robespierristes». Paris, 1918, t. II, p. 104.

СУД НАД КОРОЛЕМ

Конвенту не без труда удалось определить порядок, в каком должны были ставиться вопросы. На заседании 14 января Конвенту это удалось только после пятичасовых споров и яростных прений. Принятый наконец порядок, предложенный Буайе-Фонфредом, был следующим [1]:

1. Виновен ли Людовик в заговоре против свободы нации и в покушении на всеобщую безопасность государства?

2. Будет ли судебный приговор, каков бы он ни был, передан на утверждение народа?

3. Какого наказания заслуживает Людовик?

Такой порядок был логичен и действительно позволял каждому утвердиться в своих мыслях. Консервативный историк Дарест старающийся в осторожной форме доказать, что суд над королем происходил в обстановке насилия и хитрости, видит в принятом порядке процедурную уловку Горы. Об обращении к народу он говорит [2]:

«Устроить так, чтобы этот вопрос решался раньше, чем вопрос о наказании, было еще одной уловкой Горы. Многие из голосовавших могли тогда считать, что их совесть спокойна. Многие жирондисты попались в ловушку».

О, мудрый историк, столь благожелательно относящийся к Революции, как невнимательно прочитали вы протокол прений! Порядок, предложенный жирондистом Буайе-Фонфредом и принятый Конвентом, был результатом соглашения между двумя крайними направлениями. Наиболее пылкие жирондисты, как Луве, требовали, чтобы вопрос об обращении к народу был поставлен первым. Гюаде энергично поддерживал это мнение, а Барер против него возражал [3]. На короткое время возникли сомнения

Жирондисты придавали большое значение тому, чтобы вопрос об обращении к народу был поставлен первым. Если бы Конвент начал с провозглашения виновности, он уже действовал бы как судья. Он уже взял бы на себя прямую ответственность, а поскольку в тот момент никто не мог знать, будет ли принято или отвергнуто обращение к народу, то ответственность эта была бы полной. После этого счел ли бы Конвент целесообразным вынести решение об обращении к народу? Напротив, если бы вопрос об обращении к народу был поставлен первым, то на первом плане оказалось бы право «национального суверенитета». Вот почему Барер, бывший противником обращения к народу, предложил поставить этот вопрос вторым в порядке обсуждения. Наконец, затем ставился вопрос о наказании, по этому поводу можно было бы говорить о провале Жиронды, *сторонницы обращения к народу*, и о победе процедуры, предложенной Горой.

Однако что касается порядка постановки этих двух последних вопросов, то там, где г-н Дарест усматривает искусный ход Горы, наоборот, налицо поражение Горы. Она хотела, чтобы Конвент, вынеся решение о виновности, немедленно вынес решение о наказании и чтобы вопрос об обращении к народу был отнесен на конец. Таким образом Гора обязывала Конвент взять на себя полную ответственность в вопросе о наказании и тем самым делала весьма маловероятным последующее одобрение Конвентом обращения к народу. Гора не упускала ни единой возможности, чтобы добиться смертного приговора, так как колебавшиеся могли думать: я проголосую за смертный приговор, но смягчу свое решение, подав затем свой голос за обращение к народу. Напротив, если бы вопрос об обращении к народу рассматривался первым и был решен отрицательно, колебавшиеся члены Конвента могли бы

---

1. Конвент возобновил рассмотрение дела Людовика XVI 14 января 1793 г. Вначале надо было выяснить, по каким конкретным вопросам Собранию предстояло вынести решение. Обсуждение было исключительно запутанным, высказывались самые противоречивые мнения. Гюаде ставил на первый план вопрос об обращении к народу, в то время как для Ланжюинэ он был на втором плане. Приоритет, какой жирондисты намеревались придать этому вопросу, свидетельствует об их неумении маневрировать: заупрямившись, они потребовали, чтобы этот вопрос был поставлен до вопроса о каре. Так как неудачу можно было предвидеть, то это означало уменьшить шансы на окончательное решение о милосердии.

   Буайе-Фонфред (1760—1793)— депутат от департамента Жиронда; он внес ясность в прения, предложив, чтобы Конвент, высказавшись о виновности, решил вопрос об обращении к народу, а затем уж о каре. («Moniteur», XV, 152; «Archives parlementaires», LVII, 58.)
2. Dareste de la Chavanne (1820—1882). Histoire de France. 1855—1873, 8 vol., t. VII, p. 32.
3. «Archives parlementaires», VII, 52, 55 et 56.

отказаться вынести смертный приговор, который, несомненно, был бы тогда окончательным. Во всяком случае, каковы бы ни были умозрительные построения, впрочем основанные на догадках относительно последствий, какие мог иметь тот или иной порядок, несомненно одно: именно вопреки воле Горы вопрос об обращении к народу был поставлен до вопроса об определении наказания.

Поименное голосование (оно происходило по департаментам) началось во вторник, 15 января, около полудня. Каждый депутат был вправе коротко мотивировать свое голосование. В Конвенте было 749 депутатов; 671 депутат признал Людовика безусловно виновным, ни один не высказался отрицательно. Но были больные и находившиеся в командировках; 45 депутатов мотивировали подачу своего голоса [4]. При голосовании по второму вопросу — об обращении к народу — большинство, высказавшееся против обращения, было значительным: 286 депутатов высказались за обращение и 423 — против него. В этом вопросе Жиронда была побеждена. Она принуждена была окончательно высказаться о смертном приговоре королю [5]. Надеялась ли она на победу? Верньо выразил свои сомнения на этот счет:

«Один из предыдущих ораторов, казалось, испытывал опасение, что в этом Собрании возобладает мнение о необходимости узнать, каково желание народа; меня гораздо больше мучит предчувствие, что возобладает противоположное мнение».

Правда, этим предыдущим оратором был Робеспьер, и, таким образом, обе партии, казалось, одинаково сомневались в победе. Кондорсе, в усложненности благородной мысли которого проявлялась порой нерешительность его воли, отверг немедленное обращение к народу и предложил своего рода обращение к народу по прошествии некоторого времени [6].

«Я хотел бы, чтобы, после того как Собрание выскажется за смертную казнь, исполнение приговора было отложено до того времени, когда составление Конституции будет закончено и она будет опубликована, и чтобы народ высказался тогда в первичных собраниях, следуя формам, установленным Конституцией. Но, будучи спрошен сегодня в силу декрета, должно ли иметь место обращение к народу или нет, я говорю: нет».

Он, должно быть, сильно сомневался и колебался, так как в его газете «Кроник де Пари» в номере за 15 января появилась подписанная им статья, благожелательно воспроизводившая, по-видимому, длинную статью из «Меркюр» под заглавием «Ответ парижского гражданина на письмо одного англичанина»; в этой статье он говорил [7]:

«Я хорошо понимаю, что, прикрываясь мнимой чувствительностью, ваш двор и все другие державы нашли бы более выгодным для себя смерть Людовика XVI; *но Национальный Конвент, по-видимому, намерен узнать желание первичных собраний. Если Людовик будет осужден, то всей нацией в целом, и если в глазах деспотов это преступление, то это будет преступление всех французов*; достаточно сказать вам, что, каков бы ни был исход этого события, Республика не станет от этого менее единой, *и возможно, что, сознавая всю свою силу, она одновременно подаст пример великодушия.* Учитывая все эти соображения, я не могу поверить, чтобы ваше правительство всерьез решилось на войну».

Эта статья появилась в газете Кондорсе в тот самый день, когда Кондорсе голосовал против обращения к народу в приведенных мною выражениях.

Даже среди тех, кто был ближе к Жиронде, чем Кондорсе, царила неуверенность. Многие были против обращения к народу, и Верньо должен был считаться с ними.

«Впрочем, я знаю,— сказал он,— что мнение, против которого я выступаю, разделяют многие патриоты, чьи мужество, просвещенность и честность я в равной мере уважаю» [8].

---

4. Верньо председательствовал. Было решено, что представители, которые того пожелают, смогут мотивировать свое голосование письменно; 37 воспользовались этим правом. Ни один из представителей не высказался за невиновность. 27 уклонились от ясного ответа, объяснив свое поведение тем, что представитель не может выносить судебный приговор. Согласно исправленным цифрам протокола, из 749 членов Конвента 31 отсутствовал, 691 высказался за виновность, 27 выступили с разными заявлениями, которые следует считать воздержанием. Мы пользуемся здесь цифровыми данными А. Бельомма (A. B e l h o m m e. Les régicides. Paris, 1893, p. 7), подтвержденными Э. Селигманом (Ed. S e l i g m a n. La justice en France pendant la Révolution. Paris, 1913, т. II, p. 461), предпочитая их данным «Archives parlementaires», LVII, 99.
5. При этом важнейшем голосовании 15 января 1793 г. жирондисты вновь разделились: 42 человека проголосовали против обращения к народу (Буайе-Фонфред, Карра, Кондорсе, Дюко). Жансонне, Гранженёв, Гюаде, Верньо проголосовали «за», как и Петион. Сторонники обращения к народу составили большинство среди представителей департаментов Нормандии (Кальвадос, Эр, Орн), а также департаментов Ардеш, Верхние Альпы, Юра. Мнение членов Конвента в этом вопросе разделилось настолько, что представители только 6 департаментов голосовали едино: департаментов Арьеж, Майенн, Мозель, Нижний Рейн, Верхняя Сона, Вар,—все они высказались против обращения к народу. 8 членов Конвента отказались голосовать, 10 мотивировали свое голосование письменно. Итак, из 749 представителей 28 отсутствовали, 12 признали себя некомпетентными или воздержались, 287 высказались за обращение к народу и 424 представителя — против него. (E. B e l h o m m e. Op. cit., p. 12; то же подтверждает: Ed. S e l i g m a n. Op. cit. Мы отдаем им предпочтение перед данными «Archives parlementaires», LVII, 106.) Это было для Жиронды сокрушительным поражением.
6. «Archives parlementaires», LVII, 90 (заседание 15 января 1793 г.), 450 (заседание 19 января 1793 г.).
7. «Chronique de Paris», № 15, 15 janvier 1793. «Mercure de France», 5 janvier 1793, «Lettre d'un Anglais à un de ses amis de Paris, sur les dispositions de l'Angleterre envers la France»; 10 janvier 1793, «Réponse d'un citoyen de Paris à la lettre d'un Anglais, insérée dans le № 6».
8. Речь Верньо 31 декабря 1792 г. См. выше, с. 59, прим. 12.

После речи Барера, оказавшей огромное влияние, у них уже не должно было остаться надежды на успех. Когда, мотивируя свое голосование против обращения к народу, Филиппо объяснил, какие сомнения ему пришлось преодолеть, прежде чем решиться, он, мне думается, поведал о душевном состоянии многих своих коллег. Большинство из них боялось, и справедливо боялось, развязать гражданскую войну. Но они также не хотели уклониться от прямой ответственности за голосование против короля.

«Вам часто повторяли,— сказал Филиппо,— что выносить решение об участи Людовика Капета крайне опасно. Ну что ж! Именно это соображение и заставляет меня отвергнуть обращение к народу. Если всякому, кто станет судить тирана, грозит опасность, то я должен обладать мужеством подставить ей свою грудь, не переадресовывая своим согражданам этого пагубного дара, ибо это вывело бы меня из затруднений, только вырыв пропасть для них» [9].

Без сомнения, немало жирондистов сожалело о решении, которое позволило бы им, под прикрытием национального суверенитета, проявить милосердие. Но они не обманывались. Настроение против обращения к народу было уже в течение многих дней достаточно явным, и наиболее благородные из них, несомненно, втайне утешались тем, что они, подвергаясь, быть может, риску многих оскорблений и опасностей, сделали величайшие усилия, добиваясь гуманности. В том, что можно было бы назвать душой Жиронды, было больше горячности, чем упорства, и, несмотря на более мрачную обстановку, они еще сохраняли веру в плодотворность своего гения, что позволяло им довольно быстро выпутываться из неудачной комбинации, которую, несомненно, должны были заменить другие комбинации. Верньо в нескольких словах, направленных на умиротворение и единение, как бы предвосхищал поражение своей партии:

«Я заявляю, что, каково бы ни было постановление, принятое Конвентом, я буду считать изменником отечества всякого, кто не подчинится ему. Мнения свободны до изъявления воли большинства; они свободны и после этого, но тогда по крайней мере повиновение становится долгом» [10].

В январе жирондисты ни минуты не думали сами добиваться обращения к народу, если оно будет отвергнуто Конвентом.

На другой день в Конвенте и на трибунах неуверенность в исходе третьего голосования еще более возросла [11]. Создавалось впечатление, что противоположные силы заметно уравновесились. Предпринимались ли подозрительные маневры с целью повлиять на голосование в духе милосердия? Весьма вероятно, что испанский поверенный в делах Окарис, который 17 января написал письмо Конвенту с просьбой отложить судебное разбирательство [12],

не ограничился этим публичным демаршем. Распространился слух, будто бы путем тайных прямых переговоров с жирондистами он добился того, что один из них, выступая по вопросу наказания, потребует, чтобы затем было принято решение об отсрочке. И действительно, Майль внес такое предложение. Бодо пишет по этому поводу [13]:

«Известно, что поверенный в делах Испании г-н Окарис хотел уладить важнейший для Конвента вопрос путем переговоров.

Поскольку все обсуждение проходило в Собрании, министры, не имея на то полномочий, не смогли выслушать его предложения. Г-н Окарис обратился тогда к жирондистам, как более известным ораторам, которые должны были оказывать решающее влияние при обсуждении,— тем более что сами жирондисты вне стен Собрания приписывали себе исключительное значение. Г-н Окарис добился, таким образом, внесения поправки Майля... Если бы она была принята, это означало бы выиграть время, а выиграть время в ходе революции — это много. Быть может, в этом вопросе г-н Окарис совершил ошибку, приняв часть за целое.

Я склонен верить, что эти переговоры велись честно, в это время не было и речи о денежных расчетах в делах. Все обсужда-

---

9. «Archives parlementaires», LVII, 85. Филиппо (1754—1794)— адвокат при гражданском и уголовном суде Ле-Мана, судья трибунала этого дистрикта, депутат Конвента от департамента Сарта.
10. Речь Верньо 31 декабря 1792 г. См. выше, с. 59, прим. 12.
11. Непрерывное заседание Конвента 16 и 17 января 1793 г.
12. «Moniteur», XV, 227; «Archives parlementaires», LVII, 410. Если правительство Питта отказалось от всяких демаршей в пользу Людовика XVI, то правительство Испании не колеблясь вмешалось в это дело. 27 декабря 1792 г. министр иностранных дел Лебрен передал Конвенту, вместе с письмом шевалье Окариса, поверенного в делах Испании во Франции, декларацию о нейтралитете правительства Испании («Moniteur», XIV, 870): Карл IV выражал надежду, что Конвент со своей стороны соизволит принять во внимание его заинтересованность в судьбе его родственника и давнишнего союзника. Собрание перешло к рассмотрению очередных дел. Окарис предпринял новый шаг: через посредство министра иностранных дел председателю Конвента было передано его письмо. Об интригах Окариса см. вышеупомянутые исследования М. Матьеза, с. 99, прим. 88.
13. В силу очередности, установленной для поименного голосования, представители департамента Верхняя Гаронна голосовали первыми, и прежде всего Майль; он высказался за смертный приговор, прибавив: «Я сделаю простое замечание. Если большинство выскажется за смертный приговор, то, по-моему, было бы достойным Национального Конвента рассмотреть вопрос о целесообразности отложить казнь. Возвращаюсь к обсуждаемому вопросу и голосую за казнь». («Moniteur», XV, 184.) Так был поставлен вопрос об отсрочке, о которой до этого не было и речи. Многие члены Конвента подумали, что Майль действовал в интересах Окариса. См. далее, с. 115, прим. 36 и сл.

лось в соответствии с важностью обстоятельств и независимо от частных интересов.

Следует отметить, что, выступая с трибуны, жирондисты всюду — и на узком поприще тогдашней дипломатии, и в высшей администрации — брали на себя инициативу, не считаясь с не принадлежавшими к их кругу другими депутатами, каковы бы ни были их таланты; все, что не было Жирондой, не имело в их глазах никакого значения и как бы не существовало. Гора не мешала им, хорошо зная, что, когда захочет, одним мановением уничтожит их доводы, переговоры и соглашения... «*Вот я вас!*» Юпитера» *

Бодо прибавляет в примечании:

«Кое-кто утверждал, что за свою поправку Майль получил 30 тыс. франков в пиастрах, я весьма склонен этому поверить» [14].

Робеспьер был в этом убежден, в «Письмах своим доверителям» ** он пишет, что предложение Майля было «столь же странным, сколь и неожиданным». Он называл Майля «самым безнравственным человеком» [15].

Это стремление Жиронды вмешиваться во все, без полномочий браться за тайные переговоры было для нее полно опасностей. Она безрассудно непрестанно навлекала на себя либо клевету, либо подозрение. Революционеров уже начинала преследовать мысль, что «иностранное золото» играет большую роль в Революции. Если это были не флорины, то гинеи, а если не гинеи то пиастры. Все партии бросали друг другу позорные обвинения. То иностранцы оплачивали «агитаторов» и «анархистов», то платили «умеренным». В частности, в связи с процессом короля Камиль Демулен, стремясь не допустить обращения к народу, не скупился на инсинуации. Он приводит слова Питта, сказанные им 21 декабря [16]:

«Палата может не сомневаться, что *все средства, какие только можно себе представить*, были использованы, дабы отвратить от головы Людовика XVI страшную участь, угрожающую ему и его семье, и что все *порядочные люди* должны сговориться, но в Собрании есть *жестокие и непреклонные люди*, и средства эти не принесли плодов».

И он прибавляет: «Питт не мог быть настолько врагом своим друзьям, чтобы с полной определенностью сказать: «Мне удалось подкупить Конвент». Но если перевести на обычный язык эту речь министра и дипломата, то это равнозначно следующему: «Не требуйте от меня, господа, отчета в тайных расходах... Дандэс и я не жалели гиней, и все *порядочные люди*, сколько их нашлось в Конвенте, набили ими карманы. Как говорит Сент-Фуа, эти господа при беседе наедине совсем не такие, как в Собрании, а если они чересчур передовые, чтобы не приговорить его к смерти, они по крайней мере проголосуют за обращение к народу, а это еще лучше устроит наши дела» »[17].

И Демулен вдруг стал раздувать слухи об этом потоке коррупции, об этом притоке иностранного золота, способном затопить всю Францию.

«Я содрогаюсь, когда, размышляя о спешной необходимости для тиранов ниспровергнуть Республику и думая о порче наших нравов и о нашем эгоизме, представляю себе, как все эти тираны и их агенты, действующие подкупом, бродят по нашим приморским городам, оказывают воздействие в обществах якобинцев, в наших армиях, внутри наших стен и особенно в Конвенте; как они повсюду скупают за любую цену все то, что продажно, играя то на роялизме, то на алчности, то на страхе, то на фанатизме, то на самолюбии, то на зависти, то на ненависти и даже на патриотизме, который они вводят в заблуждение; как они связывают, объединяют все эти интересы, все эти страсти против нашего отечества!

Сколько вам необходимо, чтобы помешать осуждению на казнь всех королей, олицетворенных в одном короле; чтобы предпринять усилия в интересах короля, в ожидании пока вы сможете высказать свою волю в пользу королевской власти? А вам — чтобы клеветать на *город с миллионом глаз*, в котором вам никогда не удастся добиться аристократической конституции? .. А вам — чтобы добиться расцвета своего департамента и переезда Конвента в Бордо? А вам, малодушные судьи, у которых перед глазами трагический конец судей Карла I, сколько надобно вам, чтобы излечить вас от страха, чтобы избавить вас от ответственности посредством обращения к народу и, во всяком случае, предоставить вам убежище в Лондоне, сколько надобно вам, чтобы помочь Питту добиться этого обращения? *А вы, лицемерные представители несвоевременной и дезорганизующей философии, сколько вы хотите за то, чтобы привлечь на свою сторону лицемеров от религии, рассуждая об отмене жалованья конституционным священникам и толкая их на то, чтобы они возбуждали не население городов, а жителей деревень*, не жителей секций, а население приходов и усиливали брожение, говоря сельским жителям, что Национальное собрание, еще ничего не сделавшее для них, так как они по-прежнему обре-

---

* У Жореса ошибка. Это слова Нептуна, усмиряющего ветры. См. Вергилий. Энеида, I, 135.

14. Baudot. Op. cit., p. 207.

** «Письма своим доверителям» («Lettres a ces commettants») — газета, которую издавал М. Робеспьер с сентября 1792 по апрель 1793 г. — *Прим. ред.*

15. Robespierre. Lettre à ses commettants. 2e série, № 4, éd. G. Laurent, p. 253, 256. См. Baudot. Op. cit. p. 122, 237.

16. «Archives parlementaires», LVII, 166, (25e annexe à la seance du 15 janvier 1793).

17. О позиции Питта и об его отказе вмешиваться см. выше, с. 99, прим. 88, и с. 105, прим. 12. Дандэс — министр внутренних дел в кабинете Питта. Сент Фуа — посол Франции в Гааге, скомпрометировавший себя тайной перепиской с Людовиком XVI, найденной в Тюильри 10 августа 1792 г.

менены налогами, хочет лишить их надежд, кои дарует им религия, когда у них уже ничего нет, кроме этих надежд? [18] И наконец, вы, чье сообщничество с тираном не может не быть раскрыто и уже выплыло наружу из железного шкафа, несмотря на все предосторожности Ролана» [19].

Это касается всех, и вместе с Жирондой он задевает рикошетом и Камбона, которого Робеспьер не любил. Все подозреваются в том, что, получив золото, действуют в интересах иностранцев. Это экстаз клеветы, огромной, веселой, легкомысленной и жестокой. Теперь уже нельзя утверждать, что придворные, рассеянные или находящиеся под арестом, подкупают революционеров, нельзя утверждать, что король, находящийся в тюрьме и лишенный всяких средств, использует цивильный лист, чтобы плести интриги и подкупать представителей. Но коалиция тиранов располагает гораздо более внушительным цивильным листом, и для воздействия на совесть французов, для их разложения используется общий бюджет контрреволюции. Весь мир борется против революционной Франции, и он пускает в ход не только меч, но и золото. Именно это внушает сегодня Демулен, возможно, все-таки сам тому не веря; именно этому другие поверят завтра: клевета становится гигантской, как и битва. О, ирония! В тот самый момент, когда депутат-памфлетист распространяет на всех своих противников обвинение в продажности, в тот момент, когда он их топит, именно он жалуется нам на потоп клеветы.

«В течение последних четырех месяцев на самых ревностных республиканцев непрерывно низвергался ливень клеветы; этот потоп пасквилей затопил Францию ...истине, этой голубке из Ноева ковчега, пока еще негде поставить лапку».

Не знаю, докатилась ли до Конвента одна из волн этого океана золота, возникшего в воображении Демулена, и забрызгала ли она Майля грязью [20]. Но Конвент в целом поистине был выше этих жалких подозрений. Он был выше обвинений в продажности, как и выше чувства страха.

БЫЛО ЛИ СВОБОДНЫМ ГОЛОСОВАНИЕ КОНВЕНТА?

Если верить контрреволюционной легенде, которой столь готовы были поверить такие историки, как Ламартин, любящие сгущать краски и обожающие сенсационные драмы, то 16 и 17 января на заседании, длившемся 36 часов и решившем участь Людовика XVI, Конвент голосовал в обстановке страха и под угрозой кинжалов. Якобы люди, поставленные у входа в зал, говорили каждому депутату: «Его голова или твоя!» [21], и, несомненно, не у одного депутата сердце замирало от страха. Это грубый вымысел. Все члены Конвента, несмотря на раздиравшие их

противоречия и ненависть, испытывали в эти дни большую гордость. Конвент не потерпел бы, чтобы его так унизили перед страной и перед историей. Кое-какие возгласы, раздавшиеся на трибунах, кое-какие речи малочисленных групп не перетянули, да и не могли перетянуть, чашу этих тяжелых весов, на которой лежали судьбы веков истории. Монтаньяры, желавшие смерти короля, были особенно заинтересованы в том, чтобы голосование, на которое они надеялись, сохранило величие, сохранив свою свободу. Если Конвент пожелал, чтобы совершаемый им акт общественного спасения был облечен в юридические формы, если он допустил публичные прения и разрешил Людовику XVI иметь защитников, если он позволил обвиняемому говорить перед лицом страны и всего мира, тем самым подвергая себя риску, что из сердца этого человека, вчерашнего короля и в глазах многих завтрашнего мученика, вырвутся драматические и волнующие слова, если он выслушал Людовика и его консультантов в глубоком молчании, если, по предложению Барера, он поручил Исполнительному совету и муниципалитету обеспечить во время этого разбирательства [22] порядок, спокойствие и молчаливое уважение, если сам Марат яростно требовал, чтобы суд происходил торжественно и достаточно неторопливо [23],— то не для того, чтобы в решающий час подвергнуть величие голосования угрозам кучки одержимых.

Если 16 и 17 января действительно имело место организованное запугивание, это было бы немедленно разоблачено с самой трибуны Конвента, и притом выдающимися представителями всех партий. Но протокол содержит лишь краткое заявление Лефрана:

---

18. Намек на предложение Камбона упразднить бюджет культов. См. выше, с. 15, прим. 19.
19. О документах, найденных в «железном шкафу», и о поведении Ролана в этом деле см. выше, с. 25, прим. 2.
20. См. выше, с. 105—106, прим. 13 и 14.
21. Lamartine. Histoire des Girondins. Paris, 1847, t. V, p. 63. «Либо его смерть, либо твоя»— таковы были единственные слова, которые совсем тихо, но повелительно шептали на ухо каждому депутату проходившему сквозь толпу в Конвент».
22. 16 января 1793 г., перед третьим поименным голосованием, министр юстиции Гара от имени Исполнительного совета представил доклад о положении в Париже. Жансонне предложил, чтобы Исполнительный совет, на который было возложено наблюдение за безопасностью в Париже в течение всего судебного процесса, получил право вызывать вооруженную силу. Собрание ему в этом отказало («Moniteur», XV, 182.) О предложении Барера см. «Archives parlementaires», LIV, 324. См. ниже, прим. 28.
23. «Марат, который до этого носил единственный грязный костюм, оделся во все новое, желая присутствовать при допросе короля Людовика XVI непривычно разодетым. Отсюда и острота, сказанная Горса: «*Кажется, процесс короля и суд над ним — праздничные дни для этого орангутана*» (Louis Blanc. Histoire de la Révolution, t. VII, p. 439.)

«Шарль Вийетт просил меня сообщить Собранию об одном факте У самого входа в этот зал Шарлю Вийетту сказали, что, если он не проголосует за смертный приговор Людовику, его убьют» [24]

Шарлю Вийетту, единственному депутату! А если бы действительно существовал организованный террор для воздействия на все Собрание то была ли бы надобность предупреждать Собрание об этом? Лежандр ответил

«Я полагаю, что нам не станут здесь сообщать о выкриках нескольких наймитов, чтобы придравшись к этому случаю, клеветать на народ Парижа» [25].

И это было все Когда мы знаем как некоторое время спустя, 25 февраля и 10 марта весь Конвент восстал против какой бы то ни было попытки давления извне, когда мы знаем, как Марат изобличил и осыпал упреками главарей «мятежных» групп, когда мы подчеркиваем, что для того чтобы Конвент 31 мая и 2 июня уступил внешней силе понадобилось все потрясение, вызванное изменой Дюмурье, войной в Вандее, событиями в Лионе и широким движением в Париже,— то совершенно ясно что 16 и 17 января Конвент ни минуты не потерпел бы даже малейшего посягательства на свою свободу и достоинство Не было ничего — ничего, кроме посланного Роланом письма, старческого бреда поистине преступного психоза Комитет общественной безопасности уведомил его, что перепуганные люди покидают Париж и что это бегство может посеять панику Он ответил утром 16 января, что такие страхи вполне естественны в городе, где разъяренные люди беспрестанно говорят об убийстве, о грабеже, о подлогах, где жители все время живут в «ужасном ожидании» резни

«Я знаю, что, по словам Коммуны и Сантера, все спокойно; я знаю, что они уверяли в этом также и 2 сентября» [26].

Вот какое письмо прислал Ролан в комитет Конвента в тот самый день, когда Конвент решал участь Людовика XVI Вот вселявший ужас и побуждавший к бегству набат, в который ударил этот злобный старик в тот самый час, когда Конвент, Париж и Франция более всего нуждались в ясности духа и хладнокровии Комитет постановил сохранить это письмо которое в тот же день по недоразумению было передано Конвенту [27]

Несколько взволнованных второстепенных членов Конвента пытались — не из страха, но из партийных соображений — подорвать доверие к решению, которое собирался вынести Конвент Но самые высокие умы из числа жирондистов устыдились этого низкого маневра этого мнимого страха, который, будь он принят нацией всерьез, покрыл бы бесчестьем Собрание и саму Революцию. Конвент не позволил ни взбудоражить себя, ни унизить, он удостоверился в том, что парижские заставы открыты, и к чести Жиронды, именно жирондист Буайе-Фонфред в тот же день протестовал против всякой мысли предоставить Конвенту стражу [28]

«*Граждане, не клевещите сами на судебное решение, которое вам предстоит вынести*; переложите эту заботу на своих врагов. Не вызывайте столь экстраординарной мерой тревоги в этом городе, который злодеи, быть может, хотели бы взбудоражить, но который будет спокоен, если сами вы будете спокойны Европа смотрит на вас, вы должны внять моим доводам»

Но как смог бы Буайе-Фонфред говорить в таком духе, если бы своего рода каннибализм действительно угрожал Собранию, если бы на трибунах или у входа в Собрание ревели толпы требуя головы депутатов или же головы короля? Не хотят ли дать понять, что Буайе-Фонфреду, проголосовавшему против обращения к народу и решившему голосовать за смертный приговор, окончательный и без отсрочки, лично бояться было нечего? Но для этого человека, который с достоинством умер вместе со своими друзьями, это было бы лишним основанием защищать жирондистов, и он бы тем более решительно разоблачил опасность, которая, не угрожая лично ему, нависла бы над его собратьями по оружию. Поистине перед жалкими иеремиадами Ролана мы начинаем почти понимать взрыв сардонического смеха у Марата, воскликнувшего в этот день в Конвенте [29]

«Они говорят вам, что голосуют под угрозой кинжалов, но ни один из них не был оцарапан»

Весьма примечательно, что с самого начала Революции никто не поднял руки ни на одного представителя, кем бы он ни был, за его «антинародные» мнения Многих депутатов предадут суду Революционного трибунала и Конвент сам страшно опустошит свои ряды Но ни над Мори, ни над Казалесом, ни над Мирабо, когда в прениях о мире и войне он глубоко задел чувства народа Парижа, ни над Барнавом, ни над одним жирондистом никогда не было совершено никакого акта личного насилия Никогда ни толпа ни какой-либо человек, возникший из толпы, не рискнули нанести им удар Все те, кто пал жертвой отдельных покушений, без соблюдения законных форм — завтра Лепелетье де Сен-Фар-

---

24 «Archives parlementaires» LVII, 335 Лефран (1758—1839) — адвокат депутат Конвента от департамента Ланды Вийетт Шарль (1736—1793) — кавалерийский офицер, депутат департамента Уаза

25. Лежандр Луи (1752—1797) — торговец мясом депутат Конвента от Парижа

26 «Moniteur» XV, 179, «Archives parlementaires» LVII, 334 Распространился слух, что народ собирается явиться к барьеру Конвента в секциях поговорили о новых «сентябрьских днях»

27 Письмо Ролана, адресованное Комитету общественной безопасности, было зачитано на заседании Конвента 16 января 1793 г Камбоном, депутатом от департамента Коррез Это повлекло за собой инцидент («Moniteur» XV, 178, «Archives parlementaires», XV, 179)

28 «Moniteur», XV, 180, «Archives parlementaires» XVII, 337 См выше, прим 22

29 «Moniteur», XV, 181

человека, заговорщика, хотят вынести с соблюдением более строгих и более торжественных форм!»

А так как уже решенный отказ от обращения к народу служил доводом для тех, кто требовал бóльших гарантий для этого отныне уже окончательного приговора, то это послужило для Дантона поводом вернуться к вопросу, решенному в его отсутствии, и наложить на него свою печать: «Мы выносим приговор как временные носители суверенитета. Да, как временные, ибо он принадлежит одному народу. Я спрашиваю: когда уголовный закон применяется к какому-нибудь человеку, передаете ли вы вопрос о нем на решение народа; или же когда у вас возникают какие-нибудь сомнения относительно немедленного исполнения приговора? Я спрашиваю: разве не голосовали вы простым абсолютным большинством, когда решался вопрос о Республике и о войне? *И я спрашиваю: разве кровь, пролитая в сражении, не является безвозвратно пролитой?*»

Это была убийственная логика. Следовательно, решением абсолютного большинства без обращения к народу кровь Людовика тоже может пролиться безвозвратно. Почему Дантон, обычно мало склонный к проявлению своих чувств, трижды выступал на этом заседании, настаивая на смертном приговоре и как бы желая взять на себя решающую революционную ответственность?

Поддался ли он, снова оказавшись в Конвенте после довольно долгого отсутствия, естественному возбуждению, овладевающему людьми, которые долго хранили молчание? Или же — хотя он и не любил всегда быть на виду, а, напротив, в разгар всеобщего волнения предпочитал некоторое время оставаться в тени, в бездействии и забвении,— он сожалел о том, что не принимал более непосредственного участия в самой волнующей драме Революции, и пожелал начертать свое имя на колоколе, который должен был возвестить миру трагическую смерть короля? Быть может также, следуя своей обычной тактике, он хотел вновь соприкоснуться с революционной энергией, с несколько грубоватой простотой народного сознания, чтобы таким образом обрести силу и право советовать и призывать к умеренности. Он не был связан с Дюмурье, но продвигался по тому же пути, и с этого момента у него возникло намерение помочь Дюмурье, потребовав удаления Паша из военного министерства. Он старался укрепить в ходе процесса короля свой революционный авторитет, чтобы получить возможность надежнее руководить внешними делами, от которых зависело все будущее Революции [34].

ПОИМЕННОЕ ГОЛОСОВАНИЕ

«Какого наказания заслуживает Людовик, бывший король французов?»

Поименное голосование, начатое в среду, 16 января, в 6 часов вечера, продолжалось без перерыва вплоть до 7 часов вечера

17 января. «Это было,— писала газета Бриссо [35], который, конечно, не преминул бы осудить беспорядки «анархии»,— самое величественное зрелище, свидетелями которого когда-либо были люди: более семисот граждан, избранных 25 млн. им подобных для осуществления их полномочий, поочередно поднимались на трибуну и выражали свое мнение об участи человека, еще недавно вершившего судьбами великой нации. Патриотизм и честность весьма многих из них, просвещенность большинства, таланты некоторых придавали особый интерес важному обсуждению. О, если б вся нация могла слушать своих представителей, судить об их мнении, взвешивать их доводы, проникать в их намерения!» Этого непосредственного, непроизвольного свидетельства газеты Бриссо должно было бы быть достаточно, чтобы развеять все легенды.

Примечательное обстоятельство: первым высказал свое мнение Майль [36]. Как известно, поименное голосование происходило по департаментам и в алфавитном порядке их названий. Если при первом поименном голосовании какой-то департамент проголосовал первым, то при следующем поименном голосовании начинали голосование со следующего в алфавитном порядке департамента. Так, при первом поименном голосовании начали с департамента Эн (Ain), при втором — с департамента Алье (Allier) и т. д. К моменту, когда на процессе Людовика XVI приступили к навеки прославившимся четырем поименным голосованиям, уже дошли до буквы «Г» («G»), до департамента Гар (Gard). Поэтому первое голосование следовало начать с департамента Гар, второе — с департамента Верхняя Гаронна (Haute-Garonne), третье — с департамента Жер (Gers) и т. д. Прежде чем началось четвертое голосование, протокол уточняет, что секретарь Осселен «сообразуется с порядком, предусмотренным Конвентом: проводить поименное голосование по департаментам в алфавитном порядке их названий, *чтобы каждый департамент поочередно пользовался преимуществом высказать мнение и голосовать первым*» [37-39].

Однако я вижу, что при первых двух голосованиях правило это не было соблюдено. Правда, первое голосование, о виновности короля, начали с департамента Гар, но при втором голосовании, относительно обращения к народу, вместо того чтобы перейти непосредственно к следующему департаменту и начать с депар-

34. О внешней политике Дантона см. выше, с.99, прим. 85.
35. «Le Patriote français». № 1256, 19 janvier 1793. Поименное голосование проходило в течение всей долгой январской ночи, в слабо освещенном зале, и в течение всего следующего дня, «тусклого зимнего дня», как писал Мишле. Каждый депутат, вызванный по имени, выходил на трибуну и либо просто говорил свое мнение, либо мотивировал его, кратко или пространно.
36. «Moniteur», XV, 184; «Archives parlementaires», LVII, 342. См. выше, с.105, прим. 13.
37— 39 «Moniteur», XV, 184.

тамента Верхняя Гаронна, снова начали с департамента Гар [40]. По всей вероятности, это был простой недосмотр. Или же секретари на заседании 15 января решили, что для одного и того же заседания может быть сохранен один и тот же порядок голосования. Возможно, они думали даже, что этот порядок должен был быть сохранен для всей серии голосований, касающихся одного и того же общего вопроса, в данном случае — судебного приговора Людовику XVI. Очень подозрительные и, несомненно, совсем безрассудные люди могли бы также предположить, что если секретари Конвента, чрезвычайно преданные Жиронде, два раза подряд предоставили первую очередь департаменту Гар, то только для того, чтобы при третьем голосовании, голосовании о наказании, департамент Верхняя Гаронна смог выразить свое мнение первым и чтобы Майль смог повлиять на целый ряд голосующих, сразу поставив вопрос об отсрочке исполнения приговора [41]. Во всяком случае, мне представляется вероятным, что если при третьем голосовании секретари вернулись к правилу, о котором они, казалось, забыли, и если они сначала вызвали представителей департамента Верхняя Гаронна, то это явилось результатом вмешательства тех жирондистов, которые были посвящены в тайну комбинации Майля [42]. Было предчувствие, что голоса, поданные за смертный приговор и против него, почти уравновесятся. Поэтому если бы к тем, кто отверг смертный приговор, присоединилось некоторое число членов Конвента, которые, голосуя за него, указали бы на необходимость отсрочки, то смерть короля можно было бы предотвратить.

Но для этого нельзя было терять ни одного голоса. Надо было, чтобы пример, поданный Майлем, смог оказать свое воздействие на всех депутатов. Следовательно, надо было, чтобы Майль проголосовал первым, и вот почему, несомненно, секретари, предоставив сначала слово департаменту Гар при двух первых голосованиях, для третьего перешли к департаменту Верхняя Гаронна. Но как Майль сформулировал свое предложение? Заявил ли он, что его голосование за смертный приговор обусловливается отсрочкой или же что эти два вопроса не зависят один от другого? Согласно «Архив парламентэр», текст которых был сличен с подлинным протоколом Конвента, Майль будто бы сказал [43]:

«После высказанного мною мнения по первому вопросу я, естественно, голосую за смертный приговор Людовику. Сделаю только одно замечание. Если большинство выскажется за смертный приговор, то я полагаю, что было бы достойно Национального Конвента рассмотреть вопрос о том, что политичнее и полезнее: ускорить или отложить исполнение приговора? *Предложение это не зависит от подаваемого мною голоса.* Возвращаюсь к первому вопросу и голосую за смертный приговор».

Но совершенно невозможно, чтобы Майль мог произнести в тот момент подчеркнутую нами фразу, и если она действительно

содержится в подлинных протоколах, то это может быть только результатом благожелательного дополнения и позднейшего исправления. Чтобы убедиться в том, что Майль не произносил этой фразы, достаточно обратиться к инциденту, который произошел во время этого же заседания между Гарро, Камбоном и самим Майлем [44]. Это случилось во время подсчета голосов. Результат голосования мог бы быть совершенно иным в зависимости от того, условным или же безусловным было голосование за смертный приговор Майля и нескольких других депутатов при наличии предложения об отсрочке. Гарро спросил Майля:

«Прежде чем результаты голосования будут объявлены, я требую, чтобы уточнили характер и цель голосования; некоторые члены Конвента только что спросили Майля, голосовал ли он, делая какую-то оговорку, или же голосовал безусловно, он ответил, что, подавая свой голос, не сделал никаких оговорок. Я прошу, чтобы Майль сам разъяснил свое пожелание, к которому, по-видимому, присоединился ряд членов этого Собрания и характер которого важно знать».

Очевидно, если бы Майль, формулируя свое предложение об отсрочке, сказал: «Это предложение не зависит от подаваемого мною голоса», то никаких сомнений на этот счет не возникло бы. Кроме того, сам Майль отвечает так: «При нынешнем положении вещей я могу лишь повторить свое пожелание, высказанное мною вчера; *итак, я повторяю его, не изменив в нем не только ни слова, но ни единой буквы.* Прошу граждан, моих коллег, слушавших меня, засвидетельствовать, является ли то, что я сейчас повторю, тем же, что я сказал вчера. Вот то, что я, клянусь честью, сказал вчера». И Майль буквально повторил текст, процитированный мною выше, *кроме подчеркнутой фразы.*

Затем он прибавил: «Я не могу, да и не хочу, давать никакого объяснения». Я очень склонен думать, что он намеренно придал

40. «Moniteur», XV, 161.
41. О проблеме отсрочки, поставленной Майлем, см. выше, с. 105, прим. 13.
42. Что касается порядка голосования департаментов во время процесса Людовика XVI, то в одном вопросе я впал в ошибку: основываясь на данных «Moniteur» и «Révolutions de Paris», я решил, что поименное голосование дважды начиналось с департамента Верхняя Гаронна. Это не точно, и вывод, сделанный мной из этого, вполне естественно, отпадает. Впрочем, все, что касается существа интриги Майля, остается в силе. (Указание Жореса на его ошибки, данное в т. IV, с. 1825, первого издания его «Социалистической истории Французской революции».)
43. «Archives parlementaires», LVII, 342.
44. «Moniteur», XV, 228; «Archives parlementaires», LVII, 409. Гарро (1762—1819) — адвокат, глава администрации дистрикта Либурн, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Жиронда. Камбон (1756—1820) — негоциант, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Эро.

своему голосованию двусмысленную форму. Он оставлял себе возможность — в зависимости от результатов голосования и соотношения умов — придать своему голосованию то или иное значение. Он решил уточнить его только тогда, когда число голосов, поданных за смертную казнь, достигнет большинства — даже если считать самого Майля и его друзей ее противниками. Он, несомненно, сказал себе: «Зачем компрометировать себя ради дела, которое и так потеряно?» Но во всем его поведении есть что-то двусмысленное и неясное, что, по-видимому, подтверждает подозрения Бодо. Во всяком случае, налицо интрига. Если верить достаточно язвительной заметке, появившейся в газете Бриссо (номер от среды, 23 января)[45], многие члены Конвента поняли, что принятие отсрочки было для Майля непременным условием подачи им голоса за смертную казнь. И это еще одно доказательство того, что Майль не заявлял, что «предложение это не зависит от подаваемого мною голоса».

«Майль,— пишет «Патриот франсэ»,— чья поправка от имени департамента Верхняя Гаронна будет зачитана, впоследствии утверждал, что эта поправка не была неотделима от его голосования; но весь Конвент был настолько убежден в ее нераздельности, что, когда некоторые его члены высказались за смертный приговор, приняв предложенную Майлем отсрочку, не последовало никаких протестов, да и сам он заявил протест лишь 30 часов спустя. Мне не пристало думать, что какое-то соображение могло повлиять на нашего коллегу, но в подтверждение истинности факта я должен был сказать, что его запоздалый протест был мне заявлен лишь в тот момент, когда заканчивался подсчет голосов».

Когда на заседании 18 января приступили к проверке поданных голосов, Майль, кстати заболев, был избавлен от необходимости дать лично определенные объяснения [46].

Одни из проголосовавших за поправку Майля объявили, что их голосование было неотделимо от этой поправки. Напротив, другие объяснили, что их высказывание в пользу отсрочки не лишало голоса, поданного ими за смертную казнь, его абсолютного и безусловного значения. «Майль,— говорит протокол,— отсутствовал по болезни; заметим, что подача им голоса в том виде, как он это сделал сначала и как повторил вчера, не содержит никаких оговорок и что его требование обсудить время приведения приговора в исполнение не зависит от его голосования за смертную казнь» [47]. Несомненно, это истолкование, данное уже после событий, и было произвольно включено в первое изложение хода голосования. Но чтобы предотвратить какие бы то ни было споры, Конвент не включил Майля и его друзей в число тех, кто голосовал безоговорочно за смертную казнь. Так довольно темной и внушавшей известную тревогу интригой жирондистов и началось с Майля голосование о наказании. В течение 13 часов шла подача голосов за смертную казнь безусловно или с оговорками, подача

голосов за тюремное заключение или за изгнание, и притом таким образом, что невозможно было понять, на какой стороне будет большинство.

Верньо голосовал за смертную казнь, но с отсрочкой, предложенной Майлем [48]. Это не находилось в резком противоречии с его речью, так как он уже не раз утверждал, что Людовик виновен, и говорил, что помиловать его может один только народ. Требуя, чтобы Конвент обсудил вопрос об отсрочке, Верньо сохранял последнюю возможность проявить милосердие. Однако если между речью Верньо и его голосованием и нет безусловного и резкого противоречия, тем не менее имеется как бы диссонанс, оставляющий чувство некоторой неловкости. Его великолепные слова о «святой человечности» завершаются голосованием за смертную казнь, едва смягченным неопределенной оговоркой, которая не связывает Верньо до конца. Здесь полностью проявляются нерешительность и непоследовательность Жиронды. Великий Кондорсе кажется счастливым, обретя в своем непримиримом и принципиальном возражении против смертной казни твердую точку опоры, средство против своей обычной нерешительности [49].

«Всякое различие в наказании за одни и те же преступления является посягательством на человечность. Кара для заговорщиков — смерть, но кара эта противоречит моим принципам; я никогда не буду голосовать за нее. Я не могу голосовать за тюремное заточение, голосовать за которое мне не позволяет ни один закон. Я голосую за самое тяжелое наказание, предусмотренное Уголовным кодексом, но которое не есть смерть. Я требую, чтобы соображения Майля были обсуждены, потому что они того заслуживают».

Но Дантон, обычно столь миролюбивый, Дантон, который вскоре, подвергшись резким нападкам со стороны Жиронды, решится выступить против нее только в крайнем случае, какому побуждению следовал он, превращая изложение своего мнения в своего рода обвинительную речь против Жиронды?

«Я отнюдь не принадлежу к тому множеству *государственных людей*, которые не знают, что на тиранов не опираются, которые не знают, что королям наносят удар только в голову, которые не знают, что от королей Европы нельзя ничего добиться иначе, как силой нашего оружия. Я голосую за смертную казнь тирана» [50].

---

45. «Le Patriote français», № 1260, 23 janvier 1793
46. «Moniteur», XV, 235; «Archives parlementaires», LVII, 360
47. Текст заканчивается словами «Голос Майля был учтен среди голосов тех, кто высказался за смертный приговор без всяких оговорок».
48. «Moniteur», XV, 185; «Archives parlementaires», LVII, 343
49. «Moniteur», XV, 211. Кондорсе представлял департамент Эна
50. «Moniteur», XV, 198

Он, несомненно, полагал что, поскольку всеобщая война не избежна, в нее следовало вступить с отвагой, с вызовом и придать судебному приговору королю все его революционное значение Он, несомненно, осуждал Жиронду за ее неуверенные и бесси ные комбинации, которые не могли остановить хода событий, но стесняли порыв Революции.

Как бы в оправдание этого презрительного и высокомерного тона Дантона Бриссо излагает свое мнение в речи, полной уныния и печали [51]. Дело за которое взялся этот честный человек простых нравов, занятой, с умом обширным, но беспокойным, поверхностным и легкомысленным, оказалось ему не по плечу. Он развязал войну с искренней надеждой, что она в несколько месяцев разрешит проблему Революции она должна была сорвать маску с короля «демонархизировать Конституцию» и объединить вокруг свободной Франции народы, освободить которые не составит труда Он общался в Америке с квакерами, людьми миролюбивыми и отчасти с идеями и чувствами квакера он и начал войну, как короткий и необходимый пролог к окончательному миру и всеобщей свободе. Никакого сомнения, что при этой идиллии нация, избавленная от измены и тирании, сохранила бы по меньше мере жизнь королю. Но ветер войны дул, как в бурю, разрастался смертельный вихрь, и народы, введенные в заблуждение своими тиранами или напуганные освободительными насильственными действиями Революции, отворачивались от Франции. И эта гроза развязала все страсти, гнев и злобу, зависть и дикие подозрения, и необъятное умиротворенное сверкающее море, которое должно было простираться от Франции до Америки, омывать Англию мягко проникая во все изгибы берегов, оказалось темным и мутным океаном, мрачным, как ненависть, и кровавым, как смерть. Бриссо, растерявшийся и перепуганный, пытался теперь ограничить свое начинание, сдержать войну и ввести ее в тесные рамки

«Конвент отклонил обращение к народу, и — я говорю это с душевной болью, торжественно заверяя Конвент в своем уважении к нему — злой гений, добившийся победы такого решения уготовил Франции неисчислимые бедствия. . В смертном приговоре я вижу сигнал к страшной войне, к войне, которая будет стоить моему отечеству потоков крови и огромных средств, *и не с легким сердцем указываю я на этот факт*; дело не в том, что Франции надо страшиться тиранов и их сателлитов, но к ним присоединятся народы, введенные в заблуждение клеветническими измышлениями о судебном приговоре Конвента».

Очевидно, Бриссо находился тогда в непосредственной постоянной переписке с Фоксом и его друзьями Для истории было бы весьма ценно обнаружить следы этой переписки В эти трагические дни лорд Лендсдаун говорил в палате лордов о Бриссо как о человеке очень способном и честном, быть другом которого он почитал для себя за честь [52].

В статье, немного позднее появившейся в «Кроник де Пари» (3 февраля) и подписанной Кондорсе и Делонэ из Анжера, нашли отражение надежды, которые многие французские революционеры какое-то время возлагали на Англию [53]:

«Небесполезно отметить, что если кто-нибудь и способствовал гибели Людовика сознательно, с помощью последовательной системы политического вероломства то это тот самый Георг, который делает вид что оплакивает его *Ибо тот, кто мог оторвать Пруссию от Австрии, потребовать рассеять эмигрантов и помешать войне, тот, кто мог, признав Французскую Республику и обеспечив ей к концу сентября почетный и свободный мир*, ДАТЬ ЕЙ СВОБОДУ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ БЕЗОПАСНОСТИ, ДАБЫ ОНА СЛУШАЛАСЬ ТОЛЬКО ГОЛОСА СВОЕГО МИЛОСЕРДИЯ, *и кто ничего этого не сделал, несомненно смотрел на падение и смерть Людовика только как на событие, благоприятное для своих замыслов*»

Ведь в январе некоторые оптимистически настроенные члены Конвента уже больше не надеялись на английского короля; но они еще упорно надеялись на поворот в английском общественном мнении, и именно для того, чтобы облегчить этот поворот, они и требовали от Революции, чтобы она «слушалась лишь голоса своего милосердия»

Группа английских оппозиционеров, очевидно, убеждала Бриссо бороться до конца, чтобы предотвратить смертный приговор королю Такой ценой они еще надеялись помешать объявлению войны. и Бриссо, основываясь на этих заверениях, упорно боролся, проявляя душевную чистоту и мужество Он не поддержал поправки Майля возникновение которой ему могло показаться подозрительным. Он предложил комбинацию, в общем сводившуюся к возобновлению предложения об обращении к народу. Это было вынесение смертного приговора с отсрочкой приведения его в исполнение до тех пор пока конституция не будет одобрена народом Совершенно ясно, что первичные собрания, собравшиеся для рассмотрения конституции и зная, что своим одобрением конституции они подадут сигнал к казни короля, стали бы размышлять, не стоит ли прославить новую конституцию актом великодушия

---

51 «Moniteur», XV, 221, «Archives parlementaires», LVII, 451 Бриссо был представителем департамента Эр и Луар

52. Лорд Лендсдаун (1737—1805) — член правительства графа Чатама (Питта Старшего) с 1766 по 1768 г , глава министерства иностранных дел в 1782 г , во время переговоров с Соединенными Штатами Он вышел в отставку в 1784 г , находясь в постоянной оппозиции политике Питта, проявлял неизменно дружеские чувства к Франции

53. «Chronique de Paris», № 34, 3 fevrier 1793 (не 5 как пишет Жорес) Делонэ из Анжера (1752-1794) — адвокат депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Мен и Луара

и милосердия. Именно такой смысл Бриссо и придавал сво му предложению: «Эта приостановка исполнения ставит ваш су ебный приговор под охрану нации; она придает вашему приговору величественный характер беспристрастности и великодушия каким я желал бы его наделить; *наконец, она приобщает к ваш му судебному решению всю нацию*».

Тщетная попытка вернуться к уже отвергнутому обращению к народу! Знаменательно, что те, кто не хотел смерти короля не сумели прийти к соглашению, чтобы принять единую формул и единое решение. В последнем случае они, несомненно, привлекли бы на свою сторону немало колеблющихся. Бриссо заканчивает печальными и горестными размышлениями о самом себе:

«За высказанное мною мнение на меня будут клеветать. Эта участь уготована моему мнению, каково бы оно ни было. Я отвечу на клевету только безупречной жизнью, ибо ручаюсь, что мои противники не смогут привести и указать ни единого факта, я отвечу на клевету своей достойной уважения бедностью, которую хочу завещать своим детям, и, быть может, недалеко то время когда они получат это горестное наследство».

Небогатого Бриссо, чья семья занимала скромную квартиру по соседству с замком Сен-Клу, обвинили в том, что он посе ил ее в замке, и это его удручало Он опровергал клевету немного плаксиво и по-ребячески, и вспоминать об этой жалкой полемике в тот час, когда он судил короля, было несколько неуместно Но он тоже видел тень приближавшейся смерти

Жансонне пытался разжечь страсти своим предложением, но вскоре оно обратилось против Жиронды:

«Я требую, чтобы Конвент, дабы доказать, что он не пр оставляет злодеям никаких привилегий, предложил министру юстиции предать суду убийц и разбойников, действовавших 2 и 3 сентября» [54].

Томас Пейн, депутат, посланный в Конвент от города К ле, сказал, что его ненависть к королям общеизвестна, как и его сочувствие ко всем обездоленным; но, зная, что смертный приговор королю мог бы оттолкнуть от Франции очень многих людей, он голосовал за содержание кор оля в тюрьме до заключения мира [55].

ОБЪЯВЛЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ГОЛОСОВАНИЯ

Поименное голосование продолжалось до четверга, 7 часов вечера, но, прежде чем говорить об объявлении его результатов я хочу присоединить к свидетельству, уже приведенному мной из газеты «Патриот франсэ», свидетельство другой газеты, тоже преданной Ролану и Жиронде, а именно «Монитер юниверсель» Также и она утверждает, что Конвент вынес приговор в обстан ке по ного спокойствия, без каких-либо попыток оказать давление хотя бы на одного депутата.

«Никогда,— говорится в номере от 20 января [56],— не было так мало группировок, так мало предложений, так мало стараний их подавить или сдержать... Какие прения протекали столь спокойно и в то же время были так продолжительны, как во время процесса Людовика? Какой вопрос был связан более непосредственно с противоположными мнениями и страстями, с различными привязанностями и интересами, наконец, со всеми естественными причинами волнений? Вооруженная сила была почти не организована. и, однако, ночью так же, как и днем, можно безопасно ходить по всем закоулкам огромного города. *С трибун перестали оскорблять нацию в целом* и т. д.».

Но в самом Конвенте, когда секретари подсчитывали результаты голосования, вспыхнуло сильное волнение. Распространился слух, будто голоса разделились поровну и что было бы достаточно одного голоса, чтобы спасти Людовика. Дюшатель, по болезни не участвовавший в первом голосовании, прибыл в Конвент одетый по-домашнему и пожелал проголосовать [57]. Все знали, что он был против смертного приговора. Допустят ли его к голосованию? Левые кричали, что его вызвали в Конвент секретари, что они злоупотребили своим положением — так как могли раньше, чем весь Конвент, узнать результаты голосования,— чтобы предпринять эту последнюю попытку склонить неподвижно застывшие чаши весов в пользу Людовика. Кто знает, не воспользовались ли они также неопределенными и двусмысленными высказываниями кое-кого из голосовавших, чтобы подтасовать результаты голосования? Вот кстати, Манюэль выходит из Конвента и уносит с собой список [58]. Что это означает? Как, интрига бюро может спасти тирана! Как, все его преступления останутся безнаказанными! Как, кровь всех его жертв не будет отомщена и Европа посмеется над немощной Революцией, которая не решается поразить измену и из ложного сострадания, граничащего с поклонением, восстанавливает идол монархии! Нет, нет, мы спасем свободу! Мы спасем отечество!

Это волнение Горы было напрасным, так как большинство голосов осудило Людовика на смертную казнь безусловно и без

54 «Moniteur» XV, 184, «Archives parlementaires», LVII, 510

55 «Moniteur», XV, 200; «Archives parlementaires», LVII, 455. Томас Пейн (1737—1809) — представитель департамента Па-де-Кале

56 «Gazette nationale ou Le Moniteur universel» № 20, 20 janvier 1793, «Moniteur», réimp., XV, 177

57. «Moniteur», XV, 228, «Archives parlementaires», LVII, 59 Дюшатель (1766—1793) — земледелец, депутат Конвента от департамента Де-Севр

58. «Moniteur», XV, 228, «Archives parlementaires», LVII, 438 Манюэль (1751—1794) — муниципальный чиновник в 1789 г., прокурор Коммуны в 1791 г., депутат Конвента от Парижа

отсрочки исполнения приговора. В десять часов вечера председатель (это был Верньо) объявил результаты голосования, впоследствии несколько исправленные.

В действительности, после проверки, голоса распределились следующим образом [59]: из 749 депутатов 15 отсутствовали, выполняя поручения Конвента, 7 отсутствовали по болезни, 5 воздержались по собственному желанию. Таким образом, число голосовавших составляло 721, а абсолютное большинство — 361. Двое проголосовали за тюремное заключение в оковах, 286 — за тюремное заключение, или за изгнание до заключения мира, или за немедленное изгнание, или заточение (несколько голосов было подано за смертную казнь условно, если территория страны будет захвачена); 46 проголосовали за смертную казнь с отсрочкой приведения приговора в исполнение — либо до изгнания Бурбонов, либо до заключения мира, либо до утверждения конституции, 361 голос был подан за смертную казнь и 26 человек голосовали за смертную казнь, потребовав обсуждения вопроса, соответствует ли всеобщим интересам, чтобы она была или не была отсрочена, при этом эти последние заявили, что их голосование не зависит от этого требования.

Таким образом, в общем за тюремное заключение и за казнь (условно) было подано 334 голоса и за казнь безусловно — 387. Отсутствовавших и неголосовавших было 28. Какой же интерес представляет для г-на Дареста, консервативного добросовестного историка [60], не принимать в своих расчетах во внимание голоса 26 депутатов, которые, потребовав, чтобы было принято решение об отсрочке, проголосовали за смертный приговор без всяких условий? Может быть, ему приятно констатировать, что большинство, высказавшееся за смертный приговор, в точности равнялось абсолютному большинству, то есть 361? Но жирондист Саль на заседании 17 января вечером сам признал, что большинство составило по меньшей мере 40 голосов, а в действительности оно составило 53 голоса. Более половины из 749 членов Конвента проголосовало за смертную казнь. Но, на самом деле, разве о великих и грозных событиях судят на основании числовых выкладок? [61]

СМЕРТЬ КОРОЛЯ БЫЛА НЕИЗБЕЖНА

К этому моменту Революции Людовик не мог избегнуть смерти. Даже если бы большинство Конвента сперва отклонило смертную казнь, Людовик непременно был бы вскоре казнен. Из поведения Горы в тот момент, когда она опасалась вынесения милосердного приговора, очевидно, что ни Гора, ни Париж не согласились бы с таким голосованием. Почти все представители Парижа, 20 из 22, голосовали за смертную казнь. Только Дюзо и Тома потребовали тюремного заключения [62]. Сам Филипп Эгалите, то ли увлек-

шись революционной ролью, на какую он себя осудил, то ли из страха, проголосовал за смертную казнь [63]. Итак, между Парижем и департаментами существовало расхождение. В какой форме мог бы проявить свою волю народ Парижа? Двинулся ли бы он на тюрьму Тампль, чтобы самому «свершить правосудие», раз представители Франции уклонялись от этого? И явились ли бы в тюрьму также и на этот раз сентябрьские убийцы? На протяжении нескольких недель все партии либо боялись, либо делали вид, будто боятся, что одержимые или подкупленные лица отправятся в Тампль, чтобы убить короля. Луве, склонный к драматическим предположениям, часто говорил именно это. Жансонне, голосуя и высказываясь за смертную казнь, настоятельно советовал следить за безопасностью детей короля [64]. Жиронда беспрестанно повторяла, что безнаказанность сентябрьских убийц поощряла их к покушению на более именитое лицо, и заключала, что если Франция, если Революция будут опозорены убийством короля, отнятого у его судей убийцами с кинжалами в руках, то это будет вина тех, кто покровительствовал анархии.

Гора хорошо понимала, что Революции был бы нанесен страшный удар: Марат, Робеспьер, ораторы Якобинского клуба не

---

59 Archives nationales, C. 243, dos 314, p 53, minute.

60. D a r e s t e. Histoire de France, t VII, p. 433.

61 Если рассматривать голосование в целом, то 334 представителя хотели спасти короля, которого они осуждали: на содержание в оковах (т. е на каторжные работы), на тюремное заключение, на изгнание или на смерть с отсрочкой (последний приговор предусматривал новое обсуждение перед приведением его в исполнение) Высказываясь за тюремное заключение, за лишение свободы или за изгнание, 286 представителей воспротивились движению, увлекавшему Конвент в сторону Горы Почти половина отказалась высказаться в качестве судеи, довольствуясь действиями в целях общественной безопасности в такой степени аргумент о неприкосновенности, дарованной Конституцией 1791 г , еще воздействовал на умы Число сторонников смертного приговора с отсрочкой выросло с 17 на 18 января с 11 до 46; как уступка возраставшему влиянию Горы, голосование за отсрочку смягчалось разными условиями. В действительности, даже нагромождая условия, было трудно не раздражать Горы, желая все же спасти короля Всех 46 представителей, проголосовавших за смертный приговор с отсрочкой, Реставрация признала цареубийцами. За смертный приговор проголосовало 387 депутатов, из которых 361 высказался за смертный приговор без всяких оговорок вся Гора, много депутатов Болота, наконец жирондисты. Так как жирондисты разделились, Гора одержала верх Все-таки 26 представителей высказались за поправку Майля смертный приговор, но с тем, чтобы вопрос об отсрочке был обсужден, хотя он не должен рассматриваться здесь как условие О вопросе об отсрочке см. далее

62. «Moniteur», XV, 190, 200; «Archives parlementaires», LVII, 462

63. «Moniteur», XV, 200 Когда Филипп Эгалите подал голос за смертную казнь «в части зала поднялся ропот».

64. «Moniteur», XV, 785.

скупились на предостережения народу. Но если можно было опасаться насилия во время суда над королем, когда самые горячие головы могли надеяться на осуждение, то что было бы после милосердного приговора? Гавернер Моррис писал 10 января Вашингтону [65]:

«Участь короля должна быть решена в ближайший понедельник, 14-го числа. Этот несчастный, сохраняя полное спокойствие, рассмотрел вместе со своими защитниками все статьи предъявленного ему обвинения и заключил из них, что большинство Конвента будет голосовать за обращение к народу *и что он, следовательно, будет убит*. Увы! При нынешнем положении вещей третьего выхода больше нет: король должен либо вернуться на трон, либо погибнуть».

Если бы Людовик XVI предвидел возможность смерти от руки убийц, то он, несомненно, предпочел бы смерть на эшафоте, этот высший триумф короля-мученика.

На другой день после голосования, которое сохранило бы жизнь Людовику XVI, Гора, несомненно, продолжала бы свои усилия сдержать гнев народа Парижа. Но она постаралась бы оказать на Конвент давление, чтобы вырвать наконец у него смертный приговор как меру общественного спасения. Возможно, темная интрига Майля дала бы для этого необходимый предлог. Майля было бы легко обвинить в сговоре с испанским посланником, и, приняв декрет о совершенной им измене, можно было бы отменить первый приговор в пользу короля. Несомненно, со времени этой интриги и волнения, вызванного его двусмысленным голосованием, и начались эти страхи Майля, отмеченные Бодо. Но, во всяком случае, каков бы ни был образ действий, избранный Горой и Парижем, чтобы можно было вернуться к судебному приговору, между обеими группировками Конвента началась бы гражданская война. И борьба, которая в июне разразится между департаментами, поднявшимися на защиту жирондистов-проскриптов, и Парижем, несомненно, разразилась бы уже тогда. В этой борьбе Жиронду постигло бы огромное несчастье. Вопреки своему намерению она предстала бы партией короля. Человечность и сострадание, хотя Жиронда совершенно определенно не хотела того, стали бы основой объединения контрреволюции.

Знаменательно уже то, что почти все депутаты четырех департаментов, образующих самое сердце и твердое ядро Бретани — Финистера, Морбиана, Кот-дю-Нора, Иль и Вилена,— голосовали против смертной казни: 25 против 9[66]. Из 13 депутатов Кальвадоса, который вскоре будет играть столь большую роль в жирондистской войне, *только один*, Жуанн-Лоншан, голосовал за безоговорочный смертный приговор и дополнительно указал на возможность отсрочки [67]. 12 других голосовали за изгнание. Из

8 депутатов департамента Майенн только двое голосовало за смертную казнь безусловно, четверо голосовало за изгнание и трое голосовало за смертную казнь условно, явно предусматривая отсрочку [68].

Любопытное обстоятельство! Почти все представители Вандеи, 7 против 2, наоборот, голосовали за смертную казнь [69]. Но представители департаментов, которые станут для Жиронды прибежищем или точкой опоры, той части Нормандии, что граничит с Бретанью, и бретонского полуострова в подавляющем большинстве высказались против смертной казни [70]. Почему? Они не были роялистами. Все они, причем вполне искренне, признали Людовика виновным. Неустрашимый и упорный Ланжюинэ, мотивируя свое голосование, не стремится оправдывать короля [71]:

«Как человек, я голосовал бы за смертную казнь для короля; но как законодатель, думая исключительно о спасении государства и интересах свободы, я не знаю лучшего средства их сохранить и защитить от тирании, чем даровать жизнь бывшему королю. Кроме того, я слышал, что мы должны вынести по этому делу такой приговор, какой вынес бы сам народ. Но народ не имеет права умерщвлять побежденного пленника. И вот, в соответствии с пожеланием и правом народа, а не с мнением людей, разделить которое хотели вас заставить некоторые из нас, я голосую за тюремное заточение, пока не будет заключен мир, и за последующее изгнание, под страхом смерти король не должен возвращаться во Францию».

Нет, они не были роялистами. Но в душах жителей запада Франции, которых они представляли и чьи мысли выражали, царила путаница, смешение жалости, сопротивления и недоверия. Эти

---

65. «Mémorial du Gouverneur Morris...», t. II, p. 259, письмо от 10 января Вашингтону.
66. «Moniteur», XV, 187, 195, 218, 222; «Archives parlementaires», LVII, 466.
67. «Moniteur», XV, 215; «Archives parlementaires», LVII, 465. В действительности из числа представителей департамента Кальвадос двое депутатов проголосовало за смертный приговор с отсрочкой — Дюбуа-Дюбэ и Таво, двое — за смертный приговор с учетом поправки Майля — Бонне и Жуанн-Лоншан, которые в конце концов проголосовали против отсрочки. (E. B e l h o m m e. Les régicides, p. 44, 45.)
68. «Moniteur», XV, 194; «Archives parlementaires», LVII, 461.
69. «Moniteur», XV, 208; «Archives parlementaires», LVII, 464.
70. Таким образом, из числа представителей департамента Орн четверо голосовало за смертный приговор, шестеро — против; а из числа представителей департамента Иль и Вилен шестеро голосовало за смертный приговор, а четверо — против. «Moniteur», XV, 187, 197; «Archives parlementaires», LVII, 460.)
71. «Moniteur», XV, 187; «Archives parlementaires», LVII, 462. Ланжюинэ (1753—1827) — адвокат-советник Штатов Бретани, депутат Генеральных штатов от третьего сословия сенешальства Ренн, депутат Конвента от департамента Иль и Вилен.

люди стали говорить: достаточно. Они опасались, как бы Революция, вырывая с корнем все прошлое, не задела некие струны их сердца, их религию; они боялись также, что Париж с его лихорадочной жизнью поглотит их привычное, более медлительное бытие и сверх меры ускорит ритм их собственной жизни. Смерть короля была для них как бы символом политики уничтожения, и они хотели сохранить из прошлого все то, что можно было совместить с новым порядком.

Так даже без ведома революционеров полуостровной части Бретани их тайная душевная грусть могла проникнуться роялизмом. Когда Марат называл «роялистами» тех, кто не желал смерти короля, он, конечно, клеветал на них. Но он предчувствовал сближение, которое рано или поздно произойдет. Для многих сострадание было началом головокружения и первым искушением.

Гневные выкрики жирондистов против Горы и Парижа, их комбинации с целью спасти короля уже находили на западе грозный отклик, и роялисты, не признаваясь в своей конечной цели, разумеется, уже принимали участие в этом смутном брожении. 14 декабря Марат публикует вызывающую тревогу «выдержку из одного письма из Кемпера» [72]; это как бы предвестник гражданской войны, и притом гражданской войны, где силой обстоятельств умеренных революционеров поддержат, окружат и, может быть, захлестнут скрытые роялисты:

«Позавчера здесь возникло брожение; депутаты этого департамента, ярые роландисты, среди них Кервелеган, Гомер и Марек, написали подстрекательское письмо; вот сущность их клеветнических утверждений:

Партия Марата и Робеспьера требует кары для короля только для того, чтобы возвести на трон Эгалите. Конвент не обсуждает дела свободно; он даже не чувствует себя в Париже в безопасности. Они заканчивают призывом к департаменту держать наготове вооруженную силу, которая сможет отправиться в Париж по первому же сигналу.

В соответствии с этим департаменские власти вчера на открытом заседании постановили произвести на подведомственной им территории набор отряда в 500 человек, готовых выступить 25 числа текущего месяца; копия этого постановления будет послана во все дистрикты и муниципалитеты».

«Итак, нам угрожает гражданская война по вине нескольких бесчестных депутатов, старающихся вооружить все департаменты против Парижа, чтобы способствовать похищению тирана, по вине тех бесчестных депутатов, которые, возможно, все были сообщниками его преступлений и теперь разжигают внутренние раздоры» [73].

Как могли роялисты, которым декларации жирондистов давали столь удобные поводы, не подумать о том, чтобы извлечь из них пользу? И как могли жирондисты в один прекрасный день не

склониться к тому, чтобы искать поддержки в этом наполовину не осознанном роялизме, который жил во многих сердцах и которому потворствовали их ожесточенные нападки на крайности Революции? Но это были еще неясные тенденции, незаметные даже для тех, в ком они пробуждались.

ОТКЛОНЕНИЕ ОТСРОЧКИ

Голосованием 16 и 17 января был нанесен решительный удар. Конвент сразу отверг прошение защитников Людовика, требовавших обращения к народу не как политической меры, а как судебной апелляции [74]. Конвент не принял во внимание письма испанского посланника, который, впрочем, не внес никакого определенного предложения от имени своего двора, а только попросил об отсрочке, чтобы его двор имел время использовать ее, словно события захватили его врасплох! [75]

В конце концов четвертым поименным голосованием Конвент отклонил предложение об отсрочке, которой все еще требовали Бюзо и Бриссо. Бюзо попытался лишить смертный приговор всякой силы и подорвать его значение [76]:

«Налицо большинство только в пять голосов. Кого я опасаюсь, так это [герцога] Орлеанского; рожденный у трона, т. е. в грязи, он неизбежно должен желать господства... Я не хочу быть орудием этой партии... Эта партия хочет смерти Людовика XVI только для того, чтобы возвести на трон другого короля». И он распространял это подозрение на всю Гору. Бриссо еще долго настаивал на этом, почти бессмысленно, во имя мира, забывая, что было уже поздно, что партия сторонников войны уже восторжествовала тогда в Англии и что он, Бриссо, на основании нескольких письменных сообщений частных лиц не мог дать Конвенту уверенности и гарантии [77].

380 голосами против 310 Конвент выразил желание покончить с этим вопросом [78]. Верньо проголосовал против отсрочки. Он,

---

72. «Journal de la République française», № 73, 14 décembre 1792.
73. Опасения Марата были обоснованы. О деятельности Жиронды и о пропсках роялистов см.: A. Soboul. Le procès de Louis XVI. Paris, 1966, p. 173.
74. После объявления приговора защитники Людовика XVI были допущены к барьеру. Де Сез огласил письмо короля, предусматривавшее «апелляцию к самой нации по поводу судебного приговора ее представителей». Робеспьер отверг это требование как «противоречащее принципам государственной власти, правам нации, власти ее представителей». В тот же день, 17 января 1793 г., вечером, Конвент отклонил апелляцию Людовика XVI. («Moniteur», XV, 229, 231, 232; «Archives parlementaires», LVII, 415.)
75. О действиях Окариса см. выше, с. 105, прим. 12.
76. «Moniteur», XV, 243.
77. «Moniteur», XV, 249.
78. «Moniteur», XV, 252; «Archives parlementaires», LVII, 467.

несомненно, предвидел, что милосердный приговор может породить гражданскую войну, и приходил в ужас, предчувствуя, что в этой гражданской войне Жиронда окажется связанной с королем. Таким образом, стремительный ход Революции исключал красноречивые компромиссы, несколько неопределенные широкие комбинации.

Бодо писал [77]: «Мирабо своим красноречием часто увлекал Учредительное собрание. Сомневаюсь, чтобы то же было возможно в Конвенте. В нем страсти были сильнее ораторского искусства. Верньо был великим оратором на мчащейся вперед колеснице Революции; пожелай он ее остановить или заставить повернуть вспять, он утратил бы весь свой авторитет». Когда Верньо отверг отсрочку, он, действительно упав с колесницы Революции, как бы пытался некоторое время бежать за ней вдогонку. Напрасно: он больше не поднимется на нее.

СМЕРТЬ КОРОЛЯ

Казнь была назначена на утро понедельника 21 января. Париж был спокоен. Муниципалитет распорядился, чтобы дома были ночью освещены — дабы облегчить надзор. Безмолвный и спящий город с бесчисленными неподвижными тусклыми огнями напоминал катафалк монархии. Думали ли хотя бы мгновение роялисты похитить короля, освободить его в то время, когда его повезут из тюрьмы Тампль на казнь? Возможно, так как письменные призывы к милосердию были расклеены во многих местах. Но 20 января они, несомненно, уже отказались от этого; ибо в этот день Пари, бывший телохранитель короля, подойдя в ресторане Пале-Эгалите к члену Конвента Лепелетье де Сен-Фаржо, спросил: «Вы голосовали за казнь?» — и убил его [1]. Если бы Пари считал возможным на другой день похитить короля, то он поберег бы себя для осуществления этого замысла и не стал бы вызывать подозрения этим покушением. Он мог ускользнуть, но позволил себя схватить. И он не стал бы испытывать судьбу, если бы на другой день на пути следования короля была назначена встреча самых отважных роялистов. В связи с бдительным наблюдением, организованным муниципалитетом, они, конечно, не смогли встретиться и сговориться. Когда распространилась весть об убийстве Лепелетье, чувство гнева и боли, но особенно гордости переполнило сердца революционеров — тех, кто голосовал за смертную казнь

77. Baudot. Op. cit., p. 54.

1. Лепелетье де Сен-Фаржо Луи Мишель (1760—1793) — президент Парижского парламента, депутат Генеральных штатов от дворянства города Парижа, депутат Конвента от департамента Йонна. О его убийстве см.: «Archives parlementaires», LVII, 515.

короля. Кто теперь осмелится утверждать, что мы голосовали под давлением угроз и страха? Цареубийцам грозит опасность. В то же время неясный голос человечности смолк в их душах. Они освободились от кошмара. Обрекая короля на смерть, они подвергали себя угрозе самим стать ее жертвой. Отныне на их пути им угрожали со всех сторон удары кинжалов. И накануне того дня, когда Революция намеревалась казнить короля, у нее уже был свой мученик [2]. Смерть предоставила Революции это возвышенное первенство.

20 января вечером Людовик простился со своими близкими и попросил, чтобы им не позволили спуститься [для свидания с ним]. Он хотел сохранить не только мужество, но и душевное спокойствие, чтобы стойко принять смерть. Он бодрствовал вместе со своим духовником, неприсягнувшим священником г-ном Эджеворотом [3], до двух часов ночи, затем заснул до пяти часов утра.

«Я,— сказал он,— снова обрел силы». Около 9 часов утра, перед тем как покинуть Тампль, он передал муниципальному чиновнику бумагу, бывшую его завещанием [4]. Экипаж мэра повез его из тюрьмы Тампль на площадь Революции. В пути он читал молитвы умирающих и псалмы Давида.

Париж был спокоен и несколько мрачен. Стечение народа на улицах было небольшое, движение незначительное [5]. Трагическое величие события, казалось, оттеснило внешние проявления жизни в глубину сердец. Эшафот был окружен несколькими батальонами национальной гвардии, которыми командовал Сантер. Народ находился позади их цепей... Людовик, переданный в руки палача, сам снял кафтан и воротник. Сначала он не хотел, чтобы ему связали руки, но покорился этому, после того как его духовник шепнул ему несколько слов. Вдруг он шагнул на левую сторону эшафота и, сильно покраснев, заговорил, обращаясь к народу. Питал ли он еще какую-нибудь надежду, что толпа его освободит? Думал ли, что верные ему люди спасут его в последний час или, быть может, растроганный народ его помилует? Многие думали так в этот момент, и Сантер сказал об этом Мерсье дю Роше [6], они предположили, что если Людовик обратился к толпе, то действительно в надежде растрогать ее. Пустые предположения, подтвердить которые никогда не удастся. В душе человека всегда есть тайники, куда не проникает свет истории. Достоверно, что Людовик приготовился умереть и, несомненно, думал, что идет навстречу смерти.

«Я умираю невиновным,— сказал он очень громко и очень внятно,— я прощаю своим врагам и желаю, чтобы моя кровь пролилась на пользу французам и успокоила божий гнев».

Но по приказанию генерала Беррюйе [7] загремели барабаны национальной гвардии и заглушили его слова; Людовик, казалось, хотел продолжать говорить. Он испустил гневный возглас. Однако не сопротивлялся. В 10 часов 10 минут его голова упала. Пушка у Нового моста, из которой одно время думали выстрелить, чтобы возвестить о казни, осталась нема. По красноречивому и страшному выражению, порожденному тогда революционной страстью, голова короля, падая, не должна была произвести больше шума, чем всякая другая голова.

Тело короля отвезли на кладбище Мадлен и похоронили в слое негашеной извести, «среди тех, кто умер в день празднеств по случаю свадьбы Людовика *, и тех, кто был убит 10 августа» [8]. Благочестивый и мужественный роялист из Санса попросил выдать ему тело короля, чтобы похоронить его в могиле дофина, его отца ** Конвент пожелал, чтобы даже останки «последнего из королей» затерялись в ничем не примечательной общей могиле.

В течение всего этого дня в Париже чувствовалось какое-то беспокойство. Вырвать с корнем прежнее безболезненно невозможно, всегда остаются какие-то струны прошлого, заставляющие страдать даже наиболее обновленные души. Многие женщины плакали, а часть буржуазии испытывала страх. Кто знает, на

---

2 Лепелетье де Сен-Фаржо был первым «мучеником за дело свободы»

3 Эджеворт де Фермон (1745—1807) — родом из Ирландии, воспитанник иезуитов Тулузы, во время Революции удалился в Шуази-ле-Руа, духовник Людовика XVI, в 1794 г переехал в Англию См Edgeworth Relation des derniers moments de Louis XVI Dijon, 1816 Завещание Людовика XVI, написанное его рукой, находится в музее Национального архива, A E II 1332 (A N , C 182, dos 103, p 1, фотокопия) См также «Moniteur» XV, 285, «Archives parlementaires», LVII 533 См ниже с 137, прим 15

5. О спокойствии в Париже в день казни короля см «Moniteur», 23 janvier 1793 (XV, 242)

6 Mercier du Roche Memoires inedites Мерсье дю Роше (1753—1816) — член администрации департамента Вандея См эти мемуары в Ch -L Chassain La preparation de la guerre de Vendee — 1789—1793 Paris, 1892, 3 vol «Сантер, командовавший национальной гвардией Парижа, которого я увидел в Туре спустя четыре месяца, рассказал мне о том, что произошло в момент казни» (t III, p 212)

7 Беррюйе (1738—1804) — добровольно вступил в армию в 1751 г , капитан в 1776 г , полковник в 1791 г , бригадный генерал в 1792 г , главнокомандующий Внутренней армией в Париже 20 октября 1792 г Это именно он, а не Сантер (как об этом часто пишут) приказал бить в барабаны, дробь которых заглушила голос Людовика XVI

* На этом кладбище были похоронены останки более тысячи граждан, которые из за небрежности администрации были раздавлены в толпе или растоптаны под копытами лошадей во время празднеств по случаю бракосочетания Людовика XVI и Марии Антуанетты — *Прим ред*

8 См протокол захоронения тела Людовика Капета в музее истории Франции Национального архива, A E II 1342 (A N , C 182 dos 103, p 6, фотокопия)

** Отцом Людовика XVI был нецарствовавший наследник престола (дофин) Людовик Бурбон (1729—1765), сын Людовика XV.— *Прим ред.*

какие дерзания окажется способен народ, только что отрубивший голову королю? Но все революционные силы были слишком заинтересованы в том, чтобы этот день оставался торжественным и спокойным, так что опасаться волнений не приходилось; а контрреволюционные силы не были ни достаточно велики, ни достаточно заносчивы, ни достаточно отважны, чтобы постараться превратить невольное волнение душ в восстание.

Обычная жизнь, несколько затихшая в первые часы дня, вскоре обрела свое привычное течение. «Как обычно,— писала «Революсьон де Пари» [9],— молочница вынесла на продажу молоко, зеленщики привезли овощи и возвращались домой, распевая со своей обычной веселостью куплеты о гильотинированном короле. Богатые магазины, лавки и мастерские были только приоткрыты весь день, как некогда в дни небольших праздников. К полудню буржуазия начала немного успокаиваться, увидев, что никто не собирается ни убивать, ни грабить». Народ как бы освободился от бремени своей ненависти и своего мщения. Он не хотел, чтобы король оставался в живых, и Конвент, поразив его «мечом закона», избавил народ от необходимости убивать.

Газета «Революсьон де Пари» отметила это с глубоким пониманием:

«Обезглавливание короля, казалось, сняло с народа тяжелое бремя; пора было избавить народ от него и предупредить события, которые могли бы стать продолжением событий 2 сентября».

Народ был освобожден от кровавого наваждения. Но, несмотря на все, в этот день в сознании Революции было какое-то напряжение и сумрак. И сам Конвент, заседая в этот день 21 января, казалось, искал в несколько театральном блеске похоронных торжеств, подготовляемых им для Лепелетье, возможность какого-то революционного отвлечения. Неужели он ошибся, вынеся смертный приговор?

ЗНАЧЕНИЕ АКТА КАЗНИ

Приговор был справедлив не только с революционной точки зрения, но и с точки зрения Людовика XVI, который, приняв конституцию, предусматривавшую народный суверенитет, признал новое право. Поэтому, в то время как от прискорбных сентябрьских избиений рано или поздно отреклись все их виновники или вдохновители, самые известные цареубийцы с непреклонной гордостью взяли на себя ответственность перед народами и веками за свой вердикт. Но верно ли, что, создавая таким образом легенду, чрезмерно возбуждая жалость, члены Конвента играли на руку монархии, которую они хотели навсегда уничтожить, и наносили рану Революции, которую хотели спасти? Таково мнение Кине, как и Луи Блана [10], и, когда Мишле говорит, что об этих актах следует судить «не столько по их результатам, сколько по смелой

мысли, которая их продиктовала»[11], он признается в сомнении, какое примешивается в его уме к глубокому уважению к этим великим революционерам, которые, не страшась, осудили на смерть только потому, что были как бы выше ее.

Несомненно, что во многих отношениях они обманулись в своих надеждах. Они могли думать, что солидарность, с которой они вынесли этот страшный приговор, по меньшей мере создала между всеми цареубийцами нерасторжимое братство; но вскоре они будут терзать друг друга и, словно не узнавая революционного знака, который начертала у всех них на лбу кровь короля, будут клеветать друг на друга и отправлять друг друга на эшафот, на который они все сообща отправили короля.

Они также могли думать, что казнью короля воздвигли между нацией и монархией некую необратимую и неустранимую преграду [12], что Франция и королевская власть никогда более не встретятся. Но возвратятся короли, перед которыми, хотя бы на несколько дней, толпы людей падут ниц.

Они могли думать, что смерть, эта наивысшая кара, покажет, сколь велико совершенное королем преступление, и его измена покажется чудовищной, так как возмездием за нее мог быть только эшафот. И вот все сердца были смущены, и безмолвно проливаемые женщинами слезы выражали неодобрение Революции.

Есть в смерти могучее, но двусмысленное свойство, некая мистическая двойственность, возбуждающая противоположные силы в такой степени, что человеческий разум не способен постичь это. Были революционеры, придававшие смерти Людовика характер

---

9. «Révolutions de Paris», № 185, 19—26 janvier 1793.
10. «Я сегодня нисколько не сомневаюсь в том,— писал Эд. Кине,— что Людовик XVI, скитаясь за границей под вымышленным именем, отвергаемый всюду, лишенный своего двора, штатов, армии, живущий по милости Конвента, был бы во сто крат менее опасен, чем Людовик XVI, терзаемый в тюрьме Тампль на глазах у своих жены и детей, гильотинированный со связанными за спиной руками перед своим дворцом и тотчас же возродившийся в лице сироты, оставшегося в замке Тампль». (E d. Q u i n e t. Œuvres complètes, éd. 1877, t. XIII, p. 143.)

«Что касается нас,— писал Л. Блан,— то мы не колеблясь утверждаем, что ошибкой была эта казнь, столь трагическая, столь устрашающе торжественная, столь резко противоречившая всеобщему состоянию умов во всей Европе, столь способная пробудить, в пользу Людовика XVI, сострадание его современников и будущих поколений».
11. J. M i c h e l e t. Histoire de la Révolution française. 1847—1853, t. V, p. 261. Мишле прибавляет: «Заблуждались ли они? Во всяком случае, не нам, которых они намеревались спасти, упрекать их в этом».
12. «И вот наша судьба решена,— писал 20 января 1793 г. Леба, представитель департамента Па-де-Кале,— пути назад отрезаны, добровольно ли, или поневоле, но надо идти вперед, и теперь в особенности можно сказать: жить свободными или умереть».

какой-то жертвы и величественного символа. Газета Прюдома облекала эту мысль в несколько варварскую форму: «Свобода подобна божеству древних, благосклонность и милость которого можно было снискать, только принеся ему в жертву голову великого преступника. Друиды сулили победу нашим предкам, выступавшим во второй поход, если из первого похода они приносили венценосную голову на алтарь галльского Геркулеса». Так, в силу тревожного противоречия, смерть Людовика, знаменующая собой рождение нового мира, откуда будут изгнаны рабство и горе, казалось, соединялась с длинной цепью кровавых суеверий прошлого.

Депутат Вандеи Фейо придавал более благородный смысл этой мистической вере в возрождающее свойство смерти [13]:

«Деспота следует позабыть, нашим внукам не следует знать о существовании королей; *наконец*, *надо*, *чтобы все*, *что дышит*, *умерло и возродилось в то мгновение*, *когда падет голова тирана*. Вашим заботам доверено рождение великого народа. Да, благодаря вам французский народ должен обрести новое бытие, чего же медлим мы, чтобы сделать людей счастливыми?»

Это какая-то странная трансформация христианской веры; казалось, все старое человечество умирает вместе с тем, кто был королем, казалось, в его лице оно умирает со своим невежеством, предрассудками, рабством! Должно возникнуть новое бытие, источник крови и возрождения, *родник омовения и возрождения* (*fons lavacri et regenerationis*). Опасный мистицизм, который, разя Людовика, его возвеличивал и видел в нем целый мир! Но какое возвышенное ожидание рождения нового человечества!

Люди прошлого тоже черпали из того же источника, из того же родника крови и возрождения. Казнь, принятая королем со святой покорностью, стерла прегрешения и грязь, запятнавшие монархию, и сострадание доходит до своего рода религиозного рвения.

Но удар, нанесенный в тот день монархии и прошлому, удар решительный и глубокий, неизгладим, и чувство сострадания, преходящие возвраты контрреволюции не восторжествуют над силой этого суверенного акта. Короли смогут когда-нибудь возвратиться. Но что бы ни произошло, отныне они будут не более чем призраками. Франция, их Франция, стала навеки цареубийцей. Голова короля пала не из-за конфликта тех или иных отдельных прав, прерогатив и привилегий, как это было в Англии, а потому, что противоречие между старым монархическим правом и новым правом народного суверенитета оказалось непримиримым.

Итак, удар нанесла сама нация со всей силой своего нового принципа, и действие нанесенного ею удара остается в веках, как и самый принцип, во имя которого она его нанесла. Наступят странные часы, когда поверхностным наблюдателям сможет показаться, что все политические институты Революции, что даже

все воспоминания о ней уничтожены. Что означали или что, как нам кажется, означали в 1815 г. или в 1816 г. слова «республика», «демократия», «всеобщее избирательное право», «народное право»? Что значили или, как нам кажется, значили теперь рассеянные повсюду люди, пережившие эту великую бурю? И однако, это были все еще люди, убившие короля, потому что король изменил.

Как будто когда-то, в глубине темного, далекого леса, они участвовали в страшном таинстве. Но в таинстве этом королевской неприкосновенности был навсегда нанесен смертельный удар. На восстановленную королевскую власть, что бы ни делали, ложится тень эшафота, и сама земля Франции, не забывшая об этих событиях и еще ощущающая трагический вкус крови, которой она испила, не принимает призраки монархии вполне всерьез. Даже в тот час, когда легкомысленная толпа их приветствует, Франция знает, что был день, когда в священном ранее лице одного короля она осудила всех королей. По отношению к монархии народ усвоил себе привычки страшной вольности, которых ничто не искоренит.

Даже благочестивая легенда, окружавшая память короля-«мученика» [14], была, в глубоком смысле, пагубной для французской монархии. Она ее вознесла, если можно так выразиться, в сверхъестественные выси, но лишила ее реальности. Король, чуть ли не причисленный после своей святой смерти к лику святых, унес королевскую власть на небеса. «Я сменю,— говорил он,— смертный венец на венец бессмертный». Это была почти окончательная замена, которая имела для его потомков такое же значение, как для него. Отныне они могут притязать главным образом на «венец бессмертный». Завещание Людовика XVI было для всего его племени королей прощанием с землей и с историей [15].

---

13. «Archives parlementaires», LVII, 88. Фейо (1751—?) — чиновник департаментской администрации Вандеи, депутат Конвента
14. См. многочисленные апологетические и агиографические издания, появившиеся в связи с судебным процессом и казнью Людовика XVI, в: G. Walter. Répertoire de l'histoire de la Révolution française. Travaux publiés de 1800 à 1940. Personnes (Paris. 1941). Louis XVI. Hommages posthumes, p 333—335 (Éloges et oraisons funèbres. Célébration du 21 janvier. Monument expiatoire. Projets de béatification)
15. См. выше, с. 133, прим. 4. Если в своем завещании Людовик XVI просит прощения у всех тех, кого он в прошлом мог оскорбить, если он, проявляя благородство, просит свою жену простить ему все те беды, какие она испытала из-за него, то, стоя уже на пороге смерти, он ни единого слова не уделяет своим политическим действиям, он не выражает ни сожаления о насильственных действиях или хитрости в целях удержания власти, ни раскаяния в лживых утверждениях, в которых сам сознался или был уличен Как частное лицо он возвышается до святости, как низложенный монарх он не перестает лгать перед Конвентом. «У Людовика XVI,— пишет Мишле,— был лишь один порок: это сама его королевская власть».

Ни на мгновение не говорит он в нем как представитель королевской власти, как государь, побежденный Революцией, которому предстоит либо взять реванш, либо рассеять возникшие между ними недоразумения. Ни на мгновение не спрашивает он себя, какой ряд промахов, ошибок или недоразумений привел его к этому ужасному концу. Ни на мгновение не задумывается он над будущим Франции, чтобы понять, чего она может ожидать от его сына и чего она вправе от него ожидать. На каких условиях было бы возможно примирение между Революцией и монархией? Об этом он не думает. Кажется, что, не будучи в состоянии разрешить эту задачу для себя самого, он даже избегает ставить ее перед своим сыном. Стараясь преодолеть колебания своей одновременно упрямой и слабой воли, он находит прибежище лишь в уверенности в предстоящей ему смерти.

В сущности, именно идея абсолютизма, которую он завещает своему сыну, и идея «доброго властелина» остаются его идеалом. Но он завещает ему этот идеал как бремя, словно желая, чтобы его потомство было отныне избавлено от его тяжести.

«Я советую моему сыну, *если он будет иметь несчастье стать королем*, помнить о том, что он должен всецело служить счастью своих сограждан, что он должен забыть всякую ненависть и злобу и особенно все то, что связано с испытываемыми мною несчастьями и огорчениями; что он может сделать народ счастливым, только правя им согласно законам, но что в то же время король может внушить им уважение и творить добро, которое живет в его сердце, только в той мере, в какой он обладает необходимой властью, в противном случае, связанный в своих действиях и не внушающий никакого уважения к себе, он приносит больше вреда, чем пользы» [16].

К этим сожалениям о прежней абсолютной власти (ибо законы, не связывающие действий короля, не являются законами) примешиваются, как мы видели, мысли о полной отрешенности. Он еще советует своим детям «смотреть на величие в этом мире, *если они осуждены его испытать*, только как на опасное и преходящее благо».

Французской монархии, несомненно, наступил конец. За годы, протекшие между правлением Людовика XV с его распутством и правлением Людовика XVI с его ханжеским и бессильным смирением, она не смогла найти широкого пути к новой жизни и демократии. Людовик XVI больше всего подчеркивает свою верность церкви; он ставит себе в вину, что санкционировал гражданское устройство духовенства [17]. И все его завещание — акт верности церкви, которая его погубила, акт покаяния в против воли оказанной им помощи Революции в ее борьбе против церкви. Ну что же? Если даже в завещании короля монархия — почти ничто, а церковь — все, то, значит, единственная историческая сила прошлого, еще способная к сопротивлению и к жизни,— это церковь, королевская власть уже мертва; и это завещание скорее религиозное, чем политическое, и скорее духовное, чем королевское, это как бы крест над могилой монархии.

16. Несчастье не смогло задушить в Людовике XVI чувства его королевского величия и убеждения в законности абсолютной власти.
17. «Я молю бога принять... мое глубокое раскаяние в том, что я поставил свое имя (хотя это было еще в моей воле) под актами, которые могут противоречить учению и вере католической церкви, к которой я всегда был искренне привязан всем сердцем».

Глава вторая

КОАЛИЦИЯ И ВОЙНА

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЖИРОНДЫ

Смерть Людовика XVI дала европейским державам предлог, которого они ожидали. 24 января английское правительство предписывает представителю Франции Шовелену покинуть Англию [1]. В Испании король сместил расположенного к Франции министра Аранду, назначив вместо него Годоя, любовника королевы и опору контрреволюции [2]. В Италии неаполитанская королева Каролина, сестра Марии Антуанетты, побудила короля вступить в коалицию [3]. Конвент решительно ответил на эти действия поднявшейся против него Европы. 1 февраля, после доклада Бриссо, он объявил войну Англии и Голландии, где деятельная демократическая партия призывала французские вооруженные силы [4]. 7 марта, после доклада Барера, Конвент объявил войну Испании [5]. Его тактика состояла в том, чтобы создать впечатление, что он повсюду перешел в наступление. Таким образом, в начале 1793 г. Франции предстояло бороться против коалиции Австрии, Пруссии, Англии, Испании, Голландии, Пьемонта и Неаполитанского королевства,— грозной коалиции, где множество обманутых народов будет способствовать контрреволюционным усилиям правительств.

Отныне высшей задачей Революции становится война. Вся нация в целом поднимается навстречу смертельной опасности, и подобно тому, как член Конвента Давид, великий живописец разнообразных дарований, вкладывал в революционные сюжеты античный героизм, до 1789 г. воодушевлявший его произведения [6], так и весь народ Франции, казалось, поднялся в течение нескольких дней на высочайшие вершины истории и обрел прославленное мужество Греции и Рима в еще более обширной битве.

По выражению Барера в его «Мемуарах», Конвент напоминал собой огромную грохочущую пушку, господствовавшую надо всем горизонтом [7]. Но как для обслуживания артиллерийского орудия нужна полная слаженность и могучее единство действий, так и для обслуживания этой колоссальной войны за свободу понадобится сосредоточить все революционные силы; колеблющиеся и склонные к безудержной критике партии, спорщики и пустословы исчезнут, сметенные людьми, способными решать и сражаться. Отныне можно сказать: либо Жиронда откажется от своих обвинений, от своих оговорок, от своих колебаний и притязаний, либо она погибнет.

По странному велению судьбы, Жиронда, казалось, еще возглавляла действия, которым она хотела бы воспрепятствовать. Именно Верньо, как председатель, взволнованным голосом объявил смертный приговор королю [8]. Именно Бриссо, как докладчик Дипломатического комитета, согласился предложить Конвенту объявление войны Англии, воспрепятствовать которому он хотел бы больше, чем какой-либо другой представитель. Таким образом, побуждаемая жаждой возбуждения и блеска, я бы сказал даже — из любви к театральному эффекту, Жиронда брала на себя показную ответственность, легко превращавшуюся в ответственность действительную. Недалек тот день, когда беднягу Бриссо обвинят в том, что он вызвал войну между Англией и Францией.

Однако, переживая трагическое волнение после смерти короля, в спокойном и серьезном ожидании европейских событий, которые должны были за нею последовать, партии на короткое время, казалось, согласились на перемирие. От имени всего Конвента, признающего солидарную ответственность за свершившийся факт, обращение Барера разъяснило Франции смертный приговор, вынесенный Людовику [9].

---

1. «Moniteur» (31 janvier 1793), XV, 317.
2. Испанский король — Карл IV. Аранда Педро Пабло, граф де (1719—1798) — просвещенный министр. В действительности у Годоя не было никакого желания ввязываться в войну против Франции.
3. Король Королевства обеих Сицилий — Фердинанд IV.
4. «Moniteur», XV, 331; «Archives parlementaires», LVIII, 119.
5. «Moniteur», XV, 656; «Archives parlementaires», LIX, 686. «Еще один враг для Франции,— объявил Барер,— это всего лишь еще один триумф для свободы». См.: Jacqueline Chaumié. Les relations diplomatiques entre l'Espagne et la France, de Varennes à la mort de Louis XVI. Bordeaux, 1957.
6. Давид Жак Луи (1748—1825) в 1776 г. получил Римскую премию; депутат Конвента от города Парижа.
7. Barère. Mémoires. Publiées par MM. Hipp. Carnot et David (d'Angers), Paris, 1842—1844, 4 vol.
8. «Archives parlementaires», LVII, 467.
9. «Moniteur», XV, 295; «Archives parlementaires», LVII, 604. 21 января 1793 г. Конвент поручил Бареру редакцию этого обращения, 23 января оно было одобрено Собранием.

Но какой политике собирался следовать Конвент по отношению к коалиции? Эта всеобщая война была подобна бурному океану, безбрежному и бездонному. Ввяжется ли Революция в эту неясную авантюру? Будет ли она бороться, действуя в духе декрета от 15 декабря, пока не обновит весь мир, пока не призовет все нации к свободе? Это было бы актом безумия [10].

Но Кондорсе уже делал оговорки по поводу декрета от 15 декабря. Он говорил, что некоторые его положения могли дать повод к опасному истолкованию [11].

ПОЗИЦИЯ МОНТАНЬЯРОВ

Робеспьер в письме к своим доверителям, опубликованном вскоре после казни короля и в тот момент, когда стало очевидно, что Конвент готов вступить в чудовищную борьбу, выражает сожаления по поводу декрета от 15 декабря [12]. Он боится, что этот декрет побудит Францию слишком сильно вмешаться во внутреннюю жизнь народов, в их политическую эволюцию, еще весьма медленную и весьма неопределенную.

«Конечно, положения знаменитого декрета 15 декабря великолепны и привлекательны. Они как бы продиктованы гением свободы. Они делают честь тому, кто первый искренне задумал их или принял их идею. *Правда, с одной стороны, они как бы нарушают священный принцип суверенитета народов.* С другой стороны, бывают такие повелительные обстоятельства, когда некоторое отклонение от обычных правил может быть оправдано интересами человечества, а также интересами отдельного народа. Но именно в таких случаях необходимо зрело взвешивать все политические соображения и найти правильное соотношение между общими принципами и практической необходимостью. Я рассмотрел их со всем вниманием, на какое способен, и *признаюсь, что этот щекотливый вопрос представляется мне заслуживающим гораздо более глубокого рассмотрения, чем то, какому он подвергался до сих пор. Я колебался между своими собственными соображениями и престижем мнения, одобренного с энтузиазмом,* и могу лишь горячо желать, чтобы исполнение этой важной меры было подготовлено и проведено с глубокой мудростью и точным знанием страны, где она должна применяться. Я — первый сторонник этой меры, если рассматривать ее как средство помочь большинству народа выразить свою волю в пользу равенства, но если окажется, что она противоречит всеобщему мнению, что она встретит столько препятствий в виде различных предрассудков, что для их преодоления потребуется длительное насилие и борьба, результата которой нельзя предвидеть, то я должен буду признать ее неполитичной и опасной и буду вынужден сожалеть о той

поспешности, с какой она была принята. Вот почему я желаю, чтобы ваши комиссары начали с изучения общего состояния умов, со строго беспристрастного учета всех обстоятельств, дабы дать вашей мудрости ясное представление о преимуществах и неудобствах этой меры. А до этого я желаю, чтобы ее рассматривали скорее как рекомендацию, а не как принудительную меру, чтобы главное место в миссии комиссаров занимали убеждение и правда, чтобы сила и власть применялись только против мятежников, которые воспротивились бы общей воле, и чтобы при этом уважали волю народа. Если следовать противоположной системе, то невозможно предвидеть все пагубные последствия войны, объявленной могущественному и отважному народу, охваченному фанатизмом, в то самое время, когда нам необходимо укротить и его собственных тиранов, и всех тиранов Европы! *Думаю, что я не ошибусь, сказав, что было бы несвоевременно повести с бельгийцами ту мучительную и кровопролитную борьбу, какую нам пришлось вести против своих собственных священников,* даже если б новая борьба не оказалась более серьезной, чем первая. Но следует принять во внимание различие между французским и брабантским народами; следует учесть характерные особенности Франции, способствовавшие установлению у нас более передовых взглядов на религиозные дела, и особенности, которые задерживали это развитие в Бельгии; следует принять во внимание силу их политических предрассудков, опирающихся на религиозные предрассудки. Если все это принять во внимание, мы почувствуем, что в этом великом деле благоразумие необходимо в такой же мере, как энергия. При нашем вступлении в Брюссель народ принял нас с восторженной радостью. Почему же настроение это изменилось? Важно вскрыть причины этой перемены; это может оказаться для нас полезным уроком, который поможет определить наше поведение в дальнейшем.

Мы собираемся вступить в Голландию, следовательно, нельзя оставлять у себя в тылу враждебно настроенный или недовольный народ. Как сможем мы развернуть все наши силы против

---

10. Декрет от 15 декабря 1792 г., принятый по инициативе Камбона, учреждал революционную администрацию в завоеванных странах. Имущество духовенства и врагов нового порядка забиралось в казну, чтобы служить обеспечением ассигнату; десятина и феодальные права отменялись, прежние налоги заменялись революционным обложением богачей; новую администрацию избирали только лица, присягнувшие свободе. «Мир хижинам! Война дворцам!»

11. См.: «Chronique de Paris», № 349 bis, 16 décembre 1792.

12. «Lettres à ses commettants», 2e série, № 5 [обзор положения после объявления войны Англии], éd. G. Laurent, Paris, 1961, p. 271. [См.: М. Робеспьер. Избранные произведения. Т. II, М., 1965, с. 230 и сл.— *Прим. ред.*]

штатгальтера и его союзников, если их необходимо использовать для сдерживания Бельгии.

Нужно также принимать необходимые меры, чтобы снискать доброжелательное отношение к нам голландцев. Именно здесь надо осуществить принцип ведения войны с правительством, а не с народом. Однако, чтобы изыскать такие средства, надо принять во внимание особенности положения народов этой страны. *Здесь мы не встретим препятствий, какие суеверие в Бельгии противопоставляет успешному распространению наших принципов, но мы встретим здесь аристократию богатства, культ золота и меркантильный дух. Мы найдем здесь очень большую партию, более склонную к ниспровержению трона штатгальтера, чем к поощрению принципов равенства.* Нет даже никаких доказательств, что батавские санкюлоты так же преуспели в познании своих прав и так же стремятся к их осуществлению, как санкюлоты Парижа и всей Франции. Ведь известно, что население Гааги было одним из наиболее твердых оплотов власти штатгальтера. В соответствии с этими данными здравая политика должна, мне кажется, подсказать нам, что начать следует с ниспровержения власти штатгальтера, в согласии с враждебной ему партией, затем обнародовать наши принципы свободы и всемирного братства и, кроме того, предоставить батавской нации полную свободу обсудить новую конституцию, какую она захочет у себя ввести, мы же ограничимся тем, что будем ее просвещать своими указаниями и примерами и заключим с нею прочный союз, полезный для обоих народов».

Таким образом, Робеспьер вновь заговорил таким же языком, как весной 1792 г. Он указывал на недостаточную подготовленность народов к Революции и хотел, чтобы Франция возможно больше считалась с их предрассудками — и религиозными, и житейскими. По правде говоря, это был, в скрытой форме, полный отказ от декрета 15 декабря, обязанного своим принятием опасной инициативе того же Камбона, который предложил упразднить бюджет культов, и, по мнению Робеспьера, повсюду — и в Бельгии, и во Франции — восстанавливавшего священников и верующих против Революции.

С сентября и до января Робеспьеру, очевидно, недоставало мужества. Его теснила, ему угрожала Жиронда, и он не хотел возобновлять трудную борьбу за мир, осторожность и умеренность, на которую решился шестью месяцами ранее. В атмосфере опьянения победами при Вальми, Жемаппе и в Савойе он не осмелился снова взять на себя роль мрачного критика. И, оберегая свою популярность и свой покой, он позволил совершиться, быть может, непоправимым ошибкам [13].

Еще и теперь мысль Робеспьера остается неясной, несмотря на внешнюю определенность его последних советов относительно Голландии. Какой политики в общем и целом хочет он держаться

в Бельгии? Это щекотливый вопрос. С католическими предрассудками народа будут считаться, это несомненно. На него не станут давить, чтобы установить в Бельгии полностью революционную и светскую демократию. В добрый час! Но намереваются ли объявить миру, что Франция очистит Бельгию, как только она больше не будет вынуждена занимать ее в силу необходимости чисто военного порядка? Ясным логическим выводом из мысли Робеспьера было бы сказать коалиции, и в частности Австрии:

«Мы не хотим революционизировать Нидерланды, так же как не хотим революционизировать остальной мир. Мы готовы заключить мир и даже очистить Бельгию — при единственном условии, что вы признаете Французскую Республику и не будете насильственно вмешиваться в обсуждение своих дел бельгийским народом,— народом, предоставленным самому себе и свободно, по своему выбору, избирающим себе правительство и подходящую для себя конституцию».

Да, таково точное осуществление на практике принципов Робеспьера. Но как он не решился выступить против декрета от 15 декабря, противоречившего всем его концепциям, но опьянявшего революционный гений Франции, так же он не решился сделать и ясные выводы из своих посылок. Во всяком случае, в иные решающие часы он был способен выходить за пределы расплывчатых формул, и даже весьма часто эти весьма общие формулы служат ему для прикрытия точной политики. Но так же часто он воздерживался от высказываний, не связывал себя до конца и оставлял за собой право извлекать пользу из событий, каковы бы они ни были, в интересах своей популярности и своего влияния.

Что любопытно отметить, что доказывает, что Робеспьер, будь он менее озабочен самим собой и менее поглощен своей борьбой против Жиронды, мог бы в последние месяцы 1792 г. придать внешней политике Революции, колебавшейся, неопределенной, а после Вальми дерзкой, более разумное направление, так это отсутствие у Марата страха поддержать осторожную политику. Все, что он пишет в течение всего декабря о внешних делах Франции, противоречит революционному воодушевлению декрета 15 декабря. 27 декабря он пишет [14]:

«Война, которой, кажется, угрожает нам Англия... вызы-

13. Суровое суждение. Однако смогли бы один Робеспьер пойти против течения, которое после побед, одержанных осенью 1792 г. увлекало Конвент? См.: E. Hamel. Histoire de Robespierre, t. II, p. 613.

14. «Journal de la République française», № 85, 27 décembre 1792. [См.: Ж.-П. Марат. Избранные произведения. Т. III. М., 1956, с. 204.— *Прим. ред.*]

вается исключительно страхом перед тем ущербом, который может причинить торговле этих островитян открытие Шельды. У них, как и у нас, лицемерно стремятся прикрыть покровом человечности отчаяние, порожденное алчностью... Мне *кажется, я был единственным депутатом в Конвенте, который не голосовал за присоединение Савойи к Франции, не потому, что я по существу не был от этого в восхищении, но потому, что еще не пришло время. Я смотрел на все происходящее как политик, и я знал, с какой ловкостью враги Революции воспользуются этим для того, чтобы обвинить французов в тщеславии* и возбудить против них множество держав, которые иначе не приняли бы никакого участия в их внутренних разногласиях. Именно этот предлог больше всего используют в британском Сенате враги свободы, чтобы побудить парламент объявить войну Франции».

Да и в том, что касается положения в Бельгии, Марат шел много дальше, чем Робеспьер, в консервативном направлении. В Бельгии существовала, как ее можно было бы назвать, клерикальная партия независимости. Эта партия ненавидела иностранное господство, особенно потому, что австрийские государи нарушили обычаи, подорвали традиции, а главное, посягнули на традиционное влияние духовенства. Эти национальные консерваторы отнюдь не желали основания демократического и светского общества, подобного французскому революционному обществу. Они обвиняли и пытались оклеветать небольшую группу демократов, «вонкистов», хотевших ввести в Бельгии революционное право. Однако в течение всего декабря Марат снисходительно принимает сообщения этих реакционеров.

Любопытное обстоятельство, доказывающее, до какой степени эти люди были чужды Революции: Дюмурье, которого французские революционеры вскоре обвинят в том, что он чересчур считался с предрассудками и фанатизмом бельгийцев, стремясь обеспечить себе среди них клиентелу, был обвинен бельгийскими клерикалами в чрезмерном благоприятствовании Революции и в насилии над умами. В номере своей газеты от 3 декабря Марат пишет [15]:

«Это еще не все: Дюмурье открыто высказался против сторонников Вандерноота, смертельных врагов Австрийского дома, и за «вонкистов», полностью находившихся на стороне привилегированных сословий».

Марат видел партии именно в таком странном свете. В номере своей газеты от 18 декабря, т. е. через три дня после принятия декрета, он помещает письмо из Бельгии, написанное вполне в консервативном духе [16]:

«Вот какая в Бельгии свара! От чего все это происходит? От деспотизма генералов, желающих навязать законы народу, которому они должны были дать одну только свободу; фламандцы — хорошие люди, но их нельзя оскорблять и не следует думать, что они пожелали изгнать австрийских убийц, чтобы получить затем закон от партии, которую они прогнали во время последней революции [вонкистов-демократов], партии, которой они больше не хотят и которая держится только силой французских армий. Разве таковы намерения французов в Бельгии? Для чего послали они свои армии — чтобы покорить бельгийцев или чтобы изгнать их тиранов? Если, как это объявили французские представители, Франция отнюдь не стремится к завоеваниям и не хочет вмешиваться в управление странами, куда французы войдут, чтобы принести свободу, то по какому праву ее генералы хотят принудить бельгийцев принять неугодные им законы, которые им желает дать горстка агитаторов? Обещали ли эти агитаторы генералам, в частности честолюбивому Дюмурье, сделать его герцогом Брабантским, если ему удастся сокрушить истинно народную партию, которую те же агитаторы называют фанатичной? Признайте, что если бельгийцы — свободны, то сувереном является народ и именно он может сохранить свою старую Конституцию или ее изменить, не принуждаемый к этому вооруженной силой. Французы заинтересованы в том, чтобы бельгийцы были их друзьями и союзниками, это оплот для Французской Республики; между тем ваши генералы используют все средства, которые ведут к противоположному результату. Берегитесь бомбы! Если она разорвется в Бельгии, то ее осколки смогут пробить брешь во Франции. Так глядите в оба за генералами, которые командуют, у них нечистые намерения».

Таким образом, бельгийская католическая партия угрожала революционной Франции отступничеством, если будут затронуты привилегии священников. Чтобы открыть доступ своим жалобам на страницы газеты «Друг народа», эти ловкие клерикалы поощряли Марата в его ненависти к Дюмурье, в его недоверии к генералам, в его инстинктивной консервативной осторожности, которая у него почти всегда примешивалась к революционной ожесточенности.

Но какая у французской революционной партии путаница в представлениях о внешней политике! В тот момент, когда война расширяется, декрет от 15 декабря сохраняет силу, он не отменен и официально не дезавуирован, но дискредитирован оговорками Бриссо, Кондорсе и Робеспьера и прямо противоположной политикой Марата. Чего действительно хочет Революция и как из этого хаоса извлечь план внешней политики?

15. «Journal de la République française», № 64, 3 décembre 1792. «Les opérations politiques de Dumouriez dans la Belgique dévoilées».
16. «Journal de la République française», № 77, 18 décembre 1792.

ПОЛИТИКА ЕСТЕСТВЕННЫХ ГРАНИЦ

Этот план, четкий и очень реалистический, представил Дантон Никогда не владел он лучше своей мыслью, никогда не был более уверен в себе. Внутри страны он хотел примирить партии Революции. В интересах свободы и отечества он хотел добиться необходимых жертв от одной и от другой стороны. От жирондистов он требовал разрыва с обезумевшим Роланом, сеявшим панику и клевету. От монтаньяров он требовал замены в военном министерстве Паша, рассорившегося с Дюмурье (который, по мнению Дантона, был нужен) и, быть может, неспособного руководить столь огромным ведомством. С 21 января, дня смерти Людовика XVI, Дантон призывал к согласию и заверял, что сам сумеет подчинить разуму пыл своего темперамента [17].

Он и сам хочет быть государственным деятелем, не ворчливым и робким, не попутчиком Революции, он хочет быть в самой гуще революционной деятельности. Вот какова его внутренняя политика. А во внешней политике он хочет, дав тиранам почувствовать силу Франции, ограничить опасную и беспредельную экспансию революционной пропаганды. Никакой слабости, никаких преждевременных переговоров! Короли отказываются признать Французскую Республику, она отвечает им самым грозным вызовом: «Она им бросает перчатку, и эта перчатка — голова короля» В Бельгии положение безвыходное. Если на бельгийский народ оказывать давление, чтобы в силу права завоевания навязать ему демократическую конституцию, которая разжигает его фанатизм, он восстанет. Если уйти из Бельгии, предоставив бельгийцам самим избрать себе конституцию и определить свою судьбу то они устранят демократов и зажгут совсем близко от Франции огонь католического фанатизма, отблеск которого сможет сделаться опасным. Невозможно, чтобы Франция предоставила Бельгию самой себе; невозможно также, чтобы она управляла ею извне. Поэтому есть лишь один выход аннексировать Бельгию, т. е. включить ее в состав Франции. Так осложнения политики вооруженной пропаганды приводили к завоевательной политике Дантон, правда, льстил себя надеждой на благоприятный исход голосования в самой Бельгии, в связи с просьбой об аннексии. Но чего стоили эти голоса, поданные под давлением вооруженной силы Революции? Это был полный разрыв с политикой Учредительного собрания, отвергавшей всякие завоевания. Впрочем, Дантон и не скрывал, что он не только имел в виду мощное применение методов Революции к народу, раздираемому противоположными силами, но и ставил своей целью расширение территории Франции

Он формулировал теорию естественных границ, теорию национального права, а не революционного права, вернее, он пытался объединить революционное право и национальное право. 31 января, в тот самый день, когда Конвент «соглашается с пожеланием

свободно высказанным суверенным народом бывшего графства Ниццы, собравшимся в своих первичных собраниях, и в соответствии с ним декретирует, что бывшее графство Ницца входит как неотъемлемая часть в состав Французской Республики» Дантон потребовал, чтобы было удовлетворено также и аналогичное пожелание населения Льежа [18]. Этим он поднимал весь вопрос о Бельгии

«Разве вы уже не предрешили этого объединения, постановив, что Бельгия будет временно организована в соответствии с французскими законами? Разве это политика великого народа, если, даровав свободу другому народу и организовав его в соответствии с законами этой свободы, он затем предоставил бы его самому себе? Такая политика была бы преступна, она была бы убийственна.

Я утверждаю, что напрасно хотят внушить страх перед чрезмерным расширением территории Республики. **Ее границы начертаны природой.** *Мы их достигнем, дойдем до всех четырех сторон горизонта, до Рейна, до Океана, до Альп. Там и должны кончаться пределы нашей Республики, и ни одна держава в мире не сможет нам помешать их достигнуть»* [19].

Несколько недель спустя Карно в своем докладе от 14 февраля о присоединении княжества Монако и части бальяжа Шаумбург, граничащего с департаментом Мозель, повторил, как эхо, слова Дантона [20]. «*Древние и естественные границы Франции — это Рейн, Альпы и Пиренеи; части, которые от нее были отторгнуты, были отторгнуты только путем узурпации; таким образом, в свете обычных правил не было бы никакого правонарушения вернуть их обратно*, никакого властолюбия не было бы в том, чтобы признать своими братьями тех, кто ими некогда был, и установить связи, которые были разорваны только самим властолюбием».

---

17 «Moniteur», XV, 263; «Archives parlementaires», LVII, 525 «Теперь, когда тиран уже не существует, обратим всю свою энергию, все свои усилия на ведение войны Граждане, берите бразды правления великой нации, поднимитесь на ее высоту, организуйте министерство »

18 «Moniteur», XV, 323, «Archives parlementaires», LVII, LVIII, 102 Теория естественных границ представлялась как бы историческим оправданием аннексии Действительно, в то время напрашивался вывод одна только аннексия могла бы предупредить контрреволюцию 1 февраля 1793 г Камбон похвалялся, что он уже выкачал из Бельгии 64 млн ; но, изымая деньги у церкви, Франция оттолкнула от себя, как и Иосиф II, население; 17 февраля французские комиссары не скрывали что население готово восстать при первой же неудаче французов

20 «Archives parlementaires», LVII, 546. Карно (1753—1823)— капитан инженерных в отставке в 1783 г , депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Па-де-Кале

Карно, правда, тотчас же прибавляет: «Но эти дипломатические притязания, основанные на древнем владении, не имеют значения ни в моих глазах, ни с точки зрения разума. Неприкосновенное право каждой нации — существовать самостоятельно, если ей угодно, или же в общих интересах объединиться с другой нацией, если она этого пожелает. Поскольку мы, французы, признаем суверенами только сами народы, наша система отнюдь не господство, а братство». Каким же образом, в случае конфликта, можно было бы примирить концепцию естественных границ с революционным правом всех человеческих объединений оставаться независимыми? Ни Дантон, ни Карно не задаются этим вопросом, и, по правде говоря, эта задача неразрешима. Но им казалось, что в намеченных ими естественных границах она бы и не возникла. Все народы, обитающие между Рейном, Альпами и Пиренеями, добровольно потребовали бы объединения с Францией. Дантон понимал, что если такое территориальное расширение и должно было бы испугать державы Европы, то зато оно успокоило бы их относительно неограниченного распространения пропаганды. Революционная Франция расширила бы свои пределы до того, что она называла своими естественными границами, т. е. фактически, после того как она включила бы в свой состав Савойю и Ниццу, она присоединила бы германские земли по эту сторону Рейна, Бельгию и часть Голландии. Но на этом она остановилась бы. Неограниченная революционная агитация конкретизировалась, выливаясь в революционное и национальное расширение, однако, определенное и ограниченное. Карно, как бы для того, чтобы приобщиться ко всему ходу мыслей Дантона, доказывал, что Франция вправе отвергать поступающие просьбы о присоединении, когда эти последние могли бы привести к деформации Франции, толкнуть ее за пределы границ, которые должны были ее защищать. И Карно именем национального права, именем национального суверенитета указывал пределы присоединений и революционных ходатайств народов [о присоединении]. Народы не имели права на Францию; они не имели права присоединяться к ней вопреки ее воле. Не существует Всемирной Республики, которая могла бы в интересах всемирной свободы присоединить к Франции тот или иной народ; существует Французская Республика, которая вправе защитить себя от опасного расширения своей территории, так же как и от расчленения ее.

«В системе Всемирной Республики такое объединение могло бы показаться правомочным; но, не высказывая никакого мнения на этот счет, замечу, что если даже предположить доказанной возможность существования такой Всемирной Республики, то наш более простым средством ее достижения, несомненно, явилось бы не столько наше поспешное расширение во все стороны без должного обеспечения нашего развития, сколько достижение в этом самой природой для нас начертанном кругу, между реками и горными цепями, благоденствия, картины которого могли бы определить желание соседних народов и побудить их привлекательностью всеобщего счастья последовать нашему примеру!

Сказать, что носителем суверенитета является всеобщность человеческого рода,— значит сказать, что Франция представляет собой лишь часть суверена, что она, следовательно, не имеет права устанавливать у себя подходящие для нее законы; наш же принцип, наоборот, состоит в том, что каждый народ, как бы ни была мала населяемая им страна,— полный хозяин у себя, что он равен в правах самому большому народу и что никто не может на законном основании посягнуть на его независимость — разве что его собственная независимость окажется явно под угрозой.

Если бы мы сочли для себя законом соглашаться, таким образом, на присоединение к нам всех тех, кто этого пожелает или сделает вид, что желает, то мы рисковали бы увидеть вскоре, как среди нас обосновываются наши неумолимые враги; ибо, после того как проявлениями братских чувств, быть может, и притворных, они добьются включения их в состав Франции и, следовательно, получат право представительства во французском политическом Собрании, ничто не сможет им помешать вносить в Законодательный корпус множество вредных для народа предложений, которые снова ввергнут Республику в хаос и приведут к смешению всех начал».

Но какое это было время, когда революционная Франция считала необходимым защищаться от чрезмерных стараний народов присоединиться к ней! Она предупредила всех, что не примет, вне своих естественных границ, обращенных к ней просьб о воссоединении, сделанных даже по собственному почину. Таким образом теория естественных границ делала возможным мир с Европой. При всемирной революционной пропаганде мир был не только невозможен, но и немыслим. Действительно, чего стоил бы договор, который на другой же день мог быть подорван выступлением части народов, с которыми Франция вела переговоры? Напротив, если бы было определенно решено, что Франция ни в коем случае не выйдет за пределы однажды установленных границ, то для переговоров возникло бы твердое основание. Идея Дантона должна была также успокаивающе воздействовать на весь мир, ибо революционные меньшинства, рассеянные по Европе, сдерживали бы свое нетерпение и соразмеряли бы свои действия с более медленной общей эволюцией, если бы они знали, что революционная Франция ни в коем случае не согласится на их присоединение. В итоге аннексия была бы единственной постоянной и надежной защитой, как об этом твердил Форстер жителям Майнца [21]. Таким образом, отказ от аннексии был призывом к благоразумию.

[21] См.: Ж. Жорес. Цит. соч., т. IV, с. 198, «Форстер и присоединение к Франции».

Итак, в центре этой системы стоит революционная Франция, гордая, несгибаемая, героическая — вплоть до того, что она добилась от всех признания своего великого права на жизнь под солнцем. И она не упрашивает тиранов в униженной позе; она не хочет такого соглашения с ними, при котором была бы ущемлена хотя бы часть ее свободы; вот почему она и осуществила до конца свое право, нанеся смертельный удар своему королю.

Итак, Европа и весь мир примут отнюдь не робкую и не смущенную своими собственными успехами Революцию. И так как ей необходимо произвести на народы и на государей впечатление, что революционный кризис ее усилил, а не ослабил, то она и расширит свои пределы до естественных границ. Она будет свободной, могущественной, прославленной нацией, чье умеренное, но для всех очевидное и ощутимое величие докажет, что Революция есть начало сильное; так понимаемое национальное величие явится еще одним признанием заслуг Революции.

Но, определив свое большое место в мире, Франция одновременно перестанет быть для других народов угрозой или загадкой. Она не будет отныне пытаться беспрестанно потрясать во имя революционного права внутренние и внешние отношения наций. Она войдет в общую систему Европы, свяжет себя договорами, укрепит мир. Борьба между партиями во Франции, ныне столь обостренная тяжелым кризисом, тогда смягчится и превратится в плодотворное соперничество. Благородная и открытая демократия, всегда озабоченная поддержкой и возвышением униженных, не подрывая гордых устремлений и смелых начинаний, будет спокойно направлять свои упорядоченные и сильные порывы. Такие великие мечтания рождались в этот час в уме Дантона.

Мишле ошибается, когда под влиянием допущенной им ошибки по поводу процесса короля полагает, что Дантон в эти дни утратил мужество и был полон тревоги: «Дантон, при всей его силе и уме, увидел себя порабощенным инквизиторской и схоластической посредственностью Якобинского клуба, навсегда осужденным терпеть Робеспьера как наставника, ученого, ментора, нести невыносимое бремя, его медленно смыкающихся челюстей, пока они не сожрут его» [22].

Конечно, это не так: Дантон никогда не был более уверен в себе и в будущем, чем в эти первые дни 1793 г. Он верил в то, что благодаря военному гению Дюмурье Франция займет Голландию, как и Бельгию, и принудит к сохранению мира Англию, чья торговля была под угрозой. Мир с Европой! Он уже намечал его условия; благодаря только мощи своего ума, силе своей воли и точности своей мысли он уже видел себя главой воинственной Революции, а вскоре и умиротворенной Франции, организатором и руководителем могущественной и счастливой демократии. В этот час он грешил не упадком духа, а чрезмерной верой в себя [23].

План Дантона был великолепен своей четкостью, но он не предвидел двух вещей: поражения Дюмурье и неспособности Революции, не разрывая себя самое на части, переносить временные неудачи. Дантона окрыляла великая надежда. Несколько дней спустя он скажет Гюаде, который обрушился на него с нападками: «Ты не знаешь моей силы»; и он всегда мысленно говорил это событиям и людям. Хотя он жил главным образом непосредственными делами и сегодняшними радостями жизни, он, несомненно, не был равнодушен к славе спасения и упорядочения Революции. Когда он устремлял свои взоры ввысь, он видел «Пантеон истории».

Отставка Ролана, который ушел со своего поста 20 января и был заменен Гара, и отставка Паша, замененного Бернонвилем, другом Дюмурье, отвечали желанию Дантона [24]. Ролан уходил измученным, павшим духом, и отставка этого хмурого, тщеславного и зловещего старика позволяла надеяться на примирение между партиями. Но Паш не был конченым человеком. Трудно судить о его деятельности в военном министерстве. Он принял его в состоянии полной дезорганизации. Прежние служащие, опытные, но подозреваемые в контрреволюционных настроениях, были отстранены, и канцелярии заполнил совершенно новый персонал, часто преданный, но иногда шумливый и бестолковый. Пашу понадобилось безграничное терпение, искреннее и упорное революционное чутье, чтобы не пасть духом и добиться от этого расстроенного механизма в целом весьма немалых результатов. Враждебное отношение Дюмурье, хотевшего быть полным хозяином в своей армии, еще более затрудняло задачу министра. Парижские демократы все это понимали и вскоре назначат Паша мэром [25]. Но назначением Бернонвиля [26] Дюмурье дали залог доб-

22. Michelet. Histoire de la Révolution française. 1847—1853, t. V, p. 237. Здесь можно только подчеркнуть предвзятое мнение Мишле о Робеспьере, которое разделяет в некоторой мере и Жорес.
23. Концепции Дантона в области внешней политики не вызывают у нас такого восхищения, как у Жореса. См.: A. Mathiez. Danton et la paix. Paris, 1919, в частности, главу III, «Les frontières naturelles et le procès du roi».
24. Письмо Ролана с просьбой об отставке было зачитано в Конвенте 22 января 1793 г. («Moniteur», XV, 271; «Archives parlementaires», LVIII, 599.) Паш был заменен Бернонвилем 4 февраля 1793 г. («Moniteur», XV, 356; «Archives parlementaires», LVIII, 206.) См. два следующих примечания.
25. Паш был назначен мэром Парижа 14 февраля 1793 г. («Moniteur», XV, 446.)
26. Бернонвиль Пьер (1752—1821) — бригадный генерал в 1792 г., военный министр в 1793 г.; Дюмурье выдал его австрийцам 3 апреля 1793 г.

рой воли, и можно было надеяться, что восстановление согласия между военным министром и генералами придаст новый порыв победе.

Но Революции, воевавшей с Европой, безотлагательно требовались две вещи: много денег и много людей. Средства доставил еще Камбон выпуском новых ассигнатов на 800 млн. [27] Страшное дополнительное бремя!

Как ни уверял Камбон, что земельное обеспечение ассигнатов было еще в избытке, беспокойство нарастало. Патриоты выступили с предложением увеличить это обеспечение. Одна из парижских секций предложила свое недвижимое имущество в качестве залога для ассигнатов. Такое же предложение было внесено в Якобинском клубе и поддержано рядом секций [28]. Оно свидетельствует о поразительной преданности Революции. Нация, казалось, была готова вложить в Революцию весь свой актив; это была как бы направленная против чужеземцев мобилизация имуществ в ожидании мобилизации людей.

Предложение казалось грандиозным, но было неприемлемо. Прежде всего, оно полностью изменяло характер ассигната. Если прежде обеспечением ассигната служили имущества сил прошлого, то теперь его обеспечением стали бы имущества новых сил, революционной и буржуазной демократии. Поскольку опорой ассигнату служили только национализированные имущества церкви и имущества эмигрантов, он не подрывал ресурсов будущего, наоборот, он способствовал передаче владений прошлого свободным людям завтрашнего дня. Но при каждом выпуске нового ассигната, обеспеченного частными имуществами, Революция сама пожирала бы себя, и подобный выпуск ассигнатов понизил бы их курс в большей мере, чем его укрепило бы кажущееся увеличение обеспечения.

Никто не мог бы знать наперед, какое бремя будет тяготеть ко времени окончательной ликвидации над частной собственностью, отданной таким образом в обеспечение. И такая неопределенность парализовала бы все сделки. Как покупать и продавать, когда недвижимые имущества обременены зависящим от случая залогом, вычислить который не могут ни покупатель, ни продавец? Это означало сделать предметом спекуляции все недвижимые имущества Франции. И какие затруднения возникли бы в день расчета! Поскольку все имущества патриотов являлись бы обеспечением, а те из патриотов, которые не располагали свободными средствами, чтобы покрыть стоимость ассигнатов, были бы вынуждены, все вместе, отдать свои имущества в залог, то обесценение всех земельных владений было бы чудовищным.

Наконец, если не сделать этого общего залога принудительным согласно закону и налагаемым на все владения пропорционально их стоимости, то закладу подлежали бы только имущества лучших патриотов, а контрреволюционеры или равнодушные или умеренные не стали бы предлагать свои имущества в виде залога. Таким образом, все бремя легло бы на самых преданных защитников Революции, и только на них одних. И к чему привела бы вся эта операция? К экспроприации революционеров.

Но хотя предложенная комбинация действительно была неприемлема, она, во всяком случае, показывала, что Франция начинала опасаться, что она дошла до крайнего предела обесценения ассигната. Чтобы поддержать его курс, понадобится изыскать дополнительные ресурсы. И вместо того, чтобы принять эту жертву от одних только патриотов, надо будет потребовать этой жертвы от всех богатых. Отсюда возникла мысль о принудительном займе на основе прогрессивного обложения,— мысль, которая вскоре будет подана, и смелое предложение патриотов было своего рода ее черновым проектом.

27 «Moniteur», XV, 238, заседание 1 февраля 1793 г. Доклад о состоянии финансов и о выпуске ассигнатов на 800 млн; «Archives parlementaires», LVIII, 123 et 129.

28. «Moniteur», XV, 375; заседание 10 февраля 1793 г. «Archives parlementaires», LVIII, 550. Речь идет о секции Финистер (решение от 3 февраля 1793 г.) «Принимая во внимание, наконец, что общественное достояние может держаться только благодаря принесению в жертву частного имущества ..»

ДЮБУА-КРАНСЕ И АМАЛЬГАМА

Военные силы, какими мог располагать Конвент, значительно уменьшились; всюду — в Германии, в Бельгии — из-за холодов и лишений, а также вследствие ухода волонтеров, завербованных только на одну кампанию, армии растаяли больше чем на половину [1], и для восстановления необходимой численности войск в 500 тыс. человек нужен был новый набор 300 тыс. человек [2]. Военный комитет и его докладчик Дюбуа-Крансе хотели воспользоваться этой необходимостью, чтобы реорганизовать армию. Как известно, армия состояла из двух частей. В ней были батальоны линейных войск и батальоны волонтеров.

На один батальон линейных войск приходилось около двух батальонов волонтеров. Организация этих обеих составных частей армии была разной. Срок службы в линейных войсках был точно установлен; срок службы волонтеров был разный. Жалованье волонтеров было больше жалованья солдат линейных войск. Офицеры линейных войск назначались исполнительной властью; офицеры батальонов волонтеров избирались солдатами. Дисциплина и кодекс наказаний тоже были разными.

Более того, в линейных войсках был избыток кадровых офицеров, несмотря на дезертирство, эмиграцию или выход в отставку многих офицеров-аристократов. Это объяснялось тем, что набор солдат в линейные войска был прекращен с того времени, когда Революция упразднила милицию* и создала свою армию, объявив призыв волонтеров.

Остававшиеся офицеры и унтер-офицеры могли бы обеспечить кадрами и более многочисленную армию. Напротив, волонтеры иногда не могли найти в своей среде офицеров, способных ими

командовать. Но дух всех солдат, к какой бы части войска они ни принадлежали, был превосходным. Волонтеры, менее привыкшие к строгой дисциплине, способны были, однако, сами устанавливать ее перед лицом опасности и под влиянием командиров, которым они доверяли. Да и солдаты линейных войск, уже в течение ряда лет участвовавшие в бурной жизни Революции, с самого начала поддерживаемые и поощряемые ею против знатных и мятежных офицеров, питали в душе любовь к свободе и уважение к закону.

Под Жемаппом, как и при Вальми, отмечалась поразительная согласованность усилий, полное слияние воли и мужества всех бойцов. Однако не годилось, чтобы какой-нибудь начальник, ловкий интриган, мог в некотором роде сыграть на неоднородности подчиненного ему состава, мало-помалу привить солдатам линейных войск корпоративный дух и сделать из них скорее клиентелу начальника, чем слуг отечества.

По всем этим причинам Дюбуа-Крансе и Военный комитет предложили на заседании 7 февраля то, что называют амальгамой [3]. Их система предусматривала объединение и унификацию: два батальона волонтеров и один линейный батальон сливались в одну полубригаду [4]. Вводились единые форма одежды, жалованье и дисциплина. Устанавливался единый способ назначения офицеров. Общий принцип был следующий: повышение в чинах для всех офицеров (кроме командира бригады и капрала) должно было происходить двояким образом, а именно: треть [всех вакантных должностей] замещалась по старшинству в каждой полубри-

---

1. Размах победоносного наступления в конце 1792 г. поставил проблему кадров со всей серьезностью. Она достигла особой остроты, когда волонтеры пожелали возвратиться домой. Декрет о наборе 1791 г. содержал статью, сохранявшую за волонтерами право расторгнуть их обязательство в срок, предусмотренный для окончания кампании, т. е. к 1 декабря 1792 г. Когда были достигнуты естественные границы Республики и она, казалось, уже не была в опасности, они толпами стали требовать увольнения, чтобы возвратиться домой.
2. Набор 300 тыс. человек был декретирован 21 февраля 1793 г. См. ниже с. 173.

* Милиция (la milice) — в XVIII в. вспомогательные войска, в которые призывались по жребию на 3—5 лет мужчины в возрасте 16—40 лет, в основном из деревенской и городской бедноты. — *Прим. ред.*

3. «Moniteur», XV, 384; «Archives parlementaires», LVIII, 358. Дюбуа-Крансе Эдмон Луи (1747—1814) — бывший мушкетер, депутат Генеральных штатов от третьего сословия бальяжа Витри-ле-Франсуа, бригадный генерал после роспуска Учредительного собрания, генерал-адъютант в Южной армии в 1792 г., депутат Конвента от департамента Арденны.
4. «Можно сказать, что все солдаты — добрые, честные французы. Итак, настало время дать им возможность пользоваться всеми принадлежащими им правами; чтобы до конца, с корнем вырвать пережитки старого порядка, нужно, чтобы среди защитников отечества существовало лишь одно различие: то, какого требуют интересы службы...»

гаде и две трети — по выбору Выбор должен был совершать каж дый заинтересованный батальон Но батальон мог намечать кан дидатов из всей полубригады, их должны были выдвигать из числа лиц имевших чин на одну ступень ниже того какой должен был быть замещен

«В батальоне, где должна быть замещена должность избира телями будут все имеющие более низкий чин чем тот который окажется вакантным, опрос будет производиться старшим сер жантом каждой роты в присутствии командира и вызванные будут громко называть кандидата поименным голосованием в каждой роте Присутствующие будут выбирать, стоя перед знаменем, те кто будет занят по службе, смогут подать голос письменно, за под писью своей или двух свидетелей»

Избиратели должны предложить трех кандидатов для каждого чина, и выбор из числа этих кандидатов будет совершен лицами из того же батальона, имеющими чин равный вакантному

Вот например первая пехотная полубригада, она состоит из 1-го батальона 1-го пехотного полка и из двух батальонов волонтеров ближе всего размещенных к нему Предположим что нужно заполнить три вакансии лейтенантов Одно из этих трех мест будет замещено по старшинству из числа претендентов по всей полубригаде, т е если вакансии имеются в батальоне, то будет назначен прослуживший долее всех младший лейтенант не этого батальона а всей полубригады Остается заместить две должности посредством выборов Здесь в выборах будут участвовать только избиратели данного батальона, например, если надо избрать лей тенанта во второй батальон волонтеров, то предложения будут вноситься во всеуслышание при поименном опросе всеми млад шими лейтенантами, старшими сержантами, сержантами, капра лами писарями-каптенармусами, капралами и солдатами батальо на Но они смогут выдвигать своими кандидатами младших лей тенантов всей полубригады И когда таким образом из числа младших лейтенантов будут намечены три кандидата в лейтенан ты, окончательные выборы по этому списку будут произведены всеми лейтенантами батальона

Эта система, несомненно, давала весьма значительные гарантии офицерам линейных войск, офицерам, чью верность и предан ность Конвент хотел отметить В общем они были старше по чину чем офицеры волонтеры, так как даже те из них, которые были произведены в следующий чин после Революции, большей частью были произведены до конца 1791 г т е до призыва первых волон теров, тогда как эмиграция офицеров-дворян началась значитель но раньше Следовательно, именно им в первую очередь была обеспечена почти треть производств — по старшинству, а так как принцип старшинства распространялся на всю полубригаду то вакантные должности, даже в обоих батальонах волонтеров, дол ны были в значительной мере получать офицеры линейного бата

она Кроме того, когда офицер линейного батальона был известен своей доблестью своими заслугами, своей преданностью Революции волонтеры соседнего батальона той же полубригады, есте ственно готовы были призвать его к себе и даже предоставить ему выборную должность

Заметьте, кроме того, что эта тщательно разработанная систе ма устанавливает очень ловкое и хитроумное равновесие между выборами подчиненными и кооптацией равными по чину Все подчиненные от младших лейтенантов и до солдат, представляют трех кандидатов для замещения должности лейтенанта, а все лейтенанты выбирают одного из этих троих И последнее слово после целого ряда испытаний остается за избирающей властью — за голосующим батальоном, действительно, после того как кандидата выдвигали три раза подряд, при четвертом представлении он назначался по праву Таким образом предотвращались или надолго затягивались необдуманные выборы — результат расположения солдат, купленного начальником, который сорил деньгами или потворствовал недисциплинированности, и однако, упорная воля солдата в конечном счете всегда торжествовала

Для низших чинов, а именно капрала, и для высших чинов порядок был другой Для капралов (и это вполне естественно) старшинству не придавалось никакого значения Капралы выбираются абсолютным большинством среди всех солдат батальона всеми солдатами роты. Здесь играет роль только принцип выборности Наоборот, для высших чинов и должностей избрание играет малую роль или не играет никакой Должность командира бригады (которого раньше называли полковником и который в действительности является командиром полубригады) должна предоставляться самому старшему по времени производства в этот чин из командиров батальонов. Таким образом, фактически командир полубригады в некотором роде назначался, поскольку один из батальонов полубригады, выбрав его командиром батальона, тем самым открывал ему возможный доступ к командованию полубригадой Но это не прямые выборы и назначение, автоматически осуществленное таким образом на основе принципа старшинства из числа офицеров, к тому же назначенных ранее на основании действующего закона о выборности, не допускает никакого перерыва, никаких колебаний и никаких интриг в промежуток времени между уходом прежнего командира и появлением нового Назначение военачальников выше чина командира бригады т е бригадных генералов, дивизионных генералов и главнокомандующих производится исполнительной властью, представляющей Республику в целом При назначении бригадных и дивизионных генералов одна треть должностей замещается по старшинству и две трети — по выбору (военного министра в отношении бригадных генералов и Исполнительного совета в отношении дивизионных генералов) Главнокомандующие избираются Исполни-

тельным советом из числа дивизионных генералов при непременном утверждении Национальным собранием; это опять-таки избрание, но уже всей нацией в лице ее представителей.

Любопытная вещь! Ныне, в начале XX в., реакционно настроенные военные, те, которые хотят заменить гибридной и полупретурианской армией (где преобладали бы сверхсрочники и наемники) армию национальную и демократическую, постепенно эволюционирующую к милиционной системе, осмеливаются ссылаться для подкрепления своих предложений на концепции Дюбуа-Крансе, на воспоминания об амальгаме. Теперь тактикой контрреволюционеров стало ссылаться на образцы периода Революции. Реакционеры ссылаются на Права Человека, т. е. на высшее утверждение человеческой личности, чтобы сохранить теократические учреждения, их отрицающие. Они взывают к принципам Французской революции, чтобы спасти конгрегации, упраздненные Революцией, и передать им преподавание, от которого она их отстранила. Они ссылаются также на замечательное деяние Конвента в 1793 г., создавшего национальную и демократическую армию, чтобы учредить армию олигархическую и профессиональную, которая явилась бы смертельной опасностью для демократии и для нации. К каким же чудовищным искажениям и софизмам они прибегают? Вряд ли надо говорить о них. Они требуют, чтобы масса наскоро обученных солдат была включена в армию, имеющую более постоянный состав из сверхсрочников, получающих дополнительное вознаграждение. И они говорят: «Что такое амальгама, как не способ создать для волонтеров, временных солдат, опору в лице надежных линейных войск?» [5]

Но прежде всего нужно было немало, чтобы люди Революции, в том, что касается линейных войск, поверили в необходимость долгосрочной службы и длительного пребывания в казармах. Все, что они читали, все, что они привыкли думать, наоборот, было направлено на то, чтобы возможно меньше отрывать солдата от гражданской жизни. Это гражданское воспитание они получили благодаря таким сочинениям, как «Солдат-гражданин» Сервана [6]: автор предлагал всеобщую воинскую повинность, но весьма краткосрочную и на месте. Эту мысль революционерам внушила история Древнего Рима, весьма обстоятельно прокомментированная Монтескьё [7]; Рим был сильным и свободным, пока его солдат оставался гражданином и покидал родной очаг только на время похода, и Рим утратил чистоту своих нравов и свободу, когда длительные войны привели к созданию профессиональных армий, отделенных от народа.

Но даже профессиональные военные, авторы специальных сочинений времен старого порядка, мыслили в том же духе. Например, в «Общих очерках по тактике» де Гибера (Лондон, 1772) [8],

книге, вызвавшей большой интерес, мы находим страницы, где автор настоятельно рекомендует военное обучение на местах. Он предлагает, чтобы пример военного обучения и физических упражнений подавался сверху и, распространяясь таким образом во всех классах населения, доходил до самых бедных деревень, где бы подготовлялись солдаты. «Любовь к оружию и к воинским упражнениям, привитая дворянству, вскоре передастся народу; буржуазия больше не будет смотреть на солдатскую службу как на позор; деревенская молодежь больше не будет бояться унизиться до службы в милиции, по воскресеньям и в праздничные дни она будет собираться для состязаний в прыжках, в беге и в ловкости и для получения призов. Такие призы, учреждаемые властями в каждом приходе, имели бы в тысячу раз большее значение, чем бесплодные и дорогостоящие ежегодные сборы милиции, ибо если у вас будут крестьяне сильные, проворные и уже приученные к звону оружия и к обращению с ним, если в то же время у вас будет хорошая дисциплина и офицеры, то вы быстро обучите солдат. Кроме того, не следует думать, что подобный переворот в умах и нравах был бы *пагубным для земледелия и для спокойствия* в королевстве. Таким образом организованная нация была бы лишь более пригодна и более привычна к труду. Трудолюбивые народы бывают самыми воинственными. *Вспомните римлян в их лучшие времена, посмотрите на швейцарцев! Государство выиграло бы, реформировав часть своих многочисленных армий, которые оно держит наготове...*

Наконец, если мы не хотим, чтобы все королевство превращалось в школу военного дела, то по меньшей мере следовало бы, чтобы физические упражнения составляли значительную часть

5. К этим размышлениям о военных проблемах своего времени в свете событий Революции Жорес возвратился, расширив их, в своей «Новой армии» («L'Armée nouvelle»), комментарии к законопроекту, внесенному в палату депутатов 14 ноября 1910 г. В апреле 1911 г. «Новая армия» вышла в свет отдельным изданием. См., в частности, главу VI: «La tradition révolutionnaire française. I. Les armées révolutionnaires. L'amalgame. II. La discipline et l'organisation» (p. 146, éd. 1915).
6. Серван Жозеф (1741—1808) — подполковник в 1791 г., военный министр в 1792 г. «Le soldat citoyen ou vues patriotiques sur la manière la plus avantageuse de pourvoir à la défense du royaume» (Neufchâtel, 1780) — труд, который приписывали также Гиберу.
7. Montesquieu. Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence. 1734.
8. Гибер, граф де (1743—1790) — бригадный генерал, инспектор инфантерии в провинции Артуа в 1788 г. «Essai général de la tactique précédé d'un Discours préliminaire sur l'état actuel de la politique et de la science militaire en Europe» (Londres, 1772, 2 vol.). Посвящение гласило: «*Моему отечеству*». Автор опережает на двадцать лет некоторые идеи Революции и предлагает преобразовать ведение войны под влиянием обновленных учреждений.

обучения вновь набранных солдат. Странно, что у них, обученных только обращению с оружием и сохранению в течение трех часов напряженного положения, противного человеческому организму, отсутствует, когда начинается война, всякая привычка к трудам, каких она требует...

Если мне скажут, что они уже и теперь достаточно заняты воинскими упражнениями, я отвечу: это происходит потому, что наши приемы сложны, наши способы обучения плохо воспринимаются, наши притязания на точность и совершенство во многих отношениях мелочны и смешны. Я отвечу: доказательством тому, что наши солдаты недостаточно заняты, служит то, что, как говорят, для заполнения их времени их перегружают изучением нудных и постылых правил дисциплины. Для них придумали мундир, заставляющий их тратить три часа в день на свой туалет, превращающий их в парикмахеров, полировщиков, лакировщиков — словом, в кого угодно, но только не в военных. И к чему приводит эта праздная и все же тягостная жизнь, эти работы, выполняемые большей частью сидя и в темном помещении? К тому, что солдат, прослуживший десять лет, полностью утративший ловкость, способность к физической работе, вынужден становиться парикмахером, лакеем или нищим. К чему привела бы замена этих пустых занятий суровыми и тяжелыми работами? К тому, что земледелец был бы более подготовлен к солдатской службе, а солдат, окончив свою службу, без труда возвращался бы к лопате и плугу».

Если уже при старой монархии военные писатели были такого отрицательного мнения о казарменном режиме, то как мог он нравиться революционерам? Я уже ссылался на доклад Карно в Законодательном собрании, в котором он предлагал организацию армии наподобие швейцарской. Это было повторение мыслей Гибера, но с демократическим и революционным оттенком.

А что говорит во введении к своим «Мемуарам» маршал Гувьон Сен-Сир, в молодости участвовавший в войнах 1792 и 1793 гг.? Как оценивает он линейные войска и волонтеров? [9]

«*Линейные полки не были совершенно необученными, но их обучали только тому, что было необходимо для парадов и для маневрирования в мирное время*; они были крайне ослаблены в результате дезертирства. Набор не мог их пополнить. Молодые люди предпочитали вступать в батальоны волонтеров.

В общем солдаты линейных войск благожелательно относились к Революции, избавившей их от немецкой дисциплины, столь необдуманно введенной при министре Сен-Жермене [10]; этот дух поддерживался унтер-офицерами. Однако некоторые части, особенно части, сформированные из иностранцев, проявляли менее благожелательное отношение, что уменьшало доверие, какое следовало бы питать к армии в целом. *Солдаты этих войск были физически ослабленными, какими всегда будут солдаты после дли-*

тельного пребывания в казармах. Солдат получает там лишь недостаточное питание; пороки, приобретенные им там вследствие праздности, и тяжелые заболевания, к каким они приводят, быстро подтачивают здоровье даже самых крепких людей и делают их неспособными переносить тяготы войны. Этого не наблюдалось в двухстах батальонах волонтеров; что касается полноты состава, бодрости и патриотического духа, то они не оставляли желать лучшего и могли считаться образцом».

Итак, Дюбуа-Крансе предлагал амальгаму не для того, чтобы включить волонтеров в линейные войска. Впрочем, батальоны не сливали, их просто сводили в одну полубригаду и координировали их действия. Линейная часть не передавала своих кадров волонтерам. Если последние избирали своим начальником офицера линейных войск, то это происходило путем свободных выборов, а избранный офицер проникался благодаря этому новым духом, духом демократии и революции, каким были проникнуты волонтеры. Задача Революции в тот момент состояла, наоборот, в том, чтобы включить линейные войска, не задевая их самолюбия и интересов, в общую систему войск волонтеров. Поэтому (это лишь деталь, но весьма показательная) форма волонтеров становилась общепринятой формой армии. И главное, поэтому все производства в следующий чин должны были отныне происходить на основе принципа выборности, ранее применявшегося только в частях волонтеров. Амальгама не имела своей целью создание отличной от нации военной организации, куда можно было бы влить бесформенную массу импровизированных сил. Наоборот, целью ее было обеспечить единство армии, исполненной единого духа демократии и свободы, и фактически превратить линейные батальоны в настоящие батальоны волонтеров, остающихся на службе несколько дольше. Именно поэтому два батальона из трех в полубригаде состоят из волонтеров. Слова Дюбуа-Крансе не оставляют сомнений на этот счет:

«Ну что ж! Нам говорят: уравняйте силы, уравняйте права; соедините один батальон волонтеров с одним линейным батальоном.

Я отвечу: следуя этой системе, мы вместо того, чтобы, как это поставил себе целью ваш Комитет, уничтожить все остатки старого порядка, укрепили бы их, удвоили бы их воздействие и связанные с ними опасности. Если линейный батальон настолько

9. Гувьон Сен-Сир (1764—1830) — живописец, в 1792 г.— капитан, в 1794 г.— генерал. См.: Guvion. Mémoires sur les campagnes des armées du Rhin et de Rhin-et-Moselle, de 1792 jusqu'à la paix de Campo-Formio. Toul, 1829, 3 vol

10. Сен-Жермен Шарль Луи (1707—1778) — военный министр в 1775—1777 гг., ввел во французской армии прусскую дисциплину и телесные наказания.

послушен своим офицерам, что способен поступать так, как они ему прикажут, то не приходится сомневаться в том, что в батальоне волонтеров, который был бы с ним слит, обладая меньшей сплоченностью, меньшим корпоративным духом, имея в своем составе людей, которые не всегда руководствуются чистым патриотизмом, полностью восторжествовал бы дух линейных войск. Таким образом, вы уже не сделаете из *солдат линейных войск волонтеров*, а сделаете из *волонтеров солдат линейных войск*; никого этим не обманешь, и отныне больше никого не завербуешь — ни в части волонтеров, ни в линейные войска.

...Если не уничтожены два типа войск, если существует какая-то степень различия, *если линейная часть не растворилась в соединении национальных волонтеров* [это подчеркивает сам Дюбуа-Крансе], если, наконец, различный дух, в том, что касается внутреннего порядка в этих частях, продолжает существовать, в какой бы форме и под каким бы главенством это ни было, то не остается никакой надежды на набор в линейные войска, никакого средства уничтожить предрассудки и восстановить принципы. Это значило бы — говорят нам — уничтожить дисциплину. О какой дисциплине идет речь? Не о том ли слепом повиновении, какого Лафайет требовал от своих сбиров? Давно известно, что я восстал против этого безобразия. О, если бы эта дисциплина существовала, если бы она не была нарушена, то сколько крови стоила бы Революция? Опасаются влияния волонтеров при назначении на должности. Что же, тем лучше, наступило время устранить всех подозреваемых даже в малейшей связи с аристократией. Но сомневается ли кто-нибудь в том, что эти волонтеры найдут общий язык с солдатами линейных войск? Побуждаемые самым сильным из интересов, разве они не отдадут предпочтение тем, кто, будучи столь же храбр, как они, но более образован, будет хранителем их жизни и их чести перед лицом врага? Если волонтер обладает способностями, то он, конечно, будет избран, и это акт справедливости, но если унтер-офицер или солдат линейных войск проявляет большие способности, то нет сомнений в том, что ему будет оказано предпочтение. Обойдите наши батальоны, и вы увидите, что все те, кто был знатоком военного дела, были выбраны офицерами; вы увидите командиров батальонов, которые были простыми солдатами. Наши волонтеры ищут не *почестей*, а *чести*».

Сен-Жюст тоже настаивал на необходимости выборности в пределах, указанных Дюбуа-Крансе; по его мнению, выборность принесла бы в армию демократический дух, не нарушая высшего и главного права Республики [11].

«Я не намерен скрывать опасности, таящейся в выборах военачальников, если их распространить на главный штаб армий и на генералитет; но нужно установить принципы и определить их пределы. Воинские части имеют право избирать своих офицеров, так как, в сущности, они представляют собой корпорации. Армия

не может избирать своих командующих, так как она не обладает постоянством состава и каждую минуту все в ней меняется; армия не воинская часть, она — соединение многих воинских частей, поддерживающих между собой связь через начальников, которых назначает для них Республика; поэтому армия, которая избирала бы своих командующих, была бы армией бунтарей... Избрание отдельных командиров частей — право солдатской общины... Избрание генералов — право государства в целом. Армия не может ни обсуждать вопросы, ни собираться. Выбор тех, от кого зависит общественное спасение,— дело народа или его законных представителей».

И Сен-Жюст выступает в Конвенте с предупреждением, которое получит вскоре красноречивое подтверждение в измене Дюмурье: «Если вы терпите неудачи, то подумайте о том, какие люди при нынешнем положении вещей должны отступиться от Республики. Если вы победители, то воинская гордость становится выше вашего авторитета. *Единство Республики требует единства армии*; *у отечества только одно сердце*, *и вы не захотите*, *чтобы его сыны стали делить его со шпагой в руках*».

И действительно, как мы увидим, именно батальоны волонтеров сорвали план измены Дюмурье, за которым в своем ослеплении до конца пошли бы линейные войска, вплоть до преступления. Именно для того, чтобы оградить Революцию от таких неожиданных проявлений корпоративного духа, Революция и задумала провести амальгаму и сделать армию национальной [12].

5 февраля Жан Бон Сент-Андре предложил Конвенту провести в таком же духе демократическую реорганизацию флота [13]. Для замены вышедших в отставку или эмигрировавших офицеров-аристократов надо было привлечь большое число людей из торгового флота. Также и здесь должен был преобладать выборный и демократический принцип. «Именно посредством выборов народ осуществляет принадлежащее ему право назначать своих представителей и должностных лиц. Батальонам национальных гвардейцев вы предоставили возможность выбирать своих офицеров;

---

11. «Moniteur», XV, 423, заседание Конвента 11 февраля 1793 г.; «Archives parlementaires», LVIII, 457.
12. Проект Дюбуа-Крансе встретил резкую оппозицию со стороны генералов и жирондистов; по их словам, это подорвало бы дисциплину, ослабило бы армию, вызвало бы недовольство в линейных войсках. В этом отношении Жиронда оставалась верна воинским концепциям старого порядка. См., например, критику, с которой выступил 14 февраля 1793 г. Бюзо. («Moniteur», XV, 450.) Декрет об амальгаме был в конце концов принят 21 февраля 1793 г. В связи с военными обстоятельствами применение его, однако, было отложено до зимы 1793/94 г. Но с лета 1793 г. военная форма, жалованье и уставы были унифицированы: линейные войска были уравнены с волонтерами.
13. «Moniteur», XV, 363; «Archives parlementaires», LVIII, 223.

военные усмотрели в этом способе недостатки, но самый принцип от этого не стал хуже. И я предлагаю вам тоже выборы. Они будут свободны от недостатков, присущих выборам в батальонах волонтеров; они будут производиться не экипажами кораблей, командовать которыми должны будут эти офицеры, а моряками определенного контингента призыва, собравшимися в центре призывного района. Эти собрания будут иметь право лишь определять число лиц, которые им потребуются, а морской министр будет решать, удовлетворяют ли они условиям, предписанным законом, и сможет вручить им дипломы только в том случае, если эти условия будут выполнены».

21 февраля Конвент одобрил проект Дюбуа-Крансе об амальгаме и о способе производства в следующий чин [14]. Предписания нового закона еще в течение месяцев должны были, естественно, сталкиваться с многими затруднениями и немалым сопротивлением. Нелегко в разгар войны менять организацию огромных армий, рассеянных по всем фронтам, разрываемых между войной внешней и войной гражданской, сформированных из новобранцев, для которых было трудно сразу найти необходимые офицерские кадры. В течение семи или восьми месяцев будут еще чувствоваться колебания.

В пространной и превосходно составленной инструкции, направленной Комитетом общественного спасения в мае 1793 г. представителям Конвента, находившимся в миссии в департаментах [15], нашли отражение как стремление Комитета организовать армию в соответствии с законом от 24 февраля, так и затруднения, с какими он сталкивался:

«Армии набираются; они вскоре будут полностью укомплектованы для военного времени. Гражданин Бернонвиль, будучи военным министром, опубликовал инструкцию о наборе четырех армий во исполнение закона от 24 февраля и о возобновлении набора волонтеров, предназначенных для пополнения каждой армии... Каждая армия должна получить пополнение в пунктах сбора, указанных в этой инструкции. Надо как можно скорее завершить включение волонтеров в состав армии. Надо торопиться с пополнением командного состава армий.

Необходимо устранить слишком ощутимые неудобства от неравномерного распределения сил армий, от трудностей комплектования командного состава в некоторых из них, от недостатка офицерских кадров в некоторых других. Комитет общественного спасения полагал, что в Северной и Восточной армиях, где оказались почти все командные кадры армий, следует довести до максимального численный состав командных кадров, которые мы сможем укомплектовать.

Следует позаботиться и о пополнении других командных кадров путем перевода их в другие армии или путем передачи им волонтеров, сосредоточенных в других пунктах сбора. Эти передвижения будут определяться обстоятельствами и необходимостью увеличить или уменьшить численность армий».

Если я предвосхитил ход событий, приведя уже теперь инструкцию Комитета общественного спасения, который еще не был образован, то только для того, чтобы четко указать на безмерность усилий, которых требовало осуществление закона об организации армии от 21 февраля. Все было бы гораздо проще, если бы достаточно было соединить два созданных и укомплектованных командными кадрами батальона волонтеров с одним батальоном линейных войск и внутри каждой таким образом сформированной бригады подчинить продвижение по службе принципу, установленному законом. Но составные элементы этих [еще формирующихся] бригад не были собраны в нужной пропорции в одних местах. И соотношение между командными кадрами и численностью каждой армии было столь различным, что сначала надо было бы перевести часть командных кадров одной армии в другую. К тому же этот перевод не всегда был возможен, так как армии не были однородными. Например, были волонтеры специального назначения — для Вандеи, которые завербовались исключительно для этой войны. Их нельзя было бы включить в общую массу.

«Вандейская армия будет состоять из двух частей, смешивать которые обстоятельства не позволят. Они (комиссары) включат в армию рекрутов, набранных во исполнение декрета от 24 февраля, *но сохранят отдельные батальоны граждан, которые записались в армию только ради того, чтобы сокрушить фанатизм и рассеять мятежников, и позволят им вернуться домой, когда общественное спокойствие будет полностью восстановлено*».

Как можно было эти специальные батальоны, которые нельзя было использовать для других целей, включить в полубригаду и соединить с войсками, которые можно было направлять на любые театры войны? Вот, в виде примера, еще одно особое затруднение. Когда Майнц капитулирует, французским войскам будет разрешено уйти с оружием, но пообещав больше не сражаться против союзников. Таким образом, в дальнейшем их можно было использовать только против внутренних врагов, против мятежников. Они были посланы в Вандею; но как эти войска, поле действий которых было ограничено, можно было объединить в рамках постоянной организации с силами, которые можно было

14. «Archives parlementaires», LIX, 161. См. выше, прим. 12.
15. A. Aulard. Recueil des Actes du Comité de salut publique..., t. IV, p. 23 (см. акты за 7 мая 1793 г.). Эта инструкция представителям в миссии предусматривает, в частности, набор 300 тыс. человек на основании закона от 24 февраля 1793 г. Здесь у Жореса, по-видимому, налицо некоторая путаница в датах: между законом от 21 февраля 1793 г. (об амальгаме) и законом от 24 февраля (о наборе 300 тыс. человек).

направить повсюду? Однако главной трудностью было неравномерное распределение по армиям командных кадров.

Более того, поскольку невозможно было сразу обучить правильным передвижениям и строгой дисциплине множество только что призванных новобранцев, не имеющих воинской выучки и командных кадров, поскольку офицеры не могли немедленно приобрести моральный авторитет у этих новобранцев, то вначале многие наблюдатели пытались приписывать эти неизбежные первые непорядки принципу выборности, казалось, ставившему офицеров в зависимость от солдат. Так, в Западной армии комиссары Конвента Гупийо из Фонтене и Жар-Панвийе, удрученные множеством затруднений, казалось, проистекавших от недисциплинированности солдат, не побоялись потребовать от Конвента отмены выборной системы (18 июня 1793 г.) [16].

«Когда город Ниор оказался в угрожаемом положении, туда направили довольно много новобранцев из соседних департаментов. Если бы у нас ко времени их прибытия были командные кадры, чтобы их там распределить по местам, закон был бы выполнен без затруднений и укомплектованные командными кадрами части волонтеров могли бы уже принести большую пользу. Но этого не произошло. Прибывали войска без командиров, не знавшие никакого порядка, никакой дисциплины. Враг был у наших ворот. Нужно было создать временную организацию, чтобы генералы знали, кому им отдавать приказания, и чтобы каждый знал, кто должен приказывать и кто — повиноваться. Что же произошло? Эта временная организация, которая повелительно диктовалась обстоятельствами, слишком упрочилась. Одни приобрели привычку приказывать, другие стали доверять исключительно тем, кого они для себя избрали. Из этого следует, что ныне, когда мы хотим в соответствии с одним из ваших постановлений, одобренных Национальным Конвентом, удвоить численность рот, прибывающих из Северной армии [т. е. удвоить число солдат в ротах, имевших слишком большой командный состав], мы сталкиваемся с величайшими затруднениями. Офицеры, ревниво оберегающие свою власть, которую они утратили бы, если бы их часть была включена в состав [линейных] войск, воздействовали на своих солдат. Офицеры не говорили им, что ими движет единственное желание сохранить свои эполеты и свое жалованье. Но они внушали своим солдатам, что, смешавшись с солдатами линейных войск, они будут терпеть от них притеснения и подвергаться дурному обращению всякого рода. Честные сельские жители, чье умственное развитие, к сожалению, отстает от их патриотизма, поверили своим офицерам, и их упорное нежелание влиться в состав [линейных] частей ставит нас перед тяжелой альтернативой — применить строгость или же оставить закон невыполненным. Сегодня утром один или два батальона собрались на площади. Был отдан приказ, чтобы часть их присоединилась к одному воинскому соединению, а остальные — к другому. Приказ не был выполнен. Сопротивление оказалось весьма упорным, и полковник Дюфур [17] был вынужден приказать арестовать всех офицеров. Эта мера, которая, как думали, должна была возыметь некоторый эффект, оказалась бесполезной. В конце концов нам пришлось вызвать гусарский полк и жандармерию и отправиться на площадь...»

А вот наряду с этим отдельным случаем неподчинения волонтеров пример общего неподчинения «трех контингентов», т. е. старых частей, новобранцев и мобилизованных национальных гвардейцев:

«Повсюду в армиях жалуются на полное отсутствие повиновения, оправдать которое не может ничто и которое — это следует сказать — до сего времени и было причиной наших поражений. Командиры частей только делают вид, что повинуются генералам, а солдаты не слушаются своих офицеров. К чему это приводит? Прежде всего, в походе батальон растягивается порой на 2—3 лье. Достаточно появиться двум-трем сотням разбойников, как они обращают в бегство 1000 или 1200 солдат. Кроме того, это приводит к тому, что солдаты разбредаются по деревням и грабят несчастных земледельцев, причем установить виновных невозможно, и это большое несчастье. Ибо уже не один сельский житель с полным на то основанием принимал за разбойников тех, кто должен был прийти, чтобы воспрепятствовать разбою... Этому трудно поверить. Однажды, когда генералы собрались вместе с представителями народа, мы были свидетелями того, как командир одной воинской части заявил, что он и его товарищи выступят против 4 тыс. разбойников только в том случае, если их самих будет не меньше 6 тыс. ...Зло это велико, мы искали его причину. Мы усмотрели ее в долгих формальностях, которые должны быть соблюдены для наказания виновных, а также *в той зависимости, в какой закон держит желающего быть избранным офицера от солдата, которому принадлежит выбор. То, что происходит у нас на глазах, столь пагубно, что, если не будет найдено средство*

16. A. Aulard. Recueil des Actes du Comité de salut publique, avec la correspondance officielle des représentants en mission..., t. IV, p. 598. Гупийо из Фонтене (1753—1823) — нотариус, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Вандея. Жар-Панвийе (1757—1822) — врач, депутат Законодательного собрания, затем Конвента от департамента Дё-Севр.

17. Дюфур (1758—1820) в 1776 г. вступил как солдат в пехотный полк Ниверне, в 1781 г. капитенармус, уволен в 1785 г.; лейтенант первой роты национальных егерей Рошфора в августе 1789 г., затем майор национальной гвардии этого города; избран подполковником, помощником командира 1-го батальона волонтеров Нижней Шаранты в 1791 г.; подполковник, командир своего батальона в феврале 1793 г.; полковник, начальник бригады в армии Кот-де-Ла-Рошель в мае 1793 г., бригадный генерал в апреле 1794 г.

сделать офицера совершенно независимым от солдат, вам придется отказаться от армий. Они станут вскоре лишь беспорядочным скоплением людей, которые, не признавая иного закона, кроме силы, повергнут Республику в величайшую смуту...

Отсутствие повиновения влечет за собой множество злоупотреблений. Солдат, не выполняющий исправно своих обязанностей, неизбежно оказывается праздным. Он выходит из одного кабака только для того, чтобы пойти в другой, и вскоре его жалованье истрачено. Оказавшись без денег, он ищет выхода, и первое, что приходит ему в голову,— продажа его вещей. Вскоре он оказывается лишенным всего. Тогда он является с требованиями и, будучи недисциплинированным, извергает проклятия, встретив отказ; хорошо еще, если он не позволяет себе других эксцессов...»

Комиссары в Бельгии тоже сообщают о такой же недисциплинированности и о таких же эксцессах... Приведу только один отрывок из многих сообщений [18]:

«Есть еще одно величайшее зло, искоренить которое будет очень трудно,— это грабежи и эксцессы, которые позволяют себе войска. Дисциплина в армии падает, и население раздражено против французов».

Итак. Революция не была слепа к порокам военной организации в этот переходный период, длившийся с февраля и до конца лета 1793 г. Она хорошо знала, какие пагубные последствия мог временно повлечь за собой введенный ею в армии принцип демократии, который она хотела развить в ней путем почти полного уравнения порядков в линейных войсках с порядками в частях волонтеров. Но Революция обладала достаточно высоким сознанием, была достаточно уверена в себе самой и в правоте мысли, чтобы не падать духом при первых же препятствиях и просчетах. Она не стремилась к восстановлению подорванной дисциплины путем возврата к олигархической и авторитарной организации армии. Напротив, она поняла, что должна укреплять в армии дух демократии, воспитывать всех офицеров в духе столь очевидной, пламенной гражданской доблести, чтобы ни один солдат не мог сослаться в оправдание своего неповиновения на злую волю или на злонамеренность своих начальников.

«Именно от гражданской доблести генералов и офицеров,— говорится в инструкции Комитета общественного спасения,— следует ожидать восстановления и поддержания воинской дисциплины» [19].

Отказываться от высокого идеала лишь потому, что его достижение вначале трудно и мучительно,— трусость ума. Воображать, что достаточно провозгласить этот идеал, найти для него выражение,— ребячество и пагубная иллюзия. Чем он выше, тем более требует он для своего истинного воплощения огромных усилий доброй воли, благородного терпения, неутомимых действий.

Коль скоро армия является одновременно оплотом и отражением Республики, коль скоро национальная воля проявляется в ней через верховную власть закона, а воля индивидов путем осуществления принципа выборности, необходимо, чтобы Республика непрерывно сообщала армии рвение и энтузиазм. Необходимо, чтобы общее радостное и притом добровольное повиновение закону, начальникам, избираемым и находящимся под усиленным контролем, было связующим звеном между гражданами и солдатами.

«Одна из самых существенных обязанностей представителей народа — снискать доверие генералов [20]. Средства снискать его должны быть великими, возвышенными, как и те полномочия, которыми они облечены. Генералы не должны усматривать в контроле со стороны представителей народа оснований для недоверия и беспокойства; они должны видеть в них только граждан, облеченных широкими полномочиями для оказания им существенной помощи, для поддержки их своим влиянием и усиления общественного доверия к ним.

Чем большее значение должен иметь надзор, тем более активным он должен быть. Представители народа должны интересоваться обликом генералов; они должны знакомиться с их принципами, с их тактикой, с их действиями, с их поведением. *Душа республиканского героя раскрывается в ответ на доверие и презирает притворство и хитрость.*

Необходимо, чтобы генерал был облечен большим доверием, чтобы он чувствовал это, был в этом убежден; нужно, чтобы он пользовался большой свободой, большой независимостью, если хотят, чтобы у него возникали великие замыслы и счастливые планы.

Отношение представителей народа к генералам будет способствовать смелости и возвышенности их намерений и их начинаний. Они будут отмечать все то, что может быть великого, полез-

18. «Actes du Comité de salut public...», t. IV, p. 149, письмо Карно и Дюкенуа от 13 мая 1793 г. из Дюнкерка.
19. Борьба против падения дисциплины была в 1793 г. предметом наибольшей озабоченности Комитета общественного спасения, командированных представителей и генералов. «Любите дисциплину— творца победы»,— призывали Сен-Жюст и Леба Рейнскую армию. Дюбуа-Крансе в своем докладе от 7 февраля 1793 г. так определил новую дисциплину для новой армии: «Нет, дисциплина, основанная на справедливости, предписываемая справедливостью и доверием, подчиненная законам, поражающим виновного независимо от его чина, не будет уничтожена, ибо она в сердце почти каждого человека».
20. «Actes du Comité de salut public...», t. IV, p. 23. Инструкция, датированная 7 мая 1793 г., была озаглавлена: «План работы, надзора и связи, предложенный Комитетом общественного спасения представителям народа, командированным в армии Республики».

ного и заслуживать поддержки, только все отважное и смелое... Если среди высших офицеров и офицеров и унтер-офицеров всех званий найдутся еще французы, недостойные этого имени, люди, которые не посвящают себя целиком сохранению равенства и Республики, то народные представители отстранят их и заставят немедленно заменить их, *как то предписано законом от 21 февраля*, а если обстоятельства не позволят заменить их предписанным образом, то они допустят, только на 15 дней, к исполнению их обязанностей военных более низкого звания, известных своей гражданской доблестью.

Они прикажут отстранить всех подозрительных офицеров и распорядятся об удалении их на расстояние 20 лье от границы и расположения армий.

Они будут поддерживать братские отношения с солдатами отечества; они будут часто посещать их, возбуждать их рвение; они дадут им почувствовать преимущества дисциплины, делающей армии непобедимыми, делающей их грозными для врагов, научающей их использовать успех и сплачиваться при неудачах, поддерживающей мужество, дающей им почувствовать свою силу и свои возможности и предотвращающей бегство с поля боя и поражения; они будут выслушивать солдат, принимать от них жалобы, просвещать их, узнавать об их нуждах. Они будут говорить им о том, с каким вниманием относится Конвент ко всему, что касается армии...

Они будут рассказывать солдатам о деятельности Национального Конвента, о возможностях, какие он открывает для предприимчивости, для всеобщего процветания. Они будут наставлять их в принципах равенства, республиканизма и воинской дисциплины...

Они будут всячески заботиться о госпиталях, будут их посещать, утешать людей, ставших жертвами почетной борьбы за свободу; они не покинут этих госпиталей, не ознакомившись с их порядками, не уверившись в том, что раненые обслуживаются с самоотверженностью, диктуемой человечностью... Нечего и говорить о том, что в госпиталях не должно быть нехватки коек и матрацев поскольку они имеются в домах граждан».

В этом духе человечности и доблести, дисциплины и свободы, непрестанно внушаемом армиям, Революция и будет претворять в жизнь в своих установлениях и нравах принципы закона от 21 февраля. Не ощущается ли — заметим мимоходом — в этой превосходной инструкции, несколько отрывков из которой я привел, благородный и мягкий, великий и убедительный образ мыслей Барера? [21] Это живое нравственное истолкование организационного закона, предложенного Дюбуа-Крансе в феврале. С августа 1793 г. этот закон начнут применять повсюду [22].

НАБОР 300 ТЫС. СОЛДАТ

Но в феврале недостаточно было определить будущую организацию армии. Нужно было создать или, вернее, укомплектовать эту армию. Другой закон, от 24 февраля, предписывал набор 300 тыс. солдат [23]. Это уже не был, как во времена Законодательного и Учредительного собраний, простой призыв к свободной воле; каков бы ни был порыв страны, волонтеров оказалось бы недостаточно для создания мощных армий, в каких нуждалось революционное отечество. Это еще не был общеобязательный призыв, всеобщая воинская повинность. Дюбуа-Крансе и Обри, несколько опережая предстоящую необходимость, не побоялись высказать мысль, вначале ужаснувшую Революцию,— что военная служба есть первая обязанность всех граждан, налагаемая на них законом [24].

Конвент остановился на промежуточной системе, которая, в сущности, в зародыше была всеобщей воинской повинностью. Контингент 300 тыс. человек должен был быть распределен между всеми департаментами пропорционально численности их населения. Директория каждого департамента должна была затем распределить департаментский контингент между дистриктами, а последние — между коммунами. Таким образом, в конечном итоге каждая коммуна должна была поставить новобранцев. При этом принималось в расчет число волонтеров, уже данное этой коммуной. Как только муниципальные чиновники получали извещение о числе солдат, которых должна была выставить их коммуна, они должны были сообщить об этом гражданам, созванным для этой цели. В течение первых трех дней после этого первого извещения должен был быть открыт список, куда добровольно записывались желающие посвятить себя защите отечества.

В случае если запись волонтеров не давала числа солдат, намеченного для каждой коммуны, граждане должны были безотлагательно дополнить его и для этого применяли способ, признанный ими наиболее подходящим,— либо жеребьевку, либо выборы боль-

---

21. Простое предположение... См. ниже, с. 179, прим. 30.
22. О применении закона об амальгаме см. выше, с. 165, прим. 12.
23. «Moniteur», XV, 350; «Archives parlementaires», LIX, 141.
24. В своей речи 12 декабря 1789 г. Дюбуа-Крансе потребовал «действительно национального набора, который бы охватил каждого второго в стране — и последнего активного гражданина, и пассивных граждан», т. е. всю нацию, за исключением короля. Жорес придавал этой речи большое значение в своей книге «L'Armée nouvelle» (с. 209 издания 1915 г.). Обри (1747—1798)— капитан артиллерии, мэр Нима в 1790 г., депутат Конвента от департамента Гар, специалист по военным вопросам.

шинством голосов [25]. Каков бы ни был способ, принятый для граждан, собранных для пополнения контингента, пополнение могло быть взято только из числа холостых или бездетных вдовцов в возрасте от 18 до 40 лет включительно.

Каждый гражданин, призванный для защиты отечества, имел право найти себе заместителя в лице гражданина, способного носить оружие, в возрасте не менее 18 лет, которого согласился бы принять генеральный совет коммуны. Граждане, нашедшие себе заместителей, должны были за свой счет их вооружить, снарядить и одеть и несли за них ответственность до того момента, пока они не будут приняты в назначенную им воинскую часть.

Это, как мы видим, была комбинация добровольного вступления в армию с принудительным набором. В сущности, за исключением права замены, концепция была демократической и эгалитарной. Почему Конвент разрешил гражданам находить себе заместителей? Не пережиток ли это бережного отношения к «аристократии богатства», льгота для буржуазии? Или же Конвент думал, что многие буржуа, мало привычные к трудной и суровой военной жизни, окажутся худшими солдатами, чем крепкие парни, которыми они могли бы заменить себя, заплатив за это? Расчет в этом случае оказался неудачным, так как в качестве заместителей являлись бедняки, ослабленные и почти истощенные. Некоторые даже мошенничали и, желая не раз получить вознаграждение, предлагали свои услуги в нескольких коммунах, а в Париже — в нескольких секциях, что наносило довольно значительный ущерб. Весьма возможно, что Конвент соблазнила мысль заставить богатых участвовать в военных расходах, поскольку они должны были снаряжать и вооружать своих заместителей. Но эта система, дискредитированная мошенничеством и злоупотреблениями, вскоре придет в столкновение с духом равенства.

Любопытно, что Конвент позволил каждой коммуне назначать путем голосования тех, кто должен был уйти в армию. Могло случиться, что какая-нибудь группа в деревне, злоупотребив своим численным превосходством над другой, направит в армию членов этой другой группы. Могло также случиться, что контрреволюционное большинство в коммуне отправит в армию патриотическое меньшинство, или наоборот. Наконец (и несколько позднее это, несомненно, произошло бы во многих пунктах, если бы такая система продолжала существовать), не была исключена возможность того, что бедняки, пролетарии сговорились бы отправлять в армию богатых, буржуа, собственников коммуны, чье имущество, таким образом, оказалось бы без присмотра и стало бы поживой для неимущих. Не для того ли, чтобы воспрепятствовать таким действиям, Конвент и предусмотрел возможность замены?

Знаменательно, что вопреки ожиданиям буржуазия во многих коммунах предпочла систему избрания системе жеребьевки. Во многих пунктах влияние богатства, собственности еще преобладало, и богатые могли надеяться на то, что бедные не осмелятся остановить свой выбор на них. Во всяком случае, довольно неожиданным следствием явилось то, что возможность замены вскоре подала мысль о принудительном займе у богатых. Раз они могли не идти на войну, раз им разрешалось благодаря своему состоянию откупаться от военной службы и от личного участия в защите отечества, то недостаточно, чтобы они помогали ей, неся расходы только на вооружение и снаряжение своих заместителей. Раз они не желали лично служить отечеству, служить ему должно было их состояние.

Каким образом надеялся Конвент привлечь жителей страны в армии? Какими средствами возбуждал он рвение волонтеров? Прежде всего, демократической и народной организацией армии, обеспечивавшей солдатам в лагерях права и гарантии граждан, а также открывавшей всем доступ к званиям, предоставляемым общей волей. Затем, Конвент предлагал солдатам довольно соблазнительные реальные преимущества материального порядка. Он обеспечивал им либо пенсии, либо вознаграждения и даже разрешал им посредством хитроумной комбинации приобретать национальные имущества.

«Ни один офицер, ни один солдат,— говорит Дюбуа-Крансе,— не будет бояться увольнения; ни один из них не будет бояться остаться калекой или отверженным; умирая, ни один из них не будет сомневаться в том, что нация осушит слезы его семьи. Комитет предлагает больше. Пенсия — вознаграждение непостоянное, умирающее вместе с ее получателем; она не избавляет от тоски, вызываемой полной бездеятельностью, причем прихоть Собрания или неотложные нужды нации могут приостановить или отменить ее выплату. *Комитет предлагает вам предоставить пенсионерам право покупать национальные имущества и отдавать в уплату полагающуюся им пенсию на основе выкупа из расчета 10% стоимости национального имущества. Такое же преимущество предоставляется вдовам и детям солдат, павших в борьбе с врагом. Итак, изувеченный солдат должен получать не менее 240 ливров; это*

25. Статья 11. Статья эта, предоставлявшая заинтересованным лицам самим выбирать желательный для них способ — жеребьевку или назначение голосованием... явилась причиной больших затруднений. Отказ Конвента уточнить способ назначения перенес ответственность на местную администрацию — положение тем более опасное, что власть этих администраций часто оспаривалась. Это значило отдать набор на волю случая, игры страстей и личного соперничества. См. ниже.

соответствует недвижимости стоимостью в 2400 ливров, которой его вознаграждает нация, если он предпочитает ее пенсии. Найдется ли после этого человек, который, посвятив всю свою жизнь службе нации, будет еще считать возможным сохранить в своей душе тревогу или недовольство?»

Таким образом Революция достигала двойной цели: она облегчала набор в армию, обеспечивая будущее солдат, и умножала узы, привязывавшие нацию к новому порядку. Солдаты уходили на войну, мысленно видя поля, луга, виноградники, которые они получат от отечества по возвращении. И люди того времени, воспитанные на примерах античности, говорили: «Это напоминает римских ветеранов, получавших земельные наделы». Это было лучше, чем в Риме, ибо для римского ветерана этот земельный надел был лишь гарантией благополучия, а солдат Революции получал частицу свободной земли, частицу свободы.

Закон уточнял, что для обеспечения выплаты солдатских пенсий должна быть предусмотрена сумма 400 млн. за счет подлежащих продаже национальных имуществ [26].

Но Революция создавала армии главным образом пылом своего героического порыва. Конвент на короткое время забыл о своих разногласиях и о разделявшей его ненависти, чтобы выразить в великолепном призыве всю душу нового отечества. Иснар «в порыве патриотического энтузиазма» написал эту бессмертную страницу, восторженно одобренную всем Конвентом [27]. Никогда страстное стремление к всеобщей свободе и неувядаемой славе не выражалось в более блистательных и более восторженных словах. В коротких быстрых фразах, исполненных движения и как бы рожденных порывом к победе, Иснар воодушевляет на бой всех граждан Франции. Да, перед нами грозная коалиция; да, «свободная Франция должна одна бороться против порабощенной Европы». Но «счастье улыбается смелости, а победа — мужеству. Мы обращаемся к вам, победители под *Марафоном*, *Саламином* * и *Жемаппом*!».

Кто в силах перенести мысль, что свобода может исчезнуть? Кто в силах снести возврат старого порядка? Нет, нет! «Вся Франция превратится в лагерь, а вся нация — в армию. Пусть ремесленник покинет свою мастерскую, пусть купец прекратит свои дела; завоевать свободу — более настоятельная необходимость, чем приобрести богатство. Пусть в деревнях останутся только необходимые рабочие руки: прежде чем возделывать поле, надо его освободить».

И Франция сражается не ради себя одной, в ее руках будущее и судьбы всего мира.

«Никогда еще подобное дело не волновало людей и не выносилось на суд войны. Дело идет не об однодневном интересе, а о вечных интересах; не о свободе одного народа, а о свободе всех народов».

Как безгранична будет печаль, какое несчастье для рода человеческого, если освободительная Революция будет побеждена! И какой позор для Франции, если она не сможет ее спасти!

«Ваше поражение повергает землю в скорбь и орошает ее слезами. Свобода бежит этих печальных пределов, и *вместе с нею гаснет надежда рода человеческого*... Еще долго, после того как вас не станет, несчастные люди будут приходить на ваши могилы, потрясая своими цепями, и проклинать ваш прах. Но если вы победите, с тиранами будет покончено; народы обнимутся и, стыдясь своего долгого заблуждения, *навсегда погасят факел войны*».

Так пусть же Франция соразмеряет свои усилия с необъятностью своего долга и возлагаемых на нее надежд! Пусть все второстепенные разногласия исчезнут, дабы все усилия отечества спасли будущее!

«Каковы бы ни были ваши мнения, дело у вас общее: все мы — пассажиры на корабле Революции; он вышел в море, он должен достигнуть берега или разбиться. Никто не спасется при этом кораблекрушении. Для нашего общего спасения есть лишь одно средство. Нужно, чтобы все граждане сообща образовали могучий колосс, который, выпрямившись во весь свой рост перед нациями, схватил бы своей разящей рукой меч нации и, пустив его в ход на земле и на море, разгромил армии и флоты».

Какое необычайное опьянение войной и миром, святым разрушением и священным созиданием, свободой и силой, гневом и кротостью! Факел войны своей последней, мощной вспышкой освещает вдали широкие горизонты мира.

Охваченная трепетом Франция поднялась; во многих коммунах число волонтеров превысило намеченный контингент. В некоторых местах молодые люди оспаривали друг у друга честь вступить в войска. В одной из коммун на поле воткнули пику, и четырнадцать человек, первыми добежавшие до нее, были отобраны, чтобы представлять деревню под знаменами свободы [28].

---

26 «Archives parlementaires», LIX, 165.

27. «Moniteur», XV, 539; «Archives parlementaires», LIX, 122, заседание 23 февраля 1793 г. Иснар Анри Максимен (1751—1825) — негоциант-парфюмер в Драгиньяне, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Вар.

* Речь идет о Марафонском сражении 490 г. до н. э. во время греко-персидских войн, в котором греки нанесли поражение персам. В Саламинском сражении 449 г. до н. э. афинский флот разгромил превосходивший его в силах финикийско-киликийско-кипрский флот, действовавший на стороне персов.— *Прим. ред.*

28. В действительности набор 300 тыс. солдат породил величайшие трудности. Казнь короля, агитация непокорных священников, жестокая борьба между жирондистами и монтаньярами создали атмосферу неуверенности. Колебания Конвента, его отказ уточнить способ назначения увеличивали затруднения. 9 марта 1793 г. Конвент, сознавая опасность положения, направил в каждый

Этот порыв был поддержан силой науки и изумительными успехами техники, которым благоприятствовала атмосфера энтузиазма. Я уже говорил, какую мощную и искусную артиллерию унаследовала Революция. В конце декабря 1792 г. Гавернер Моррис отмечал ее силу [29]:

«Она, бесспорно, лучшая в Европе *и не перестанет быть таковой по двум причинам.* Во-первых, француз от природы лучший артиллерист, чем всякий другой, поскольку в его характере и, если можно так выразиться, в его крови — действовать стремительно, без размышлений. Поэтому он очень искусен во всем том, что должно выполняться с первого взгляда, мгновенно... Во-вторых, эти природные склонности в нем развивались. Заслугой умелых людей, ранее стоявших во главе военного ведомства во Франции, было то, что они знали характер тех, кем им приходилось управлять. Поэтому они старались добиться совершенства в том, в чем французы могли его достичь. Они отказались от формирования больших колонн пехоты, двигающихся с леденящей четкостью немецкой дисциплины. В результате этого нынешняя французская армия менее, чем это можно было бы предполагать, отличается от того, чем были французские армии прежде. Тот же дух энтузиазма, то же презрение к опасности, тот же дерзкий натиск и то же нетерпение отличают и ныне нацию, населяющую страну, некогда бывшую древней Галлией».

Итак, в мае 1793 г. Барер сказал представителям в миссии [30]

«Они будут следить за поразительными успехами французской артиллерии и поощрять их».

Так в армии, которую создали в начале 1793 г. для борьбы против коалиции держав Европы, сила Революции, чудесно сочетавшаяся со стремительностью национального гения, дополнялась силой науки. Нет, деспоты не одолеют свободы, и даже если Революции в конце концов суждено себя исчерпать в длительной борьбе и внутренних раздорах, то все же Революция с достаточно прожила, достаточно сражалась, достаточно создала и достаточно излучала свет, чтобы ее невозможно было отныне отделить от жизни человечества.

Иснар говорил в своем возвышенном обращении к французам

«Вам говорят, что нас разделяют разногласия; не вздумайте поверить этому. Если наши мнения и бывают различны, то наши чувства те же. Расходясь во мнениях о средствах, мы стремимся к одной цели. Наши обсуждения бывают бурными. Что ж из того! И как не горячиться, споря о столь важных интересах? Страстная жажда блага — вот что так сильно волнует нас, но, как только декрет принят, шум смолкает, а закон остается».

Это была прекрасная иллюзия согласия, ибо все возвещало в близком будущем великие раздоры!

Глава третья

БЕШЕНЫЕ ПРОТИВ ДОРОГОВИЗНЫ

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СИЛЫ В ПАРИЖЕ

Казнь Людовика XVI возбудила революционные страсти. Она дала Революции почувствовать горький вкус смерти. Под влиянием опасностей, все возраставших из-за войны и внутренних разногласий, кое-кто начинал думать, что решением вопроса является гильотина и что в смерти короля она не исчерпала своей умиротворяющей силы. В феврале якобинцы без всякого протеста выслушали зловещие слова: «Надо пройтись по Франции национальной бритвой [гильотиной]» [1]. И все-таки гильотина еще не была

департамент двух своих членов, облеченных весьма широкими полномочиями Наиболее серьезные беспорядки произошли в западных департаментах Если в департаменте Иль и Вилен энергичные действия такого человека, как Бийо-Варенн, задушили мятеж в его зародыше, то в департаменте Мен и Луара, на границах Анжу и Пуату, в области Мож 10 марта 1793 г. в связи с набором вспыхнуло восстание

29. «Mémorial de Gouverneur Morris », t II, p 220, письмо от 21 декабря 1792 г Вооружение революционных армии было таким же, как и королевской армии старого порядка· ружье образца 1777 г. с точным боем до 100 м, артиллерия Грибоваля, главным образом пушки стреляющие четырехфунтовыми ядрами (дальнобойность — 400 м) Грибоваль Жан Батист (1715—1789) — волонтер полка королевской артиллерии в 1735 г, главный инспектор артиллерии в 1776 г Благодаря его реформам французская артиллерия в эпоху Революции была лучшей в Европе См.: Matti Lauerma L'Artillerie de campagne française pendant les guerres de la Révolution. Évolution de l'organisation et de la tactique Helsinki, 1956

30 Жорес приписывает Бареру составление Инструкции Комитета общественного спасения для представителей в миссии, датированной 7 мая 1793 г. См выше, прим. 20 и 21.

1. A. Aulard. La Société des Jacobins. T V, p. 18, заседание 4 февраля 1793 г. На деле требования террора были связаны с проблемой продовольствия. «Чтобы уничтожить бич скупки, надо поставить гильотину около амбаров и показать пример»

поставлена в порядок дня. Но неясная мысль покончить таким образом с Жирондой начинала приобретать более четкие очертания. Судебный процесс короля дал против жирондистов грозный довод: «Они хотели спасти тирана».

Революционные группировки, бывшие столь активными с конца июля и до конца сентября 1792 г., в течение всех событий 10 августа, а затем склонившиеся перед высшим авторитетом Конвента, снова собирались и волновались. Они намеревались оказать давление на Конвент, добиться от него более действенных мер в экономической, социальной, а также в политической областях.

До 10 августа 1792 г. революционную силу составляли делегаты секций и федераты, призванные в Париж. Эта революционная сила, направленная главным образом против королевской власти, против Тюильри, занимала по отношению к Коммуне сложную и искусную позицию. Она полностью главенствовала над ней и использовала ее. Она использовала в своих интересах большую популярность Петиона, не связывая себя с ним, когда он проявлял слабость. Существовала своего рода незаконная Коммуна, действовавшая бок о бок с законной Коммуной и использовавшая ее, прежде чем занять ее место. Был момент, когда революционная Коммуна 10 августа была хозяином Парижа и одной из главных сил Революции [2].

В декабре 1792 г. и в январе 1793 г. временная Коммуна, наследница революционной Коммуны 10 августа [3], еще сохраняла за собой достаточно обширное поле деятельности. Через своего прокурора Шометта и его заместителя Эбера она поддерживала связь с народными элементами [4]. Однако она уже не обладала достаточной силой, достаточной дерзостью, чтобы выступать против Конвента и навязывать ему проведение более смелой политики. Ее немного стеснял симпатизировавший жирондистам мэр Шамбон [5]. А главное, она, как всякая долговременная власть, малопомалу встала на путь легальности. Она была зажата Конвентом в грозные тиски. Часто призываемая к барьеру Конвента, чтобы дать отчет о положении в Париже, несколько смущенная воспоминаниями о сентябрьских событиях, от которых все отрекались, она более уже не была способна на великое стихийное революционное усилие. Эбер и Шометт вполне могли присоединиться к народному движению, но у них не было ни достаточной решимости, чтобы его вызвать, ни достаточного упорства и последовательности, чтобы его организовать. Поэтому если самая пылкая и самая нетерпеливая часть народа Парижа хотела добиться устранения жирондистов, таксации продуктов и объявления войны богатым, если она хотела толкнуть на все это Конвент и даже принудить его к тому силой, то она не могла рассчитывать на непосредственные и прямые действия Парижской коммуны.

Движущая сила была не там. Она была в секциях и в федератах. У последних, когда в конце июля 1792 г. они прибыли в Париж, была лишь одна цель: спасти свободу, сражаясь с королем. Они не участвовали в распре между Робеспьером и Бриссо. Они не делали различия между жирондистами и монтаньярами. В своих симпатиях они склонялись скорее на сторону Жиронды, потому что она была тогда на первом плане Революции и потому что марсельские федераты [6] были особенно расположены к Барбару. Но они без всяких возражений расположились совсем близко от Клуба кордельеров и связались с Дантоном; и вскоре они проникались духом Парижа, все более и более враждебным Жиронде. Сам Барбару в письме, посланном им 30 января марсельским друзьям, с горечью, почти с отчаянием отмечает перемену, происшедшую в настроении федератов [7]:

«Тогда министр Паш изменил свой образ действий и решил лестью и подкупом привлечь на свою сторону военных, с которыми он вначале обошелся дурно и которым больше месяца отказывал в двух пушках... Вы знаете, что в казарме марсельцев образовалось общество федератов. Утверждали, что это было делом моих рук. Заверяю вас, что я там появился только через пятнадцать дней после его основания и был восхищен царившим в нем порядком и бодрым духом. Вы можете об этом судить также по письмам, которые оно вам писало, и по обращениям, какие оно вам пересылало; к этому обществу вскоре присоединилось множество патриотов, число которых быстро возрастало. Попытки совращения предпринимались даже в самом обществе. Мне кажется, я уже рассказывал вам, что во время одного из его заседаний мы обнаружили

---

2. См.: Ж. Жорес. Социалистическая история Французской революции, т. II, с. 599: «Повстанческая Коммуна указывает Собранию, в чем состоит его долг». См.: F. Braesch. La Commune du 10 août 1792. Étude sur l'histoire de Paris du 20 juin au 2 décembre 1792. Paris. 1911.
3. На основании декретов Конвента от 24 и 29 ноября 1792 г. были проведены муниципальные выборы с целью обновления состава Коммуны. Новая Коммуна собралась 2 декабря 1792 г.
4. Эбер был перезбран секцией Бонн-Нувель, Шометт — секцией Французского театра. Шометт был переизбран как генеральный прокурор-синдик, Эбер — как его первый заместитель. Шометт Пьер Гаспар (1763—1794) — студент-медик, сотрудник газеты «Révolutions de Paris» в 1790 г., член Коммуны 10 августа. Эбер Жак Рене (1757—1794) — контролер в театре Варьете в 1786—1788 гг., издавал листок «Père Duchesne», член Коммуны 10 августа.
5. Шамбон Никола (1748—1826) — врач, инспектор военных госпиталей в 1789 г., чиновник финансового ведомства города Парижа в 1791 г., был избран мэром, одержав победу над Люлье, кандидатом якобинцев. («Moniteur», XIV, 626, 634.)
6. См.: Ж. Жорес. Цит. соч., т. II, с. 565, «Марсельский батальон».
7. «Mémoires inédits de Pétion... suivis des Mémoires de Buzot et de Barbaroux», édités par C.-A. Dauban. Paris, 1866, p. 476.

вдову Паш, тетку Паш девицу Паш, Гассенфраца Менье, Одуэна Лемера и многих других служащих военного министерства которые как раз в тот момент, когда нужды армии требовали их присутствия в канцеляриях, а именно в семь часов вечера, обрабатывали наших марсельцев [8] Последние не дали одурачить себя этими ухищрениями, и тогда были придуманы иные средства Не знаю всех подробностей, да и не хочу знать вещи, которые заставляют содрогаться, несомненно одно — нашим канонирам не раз устраивали обеды, и даже командир имел слабость уступить этим соблазнам он который все-таки знал о кознях, которые замышляли против общественного блага, ведь это ему предложили напасть на Национальный Конвент Результатом этих празднеств явилось то, что наши марсельцы оказались связанными со всеми теми, кто дурно с ними обошелся. Я говорю «наши марсельцы» хотя следует сделать много исключений. В то же время в Марсель пришло множество писем, где клевещут на меня, а в Париж поступили обращения с обвинениями по моему адресу. Я подвергался опасностям; о них я не говорю, но судите сами, каким должно было быть состояние батальона среди всех этих волнений»

Если кажется, что в тот момент, когда роты марсельских федератов требовали возвращения в Марсель, произошло сближение между ними и жирондистами, то это одна только видимость Федераты, естественно, желали возвратиться в свой родной город — Марсель, и их депутат Барбару поддерживал их просьбу перед Конвентом. Он мог надеяться таким образом вновь завоевать среди них популярность. К тому же для Жиронды не было никакого интереса держать в Париже людей, которые под влиянием Парижа отходили от нее. Монтаньяры, правда, казалось, не дорожили этим марсельским батальоном, для привлечения которого на свою сторону они затратили столько усилий, поскольку они запрещают ему вернуться в Марсель и передают его в распоряжение военного министра, который, если захочет, может отправить его на фронт [9]. Гора опасалась, как бы Жиронда не обратилась с новыми призывами и, отправляя федератов на военную службу, заранее обескураживала тех из них, которые прибыли бы в Париж, чтобы поддержать жирондистов. Но в действительности многие федераты позволили крайним партиям увлечь себя и могли стать для революционных групп парижских секций весьма ценными союзниками.

Благодаря им Париж и в самом деле рос за счет Франции Делегаты секций выступали в Конвенте уже не только от имени Парижа, но и от имени всего революционного народа Франции представленного самыми преданными патриотами. Объединившись с федератами, они составляли всю революционную нацию, и было бы замечательно раздавить Жиронду с помощью федератов, которых она призвала для своей защиты Тактика самых энергичных секций состояла поэтому в том, чтобы объединиться с делегатами,

создав своего рода организацию, и постепенно вовлечь в свои дела и связать с собой Коммуну, что позволило бы им сломить сопротивление Конвента.

Начиная с декабря революционный гнев в секциях стал нарастать Как? 10 августа убивали народ по приказу короля, а пять месяцев спустя Конвент еще не судил убийцы! Конвент колебался, спорит Как? Весь мир, поднятый тиранами, вооружается, чтобы отомстить за смерть тирана! К тому же нужно отправляться к границам, покинуть лавку и мастерскую, а между тем те, кто своими колебаниями при решении участи короля ободрил всех деспотов продолжают править и господствовать в Конвенте! Как? Народ проливает свою кровь, и в то время, как он отдает все силы ради спасения отечества, его разоряют, обрекают на голод неуклонным повышением цен на продукты! И закон не карает биржевых дельцов обесценивающих бумажные деньги, скупщиков повинных в дороговизне жизни! Пусть народ организуется, пусть действует, пусть поможет демократам из Конвента, слишком робким слишком скованным соблюдением строгой законности, изгнать всех изменников и покарать всех спекулянтов! Пусть он поможет им и пусть он заставит их!

30 декабря была первая проба организации, первая попытка революционного давления когда делегаты 18 секций, вместе с ранеными во время событий 10 августа, явились в Конвент требовать, чтобы он ускорил вынесение смертного приговора королю [10].

Организация приобрела более определенную форму и укрепила свои позиции 17 января в ходе совместной с Парижской коммуной манифестации Мы читаем в протоколе, напечатанном в «Монитер» [11]

«*17 января* — Вчера депутация федератов явилась в Совет пригласить его присутствовать сегодня при братской церемонии, которую они собирались устроить на площади Карусели, где 10 августа погибли их братья. Было решено, что все члены Совета будут участвовать в этой церемонии и принесут там *вместе с федера-*

8 Гассенфрац (1755—1827) — химик, сотрудник Лавуазье член Коммуны 10 августа начальник материальной части в военном министерстве Одуэн Ксавье (1766—1837) — викарий в Лиможе, член Коммуны 10 августа секретарь Паша в военном министерстве Служащие канцелярий военного министерства славились своим патриотизмом.

9 9 февраля 1793 г Конвент предоставил батальоны федератов в «распоряжение исполнительной власти» («Moniteur» XV, 408.)

10 «Moniteur» XV, 7, B u c h e z et R o u x XXII 151, «Archives parlementaires», LVI 72.

11 «Moniteur» XV, 166.

тами 84 департаментов, марсельцами и 48 парижскими секциями братскую клятву.

Сегодня утром Генеральный совет утвердил клятву в следующей форме: «Мы все клянемся быть верными французской нации и закону; хранить единство и неделимость Республики; не страшась смерти, защищать священные права человечества, свободу и равенство. Наконец, мы взаимно клянемся друг другу в неразрывном единении и братстве. Клянемся также вести вечную войну со всеми тиранами, под каким бы именем они ни выступали».

Днем в половине первого Совет отправился на площадь Карусели, где собрались федераты из Марселя и департаментов и граждане из секций. Все обменялись гражданскими поцелуями и вместе дали клятву. При возвращении члены Коммуны смешались с федератами и вместе с ними вошли в зал Совета, который еще никогда не был так полон.

Прокурор Коммуны [Шометт] потребовал, чтобы запись о событии этого дня была вырезана на камнях Бастилии и чтобы такой камень был послан каждому из 84 департаментов, наконец, чтобы на площади Карусели было посажено дерево под названием «*Дерево братства*».

Это предложение было принято под бурные аплодисменты.

Многие федераты поочередно брали слово и от имени 84 департаментов клялись в единстве и братстве со своими братьями парижанами.

Вновь стали обмениваться братскими поцелуями. Наконец, все граждане разошлись и под звуки барабана танцевали «Карманьолу» на площади Общего дома [ратуши.— *Ред.*]».

Таким образом, федераты, первоначально сами привлеченные на сторону крайних революционных партий, начали распространять свое влияние на Коммуну: они были действенной силой и мало-помалу стали побуждать ее к действию.

ПЕТИЦИЯ ОТ 3 ФЕВРАЛЯ 1793 Г.

Но в самом Конвенте новая организация официально появилась только 3 февраля. «Петиционеры-федераты, именуя себя,— говорит протокол,— защитниками единой и неделимой Республики», выступают в защиту Паша. А главное, «депутация от 48 парижских секций, от Генерального совета и от *объединенных защитников 84 департаментов*» требует издания законов против спекуляции бумажными деньгами [12]. Так же как в первые дни августа революционные секции поставили во главе себя мэра Парижа Петиона, чтобы соблюсти по возможности более законные формы и навязать таким образом свои требования Законодательному собранию, так и теперь депутацию представляет и от ее имени говорит подавший накануне в отставку бесхарактерный мэр

Парижа Шамбон. Под прикрытием закона новая организация вступает в зал заседаний Конвента.

В декларациях и манифестах этих революционных групп сразу поражает преобладающая озабоченность вопросами экономики, подчеркивание социальных требований. Даже когда они, казалось бы, преследуют исключительно политическую цель, даже когда они требуют, чтобы Конвент ускорил казнь тирана, то отнюдь не из политических соображений, не для укрепления свободы, не для наказания изменников, не для устрашения деспотов или, во всяком случае, не главным образом для этого. Людовик, можно сказать, был для них олицетворением долговечного порядка несправедливости и нищеты, даже воспоминание о котором они хотят стереть, и в их речах звучит какой-то особый социальный гнев, даже более глубокий, чем конфликт между монархией и республикой, между свободой и тиранией. Жалость к королю кажется им надругательством над их самыми мучительными страданиями, ибо они незаслуженны, и оскорблением самой человечности, которое ждет наконец возмездия.

«Эта женщина, которая проливает сегодня слезы об участи Людовика Капета, пошла посмотреть, как убивают на перекрестке отца семейства, который, возмутившись злодейством скупщика, счел возможным уплатить по более низкой цене за необходимое ему продовольствие.

Мы, будучи более справедливыми, выступим не в защиту тирана, а против тирана, в защиту всего человечества. Мы требуем наказания Людовика *от имени человеческих существ, замученных с малолетства при царстве угнетения каторжной работой и нищетой*; мы требуем его наказания от имени всех тех, кто со времени восшествия Людовика на трон был принесен в жертву роскоши и расточительности его двора; от имени патриотов, павших в колониях под мечом контрреволюционеров, оплаченных Людовиком; от имени жертв, погибавших до 1789 г. в государственных тюрьмах; от имени невинных, погибавших под пытками при допросах вплоть до того момента, пока всеобщее негодование не заставило его уничтожить во Франции этот ненавистный порядок; от имени несчастных, погибших на эшафоте по решению невежественных или несправедливых судей, которым он продал право творить суд; *от имени всех умерших в приютах для нищих и увечных* из-за

12. «Moniteur», XV, 355; «Archives parlementaires», LVIII, 182. В конце декабря 1792 г. федераты образовали политическое объединение, проводившее свои заседания в зале Якобинского клуба, под названием *Объединенные защитники 84 департаментов*, или *Защитники единой и неделимой Республики*. О петиции от 3 февраля 1793 г. и о народном движении в целом против дороговизны в феврале 1793 г. см.: A. Mathiez. La vie chère et le mouvement social sous la Terreur. Paris, 1927, chap. I et II de la seconde partie, «Les Enragés et la vie chère». См. ниже, «Программа бешеных».

нерадивости надзирателей, которые туда попали из-за злоупотреблений его правления; *от имени тех несчастных солдат, которых он 9 августа ввел в свой дворец и, напоив их до отупения, подставил под удары разъяренного народа*; от имени братьев из наших департаментов, погибших на войне против свободы, развязанной в сговоре с ним тиранами Европы для восстановления его абсолютной власти; от имени вдов и сирот, которые лишились опоры из-за его измены».

Да, поистине, когда они говорят о претензиях революционного периода, то можно подумать, что они носят в их глазах поверхностный и случайный характер; их главный аргумент против короля — постоянная нищета народа. Чего они не могут простить королевской власти, так это того, что она породила, и притом не случайно, а как своего рода норму, страдания и унижения. Даже когда они намекают на вопиющие преступления короля, на преступления, получившие отзвук в истории, на кровавые события, такие, как кровопролитие 10 августа, то они изображают их в новом и неожиданном свете. Словно они меньше скорбят о смерти патриотов, павших в сражении за свободу, чем о нравственном падении наемников тирании. Эти швейцарские солдаты, участники событий 10 августа, которых народ преследовал несколько дней, главным образом — жертвы угнетающей королевской власти, это она принизила их, довела до отупения, и делегаты жалеют в их лице весь народ, могущий из-за невежества и нищеты не устоять перед позорящими соблазнами деспотов. Своего рода заклинанием и призывом к восстанию, которое охватит даже прошлые жертвы тирании, они воскрешают со дна каторги, где они стенали, воскрешают с убогого ложа нищеты и бесчестия всех умерших в горе, отчаянии или глупой покорности. Королевскую власть судят из больничной палаты, где несчастный народ дрожит в лихорадке, из трущоб, где народ, в лохмотьях, изнуренный тяжким трудом и голодом, рождает новые поколения лишь для того, чтобы и они изведали все те же страдания.

Революционеры эти обладают пониманием социальных глубин, мрачных драм народной жизни. Их взоры не прикованы к зрелищу поверхностных конфликтов, они проникают в глубинные, подспудные слои и там становятся свидетелями своего рода постоянного убийства, безмолвного и непрерывного удушения неисчислимых зародышей. Да, бесчисленные семена жизни, радости, силы были раздавлены непосильным трудом или плачевно заглохли под бременем нищеты. Это совсем новый акцент, и внезапно круг судей, собравшихся вокруг Людовика XVI, значительно расширяется и углубляется. Королевская власть показана глазами обитателей приютов нищеты, обителей болезни, каторжного труда, голода.

Но не только королевская власть, а и общество. Эта угроза, этот обвинительный акт относится не только к королю. И завтра, когда король уже исчезнет, должна будет исчезнуть всяческая нищета, всяческая несправедливость, всяческое унижение, или же от новых правительств, от новых привилегированных потребуют ответа за прежнюю нищету, за бесконечную несправедливость, за продолжающийся непосильный труд, за унижения человека, которым нет конца. И я не знаю ничего более трагического, чем этот обвинительный акт, который, через голову уже осужденной королевской власти, поражает целый мир и угрожает даже новому миру. Мне кажется, что Марат, отныне слишком занятый политической борьбой и битвами в Конвенте, партийными конфликтами и комбинациями, озабоченный исключительно стремлением уничтожить Жиронду, своих непосредственных противников, на которых он изо дня в день клевещет и которые изо дня в день клевещут на него, более не обладает этой глубиной понимания. И быть может, он не обладал ею никогда. Таким образом, именно революционная организация федератов и секций с самого своего возникновения была проникнута духом социальных требований.

По правде говоря и несмотря на страшную, всепоглощающую силу войны с внешним врагом, всякое великое революционное событие глубже раскрывает перед взорами людей социальный вопрос. Я уже говорил о том, как потрясение, вызванное событиями 10 августа, победой народа и демократии, породило идейное движение, направленное к социальному равенству, движение столь сильное, что Революция увидела в нем угрозу собственности и мгновенно организовала сопротивление [13].

Но что же! По мере того как политическое равенство становилось все более несомненным фактом, умы людей все более задевало социальное неравенство. Смерть короля, война с целым миром возлагали на Революцию все возрастающую ответственность перед человечеством. Как справилась бы она с ней, если бы не показала всем людям, что действительно хочет блага для всех и, не уравнивая состояний, хочет по меньшей мере обеспечить независимость и благосостояние всему народу? Чем более вынуждена она была сражаться и убивать, тем более должна была она доказывать, что сокровенная мысль ее — о мире и добре.

ЖИРОНДИСТЫ И СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

В трагические дни конца января это и было благородной заботой Кондорсе и возвышенных умов, чьим вдохновителем он был [14].

---

13 См. Ж. Жорес. Цит. соч., т. III, с. 169, «Социальное брожение и планы «аграрного закона»».

14 «Moniteur» XV, 247; «Archives parlementaires», LVIII, 450. «До сего времени вы проявляли живую заботу о сохранении свободы... Прошу вас присоединить к ней заботу о благоденствии».

Он хотел, чтобы Франция гуманностью своих законов снова привлекла к себе нации, которых заставила отвернуться от нее клевета. Упраздните, говорил он, смертную казнь в частном праве смягчите участь должников, ограничив права заимодавцев, уничтожьте несправедливый и исключительный порядок, от которого страдают внебрачные дети; организуйте общественную помощь, спасите от крайней нищеты немощных и калек. Это было как бы гуманным возмещением за смерть короля: «Мы покарали одного короля, но спасли сто тысяч человек».

Газета Кондорсе «Кроник де Пари» искала способов смягчения социального неравенства, отвергая в целом систему «аграрного закона» и уравнения.

Кондорсе открывает своего рода рубрику «Равенство», где член Конвента Рабо-Сент-Этьенн, в те дни председатель Конвента, изложил (сначала под инициалами Ж.П.Р.— Жан Поль Рабо, а затем за своей подписью) взгляды на собственность, довольно смелые на первый взгляд, но по существу весьма поверхностные (номера от 19, 21 и 27 января 1793 г.) [15].

«Равенство — это душа общественной жизни; ничто лучше не характеризует демократию, чем стремление к равенству и те страсти и даже насилия, которые имеют место в борьбе за его осуществление. У нации, которая только рождается, равенство существует, и для его сохранения не принимают достаточных предосторожностей; у нации, которая перестраивается, равенства не существует, и для его установления принимаются слишком сильные меры. Народ часто подражает тому тирану, который укладывал людей на железное ложе и обрубал им ноги, если они выступали за его край, он не уравнивает, а калечит и убивает; это не демократия, а охлократия *.

Когда политическое равенство установлено, бедняки вскоре чувствуют, что оно ослабляется имущественным неравенством, и, поскольку равенство — это независимость, они негодуют и ожесточаются против людей, от которых зависит удовлетворение их потребностей; они требуют имущественного равенства, но богатые редко добром соглашаются на это; тогда надо добиваться этого силой или путем издания законов.

Добиться этого силой невозможно, так как насилия со стороны бедных, которые к тому же бедны неодинаково, будут иметь неодинаковые результаты и приведут к разделам, противоречащим принципу раздела; добились не равенства, а одного только неравенства, это как раз обратное тому, чего требовали. Значит, надо стараться добиться его посредством законов и возложить на них двоякую задачу: 1) провести наиболее равномерный раздел состояний; 2) создать законы для его сохранения и предупреждения будущего неравенства.

Чтобы совершить этот равный раздел, надо принять в соображение: 1) различные виды земельной собственности; 2) различные виды промышленности; 3) средства их распределения; 4) размеры страны; 5) множество людей, среди которых они должны быть распределены. Все эти подсчеты выше сил человеческих, и, поскольку они с каждым часом меняются, этот труд напоминал бы работу Пенелопы. Поэтому я и полагаю, что надо отказаться от изъятия в определенный день всех имуществ для их распределения среди всех людей и всех талантов.

Следовательно, законодателю придется попытаться достигнуть равенства состояний другими средствами и не в назначенные четверть часа, а в течение какого-то периода времени или для определенного поколения.

Он может выработать либо нравственные установления и привычки, либо точные законы касательно размеров богатств, которыми могут владеть граждане, либо законы, которые будут определять и регулировать их использование, дабы: 1) вернуть излишек, бесполезный для того, кто им владеет; 2) обратить его на пользу того, кто его лишен; 3) обратить его на пользу общества.

Будут полезны те нравственные установления или привычки, которые, лепя всех граждан по одному и тому же определенному образцу, не допускают различий, будь то в одежде, меблировке либо в чуждых человеку аксессуарах, и тем не менее отличают их от других людей и побуждают быть скромными. Я не придаю никакого значения законам против роскоши, которые богатый всегда обходит, так как речь идет не столько о том, чтобы запретить тщеславие и гордость, сколько об установлении умеренности, воздержанности, терпимости, скромности в одежде. Этот принцип следует применять ко всем законам, которые должны не столько карать пороки, сколько воспитывать и окружать почетом добродетель.

Законодатель может также установить точные законы относительно максимального размера состояний, которыми может владеть один человек, правами же на состояние, превышающее эти размеры, должно пользоваться общество, заняв место владельца. Это крайне щекотливый вопрос, так как это представляется посягательством на собственность, кладущим предел честолюбию. Но то, что было бы пороком при деспотическом правлении, быть может, будет добродетелью при республиканском образе правления, поскольку при нем каждый человек и каждый предмет доступны всем. Я указываю здесь не столько на примеры, сколько на

---

15 Жан Поль Рабо, прозванный Рабо-Сент-Этьенн (1743—1793),— пастор в Ниме, депутат Генеральных штатов от третьего сословия сенешальства Ним, депутат Конвента от департамента Об

* Охлократия (от греческих слов óchlos — толпа, чернь, и kratos — власть) — в древнегреческих учениях о государстве (Платон, Аристотель) господство «толпы».— *Прим. ред.*

принципы, и не столько на то, что сделали такие-то законодатели, сколько на то, что наши законодатели могут сделать. Богатство приходит к людям по многим каналам; закон должен открыть их, чтобы регулировать его. Это сравнение объясняет мою мысль.

Законодатель может также регулировать пользование людьми принадлежащими им богатствами. Для решения этой задачи он может сделать излишек бесполезным; для этого есть много средств.

Прежде всего, такие вещи устанавливаются сами собой в республиках, где добродетель почитается, я хочу сказать — вознаграждается законами, ибо, когда желание завоевать уважение направляет человека к законной цели, он отворачивается от порочных вещей. Когда первое место в обществе предназначено самому достойному человеку, то его уже не домогаются посредством богатого платья. Итак, одно из наиболее верных средств насаждать в республиках добродетели — это возможно чаще побуждать всех граждан быть на глазах друг у друга. Я осмеливаюсь советовать нашим законодателям помнить об этом; осмеливаюсь даже сказать, что большего я от них не требую.

Общественные учреждения могут в то же время становиться местами естественного поглощения излишков, которыми владеют богатые, отдадут ли они их добровольно или по требованию закона.

Они отдадут их добровольно, когда этот дар принесет им славу, когда учреждение будет добродетельным и полезным, когда они сами смогут пользоваться плодами своего благого поступка. На примере фанатизма приношений церкви в XI и XII вв. мы видим, чего можно было бы достигнуть воодушевлением в принесении даров отечеству.

Богатые будут также отдавать свои излишки, когда магистрат, поставленный перед необходимостью чрезвычайных расходов, сможет в соответствии с законом потребовать этого при условии предоставления в качестве возмещения всего того, что может дать общественная благодарность. Существует много таких искусных средств, которые может подсказать любовь к общественному благу.

Наконец, законодатель может находить средства восполнять излишками богача нехватку средств у бедняка — и не при помощи жалких учреждений, называемых больницами, где семена бросают в песок, а посредством трудовых мастерских, где семена бросают в почву, позволяющую собрать обильный урожай.

Вот все, что я имею возможность сказать сегодня; предоставляю мыслящим людям подумать об этом, а сам возвращусь к этому в другой раз. Что касается законов, которые следует ввести относительно наследств, завещаний, приданого, дарственных записей, то о них я не говорю ни слова, это известно всем».

В сущности, это довольно умеренные задачи. Рабо, по-видимому, совершенно не думает о развитии производства. Он забывает, что накопленные капиталы должны служить тому, чтобы сделать земледелие более прогрессивным, создавать бесконечно новые

формы промышленности, новые источники богатства. Он, по-видимому, не понимает, что всю старую праздную клиентелу дворян и монахов теперь следует занять обслуживанием производства, во избежание того, чтобы общество, в силу одной своей инертности, не вернулось к старому порядку. Кажется, у него нет никакого предчувствия новой активности, которую уничтожение корпораций, продажа церковных имуществ, уже ощутимые успехи машинного производства, размах дерзаний науки придадут обществу, вышедшему из Революции. В тот момент долгом революционной демократии было обеспечить всем гражданам, всем неимущим гарантии против угнетения и эксплуатации их богатыми; например, организовать широкую общественную взаимопомощь, намеченную Кондорсе; это не означало приостановить рост созидающего богатства. Можно подумать, что Рабо-Сент-Этьенн представляет себе богачей современного мира в образе светских аббатов, унаследовавших клиентелу церкви и ее обязанности оказывать помощь. К тому же он как будто не решается ограничить по закону власть богатства; он в основном рассчитывает на нравственные средства и в своем втором письме главным образом проповедует простоту нравов квакеров, обычаи простоты старозаветных иудеев, объединявшихся вокруг своего храма, и надеется, что социальному равенству будут весьма способствовать общественные празднества, которые сблизят богатых и бедных.

И однако, как ни беспомощны идеи Рабо-Сент-Этьенна, как они ни наивны и даже порой ретроградны, они свидетельствуют о работе ума. Умеренным его теории собственности внушали страх. Рёдерер возразил ему, что если бы общество могло заменять собой частных собственников, чье состояние превышало бы определенный предел, то это были бы грабеж и анархия. Рабо в своем ответе настаивает на том, что собственность должна подчиняться общественной власти [16].

«Когда я исследовал вопрос, вправе ли общество распоряжаться излишками имущества граждан для удовлетворения общественных нужд, я решил, что оно вправе это делать, и мне остается только изложить мои мотивы.

Должен первым делом заметить, что под республикой я подразумеваю демократический образ правления; все другие, носящие

16. Рёдедер критиковал идеи Рабо-Сент-Этьенна в «Journal de Paris» (№ 23, janvier 1793). Он особенно восставал против положения о максимуме имущества: «Такая мера способствовала бы не равенству в изобилии, в богатстве, в общем благоденствии, но равенству в нищете, равенству в голоде, равенству в общем разорении». Рабо-Сент-Этьенн ответил Рёдереру в «Chronique de Paris» (27 janvier 1793). Рёдерер Пьер Луи (1754—1835) — советник парламента в Меце, депутат Генеральных штатов от третьего сословия бальяжа Мец, генеральный прокурор-синдик Парижского департамента.

название республики, представляют собою аристократические и смешанные образы правления. Итак, я полагал, что демократический образ правления не может долго существовать при огромном неравенстве имуществ, так как оно порождает другие неравенства, число которых возрастает с каждым днем и в бесконечной пропорции; затем, в более или менее отдаленном будущем, **нация окажется разделенной на два класса.** *Кончится это тем, что народ станет ничем, даже если он не превратится в чернь, в сброд. Тогда демократический образ правления будет уничтожен, республика более не будет существовать, у власти будет аристократия.*

Однако, поскольку в настоящее время занимаются изучением вопроса о том, возможно ли во Франции установить демократический образ правления, политическому мыслителю дозволено изыскивать законы, могущие сделать его прочным. Я указал на некоторые из них, могущие укрепить равенство, и, следовательно, я должен искать такие, которые предупредили бы неравенство и явились мерой предупреждения неравенства богатств. Я рассуждал так

Человек вручает обществу свои руки и самого себя, чтобы и то и другое поставить под общественную защиту. Из частной собственности слагается общая собственность, так же как общая сила слагается из силы отдельных людей; наконец, из взаимодействия этих объединенных сил и имущества создается общее могущество. Но общество может предоставить свою защиту лишь в той мере, в какой оно может распоряжаться силами и достоянием каждого; следовательно, эти силы и это имущество находятся в распоряжении общества.

То, что существует в праве, существует и в действительности. Итак, хотя наша индивидуальная сила является нашей собственностью, общество тем не менее вправе располагать ею настолько, что может приказать нам пожертвовать ею полностью, умереть дабы помочь общему делу или его спасти; оно вправе распоряжаться также и частью наших имуществ ради сохранения республики. Кто же осмелится отрицать, что закон может распоряжаться всем моим достоянием, поскольку он распоряжается всей моей личностью, собственностью куда более значительной, чем собственность на мои богатства? Ибо взять у меня мое имущество не большее посягательство на мою собственность, чем взять у меня мою жизнь — посягательство на мою жизнь.

Следовательно, речь здесь идет о вкладе, которого требует закон, ибо, требует ли он от моей коммуны ста человек для того чтобы они пошли умирать от руки врага, или требует от нее 100 тыс. франков, чтобы снарядить этих людей, он лишь пользуется правом общества распоряжаться людьми и их имуществом когда этого требует общественное спасение.

После того как я поставил этот суровый вопрос, обращу внимание на то, насколько я его смягчил, сказав: «Законодатель может

также установить точные законы относительно максимального размера состояний, которыми может владеть один человек; правами же на состояния, превышающие эти размеры, должно пользоваться общество, заняв место владельца». Но я не имел в виду, что при превышении этого максимума общество может отобрать излишек, *чтобы превратить его в достояние казны или в государственное имущество*; я просто полагал, что к нему оно сможет обратиться в случае надобности в чрезвычайном обложении; я поясню это ниже.

Вы увидите, что это вполне справедливо. В Афинах, где образ правления был демократическим, от того, кто имел лишь минимальный доход в столько-то мин *, не требовали ничего; начинали с тех, кто имел излишки, и постепенно повышали налог пропорционально размерам состояния, так что очень богатый человек платил много, менее богатый — меньше, а человек со скромным доходом не платил ничего. Система эта предложена ныне и, по всей вероятности, будет принята. Но из этого следует, что в *чрезвычайных и непредвиденных случаях, как пожар, наводнение, град*, надлежало бы обложить налогом излишки богатых в процветающих районах для возмещения потерь в опустошенных областях. Все это могло бы быть подчинено обычным законам путем надбавки на основной доход или с помощью иных непроизвольных и точных средств.

Я еще спрашиваю вас: когда какой-нибудь деревне понадобится колодец или дорога, разве не справедливо было бы построить их на средства, полученные от обложения излишков имуществ, превышающих максимальные размеры? Человек, имеющий 100 тыс. ливров ренты, из которых 20 тыс. поступили бы в распоряжение нации, не захотел бы отказаться из-за этого от дальнейшего увеличения своих доходов, ибо нация отбирала бы у него 20 тыс. франков не каждый год, но могла бы потребовать их у него полностью или частично изредка, в чрезвычайных случаях. Вот что я хотел сказать, и все это может быть подчинено законам.

Что касается замечания, что таким образом невозможно было бы умерить рост огромных состояний капиталистов, то я отвечу: 1) эта трудность существует при взимании любых налогов, и с ней надо примириться и при взимании налога на излишки; 2) это доказывает только то, что еще не найдено средства охватить налогом все состояния и капиталы, а вовсе не то, что это невозможно; 3) огромные богатства служат большой помехой для свободы, поскольку они ускользают из-под власти государственных законов и законов общественной необходимости, и как раз на это я и сетую; 4) имеются почти верные способы узнать размеры состояний капиталистов, способы, известные существовавшим ранее

* Мина — денежная и счетно-весовая единица Древнего Востока и античной Греции.— *Прим. ред.*

корпорациям, которыми старый порядок не умел пользоваться, но они вполне пригодны для нового».

Было бы совершенно неуместно обсуждать концепцию собственности, изложенную Рабо; она до странности искусственна: он как бы видит в собственности фактор, стоящий вне самого общества, *вклад*, который делает человек, и право общества на собственность выводится исключительно из его долга оказывать защиту. Рабо отбрасывает все, похожее на то, что мы ныне называем социализмом и коммунизмом, все, что могло бы направить его на путь, каким шел Бабёф. Изъятия, которые общество делает из богатств, не должны превращаться в «достояние казны или в государственное имущество», в коллективную и общественную собственность. Все усилия абстрактной диалектики Рабо сводятся к оправданию прогрессивного налога, к тому же он видит в этом лишь чрезвычайное средство, применяемое от случая к случаю для борьбы с социальными или стихийными бедствиями. Но, несмотря ни на что, собственность как бы подчиняется требованиям общественной жизни, и не безразлично, что как раз тогда, когда члены Конвента были озабочены разработкой для Франции конституции, многим из них стало ясно, что демократия несовместима со слишком большой диспропорцией имуществ. Им представлялось, что политическое равенство предполагает наличие определенного социального равенства, и они стали прилагать усилия для его осуществления.

То же чувство, но с противоположной точки зрения, выразил Гавернер Моррис в своем письме от ноября 1792 г. как раз в связи с планами разработки конституции [17].

«Человек — разумное существо, но он всегда во власти своих впечатлений. Вы легко можете дать ему почувствовать, что в правовом отношении он равен всякому другому человеку. Тщеславие даже может шепнуть ему на ухо, что он равен ему и достоинством. Но чем больше чувствует он свое равенство в достоинстве и в правовом отношении, тем сильнее ощущает он свое более низкое положение в имущественном отношении. Когда у него нет вообще никакого имущества, то имеющиеся у него права он не может осуществить, таланты — не может применить, желания — не может удовлетворить, а вызываемое этим чувство раздражения не может унять.

Однако незыблемый закон собственности гласит, что в стране, где существует твердый порядок, малое число людей должно вскоре владеть всем, а большинство, огромное большинство людей — ничем. Между этой политической экономией, устанавливающей тиранию богатых, и этой нищетой, порабощающей бедных, — образ правления не имеет значения,— идет непрерывная борьба, рождающая великих людей. А великие люди, как правило, честолюбивы. Богатые в такой же мере рабы своих удовольствий, в какой бедные могут стать рабами своих насущных потребностей. При таком положении вещей, когда Конституция не уравновешивается и не покоится на прочной основе частных интересов, она должна быть ниспровергнута. Заканчиваю эти рассуждения, чтобы сказать вам, что здесь во всем царит неуверенность. События развернутся в свое время. Среди них будут и печальные, как могила».

Итак, по мнению Гавернера Морриса, чистая демократия не может долго просуществовать, так как развязывает, не создавая противовеса, борьбу между бедными и богатыми, а также потому, что собственность, развиваясь сверх меры и сосредоточиваясь в руках малого числа людей, нарушает равновесие. И он предлагает своего рода смешанный образ правления, способный служить противовесом и безграничному эгоизму богатых, и необузданной жадности бедных. Напротив, заботой и надеждой членов Конвента было спасти демократию, ограничив диспропорцию имуществ и, следовательно, классовый антагонизм.

Характерно, что даже газета Бриссо почти в то же время (28 декабря 1792 г.) опубликовала статью под названием «Фактическое равенство». Показательно уже одно это название [18].

«При всякой демократии,— пишет «Патриот франсэ»,— законы должны уничтожать и предотвращать слишком большое *фактическое* неравенство между гражданами, без чего равенство *их прав* будет химерой: неимущий будет продаваться богатому, а последний станет господствовать.

Но эти установления, благоприятствующие равенству, должны вводиться без потрясений, без насилия, без неуважения к первому из социальных прав — к *собственности*; это должно совершаться путем, по возможности одинаково полезным как для счастья, так и для добродетели граждан.

Раздел земель, предлагаемый анархистами или приспешниками Кобленца, был бы самой пагубной мерой; она была бы несправедлива, бесполезна и пагубна: несправедлива потому, что ограбила бы законных владельцев; бесполезна потому, что на другой же день после раздела изнеженность, роскошь большинства вновь привели бы, путем продаж, к неравенству состояний; пагубна потому, что граждане перегрызли бы друг другу горло еще до окончания этого раздела; к тому же заглохло бы всякое

17. «Mémorial de Gouverneur Morris... suivi d'extraits de sa correspondance...», t. II, p. 224, письмо от 5 ноября 1792 г. Уильяму Кармайклу, поверенному в делах США в Испании.

18. «Le Patriote français», № 1235, 29 décembre 1792, статья, датированная: Париж, 28 декабря 1792 г. Подписано: «Подписчик».

производство, и вскоре тысячи граждан погибли бы от голода и нужды.

Существуют другие меры, гораздо более благоприятные для равенства и к тому же много более полезные и куда менее опасные, не говоря уже о разделе поровну между детьми, относительно которого все согласны; укажу на две главные меры.

Первая — *отменить всякое наследование по боковой линии; пусть наследует Республика, и пусть эти наследства будут ежегодно распределяться, разделенные на участки, в каждом дистрикте, среди самых трудолюбивых и самых честных молодых людей;* эта мера помешает объединению владений, образованию крупных имений; деля имущества на части, она сделает бедные семьи зажиточными и внушит молодежи обоего пола стремление к святому соревнованию в труде и добродетели. И эта мера не содержит ничего несправедливого; вполне справедливо, чтобы человек пользовался своим добром, как ему угодно, в течение всей своей жизни; но на то, чтобы его права сохранялись и после его смерти, чтобы человек, которого больше нет, все еще распоряжался благами земли, общество совершенно не обязано соглашаться, хотя ранее оно ему это дозволяло. Права и обязанности людей первоначально проистекают из потребностей человеческого рода; следовательно, после своей смерти человек, не имея больше потребностей, не может иметь и прав; *всякая собственность естественно становится общей собственностью всех людей;* поэтому Республика наследует в силу естественного права.

Правда, из этого принципа следует, что даже дети становятся наследниками своих отцов только благодаря уступке со стороны общества; но не надо бояться строгого применения этого принципа, злоупотребления этим правом. Республика, несомненно, им воспользуется для того, чтобы упорядочить способ осуществления отцовских распоряжений, а не для того, чтобы лишить отцов права передавать свое имущество детям. Тесная связь между отцом и сыном, потребность заинтересовать отцов в возделывании своих земель, огромные неудобства, которые возникали бы в огромной стране из-за этой *общности наследств*, служат ручательством тому, что наши законы этого никогда не введут, даже если бы они отменили всякое наследование по боковой линии.

Вторая мера, благоприятствующая равенству, состоит в том, чтобы исключать из всякого налогообложения необходимое для удовлетворения физических потребностей гражданина, называть чистым доходом только то, что остается после вычета всех ссуд, всех разнообразных повинностей и даже всего совершенно необходимого для существования каждой семьи. Человечность, справедливость восстают против того, чтобы законы о налоге ввергали гражданина в нужду, в страдания, требуя от него часть самого необходимого для него, в то время как другим они предоставляют возможность жить в условиях избытка. Разве справедливо облагать гражданина налогом на владение тем, без чего он страдал бы от голода и холода? Пожертвовать самым необходимым, своей жизнью — долг гражданина только тогда, когда от этого зависит общественное спасение; вне этого его первое право — жить, его первый долг — сохранить себя. В Афинах высоким налогом облагался излишек, меньшим — полезное и совсем не облагалось необходимое. В Риме, помимо неимущих граждан, Республика освобождала от налога также бедных собственников; она не требовала от них, чтобы они служили ей своим кошельком. Наименование *пролетарии* ясно подразумевает, что они достаточно служили Республике, созидая ее и кормя своим трудом сильных граждан, которые должны были быть ее защитниками.

Пусть эта мера будет принята, пусть физически необходимое более не будет облагаться, пусть все налоги будут перенесены на богатых, будут касаться только излишка, ограничивать только искусственно порожденные потребности. Тогда будет меньше бедняков из-за налогов, меньше неравенства между гражданами и т. п.».

Под воздействием великих событий социальная мысль Революции с каждым днем приобретала все большую определенность. После 10 августа как бы поднялась высокая волна социальных требований; во время процесса короля поднялась вторая, более высокая и более широкая волна, казалось, увлекшая даже умеренных. Но у жирондистов и даже у самого Кондорсе это были еще только тенденции. Во всяком случае, это были решения, касавшиеся довольно отдаленного будущего, и именно под медленным, постоянным и почти неощутимым воздействием законов должно было постепенно сглаживаться слишком опасное неравенство.

В проекте конституции, зачитанном в Конвенте 15 февраля 1793 г., Кондорсе поистине без особого пыла и нетерпения объявил об исчезновении этой слишком большой социальной зависимости, делающей политические права иллюзорными [19].

«Зависимость, которая не позволяет думать, что человек повинуется своей собственной воле, несомненно, могла бы послужить законным основанием для исключения [из числа пользующихся правом голоса], *но мы не считали, что можно предполагать наличие такой зависимости в действительно свободной Конституции и у народа, у которого любовь к равенству — отличительная черта общественного умонастроения. Социальные отношения, предполагающие возможность подобного унижения, не могут существовать среди нас и вскоре должны будут принять иную форму*».

Здесь опять-таки утверждается противоречие (антиномия) между политической демократией и слишком большим социальным неравенством, но не спеша и без особого пыла. Однако для наибо-

19. «Moniteur», XV, 456, 465; «Archives parlementaires», LVIII, 583.

лее пылкой или наиболее страдающей части народа эти расплывчатые обещания, осуществление которых откладывалось на отдаленное будущее, были недостаточными, и революционные группы, требовавшие казни Людовика XVI как первого возмездия за нищету, побуждали Конвент к немедленным действиям, которые бы немного облегчили их непосредственные страдания. Может быть, когда-нибудь политическая демократия приведет в конечном счете к демократии социальной, а политическое равенство — к фактическому равенству. Но пока это осуществится, надо жить, а рост дороговизны съестных припасов, как неизбежное следствие обесценения ассигнатов и махинаций (действительных или предполагаемых) скупщиков, делает жизнь все более трудной. Именно против этого и надо действовать, и притом немедленно.

ПРОГРАММА БЕШЕНЫХ*

У революционных группировок есть безотлагательная и в некоторых вопросах весьма точная программа. Они требуют положить конец обесценению ассигнатов и спекуляции средствами обмена, запретив обращение металлических денег и установив твердые цены на продукты питания путем принятия закона о всеобщем максимуме. 3 февраля вопрос о металлических деньгах ставят перед Конвентом делегаты 48 парижских секций, Генерального совета и Объединенных защитников 84 департаментов [1]:

«Граждане! Мы хотим вновь обратить ваше внимание на декрет Учредительного собрания, объявляющий звонкую монету товаром. Эта антигражданская мера, породившая спекуляцию и мошенничество, вполне входила в расчеты врагов общественного блага.

Этот декрет является главным двигателем махинаций, к которым прибегают губители свободы, чтобы ниспровергнуть священное здание наших прав.

В то время часть Национального собрания поклялась нас погубить, открыв путь спекуляции и скупке продуктов первой необходимости; торговля ассигнатами в обмен на звонкую монету, интерес к которой постоянно возрастает, разрушительна для принципов Республики и, следовательно, ослабляет доверие граждан; с болью смотрим мы также на то, как эти бумажные деньги,

---

* О «движении бешеных» см. также труд советского ученого: Я. М. Захер. Движение «бешеных». М., 1961. «Бешеными» жирондисты назвали группу плебейских революционеров (Жак Ру, Варле и др.), которые выступили в конце 1792 — начале 1793 г. выразителями социальных устремлений городских трудящихся низов.— *Прим. ред.*

хотя и обладающие твердым обеспечением в виде национальных имуществ, вскоре полностью обесценятся вследствие падения их стоимости при обмене.

...Именно этот безнравственный декрет породил беды, постигшие нас ныне и раздирающие наше общество; они угнетают наименее зажиточные слои населения, у которых для удовлетворения их потребностей имеется только этот денежный знак; его и стараются дискредитировать в их глазах, и недоброжелателям удалось вызвать недоверие к нему, в результате чего дороговизна продуктов питания достигла столь высокого уровня.

Вдали слышны раскаты грома, гроза вот-вот разразится над нашей головой; не унывайте, законодатели, не унывайте! Мы наготове; скажите слово, и тираны будут уничтожены.

...Безжалостно поразите недостойные и жалкие создания, которые с равной наглостью и бесстыдством пользуются общественным достоянием. Сразите их, и вы предотвратите несчастья, которые не замедлят на нас обрушиться. Отмените этот закон, этот плод неспособности или бездарности, примите репрессивный декрет, введите смертную казнь для всех, кто, разменивая свои золотые, серебряные, медные деньги на национальные ассигнаты, предложил бы за них более низкую цену, чем их стоимость по закону.

Граждане, пославшие нас к вам, ждут от вашей мудрости немедленного решения по этому важному предмету; вместе с нами они вновь клянутся вам умереть республиканцами».

Для своего первого появления перед Конвентом новая революционная организация превосходно выбрала вопрос, который надо было поставить. Прежде всего, никакой другой вопрос не отвечал в большей мере страстному ожиданию народа. Как мы уже видели, падение курса ассигната по отношению к звонкой монете, золотой и серебряной, было велико, по отношению к продуктам оно было меньшим, поэтому народ мог вообразить, что падению ассигната способствовали банкиры, торговцы звонкой монетой; а поскольку наиболее сильным обесценение ассигната было по отношению к звонкой монете, народ воображал, что дороговизна съестных припасов была лишь следствием повышения курса металлических денег. Поэтому казалось, что с изъятием металлических денег из обращения прекратилось бы падение ассигната, унизительное для Революции и разорительное для народа. В тот момент, когда новая эмиссия ассигнатов на 800 млн., декретированная Конвентом, еще более понижала курс ассигната и рикошетом вызывала новое повышение цен на продовольствие, этот вопрос представлялся жизненно важным. Какая радость была бы для революционных групп из секций, если бы им удалось склонить Конвент принять в этой области суровые меры. В то же время революционная организация знала, что она не рисковала слишком сильно задеть Конвент. Я уже приводил выше мнение Кондорсе, с которым он выступил всего несколько месяцев назад; он указал, что лучшим средством положить конец биржевой спекуляции, быть может, явилось бы хождение денег одного вида, а именно бумажных. Камбон отныне стал относиться к звонкой монете с ненавистью; одной из главных причин его трений с Дюмурье и генералами было то, что последние, настаивая на выплате их солдатам жалованья звонкой монетой, содействовали подрыву доверия к ассигнату. Камбон должен был с молчаливым одобрением отнестись к первым попыткам, предпринятым перед Конвентом с целью изъятия звонкой монеты из обращения. Действительно, вскоре, в начале апреля, по предложению самого Камбона Конвент одобрит меры, соответствовавшие требованиям петиции от 3 февраля [2]. Таким образом, революционные группы из секций, казалось, шли в авангарде Революции и в то же время не слишком грубо задевали Национальный Конвент.

ПЕТИЦИЯ ОТ 12 ФЕВРАЛЯ 1793 г.

Но несколько дней спустя они смелеют и 12 февраля поистине угрожающим тоном настаивают, требуют от Конвента принятия декрета об установлении твердых цен на съестные припасы, которому он яростно и почти единодушно противился до сего времени [3].

«Граждане законодатели, недостаточно объявить, что мы — французские республиканцы. Надо еще, чтобы народ был счастлив; надо еще, чтобы у него был хлеб, ибо там, где нет хлеба, нет более законов, нет свободы, нет Республики [4]. Мы вам изложили сейчас новые взгляды на продовольственный вопрос, единодушно одобренные нашими доверителями; мы их изложили вам, чтобы вы, одобрив их, запечатлели их навеки. Не страшась вызвать ваше неудовольствие, мы хотим *пролить свет* на ваши ошибки и раскрыть вам истину. Один оратор сказал вам с этой трибуны: «Если вы примете декрет, создающий помехи снабжению продовольствием, вы декретируете голод». Но обуздать злоупотребления — значит ли это препятствовать торговле продовольствием?

Вы жаловались на волнения народа, вызванные ростом цен на продукты, многие объясняли их подлой спекуляцией монополистов; они были правы, однако к ним не прислушались; другие

1. См. выше, с. 185, прим. 12.
2. «Archives parlementaires», LXI, 449, заседание 8 апреля 1793 г. (декрет, запрещающий продажу звонкой монеты).
3. «Moniteur», XV, 430; «Archives parlementaires», LVIII, 475. Речь идет о петиции 48 секции. Депутация уже являлась накануне, но ее не выслушали. Петиция была зачитана в Якобинском клубе 10 февраля 1793 г. Сокращенная редакция протокола не позволяет понять, одобрило ли Общество петицию. См.: A. Mathiez La vie chère..., p. 140.
4. А. Матьез приписывает составление этой петиции Жаку Ру; стиль действительно похож на стиль «красного кюре», если ее сравнить с его знаменитой петицией от 25 июня 1793 г.

предлагали, как средство против этих злоупотреблений, контроль со стороны муниципалитетов. *Но как вы хотите, чтобы муниципалитеты, состоящие из торговцев, сами себя контролировали, сами себя изобличали?* Мы сожалеем, что один из ваших членов, принадлежащий к числу так называемых философов, воскликнул, как он печалится о свободе при виде того, как у земледельцев силой отнимают зерно; он кричал о нарушении права собственности, но то, за что платят разумную цену, не может считаться отнятым [5]. Разве они не видят, эти мнимые философы, эти друзья неограниченной свободы торговли хлебом, что, повышая цену на хлеб для бедняка, они только обогащают алчных спекулянтов? Разве они не знают, что в хлебной торговле царят злоупотребления, которые надо пресекать, если не хотят, чтобы народ умирал от голода? Некоторые ограничились предложением выпустить прокламации, способные просветить народ, но разве прокламациями можно накормить тех, кто голодает?

Граждане законодатели, сбросьте с глаз пелену, посмотрите, в какой ужасной нужде живет множество семей, втихомолку проливающих слезы и умоляющих вас осушить их. Вы декретировали свободную торговлю хлебом, но вопрос о пресечении злоупотреблений ускользнул от вашего внимания. Вам сказали, что хороший закон о продовольствии невозможен [6]. *Это значит сказать, что невозможно управлять государствами, когда тираны свергнуты.* Граждане, вы собраны здесь для нашего спасения или нам на погибель; вы, *несомненно*, хотите нашего спасения. Так вот! Вы ничего не сделаете для нашего спасения, пока не ударите по экономистам, злоупотребляющим преимуществами закона, чтобы обогащаться за счет бедняка. О, кто может сомневаться в существовании смерти, когда все источники жизни иссякли? Вам сказали, что хороший закон о продовольствии невозможен; это значит сказать, что надо проститься с надеждами, которые мы возлагали на вашу высокую мудрость.

Мы, депутаты 48 парижских секций, мы, которые обращаемся к вам во имя спасения 84 департаментов [7], отнюдь не утратили веры в вашу просвещенность. Нет, хороший закон вполне возможен: мы пришли предложить его вам, и вы, несомненно, поспешите утвердить его. Опять-таки, разве вы, со своими принципами о продовольствии, достигли своей цели? Разве после принятия вашего закона нам стало лучше, чем прежде, если среди изобилия народ страдает от голода и ему не сулят утешения? Выслушайте нас, но без предвзятости. В дополнение к закону от 8 декабря [8] мы предлагаем вам следующие мероприятия:

1) 10-летнее тюремное заключение для всякого администратора, занимающегося торговлей;

2) введение единой меры веса для зерна по всей Республике, с тем чтобы повсюду применялась лишь одна мера веса, а именно квинтал весом в 100 фунтов;

3) под страхом тюремного заключения в первом случае и смерти во втором земледельцам или торговцам категорически запрещается продавать зерно дороже чем 25 ливров за мешок весом в 250 фунтов (*ропот*);

4) Конвент распорядится, чтобы его декрет от 2-го числа сего месяца, возлагающий на департаментские директории контроль над складами Республики, особенно строго соблюдался в пограничных районах Республики, где уполномоченным будет разрешено делать закупки зерна».

Я не знаю, что́ в точности подразумевали петиционеры под «администраторами, занимающимися торговлей». Казалось бы, те из них, которые покупали зерно, чтобы затем перепродать его булочникам по умеренным ценам, часто в убыток, как это было в Руане, Лионе и даже в Париже, должны были встретить милостивое отношение к себе. Но петиционеры, несомненно, могли думать, что эти муниципалитеты своими закупками по собственному усмотрению могли способствовать повышению цен на зерно и таким образом благоприятствовать спекуляции некоторых своих членов. Возможно также, они хотели исключить из администрации всех граждан, занимавшихся торговлей лично, на что, по-видимому, указывает статья 1-я их проекта; это была бы политическая проскрипция буржуазии. Конвент слушал петицию с раздражением. Ему внушала отвращение регламентация торговли, а высокомерный тон петиционеров его оскорблял. Что это была за новая сила, поднимавшаяся и так громко говорившая от имени бедняков?

Но вот что прибавляет член депутации Клод Эделе [9]:

«Как вице-председатель Продовольственной комиссии, я был уполномочен *от имени моих доверителей, от имени всех наших братьев в департаментах...*»

---

5. Барбару заявил 8 декабря 1792 г.: «Я содрогнулся услышав, как ораторы предлагают принудительные меры как средство исцеления от голода и советуют отбирать зерно у земледельцев».
6. Сен-Жюст 29 ноября 1792 г. заявил в своей речи о продовольственном положении: «Осмелюсь сказать, что не может быть хорошего трактата по практической экономии...» И еще: «Мы не можем издавать законы против этих злоупотреблений; изобилие есть результат всех законов в целом». См.: Ж. Жорес. Цит. соч., т. III, с. 429, прим. 50.
7. Намек на федератов, образовавших Общество защитников единой и неделимой Республики. См. выше, с. 185, прим. 12.
8. 8 декабря 1792 г. Конвент отменил регламентацию, установленную в сентябре, и снова провозгласил «полную свободу» торговли зерном и мукой. Для тех, кто чинил бы помехи свободному рыночному обращению продовольствия или организовывал бы сборища народа, была предусмотрена смертная казнь.
9. «Moniteur», XV, 431; «Archives parlementaires», LVIII, 476. Клод Эделе (Heudelet) — контролер канцелярии счетоводства, комиссар секции Пуассоньер; см. его дело в алфавитной серии Комитета общественной безопасности (Archives nationales, F^{7} 4743).

Конвент сразу возмутился. Как? Петиционеры притязают на представительство от Франции! А что же такое Конвент? «Выгоните этого самозванца! В Аббатство его! В Аббатство!» Бюзо, Карра, Леарди указывают на опасность, а Мазюйе сообщает о существовании революционной организации [10]:

«В Париже существует общество, совсем не похожее на народные общества,— это собрание граждан, выдающих себя за защитников Республики, с которым парижские секции поддерживают официальную связь через посредство комиссаров и созывая совещания и которые считают себя правомочными выражать интересы департаментов».

«Да,— настаивает Дульсе де Понтекулан [11],— Мазюйе сказал правду, заявив, что в Париже существует два Национальных Конвента; действительно, в этом городе имеется подобие национального представительства, состоящее из неизвестных людей, выдающих себя за посланцев департаментов, но ими не являющихся, ибо в департаментах есть только граждане — друзья закона и там нет наемников Кобленца. Поэтому я прошу вас обратить внимание на эту чудовищную ассоциацию».

Никто в Конвенте не взял под защиту петиционеров, и Гора, казалось, была так же раздражена против них, как Жиронда. Марат выступил против них с крайне резкими нападками [12]:

«Меры, только что предложенные вам у барьера для восстановления изобилия, настолько крайние, странные, настолько ниспровергают всякий порядок, так явно стремятся уничтожить свободу торговли зерном и вызвать волнения в Республике, что я удивляюсь, как они могут исходить из уст людей, считающих себя разумными существами и свободными гражданами, друзьями справедливости и мира. Петиционеры, представшие у вашего барьера, выдают себя за комиссаров 48 парижских секций. Чтобы они обладали законным характером, во главе их должен был бы быть мэр Парижа. Прежде всего, я требую, чтобы их обязали представить доказательства своих полномочий. Один из петиционеров говорил от имени департаментов; я требую, чтобы он представил доказательства своей миссии. Не дайте себя обмануть, граждане, здесь низкая интрига. Я мог бы здесь назвать лиц, известных своим аристократизмом, но меры, какие я предлагаю, помогут тому, что их узнают и покроют позором авторов петиции. Я требую, чтобы те, кто собирался навязать эту петицию Конвенту, были преданы суду как возмутители общественного спокойствия».

И он еще воскликнул с места: «Я знаю, что среди петиционеров есть подлые аристократы».

Что все это означает и какое положение занимают революционные группы между партиями? Они получили пристанище в помещении Якобинского клуба. Действительно, в протоколе его заседания от 22 февраля [13] мы читаем, что на просьбу гражданок разрешить им собираться в помещении Якобинского клуба Дефьё возразил, заметив, что ежедневно после полудня зал находится в распоряжении защитников Республики — представителей 84 департаментов — и может быть предоставлен гражданкам только по утрам. Несомненно, можно полагать, что, если бы на клуб с самого начала смотрели как на центр контрреволюционных интриг, Якобинский клуб не приютил бы их. Но в то же время следует остерегаться предположения, что якобинцы, допуская эти группы в свое помещение, солидаризировались с ними. Истина заключается прежде всего в том, что и якобинцы, и делегаты 84 департаментов думали, что взаимное сближение отвечает интересам обеих сторон.

Якобинцы считали себя великой регулирующей силой Революции и были горды удерживать под своим прочным влиянием, а в случае надобности — в повиновении, разрозненные и беспорядочные силы. С одной стороны, они отвращали их от Жиронды, а с другой — могли помешать им пуститься в авантюры, компрометирующие Революцию. Федераты, стремившиеся вовлечь в свою бурную революционную деятельность все организованные силы Революции, не желали ничего лучшего, как объединиться в какой-то мере с якобинцами: они могли таким образом в непосредственной близости следить за событиями, за столкновениями страстей и надеялись, дождавшись благоприятного момента, основательно связать с собой якобинцев и возглавить их. Но, как видно, этот своего рода симбиоз объясняется главным образом соображениями тактики. В действительности симпатии между этими новыми группами и якобинцами были весьма слабыми. Так же как якобинцы вскоре вступят в борьбу с другой группой, которая хотя и не занимала их помещения, но собиралась в том же доме (Братское общество обоих полов) [14], точно так же они скоро утратят доверие к Защитникам Республики.

10. «Moniteur», XV, 431, 432, 434; «Archives parlementaires», LVIII, 476, 477. Бюзо — депутат от департамента Эр, Карра — от департамента Сона и Луара, Леарди — от департамента Морбиан, Мазюйе — депутат от департамента Сона и Луара.
11. «Moniteur», XV, 435; «Archives parlementaires», LVIII, 578. Дульсе де Понтекулан — депутат от департамента Кальвадос.
12. «Moniteur», XV, 431; «Archives parlementaires», LVIII, 476. См. также: «Le Journal de la République française», 13 février 1793: «Observations sur une prétendue députation des 48 sections de Paris et des 84 départements de la République». [См.: Ж.-П. Марат. Избранные произведения. Т. III, М., 1956, с. 247 и сл.— *Прим. ред.*] См. ниже, прим. 20.
13. A. Aulard. La Société des Jacobins, V, 37. Речь идет о делегации гражданок из секции Четырех наций, желавших собираться для обсуждения вопроса о скупке.
14. Речь идет о самом старом из народных обществ, основанном 2 февраля 1790 г. школьным учителем Дансаром. Оно заседало в том же здании, что и Якобинский клуб, но в другом зале. См. ниже, с. 217, прим. 6.

Якобинцам, несомненно, было весьма неприятно, когда петиционеры, восстановившие против себя Конвент, на предложение доказать свои полномочия представили документ, гласивший: «Выдержка из протокола Братского общества, объединенного с Обществом защитников единой и неделимой Республики, заседавшего 7 февраля в Якобинском клубе в Париже, на улице Сент-Оноре» [15]. Это было неприятное соседство и компрометирующее соединение. Якобинцы очень скоро поняли, что новые революционные группировки не будут удобным орудием в их руках.

Последние действительно не ограничились нападками на Жиронду, более ожесточенными, чем в тот момент хотелось бы якобинцам; они выступили против самой Горы. Они ее упрекали в равнодушии, слабости, а также обвиняли в том, что она пренебрегает экономическими вопросами и не разрешила самой назревшей из социальных проблем, а именно продовольственного вопроса. Сен-Жюст, выступивший с большой речью, которую я уже рассматривал [16] и в которой он высказался вообще против всякой регламентации и таксации, стал мишенью яростных нападок. 12 февраля делегаты 48 секций распространяли в Париже и у самых дверей Конвента листовки, в которых говорилось [17]: «*Когда народ знает, что ораторы, выступающие в народных собраниях с прекрасными речами и лучшими поучениями, ужинают каждый день...*» и несколько далее: «*К их числу принадлежит гражданин Сен-Жюст; сорвите с него отвратительную маску, которой он прикрывается*». Сен-Жюст смирил свою гордость и снизошел до переговоров с ними; но обида должна была показаться жестокой, и робеспьеристы почувствовали, что появилась новая и мало сговорчивая сила. Нападки на Сен-Жюста косвенно были направлены против Робеспьера, учеником которого тот себя объявил. Вот они каковы, эти пуритане, так красно говорящие о добродетели и кормящие народ суровыми истинами! Отказываясь обеспечить народу кусок хлеба, сами они устраивают для себя изысканные ужины. Всецело поглощенные своими политическими комбинациями, своей борьбой за влияние и личным соперничеством, они боятся коснуться продовольственного вопроса! Якобинцы действительно не решались затронуть его. Гомель в своей работе «Финансовая история Законодательного собрания и Конвента», работе столь же реакционной, как и неточной, пишет об этом февральском движении 1793 г.[18]:

«Якобинцы не были сторонниками свободы торговли хлебом. Вмешательство государства в эту область, официально установленная таксация и суровые меры как против торговцев, так и против земледельцев, не подчиняющихся закону, больше отвечали их властолюбивым инстинктам».

Для того момента явно неверно. Якобинцы мало-помалу придут к такой политике или, вернее, будут в нее вовлечены. Но в

первые месяцы 1793 г. она пугает их. Не рискуют ли они тем самым оттолкнуть всю торговую буржуазию? И если земледельцы будут связаны твердыми ценами, регламентирующими обмен, то не отобьет ли это у них охоту покупать национальные имущества? Тогда могут высохнуть корни, которые Революция с каждым днем все глубже пускала в землю. Кроме того, где кончается законная торговля и где начинается скупка? Поднимать эти вопросы — значит ввергать Революцию в неизвестность, это значит расколоть великую революционную армию как раз в тот момент, когда она должна дать отпор бесчисленным внутренним и внешним врагам. 22 февраля Робеспьер-Младший, несомненно бывший рупором своего брата, сказал в Якобинском клубе [19]: «Слишком частые дискуссии о продовольствии сеют тревогу в Республике», и по его требованию собрание перешло к следующему вопросу. На тех, кто привлекал внимание народа главным образом к продовольственному вопросу, кто сеял в его рядах тревогу и сбивал его с толку, преувеличивая опасность и своими речами растравляя его страдания, порожденные кризисом, большинство якобинцев смотрело скорее как на интриганов, стремящихся лишить народ мужества, отвлечь его от великих революционных битв. Именно это вызывало против них гнев Марата.

Марат — что легко заметить — это был неистовый темперамент на службе умеренной политики. Он хотел всеми средствами, даже мечом, уничтожить людей, партии, которые казались ему опасными для свободы, но он также хотел избежать ненужных осложнений, всяческих безрассудных шагов, усугублявших трудности Революции. Он не хотел ни упразднения цеховой системы, задевавшего интересы и привычки, ни упразднения дворянских титулов, без пользы раздражавшего тщеславие; он был противником объявления войны; он возмущался теми, кто предлагал упразднить бюджет культов; он требовал, чтобы в Бельгии считались с католическими предрассудками и притязаниями духовенства. Таким образом он старался избавить Революцию от опасностей и ловушек; он проповедовал проведение осторожной политики кровавыми средствами. Но вдруг неистовые или безрассудные люди или заговорщики предложили установить общие твердые цены на зерно, что должно было восстановить против Революции даже честных торговцев, даже патриотически настроенных земледельцев! И вот в тот момент, когда Революция нуждается в спокой-

15. «Moniteur», XV, 435.
16. Речь о продовольственном положении 29 ноября 1792 г. См. выше, прим. 6.
17. «Moniteur», XV, 436; «Archives parlementaires», LVIII, 480.
18. M. Gomel. Histoire financière de la Législative et de la Convention. T. I, p. 375.
19. A. Aulard. La Société des Jacobins. t. V. p. 37. Огюстен Робеспьер, Робеспьер Младший (1763—1794) — адвокат в Аррасе, депутат Конвента от Парижа.

ствии, чтобы опровергнуть яростные нападки Жиронды, интриганы или наймиты хотят навязать систему, которая вызовет повсюду возмущение и беспорядок! В этих социальных конвульсиях потонуло бы предательство жирондистов! Нет! Нет! Пусть с петиционеров сорвут маску! Среди них есть подлые аристократы, а другие — обмануты или их соучастники! [20]

Таков был ход мысли Марата; и тотчас со всей свойственной ему бурной прямотой и гневом, рискуя повредить своей грозной популярности, он стремительно бросился на врага. Он не был заурядным демагогом, и Тьер, сказавший о нем, что ему были присущи «все виды тщеславия, даже тщеславие умеренности», плохо понял, насколько в его поведении все было связанно и последовательно.

Впрочем, Марат более чем наполовину ошибался относительно смысла этого революционного движения, имевшего социальную направленность, движения, которое, казалось, хотело опрокинуть все сложившиеся партии Революции. Действительно, возможно, что роялисты и контрреволюционеры думали его использовать. После смерти короля им, несомненно, представлялось, что в борьбе против Революции хороши все средства; кто знает, не удастся ли им ее погубить, «доведя ее до крайности», мешая торговле и угрожая собственности? Кто знает, не пожалеет ли народ, чей голод усиливали эти конвульсии, о временах королевской власти? В тексте петиции, оглашенной делегатами, есть одна двусмысленная и неосторожная фраза, в которой подозрительный ум мог бы усмотреть какой-то отголосок стремлений роялистских заговорщиков, затесавшихся в народных кварталах в группы недовольных людей. «Нам сказали, что хороший закон о продовольствии невозможен. *Это значит сказать, что невозможно управлять государствами, когда тираны свергнуты*». Фраза эта может иметь очень революционный и республиканский смысл. Она может означать и, несомненно, означает, что если бы Конвент отказался регламентировать торговлю зерном, которую регламентировали короли, то он дал бы довод против свободы и в пользу тиранов. Она может быть также несколько туманным отражением роялистской пропаганды. Но в целом, каковы бы ни были интриги сторонников старого порядка, это было, без сомнения, народное и революционное движение.

Оно вызывалось двумя причинами. Прежде всего, народ действительно испытывал если не страдания, то по меньшей мере нужду и беспокойство; он считал, что ему все время угрожает более сильное вздорожание съестных припасов, чем то, от которого он уже страдал. Мне хорошо известно, что Париж был, казалось, огражден от дороговизны хлеба. На хлеб была установлена твердая цена, и его не разрешалось продавать дороже чем по 3 су за фунт. Конвент еще 7 февраля разрешил Парижской коммуне взыскать налог в 4 млн. для возмещения потерь, вызываемых этой

низкой ценой [21]. И Мазюйе даже заявил, что именно богатые, чтобы уклониться от прогрессивного налога, введенного с этой целью, и спровоцировали это движение [22]. При введении общих твердых цен на хлеб по всей Франции особые меры в отношении Парижа действительно свелись бы на нет. И несомненно, именно это хотел сказать Барер, упрекнув делегатов в том, что они «явились в облике бедняков для представления петиции богатых»[23]. Но народ действительно испытывал гнетущую неуверенность.

Продовольственный вопрос непрерывно стоял на повестке дня, и были опасения, что, даже взыскав налог, не удастся сохранить цену на хлеб в 3 су. На заседании Коммуны 4 февраля «Совет назначает четырех комиссаров в дополнение к администраторам по продовольствию с целью ускорить представление доклада о продовольственном снабжении Парижа. Он распорядился об исполнении предыдущего постановления, обязывавшего булочников ставить на продаваемый ими хлеб знак, известный полицейским комиссарам их секции, чтобы можно было установить мошенничество, которое могло бы коснуться веса хлеба, и преследовать за него...

Совет, узнавший, что булочники несколько дней назад повысили цену на хлеб, наконец, после зрелого размышления, установил цену на хлеб в размере 12 су за 4 фунта при условии предоставления булочникам возмещения в случае надобности.

Вышеуказанное постановление было немедленно напечатано, расклеено, разослано секциям и объявлено комиссарами секций»[24].

На заседании 7 февраля «парижские булочники требуют отмены постановления, устанавливающего цену на четырехфунтовый хлеб в 12 су. Совет переходит к следующему вопросу повестки дня и прибавляет еще одного комиссара к уже назначенным, чтобы ходатайствовать перед Конвентом о выдаче аванса в 4 млн., дабы Коммуна могла выплачивать булочникам возмещение, которое им может причитаться»[25].

И хотя Конвент незамедлительно одобрил этот налог, согласно прогрессивному тарифу, который исключал из обложения доходы

---

20. Об отношении Марата к народному движению против дороговизны см.: «Journal de la République française», 13 février 1793 («Observations sur une prétendue pétition...») (см. выше, прим. 12) et 17 février 1793 («Les pétitionnaires au nom des 48 sections de Paris désavoués et désapprouvés. — Anecdotes curieuses sur leur meneurs contre-révolutionnaires»). См.: J. Massin. Marat. Paris, 1960, p. 248: «Premier choc avec les Enragés».
21. «Moniteur», XV, 393; «Archives parlementaires», LVIII, 357. Этот декрет был принят по предложению Реаля, депутата департамента Изер.
22. «Moniteur», XV, 434; «Archives parlementaires», LVIII, 477.
23. «Moniteur», XV, 435; «Archives parlementaires», LVIII, 478.
24. «Moniteur», XV, 366.
25. «Moniteur», XV, 402.

ниже 900 ливров и постепенно повышался с полутора доли до 15 долей в зависимости от стоимости занимаемого помещения, положение оставалось неясным. Бедные по-прежнему находились в зависимости от нового падения курса ассигната; к тому же никто не знал, как долго сможет функционировать система выплаты возмещений булочникам. Булочники оказывали сопротивление. Гара в своем докладе Конвенту 12 февраля сказал [26]:

«Несколько дней назад булочники хотели повысить на одно су цену на четырехфунтовый хлеб; Коммуна воспротивилась этому, но, не имея денег, не смогла и долее идти на жертвы; вот истинная причина опасений, возникших в связи с продовольственным вопросом».

ВАРЛЕ И ЖАК РУ

Итак, движение не было искусственно вызванным; но оно, конечно, не приобрело бы ни той силы, ни тех последствий, какие оно имело в феврале, если бы не было организовано. Образовалась своего рода социальная партия, хотевшая выдвинуть на первый план экономические проблемы. Она хотела изобличить и искоренить скупку во всех ее формах. В феврале возникновению этого движения, по-видимому, более всего способствовали и руководили им два человека — молодой Варле и священник Жак Ру [27].

Варле было всего двадцать лет, но его мучили жажда деятельности и тщеславие [28]. Не имея еще права быть избранным, он старался действовать вне Собраний и оказывать влияние на них. Он участвовал во всех движениях, предшествовавших событиям 10 августа, а затем установил в Тюильрийском саду, на открытом воздухе, трибуну, с которой и обращался с речами к народу. Он осаждал Конвент и Коммуну петициями, развил бурную деятельность в секциях. Сильное повышение цен, взволновавшее в конце 1792 г. и в начале 1793 г. стольких людей и возбудившее столько страстей, явилось для него превосходным предлогом проявить себя. Это была в некотором роде новая платформа, с которой ни Робеспьер, ни Марат не выступали. Для нетерпеливых это был новый прорыв в Революции. Была ли у него какая-нибудь доктрина? Олар приводит его брошюру под названием «Торжественное провозглашение прав человека в социальном состоянии», где он дает определение праву собственности [29]. Эта брошюра не датирована, но относится к январю или февралю 1793 г. «Право собственности на землю имеет пределы в обществе; ее размеры должны быть таковы, чтобы это не наносило ущерба торговой или сельскохозяйственной деятельности. Во всех государствах неимущие составляют большинство, а так как их свобода, их личное самосохранение — блага первостепенной важности по сравнению

со всеми прочими, то их самое естественное и неотъемлемое право — защищаться от угнетения богатых, ограничивая их приобретения и уничтожая при помощи справедливых мер чудовищную диспропорцию в распределении богатств. Поскольку право собственности нерушимо, каждый владелец собственности может по своему усмотрению распоряжаться своим имуществом и своими доходами, *если применение, какое он им дает, не направлено к разрушению общества. Собственность, нажитая за счет общественного достояния, путем воровства, спекуляции, монополии, скупки, становится национальной собственностью с того момента, когда общество на основании несомненных фактов получит доказательство совершенного лихоимства*».

В «Проекте специального императивного наказа народным уполномоченным», представленном 9 декабря 1792 г. Конвенту Жаном Варле, мы находим аналогичные положения [30]:

«Вы упрочите социальный договор путем благодетельных установлений: несомненными признаками, по которым мы согласны их признать,' являются полное искоренение нищеты, постепенное исчезновение слишком большого неравенства состояний, восстановление добрых нравов, распространение просвещения, единодушное участие граждан в повинностях и преимуществах, предоставляемых обществом, ...надежные средства подавления узурпаторов или расхитителей; соревнование, поощрение талантов, направляемых на пользу общества; подлинные свидетельства благодарности и уважения по отношению к гражданам, неизменно отдающим все свои силы защите права народа; изоляция, позор, презрение, пренебрежение к эгоистам и беззаботным людям. Наконец, когда вы будете составлять статьи общественного договора, вы будете иметь в виду организацию общества, в котором

---

26. «Moniteur», XV, 439; «Archives parlementaires», LVIII, 504. Гара — министр юстиции, после отставки Ролана временно исполнял обязанности министра внутренних дел.
27. Подробные биографии Варле и Жака Ру можно найти в нашей статье: A. Mathiez. Les Enragés et la lutte pour le maximum.— «Annales révolutionnaires», 1918. [*Примечание А. Матьеза*] О Варле см. следующее примечание. О Жаке Ру см. ниже, прим. 31.
28. Варле (1764 — ум. после 1831) — почтовый служащий, активист секции Прав человека. См. его досье в алфавитной серии Комитета общественной безопасности. (Archives nationales, F^7 4775^{40}); A. Tuetey. Répertoire général des sources manuscrites de l'histoire de Paris pendant la Révolution française, t. IX, p. IX; A. Mathiez. La vie chère..., p. 121.
29. Varlet. Déclaration solennelle des droits de l'homme dans l'état social. (B. N., 8° Lb^{41} 2979, imp. in-8°, 24 p.)
30. «Projet d'un mandat spécial et impératif aux mandataires du peuple à la Convention Nationale...» (B. N., 8° Lb^{41} 109, imp. in-8°, 22 p.); «Archives parlementaires», LIV, 719.

каждый должен будет получать пропорционально вложенной им доле».

И он прибавляет в примечании как бы для того, чтобы ограничить значение некоторых своих высказываний:

«Мы не имели здесь в виду ни крупной собственности, приобретенной путем честных торговых сделок или смелых начинаний, ни в чем-либо стеснить наши торговые отношения с заграницей; мы хотим только помешать тому, чтобы в результате спекуляции, монополии, скупки имущества частных лиц возрастали за счет общественного достояния».

Итак, это не было решительным и прямым посягательством на собственность; но последняя должна была контролироваться во всех ее проявлениях. Вот какие принципы горячо распространял в секциях Варле. Вот какими идеями благодаря аббату Жаку Ру прониклась секция Гравилье.

Деятельность Жака Ру носила много более проникновенный и глубокий характер, чем деятельность Варле [31]. Этот сорокалетний священник, приехавший в Париж после довольно беспокойной и полной перемен жизни, казалось, подспудно шел к большой честолюбивой цели; и экономическая проблема, которой, по-видимому, пренебрегали боровшиеся между собой партии, показалась ему мощным рычагом. У него в то время не было газеты, и он, по-видимому, не часто выступал с клубных трибун. Он посещал Клуб кордельеров и секцию Обсерватории, но главным образом занимался пропагандой среди жителей секции Гравилье, где было много рабочих, ремесленников и мелких промышленников. Он, несомненно, говорил себе, что, когда медленно и незаметно он подчинит эту секцию своему влиянию и распространит там свои идеи, он приобретет в самом сердце Парижа решающую силу. Он входил в состав временного муниципалитета Парижа как делегат секции Гравилье. Когда 30 декабря делегаты парижских секций направились в Конвент, чтобы заставить его голосовать за казнь короля, то именно оратор от секции Гравилье произнес приведенную мною выше душераздирающую речь, в которой трудно не узнать если не голос, то, во всяком случае, влияние Жака Ру [32]. Последний 21 января был уполномочен Парижской коммуной сопровождать на казнь Людовика XVI; он похвалялся тем, что сказал ему несколько суровых слов, и в своем докладе о казни короля умудрился представить свою жестокость как проявление гражданской доблести [33].

Газета «Революсьон де Пари» пишет по этому поводу [34]: «Коммуне вообще не делали чести ее действия по надзору за узниками Тампля в течение всего времени их пребывания там; она не сумела согласовать свой долг человечности и понимания горя с предосторожностями, которых требовала охрана арестованных.

До последнего момента она давала основания набожному Капету видеть в себе мученика, которому предопределено вечное блаженство, и ставила себе в заслугу дурное обращение, которому он беспрестанно подвергался во всех мелочах быта во время своего заключения, вплоть до момента казни, как мы это увидим далее из доклада Жака Ру и Клода Бернара — *и тот и другой священники, т. е. люди бессердечные...* [35] Когда Жак Ру явился вместе со своим коллегой в Тампль за королем, чтобы повести его на казнь, Капет хотел передать ему свое завещание, но Жак Ру отказал ему в этом, сказав: «*Я только уполномочен отвести вас на эшафот*». На что Людовик ответил: «*Это верно*»».

И газета прибавляет, что священник, «который при исполнении данного ему поручения говорил с бывшим королем скорее как подручный палача, чем как должностное лицо суверенного народа», с удовольствием рассказывает, что граждане смачивали свои платки кровью короля. Словно он усмотрел в казни Людовика XVI как бы возмездие за долгие скрытые страдания и утоление жестоких страстей. Жак Ру сошел с помоста, на который скатилась голова короля, окруженный своего рода кровавым ореолом; в мрачном квартале, от улицы Сен-Дени и до улицы Тампля, переходя из дома в дом, он разносил трагические подробности казни и, казалось, с чисто поповским умением бередил язвы нищеты, сея

---

31. Жак Ру (1752—1794) — священник в епархии Сент, отстранен от должности за свою революционную деятельность в 1790 г., викарий церкви Сен-Никола-дэ-Шан в Париже (секция Гравилье) в 1791 г., член Коммуны 10 августа. См.: A. Mathiez. Op. cit., p. 123; M. Dommanget. Jacques Roux, le curé rouge. Les «Enragés» contre la vie chère sous la Révolution. Paris, 1948, и особенно работы: W. Markov. Jacques Roux oder vom Elend der Biographie. Berlin, 1966; idem. Die Freiheiten des Priesters Roux. Berlin, 1967; idem. Jacques Roux. Scripta et acta. Berlin, 1969 (важнейший труд); idem. Excurse zu Jacques Roux. Berlin, 1970. [См. изданные в русском переводе две работы известного историка ГДР В. Маркова о Жаке Ру: В. Марков. Дореволюционный период Жака Ру.—«Французский Ежегодник. 1963». М., 1964; его же. Жак Ру и Карл Маркс.—«Французский Ежегодник. 1965». М., 1966.— *Прим. ред.*]
32. «Archives parlementaires», LVI, 72.
33. «Courrier français», 23 janvier 1793; Buchez et Roux, XXIII, 343; W. Markov. Jacques Roux. Scripta et acta, p. 87. Жак Ру будто бы ответил Людовику XVI, просившему его передать его завещание Коммуне: «Я только уполномочен отвести вас на эшафот» — версия, принятая большинством историков Французской революции, за исключением Мишле, и опровергаемая, в частности, аббатом Эджевортом, присутствовавшим при этой сцене. См.: M. Dommanget. Jacques Roux, le curé rouge, p. 31. У Жореса и в еще большей степени у Матьеза явно предвзятое отношение к Жаку Ру.
34. «Révolutions de Paris», № 185, 19—27 janvier 1793, «Mort de Louis XVI, dernier roi de France».
35. Бернар — бывший католический священник, член Коммуны 10 августа от секции Монтрёй.

жестокие надежды на репрессии. Несколько позднее, в июне, одна гражданка, говоря в Якобинском клубе о Жаке Ру, отметила воздействие свирепой и почти чувственной жестокости, которую священник насаждал в душах людей:

«В секции Гравилье он рассказывал нам о голове Людовика Капета; он изображал, как эта голова покатилась по эшафоту, и эта мысль приводила нас в восторг. С тех пор как голова Капета пала, у Жака Ру всегда на устах слово „скупщик“»[36].

Так он расхаживал по заполненным народом улицам, заходил в скромные лавки, где ремесленник ждал клиента, вступая в разговор со всеми — как с женщинами, так и с мужчинами, зная из своего опыта священника, что женщина может сыграть решающую роль. И вполне понятно, каким образом он переходил от короля к скупщикам. Какой для вас прок от того, что отрубили голову тирану и свергли тиранию, если вас медленно, изо дня в день, терзают спекулянты и монополисты? Они припрятывают в своих обширных складах съестные припасы и предметы первой необходимости, которые потом продают по ростовщическим ценам голодающему народу, ремесленникам, которым для их производства нужны шерсть, кожа, мыло, железо. Надо восстать также и против них. Что толку в том, что они выдают себя за патриотов? Что толку в том, что они высказались за Революцию и приобрели национальные имущества, если обширные помещения бывших монастырей они набивают скупленными товарами?

Такие речи действовали, и Жак Ру, уже уверенный в своем влиянии в секции Гравилье, ничуть не был обескуражен грубым приемом, оказанным 12 февраля Конвентом и даже самим Маратом петиционерам. Раз Конвент смотрел на него свысока, надо было внушить ему страх. Раз Конвент отказался принять законы против скупщиков, надо было развязать в Париже движение против скупщиков, против всей этой крупной торговой буржуазии, старой или новой, фейянтистской или якобинской, которая держала в своей власти потребителя и бедного производителя. Надо было не ограничивать это движение вопросом о хлебе, а повести общую борьбу против скупки. Разве не были охвачены волнением и беспокойством представители большинства ремесел, как и большинство семей? [37]

И вот 6 февраля «подмастерья-жестянщики» обвиняют у барьера Конвента «гражданина Буа, поставщика армий, в том, что он скупил все материалы и, таким образом, другие предприниматели лишены их и, следовательно, не могут обеспечить работой своих рабочих. Они требуют, чтобы этого гражданина обязали уступить материалы другим предпринимателям, которые и обеспечат рабочих работой, или же он сам должен обеспечить их ею» [38].

ФЕВРАЛЬСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ В ПАРИЖЕ ПРОТИВ СКУПКИ[1]

Итак, одновременно с рабочими пришли в движение и мелкие предприниматели. Высокие цены на мыло, свечи, сахар вызывают возмущение в бедных семьях. 22 февраля в Якобинский клуб являются женщины и требуют предоставления им помещения для обсуждения продовольственного вопроса [2]. Якобинский клуб отказывает им, сославшись на нехватку помещения. Но трибуны впервые протестуют. Они освистывают якобинцев, кричат им, что, видно, и среди них имеются «торговцы и скупщики», которые

---

36. Мы не смогли установить источник, каким пользовался Жорес. Об этом факте не упоминается в сборнике: A. Aulard. La Société des Jacobins.
37. Жорес здесь принимает идею о существовании руководителя: волнения конца февраля 1793 г будто бы подготовлялись давно. Этот взгляд поддерживает и Матьез: «Упорство, с которым петиционеры неоднократно возвращались к главному вопросу о принудительном курсе ассигнатов, доказывает, что их направляли воля и ум, действовавшие за кулисами ..» (A Mathiez. La vie chère, p. 120.) Мы не можем согласиться с этим мнением, которое не считается с революционными стихийными действиями масс. Во всяком случае, несомненно, что пропаганда Жака Ру и Варле способствовала определенному пробуждению сознания. Но они скорее следовали за народным движением, чем руководили им.
38. «Moniteur», XV, 371; «Archives parlementaires», LVIII, 285.

1. О парижских событиях конца февраля 1793 г. см.: A Mathiez. Op. cit., p. 138; G. Rudé. Les émeutes de 25 et 26 février 1793 à Paris.—«Annales historiques de la Révolution française», 1953, p. 33. (Важно, в частности, своим исследованием социального состава участников волнений.)
2. См. выше, с. 205, прим. 13. Речь идет о депутации женщин из секции Четырех наций.

наживаются на общественных бедствиях [3]. А 24 февраля натиск двух депутаций женщин приходится выдержать уже Конвенту.

«Парижские прачки приходят в святилище законов и справедливости заявить о своих тревогах. Непомерно высокие цены существуют не только на все необходимые для жизни продукты; товары, нужные для стирки, вздорожали до такой степени, что наименее зажиточные слои народа вскоре не смогут обеспечивать себя чистым бельем, без которого они совершенно не могут обойтись. Не то чтобы не хватало товаров, они имеются в изобилии; дороговизна растет из-за скупки и спекуляции. Поэтому мыло, стоившее раньше 14 су за фунт, теперь обходится в 22 су; какая огромная разница [4].

Законодатели, благодаря вам меч закона обрушился на голову тирана; пусть же меч закона опустится на голову этих кровопийц общества, этих людей, беспрестанно называющих себя друзьями народа, но льстящих ему только для того, чтобы вернее его душить. Мы требуем смертной казни для скупщиков и спекулянтов».

Это живой отклик на проповеди Жака Ру [5]. В тот же день гражданки из Братского общества, заседавшего в Якобинском клубе, возобновляют свои протесты против торговли деньгами [6]:

«Они заявляют, что именно тогда, когда они с печалью в душе провожают своих мужей и родных на фронт, их ужасают махинации скупщиков. Поэтому они и явились потребовать отмены декрета Учредительного собрания, объявившего деньги товаром [7]. Они думают, что это единственное средство устранить все их беды».

Это была прелюдия к движению, начавшемуся на следующий день. По всему Парижу граждане и гражданки отправились в лавки и заставили торговцев продавать им свечи, мыло и сахар по пониженным ценам, установленным самими покупателями [8].

По странному совпадению, которое исказило для многих историков смысл событий этого дня, Марат опубликовал утром того же 25 февраля резкую статью, казалось бы, толкавшую на грабежи [9].

«Несомненно, что капиталисты, спекулянты, монополисты, торговцы предметами роскоши, крючкотворы, судейские, бывшие дворяне и т. п.— все, за единичными исключениями, являются приспешниками старого порядка, сожалеющими о злоупотреблениях, которыми они пользовались для своего обогащения за счет общества. Как же они могут добросовестно содействовать установлению царства свободы и равенства? Ввиду невозможности изменить их души, тщетности всех средств, применявшихся до сих пор для того, чтобы призвать их к выполнению долга, потеряв надежду на то, что законодатель прибегнет к серьезным мерам, чтобы принудить их к этому, я не вижу иного выхода, кроме полного уничтожения этого проклятого отродья, уничтожения, способного возвратить спокойствие государству, которое они не перестанут раздирать на части, пока будут существовать. Ныне они

удваивают усилия, чтобы довести народ до отчаяния непомерным повышением цен на продукты первой необходимости и страхом голода.

В ожидании того, что нация, уставшая от этих возмутительных беспорядков, сама примет меры для очищения страны свободы от этого преступного отродья, которое ее трусливые уполномоченные поощряют к злодеяниям, обеспечивая ему безнаказанность, не следует удивляться, что в каждом городе доведенный до отчаяния народ сам свершит правосудие. В каждой стране, где права народа не пустые слова, торжественно возвещаемые только в декларации, разграбление нескольких складов, у дверей которых были бы повешены скупщики, быстро положило бы предел этим злонамеренным действиям, повергающим 25 млн. человек в отчаяние и обрекающим тысячи погибать от нищеты. Неужели же депутаты народа будут только вечно болтать о бедствиях, никогда не предлагая никаких средств исцеления?

Оставим в стороне репрессивные меры законов; слишком очевидно, что они всегда были и всегда будут безрезультатны; единственные действенные меры — революционные. Но я не знаю никакой другой, применимой к нашим слабым способностям, кроме как облечь полномочиями нынешний Комитет общественной безопасности, составленный целиком из честных патриотов, разыскать главных скупщиков и предать их как изменников отечества суду Государственного трибунала из пяти членов, отобранных из наиболее честных и суровых.

Я знаю другую меру, которая еще вернее привела бы к цели: составить сообщество из наиболее состоятельных граждан для закупки за границей продуктов первой необходимости и продажи их по покупной цене и таким образом снижать существующие цены до тех пор, пока они не придут в справедливое равновесие; но осуществление этого плана предполагает добродетели, которые не найти в стране, где господствуют плуты, разыгрывающие из себя патриотов, чтобы легче обманывать глупцов и грабить народ! Но немного терпения: эти беспорядки долго не продлятся. Народ

---

3. A. Aulard. La Société des Jacobins, V, 37.
4. «Moniteur», XV, 544; «Archives parlementaires», LIX, 150.
5. Несомненно. Но в еще большей мере это глубокое чувство народных масс. Жак Ру лишь уточняет и выражает их чаяния и требования.
6. «Moniteur», XV, 544; «Archives parlementaires», LIX, 151. Об этом Братском обществе см. выше, с. 205, прим. 14.
7. Декрет от 27 августа 1790 г. См.: Ж. Жорес. Цит. соч., т. I, кн. 2, с. 55.
8. Цена на сахар была установлена в размере 20 и 25 су, на сахарный песок — 8 и 10 су, на мыло и на свечи — 12 су.
9. «Journal de la République française», № 133, 25 février 1793. [См.: Ж.-П. Марат. Избранные произведения, т. III, с. 254.— *Прим. ред.*]

поймет наконец великую истину, что он всегда должен сам спасать себя Пусть злодеи, которые стремятся вновь заковать его в кандалы, покарать его за то, что он избавился 2, 3 и 4 сентября от кучки предателей, трепещут как бы им самим не оказаться в числе пораженных членов, которые он сочтет необходимым отсечь от политического организма!»

Казалось, это был почти прямой призыв к грабежу и даже к убийству; и эта статья Марата, пристрастно прокомментированная его противниками, осталась словно яркая эмблема событий 25 февраля Однако ясно, что столь широкое движение не возникает случайно. На многих улицах грабеж начался между девятью и десятью часами утра, в это время газета Марата только поступила в продажу. Мишле полагает, что статья появилась накануне дня грабежей. Он относит статью к 23 февраля, а грабежи к 24 февраля [10]. Это ошибка: статья появилась в тот же день, когда начались грабежи,— 25 февраля. И конечно, выступление подготовлялось приблизительно в течение недели. Женщины накануне в общих чертах предупредили об этом Конвент. Описание совершившегося в «Революсьон де Пари» не оставляет сомнений на этот счет [11].

«В воскресенье многие из петиционерок кричали „*Хлеба и мыла*!“ Эти крики были подхвачены многочисленными группами сильно возбужденных людей вне зала. Конвент слушал все это довольно хладнокровно и отложил рассмотрение вопроса до вторника; это решение вовсе не успокоило и не удовлетворило женщин, оно даже еще более ожесточило их, и, уйдя от барьера, они громко повторяли в примыкавших к залу коридорах всем, кто хотел слушать „Ответ нам откладывают до вторника, *но мы подождем до понедельника* Когда наши дети просят у нас молока, мы не можем отложить это на послезавтра“».

Приказ, данный Жаком Ру, быть может, через Братское общество и секцию Гравилье, очевидно, был таким:

«Вы пойдете в Конвент в воскресенье, 24-го, в день приема петиций; если Конвент не удовлетворит ваше требование немедленно, вы в понедельник возьмете все необходимое на складах»

Следовательно, к грабежу побудила не статья Марата Более того, если внимательно прочитать ее, станет ясно, что он совсем не хотел его Он знал (и сам сказал об этом в Конвенте), что в Париже уже несколько дней происходит сильное брожение Он опасался, что движением руководят люди, которых он 12 февраля изобличил как интриганов и заговорщиков [12]. Больше всего он опасался, как бы народ не начал настаивать перед Конвентом на установлении общих твердых цен на продовольствие, от которых Марат ожидал для Революции одних только несчастий. И он старается направить все эти страсти по другому руслу, заявляя, что нескольких примеров суда над скупщиками было бы достаточно для восстановления порядка и справедливого соответствия цен Эта статья нелепа и крайне сумбурна. Что хочет сказать Марат, говоря о полном уничтожении капиталистов? Это совершенно бессмысленно, так как он допускает существование частной торговли В своих бессвязных заявлениях он переходит от советов вешать [скупщиков] к радужным проектам создания сообщества богатых филантропов, которые будут вести бесприбыльную торговлю и продавать продукты по себестоимости Но в сущности, он предлагает создать революционный трибунал Он хочет разрешить трудности, связанные с продовольственным вопросом тем же способом, какой вскоре, 9 марта [13], предложит Дантон для разрешения всех трудностей, в тисках которых бьется Революция. А все остальное служит для того, чтобы облегчить принятие совета, относительно умеренного (во всяком случае, таковым его считал Марат). В сущности, он должен был быть очень смущен тем, что появление его статьи совпало с грабежами, так как она была предназначена скорее для того, чтобы их предотвратить. Марат всегда был убежден, что именно жирондисты и бриссотинцы старались возбудить беспорядки, чтобы погубить Революцию, и он, несомненно, сознавал, что оказался в смешном положении, дав своим врагам поистине слишком удобный повод для обвинений

На следующий день, 26 февраля, он отвечает Салю в Конвенте [14] «Народные выступления, происшедшие в Париже,— дело рук этой преступной группировки и ее агентов [*справа*], эти выступления давно уже подготовляли в секциях ее эмиссары. Вы видели у этого барьера сбитых с толку парижских граждан, предлагавших вам возмутительные меры, это их работа. Пять или шесть дней назад брожение в Париже достигло своего апогея. Народ, осужденный умирать от голода из-за подлых действий агентов фракции Ролана, захотел предъявить свои справедливые требования, эмиссары этой дьявольской фракции затесались в народ и вызвали вчерашние выступления».

В своей газете Марат проводит ту же мысль [15]. Он был искренен, он считал, что эти волнения были на руку Жиронде и делал смелый вывод, что их вызвала именно Жиронда. Как убог человеческий разум! Но как Марат, преследуемый этой мыслью, упор-

10 Michelet Histoire de la Revolution française, livre X, chap II (éd G Walter, II, 379) «Странное дело,— пишет Мишле о Марате,— рисующее перемен чивость его характера 12 февраля он проявил необычайную умеренность [ ] А 23 февраля он выбрасывает лозунг грабеж складов [ ] На другой день (24 февраля) грабят Толпа послушна своему апостолу . » См. ниже, с 221, прим 19

11. «Révolutions de Paris», № 190, 23 février — 2 mars 1793, «Journee du 25 fevrier».
12. См выше, с 209, прим 20
13. «Archives parlementaires», LV, 62 Революционный трибунал был учрежден 10 марта 1793 г
14. «Moniteur», XV, 570, «Archives parlementaires», LIX, 275
15. См , в частности «Journal de la République française», 28 fevrier 1973.

ствующий в этом мнении, мог бы желать и умышленно вызвать беспорядки, происшедшие 25 и 26 февраля? На этот раз он был жертвой своей убийственной фразеологии. И общественное мнение, поймав его на слове, приписало ему события, о которых он, несомненно, сожалел больше всех.

Нет, виновником этих событий был не Марат, а Жак Ру. Именно он в течение всего февраля из недр своего темного квартала Гравилье вдохновлял и организовывал эту своего рода продовольственную революцию, которая, казалось, возвещала и даже начинала социальное движение, эту «третью революцию», о которой вскоре заговорит газета Прюдома.

После событий 14 июля и 4 августа, ударивших по дворянам, после событий 10 августа, ударивших по королю, приближается третья революция, которая ударит по богатым людям. Неловкая статья Марата была на руку Жаку Ру. Последний, конечно, не ошибся в оценке смысла этой статьи и намерений Марата. Он *хорошо понимал, что Марат хотел преградить ему путь и, так* сказать, подменить довольно ограниченной уголовной процедурой широкое движение за социальные требования, которое он хотел развязать. Но тактика Жака Ру всегда будет состоять в том, чтобы использовать Марата, прикрыться его популярностью именно в тот момент, когда Марат против него борется и на него клевещет; 25 февраля этот расчетливый и замкнутый священник должен был испытывать своего рода наслаждение, смакуя статью Марата. Теперь он мог, не вызывая большого возмущения, ссылаться на Марата и сразу придать своей терпеливой, темной и скрытой деятельности яркий блеск популярности «друга народа» Любопытная вещь! В своем рассказе о февральских выступлениях Луи Блан лишь мимоходом упоминает о Жаке Ру [16]; он не видит в этих событиях никакого социального содержания; он считает, что они были вызваны почти исключительно интригами иностранцев и золотом Питта, который был заинтересован в волнениях в Париже. Это полемический прием, едва ли извинительный и для современников событий. Это не суждение историка. Луи Блан не понимает инстинкта толпы, стихийности действий народа. И когда события выходят за рамки революции, которые он для нее наметил, когда они кажутся ему противоречащими плану революции, он охотно видит в них интригу врага [17].

Тьер хорошо понимал, что действия Марата в эти дни были очень незначительными. Но он даже не называет Жака Ру, о котором, однако, говорил в связи с казнью Людовика XVI [18].

Мишле проявляет изумительное интуитивное понимание скрытых и глубоких сил, таившихся в Революции. Он в общем очень правильно раскрыл роль Жака Ру. Он хорошо видел «этот едва заметный зародыш неведомой Революции, который яснее проявился позднее в деятельности Бабёфа». Но он не заметил первых движений этого зародыша. Мишле совсем не упоминает Жака Ру при описании событий 25 февраля. Поскольку Мишле ошибочно вообразил, что «послушная своему апостолу толпа» последовала 25 февраля за Маратом, для Жака Ру не остается места в этих событиях [19].

И все-таки в этот день, 25 февраля, Жак Ру взял на себя очень большую ответственность. Об этом убедительно свидетельствует протокол заседания Коммуны («Монитёр юниверсель» за 28 февраля)[20].

« Кювилье, один из комиссаров, посланных в секции, отчитывается в своей миссии и сообщает, что в секции Гравилье он видел священника Жака Ру, члена Совета, занятого тем, что он оправдывал поведение тех, кто собирался, чтобы заставить торговцев продавать им товары по произвольно ими же установленным ценам.

Жак Ру, только что прибывший в Совет, поднимается на трибуну и говорит, что он всегда исповедовал истинные принципы и, если его назовут *Маратом Генерального совета*, он никогда не откажется от этого наименования.

Один из членов требует, чтобы Жака Ру обязали подписать *сделанное им только что заявление.*

Другой требует от него объяснения, почему в момент опасности он не был на своем посту. [*Поднимается шум.*] Обстоятельства не позволяют заниматься отдельными личностями, и Генеральный совет переходит к рассмотрению следующих вопросов повестки дня, прекратив обсуждение вопроса о Жаке Ру.

Большинство посланных в секции комиссаров отчитываются в своей миссии. Везде результаты одни и те же, *везде требуют издания сурового закона против скупщиков*».

По сообщению газеты «Революсьон де Пари» [21], Жак Ру в этот вечер резко заявил в Совете Коммуны: «Вдобавок я думаю, что

16. L Blanc. Histoire de la Révolution. T. VIII, p. 118 «Жак Ру, тот священник, который сопровождал Людовика XVI на эшафот, был обвинен перед своими коллегами [из Генерального совета Коммуны] в том, что он подстрекал к грабежу; он ограничился дерзким ответом, что он всегда исповедовал истинные принципы» См. ниже.
17. Но разве Жорес, а вслед за ним и Матьез не усматривают здесь интригу Жака Ру? Впрочем, здесь налицо некоторое противоречие — говорить об инстинкте толпы, о стихийности действий народа, как это делает здесь Жорес, и в то же время утверждать, что Жак Ру несет ответственность за события 25 и 26 февраля 1793 г
18. M. Thiers. Histoire de la Révolution française (Edition 1839) T. II, p. 48. Марат, «этот заносчивый безумец»
19. J Michelet Histoire de la Révolution française, livre X, chap. II. См. выше, с. 219, прим. 10.
20. «Moniteur», XV, 565, заседание Генерального совета Коммуны 25 февраля 1793 г.
21. «Révolutions de Paris», № 190, 23 février — 2 mars 1793, «Journée du 25 février».

лавочники лишь возвратили народу то, что они так долго заставляли его переплачивать».

Именно на него обрушиваются первые взрывы негодования: «Генеральный совет Коммуны (заседание от 27 февраля) распорядился включить в протокол своего заседания постановление, которым секция Пик призывает своих братьев из секции Гравилье осудить своего представителя в Коммуне *Жака Ру* за то, что 25-го числа сего месяца он призывал Генеральный совет отказаться от всех принципов, узаконив события этого дня. Кроме того, секция Пик постановила, что Жак Ру утратил ее доверие» [22].

Имея против себя Конвент, якобинцев и Марата, Жак Ру не пользовался поддержкой ни Коммуны, ни группы Эбера. Несомненно, Коммуна пресекла возмущение очень мягкими мерами. Ни Паш, с 14 февраля ставший мэром, ни Эбер, ни Шометт не могли решительно выступить против части народа, даже «заблудшей». Сначала они не препятствовали ничему. Но Паш лично старался прекратить беспорядки и, по свидетельству газеты Бриссо, даже сам задержал двух грабителей [23]. Командующий национальной гвардии Сантер в этот день отправился рано утром в Версаль для инспекции батальона, словно накануне нельзя было предвидеть возмущение. Но если Парижская коммуна не могла силой подавить бунт, она все же не одобряла его. Ее политика была совсем иной. Она пыталась добиться от Конвента возможно более крупных субсидий, чтобы сохранить довольно низкую цену на хлеб; а эти сцены грабежа и насилия могли только восстановить Собрание против Парижа. К тому же Коммуна была связана с Горой и хорошо понимала, что Ру хотел повести борьбу не только против жирондистов, но и против популярности монтаньяров. По правде говоря, на первый взгляд казалось, что между взглядами Эбера и взглядами Жака Ру или Варле не было больших различий. Как мы видели, Эбер тоже хотел сильно ударить по монополистам и скупщикам. Еще недавно, в декабре 1792 г., в номере 198 своей газеты «Пер Дюшен» он писал:

«Я не проповедую того, что умники называют аграрным законом. Ибо, по расчету одного знаменитого математика, если разделить земли, то каждый из нас получил бы всего лишь 40 экю ренты; это не Перу *. Установить совершенное равенство состояний невозможно, ибо если предположить, что каждый гражданин имеет поле, луг, сад, маленькую ферму, то тот, кто лучше сумеет обработать землю, кто сильнее или искуснее, скоро станет богаче своего соседа. Поэтому я и не требую раздела земель, но — черт поберн! — хочу, *чтобы всех этих богатеев, разжиревших на крови бедняков, заставили все отдать обратно; чтобы финансистов заставили возвратить все то, что они украли у нации; чтобы обломали зубы всем этим кровопийцам, сосущим кровь народа, и тогда*

будет чем оплатить расходы на ведение войны. Скупка прекратится, звонкой монетой не будут больше торговать, торговлю будут вести без помех; столько не накопят, чтоб разъезжать в экипажах, да этого и не нужно: одному человеку достаточно груши, чтобы утолить жажду, и куска хлеба на старости лет».

В конце концов, разве случившееся 25 февраля не было первой «отдачей обратно»? Но Эбер был далек от того, чтобы взять на себя серьезные обязательства. Он умел отвечать на различные и смутные чаяния своей обширной народной клиентелы. Он не хотел вступать на узкий путь и связать себя с какой-нибудь исключительной системой. Он ждал расширения своего влияния от решающей борьбы против Жиронды и, несомненно, считал очень неосторожным и очень глупым священника, который из глубины своего темного квартала, казалось, бросал в тот момент вызов якобинцам и Горе. Эбер в своей пляшущей на волнах, окрашенной в кричащие цвета ладье отдался на волю широкого потока; напротив, Жак Ру казался одиноко стоящим на темной скале, сотрясаемой со всех сторон валами.

Между взглядами Эбера и взглядами Жака Ру существовало только внешнее сходство. Жак Ру не был глубоким мыслителем. Конечно, было бы умалением сводить его политику к политике грабежа. В его глазах события 25 февраля были лишь предупреждением с целью добиться издания законов. Но если взять его доктрину как таковую, это вечное предание анафеме монополий, скупки, спекуляции, то сколь она легкомысленна и непоследовательна! Где кончается дозволенная законом торговля? Где начинается скупка? Или по торговцам будут бить вслепую, и это приведет к всеобщему разорению. Или попытаются контролировать их операции. Но если контроль будет слаб, он не даст результатов. Если он будет постоянным и тщательным, то в действительности торговыми операциями будут руководить контролер, государст-

22. «Moniteur», XV, 566, 594. Секция Пик была секцией Робеспьера. Слова Жака Ру, клонившиеся к оправданию грабежа, выражали умонастроение народа, они были частым явлением в эти февральские дни 1793 г. (См. много примеров у: А. Собуль. Парижские санкюлоты во время Якобинской диктатуры. М., 1966.) Шено, одно время бывший председателем Клуба кордельеров, будто бы объявил в этих обстоятельствах, что «грабежи преследовали моральную цель». О постановлении секции Пик см. ниже, с. 233, прим. 40.

23. «Le Patriote français», № 1295, 27 février 1793.

* В XVII—XVIII вв. из Перу, испанской колонии, в Европу (через Испанию) поступало серебро, поэтому слово «Перу» ассоциировалось у современников с представлением о богатстве. Слова «сокровища Перу» были ходовым выражением во французском языке XVII—XVIII вв. — *Прим. ред.*

во и муниципалитет и частная собственность фактически будет поглощена обществом. Поэтому когда Варле и Жак Ру уверяют, что они хотят сохранить собственность, даже «крупную собственность», и когда они в то же время требуют, чтобы скупка и монополия решительно преследовались, то они запутываются, проявляют непоследовательность [24]. Если судить по приведенной мною цитате, Мишле видит к этом зародыш бабувизма. Ни Жак Ру, ни Варле лично не вступили на путь к коммунизму: у них не было широты мышления Бабёфа. И если их доктрина и подготовила учение о коммунизме, то это произошло вследствие самой ее противоречивости и даже бессилия.

Бабёф будет опираться главным образом на рабочих мануфактур; когда он создаст свой клуб, он будет находиться возле Пантеона *, в месте, откуда он будет господствовать одновременно и над Сен-Марсельским кварталом с его кожевенными фабриками, и над Сент-Антуанским кварталом с его многочисленными крупными мастерскими [25]. Напротив, секция Гравилье являлась центром ремесленников и мелких промышленников, и эта непросвещенная мелкая буржуазия совершенно не поняла бы великой идеи общественной собственности и общественного производства. Напротив, ее раздражало капиталистическое развитие, угрожавшее ей со всех сторон. Революция, которая способствовала возникновению крупных предприятий, принесла ей разочарование. Как! Монастыри экспроприируют только для того, чтобы устраивать в них либо огромные склады, либо крупные мануфактуры, которые будут конкурировать и разорять мелких лавочников и скромных ремесленников!

Газета «Революсьон де Пари», делая вывод о гибельных последствиях событий 25 февраля, пишет [26]: «Многие голландские, английские и американские торговые дома намеревались перенести свои конторы в Париж, чтобы пользоваться там всеми льготами и покровительством действительно свободного государства. События 25 февраля заставят их спустить свои паруса: они не пожелают обосноваться в стране, где не уважают собственности порядочного человека».

Но как раз этот мощный подъем крупной торговли смущал и нарушал привычки обитателей центра Парижа. Лихорадочная экономическая деятельность нарушала их интересы. «*На всех улицах строят*»,— отмечала в мае «Революсьон де Пари» (номер от 4—11 мая)[27]. И в новых домах помещались не только роскошные квартиры буржуазии, но и обширные мануфактуры и склады, мешавшие ремесленникам вдвойне: конкуренцией фабричных изделий и скупкой сырья. Жалоба «подмастерьев», а именно мелких хозяев-жестянщиков, о которой я уже упоминал, чрезвычайно знаменательна. Именно в их интересах, по меньшей мере в такой же степени, как и в интересах рабочих, действовал Жак Ру. И безрассудное разграбление нескольких жалких лавок разбушевавшейся толпой, в которую затесались и мошенники, не должно скрывать от нас истинную экономическую и социальную суть новой партии. Жак Ру защищал мелкую буржуазию и ремесленников от скупки сырья и конкуренции крупных торговцев подобно тому, как он защищал пролетариев от повышения цен на продовольствие. Когда несколько позже, 25 июня, Жак Ру заявит в Конвенте [28]: «Какова цель этих спекулянтов, захватывающих в свои руки *мануфактуры*, торговлю, продукты земли?» — то он выразит тревогу всего этого множества ремесленников из секции Гравилье, опасавшихся экономической экспроприации. Несомненно, эта весьма революционно настроенная мелкая буржуазия, которая хотела нейтрализовать первые результаты Революции в области экономики и капиталистического производства, не возвращаясь вспять, а идя вперед, сильно отличалась от черствой, реакционной мелкой буржуазии, ставшей во многих столицах Европы добычей антисемитизма и повторявшей пустые призывы к борьбе против «финансистов, монополий и скупки». Ныне открыты и ясно начертаны пути к социализму и коммунизму, и только в силу самых ретроградных заблуждений мелкая буржуазия отказывается вступить на них. В начале 1793 г. не существовало ясной социалистической формулы, и ремесленный люд, идя ощупью сквозь Революцию, искал свой путь.

Сколь бы ни были неясны идеи Жака Ру, какими бы они ни были незавершенными, в его действиях были два новых и мощных фактора, отличавшие его от всех партий и противопоставлявшие

---

24. Мы склонны говорить не столько о непоследовательности, сколько о противоречии; эти противоречия были характерны для санкюлотов, привязанных к собственности, при условии что она основана на личном труде и остается в умеренных границах. От этого противоречия не были избавлены даже якобинцы.

* Общество друзей Республики, или Клуб Пантеона, возникшее в ноябре 1795 г., собиралось по соседству со зданием Пантеона (бывшей церкви св. Женевьевы), расположенным на холме Сент-Женевьев. После некоторой внутренней борьбы в клубе одержали верх сторонники Бабёфа. Общество было закрыто по распоряжению Директории в феврале 1796 г.— *Прим. ред.*

25. Жорес преувеличивает здесь рабочий характер исторических предместий и промышленную концентрацию в них. На деле ремесленная структура всегда преобладала в Сент-Антуанском и Сен-Марсельском предместьях: концентрация рабочей силы в трех секциях Сент-Антуанского предместья (Попенкур, Монтрёй и Кенз-Вен) составляла 15 рабочих на мастерскую, в секции Финистер в Сен-Марсельском предместье — 16 рабочих (но 25 рабочих в соседней секции Санкюлотов). В секции Гравилье было 13 рабочих на мастерскую. (См.: A. Soboul. Les sans-culottes parisiens en l'an II, p. 1092).
26. «Révolutions de Paris», № 190, 23 février — 2 mars 1793, «Journée du 25 février».
27. «Révolutions de Paris», № 200, 4—11 mai 1793.
28. Намек на знаменитую петицию, представленную 25 июня 1793 г. в Конвент Жаком Ру. («Archives parlementaires», LXVII, 458.)

его даже Эберу. Во-первых, он считал главным и наиболее существенным то, что другие, даже наиболее смелые, находили второстепенным, побочным. Это вопрос о собственности, о ее необходимых пределах, о контроле, которому она должна быть подчинена,— вопрос этот он упорно выдвигает на первый план. Он не ограничивается сделанными мимоходом резкими нападками на скупщиков, т. е. на злоупотребления правом собственности, он хочет, чтобы борьба велась систематически, непрерывно, чтобы она была главной заботой, важнейшим делом Революции. Во-вторых, и как естественное следствие, он предостерегает народ от какой-либо приверженности к чисто политическим партиям, и если Сен-Жюст, Робеспьер, Эбер, Шометт не решаются вступить в социальную борьбу, если они не хотят отдаться ей целиком, то надо выступить против них. Отсюда 22 февраля и свистки на трибунах против растерявшихся и смущенных якобинцев. Отсюда 25 февраля и возгласы неодобрения, брань даже по адресу Коммуны, Эбера и Шометта, которые уступают и, отнюдь не собираясь входить в соглашение с движением, говорят о его подавлении, о необходимости бить сбор. «Тем лучше! Тем лучше!» — кричали с трибун при каждом сообщении об актах разграбления, изобличаемых в Коммуне. «Скупщики! Скупщики!» — кричали они всем членам муниципалитета, высказывавшим осуждение [29]. В борьбе партий слово «скупщик» становится новым боевым лозунгом, имеющим социальное значение. Жак Ру не ввел его в язык Революции, но придал ему более глубокий смысл и более широкое звучание.

Испуганные и раздраженные, на него резко обрушились все партии, особенно крайние, более всего боявшиеся быть скомпрометированными и покинутыми. Они были тем более раздражены, что Жиронда и в своих газетах, и с трибуны заявляла: «Вот вам результаты анархистских проповедей! В сентябре не щадили людей, в феврале не щадят собственности; это логично». Якобинцы поспешили отречься от движения и снять с себя ответственность за него. Правда, они в нем не играли никакой роли. и оно отчасти было даже направлено против них. Их тактика состояла в том, чтобы изобличать его как маневр контрреволюционеров и как интригу самих жирондистов.

ПОЗИЦИЯ ЯКОБИНЦЕВ

Робеспьер не осмелился полностью отрицать народный характер движения, но, признав его на какой-то момент таковым, долго настаивал на существовании контрреволюционного заговора. По правде сказать, Революция погибла, если под предлогом пресечения скупки она позволила народу вступить на путь грабежа или если она позволила нарушить право на любую собственность прежде, чем новая система была подготовлена в обществе и в сознании людей.

«Так как я всегда любил человечество и никогда никому не старался льстить,— говорит Робеспьер [30],— я буду говорить правду. Налицо заговор, направленный против патриотов. Интриганы хотят погубить патриотов. В сердце народа справедливое чувство негодования. Находясь среди гонителей и лишенный поддержки, я отстаивал мнение, что народ никогда не бывает неправ; я осмелился провозгласить эту истину тогда, когда она еще не была признана; ход Революции доказал ее правильность.

Народу так часто приходилось слышать, как ссылаются на законы те, кто хотел наложить на него ярмо, что он с недоверием относится к таким речам.

Народ страдает. Он еще не пожал плодов от трудов своих. Он продолжает подвергаться преследованиям со стороны богатых, а богачи остаются такими, какими они были всегда, т. е. жестокими и безжалостными. (*Аплодисменты.*)

Народ видит, как нагло ведут себя те, кто его предал. Он видит, какое богатство они накапливают в своих руках, он чувствует свою нищету, но он не сознает, что необходимо овладеть средствами, которые позволят достигнуть цели, и, когда с ним говорят на языке разума, он слышит только голос своего негодования против богачей и позволяет увлечь себя на путь ложных мер тем, кто вкрадывается в его доверие, чтобы погубить его.

Тому есть две причины. Первая заключается в естественной склонности народа искать средства облегчения своей нищеты,— склонности, которая сама по себе естественна и законна. Народ считает, что за отсутствием охранительных законов он сам имеет право позаботиться об удовлетворении своих потребностей.

Есть и другая причина. Она заключается в коварных планах врагов свободы, врагов народа, твердо убежденных в том, что лучшее средство предать нас иностранным державам — это вызвать в народе тревогу относительно продовольственного положения и затем сделать народ жертвою тех крайностей, которые из этой тревоги возникнут. Я сам был свидетелем волнений. Рядом с честными гражданами мы видели иностранцев и богатых людей, переодетых в почтенную одежду санкюлотов. Мы слышали, как они говорили: «Нам обещали изобилие после смерти короля, а мы стали еще более несчастными с тех пор, как этого бедного короля нет на свете». Мы слышали их разглагольствования, они были на-

---

29. «Moniteur», XV, 566, заседание Генерального совета Коммуны 25 февраля 1793 г. «Гражданин Бассе, гравер, представитель от секции Борепера, объявляет, что всех торговцев-бакалейщиков секции грабят». (Возгласы с трибун: «Тем лучше!» Женщина у выхода: «Это скупщик!»)
30. A. Aulard. La Société des Jacobins, t. V, p. 43. Заседание 25 февраля 1793 г. [См.: М. Робеспьер. Избранные произведения. Т. II, М., 1965, с. 250—252].

правлены не против интриганской и контрреволюционной части Конвента, занимающей места там, где в Учредительном собрании сидели аристократы, а против Горы, против депутатов от Парижа и *против якобинцев, которых они изображали как скупщиков.*

Я не говорю вам, что народ виноват; я не говорю вам, что его волнения являются преступлением. Но разве, когда народ поднимается, он не должен иметь перед собой достойную его цель? Разве должны его занимать какие-то жалкие товары? Он ими и не воспользовался, головы сахара были подобраны руками лакеев аристократии; но если б он даже ими пользовался, какие затруднения могут явиться результатом этой скудной выгоды? Наши противники хотят напугать всех, кто имеет какую-то собственность. Они хотят внушить, будто наш строй свободы и равенства означает подрыв всякого порядка, всякой безопасности. Народ должен подняться не для того, чтобы получить сахар, а для того, чтобы уничтожить разбойников».

Смущение Робеспьера было явным: он не хотел утратить связи с революционной силой народа, даже беспорядочной, но он не хотел также тревожить имущих; от обсуждения вопроса о продовольствии он уклонился.

Якобинцы столь сильно опасались последствий событий 25 февраля и той выгоды, какую могли бы извлечь из них фейяны и жирондисты по всей Франции в борьбе против демократов, что направили обращение в аффилиированные [дочерние] общества [31]. В нем они также, еще более четко, чем это сделал Робеспьер, осудили волнения как маневр врагов Революции. Продовольственный вопрос — лишь предлог. «Чтобы вызвать взрыв, одному из более чем подозрительных ораторов поручили огласить у барьера Национального Конвента петицию, стиль и дух которой изобличали истинных подстрекателей этого демарша» [32]. Это тайно возвратившиеся эмигранты, переодетые роялисты, аристократы вызвали выступления и руководили ими. «Наша тревога удвоилась, когда мы *впервые* услышали, как с трибун для публики обманутые или подосланные зрители отвечали нам на наши миролюбивые советы, *обзывая нас спекулянтами и скупщиками*». В некоторых группах раздавались возгласы: «Да здравствует Людовик XVII!» — и якобинцы доходят до того, что утверждают, будто «*большие склады скупщиков были пощажены, что предпочитали грабить лавки патриотов*». Это неправда. «Революсьон де Пари» пишет противоположное [33]: «Самое неслыханное, что самая маленькая лавчонка торговца в розницу была так же разграблена, как и самый большой склад: не щадили никого или почти никого». Уже из одного этого должно быть ясно, что большие склады не пощадили. Но примечание в низу страницы прибавляет: «*Кое-кого из бакалейщиков-якобинцев не тронули*». Это заявление прямо противоположно тому, что утверждается в обращении. Не думаю, чтобы заранее было решено не трогать торговцев-якобинцев, так же как не было заранее решено напасть именно на их лавки. Каждый наблюдатель в зависимости от случайного стечения обстоятельств, свидетелем которых он стал во время широкого и неясного движения, усматривал в нем ту или иную тенденцию. Одно несомненно, лозунг был таков: «Против всех, будь то якобинцы или фейяны: все они лавочники». Именно это политическое безразличие к торговому классу было характерно для мышления Жака Ру.

Якобинцы понимали положение более верно, когда указывали, что в наиболее старых кварталах все было спокойно; это служит решительным подтверждением того, что я говорил выше о *мелкобуржуазном* характере февральского движения и новой партии.

«*Весьма примечательно то обстоятельство*, — говорится в обращении,— *что в кварталах, известных своим пылким цивизмом, где население менее зажиточно и более многочисленно, никто ничего не почувствовал. В предместье Сен-Марсо не потревожили ни одного лавочника; напрасно протестующие во главе с женщинами, пришедшими из отдаленных кварталов, двинулись в Сент-Антуанское предместье; им не удалось увлечь за собой живущих там честных и энергичных граждан. Вот каков народ Парижа!*»

Но якобинцы пришли к заключению, что в других местах, в секции Гравилье и в кварталах центра, движение было направлено против Революции.

В этой кампании Эбер стал союзником якобинцев. Он помогал им в их тактике своими грубыми остротами и своей бесстыдной фантазией. Он довел данное якобинцами объяснение до карикатуры. Если верить ему, то события 25 февраля были не чем иным, как устроенным аристократами маскарадом, бунтом в масках, участниками которого были эмигранты, переодетые санкюлотами (номер 219) [34]. Кроме того, как полагается, весь этот спектакль организовали «бриссотинцы». Вначале они «устроили так, что у булочников скупили хлеб», чтобы вызвать панику и создать повод для скопления людей.

---

31. A. Aulard. Op. cit., t. V, p. 51.
32. Намек на петицию от 12 февраля 1793 г. См. выше, с. 201, прим. 3.
33. «Révolutions de Paris», № 190, 23 février — 3 mars 1793, «Journée du 25 février».
34. «*Великий гнев папаши Дюшена* при виде всех неприятностей, которые готовят нам, чтобы обречь Париж на голод и вызвать гражданскую войну. Его добрые советы доблестным санкюлотам, чтобы они были начеку, так как они окружены плутами, подкупленными Англией и переодетыми эмигрантами, готовыми пустить в ход все средства, чтобы устроить контрреволюцию». («Père Duchesne», № 219.)

«Эта банда отпетых негодяев не отчаивалась и, подкрепленная гинеями, выкинула новую штуку. Бывшие маркизы, переодевшиеся угольщиками и парикмахерами, графини, нарядившиеся торговками рыбой, те самые, что готовы были взывать о пощаде в тот день, когда Капет сыграл в ящик, разбрелись по предместьям, по рынкам и базарным площадям, чтобы подстрекать народ к бунту и разбою. «Возьмем за горло лавочников,— говорили они,— заставим бакалейщиков давать нам сахар и мыло по угодной нам цене. Слишком уж долго мы страдаем и платим за все на вес золота. Настало время с этим покончить».

Жалкие ротозеи были так глупы, что дали поймать себя в ловушку, как жена Адама; они поверили змию и вкусили от яблока. Во главе этих новоявленных торговок рыбой они врывались во все лавки и заставляли отпускать себе товары по такой цене, по какой хотели.

Ротозеи, вечные ротозеи, значит, вас всегда будут оставлять в дураках мошенники? Разрази меня бог! Я не виноват, я вас достаточно часто предупреждал, чтобы вы остерегались. Бедняги, не видящие дальше своего носа, вы не поняли, что, предаваясь этим крайностям, плевали против ветра и ваши плевки достались вашим же глупым рожам. И что же! Вы объявили войну скупщикам, а сорвали свой гнев на бедных торговцах в розницу, страдающих от скупки больше, чем вы. *По какому праву захотели вы назначать цены на товары, принадлежащие вашему соседу? Разве потерпели бы вы, чтобы соседний бакалейщик назначал цены на ваш труд? К чему приведет ваша прекрасная затея? Никто не захочет снабжать вас продовольствием, и через несколько дней вы лишитесь всего.*

Я говорю вовсе не из любви к лавочникам; я думаю, что большинство из них — дурные граждане и заслуживают того, что с ними случилось. Но я говорю из любви к вам, друзья мои санкюлоты, которых сбивают с толку: *черт побери, вас хотят расколоть в такой момент, когда все вы должны быть братьями;* хотят заставить вас грызться между собой, когда надо идти на врага. Сперва заставьте дрожать от страха коронованных разбойников и их рабов, а сделав это дело, возвращайтесь, чтобы уничтожить предателей, и вскоре вы увидите, как возвратится изобилие. Что сказали бы вы о каком-нибудь *бешеном*, который, видя, как горит его дом, вместо того чтобы тушить пожар, затеял бы драку и вцепился в волосы первому встречному? Парижане, знайте, кто ваши подлинные враги! Больше зла, чем скупщики, вам причиняют бриссотинцы и роландисты; задайте им трепку, и я ручаюсь вам, что *дело пойдет на лад* наконец, черт побери!»

Это грубая и низкая пародия на великий набат, в который в часы опасности бил Дантон, поднимая народ против врага; это также попытка возродить блок революционеров левой, обратить против Жиронды движение части народа, охваченной нетерпением, и отодвинуть экономический вопрос на второй план Революции. Считая Жака Ру поверженным и, кроме того, чувствуя необходимость окончательно добить его, чтобы оправдать поведение Совета Коммуны, который, несмотря на все, не помог движению, Эбер настаивает в номере 220 своей газеты [35]:

«Это те же трусы, которые, дабы отвлечь от себя внимание, устраивают ограбления лавок мелочных торговцев, чтобы вызвать голод и гражданскую войну».

Более обстоятельно пишет он в номере 221 [36]:

« В то время как наши армии, находящиеся на чужой территории, могли быть атакованы, в то время как их, черт побери, покинули наши генералы, которые важно прохаживались за кулисами Оперы, когда на армии собирались ринуться австрийские колонны, подкупленные Англией негодяи устроили в Париже ограбление складов, чтобы вызвать беспорядки в тот момент, когда происходил набор в армию. Честные санкюлоты, можете ли вы теперь сомневаться в том, что это был заранее подготовленный маневр, дабы вас погубить? Пожалейте о том, что вы позволили так провести вас, и поклянитесь впредь истреблять всех олухов, которые оказались бы настолько неосторожными, чтобы расставлять вам подобные западни».

Можно было подумать, что Жак Ру, всеми поносимый и осуждаемый, был человеком конченым, похороненным. Даже секции осудили его. В этот момент временная Коммуна, сменившая революционную Коммуну, действовавшую 10 августа, приступила в соответствии с муниципальным законом к своей окончательной организации. Делегаты, назначенные каждой секцией в Генеральный совет Коммуны и в муниципалитет, должны были затем подвергнуться чистке голосованием во всех секциях, которые принимали или же отвергали предложенных избранников, голосуя вставанием. Назначение Паша новым мэром, объявленное 14 февраля [37], по-видимому, побудило установленные власти несколько ускорить эту затянувшуюся процедуру.

«В течение некоторого времени,— говорится в протоколе заседания Коммуны от 19 февраля [38],— различные трудности задерживали окончательную организацию муниципалитета. Директория департамента наконец сказала свое слово. В соответствии с этим

35. «La grande colère du Père Duchesne...» (№ 220).
36. «*Великий гнев папаши Дюшена* («La grande colère du Père Duchesne...») против генералов, которые принимают важный вид за кулисами Оперы, в то время как австрийцы всыпают нашим армиям...» (№ 221).
37. «Moniteur», XV, 446. Паш был избран 11 881 голосом против 1118 голосов, поданных за Рёдерера; в голосовании участвовало всего 15 191 человек.
38. «Moniteur», XV, 513.

муниципалитет постановляет, что 23-го числа сего месяца, в субботу, в 5 часов вечера, 48 секций соберутся в обычном месте своих заседаний, чтоб, согласно закону, посредством голосования вставанием одобрить или отвести каждого из членов, числящихся в списке граждан, избранных для образования окончательного состава муниципалитета; что на следующий день, в воскресенье 24-го числа, делегаты секций должны сообщить в ратуше результаты своего обсуждения и что список избранных граждан должен быть отпечатан, расклеен на стенах и разослан в секции».

Однако протокол заседания Коммуны только 2 марта упоминает о результатах голосования в секциях. «Число протоколов голосования в секциях с целью утверждения или отвода граждан, предназначенных для образования Генерального совета Коммуны, оказалось равным 45. Секции Мон-Блан, Французского Пантеона и Французских гвардейцев отказались высказать свое желание. *Сорок шесть граждан, и среди них священник Ру, были отвергнуты*» [39]. Протокол называет по имени только его. Коммуне важно было провалить его с треском. Следует отметить, что большинство секций отказалось утвердить в лице Жака Ру выбор, сделанный секцией Гравилье. Последняя не отказалась от него или, вернее, не высказала своего решения о нем, так как муниципальный закон предусматривал (вполне естественно), «что отдельная секция не должна подвергать испытанию [голосованию с целью чистки] трех человек», ранее намеченных ею же. Но возникает вопрос: был ли решен отвод Жака Ру большинством секций до или после 25 февраля? Был ли он осуждением всей его политики или осуждением именно событий 25 февраля и той роли, какую он в них сыграл? Если строго держаться текста постановления директории, то голосование с целью чистки, по-видимому, должно было быть закончено во всех секциях вечером 23 февраля, поскольку его результаты должны были быть представлены в ратушу на следующий день — в воскресенье 24 февраля. Но все эти операции часто совершались с опозданием; голосование с целью чистки, даже без прений, даже просто вставанием, касавшееся более 140 имен, длилось довольно долго, и вполне возможно, что секции не смогли закончить его в субботу 23 февраля и собирались снова в следующие дни.

Если бы Жака Ру отвели уже вечером 23 февраля, то это подчеркнуло бы значение его роли. Действительно, это показало бы, что даже до волнений 25 февраля его пропаганда против класса торговцев беспокоила граждан во всех парижских секциях. Но мне представляется гораздо более вероятным, что его отвод явился следствием сахарного и мыльного бунта. Не думаю, чтобы до 25 февраля его до некоторой степени тайная пропаганда могла зайти так далеко, чтобы скомпрометировать его по всему Парижу. К тому же тот факт, что речь об итогах голосования в секциях зашла только на заседании 2 марта, по-видимому, доказывает, что голосование об утверждении или отводе кандидатур продолжалось в секциях вплоть до этой даты. Наконец, секции Пик не нужно было бы 27 февраля сообщать Совету Коммуны свое отрицательное мнение о Жаке Ру, если бы еще вечером 23-го числа он был отведен большинством секций. Напротив, гораздо более вероятно, что пожелание секции Пик, ставшее известным и заявленное 27-го числа, довершило и ускорило в секциях поражение Жака Ру [40].

Преследуемый со всех сторон, последний должен был биться в квартале Гравилье, делегировавшем его вначале, чтобы по крайней мере там сохранить точку опоры; именно в этих бесчисленных скрытых боях, о которых едва подозревает «большая история», и совершается развитие революций.

В протоколе заседания Коммуны от 19 марта («Монитёр», 24 марта)[41] мы читаем:

«Из подсчета голосов в секциях, созванных для замены путем новых выборов граждан, кандидатуры которых в окончательный состав Генерального совета были отведены, следует, что из 30 секций, где должны были состояться перевыборы, прислали свои протоколы только 28. Секции Мон-Блан и Французского Пантеона отказались назначить новых членов, несмотря на то что избранные ими ранее лица были отвергнуты большинством секций. Секции Елисейских полей, Французских гвардейцев, Попенкур, Кенз-Вен и Обсерватории провели новое голосование, в результате чего были представлены те же лица, которых отвергли ранее.

Секции Тампля и Гравилье еще не прислали своих протоколов, хотя их трижды об этом просили».

Это именно те две секции, в которых Жак Ру пользовался наибольшим влиянием. Секция Тампля, соседняя с секцией Гравилье, солидаризировалась с ней, и делегаты секции Тампля, исключенные, подобно Жаку Ру, секцией Гравилье, несомненно, должны были быть из числа его сторонников. Проявила ли секция Гравилье некоторую нерешительность и боязнь окончательно скомпрометировать себя из-за Жака Ру, попросту не переизбрав его, как сделали многие секции в отношении своих делегатов? Это переизбрание было бы явно незаконным, так как голосование, проведенное во всех секциях, было бы не более чем посмешищем, если бы каждая секция могла затем послать в Совет Коммуны тех, кто был отвергнут общим голосованием. Но, вероятно, не это сомнение в законности остановило секцию Гравилье. Я склонен думать, что

39. «Moniteur», XV, 618. Жак Ру, отвергнутый при голосовании большинством секций, подал в отставку. Секция Гравилье не приняла ее и сохранила за ним его полномочия. Жак Ру, следовательно, продолжал присутствовать на заседаниях Коммуны. См. ниже, прим. 42.
40. «Moniteur», XV, 566, 594. См. выше, с. 223, прим. 22. Постановление секции Пик, призывавшее секцию Гравилье осудить Жака Ру, было напечатано и расклеено. (B. N., Lb[40] 2040, in-4°.)
41. «Moniteur», XV, 769.

позиция этих двух секций — Тампля и Гравилье — отвечала благоразумной и глубоко продуманной политике священника: к чему тратить силы в недостойном и безвыходном конфликте с Коммуной? Она вынесла 19 марта вполне определенное решение: «Муниципалитет полагает, что переизбрание членов, отвергнутых большинством секций, было нарушением прав тех же секций». Гораздо лучше показать длительным воздержанием от голосования, что секции Тампля и Гравилье, задетые за живое отводом Жака Ру, не интересуются жизнью Коммуны и составляют независимую силу, способную ограничиться собственной внутренней жизнью. Именно так сначала и поступили эти секции; затем, в полном взаимном согласии, говорящем о едином источнике вдохновения, они назначили новых комиссаров [42].

В марте и апреле буря революции и гражданской войны бушевала все сильнее; какое значение имело для Жака Ру, что официально он больше не был избран в Коммуну? У него не было недостатка в средствах к действию. Главное для него было сохранить сочувствие и доверие секции Гравилье, а они, по-видимому, нисколько не уменьшились. Когда в июне Жак Ру выступит перед Конвентом с изложением своей программы, то он сделает это как «оратор депутации от секции Гравилье» и секции Бонн-Нувель. Итак, эти центральные секции останутся незыблемой крепостью Жака Ру и новой партии, которую Эбер и Марат уже называют «бешеными» [43].

В день 25 февраля Жак Ру вовсе не был побежден. Ибо, несмотря на громкие проклятия со стороны большинства передовых революционных сил, его идея неожиданно увенчалась большим успехом. Отныне она была внесена в повестку дня Революции. Везде укреплялась мысль о регулировании обмена путем издания закона и о создании в Революции и благодаря ей противовеса экономическому могуществу богатства.

Я вижу, что только газета Кондорсе, «Кроник де Пари», продолжает твердо противопоставлять всякой агитации безоговорочный тезис о свободе торговли. Она пишет, что не существует никакого искусственного средства помешать росту цен [44]:

«Мыло большей частью изготовляется в Марселе; в него кладут растительное масло, закупаемое в Италии, и соду, закупаемую в Испании. Продукты, которые мы покупаем за границей, обходятся нам очень дорого вследствие потери на курсе и потери на стоимости ассигната по отношению к золоту и серебру. Таким образом, по мере того как мы все дороже и дороже платим за масло и соду, цена на мыло не может не повышаться.

Теперь, если вы вздумаете требовать таксации цены на мыло и если Конвент будет иметь слабость согласиться на это, то получится, что торговец больше не станет ввозить необходимые продукты и вы, вместо того чтобы платить за мыло дорого, вообще не будете его иметь».

Средством исцеления ему представляется соответствующее и пропорциональное повышение всех цен, как оплаты труда, так и цен на сырье:

«Верите ли вы мне, гражданки? Не требуйте таксации цен на мыло. а повысьте плату за стирку. Требуйте от меня на одно или на два су больше за стирку рубашки, и мне придется согласиться на это, ибо мне так же нужно, чтобы моя рубашка была выстирана, как вам, возможно, нужно ее выстирать. Я со своей стороны, платя дороже за стирку и за многое другое, потребую более высокой оплаты своего рабочего дня. Предприниматель, который платит мне и строит помещение для торговца пером с улицы Сен-Дени, заставит платить ему дороже за строительные работы. Торговец пером будем немного дороже продавать перо женщинам и солдатам и пух обойщику. Обойщик, обставляющий гостиницу, будет дороже брать за перины. Хозяин гостиницы заставит немного дороже платить за свои комнаты руанского торговца, приехавшего в Париж продавать свои платки. Руанский торговец будет продавать свои платки на 10 или на 20 су дороже, и так, от одного к другому, все повысят цены и все будут жить. Ибо очень приятно, когда продовольственные товары дешевы, но еще более необходимо, чтобы все жили и все работали. Страдают не тогда, когда все стоит дорого, а тогда, когда нечего покупать: ибо если все стоит дорого, то повышают поденную плату, а когда ничего нет, умирают... И не думайте, что люди, которые богаче нас, не будут вынуждены повышать нашу поденную оплату, так как они не могут обойтись ни без вас, ни без меня, ни без слесаря, ни без столяра, ни без сапожника, ни без чулок, ни без белья и платков; и затем они сочтутся с вами, заставляя платить немного дороже им самим. И это вертится в бесконечном круговороте: все платят больше, но и заставляют больше платить им; и единственное, что можно будет

---

42. Мы не разделяем этого мнения. Жак Ру оставался представителем секции Гравилье в Генеральном совете Коммуны, который 12 июня 1793 г. даже поручил ему редактировать объявления Коммуны (Affiches de la Commune). («Moniteur», XVI, 630.) См. выше, прим. 39.
43. Жак Ру и Варле вошли в историю под кличкой «бешеных». Жорес употребляет ее здесь впервые (напомним, что заголовки и подзаголовки в этом издании «Социалистической истории Французской революции» не принадлежат Жоресу). В 1793 г. выражение «бешеные» не было новым; с 1789 г. так называли экстремистов и вначале, в 1790 г., самих якобинцев. Жирондисты часто пользуются им, говоря о своих противниках якобинцах,—«коварство бешеных», по выражению г-жи Ролан. Лишь с января — февраля 1793 г. смысл этого выражения изменяется, под «бешеными» понимают тайных народных вожаков, требующих принятия мер против дороговизны. Но это выражение всегда употреблялось как уничижительное.
44. «Chronique de Paris», № 57, 26 février 1793. «Слово рабочего каменщика его соседке прачке».

сказать тогда,— это что все стало дороже, чем прежде, а вовсе не то, что жизнь стала дороже».

В добрый час! И все тихо скользит и вертится в легком и бесшумном движении. Но экономист забывает только об одном: этот процесс требует одновременно пространства и времени. Пространство необходимо, чтобы нация могла, если это потребуется, получать отовсюду продукты, сырье, изделия, ибо если имеется какая-нибудь слишком ограниченная категория товаров, то те, кто ими монопольно владеет, могут настолько повысить цены, что общество никогда не сможет повысить все цены до соответствующего общего уровня. И нужно еще время, так как заработная плата рабочего не сразу, не в силу своего рода мгновенного рефлекса приспособляется к резким изменениям цен на продукты первой необходимости.

Но Революция не располагала ни пространством, ни временем. Вследствие войны почти со всеми соседними государствами и главным образом вследствие крайнего недоверия к ассигнатам за рубежом Революция все более и более лишалась возможности закупать товары на иностранном рынке, и экономически Франция была почти на положении осажденной страны. Отныне сырье и продовольствие, количество которого ограничивалось тем, что производилось в стране, легко можно было скупать. Это было тем более легко, что в тот момент, когда количество покупаемых товаров было ограниченно, платежные средства, которыми располагали богатые классы, возросли и даже были в избытке. Огромное количество ассигнатов, выпускаемых для погашения долга и возмещения стоимости разного рода должностей *, прибавилось к уже обращающейся звонкой монете и дало требовательной и алчной капиталистической буржуазии огромную непосредственную покупательную способность. В этом смысле предусмотренное законом положение, впрочем весьма демократическое, позволявшее покупателям национальных имуществ разделить оплату на двенадцать ежегодных взносов, оставляло в руках капиталистов огромную массу денег, металлических или бумажных. Сен-Жюст сгущает краски, когда позднее, в апреле 1794 г., дает своего рода ретроспективный обзор Революции [45]:

«Длительная рассрочка платежей оставляла покупателям время спекулировать на продовольствии, используя деньги, которые они должны были уплатить за свои имения. И эта система рассрочки годовых платежей, которая, как казалось на первый взгляд, облегчала продажу, была убийственной для экономики и благосостояния Франции. В самом деле, владелец большого количества бумажных денег вносил первый годовой взнос и платил 5% за остальные, а его деньги, использованные им для скупки продовольствия, давали ему 100% прибыли. Таким образом, государство получало 5% прибыли по годовым взносам, а народ терял 100% в сравнении с государством в результате злонамеренных действий

фракций. Эта рассрочка на 12 лет не была облегчением для бедных граждан, которые не покупали имений, *она была льготой для богатых, в чьих руках оставались деньги, служившие им для спекуляции*».

Сен-Жюст преувеличивает и далее: он искажает намерения тех, кто установил этот порядок, и не признает огромной услуги, оказанной таким образом весьма многочисленным мелким покупателям. Но верно то, что платежные средства, таким образом накопленные и замороженные в руках богачей, должны были бурно использоваться ими для скупки всех имеющихся продуктов и сырья. Отсюда огромный, но необузданный и алчный рост активности. При такой огромной покупательной способности на замкнутом рынке, который не мог пополняться благодаря притоку иностранных товаров, Франция напоминала собою бассейн, куда вода извне больше не поступает, но откуда ее выкачивают сильнейшие насосы.

Несомненно, с течением времени установилось бы равновесие между непомерно поднявшимися ценами на продукты и сырье и оплатой труда. С течением времени и производители приспособились бы к новому положению и брались бы только за предприятия, которые они могли бы сами обеспечивать сырьем, предоставляя крупным торговцам-монополистам самим становиться крупными промышленниками-монополистами. Но Революция была кризисом, ограниченным и во времени, и в пространстве. В течение двух или трех лет она должна была либо победить, либо погибнуть. Но в эти два или три решающих, трагических года, отягощенных еще определением судеб мира в этот узкий промежуток времени, равновесие не могло установиться.

Вот, например, 7 апреля к барьеру Конвента явились сапожники [46]. Они заявляют, что из-за внезапного и непомерного вздорожания кожи, скупленной к тому же несколькими спекулянтами, они не смогут снабдить армию башмаками, согласно взятому ими подряду. Да, со временем выход будет найден. Да, либо монополистов обяжут поставить товар, либо разорившиеся сапожники уступят место другим, более предусмотрительным, или более удачливым, или более способным выдержать кризис. Но война идет, война не на жизнь, а на смерть за свободу и за нацию. И в это время деятельность всех предприятий, даже если они непосред-

* До революции множество должностей в суде и государственной администрации абсолютистской монархии продавалось и покупалось и являлось собственностью лиц, занимавших эти должности. Революция ликвидировала все эти должности (как и сам принцип продажи должностей), но, не желая нарушать принцип неприкосновенности частной собственности, возместила бывшим владельцам их стоимость ассигнатами.— *Прим. ред.*

45. «Moniteur», XX, 220.
46. «Archives parlementaires», LXI, 405.

ственно не служат делу войны, носит напряженный и неотложный характер. Революция не может допустить, чтобы ко всему политическому и социальному кризису, который она переживает, прибавился фантастический кризис цен, вызывающий судорожные конвульсии нищеты и безработицы. Рабочие, призванные в секции, призванные в армию, охваченные лихорадкой грозной борьбы против всего мира, вступившего против них в заговор, не могут каждый день спорить с предпринимателем, с собственником, чтобы привести свою заработную плату в соответствие со всеми скачками цен. Они отдают Революции свою душу, свое время, свою мысль; им необходимо некоторое экономическое обеспечение. Во всяком случае, даже если бы они добились повышения заработной платы до уровня цен на продукты, то это, возможно, произошло бы спустя несколько недель или месяцев, а тем временем богатая торговая и капиталистическая буржуазия получала бы от роста цен огромные прибыли. Таким образом, в течение того ограниченного времени, которым располагала Революция, полная свобода торговли могла привести только к обогащению класса торговцев за счет обнищания рабочего класса; но рабочий класс был гораздо более предан Революции, чем класс торговцев и спекулянтов. Революция должна была вмешаться в экономику, если не хотела допустить ослабления своих защитников.

Этот глубокий инстинкт самосохранения, начинавший пробуждаться в революционном сознании, внезапно усилили события 25 февраля. Он проявился в различных формах, порой неясных и жалких, порой сильных и благородных. 25 февраля, как раз в тот час, когда возмущение было в полном разгаре, и как бы желая дать ему первое удовлетворение, Карра предложил проект закона, которого ныне держатся наши ярые антисемиты и который свидетельствует о довольно жалком и низком революционном сознании. Он потребовал возвращения в борьбе против финансистов к традициям старого порядка, Судебная палата должна была рассмотреть их счета вплоть до 1740 г., чтобы заставить их возвратить присвоенное ими [47].

«Некий финансист обладает состоянием в 50 млн., которое он в данный момент, быть может, торопится обратить в бумаги. Другой — в 15—18 млн. ...Третий, умирая, оставил алчным наследникам самые роскошные особняки в столице и самые прекрасные земельные владения. Состояния в 3—4—5—6 млн. весьма обычны среди этих финансистов старого порядка, остающихся среди нас и скупающих продукты первой необходимости...»

Поэтому он предлагал:

«Все эти бывшие генеральные и частные казначеи, генеральные управляющие имениями и лесными угодьями, бывшие министры или контролеры финансов, генеральные откупщики, интенданты финансов, интенданты провинций и армии, старшие счетоводы, главные управляющие очисткой счетов, главные управляющие почт, придворные банкиры, банкиры-спекулянты, их компаньоны, агенты и служащие, чьи скандальные состояния говорят об их соучастии в ростовщичестве, хищениях и взяточничестве, все финансисты, откупщики налогов и, наконец, их наследники, преемники по прямой или боковой линии, лица, получившие в дар, или правонаследники обязаны немедленно представить декларации о своем движимом и недвижимом имуществе. Эти декларации должны содержать сведения начиная с 1740 г. включительно и до дня издания настоящего декрета» и т. д.

Ибо, по общему выражению Карра и Эбера, надо было «заставить отдать награбленное» весь финансовый и административный главный штаб старого порядка. Это было мелочно и жалко. Ибо, в самом деле, каким образом это изъятие нескольких миллионов (если предположить, что оно бы удалось) смогло бы изменить общее экономическое положение и повлиять на цены? Это было устаревшее средство, ибо именно целый новый класс, порожденный самой Революцией, развивал во всех направлениях удивительную и невероятную активность, доходившую до дерзкой скупки и господства монополий. Карра видел лишь тень прошлого, отброшенную в нынешний день; он не видел новых огромных сил, смелую игру которых надо было упорядочить.

Во всяком случае, это было знамение времени. «Это дезорганизация общественного порядка»,— воскликнул Лекуэнт-Пюираво, потребовав обсуждения вопроса о целесообразности рассмотрения внесенного предложения [48]. Но Конвент, без обсуждения проекта, распорядился его отпечатать. И такова была сила движения, начавшегося против «скупщиков», что даже газета Бриссо, хотя и позволила почувствовать свое раздражение против «инквизитора банкиров» Карра, не осмелилась решительно выступить против его предложения, каким бы жалким и устаревшим оно ни было с его угрожающим тоном [49].

ПРОГРАММА ШОМЕТТА

Гораздо более живой и глубокой была речь, произнесенная Шометтом в Конвенте 27 февраля [50]. Кажется, будто прокурор

47. «Moniteur», XV, 567, 577; «Archives parlementaires», LIX, 194.
48. Карра (1742—1793) — служащий Королевской, а затем Национальной библиотеки, журналист, депутат Конвента от департамента Сона и Луара. «Archives parlementaires», LIX, 198. Лекуэнт-Пюираво (1764—1827) — законовед в Сен-Мексане, администратор в департаменте Дё-Севр в 1790 г., депутат Законодательного собрания, а затем Конвента.
49. «Le Patriote français», № 1295, 27 février 1793. «Может ли Карра сказать, где остановится эта инквизиция собственности, если ей однажды подадут пример?»— писал Бриссо после того, как он «отдал должное намерениям Карра».
50. «Moniteur», XV, 582; «Archives parlementaires», LIX, 300. О Шометте см. выше, с. 181, прим. 4.

Коммуны страдает от того, что 25 февраля он занял по отношению к возмутившемуся народу отрицательную и даже враждебную позицию. Несомненно, он, как и Робеспьер и якобинцы, как и его заместитель Эбер, тоже видит (или делает вид, что видит) в возмущении маневр.

«Если верить мужчинам и женщинам, устроившим эти беспорядки, то их на это толкнуло отчаяние. Они говорят: «Двери булочных осаждали, хлеба было мало, мы боялись, что нам его не хватит. Цены на сахар, кофе, мыло, соду, свечи непомерно поднялись». Мы не говорим, граждане, что эти жалобы совершенно необоснованны. Это было бы искажением действительности. Но тем не менее мы признаем, что они были лишь предлогом для выступлений. Их истинная причина — ненависть к Революции; это контрреволюция; их зачинщиками, их подстрекателями являются злонамеренные люди, заключившие союз с агентами иностранных держав» и т. д.

Но, отдав дань утверждению, отстаиваемому якобинцами и монтаньярами, Шометт со всем пылом сердца поспешил рассказать о страданиях, правах и надеждах народа. И он сразу придает вопросу всю его широту. Нет, дело, по меньшей мере для Парижа, не только в вопросе о хлебе. Конвент, приняв несколько дней назад постановление о ссуде в 4 млн. и даже увеличив ее 25 февраля до 7 млн. [51], обеспечил снабжение Парижа дешевым хлебом на весь год. Цена хлеба не превысит 3 су за фунт. И протоколы заседаний Коммуны показывают, как заботливо и бдительно Совет Коммуны будет следить за тем, чтобы 662 парижских булочника, между которыми он распределил субсидию, не продавали хлеб дороже и не увеличили стоимость четырехфунтового хлеба даже на одно су [52]. Нет, речь идет не о том, чтобы избавить народ от голода. Он имеет право на большее. Недостаточно повысить его жизненный уровень над уровнем самой жалкой нищеты. Он имеет право на благосостояние, и, по выражению Шометта, ему должны быть доступны не только продукты первой необходимости, но и «продукты второй необходимости». В одном этом слове заключен смысл Революции, совершившейся после падения старого порядка. То, что можно назвать официальными общественными устремлениями народа, возросло. Представление народа о праве на жизнь выросло Но сколько препятствий еще надо было преодолеть!

«Между поденной заработной платой и ценой продуктов второй необходимости больше не существует правильного соотношения Мы знаем, что в нынешних обстоятельствах кроются многие причины этого внезапного вздорожания. Война с морской державой, несчастья, постигшие наши колонии, потери на курсе, а главное — эмиссия ассигнатов, не находящаяся более в соответствии с потребностями торговых сделок,— таковы некоторые причины этого значительного роста цен, от которого мы страдаем. Но сколь велико их действие, сколь ужасны и пагубны их результаты, когда

рядом существуют злонамеренные люди, скупщики, когда общественные беды служат основой для выгодных спекуляций множества капиталистов, *которые не знают, что́ делать с огромными суммами полученными ими при ликвидации*, когда эти общественные беды используют в политических спекуляциях шайки разбойников которые хотят контрреволюции, причем хотят достигнуть ее доведя народ до отчаяния

Граждане, этот результат, и только этот результат, народ заметил и почувствовал От него нельзя требовать, чтобы он сегодня смог дойти до понимания причин и *терпеливо ожидал времени, даже недалекого, когда вернутся изобилие и мир. Бедняк участвовал в Революции, как и богач, и даже больше богача. Все изменилось вокруг бедняка только его положение осталось прежним, и он выиграл от Революции только право жаловаться на свою нищету*

Граждане, бедняк слишком беден, особенно в Париже; его отчаяние обостряется, особенно в Париже, при виде обескураживающего несоответствия, существующего между ним и богачом...

Граждане, бедный, богатый, всякое разумное существо изменяет существующее положение, совершает революцию только для того, чтобы стать счастливым. *Революция, обеспечив богатому свободу, дала ему неизмеримо много; бедному она тоже дала свободу и равенство; но, чтобы жить свободным, надо жить, а если более не существует разумного соотношения между оплатой труда бедняка и ценой продуктов, необходимых для существования, то бедняк не может больше жить*

Восстановите, граждане, это спасительное соотношение. Сделайте больше; сделайте так, чтобы это соотношение изменило благодетельный результат Революции в пользу бедняка,— это единственное средство заставить его любить Революцию, это единственное средство пробудить в бедняке надежду стать когда-нибудь собственником; и Революция, быть может, действительно упрочится в это счастливое время, тогда бедняк перестанет смотреть на себя как на **постояльца в своем отечестве.**

В своей мудрости вы найдете эти средства. Вы возьметесь за дело и найдете закон, который сможет наконец добраться до скупщиков и поразить их; вы найдете средство, которое, оставив в обращении только необходимое для нужд торговли число ассигнатов, укрепит доверие к ним и поддержит их курс; вы предпримете боль-

---

51 Гарен, администратор по продовольствию, сообщил об этом декрете Генеральному совету Коммуны 25 февраля 1793 г («Moniteur», XV, 566)

52 См постановление Генерального совета Коммуны от 14 марта 1793 г., устанавливавшее цену на хлеб («чтобы цена на хлеб не повышалась») и уточнявшее формы выплаты возмещения булочникам («Moniteur», XV, 718)

шие работы, которые, обеспечив бедным работу, предоставят огромные выгоды торговле; наши армии сделают все остальное» [53].

В общем это был полуреванш для Жака Ру. Он мог сказать: «Раз таковы бедствия бедняка, почему следует думать, что движение 25 февраля не могло быть стихийным? Что же касается средств исцеления, каких вы требуете, то либо они будут отдаленными и неясными, либо это будет изъятие звонкой монеты, всеобщая таксация цен на продукты и карательные законы против монополистов, т. е. моя программа». Однако Шометт не осмелился ни потребовать, ни осудить эту таксацию цен на продукты, в это же время отвергавшуюся Эбером в газете «Пер Дюшен».

К этой мысли о таксации цен на продукты и о регламентации торговли шли столь определенно, что даже газета Прюдома, решительно осуждавшая выступления 25 февраля и указывавшая на их пагубные политические и экономические последствия, советовала установить контроль над торговлей и ее прибылями, который в революционный период вел прямо к таксации [54]. Газета недвусмысленно допускает такую таксацию, но, по-видимому, ограниченную, на предметы, относительно которых выдвигались точные требования.

«Установленные власти могли бы восполнить инертность законодательного корпуса энергией своих действий. Почему бы им не встречаться с представителями исполнительной власти в 11 часов утра вместо того, чтобы собираться в 4 часа пополудни; разве они тогда не застали бы членов Комитета всеобщей безопасности? Тогда, согласуя свои взаимные действия, они бы приняли единственно пригодные в этих критических обстоятельствах меры; *мы имеем в виду — посещение уполномоченными народа главных магазинов и складов для получения на месте конкретных сведений о ценах на продовольственные товары, такие, как мыло, свечи, сахар; торговые книги и счета можно было бы сопоставить с розничной продажей этих товаров; таксация, достаточно оправданная срочностью момента, удовлетворила бы народ и оградила бы торговцев, оптовых и розничных, к несчастью, одинаково преследуемых, от враждебных действий толпы, введенной в заблуждение интриганами всякого рода. Прокламация и особенно немедленное снижение цен на предметы первой необходимости избавили бы нас от того, что произошло 25 февраля*».

Это был широко открытый путь к максимуму. И даже Робеспьер, всегда столь сдержанный и осторожный в экономических вопросах, счел себя обязанным написать своим доверителям о волнениях в Париже [55]: «Мы должны издать благодетельные законы, которые приблизили бы цены продуктов к ценам предметов». Какие? Но особенно должно было порадовать Жака Ру и внушить надежды *бешеным* гулкое эхо лионских событий.

ЛИОНСКИЙ КРИЗИС

В Лионе политическая борьба была более ожесточенной, чем где-либо, и больше стимулировалась социальной борьбой. Казалось бы, в декабре 1792 г. и январе 1793 г. жирондисты, друзья Ролана, еще занимали господствующие позиции. Сторонник Ролана прокурор-синдик коммуны Нивьер-Шоль был в ноябре избран мэром Лиона 5129 голосами из 9012 голосовавших [1]. Генеральный

53. А. Матьез справедливо подчеркивает расхождение между речами Шометта и его предложениями. «Речь Шометта отмечена печатью великого социального сострадания. Но его узкие выводы противоречили его предпосылкам. Он ограничивался тем, что требовал от Конвента принятия трех практических мер: закона против скупщиков, закона об изъятии из обращения возможно большего количества ассигнатов и, наконец, закона о больших общественных работах с целью дать заработок бедным. Эти меры, из которых было исключено установление твердых цен на продукты питания, не содержали ничего такого, что могло бы не понравиться Конвенту». (A. Mathiez. La vie chère, p. 160.) (См.: А. Матьез. Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. М.— Л., 1928, с. 124.)
54. «Révolutions de Paris», № 190, 23 février — 2 mars 1793, «Journée du 25 février».
55. «Lettres à ses commettants», 2e série, № 9, «Sur les troubles de Paris» (édition G. Laurent, p. 344). Полный текст гласит: «...предметов, производимых бедняками». Робеспьер прибавляет: «Мы должны организовать общественные работы, которые будут способствовать прославлению и процветанию государства. И прежде всего мы должны искоренить ажиотаж». [См.: М. Робеспьер. Избранные произведения. Т. II. М., 1965, с. 288—289.— *Прим. ред.*]
1. Нивьер-Шоль — негоциант, муниципальный чиновник в декабре 1790 г., временный прокурор коммуны с сентября по ноябрь 1792 г.

совет и директория департамента тоже, казалось, имели жирондистское большинство. Но эти жирондистские и роландистские силы подрывали со всех сторон. Прежде всего, в Лионе существовала постоянная страшная опора для контрреволюции. Большинство оптовых торговцев, богачей, почти сразу испугавшихся того размаха, какой Революция придала требованиям рабочих и ремесленников, втайне желали не только ее остановки, но и движения вспять. Они сохраняли политическое руководство в городе вплоть до 1792 г., но затем, отстраненные от него, были раздосадованы и молча ожидали реакции. Они были фейянами, и их сочувствие или снисходительность к роялистам возрастали по мере того, как Революция усиливалась. Я отметил по поводу наказов Лиона [2], что традиционная аристократия была там более прогрессивной, более современной и либеральной, чем в других местах, так как была заинтересована и принимала участие в крупных [промышленных и торговых] делах города; но зато и крупные купцы в свою очередь питали большее доверие к этой аристократии и перед лицом «социальной угрозы» были готовы действовать с ней заодно. Во всяком случае, они не тревожили ее и не следили за ней в ее тайных попытках организоваться. Даже такие друзья Ролана, как Вите, писали ему в ноябре [3]:

«Мы должны громко сказать, что наименее обеспеченные классы одни понимают истинный смысл Революции. Только среди них нашли мы республиканцев. Среди богатых царят вредные настроения».

И далее: «Административные учреждения лишены энергии и почти не имеют средств. Суды не пользуются доверием народа». Они указывали на «преступное безразличие богатых к общественным интересам».

При вялости или снисходительности этой администрации контрреволюционные элементы юга и центра Франции нашли прибежище в Лионе. Люди, скомпрометированные участием в событиях в Авиньоне, Арле, Ардеше и Лозере, обретали под чужим именем приют в огромном городе: заговорщики из Жалесского лагеря или из других мест, которым не удалось их выступление, приезжали туда передохнуть в ожидании лучших дней. Тот же Вите говорит Ролану о «покровительстве, оказываемом в Лионе аристократам из Авиньона, Арля, Нима, Ардеша и Лозера» [4]. Сам Ролан своими вечными министерскими разглагольствованиями против Парижской коммуны, против «анархистов», против всех решительных мер, обысков, удостоверений в гражданской благонадежности и т. п., которые могли поразить аристократов, парализовал революционную активность своих друзей, даже тех, кого можно было менее всего заподозрить в сочувствии королевской власти.

В этом суровом городе осталось много следов пылкого и глубокого католицизма. В Лионе было много не только дворян, но и присягнувших священников. Религиозные общины, несмотря на

декрет, изданный в августе Законодательным собранием, не были распущены; 6 января 1793 г. петиция секции Шанж (приведенная г-ном Шарлети в его содержательном и проницательном исследовании о событиях 29 мая в Лионе [5]) требует роспуска религиозных общин и конгрегаций лазаристов, иосифистов и ораторианцев. Члены Конвента Лакомб-Сен-Мишель, Саличетти и Дельше, отправившиеся на Корсику, находясь проездом в Лионе, пишут 22 февраля Конвенту [6]:

«Лион — очаг контрреволюции; за общим столом в гостинице опасно проявлять свои патриотические чувства; более шестисот приказчиков в лавках не кто иные, как бывшие офицеры линейных войск, эмигрировавшие, затем возвратившиеся и ставшие торговыми приказчиками».

Быть может, страх преувеличивал опасность. Но само беспокойство революционеров свидетельствует о том, что в Лионе действительно существовало страшное и мрачное контрреволюционное подполье.

был избран в мэры 5 ноября против кандидатуры Шалье, подал в отставку 9 февраля 1793 г. По сведениям его потомков, Нивьер-Шоль согласился быть мэром Лиона в 1792 г. только для того, чтобы служить делу роялизма; его республиканизм был чисто показным.

2. См.: Ж. Жорес. Цит. соч., т. I, кн. 1, с. 118 и сл.
3. «Lettres adressées à Roland et Champagneux par Vitet, député du Rhône-et-Loire à la Convention, pendant sa mission à Lyon en novembre-décembre 1792».—«Revue d'histoire de Lyon», 1905. Эти письма весьма важны для суждения об экономическом кризисе в Лионе и об умонастроениях сторонников Ролана. В данном случае речь идет о письме от 10 ноября 1792 г. (См.: E. Herriot. Lyon n'est plus. 1937—1940, 4 vol., t. I, p. 103.) Оригиналы этой переписки находятся в Национальном архиве (F^{12} 501). Вите Луп (1736—1809) — врач, мэр Лиона в 1789 г., депутат Конвента.
4. Письмо от 12 ноября 1792 г. См., что пишет Мишле о Лионе: «Во все времена этот огромный город укрывал контрреволюцию и благоприятствовал ей. В его высоких черных домах промышленных кварталов, нагроможденных в десять этажей, на его длинных пустынных берегах, которые тянутся до Фурвьера, в глубине таинственных пристанищ мира духовенства с легкостью скрывались опаснейшие агенты эмиграции. Оттуда, выгодно используя торговые связи, они подавали знак Альпам, Парижу, мятежникам Жалеса, Бретани, Вандее. Удар, нанесенный им 21 января, только укрепил их. Вся эта масса неприсягнувших священников, переодетых дворян, экзальтированных монахинь была как бы поглощена Лионом, разожгла его своим фанатизмом. Схватить их не было никакой возможности...» (Michelet. Histoire de la Révolution française. Éd. G. Walter, t. II, p. 393.)
5. S. Charléty. La journée du 29 mai à Lyon.—«La Révolution française», t. XXXIX, 1900, p. 364.
6. Цитировано Шарлети в упомянутой статье (p. 388). Письмо Лакомба-Сен-Мишеля с припиской Дельше и Саличетти было адресовано Базиру. Лакомб-Сен-Мишель — депутат от департамента Тарн; Дельше — от департамента Верхняя Луара; Саличетти — от Корсики.

Дальше и Саличетти прибавляют: «Нас уверяли, что раздавались возгласы: „Да здравствует Людовик XVII!“ Может быть, на самом деле это не так, но то, что общественное мнение безразлично отнеслось к подобному надругательству над свободой, весьма примечательно».

Чтобы захватить врасплох и раздавить такого рода распространенный заговор, выжидающий удобного момента, но притом чрезвычайно опасный, нужна была активная и энергичная власть. Между тем лучшие из лионских жирондистов, наиболее благородные и преданные делу свободы, великодушно мечтавшие по душевной склонности лионцев заняться делом народного просвещения оказывать своего рода моральное покровительство рабочему классу и возвысить его до понимания нового порядка, не были способны к действию. Контрреволюционер Гийон в своей чрезвычайно пристрастной, но хорошо документированной истории, опубликованной им в 1797 г., с гневом и презрением говорит о своего рода народном институте, организованном ими [7].

«Чтобы достигнуть своей цели, эта группировка [роландисты] захватила в свои руки народное образование Жирондистские болтуны из общества «*Пелата*», обосновавшиеся под видом *преподавателей* в этом *великом коллеже*, некогда прославленном своими учителями и учениками, обучали людей из самых низов, дабы они становились *государственными деятелями* или *философами* Врач Жилибер, президент Фруассар вели там самые смехотворные занятия, какие только можно себе представить, по *политическому* и *нравственному* образованию Жилибер провозглашал там весьма кстати, что *суверенитет народа существует только в лице его представителей*, а *моралист* Фруассар обучал супружеской любви. Не будем говорить о других преподавателях, чье пылкое воображение, честолюбивое стремление к философствованию или самая жалкая угодливость заставляли их следовать по стопам этих двух наставников *санкюлотов*».

Эти «наставники» иногда обращались к народу с призывами не лишенными смелости. Они отвергали фейянтизм и аристократический дух. И Гийон с раздражением и иронией говорит о «низкой лести», которую расточал 3 февраля Жилибер санкюлотам в хвалебной речи, посвященной Мишелю Лепелетье [8]

«Кто были наши бывшие эшевены? — восклицает Жилибер.— Их курульные кресла были из массивного золота, и они в них спали. Рабочих, которых надменность аристократии повергла в прах безвестности и в летаргию невежества, я призываю посещать наши народные общества, прилежно слушать наши лекции по политике и морали и ручаюсь за их быстрые успехи на поприще науки управления Народ добр и неизменно справедлив Его ошибки — вспышки, мыльные пузыри. Он способен к совершенствованию, и ничто не мешает ему стремиться к высоким должностям».

Но все это, брошенное в водоворот событий, было всего лишь педантизмом, и пламенные революционеры, чувствовавшие опасность, видевшие ее, одинаково возмущались как бессилием и вялостью жирондистов, так и фейянтистским и роялистским заговором.

ШАЛЬЕ

Главой этих людей был Шалье [9]. О, каким мраком окутано его имя! Как мало знаем мы подробностей о его деятельности, о его подлинных идеях! Убившие его модерантизм и контрреволюция затемнили или исказили память о нем. И все-таки сквозь этот мрак еще пробиваются лучи яркого света. По происхождению он был из Пьемонта, но родился во Франции и, занимаясь торговлей в Лионе, разъезжая по Европе и по Востоку, достиг если не богатства, то, во всяком случае, обеспеченности. Он был исполнен глубокой любви к свободе и великой жалости к беднякам, казалось, он проникся всеми лионскими бедами и обратил в революционное воодушевление, неистовое и в то же время нежное, несколько мрачные мистические настроения большого города.

Он был окружен группой людей, пылких умов, но ни один из них не стоил его. Это были бывший священник Лоссель (подозрительная личность), Идэн, Ашар, Гравье, Фийон, Бертолон, Тонион, Риар, Додье, Бертран, Гайяр, Бюльтен; его также поддерживала самая передовая часть депутации от департамента Рона и Луара — Дюбуше, Ноэль Пуэнт, Жак Кюссе [10]. Шалье действовал заодно с Ро-

---

7. Guillon (abbé Aime) (Guillon de Montleon) Histoire du siège de Lyon des événements qui l'ont précédé et des désastres qui l'ont suivi, ainsi que de leurs causes secrètes, générales et particulières, depuis 1789 jusqu'en 1797 Paris, 1797 p 130 n 1 Другой точки зрения по поводу этого института придерживался Э Эрио «Это революционный идеализм во всей его силе» (См E Herriot. Lyon n'est plus, t I, p 107)
8. Guillon. Op. cit p 142, n 1 Жилибер (1741—1814) — врач, известный натуралист, мэр Лиона в 1793 г, сторонник умеренных
9 Шалье Мари Жозеф (1747—1793) — разъездной представитель лионского торгового дома в Париже в 1789 г муниципальный чиновник в Лионе, председатель трибунала дистрикта в 1792 г., глава лионских якобинцев, в мае 1793 г. был арестован муниципалитетом, восставшим против Конвента, и гильотинирован 16 июля; «мученик за дело свободы» Об этом исключительном человеке см «Defense de Chalier, prononcee au cours de son procès» (B N, 8° Lb[41] 3172, un vol in 12); Moulin (защитник Шалье) Chalier parlant a ses juges, avant et après son arrêt de mort pour servir de suite à un plaidoyer prononcé pour lui (B N, 8° Ln[7] 3816, imp in-12, 24 p); «La vie, la mort, le triomphe de Chalier avec les lettres originales de ce martyr de la Liberté pendant sa captivité» (B N, 8° Ln[27] 3817, imp in-8°, 43 p)
10 Дюбуше (1737—1825) — врач в Монбризоне Ноэль Пуэнт (1755—1825) — рабочий оружейник из Сент Этьенна О Кюссе см ниже, прим 14

ланом и Жирондой, пока они боролись с умеренными, с фейянами. Но после событий 10 августа, с той поры, как Ролан, снедаемый своей ненавистью к Робеспьеру, Дантону и Коммуне, стал препятствовать революционным действиям, Шалье, чувствуя, что в Лионе патриотам угрожает в скором времени контрреволюционный мятеж, вступил в борьбу с роландистами. В ноябре он выставил свою кандидатуру в мэры против кандидатуры Нивьера-Шоля. В первом туре голосования Шалье получил 2601 голос из общего числа 5787 голосовавших, а Нивьер — 2041 голос. Но при втором туре победил Нивьер, получивший 5129 голосов из 9012. Я полагаю, что фейяны и роялисты, воздержавшись от голосования при первом туре, хотели дать почувствовать жирондистам, что без них те бессильны, а при втором туре определили своими голосами его исход. Они ненавидели и презирали Жиронду. Они считали ее партией ублюдков, эгоистов, трусов и мошенников, которая развязала анархию, чтобы прийти к власти, а затем, объятая ужасом, обратилась против нее. Но они хорошо знали, что не могут показать свое истинное лицо, не погубив себя. И роялисты хотели постепенно овладеть Лионом посредством жирондизма, или, по выражению Гийона, хорошо знавшего настроения и тайные расчеты своей партии, *под покровом жирондизма*. Их тактика станет более определенной по мере развития событий: наиболее смелые из них, наиболее нетерпеливо вопрошавшие будущее надеялись, что наступит день, когда загнанные в тупик, испугавшиеся жирондисты поймут, что единственная надежная сила сопротивления — в модерантизме и фейянтизме. В этот день роялисты сбросят покров, перейдут в первые ряды сражающихся, включат в свою партию жирондистов, отстраненных от руководства, и открыто, от имени короля, овладеют Лионом и противопоставят его Парижу.

Именно это чувствовал Шалье, именно это приводило его в отчаяние. В Лионе Революция казалась заснувшей на краю пропасти измены. Шалье не смог вырвать мэрию из рук роландистов. Но многие из друзей Шалье были избраны в муниципалитет: Лоссель был назначен генеральным прокурором коммуны, а сам Шалье — председателем дистрикта. Значит, якобинцам, как их называли, удалось в ноябре и декабре частично завоевать власть. И Нивьер-Шоль, окруженный враждебно настроенным муниципалитетом, имея рядом генерального прокурора, преданного Шалье, мог бы почувствовать себя в полной изоляции, если бы не увидел мощи консервативных сил в городе. Антагонизм выявляется 5 декабря 1792 г. во время церемонии передачи власти новому муниципалитету. Нивьер-Шоль произносит умиротворяющую, но и расслабляющую речь, которой недостает понимания опасности, угрожающей Революции в Лионе.

«Научимся подавлять свои страсти и владеть собой. Сегодня день полной победы разума и справедливости. Поспешим выйти из этого состояния всеобщего брожения, изматывающего все силы.

из этой жестокой лихорадки, потрясающей политический организм... Пусть богатые и бедные объединятся во имя общего блага Республики; пусть богатый откажется от своего преступного безразличия, пусть бедный перестанет с завистью смотреть на богатого, а тот больше не будет вынужден жить в изоляции, чтобы избавиться от зависти и проскрипций». (Согласно исследованию г. Шарлети [11].)

Избитые слова, не соответствовавшие неотложности проблем и свидетельствующие только о том, что в Лионе под покровом политической борьбы бурлила борьба социальная. Ее угрожающий, почти анархический характер ощущается в речи нового прокурора Лосселя, ответившего Нивьеру. Он говорил о необходимости *«смягчить черствость богатых, внушить им немного того спасительного страха, который заменяет у них чувство человечности»*. Он говорил о возложенной на него *тяжкой задаче «следить* (в то время как сибариты покоятся на мягких пуховиках, а бедняки, изнуренные работой, спят на досках) *за тем, чтобы заставить уважать неприкосновенность бесполезных сундуков скупца и священный заработок рабочего»*.

Шарлети воспроизводит эту речь на основании протоколов генерального совета коммуны. Жалоба члена муниципального совета на то, что в силу своих обязанностей он вынужден заставлять уважать собственность богатых, свидетельствует о крайнем накале страстей, бурливших в Лионе. Там шла борьба не только между Революцией и контрреволюцией, одновременно тайной и дерзкой, глубокой и замышлявшей заговор, но и между «массой рабочих» и «торговым классом», между народом, состоявшим из пролетариев и ремесленников, и промышленной и буржуазной аристократией. Либо пусть контрреволюция в момент, подготовленный роландистскими доктринерством и вялостью, захватывает город в свои руки, и тогда крупные промышленники и крупные торговцы подчинят ремесленников и рабочих такой деспотической власти, какую даже при старом порядке они могли поддерживать только беспрестанными репрессиями. Либо пусть победит партия Революции, и пусть ее победа будет полной и окончательной; пусть она подавит как фейянов, умеренных крупных буржуа, так и роялистов; рабочие и ремесленники смогут защитить от хозяев силой завоеванной ими наконец политической власти свой заработок, который они даже во времена старой монархии имели мужество защищать и добиваться его увеличения посредством бунтов и стачек.

Я говорил в начале этой истории, что уже в 1789 г. социальный вопрос был поставлен в Лионе с большей ясностью, чем в любом

11. См. цитированную выше статью Шарлети, прим. 6. («La Révolution française», XXXIX, 1900, p. 356.)

другом районе страны [12]. Я говорил, что ремесленники и пролетарии обладали там необычайно острым классовым сознанием; я отмечал, что при выборах в Конвент некоторые из депутатов от департамента Рона и Луара имели особенно пролетарский характер, и я тут же предоставил слово «рабочему-оружейнику» Ноэлю Пуэнту, дабы смысл избрания некоторых кандидатов в лионском районе сразу стал ясен [13]. Этот пролетарский характер некоторых депутатов Конвента от департамента Рона и Луара — тех, кто теперь являются поручителями за Шалье перед Конвентом,— Гийон толкует по-своему, с ненавистью и осыпая рабочих оскорблениями. Он изображает дело так, будто выборы проходили под грубым давлением со стороны рабочих [14].

«Избирательное собрание было созвано в Сент-Этьенн-ан-Форез, городе, известном своими оружейными мануфактурами, своими жителями — рабочими-кузнецами,— столь же „грубыми, как и многочисленными".

Кровь порядочных людей проливали там уже не раз. Этот город признали подходящим, чтобы объединить в его стенах тех, кто должен был избрать депутатов в Конвент и провести выборы в соответствии с целями клубистов. Прежде всего голосовалась кандидатура гнусного и подлого Кюссе, рабочего, изготовлявшего газовые ткани, человека беспутного, чей патриотизм состоял в беспрестанных требованиях выставить головы на остриях пик» Кюссе, рабочий, изготовлявший газовые ткани, и рабочий-оружейник Пуэнт горели той же страстью, что и Шалье. Таким образом, революционные события в Лионе всегда носили на себе отпечаток социальной борьбы. И как мог кризис цен не обострить еще больше постоянный антагонизм между хозяевами и рабочими? Естественно, что в Лионе, как и в Париже, цены на продовольствие повысились, что вызывалось общими причинами. И в Лионе, как и в Париже, бедные жаловались на «скупку».

Это не было легендой и пустыми словами. Если верно, что капиталисты везде располагали огромными платежными средствами, данными в их руки Революцией, для поглощения всех имеющихся товаров и монополизации торговли и промышленности, то это должно быть еще более верным для Лиона, привыкшего к самым смелым банковским и финансовым операциям, где вследствие ослабления деятельности местной шелковой промышленности накопились значительные свободные капиталы, которым надо было найти новое применение во всех отраслях промышленности и торговли.

Лакомб-Сен-Мишель, Салиметти и Дельше действительно писали из Лиона (20 февраля) [15]:

«Мы прибыли в Лион, и почти во всех департаментах, через которые проезжали, мы видели недовольный и угнетенный нуждой народ. Почти везде фунт хлеба стоит 6 су. Все предметы первой необходимости на глазах изо дня в день дорожают, и этот рост дороговизны может дойти до того, что он один вызовет революцию

Дороговизну вызывает не недостаток продуктов, *а система скупки, проводимой всеми богатыми людьми, которой, по воле злого рока, прямо или косвенно способствуют все граждане, имеющие немного денег*».

И вполне понятно, что если при старом порядке рабочие и ремесленники, работавшие на крупных лионских купцов, требовали защитить их путем введения тарифа заработной платы, то с тем большим основанием они требовали от Революции, чтобы тариф заработной платы, которого они добились в 1789 г., был приведен в соответствие с ценами на продовольствие. Рабочие шелковой промышленности в петиции, поданной 28 января 1793 г., под которой стояло 4 тыс. подписей, говорят, что «*они убедились во вредности неограниченной свободы, что свобода должна иметь границы, что свобода не должна позволять одной части общества душить другую, говоря ей: „Ты будешь съедать только такое-то количество хлеба". Они замечали, что обсуждаемое полюбовное соглашение о ценах может и должно иметь место только среди равных; а рабочий, работающий сдельно на дому на другого, находясь под властью и в зависимости от купца, который заставляет его работать на себя, не может быть свободен, чтобы заключать полюбовные соглашения; поэтому тариф становится абсолютной необходимостью. Тариф, которого добились в 1789 г., обуздал столько зол, а теперь цены на съестные припасы настолько возросли, что этот тариф уже недостаточен*». Ввиду этого они требовали, чтобы муниципалитет и делегаты от рабочих приняли новый тариф, который должен пересматриваться в декабре каждого года. К этому другие добавили требование введения прогрессивного налога на капитал (см. Шарлети) [16].

Все эти требования в целом Шалье использовал в борьбе против роялизма, фейянтизма и жирондизма, который был подозрителен в его глазах сначала из-за его слабости, а вскоре и измены. Когда Шалье, для устрашения и желая ответить зловещей демонстрацией на глухие угрозы со стороны этого окружавшего его

12. См. Ж. Жорес Цит. соч., т. I, кн. 1, с. 116.
13. Там же, т. III, с. 143 и след.
14. Guillon. Memoires pour servir a l'histoire de la ville de Lyon pendant la Révolution Paris, 1824, 3 vol., t. I, p. 141. Протокол выборов депутатов в Конвент от департамента Рона и Луара говорит о Кюссе как о шелкоторговце. Не будучи ни рабочим изготовляющим газовые ткани, как об этом пишет Гийон, ни шелкоторговцем, Кюссе был, скорее всего, владельцем мелкой мастерской, который работал сам и имел нескольких рабочих. Кюссе родился в 1759 г., был расстрелян в 1796 г. по делу о Гренельском лагере.
15. См. выше, с. 245, прим. 6.
16. См. S. Charléty Op. cit. — «La Révolution française», t. XXXIX, 1900, p. 363.

заговора, установил гильотину сначала на площади Бельк\р, а затем и на площади Терро он сказал. «*Здесь это для устрашения дворянскои аристократии, а там — чтобы заставить дрожать торговую аристократию*» [17]. Этот акт безраздельной ярости был проявлением двойной борьбы, политической и социальной Он и его друзья страстно желают смерти Людовика XVI, во-первых, потому, что, по их мнению, этот пример суровости, поданный на столь высоком уровне, должен устрашить всех заговорщиков в их убежищах, и, во-вторых, потому, что ликвидация этого главного заговора покончит с голодом.

«Еще три месяца назад — воскликнул он в январе — Конвент должен был бы избавить землю от этого бремени; Людовик, пока он жив, всегда будет во главе наших врагов. Зачем прибегать к помощи судей? Трибунал, который должен его судить,— это гром народный. Брут не стал доводить дело до суда над Цезарем, он ему нанес двадцать ударов кинжалом. Вместе с коварным последним Людовиком исчезли бы все заговоры против национального суверенитета. *Народ получит хлеб, мы не сомневаемся в этом первая статья закона, который должны принять наши законодатели по продовольственному вопросу,— это смертный приговор тирану*»

На площадях и улицах Лиона были поставлены столы собирались подписи под петицией, осуждавшей обращение к народу и требовавшей немедленной казни короля Гражданин Ламбер повез ее в Конвент, где его не приняли, а затем, 20 января, передал ее в Якобинский клуб [18]. Она не была нужна, поскольку все уже должно было вот-вот совершиться; но к революционному пылу Парижа она добавляла мрачный огонь лионской революции Она была определенно направлена в такой же мере против Жиронды, как и против короля.

«Санкюлоты Лиона собрались и выразили свое пожелание Завтра мы встретимся с федератами, в этом зале, и порадуемся вместе с ними смерти тирана. *Нужно, чтобы все бриссо бюзо, барбару были политически уничтожены...* Роланам и бриссо отнюдь не принадлежит решающий голос в их департаменте, и иллюзии вскоре рассеются во всех уголках Франции».

Это было выражение недоверия Ролану гражданами города Ролана или по меньшей мере его самыми пламенными патриотами Замечу, что в Конвенте при голосовании вопроса о том какой каре подвергнуть Людовика, лионские депутаты, друзья Шалье выразили это почти неистовое нетерпение. Ноэль Пуэнт, Кюссе Жавог один за другим выносили один и тот же приговор [19] Ноэль Пуэнт сказал: «Республиканец не может терпеть ни короля, ни эмблем королевской власти. Я голосую за смертную казнь и *требую ее совершения в течение двадцати четырех часов*». Жавог сказал «Дабы предохранить робкие души от любви к тирании *голосую за казнь в течение двадцати четырех часов*».

Кроме них, мне известны всего три депутата, которые при голосовании прибегли к такой же формуле: Пультье из департамента Нор, Бийо-Варенн и Марат. Все остальные, даже крайние робеспьеристы, даже маратисты, такие, как Сержан и Панис, прямо замешанные в сентябрьских избиениях, голосовали просто за смерть В сущности, само собой разумелось, что если не будет последующего и формального постановления об отсрочке исполнения смертного приговора, то он будет немедленно приведен в исполнение, и, следовательно, слова «в течение двадцати четырех часов» не прибавляли ничего. Но для трех лионских революционеров это был отклик на слова Шалье, на его требовавший крови порыв, отражение петиции.

Как же так? Тиран мертв, а с заговором не покончено! И нищета все еще душит народ! А сколько еще врагов! Замаскировавшиеся контрреволюционеры, священники, богачи! И неистовство бессилия словно воспламеняет душу и речи Шалье

«Тот, кто тиранил тела, уничтожен; теперь,— восклицает он, бросая на землю распятие, —надо сломить того, кто тиранит души» [20]

Глубокие слова, в которых видна сознательность лионцев. В ходе всей Революции это были единственные слова, имевшие такой смысл и такое значение. Везде или почти везде революционеры возлагают вину на одну только церковь или на духовенство. Они либо противопоставляют Христа церкви, либо относятся к нему с пренебрежением, как к бедному и ничтожному созданию, из которого плуты священники сотворили бога, чтобы эксплуатировать людей. Один только Шалье понял прямое воздействие Христа, один он почувствовал в лионском мистицизме внутреннюю и глубокую связь между Христом и душами людей: замученный, он тревожит и привлекает их души не благодаря ухищрениям священников, а милосердием и безотчетной и безумной любовью. Тиран душ! Это выражение упрека и гнева, где ощущается еще как бы тайное поклонение. Волей какого рока заставляет он обездоленных людей сворачивать с пути борьбы, овладевает их душами и даже утешает их? Пусть же он оставит людям все их страдания, чтобы оставить им все их возмущение. Его привлекаю-

---

17 Жорес все время следует изложению Шарлети. (S. Charléty. Op. cit., p. 350)

18 A. Aulard. La Société des Jacobins, t. IV, p 684

19 «Moniteur», XV, 203; «Archives parlementaires», LVII, 371. О Ноэле Пуэнте см выше, прим. 10; о Кюссе см выше, прим 14. Жавог (1759—1796) — судебный исполнитель в Монбризоне, депутат Конвента, расстрелянный по делу о Гренельском лагере

20. Цитировано Мишле (См: Michelet Histoire de la Révolution française, t II, 676). «После 21 января он однажды развернул в клубе изображение Иисуса Христа и сказал [ ] Он изорвал это изображение и растоптал обрывки».

щая сердца, чарующая любовь становится сообщницей эгоистов, богачей, алчных священников. Он ослепляет народ своей добротой и невольно отдает его на милость земных тиранов. Надо поразить его, быть может, доброго, чтобы поразить злых. Народ достаточно долго оплакивал своего бога, надо наконец, чтобы он плакал о себе; пусть он плачет о себе, пусть отомстит за себя и освободит себя.

28 января Шалье собирает людей на площади Терро и заставляет их поклясться «истребить все существующее под именем аристократов, фейянтистов, умеренных, эгоистов, спекулянтов, скупщиков, ростовщиков, а также фанатичную касту священников» [21]. И опять, опять звучит анафема, имеющая двоякий смысл — политический и социальный. Был ли Шалье жесток? Конечно, нет. Им владело опасное мистическое беспокойство, которое внезапно могло превращаться в ярость. Некогда, когда он был еще юношей и готовился стать священником, он поверял своим товарищам терзавшую его душевную тревогу. Он находил бога чересчур спокойным, он упрекал его в том, что он допускает, чтобы мир дремал в своего рода косности; сам бы он беспрестанно потрясал мир, дабы переделать его, придал бы новый вид звездам и солнцу. Приложенная к миру социальных явлений, эта потребность в потрясениях без цели и порядка могла привести к своего рода псевдореволюционному бреду. Этот человек сохранял апокалиптический и пророческий тон и слишком часто был склонен пользоваться этой мистикой, как покровом, чтобы скрывать от самого себя насильственность своих поступков и жестокость своих мыслей. Однако в речах Шалье вдруг проскальзывали слова милосердия, противоречившие его диким советам. Он то возбуждал людей и свирепствовал, то успокаивал их с экзальтацией, в которой добродушие перемешивалось с туманной смертоносной риторикой.

«Да, не будем обманывать себя: древо свободы зацветет лишь на окровавленных трупах деспотов...

Послушайте, товарищи,— говорил он в Центральном клубе [22],— не обижайтесь; вас называют и вы сами себя называете хорошими республиканцами; это легко сказать, но — положа руку на сердце — так ли это? Это очень редкая порода людей, и произвести их в таком множестве стоит природе неимоверных усилий (12 февраля 1793 г.).

Газетный писака Фэн обвиняет меня в том, что я хотел кровавого суда... Да, я его хотел... Крови, чтобы покарать чудовища, которые ее пьют! Негодяй, разве для тебя это важно? Ты не боишься, что прольют твою кровь, у тебя в жилах одна только грязь и яд... У умеренных — маковый сок; у скупщиков — жидкое золото; у неприсягнувших священников — цикута.

Ролан, Ролан, твоя голова шатается; Клавьер с загребущими руками! Долой твои подлые хищные лапы!.. О Дюмурье, мой генерал, у тебя благородный вид, почти королевская осанка! Но трепещи, я не спускаю с тебя глаз... Будь безупречен. Идите, неустрашимые

солдаты революционной фаланги, идите прямо к Дюмурье, посмотрите на него во все глаза; если он действует смело и решительно, если он держится твердо, обнимите его; если он побледнеет, если будет вилять, никакой пощады; небесное правосудие в ваших руках.

Иисус Христос был добрым богом, добрым человеком, он проповедовал милосердие, умеренность. Тьфу, тьфу, товарищи! Вы меня слышите, мой клич — мщение!

Свобода, ничего, кроме свободы, полная свобода; ее хочет всякий. Но что до равенства, вызывающего рези в желудке,— дело иное... Аристократ, держащий нос по ветру, ты отступаешь... Подойди, мошенник, я держу тебя за горло; возьми эту чашу, испей ее добровольно, не то я тебя удавлю.

Беззаботные богачи, храпящие на пуховиках, проснитесь, стряхните с себя сон! Гремят боевые трубы. К оружию! К оружию! Никакой лени, никакой трусости! Надо подняться и мчаться в бой! Вы трете глаза, вы зеваете и опускаете руки; вам трудно покинуть это надушенное ложе, расстаться с подушкой из роз... Торопитесь! Скорее, скорее! Всякое удовольствие преступно, когда санкюлоты страдают, когда отечество в опасности» [23].

И эти резкие упреки, в которых сквозят угрозы, перемешаны с человечными словами, полными жалости ко всем, к беднякам, которые страдают и не всегда обладают чувством собственного достоинства, и к ослепленным предрассудками аристократам:

«Власть санкюлотов сменит королевскую власть. *Дорогая моя босоногая голытьба, дорогие товарищи, обнимемся, я обую вас...* Устраивают складчину, собирают жалкую сумму, чтобы купить вас и послать на фронт... Многие улыбаются. Презренные нищие, вас ослепляет вид ассигната! *Может ли он возместить потерю даже одной капли вашей благородной крови? Неужели вы не чувствуете, что в ваших жилах течет кровь обладателй суверенной власти?* Знайте, знайте же, что вы — короли и более чем короли.

Богачи, мушкеты на плечо, обнажайте шпаги, скачите навстречу врагу! Вы дрожите. О, не бойтесь... Вы пойдете не одни, вашими братьями по оружию будут наши храбрые санкюлоты, у которых нет под подбородком вышитых воротников, но есть волосатые руки! Послушайте, друзья, не так уж вы плохи, как о вас говорят. О, вы были бы во сто крат лучше, если бы мы были ближе знакомы с вами. Аристократы неисправимы только потому, что мы слишком

---

21. Buchez et Roux, XXVII, 424. Жорес опускает первую фразу: «Клянусь отстаивать свободу, равенство, единство и неделимость Республики, неприкосновенность личности и собственности или же умереть, защищая их».
22. Жорес следует здесь Гийону. См. прим. 14.
23. Guillon. Op. cit., t. I, p. 445. Мишле уже цитировал эти места. (Michelet. Op. cit., t. II, p. 676.)

пренебрегаем ими; их надо только перевоспитать. *Говорят о том, что их надо вешать, гильотинировать; это делается очень быстро, но это ужасно! Разве гуманно и разумно выбросить больного в окно, чтобы избавиться от необходимости его лечить?»* [24]

Итак, этот одержимый иногда советовал проявлять умеренность; этот человек, иногда доходивший в своих речах до исступления, хотел лечить своих врагов, а не убивать их. И этот лирик, столь лишенный вкуса в своих революционных пророчествах, призывал лионские секции, по-ребячески украшавшие себя блестящими наименованиями, к скромности и здравому смыслу [25].

«О, французы, легковерные, как афиняне, неужели вы всегда будете рабами побрякушек, ослепленными мишурой? Народ, который Революция возвеличила и которому все еще нужны мишура и всяческие погремушки... О, что за нужда в особых этикетках, чтобы дать понять, что вы храбры! Большие дети ростом в десять локтей, какими маленькими кажетесь вы мне с вашим высокомерием! Скажите мне, что означают эти заимствованные вами звучные имена — Брут, Вильгельм Телль, Жан Бар, Сцевола? С вашими враньем и нелепым чванством вы изображаете из себя гигантов; больше не видно, каковы вы на самом деле. Держитесь в пределах своих возможностей. Оставим эти красивые имена про запас как награду за ожидание».

Эта смена проявлений человечности и гнева возбуждала лионский мистицизм. Шалье привязал к себе чуть ли не религиозными узами революционеров с самыми экзальтированными и пламенными душами. Но в целом жители города оставались мрачными и недоверчивыми; иногда поток угроз, смысл которых еще более усиливали враги Шалье, возбуждал их тревогу. Но вряд ли самому Дантону с его широким и светлым умом удалось бы добиться единства действий в городе, где сосредоточились столь крупные контрреволюционные силы и где Революция лихорадочно билась среди опасностей.

ДОМАШНИЕ ОБЫСКИ И РАЗГРОМ ЦЕНТРАЛЬНОГО КЛУБА

5 февраля по требованию Центрального клуба муниципалитет распоряжается произвести в домах обыски, «дабы очистить город от злодеев, которые в нем укрываются» [26]. Но эти обыски, которым само население плохо помогало, дали совсем незначительные результаты: своего рода пассивное сообщничество оберегало контрреволюционеров, и общественные власти, раздираемые между муниципалитетом, благосклонным к Шалье, и враждебными ему мэром и директорией департамента, не могли преодолеть своей энергичной деятельностью эту инертность общественного мнения.

Граждане чувствовали разлад среди местных властей и выжидали. Домашние обыски скорее раздражали, чем устрашали, и мэр-

роландист Нивьер-Шоль счел момент благоприятным, чтобы нанести удар своему противнику Шалье.

Он сослался на то, что в Центральном клубе замышляют чудовищный заговор. В Лионе должны произойти избиения, подобные сентябрьским; на мосту Моран должна быть установлена гильотина. «Стоит только потянуть за шнур, — якобы сказал Лоссель, — и гильотина сделает все сама». Председателю кровавого трибунала достаточно будет сломать палочку и сказать обвиняемому: «Оставаться вам на земле так же невозможно, как соединить оба эти конца». После того как он сказал бы: «Дайте пройти этому господину через мост», жертву должны были передать в руки палача, а ее окровавленные останки сбросить в Рону [27].

Нивьер-Шоль, предупрежденный каким-то неизвестным, притворился поверившим в существование этого заговора. Может быть, несколько одержимых действительно выступали в Центральном клубе, требуя крови. Но все доказывает, что заговор был басней. Такая кровожадность не была свойственна характеру Шалье. Нивьер-Шоль заявлял, что заговорщики якобы завладели гильотиной, чтобы проверить, как она работает. Однако расследование показало, что разные части гильотины даже не были собраны. Нивьер-Шоль поставил на ноги вооруженную силу, словно существовала непосредственная опасность; он выставил у ратуши охрану из нескольких батальонов. Это был метод Ролана: доводить общественное мнение до безумия, сеять панику с риском отдать Революцию во власть безграничных страхов. Но Лионский муниципалитет не дал ввести себя в заблуждение этим маневром. Он потребовал у Нивьер-Шоля доказательств; тот мог сослаться лишь на туманный анонимный донос. Муниципалитет высказал ему порицание за то, что он привел в действие вооруженные силы.

---

24. G u i l l o n. Op. cit., t. I, p. 446.
25. Город Лион был разделен на 31 секцию, которые вначале носили традиционные исторические названия (Терро, Жювери), а затем приняли революционные наименования. См.: C. R i f f a t e r r e. Le mouvement antijacobin et antiparisien à Lyon. Lyon—Paris, 1912, t. I, p. 103.
26. Жорес здесь опять следует изложению, данному Шарлети. (S. C h a r l é t y. La journée du 29 mai à Lyon.—«La Révolution française», XXXIX, 1900, p. 368.) См. также: C. R i f f a t e r r e. Op. cit., t. I, p. 13.
27. S. C h a r l é t y. Op. cit., p. 370. Лоссель — лионский Марат, по мнению Мишле. Центральный клуб собрался при закрытых дверях 6 февраля. Якобинцы полагали, что существует контрреволюционный заговор, ставящий себе целью истребление общественных деятелей, требовавших казни Людовика XVI. Лоссель предложил назначить трех присяжных от каждой секции, чтобы судить врагов народа. Гильотина должна была быть установлена на мосту Моран вблизи берега Роны. Во всяком случае, это то, что сообщил анонимный доносчик в своем письме мэру. В ходе процесса Шалье признал, что «хотели образовать народный трибунал». См.: C. R i f f a t e r r e. Op. cit., t. I, p. 13.

не посоветовавшись с генеральным советом коммуны, и Нивьер-Шоль, смущенный этим непредвиденным сопротивлением, 7 февраля подал в отставку с должности мэра. Но удар был нанесен: контрреволюционеры поняли, что, возбуждая до безумия умы, они смогли бы поколебать Революцию в Лионе. Более того, имя Нивьер-Шоля становилось для них удобным центром объединения. Он был жирондистом, и, поддерживая его, они не раскрывали сразу своего роялистского образа мыслей. Но они хотели опутать его, скомпрометировать, сделать своим. Можно было думать, что его отставка, представлявшаяся актом слабости, подорвала его авторитет. Но все консервативные и ретроградные силы объединились. И 18 февраля все в Лионе были поражены, узнав, что из 10 746 голосовавших 8097 высказались за возвращение Нивьер-Шоля в мэрию. Число голосовавших было вдвое больше обычного, ибо вся масса роялистов голосовала за Жиронду [28].

Контрреволюция почувствовала себя хозяйкой Лиона. Бесчинствующие банды реакционеров с криками: «Да здравствует Нивьер! Долой Шалье!», а порой даже «Да здравствует Людовик XVII!»— ринулись в Центральный клуб, разгромили его, поволокли по улицам статую Руссо, разбили ее и подожгли дерево свободы [29]. Жирондисты, захлестнутые неистовством роялистского и контрреволюционного движения, тщетно противопоставляли этой ярости советы соблюдать умеренность: «Мы не хотим головы Шалье, мы хотим уважать неприкосновенность личности и собственности». Но они стояли на самом краю пропасти реакции.

Эти события пошли на пользу Шалье и муниципалитету, так как показали всем, какие силы контрреволюции действовали подспудно в городе. Нивьер-Шоль понял, что, избранный роялистами, он будет их пленником и орудием. Он снова подал в отставку. Избранным оказался снова жирондист, врач Жилибер [30]. Но муниципалитет вновь обрел всю свою смелость. Прокурор Лоссель обвинил нового мэра в том, что он участвовал в мятежном выступлении против Центрального клуба, и распорядился арестовать его. Лионские революционеры множили свои обращения к Якобинскому клубу и к Конвенту и находили там поддержку.

Тальен в своем докладе 25 февраля отозвался о муниципалитете с большим одобрением; он обвинял лионскую контрреволюцию [31]:

«Бывшие дворяне, крупные финансисты, неприсягнувшие священники, недовольные новым порядком вещей,— все собрались в Лионе. Там они нашли то, что на их языке называется *хорошим обществом*. Парижские удовольствия и роскошь последовали за ними; они находились там в своей стихии».

Конвент постановил направить в Лион трех комиссаров из числа монтаньяров — Ровера, Лежандра и Базира [32]. Жирондисты выразили свое неудовольствие, но робко. Газета Бриссо писала в номере от 26 февраля [33]:

«Известно, что повальные домашние обыски были предприняты в городе Лионе по желанию Центрального клуба; известно, что мэр, преисполненный отвращения к ним, был принужден подать в отставку; известно, что партия кордельеров торжествовала и уже готовилась послать подкрепление своим парижским приятелям, чтобы *очистить Конвент*. По-видимому, наступила ужасная реакция. Мы не сообщаем никаких подробностей о ней, потому что не можем поручиться ни за одну из них. Мы призываем патриотов воздержаться от суждений относительно сообщений различного содержания, и особенно относительно доклада, сделанного сегодня Тальеном от имени Комитета общественной безопасности.

Тальен говорил не с беспристрастием докладчика, а со страстью человека, поддерживающего связь с лионским Центральным клубом. Его доклад нам показался содержащим противоречия, и автор доклада не огласил ни одного подкрепляющего подлинного документа; у него на то были основания, ибо Шассе [34], который их читал, утверждал, что они противоречили докладу, и потребовал их напечатания. Тем не менее он предложил одобрить действия генерального совета коммуны Лиона, совета, почти целиком состоящего из членов Центрального клуба; но Конвент ограничился тем, что распорядился напечатать доклад и послать в Лион трех комиссаров.

По именам избранных депутатов легко узнать дух партийности, царящей ныне в бюро; это Ровер, Лежандр и Базир. При такой пристрастности беспорядки будут постоянными, так как страсти возбуждают, вместо того чтобы их успокаивать».

«Кроник де Пари» ограничивается тем, что в номере от 27 февраля помещает письмо из Лиона, автор которого сокрушается об ошибках обеих сторон [35]. Он прославляет Нивьер-Шоля, кото-

---

28. «Révolutions de Paris», № 190, 23 février — 2 mars 1793. «Les troubles de Lyon». См. также: É. Herriot. Op. cit., t. I, p. 166.
29. 18 февраля 1793 г. См.: É. Herriot. Op. cit., t. I, p. 169.
30. О Жилибере см. выше, с. 247, прим. 8. См.: M. Wahl. Les premières années de la Révolution à Lyon — 1788—1792. Paris, 1894, p. 12, n. 3; É. Herriot. Op. cit., t. I, p. 139.
31. «Moniteur», XV, 556. Тальен Жан Ламбер (1767—1820) — письмоводитель у прокурора, фактор в типографии газеты «Монитёр» в начале Революции, секретарь-протоколист Парижской коммуны после 10 августа, депутат Конвента от департамента Сена и Уаза. См.: É. Herriot. Op. cit., t. I, p. 189.
32. «Moniteur», XV, 558; «Archives parlementaires», LIX, 198. Базир — депутат Конвента от департамента Кот-д'Ор, Лежандр — депутат от Парижа, Ровер — депутат от департамента Буш-дю-Рон, а затем от департамента Воклюз.
33. «Le Patriote français», № 1294, 26 février 1793.
34. Шассе (1745—1824) — адвокат, депутат от департамента Рона и Луара, близкий к жирондистам.
35. «Chronique de Paris», № 58, 27 février 1793.

рый «один был избран к всеобщему удовлетворению и свободным волеизъявлением всех граждан». Письмо осуждает экзальтацию Шалье, его «полные яда, гнусные предложения», домашние обыски, но сожалеет, что толпа под нажимом приняла участие в насилиях против Центрального клуба, против статуи Жан-Жака. Оно оканчивалось признанием в малодушии и бессилии.

«Каков будет конец всех этих зол? Какое изыщут средство против них? Не знаю. Я вижу, как возбуждаются умы... партии угрожают одна другой и мерятся силами, одна за другой шпионят, одна другой боятся и избегают. Вы видите ошибки обеих сторон. Не хотел я их сглаживать и еще менее — оправдывать. *Довольствуюсь тем, что сокрушаюсь о стольких беспорядках и проклинаю их виновников*».

Эти мнимые разумники действительно ограничивались тем, что сокрушались, когда надо было действовать и спасать Революцию несмотря ни на что.

Ни один жирондист не поднялся на трибуну. Их стесняло явное участие роялистов в лионских волнениях. И на этот раз Жиронда, раздираемая противоположными чувствами, предстает не более как нейтральной и инертной силой. Огромная опасность для Революции, если такое умонастроение преобладало! Но и огромная опасность для самой Жиронды!

Три комиссара, немного обуздав якобинскую партию, обеспечили ей победу. Они распорядились об аресте прокурора коммуны Лосселя, который «прикрывался маской патриотизма и проявлял мнимое рвение; проницательные патриоты подозревали его не без основания! Было признано, что он принимал крутые меры против богатых эксплуататоров только для того, чтобы поживиться за их счет». Но благодаря нравственной поддержке комиссаров революционеры вновь стали хозяевами в секциях, где уже несколько недель господствовали жирондисты, фейяны и роялисты. 8 марта мэром был избран демократ Бертран, личный друг Шалье [36]. В своем докладе Конвенту от 17 марта комиссары подчеркивают социальный характер борьбы, разгоревшейся в Лионе [37]: они отмечают объединение всех консервативных и буржуазных сил.

«В этом важном городе с многочисленным населением патриотизму надо было придать тот героический характер и ту героическую самоотверженность, которые одни могут ускорить завершение Революции и упрочить навсегда свободу. Мы испробовали все, чтобы достичь этого, *и весьма далеки от того, чтобы похвалиться каким-либо успехом*. Мы не виним в том коммерческий дух, который, несомненно, вполне совместим с гражданскими добродетелями и остро ощущает необходимость свободы. Мы не видим тому иной причины, кроме существования множества тех антигражданских газет, тех клеветнических и лживых писаний, в которых внимание граждан занимают в гораздо большей мере *людьми*, чем *делами*; где яростно осуждают священный огонь патриотизма и находят

удовольствие в том, чтобы усыплять народ, который должен быть бдительным; *где богатого озлобляют против бедного, внушая собственникам тревогу*; где восхваляют педантизм некоторых людей, упрекая в невежестве народ, чей здравый смысл убивает все софизмы и разрушает все парадоксы; *где заранее распространяют начатки аристократической конституции* и БУРЖУАЗНОГО ОБРАЗА ПРАВЛЕНИЯ; где стараются, наконец, разделить всех граждан, чтобы незаметно подорвать принцип единства и неделимости Республики».

Если я не ошибаюсь, слова «буржуазный образ правления» впервые появляются в языке Революции, причем любопытно, что они были внушены классовой борьбой, которая в Лионе преобладала над борьбой политической.

ПАРИЖСКАЯ ПРОГРАММА И ЛИОНСКАЯ ПРОГРАММА

Весьма ясные экономические требования лионских демократов прибавляли силы социальному движению, намечавшемуся в Париже. По всей вероятности, между Шалье и Жаком Ру не было никакой прямой связи. Шалье, несомненно, даже не знал имени этого священника, не пользовавшегося большой известностью. Молодой лионец Леклерк едет в Париж только в мае и обращается именно в Якобинский клуб, где Жака Ру не любили [38]. Несмотря на все существенное сходство лионской программы с программой Жака Ру было для последнего большой радостью. Лионская программа была более широкой, так как включала в себя тарификацию заработной платы, которой Жак Ру, сторонник самостоятельных мелких мастерских, по-видимому, не требовал. Но в марте совет лионской коммуны требует, подобно секциям, вдохновляемым Ру, таксации цен на зерно и запрещения торговли звонкой монетой; он требует также, чтобы ассигнаты имели в качестве обеспечения всю земельную и движимую собственность Республики [39].

Это значило заинтересовать всю имущую буржуазию в поддержке Революции и в укреплении доверия к ассигнату. «Аристок-

36. Бертран, негоциант, был избран 6481 голосом при 9986 голосовавших.
37. «Moniteur», XV, 758, заседание Конвента 20 марта 1793 г.; «Archives parlementaires», LX, 336.
38. Леклерк Теофиль, которого называли Леклерк д'Оз, родился в Монбризоне в 1771 г., жил в Лионе в начале 1793 г.; лионские якобинцы направили его в мае в Париж, чтобы он договорился с энергичными санкюлотами столицы (он прибыл в Париж 9 мая 1793 г.). См.: A. Mathiez. La vie chère..., p. 202.
39. S. Charléty. La journée du 29 mai à Lyon.—«La Révolution française», t. XXXIX, 1900, p. 402.

рат-землевладелец, дрожа за свое имение, которое служит обеспечением национального кредита, может быть, перейдет на сторону Революции; тогда торговля вновь обретет свой прежний размах».

Если совет коммуны ограничивался тогда требованием таксации цен на зерно, то мысль революционного народа Лиона шла гораздо дальше: еще в сентябре лионские гражданки опубликовали афишу, представляющую собой сводную таблицу максимума [40], это было, я полагаю, первое широкое применение максимума или по крайней мере первая такая попытка. В этой афише гражданки таксировали цены на рис, ячмень, горох, фасоль, чечевицу, бобы, молодое вино, старое вино, древесный уголь, каменный уголь, угольную крошку, дубовые дрова, буковые дрова, осиновые дрова, вязанки хвороста, вязанки дров, очищенное оливковое масло, полуочищенное оливковое масло, оливковое масло для освещения, очищенное ореховое масло, так называемое простое растительное масло, сурепное масло, свечи, белое сырое мыло, серое сухое мыло, выдержанный грюйерский сыр, молодой грюйерский сыр, сассенажский сыр, жекский сыр, простой сыр, вермишель, сыры из козьего и коровьего молока, творог, репу в пучках, розовый и белый картофель, виноград, персики сортовые и простые, груши бере и бон-кретьен, груши и яблоки простые, яблоки ранет, крупные и мелкие каштаны, перец, сахар очищенный и простой, сахарный песок, кофе мокко, кофе простой, двойные и простые тростниковые метлы, ветчину, соленую грудинку, свиное сало или жир, уксус.

Это была всеобщая таксация съестных продуктов, и гражданки предупреждали земледельцев и торговцев, что они будут уважать собственность — поля и лавки — только тех, кто подчинится таксации. Итак, хотя прямой договоренности не было, мысли лионских революционных демократов совпадали с мыслью Жака Ру, и он, несмотря на сопротивление, на которое наталкивался, несмотря на нападки и проявления недоверия, которым подвергался, несомненно, сознавал свою силу.

Перед лицом этого движения Революцию, казалось, охватило беспокойство: она как будто опасалась за собственность.

В Якобинском клубе на вечернем заседании 25 февраля разглагольствования Бантаболя против богатых были встречены ропотом [41]:

«Человек, получающий ренту в 300 тыс. ливров, должен ограничиться рентой в 10 тыс. ливров — это вполне достаточный доход, и этот человек получит преимущество способствовать общественному благу. (*Аплодисменты.*) Надо заинтересовать в успехе войны этих членов общества, проникнутых эгоизмом, которые выставляют здесь напоказ свою наглую роскошь и кичатся своей ленью, разъезжая в элегантных экипажах. (*Аплодисменты, сильный шум.*) Когда Республика укрепится, состояния богатых будут целиком

восстановлены... Из-за своей роскоши богатые увеличивают плату за аренду; роскошь всегда наносит ущерб народу. (*Ропот.*)»

И Бантаболь с раздражением прибавляет: «Я обращаюсь не к богатым, я обращаюсь к якобинцам». Но якобинцы полагали, что в тот момент, когда народ грабил лавки, эти яростные нападки на богатство и роскошь были по меньшей мере неосторожностью.

28 февраля Камбон высказал в Конвенте опасения насчет последствий, какие может иметь для доверия к ассигнату и для продажи национальных имуществ начинающееся движение против собственности [42].

«Счета, которые мы затребовали,— сказал он,— доказали нам, что волнения и беспрестанные нападки на вашу собственность совершенно приостановили ваши продажи. (*Восклицания многих членов Конвента*: «Это верно!») До того как эта разрушительная система была введена в практику, еженедельно сжигалось ассигнатов на сумму 8, 9, 10 и 11 млн.: теперь, к нашему огорчению, поступления прекратились, и мы сжигаем ассигнатов не более чем на один миллион в неделю. Откуда такая разница? Мы усматриваем ее лишь в одном — в боязни и недоверии владельцев этих имуществ. Отныне платежи больше не совершаются и ваш ассигнат пребывает в постоянном обращении. Вот в чем истинная причина вздорожания продовольствия.

...*Собственность находится под постоянной угрозой; система, которую хотят установить, уничтожает доверие.* На границах граждане проливают за вас кровь. Вы им даете собственность. Если на эту собственность нападают, значит, обещание, данное им вами, иллюзорно. Не стоит посылать их защищать свободу в надежде на то, что наступит день, когда они станут собственниками, если в это же время преступные люди выступают против награды, обещанной им вами, если они ее сводят на нет. Лучше сказать им: „*Сражайся, но ты ничего не получишь*“ или „*Твоя собственность не будет священна, она не будет тебе принадлежать*“.

Доверие, доверие — вот основа финансов; ибо без него финансовая система, основанная на эмиссии ассигнатов, не может быть прочной. Безопасность для людей, безопасность для собственности — и я ручаюсь за спасение Республики. *Быть может, важно было бы, чтобы Собрание приняло суровый закон против всех, кто хочет посягнуть на собственность.* (Громкие аплодисменты)»

---

40 См: M. Wahl. Les premières années de la Révolution à Lyon, p. 578.

41 A Aulard Op cit, t. V, p 42. Бантаболь (1753—1798) — адвокат, депутат Конвента от департамента Нижний Рейн

42. «Moniteur», XV. 588; «Archives parlementaires», LIX, 339.

Но если Камбон хочет защитить собственность даже посредством грозных уголовных законов, если он хочет избавить ее не только от всяческих посягательств, но и от всяческих угроз, то не способом фейянов, говоривших: «Берегитесь, проявляйте осторожность, когда вы касаетесь церковных и дворянских имуществ, так как, разрушая эти формы собственности, вы подрываете всю систему собственности». Камбон, напротив, хочет защитить собственность, попавшую в руки новых покупателей и богачей, ради того, чтобы надежнее обеспечить перемещения огромной массы церковных имуществ и имуществ эмигрантов к новым владельцам.

В тот же день и в той же речи Камбон потребовал от Конвента, чтобы он организовал и ускорил продажу имуществ эмигрантов. Революция питала безграничное доверие к новому порядку, который она создавала. Она знала, что между корпоративной собственностью церкви и индивидуальной собственностью различие огромно и что она может упразднить первую, не потревожив вторую. Она также знала, что, отбирая у эмигрантов имущества, которые они могли использовать против свободы и против Франции, она совершала дело, необходимое для обороны и спасения. И если слишком дерзкие люди хотят злоупотребить этим гигантским перемещением собственности, чтобы оспорить существование самой собственности, если они хотят обратить против нового порядка меры, принятые для его создания и спасения, то это не остановит Революции. Она не прекратит ни продажи церковных имуществ, ни продажи имуществ эмигрантов, но посредством грозных законов будет следить за тем, чтобы никто не распространил на всю собственность в целом проскрипции, которым подвергалась собственность церкви и эмигрантов.

СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА И ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКАЯ

Эта социальная агитация, которая опережала идеи Марата и приближалась к идеям Жака Ру, которая пугала якобинцев и даже Гору и, мешая продаже национальных имуществ, по свидетельству Камбона, подрывала экономическую и финансовую основу Революции, казалось, должна была играть на руку Жиронде. Вот к чему, говорила она, приводит снисходительность к анархии; вот кара, постигающая тех, кто всегда потакает страстям народа. Газета Бриссо в номере от 2 марта перепечатала статью из «Журналь франсэ», которая ясно показывает, какую выгоду пыталась извлечь Жиронда из событий [43].

«Вероятно, именно эта канонизация убийств (2 сентября) внушила авторам из «Журналь франсэ» мысль о лаконичной и энергичной конституции, которую эти господа подготавливают для нас. Эти журналисты приписывают ее Робеспьеру и Колло д'Эрбуа; они ошибаются; она слишком остроумна по части анархической доктрины, чтобы не выйти из-под пера Марата, доказавшего свое превосходство над своими подопечными.

Статья 1. Анархия во Франции будет постоянной.

Статья 2. *Народу* (их народу) *принадлежат национальные владения Франции.*

Статья 3. *Нынешним собственникам временно доверено владение их имуществами.*

Статья 4. *Плоды принадлежат всем.*

Статья 5. Муниципальная власть (наподобие учрежденной в Париже) будет единственной властью во Франции».

Это призыв к консервативному инстинкту всех имущих, как новых, так и старых. Но Жиронда своей колеблющейся и непоследовательной политикой во время процесса короля сама лишила себя всякой возможности использовать даже те события, которые ей казались наиболее благоприятными. Как она не дала, пытаясь спасти короля, определенного залога консервативным силам, так же она и не внушила доверия революционному народу, воздержавшись от решительных действий против короля. Она как бы затерялась в тусклой и мутной середине и стала объектом самых недоброжелательных толков и самых неожиданных контрударов. Так после дней грабежа, 25 и 26 февраля, тактикой якобинцев стали удвоенные нападки на Жиронду. По утверждению якобинцев, выступления эти были вызваны врагами Революции, которые ввели народ в заблуждение. Но как посмели бы они, как дерзнули бы затесаться в народ, поучать его, оскорблять в Якобинском клубе и в Коммуне его лучших друзей, если бы их не поощряла к тому трусливая и преступная снисходительность Жиронды к королю — изменнику и клятвопреступнику? Только потому, что по вине жирондистов было так трудно устранить короля, или, по приписываемому Шалье выражению, «избавить его от головной боли», роялисты и могли смело продолжать начатое ими дело и увлечь Революцию на путь авантюры. Поэтому, в сущности, именно Жиронда в ответе за столь тревожные дни 25 и 26 февраля.

Кроме того, якобинцы, опасавшиеся, как бы их не захлестнуло движение, возглавляемое Жаком Ру и бешеными, а также социальная агитация, находили для себя удобным направить все страсти народа на чисто политические действия. Обвинить жирондистов и свалить их значило выиграть время, это значило отодвинуть (по крайней мере на это надеялись) проблему продовольствия,

43. «Le Patriote français», № 1298, 2 mars 1793. «Le Journal français», редактируемый Николь де Ладевез, умеренного направления, перестал выходить 2 июня 1793 г. «Сорвать маску лицемерия с этих героев одного дня, публицистов с голодухи, анархистов по необходимости, убийц по своему характеру — вот почетная и опасная задача, которую мы на себя взяли».

которая, казалось, постепенно росла, превращаясь в широкую социальную проблему. Это позволило бы путем ожесточенных нападок на Жиронду стереть впечатление модерантизма, которое могла оставить у части народа борьба якобинцев против Жака Ру и движения в секции Гравилье. Таким образом якобинцы вновь стали бы тем, чем они всегда мечтали быть,— передовой и в то же время регулирующей силой. Таким образом папаша Дюшен вернул бы в свою политическую кухню народ, который отвернулся от нее, будучи привлечен, возможно, запахом свежего хлеба и пряностей, исходившим от речей Жака Ру.

Бешеные в свою очередь, и тоже по тактическим соображениям, бросились в решительную борьбу против Жиронды. Им не удалось сразу увлечь за собой Конвент и Коммуну, выдвинув чисто экономические требования. Теперь они собирались резко обострить политический кризис, толкнуть монтаньяров на крайние насильственные меры против Жиронды. Таким образом в накаленной атмосфере революционных страстей можно было бы свыкнуться с крайними социальными требованиями. А, монтаньяры отворачиваются от разрешения экономических вопросов! А, Робеспьер пренебрежительно заявляет, что народ не должен «ставить себе целью жалкие товары и должен подняться не для того, чтобы получить сахар, а для того, чтобы уничтожить разбойников»! Пусть так: мерзавцы действительно будут раздавлены, но это довольно туманные речи и пустые жесты. Мерзавцы — это Жиронда, мерзавцы — это часть Конвента; надо нанести удар жирондистам, а так как они являются партией крупной буржуазии, партией богатых купцов, спекулянтов и скупщиков, то одержанная над ними победа будет победой над скупкой. Смотрите, как в обращении, зачитанном 4 марта в Якобинском клубе от имени Защитников единой и неделимой Республики, т. е. от имени части тех элементов, которые находились под влиянием бешеных,— смотрите, как политическая борьба против Жиронды переплетается в нем с экономической борьбой против спекуляции, монополий и богатства [44].

«Уже в течение трех лет дело свободы против тирании рассматривается судом разума. Учредительное собрание нас предало; Законодательное собрание нас предало; губительная для свободы группировка в Конвенте хотела нас выдать. Граждане, подумайте: Конвент захватил всю власть. И ею располагает и находящаяся в нем группировка.

Восстание — самый священный долг, когда отечество угнетено. Вероломные депутаты не только должны быть отозваны, их головы должны пасть под мечом закона, когда будет доказано, что под предлогом защиты свободы мнений они предали интересы нации. Неприкосновенность Людовика Капета и уполномоченных народа погубила Республику; только честные люди неприкосновенны... Ролан оклеветал Париж в глазах всей Европы, так как думал, что, уничтожив Париж, он добьется уничтожения свободы.

Мы очень кстати прибыли в Париж [45]. Именно наше объединение с якобинцами, с кордельерами, со всеми патриотами расстроило заговоры и заставило отрубить голову тирану...

...Аристократия богатства хочет подняться на обломках дворянской аристократии; как правило, оптовые торговцы и финансисты — это скупщики... Ни один из коронованных разбойников не посмел бы напасть на нас, если бы они не были уверены в одной из партий в Конвенте... Конституция, которую нам хотят дать [проект Кондорсе и Жиронды],— младенец, которого надо задушить в колыбели; *она целиком направлена на пользу богача против бедняка*; она не удивила патриотов, они ожидали этого.

Пусть одни и те же удары истребят и внешних, и внутренних врагов. Возьмитесь за первых, а мы возьмемся за вторых. К оружию! К оружию!»

Это был несущий смерть набат против Жиронды, причем в такой момент, когда Робеспьер и Марат не хотели ни наносить смертельный удар жирондистам, ни даже силой вышвырнуть их из Конвента. Уничтожить их? В то время Робеспьеру даже не приходила в голову такая возможность. Лишить их мандатов и созвать первичные собрания, чтобы вместо них избрать других? Это означало бы нарушить права Конвента и положиться на случай при новых выборах, в исходе которых не было уверенности. Именно это теперь настойчиво повторял Робеспьер в Якобинском клубе. Его план состоял в том, чтобы медленно окружить Жиронду своего рода атмосферой полного недоверия, мало-помалу совершенно лишить ее остатков ее популярности, устранить ее из комитетов и, не нарушая законности и без насилий, довести ее до состояния «полного политического ничтожества».

---

44. A. Aulard. Op. cit, t. V, p. 65. Обращение озаглавлено: «Картина политического положения в Париже, в ответ на клевету Ролана».

45. Оратор говорит от имени федератов департаментов, объединившихся в Общество защитников единой и неделимой Республики. См. выше, с. 185, прим. 12.

Глава четвертая

ПОРАЖЕНИЯ В БЕЛЬГИИ

Но вот из Бельгии поступают страшные известия. Дюмурье покинул Париж 26 января, чтобы присоединиться к своей армии. В своих «Мемуарах» он говорит, что выехал «с полным отчаянием в душе»[1]. «Он не смог помешать бесполезному, позорному и роковому преступлению; ему не удалось ни добиться отмены декрета от 15 декабря [2], ни по меньшей мере исключить Нидерланды из его действия, чтобы спасти французскую армию в случае ее отступления, ни создать хорошую администрацию для снабжения армии, ни добиться пополнений, ремонта для кавалерии, новых наборов и всего того, чего ему недоставало, чтобы начать кампанию, ни (и это удручало его еще более и заставляло стыдиться того, что он француз) спасти короля, чью невиновность и доброту он знал, после того как видел его очень близко в течение трех месяцев. Ему предстояло снова встать во главе армии, дезорганизованной, недисциплинированной, обреченной на мародерство и совершавшей на зимних квартирах всяческие бесчинства, армии плохо вооруженной, раздетой, разбросанной по разоренным деревням вдоль берегов рек Мааса и Рура, где она нуждалась во всем».

Дабы ослабить впечатление от своей неминуемой неудачи, Дюмурье преувеличивает степень разрухи в своей армии, которая, следует признать, сильно пострадала. В угоду контрреволюции он преувеличивает и «свое отчаяние». Дюмурье вовсе не было свойственно приходить в отчаяние так быстро. Правда состоит в следующем: в Париже он убедился, что ему не удалось заручиться поддержкой ни одной из партий и он не сможет по своему усмотрению, хотя льстил себя этой надеждой вначале, распоряжаться революционной силой. Чудовище нелегко было приручить, оно не поддавалось на ласки авантюриста — дипломата и солдата.

Дюмурье ни минуты не говорит себе, что он должен даже с опасностью для жизни быть слугой Революции и отечества. Независимо от того, суждено ли ему остаться непризнанным или погибнуть, у него был один долг: смотреть врагу в глаза и бороться до конца без задней мысли. Но у Дюмурье не было ни достаточно широкого ума, ни достаточно возвышенной души, и он хотел вести только свою личную игру. Что бы он ни говорил в начале февраля 1793 г., он еще очень надеялся на удачу и на самого себя. Его большой силой была как раз чудодейственная пружина доверия, к тому же он еще обладал огромным престижем. Слава, добытая им под Вальми и под Жемаппом, несколько померкла, но не угасла совсем. И Дюмурье хотел, ослепив еще раз Революцию, выиграть время, чтобы укротить и приручить ее, поставив себе на службу.

ИНТРИГИ И ПЛАНЫ ДЮМУРЬЕ

Правда ли, что Дюмурье, как он это утверждает, серьезно надеялся на первые дни февраля обеспечить путем прямых переговоров мир между Францией, с одной стороны, и Англией и Голландией, с другой? У него была дипломатическая мания, и его тактика заключалась в том, чтобы действовать на свой страх и риск, подменять инициативу Революции своей личной инициативой, дабы пользу от событий извлечь самому, и притом одному. Мольд, французский посланник в Гааге, засвидетельствовал это в Якобинском клубе [3]. Поэтому вполне вероятно, что переговоры имели место — тем более что Англия и Голландия путем этих тайных переговоров с генералом, которому достаточно было нескольких дней похода, чтобы угрожать Роттердаму и Амстердаму, льстили себя надеждой по меньшей мере выиграть время. Итак, если Дюмурье и смотрел на эти тайные переговоры вполне серьезно, он все же начал играть роль простофили, так часто переходящую в роль предателя. Но Дюмурье искажает истину именно тогда, когда прибавляет, что, достигнув успеха в этих переговорах, он вышел бы в отставку.

«Он не хотел предавать интересы своего несчастного отечества; напротив, он хотел послужить ему, уменьшив число его врагов;

---

1. «La vie et les mémoires du général Dumouriez, avec des notes et des éclaircissement historiques», par MM. Berville et Barrière. Paris, 1822—1824, 4 vol., t. III, p. 389.
2. Декрет от 15 декабря 1792 г. о революционной организации завоеванных стран.
3. A. Aulard. La Société des Jacobins, t. V, p. 80, заседание 9 марта 1793 г. См.: de Maulde. Discours prononcé à la Convention nationale, le samedi 6 mars [1793]... (B. N., 8° Le[38] 1836, imp. in-16, 14 p.) См также: «La vie et les mémoires du général Dumouriez...», t. III, chap. XII, «Negociations en Hollande».

так, он хотел добиться нейтралитета между Францией, Голландией и Англией Но в то же время, оказав Франции эту последнюю услугу, он хотел освободиться от видимости соучастия в преступлении своих соотечественников и перестать сражаться на стороне безрассудных тиранов которых он хотел бы видеть наказанными, весьма далекий от того, чтобы поддерживать их безрассудную тиранию Итак, он рассчитывал не возвращаться из Гааги и оттуда распространить манифет с объяснением причин своей эмиграции»[4]

Очевидно, главной заботой Дюмурье, когда он писал свои мемуары, было не задевать иностранные державы и эмигрантов и он преувеличивал свои планы на измену Он не хочет признаться в том, что, если бы ему удалось обеспечить мир с Голландией и Англией, он попытался бы полностью диктовать свою волю всем — и державам [Пруссии и Австрии], и Революции. Он предложил бы мир также и державам, пообещав им привести Францию к принятию умеренной конституции и заставить ее отказаться от всякой мысли о завоеваниях и пропаганде. Тогда, великий тем, что он восстановил всеобщий мир — как он уже был велик своими победами в Шампани и в Бельгии — Дюмурье потребовал бы от Революции отступления, а в случае ее неуступчивости двинулся бы на Париж Наоборот, если бы державы отвергли его заигрывания, он дал бы им сражение, одержал бы над ними победу, продиктовал бы им условия мира и, обладая двойным престижем — миротворца и победителя,— заставил бы Революцию вновь признать его силу.

Это был, несомненно, один из замыслов, возникших тогда в уме изобретательного авантюриста, верившего в то, что для него возможно все и что он всегда сумеет либо обольстить, либо устранить людей, либо чудесным образом влиять на события, либо их сковывать Но он не мог раскрыть свой замысел полностью так как в одной из своих альтернатив он предусматривал разгром держав, которые после своей измены он щадил Невозможно допустить, чтобы Дюмурье, даровав Франции огромное благодеяние прочного мира с Голландией и особенно с Англией, собираясь удалиться от дел, покинуть свою армию, бывшую его прибежищем и его силой, и превратиться в жалкого эмигранта, лишенного всякой власти Или же это мнимое удаление в Гаагу, совсем близко от его армии и от Франции, имело лишь одну цель — склонить общественное мнение в его пользу Он показался бы (во всяком случае, он надеялся на это) человеком необходимым и в своем манифесте указал бы, на каких условиях готов помогать. Как мог бы он отстраниться вдруг, когда мир с Англией был бы заключен им, им были бы определены и статьи мирного договора и только он смог бы заставить уважать его? Мирный договор, заключенный и подписанный им, сохранял бы свою силу только в том случае, если бы сам он оставался силой или, вернее, стал господствующей силой во Франции. И он, несомненно, намеревался сказать Франции: «Либо ты будешь вместе со мною и у тебя будет мир, либо ты будешь против меня и тогда тебя ждет война и поражение».

Объявление Францией войны Англии [5] положило конец этим комбинациям уже в начале февраля и Дюмурье обратился к иному решению вопроса, которое он впрочем, никогда полностью не упускал из виду. Он поставил себе целью возможно быстрее, чуть ли не бегом, завоевать Голландию. Наметил ли он мысленно для себя уже тогда поведение, какого следует придерживаться после действительного завоевания Голландии? В своих мемуарах он это утверждает.

«В случае успеха Дюмурье намечал, как только он захватит Голландию, *отправить в Нидерланды* [6] *все национальные батальоны волонтеров и окружить себя линейными войсками* и наиболее верными ему генералами, заставить Генеральные штаты [Голландии] отдать приказ о сдаче всех крепостей, допустить лишь самые необходимые перемены в правительстве; распустить голландский революционный комитет, которому он ранее объявил, что в случае успеха каждый из его членов — при условии, что он пользуется доверием сограждан,— войдет в администрацию своей провинции, оградить Батавскую республику от комиссаров Конвента и якобинизма, немедленно снарядить в Роттердаме, Зеландии и Тесселе флот для защиты [голландских] владений в Индии и усилить там гарнизоны, разместить в области Зютфен и в голландском Гелдерланде тридцатитысячную обсервационную армию, дать деньги и оружие для снаряжения 30 тыс солдат в провинции Антверпен, в обеих Фландриях и Кампине, на которых он мог бы рассчитывать, сократить французскую армию в районе Льежа, отменить по всей Бельгии декрет от 15 декабря, предложить населению собраться, как оно захочет в Алсте, в Антверпене или в Генте, чтобы создать для себя прочную форму правления такую, какая им подошла бы, затем собрать определенное число бельгийских батальонов, по 800 человек в каждом, общую численность которых он рассчитывал довести до 40 тыс солдат, придать им кавалерию; предложить державам перемирие, в случае если бы они отвергли его он рассчитывал с армией более чем в 150 тыс. солдат оттеснить их за Рейн, если бы они приняли его, у него было бы больше времени и средств, чтобы привести в исполнение остальную часть своего плана, состоящую в том, чтобы создать республику в составе 17 провинций если бы это подошло обоим народам, или же установить наступательный и оборонительный союз между Бельгийской и Батавской республиками в случае, если бы объединение им

---

4 «La vie et le mémoires », t III, p 394

5 1 февраля 1793 г , по докладу Бриссо

6 Подразумевается Бельгия.

не подошло; создать до окончания войны 80-тысячную армию, состав которой был бы сформирован обеими сторонами; предложить Франции вступить в союз с ними, но при условии, что она возвратится к Конституции 1789 г., дабы положить конец анархии у себя; а в случае ее отказа идти на Париж во главе французских линейных войск и 40 тыс. бельгийцев и батавов, чтобы распустить Конвент и уничтожить якобинизм... План этот, если бы он удался, положил бы конец войне и спас Францию».

Здесь Дюмурье не обманывает: таков, несомненно, и был его план или по меньшей мере один из его планов. Он не был таким химерическим, каким может показаться сперва. Несомненно, что почти вся Бельгия устала от присланных Конвентом и исполнительной властью комиссаров, которые применяли декрет от 15 декабря с безрассудством, вызывавшим ужас Робеспьера [7]. Без сомнения, объявленной ими отменой налогов и феодальных повинностей они пытались привлечь на свою сторону бельгийских крестьян. Но те, весьма недоверчивые, спрашивали себя, будут ли достаточно прочными эти преимущества. При первой же неудаче французов старый порядок мог быть восстановлен, и, в то время как Революция приносила им, быть может, только временные благодеяния, завоевать которые они не сумели сами и в сохранении которых не были уверены, она задевала их за живое, забирая церковное серебро, изымая предметы культа, передавая Франции, по меньшей мере в залог *, имущества церкви, которые давали жить огромной клиентеле нищих и бедноты. Они боялись и наводнения страны обесцененными ассигнатами. Революция, не имея возможности немедленно приступить в Бельгии к продаже церковных имуществ, которые в вихре войны и при неуверенности в завтрашнем дне, быть может, и не нашли бы покупателей, не смогла пустить корни. Продавали только движимость, и притом в франкоязычных провинциях. Поэтому бельгийцы отворачивались от Революции, и, так как они в то же время ненавидели австрийский старый порядок, который посягнул на их традиционные вольности и уже поколебал их веру, которой теперь угрожала Революция, вполне возможно, что они согласились бы образовать, вместе с Голландией или рядом с ней, автономную республику с консервативными тенденциями; Дюмурье, вне всякого сомнения, стал бы ее временным главой и организатором; располагая этой опорой и оставшимися верными ему французскими военными силами, он мог бы попытаться нанести удар Парижу. Он мог бы попытаться произвести своего рода фейянтистский переворот, направленный против якобинской Революции, разделенной — себе же во вред — борьбой между Горой и Жирондой и окруженной на западе, в Лионе, в части юга и даже в Париже враждебными силами, наполовину еще скрытыми, но внезапно пробужденными и воодушевленными дерзостью победоносного генерала. Что не удалось Лафайету в июне 1792 г., так как он пришел один и не пользовался

в своей армии престижем, какой дарует победа то собирался осуществить Дюмурье...

И несомненно, после того как Дюмурье дал бы истерзанной и уставшей Франции мир, славу и порядок, после того как он гарантировал бы ей свободу, умерив ее, он получил бы от признательного общества великолепную награду. Либо он стал бы блестящим, навязывающим свою волю советчиком традиционной монархии, восстановленной им на современной основе, либо, быть может, тот союз, о котором он мечтал, союз между Бельгийско-батавской республикой, главой которой он, несомненно, стал бы, и Францией, принял бы форму своеобразного протектората Дюмурье, распространяющегося на федерацию Бельгийской, Батавской и Французской республик, управляемых сверху победоносным генералом и в то же время искусным дипломатом, опирающимся на могучую армию.

Вот, без сомнения, молнии надежды, несмотря ни на что неясные и ломаные, зигзагами проносившиеся в уме Дюмурье, который постепенно окутывал мрак измены. Ибо в этом замысле были не только неподчинение и мятеж; в нем было и вероломство. Дюмурье действительно мог бы выступить против Революции, не выдавая Франции иностранцам, только при условии, что он преуспел бы быстро и преуспел бы всюду. Но он должен был быть способен остановить державы, ринувшиеся, чтобы растерзать Францию, и одновременно свергнуть революционную власть. Он должен был быть уверен в своей способности одновременно повелевать и Францией, и миром. Если бы он преуспел в Голландии, если бы он остановил разношерстную австрийскую армию, двигавшуюся к берегам Рейна, но был бы разбит, пойдя против Революции, то у него не было бы иного прибежища, как только у иностранцев, недавно побежденных им. Если бы в своей борьбе против иностранцев он понес тяжелое поражение, но, несмотря ни на что, преуспел бы в своем насильственном предприятии против Революции, то он был бы по отношению к ней лишь авангардом иностранцев. Так, при любом из этих предположений, частичный успех делал его изменником. Для того чтобы быть только мятежником, не становясь изменником, он обязан был выиграть дело, все дело — и против вражеских сил, угрожавших Франции, и против революци-

7. О проблеме оккупации см.: «Occupants, Occupés, 1792—1815. Colloque de Bruxelles. 29 et 30 janvier 1968». Bruxelles, 1969; «Le cas de la Belgique», par R. Devleeshouwer, p. 43; «Aspects de l'occupation française dans la principauté de Liège. 1792—1795», par J. Bayer-Lothe.

* Дюмурье черпал средства на содержание армии путем займов у бельгийского духовенства. — *Прим. ред.*

онных сил, управлявших ею. Но когда человек рискует изменить своей стране, если он не преуспеет полностью в своей весьма трудной, весьма сложной, весьма дерзкой попытке, то он уже изменник. И весь ужас в том, что среди опасностей, на которые он, по его мнению, шел и которые ему, быть может, действительно грозили, опасность скатиться к измене не показалась ему самой страшной из всех.

Он уже считал себя вынужденным отвергать и отстранять волонтеров и заменять солдат-граждан, прибывших из Франции, бельгийскими и батавскими солдатами, которые, по всей вероятности, оказались бы всего-навсего наемниками. Уже самым выбором городов, где он предполагал созвать уполномоченных бельгийского народа — Алст, Антверпен, Гент, т. е. городов, где против духа Франции боролись более всего,— Дюмурье признал, что он не был уверен в Бельгии в целом. В своем письме от 22 февраля комиссары Конвента пишут из Гента [8]:

«Деревенское население в общем склонно присоединиться [к Франции]. *Попыток, направленных против этого пожелания, опасаются лишь в некоторых маленьких городах, таких, например, как Алст*»[9].

А Дюмурье хотел созвать представителей бельгийского народа именно в Алсте, городе, наиболее непокорном духу Революции, который и ныне — одна из твердынь самого неистового клерикализма. В Бельгии было немало областей, где имелись революционные силы, которых Дюмурье страшился.

План вторжения в Голландию был дерзок не потому, что Дюмурье было бы трудно дойти до Роттердама и Амстердама. Он сам должен был идти прямо на Роттердам; его заместитель Миранда [10], поручив генералу Валансу продолжать осаду Маастрихта, должен был спуститься по долине Мааса; соединение сил Дюмурье и Миранды намечалось в Нимеге, после чего они должны были занять Амстердам. Но что тем временем стало бы с Нидерландами? Если бы герцог Кобургский, командовавший на Рейне австрийской армией, переправился через реку, снял с Маастрихта осаду и занял Бельгию, то кто оказал бы ему сопротивление? Наступление Дюмурье в Голландии, таким образом, было весьма рискованным делом. Оно могло удаться только чудом, благодаря невероятной быстроте действий Дюмурье и необычайной медлительности его противника. В своих мемуарах Дюмурье уверяет, что он понимал эту опасность:

«Если бы Францией правили рассудительные люди, он предложил бы покинуть Нидерланды, защищать которые больше не было возможности, и отвести армию за линию крепостей департамента Нор, некоторое время удерживая за собой берега Шельды и крепость Намюр; но столь разумное предложение расценили бы как трусость или измену, и генерал мог бы за него поплатиться головой.

К тому же, будь оно принято, это поставило бы генерала под власть жестоких тиранов, которых он намеревался уничтожить, дабы спасти Францию. Если бы он возвратился во Францию со своей армией, преследуемый врагом и как бы обращенный в бегство, он утратил бы в глазах армии весь свой авторитет, который он мог сохранять только ценой больших побед; на армию оказывали бы влияние парижские якобинцы, численность которых это отступление увеличило бы на 60—70 тыс. человек. Поэтому он мог выйти из своего безнадежного положения только путем осуществления самых отважных замыслов».

Это — признание в преступлении. Дюмурье признает, что было бы более разумным надежно организовать оборону на северной границе в ожидании того, когда реорганизованная армия сможет перейти в наступление. Если он не предложил этого плана, то потому, что, по его словам, боялся обвинений в трусости и измене. Какое это имеет значение? Его долгом было сообщить об истинном положении вещей, и он не имел права рисковать, ставя столь безрассудно на карту судьбу Франции и свободы. К тому же, кто знает, не прислушалась ли бы Революция к его советам? Он еще имел на нее очень большое влияние. Можно сказать, он как бы околдовал ее. Чтобы отказаться от него, она с сожалением и отчаянием ожидала очевидной, явной измены. Сам он не уверен, что его план был бы отвергнут, но признается, что боялся его принятия еще больше, чем отказа. Он снова становился бы генералом, подобным другим, утратившим престиж непрерывных побед; он должен был бы считаться с законами, с волей страны, и именно это было для него нестерпимо. По правде говоря, веря в себя и в свою судьбу, он надеялся, несмотря ни на что, преуспеть в Голландии и верил, что сможет вовремя возвратиться во главе победоносной армии, чтобы защитить Нидерланды.

Но в этом начинании было столько противоположных возможностей, что позднее, когда Дюмурье уже явно изменил Франции, державы коалиции предположили, что начало его измены восходит к первым дням февраля и что он повел свою армию в Голландию

---

8. A. Aulard. Recueil des actes du Comité de salut publique avec la correspondance officielle des représentants en mission et le registre du Conseil exécutif provisoire, t. II, p. 178.
9. Алст — небольшой город в восточной Фландрии.
10. Миранда Франсиско (1750—1816) родился в Перу, в Париже появился в 1791 г., был в дружеских отношениях с Петионом и жирондистами, устроившими ему назначение в Северную армию под начало Дюмурье. Валанс (1757—1822), полковник Шартрского драгунского полка, был первым шталмейстером герцога Орлеанского, когда началась Революция; генерал-лейтенант в армии Келлермана в августе 1792 г., сражался при Вальми; временно исполнял обязанности главнокомандующего, в отсутствие Дюмурье, с 30 декабря 1792 г. до 11 января 1793 г., а затем с 23 февраля и до 11 марта 1793 г.

с заранее обдуманным намерением лишить прикрытия Нидерланды и открыть путь для армии императора. Это ложная гипотеза. Дюмурье нуждался в победе, чтобы в глазах всех, в глазах коалиции, как и в глазах Франции, сыграть роль, какую он себе отводил. Предать свою армию значило лишиться гарантий. И всякое поражение, подрывая его престиж, повредило бы его планам. Но ужасным для него было то, что враг мог бы приписать ему подобное намерение. И хотя Дюмурье в своих мемуарах и развивает совершенно противоположный план, я спрашиваю себя: с самого начала, в апреле, когда он перешел на сторону врага, не поддержал ли он, хотя бы своим молчанием, эту позорящую его легенду? Барон Стединг, посол Швеции в Санкт-Петербурге, писал регенту Швеции герцогу Сёдерманландскому 26 апреля [11]:

«В конце минувшей недели императрица [России] получила план, согласованный между г-дами Клерфэ [австрийский генерал] и Дюмурье; в соответствии с ним последний и действовал с начала этой кампании. *Нападение на Голландию, размещение французских войск на берегах Мааса и Рура — все было согласовано уже давно.* Однако венский двор ничего не сообщил об этом ни петербургскому двору, ни другим державам коалиции; то, что было весьма благоразумно, очень не понравилось здесь. Всю эту интригу вел граф де Мерси, а г-да Кобенцль и Шпильман были отстранены от дел за то, что не согласились участвовать в ней».

Повторяю еще раз: Дюмурье изменил не так. Это похвальба австрийских дипломатов, желающих приписать своей ловкости счастливый исход событий. И Дюмурье, несомненно, допускал такие разговоры, чтобы не задевать их самолюбия. Он как будто даже поддерживал эту легенду кое-какими неопределенными высказываниями. Ферзен в своем письме от 29 апреля из Брюсселя к регенту Швеции сообщает, что он «долго беседовал» с Дюмурье в Ахене[12]:

«В конце концов беседа с Дюмурье убедила меня (еще более укрепив мое прежнее мнение) в том, что его поведение не было продиктовано каким-либо благим побуждением, а было вызвано признанной им невозможностью дальнейшего сопротивления и его желанием спастись при всеобщем крушении и добиться забвения всех своих вин оказанием большой услуги. *Он уже более трех месяцев назад предчувствовал эту необходимость и вел относительно этого переговоры*».

Говоря таким образом, Дюмурье сам на себя клевещет, и жалкое самолюбование, с каким он преувеличивал и переносил на более раннее время свою измену, не должно извращать для нас истинный смысл его кампании в Голландии. Он желал победы и стремился к ней. И в этот момент он не знал точно, каким образом он сможет ее использовать. Быть может, согласно плану, изложенному в его мемуарах, он обратился бы против Революции; быть может также, он попытался бы, используя свой возродившийся и возросший престиж, соблазнить ее, увлечь за собой и подчинить своей власти. И несомненно, с этой целью он выпустил против штатгальтера прокламацию, исполненную революционного пыла [13]. Так он и шел, колеблясь между неопределенными мыслями, но воодушевляемый неистребимой надеждой, которая была как бы пружиной его существа и сутью его натуры.

11. «Le comte de Fersen et la cour de France. Extraits des papiers du grand maréchal de Suède, comte Jean Axel de Fersen», publiés par son petit neveu le baron de K l i n c k o w s t r o m. Paris, 1878, 2 vol., t. II, p. 415.
12. Ibidem, t. II, p. 416.
13. «Proclamation... aux Bataves». (B. N., fol. Lh^5 101, affiche.) «Я вступаю в вашу страну во главе 60 тыс. свободных французов-победителей... Мы пройдем по вашим богатым провинциям как друзья и братья. Вы увидите, каково различие между свободными людьми, протягивающими вам руку, и тиранами, которые наводняют и опустошают ваши деревни».

ГОЛЛАНДСКАЯ КАМПАНИЯ И ПЕРВЫЕ НЕУДАЧИ

Первым же натиском Дюмурье захватывает Бреду, где французские солдаты танцуют «Карманьолу» на гласисе крепости, а также Гертруиденберг. И словно нужно было, чтобы опьянение гордостью завоевания присоединилось к победам свободы, Кондорсе и Делоне, объявляя в своей газете о взятии Гертруиденберга, пишут [14]: «Так армия санкюлотов отомстила за оскорбления, нанесенные Людовику XIV». Но Дюмурье, продолжая свое движение на Роттердам, узнал, что герцог Кобургский устремился к Руру, затем к Маасу, снял осаду с Маастрихта, захватил Ахен, оттеснил захваченные врасплох и расстроенные французские силы и занял Льеж. Это был страшный удар. Революция внезапно была вынуждена перейти к обороне. Но Революция во время этого кризиса не теряет веры ни в себя, ни в Дюмурье. Более того, создается впечатление, что его авторитет возрос от этих неожиданных неудач. Бельгийская армия была захвачена врасплох именно потому, что его не было с нею; с его отъездом она как бы лишилась души [15].

Комиссары Конвента Госсюен, Делакруа и Мерлен пишут 3 марта из Льежа Комитету общественной обороны [16]:

«Генерал Валанс уверяет, что он, если Дюмурье не прибудет немедленно, не может отвечать за события». И действительно, создается впечатление, что если Кобург смог перейти через Рур и таким образом проникнуть из бассейна Рейна в бассейн Мааса, то эта серьезная неудача была вызвана оплошностью генералов. Дантон, возвратившийся в Бельгию, чтобы подготовить ее присоединение и на месте наблюдать за событиями, понял всю серьезность опасности. Если Бельгия будет вновь захвачена неприятелем а Дюмурье отрезан от Франции и увязнет в Голландии, то это,

будет значить, что рухнет весь план Дантона, а он сам может быть вовлечен в эту катастрофу. Он поспешил в Париж, чтобы предупредить Конвент, предотвратить панику, вывести людей из состояния оцепенения и снова поднять против врага, как это было в августе и сентябре 1792 г., все героические силы Революции [17]. Эти страшные события породили в Париже три весьма различных течения общественного мнения.

Прежде всего, жирондисты, которые были сторонниками войны, объявили ее и, в сущности, ею руководили через посредство созданного после 1 января Комитета обороны, где они господствовали, поняли, что ответственность за поражения ляжет на них. Нести ее они могли бы не дрогнув, если бы отказались от своих вечных обвинений, если бы сблизились с Дантоном, подобно им в какой-то мере причастным к этим неудачам, и если бы от всего сердца приняли участие в мерах по национальной обороне. Они вначале предпочли тешить иллюзиями и себя, и страну и ребячески не придавать значения ни неудачам, ни опасностям. Из первых же донесений было очевидно, что положение тяжелое, что, поскольку неприятель застал наши силы на Руре врасплох и двигался к Маасу, Бельгия была под угрозой. Три письма направленных в Бельгию комиссаров, посланные из Льежа 2 и 3 марта Комитету обороны, указывали на серьезность положения и отмечали, так сказать, ежечасное нарастание опасности. В первом письме, от 2 марта, говорилось [18]:

«Мы прибыли в Льеж в 6 часов утра и тотчас же узнали, что этой ночью наш авангард был принужден оставить Ахен и отступить

---

14. «Chronique de Paris», № 67, 8 mars 1793.
15. На деле французские силы были разделены и ими плохо командовали. Войска герцога Брауншвейгского и герцога Кобургского занимали центральную позицию между армией Кюстина и армией Дюмурье. Армия Кюстина в Майнце была выдвинута вперед; армия Дюмурье была рассеяна позади слабого прикрытия на берегу Рура. 26 февраля 1793 г. Дюмурье вступил в Голландию. 1 марта войска коалиции опрокинули французов на реке Рур и направились к Льежу. Дюмурье вынужден был возвратиться из Голландии и дать сражение, не успев перегруппировать свои войска. 18 марта 1793 г. он был разбит под Неервинденом.
16. «Actes du Comité de salut public», t. II, p. 251. Делакруа — депутат Конвента от департамента Эр и Луар; Госсюен — от департамента Нор; Мерлен из Дуэ — депутат Конвента от департамента Нор.
17. Дантон был снова послан в Бельгию 31 января 1793 г. Из-за смерти жены (11 февраля) он возвратился в Париж 24 февраля. Он снова выехал в Бельгию в конце этого месяца. 5 марта Комиссия представителей [т. е. депутатов Конвента, командированных в Бельгию.— *Ред.*] решила отправить его в Париж вместе с Делакруа, чтобы предложить Конвенту принять энергичные меры. В это время Дантон еще относился к Дюмурье с полным доверием.
18. «Actes du Comité de salut public», t. II, p. 244.

к Эрву (куда мы отправимся завтра)... Эта неудача, всех подробностей которой мы еще не знаем, породила здесь толки, которые по своим последствиям могли бы стать роковыми».

Это была угроза восстания в Бельгии при первом же поражении французов 3 марта в 9 часов вечера комиссары писали [19]

«Мы писали вам сегодня утром с чрезвычайным курьером чтобы сообщить вам о передвижениях неприятеля, об отступлении наших частей из Ахена и о прекращении бомбардировки Маастрихта Сегодня утром начальнику штаба генералу Тувено [20] удалось благодаря своим энергии и хладнокровию, которые превыше всяких похвал, объединить все батальоны, в беспорядке рассеявшиеся в этом городе, и заставить их повернуть на Эрв... Генералы Валанс и Тувено приняли все необходимые меры, чтобы укрыть от неприятеля обозы и продовольственные запасы, а мы со своей стороны позаботились о сохранении государственной казны Льежской провинции...»

Таким образом, французская армия отступала, и какое-то время почти в беспорядке, так как понадобилось ее собирать Ахен был оставлен, и французы готовились снять осаду Маастрихта, поскольку они прекратили бомбардировку Льеж был под угрозой Третьего марта, в новом письме, комиссары бьют тревогу [21]

«Мы должны прибавить, что все находится в ужасающем положении, что армия, отступившая из Ахена и его окрестностей почти полностью дезорганизована, что неприятель, быть может, завтра, быть может, еще сегодня вечером будет в Льеже,— в Льеже где собраны все наши запасы и где хранятся огромные ценности Мы сообщаем вам это на основании слов самого генерала Валанса Мы стараемся собрать беглецов, мы прилагаем все усилия в переговорах с временной администрацией и гражданами, настаивая, чтобы население Льежа помогло нам и восполнило нехватки в нашей армии. Опасности, связанные с этими нехватками, тем более неминуемы, что у неприятеля очень сильная кавалерия, а у нас ее почти нет»

Это письмо подписали Госсюен, Делакруа и Мерлен (из Дуэ). Сведения были поистине серьезные и достаточно точные.

Несмотря на это, Комитет обороны, где преобладало влияние жирондистов, вначале скрыл эти письма от Конвента. Вот в какой мере газета Бриссо преуменьшает важность событий (номер от четверга, 7 марта)

«Комитет общественной обороны получил весьма тревожное письмо от комиссаров в Бельгии Комитет и военный министр, *будучи склонными придавать ему мало веры*, не сочли необходимым сообщить его содержание Конвенту Но члены Горы узнали о нем и потребовали, чтобы оно было прочитано. *Конечно, надо быть сообщниками пруссаков или биржевых игроков, чтобы потребовать оглашения этого письма.* Буайе-Фонфред ответил, что это письмо не было прочитано не потому, что оно сообщало о неудаче, а *потому, что было недостоверным*, что к тому же военный министр должен был сделать доклад противоположного содержания Он добавил, что в другом случае комиссары писали, что если в Брюссель не пришлют 20 батальонов, то город этот будет объят пламенем, батальонов не прислали, а зловещее пророчество комиссаров не сбылось.

Военный министр обсуждает это письмо [комиссаров] он замечает, что наша небольшая неудача на реке Рур не столь тревожна и не может иметь последствия, о каких сообщают комиссары; он прибавляет, что *не допускает возможности* продвижения неприятеля на Льеж, так как на берегах Мааса имеются надежные укрепления, к тому же Миранда и Валанс располагают достаточными силами, чтобы отразить любую атаку, что он приказал им соединиться и дать сражение, если потребуется»[22].

В тот же день Манюэль предавался идиллическим разглагольствованиям «Древо свободы — это оливковая ветвь». Даже после заседания 8 марта [23], на котором Делакруа, возвратившись из Бельгии вместе с Дантоном, предостерег Конвент от оптимизма генералов и министра и подробно описал серьезность положения, газета «Патриот франсэ», смущенная все же большой точностью дурных известий, продолжает смягчать и затемнять смысл событий Ни одного резкого выпада против неприятеля; одни лишь вечные разглагольствования против «анархистов».

«*Если бы мы потерпели поражение*, то я сказал бы, что несчастье служит испытанием республиканизма; я сказал бы, что судьба свободы не зависит от исхода одного сражения, я сказал бы, что ничего не потеряно раз мы еще живы и решили не пережить свободы. Но захвачено врасплох несколько плохо обороняемых постов; открытый город занят неприятелем; он захватил территорию, которую не могли защитить никакие позиции; и вот бьют тревогу, и вот выступают люди, сравнивающие наше положение с положением в сентябре и кичащиеся своей храбростью республиканцев, которую можно принять за страх! Несомненно, надо

---

19 Ibidem, t II, p 249, «Moniteur», XV 639

20 Тувено (1757—1817) — капитан артиллерии в 1789 г , подполковник в 1792 г , начальник штаба у Дюмурье, вместе с которым он дезертировал

21 «Actes du Comite de salut publique», t II, p 250

22 Газета Бриссо приводит здесь отчет о заседании Конвента 6 марта 1793 г , поскольку Жан Бон Сент Андре распространил слух, что «Комитет общественной обороны располагает письмом о положении наших армий», Конвент постановил, чтобы Комитет ознакомил его с ним Это сделал от имени Комитета Буайе-Фонфред Военный министр Бернонвиль выступил после него. («Moniteur», XV, 632)

23 «Moniteur» XV, 647, «Archives parlementaires», LIX, 714

действовать так, словно мы побеждены, так как, будь мы побеждены, мы думали бы только об отмщении; несомненно, французы должны приложить последние усилия в этой кампании, но если к этому их хотят склонить, преувеличивая опасности, то это значит клеветать на их патриотизм и на их храбрость»[24].

ДЮМУРЬЕ ОТЗЫВАЮТ ИЗ ГОЛЛАНДИИ

Также и сам Дюмурье вначале хотел закрыть глаза на всю серьезность опасности. Он хорошо понимал, что если будет утрачено самообладание или даже если появится страх, то его отзовут в Бельгию, а для него было огорчительно отказаться от своего победоносного похода в Голландии и, так сказать, лишить себя своей собственной победы, чтобы отступить в Бельгию и с трудом отбиваться после поражения, нанесенного его помощникам. Он попытался, насколько мог, отстоять свой план.

«Мы только что получили,— писал Мерлен 7 марта [25],— письмо от генерала Дюмурье из Маастрихта от 4 марта; он сообщает нам, что в этот же день, в 4 часа 30 минут пополудни, он вступил в город Гертруиденберг. Он прибавляет, что этот успех должен нас утешить после случившихся неприятных происшествий, так как он полностью открывает нам путь в Голландию. Гертруиденберг, опять-таки по его словам, почти так же силен, как Бреда, ввиду имеющих там место разливов и благодаря наличию наружных укреплений, делающих его неприступным. *Наконец, он уверяет нас в том, что одно лишь неизменное следование его плану может поправить дела в Бельгии*».

В своих мемуарах Дюмурье говорит, сколько усилий он приложил, настаивая на этом:

«Армия полностью пала духом; она сваливала вину на своих генералов, особенно на Миранду, который даже подвергался опасности. Все же генералу Валансу с помощью генерала Тувено удалось навести некоторый порядок, но дезертирство было огромным. Более 10 тыс. человек ушло во Францию. Армия громко требовала возвращения генерала Дюмурье. Комиссары Конвента слали к нему курьера за курьером, чтобы заставить его возвратиться. *Он неизменно отвечал, что на позициях у Лувена, где была собрана армия, держаться можно и что еще ничего не потеряно, если ему дадут время совершить свой поход*».

Но положение было невыносимым. Сказать правду, в Бельгии не было более командования; была лишь горстка генералов, совершенно не согласных друг с другом и полностью растерявшихся, ожидавших возвращения Дюмурье как спасения и скованных в Лувене своей неспособностью выработать общий план. Комиссары в Бельгии в своем письме от 11 марта констатируют это удручающее положение вещей [26]:

«Генералы осуществили план, о котором мы говорили,— полностью отступить к Лувену, оставив только авангард в направлении Тирлемона... Они считают, что в нынешнем положении они ограждены от всякой неожиданности. *Они не пожелали совместно выработать план последующих действий, всецело полагаясь на Дюмурье, которого они умоляли прибыть... В решении генералов приостановить все, пока Дюмурье не скажет своего слова, вы можете усмотреть результат необычного состава группы войск, собранных под Лувеном. Они состоят из трех армий — Арденнской Северной и Бельгийской, каждая со своим генералом во главе, а именно Валансом, Мирандой, Лану* [27], *и со своим штабом. Три генерала, равные, по существу, властью, не обладают характером, позволяющим легко сходиться с другими людьми. Их совещания бывают продолжительными и с трудом завершаются успехом. Выполнение решений наталкивается на такие же препятствия со стороны трех штабов, которые должны ему равным образом способствовать, но независимы один от другого.* Отсутствие согласия между генералами будет иметь роковые последствия, если продлится. Присутствие Дюмурье положит конец всему этому; он предложит свой план, которому все остальные готовы следовать».

Но какое искушение для Дюмурье! Какое смешение горя и гордости в его душе!

«Комиссары Конвента,— пишет он в своих мемуарах,— сломя голову умчались в Париж, сделали там столь тревожный доклад, столь ярко описали в нем упадок духа солдат, что было решено, что один только генерал Дюмурье может предотвратить грозные опасности и спасти армию; поэтому ему был послан самый категорический приказ отказаться от похода в Голландии и немедленно выехать, чтобы встать во главе большой армии. Он получил этот приказ 8 марта вечером и утром 9 марта выехал с отчаянием в душе»[28].

Да, это было роковое искушение, ибо генерал, уже отчаявшийся, говорил себе в то же время, что он был единственной надеждой Франции, что без него она не могла ничего. Так мало-помалу в душе человека накапливаются смутные чувства, из которых рождается измена.

---

24. «Le Patriote français», № 1305. 9 mars 1793.
25. «Actes du Comité de salut public», t. II, p. 276.
26. Ibidem, t. II, 336.
27. Лану Рене Жозеф (1731—1795)— бригадный генерал в 1788 г., генерал-лейтенант в Северной армии в 1792 г., командующий левым крылом Арденнской армии в январе 1793 г. См. ниже, с. 291, прим. 40.
28. См. также письмо военного министра от 13 марта 1793 г., ссылающегося на письмо Дюмурье от 9 марта: «Он получил приказ Исполнительного совета принять командование объединенными армиями Валанса и Миранды; в настоящее время он во главе их и надеется, что его присутствие возвратит уверенность войскам и самим бельгийцам». («Moniteur», XV, 708.)

Но какой контраст между серьезностью кризиса и расплывчатыми выражениями жирондистской газеты! Любопытная вещь! Создается впечатление, что Бриссо, у которого все-таки были друзья во Временном Исполнительном совете, как и в Комитете общественной обороны, и который всегда похвалялся своей хорошей осведомленностью, в этот момент говорит в пустоту. 9 марта (заметим себе эту дату!) «Патриот франсэ» пишет [29]:

«*Имея возможность знать истину*, мы можем засвидетельствовать (со слов осведомленных людей), что если Льеж и оставлен, то он не взят (во всяком случае, об этом ничего не известно), что если неприятель и может начать наступление на Льеж, то он также может при этом наступлении быть разбитым, и что, таким образом, еще можно надеяться сохранить за собой этот город. *Мы можем засвидетельствовать на основании мнения специалистов, что неприятель не может углубиться в Бельгии.* Наконец, мы можем засвидетельствовать, что неприятель не столь многочислен, как об этом говорят, что он численно уступает нашей армии, что Дюмурье вовсе не расположился лагерем и продолжает свое продвижение в Голландии».

Однако в то время, как Бриссо так упорствовал, о поражении под Льежем, откуда были вынуждены бежать все администраторы-патриоты, уже знали в Париже, оно обсуждалось в Якобинском клубе [30], и именно в течение дня 8 марта Временный Исполнительный совет, весьма вероятно, в согласии с Комитетом общественной обороны, подробно осведомленным Делакруа и Дантоном, решил отозвать Дюмурье из Голландии. Жиронда явно теряла почву под ногами.

Даже великого Кондорсе в этот момент, казалось, обуревала ненависть к Робеспьеру. В происходивших 5 марта в Конвенте прениях об эмигрантах Робеспьер потребовал тщательного рассмотрения и передачи в Комитет предложений о милосердии, казавшихся ему опасными [31]. Речь шла о детях эмигрантов: с какого возраста можно считать их ответственными? Кое-кто был склонен считать их неответственными до 18-летнего возраста.

«Да,— восклицал Робеспьер,— эта мысль внешне кажется человечной, но когда 16-летние или 17-летние сыновья и дочери эмигрантов явятся под защитой ваших законов, чтобы разжигать гражданскую войну, когда они будут представлять в охваченных фанатизмом районах свою отсутствующую семью, то каким это будет ужасным ударом для Революции! Подумайте,— восклицал он,— ведь мы ведем войну!»

И события в Вандее, где молодые сыновья и даже молодые дочери эмигрантов будут играть решающую роль, оправдают вскоре опасения Робеспьера. А Бриссо в своей газете [32], но также и Кондорсе ответили ему оскорбительными и презрительными словами.

Словно Кондорсе, с того момента как он предложил проект конституции, с того момента как он познал славу быть революционным законодателем демократии, всецело одержим этой мыслью; он относится полубезразлично к событиям, не имеющим отношения к этому вопросу, и, если он подозревает в ком-либо желание отложить его обсуждение, которое одно представляется ему важным, он преследует этого человека своей ненавистью. Был момент, 6 марта, когда казалось, что он предложил партиям сомкнуть свои ряды, объединиться перед лицом неожиданных опасностей, угрожающих Революции [33]:

«Отбросить тиранов, объединившихся против нас, дать французскому народу Конституцию, которую он, несомненно, в полном праве ожидать после четырех лет Революции,— вот единственные интересы нации, и единственный долг ее представителей— пожертвовать всем ради этих великих интересов.

Как! Почти вся Европа в заговоре против нас, *а мы станем думать о своих личных врагах! Поколебленное здание нации повсюду требует восстановления, а нас еще будут волновать мелкие ссоры партий или различия мнений!*»

Это замечательно, но каким тоном на другой день в статье, подписанной Кондорсе и Делоне, «Кроник де Пари» говорит о Робеспьере в связи с его высказыванием об эмигрантах!

«*Как быть, когда в сердце человека нет чувства, а в голове ни единой идеи; когда никакое образование не в силах восполнить недостаток ума; когда, несмотря на все усилия, человек не смог подняться даже до жалкого таланта связывать слова и все-таки хочет быть великим? Тогда из ряда вон выходящими действиями необходимо заслужить не голоса народа (он начинает прозревать), а покровительство разбойников*»[34].

Таким образом, в условиях начавшегося кризиса Жиронда либо делала вид, что не видит опасности, либо замыкалась в педантизме своей ненависти.

БЕШЕНЫЕ ПРОТИВ ЖИРОНДЫ

Но часть революционеров одним прыжком кинулась в противоположную крайность. Бешеные, могущественные в Клубе кордельеров и в некоторых секциях, преувеличивали опасность,

29. «Le Patriote français», № 1305, 9 mars 1793.
30. A. Aulard. La Société des Jacobins, t. V, p. 67, 69, заседание 6 марта 1793 г.
31. «Moniteur», XV, 641; «Archives parlementaires», LIX, 629.
32. «Le Patriote français», № 1303, 7 mars 1793. «Пальма варварства была оставлена для Робеспьера».
33. «Chronique de Paris», № 65, 6 mars 1793.
34. «Chronique de Paris», № 66, 7 mars 1793.

определенно говорили, как о несомненной уже, измене Дюмурье и требовали, чтобы жирондисты, соучастники изменника, были изгнаны из Конвента и преданы суду закона. Известия о поражениях, которые к Жиронде ползли черепашьим шагом, к неистовым, казалось, летели на крыльях. «Патриот франсэ» в номере от 9 марта [35] задает вопрос:

«Почему недоброжелатели находят удовольствие в преувеличении дурных известий: вследствие ли панического ужаса или коварных намерений? Сегодня вечером в группах и в секциях настойчиво распространяли слухи, что Льеж и Брюссель взяты, что неприятель движется на Францию, что песенка Дюмурье спета... И за этими новостями следовали призывы избавиться от изменников, рубить головы и пр.».

Это не было ни паникой, ни расчетом, но естественным приспособлением умов к бурным событиям. И все, что они говорили, либо было верно, либо должно было стать таковым. Варле бывал всюду и раздувал огонь. Это был целый план новой революции, который предлагало несколько крайних секций. Дело шло не только о том, чтобы очистить Конвент, где изменники вошли в соглашение с изменником Дюмурье. Дело шло о том, чтобы взять под опеку весь Конвент, не способный ни к какому решительному действию. Это Парижский департамент, которым самые пылкие революционеры распоряжались, как хотели, избрал подозрительных депутатов. Секция Четырех наций обратилась к другим секциям с призывом в этом духе [36]:

«Республиканцы, вы хотите быть свободными? Вы хотите спасти отечество? Выслушайте нас: нет никакого сомнения в том, что вторжение в Бельгию — дело преступной партии, парализующей Национальный Конвент и разрывающей грудь Республики. В успехе наших врагов можно узнать руку пособника королей, героя Лунного лагеря, изменника Дюмурье. Поднимаются защитники отечества, но свой первый взгляд они бросают внутрь страны, на главарей заговора; в момент, когда надо действовать, они не остановятся перед тем, чтобы нарисовать вам картину отвратительных происков таких людей, как Ролан, Бриссо, Жансонне, Гюаде, Петион, Барбару, Луве. О, что касается всех свободных французов, то эти изменники более чем разоблачены, так как французы внутренне убеждены в их измене; они думают, что новое предложение, в последние дни внесенное патриотами, о создании нового Революционного трибунала, и предложение об отстранении министров — несостоятельные паллиативы, ложные меры, потому, что они лишь косвенно затрагивают убийц внутри страны, находящих центр объединения в самом Конвенте. Они требуют, как высшей меры, и притом единственно действенной, чтобы Парижский департамент, неотъемлемая часть суверена, ныне осуществил принадлежащую ему верховную власть; чтобы с этой целью были созваны все секции и кантоны, дабы разрешить избирательному собранию Парижского департамента отозвать неверных уполномоченных, недостойных быть представителями Республики».

Варле огласил в Клубе кордельеров обращение такого же содержания, и кордельеры заявили, что Дюмурье — изменник и что с изменниками необходимо покончить [37].

Любопытное обстоятельство, хорошо показывающее, что Жак Ру продолжал свою подпольную широкую деятельность. Он, несомненно, с удовлетворением смотрел на волнения, которые, напрягая все пружины Революции, подготовляли возвышение крайних партий, и ничего не имел против движения, которое, захлестнув Робеспьера и даже Марата, привело их в замешательство. Но даже в условиях самого тяжелого национального и политического кризиса он не хочет смягчения экономического характера народных требований. Возникшие события должны придать большое значение именно социальной программе, и надо, чтобы «гром» законов против биржевых игроков и монополистов заглушил весь грохот битвы и все волнения партий. Жак Ру предоставляет Варле ввязаться с головой в политическую революцию; но сам он призывает свою секцию, секцию Гравилье, отправиться 9 марта снова в Конвент и говорить от имени нищеты [38]:

«Секция Гравилье не напрасно поклялась защищать Республику; сама кровь наших братьев по оружию, оросившая равнины Жемаппа, воспламеняет наше мужество в связи с опасностями, угрожающими государству. Но если слава призывает нас на гра-

35. «Le Patriote français», № 1305, 9 mars 1793.

36. Этот призыв имеется в обрывках протоколов парижских секций, сохранившихся в архивах Префектуры полиции после пожаров 1871 г., в отчете о заседании секции Французского театра. Мы знаем о нем из речи Верньо в Конвенте от 12 марта 1793 г. См.: E. Mellié. Les sections de Paris pendant la Révolution française. Organisation, Fonctionnement. Paris, 1898, p. 128.

Конвент сам способствовал революционному взрыву в секциях: 8 марта он послал в секции своих комиссаров, чтобы они разъяснили им положение в Бельгии и призвали граждан отправиться к границам. В этот же день Коммуна обратилась к населению с воззванием; 10 марта Коммуна объявила свои заседания непрерывными и призвала секции последовать ее примеру.

37. Жорес здесь в основном следует Мишле. См.: J. Michelet. Histoire de la Révolution française. Livre X, chap. IV, «Mouvement du 10 mars 1793».

38. «Moniteur», XV, 667, вечернее заседание 9 марта 1793 г.; «Archives parlementaires», LX, 17. От имени депутации секции Гравилье выступил гражданин Легэ. Петиция была передана в Комитет финансов. В этой петиции чувствуется стиль Жака Ру: «Свобода — лишь пустой призрак»... Эта формулировка повторяется в знаменитой петиции от 25 июня 1793 г., и даже фраза: «Нет равенства, когда один класс людей может безнаказанно морить голодом и предавать другой». Текст этой важной петиции от 9 марта 1793 г. имеется в: W. Markov. Jacques Roux. Scripta et Acta, p. 97.

ницы, то наш долг — обеспечить внутри Республики мир, свободу и счастье. Нация почтила вас своим доверием только для того, чтобы сохранить равенство благодаря царству законов, которые обращены не на пользу правящим, а на пользу управляемым; не на пользу богатым а на пользу трудящемуся и добродетельному классу общества; и, наконец, законов, основанных на принципах разума и вечной справедливости.

После четырех лет Революции — это следует вам смело сказать — свобода стала лишь пустым призраком! Нас одолели интриганы лицемеры и плуты под покровом закона, рожденного спесью и коррупцией, и декрет, объявляющий деньги товаром, стал источником общественных бедствий, единственной причиной ажиотажа, пожирающего государство, причиной разбоя, скупки, причиной дороговизны всех видов продовольствия

Уполномоченные народа, настало время спасать Республику. Ее самые ожесточенные враги, стремящиеся ее погубить,— это те, кто разоряет, душит голодом и приводит в отчаяние народ; те, кто терпит преступление и участвует в нем.

Полно! В то время как наши батальоны развертывают за пределами страны знамя национального отмщения, будете ли вы и долее терпеть, чтобы жены и дети наших храбрых волонтеров стенали и умирали под ударами аристократии богатства? Будете ли вы и долее глухи к голосу граждан этого огромного города, который друзья умершего короля, поощряя ярость эмигрантов и заговорщиков, пытаются покорить голодом и нищетой, чтобы отомстить гражданам за их борьбу против его тирании? Но — хорошенько подумаем!— не существует свободы без хороших законов; не существует равенства, когда один класс людей может безнаказанно морить голодом и предавать другой.

Уполномоченные народа, неужели вы хотите, чтобы вся Франция поднялась? Казните эгоистов, убивающих посредством монополии граждан, которых их возраст и немощи удерживают дома, поразите наконец громом врученной вам власти этих тигров, занимающихся торговлей, наносящей вред трем четвертям населения, алчно набивающих свои склады предметами первой необходимости и продовольствием, на которые люди имеют законное право с момента их появления на свет...

Уполномоченные народа, итак, во имя спасения Французской Республики мы требуем отмены декрета, объявившего деньги товаром...

Мы требуем от вас издания законов, карающих за ажиотаж и скупку.

Мы требуем от вас установления обложения, называемого «военным налогом», дабы всякий, имеющий более 1500 ливров ренты, платил четвертую часть излишка, чтобы способствовать отправке волонтеров и помогать содержанию их жен и детей Отечество вправе располагать нашими руками; но народные

уполномоченные должны открыть национальную казну тем, кто нуждается, женщинам, страдающим от отсутствия своих мужей. Они должны очистить Республику от изменников, которые своими ростовщическими расчетами беспрестанно наносят ей смертельные удары; наконец, они должны сообразовываться с желаниями народа, врачевать его беды, предупреждать его нужды и делать все для его счастья, если не хотят жить обесчещенными и умереть, как последний французский король, казненными за измену».

Здесь Конвенту противостоит не Жак Ру, в это время осуждаемый со всех сторон, а его мысль, тот дух системы, который сводит все события к определенной главной идее. Члены секции Гравилье увидели в смерти короля прежде всего возмездие за свою нищету, в национальном и революционном кризисе Франции они усматривают главным образом возможность снова высказать свои взгляды на монополию. Это как бы социальный манифест, которым Жак Ру старается заранее связать грядущую новую революцию. Он накладывает печать своих идей на агитацию, впрочем путаную, Варле и кордельеров.

Вызвать восстание Варле и кордельеры не могли. Сначала, какой бы серьезной ни была ситуация, она не казалась безнадежной. А для того, чтобы народ посягнул на Конвент, необходим был приступ отчаяния. Кроме того, чтобы погубить жирондистов, надо было, объединив их с Дюмурье, доказать, что тот — изменник. Но в этот момент доказать измену Дюмурье было невозможно, так как ее еще не было. Он пытался изменить, но ни одно из его действий еще не было актом измены. Похода в Голландию желали все революционеры; неудачи армии, в которой его больше не было, нельзя было с уверенностью поставить ему в вину. Обвинить Дюмурье в этот момент значило обратить против Революции силу, уже гревожившую и неясную, но еще способную послужить Революции. Это значило без точных доказательств толкнуть в объятия неприятеля единственного генерала, внушавшего армии доверие. А Дюмурье, пока он оставался в седле, прикрывал Жиронду. Ибо как обвинить жирондистов в измене, оставляя во главе армии человека, которого они выбрали?

Таким образом, ни легкомысленный и корыстный оптимизм Жиронды, ни неистовое и преждевременное буйство бешеных, группы Варле и кордельеров не отвечали широкому движению революционного сознания. Народ поднимался в героическом порыве, чтобы отбросить чужеземцев, казалось, снова ему угрожавших, чтобы поддержать бельгийских патриотов, жертв своей преданности свободе. Он хорошо знал, что в Конвенте были неуравновешенные и слабые люди, которые не голосовали за казнь короля, которые докучали нации своими придирками и своим пустословием. Но посягательство на Конвент было бы посягательством на само

отечество, было бы подрывом национального могущества, которое он непременно хотел сохранить в неприкосновенности. Все уходившие в армию и бравшие в руки ружье возлагали заботу изобличения Конвента и лишения интриганов их силы на сам Конвент. Что до них, то они хотели сражаться, и на земле Бельгии, куда они спешили, еще блистала слава Жемаппа. Несмотря на первые подозрения и на первые сомнения, им еще не удалось вырвать из своего сердца имя Дюмурье, которое ассоциировалось с первыми победами свободы.

ГОРА И ДЮМУРЬЕ

В это время Робеспьер, Дантон, Марат, Шометт, Эбер, вся Гора и вся Парижская коммуна образовали, между Жирондой и бешеными, поистине пламенный и действенный центр Революции. Наверное, если присмотреться поближе, то в мыслях каждого из них можно обнаружить немало оттенков, немало скрытых различий. Но все они едины в своем желании показать народу всю опасность, которую Жиронда от него скрывает, предотвратить насильственные средства, какие предлагают бешеные, и поддержать доверие к Дюмурье.

Робеспьер по своему обыкновению высказывает подозрения [39]. Есть изменники: это генералы Лану и Стенгель [40], которые своей, несомненно, нарочитой халатностью позволили неприятелю врасплох напасть на наши посты на реке Рур. Этих изменников надо будет покарать. Надо будет очистить армию от аристократической заразы. Но Робеспьер, как человек с глубоким чувством ответственности, всячески старается на заседании 8 марта предотвратить панику. Революция преодолела гораздо большие опасности. Что такое нынешний кризис в сравнении с кризисом 10 августа? Относительно Дюмурье можно сказать, что он колеблется Робеспьер не хочет иметь с ним дело, но одним тем, что он его не обвиняет, он его покрывает. Со своей обычной осторожностью и глубиной расчетов Робеспьер сохранял для себя выход на все случаи. Он намекал на упреки, какие Революция считала себя вправе делать Дюмурье, обвиняемому многими в том, что после Вальми он не преследовал достаточно решительно пруссаков; но Робеспьер на этом не настаивал и, казалось, приписывал возможность бегства предоставленную неприятелю, счастливой судьбе последнего, а не измене генерала.

«Самый знаменитый из генералов деспотизма [41], одно имя которого, казалось, предвещало разгром, *бежал перед генералом, едва известным в Европе*. Народ Парижа, народ департаментов своим несгибаемым мужеством сразил сообщников тиранов. Несколько департаментов были захвачены многочисленными и грозными армиями; появились мы — и этих армий не стало. Почему

ныне они пытаются вновь атаковать? *Почему у вас лишь на миг блеснула надежда увидеть их вместе с их государем и прусской монархией, погребенными на равнинах Лотарингии и Шампани? Благодаря своей счастливой судьбе* они этого избежали но народ, отбросивший их, существует»

Такого рода обезличенность, на которую Робеспьер вначале обрекает Дюмурье, смешивая его с самой нацией, чьим вождем он случайно стал, только помогает Дюмурье. Но 10 марта Робеспьер становится откровеннее [42]. Он, несомненно, узнал, что Дюмурье отозван из Голландии, что он вскоре сгруппирует французские силы в Бельгии и попытается снова перейти в наступление против войск держав. Как можно было в этот момент, не совершая преступления, его дискредитировать и ослаблять? К тому же в ненависти к Жиронде Робеспьеру была весьма на руку эта, впрочем осторожная, апология Дюмурье. Именно Исполнительный совет, где господствовали жирондисты, воспрепятствовал Дюмурье (во всяком случае, так думал Робеспьер) захватить Голландию три месяца назад — до того, как державы перегруппировали свои силы.

«Генерал Стенгель уличен в измене, а обвинительный декрет против него все еще не издан![43] Какой же интриган не воспользуется случаем изменить французскому народу, притворяясь в течение некоторого времени патриотом и республиканцем?

Что касается Дюмурье, то я доверяю ему по той причине, что три месяца назад он хотел вступить в Голландию, и, осуществи он этот план, в Англии произошла бы революция, нация была бы спасена, а свобода упрочена. [Какая иллюзия! Но ведь надо было обвинить жирондистский Исполнительный совет.]

До сих пор у Дюмурье были одни только блестящие победы; для меня они не являются достаточной порукой, чтобы я мог высказаться о нем. Но я доверяю ему, так как его личный интерес, интересы самой его славы связаны с успехами нашего оружия. *К тому же Республика существует, и, как ни могущественен может быть*

---

39. «Moniteur», XV, 652, заседание Конвента 8 марта 1793 г., дискуссия по докладу Делакруа; «Archives parlementaires», LIX, 717
40. Стенгель (Штенгель) (1744—1796) — кавалерийский офицер немецкого происхождения, поступил на французскую службу в 1760 г., майор в гусарском полку Шамборан в 1788 г., бригадный генерал под началом Дюмурье в сентябре 1792 г., бежал из Ахена 2 марта 1793 г. Вызванный к барьеру Конвента 10 марта, он появился 28-го числа; преданный суду Революционного трибунала, он, как и Лану, был оправдан 28 мая 1793 г. О Лану см. выше, с. 283, прим. 27. См. также ниже, прим 43.
41. Герцог Брауншвейгский.
42. «Moniteur», XV, 674; «Archives parlementaires», LV, 55.
43. Далее, во время заседания 10 марта 1793 г., Конвент по предложению Дантона отказался от привлечения Стенгеля к суду и ограничился тем, что вызвал его к барьеру. См. выше, прим. 40.

генерал, его вина не останется безнаказанной. Не думаю, чтобы он когда-нибудь мог безнаказанно изменить Республике».

Как на этот раз, полностью открывая свои мысли по долгу патриота и революционной совести, Робеспьер обеспечивает себе отступление на любой случай! Это искусная тактика оттяжек, но она позволительна только тем, кто, подобно Робеспьеру, советует, критикует, морализирует и не ввязывается никогда в конкретные действия, которые всегда могут скомпрометировать. В Робеспьере, как говорили, было нечто кошачье. Я готов сказать, что он действительно ходит по краю ответственности, как кошка по краю крыши. Он ходит по краю пропасти, никогда не падая в нее. Во время Революции это, возможно, средство продержаться немного дольше других. Но что стало бы с самой Революцией, если бы все так себя оберегали и если бы не было Дантонов? На этот раз, несмотря на все свои оговорки, Робеспьер выдал себя более обычного.

8 марта Дантон смело срывает покров лжи, которым генералы, министры и жирондисты прикрывали опасность [44]. Нет, опасность велика, но, когда мы о ней предупреждены, мужество нации еще больше:

«Французскому характеру нужны опасности, чтобы обрести всю свою энергию. Что ж! Этот момент наступил. Да, всей Франции следует сказать: „Если вы не помчитесь на помощь своим бельгийским братьям, если Дюмурье будет окружен в Голландии, если его армия принуждена будет сложить оружие, то кто может счесть неисчислимые бедствия, какие принесет подобное событие? Его возможные последствия — уничтожение общественного достояния, смерть 600 тыс. французов“».

Необходимы не только великие действия Франции: необходимы действия быстрые, внезапные. И Дантон, также и на этот раз осторожно предупреждая Жиронду о ее тактических ошибках, показывает, что достойная удивления роль Парижа — быть главной пружиной силы французов, центром, отвечающим мощными, мгновенными действиями на удары событий. Сила Франции, таким образом, в том, чтобы слиться в великое единое сердце, дающее расплывчатой национальной жизни время сосредоточиться, организоваться. Итак, «надо, чтобы Париж, этот прославленный и столь оклеветанный город, который хотели раздавить в угоду нашим врагам, страшащимся его пламенного цивизма, помог своим примером делу спасения отечества».

Но он не задерживается на обвинениях; он хочет лишь возбудить энергию людей, еще раз обратить против иностранцев силы великого города, который мог бы сам погибнуть от своего собственного огня. И смело, как если бы он протягивал ему руку на поле сражения, Дантон еще раз берет на себя обязательство по

отношению к Дюмурье. Полностью ли он ошибался в этом человеке? Был ли он ослеплен или только обольщен? Я уверен, что с его проницательностью Дантон распознал эгоизм Дюмурье, его легкомысленное и пустое честолюбие, его склонность к мелкой интриге. И это видно даже из его любопытного восхваления Дюмурье:

«Наряду с талантом генерала Дюмурье обладает искусством воспламенять солдата и вселять в него мужество. Мы слышали, как разбитая армия громко требовала его возвращения. *История вынесет суждение о его талантах, его страстях и пороках*, но несомненно одно: он заинтересован в величии Республики. Если ему окажут поддержку, если армия протянет ему руку, он сумеет заставить наших врагов пожалеть о своих успехах».

Принцип Дантона состоял в том, что надо использовать страсти людей, а не упорствовать попусту в их искоренении. Душа, полная энергии, пусть даже смутной и подозрительной, была большой силой. И Дантон считал себя способным благодаря еще большей силе своего характера и таланта властвовать над такими переменчивыми душами, бросать их в Революцию; ее горнило питало бы ими свое пламя и отбрасывало бы шлак. Благородная смелая гордость, которую я предпочитаю горделивой осторожности Робеспьера. Дантон знал, что для того, чтобы извлечь из Дюмурье и его армии всю возможную пользу, надо было, чтобы слова горячего и полного доверия дошли до генерала, быть может, обуреваемого смутными искушениями, и до солдат, чья вера не должна была поколебаться. И Дантон ручался за Дюмурье на свой страх и риск.

Он дошел даже до того, что в какой-то мере защищал генералов, застигнутых врасплох на реке Рур, словно хотел возможно более ослабить подозрения в измене [45].

«Я высказал,— сказал он,— свое мнение о Стенгеле. Я отнюдь не считаю его республиканцем. Не думаю, чтобы он должен был командовать нашими армиями. Но полагаю, что, прежде, чем издавать обвинительный декрет, надо, чтобы вам сделали доклад или чтобы вы выслушали его самого у барьера. Нужны рассудительность и непреклонность; следует прекратить доныне заходившую чересчур далеко безнаказанность. Но обвинительный декрет нельзя издавать наобум» [46].

Конвент присоединился к его мнению.

Можно было ожидать, что Марат, столь часто изобличавший Дюмурье, использует обстоятельства, чтобы обрушиться на него

---

44. «Moniteur», XV, 653; «Archives parlementaires», LIX, 718.
45. Речь идет о заседании Конвента 10 марта 1793 г. («Moniteur», XV, 680.)
46. См. выше, прим. 43.

с нападками. Но Марат, напротив, присоединился к Робеспьеру и Дантону, стремясь предотвратить панику, и заявил, что в условиях внезапно разразившегося кризиса Дюмурье должен сохранить за собой командование, что нельзя лишить его командования, не дезорганизовав армии, что это было бы безумием и изменой [47]. Это не значит, что он прекратил свои нападки; наоборот, он продолжал выступать с ними в январе и феврале. 24 января он публикует оскорбительное для Дюмурье письмо из Льежа [48]:

«Прошли те дни, когда ты, похваляясь успехами вверенных тебе армий, увенчанный славой на всех театрах войны и прославляемый тысячей купленных голосов, мог диктовать законы Национальному Конвенту; но ныне, когда неприятель, расположившись на этом берегу Рейна, скрыл от глаз французов картину, где были запечатлены твои победы, считаешь ли ты, что сможешь сказать ему с достаточной уверенностью: „Даже если бы состояние моего здоровья не заставляло меня просить отпуска, я бы все равно отправился в Париж, чтобы раскрыть там причину дезорганизации наших армий“?

На кого же надо возложить вину за эту дезорганизацию? Да, на тебя одного.

Да, в какой-то момент честолюбие побудило тебя захватить провинцию Льеж, а твои личные цели удерживали тебя там два месяца. С твоего пребывания там и началась эта дезорганизация; гордый успехами, увенчавшими его храбрость, солдат хотел, так сказать, наперекор тебе превратить Рейн в границу между Францией и ее врагами, а ты этому воспротивился. Связанный с партией, хотевшей ежедневными стычками отвлекать истинных защитников отечества от единого центра интересов Республики, ты был заинтересован в том, чтобы всегда держать солдат в напряженном состоянии, дабы заставить их забыть, что изменник Людовик существовал.

Как! Ты — республиканец и жалуешься, что против тебя выдвинуты обвинения; но если бы твоя совесть напомнила тебе хотя бы на миг, что они только делают честь человеку, которого не могут задеть, ты не говорил бы о них. Твердо зная, что они вполне обоснованны, ты упоминаешь о них, чтобы отразить удары, какие они могут тебе нанести. Но значит ли это, что тебя обвиняют ложно, когда говорят, что ты должен был отбросить неприятеля на тот берег Рейна и не сделал этого? Значит ли это, что на тебя клевещут, когда таков факт, который и выдвигают против тебя? Я хорошо знаю, что ты ссылаешься на отсутствие фуража и боеприпасов, от которого страдала армия: такое оправдание, мне кажется, само изобличает тебя. И в самом деле, какое различие видишь ты между солдатом, размещенным на квартирах, и солдатом сражающимся? Однако если заботами новой администрации он, находясь на отдыхе, не нуждался ни в чем, то как можешь ты сказать, что он терпел недостаток в продовольствии, находясь в боях?

Если бы я захотел обратить против тебя оружие, которым пользуешься ты, я сказал бы тебе: кому можно поставить в вину нехватки, на которые ты жалуешься? Малюсу, от головы которого ты хочешь отвратить ответственность, чтобы перенести ее на свою? Ибо именно он ко времени твоего вступления в провинцию Льеж ведал службами снабжения и продовольствием и фуражом [49].

Как! Ты — республиканец и смеешь говорить, что от позора или славы одного человека зависит слава или же гибель Республики! Уж не думаешь ли ты, что если ты обесчестил себя, не поддержав рвения солдат, то из-за этого Французскую Республику будут меньше уважать?

Ты жалуешься на военных чиновников. Не потому ли, что, сопоставляя меры, какие ты мог бы принять, с твоими действиями, они дают людям возможность судить о тебе?

Новоявленный покровитель, ты хочешь указывать Национальному Конвенту, какие перемены следует произвести в министерствах и в администрации. Не думаешь ли ты, что Конвент для удовлетворения твоей личной ненависти хотя бы на миг положит на одну чашу весов твои личные интересы, а на другую интересы Республики?

Наконец, ты беспрестанно твердишь о своих успехах и, видимо, хочешь заслонить собой всю армию, которой ты ими обязан. Поверь мне, когда у человека всего лишь одна лавровая ветвь для опоры, она может сломаться; тогда ее листья уже не смогут более осенять чело победителя, которое было ими украшено...»

29 января Марат повторяет свои обвинения, публикуя письмо к «Другу народа»[50]: «Вы, несомненно, первый, воочию увидевший плутовство Дюмурье, этого низкого интригана, который прикинулся патриотом только для того, чтобы скрыть свои честолюбивые замыслы, который сделался поставщиком наших армий, чтобы насытить свою алчность, и который теперь, когда он осыпан золотом (позорная награда за взяточничество и разбой), желал бы

---

47. См., в частности, заседание Конвента 12 марта 1793 г. «Каковы бы ни были политические связи Дюмурье, каковы бы ни были его отношения с двором, я верю в то, что после 10 августа, и в частности после того, как голова тирана упала под мечом закона, он связал себя с делом общественного спасения. Он связан с ним самим успехом своего оружия ..» («Moniteur», XV, 692.)
48. «Journal de la République française», № 106, 24 janvier 1793 («Malversations de Dumouriez.— Portrait de Westermann, son adjudant major...»).
49. Малюс — военный комиссар-распорядитель, по приказу Дюмурье ведавший всеми закупками для его армии; был обвинен в должностных преступлениях и вызван к барьеру Конвента, который вынес постановление об его аресте; Дюмурье защищал его. Малюс был освобожден 29 января 1793 г.; новое постановление об его аресте было принято 2 апреля. («Moniteur», XV, 308; XVI, 37.)
50. «Journal de la République française», № 110, 29 janvier 1793.

снова взять на себя командование армиями Республики, *чтобы выступить в качестве мелкого государя и добиться своего избрания герцогом Брабанта.*

Хотя вы не раз описывали нам его с натуры, сомневаюсь, чтобы вы знали и десятую часть его вероломных поступков, а также до какой степени он ненавистен солдатам.

Как только он принял командование армией Лафайета, у него хватило дерзости объявить себя врагом национальной гвардии, особенно парижской, и он потребовал от нее слепого повиновения начальникам, не пользовавшимся доверием солдат. „Если среди вас,— часто говаривал он им,— найдется хотя бы один плут, у которого хватит наглости дурно говорить о начальниках, о крестах св. Людовика или вносить предложения, то я велю его обрить и посадить в тюрьму, пока его не отправят отсюда с кандалами на ногах и руках". Вы видели, как возмутительно поступил он с батальонами Моконсей и Республиканским в наказание за то, что они расправились с пойманным с поличным изменником, подполковником из полка Дофине»[51].

3 февраля Марат сам возобновляет кампанию в своей газете. Он соглашается с мыслью Дантона о присоединении Бельгии, но главным образом ради того, чтобы покончить в ней с правлением генералов [52].

«Бельгия будет еще более важным приобретением [чем графство Ницца] не только благодаря своим укрепленным границам, но и благодаря своим грозным военным силам, которые она прибавит к войскам государства, еще более ослабив своего смертельного врага, Австрийский дом, ибо Бельгия была главным украшением имперской короны. Ее почва превосходна, население значительно, а богатства огромны. Ее присоединение особенно ценно при нынешних обстоятельствах, *так как оно полностью расстроит честолюбивые замыслы некоторых генералов, чьи происки и сговор с привилегированными бельгийскими сословиями были направлены на узурпацию суверенитета этих прекрасных провинций или на сохранение для императора возможности его вновь захватить и в обоих случаях на подрыв дела Республики — путем совращения и перехода на сторону неприятеля побчиненных им армий.*

Вот уже четыре месяца, как я не перестаю разоблачать преступный сговор Дюмурье с дворянством и духовенством Брабанта; это было доказано письмом, которое с трибуны прочитал Камбон. Вот оно, написанное рукой самого изменника. *Смею думать, что увлечение этим соглядатаем, старым слугой двора, полностью испарилось и что мы, смеясь над глупостью его сторонников, изображающих его нашим единственным освободителем в прошлом, настоящем и будущем, докажем посредством плана обороны, который примем, что отечество вполне может обойтись без него».*

8 февраля Марат восстает против замены Паша и ставит ее в вину Дюмурье [53]:

«Наконец, группировка Ролана, т. е. роялистов, *государственных людей, сторонников обращения к народу, тюремного заключения короля, или партия врагов отечества,* сплела столько интриг, проявила такое коварство, столько хитрила, так обвиняла бедного Паша, так кричала, что все погибнет, если он и долее останется на своем месте, что депутаты-патриоты, не желая больше подвергаться осуждению за неудачные операции, которые не преминули бы организовать генералы или их поставщики, чтобы погубить его без возможности оправдаться, согласились наконец на то, чтобы ему назначили преемника. Они отвергли г-на Валанса, которого эта группировка хотела назначить по предложению Брюлара, именуемого Сийери [54]. О, кто из них не знал прекрасно, что Валанс, старый слуга двора, был беззаветно предан Дюмурье, *галло-прусскому генералиссимусу, несостоявшемуся герцогу Брабантскому, которого мы имеем глупость держать во главе своих армий*? Быть может, они должны были бы объединиться, чтобы поставить во главе военного ведомства Бушота [55]. Я говорю «быть может», так как не знаю его достаточно хорошо, чтобы поручиться за его способности и гражданские добродетели; но он, несомненно, несравненно лучше Бернонвиля, которого я узнал по многим проявлениям как дурного гражданина — во время его пребывания генералом, по его церемониям с австрийцами и по его жестокости к солдатам отечества».

Наконец, 27 февраля, т. е. всего за четыре или за пять дней до получения страшных известий из Бельгии, Марат публикует под названием «*Дюмурье весь, каков он есть*»[56] полный и методически составленный обвинительный акт, подписанный Филиппом Томпсоном, членом Академий изящной словесности Лондона, Парижа и Берлина. Ему посвящен весь этот номер газеты. Это смесь точ-

51. Солдаты батальона волонтеров секции Моконсей и батальона федератов, именовавшегося *Республиканским*, в ночь с 4 на 5 октября 1792 г. убили в Ретеле четырех дезертиров. 19 декабря Конвент своим декретом отменил санкции, принятые по этому делу. («Moniteur», XIV, 170, 238, 784.)

52. «Journal de la République française», № 113, 3 février 1793 («Triomphe prochain des défenseurs de la liberté sur les despotes coalisés contre la France.— Observations sur les meilleurs plans d'opérations pour la campagne prochaine»).

53. «Journal de la République française», № 116, 8 février 1793 («Beurnonville nommé au département de la Guerre...— Nécessité de le surveiller avec une extrême vigilance»).

54. О Валансе см. выше, с. 275, прим. 10. Брюлар де Жанлис, маркиз де Сийери (1737—1793) — бригадир в королевской армии, депутат Генеральных штатов от дворянства бальяжа Реймс, депутат Конвента от департамента Сомма, связанный с герцогом Орлеанским, Филиппом Эгалите.

55. Бушот Жан Батист Ноэль (1757—1840) — солдат Нассауского полка в 1773 г., подполковник в 1793 г., военный министр, сменивший Бернонвиля.

56. «Journal de la République française», № 135, 27 février 1793 («Dumouriez tout entier»).

ных утверждений и нелепых фантастических выдумок. Так, по словам этого пасквиля, победа под Жемаппом — только звено в системе измены.

«Но каково было горе моего Дюмурье, когда он узнал о падении своего идола, Людовика Капета! О отчаяние, ты никогда не было большим, чем тогда в душе Дюмурье! Нужно было искать средства для спасения Людовика XVI; вторжение в Бельгию было необходимо для того, чтобы завладеть несколькими церковными кассами, так как после упразднения цивильного листа денег не было; одного свидания с адъютантом прусского короля Бишофсвердером [57] достаточно, чтобы навести порядок в этой стране; неприятель отступает из этого района, а город Льеж, осажденный и поддержанный нашими бельгийцами с героической отвагой, имперские войска оставляют, чтобы отступить в направлении Турне и Монса. Под Жемаппом Дюмурье заключил соглашение с австрийским командованием; его главные пункты следующие [этот г-н Томпсон, член трех Академий, поистине не лишен смелости, и сам Марат, при всей его любви к странному и оккультному, должен был почувствовать некоторые сомнения]:

1. Для судьбы Его Величества короля Франции важно, чтобы имперские войска очистили Бельгию, дабы обеспечить генералу Дюмурье больше влияния и уважения во Франции, с тем чтобы образовать значительную партию, которая бы под предлогом изгнания спасла Людовика XVI от смерти.

2. Прежде чем уступить Жемапп, будет оказано очень сильное сопротивление, но если у французов не хватит мужества, то войска Его Императорского Величества отступят, чтобы отдать Бельгию, сделав для проформы только несколько пушечных выстрелов.

3. Генерал Дюмурье использует свое вступление в Бельгию, чтобы вызвать возможно большее недовольство партии патриотов; против них будут пущены в ход всяческие притеснения, причем менее всего будут щадить бельгийцев, которые были в Дуэ.

4. Следовательно, все должности, все места будут предоставляться самым горячим сторонникам вонкистской партии, как надежным людям, чьи руководители посвящены в тайну.

5. Генерал Дюмурье упразднит Штаты и Конституцию *и применит все доступные ему средства, чтобы уничтожить аббатства*

6. Когда Его Величество король Франции будет спасен, генерал Дюмурье под каким-либо предлогом очистит Нидерланды, и войска Его Императорского Величества займут их, чтобы войти во Францию, как только это возможно будет сделать без опасности для Его Величества короля Франции».

И трижды академик Томпсон прибавляет:

«Вся Бельгия, вся Франция знают, осуществляется ли это соглашение; оно стоило Франции жизни 11 тыс. патриотов, убитых под Жемаппом».

Удивительный вымысел, где против Дюмурье объединились подозрения французских революционеров и ненависть бельгийских клерикалов, упрекающих его в том, что он не восстановил сразу всего католического деспотизма, подорванного Иосифом II! Любопытно, что эта бумага, где вымысел переходит в глупость, представляет собой лишь доведенный до шаржа вариант и образец многочисленных проектов договора, которые эмигранты и случайные дипломаты начали пускать в обращение при дворах.

Как мог Марат примирить выдвигаемое им против Дюмурье обвинение — в том, что тот действовал в интересах бельгийских священников,— с упреком клерикала Томпсона в том, что Дюмурье «уничтожал аббатства»? Но главное, как, после таких статей, после таких разоблачений, Марат сможет в марте оказывать сопротивление тем, кто захочет немедленно отозвать Дюмурье? И все-таки он решился на это, рискуя обратить против себя все негодование, какое он в течение нескольких месяцев возбуждал против генерала. Действительно, Марат, даже яростно обвиняя его, никогда не требовал, чтобы его немедленно отозвали. Казалось, он главным образом старался излечить народ от его увлечения победителем под Вальми и Жемаппом; он хотел подготовить и сделать возможным отозвание Дюмурье. Но он не хотел выступать в роли дезорганизатора армии, лишая ее в разгар военных действий главнокомандующего, которому она еще доверяла.

Но главное, в течение двух последних месяцев у Марата произошло своего рода ослабление напряжения. Если бы он был лицемером, если бы опасения, порою неистовые и безумные, какие он высказывал о ходе Революции, не были искренними, он продолжал бы изливать свою ярость и после 21 января. Но он был чистосердечен, и ему казалось, что смерть тирана была для всей контрреволюции смертельным ударом; и если интрига и смогла бы ослабить еще влияние этого великого события, то она не смогла бы его уничтожить. И без всякой примеси злобной радости или ожесточения, но со своеобразной спокойной серьезностью он делает заключение о последствиях смерти короля [58]:

«Голова тирана только что пала под мечом закона; этим же ударом были ниспровергнуты у нас основы монархии; *наконец, я верю в Республику.*

---

57. Бишофсвердер — генерал, прусский посол и министр; о нем часто упоминается у Мирабо в его «Mémoires sur la cour de Prusse...». [Речь идет о труде Мирабо «О прусской монархии», составленном им при содействии прусского майора Мавильона и вышедшем в 8 томах в 1788 г.— *Прим. ред.*] Он сопровождал своего государя как адъютант во время кампании 1792 г. против Франции.

58. «Journal de la République française», № 105, 23 janvier 1793 («Supplice du tyran...— Terreur qu'il portera dans l'âme des despotes européens.— Réalité de la République...— [Réflexions sur les massacres de septembre.] — Éloge de Le Peletier-Saint-Fargeau»).

Какими пустыми были страхи, которые приверженцы низложенного деспота старались внушить нам относительно последствий его смерти, чтобы избавить его от казни! Предосторожности, принятые для поддержания спокойствия, были значительными; несомненно, их требовала осторожность, но они оказались по меньшей мере излишними на пути из Тампля и до эшафота; можно было положиться на всеобщее негодование; во время казни никто не потребовал пощады, никто не возвысил голос в защиту человека, недавно вершившего судьбами Франции; вокруг него царило глубокое молчание, а когда его голову показали народу, со всех сторон раздались крики: „Да здравствует нация! Да здравствует Республика!"

Остаток дня прошел в полном спокойствии; *впервые после праздника Федерации народ казался охваченным безмятежной радостью, можно было сказать, что он только что присутствовал при религиозном празднестве*; все сердца, избавленные от бремени угнетения, столь долгое время тяготевшего над ними, и проникнутые чувством братства, наполнились надеждой на более счастливое будущее.

Эту тихую удовлетворенность омрачила лишь печаль, вызванная страшным злодеянием, совершенным над одним из представителей нации, убитым накануне телохранителем короля за то, что он голосовал за смерть тирана.

Казнь Людовика XVI — одно из тех знаменательных событий, которые составляют эпоху в истории народов; она окажет огромное влияние на судьбу европейских деспотов и на судьбу народов, еще не разорвавших своих оков.

Вынеся решение о казни тирана французов, Национальный Конвент, несомненно, проявил величие; но такова была воля нации, и то, как народ смотрел на кару, постигшую его бывшего властелина, возвысило его над его представителями. Ибо можете в этом не сомневаться — те же чувства, какие воодушевляли граждан Парижа и федератов, воодушевляют граждан всех департаментов.

Казнь Людовика XVI, отнюдь не нарушившая мира в государстве, послужит только его укреплению, обуздывая посредством террора не только внутренних, но и внешних врагов. Кроме того, она придаст нации новые энергию и силы, чтобы отбросить дикие орды чужеземных наемников, которые осмелятся с оружием в руках выступить против нее, ибо отступать больше невозможно, а положение, в каком мы ныне находимся, таково, что надо победить или умереть. Эту осязаемую истину Камбон высказал в возвышенных образах, заявив позавчера утром с трибуны: „*Мы наконец пристали к острову свободы и сожгли корабль, доставивший нас на него*".

Чтобы победить неисчислимые легионы врагов, *наша первая задача — быть едиными*. Единение непременно пришло бы в национальном Сенате на смену разногласиям, волнующим его и ныне, если бы его очистили от сообщников тирана, от тех самых интриганов, которые столько раз пытались укрепить его трон в ущерб общественной свободе. Но тиран был исполнен фанатизма, и, убежденный в том, что, выдав тех, кто содействовал ему в его посягательствах, не спасет себя самого, он хранил молчание и хотел казаться мучеником».

Итак, Марат, обыкновенно столь замкнутый в своем непримиримом недоверии, начинает надеяться. Он уже больше не кажется уединившимся в мрачном подземелье, он общается с широкими слоями революционного народа, мудрого и сильного. Горизонт охвачен более ярким пламенем, чем в столь отдаленный уже день Федерации, но он столь же широк и даже, несмотря на потрясшие его грозы, кажется почти столь же ясным — так сказал сам Марат. Он желает единения. Он, несомненно, еще взволнован своей борьбой с Жирондой, он отнюдь не прощает государственным людям их попытки спасти короля и сожалеет, что Людовик XVI, чьими активными сообщниками, по его предположению, они были, перед смертью не назвал их имен. Со всем этим было бы покончено: интриганы исчезли бы вместе с тираном, и Конвент, наконец объединившийся, встретил бы лицом к лицу внешних врагов. В тот торжественный час умиротворения Марат, по-видимому, надеется на сближение даже с жирондистами и в том же номере своей газеты, от 23 января, заканчивает статью так:

«Удары, под которыми пал Лепелетье, разорвали покров, и кинжалы, которых якобы боялись мятежники, оказались направленными против одних лишь друзей отечества. Кровью Лепелетье были смыты многочисленные клеветы, так долго распространявшиеся против защитников свободы. Ошеломленные его гибелью, наши *презренные клеветники вынуждены были замолчать. О, если бы их диффамация, их коварные действия, происки были только результатом предубеждений, только плодом временного заблуждения, а не продуманной системы или ужасных интриг! О, если бы на гроб Лепелетье можно было бы положить все разногласия, разделявшие его коллег! О, если бы его смерть могла возродить в их сердцах любовь к общественному благу и укрепить свободу! О, если правда, что человек не умирает весь и что его наиболее благородная часть, оставаясь жить по ту сторону могилы, интересуется земными делами, то явись, дорогая и священная тень, пари над Сенатом нации, который ты украшала своими добродетелями, явись взглянуть на свой труд, явись, чтобы увидеть объединившимися своих братьев, наперерыв старающихся содействовать счастью отечества, счастью человечества!*»

Марат, конечно, не исчерпал до конца силу своего гнева и ненависти. И по мере того, как интриги жирондистов, одно время ослабевшие, вновь начинают оживать, он ожесточается.

«Депутаты — друзья мира,— пишет он 28 января [59].— льстили себя надеждой, что все разногласия, до сего времени разделявшие Сенат нации, угаснут на могиле Лепелетье. Напрасные ожидания: уже вечером в день его погребения они снова с яростью вспыхнули в связи с назначением нового председателя; обе партии не поскупились на обычно изливаемые друг на друга презрение и ненависть, так что иллюзия восстановленного согласия длилась лишь мгновение.

Желать, чтобы люди, враждебные Революции по своим чувствам, принципам и интересам, с открытой душой жертвовали собой ради отечества,— значит желать невозможного, ибо люди не меняют своей сущности подобно тому, как змея меняет кожу. Так приготовимся же увидеть их неустанно борющимися против друзей общественного блага всякий раз, когда они не будут опасаться, что их заклеймят позором. Дело уже идет не о том, чтобы жить с ними в мире, но о том, чтобы объявить им вечную войну, сдерживать их страхом перед бесчестием и, пользуясь их заботой о собственном спасении, принуждать их к благу. Я очень хотел бы иметь возможность отложить в сторону бич цензуры, но он сейчас необходим более, чем когда-либо; поэтому я здесь повторяю священное обязательство, взятое мною на себя при открытии Конвента: оставаться в его стенах не только для того, чтобы предавать изменников публичному проклятию, но и для того, чтобы клеймить позором врагов общественного блага, ложных друзей свободы».

Но если после кратковременного перемирия Марат решает вести вечную борьбу против Жиронды, то он не хочет иметь в Революции других врагов. Я сказал бы, что у него не хватает духа расширять свою ненависть. С каждым днем он все более нуждается в сочувствии и уважении. Он устал внушать страх, внушать ужас; он хочет сохранить единение с патриотами Горы, ободрять их и мало-помалу распространить на них свое влияние.

«Хотя я и решил,— пишет он в том же номере газеты, от 28 января,— заклеймить печатью позора лоб каждого открытого врага отечества, *я не менее ревностно стремлюсь привлекать на свою сторону моих честных коллег, у которых еще могло бы быть какое-то предубеждение против меня. Нуждаясь в их голосах для того, чтобы делать добро, считаю своим долгом пойти им навстречу и рассеять неблагоприятное впечатление, которое им стремились внушить, изображая меня как горячую голову, как человека с жестоким сердцем, потому что я несколько раз советовал принести виновных в жертву ради общественного спасения. Если они возьмут на себя труд внимательно рассмотреть, при каких обстоятельствах этот мой совет, продиктованный бедствиями тех времен, вышел из-под моего пера, они признают, что я — самый гуманный из людей*».

Он не отрекается от своих взглядов, не отступается от самого себя; он даже снова начинает оправдывать сентябрьские избиения, о которых одно время, казалось, сожалел. Но он хочет возможно более рассеять страхи и ненависть, окружающие его имя. События, подтвердившие немало его пророчеств, умиротворили его сердце, льстя его самолюбию. Он рассказывает, что его коллеги сказали ему в тот день, когда была обнаружена переписка Мирабо с двором: «Так ты пророк, Марат!» Он надеется мало-помалу добиться преобладания своих идей, своей тактики и верит, что он, человек опытный, проживший более пятидесяти лет, станет советчиком людей гораздо более молодых, сидящих на скамьях Горы. Он притязает на роль ментора Революции, то ворчливого, то добродушного. Прежде всего, он хочет, чтобы на него смотрели как на выдающегося политика, и торжествует по поводу того, с каким искусством он избежал яростных нападок своих врагов.

«Если бы мне пришлось говорить перед выдающимися политиками, я воспользовался бы тем же примером [сентябрьские дни], чтобы доказать, что я — самый рассудительный человек в Республике...

Я должен здесь заметить, как приспешники клики Ролана заблуждались на мой счет после открытия заседаний Конвента и до момента осуждения тирана. Считая меня человеком необузданным, что, по их мнению, позволило бы им в любой момент одержать надо мною верх и дало бы основание погубить меня, они предоставляли мне слово с легкостью, которая вправе была озадачить недалеких патриотов. Но, убедившись вскоре, что я говорил только то, что хотел сказать, что я всегда поступал, сообразуясь с событиями дня, что я не открывал рта без того, чтобы не разоблачить или не раздавить их, эти господа приняли решение убрать меня с трибуны и осудить на молчание. У меня есть довод более разительный, но менее известный. Все знают, с каким ханжеством заправилы клики Ролана сговаривались очернить депутацию от Парижа и ославить ее самых энергичных членов, которым они, как это ни смешно, приписали план установления диктатуры.

Все знают, как упорно продолжали они этим заниматься более четырех месяцев. Я был главной мишенью их ежедневной клеветы.

Что же я делал? Я приводил их в ярость и выводил из себя, время от времени вызывая их на это серьезными разоблачениями. Так пятьдесят продажных писак были непрерывно заняты тем, что извергали на меня тысячи ужасных обвинений, изображали меня негодяем, запятнанным всяческими преступлениями, чудовищем, которое Конвент не изгоняет попросту из своего состава, но с минуты на минуту поразит обвинительным декретом и предаст мечу закона.

---

59. «Journal de la République française», № 109, 28 janvier 1793 («Eternelle opposition des royalistes aux patriotes de la Montagne»).

Однако этот обвинительный декрет, столько раз обещанный, так и не был принят, и человек, изображаемый злодеем, совершенно спокойно оставался в Конвенте, презирая клеветников и разоблачая врагов народа. Неизбежный вывод, напрашивавшийся у каждого здравомыслящего человека, заключается в том, что мнимый злодей был ни в чем не повинным оклеветанным человеком, ревностным патриотом, бесстрашным защитником истерзанного отечества. *Я предвидел этот вывод и тщательно подготовил его*».

И он прибавляет с огромным самодовольством:

«Если внимательно рассмотреть роль, какую я играл в общественных делах с первого дня Революции, то можно увидеть, что я старался подготовить события. *Я пришел в Революцию человеком сложившимся, хорошо разбиравшимся в политике* [60], *так что был, пожалуй, во Франции единственным, кто мог бы встретить лицом к лицу опасности, угрожавшие отечеству*, кто мог бы разоблачать изменников даже до того, как они привлекли бы к себе внимание, кто мог бы расстраивать их заговоры, предвидеть события и предсказывать неизбежные последствия всех махинаций. Так как истины, которые я сообщал в газете, не были доступны пониманию рядового читателя, они вначале не производили сильного впечатления на народ; чаще всего только после того, как они подтверждались событиями, читатели отдавали мне справедливость, называя меня пророком.

Что касается интриганов, то я почти всегда довольствовался подготовкой их падения, разоблачая их заранее и беспрестанно их терзая, так что, после того как я увлек их на край пропасти, уже было достаточно одного пинка ногой, чтобы столкнуть их в нее. И я часто пренебрегал возможностью нанести им этот удар, вовсе не склонный бороться против уже поверженных врагов; поэтому почти всегда можно было видеть, как журналисты наперегонки бросались на изменников, когда я переставал ими заниматься».

В своей горделивой радости торжествующего пророка Марат расцветает и смягчается. Даже когда он признается в своей причастности к сентябрьским событиям, даже когда он вспоминает данный им совет «соорудить восемь тысяч виселиц для изменников из Учредительного собрания», чувствуется, что его ярость ослабела, а его тактика видоизменяется. Он хотел внушать страх врагам Революции, пока Революция была в опасности. Теперь она спасена, и Марат, по-видимому, счастлив снова приобщиться к обычной жизни, вкусить тех радостей симпатии, о которых он как бы забыл в суровой борьбе. В это время в его газете бывают даже взрывы жизнерадостного веселья, мне думается, беспримерные в его творчестве. Со своеобразным юмором, не лишенным обаяния, он слагает с себя обязанности диктатора, распускает сгруппировавшихся вокруг него монтаньяров, со скрытой и тонкой иронией напоминая им, как слабо они поддерживали его в дни бури.

«В минувший понедельник, навсегда памятный день в летописях нашей рождающейся Республики, французы унизили в лице Людовика XVI все коронованные головы на земле. Прощай же, блеск тронов, очарование мирских почестей, талисман власти, ниспосланной свыше; прощай, всякое уважение людей к самочинно установленным властям, когда они правят, не руководствуясь добродетелью, когда они не угодны народу, когда они проявляют некоторую склонность возвыситься над общим уровнем. Предмет, достойный размышления для честолюбцев!

После этого надо еще подумать о том, как удержать в своих руках пост диктатора, которым меня наделили обитатели Горы, эту столь важную обязанность, которая объединила вокруг меня всех этих бесстрашных воинов; которая заставила их делать столь великие усилия, чтобы отомстить за меня, когда меня атаковали мятежники справа; которая побудила их проявить столь сильный характер в тот день, когда эти бунтовщики хотели отправить меня на гильотину; которая заставила их выступать со столькими настоятельными требованиями, чтобы добиться для меня милости говорить в свою защиту или в интересах общественного спасения, всякий раз, когда роландистский председатель заставлял меня сойти с трибуны, после того как он удерживал меня на ней целыми часами,— обязанность, побуждавшую их всеми силами отстаивать предложения, которые я вносил для восстановления в государстве порядка и во имя его интересов!

После суда над Людовиком XVI внешне все изменилось, все перепуталось. Мои подданные с Горы стали не только непослушны, но и неучтивы; они больше не хотят слышать ни об обязанностях подчинения, ни об обязанностях, налагаемых на них правилами приличия. Можно ли поверить, что все мои телохранители без всякого уважения к моему рангу и высокому положению в минувший вторник невежливо явились ко мне *протянуть мне руку*, чтобы потребовать от меня месячного жалованья, угрожая мне вызовом в суд, если им в течение двадцати четырех часов не заплатят жалованья? Можно ли поверить, что начальник моей охраны, после того как он говорил со мной, не сняв шляпы и продержав меня на ногах почти четверть часа, не соблаговолил чуть-чуть потесниться и дать мне место рядом с собой и мое унижение дошло до того, что мне пришлось и справа, и слева искать свободного места на скамье? О небо! Все потрясено в моей державе; нет более

---

60. Марат родился в 1743 г. В 1789 г. ему было, следовательно, 46 лет, преклонный возраст для революционера той эпохи. В это же время Мирабо было 40 лет, Бриссо — 35, Робеспьеру — 31 год, Дантону — 30, Барнаву и Бабёфу — 29, Сен-Жюсту и Барбару — 22 года. С другой стороны, Марат, проживший в Англии с 1772 по 1776 г., уже обладал определенным политическим опытом.

возможности в ней удержаться; и я твердо решил подать в отставку с поста диктатора, разве только комиссар моей секции, получивший мою жалобу, признает правоту моего ходатайства, восстановив мой авторитет».

Это — яркая молния веселья на лице столь беспокойного человека. Но Марат больше не захочет отказываться от этой непринужденной и дружеской предупредительности Горы. Он больше не захочет, чтобы патриоты убрали свои протянутые к нему руки, если смутьяны, если бешеные начнут борьбу против самой Горы, то он разоблачит их со всей яростью. Его влияние мало-помалу распространяется на Гору; 3 февраля он говорит [61]:

«Можно только воздать должное гражданской энергии, проявляемой Камбоном с некоторого времени. «*Он маратизирован*»,— говорили мне мои коллеги-монтаньяры. Тем лучше для него, публика, свидетельница его усилий, не перестает его восхвалять; и поверьте мне, что эпитет «*маратист*», который группировка Ролана превратила в оскорбление, станет почетным; ибо в час испытания, не будучи маратистом, невозможно быть патриотом, истинным защитником народа, мучеником за дело свободы». Но как мог он потерпеть нападки на Гору как раз в тот момент, когда она «маратизировалась»?

МАРАТ ПРОТИВ БЕШЕНЫХ

У Марата было три существенных возражения против движения бешеных. Прежде всего, он ставил им в вину, что они подменяли расширявшуюся законную деятельность Горы беспорядочной агитацией, позволявшей роландистам говорить о заговорах. И он не прощал им оскорблений Горы, а особенно депутации от Парижа, когда последняя отказывалась с ними солидаризироваться. Вот почему он резко выступил против революционных делегаций в феврале. «Целью моей речи,— говорит он 11 февраля [62] в обращении к честным гражданам парижских секций,— было отвести от Горы, а особенно от парижской депутации, обвинение в заговоре, слепым орудием которого были петиционеры секций».

И он закончил свое обращение такими словами:

«Эти расследования [о полномочиях и цивизме делегатов] касаются в особенности парижских секций, на чью честь петиционеры бросили тень. Охотно верю, что добрые граждане из всех парижских секций, глубоко проникшиеся честными принципами, любовью к порядку и должным уважением к представителям суверенного народа, поспешат дезавуировать фальсификаторов, которые заставили их говорить как безумцев и мятежников».

В номере газеты, помеченном «воскресенье, 25 февраля», но вышедшем в воскресенье 24 февраля, Марат снова подвергает петиционеров нападкам [63].

«Многие секции также выразили неодобрение своим комиссарам за то, что те поддались на уговоры интриганов, составивших бессмысленную петицию. Как только их выпроводили из зала заседаний Конвента, самые злостные из них разошлись по кафе, чтобы *выступить с речами* против депутации от Парижа. В этот же вечер Плезан де ла Уссе [64] отправился в Электоральный клуб, членом которого он был, и обрушился там с яростной речью на «Друга народа», которого он называл врагом отечества и главным виновником приема, оказанного петиционерам. Он подослал на трибуны многочисленных крикунов, мужчин и женщин, вторивших ему. Я уже обрисовал вам этого интригана, исполнявшего обязанности главы депутации».

Итак, в это время Марату было подозрительно или даже ненавистно все то, что было направлено против Горы, все то, что могло ее ущемить или скомпрометировать. Даже когда после появления его неосторожной статьи от 25 февраля [65] «патриоты» слабо защищали его от гнева и требований предъявить ему обвинения, выдвинутые Жирондой, Марат упрекал их за это с горечью, но так, как упрекают друга за непоследовательность, без всякой мысли о разрыве.

«Дорогие собратья,— говорит он им в номере своей газеты от 1 марта [66].— Сегодня я берусь за перо не ради себя, а ради вас, ради вашей чести, скомпрометированной странной дискуссией, которую вы дали возможность затеять 26 февраля по поводу меня, и гнусным декретом, который вы позволили преступной клике издать против меня [67].

---

61. См. выше, с. 297, прим. 52.
62. «Journal de la République française», № 122, 14 février 1793 («Adresse aux bons citoyens des sections de Paris»). Это обращение, несомненно, от 11 февраля, но оно помещено в номере от 14 февраля 1793 г.
63. «Journal de la République française», № 125. Он датирован 25 февраля, но в действительности он от 17-го, а не от 24 февраля, как пишет Жорес. («Les pétitionnaires au nom des 48 sections de Paris, désavoués et désapprouvés.— Anecdotes curieuses sur leurs meneurs contre-révolutionnaires...») О петиции от 12 февраля 1793 г. см. выше, с. 201.
64. Плезан де ла Уссе, из секции Французского Пантеона, 58 лет, законовед, председатель своей секции, 12 февраля глава депутации, представившей петицию Конвенту. (Archives nationales, F⁷ 4774⁷⁷.)
65. Имеется в виду статья Марата от 25 февраля 1793 г. См. выше, прим. 63.
66. «Journal de la République française», № 137, 1er mars 1793 («Marat aux patriotes ses collègues à la Convention nationale»). [См.: Ж.-П. Марат. Избранные произведения, т. III. М., 1956, с. 256 и сл. — *Прим. ред.*]
67. После доклада Барера Конвенту о беспорядках (26 февраля 1793 г.) Саль обвинил Марата как одного из подстрекателей, процитировав его статью от 25 февраля. «Многие члены Конвента, вскочив одновременно, закричали: „Да! Да! Обвинительный декрет!“». После бурных прений Конвент принял следующий декрет: «Кон-

С тех пор как объединение федератов с парижанами позволило восторжествовать патриотической партии в Конвенте, а вечные заговоры вожаков преступной клики вернули на путь истины многих честных депутатов, ранее заблуждавшихся, вы составляете большинство, и от вас зависит помешать всем пагубным мерам и предотвратить все несправедливые декреты. И среди вас нет никого, кто бы не был убежден в том, что заправилы из числа государственных людей воспользовались отрывком из номера 133 моей газеты [68] для подстрекательства к ограблению нескольких бакалейных лавок, чтобы затем вероломно обвинить меня в том, что я являюсь организатором беспорядков, подготовленных алчностью скупщиков и вызванных тайными происками эмиссаров преступной клики совместно с эмигрантами и другими контрреволюционерами. Тем не менее вы не только не выступили против этого вероломства и не разоблачили эту измену, вы допустили, чтобы на основании несправедливого и бесчестного декрета этот донос был направлен в обычный уголовный суд, а на министра юстиции возложено преследование зачинщиков, устроителей и соучастников происходивших 25-го беспорядков, как будто эти беспорядки могут иметь ко мне какое-нибудь отношение, как будто политические размышления, простое высказывание своего мнения может считаться преступлением.

Я хорошо знаю, что декрет обо мне является недействительным и не может иметь никаких последствий. Я хорошо знаю и то, что он позорит только тех, кто его принял; *но злодеи, издавшие его, не преминут им воспользоваться, чтобы ввести в заблуждение наших братьев в департаментах, чтобы вновь меня оклеветать, чтобы очернить вас, чтобы реабилитировать себя в общественном мнении и тем легче погубить отечество*».

Как чувствуется, что он больше не хочет быть в глазах Франции чудовищем, кровожадным зверем! И заметьте, что он предупреждает в примечании, что обращается «не к патриотам Горы, а к патриотам остальной части Конвента». В патриотах Горы он не сомневается, он знает, что они поддержали его во время этого кризиса. Но он надеялся на то, что дух Горы распространился за ее пределы, на весь Конвент, и в этом он терпит разочарование. Его снова охватывает приступ пессимизма, желчной гордости и гнева.

«Повторяю, допущенные в связи с моим делом посягательства на свободу печати вызывают тревогу. Что касается меня, то я сумею быть выше этого; не в пример вам, я не со вчерашнего дня привык к свободе: любовь к ней я всосал с молоком кормилицы, и я был свободен в течение сорока лет, когда Франция была населена еще одними рабами [69]. Мое перо не знало никогда иной узды, кроме узды правды, и, несмотря на все декреты мира, оно никогда не узнает другой, даже если бы мне сегодня же пришлось возвратиться в свое подземелье; итак, я буду пользоваться ею вместе с вами во всей ее полноте.

Вы видите все в розовом свете, я вижу все в черном. Кто из нас прав, вы или я? Примите во внимание нынешнее состояние Франции, глубокую нищету, в которой прозябает народ, огромное расхищение общественного достояния, быстрое истощение ее последних ресурсов, угнетение друзей свободы, наглость ее врагов, вечные козни заправил, занимающих все ответственные посты и господствующих даже в национальном Сенате, смуты, потрясающие Республику, скупку, грабежи, разбой, убийства, всевозможные беспорядки, опустошающие ее, бедствия, угрожающие ей изнутри, опасности, угрожающие ей извне, и затем решайте, если у вас хватит для этого мужества».

Марат на мгновение забывает, что только несколько недель назад он тоже «видел все в розовом свете». Но, во всяком случае, даже когда он снова впадает в отчаяние, если он и видит возможность спасения и исцеления, то только в регулярной и более широкой деятельности могучей Горы, а не в агитации бешеных, которые, дискредитируя Гору, подрывают единственный шанс, остающийся у Революции. И, весьма далекий от того, чтобы с досады уступить искушению резко выступить в Конвенте, Марат, в сущности вполне отдающий себе отчет в том, что его злополучная статья от 25-го числа пошла на пользу его врагам и врагам Горы, попытается смягчить ее действие, проявив себя во время бельгийского кризиса сторонником порядка, сторонником правительства.

К тому же он ставил в вину бешеным не только их недоверие к Конвенту в целом, их враждебное отношение к Горе и к парижской депутации. Он в корне разошелся с ними по экономической проблеме. Они не хотели ни отказаться от ассигнатов, ни ограничить их выпуск. Наоборот, они предлагали придать ассигнату безраздельное господство в обществе, избавив его от конкуренции золота и серебра и обеспечив его всей земельной собственностью. Именно таким путем они надеялись восстановить равновесие между революционным ассигнатом и ценами на продовольствие. Напротив, Марат, как мы помним, всегда боролся против ассигната. По его мнению, Мирабо совершил преступление, распространив и приведя в систему пользование ассигнатом. И Марат, несмотря на свое недавнее восхищение Камбоном, в действительности хотел упразднить ассигнат.

вент, обсудив сделанное ему разоблачение относительно статьи Марата, касающейся беспорядков, грабежей и установления твердых цен на продовольствие, которые имели вчера место в городе Париже, передает указанное разоблачение на рассмотрение обычным судам...» («Moniteur», XV, 572.)

68. «Journal de la République française», № 133, 25 février 1793.
69. См. выше, прим. 60.

«Бедствием, мучающим нас (номер от 1 марта 1793 г.) [70] является прежде всего нищета, которая будет все время возрастать. Причина ее кроется в огромной массе ассигнатов, стоимость которых постоянно уменьшается с увеличением их количества и из-за их подделок; а уменьшение их стоимости неизбежно приводит к росту цен на продовольствие. Они уже стали непомерными, и вскоре цены станут столь высоки, что для неимущих классов они будут недосягаемыми; а эти классы составляют две трети нации. Будете ли вы ждать, пока вспыхнут самые страшные беспорядки, а возможно, будет вовсе низвергнуто правительство, потому что изголодавшийся народ не ведает никаких законов; первейший из них — стараться выжить? *Я уже три года назад предвидел все эти беспорядки и чего только не делал, чтобы воспротивиться системе ассигнатов, в особенности выпуску ассигнатов мелкими купюрами. Пагубные последствия этой системы, угрожающие нам, нельзя устранить путем мелких мер, нужна крутая мера, единственно целесообразная, в свое время предлагавшаяся мной: уничтожение государственного долга с немедленной оплатой всех кредиторов государства посредством национальных бон на сумму долгового обязательства, с приемом их в уплату за национальные имущества*, вместо выпуска огромного количества бумажных денег, наименьшим неудобством которого явится дискредитация, неизбежно вытекающая из постоянно связанного с ним недостатка доверия. Эта мера одновременно принесла бы шесть великих благодеяний. Сразу была бы уменьшена масса налогов на сумму, идущую на уплату процентов по государственному долгу, и этим значительно облегчили бы положение народа. Этим можно было бы предотвратить скупку звонкой монеты, а следовательно, и рост цен на продовольствие и соответственно облегчить положение народа. Таким образом мы избежали бы огромных расходов на изготовление ассигнатов и на управление этим делом и соответственно облегчили бы положение народа. Таким образом мы помешали бы всяким хищениям королевских агентов, спекуляциям скупщиков из государственного казначейства и соответственно облегчили бы положение народа. Таким образом можно было бы воспрепятствовать внутри страны и за границей подделке ассигнатов, с помощью которых заграница забирает у нас, в прямой убыток, всю продукцию нашего земледелия и наших мануфактур, что губительно действует на торговлю, промышленность и народ. Этим, наконец, можно было бы ускорить распродажу национальных имуществ, привязать новых собственников к отечеству и укрепить Революцию. *Мой план можно было бы еще осуществить по частям*, и принесенные им блага были бы неисчислимыми. Я уже давно предложил бы его с трибуны Конвента, не будь я уверен в том, что его отвергнут враги народа и мошенники, заинтересованные в продолжении злоупотреблений. Впрочем, я призываю друзей общественного блага быть моими представителями и добиться принятия моего плана, если они смогут».

План Марата был неосуществим. Он был неосуществим вообще. Прежде всего эти боны на всю сумму долговых обязательств, переданные каждому из кредиторов, были бы заморожены в их руках. И действительно, кто, кроме нескольких банкиров или спекулянтов, согласился бы принять порой столь значительные ценности, которые можно было бы употребить только на покупку национальных имуществ? Но и сами кредиторы государства только скрепя сердце приняли бы неликвидные и необмениваемые ценные бумаги, которые, по существу, были бы приказом купить национальные имущества. Это была бы принудительная покупка. Было бы лучше прямо заплатить кредиторам государства землями, в обязательном порядке предоставив каждому из них владение, равноценное сумме его кредита. Но такая операция была бы актом насилия и своего рода банкротством. С самого начала Революции, т. е. в момент, когда присоединение буржуа — кредиторов государства было чрезвычайно необходимо, произошел бы настоящий бунт кредиторов государства. Кроме того, Революция выпускала ассигнаты не только для уплаты по долгам Франции; она делала это и для покрытия дефицита, вызванного уничтожением прежних источников дохода и медленной реализацией новых, и для оплаты чрезвычайных военных расходов. Как Марат справился бы с этим в рамках своей системы? Наконец, без ассигнатов, и притом ассигнатов мелкими купюрами, бесчисленные мелкие покупатели не могли бы удовлетворить пробужденный Революцией аппетит и приобрести эти маленькие участки, эти скромные парцеллы национальных имуществ, сотнями тысяч переходившие в руки демократических слоев. Звонкой монеты, весьма редкой в обращении, было бы недостаточно для этих внезапно начавшихся внушительных сделок.

Кроме того, трудно понять, как в час, когда Марат писал все это, было еще возможно попытаться, хотя бы отчасти, осуществить такого рода земельное обеспечение долга. Это значило еще больше увеличить недоверие к ассигнатам, предоставив преимущественное право при покупке национальных имуществ территориальным бонам, созданным в критическом положении. Это означало бы прибавить, в ущерб ассигнатам, к конкуренции звонкой монеты конкуренцию территориальных бон.

Но чем менее осуществима была система Марата, тем более она свидетельствовала об его усилиях избежать изъятия из обращения звонкой монеты, избежать таксации цен на продовольствие, т. е. всей экономической и социальной системы Жака Ру и бешеных.

---

70. «Journal de la République française», № 137, 1er mars 1793. [См.: Ж.-П. Марат. Избранные произведения, т. III, с. 259—260.— *Прим. ред.*]

И если среди членов Горы ярый сторонник ассигната Камбон склонялся к социальной и финансовой политике бешеных, если он в этом смысле был уже не «маратистом», а ультрамаратистом, то Марат знал, что его социальные воззрения совпадали с воззрениями, которые высказывал Сен-Жюст и одобрял Робеспьер. Последняя речь, найденная в бумагах Робеспьера и представляющая собой его политическое завещание, содержит возражения против финансовой системы, основанной на ассигнате, и против экономической системы, основанной на таксации [71]. Итак, Марат чувствовал себя среди патриотов Горы более непринужденно, чем с бешеными.

Наконец, как смели люди, по его мнению, легкомысленные и неопытные, подменять его инициативу своей, когда речь шла о применении важных мероприятий, которых требовал он? Да, он обвинял Дюмурье. Да, он писал 29 января [72]: «Если мы не хотим вечно быть жертвами измены командующих нашими армиями, то откроем наконец глаза и раз навсегда поймем, что ставить во главе *солдат свободы врагов свободы и поручать командовать революционными* войсками заклятым врагам Революции — верх безумия. Поэтому уволим без стеснения и генералов, и офицеров, которые известны как креатуры казненного деспота, как приверженцы старого порядка». Да, он говорил недавно, 12 февраля [73], что Дюмурье, «очевидно, продался прусскому королю». И еще вчера он разоблачал его интриги и его измены. Но по какому праву невежественные школяры или плутоватые толкователи подрывают его систему путем крайне неуклюжего ее применения и требуют отозвания Дюмурье именно в ту минуту, когда это отозвание было бы худшим бедствием, чем все возможные измены генерала?

Итак, в эти первые дни марта Марат разделял мысли и чувства Робеспьера и Дантона, и благодаря взаимному согласию эти три человека были достаточно могущественными, чтобы предохранить Революцию от безумств террора и горячности. Все трое считали преступным и мерзким трогать Дюмурье в разгар военного кризиса. Все трое хотели по возможности отложить внутренние ссоры и даже отвести от Жиронды уже начинавшую клокотать неистовую смертельную ненависть, дабы сконцентрировать все силы Революции в великом усилии национальной обороны. Все трое были согласны в своем стремлении возбудить революционный патриотизм путем более прямого действия Конвента.

Именно Дантон предложил сначала послать комиссаров во все секции Парижа, и его предложение было тотчас же распространено на все департаменты (заседание 9 марта [74]). По краткому и сильному докладу Карно, призвавшего к оружию всех молодых республиканцев, Конвент постановил [75]:

«Комиссары, назначенные Национальным Конвентом из своей среды, безотлагательно отправятся в разные департаменты Республики с целью разъяснять согражданам новые опасности, какие угрожают отечеству, и собрать достаточные силы, чтобы рассеять врагов.

Комиссаров будет девяносто человек, и они будут распределены между сорока одной секцией».

Это должно было привести к пробуждению огромных народных сил. Марат, Робеспьер и Дантон были также единодушны в своем желании вооружить народ в его гневе быстро действующими репрессивными средствами, чтобы устрашить контрреволюционеров и избавить народ от искушения беспорядочных избиений.

71. Discours prononcé par Robespierre à la Convention nationale, dans la séance du 8 thermidor... trouvé parmi ses papiers par la commission chargée de les examiner. (B. N., 8° Le[38] 869, imp. in-8°, 44 p.)
72. «Journal de la République française», № 110, 29 janvier 1793 («Observations sur la situation de la République à l'égard des puissances étrangères, son plan de conduite et ses moyens de défense»).
73. «Journal de la République française», № 120, 12 février 1793 («Les Brissotins complotant avec les ministres...»).
74. «Moniteur», XV, 656; «Archives parlementaires», LIX, 718.
75. «Moniteur», XV, 663; «Archives parlementaires», LX, 9.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТРИБУНАЛ

С этой двойной мыслью — жестоко подавлять контрреволюционеров и соблюдать революционную законность — Конвент своими быстро принятыми декретами от 9 и 10 марта создал «Чрезвычайный уголовный трибунал», который получит в истории название Революционного трибунала [1]. Трибунал этот будет учрежден в Париже; «в его ведении будут все контрреволюционные деяния, все посягательства на свободу, равенство, единство и неделимость Республики, на внутреннюю и внешнюю безопасность государства и все заговоры с целью восстановления королевской власти или учреждения любой другой власти, посягающей на свободу, равенство и суверенитет народа, кем бы ни были обвиняемые: гражданскими или военными должностными лицами или простыми гражданами.

Трибунал будет состоять из присяжных и пятерых судей.

Судьи будут назначены Национальным Конвентом относительным большинством голосов, которое тем не менее не должно быть меньше четверти общего числа голосов.

При трибунале будут состоять общественный обвинитель и два его помощника, или заместителя, которые будут назначены Национальным Конвентом.

Национальный Конвент назначит двенадцать граждан от Парижского департамента и четырех граничащих с ним департаментов, которые будут исполнять обязанности присяжных, и четырех заместителей присяжных из того же департамента, которые будут заменять присяжных в случае их отсутствия, отвода или болезни.

Присяжные будут исполнять свои обязанности до первого мая будущего года, и Национальный Конвент позаботится об их замене и о назначении присяжных из граждан всех департаментов.

Обвиняемые, которые пожелают отвести одного или нескольких присяжных, будут обязаны представить основания для отвода одним и тем же актом; трибунал обсудит их обоснованность в течение 24 часов.

Присяжные будут голосовать и выносить свое решение публично, громогласно, абсолютным большинством голосов.

Приговоры будут приводиться в исполнение без обращения в кассационный трибунал.

Судьи Чрезвычайного трибунала будут выносить приговоры, предусмотренные Уголовным кодексом и последующими законами, для изобличенных обвиняемых; в случае, когда правонарушения, будучи постоянными, относятся к разряду тех, которые подлежат компетенции уголовной полиции, трибунал будет выносить соответствующие приговоры, не передавая обвиняемых полицейским судам.

Имущество тех, кто будет приговорен к смертной казни, поступит в распоряжение Республики и будет служить источником пропитания для вдов и детей, не имеющих никакого другого имущества.

Лица, изобличенные в преступлениях или правонарушениях, не предусмотренных Уголовным кодексом и последующими законами или не подведенных под определенную меру наказания, которые своим антигражданским поведением и пребыванием на территории Республики вызвали бы общественные смуты и беспорядки, будут приговариваться к высылке».

Страшная машина, все колеса которой смертоносны. Революция знала, что заграница имела тайных соучастников в лице всех контрреволюционеров. Морийон предупредил Дантона о существовании тайных заговоров в Бретани. Лион был охвачен брожением. Если бы французские армии стали терпеть поражения и отступать к своим границам, всюду могла бы начаться измена. Пусть же изменники будут охвачены ужасом и пусть страшная процедура, быстрая, безапелляционная и безжалостная, в одно мгновение, подобно всепожирающему жару неумолимого неба, выжжет все ростки измены.

Инициатором этой великой и страшной меры был не Дантон. Поистине ее сразу внушил революционерам инстинкт самосохранения: я имею в виду то коллективное чувство самосохранения, которое сочетается с победой идеи.

---

1. «Moniteur», XV, 656, 676, 684; «Archives parlementaires», LX, 3, Заседания 9, 10 и 11 марта 1793 г. (окончательный текст декрета). Проект декрета представил Ленде, депутат от департамента Эр.

Дефьё еще 3 марта, выступая в Якобинском клубе, потребовал создания «Революционного трибунала» [2].

А Жан Бон Сент-Андре, посланный комиссаром в секцию Лувра, с самого начала заседания 9 марта заявил о желании этой секции [3]: она хотела, чтобы специально учрежденный трибунал стоял на страже внутри страны, карая изменников, заговорщиков и смутьянов. Впрочем, секция Лувра сама изложила свое пожелание, которое Каррье претворил в предложение. Каррье употребил слова «Революционный трибунал» [4].

Уже с этого дня, 9 марта, Робеспьер не только соглашался с мыслью о необходимости учреждения Революционного трибунала, но и думал о том, как добиться, чтобы он состоял из пламенных патриотов. Вечером 9 марта Дефьё сказал в Якобинском клубе [5]:

«Я только что встретил Робеспьера, и он поручил мне предложить всем депутатам Конвента отправиться на свои места, чтобы завершить дело, начатое ими сегодня утром... Надо немедленно организовать Революционный трибунал, чтобы быстро судить заговорщиков, дабы удовлетворить народ».

Но 10 марта вечером, когда Конвент уже собирался разойтись, еще ничего не решив, Дантон предложил Конвенту завершить дело и, таким образом, взял на себя историческую ответственность за это необходимое и страшное творение [6]: «Я предлагаю всем честным гражданам не покидать своих мест. Как! Граждане, в момент, когда наше положение таково, что если Миранда будет разбит силами Клерфэ (а это вполне возможно), то Дюмурье, окруженный неприятелем, будет вынужден сложить оружие, вы можете разойтись, не приняв важных мер, которых требует спасение государства! Я понимаю, сколь важно принять судебные меры, которые бы карали контрреволюционеров, ибо для борьбы именно с ними и необходим этот трибунал — *для борьбы именно с ними трибунал этот должен стать Высшим трибуналом народного мщения*. Враги свободы нагло поднимают голову. Видя, что честные граждане заняты у себя дома, что ремесленники — в своих мастерских, *они имеют глупость считать себя в большинстве. Так вот! Избавьте их сами от народного мщения; это вам велит человечность*.

Определить состав политического преступления крайне трудно. Но если человек из народа, совершивший преступление частного характера, карается немедленно и если, с другой стороны, столь трудно наложить руку на политическое преступление, то разве нет необходимости в создании исключительных законов, не имеющихся в общественном кодексе, которые поразили бы мятежников и покарали виновных? Здесь спасение народа требует великих средств и грозных мер. *Не вижу середины между обычными юридическими формами и Революционным трибуналом*, и, поскольку в этом собрании осмелились напомнить кровавые дни, о которых сокрушался каждый честный гражданин, я лично скажу, что если бы тогда существовал трибунал, то народ, который так часто и так сурово упрекали за эти события, не ознаменовал бы их кровопролитием: я скажу, и со мной согласятся все те, кто были свидетелями этих событий, что никакая человеческая власть не в силах была остановить вышедшее из берегов мщение нации. Извлечем же урок из ошибок наших предшественников!

Совершим то, чего не совершило Законодательное собрание. *Будем же грозными, чтобы избавить народ от необходимости быть грозным*. Учредим трибунал, не хороший (ибо это невозможно), но наименее плохой, дабы меч закона висел над головой всех его врагов».

Является ли это, как утверждали, прославлением кровопролития? Является ли это апологией сентябрьских избиений? Барер в своих мемуарах, впрочем, написанных тридцать лет спустя, рассказывает следующее [7]:

«Однажды в первом Конституционном комитете, когда жирондисты упрекали Дантона за избиения, совершенные в тюрьмах 2 и 3 сентября, Дантон, выведенный из себя нескончаемыми обвинениями, поднялся и со злобой ответил: *„10 августа Революция родила республиканскую свободу, 2 сентября она вытолкнула послед“*. Я присутствовал на заседании и слышал слова Дантона, заставившие его обвинителей онеметь. Но те, кто восхваляет ораторское красноречие Дантона, никогда не видев и не слышав его, должны согласиться со мной, что такому языку позавидовали бы на наших рынках».

Должен признаться, меня восхищает изысканность литературного стиля Барера. Если он и понимал безличное величие Революции, коллективное достоинство Конвента, то по отношению к выдающимся личностям у него была тенденция умалять их значение, и так же, как он выразил свое пренебрежение к «мелкому гению» Робеспьера, так он подчеркнуто порицал грубость Дантона. Но, в сущности, он не осмеливается возражать против этого грубого образца революционной физиологии сентябрьских событий. И его оговорки относительно создания Революционного трибунала более всего свидетельствуют о его собственных колебаниях. Он пишет много времени спустя и поэтому сильно преувеличивает свои возражения против этой меры.

---

2. A. Aulard. La Société des Jacobins..., t. V, p. 65.
3. A. Tuetey. Répertoire des sources manuscrites..., t. VIII, № 1510: «Archives parlementaires», LX, 3.
4. Ж.-Б. Каррье (1756—1794) — прокурор, депутат Конвента от департамента Канталь.
5. A. Aulard. Op. cit., t. V, p. 79.
6. «Moniteur», XV, 683; «Archives parlementaires», LX, 62.
7. Barère. Mémoires... publiées par MM. Hip. Carnot et David (d'Angers), Paris, 1842—1844, 4 vol., t. IV, p. 173.

«Я возражал против этого,— пишет он,— что подтверждает «Монитёр» того времени [8]. Мое противодействие учреждению этого отвратительного трибунала доходило до того, что я появился на трибуне с книгой Саллюстия «О заговоре Катилины», в которой этот добродетельный историк ярко изображает опасность подобных трибуналов, начинающих с того, что они осуждают и карают нескольких виновных, и кончающих тем, что истребляют лучших граждан».

Да, но если обратиться к помещенному в «Монитёр» тексту, который сам Барер признает верным и на который ссылается, то можно увидеть, что перед ропотом крайне левой его протесты смолкли и он ограничился требованием, чтобы присяжных назначали из всех департаментов. К тому же он выразил свое полное согласие с Горой. Дантон так не вилял; он был более откровенен и смел.

Но почему именно в тот момент, когда Дантона, казалось, неотвязно преследовала мысль об опасности отечеству, когда он прилагал все силы, чтобы поднять и организовать Революцию, он решил потребовать освобождения арестованных за долги? Трудно понять, какое отношение имела эта мера, как она ни была гуманна и справедлива, к важным и насущным интересам отечества, находившегося в опасности. И вот в начале заседания 9-го числа создается впечатление, что Дантон считает эту меру необходимым и торжественным введением к великим мерам, направленным на спасение нации [9].

«Прежде чем говорить вам об этих важных предметах, я потребую от вас провозглашения принципа, слишком долго не признававшегося,— отказа от пагубной ошибки, уничтожения тирании богатства над бедностью. Если предлагаемая мною мера будет принята, то Питт, этот Бретёй английской дипломатии, и Берк, этот аббат Мори британского парламента, которые ныне толкают английский народ в направлении, столь противоположном свободе, вскоре утратят всякое значение.

Чего вы требуете? Вы хотите, чтобы все французы взялись за оружие для защиты отечества. Что ж! Есть разряд людей, не запятнанных никаким преступлением, у которых есть руки, но нет свободы,— это несчастные, заключенные за долги. Позор для человечества, для философии — чтобы человек, беря деньги, мог отдавать в залог и самого себя, и неприкосновенность своей личности!» (*Бурные аплодисменты.*)

В добрый час! И декрет, которым Конвент тут же отменил физическое принуждение [к уплате долга], великолепен. Предложение Дантона нашло большой отклик. Робеспьер, который во время всего этого кризиса, казалось, был помощником Дантона, стал настоятельно требовать немедленного освобождения парижских заключенных [10]. Тирион в тот же вечер прославляет этот декрет в Якобинском клубе: «Дантон, всегда великий, всегда верный себе, достиг триумфа принципа вечной справедливости, добившись упразднения физического принуждения; дело обездоленных становится все более и более священным» [11].

Но Дантон, хотя и был гуманен, вовсе не был сентиментален. И меня продолжает удивлять, что в час, когда столько забот должны были обременять его разум, отмена физического принуждения вдруг заняла такое большое место в его мыслях. Действительно ли он воображал, что эта гуманная мера сразу получит такой отклик в Европе, что тираны, их ораторы и министры будут поражены, словно молнией, примером гуманности французов?

Фраза, где Дантон говорит, что Питту и Берку это нанесет смертельный удар, поистине была бы слишком наивна, не будь она простым ораторским приемом. Оказала ли на Дантона влияние мысль Кондорсе, заявившего по поводу казни короля, что чем больше страшных ударов вынуждена наносить Революция ради своей защиты, тем больше должна она посредством широких справедливых и великодушных социальных законов убеждать мир в своей неизменной гуманной сущности, лишь на время затененной грубыми потребностями борьбы? Хотел ли он, прежде чем брать на себя чудовищную ответственность за создание Революционного трибунала, защитить себя перед лицом истории посредством закона милосердия? Или же, чувствуя, что его положение уже пошатнулось из-за крушения операций в Бельгии и Голландии, вдохновителем которых он был, Дантон старался привлечь к себе симпатии всей этой небогатой буржуазии, измученной и возбужденной, которую он намеревался освободить от позорящих ее цепей или от кошмара тюрьмы? Не говорил ли он себе также, что, несколько успокоив все это озлобление, может быть, удастся ослабить ферменты социальной революции, которые под воздействием бешеных начинали будоражить народ?

«Уважайте бедность,— воскликнул он,— и бедность будет уважать зажиточность; не будем никогда виновны перед бедняком, и бедняк, у которого души больше, чем у богача, никогда сам не будет виновен».

Он, несомненно, имел в виду всех тех ремесленников, которым угрожало банкротство и чьи озлобление и страхи преувеличивали Жак Ру и Варле, всю мелкую буржуазию, возбужденную и страдающую, более опасную для стабильности революционного порядка, чем менее сплоченный и менее озлобленный пролетариат. Наконец — осмелюсь ли я это сказать? — не могу полностью отрешиться от мрачного предположения. Быть может, в глубине

8. «Moniteur», XV, 682, заседание Конвента 10 марта 1793 г.
9. «Moniteur», XV, 666; «Archives parlementaires», LX, 19.
10. «Moniteur», XV, 666.
11. A. Aulard. Op. cit., t. V, p. 79. Тирион (1763—1815) — адвокат и профессор в Меце, депутат Конвента от департамента Мозель.

души Дантон считал, что быстрые действия Революционного трибунала слишком скоро переполнят тюрьмы и поэтому в них нужно освободить место. Но, что более вероятно, Дантон, мучимый воспоминаниями о сентябрьских избиениях, о которых он говорил в тот же день, опасался, как бы, несмотря на учреждение Революционного трибунала, народ под влиянием какой-нибудь катастрофы и в час смертельного безумия не бросился в тюрьмы и не начал вновь избиения. Заключенные за долги, которых как раз в сентябре и спас приказ Коммуны, несомненно, обращались к революционным вожакам с мольбами, полными ужаса. Неужели допустят, чтобы в день кровавого исступления их без разбора истребили вместе с подозреваемыми в контрреволюции? И Дантон заранее ограничивал размеры возможной беды.

КОМИТЕТ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОБОРОНЫ И ПРОБЛЕМА ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Но Марату, Робеспьеру и Дантону, которые в эти дни благодаря своему согласию действительно образовали своего рода временный триумвират, было недостаточно того, что они зажгли в сердцах пламя патриотизма и создали страшное орудие революционного подавления. Они хотели еще сконцентрировать все силы Революции и положить конец анархии, ослаблявшей власть. Кто руководил революционной деятельностью в стране и за ее пределами? Временный Исполнительный совет, состоявший из министров, не обладавших ни большой властью, ни достаточной законной силой, ни достаточным авторитетом, чтобы направлять Конвент, и в то же время не бывших простым орудием в его руках. У них было чересчур много или чересчур мало власти.

С другой стороны, Комитет общественной обороны, в состав которого были избраны по три члена от каждого из семи комитетов Конвента и который заседал с 4 января, имел в глазах трех великих революционеров два недостатка [12]. Прежде всего, в нем главенствовали жирондисты, сразу утвердившие свое главенство назначением Керсена председателем, Бриссо — его заместителем, Гитона-Морво и Фонфреда — секретарями [13]. Совсем недавно, 4 марта, председателем Комитета был назначен Петион, все более и более сближавшийся с Жирондой [14]. Но, главное, этот Комитет проявлял непоследовательность и плачевное безволие; он беспрестанно колебался между противоположными политическими линиями.

Парализовала ли Комитет обороны в январе и феврале борьба между Дантоном и Жирондой? Именно на это указывает Барер в одном месте своих мемуаров, но в них много неточностей. Его воспоминания были странно расплывчатыми и смутными. Правда, он их писал спустя более чем тридцать лет после событий, но, поскольку он сам часто ссылается на «Монитёр», он, казалось, мог бы справиться в нем. Он же нагромождает ошибки. В заметке о Комитете общественной обороны он говорит [15]: «В войне, шедшей в Бельгии, события нарастали; наши генералы изображали эту войну как легкую военную прогулку, особенно после сражения при Жемаппе, где храбрость национальных волонтеров, главным образом парижских, позволила захватить живой силой грозные редуты. В это время заседания *Комитета общественной обороны*, происходившие в монастыре фейянов, привлекали к себе внимание руководящих депутатов. Этот Комитет, о котором говорили незаслуженно мало, тем не менее оказал большие услуги, сначала накануне 10 августа, а затем в ноябре и декабре 1792 г. вплоть до образования первого Комитета общественного спасения (5 апреля 1793 г.). Комитет общественной обороны занимался охраной наших южных границ от нападений испанцев и, насколько это было возможно, упорядочивал передвижение армий и взимание военных контрибуций в Бельгии.

Если бы этот Комитет занимался только двумя указанными вопросами, он принес бы больше пользы; но в декабре он вызвал всех генералов в Париж и оставил дела в армиях в застое; наконец, он слабо занимался вооружением и снабжением для большой войны, угрожавшей нам весной 1793 г. Его деятельность еще более сводилась на нет из-за яростных и безысходных споров по поводу переписки, которую вели генералы с Комитетом, и особенно по поводу тайных переговоров, которые на протяжении ряда месяцев будто бы велись с генералом Дюмурье, в распоряжении которого находились главные силы.

Тогда в Комитете общественной обороны начались весьма крупные и горячие споры между двумя партиями Конвента, которые, обвиняя друг друга, были вынуждены раскрыть себя и заставили нас почувствовать необходимость отстранить их от общего руководства делами.

Было две партии. Одну возглавляли Дантон и Лакруа, которые переписывались с Дюмурье, вернее, старались руководить его военными операциями. Другая партия была более многочисленна, обладала большими ораторскими талантами, но меньшей хитростью и способностью к политической интриге. Жансонне и Бриссо стояли во главе жирондистов и всех их сторонников. Они, так ска-

12 Комитет общественной обороны был образован 1 января 1793 г. («Moniteur», XV, 26; «Archives parlementaires», LVI, 117, «Actes du Comité de salut public», I, 376).

13 Керсен (1742—1793) — морской офицер, депутат Законодательного собрания от города Парижа, затем депутат Конвента от департамента Сена и Уаза. Гитон-Морво (1737—1816) — химик, генеральный прокурор-синдик департамента Кот-д'Ор в 1790 г., депутат Законодательного собрания, а затем Конвента.

14. «Actes du Comité de salut public», t. II, p. 254.

15. Barère. Op. cit., t. II, p. 78.

зать, были наследниками взглядов и способов действий этого Комитета, в то время как Дантон и Лакруа были в нем людьми новыми

Многие члены Конвента, узнав об этих разногласиях в Комитете обороны и опасаясь их последствий, требовали ввести в него новых депутатов, чтобы нейтрализовать опасное влияние обеих партий. Было назначено шесть новых членов, которые должны были разобрать все обвинения, касавшиеся переписки Жансонне и Дантона с генералом Дюмурье. Гитон-Морво и я были в числе этих новых членов Комитета [16]. Признаюсь, что около двадцати заседаний было без всякой пользы потрачено, чтобы убедиться в том, что Дантон и Лакруа хотели одни использовать все выгоды и преимущества от внезапного завоевания Нидерландов, в то время как Жансонне и его партия со своей стороны старались привлечь на свою сторону победителя под Жемаппом и поставить его под свое исключительное влияние. .

На последнем февральском заседании в *Комитете общественной обороны* Жансонне был принужден представить свою переписку, столь же объемистую, сколь неясную и загадочную. Письма были написаны так, чтобы их мог понять только тот, кому они были адресованы, но не те, в чьи руки они могли бы попасть В них было видно желание главенствовать, плести интриги, руководить. заручиться поддержкой армии и генерала на случай возможных действий со стороны предприимчивой Парижской коммуны. Но все это было таким преждевременным, таким личным, столь сильно ограничено интересами жирондистов, что общественное мнение обратилось против них, а комитет этот отныне получил дурную славу, как бессильный в делах общественной обороны и вызывающий всяческие подозрения у собрания, естественно, недоверчивого и всегда разделенного».

Это как бы далекая реальность, на которую смотришь сквозь мутную завесу, искажающую все образы и нарушающую все соотношения Барер, по-видимому, делает из Комитета общественной обороны Конвента непосредственное продолжение Комитета обороны Законодательного собрания. Но ведь Конвент только первого января издал декрет о создании своего Комитета обороны Барер говорит (и, несомненно, думает), что он только впоследствии вошел в этот Комитет вместе с Гитоном де Морво, чтобы сыграть роль примирителя двух раздиравших его партий Но ведь Барер входил в Комитет общественной обороны с первого дня его существования. он присутствовал на его первом заседании (4 января) как представитель Конституционного комитета, а Гитон де Морво вошел в него в то же время, что и он, как представитель Дипломатического комитета. (См.· A u l a r d. Recueil des actes du Comité de salut public..., v I, p. 389.) Следовательно, его не могли назначить для умиротворения раздоров, которые еще не возникли. Верно одно 25 марта Комитет общественной обороны был обновлен [17] и Конвент, вместо того чтобы ввести в его состав почти исключительно

жирондистов, ввел в него почти поровну монтаньяров и жирондистов. Таким образом обновленный Комитет избрал своим председателем Гитона де Морво, а его заместителем Барера. Отсюда и эта путаница в воспоминаниях Барера. Ему показалось, что он вошел в Комитет в тот день, когда стал заместителем председателя и когда его влияние в нем возросло. Как мало следует доверять мемуарам, написанным через много лет после событий! Барер говорит о Дантоне и о Лакруа как о руководителях одной из двух партий, боровшихся за влияние в Комитете общественной обороны. Но Дантон вошел в него только 25 марта, а Лакруа никогда не входил в его состав. Барер говорит, что переписка Жансонне с Дюмурье оживленно обсуждалась в Комитете общественной обороны в конце февраля Но совершенно несомненно, что до апреля месяца об этой переписке никто не знал. Это с достоверностью следует из реплики Жансонне, обращенной к Дантону в ходе знаменитого заседания первого апреля [18]: «Дантон, я взываю к вашей честности. Вы сказали, что видели черновики моих писем. Скажите, что́ они содержали».

Эти слова были бы необъяснимы, если бы письма, как указывает Барер, еще в конце февраля были переданы для изучения в Комитет общественной обороны Правда заключается в том, что Комитет обороны начал заниматься разными ответственными лицами, которые могли иметь отношение к действиям Дюмурье, только тогда, когда последний написал 12 марта угрожающее письмо Конвенту [19]

Значит ли это, что воспоминания Барера о первом периоде существования Комитета общественной обороны совершенно недостоверны? Что касается Дюмурье, то явного конфликта не было, но шла глухая борьба влияний Жирондисты старались через посредство Жансонне подчинить Дюмурье своему влиянию, сделать его определенно своим человеком, тогда как Дантон, который в качестве комиссара при армиях в Бельгии иногда имел возможность сноситься с Комитетом обороны, хотел использовать его для осуществления своих замыслов. И в то время как партии боролись

16. В действительности Барер вошел в Комитет национальной (общественной) обороны в момент его образования, присутствовал на заседании 4 января 1793 г , между тем как он утверждает, что вступил в него только потом, вместе с Гитон-Морво (B a r è r e Op cit , t II, p 76, «Actes du Comité de salut public», t I, p 389, 4 janvier 1793) См ниже.

17 «Actes du Comité de salut public», p 389 См список членов Комитета общественной обороны на 26 марта 1793 г (Ibid , t II, p 514)

18. «Archives parlementaires», LXI, 56

19 «Moniteur», XV, 779, «Archives parlementaires», LX, 528, приложение к протоколу заседания Конвента от 24 марта 1793 г Это письмо не было прочитано в Конвенте, оно было напечатано и распространено по всей Бельгии.

таким образом за Дюмурье, они мешали ему действовать; Комитет общественной обороны занимался бесконечными пустыми спорами; он наметил план всеобщей войны, континентальной, морской, колониальной, которая подготовлялась, и пренебрегал только одним: придать вооруженным действиям Франции в Бельгии, которые в тот момент могли бы оказаться решающими, сильный импульс и определенное направление. Таким образом, этот исполнительный орган оказался столь же слабым, столь же неспособным, как и сам Временный Исполнительный совет. Вот почему Дантон, Робеспьер и Марат были единодушны в стремлении дать раздробленной и непоследовательной Революции средства для более согласованных и точных действий.

Такая концентрация полномочий полностью отвечала идеям Марата: уже учреждение Революционного трибунала составляло одну из основ его системы, и он хотел от исполнительной власти такой же энергии, как от судебной. Еще недавно, в номере своей газеты от 8 февраля [20], он напоминал о необходимости действовать сплоченно, быстро и тайно.

«Один из самых больших пороков демократического образа правления,— говорил он,— это медлительность и гласность всех его действий,— медлительность и гласность, которые всегда мешают общественному спасению, когда ведется война с деспотическими государствами, отличительной чертой которых являются быстрота и секретность действий. Эти пороки — следствие самой сущности такой формы правления. При демократии все люди, будучи равными и пользуясь одинаковыми политическими правами, неизбежно завидуют друг другу; поэтому игра этих мелких страстей в национальном Сенате мешает законодателю доверить какому-нибудь гражданину неограниченные полномочия, особенно для тайных действий; впрочем, можно принять некоторые меры предосторожности, чтобы помешать злоупотреблению властью, и установить определенные наказания, чтобы за него карать.

Именно эти низкие страсти, как и козни членов Конвента — антипатриотов, помешали созданию в Конвенте тайного комитета из трех человек с широкими полномочиями принимать все меры, необходимые для раскрытия махинаций врагов общества и изъятия их бумаг. Именно эти низкие страсти в такой же мере, как и интриги, помешали Конвенту поручить двум наиболее образованным из его членов составить проект Конституции — труд, который может быть хорошо выполнен лишь в том случае, если будет отлит сразу в одной голове. Именно эти низкие страсти побудили Конвент создать комитеты, столь многочисленные, чтобы ничего в них не делать, и привели к столь нелепому увеличению числа членов административных органов, ибо все интриганы в государстве всполошились, домогаясь должностей, добиваясь постов государственных чиновников, т. е. желая стать кровопийцами и угнетателями народа. Эта политическая эпидемия, причинившая столь большие неудобства народам, обладающим нравственностью, должна вызвать особенно жестокие осложнения у нации, развращенной тремя веками деспотизма, находящейся во власти всех пороков и изобилующей интриганами, лицемерами, плутами, мошенниками, прохвостами, изменниками и махинаторами, прикрывающимися ложной маской цивизма. Мы видим еще только первые тернии этих зловещих посевов, но вскоре они покроют все поле свободы и заглушат счастливые плоды, каких мы вправе ожидать, прежде чем они созреют, если смелая рука не поспешит искоренить эти посевы».

Эта почти диктаторская концепция всей революционной власти, изложенная Маратом, совпадала с политикой концентрации сил, которую во время мартовского кризиса провозгласил Дантон.

Дантон требует от Конвента уничтожения двойственности власти — законодательной и исполнительной; Конвент должен сам взять в свои руки власть и выполнять обязанности правительства. Он видел, к какой потере сил и времени приводили постоянные конфликты между Временным Исполнительным советом и комитетами Конвента. Между Временным Исполнительным советом и Комитетом общественной обороны, казалось бы, должна была существовать гармония, так как влияние Жиронды господствовало в обоих. И однако, в то время как в Комитете общественной обороны несколько жирондистов, казалось, поддерживали планы Дюмурье, хотя и не действовали решительно, дипломатия Исполнительного совета, напротив, его сдерживала, стесняла, запрещала или откладывала экспедицию в Голландию.

Надо покончить со сложным и медленным действием этой неналаженной машины. Настало время для спасения отечества «организовать правительство, исполнительную власть».

10 марта, одновременно со своим требованием учредить Революционный трибунал, он старается осторожно внушить свою мысль [21]:

«Надо спасать Францию от конвульсий анархии; надо устроить и укрепить Республику. Остерегайтесь, граждане, робость убивает, смелость спасает. Не пожалеем ни людей, ни денег, используем все средства национального могущества, но доверим ведать этими средствами только людям, *необходимый и повседневный контакт которых с вами обеспечит вам осуществление всей совокупности мер, какие вы наметили для общественного спасения. Вы не представляете*

20. «Journal de la République française», № 116, 8 février 1793 («Enormes défauts du gouvernement français: profonde stupidité de ceux qui prétendent l'organiser»).

21. «Moniteur», XV, 683; «Archives parlementaires», LX, 57.

собой установленного органа власти, так как можете все устанавливать сами».

11 марта он идет на риск и предпринимает решительный шаг. Разрывая с традиционным недоверием Учредительного и Законодательного собраний, смело повторяя во имя спасения находящейся под угрозой Революции то, что Мирабо когда-то предлагал для спасения конституционной монархии, он требует, чтобы Конвент назначал министров из своего состава, т. е. чтобы Совет министров был фактически Верховным комитетом. И он так хорошо понимает всю смелость своего предложения, что с самого начала, с осторожностью, которая, как мне кажется, несвойственна энергии его характера, отводит от себя всякое подозрение в честолюбивых устремлениях [22].

« — Если в высказанном мною мнении есть положение, что природа вещей и обстоятельства требуют, чтобы Конвент оставлял за собой право брать министров отовсюду, и *даже из своего состава*, то я одновременно заявляю и клянусь в том отечеством, что сам никогда не соглашусь занять место в правительстве, пока буду иметь честь состоять членом Национального Конвента.

— Как и ни один из нас,— воскликнули многие депутаты»

Какое ребячество! И какая способность вводить в заблуждение присуща словам! Вскоре они согласятся войти в Комитет общественного спасения, который будет самым могущественным из правительств. Дантон, понимая, что такого рода всеобщий отвод в действительности сведет на нет всю его систему, спешит прибавить:

«Заявляю это без ложной скромности, ибо, признаюсь, я полагаю, что я не хуже любого другого французского гражданина Заявляю это, горячо желая, чтобы мое личное мнение не стало мнением всех моих коллег, ибо считаю бесспорным, что вы нанесете роковой удар общественному благу, не сохранив за собой этой возможности. После такого признания призываю вас всех, граждане, поступать так, как велит вам совесть. Кто среди вас не чувствует необходимости большей сплоченности, более прямых отношений, более непосредственного, ежедневного контакта между агентами революционной исполнительной власти, на которую возложена защита свободы против всей Европы, и вами, на которых возложены высшее руководство гражданским законодательством и внешняя оборона Республики? В вашем распоряжении нация, вы — Национальный Конвент, вы не установленные власти, но орган, на который возложена задача устанавливать все власти, определять все принципы нашей Республики. Следовательно, вы не нарушите ни одного из них, ничто не будет ниспровергнуто, если вы, осуществляя всю полноту своих полномочий, возьмете талант там, где он существует, дабы направить его туда, где он может быть полезен. Если ваш выбор падет на меня, я откажусь, но только потому, что на своем посту *считаю себя еще способным двигать, вести вперед Революцию*; только потому, что сохраняю за собой право изобличать министров, которые в силу злой воли или своей бездарности не оправдали бы нашего доверия. Поэтому твердо запомним, что почти все мы хотим общественного спасения. (*Бурные аплодисменты.*) Пусть недоверие между отдельными лицами не останавливает нас в нашем движении, так как цель у нас общая. Что до меня, то я никогда не буду клеветать ни на кого, *нет во мне желчи, не в силу добродетели, а просто таков мой характер. Ненависть чужда ему. Она мне не нужна.* Поэтому не могу я внушать подозрения даже тем, кто похваляется своей ненавистью ко мне. *Напоминаю вам о бесконечности наших обязанностей* Я не имею в виду дезорганизовать правительство. Не говорю о необходимости набирать министров среди вас, но о необходимости сохранить за вами такую возможность»

Это был великолепный призыв к согласию и к действию. Это значило обещать Жиронде, что, если она захочет отказаться от духа сектантства и исключительности, она будет участвовать в новом правительстве, в правительстве общественного спасения, которое Конвент должен образовать.

Как отнесся Робеспьер к смелой инициативе Дантона? Он воздержался от изложения своей мысли с такой же четкостью, как это сделал Дантон; у него не было этого мужества ясности. Но, в сущности, он пошел тем же путем Он тоже понимал растущую необходимость для Революции иметь правительство, самой сделаться правительством. С 10 марта, и даже до того, как Дантон внес свое предложение, Робеспьер указывает на контраст между сильной организацией исполнительной власти у врагов Революции и раздробленностью революционной власти [23].

«У нас почти изолированный Исполнительный совет сносится с вами не только через посредство комитетов, но и через посредство того или иного отдельного лица, более или менее связанного с тем или другим правительственным ведомством. Комитеты берутся за определенное дело. По их докладу вы принимаете поспешные решения. Так вы объявляли войну то одному, то другому народу, не подумав о том, какими средствами вы располагаете для осуществления ваших решений; так Конвент действует, не отдавая себе отчета в том, что́ он делает и что́ ему предстоит сделать.

На это, граждане, я и обращаю ваше внимание. Не согласитесь ли вы с тем, что, поставленные самой своей организацией в центре европейской политики, в центре всех народов, желающих быть свободными, вы должны обеспечить себе средства сообщаться с ними и возбуждать те побуждения, которые деспотизм сумел так искусно использовать?»

---

22 «Moniteur», XV, 686; «Archives parlementaires», LX, 90

23. «Moniteur», XV, 674; «Archives parlementaires», LX, 57.

Итак, Робеспьер требует реорганизации исполнительной власти прежде всего для того, чтобы обеспечить Франции дипломатию более тайную, более действенную и более непосредственно проникнутую революционным духом. Но каким образом революционный дух, очагом которого является Конвент, распространится через посредство власти министров на другие страны, если сама власть министров не будет более прямо подчинена влияниям, внушениям Конвента? И на другой день, 11-го числа, когда Ларевельер-Лепо, отвечая Дантону, возбудил недоверие и раздражение в Конвенте, заявив, что «Конвент будет распущен, если выскажется за назначение министрами людей большого честолюбия и большой дерзости» [24], Робеспьер раскрывает свои мысли, мне думается, более смело, чем он это делал когда-либо в прениях. Он не высказывается досконально о принятой системе, но, по-видимому, идет дальше Дантона и заявляет о своей готовности взять на себя личную ответственность за власть. Он возражает Конвенту, желающему, перейдя к следующему вопросу повестки дня, отклонить смелое предложение Дантона [25].

«В Национальном Конвенте был поднят важный вопрос; он, видимо, относится к сложившемуся положению и к общественному спасению. Собрание приняло решение обсудить его после учреждения Революционного трибунала. Я требую исполнения этого решения. Едва началось обсуждение, как стали требовать его окончания. Едва услышали возражение, как потребовали умолкнуть. Так вот! Я требую, чтобы вопрос, столь важный в глазах любого человека, способного мыслить, включенный декретом в повестку дня, нельзя было так легко из нее исключить; я требую, чтобы во исполнение вашего декрета и во имя общественного спасения началось обсуждение вопроса о реорганизации правительства. Я мог бы также изложить свою точку зрения, если бы находил это нужным. Так вот, я заявляю: *я не вижу никакой заслуги в отказе принять опасные и трудные правительственные должности. Я думаю, что люди, отвергая их, считаются скорее со своим вкусом и своими интересами, чем с принципами.* Требую обсуждения этого важного вопроса».

Робеспьера, конечно, заботила не только лучшая организация революционных действий внутри страны и за ее пределами. Он знал, что всеобщее обновление правительственного организма и комитетов позволило бы либо устранить влияние Жиронды, либо подчинить ее. Он ненавидел Жиронду вдвойне: лично и как революционер. Она оклеветала и унизила его и была помехой для великой деятельности новой Франции. Он предчувствовал грядущие грозы, которые должны были разразиться над ней, и желал бы уничтожить жирондистское влияние в Конвенте, не посягая на личности и даже на мандат самих жирондистов. Представится ли более благоприятный случай, чем кризис, требующий укрепления и обновления всех органов власти? То, что произошло

несколькими неделями раньше с Комитетом общественной безопасности, было хорошим предзнаменованием. Этот столь могущественный Комитет (ведь его задачей было арестовывать всякого, заподозренного в сообщничестве с роялистами и с врагами Революции) находился сперва, в октябре, в руках монтаньяров. В начале января Жиронда вошла там в силу и завоевала большинство. Но возмущение, вызванное убийством Лепелетье, вернуло монтаньярам господство в Комитете. В то время сущность тактики Робеспьера состояла в том, чтобы распространить победу Горы в Комитете общественной безопасности на Комитет общественной обороны и правительство, и предложение Дантона, по крайней мере в его глазах, обладало тем преимуществом, что во весь голос ставило проблему общей реорганизации. К тому же — и это надо сказать к чести Робеспьера — в эти первые дни марта, перед лицом обнаружившейся большой опасности, он, по-видимому, оказался под сильным влиянием Дантона, и, хотя последний, судя по некоторым его заявлениям, казалось, расходился с Робеспьером: «Нет во мне желчи, не в силу добродетели, а просто таков мой характер», хотя из-за событий в Бельгии положение Дантона уже пошатнулось, Робеспьер честно сотрудничал с ним. Я хочу даже отметить, что в отвратительных заметках, которые Робеспьер впоследствии составит для Сен-Жюста и где он преступно клевещет на все действия, на все речи, на все мысли Дантона, он не коснулся событий этих первых дней марта [26], он не попытался отравить их мерзким истолкованием. О, как трудно одному человеку судить другого человека, измерить глубину душевных мук, зыбкий хаос взлетов и падений! В данном вопросе совместные усилия Дантона, Робеспьера и Марата потерпели неудачу из-за сопротивления Жиронды и центра. Но семена Комитета общественного спасения и революционного порядка управления были бро-

---

24 «Moniteur», XV, 686 Ларевельер-Лепо Луи Мари (1753—1824) — землевладелец в Анжу, депутат Генеральных штатов от третьего сословия Анжерского сенешальства, депутат Конвента от департамента Мен и Луара

25 «Moniteur», XV, 687

26 См A Mathiez Les notes de Robespierre contre les Dantonistes —«Annales révolutionnaires», 1918 Они были воспроизведены также в «Robespierre terroriste» (1921, p 79), затем в «Études sur Robespierre» (1958, p 121) «Вы найдете эти знаменитые заметки Робеспьера в моей книге «Robespierre terroriste» Весьма далекий от того, чтобы предать забвению события мартовских дней, Робеспьер в этих заметках обвиняет Дантона в том, что он пожелал вызвать в Париже мнимое возмущение, дабы дать Дюмурье предлог, которого тот искал, двинуться на Париж", и прибавляет „Меня заверили в том, что Дантон был у Паша, что он предложил устроить восстание, говоря, что если нужны деньги, то в его распоряжении касса Бельгии" Я проверил обвинения Робеспьера, которые Жорес в своем предубеждении считает отвратительными, и нашел их совершенно точными» [*Примечание А. Матьеза.*]

лены в почву, и совместная деятельность трех человек, в тот час действительно образовавших без предварительного соглашения триумвират национальной обороны и Революции, была достаточно мощной, чтобы некоторое время направлять события. Об их союз разбились как анархические попытки беспорядочных сил, так и происки Жиронды. Коммуна во главе с Эбером и Шометтом всецело поддержала трех руководителей Горы И подобно им и вместе с ними она единодушно старалась воспламенять и направлять патриотизм посредством пылких и мудрых призывов. Париж вновь поднимался в чудесном порыве, более прекрасном и более чистом, чем в сентябре, потому что не нес в себе кошмара смертоносного террора. Все мужество Парижа было обращено против внешнего врага, и великие законные меры, которые по инициативе Дантона принимал или возвещал Конвент, избавляли народ от всякой кровожадной одержимости.

ВОЛНЕНИЯ 9 и 10 МАРТА

Однако были группы революционеров, попытавшиеся прибегнуть к насильственным действиям. Они как бы разгадали тайные мысли Дюмурье об измене и хотели покончить с Жирондой, которую изобличали в сообщничестве с изменником Сигнал подала секция Пуассоньер. Мортимер-Терно разыскал в архивах Комитета общественной безопасности манифест, выпущенный этой секцией утром 9 марта [27]:

«Члены, составляющие Комитет бдительности защитников единой и неделимой Республики из департаментов, глубоко озабоченные опасностями угрожающими государству, и особенно городу Парижу, заседая непрерывно, приняли постановление, которое они сочли своим долгом сообщить вам. Постановление это гласит что всем парижским секциям, которые, как они считают, состоят из санкюлотов, предлагается присоединиться к защитникам отечества, *чтобы совершить восстание*, результатом которого должно быть общее благо для Республики. Местом сбора назначается Якобинский клуб на улице Сент-Оноре. Они предупреждают вас, что набат прозвучит ровно в пять часов утра. Они призывают вас последовать их примеру, чтобы собрать достаточно большое число санкюлотов, *дабы они смогли воздействовать на мятежников, заседающих в Конвенте, и проникнуть во все дома, где печатаются газеты Бриссо, Горса* и другие, им подобные Дело спасения Республики возлагает на нас эту задачу; поддержите их, как верные братья; все интриганы и недоброжелатели капиталисты задрожат при виде нашего единства, и отечество будет спасено.

В бывшем монастыре якобитов на улице Сент-Оноре, в два часа утра 9 марта 1793 г , II года Республики. **Шампанья**, *председатель*; **Андре Гаде**-сын, *секретарь*».

И на этот раз это одновременно политический и социальный манифест Он направлен против изменников и против капиталистов. Набат не прозвучал. Из 45 секций, собравшихся вечером 8 марта выслушать комиссаров Конвента, на восстание решились едва три или четыре. Прочие остались верны Конвенту, Конвенту в целом. Но в течение всего заседания 9 марта вокруг Собрания теснились группы взволнованных, раздраженных, угрожающе настроенных людей. А вечером, между 5 и 7 часами, когда заседание закончилось, они вломились в типографии нескольких газет и разломали станки, на которых печатали газету Горса и газету Кондорсе, «Кроник де Пари» [28]. В типографиях газеты «Патриот франсэ» и газеты Прюдома они натолкнулись на сопротивление рабочих. Это было не восстание, а только бунт. Движение не было широким и не направлялось единым руководством. Но агитация не прекратилась сразу. В Клубе кордельеров бешеные были очень сильны. В ночь с 9 на 10 марта Варле добился там одобрения призыва к восстанию. Это обращение гласило [29]:

«Отвод войск из Бельгии — дело нечестивой клики, парализующей Национальный Конвент и терзающей грудь Республики; враги Франции обязаны своими успехами изменнику Дюмурье и гнусным происка м таких, как Ролан, Бриссо и их друзья Значит, от них надо избавиться любой ценой».

К обращению присоединились только секции Моконсей, Ломбар, Французского театра и Четырех наций. Движение имело бы некоторую возможность расшириться и увенчаться успехом лишь в том случае, если бы его одобрили Якобинский клуб и Коммуна. В Якобинском клубе федераты, несколько военных тщетно пытались увлечь собрание; оно разошлось в возбуждении и смятении [30] Варле отправился ночью в Совет Коммуны Он утверждал, что кордельеры убедили секции, что Якобинский клуб только и ждет сигнала от законной власти. Ни Паш, ни Шометт, ни Эбер не уступили его настояниям [31]. Революционное выступление не состоялось Все же силы сторонников восстания попытались вновь перейти в наступление. Не сумев подчинить себе Конвент, испугав его восстанием народа, они решились воздействовать на Конвент

---

27 Mortimer-Ternaux Histoire de la Terreur, 1792—1794 Paris, 1862—1869, 7 vol , t VI, p 184

28 Типография, где печатался «Courrier des départements» Горса, находилась на улице Тиктонн, типография «Chronique de Paris» Кондорсе — на улице Сержант

29 У нас нет обращения Варле, но мы располагаем сокращенным изложением прений в Клубе кордельеров 12 марта 1793 г , уточняющим отношение клуба к Дюмурье и к жирондистам (B. N , Lb [40] 2385, affiche in-folio.)

30 A Aulard Op cit , t V, p 80

31 Жорес здесь следует Мортимеру-Терно (Mortimer-Ternaux. Op cit , t V, p 194)

прямо, и во время заседания 12 марта делегаты секции Пуассоньер, появившись у барьера Собрания, начали читать речь, с которой председатель секции вечером 8 марта обратился к комиссарам Конвента. Но едва они сказали, что Дюмурье надо арестовать, как их прервали резкими и единодушными протестами [32].

«Это клеветники, интриганы и изменники. Они хотят погубить отечество, они — агенты иностранцев».

По нелепой случайности петиционеры в беспорядке стихийного движения захватили с собой знамя, в углу которого были вышиты лилии. Скандал и негодование. Никогда красноречие Иснара не было более резким [33], а Марат, вскочив на трибуну, стал поносить петиционеров. «Он поддался всеобщему порыву»,— говорит Мортимер-Терно [34]. Нет, это было следствие всей его осторожной и глубокой политики, которую я уже охарактеризовал.

«Каковы бы ни были в прошлом,— сказал он [35],— политические взгляды Дюмурье, каковы бы ни были его связи с двором, я считаю, что его судьба после 10 августа связана с судьбой Республики, *в особенности с того дня, как под мечом правосудия пала голова тирана*. Он связан с ней победами своего оружия. Издать ныне обвинительный декрет против него означало бы открыть врагам ворота Республики. Но я должен раскрыть перед вами страшный заговор. Уже в течение нескольких дней пособники старой полиции, несомненно, действующие по приказу правительственных агентов и контрреволюционных депутатов, подстрекают народ к убийствам. Прочтите петицию секции Пуассоньер, и вы увидите, что она требует головы Жансонне, Верньо и Гюаде. *Это было бы страшное преступление, которое привело бы не более и не менее как к роспуску Собрания*. Я выступил в группах против убийц. Я явился в народное Общество кордельеров; я там проповедовал мир и разоблачал ораторов, подкупленных аристократией. Как вдохновителя всех контрреволюционных заговоров, возникших за последние несколько дней, я обличаю перед вами некоего Фурнье [36]. Это он во время событий на Марсовом поле направил в грудь Лафайету пистолет и остался на свободе, в то время как патриоты были убиты или брошены в тюрьмы».

Вечером в Якобинском клубе Варле легкомысленно хотел повторить призыв к восстанию, который он 10 марта огласил в Клубе кордельеров [37]. Он, казалось, не отдавал себе отчета в создавшейся против него коалиции Горы и Коммуны. Сначала его поддержала часть собравшихся на трибунах, но огромное большинство якобинцев зашикало на него: «Мы здесь не в Клубе кордельеров», и он должен был сойти с трибуны. Бийо-Варенн поднялся на нее, чтобы выступить против преувеличений и против интриганов. «Марат,— сказал он,— фейян рядом с Фурнье-Американцем». И он тоже настаивал на том, как неблагоразумно было бы нанести удар Дюмурье. О, какую прекрасную роль могла бы тогда сыграть Жиронда! Как легко было ей снова подняться, снова приобрести

авторитет и престиж и спасти Революцию, без задней мысли и придирок присоединившись к мерам общественного спасения, декретированным тогда Конвентом! Ее отягощало в это время очень тяжкое бремя. Ее старания спасти жизнь королю остались лежать на ней тяжким грузом, и предложение Жансонне, потребовавшего судебного преследования против сентябрьских убийц, совершенно непредвиденным образом обернулось против жирондистов. Едва начавшись, расследование выявило, что многие из тех, кого называли убийцами, находились теперь в армиях, где они сражались за отечество. Значит, это были не разбойники, не свирепые злодеи; это были возбужденные люди, которые, приняв участие в избиениях, отдавали теперь за Революцию свою собственную жизнь. Пришлось ограничить преследование розыском «подстрекателей к убийствам». Но именно жирондисты представали неистовыми, и недоверие к ним возрастало. Да, у них было время, так сказать, возвратиться в Революцию. Они могли сделать это в тот час, когда вожди Горы совершали акт дальновидности, смелости и мудрости. Но Жиронда упускает этот последний случай. Она продолжает свою бессмысленную политику пустого недоверия, пустой полемики и придирок. В то время, когда Марат, Робеспьер и Дантон договаривались о том, чтобы прикрыть Дюмурье, в интересах Жиронды было произнести следующие разумные слова:

«Да, вы правы; да, вы совершаете доброе и великое дело, жертвуя ради спасения отечества своими предубеждениями против человека, на которого вы часто нападали и которого подозревали. Итак, вы признаете, что в связи с настоятельной необходимостью действовать надо брать на себя страшную ответственность и казаться солидарными с действиями, направлять которые невозможно, и с людьми, чья тайна не всегда известна. Именно на это мы, составлявшие большинство по крайней мере в Законодательном собрании, и должны были согласиться. Теперь, когда ваша власть возрастает, вы в свою очередь должны подчиниться этому закону. Так перестанем же подозревать и обвинять друг друга, и если наступит день, когда один из генералов, к которым мы еще сохраняем доверие, предаст нас, то нанесем ему удар все сообща, но не будем терзать друг друга, не будем терзать Революцию».

---

32. «Moniteur», XV, 691, 695; «Archives parlementaires», LX, 122.
33. «Moniteur», XV, 696; «Archives parlementaires», LX, 123.
34. Mortimer-Ternaux. Op. cit., t. VI, p. 233
35. «Moniteur», XV, 693; «Archives parlementaires», LX, 119.
36. Речь идет о Клоде Фурнье-Американце (1745—1825), колонисте в Сан-Доминго, капитане роты национальной гвардии дистрикта Сент-Эсташ в 1789 г., активном участнике всех событий Революции
37. A. Aulard. Op. cit., t. V, p. 85.

ЖИРОНДА И ЕЕ ПОЛИТИКА

Напротив, «Патриот франсэ» возмущается авансами, сделанными Дюмурье Дантоном, Робеспьером и Маратом. Как! Эти убийцы, эти анархисты собираются подчинить своему влиянию победителя, героя, спасшего отечество! [38]

«Робеспьер и Дантон осыпали похвалами Дюмурье,— Дюмурье, которого их друг Марат не перестает изображать изменником, Дюмурье, которого якобинцы не перестают преследовать, Дюмурье, каждый успех которого представляют как вероломство! Какова цель этого нового маскарада? Вот она: Дюмурье своим мужеством, своим гением, своими победами слишком возвысился над кликой анархистов, чтобы она могла надеяться его свалить. Она рассчитывает путем низкой лести ввести в свою партию человека, которого она боится; она ему льстит, потому что герои 2 сентября не смеют помериться силами с героем 20 сентября [39]. Но их надежды безумны: *Дюмурье не смешает своих лавров с их кипарисами*; Дюмурье любит славу, он не захочет разделить их бесчестье; Дюмурье любит отечество, он спасет его вместе с республиканцами; он не захочет губить его вместе с анархистами».

Мерзкие слова, болезненно отозвавшиеся в сердце Дантона.

Итак, дело решенное: Дюмурье может быть только с Жирондой. Добивайтесь его понастойчивее, безумцы! Сохраните его всего для себя, чтобы завтра за его измену отвечали только вы!

Что смогла также противопоставить Жиронда в целом Революционному трибуналу? Ничего, ни одного принципиального возражения.

Кое-какие придирки к деталям процедуры.

Но Жиронда не говорит, она не может сказать, что у Революции, угрожаемой со всех сторон, не будет законного средства защиты, что ей придется либо терпеть все интриги против свободы и отечества, либо доверить их подавление слепому и кровавому суду улицы. Она не может это сказать и признается даже в том, что не оспаривает в принципе создания Революционного трибунала; но ее многочисленные придирки создают впечатление, что она хочет разоружить Революцию.

А затем вдруг со своим обычным легкомыслием она покоряется или даже радуется. Чему? Тому, что она ввела в Революционный трибунал нескольких человек, которых она считает своими («Патриот франсэ», номер от 14 марта) [40]:

«Этот Чрезвычайный трибунал, который, по мысли тех, кто его придумал, должен быть орудием деспотизма, *будет служить делу укрепления* свободы, защищая ее и от анархистов, пятнающих ее, и от аристократов, силящихся ее уничтожить. Состав этого трибунала таков, что ни один патриот не должен опасаться пороков его организации».

И вот Жиронда примирилась с Революционным трибуналом, потому что надеется использовать его против монтаньяров! Какие же имена так ее успокоили? О ирония! Имя человека, назначенного помощником общественного обвинителя,— Фукье-Тенвиль [41]. Он из числа тех, кого «Патриот франсэ» упоминает с удовлетворением.

Точно так же в усилиях Дантона сконцентрировать революционную силу и организовать исполнительную власть Жиронда усматривает лишь маневр претендента в диктаторы. Новое правительство, восклицает она, вполне подготовлено.

13 марта «Патриот франсэ» пишет по поводу заседания 11 марта [42]: «*Они полагали, что речь идет лишь о том, чтобы взойти на трон*; они уже разделили между собой сферы власти; их сообщники угодливо распространяли список нового состава Исполнительного совета. Дантон назначался министром иностранных дел, Дюбуа-Крансе — военным, Жан Бон Сент-Андре — морским, Тюрио или Камбасерес — министром юстиции, Фабр д'Эглантин — внутренних дел, Колло д'Эрбуа — министром финансов. Правда, им еще нужен был декрет, но они намеревались потребовать его и считали его уже принятым. Дантон поднимается на трибуну, уверенный в своем успехе. Он предлагает, чтобы Конвент оставил за собой право назначать министров из своего состава. „Ну, началось!" — воскликнуло несколько членов Конвента. Никто не сомневался в том, что Дантон хотел быть первым из этих министров; в этом еще меньше усомнились, когда услышали, как он поклялся *отечеством* в том, что никогда не согласится занять пост в правительстве. Дантон клянется отечеством! Отечеством честолюбца! Мне показалось, что я слышу, как атеист клянется Высшим существом».

Так жирондисты извращали самые благородные усилия Дантона вырвать Революцию из состояния хаоса и бессилия. Так всякого, кто помимо них хотел организовать раздираемые и раздробленные революционные силы против внутренних и внешних врагов, они обвиняли в притязаниях на диктатуру и даже на трон.

Увы! Именно этим Жиронда себя погубила. Если в скором будущем народ решится поднять на нее руку, изгнать ее из Конвента, то именно потому, что она представлялась ему силой, все крити-

---

38. «Le Patriote français», № 1307, 12 mars 1793
39. 2 сентября 1792 г. — избиение народом заключенных в тюрьмах аристократов; 20 сентября 1792 г.— победа при Вальми.
40. «Le Patriote français», № 1309, 14 mars 1793.
41. Фукье-Тенвиль Антуан (1746—1795) — прокурор суда в Шатле, один из руководителей обвинительного жюри Чрезвычайного трибунала с 17 августа 1792 г., помощник общественного обвинителя Революционного трибунала с 10 марта 1793 г.
42. «Le Patriote français», № 1308, p. 289.

кующей и отрицающей, в глубоком смысле слова анархической и парализующей. Точно так же, как решительные действия Революционного трибунала одни могли положить конец стихийному правосудию народа, так и решительные, концентрированные действия однородной революционной власти одни могли избавить Революцию от политики отчаяния, которая вскоре осуществит единство посредством истребления.

Но вот где проявляется узость души и легкомыслие Жиронды. Конвент постановил направить в департаменты 82 комиссара [43]. На них возлагалась трудная задача и страшная ответственность. Они должны были повсюду ускорить набор 300 тыс. новобранцев, в которых нуждалась Франция. Они должны были презреть все проявления недовольства и преодолеть все эгоистические настроения. Они должны были воспламенить чувство патриотизма, но так, чтобы оно не вылилось в исступление. Они должны будут принимать меры по снабжению народа и армий продовольствием, контролировать поставщиков, торопить изготовление пушек, ружей, одежды, обуви и препятствовать тому, чтобы рост цен на продовольствие не привел к голоду.

Сколько забот! Сколько придется принимать неожиданных, всеобъемлющих решений, ответственность за которые нельзя будет разделить с находящимся столь далеко Конвентом! И как сдержать эгоизм богачей, не дав воли завистливой ярости и неистовым репрессиям со стороны бедняков?

Эти люди брали на себя страшное бремя. Но в то же время, поскольку власть измеряется смелостью, какая сила и какое тесное и пламенное общение с самой душой Революции, с ее самыми благородными страстями и надеждами! Жиронда, которую обвиняли в том, что она не более как блистательная группа бессильных болтунов, должна была бы потребовать свою долю участия в этой деятельности, в этих опасностях и достойной мужей славе. Она от всего этого уклонилась, предоставила почти одной Горе честь посылки комиссаров. Почему? У нее, несомненно, было такое чувство, что она уже не создана для великих дел, что, указывая на крайности, допущенные народом, и остужая огонь Революции, она утратила способность раздувать ее пламя. И я вижу в ее бессилии тайное и невольное признание несоответствия между нею и суровой задачей трудных дней. Но был и расчет, более явный и корыстный. Умеренный монтаньяр Шудьё говорит по этому поводу [44]:

«Г-н Дюлор [45] утверждает, что отправка комиссаров, посланных Конвентом в департаменты, была интригой меньшинства, которое добилось назначения своих сторонников, чтобы подчинить себе общественное мнение. Он не знает или делает вид, будто не знает, что это, наоборот, был очень ловкий маневр жирондистской партии, которая таким образом избавилась более чем от восьмидесяти монтаньяров, которые самоотверженно приняли на себя трудную миссию, не замечая расставленной им ловушки. Жирондисты надеялись, таким образом, не встретить больше сопротивления в Собрании или по крайней мере бороться лишь с немногими монтаньярами, оставшимися на своем посту.

Набор 300 тыс. человек явился предлогом для этой миссии, которая могла быть лишь тягостной для тех, кто на нее согласился, так как надо было оторвать от семей 300 тыс. молодых мужчин; эти миссии были даже небезопасны в некоторых департаментах, особенно в департаментах Вандеи и в соседних; но жирондистская партия вовсе не добивалась опасных миссий, так как никто никогда не видел, чтобы хотя бы один из ее членов принял участие в славной борьбе наших армий.

И г-н Дюлор называет это маневром Горы! Надо испытывать потребность в клевете, чтобы так оценить самоотверженность многих монтаньяров, сумевших возбудить подлинное соревнование среди наших молодых граждан и направить их к границам на бой с общим врагом».

Нет, со стороны Жиронды это был не ловкий, а, наоборот, самый неудачный маневр, поскольку она сама порвала свои связи со страной.

Но Шудьё мог бы сослаться на признание газеты Бриссо. В номере от 16 марта газета пишет [46]:

«Вот уже три дня, как наши катилины дают нам передохнуть. Но нетрудно увидеть, что это спокойствие — только передышка между двумя бурями. Однако республиканцы, как искусные кормчие, должны воспользоваться этим затишьем, чтобы подготовиться к грозе. Они должны объединиться всюду: в Национальном Конвенте, в Коммуне, в секциях и даже в клубах. *Отсутствие в Национальном Конвенте самых горячих голов позволяет обсуждать дела более спокойно* и, следовательно, более действенно».

Итак, Жиронда считала, что ее позиции укрепляются благодаря отъезду комиссаров-монтаньяров. Какое ребячество! Она совершенно не понимала, что, предоставляя им выполнять эти высокие

---

43. «Archives parlementaires», LX, 9. Заседание 9 марта 1793 г. Назначение командируемых представителеи (представителей в миссии) было оформлено 9 и 30 апреля 1793 г.
44. Mémoires et notes... publiées avec une préface et des remarques, par V. Barrucand. Paris, 1897, p. 283. Шудьё (1761—1838) — товарищ прокурора при президиальном суде Анжера, общественный обвинитель при суде дистрикта, депутат Законодательного собрания, затем Конвента от департамента Мен и Луара.
45. Дюлор (1755—1835) — инженер-географ, литератор, издатель газеты «Thermomètre du jour», депутат Конвента от департамента Пюи-де-Дом, близкий к жирондистам. Дюлор (Dulaure) оставил «Esquisses historiques des principaux événements de la Révolution française depuis la convocation des États généraux jusqu'au rétablissement de la maison de Bourbon...». Paris, 1823—1825, 5 vol.
46. «Le Patriote français», № 1311, 16 mars 1793.

и опасные поручения, в несколько дней разрушит всю клевету, которую возводила многие месяцы на Гору в бесчисленных пасквилях. Эти люди, которых она изображала департаментам чудовищами, должны были, так сказать, проникнуть в сердце страны, которой предстояло увидеть их за делом, составить себе о них представление и вскоре полюбить.

Но самое печальное, что Жиронда, едва успев предоставить монтаньярам страшную привилегию выполнения миссий, испугалась и принялась на них клеветать. Были посланы письма, в частности, Салем, чтобы очернить комиссаров перед департаментами [47].

Таким образом, во время этого величайшего кризиса, переживаемого свободой и нацией, Жиронда отнюдь не ограничилась пребыванием в бездействии; она пыталась внушить недоверие ко всякому действию, сделать его бессильным. Таким образом она становилась национальной опасностью, и только инстинкт самосохранения революционной нации устранит ее в несколько недель.

Если Сиейес действительно был тайным советчиком Жиронды, то он узурпировал славу мыслителя. Робеспьер, желая охарактеризовать его бесшумную подспудную деятельность, назвал его, по свидетельству Барера, «кротом Революции» [48]. Это выражение было бы еще более справедливым, если бы крот был слеп. Что представляла собой эта копошившаяся в темноте мелкая интрига при страшных конвульсиях, сотрясавших и поднимавших почву?

Также и Верньо, чье красноречие обладало большей широтой, чем его мысль, проявил странную убогость политического чутья, когда 15 марта в блестящей и хорошо подготовленной речи стал осуждать события 9 и 10 марта и изобличать целый план восстания [49]. Да, в Париже существовали революционные группировки, желавшие покуситься на целостность Конвента и нанести удар Жиронде. Но какая польза была в том, чтобы указывать на явный, бьющий в глаза факт? Какая польза была и в том, чтобы требовать преследования виновных? Конвент и без того отдал министру Гара распоряжение произвести расследование о «Комитете восстания» [50], и я уверен в том, что если Гара явился в Конвент и сказал, что он ничего или почти ничего не видел, то он закрыл на это глаза [51]. Он уверял, что обнаружил лишь одно вызывавшее некоторое беспокойство собрание в кафе Корацца, где по окончании заседаний клуба втретилось несколько якобинцев, «чтобы выпить пива». Понятно, что жирондисты, подвергавшиеся оскорблениям и угрозам, не простили рассеянному и проницательному философу этого искусного утверждения невиновности.

В действительности кафе Корацца было как бы копией — или пародией — на кафе «Золотое солнце», где до 10 августа революционеры назначали друг другу свидания. Шабо [52], до 10 августа бывший услужливым посредником между самыми революционными элементами Законодательного собрания и федератами, готовыми пойти на штурм Тюильри, тоже участвовал в собрании в кафе

Корацца. Он, без сомнения, предвидел потрясения в близком будущем и намеревался в случае надобности поддерживать связь между Защитниками единой и неделимой Республики и Горой. Вскоре он произнесет по поводу разных проектов конституции слова, в которых получат отзвук все мысли Жака Ру. Он, очевидно, мечтал стать примирителем всех сил авангарда Революции. Человек подлый, он не посмел в марте выступить против Марата, Робеспьера, Дантона и Коммуны. У него не хватило мужества сказать им, что они не правы, отрекаясь от людей, обладающих нетерпеливой и сумбурной энергией, но таких, которые в ближайшее время могли бы понадобиться Революции для решительных действий.

Тем не менее в этот момент он проводил «ультрамаратистскую» политику, если демагогические интриги презренного капуцина все же можно назвать политикой. Во всяком случае, собрание в кафе Корацца, столь обильно орошаемое пивом, обнаружило зародыш революционной организации. Оно было как бы первым средством подступа, пользуясь которым настоящий Повстанческий комитет пытался распространить свою деятельность на Якобинский клуб.

ГОРА И БЕШЕНЫЕ

Комитетом, не видеть которого старался Гара, очевидно, было Общество защитников Республики [53], которое опиралось на кордельеров и на несколько неспокойных секций и выдвигало не только политические, но и социальные требования. Это была та мятежная и революционная сила, которая уже проявила себя угрожающими петициями Конвенту, объявлением непримиримой войны капиталистам, февральскими продовольственными волнениями, манифестом секции Пуассоньер и мартовским выступлением Варле. Но нарочитая слепота Гара объясняется тем, что было очень трудно определить рамки этого Повстанческого комитета. Несомненно, он имел против себя почти всех людей с твердо

47. Речь идет о письмах, посланных Салем, с обвинениями против Антуана и Левассера, командированных для организации набора 300 тыс. человек в департаменты Мёрт и Мозель. («Moniteur», XVI, 4, 140, заседания Конвента 30 марта и 12 апреля 1793 г.; «Archives parlementaires», LX, 709, 722.)
48. Barère. Op. cit., t. II, p. 280.
49. «Moniteur», XV, 700, 702; «Archives parlementaires», LX, 161.
50. «Moniteur», XV, 572, заседание 26 февраля 1793 г.
51. «Moniteur», XV, 711, 749, заседание 13 марта 1793; «Archives parlementaires», LX, 172. «Повсюду царило полное спокойствие».
52. Шабо Франсуа (1756—1794) — настоятель монастыря капуцинов в Родезе, епископальный викарий конституционного епископа в Блуа, депутат Законодательного собрания от департамента Луар и Шер, где он занимал место на скамьях крайне левой, затем депутат Конвента.
53. Об Обществе защитников единой и неделимой Республики см. выше, с. 185, прим. 12.

установившейся репутацией и, если можно так выразиться, все классические силы Революции, трех вождей Горы, Коммуну, Якобинский клуб. После 10 марта, как и после 25 февраля, «Пер Дюшен» (номер 222, вероятно, от 17 марта) грубо отрекается от него [54]:

«Санкюлоты, друзья мои, я не перестаю вам повторять, что вас обводят вокруг пальца, стараются разжечь гражданскую войну и что вы, несмотря на мои добрые советы, подобно дурням, попадаете в сети, которые вам расставляют. Только подумайте, вы окружены изменниками, надевающими всякого рода маски, чтобы обмануть вас. Не зря, черт возьми, возвратились в Париж 15 тыс. эмигрантов; не будь они уверены в том, что здесь причинят вам больше вреда, чем оставаясь в Кобленце, не стали бы они рисковать сложить свои головы на гильотине ради того, чтобы приехать сюда мутить воду.

Это они, черт побери, слыша стоны народа из-за дороговизны продовольствия, надели платье рабочих и разбрелись по предместьям и рынкам, чтобы подбивать санкюлотов грабить склады и лавки. Грабеж произошел, и эти негодяи исчезли, чтобы подыскать для себя другие костюмы. Тот, кто на площади Мобер щеголял, наряженный угольщиком, появился затем в бывшем Пале-Руаяле в черном костюме, в парике, как у финансиста, с крючковатой тростью в руке; там он ходил из одного кафе в другое, понося санкюлотов и упрекая муниципалитет за то, что он не защищает людей и собственность.

Этим адским маневром 500 или 600 негодяев, разойдясь по разным кварталам, поставили в Париже все вверх дном; роландисты и бриссотинцы, руководившие этим походом, подхватили мяч на лету. „Смотрите,— говорили они,— как руководят народом Парижа; смотрите, в безопасности ли Конвент среди всех этих анархистов, этих дезорганизаторов. Неужели департаменты потерпят, чтобы их представители оставались в городе, где царят подобные беспорядки?“

К счастью, народ признал свою ошибку и опроверг утверждения бриссотинцев, восстановив порядок».

Таким образом, для Эбера мартовские волнения — только продолжение февральских. Он на этом настаивает в 223-м номере своей газеты [55]:

«Я содрогаюсь, черт побери, при мысли о том, что 20 тыс. негодяев, подписавших петицию Лафайета, еще находятся в Париже, что эмигранты прибывают в него тысячами, что своры подкупленных Англией шпиков сеют раздоры и пускают в ход все средства, чтобы вызвать гражданскую войну. Во всех волнениях, терзающих нас, виновата одна эта прожженная сволочь. Да, черт возьми, когда нам говорят: „Грабьте, убивайте“, последуем за негодяями, выступающими с подобными предложениями, и мы обнаружим, что это либо *попы*, либо бывшие дворяне, либо мальчишки на побегушках у бывших прокуроров, либо лакеи, либо негодяи, бывшие погребные крысы *. Вот наши подлинные враги; я боюсь только тех, кто может нас разделить».

Не подразумевает ли он аббата Жака Ру, говоря о *попах*? Во всяком случае, в марте, как и в феврале, Эбер продолжает борьбу против бешеных. Также и якобинцы — после 10 марта, как и после 25 февраля,— направляют своим аффилиированным обществам торжественный адрес, в котором уклоняются от всякой солидарности с агитаторами и заявляют, что остаются «невозмутимыми среди бурь» [56]. Но, в сущности, все эти гордые силы начинали поддаваться влиянию нарастающего движения революционных групп и были вынуждены с ними считаться. Когда Марат осудил петиционеров из секции Пуассоньер и Иснар, поймав его на слове, потребовал, чтобы их передали Революционному трибуналу, он повернул в другую сторону и стал гневно изобличать роландистов [57].

Дантон не согласился бы лишить Революцию отважных и пламенных сил, и как мог бы он допустить, чтобы удар нанесли кордельерам, среди которых он вырос и которые еще недавно заявили о своем одобрении обращения Варле с призывом к восстанию? Вскоре Робеспьер, беспокоящийся о росте своей популярности и о распространении своего влияния даже на самые крайние группы революционного движения, попытается, выступая в Якобинском клубе, восстановить связь с самыми пылкими группами; он резко выступит против тех, кто отказывает в предоставлении слова бешеным, а после смерти Лазовского, одного из участников попытки восстания 9 и 10 марта, он будет его прославлять [58].

---

54. «*Великий гнев папаши Дюшена* (*«La grande colère du Père Duchesne»*) при виде смельчака Бернонвиля неизменным военным министром, а труса Гара — министром внутренних дел. Его добрые советы честным санкюлотам с целью предупредить их о том, что сторонники Бриссо готовят нам угощение в их вкусе, в то время как честные парни Горы начнут объезжать департаменты». («Le Père Duchesne», № 222.)
55. «*Великий гнев папаши Дюшена* (*«La grande colère du Père Duchesne»*) против всех бриссотинцев... Его великое отчаяние при виде того, как санкюлоты попадаются во все сети, какие им расставляют, и как они губят сами себя, не подозревая об этом». («Le Père Duchesne», № 223.)

* «Погребными крысами» (rats-de-cave) называли до Революции единодушно ненавидимых досмотрщиков ведомства по сбору косвенных налогов и питей (aides), которые имели право ревизовать винные погреба виноделов и виноторговцев, проверяя правильность уплаты налогов.— *Прим. ред.*

56. A. Aulard. Op. cit., t. V, p. 83.
57. См. выше, с. 333, прим. 33 и 35.
58. A. Aulard. Op. cit., t. V, p. 153, заседание 24 апреля 1793 г. В этот день в Якобинском клубе было объявлено о смерти Лазовского. Робеспьер произнес речь о его заслугах. Лазовский, поляк по происхождению, был активистом секции Финистер.

Итак, невозможно было нанести удар «Повстанческому комитету», не задев в то же время всех революционных сил, с которыми он был как бы переплетен. И Луве и Саль были в некоторой степени правы, когда они говорили Гара: «Повстанческий комитет — это Якобинский клуб» [59]. Но вступить в борьбу с якобинцами, а заодно и с Горой и Коммуной, сделать их непосредственно ответственными за заговор, который они осудили и отвергли, было бы чудовищной политикой, гибелью Революции и Франции; это была бы измена Дюмурье, начатая изнутри, так сказать, с другого конца. И это еще один признак утраты Жирондой равновесия духа. Верньо до этого не доходил и ограничивался красноречивыми излияниями своей печали. Но не надо было ни стенать, ни обвинять. Надо было сосредоточиться на великом усилии мысли и совести и спросить себя, почему Жиронда мало-помалу потеряла руководство Революцией, почему она восстановила и объединила против себя столько сил и как могла бы она восстановить единство Революции. Она над этим не задумывалась, и ее эгоистическое легкомыслие возрастало по мере того, как вокруг нее со всех сторон разверзались пропасти.

Глава пятая

ВАНДЕЯ

ПРИЧИНЫ ВОССТАНИЯ

Опасности, угрожавшие Революции, действительно внезапно усилились как внутри страны, так и за ее пределами. В Вандее вспыхнул религиозный фанатизм, тлевший в течение двух лет [1]. В этом краю мелкой издольной аренды и небольших ферм, где города были редки, где даже поселки в то время находились на значительном расстоянии один от другого, единственной социальной связью был священник. Крестьян, несомненно, обрадовало упразднение десятин, и они приобрели на общественных торгах свою долю имуществ церкви, монастырей и аббатств [2]. Но им не нравилось, что священника, жившего среди них много лет и говорившего с ними и на языке близкого и понятного им человека, и на языке человека, стоящего высоко над ними, поскольку среди повседневных забот обыденной жизни он говорил с ними от имени бога, за его отказ принести присягу конституции, требуемую гражданским устройством духовенства, вдруг заменяли другим, им незнакомым, который, быть может, и не получил истинной божественной инвеституры.

---

59 «Moniteur», XV, 711, заседание 13 марта 1793 г. Гара: «Как я ни доискивался, я не узнал ничего такого, что могло бы подтвердить существование этого комитета»

1 Об агитации в Вандее в 1792 г. см. Ж. Жорес. Социалистическая история Французской революции, т. III, с. 275.

2. Об этих крайне важных для понимания происхождения мятежа в Вандее проблемах см. главным образом: M. Faucheux. L'Insurrection vendéenne de 1793. Aspects économiques et sociaux. Paris, 1964. См. по этому вопросу Дополнительные замечания.

Уже не раз тревожные симптомы говорили о глухом гневе, о глубоком недовольстве.

Население этого края при его узком эгоизме и ограниченном умственном кругозоре принимало благодеяния Революции и отвергало налагаемые ею обязанности. Его раздражали неизбежные трудности, которые сопутствуют даже самым благим социальным переменам.

Арендаторы имуществ эмигрантов во многих дистриктах должны были уплачивать налог полностью — как налог, причитавшийся с эмигранта, так и налог, причитавшийся с самого арендатора. Покупатели национальных имуществ не вступали во владение ими немедленно, так как администрация управления национальными имуществами еще взыскивала с доходов купленного имения определенные повинности, связанные с имением и не проданные вместе с ним *. Все это недовольство, преодолеваемое в других местах великим движением Революции и благодаря смелым надеждам, вызывало брожение в неподвижной и застойной жизни Запада и приводило в конечном счете к резкому усилению оскорбленного фанатизма.

Когда король был приговорен к смерти, в этих районах началось волнение, вызванное не столько чувством сострадания, сколько эгоизмом. Европа, несомненно, поднимется, и придется уехать; молодым людям придется покинуть своих невест, оставить отчее поле. Почему? Потому что революционеры, которых другие революционеры называют убийцами, каннибалами, жаждали крови короля. Прокурор-синдик дистрикта Ле-Сабль-д'Олонн в своем письме от 24 января администраторам департамента Вандея очень хорошо передал это путаное и опасное смешение причин для недовольства [3]:

«Что касается морали, то я думаю, что очень большая часть народа, которую аристократия в своей тупой спеси называла крестьянами, полностью развращена фанатизмом и стараниями внутренних врагов. Я часто видел примеры того, когда даже клятвопреступление не останавливало этих заблудших простых людей; я часто видел и примеры их несправедливости и *жестокости*; к тому же эти люди пребывают в постоянной тревоге: они нерешительны, и многие из них, несомненно, встанут на сторону более сильной партии.

Что касается политики, то эти же люди одинаково неспособны как судить о ней, так и что-либо в ней понять. Для них Революция — длинный ряд несправедливостей, на которые они жалуются, не зная почему. Они сожалеют о своих прежних привилегированных господах, в то время как эти честолюбивые люди давили их своей спесью и своей тиранией; они сожалеют о высланных священниках, в то время как эти лицемеры их обманывали, похищая их деньги. Они думают, что религию погубила присяга, которая имела своей целью только обеспечить исполнение гражданского закона; они ненавидят священников, верных закону, потому что, менее скрытные или менее лукавые, чем неприсягнувшие священники, они говорят языком свободы и природы. Они страшатся установленных властей, словно не доверяют им, в то время как эти власти созданы только для того, чтобы сделать их жизнь счастливой...

...Управление национальными имуществами** — самый губительный бич. Ни один арендатор, ни один фермер, ни один управляющий имуществами эмигрантов, полностью уплативший налоги за 1791 г., не может добиться возмещения доли, причитающейся с собственника, сборщики безжалостно отказываются платить, и такие отказы называют притеснениями...

...Лица, взявшие на откуп взимание случайных и постоянных денежных повинностей, не собрали ничего; лица, взявшие на откуп взимание бестелесных натуральных повинностей, получили значительно меньше; однако управление национальными имуществами беспощадно применяет к этим откупщикам меры принуждения, чтобы получить всю арендную плату...

Покупатели национальных имуществ, несомненно, приобретали их для того, чтобы пользоваться ими. И что же? Они не пользуются ими и, быть может, еще долго не будут пользоваться. Сборщики-контролеры ***, располагающие сведениями о продажах национальных имуществ и их регистрирующие, несомненно, знают обо всех произведенных отчуждениях. Но так как почти все проданные имущества оказались сданными в аренду вместе с бестелесными имуществами, то сборщики из *предосторожности*

* В данном случае речь идет о тех феодальных повинностях, которыми до Революции были обременены земли, ставшие после Революции национальными имуществами. После национализации королевского домена и церковных, а затем и эмигрантских владений «нация», т. е. буржуазное государство, в руки которого перешли эти земли, стала взыскивать сохраненные законами 1789—1790 гг. повинности в свою пользу. В 1791 г. была создана специальная администрация национальных имуществ (La Régie nationale de l'enregistrement et des domaines), в руки которой перешли все дела о взыскании и выкупе принадлежавших государству «бывших феодальных повинностей», причисленных к разряду так называемых бестелесных национальных имуществ.— *Прим. ред.*

3. Ch.-L. Chassin. Études documentaires sur la Révolution française. La préparation de la guerre de Vendée, 1789-1793. Paris, 1892, 3 vol., t. III, p.213. Фундаментальный труд.

** Это управление ведало, в частности, учетом и сбором так называемых «бестелесных» национальных имуществ, т. е. бывших феодальных повинностей и разного рода рент, перешедших к государству. Это управление вело регистрацию всех переходов земель из рук в руки, с тем чтобы взыскивать положенные с этих актов так называемые «случайные» повинности.— *Прим. ред.*

*** Речь идет о служащих Управления регистрации и доменов, т. е. государственной администрации, ведавшей национальными имуществами.— *Прим. ред.*

взыскали арендную плату полностью, и доход новых владельцев оказался совсем незначительным...

Граждане, я заканчиваю последним соображением, вызванным нынешними обстоятельствами. *С того времени, как начался процесс Людовика Капета, народ в деревнях ропщет все сильнее. Ему рассказали о создании новых батальонов.* Вчера вечером новость о приговоре Людовику Капету была встречена плохо. В клубе Друзей свободы кое-кто осмелился назвать законодателей, приговоривших Людовика к смерти, разбойниками и злодеями. Сегодня утром все были мрачны и подавленны».

Но когда в борьбе с Европой Революция действительно была вынуждена призвать новых солдат и создать огромные армии, эгоизм крестьян в департаментах Нижняя Луара, Мен и Луара, Дё-Севр, Вандея перешел в ярость. Уже в первые дни марта администраторы Вандеи, опасаясь высадки англичан и эмигрантов, пытаются реорганизовать национальную гвардию и в очень многих приходах наталкиваются на ожесточенное сопротивление. Бьют в набат, крестьяне собираются толпами и отправляются по деревням, чтобы возбуждать повсюду гнев. Патриотические отряды национальной гвардии окружены, и волнения в Больё, мятежи в дистрикте Шаллан предвещают «большое восстание» [4]. Крестьяне не желают «рекрутского набора», они не хотят «жеребьевки».

«Никакой жеребьевки! Горе тому, кто объявит об организации милиции!»

Поднялись все деревни, и подстрекатели к гражданской войне ходят от хутора к хутору.

ТАКТИКА ДВОРЯН

Вначале тактика дворян сводилась к выжиданию. Они, разумеется, не оставались бездеятельными: все те, кто после 10 августа возвратились в свои дворянские усадьбы, настраивали людей против Революции. Они разжигали у крестьян зависть к революционным буржуа городов:

«Мы по крайней мере живем среди вас и здесь тратим доходы со своих земель. Они же скупили национальные имущества, имения, где они не живут, и вся арендная плата, все, что родит земля, уходит в город и не возвращается. А теперь эти милые господа под тем предлогом, что они администраторы департамента или дистрикта, не пойдут на войну. Они останутся в своих уютных домах, они будут смотреть, как растут деревья в их садах, а вы, крестьяне, простые души, пойдете умирать вдалеке за Революцию, которая отняла у вас ваших священников, высылает их тысячами и обогащает оставшимся от них имуществом всех алчных горожан».

Такие речи вели дворяне; так феодальная контрреволюция обращалась к демагогии и мелкопоместные дворянчики обвиняли городских буржуа. Дворяне вероломно ожидали, что крестьяне, ввязавшись в эту авантюру, предоставят руководство ею им. Сами они после предостерегшей их неудачи заговора Ла Руэри в Бретани [5] не брали на себя сразу инициативы движения. Заговор, который некоторым образом таится в нескольких головах, может в один прекрасный день пасть вместе с самими головами. Чтобы привести Революцию в замешательство, больше годится широкое восстание, которое мало-помалу приняло бы упорядоченную форму под руководством людей старого порядка. Дворяне, бывшие доверенными лицами Ла Руэри, хотели бы, чтобы это восстание вспыхнуло только в конце марта, но чтобы оно тогда сразу распространилось на весь Запад, на Бретань, Нормандию, на департамент Мен, на Анжу и Пуату. Д'Эльбе, Боншан, Лескюр, Сапино и Вожиро надеялись, что в течение нескольких недель закон о рекрутском наборе возымеет повсюду свое действие и вызовет восстание, тогда, в конце марта или в начале апреля, движение настолько расширится, что оно устрашит Революцию, а также заставит толпы крестьян объединиться и организоваться под началом дворян-роялистов, более опытных в ведении крупных военных операций [6]. Быть может, кроме того, они были осведомлены о возникших в начале марта у держав коалиции надеждах на измену Дюмурье, которую они предчувствовали.

Какой бы это был замечательный ход, если бы удалось добиться совпадения во времени решающих последствий этой измены и внезапного восстания, которое охватило бы весь Запад! Но знатные дворяне не сумели справиться с захлестнувшим их фанатическим нетерпением крестьян с их лукавством. Души, разгоряченные божественными посланиями, не в силах были более сдержать себя. Неприсягнувшие священники, преследуемые и вынужденные все время менять убежища, боялись быть схваченными, если с выступлением не поторопятся, а наставляемые духовенством плебеи также спешили, так сказать, официально занять командные посты до вмешательства дворян. Они хотели оставаться вожаками набранных ими банд, а священники, помнившие о неверии

4. Ibidem, t. III, p. 271 et 275. Больё, Шаллан находятся в департаменте Вандея.
5. См.: Ж. Жорес. Цит. соч., т. III, с. 272, «Заговор в Бретани».
6. Казалось, что вспыхнувшие одновременно мятежи должны были быть согласованы, но они застали врасплох дворян, которые, сами задумывая восстание, признали их преждевременными. Боншан Шарль, маркиз де (1760—1793), Эльбе Жиго д' (1752—1794), Лескюр Луи Мари де (1766—1793) действовали в департаменте Мож. В Бокаже действовали двое Сапино: Сапино де ла Верри (1738—1793) и Сапино де ла Рэри (1761—1829). Вожиро (1741—1819).

дворян, только вчера обращенных под влиянием страха и эгоизма, больше рассчитывали на фанатиков плебеев.

Бывший сборщик габели Сушю из Машкуля, парикмахер Гастон из Сен-Кристоф-дю-Линьерон, Стофле, егерь, состоявший на службе у Молеврие, экзальтированный и набожный торговец вразнос Кателино из Пен-ан-Мож были людьми духовенства и не стремились поступить под начало дворян; сначала они действовали только совместно с мелкопоместными дворянами, «малосостоятельными и незнатными», которые не оттесняли их в тень [7].

Бодри д'Ассон, в частности, вышел из подполья вблизи Форесюр-Севр, где он скрывался после взятия Брессюира, и начал борьбу вместе с плебеями [8].

Но клерикалы издеваются, когда они изображают вандейское движение как «в корне народное», и документы, собранные Шассеном, разъясняют этот вопрос. Да, священники обращались к крестьянам с прямым призывом; да, они не хотели ни предоставлять все руководство дворянам, ни слишком рано выдвигать их на передний план. Но духовенство хорошо знало, что восстание могло привести только к восстановлению старого порядка, который вернет дворянству его привилегии. Оно хорошо знало, что дворянство, униженное и подавленное Революцией, отныне поймет необходимость действовать совместно со священниками. И оно отдавало себе отчет в том, что руководство движением по мере его расширения и организации перейдет в руки дворян. Фактически духовенство было всесильным посредником между еще не сбросившим маску дворянством и народом.

При кажущейся стихийности движения с самого начала существовали организация и план, и, хотя гнев крестьян вспыхнул раньше, чем был подан сигнал, хотя широкое и внезапное восстание, подготовляемое тайными вожаками Запада, кликой доверенных лиц Ла Руэри, разразилось несколько поспешно и бессвязно, следы направляющей мысли обнаруживаются в нем с самого начала. Мерсье дю Роше отметил это с большой ясностью и силой [9].

«Достаточно сопоставить даты боев, чтобы убедиться в том, что план мятежников был согласованным. Они одновременно нападали во многих местах. 10 марта они были под Куероном, под Мовом, под Сен-Филибером, под Клиссоном [10]; там они были разбиты нантцами, в то время как они атаковали наши войска в Сент-Илер-ла-Форе, в Машкуле, в Шаллане, в Монтегю, в Сен-Фюльжане. 14 марта они захватывают Шоле, отбрасывают патриотов к Шантоннэ и к Эрбье. 12, 13, 14, 15 и 16 марта нантцы совершали вылазки против них на реннской и парижской дорогах, в то же время 15 марта разбойники, соединившись после своего поражения под Клиссоном, напали на национальных гвардейцев и преследовали их на протяжении пяти лье. 17 марта

армия Нанта совершила генеральную вылазку и отбросила мятежников; многие из них были убиты около Сансского моста, что восстановило сообщение с Ренном. В тот же день разбойники появились на высотах Шантоннэ, откуда их выбил генерал Марсе [11]. Таким образом, патриоты *подверглись нападению во всех этих пунктах одновременно.*

[Восставшие] захватили оружие, небольшое количество боеприпасов, завладели пушками, находившимися в замках, и пушками, установленными на морском побережье, а также и многими тысячами пушечных ядер и порохом, которые генерал-лейтенант Вертёй оставил в их распоряжении [12]. Во всех коммунах били в набат. Неприсягнувшие священники вышли из своих укрытий; слуги дворян и эмигрантов во весь опор скакали по деревням с четками в руках. Они сообщали о возвращении *своих господ, высаживавшихся на берег вместе с англичанами.* Священники собирали вокруг себя сбитых с толку земледельцев; они призывали их умереть за восстановление религии их отцов; они обещали им небесный венец как награду за участие в этом священном крестовом походе; они благославляли их оружие, распевая гимны, объясняя им те места в Священном писании, где, по их словам, было предсказано все то, что происходило. „Вся Франция поднялась,— кричали они им.— Даже Париж отомстил Национальному собранию за мученичество нашего короля. Смелее, друзья! Нужно восстановить на троне его сына. Нас поддержит десница господня. Кто может отказаться от столь прекрасного дела? Нас ждет победа. Вперед! Бог — покровитель армий шествует вместе с нами! Что могут нечестивцы против него?"

Вначале дворяне не осмелились открыть свои намерения. Они ждали, чтобы положение вещей несколько определилось. Они довольствовались тем, что носили изображение «сердца Иисуса» на груди, держали в руках четки и присутствовали на религиозных церемониях, переодетые крестьянами. Они добивались того, чтобы крестьяне настоятельно просили их взять на себя командование;

---

7. Кателино Жак по прозванию Анжуйский святой (1759—1793). Стофле (1750—1796). О Гастоне см. ниже, с. 361, прим. 28.
8. Бодри д'Ассон (1755—1793).
9. Ch.-L. Chassin. Op. cit., t. III, p. 513. Мерсье дю Роше (1753—1816) — член администрации департамента Вандея.
10. Имеется в виду 10 марта 1793 г.
11. Генерал Марсе (1731—1794) командовал войсками в Нанте. Победитель при Шантоннэ 17 марта 1793 г., он был разбит 20 марта при Пон-Шарро и был смещен на поле сражения комиссарами в миссии. Он был арестован в мае 1793 г., предстал перед Революционным трибуналом, был осужден на смерть и гильотинирован в январе 1794 г.
12. Вертёй (1718—1801) командовал войсками в Ла-Рошели; он был отстранен от своих обязанностей в августе 1793 г. Речь идет о Вертёе де Маллере; не смешивать его с Вертёем — главой вандейцев, о котором пойдет речь ниже.

но они соглашались на это только после того, как убеждались, что за ними пойдут люди, решившиеся храбро сражаться. В своем лицемерии дворяне делали вид, будто уступают насилию, прежде чем принять командование; они предпочитали, чтобы его осуществляли буржуа, принадлежавшие к их партии и ранее служившие в линейных войсках. Вожаками при первых выступлениях были егери или старые солдаты. Такими были Жоли и Савен в дистрикте Сабль... Но когда дворяне увидели, что повстанцы сражаются с бесстрашием, на которое их мог сделать способным только фанатизм, что они бросаются на пушки республиканцев, обращают последних в бегство и захватывают их снаряжение и оружие, они уже без колебаний принимали предложения крестьян и становились во главе их; Руайран, Сапино, Ларошжаклен, Боншан, д'Эльбе присоединились к Сен-Полю, Шуппу, Вертёю; трое последних, бывших в некотором роде отребьем дворянства, присоединились к отрядам мятежников с самого начала. Множество неэмигрировавших дворян поторопились последовать их примеру».

Итак, дворяне напрасно выдавали себя за людей скромных, чуть ли не смиренных. Напрасно они пытались походить на крестьян одеждой и носить в знак единения символ «сердца Иисуса», как бы принося в жертву церкви свое вчерашнее неверие; они только ждали случая взять на себя командование. Утверждение некоторых католических писателей, что крестьянам приходилось насильно навязывать его дворянам,— чистый вымысел. Говорилось это особенно о молодом Ларошжаклене. Но вот что рассказывает роялист Лабутетьер [13]:

«Невдалеке от Брессюира у маркиза де Лескюра скрывался как подозрительный его кузен, Анри де Ларошжаклен, чье имя через несколько месяцев стало знаменитым для потомков [14]. Двадцатилетний, пылкий, полный задора, он, узнав об одержанной 19 марта победе, примчался в лагерь Уа, чтобы присоединиться к восставшим, и обратился к шевалье де ла Верри с просьбой взять его к себе в качестве адъютанта. Сапино угадал в этом юноше героя и после короткой беседы отказал ему в просьбе, сказав: «Вы рождены приказывать, а не получать приказания». Затем он предложил ему использовать влияние, какое давало ему его имя в окрестностях замка Барбельер, его родового поместья, чтобы встать во главе крестьян из окрестностей Шатильона, по-видимому, преданных делу восстания, хотя после страшного подавления волнений в 1792 г. они еще ничего не предпринимали.

Ларошжаклен не заставил долго себя уговаривать. Сапино дал ему немного пороха, и он выехал в Шатильон вместе с молодым Бодри д'Ассоном. Когда они туда прибыли, из Ниора пришел приказ произвести рекрутский набор. Во главе колонны войск приближался Кетино [15]. Анри, которого все крестьяне знали, заявил, что он готов выступить во главе их. Большего не требовалось. В ночь с 12 на 13 апреля ударили в набат во всех соседних с замком Барбельер церковных приходах, и на другой день утром новый генерал обратился к 4 или 5 тыс. крестьян со столь хорошо известной речью, образцом воинского красноречия: „Друзья мои, будь мой отец здесь, вы доверяли бы ему больше; я же только мальчик, но своей храбростью я докажу, что достоин командовать вами. Если я пойду вперед, следуйте за мной: если отступлю, убейте меня; если умру, отомстите за меня"».

Таким образом, то, что имелось «народного» при зарождении движения, было немедленно использовано социальными силами старого порядка.

Мемуары Ларевельера-Лепо, опубликованные в 1895 г. его правнуком, совершенно недвусмысленно подтверждают в этом отношении сообщение Мерсье дю Роше [16]:

«Довод, основанный на том, что крестьяне являлись в замки за дворянами и, так сказать, хватали их силой, чтобы поставить над собой начальниками, когда те нисколько не думали начинать гражданскую войну,— довод этот, заявляю я, ровно ничего не стоит. Кто поверит этому смехотворному утверждению? Разве население одной или нескольких провинций может восстать в один и тот же день без зачинщиков и согласованного плана? А эти самые зачинщики, которыми были и могли быть только священники и дворяне,— разве они должны были действовать открыто, прежде чем дело зайдет так далеко, что им уже не придется опасаться погубить себя своим явным выступлением, не получив еще поддержки?» [17]

Ларевельер, родившийся в Монтегю, в Нижнем Пуату, очень хорошо знал положение в Вандее.

К тому же контрреволюционеры западных районов Франции хорошо знали, что они смогут восторжествовать только при поддержке иностранцев.

Поэтому при государях находились принцы и эмигранты, и короли начали интервенцию не ради восстановления католиче-

---

13. Ch.-L. Chassin. Op. cit., t. III, p. 329. (На материалах: Prévost de la Boutetière. Le chevalier Sapinuad, p. 54.)
14. Ларошжаклен (1772—1794).
15. Кетино (1757—1794) командовал в Вандее Брессюирской дивизией. После того как он сдал крепость Туар мятежникам, он был предан суду Революционного трибунала, осужден и казнен.
16. Larevellière-Lèpeaux. Mémoires... suivies de pièces justificatives et de correspondances inédites... (première édition, Paris, 1873, 3 vol.; 2e édition, Paris, 1895). Второе издание мемуаров Ларевельера-Лепо выпустил его внучатый племянник Р. Давид д'Анже, а не его «правнук». Первое издание было выпущено его сыном. Ларевельер-Лепо(1753—1824), — землевладелец из Анжу, член администрации департамента Мен и Луара после сессии Учредительного собрания.
17. Ibid., t. I, p. 109.

ского культа, а ради восстановления монархического принципа в общественном устройстве.

Поэтому плебейская стихийность и крестьянский фанатизм первых возмущений в Пуату и Анжу должны были быть быстро поглощены монархической и феодальной идеей. В Вандее армия Центра сразу принимает наименование «королевской католической» армии, и оно мало-помалу распространится на все армии Запада. Таким образом, религия не требует своей доли свободы при новом порядке. Она требует свою долю привилегий, которыми она обладала при старом порядке.

Движение с самого начала не было дисциплинированным и централизованным. В каждом районе была своя отдельная армия, желавшая сохранить автономию. В одном и том же департаменте было несколько независимых армий: армия Нижней Вандеи, затем армия Центра. Кроме того, формировалась армия Анжу. Наконец, в нантском районе существовал еще один центр восстания. Шарет и Жоли, эти два непримиримых соперника, находились в Вандее, каждый со своей бандой. Стофле действовал в Анжу. Каждый предводитель старался внести немного порядка в анархическое крестьянское движение. Так, в Вандее вожаки армии Центра, объединившись с «комиссарами двадцати одного прихода», создали зачаток организации [18].

«В каждом церковном приходе будет образован совет в составе 3—9 человек, в зависимости от численности его населения. Все те, чьи настроения и поведение во время злосчастной революции, опустошившей Францию, были признаны дурными, не будут выбираться в советы; все остальные будут назначаться путем громогласного одобрения, а не путем голосования.

Никто не может ни получить звание генерала или командующего армией, ни быть провозглашен главнокомандующим армией или войсками, если он не облечен полномочиями, исходящими от генералов, признанных и утвержденных в этом качестве.

Всякий, кто присвоит себе звание генерала, командующего или главнокомандующего войсками, будет арестован с применением вооруженной силы».

Этот устав подвергся обсуждению на встрече в Уа. Он послужил основой для учреждения приходских советов, заменивших в восставших коммунах прежние муниципалитеты, но вскоре Высший военный совет в Шатильоне упразднил эту систему, «принимая во внимание, что во многих местах *советы образованы путем народных выборов, несовместимых с истинными принципами монархического правления*» [19]. Но лишь ощупью и преодолевая страшное соперничество между отдельными лицами, вступали вооруженные силы Вандеи на путь организации и объединения.

ТЕРРОРИЗМ В ВАНДЕЕ, УБИЙСТВА В МАШКУЛЕ

В этой путанице все-таки выявляется определенная тактика. Вначале она состояла в том, чтобы сеять страх, терроризировать патриотов ужасными жестокостями. Конечно, у этих крестьян, исполненных эгоистических чувств и фанатизма, зверские инстинкты, толкавшие их на убийства, не знали удержу. Убивать было для них жестокой радостью, диким наслаждением. Врач Гепен из Нанта [20] рассказал Эли Сорену следующее («Histoire de la République française»):

«Однажды к нему привели крестьянина-вандейца. Старик был слеп и явился попросить врача вернуть ему зрение. В присутствии Гепена у него начался своеобразный бред:

„О, вы не захотите меня лечить... Вы знаете, что́ я сделал. Но если бы вы только знали, как опьяняет кровь... Когда убиваешь, хочется убивать всегда... Мы вырывали у них сердца!“»

Толпой овладевает не одно только опьянение кровью. И в Париже, во время сентябрьских избиений, народ тоже был охвачен этим отвратительным умопомрачением. Но в больших городах, где жители не знают друг друга, это состояние сильного и страшного опьянения не обостряется и не усиливается личным озлоблением.

Крестьянин из Вандеи, наоборот, знал, кого он убивал: это был революционный буржуа, которого он часто встречал в дни ярмарки, это был «господин», ненавидеть которого он научился. Это был патриот, ходивший к мессе, которую служил присягнувший священник, к мессе дьявола. И когда нечестивец выходил из осквернённой им церкви, крестьянин не раз пронзал его ненавидящим взглядом. Пусть его теперь убивают, терзают, калечат! Но часто этих жестокостей можно было бы избежать, не будь потворства со стороны главарей и подстрекательства со стороны священников. Главари хотели либо утопить в крови все группы патриотов, либо раздавить их террором. Эти небольшие города, населенные смелыми буржуа, воодушевленными новым духом, были словно шипы революции и неверия, вонзенные в грудь Запада. От них надо было избавиться любой ценой, чтобы Запад весь принадлежал королю. И неприсягнувшие священники, дове-

18. Ch-L. Chassin. Op. cit., t. III, p.328.
19. Ibidem, t. III, p. 329, n. 1: «Réglement général pour la formation des conseils provisoires dans les villes et bourgs des pays conquis. 27 juilliet 1793. De l'imprimerie royale de Chatillon».
20. Гепен (Guépin) (1805—1873) — врач (он занимался главным образом офтальмологией) и публицист, оставил труд «Histoire de Nantes».

денные до отчаяния страданиями и опасностью, утоляли свою жажду мщения, веря, что они мстят только за бога. Они связывали крестьян узами непоправимого преступления. Они придавали убийству какой-то священный характер; они заключали между богом и человеком ужасный кровавый договор.

Послушайте признание неприсягнувшего священника Франсуа Шевалье в этих отвратительных насилиях; послушайте особенно, как он их оправдывает [21]:

«Эти ужасы начались и непрерывно продолжались в Машкуле, резня, какую трудно себе вообразить. В первый день, т. е. в понедельник, 11 марта, захватывая патриотов, их одного за другим вели в тюрьму; но по дороге многие из них были убиты ударами палок, другие расстреляны. Правда, жандармерия и национальная гвардия имели неосторожность открыть огонь первыми, и, хотя они никого не убили и не ранили, во всяком случае тяжело, эта пальба послужила сигналом к войне. Им тотчас же ответили с несколько бо́льшим результатом, и за этим последовали *бесчисленные убийства, кражи, грабежи и насилия.*

Почти то же одновременно произошло в других небольших городах дистриктов, как в департаменте Нижняя Луара, так и в департаменте Вандея, таких, как Леже, Рошсервьер, Монтегю и другие, подобные им. Но ни один город не был так долго местом совершения жестокостей и мщения, как главный город края, Рец.

В окрестностях этого города восстание было всеобщим, и *в силу перемены, которая показалась ниспосланной Провидением*, те, кто в течение двух лет тешились тем, что заключали в тюрьму, преследовали и не давали покоя всем гражданам, испытали в этот момент возмездие. Грабеж, назначенный ими на 12-е число сего месяца, обратился против них самих. Не следует удивляться тому, что с этими зачинщиками междоусобных войн, раскола и революций обращались без всякого милосердия; *сами они не пощадили никого и еще менее рассчитывали делать это в будущем.*

Здесь не хочется оправдывать проявления бесчеловечности и беззакония проскрипций, к которым прибег народ во время этих трагических событий, но нельзя не увидеть *божьей кары, постигшей Францию* в целом и все ее части в отдельности...

В день грабежей в Машкуле в алтаре церкви женского монастыря Голгофы обнаружили чучело теленка, набитое соломой. По другую сторону стояла деревянная лошадь, недавно похищенная в соседнем приходе, где она служила для *фехтовальных упражнений.* Потом стало известно, что перед двумя этими идолами жители обоего пола этого несчастного города устраивали театральные представления и ночные таинственные вакханалии; некоторые говорят, что это были пасторали или невинные детские действа, посвященные рождению мессии; это более вероятно, но ничего не оправдывает, ибо алтарь не может служить сценой для мирского действа. По-видимому, всюду отреклись от бога,

и нет таких кощунств, каким бы не предавались писатели и распутники как в общественных местах, так и в частных домах. Можно сказать, что эта злосчастная Революция — эпоха нечестивой подмены католических принципов язычеством... *Можно ли после этого удивляться тому, что господь наконец отомстил за свое дело и отдал преступников, не ведавших более удержу, в карающие руки взбешенного населения?*»

Заметьте себе, что эта отвратительная апология усугубляется ложью и лицемерием. Ложь, что патриоты провозгласили и организовали хоть какой-то грабеж. Ложь, что в Вандее имела место хотя бы одна казнь до убийств в Машкуле. И как назвать священника, считающего преступлением всего города несколько наивные обычаи народного культа, которые распространяло само духовенство, и видящего в том оправдание для резни, продолжавшейся двадцать дней?

«Каждый день,— прибавляет добрый пастырь,— был отмечен кровавыми делами, которые могут только вселить ужас во всякую честную душу и найти оправдание только в глазах философов. Следует, однако, признать, что даже близко не было совершено столько ужасных дел, как 2 сентября в Париже; не было даже ничего похожего. Однако дело дошло до того, что люди во всеуслышание говорили, что *для мира необходимо и существенно важно не оставить во Франции ни одного патриота.* Ярость народа была такова, *что достаточно было присутствия на мессе, отслуженной самозванцами*, чтобы сначала попасть в тюрьму, *а затем быть забитым до смерти или расстрелянным* под тем предлогом, что тюрьмы так же переполнены, как 2 сентября».

И когда священники, делая вид, будто они осуждают эти крайние проявления варварства, видят в них справедливую божию кару, ниспосланную нечестивой Франции, то кто остановит фанатиков крестьян, бывших орудием этой божией кары?

Жермен Бетюи, сын одного из убитых в Машкуле, очень верно отметил две особенности тактики вандейцев: реакционную демагогию, возбуждавшую жгучую зависть против революционного класса буржуазии, и планомерное истребление патриотов [22].

«Машкуль, небольшой городок, известный в те времена своей торговлей зерном и мукой, был расположен на границе Пуату. Его население насчитывало 1500—2000 жителей. Он уже не был главным городом герцогства Рец, став главным городом дистрикта. Над буржуазией, правда многочисленной, преобладало простонародье, которому она давала работу и средства к жизни. Эта

21. Ch.-L. Chassin. Op cit., t. III, p. 335.
22. Ibidem, t. III, p. 336. См. в этом труде доклад о событиях в Машкуле (t. III, p. 340).

завистливая и озлобленная чернь жила в предместье Сент-Круа, она готова была наброситься на буржуа, чьим имуществом она считала себя вправе завладеть. Ибо в ней не преминули возбудить алчность».

Какое значение имеет для нас тон буржуа Бетюи, обладающего избирательным цензом, адвоката, поверенного и чиновника при Луи-Филиппе? Он верно видел суть вещей и говорит правду. Это обычный метод феодальной и клерикальной контрреволюции — чтобы восторжествовать над буржуазией, возбудить против нее гнев и зависть бедноты. Социалистов не обмануть этим маневром ни в истории прошлого, ни в современной истории. Чтобы движение было народным, мало того, чтобы в нем участвовал народ; чтобы выступление было пролетарским, мало того, чтобы в нем участвовали пролетарии. Надо, чтобы это движение и это выступление имели своей целью освобождение народа и пролетариата. Бороться с буржуазией во имя будущего — революционно; бороться с ней во имя прошлого — реакционно. Рабочие, убивавшие в Машкуле, увлеченные клерикальным фанатизмом и феодальной дерзостью, не были народом с исторической точки зрения. Они были агентами контрреволюции, подобно суеверным крестьянам — эгоистам и варварам. В этих убийствах виден зловещий политический план.

«Убийства, совершенные в первые дни, еще можно объяснить мгновенной вспышкой или жестоким инстинктом, дремлющим в душе человека, но в последующие дни палачей направляла чисто политическая мысль, так как к людям вернулось спокойствие. Они повиновались побуждению извне. Убивала не беспорядочная толпа, а особо отобранные люди, призванные выполнять чудовищную обязанность палачей и головорезов...

Если взять все убийства в целом, то обнаруживается *одна идея*: нанести удар *промежуточному классу буржуа, как сторонникам Революции; над этой идеей доминировала еще более ужасная идея; крестьян хотели настолько скомпрометировать, чтобы они боялись всего и не могли свернуть с пути истребления...*»

Официальный доклад, составленный членом Конвента Виллером и скрепленный подписью его коллеги Фуше, наряду с описанием почти нечеловеческих жестокостей убедительно свидетельствует об ответственности руководителей [23].

«Наиболее жестокими были старики, женщины и дети; женщины кричали: „Убей! Убей!“, старики наносили удары, а дети воспевали победу. Одно из таких чудовищ бегало по улицам с охотничьим рогом; когда проходил гражданин, подавался сигнал „вижу“ — это был сигнал к избиению; затем чудовище возвращалось на площадь, подавая *сигнал к расправе*; за ним следовали дети с криком: „Победа! Да здравствует король!“

Был схвачен конституционный священник Ле Тор. Варвары не убили его сразу: они наносили ему удары штыками в лицо, пока он не умер; его казнь продолжалась около десяти минут. Один из убивших его зверей, уходя, сказал: „Этот пройдоха священник все-таки прожил недолго“.

Арестовали гражданина Пино вместе с его семнадцатилетним сыном. „Откажись от нации,— говорят ему разбойники,— и мы не причиним тебе зла“.— „Нет, я умру верным отечеству! Да здравствует нация!“ Его убивают. Палачи обращаются к его сыну: „Ты видел участь отца? Переходи к нам. Кричи: «Да здравствует король! Да здравствуют аристократы!» Мы не причиним тебе зла“.—„Мой отец умер верным отечеству, я умру таким же. Да здравствует нация!“ И его убивают.

Гражданин Пэно, мировой судья, тоже умер, воскликнув: „Да здравствует нация!“

11 и 12 марта на улицах было убито 44 патриота и почти столько же брошено в тюрьму.

Одну женщину (г-жу Сорен), у которой только что убили мужа, брата и одного из работников, эти варвары заставили взяться за ручку носилок, на которых лежало тело ее мужа, чтобы отнести его к могиле.

Заключенным не причинили зла, пока не приехал Шарет, главнокомандующий разбойников. Он приехал в Машкуль 14-го и тотчас же отправился на площадь, где обратился к своему отряду с речью, в которой особенно отметил опасности, угрожающие католической религии. Кончилось криками: «Да здравствуют король, дворянство и аристократы!»

С вечера все слесари были заняты изготовлением наручников с такими острыми краями, что несчастные узники не могли пошевелить руками, не изрезав запястья.

Среди крестьян и людей, переодетых крестьянами, находились бывшие дворяне, мужчины и женщины (согласно письму, опубликованному в «Монитёр», среди «фурий Машкуля» были три дочери Ларошфуко, переодетые крестьянками) [24], много неприсягнувших священников, в том числе бывший викарий Машкуля по имени Дрион (я его называю, так как надо, чтобы чудовища были известны так же, как известны герои). Ему предложили отслужить мессу в церкви. „Нет,— сказал он,— церковь еще не очищена после того, как из нее вышел конституционный священник“. И что

23. «Rapport des commissaires de la Convention nationale envoyés dans les départements de la Loire-Inférieure et de la Mayenne...» (B. N., 8° Le [39], imp. in-8°, 19 p.). Виллер (1749—1807) — священник в Сен-Филибер-де-Гранлье, председатель директории департамента Нижняя Луара в 1790 г., депутат Конвента. Фуше (1755—1820) — депутат от департамента Нижняя Луара. Этот доклад приводит Шассен. (Ch.-L. Chassin. Op. cit., t. III, p. 341.)

24. «Moniteur», XVI, 518; письмо от 26 мая 1793 г., на основании рассказа Бульме, судьи в Машкуле, которому удалось спастись.

же он делает? Он велит воздвигнуть алтарь на том самом месте, где были казнены почти все граждане, и служит мессу, стоя в крови, которая еще текла; край его стихаря был в крови, но он закончил, провозгласив: „*Господи, спаси короля!*“

С пятницы 15 марта и до понедельника 22 апреля почти не проходило дня, не отмеченного убийствами. Чтобы до некоторой степени узаконить их в глазах тех, кто начинал уставать от них, Шарет писал письма, которые адресовал самому себе: то из Нанта, то из Парижа. Перед пасхой он публично прочитал одно из таких мнимых писем, в котором ему сообщали, что всем шестидесятилетним священникам, содержавшимся в нантской тюрьме, перерезали горло. Уже на другой день эта варварская хитрость возымела действие, на какое он рассчитывал. Убийцы бросились в тюрьмы; утром было убито 24 наших несчастных брата и 56 вечером, и эти людоеды говорили за ужином: „Мы сегодня хорошо разговелись!“

Они больше не забивали до смерти, а привязывали заключенных к длинной веревке, за руки (разбойники называли это своими „*четками*“); затем их отводили на широкий луг, где заставляли стать на колени перед большим рвом. Их расстреливали; затем дубинами и пиками приканчивали тех, кто еще был жив.

Гражданину Жуберу, председателю дистрикта, прежде чем убить его ударами вил и штыков, перепилили запястья.

Эти варвары закапывали людей заживо. Семнадцатилетний юноша по фамилии Жиго выбрался из-под трупов, но у него не было сил уйти далеко, и его вскоре схватили снова и убили. Еще 23 апреля на этом лугу, ставшем могилой для стольких честных несчастных граждан, видна была торчавшая из земли рука, вцепившаяся в пучок травы, которая, казалось, принадлежала человеку, хотевшему выбраться из могилы.

В Машкуле эти чудовища убили 542 граждан, и такое число жертв еще не утолило их ярости. Они хотели уничтожать женщин, и Шарет, чтобы осуществить это, написал себе еще одно письмо из Нанта, где ему сообщали об убийстве его жены, только что совершенном в этом городе. Всех гражданок немедленно отправили в тюрьму; но момент был неподходящий, и их выпустили.

Эти преступники уже делили между собой собственность граждан. Один из них сказал однажды своей жене: „Ты жаловалась, что обрабатываешь ферму исполу; ну вот, дарю ее тебе, я только что убил владельца“.

Они говорили, что сражаются за веру, и священники, дабы ободрить их, уверяли их в том, что они попадут прямо в рай, если падут в бою, и в ад, если умрут, пытаясь убежать; впрочем, если они истинно веруют, то пуля их не возьмет.

Шарет и бывший викарий Машкуля, зная, что армия Бейссе[25] находится в пути, боялись, как бы эта новость не вызвала в их войске панику. Они придумали способ пресечь дезертирство.

Священник возвещает чудо; он привлекает к своей затее старика, в которого приказал сделать пятнадцать холостых выстрелов. И эти два негодяя носятся по улицам, сообщая, что с ними говорила настоятельница монастыря, умершая несколько лет назад. Их расспрашивают. Священник говорит, что святая посоветовала убивать только в бою и уверяла старика, перед которым встала, когда его расстреливали, что все синие умрут 22-го числа. Командующий Шарет велит зажечь свечи вокруг могилы мнимой святой; люди становятся на колени; священник кладет руку на надгробный камень и восклицает, *что чувствует, как она поднимается*. Тотчас же возвещают чудо и возносят молитвы; эта фантастическая церемония заканчивается призывом прийти завтра, чтобы узнать, что скажет святая, эти слова будут написаны позади небольшой статуи богоматери, стоящей в стенной нише. Что же сказала святая? Это был список всех жен патриотов, которых вместе с их детьми следовало убить в ночь на 22-е...»

С самого начала все то же преступное жульничество, разжигающее фанатизм и жестокость. Как мы помним, миссионеры в Сен-Лоране устраивали так, что на стенах часовни появлялись магические тени. Вскоре вожаки вандейского мятежа, желая иметь при себе епископа, чтобы еще более увеличить рвение легковерных крестьян, позволили некоему авантюристу Гийо де Фольвилю назваться епископом Агры[26]. Папа дезавуировал его своим посланием. Вандейские главари скрыли это послание от народа, и Гийо де Фольвиль продолжал шествовать с позолоченным посохом в руке. Какое презренье к простым душам! И какая чудовищная смесь лжи с кровожадностью!

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СТАРОГО ПОРЯДКА В ВОССТАВШИХ ОБЛАСТЯХ

В первые же дни восстания благодаря движению, одновременно рассеянному и согласованному, восставшие смогли захватить дистрикт Шаллан в Вандее, Шоле в Анжу и так прочно

25. Бейссе (1753—1794) командовал войсками в Нанте.

26. Гийо де Фольвиль (1760—1794)— викарий в Доле в начале Революции, присягнул гражданскому устройству духовенства, в 1792 г. даже присоединился к якобинцам, затем перешел на сторону повстанцев в Вандее, где выдал себя за посланника папы на Западе и за епископа Агры. Разоблаченный аббатом Бернье, арестованный в Ансени, после поражения под Мансом, он был казнен в Анжере. Его священническое облачение, найденное в его багаже, было отослано Конвенту 18 нивоза II года (7 января 1794 г.). О мошенничестве Гийо де Фольвиля см.: Ch.-L. Chassin. Op. cit., t. III, p. 557. «О плутовстве духовных лиц» вообще см.: Larevellière Lépeaux. Mémoires, t. I, p. 93.

закрепиться на подступах к Нанту, что все коммуникации между этим большим революционным городом и Западом оказались перерезанными. Их план состоял в том, чтобы прочно занять города и овладеть городами на побережье, дабы обеспечить высадку англичан. Они не стали ожидать, пока длительная борьба измотает их или поставит в безвыходное положение, чтобы призвать иностранцев. Они сразу стали рассчитывать на иностранцев. Их тактика была рассчитана на действия иностранцев. Около середины марта роялисты из Анжу говорили друг другу:

«Мы начали контрреволюцию на пятнадцать дней раньше, чем следовало; мы ждали англичан и эмигрантов, которые должны были высадиться в Сабль-д'Олонн».

В надежде открыть путь во Францию англичанам Жоли со своими бандами многократно штурмовал доблестный городок Сабль-д'Олонн, столь героически преданный Революции. После неудачи этих первых попыток в первые дни апреля «командующие королевскими католическими армиями Нижнего Анжу и Пуату отправили к господам из Комитета в Нуармутье председателя комитета Тиффожа Рене Огюстена Герри», чтобы получить «из Испании или Англии порох, в котором они нуждались, так как господа из Нуармутье не могли снабдить их им в достаточном количестве». И Шассен прибавляет [27]:

«К этому поручению, датированному 6 апреля 1793 г., Сен-Фульжан, командующие д'Эльбе, Беррар и Сапино 8 апреля присоединили два письма для передачи военным комендантам одного из английских и испанских портов, где бы высадился их эмиссар, умоляя их доставить им возможно скорее *военное снаряжение и линейные войска*, чтобы они могли достичь поставленных ими целей».

Следует признать, что Англия вначале не отдавала себе отчета в важности движения и той помощи, какую она могла бы в нем обрести. В течение нескольких месяцев иностранные державы знали только имя одного из руководителей повстанцев Бретани, парикмахера Гастона [28]. Также и принцы, граф Прованский и граф д'Артуа, вначале недооценивали движение в Вандее. Побуждаемый присоединиться к тем, кто сражался за него, граф д'Артуа уклонялся от действий. Русская императрица Екатерина тщетно говорила ему: «Вы — один из великих государей Европы, но об этом надо забыть и быть честным и храбрым воином». Напрасно в присутствии всего своего двора она вручила ему шпагу со следующей надписью на клинке: «Богом данная королю». Граф д'Артуа не решался броситься в авантюру. Он избегал Вандеи [29].

С каким чудовищным эгоизмом относились к крестьянам! Фанатизмом, благочестивым жульничеством и ложью их довели до такого помрачения рассудка, что смогли втянуть в жестокую борьбу в интересах претендентов, которые, однако, себя оберегали, и не боялись предлагать им в качестве конечной цели вос-

становление старого порядка в целом, даже тех самых привилегий, от которых крестьяне страдали больше всего. Это было восстановление десятины. Это было возвращение церковных имуществ, которые должны были быть изъяты как у буржуа, так и у крестьян. Высший совет в Шатильон-сюр-Севр действительно не замедлит «аннулировать продажу церковных, частных и других имуществ, именуемых национальными, превращенных в таковые в силу решений так называемых Национальных собраний», как и «уступку и перепродажу названных имуществ с согласия первых приобретателей». Совет объявит, что «только король, церковь и собравшиеся сословия государства вправе выносить решения о десятине». Уплата десятины и других натуральных повинностей должна была «и долее продолжаться таким же образом, как в 1790 г.». Арендаторам и собственникам, которые сами вели хозяйство, разумеется, «разрешалось собирать все плоды своего урожая, не оставляя никакой их части на полях, подпадающих под обложение повинностями и оброком». Но им предписывалось «правильно и точно сообщать, какую долю урожая они должны были оставлять на полях в уплату десятины», для того чтобы возместить эту долю урожая «в случае, если король, церковь и сословия государства признают это уместным и если плательщики не предпочтут освободиться от обязательств немедленно, уплатив под расписку». Взыскиваемые десятины и доходы с прежних церковных имуществ предназначались «на расходы римского апостолического католического культа и на содержание его членов» (см. Шассена [30]).

Таким образом, это было не только возможное восстановление десятин; они были восстановлены в действительности, поскольку земледельцы, даже в эти времена кризиса, были обязаны ими перед церковью и королем, и из года в год у них накапливалась огромная задолженность. В соответствии с кодексом восставших областей «обладатели бенефициев, проживающие в завоеванных местностях, сохраняли право пользования названными бенефициями, несмотря на продажу или отчуждение их, произведенные в силу декретов Национального собрания. Они, однако, не могли расторгать арендные договоры и сгонять арендаторов.

---

27. Ch.-L. Chassin. Op. cit., t. III, p. 557.
28. Гастон был одним из главарей роялистов, которые в первые дни мятежа захватили Шаллан; вскоре он был убит при атаке под Сен-Жервэ. Мало известное в в Вандее, имя этого мимолетного вожака стало знаменитым по всей Европе и превратилось в символ. См.: Ch.-L. Chassin. Op. cit., t. III, p. 540, на основании: «Mémoires» de Mme de La Rochejaquelein. Paris, 1817.
29. Ch.-L. Chassin. Op. cit., t. III, p. 541. Шассен здесь следует: «Mémoires pour servir à l'histoire de la guerre de la Vendée» par M. le comte de... [Vauban]. Paris, 1806.
30. Ch.-L. Chassin. Op. cit., t. III, p. 556.

Покупатели национальных имуществ сохраняли право пользования названными имуществами только временно и в качестве арендаторов или управляющих, обязанных рассчитаться с владельцем, проживающим в завоеванной местности. Арендные договоры сохраняли силу вплоть до истечения их срока. Арендная плата с национальных имуществ, владельцы или бывшие собственники которых не проживали в данной местности, выплачивалась казначею армии».

Следует сказать, что, когда крестьяне узнали об этих распоряжениях, когда они начали понимать, что под предлогом защиты религии самое эгоистичное дворянство и самое алчное духовенство хотели снова их обирать, они начали роптать и, по свидетельству Мерсье дю Роше, говорили: «Одна сторона обращается с нами не лучше, чем другая». Но главари мятежников, священники и дворяне, рискнули сделать достоянием гласности весь свой план контрреволюции только по прошествии нескольких месяцев. И вначале крестьяне, отупевшие от своего грубого фанатизма и возмущенные набором, без колебаний шли в бой.

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ВАНДЕЯ И СОПРОТИВЛЕНИЕ

О, от какой опасности спасли отечество и свободу патриотически и революционно настроенные города Запада Франции! Если бы буржуа городов Фонтене, Нанта, Сабль-д'Олонна дрогнули, если бы они не сохранили «стойкости твердых республиканцев», если бы банды вандейцев смогли сразу захватить большой порт на Луаре Нант и океанский порт Сабль-д'Олонн, то внимание эмигрантов и англичан было бы тотчас же привлечено к восстанию на Западе и англичане высадились бы на побережье Франции в тот самый час, когда австрийцы угрожали ее северным границам. Но в Вандее эти маленькие города, обладавшие большим мужеством, оказали упорное сопротивление. Особенно большую услугу оказали патриоты Сабль-д'Олонна, сохранив для Революции порт на западе Вандеи. И борьба тех, кого Шассен так удачно назвал «патриотической Вандеей», хладнокровие этих групп людей, как бы затерянных во враждебной стране, были тем более героическими, что в первое время революционерам Вандеи нелегко было заставить Париж и Конвент понять размеры опасности.

17 марта Собрание узнало от директора почты, что курьеры из Нанта были схвачены в пути [31]. Оно еще узнало, что в окрестностях Редона вспыхнул мятеж. 19 марта оно приняло страшный закон, осуждавший на смерть всякого, кто будет «обвинен в участии в контрреволюционных мятежах или восстаниях, вспыхнувших или могущих вспыхнуть в связи с набором в армию; всякого, кто наденет или будет хранить у себя белую кокарду». В случае захвата или задержания с оружием в руках их надлежало в течение 24 часов передать в руки палача. Протокола с двумя подписями было достаточно для удостоверения факта; после смертной казни следовала конфискация имущества [32].

За этот закон проголосовал весь Конвент. Именно Ланжюинэ добился внесения в него наиболее грозных пунктов. Это он потребовал, чтобы смертной казни подлежали те, «кто носил белую кокарду» [33]. Марат воспротивился этому перегибу [34]:

«Мера, предложенная Ланжюинэ,— самая бессмысленная, самая недостойная человека мыслящего, преданного Республике. Она ведет как раз к уничтожению истинных патриотов. Быть беспощадным следует не к людям, введенным в заблуждение, а к их руководителям».

Ланжюинэ был человеком бесстрашным и духовно непоколебимым. Он не принадлежал к жирондистам; ему не нравились ни их несколько шумная непоследовательность, ни их «неверие»; он был янсенистом и ревностным христианином. У него было понимание свободы и закона, но его узкий ум не понимал великих народных движений, потребностей Революции, и он во имя борьбы с анархией и демагогией всегда восставал против необходимости решительных действий. Если Ланжюинэ был на этот раз грозен, то потому, что мятежники на Западе оскорбили закон, а он, Ланжюинэ, хотел защищать закон против всех. Отмечу, однако, что в памфлете, написанном им в 1793 г. в свою защиту и опубликованном его внуком под названием «Рассмотрение поведения Ланжюинэ, депутата, подвергнутого проскрипции», он пренебрегает вполне естественным случаем вспомнить о своем предложении [35].

Он пишет: «Камиль Демулен в своем обращении от 7 июня сего года от имени парижских якобинцев [36] обвинил меня в том,

31. «Moniteur», XV, 724; «Archives parlementaires», LX, 259. По предложению Верньо Исполнительному совету было поручено отправить чрезвычайных курьеров в Нант.
32. «Moniteur», XV, 751; «Archives parlementaires», LX, 331; Ch.-L. Chassin. Op. cit., t. III, p. 515.
33. «Moniteur», XV, 733; «Archives
34. parlementaires», LX, 284. «Moniteur», XV, 733; «Archives
35. parlementaires», LX, 285. Ланжюинэ (1753—1827) — адвокат-советник Штатов Бретани в 1779 г., депутат Генеральных штатов от третьего сословия Ренского сенешальства, муниципальный чиновник в Ренне после сессии Законодательного собрания, депутат Конвента от департамента Иль и Вилен. См.: Lanjuinais. Œuvres, publiées par son petit-fils Victor Lanjuinais. Paris, 1832, 4 vol., t. I.
36. Речь идет об одном обращении якобинцев, одобренном в принципе 5 июня 1793 г. Камиль Демулен, который был только одним из его редакторов, представил его на заседании 7 июня. (A. Aulard. Op. cit., t. V, p. 231.)

что я был *папой Вандеи*. Не стану доискиваться, что́ это — ошибка или преступление... Не стану говорить ему, что он — папа клеветников; я не придаю значения образам, которые он так нелепо применяет. Я просто утверждаю, что я никогда не имел никаких отношений с мятежниками Вандеи, никогда там не бывал, никого там не знаю и никогда ни с кем там не переписывался. Его дело — доказать противное или признаться в своей подлости».

Да, но почему Ланжюинэ не отвечает, что это именно он предложил против всех мятежников Запада самый грозный закон? Это было бы весьма веское возражение. Но его впечатления на этот счет, несомненно, несколько изменились, и он сознательно умалчивал об этом страшном предложении.

Жиронда в целом довольно холодно отнеслась к сообщениям и призывам патриотов Вандеи; она не принимала вандейскую опасность всерьез. Мерсье дю Роше утверждает это вполне ясно. Первенкьер и он, посланные в Конвент, явились 23 марта в Комитет общественной обороны (а не в Комитет общественной безопасности, как ошибочно указал Шассен на с. 517) [37].

«Председатель этого Комитета Петион и большинство членов, входивших в его состав, принадлежали к партии, которую называли жирондистской. Там я увидел Верньо и Жансонне. Долго обсуждались средства восстановить спокойствие в мятежных департаментах. Ламарк [38] предложил возложить эту задачу на исполнительную власть. Я ответил, что этого недостаточно; я описал гражданскую войну и все ее ужасы на территории Вандеи, которая вскоре, быть может, окажется во власти англичан. *Мне предложили не выражаться столь решительно;* я возразил, что я здесь не для того, чтобы скрывать правду, и что надо хорошо знать болезнь, чтобы правильно выбрать лекарство. Жансонне сказал Комитету, что департамент Вандея целиком охвачен фанатизмом и что на двадцать граждан этой области едва ли найдется один патриот. „Жансонне,— ответил я,— в Вандее еще есть патриоты; но почему ты не сказал правды Законодательному собранию в своем докладе, сделанном тобой о своей миссии на нашей территории [39]? Почему ты скрыл от него умонастроения, царящие в этих районах? Почему ты не разоблачил отсутствие гражданских добродетелей у Пешара, бывшего душой администрации? А последняя была виновна, она благоприятствовала неприсягнувшим священникам и дворянам".

Жансонне замолчал; обсуждение продолжалось. Командующий парижской национальной гвардии Сантер присутствовал на заседании. „Судя по тому, что только что рассказал этот гражданин,— сказал он, указав на меня,— нельзя терять ни минуты. Надо отправить в Вандею 20 тыс. национальных гвардейцев из Парижа на всех повозках, какие только можно будет достать.

Через восемь дней они предстанут перед разбойниками, которые очень скоро вернутся к исполнению своего долга. Мы схватим священников, дворян и злодеев, которые их подстрекают. Честные земледельцы признают свои заблуждения; мы будем говорить с ними языком разума и братства, и спокойствие будет восстановлено". *Марат поддержал это предложение*, но оно не было поставлено на голосование [40].

Не потрудились даже собрать сведения о предмете, которым занимались. Я случайно увидел папку, содержавшую бумаги, которые мы послали Совету. Я нашел там письма, написанные нами 4 и 14 марта, и копии писем, найденных нами у главарей разбойников. Все эти документы могли пролить свет на предмет спора, но в них даже не заглянули с этой целью. Можно было бы сказать, что действиями Комитета руководило недоброжелательство. Барер, бывший заместителем председателя, проявлял необъяснимую холодность; он держался заодно с Петионом; можно было сказать, что он ожидал исхода борьбы между Жирондой и Горой, чтобы занять позицию... Однако он казался более склонным встать на сторону Гюаде, чем на сторону Марата.

Этот последний сказал в Комитете, что „общественное спасение — высший закон, что враги отечества нагло поднимают голову, что надо вооружить честных граждан и раздать им кинжалы". Сказав это, он вытащил кинжал, который был под скатертью, и положил его на стол. „Вот образец оружия, которое я вам предлагаю,— прибавил он,— рассмотрите хорошенько это оружие — какое оно острое! Как оно способно пронзить! Пусть каждый из вас, подобно мне, попробует пронзить грудь врагов Республики!"

Барер ответил, что Комитет собрался вовсе не для того, чтобы изучать форму кинжалов. „К какой партии ты принадлежишь?"— гордо спросил его Марат. „К партии Республики,— ответил Барер,— что касается меня, то я не знаю, принадлежит ли к ней Марат".—„И ты республиканец! — бросил ему Марат.— Это не-

---

37. Ch.-L. Chassin Op. cit., t. III, p. 517. Первенкьер — администратор дистрикта Фонтене (Вандея).

38. Ламарк (1753—1839) — адвокат, судья при уголовном трибунале в Перигё в 1790 г., депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Дордонь.

39. «Rapport... fait à l'Assemblée nationale, le 9 octobre 1791» (B. N., 8° Le^{33} 3 Al, imp. in-8°, 23 p.). Доклад сделали Галуа и Жансонне о своей миссии в качестве гражданских комиссаров в департаментах Вандея и Де-Севр.

40. О безразличии Жиронды к происходящему в Вандее см.: L. Blanc. Histoire de la Révolution, t. VIII, p. 209. По свидетельству того же Мерсье дю Роше: «Во время своего прощального визита к Бернонвилю я встретился с Бриссо, очень занятым писанием. Я хотел показать ему на карте Франции размеры области, занимаемой разбойниками. Он не повернул головы».

возможно!" Прения были прекращены; они становились слишком жаркими».

Вот что говорит об одном из этих бурных заседаний Барер в своих мемуарах [41]:

«В эти времена кризиса и измены Комитет обороны счел нужным перенести свои заседания в Тюильри и решил совещаться каждый вечер, на глазах всех членов Конвента, которые пожелали бы присутствовать. Заседания (в конце марта) были весьма многолюдны и продолжались до поздней ночи. Каждый вносил свою лепту познаний, некоторые — более опасную лепту своих политических страстей. Таков был Марат и еще несколько других вспыльчивых и недоверчивых депутатов».

Но, оказавшись под воздействием часто прозорливой, а порой ребяческой экзальтации Марата, с одной стороны, и духа бездействия и безразличия Жиронды, с другой, Комитет ничего не решал. Так же как в начале марта жирондисты пытались скрыть от самих себя и от других значение событий в Бельгии, точно так же теперь они пытались набросить, или сохранить, покров неведения на страшные события на Западе. Как раз в конце марта секции Марселя, выступив против Барбару и его друзей, потребовали в своей петиции к Конвенту их отозвания. А Барбару, приняв вызов, предложил созвать первичные собрания и апеллировать к избирателям [42].

ЖИРОНДА И ВАНДЕЯ

Для Жиронды призыв к департаментам был последним средством или по меньшей мере последней тактической возможностью. Она чувствовала, что из Бельгии и от Дюмурье вот-вот поступят страшные вести. Она предвидела, что в Париже вспыхнет восстание, и готовилась подавить силы парижских повстанцев, опираясь на департаменты. Но как призвать департаменты выступить против Парижа во имя свободы, отечества и Революции, если департаменты Запада уже изменили Революции и отечеству, встав на сторону эмигрантов, короля и иностранцев? Признать серьезность восстания на Западе означало либо признать вместе с Горой, что Париж — центр спасения, необходимая защита, неприкосновенный и священный очаг, либо самим осудить себя, пойдя на открытое соглашение с контрреволюцией.

Впрочем, основное положение Жиронды сводилось к тому, что все непорядки, все несчастья, все поражения были следствием деятельности анархистов, играющей на руку иностранцам. Поэтому зачем тратить силы в борьбе с тем или иным проявлением зла? Надо уничтожить его источник и подавить анархию. Так, следуя

порочной логике, Жиронда делала вывод, что уничтожение Горы было бы верным средством разгромить и Питта, и взбунтовавшихся вандейцев. Если почитать «Патриот франсэ» этих дней, станет ясно, до какой степени умы жирондистов, развращенные всеми парадоксами гордости и злобы, не способны были воспринимать истину и спасти находившуюся под угрозой Революцию. По мнению жирондистов, существовал *тройной заговор*: заговор анархистов, заговор контрреволюционеров, заговор иностранцев,— и в этом тройном заговоре важнейшей и главенствующей ветвью была анархистская ветвь. И именно над нею прежде всего и надо было занести топор.

«В последние дни,— говорится в номере газеты от 19 марта [43],— мы обнаружили следы *тройного заговора*, затеваемого одновременно во всех частях Франции; но это были только мелкие искры, предвещавшие страшный пожар. Из депеш, поступивших сегодня в Национальный Конвент, следует, что департаменты Иль и Вилен, Майенн и Луара [44], Вандея, Дё-Севр и многие другие бывших провинций Бретани и Нормандии страдают от ужасов гражданской войны. Разбойники и толпы обманутых людей, **направляемые эмиссарами анархистов**, шествуют повсюду с огнем и мечом. Шоле сожжен; мятежники, завладевшие крупными городами дистрикта, объединились в армию; они располагают оружием, пушками, они дают сражения; но административные власти и патриоты проявляют величайшее мужество. Мятежники уже полностью разбиты в дистрикте Монтегю, где они потеряли 500 соучастников.

Здесь легко увидеть руку Питта. Этот коварный министр полагает, что наилучшая поддержка армий деспотов — мощная внутренняя диверсия; таким маневром он, несомненно, надеется открыть себе доступ на наше морское побережье. Ловко извлекая выгоду из нашего нынешнего кризиса, *он подливает яда в наши внутренние раздоры; он поддерживает эту войну пасквилей, которую интрига и преступление объявили патриотизму и добродетели;* одним словом, он собирается пожать плоды этих зародышей разложения, посеянных нашими анархистами. Ради Питта унизили национальное представительство и вызвали против него самое жесткое недоверие. Ради Питта сломали все пружины законов. Ради Питта оставили Париж без охраны и отдают его на растерзание горстке преступников, покрытых грязью и кровью. Ради Питта разорвали священные узы общественной морали и, так сказать, сделали популярным преступление. Ради Питта посягнули на свободу печати, оплот всех других свобод. Поэтому

41. Barère. Op. cit., t. II, p. 81.
42. «Archives parlementaires», LX, 420, 427, заседание Конвента 21 марта 1793 г., письмо из Марселя от 17 марта.
43. «Le Patriote français», № 1314, 19 mars 1793, p. 320.
44. Ныне департамент Мен и Луара.

мы с ужасающей быстротой идем к всеобщей дезорганизации, этому обновлению общества, признанной цели наших анархистов, и мы достигнем ее, если братская лига, если контрзаговор всех патриотов не поспешат спасти Республику и род человеческий».

Действительно ли жирондисты верили тогда в то, что люди, которых они называли анархистами, т. е. наиболее влиятельные монтаньяры, были агентами иностранцев? Да, многие из них кончили тем, что поверили этому. Им казалось столь чудовищным перестать быть вождями Революции, что это полное попрание здравого смысла они могли объяснить только интригами и золотом Англии и Пруссии.

Луве и Саль находились как бы в состоянии галлюцинации. То, что Саль сказал Гара в марте 1793 г.,— бред [45]:

«— Я вам сейчас скажу все, так как я все разгадал, я разгадал все козни. Все заговоры, все преступления Горы начались одновременно с Революцией. Главарь этой шайки разбойников — герцог Орлеанский, а план всех злодеяний, совершенных ими в течение последних пяти лет, составил автор безбожного романа «Опасные связи». Изменник Лафайет был их сообщником, и именно он, делая вид, будто расстраивает заговор при его зарождении, *отправил Орлеанского в Англию, чтобы согласовать все с Питтом, принцем Уэльским и с Сент-Джеймским кабинетом.* Мирабо тоже участвовал в нем; он получал деньги от короля за то, что скрывал его связи с Орлеанским, но еще больше денег он получал от Орлеанского за то, что служил ему. Для партии Орлеанского было очень важно вовлечь якобинцев в свои замыслы. Она не решилась предпринять это прямо; сперва она обратилась к кордельерам; кордельеры все ей немедленно продали и предоставили. Заметьте себе, что кордельеры всегда были малочисленнее якобинцев и всегда производили меньше шума: это потому, что они хотят, чтобы все были их орудием, но не хотят, чтобы все знали их тайны. Кордельеры всегда были рассадником заговорщиков; именно здесь самый опасный из всех, Дантон, воспитывает их и учит убивать и резать, именно здесь они готовятся к роли, какую затем должны будут играть в Якобинском клубе, а якобинцев, делающих вид, будто они ведут Францию, самих, несомненно, ведут кордельеры, хотя они этого не подозревают. *Кордельеры, делающие вид, будто они скрываются глубоко в недрах Парижа, ведут переговоры с Европой и держат агентов при всех дворах, поклявшихся уничтожить нашу свободу,— это несомненно, у меня есть доказательство этому.*

Наконец, именно кордельеры, затопив трон потоками крови, готовятся пролить новые потоки крови, чтобы возродить новый трон. Они хорошо знают, что правые, являющиеся средоточием всех добродетелей, тоже истинные республиканцы; и если они обвиняют нас в роялизме, то потому, что им нужен этот предлог, чтобы развязать против нас ярость толпы, потому, что кинжалы найти легче, чем доводы. *В одном заговоре их три или четыре.*

Когда все правые будут перебиты, прибудет герцог Йоркский, чтобы сесть на трон, и Орлеанский, обещавший им это, убьет его. Сам Орлеанский будет убит Маратом, Дантоном и Робеспьером, давшими ему такое же обещание; а триумвиры разделят между собою Францию, покрытую пеплом и кровью, пока самый ловкий из всех — это будет Дантон — не убьет двух других и не станет править один, сначала под именем диктатора, затем открыто как король. Вот их план, не сомневайтесь в этом; размышляя обо всем этом, я открыл его; все доказывает его наличие и делает его очевидным. Смотрите, как все обстоятельства связаны и согласуются между собой! В Революции нет ни одного события, которое бы не было частью и свидетельством этих ужасных заговоров. Вы, вижу я, удивлены, вы все еще не верите?

— Я действительно удивлен. Но, скажите мне, много ли людей среди вас, то есть среди тех, кто на вашей стороне, думающих обо всем этом так же, как вы?

— Все, *почти все.* Кондорсе однажды высказал мне кое-какие возражения; Спейес мало общается с нами; у Ролана иной план, в одном близкий к моему, в другом далекий; но все остальные сомневаются во всем том, что я вам только что рассказал, не больше, чем я. Все чувствуют необходимость действовать быстро, *ковать железо, пока оно горячо,* чтобы предотвратить столько преступлений и несчастий и не погубить все результаты Революции, стоившей нам так дорого».

Следует отметить, что когда «Патриот франсэ» говорит, подчеркивая слова, «*тройной заговор*» (а в эти дни она говорит о нем беспрестанно), она повторяет слова Саля. Жирондисты придавали некое кабалистическое значение и таинственную форму невероятным комбинациям, возникавшим в их перевозбужденном уме. «*Тройной заговор*» становился неотвязной мыслью партии, паролем, произносимым посвященными публично, но придававшим ему более глубокий тайный смысл, эзотерическое значение.

Как люди, страдавшие такими галлюцинациями, способны были понять развитие контрреволюции на Западе? Как могли они бороться против нее? Осторожный или, как говорил Демулен, флегматичный Барер, несомненно, заразился этими подозрениями и этим безумием. Я хорошо знаю, что его мемуарам не следует

45. Garat. Mémoire sur la Révolution ou exposé de ma conduite dans les affaires et dans les fonctions publiques. Paris, an III. Новое издание было выпущено Мароном (Paris, 1862, p. 96). См. также: Buchez et Roux. Op. cit., t. XVIII, p. 342.

особенно верить, когда, воображая, что он защищается, он нарочито преуменьшал свою роль. Когда он писал свои мемуары, его уже больше не поддерживало великое дыхание Революции, величие событий уже больше не возвышало его и у него часто оставались в памяти только его собственные, весьма мелкие и пошлые впечатления о людях. Словно пережив их, он оправдывается в этом, принижая тех, кто был сражен.

Если в своих мемуарах Барер и уточняет свои мысли, несомненно, бывшие ранее неопределенными, и более резок в своих суждениях, бывших менее суровыми, когда он имел прямое отношение к событиям и людям, все же то, что он говорит о Марате и Дантоне, он, конечно, черпает из своих впечатлений и воспоминаний:

«*Марат был во время революционного кризиса тайным агентом Питта и графа Прованского; на него указал английскому министру и эмигрировавшему принцу г-н де Калонн, знавший Марата в Париже во времена первых ассамблей нотаблей и направлявший перо этого писателя.* Г-н де Калонн сказал однажды книгопродавцу из Сен-Жерменского предместья о Марате, с которым тот его познакомил:

„А, нотабли хотят революций, я им устрою их; ваш знакомый мне будет очень полезен".

В первый год Революции Марат отправился в Лондон и получил инструкции от Уильяма Питта и г-на де Калонна, бежавшего в Англию. По возвращении он выпустил первые номера «Ами дю пёпль», в которых проповедовал демагогические крайности» [46].

А вот что Барер говорит о Дантоне, и в частности в связи с Вандеей:

«Он до того осаждал Комитет по поводу войны в Вандее, что в результате его сообщений и назойливости ему удалось добиться обсуждения вопроса о необходимости отправить туда батальоны парижских волонтеров и поручить общее командование этой армией Сантеру, который был послушным орудием в руках Дантона. Он действовал так в интересах Коммуны, *по инсинуациям одной могущественной партии, находившейся далеко в Германии, а затем в Лондоне...*» [47]

И он заканчивает следующими словами, в которых намеки становятся ясными:

«Делом неумолимой истории, особенно истории, ищущей истину, будет более подробно рассказать о тайных причинах, об агентах, виновных или заинтересованных в этой омерзительной гражданской войне. *Тогда люди, несомненно, будут глубоко изумлены, увидев, чьи руки терзали лоно отечества, какие страшные лицемеры поддерживали в сердце Франции эту политическую заразу и этот злобный призрак, которые должны были помешать установлению политической свободы и праву народа организоваться под защитой Конституции и мудрых законов*».

Я знаю, что эти инсинуации Барера относятся к периоду после войны в Вандее, я также не забываю, что, когда Барер писал эти строки, он, несомненно, испытывал потребность оправдаться перед потомками в том, что он принес в жертву или позволил принести в жертву Дантона и Робеспьера. Но, повторяю еще раз, такие более чем подозрительные гипотезы должны были возникнуть в его уме в конце марта, когда он, по выражению Мерсье дю Роше, «крепко держался Петиона» и сохранял довольно тесные связи с Жирондой.

Барер и жирондисты полагали, что поражения, кризисы, потрясения были бы на пользу политике решительных, исполненных энтузиазма, мощных действий, проводимой Дантоном, Робеспьером, Маратом и Парижской коммуной; и они заключали, следуя бредовой партийной логике:

«Поскольку насильственные бурные события благоприятствуют тактике наших противников, то именно они и вызывают эти насильственные события».

Отсюда и нелепый роман Саля. Отсюда и наглое утверждение жирондистской газеты, что волнения в Вандее были вызваны «эмиссарами анархистов». Конечно, и у монтаньяров были бессмысленные гипотезы и своя безумная логика. Когда Робеспьер, основываясь на легкомысленном высказывании Карра, обвинял всю жирондистскую партию в желании возвести на трон герцога Йоркского; когда монтаньяры, заявляя, что политика сопротивления жирондистов мало-помалу приведет их к союзу с роялистами, делали вывод, что жирондисты преднамеренно служили делу роялистов,— это было такое же безумное заблуждение, такой же чудовищный софизм. Но эти пристрастные и неверные гипотезы не скрывали от взоров монтаньяров реально существовавшей грозной опасности. Напротив, эти гипотезы делали ее в их глазах более серьезной, потому что, по их мнению, роялистская контрреволюция как бы вдвое усиливалась жирондистской интригой.

Поэтому их действия против сил реакции оставались прямыми, искренними, всеобъемлющими. Вначале они кричали: «Вперед, на врага! Бей захватчика! Бей заговорщиков и изменников!» И если отблеск брошенной ими молнии падал на Жиронду, то это было тем хуже — по мнению Дантона, который как будто еще хотел сохранить и примирить все революционные элементы, и тем лучше — по мнению Робеспьера, Марата, Эбера и Коммуны. Но молния Горы поражала прежде всего иностранцев, бунтовщиков, австрийцев, пруссаков, вандейцев. Даже заблуждения монтаньяров побуждали их к действию; напротив, политические галлюцинации жирондистов как бы парализовали их, делали

---

[46] Barère. Mémoires..., t. IV, p. 326.
[47] Ibidem, t. II, p. 125.

тупыми. В марте это была уже всего-навсего партия, неспособная к действию, бессильная партия. Горячность монтаньяров выливалась в боевую энергию; горячность жирондистов растрачивалась на бредовые иллюзии, на волнующие мечты, обрекающие на бездействие.

Увидев в пагубном восстании на Западе лишь маневр парижских анархистов, тайно посланных Коммуной, «Патриот франсэ» не скупится в ряде номеров на оптимистические замечания Ничего или почти ничего не случилось.

Номер от 22 марта [48]

«В департаменте Майенн мятежники, хотя их и собралось несколько тысяч, не имели успеха· их отбросили от Лаваля и от нескольких других городов, некоторых из них взяли в плен»

Номер от 25 марта [49]:

«Из северо-западных департаментов получены утешительные новости Нант, полностью блокированный мятежниками, теперь освобожден от осады. Этот город обязан своим спасением непоколебимости администрации и непреклонному мужеству своей отважной национальной гвардии ..»

Номер от 26 марта [50]:

«Известия из департаментов, объятых гражданской войной, весьма утешительны».

Так Жиронда в своем постоянном оптимизме усыпляла бдительность Революции, находившейся под угрозой. И когда Мерсье дю Роше явился, чтобы рассказать, каково действительное положение вещей и сколь велика опасность, то своим ледяным приемом ему дали ясно понять, что он всего лишь назойлив.

Глава шестая

ИЗМЕНА ДЮМУРЬЕ

Таким образом, в то время как перед лицом начинающейся гражданской войны Жиронда проявляла доходящую почти до безумия растерянность мысли и неспособность к действию, оказавшись перед фактом, отныне очевидным, измены Дюмурье, она запуталась в злобных и пагубных интригах. Не успел Конвент единодушно, от самых крайне правых до вершины Горы, подтвердить свою веру в революционный патриотизм Дюмурье, как получил от него 14 марта письмо, вызывающее величайшую тревогу [1].

Вернувшись в Бельгию, взбешенный неудачей своего похода в Голландию, он выступил в роли судьи Революции. Он уверял, что анархия, царящая в административных учреждениях, растущее влияние крайних партий, необдуманное применение к Бельгии декрета от 15 декабря — все это дезорганизовало армию и довело до отчаяния бельгийский народ Он объявлял, что, не считаясь с волей Конвента и его комиссаров, он собственной властью изменит политическую систему в Бельгии, оберегая веро-

---

48 «Le Patriote français», № 1317, 22 mars 1793, p 323

49 Ibidem, № 1320, 25 mars 1793, p 335

50 Ibidem, № 1321, 26 mars 1793, p 339

1 «Moniteur», XV, 779, «Archives parlementaires», LXI, 49 Это письмо датированное 12 марта 1793 г , Лувен, не было зачитано в Конвенте Оно было отпечатано и распространено по всей Бельгии «Lettre du général Dumouriez a la Convention nationale pour protester contre les vexations que l'on fait subir aux Belges» (B N , 8° Lb[41] 2846, imp in-folio plano)

вания и интересы, попиравшиеся самым грубым образом. Это было первое повелительное требование мятежного генерала. Председатель Бреар [2] нашел письмо столь серьезным и опасным, что передал его в Комитет общественной обороны, не зачитав в Конвенте. Комитет постановил сохранить письмо в секрете до того, как от Дюмурье будут затребованы объяснения.

В то время Дантон и жирондисты были одинаково заинтересованы в том, чтобы сдержать Дюмурье, вернуть его и избежать всякого шума и скандала. Совсем недавно жирондисты претендовали на то, что Дюмурье — их человек, и только их. Дантон его поддерживал и поощрял. Он верил в него и скомпрометировал себя вместе с ним. Жирондисты сообразили, что ему одному под силу оказать воздействие на Дюмурье, и, очевидно, именно в это время некоторые из них как будто сблизились с Дантоном, усвоили более примирительный тон по отношению к нему. Вероятно, именно беседы тех дней имел в виду Дантон, когда, выступая в Конвенте 1 апреля с протестом против внезапных и преступных нападок Жиронды, он сказал: «Когда, *делая вид, будто вы меня ласкаете*, вы обливаете меня клеветой, когда многие люди, *в отдельности воздающие мне должное*, в своей переписке изображают меня перед всей Францией человеком, стремящимся погубить свободу нашей страны...» [3]

Дантон отправился в Бельгию. Оставалась последняя надежда, надежда на то, что в подготовлявшемся решительном сражении между армиями союзников и Дюмурье последний одержит победу. Быть может, утешенный в своей гордости военачальника и защищенный этой новой победой от суровых мер, которых можно было бы ожидать от Конвента, он опять станет послушным. «Либо я смогу его убедить,— сказал Дантон,— либо я его привезу обратно».

ПОРАЖЕНИЕ И ИЗМЕНА ДЮМУРЬЕ

Но 18 марта Дюмурье был разбит под Неервинденом: после повторных атак, причем четвертую Дюмурье возглавил сам, французская армия должна была покинуть поле битвы. Она отступила, сохраняя еще порядок и повинуясь приказам побежденного генерала, который действовал, не щадя себя и проявляя большое мужество, как человек, отнюдь не собирающийся изменить. Какое страдание должен был причинить Дантону этот удар, поставивший под вопрос всю партию, которую уже можно было считать выигранной!

Но не было в этом великом сердце ни слабости, ни горечи, и он сохранил достаточно душевных сил, чтобы восхищаться тем

бесстрашием и дерзкой отвагой, которые сопутствовали измене Дюмурье. Он не побоялся сказать Конвенту 1 апреля:

«Вам следует знать, что этот человек, высказывавшийся против Конвента и против французского народа, повторяю, этот самый человек в силу странной особенности, под воздействием воинского тщеславия, днем и ночью не сходил с коня и что ни разу за все время, что мы были в Бельгии, не было случая, чтобы наши отступили на два лье без сражения».

Дюмурье изливался в речах, полных оскорблений и угроз. Он заявлял, что Конвент — сборище дураков, руководимых негодяями. Он заявлял, что надо кончать с анархией и восстановить прежнюю конституцию, Конституцию 1791 г., т. е. умеренную монархию.

Однако для того, чтобы иметь возможность наступать на Париж, надо было, чтобы его [Дюмурье] не тревожила армия неприятеля. 25 марта он приглашает на завтрак полковника Макка, посланного австрийским генералом, герцогом Кобургским, для переговоров о раненых [4]. Он открывает ему свои намерения и получает обещание, что герцог Кобургский объявит в прокламации, что он приостанавливает операции своей армии, дабы дать возможность французскому полководцу восстановить порядок и законность. Велик был гнев австрийского монарха, когда он узнал, что Кобург вступил в переговоры и как будто гарантировал территориальную целостность Франции при условии восстановления в ней законной власти. Аппетиты иностранцев были возбуждены их первыми успехами, и им уже было недостаточно восстановления монархии во Франции, они хотели ее расчленить. Император Германии, король Богемии и Венгрии, восклицал: «Уже один раз Дюмурье обманул союзников коварными переговорами во время Аргонской кампании. Больше он нас не обманет». Но герцогу Кобургскому не составило труда разорвать свое обязательство, так как Дюмурье не удалось осуществить свой план наступления на Париж.

Он, правда, бросил вызов Конвенту, арестовав комиссаров, посланных к нему Конвентом, чтобы приказать ему явиться к его барьеру. Дюмурье арестовал Камю, Ламарка, Кинета, Банкаля [5]

---

2 Бреар (1750—1840) — советник выборной коллегии Маренна, мэр Маренна, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Нижняя Шаранта.

3. «Moniteur», XVI, 23; «Archives parlementaires», LXI, 57.

4. Об этих переговорах см.: M. Mortimer-Ternaux. Histoire de la Terreur. 1792—1794, t. VI, p. 308 et 491 (оправдательные документы).

5. Банкаль Дезиссар (1750—1826) — нотариус, письмоводитель в тюрьме Шатле, депутат Конвента

и военного министра Бернонвиля, своего вчерашнего заместителя, и выдал их австрийцам под тем предлогом, что они будут служить заложниками, ответственными за жизнь королевы, пока он будет наступать на Париж. Но напрасно произносил он речи перед солдатами в лагерях, напрасно посылал некоторых своих офицеров, чтобы овладеть его именем Лиллем, Валансьенном,— солдаты были смущены, колебались.

Конвент через своих комиссаров на северной границе распространял в армии Дюмурье прокламации, призывавшие солдат-патриотов уважать законы, защищать Революцию и родину. Волонтеры, которых Дюмурье не успел отделить от линейных частей, повлияли на последние и убедили их выполнить свой долг. И Дюмурье, почувствовав, что его колеблющаяся армия может выдать его Конвенту, поскакал галопом сдаваться австрийцам. Измена свершилась [6].

У Франции нет оснований тревожиться: уже сама верность солдат этой молодой армии, которые подверглись столь опасному испытанию, но глаза которых, еще ослепленные победами при Вальми и Жемаппе, тем не менее открываются навстречу правде, является источником бодрости и надежды. Но важнее всего, чтобы Революция не была расколота и чтобы в этом общем испытании она восстановила единство сердец!

Но вот уже гремит гроза гражданских раздоров. Движение против жирондистов, едва намечавшееся в начале марта, бушует. Торжествуют бешеные, которые обличали Дюмурье в измене тогда, когда Дантон, Робеспьер и сам Марат защищали его Они выступают у кордельеров, у якобинцев. Хватит колебаний! Довольно предаваться слабости! Недостаточно поразить изменника. Надо поразить эту Жиронду, которая подстрекала к измене и покрывала ее. Марат опять в авангарде революционного движения. Выступая 27 марта в Якобинском клубе, он заявляет [7]:

«Пусть все парижские секции соберутся вместе, чтобы спросить Конвент, обладает ли он средствами для спасения родины, и пусть они заявят, что, если Конвент не обладает этими средствами, народ готов спасти себя сам».

ПЛАН РОБЕСПЬЕРА, НАПРАВЛЕННЫЙ ПРОТИВ ЖИРОНДЫ

Робеспьер еще сопротивляется всем течениям, требующим насильственных действий. Он не хочет, чтобы трогали Конвент, чтобы к нему применяли насилие или калечили его. Но он думает, что наступил час обречь жирондистов на полное политическое бессилие.

«Конвент тоже должен подняться. Он должен дать народу сигнал подняться против внутренних врагов. *Он дремлет под звуки пленительных голосов нескольких интриганов.* Они хотят, чтобы Конвент деградировал, они хотят довести его до полной неспособности делать добро, для того чтобы его распустить. Нужно, чтобы народ спас Конвент, а Конвент в свою очередь спасет народ [8].

Когда я предлагаю принять твердые и энергичные меры, *то я вовсе не предлагаю тех конвульсий, которые приводят к гибели политического органа.* Я требую, чтобы все секции были бдительны и взяли под стражу дурных граждан, *не посягая на неприкосновенность депутатов. Я не хочу, чтобы посягали на эти элементы национального представительства, но я хочу, чтобы с них сорвали маску, чтобы их лишили возможности вредить.*

Надо предложить Конвенту не пустые формулы, которых только и ждут враги родины, ибо такие формулы облегчают им осуществление их замыслов; но надо представить ему смелый обзор общественных бедствий, всякого рода измен, срывающих успех нашего оружия. Какие же меры следует принять? Вот какие: совершенно исключено, чтобы мы могли победить наших внешних врагов, если наши внутренние враги могут безнаказанно поднимать голову во Франции.

Надо преследовать всех аристократов. Надо, чтобы верные департаменты обрушились на департаменты, пораженные гангре-

---

от департамента Пюи-де-Дом. Камю Арман Гастон (1740—1804) — адвокат духовенства Франции при Парижском парламенте, депутат Генеральных штатов от третьего сословия города Парижа, затем депутат Конвента от департамента Верхняя Луара. Кинет де Рошмон Никола (1762—1821) — нотариус в Суассоне, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Эна. О Ламарке см. предыдущую главу, с. 365, прим. 38.

6. См.: M. Mortimer-Ternaux. Op. cit., t. VI, p. 353. См., в частности, с 547. «Численность войск, эмигрировавших вместе с Дюмурье»: 215 драгунов Бурбонского полка, 209 гусар полка Бершини, 459 пехотинцев, т е. 883 человека, согласно австрийским документам.

7. A. Aulard. Op. cit., t. V, p 108 См. также кампанию, которую вел Марат в «Le Publiciste de la République française», номер от 7 апреля 1793 г. («Эмиграция великого Дюмурье, прозванного *Спасителем отечества*. Угрожающее оцепенение Конвента...»), номер от 10 апреля («Главари клики государственных людей, покрытые позором и осужденные общественным мнением...»), номер от 11 апреля («Зеркало жирондистов...»), номер от 14 апреля («Главари и клевреты клики государственных людей .. сбросившие маску...»).

8. Заседание в Якобинском клубе 29 марта 1793 г. (A. Aulard. Op. cit., t. V, p. 110; Maximilien Robespierre. Œuvres. Discours, t. IX, p. 344.) [См.: М. Робеспьер. Избранные произведения. Т. II, М., 1965, с. 275.— *Прим. ред.*] См. комментарии Амеля. (E. Hamel. Histoire de Robespierre. T. II, p 650.)

ной или коррупцией. Надо сделать так, чтобы защитники родины действовали под командованием начальников-патриотов. А для этого надо сместить всех подозрительных генералов и всех граждан, принявших участие в антипатриотических действиях...

Словом, нация должна подняться и истребить своих врагов, *соблюдая только уважение к национальному представительству*».

Он настаивает на этом, выступая в понедельник 1 апреля в Якобинском клубе [9]:

«— Ресурсы для спасения родины надо найти в гении народа и в доблести Конвента.

— В силе народа,— восклицает один из членов клуба.

— Я не нуждаюсь в переводчике, я говорю лишь то, что хочу сказать. Республику нельзя спасти внезапным выпадом, каким-нибудь частичным и необдуманным движением. Сейчас у свободы есть еще ресурс, это просвещение, это верное знание средств спасения, *и, говорю вам это от всего сердца, самой роковой из всех мер было бы нарушение неприкосновенности национального представительства*».

Итак, вот политика Робеспьера: очистить армии, всерьез организовать в секциях наблюдение за происками контрреволюционеров. призвать патриотические департаменты к тому, чтобы они направили свои боевые силы на запад страны, использовать кризис для дискредитации Жиронды и для того, чтобы полностью лишить ее политической власти. всякого влияния в комитетах, но не изгоняя, однако, жирондистов из Конвента и не нанося ущерба национальному представительству. А «Патриот франсэ», которая квалифицирует призыв к патриотическим департаментам как сигнал к убийствам [10], забывает, что патриоты Вандеи действительно обращались с просьбой о помощи ко всем революционерам соседних областей. По существу, Робеспьер во время этого нового кризиса придерживался той же тактики, что и до 10 августа. Он и тогда советовал не прибегать к насилию: он считал, что единение, законные и согласованные действия патриотов заставят Законодательное собрание исполнить свой долг, созвать Национальный Конвент, который без восстания, без штурма Тюильрийского дворца, опираясь на всю силу народа и закона, разрешил бы конфликт между Революцией и монархией.

Тогда, как и на сей раз, он высказывался против «частичных движений», т. е., по сути дела, против восстания, ибо восстание никогда не бывает всеобщим. Но в конце концов он примирился с «внезапным выпадом» 10 августа так же, как вскоре он примирится с «внезапным выпадом» 31 мая — 2 июня. Но, будь то законной силой или силой восстания, якобинцы хотели покончить с Жирондой.

ДАНТОН СКОМПРОМЕТИРОВАН И ОБВИНЕН

Дантона тоже могла соблазнять мысль сразу же по возвращении в Париж броситься в атаку на жирондистов. Для него это был бы решающий отвлекающий маневр. Он отдавал себе отчет в том, что поражение и измена Дюмурье поколебали его положение, скомпрометировали его. Он мог выбраться из этого положения и восстановить свою революционную популярность, возложив всю ответственность на ненавистную народу Жиронду. Его подстерегали многие недруги и завистники.

Конечно, было бы совершенно безрассудно искать подлинную мысль Барера в том «отчете своим доверителям», который он составил в 1795 г. в цитадели Олерон и в котором, чтобы защитить себя, чтобы несколько обезоружить торжествующую реакцию, он — увы! — опустился до клеветы на великого революционера. Но разве осмелился бы он даже тогда написать то, что он написал об отношениях между Дюмурье и Дантоном, если бы еще в 1793 г. в его ум не запали кое-какие неблагоприятные впечатления? Итак, вот что он пишет [11]:

«Раздраженные ходом дел в Бельгии, друзья отечества не без серьезных подозрений взирали на то, как Дантон восхвалял Дюмурье и обещал доставить его в Собрание, если б он изменил, но упорно возражал против зачтения Комитетом пресловутого письма, которое Дюмурье написал Конвенту 12 марта [12]. Вовремя оглашенное, это письмо, несомненно, позволило бы предотвратить часть бед, причиненных нам этим генералом-роялистом.

---

9. A. Aulard. Op. cit., t. V, p. 119; Maximilien Robespierre. Op. cit., p. 353. [См.: М. Робеспьер. Избранные произведения, т. II, с. 227.— *Прим. ред.*]
10. «Le Patriote français» Бриссо ухватилась фактически за эту единственную фразу Робеспьера, упрекая его в проповеди гражданской войны: «Надо, чтобы верные департаменты обрушились на департаменты, пораженные гангреной или коррупцией».
11. Barère. Mémoires. Publiés par M M. Hip. Carnot et David (d'Angers). Paris, 1842—1844, 4 vol., t. II, p. 313.
12. Об этом письме Дюмурье от 12 марта 1793 г. см. выше, с. 373, прим. 1. См. то, что говорил по этому поводу в своей речи 31 марта 1793 г. в Якобинском клубе Дантон, тогда член Комитета общественной обороны: «Именно тогда Дюмурье написал это письмо, которое не было оглашено публично. Когда это письмо зачитали в Комитете общественной обороны, все высказались за принятие обвинительного декрета против этого генерала-контрреволюционера. Мы предложили испробовать метод убеждения, мы обещали привезти его извинения, в противном случае мы сами потребуем обвинительного декрета против него. Комитет одобрил намерения; мы уехали...» (Danton. Discours. Édition A. Fribourg, p. 327.)

Тактика Дантона состояла фактически в том, чтобы любой ценой спровоцировать в Париже бурное движение, ударить по Конвенту, распустить его полностью или частично. *Его целью было дать Дюмурье предлог направить свою армию на Париж, предпослав ей прокламацию к департаментам о необходимости исправления вреда, причиненного нарушением неприкосновенности национального представительства.* Эта тактика была тем более коварной, что три оратора этой партии непрестанно говорили о существовании коалиции правого крыла с Дюмурье.

Между тем этот генерал действовал в пользу Орлеанского; Орлеанский был депутатом от робеспьеристских выборщиков [13]. Орлеанский был причастен к интригам Дантона и еще более Марата. С другой стороны, между Дюмурье и Жансонне велась доверительная переписка. Все это заставляло меня задумываться, и я мог только остерегаться всех этих людей, руководивших двумя противоположными партиями».

В том, что касается Дантона, это роман почти столь же абсурдный, как роман Саля. Но это свидетельствует о том недоверии, которое он внушал, о воздействии нагроможденных против него клеветнических измышлений. К этому предмету Барер возвращается в своих мемуарах [14]:

«С одной стороны, Бельгия была главным объектом вожделений Дантона и Делакруа [15] в их надежде разбогатеть и стать хозяевами Революции в Париже. С другой стороны, главной целью партии Жансонне и Бриссо было иметь в своем распоряжении генерала и армию, чтобы затем организовать Францию в виде федерации по образцу Соединенных Штатов и таким образом нейтрализовать гигантскую, развращающую силу столицы.

В самом деле, начиная с 1791 г. мы всегда имели перед собой некую касту, более опасную, нежели касты священников и дворян, а именно новую касту *наживающихся на Революции* — честолюбцев, которые никогда не изменяли своему духу и своим принципам поведения, которые всегда старались устроиться за спиной прославившихся, удачливых и предприимчивых генералов, с тем чтобы при помощи этих *военных*, превращенных в орудие власти, получить возможность завладеть государственной казной, властью и различными почетными и выгодными должностями».

Это объяснение тоже унизительно для Дантона. Несправедливо утверждать, что в Бельгии он искал богатство и власть. А я уже говорил, каков был его широкий и благородный замысел. Но здесь Барер хоть не обвиняет его больше в том, что он был сообщником Дюмурье и хотел вызвать беспорядки в Париже, чтобы дать мятежному генералу предлог для вмешательства [16]. Вполне очевидно, как он это признает, Жиронда рассчитывала на престиж и на шпагу победоносного генерала, чтобы в случае надобности усмирить парижских анархистов. Для нее он, вместе со своими

солдатами, собранными со всех концов Франции, был начальником той департаментской стражи, которую ей не удалось, как она того хотела, призвать в Париж и сохранить там. И Барер, резюмируя свое двойное обвинение, пишет [17]:

«Признаюсь, что пятнадцать или двадцать заседаний было бесполезно потрачено на то, чтобы убедиться, что Дантон и Делакруа хотели одни воспользоваться всеми выгодами и преимуществами быстрого завоевания Нидерландов, тогда как Жансонне и его партия со своей стороны старались привлечь на свою сторону и подчинить исключительно своему влиянию победителя при Жемаппе».

Несмотря на все эти противоречия и колебания Барера, представляется по меньшей мере очевидным, что в конце марта 1793 г. он был вполне склонен верить обвинениям, выдвигавшимся против Дантона, равно как и тем, которые выдвигались против Жиронды. Соглашательский характер Барера имел два лица, одно лицо — доброжелательное, другое — враждебное. Иногда он примирял две противоположные силы, признавая заслуги той и другой. В другой раз он их примирял, обвиняя равным образом в преступлениях ту и другую стороны, и в зависимости от хода событий он показывал то или другое лицо своего «примирительного» характера. В марте 1793 г. Дантон имел основания опасаться его враждебного лица. Я не знаю, мог ли он полностью рассчитывать на Робеспьера. Последний, правда, выступил вечером 1 апреля [18], когда Дантон уже выиграл большую битву в Конвенте, с похвальной речью о патриоте, но до этого решающего испытания он не произнес ни одного слова, чтобы ободрить Дантона или защитить его. Робеспьер, очевидно, полагал, что хватит с него уже того, что он несколько скомпрометировал себя в своей речи 10 марта [19] выражением доверия Дюмурье, каким бы сдержанным оно ни было, и в тайниках своей души, глубокой и несколько смутной, где скрываемая зависть смешивались с самыми благородными мыслями, он, вероятно, не так уж был огорчен теми неосторожными поступками, которые, не обрекая еще Дантона на гибель, умаляли

13. Филипп Эгалите, бывший герцог Орлеанский, был депутатом от города Парижа.
14. B a r è r e. Op. cit., t. II, p. 77.
15. Делакруа Жан Франсуа (1753—1794) — депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Эр и Луар, был вместе с Дантоном комиссаром в Бельгии.
16. Однако далее в своих мемуарах Барер пишет (t. II, p. 213): «Тактика Дантона состояла в том, чтобы любой ценой спровоцировать в Париже бурное движение, ударить по Конвенту, распустить его полностью или частично. Его целью было дать Дюмурье предлог направить свою армию на Париж...»
17. B a r è r e. Op. cit., t. II, p. 76.
18. A. Aulard. Op. cit. t. V, p. 119.
19. «Moniteur», XV, 674; «Archives parlementaires», LX, 56. «Я верю в Дюмурье».

его [авторитет]. Я замечаю, что несколько дней спустя, в своей речи 10 апреля, Робеспьер выдвигает свои обвинения против Жиронды в связи с делом Дюмурье в такой форме, что задетым оказывается и Дантон [20]:

«— Как и многие члены этого Собрания, я слышал, как Верньо уверял, что неважно, какие политические взгляды у Дюмурье (*ропот*), и что он необходим для дела Республики. (*Продолжительный ропот.*)

Верньо: Я категорически опровергаю это.

Один из членов: *А Дантон? А что нам говорил Дантон?*

— Нет ничего удивительного, что комиссар при армии мог какое-то время ошибаться относительно замыслов Дюмурье, которого он видел при исполнении его обязанностей, среди его войск. Но что должно удивлять — те, кто поддерживал с ним повседневные отношения, те, кто шел рядом с ним на поприще Революции, не сумели составить себе мнения об этом генерале».

Представленная таким образом, защита Дантона весьма слаба. Он знал Дюмурье по меньшей мере так же, как большинство жирондистов. И я задаю себе вопрос, не спрятал ли уже тогда Робеспьер в тайные склады своей ненависти замедленного действия зародыш тех чудовищных обвинений, которые столь отвратительно расцвели несколько позже в обвинительной речи Сен-Жюста [21]:

«Ты согласился на то, чтобы не ставить Конвент в известность о самочинности и измене Дюмурье... *ты спровоцировал восстание в Париже, это было согласовано с Дюмурье; ты даже объявил, что, если для этого потребуются деньги, ты можешь рассчитывать на кассы Бельгии. Дюмурье нужно было восстание в Париже, чтобы иметь предлог выступить против этого города свободы под прикрытием звания менее неблагоприятного, чем звание мятежника и роялиста*».

Здесь я останавливаюсь, вскоре мы опять встретимся с этими грустными делами. Против Дантона, чтобы поразить его насмерть, Сен-Жюст подхватил бредовые вымыслы жирондиста Саля, а Барер в отчете своим доверителям повторяет доклад Сен-Жюста. Правда, он повторит также и против Робеспьера клеветнические измышления термидорианцев, беспристрастный, как корзина гильотины, принимающая все головы. О Барер, столь великий в некоторые часы, когда его одушевляет дух Революции, и столь мелкий и столь жалкий, когда им овладевают страх и зависть!

Но если Робеспьер в глубине души столь подозрителен, если Барер, хотя он один из тех, кто голосовал за смертный приговор королю и отверг обращение к народу, готов поверить самым позорным домыслам, то какой жестокий штурм предстоит выдержать Дантону! Жиронда, чтобы выпутаться, вероятно, постарается свалить на него все бремя, и может ли он быть уверен в том, что Центр его пощадит, а Гора поддержит?

Вернувшись в Париж после поражения Дюмурье под Неервинденом и отступления к Лувену, Дантон употребил, вероятно, несколько дней на то, чтобы разведать положение вещей и сориентироваться, прежде чем избрать окончательно определенную тактику обороны или наступления. Как уточнить момент его возвращения в Париж? Мортимер-Терно говорит в одном примечании [22]:

«21-го Дантон был в Брюсселе. Он должен был выехать оттуда вечером того же дня или, самое позднее, утром 22-го. Стало быть, он вернулся в Париж 24-го. Но в течение двух или трех дней он скрывался и появился в Конвенте только 27 марта. С какой целью знаменитый трибун скрывался в течение более 48 часов, когда он привез столь серьезные известия? Никто не может этого сказать, но, что касается материального факта, он представляется нам совершенно бесспорным. Чтобы доказать его, нам достаточно сослаться: 1) на доклад Конвенту от 22 марта, напечатанный в «Монитёр» (№ 86) [23]; 2) на два письма, которые Делакруа написал Дантону 25 и 28 марта».

Прежде всего, для правильной постановки вопроса следует устранить погрешность, допущенную в «Монитёр» в изложении речи Дантона, произнесенной 1 апреля [24]:

«Что он [Ласурс] вам сказал? Что, вернувшись из Бельгии, я не явился в Комитет общественной обороны — он солгал; некоторые из моих коллег полагали, что я прибыл на 24 часа раньше, чем это было на самом деле, думая, что я выехал в тот самый день, когда Комиссия приняла свое постановление, но я прибыл только в пятницу, 29-го, в восемь часов вечера».

Дантон не мог этого сказать, потому что он выступил 27-го в Конвенте, где произнес большую речь [25]. Но мы не знаем точно, когда Дантон прибыл в Париж. Делакруа и он встретились с Дюмурье в ночь с 20-го на 21-е. Из этой встречи они вынесли лишь неопределенные и внушающие тревогу слова. Они вернулись в Брюссель 21-го, чтобы дать отчет своим коллегам о результатах этой встречи, и Комиссия постановила, что Дантону надлежит вернуться в Париж. Она, несомненно, приняла это постановление

---

20. «Moniteur», XVI, 105; «Archives parlementaires», LXI, 539.
21. Доклад о заговоре, который подготавливали несколько лет преступные клики, чтобы утопить Французскую революцию в смене династии, и против Фабра д'Эглантина, Дантона .. 11 жерминаля II г. (31 марта 1794 г.). («Moniteur», XX, 97.)
22. M. Mortimer-Ternaux. Op. cit., t. VI, p. 305, n. 1.
23. «Moniteur», XV, 798. Речь идет фактически о письме Делакруа, комиссара в Бельгии, Конвенту от 22 марта 1793 г. из Гента. См. ниже.
24. «Moniteur», XVI, 26.
25. «Moniteur», XV, 807; «Archives parlementaires», LX, 605

в тот же день, 21-го. Комиссары Трейар и Робер написали Конвенту 24 марта из Турнэ [26]:

«Дантон вас уже информировал о положении, в каком мы находились в момент, когда он отправился в Париж по решению Комиссии».

Таким образом, мы наверняка знаем, что это постановление было принято до 24-го. Но его точной даты у нас нет. Опубликованный в № 86 «Монитёр» доклад, о котором говорит Мортимер-Терно,— это письмо Делакруа Конвенту. Оно датировано 22 марта, Гент. При этом очевидно, что оно было написано после того, как Дантон расстался с Делакруа, и после принятия постановления Комиссии, которая направила Дантона в Париж. В самом деле, в этом письме говорится [27]:

«Мы с Дантоном откровенно раскрыли перед вами все, что заставляло нас опасаться за судьбу нашей армии и Бельгии. Доходящие сейчас до *меня* известия» и т. д.

Стало быть, Дантона с ним уже не было. Он добавляет:

«Я вам доношу об одном злоупотреблении, которое мы обнаружили во время объезда армии и которое могло [мне кажется, что надо читать «*могло бы*»] ускользнуть от моего коллеги Дантона».

Ясно, что Делакруа здесь дополняет деталью, которая могла бы ускользнуть от внимания Дантона, тот доклад, который последний собирается сделать в Париже. Наконец, всякое сомнение рассеивается, когда сравниваешь письмо, посланное Делакруа Дантону, с письмом Делакруа Конвенту. 25 марта Делакруа пишет Дантону:

«*Я не смог отправиться в армию, мой дорогой друг, как мы с тобою договаривались. Поломка в моей коляске задержала меня в Генте*».

А письмо Делакруа Конвенту, датированное 22 марта, Гент, начинается следующими словами: «Поломка в коляске вынудила меня отложить ненадолго мое возвращение к армии». Следовательно, Делакруа дал покидающему его Дантону обещание информировать его о положении дел в армии до 22 марта. Стало быть, именно 21 марта Дантон получил от других комиссаров поручение выехать в Париж. Но путешествие из Брюсселя в Париж продолжалось тогда без малого два дня. На письме, которое Делакруа послал Конвенту, из Гента 22 марта, имеется пометка: «Получено 23 марта». Камю, уехавший из Бельгии немного ранее Дантона, сказал 22 марта в Конвенте: «Я уехал из Брюсселя позавчера» [28]. Следовательно, если бы Дантон уехал из Брюсселя сразу же после Камю, т. е. 21 марта, он прибыл бы в Париж самое позднее 23 марта. В своей речи от 1 апреля он как будто указывает, что потерял один день перед отъездом. Стало быть, если допустить, что он уехал только 22 марта, он должен был бы прибыть не позднее 24-го. Это замечательным образом совпало со словами, произнесенными Маратом в Конвенте *29 марта*, которые, по-видимому, ускользнули от внимания Мортимера-Терно [29]:

«Катастрофические известия, поступающие из Бельгии, вызывают у многих патриотов опасения, что, если не принять немедленно самых серьезных мер для того, чтобы наши солдаты в Бельгии не были вырезаны, кровь наших братьев прольется. Я требую, чтобы Дантон, *который уже пять дней находится здесь* и который, к моему великому удивлению, еще не пришел, чтобы описать нам это бедственное положение, был немедленно заслушан».

Пять дней: это приводит нас прямо к 24 марта. Неужели, прибыв, Дантон медлил явиться в Комитет общественной обороны? Мы не можем исходить из того, что он говорил 1 апреля, и утверждать, что он отправился туда на следующий же день. Дело в том, что это место его речи так грубо искажено, что сделать на его основе какие-либо выводы невозможно. Общий ход его рассуждений заключается в том, что, как только он вернулся и отдохнул, он пошел в Комитет общественной обороны. Он напоминает, что он там сказал [30]:

«— На следующий же день (?) я пошел в Комитет, и, когда вам говорят, что я сообщил там лишь незначительные подробности, вам опять лгут. Призываю в свидетели всех моих коллег, присутствовавших на этом заседании: я сказал, что Дюмурье рассматривает Конвент как сборище 400 невежд и 300 негодяев. Что может сделать для Республики, добавил я, человек, который одержим такими идеями? Нам надо оторвать его от его армии. Разве не это я говорил?

Многие члены Горы: Да, да.

— Это не все. Камю, которого не заподозрят в том, что он мой личный приверженец, дал характеристику положения, подтверждающую мое описание, и тут я опять призываю в свидетели моих коллег. Он сделал доклад, который в деталях почти совпадает с моим.

— Это верно».

Ясно, что рассказ члена Конвента от департамента Сарта Рене Левассёра относится именно к этому заседанию. Написанные в изгнании, 36 лет спустя после событий, восьмидесятилетним

---

26. «Actes du Comité de Salut public», t II, p 484 Робер (1762—1826) — адвокат, литератор, основатель «Меркюр насиональ», депутат от Парижа Трепар (1742—1810) — адвокат, депутат Генеральных штатов от третьего сословия города Парижа, затем депутат Конвента от департамента Сена и Уаза
27. См выше, прим 23
28. «Moniteur», XV, 772
29. «Archives parlementaires», LX, 694 «Moniteur» (XV, 835) упоминает об этом выступлении Марата, но без всяких уточнений: «Дантон, который уже пять дней находится здесь »
30. «Moniteur», XVI, 23

старцем, мемуары Левассёра вызывают восхищение ясностью, точностью, вдохновенностью и силой изложения [31].

«Не будучи членом этого Комитета [общественной обороны], я, однако, так же как и многие мои коллеги, которым не терпелось получить известия из армий, как только они поступали в Париж, присутствовал на его заседаниях. Многие монтаньяры, да и я сам, резко нападали на Дюмурье и считали, что против него надлежит принять обвинительный декрет. Робеспьер был того же мнения. *Дантон и Камю, которые прибыли из армии без вызова*, описали нам действительное положение вещей и настроение Дюмурье. Заимствую у депутата Тибодо, достаточно зарекомендовавшего себя нашим врагом, чтобы его можно было обвинить в пристрастии в пользу Дантона, сообщение, сделанное последним в этих обстоятельствах [32]: «Дюмурье обладает большими военными талантами и пользуется доверием у солдат; он очень нужен в армии, особенно в настоящее время. Он допустил очень серьезные ошибки в Бельгии; декрет о присоединении шел вразрез с его взглядами. Он придерживается политических принципов, часто противоположных принципам Конвента. Он убежден, что он один должен руководить революциями в Бельгии и Голландии, он хочет *воспитывать эти страны, как своих детей* и на свой манер. Он любит, чтоб его ласкали. Он окружен льстецами и интриганами, главным образом из среды старых революционеров Брабанта, под влиянием которых наделал много глупостей. После своего возвращения в Брюссель, в том же месяце, он восстановил на прежних должностях тех временных администраторов, которые были смещены на основании постановления делегированных народных представителей. Он заключил заем в Антверпене от своего имени. Ни в отношении комиссаров Конвента, ни в отношении самого Конвента у него нет должного уважения. Он говорил, что Конвент состоит наполовину из невежд, наполовину из негодяев. По примеру своего командующего другие генералы позволяют себе едкие шутки по поводу всех действий правительства. Это предосудительное поведение оказывает пагубное влияние на настроения в армии. В присутствии члена Конвента Жоссюэна [33], не обращая на него никакого внимания, солдаты восклицали: „Вот Дюмурье, наш отец! Мы пойдем за ним всюду, куда он захочет...“ Они толпились вокруг него, целовали его руки, его сапоги и его коня»».

Очевидно, что речь идет о заседании 26 марта. Дантон и Камю вошли в состав Комитета общественной обороны, обновленный 25 марта. Комитет провел свое второе заседание (первое действительное заседание) в полдень 26 марта. Итак, в протоколе этого заседания я читаю [34]:

«Военный министр докладывает о письме генерала Дюмурье относительно положения армии в Бельгии... Комитет после обсуждения этого вопроса постановляет, что Исполнительный совет удалится для немедленного обсуждения вопроса о наиболее быстрых и эффективных способах оказания помощи армии в Бельгии и что *оба комиссара, прибывшие из Бельгии, будут присутствовать при обсуждении в Исполнительном совете*, чтобы помочь сведениями, которые они могут ему дать».

Совершенно очевидно, что эти два комиссара — Дантон и Камю. Да и протокол заседания Исполнительного совета, состоявшегося 26 марта, т. е. вечером того же дня, начинается так [35]:

«В присутствии всех членов Временный Исполнительный совет, обсудив положение французских армий в Бельгии, *в присутствии граждан Камю и Дантона*, членов Комитета общественного спасения Национального Конвента, постановил...» и т. д.

Итак, когда Мортимер-Терно, распространяясь в изложении жирондистского обвинения, утверждает, что Дантон появился только 27 марта, он ошибается по меньшей мере на один день, ибо уже 26 марта Дантон присутствовал на послеполуденном заседании Комитета общественной обороны (который часто называли также, после произведенного 25 марта обновления его состава, Комитетом общественного спасения). Представляется поэтому несомненным, что он прибыл в Париж 25 марта вечером. Он никак не был заинтересован скрываться и сжульничать один день, поскольку 25 марта обновленный Комитет обороны только организовался. Что верно, так это то, что даже 26 марта он избегает решительного выступления против Дюмурье и объявления его измены несомненным фактом. Он этого еще не знал. Если даже он получил 26 марта то письмо, которое Делакруа написал ему 25-го, то оно еще не было решающим: «Дюмурье делает в точности то, что подтверждает подозрения, которые порождены его поведением и легкомыслием. Уверяют, что до отступления армии он прибыл в Брюссель и ночью имел совещание с временными представителями этого города».

Только на заседании 29 марта Комитет общественной обороны ознакомился с письмом Дюмурье, столь агрессивным, что Комитет решился сорвать завесу и затребовать Дюмурье к своему барьеру [36].

---

31. Левассер из Сарты (1747—1834) — хирург-акушер, член администрации дистрикта Манс в 1791 г., депутат Конвента. R. Levasseur. Mémoires. Paris, 1829—1831, 4 vol., t. I, p. 132.
32. Тибодо (1765—1854) — адвокат в Пуатье, прокурор этой коммуны в 1791 г., депутат Конвента от департамента Вьенна. Thibaudeau. Mémoires sur la Convention et le Directoire. Paris, 1824, 2 vol., t. I, p. 16.
33. Жоссюэн (1758—1830) — администратор управления доменами и лесами герцога Орлеанского, мэр в 1789 г., депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Нор.
34. «Actes du Comité de salut public», t. II, p. 516.
35. Ibidem, p. 517.
36. «Actes du Comité de salut public...», t. I, p. 564. После начала заседания Конвента 30 марта 1793 г. Камю предложил от имени Комитета декрет, первая статья которого гласила: «Конвент вызывает к своему барьеру генерала Дюмурье».

РЕПЛИКА ДАНТОНА

Но в первые дни после возвращения в Париж Дантон еще ждал дальнейшего развития событий. 27 марта он бурно выступает в Конвенте с революционными речами, но лишь бегло упоминает о событиях в Бельгии. Он ограничивается подготовкой своей защиты против первой атаки, пока еще косвенной и завуалированной, со стороны Жиронды. Казалось, он ищет прибежища в пламенном сердце Революции [37].

Дюко требует, чтобы военный министр сообщил обо всех произведенных им назначениях [38]. И напоминает о декрете, запрещающем народным представителям вмешиваться в распределение должностей посредством ходатайств. Он целил в Дантона, который после 10 августа часто диктовал военному министерству выбор кандидатов. И если теперь армия, плохо управляемая, а то пожалуй, и предаваемая, терпит бедствия, то не повинны ли в этом те самонадеянные люди, которые претендовали на то, чтобы давать ей командиров? Это был первый подкоп, скрытый и глубокий, объявление штурма.

«Я заявляю,— воскликнул Дантон с места,— что я рекомендовал министрам превосходных патриотов, превосходных революционеров. И нет такого закона, который мог бы лишить народного представителя права иметь свое мнение. Старый закон, который хотят вернуть, был абсурдным, он был отменен Революцией».

Во внезапном порыве он поднялся на трибуну и призвал Конвент к энергичным действиям, к борьбе, к неистовой и неукротимой борьбе. Он заранее подготовляет его к тому, чтобы противостоять зловещим неожиданностям ближайшего будущего.

«Я должен сказать вам правду, я вам скажу ее без всяких прикрас. Мне нет дела до всяких химер, которые желают распространять обо мне, мне важно только одно — иметь возможность служить родине! Да, граждане, вы не выполняете вашего долга. Вы говорите, что народ в заблуждении, но почему же вы отдаляетесь от народа? Приблизьтесь к нему, и он услышит голос разума. Революция может развиваться, она может укрепляться только с народом. Этот народ — ее инструмент, и вам надлежит им пользоваться. Напрасно вы утверждаете, что народные общества кишат нелепыми доносчиками, свирепыми доносчиками. Ну и что? Почему вы не идете туда, чтобы рассеять их заблуждения? Неужели вы рассчитываете достичь этого, изображая доведенного до отчаяния патриота сумасшедшим? Революции возбуждают страсти. Нация в состоянии революции подобна металлу, кипящему и возрождающемуся в тигле. Статуя свободы еще не отлита. Металл кипит. Если вы не будете наблюдать за ним в его горниле, он сожжет вас всех».

И он требует дать пику каждому гражданину, широкого движения всех сил против западных мятежников, энергичных действий Революционного трибунала: «Покажите себя революционерами. Покажите себя народу». И мимоходом, одним жестом, показывает Жиронде, которая его подстерегает, что он вооружен, что он будет защищаться.

«Я не хочу напоминать о некоторых неприятных прениях, я не хочу воспроизводить историю преследований, которым подвергали патриотов. Ибо, если бы в моем характере было копаться в деталях, я сказал бы вам, *что некоего генерала, которого так восхваляли, в дальнейшем увлекли на гибельный путь и, возбуждая его против самого народа, привели к тому, что он утратил свою популярность.*

Я приведу вам только один факт, *а затем прошу вас забыть его.* Ролан писал Дюмурье (и именно этот генерал показал это письмо Делакруа и мне): «Вам надо вступить в союз с нами, чтобы раздавить эту парижскую партию, и прежде всего этого Дантона». (*Громкий ропот.*) Судите сами, какое большое влияние на судьбу Республики должно было иметь воображение, способное рисовать подобные картины. Но давайте опустим занавес над прошлым, нам необходимо единство... Граждане, давайте делиться нашими знаниями, не будем предаваться ненависти друг к другу».

Удар был нанесен, предупреждение было ясным. Дантон давал знать Жиронде: лучше меня не трогайте, я сумею постоять за себя. Но он хочет единства. Однако он чувствует, что задет, что, несмотря на свою отвагу, уже умален. Он вынужден принимать меры предосторожности, хитрить, пустить отравленную стрелу в тот самый момент, когда он призывает к согласию и забвению обид. И его речь, порой исполненная непомерной энергии, в тот день была более высокопарной, чем обычно. В ней чувствовалось желание создать впечатление величия.

«Марсель объявил себя Горой Республики. *Она растет, эта гора, она покатит утесы свободы*, и враги свободы будут раздавлены».

Если я воспроизвожу эти образы, не имея в виду гарантии аутентичного текста, то только потому, что они имеются не только в «Монитёр» [39], но уже на следующий день были приведены в «Патриот франсэ» [40]. В этой декламации слышится некоторая усталость и стесненность.

И 30 марта, чувствуя вокруг себя атмосферу подозрений и угроз, Дантон вновь переходит в наступление. Измена Дюмурье

37. «Moniteur», XV, 807; «Archives parlementaires», LX, 603.
38. Ibidem. Дюко Жан Франсуа (1765—1793) — негоциант, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Жиронда.
39. «Moniteur», XV, 808.
40. «Le Patriote français», № 1523, 28 mars 1793, p. 348.

теперь уже почти несомненна. Теперь благодаря Проли, Дюбюиссону и Перейра известно, какие мятежные речи он держал [41]. Кризис приближается, и Дантон выступает навстречу обвинителям [42].

«С высоты этой трибуны я обязуюсь все сказать, на все ответить... Я требую, чтобы завтрашнее заседание было посвящено особому обсуждению, ибо придется заслушать много лиц, многих руководителей... Например, станет известно, что если бы тому пресловутому письму [от 12 марта], которое было зачитано всюду, за исключением этого зала, мы бы дали тот ход, какой мы могли ему дать, как только оно стало нам известно, что если бы в этих обстоятельствах мы не проявили всей той осторожности, которую нам диктовали события, то армия, лишенная начальников, отступила бы к нашим границам в таком беспорядке, что неприятель вошел бы вместе с нею в наши крепости. Я не прошу ни милости, ни снисхождения. Я выполнил свой долг в момент новой революции, как я это сделал 10 августа. И что касается этого, то, поскольку я только что слушал людей, которые, будучи, по-видимому, незнакомы с фактами и высказывая мнения, продиктованные предвзятостью, потребовали, чтобы я отчитался в своих действиях, я отвечаю, что отчитался в своих действиях, и готов еще раз отчитаться. Я требую, чтобы Исполнительный совет был запрошен по всем вопросам моей министерской деятельности. Я требую очной ставки с тем бывшим министром [Роланом], который своими недомолвками захотел бросить на меня тень подозрений.

Я на несколько мгновений принес в жертву свою репутацию, чтобы лучше послужить Республике, заботясь лишь о том, чтобы ей служить. Но сегодня я требую объяснений, я требую выдвинуть против меня все обвинения, ибо я решил сказать обо всем.

Итак, готовьтесь быть столь же откровенными, как я, будьте французами даже в вашей ненависти и откровенными в ваших страстях. Ибо я их жду».

Дантон призывает к дискуссии о всей его жизни, и в его речах уже просматриваются видения трагические, смягченные, однако, чувством иронии и гордой уверенности в себе.

«Граждане, нам нельзя терять ни мгновения. Вся Европа торопит заговорщиков. Как видите, людей, наиболее упорно настаивавших на необходимости набора рекрутов, проводимого наконец ныне для спасения Республики, людей, требовавших учреждения Революционного трибунала, требовавших посылки в департаменты комиссаров, дабы вдохнуть в них гражданский дух, ныне изображают чуть ли не заговорщиками. Жалуются на какие-то жалкие мелочи. И административные органы потребовали мою голову! *Мою голову! Она еще на месте и здесь останется. Пусть каждый употребит ту, которую он получил от природы, не для служения мелким страстям, а для служения Республике!*»

Монтаньяры чувствовали, что приближается решительная схватка. Они видели, как маневрирует Жиронда, стараясь связать Дантона с позором Дюмурье. И монтаньяры поддерживали своими возгласами великого революционера, как бы стремясь сообщить этому человеку, чью индивидуальную силу еще не удалось согнуть, огромную безличную силу Революции. Ласурс ответил, что прежде, чем заслушать объяснения Дантона, надлежит выждать появления Дюмурье у барьера [43]. Конвент с этим согласился. Это был искусный коварный шаг. Было ясно, что Дюмурье не замедлит превратиться в обвиняемого, а на тех, кто замешан, подобно ему, кто был рядом с ним, особенно на Дантона, падет тень его измены. Это была борьба насмерть. Оставалось только принять ее, как она есть. Глубина раны позволяла раненому льву измерить могущество рока, но он еще ощущал в груди гордую силу и торжество своей души.

Вечером 31 марта Дантон отправился к якобинцам, чтобы выступить там с объявлением войны Жиронде и главным образом чтобы восстановить свои связи с великой направляющей силой Революции. Он сказал, что считает себя ответственным перед ними, объяснил им свои отношения с Дюмурье и добавил, пойдя дальше, чем Робеспьер [44]:

«Не может быть и речи о роспуске Конвента, но пусть народные общества скажут народу: «Французскую нацию имеешь право представлять только тогда, когда обладаешь мужеством сказать: надо убить короля». Мы хотим здесь только того, что согласуется с разумом и законом. Если департаменты нас поддержат, если обращения поступят со всех сторон, мы сплотимся в Конвенте и, сильные поддержкой общественного мнения... добьемся этого декрета, который избавит нас от людей, не сумевших защитить народ.

Конвент засорен бывшими членами Учредительного собрания и аристократами. Постараемся очистить его без раздоров. Франция в целом свершит правосудие, когда нами будут исчерпаны все средства, которыми располагает общественное мнение».

Словно опасаясь, как бы Дантон не вернулся вновь к своей тактике примирения и выжидания, Марат, выступая в Якобинском клубе, постарался склонить его к боевой политике [45].

---

41. «Moniteur», XVI, 18. Протокол трех совещаний, которые граждане Проли, Перепра и Дюбюиссон имели с генералом Дюмурье во вторник, среду и в ночь с четверга на пятницу [26—29 марта 1793 г.] в Турнэ. («Moniteur», XVI, 15.)
42. «Moniteur», XVI, 6; «Archives parlementaires», LX, 717.
43. «Moniteur», XVI, 8; «Archives parlementaires», LX, 718.
44. A. Aulard. Op. cit., t. V, p. 113; Danton. Discours. Édition A. Fribourg, p. 325.
45. A. Aulard. Op. cit., t. V, p. 117. [См.: Ж.-П. Марат. Избранные произведения. Т. III, с. 280.— *Прим. ред.*]

«— Я далек от недостойной мысли вызвать недоверие к патриоту, мужество и принципы которого я уважаю. Дантон, не патриотизм твой я хотел критиковать, а твою непредусмотрительность. Если бы твердыми мерами ты предупредил измену Дюмурье, твоя законная суровость не оставила бы времени нашим врагам возобновить свои козни и вырыть пропасть у нас под ногами.

Дюмурье — ставленник той мерзкой клики, которая спровоцировала объявление войны. Из покровительствуемого он превратился в протектора, но они всегда злоумышляли вместе. Они предупредили взрыв общего негодования, который бы их уничтожил. Они и сейчас еще сдерживают этот взрыв. Я не удовлетворяюсь речами, мне нужны дела, и я не успокоюсь до тех пор, пока головы изменников не покатятся с эшафота. (*Аплодисменты.*)

Дантон, я требую, чтобы ты поднялся на трибуну и разорвал завесу.

Дантон: Я обязался это сделать, и я это сделаю.

— Выполни сейчас же свое слово. (*Аплодисменты.*) Выполни его с благородной непосредственностью сердца, бьющегося только для спасения отечества».

У Марата это, сказал бы я, чудесный порыв искренности. Над ним в это время ничто не тяготело. Ему не приходилось, как Дантону, раскаиваться в длительном попустительстве Дюмурье. Его сердце не было отягчено, как у Робеспьера, тайной завистью. Он ведал одну ненависть, абсолютную, безжалостную, ненависть к Жиронде. Но по отношению ко всем другим крупным революционерам он не испытывал никакой зависти. Пожалуй, он считал себя выше всех. Если в этот час он заклинал Дантона объясниться, защитить себя, разорвать опутавшую его сеть обвинений и подозрений, то не только для того, чтобы надежнее раздавить Жиронду с помощью этой, наконец освободившейся, революционной силы, но и для того, чтобы сохранить или вернуть Революции Дантона, всего целиком, для того, чтобы спасти его от расставленных ему ловушек и чтобы вновь направить против всех врагов свободы стремительный натиск этой мощной натуры. В этот час были моменты, когда Марат достигал величия, и его сердце, хотя и уязвленное и истерзанное, познало в часы кризиса цельные и неодолимые эмоции, каких никогда не ведала душа Робеспьера, тоже искренняя, но всегда расчетливая.

Верно ли, как это утверждали, что жирондисты решились на последний штурм Дантона после меры, принятой Комитетом общественной безопасности 31 марта? Одновременно с выдачей мандатов на арест ряда генералов и офицеров, подозреваемых в соучастии с Дюмурье, Комитет постановил опечатать бумаги Ролана [46]. Это явилось, несомненно, следствием доклада, сделанного 27 марта Дантоном с трибуны. Но в то же время Комитет обороны затребовал объяснений от Дантона, и распространился слух, что он вскоре будет арестован. Инцидент с бумагами Ролана

лишь немного добавил к озлоблению жирондистов против Дантона, и уже за несколько дней до этого было решено развернуть борьбу. Жиронда хотела спастись, погубив Дантона.

ВЫПАД ЛАСУРСА ПРОТИВ ДАНТОНА

Именно Ласурс, ядовитый Ласурс, всегда готовый на инсинуации и клеветнические комбинации как против своих коллег по Жиронде, так и против своих противников монтаньяров (еще недавно он распространял гнусный вымысел о Бриссо), именно этот человек с желчным характером священника попытался 1 апреля, на заседании Конвента, обличить Дантона [47]. Это Дантон восхвалял Дюмурье. Это Дантон после письма от 12 марта успокоил Комитет общественной обороны и этим помешал ему энергично действовать против Дюмурье. Это Дантон, вернувшись 25 марта из Бельгии в Париж, не счел необходимым сразу же явиться в Комитет, якобы для того, чтобы дать Дюмурье время довести свою измену до конца, не встретив никакого противодействия. Наконец (и здесь выявляется общий план интерпретации, который Жиронда применяла ко всему), именно Дантон, унижая Конвент, толкая его на насильственные действия, покрывая анархию и убийства, играл на руку Дюмурье и дал ему те предлоги для мятежа, в которых он нуждался.

«*Что нужно было сделать, чтобы обеспечить успех заговору Дюмурье? Надо было добиться того, чтобы Конвент потерял доверие общества. Что делает Дантон? Дантон дважды появляется на трибуне. Он упрекает Собрание в том, что оно не на высоте своих обязанностей* [48]. *Он возвещает новое восстание. Он говорит, что народ готов подняться* [*это выражение Дантона*], *а между тем народ был спокоен*».

Итак, его революционный патриотизм, его призыв к героизму народа в борьбе против иностранцев и эмигрантов выдаются за доказательство его соучастия с изменником, как свидетельство предательства. И кем? Той самой Жирондой, которая сначала выдвинула Дюмурье, которая, как свидетельствует сама г-жа Ролан, ввела его в жирондистский кабинет, которая ненадолго поссорилась с ним, когда он расшатал правительство, но поспешила опять сблизиться с ним, чтобы присвоить себе всю славу военных побед, уже обладая блеском красноречия и престижем власти;

---

46. «Actes du Comité de salut public», t. II, p. 592.
47. «Moniteur», XVI, 24; «Archives parlementaires», LXI, 51. Ласурс Марк Давид (1763—1793) — протестантский пастор в Кастре, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Тарн.
48. Намек на речь Дантона 27 марта 1793 г. («Moniteur», XV, 807.) «Необходимо, наконец, чтобы Национальный Конвент был революционным Собранием».

той самой Жирондой, которая всего лишь за двадцать дней до этого не хотела делить Дюмурье с теми, кого ныне обвиняет в том, что они якобы были его наперсниками, агентами, сообщниками. Редко в истории партий можно было видеть столь гнусный маневр. Извратить, чтобы повредить великому революционеру, то доверие, которое он питал к бесстрашному и блестящему талантливому полководцу, извратить те последние шансы, которые он дал непостоянному сердцу генерала, да и самой фортуне Революции, прежде чем решиться на бесповоротный разрыв и лишить армию любимого командующего,— это была беспрецедентная подлость. И в то же время это было страшно неосторожно. Ибо Дантон, подвергшись такому нападению, такой клевете, вынужденный выбирать между позорным падением или отчаянной защитой, должен был со всей своей энергией революционера, со всей своей мужественной отвагой повернуться против предательской Жиронды.

КОНТРАТАКА ДАНТОНА

Тридцать лет спустя Левассёр писал [49]: «Я никогда не забуду того момента, когда на заседании 5 апреля (это было 1-го, а не 5-го) Ласурс выступил со своим непостижимым обвинением против Дантона. Когда при помощи коварных сопоставлений он пытался превратить грозного монтаньяра в тайного сторонника Дюмурье, когда он делал натянутые заключения, чтобы сфабриковать некий призрак улик, когда он связывал все части этого жалкого сооружения, не скрывая своего рода самолюбования и тайного удовлетворения, Дантон оставался неподвижным на своей скамье, лишь его верхняя губа приподнималась с присущим ему выражением презрения, внушавшим некий страх; его взгляд выражал в одно и то же время гнев и презрение, его поза контрастировала с движениями его лица, и это причудливое смешение спокойствия и волнения говорило о том, что он не прерывает своего противника только потому, что ему будет легко ответить ему и что он уверен в том, что раздавит его. Но когда Ласурс закончил свою ядовитую критику и Дантон, проходя мимо наших скамей, чтобы взбежать на трибуну, тихо промолвил, показывая направо: «Негодяи, им хочется свалить свои преступления на меня», стало совершенно ясно, что его долго сдерживаемое бурное красноречие снесет наконец все плотины и его враги должны дрожать.

В самом деле, его выступление было скорее объявлением войны, чем защитительной речью. Его громовой голос прозвучал в Собрании, как грохот пушки, подающей сигнал тревоги, зовущей солдат на штурм. Наконец-то он отбросил те предосторожности, которые считал полезными для общественного блага, и, уверенный отныне в том, что жирондисты никогда не присоединятся к нему ради спасения свободы, он возвещал во весь голос, что эта любимая свобода может быть спасена и без них. Хватит, слишком часто отказывался он поднять перчатку, которую ему бросали почти на каждом заседании. Вызов был наконец-то принят. И, впервые выходя на арену во всеоружии, он должен был показать правой, что нелегко свалить такого бойца, как он».

В самом деле, грозная защитительная речь оказалась грозной обвинительной речью [50]. Что общего между ним и Дюмурье? Да, он щадил его, чтобы сохранить армию. Но его политика была противоположна действиям генерала-изменника. Дюмурье был против присоединения Бельгии. Он, Дантон, хотел присоединения и предложил его. Дюмурье рассчитывал *на здоровую часть Конвента*, а это все были враги его, Дантона. Дюмурье отвернулся от народа, а он боролся вместе с народом. Дюмурье стремился отомстить за смерть короля, а он, Дантон, добивался казни короля. О, как правы были монтаньяры, когда говорили ему, что с Жирондой примирение невозможно. «Да, граждане, это моя ошибка. Слишком долго оттягивал я сражение. Но теперь это война, беспощадная война против трусов, которые не осмеливались поразить тирана». И в течение двух часов его речь лилась, как поток лавы. Гора при этом взрыве столь долго сдерживаемых надежд и гнева была словно приподнята некой вулканической силой: Дантон становился ее кратером. В душе монтаньяров закипели все эмоции. Они любили Дантона за его великодушие, за его безудержную смелость, и они приветствовали его победу над теми, кто рассчитывал его сокрушить. Они чувствовали себя заодно с ним, с его великодушными ошибками, с его благородными неосторожными поступками, и по мере того, как он оправдывался, они сами чувствовали себя оправданными перед судом истории. Они устали от клеветнических измышлений жирондистов, приходили в ужас от всего того зла, которое их болтливая инертность причиняла Революции и отечеству. И они давно страдали от той осторожной тактики, которой придерживался Дантон. И вот он наконец сам потерял терпение. Вот он кричит, изливая свой гнев и принося облегчение всем этим страстным душам, утомленным долгим ожиданием. Им также лестно было слушать возвышенные извинения великого революционного гения за то, что он так долго медлил из великодушия. Все сердца сильно бились, и уже не аплодисментами, а боевыми, победными криками отвечали они на все заявления Дантона, на все его жесты, указывающие врага.

Марат, точно в восторге, как эхо повторял слова Дантона. Слушайте — кричал Дантон. Слушайте — повторял Марат [51]. На

49. Levasseur. Mémoires, t. I, p. 138.
50. «Moniteur», XVI, 25; «Archives parlementaires», LXI, 53; Danton. Discours, p. 331.
51. «Moniteur», XVI, 27; «Archives parlementaires», LXI, 56, 63.

какой-то момент все эти пламенные сердца слились воедино — великолепный поток слившихся воедино страстей. И здесь можно было бы воспроизвести великолепное образное выражение. «Металл кипит в тигле». И Жиронда должна сгореть в нем.

Как мы видели, и спустя 36 лет, когда от этих отдаленных воспоминаний должен был, казалось, остаться только пепел, Левассёр сохранил совсем еще горячие впечатления от этого дня [52]:

«Чтобы оценивать все впечатление, произведенное на нас этой красноречивой импровизацией, надо вспомнить, что до этого момента Дантон старался достигнуть примирения между двумя сторонами Собрания. Надо вспомнить, что, хотя он сидел на вершине Горы, он был своего рода вождем *Болота*. Надо вспомнить, наконец, что он часто порицал нашу горячность, боролся с недоверчивостью Робеспьера и утверждал, что вместо того, чтобы воевать с жирондистами, надо заставить их помогать нам, чтобы вместе спасти отечество.

Даже за несколько дней до злосчастного выступления Ласурса и только что мной изложенной сокрушительной реплики Дантона последний имел совещание с главными деятелями правого крыла,— совещание, на котором договорились действовать в согласии и не думать более ни о чем, кроме одного — разбить чужеземцев и сокрушить аристократию. Все мы любили Дантона, но большинство наших думали, что он неверно судит о положении вещей, когда надеется восстановить союз между жирондистами и монтаньярами. Большинство из нас, правда, согласились идти вместе с ним к слиянию, на которое он, по-видимому, возлагал большие надежды; но пошли на это скорее ради еще одной попытки, в которую мало верили, чем из убеждения в успехе, который нам обещал Дантон. Вот почему, когда этот пламенный оратор, неуклюже спровоцированный одним из разведчиков противной партии, с такой силой ответил на неосторожные атаки, когда он во весь голос объявил войну тем людям, с которыми, о чем мы давно знали, никакой мир невозможен, когда он, так сказать, сжег свои корабли, чтобы уничтожить всякую возможность отступления, *нас всех охватил бурный энтузиазм*. Мы рассматривали неожиданное решение Дантона как предвестник верной победы. Когда он сходил с трибуны, многие депутаты бросились целовать его».

Марат в номере своей газеты от 3 апреля выразил самые благородные чувства, переполнявшие его в этой радости [53]:

«Трибуны разделяют мое негодование, и общественное мнение, более сильное, чем все декреты мира, вызывает Дантона на трибуну вопреки усилиям государственных людей, направленным к тому, чтобы не допустить его к ней. Он получает слово, он признает наконец, что осторожность, продиктованная ему стремлением к примирению и любовью к миру, является неверным путем. С благородным самоотречением он кается в своей неуместной осторожности. Он объявляет войну дьявольской клике государственных людей, он сокрушает их обман, он выставляет их в смешном виде и выходит победителем из этой борьбы под ликующие крики публики.

Я сожалею, что не располагаю временем для изложения его речи. Замечу только, что была она мастерской и тем более ценной, что содержит взятое Дантоном определенное обязательство бороться отныне с неукротимым мужеством. *От этого знаменитого патриота должно ожидать многого; взоры народа обращены на него, и он ждет его на поле чести*».

Это был конец. Одна из двух партий должна была пасть. Дантон хорошо понял это. Он немедленно сделал вывод из своей речи и 2 апреля заявил в Якобинском клубе: «Следует дать разъяснения департаментам, чтобы можно было изгнать из Конвента всех интриганов». Он предложил написать по этому вопросу аффилиированным обществам [54].

---

52 Levasseur Op cit, t. I, p 143

53 «Le Publiciste de la République française», 3 avril 1793 «Полное разоблачение измены Дюмурье и его сообщников — вожаков клики государственных людей.» [См · Ж-П Марат Избранные произведения Т III, с 284 — *Прим ред*]

54. A Aulard Op cit, t V, p 122 Danton Op cit, p 370 См следующую главу, с 405, прим 16

Глава седьмая

ГОРА В БОРЬБЕ С ЖИРОНДОЙ

Начинается революционная осада Жиронды. В этой борьбе Гора должна была одержать верх не только потому, что она опиралась на полные энергии силы Парижа, но и потому, что она одна действовала решительно в интересах Революции и отечества.

6 апреля был учрежден Комитет общественного спасения в составе девяти человек, проводивший свои дискуссии секретно [1]. Этот Комитет был создан по предложению непостоянного Испара, выразившего мнение Комитета общественной обороны, но также под влиянием и в результате действий Горы, несмотря на сопротивление со стороны Бюзо, Бирото, Дюфриш-Валазе и почти всех жирондистов. Таким образом, именно монтаньяры дали оказавшейся в опасности Революции тот орган, без которого она погибла бы, орган, который способен был быстро принимать решения и немедленно исполнять их. Именно под влиянием Горы Конвент, перейдя от теории к практике, принимает в мае декрет о выпуске принудительного прогрессивного займа, подлежащего распределению среди богатых, укрепляет таким образом курс ассигнатов и спасает от катастрофы революционные финансы [2]. Именно под влиянием Горы и вопреки Жиронде Конвент обеспечил снабжение народа хлебом, декретировав 3 и 4 мая максимум на зерно [3]. Это Коммуна, союзник Горы, организовала те парижские вооруженные силы, которые отправились в Вандею для борьбы с контрреволюцией [4]. Именно Гора совместно с Коммуной ускорила рекрутский набор. И наоборот, средние классы, составлявшие политическую клиентелу Жиронды, начинали оказывать сопротивление революционному набору. Приказчики магазинов в Париже, как и в Лионе, проявляли реакционные тенденции. Банды буржуа появлялись на Елисейских полях с криками «Долой якобинцев!», к которым, возможно, примешивались крики «Да здравствует король!».

Повсюду Жиронда гасила или охлаждала революционный пыл. Она даже подыскивала оправдания для действовавшей на западе страны контрреволюции.

В номере от 21 мая «Кроник де Пари», которую в то время редактировали два жирондиста, Дюко и Рабо-Сент-Этьенн, я читаю следующие поразительные слова, свидетельствующие о своего рода пагубной солидарности, которую порождал между Жирондой и контрреволюцией общий дух отрицания и сопротивления [5]:

«Робеспьер Младший [6] взялся оправдать это поведение трибун, обрушив на тех, кто на это жаловался, самые резкие обвинения. Он обвинил некоторых из своих коллег, перечислив их поименно, в том, что они говорят с трибунами языком мятежников Вандеи.

В таком случае эти мятежники скоро исправятся, поскольку они, как и обвиненные члены Конвента, требуют, чтобы к Конвенту относились с уважением и чтобы республиканская Конституция сменила ту анархию, которая нас пожирает; между ними и патриотами могут быть лишь недоразумения».

Несмотря на примесь некоторой иронии, здесь налицо несомненные авансы в сторону Вандеи и уже открытая попытка образования широкой партии консерватизма и умеренности. Если бы Революция оказалась под руководством жирондистов, она бы разложилась.

---

1. «Moniteur», XVI, 75; «Archives parlementaires», LXI, 343 (проект декрета, представленный Испаром от имени его коллег Дантона, Тюрио, Матье и Барера и в развитие декрета, принятого 5-го утром), 373. Испар был депутатом от департамента Вар; Бюзо — от департамента Эр; Бирото — от департамента Восточные Пиренеи; Дюфриш-Валазе — от департамента Орн.
2. Принудительный заем в один миллиард, которым облагались богачи, был окончательно декретирован 20 мая 1793 г. («Moniteur», XVI, 438)
3. «Archives parlementaires», LXIV, 55. В действительности этот первый максимум породил столько трудностей, что он не был проведен в жизнь. Напомним, что в Париже фунт хлеба уже стоил 3 су.
4. См. «L'Adresse aux Parisiens» от 29 апреля 1793 г. («Moniteur», XVI, 266.) «Граждане, спешите: в Вандее бьют в набат, отечество призывает вас туда.. »
5. «Chronique de Paris», № 141, 21 mai 1793, p. 1
6. Робеспьер Огюстен, прозванный Младшим (1763—1794), — адвокат в Аррасе, депутат Конвента от Парижа.

НАДЕЖДЫ ФЕРЗЕНА И КОАЛИЦИИ

Положение было столь серьезно, измена Дюмурье и восстание на западе породили у врагов Франции столь радужные надежды, что Ферзен в своих письмах к Марии Антуанетте обращался к ней так, как если бы через несколько дней ей предстояло стать регентшей Франции. Из Тампля, где она находилась в заключении, она вела переписку с внешним миром при посредничестве одного из двух комиссаров Коммуны, Тулана, тронутого ее горем и печальной красотой.

Таким образом, в марте или апреле г-н де Жарже смог послать Ферзену копию записки, полученной им от «королевы» [7]:

«Прощайте, я полагаю, что, если вы действительно решили уехать, лучше сделать это скорее! Господи! Как мне жаль вашу бедную жену. Т... [Тулан] сообщит вам формальное обязательство, которое я беру на себя, вернуть ее вам, если у меня будет возможность это сделать. Как я была бы счастлива, если бы мы могли вскоре все соединиться! Я никогда не отблагодарю вас за все, что вы для нас сделали. *Прощайте! Какое жестокое слово!*»

А Ферзен этим же путем посылает ей следующее письмо, датированное 8 апреля и все посвященное плану установления в ближайшее время регентства и реставрации [8]:

«Вы окажетесь скоро в очень затруднительном положении, вы будете многим обязаны одному негодяю [Дюмурье], который фактически уступил только под давлением необходимости: он лишь тогда пожелал хорошо себя вести, когда понял, что дальнейшее сопротивление невозможно. Вот и вся его заслуга перед вами. Но этот человек полезен, надо воспользоваться его услугами и забыть прошлое. Надо даже делать вид, будто вы верите в его добрые намерения, о которых он поведет речь; надо даже откровенно действовать заодно с ним ради достижения того, чего вы желаете, и восстановления монархии во всей ее целостности, такой, как вы хотите и как позволят то обстоятельства. В отношении Дюмурье вы ничем не рискуете. В данный момент его интересы тесно связаны с вашими и с восстановлением вашей власти как регентши. *Он должен опасаться власти Мосьё* [старшего из братьев короля] *и влияния принцев и эмигрантов.* Но вам следовало бы постараться не слишком связывать себя обязательствами по отношению к нему и прежде всего по возможности отстранить всех прочих интриганов, которых он захочет устроить на должности и рекомендовать. Эти люди создадут вам затруднения, и вам не трудно будет убедить и его, что и ему они создадут неудобства и могут умалить ваши обязательства по отношению к нему и уменьшить награды, на которые он должен рассчитывать, ибо будут мешать вам в осуществлении того, что вы хотели бы сделать для него. Это человек тщеславный и жадный, он оценит силу этого умозаключения, а ваш ум подскажет вам лучше, чем я, что ему следует сказать после этого.

Ваша воля в вопросе о восстановлении монархии будет также стеснена влиянием союзных держав. *Уже нет сомнений, что вопрос о частичном расчленении королевства решен.* Эти державы, за исключением Пруссии, России и Испании, заинтересованы в том, чтобы дать Франции такое правление, которое держало бы ее в состоянии слабости.

Г-н де Мерси [9] может и обязан давать вам советы только в этом духе. Поэтому вам не следует особенно доверять тому, что он будет вам говорить на сей предмет, и противопоставить этому мнения людей разумных, заинтересованных, как и вы, в восстановлении монархии и вашей власти. Благодаря такому противопоставлению можно достигнуть менее неблагоприятного для вас результата.

Вы не можете быть регентшей без канцлера и регистрации парламентов, и на этом следует настаивать. Это даже основание для того, чтобы делать до этого возможно меньше. Вам нужен Регентский совет, надо созвать его прежде, чем что-либо делать. Не надо колебаться ввести туда принцев крови, даже принца Конде; это способ свести его на нет. Надо постараться помешать Дюмурье стать его председателем или членом и откровенно поговорить с ним на этот счет, если он проявит малейшее желание занять эти посты. Вообще, до того как вы будете признаны регентшей и сформируете ваш Совет, надо возможно меньше делать и не скупиться на любезности со всеми...

Епископ, с которым я много беседовал и которому я изложил свои идеи, объяснит их вам лучше, чем это сделал бы я письменно. Вы будете удовлетворены им и его рассудительностью. Он вас осведомит обо всем, я же нашел его очень разумным и понимающим необходимость применяться к обстоятельствам. Если бы оказалось необходимым, чтобы Дюмурье стал во главе Регентского совета, или если бы вы даже предоставили этот пост Мосьё, было бы хорошо ввести туда барона [де Бретёй], если вы не хотите поставить его во главе этого Совета.

---

7. «Le comte de Fersen et la cour de France. Extraits des papiers... de Fersen», publiés par... le baron R.M. de Klinckowstrom. Paris, 1878, 2 vol., t. II, p. 408. Тулан, член Парижской коммуны, комиссар в Тампле, был обвинен в Генеральном совете в связях с «вдовой Капет» 20 апреля 1793 г. («Moniteur», XVI, 193), предан суду Революционного трибунала и приговорен к смертной казни 30 июня 1794 г. («Moniteur», XXI, 120.)
8. «Le comte de Fersen et la cour de France», t. II, p. 408.
9. Граф де Мерси д'Аржанто был послом Австрии во Франции в 1789 г. Вынужденный покинуть Париж в 1790 г., он обосновался в Брюсселе, чтобы там отстаивать интересы австрийского двора.

Суждения эти продиктованы исключительно моим рвением. Обстоятельства могут внести в них бесконечно много изменений, и они годятся, лишь как предмет для размышлений. Следовало бы написать императору, королям Пруссии и Англии, они держали себя превосходно в отношении вас, особенно король Пруссии. Следовало бы написать также и императрице, просто и с достоинством, ибо я не доволен ее поведением: она так и не ответила на ваше письмо».

Нужно ли отмечать, сколь жалки и трагичны все эти меры предосторожности, предпринимаемые Ферзеном в ожидании почти немедленного восстановления монархии против чрезмерного влияния и притязаний эмигрантов, графа д'Артуа и Дюмурье? Я знаю, что Ферзен очень скоро утратит свои иллюзии и что через несколько недель он будет констатировать, что «измена Дюмурье принесла мало пользы». Но был момент, когда враги Революции поверили, что она уже в их власти.

Герцог Седерманландский писал Ферзену 16 апреля из Стокгольма [10]:

«Наконец-то наступает момент, когда прекратятся безумие и трагические и кровавые успехи Франции, когда она будет наконец возвращена под власть своих законных повелителей, когда несчастная семья Бурбонов, наш давний и подлинный друг, вступит в пользование своими старинными правами, когда мы увидим Людовика XVII, восстановленного наконец на троне своих отцов, направляемого нежной и почитаемой матерью, принимающего дань уважения от народа виновного, но введенного в заблуждение и в то же время грозной рукой карающего убийц своего отца, возвращающего спокойствие Европе, восстанавливающего оскорбленную монархию, уничтожающего ту нечестивую секту, чьи гнусные принципы угрожали заразить мир всеобщим варварством».

И несмотря на разочарование, вызванное провалом попытки Дюмурье, которого покинула его армия, коалиция была уверена, что Революции пришел конец. 26 апреля барон Стединг писал из Санкт-Петербурга [11]: «План поставить во главе движения недовольных в Бретани графа д'Артуа согласован между Испанией, Англией и Россией» Дампьер, пытаясь остановить вторжение на границе Бельгии, был отброшен и 9 мая смертельно ранен. Крепостям на севере Франции угрожала блокада [12].

Всем этим опасностям и угрозам надлежало противопоставить силу, действующую стремительно, прямо, без колебаний и путаницы, а Жиронда со своим духом критики, очернения и отрицания, со своими узкопартийными интересами и завистью стала для Революции мертвым грузом, от которого она должна была избавиться.

ЖИРОНДА, АПЕЛЛЯНТЫ И ЯКОБИНЦЫ

Но это устранение могло быть осуществлено мирным и законным путем. Нельзя было надеяться на то, что Конвент лишит наиболее скомпрометированных жирондистов их мандатов или даже что он полностью сведет на нет их влияние в Комитетах и обречет их в соответствии с планом Робеспьера на политическое небытие. Жиронда обладала большинством в Конвенте. В марте, апреле и мае она особенно старается утвердить свое численное превосходство и свою волю не отрекаться от него при выборах председателей [Конвента]: 7 марта — Жансонне; 21 марта — Жан де Бри; 4 апреля — Дельмас; 18 апреля — Ласурс (после коварного выпада против Дантона); 2 мая — Буайе-Фонфред и 16 мая — бесноватый Испар. (См. список председателей Конвента, составленный Оларом [13].)

Правда, большинство ускользало от Жиронды, когда нужно было принимать энергичные меры для спасения Революции. В таких случаях люди Центра во главе с Барером переходили на сторону крайне левой, и в вопросе о смертной казни короля, против обращения (апелляции) к народу, о принудительном займе они образовывали большинство вместе с Горой. Но они поворачивались против Горы всякий раз, когда в союзе с Коммуной она проявляла желание оказать давление на Конвент. Центр, эта партия равновесия, хотел сдерживать те две крайние силы, между которыми он маневрировал, и он бросался на помощь к Жиронде, когда казалось, что та в опасности. Левассёр очень четко и убедительно объяснил эту игру партий в Конвенте [14]:

«Декрет о *максимуме* был принят, несмотря на выступления некоторых жирондистов. Часть правого крыла голосовала по этому вопросу с нами. Кто после этого станет говорить, что большинство подверглось насилию извне? На такое утверждение можно

---

10 «Le comte de Fersen et la cour de France.. », t. II, p. 412. Герцог Седерманландский был регентом Швеции

11. Ibidem, t II, p 415 Барон Стединг был шведским послом в России

12. Дампьер (1756—1793) был временно назначен 4 апреля 1793 г главнокомандующим Северной и Арденнской армиями Во время попытки отбить натиск Конде 8 мая 1793 г, когда он шел в атаку во главе своих войск, ему оторвало ядром ногу Он умер на следующий день 11 мая Конвент принял постановление о перенесении его останков в Пантеон

13 «Moniteur», XV, 644; XV, 765; XVI, 66; XVI, 181; XVI 303; XVI, 411; де Бри был депутатом от департамента Эна, Дельмас — от департамента Верхняя Гаронна [См. А Олар Политическая история Французской революции М , 1938, с 392—394 — *Прим ред*]

14 Levasseur. Mémoires, t I, p 150.

было бы ответить одним словом. *У жирондистов всегда было большинство, когда дело сводилось к межпартийным раздорам*, однако это были вопросы наиболее острые, способные вызвать народные движения, наконец, вопросы, в которых можно было попытаться запугать людей робких. Почему же нам удавалось провести все общественно полезные меры? Когда шли прения по вопросу обвинения Марата, по поводу мартовских волнений, петиций секций, Комиссии двенадцати, большинство было у Жиронды. Почему же перевес сил был на нашей стороне, когда в Конвенте поставили на голосование декрет о *максимуме*, вопрос о методах революционного набора в армию, о Чрезвычайном трибунале, о принудительном займе и т. д.? Так было, очевидно, потому, что наши противники собирали все и вся для межпартийных споров, а мы думали о делах Франции. Потому что, будучи врагами Горы, правое крыло и Болото объединялись для ожесточенной войны с нами, тогда как все сидевшие на их скамьях искренние друзья Революции голосовали с нами по всем вопросам, касавшимся общественного блага. Впрочем, Жиронда находила определенный интерес в том, чтобы предоставлять нам таким образом руководство делами, продолжая при этом всячески притеснять нас. Так можно было выдавать нас за угнетателей. При этом вся заслуга успешных мер, как, например, та внушительная мощь, которую удалось придать нашим четырнадцати армиям, приписывалась юридически и фактически большинству, тогда как на нас одних сваливали все беды, связанные с мерами жесткими, но временно необходимыми, такими, например, как *максимум* и Революционный трибунал».

Итак, нельзя было ожидать законной развязки кризиса, и только силой можно было его разрешить. Следуя совету Дантона [15]. Якобинский клуб обратился к своим аффилированным обществам с горячим призывом потребовать отозвания жирондистов из Конвента [16].

«Друзья, нас предают! К оружию! К оружию! Настал грозный час, когда защитники отечества должны победить или пасть под окровавленными обломками Республики... Но не только эти опасности вам угрожают! Вам надо открыть весьма прискорбную истину! Ваши самые опасные враги находятся среди вас, они руководят вашими действиями. Отмщение! Они управляют вашими средствами обороны!

Да, братья и друзья, в самом Сенате руки отцеубийц раздирают ваше нутро! Да, контрреволюция обосновалась в правительстве, в Национальном Конвенте. Это там, в средоточии вашей безопасности и ваших надежд, преступные уполномоченные держат в своих руках нити заговора, который они сплели с ордой деспотов, пришедших удушить нас. Это там обитает кощунственная клика, направляемая английским двором и другими...

Пусть департаменты, дистрикты, муниципалитеты, пусть все народные общества объединятся и договорятся предъявить Конвенту требования, направить ему, обрушить на него дождь петиций, выражающих *формальное требование немедленно отозвать всех вероломных депутатов, нарушивших свой долг, выступив против казни тирана, и особенно тех, кто ввел в заблуждение столь великое число своих коллег. Такие уполномоченные — изменники, роялисты или глупцы*».

Якобинский клуб обратился с этим пламенным призывом 5 апреля. Марат, председательствовавший в тот день на заседании, первым поставил под ним свою подпись в качестве председателя. Призыв этот отражал неистовый гнев Дантона. Он шел дальше осторожной мысли Робеспьера, который хотел не аннулировать мандат жирондистов, а постепенно свести его на нет. Однако обращает на себя внимание эволюция в замысле тех, кто хочет покончить с правым крылом. Поначалу Дантон, раздраженный, ожесточенный, требует отозвания всех тех, кто не голосовал за смертную казнь короля. По размышлении якобинцы, революционеры левого крыла, поняли, что такая политика таит для них двойную опасность. Прежде всего, исключить из Конвента всех голосовавших за обращение к народу (а их насчитывалось 296 человек) значило лишить его более трети его членов; по сути, дело это было равносильно его роспуску. Ибо какой властью обладало бы столь урезанное Собрание? Следовательно, пришлось бы заменить исключенных депутатов их заместителями, но будут ли они лучше? Значит, необходимо было бы снова созвать первичные собрания. Но созывать эти собрания в департаментах, которые до сих пор были представлены жирондистами, и только в этих департаментах,— это значило дать слово только той части Франции, где Гора имела наименьшее влияние. Это было также связано с риском дезавуировать революционное решение Национального Конвента этим частичным голосованием. А главное, и что самое парадоксальное, это означало апеллировать к народу, чтобы покарать сторонников апелляции к народу, и признать жирондистский метод до такой степени, чтобы использовать его как средство для уничтожения Жиронды. Поэтому революционеры вскоре стали подумывать о том, чтобы ограничиться исключением главарей, тех, о ком якобинский призыв гласил, что «они ввели в заблуждение столь великое число своих коллег».

Но если исключить только двадцать или тридцать депутатов, то кто осуществит выбор? Кто составит проскрипционный список? Это не может сделать сам Конвент. Ибо, если еще можно понять

15. См. предыдущую главу, с. 397, прим. 54 (заседание Якобинского клуба 2 апреля 1793 г.).
16. A. Aulard. Op. cit., t. V, p. 126. Подписано: «Марат, председатель; Дюбюиссон, вице-председатель».

неукоснительность, с какой Конвент, применив точный, но в то же время общий и безличный критерий, отослал бы к первичным собраниям всех депутатов, повинных в том, что они не голосовали за смертную казнь королю, то как допустить, чтобы он произвел отбор среди них? Это было бы актом самодержавного и прямого насилия, какого никто не мог ожидать от Конвента. И ограничить число исключенных двадцатью или тридцатью — это, конечно, означало бы не допустить роспуска Конвента и избежать опасного обращения к первичным собраниям, но это также означало бы передать право решать повстанческой силе, и только ей одной.

ЖИРОНДА ПРИВЛЕКАЕТ МАРАТА К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПЕРЕД РЕВОЛЮЦИОННЫМ ТРИБУНАЛОМ

Жиронда приняла брошенный ей вызов. Она потребовала, чтобы Марат, виновный в подстрекательстве к покушению на национальное представительство, предстал перед судом Революционного трибунала.

И действительно, он был направлен туда декретом, принятым 12 апреля большинством в 226 голосов против 93 [17], при огромном числе не участвовавших в голосовании. 374 депутата находились в командировках, в отпуске или отсутствовали, среди последних — Камбон и Барер. Тщетная попытка! Марат, разоблачивший коррупцию Мирабо, предсказавший измену Дюмурье, опирался на силу Революции. Сразу после принятия декрета о привлечении к судебной ответственности, окруженный патриотами Горы и трибун, он отказался идти в тюрьму Аббатства.

«Конечно, скажут, что я не повиновался закону,— писал он на следующий день [18].— Я заявляю, что не считаю законом постановления, принятые кликой государственных людей против патриотов Горы, постановления, принятые среди бури страстей, среди оглушительного гама. Законы должны приниматься в тишине и с достоинством. Если бы нация могла видеть те скандальные сцены, которые разыгрываются в Конвенте, она немедля изгнала бы оттуда часть своих уполномоченных как недостойных ее доверия, как сбежавших из сумасшедшего дома, как изменников. Таковы эти мнимые законодатели Франции, которые хотят вменить мне в преступление сопротивление угнетению».

Но, говоря по правде, что́ в то время означало слово «закон»? Законность предполагает, что партии сохраняют определенное уважение друг к другу даже в своих самых ожесточенных столкновениях. Она предполагает, что, несмотря на противоположность принципов и интересов, у партий есть некое общее достояние, которое в моменты опасности может быть защищено общими усилиями. А у Жиронды и Горы действительно было, несмотря на

отвратительные клеветнические измышления, которые превратно представляли каждую партию в глазах другой, общее и славное достояние Революции. Но в том состоянии крайнего ожесточения, которое охватило их всех, они уже не верили в это.

Они дошли до того, что прониклись пагубным убеждением, что их противники изменяют, служа то ли роялистам, то ли герцогу Орлеанскому. Во всяком случае, они уже не могли больше договориться о средствах и способах защиты находящейся в опасности Революции. Стало быть, не было уже между ними той необходимой связи, без которой законность не более чем пустое слово.

Марат уклонился от тюрьмы, но он твердо решил предстать перед Революционным трибуналом. Уже пораженный недугом, от которого он должен был умереть, когда Шарлотта Корде нанесла ему удар кинжалом, он берег свои силы, чтобы прожить еще несколько месяцев и продолжать борьбу.

«Для того чтобы предстать перед Революционным трибуналом, я жду только уведомления, что он должен меня судить. Я полностью верю в справедливость моих судей. Мне не составит труда посрамить моих клеветников, добиться полного признания моей невиновности, вновь обрести свободу и снова посвятить себя защите отечества. Мое присутствие на трибуне Конвента более, чем когда-либо, необходимо сейчас, когда общественному спасению угрожают со всех сторон. Вот почему я горел нетерпением покончить со всем этим делом, положить конец злодеяниям моих врагов. Если я отказался идти под стражу, то по соображениям благоразумия. *Вот уже два месяца, как я страдаю от воспалительной лихорадки, которая требует особого ухода и располагает к резкости.* Я не хотел предаваться в мрачном помещении, среди грязи и паразитов, горестным размышлениям о судьбе добродетели в этом мире, порывам негодования, возникающим в благородной душе при виде тирании, подвергать себя опасности преувеличений, которые являются неизбежным следствием всего этого, и несчастий, которые могли бы явиться результатом какой-нибудь роковой вспышки гнева» [19].

Любопытно, что именно в то время, когда Марат уже был поражен этой воспалительной лихорадкой, он написал свои наиболее осмотрительные статьи. Он, несомненно, следил за собой и старал-

17. «Moniteur», XVI, 140; «Archives parlementaires», LXII, 69.
18. «Le Publiciste de la République française», 16 avril 1793 («Клика государственных людей старается погубить депутатов-патриотов... Они принимают решение об аресте Друга народа...»). «На следующий день»: декрет об аресте Марата был принят 12 апреля 1793 г., а не 15-го, как пишет Жорес.
19. «Le Publiciste de la République française», 17 avril 1793 («Слепая ярость клики государственных людей против Друга народа...»). [См.: Ж.-П. Марат. Избранные произведения, т. III, с. 294.— *Прим. ред.*]

ся, несмотря на свой раздражительный нрав, сохранять некоторое спокойствие и чувство меры.

Обвинительный акт прибыл в министерство юстиции 22 апреля. Вечером того же дня Марат явился в тюрьму [20].

«Меня сопровождали несколько моих коллег по Конвенту, один полковник национальной гвардии, один капитан второго ранга, которые не покидали меня. Как только я вошел в тюрьму, несколько муниципальных должностных лиц и служащих администрации явились туда, чтобы блюсти мою безопасность. Они провели со мной ночь в комнате, которую распорядились прибрать. Туда принесли хорошую кровать, и мне был предложен ужин, который они распорядились приготовить в городе. В своих охранительных мерах и заботливости они дошли до того, что сопровождали лично блюда и *распорядились принести тщательно запечатанные графины с водой.*

Еще накануне некоторые парижские секции, в частности секция Четырех наций и секция Кенз-Вен, назначили каждая четырех комиссаров, чтобы сопровождать меня в трибунал и следить там за моей безопасностью. Все патриотические общества приняли такие же меры: множество добрых патриотов уже заполнили зал трибунала» [21].

Марат отвечал на вопросы твердо и умно. Он вновь дал объяснения по поводу своей статьи от 25 февраля, заявил, что никогда не хотел унизить Конвент, что, впрочем, никто не в состоянии оклеветать великое Собрание и что последнее только само могло себя унизить, если бы не выполняло своего долга. Трудность для него заключалась в том, чтобы, настаивая на неприкосновенности народных представителей, не дать тем самым заранее Жиронде возможность прикрыться этой неприкосновенностью. Он не обошел этой трудности.

«Итак, обвинительный акт недействителен,— заявил он в письменном заявлении,— поскольку он диаметрально противоположен основному закону, который не был отменен и никоим образом не может быть отменен. Он недействителен, поскольку он посягает на самое священное из прав народного представителя. *Это право не включает права строить козни против государства, злоумышлять против интересов свободы* ..» и т. д. [22]

Революционный трибунал, состоявший из людей, которым «Патриот франсэ» недавно выражала свое полное доверие, единогласно провозгласил: «Не установлено, чтобы обвиняемый призывал в своих статьях к убийствам и грабежу, к восстановлению единоличного главы государства, к унижению и роспуску Конвента» [23].

Народ с триумфом отнес Марата в Конвент: шествие получило разрешение пройти по улицам. И Марат, которого обнимали и целовали патриоты Горы, которого возгласами приветствовали трибуны, какой-то момент казался королем Парижа [24].

ВЫСТУПЛЕНИЕ СЕКЦИЙ ПРОТИВ ЖИРОНДЫ

Парижские секции, не дожидаясь судебного решения, решили нанести прямой удар главарям жирондистов. Революционные силы, делегаты секций собрались в Епископском дворце, по соседству с ратушей. Они составили обращение, которое было прямым обвинительным актом против главарей Жиронды. 15 апреля оно было зачитано Русселеном в Конвенте [25]:

«Парижане первыми начали Революцию, разрушив Бастилию . Они пришли сюда не для того, чтобы совершить акт, несовместимый с национальным суверенитетом, в чем их повседневно обвиняют Они пришли изложить желание, которому большинство их собратьев в департаментах придаст силу закона. Одно их положение заставляет их первыми выступить с призывом к мести.

Мы здесь торжественно признаем, что большинство Конвента безупречно, ибо оно поразило тирана. Стало быть, мы вовсе не требуем, как этим пугают, ни роспуска Конвента, ни остановки политической машины. Мы далеки от такой поистине анархической идеи, придуманной предателями, которые, чтобы вознаградить себя за отозвание, которое изгонит их из этого зала, хотели бы по крайней мере насладиться зрелищем смуты и беспорядков во Франции Мы пришли, вооруженные тою частью общественного мнения, которую представляет Парижская коммуна, дать сигнал

---

20 «Le Publiciste de la République française», 27 avril 1793 («Друг народа сам объявляет себя заключенным Его появление перед Революционным трибуналом »). См также номера от 24 апреля («Средства защиты Друга народа от клики государственных людей ») и от 25 апреля («Юридическая защита Жан-Поля Марата, депутата Конвента, против клики государственных людей и ее гнусных клеветников»)

21 См собрание документов, указанных у: A Tuetey Répertoire général des sources manuscrites de l histoire de Paris pendant la Révolution française, t VIII, numéros 2319 à 2361

22 «Le Publiciste de la République française», 28 avril 1793 («Друг народа перед судом Трибунала. . Его блестящая победа над его коварными врагами»)

23 Постановление Революционного трибунала от 24 апреля 1793 г. (A Tuetey Op. cit , t VIII, № 2357)

24 «Le Publiciste de la Republique française», 29 avril 1793 («Друга народа с триумфом сопровождают из Революционного трибунала в Конвент ») См A Tuetey Op cit , t VIII, № 2359; «Archives parlementaires», LXIII, 217, заседание Конвента 24 апреля 1793 г [См Ж -П Марат Избранные произведения, т III, с 301 и сл — *Прим ред*]

25. «Moniteur», XVI, 156; «Archives parlementaires», LXII, 132. См.: M Mortimer-Ternaux Op. cit , t VII, p 144; E Mellié Les sections de Paris, p 132. Русселен — речь идет о Русселене де Сент-Альбен (1773—1847), друге Дантона, секционном активисте, редакторе «Feuille de salut public» (во II г) См A Tuetey Op cit , t VIII, № 2371—2373 О Русселене см. ниже, с 413, прим. 33 и 34

к мести, который будет повторен всей Францией; мы ей укажем преступления и имена этих коварных представителей».

И после обширного обвинительного заключения, в котором Гюаде, Верньо, Бриссо и Петион, главным образом двое последних, были особенно заклеймлены, они заключили:

«Мы требуем, чтобы это обращение, являющееся определенным выражением единодушного, продуманного и твердого мнения секций, составляющих Парижскую коммуну, было доведено до сведения всех департаментов путем посылки чрезвычайных курьеров и чтобы к нему был приложен нижеследующий список большинства представителей, виновных в измене суверенному народу, с тем чтобы сразу после того, как большинство департаментов заявит о своем к нему присоединении, они покинули этот зал.

Общее собрание парижских секций по зрелом обсуждении политического поведения депутатов Конвента постановило, что те из них, кто перечислен ниже, по его тщательно продуманному мнению, явно обманули доверие своих доверителей: Бриссо, Гюаде, Верньо, Жансонне, Гранженёв, Бюзо, Барбару, Саль, Бирото, Понтекулан, Петион, Ланжюинэ, Валазе, Арди, Жан-Батист Луве, Горса, Фоше, Лантена, Ласурс, Валади, Шамбон» [26].

Напрасно делегаты секций изощрялись, чтобы сохранить какой-то остаток или видимость законности. Конечно, Парижская коммуна осуществляла только свою долю суверенитета. Конечно, она прилагала старания к тому, чтобы рассеять все опасения департаментов насчет парижской узурпации и диктатуры. Но она брала на себя исключительно смелую инициативу, и такую, которая обязывала ее идти до конца. Казалось бы, почему не подождать, пока непосредственные доверители обвиняемых депутатов сами не предъявят обвинения?

Если верно, что они «обманули доверие своих доверителей», то прежде всего это должны сказать их доверители. А если Парижская коммуна возразит, что по ее местоположению ей виднее, где плетется интрига, то это ее местоположение должно облегчить ей подавление интриги и инициатива в обвинении неизбежно приведет к инициативе в восстании. Эта инициатива тем более опасная, что Коммуна обвиняет 22 депутатов [27] не на основании определенного правила или применения какого-то точного критерия. Мало того, что она не отсылает к первичным собраниям всех «апеллянтов», но среди 22 депутатов, которых она хочет изгнать из Конвента, есть 8 человек, которые голосовали за казнь короля. Стало быть, выбор, сделанный делегатами секций,— это некий суверенный акт, если не акт произвола. И напрасно они требуют, чтобы департаменты были запрошены. Они заранее наметили границы и смысл этой консультации.

Вот почему они будут вынуждены сами осуществить и сделать окончательным тот временный приговор, который они вынесли. Ибо их уважение к принципу национального суверенитета скоро

уступит под давлением революционной необходимости. Право же, они слишком уж играют на руку Жиронде, слишком уж рискуют дезорганизовать силы Революции и расколоть Францию, обращаясь с призывом к департаментам. Ласурс и Буайе-Фонфред сразу заметили ошибку, допущенную делегатами секций из-за их революционной робости, из-за щепетильного уважения к законности. Они сразу же потребовали, чтобы петиция секций была превращена в проект резолюции и принята, как таковая. И главное, они потребовали, чтобы она была расширена. Если делегаты парижских секций имеют право предложить народу списки подлежащих исключению, то и граждане департамента имеют это право. Стало быть, есть процедура гораздо более простая и гораздо более широкая: пусть все депутаты Конвента предстанут перед политическим судом всего народа в целом, и это уже не будет местное и частичное решение, а общее решение, перед которым склонятся все группы [28].

На деле это была бы гражданская война. Ибо каждая область высказалась бы за определенную категорию депутатов, за определенную партию, и борьба групп привела бы к расколу всей Франции. Верньо это понял, и он убедил Ласурса и Буайе-Фонфреда взять обратно их предложение и сказать, что они его внесли лишь для того, чтобы показать, какие логические следствия может иметь петиция парижских секций. Конвент единодушно принял постановление о переходе к очередным делам [29]. Гора, так же как и Жиронда, увидела опасность.

Когда на этом заседании 16 апреля [30] Ласурс обвинил Робеспьера в том, что он один из авторов обращения якобинцев к департаментам с призывом лишить апеллянтов их депутатских мандатов, Робеспьер воскликнул: «Это неправда, это клевета!» Робеспьер

---

26. Бриссо — депутат от департамента Эр и Луар; Гюаде, Верньо, Жансонне, Гранженёв — от департамента Жиронда; Бюзо — от департамента Эр; Барбару — от департамента Буш-дю-Рон; Саль — от департамента Мёрт; Бирото — от департамента Восточные Пиренеи; Понтекулан — от департамента Кальвадос; Петион — от департамента Эр и Луар; Ланжюинэ — от департамента Иль и Вилен; Валазе — от департамента Орн; Арди — от департамента Нижняя Сена; Луве — от департамента Луаре; Горса — от департамента Сена и Уаза; Фоше — от департамента Кальвадос; Лантена — от департамента Рона и Луара; Ласурс — от департамента Тарн; Валади — от департамента Аверон; Шамбон — от департамента Гар. Жорес указывает только 21 депутата-жирондиста, он опустил Леарди, депутата от департамента Морбиан.
27. См. предыдущее прим.
28. «Moniteur», XVI, 157, заседание 15 апреля 1793 г., выступление Буайе-Фонфреда; «Moniteur», XVI, 167, заседание 16 апреля 1793 г., выступление Ласурса.
29. «Moniteur», XVI, 172, заседание 16 апреля 1793 г.
30. «Moniteur», XVI, 167; «Archives parlementaires», LXII, 193.

был вправе протестовать, так как под этим документом не стояло его подписи и это обращение шло вразрез с его политикой. Что правда, так это то, что события захлестнули его, что якобинцы шли все дальше и дальше по тому пути, который открыл Дантон своей речью 1 апреля. Они шли даже дальше. И все больше и больше подумывали о замене действий Франции инициативой Парижа в деле очищения Конвента. Когда 26 апреля Якобинский клуб писал аффилиированным обществам, выражая протест против изъятия властями нескольких департаментов его первого циркуляра, он заявлял следующее [31]:

«*Граждане департаментов, вы в большей или меньшей степени отдалены от места действия революций и замыслов контрреволюции. Положитесь на честных граждан Парижа, на их умение распознать государственных людей, людей с диктаторскими и федералистскими притязаниями, так же, как эти граждане полагаются повседневно на вас в отношении важных лиц ваших департаментов, в отношении того, что там происходит*».

Такое сравнение неверно, ибо Конвент — это не департаментская директория, Конвент — национальная сила, и в принципе она должна зависеть только от воли всей нации. Но революционное движение обрисовывалось все более четко, и Париж выносил окончательное суждение о людях и событиях. Сначала департаменты были призваны высказаться, не следует ли аннулировать мандаты апеллянтов. Это была первая, пока еще в законных рамках, консультация, предпринятая якобинцами. Затем парижские секции берут на себя смелость самим указать тех депутатов, полномочия которых должны стать предметом особого обсуждения их избирателей. А в циркулярном письме от 26 апреля Париж уже начинает внушать департаментам, что он один вправе и компетентен выносить суждение. Это было объявление, если можно так выразиться, рукопашной схватки между Парижем и Жирондой.

После своей громовой обвинительной речи 1 апреля Дантон как будто опять испытывает колебания. Он продолжает угрожать Жиронде. Это он убедил якобинцев потребовать отозвания депутатов-апеллянтов, и, по-видимому, он не остался в стороне от инициативы парижских секций. Ласурс обвинил (или почти обвинил) его в том, что он составил список двадцати двух:

«Я знаю, почему мое имя оказалось в проскрипционном списке. Пятнадцать дней тому назад его не было там. Я говорил об одном человеке, этого достаточно, я был выдан. Я выразил недоверие человеку, имя которого должно было быть вне подозрений. С этого дня я подлежал изгнанию, поскольку я имел дерзость восстать против идола данного дня» [32].

И в самом деле, весьма вероятно, что злополучный выпад Ласурса против Дантона навлек на него гнев секций. Но более

знаменательно, что, по свидетельству Левассёра [33], оратор парижских секций, «молодой Русселен, чья юность отмечена большой революционной энергией и определенными талантами», был «другом Дантона» [34]. И однако, судя по многим признакам, Дантон еще не решился идти до конца. Он вынужден был защищаться от нападок Жиронды и хотел внушить ей страх не только бурными речами, но и такой организацией революционных сил, которая могла бы окончательно раздавить Жиронду, если бы та не прекратила своей бессмысленной полемики, не отказалась от гнусного духа групповщины и раскола. Но он еще надеялся, что Жиронда, оробев и присмирев, присоединится к великому движению Революции и не придется нарушать целостность Конвента. В этом смысле у Дантона была некая двойная политика: политика угроз, за которой могло сразу последовать применение силы, и политика примирения. Это, по-видимому, имел в виду Барер, когда он говорит об его «таланте *революционной путаницы*» [35]. Так, например, 10 апреля, когда в Конвенте была зачитана первая петиция секции Хлебного рынка, содержавшая угрозы по адресу правого крыла, Дантон защищал петиционеров против резких протестов Жиронды, но в таких выражениях, что казалось, будто он отвергает всякое насилие и призывает к примирению [36]:

«Как должны вы отвечать народу, когда он вам говорит суровые истины? Вы должны ему ответить, спасая Республику. С каких это пор вам должны расточать похвалы? Разве вы уже выполнили вашу миссию? Говорят о клеветниках! В подлинно свободном государстве клевета ничего не значит для человека, глубоко сознающего, в чем состоит его долг... Да, я заявляю это, вы были бы недостойны вашей миссии, если бы вы не думали постоянно о следующих великих целях: победить врагов, восстановить порядок внутри страны и выработать хорошую Конституцию. *Мы все хотим ее*, Франция ее хочет. Она будет тем прекраснее, что родится среди бурь свободы. Так некий народ древности возводил свои стены, держа в одной руке лопатку каменщика, а в другой — меч, чтобы отразить неприятеля. *Не будем затевать междоусобные войны, возбуждать секции, ставить там на обсуждение частные вопросы*, тогда как мы должны сосредоточить их силы и направить их против австрийцев... Если Париж проявляет известное негодование, то он вправе объявлять войну тем, кто его оклеветал после всех оказанных им услуг».

---

31. A. Aulard. Op. cit., t. V, p. 156.
32. «Moniteur», XVI, 171.
33. Levasseur. Op. cit., t. I, p. 180.
34. О Русселене, друге Дантона, см. выше, с. 409, прим. 25. См.: M. Mortimer-Ternaux. Op. cit., t. VII, p. 144. «Русселен был близким другом и наперсником Дантона».
35. Barère. Mémoires, t. II, p. 315.
36. «Moniteur», XVI, 100; «Archives parlementaires», LXI, 522.

Была это война с Жирондой или мир? Порой Дантон, казалось, протягивал руку людям правого крыла; так, например, 19 апреля, когда, отвечая Верньо по вопросу о Декларации прав человека, он сказал [37]:

«Ничто не может лучше предвещать спасение отечества, чем нынешнее положение. В том важном вопросе, который нас волнует, мы до сих пор казались разделенными, но это было лишь на словах, *ибо, как только предметом наших обсуждений становится счастье людей, мы сразу все оказываемся согласными.* (*Бурные аплодисменты.*) Из уст Верньо вы только что слышали великие и вечные истины» [38].

Даже 15 апреля, даже тогда, когда парижские секции устами молодого друга Дантона потребовали исключения 22 депутатов-жирондистов, он попытался провести, при посредстве Филиппо, то, что можно было бы назвать контрманевром примирения. На языке часто высокопарном и причудливом, но не лишенном благородства Филиппо умолял все партии отречься от чувства ненависти и вернуть дебатам Национального Конвента их величественный характер. Он предложил, чтобы, если это необходимо, «двенадцать бойцов», которые в течение месяцев поносили друг друга, актом добровольного остракизма унесли вместе с собой дух клики, и предложил следующий декрет [39]: «Национальный Конвент объявляет, что он хочет спасти Республику или погибнуть под ее развалинами и что, следовательно, он будет считать дурным гражданином всякого из своих членов, который предложит ему самороспуск, даже частичный, прежде чем он даст народу демократическую Конституцию, надежно гарантирующую равенство и свободу. Петиция, зачитанная у барьера на вчерашнем заседании комиссарами нескольких парижских секций, порицается, как убийственная для дела свободы. Чтобы в дальнейшем его не отвлекали от священных обязанностей, которые он должен выполнять, он запрещает раз и навсегда всем своим членам допускать на его заседаниях какие бы то ни было оскорбления, или разглагольствования, или личные выпады под угрозой осуждения в протоколе заседания и сообщения о нем департаментам как о враге отечества. Если член Конвента обнаружит заговор и захочет разоблачить кого-либо из своих коллег, он обязан направить свое разоблачение Комитету общественного спасения, который доложит об этом Собранию».

Это весьма безобидно и весьма по-детски. Можно ли какими-то уставными предписаниями успокоить бешеные партийные страсти, если эти страсти порождены глубоким антагонизмом концепций и методов? Пожалуй, было бы слишком смело приписывать Дантону эту несколько ребяческую идею своего рода «поцелуя Ламурета» *. Но следует отметить, что его позиция внушила или позволила высказать это предположение. Характеризуя деятельность Дантона после 1 апреля, Левассёр констатирует наличие у него упорной мысли об единении даже в моменты самых страшных взрывов гнева [40]:

«Однако, несмотря на свой благородный гнев, Дантон сделал еще несколько попыток восстановить мир, но его язык совершенно изменился, и в каждом важном случае он пускал в сторону правого крыла такие стрелы, которые раньше он приберегал только для врагов государства».

И, говоря о речи Филиппо, он добавляет (допуская, впрочем, кое-какие фактические ошибки): «Аплодисменты, которыми встретили его речь, готовность, с которой приняли декрет Филиппо [41],— все это доказывало, что в Конвенте было еще благонамеренное большинство. Действительно, Болото уже начинало уставать от господства краснобаев правого крыла и убеждаться, что эта партия столь же бесплодна в своих методах управления, столь же беспомощна на практике, сколь плодовита на красивые фразы и бесполезные теории. Вот почему, хотя декрет и содержал формальное осуждение петиционеров, жирондисты не без основания рассматривали это спонтанное решение как поражение. *Тогда распространился слух, что выступление Филиппо было подсказано ему Дантоном, который был настолько выше всякой личной злобы, что мог еще защищать своих врагов, но не хотел только сам брать слово в их защиту после того резкого выпада, к которому они его вынудили почти против его воли.* Что бы там ни было, декрет Филиппо можно еще рассматривать как некое перемирие. Но оно было последним» [42].

Здесь Левассёр, воспоминания которого обычно столь ясны и точны, допускает ошибку. Декрет Филиппо вовсе не был принят. Гранженёв крикнул ему: «Подайте пример якобинцам» [43].

---

37. «Moniteur», XVI, 183; «Archives parlementaires», LXII, 708.
38. Верньо выступил по проекту Декларации прав человека (статья IX): «Каждый человек свободен в отправлении своего религиозного культа». («Moniteur», XVI, 183.)
39. «Moniteur», XVI, 171; «Archives parlementaires», LXII, 196. Филиппо (1754—1794) — адвокат при президиальном суде Манса [суд второй инстанции по гражданским и уголовным делам, учрежденный в XVI в. и упраздненный в 1792 г.— *Ред.*], судья трибунала этого дистрикта в 1790 г., депутат Конвента от департамента Сарта; гильотинирован вместе с Дантоном.

* См.: Ж. Жорес. Социалистическая история Французской революции, т. II, с. 535.

40. Levasseur. Op. cit., t. I, p. 276.
41. Как видно из «Moniteur» от 20 апреля 1793 г. (XVI, 172), заслушав предложение Филиппо, Конвент принял резолюцию о переходе к очередным делам. См. ниже.
42. Levasseur. Op. cit., t. I, p. 189.
43. «Archives parlementaires», LXII, 201. В «Монитер» нет никаких упоминаний.

Жансонне добавил: «Проект предыдущего оратора представляется мне еще более клеветническим, чем петиция, и поэтому я возражаю против его опубликования» [44]. И Конвент, как я сказал выше, принял постановление о переходе к очередным делам.

Признаюсь, что при той остроте, которой достигла борьба, и после грозы, разразившейся 1 апреля, колебания и предосторожности Дантона кажутся мне ошибкой. Конечно, он находил опасным и жестоким калечить Конвент, сужать, по крайней мере внешне, базу, на которую опиралась Революция. Он отлично понимал, что с устранением Жиронды он уже не сможет проводить ту широкую политику, в которой был особенно силен, и окажется замкнутым вместе с Робеспьером в несколько узком кругу сектантского якобинизма. И главное, ему было трудно примириться с тем, что Революцию можно спасти, лишь принеся в жертву часть Революции. Но было пагубно продлевать эту борьбу, которая походила на агонию. Нужно было срочно с ней покончить. Именно поэтому сама Жиронда отвечала на эти последние попытки сомнительного примирения лишь насмешками и криками гнева и презрения. Она тоже хотела решающего боя до победного конца.

«Филиппо,— писала «Патриот франсэ»,— не нашел иного средства общественного спасения, как предложить обеим партиям обняться, пусть даже завтра они вновь будут терзать друг друга. Более того, он хотел, чтобы те депутаты, которых обвинял Робеспьер, обнялись со своим обвинителем. Это весьма по-христиански, но не политично, и не по-республикански... Эта скучная проповедь Филиппо заставила его аудиторию изрядно зевать» [45].

С марта месяца каждая из уравновешенных речей Барера, которые он произносил с таким удовольствием, вызывала протесты Жиронды: «Барер произнес речь, в которой господствовал тот дух примирения, который не примиряет, ибо не может преступление вступать в союз с добродетелью, закон с разбоем, а порядок с анархией, ибо речь идет не о мнениях, а о делах, ибо отрицать крайности — это не значит сближать их».

Это писала «Патриот франсэ» 18 апреля. И она повторит это даже 31 мая, в момент крайнего обострения кризиса, в одном из своих последних номеров: «Барер в описании внутреннего положения проявил свой обычный характер: по своему обыкновению он то поносил, то ласкал и анархистов, и республиканцев — друзей порядка. Это верный способ заслужить аплодисменты обеих сторон... Сколь преступны люди, которые извращают и изображают отвратительными намерения лучших республиканцев! Барер рисовал приглушенными красками анархию и ложными красками подлинный республиканизм, *но он забыл изобразить тех людей, которые, желая играть какую-то роль, афишируют нейтралитет*, ласкают все партии в расчете получать почести и должности ото всех. Эти

люди, которые не решаются поразить зло в корне, без конца применяют паллиативы и этими паллиативами усугубляют язву. Эти люди, у которых нет ни мужества, ни умения, жаждут всего и ничего не доводят до конца. Таковы люди,которые во всех революциях губят дело свободы, расслабляя страсти, размягчая характеры» [46].

Нет, нет, никаких третьих партий, никаких двусмысленных примирений. Все хотят решающего боя и несколько страдают от того, что Дантон медлит, все еще соблюдая предосторожности, в которых ощущается уже, пожалуй, некая усталость, высокомерное и лабохарактерное сострадание человека, уже истерзанного событиями. Именно в эти дни нерешительности, когда народ инстинктивно почувствовал, что Дантон в одно и то же время бросает в бой и удерживает силы Революции,— именно в эти дни возникает первое, еще еле ощутимое недоверие к великому революционеру.

Робеспьер поначалу не рискнул пойти так далеко, как это сделал Дантон 1 апреля в Конвенте и 5 апреля в Якобинском клубе. Он действовал более осмотрительно и более ровно, и он никогда не давал почувствовать, что щадит тех, кого Революция хотела уничтожить. Эбер, ринувшись со всем своим пылом в борьбу с Жирондой, начинает набирать силу благодаря той грубой популярности, которая вскоре сделает его опасным для Дантона и даже для Робеспьера.

НАСТУПЛЕНИЕ ЖИРОНДИСТОВ В СЕКЦИЯХ

Жирондисты, атакованные в лоб 15 апреля делегатами парижских секций, поняли наконец, что недостаточно вести борьбу и даже победить в Конвенте. Они решили перенести военные действия в самые секции. В конечном счете, почему там господствовали «анархисты», друзья Горы и Коммуны? Потому что умеренные, «сторонники порядка», буржуа жирондистского или даже фейянтистского направления, бездействовали, предпочитая оставаться дома. Но стоит им встряхнуться, выйти вечером из своего комфортабельного и мирного дома, чтобы отправиться на собрания секций, да еще привести туда свою социальную клиентелу, своих поставщиков, своих служащих, и они создадут консервативную армию, которая образумит бесноватых.

Как раз 15 апреля [47] прибыли делегаты Лиона, чтобы заявить Конвенту, что город изнывает под тиранией якобинского муници-

44. «Archives parlementaires», LXII, 201, В «Монитер» нет никаких упоминаний.
45. «Le Patriote français», № 1344, 18 avril 1793, p. 432.
46. «Le Patriote français», № 1386, 31 mai 1793, p. 692. Намек на речь Барера на заседании Конвента 29 мая 1793 г
47. «Archives parlementaires», LXII, 126. В «Монитер» нет никаких упоминаний.

палитета, который непрестанно посягает на собственность и угрожает гражданам, известным «своей широкой торговой деятельностью». Они рассказали, что для того, чтобы воспротивиться этой тирании, секции стали заседать непрерывно и что было бы достаточно вернуть свободу этим собраниям, произвольно распущенным муниципалитетом, чтобы восстановить в Лионе законный порядок. Жирондистский депутат Лиона Шассе [48] представил лионских петиционеров как раз в тот день, когда делегаты парижских секций потребовали исключения 22 депутатов. Это означало противопоставить лионские секции парижским секциям. Но главное, это значило показать парижской буржуазии, что она может защищаться так же, как защищается лионская буржуазия, и что она тоже может захватить влияние в секциях.

В конце апреля Петион в «Письме к парижанам» призвал собственников к борьбе [49]. Какой путь пройден им со времени его письма к Бюзо! Тогда Петион успокаивал буржуазию, стараясь добиться единства третьего сословия, ныне он пытается встревожить ее.

«Славные жители Парижа, подумайте хорошенько: вы должны, не теряя ни минуты, остановить наступление дурных людей. В лице Конвента вы обладаете неким национальным достоянием, которое обязаны сберечь, департаменты потребуют от вас отчета в этом. Свобода непрестанно оказывается запятнанной эксцессами. Постоянные волнения угрожают все разрушить. *Вас будут винить в том, что вы не подавили беспорядков. Вашей собственности угрожает опасность, а вы закрываете глаза на эту опасность. Разжигают войну между имущими и неимущими, а вы ничего не предпринимаете для ее предотвращения. Несколько интриганов, кучка мятежников диктуют вам свою волю, увлекают вас на путь насильственных, необдуманных действий, а у вас недостает мужества воспротивиться этому. Вы не смеете появиться в ваших секциях, чтобы вести с ними борьбу. Вы спокойно взираете на то, как все богатые и мирные люди покидают Париж, как Париж уничтожается. Над вами чинят всякого рода притеснения, а вы их терпеливо сносите. Какие-то пятьсот-шестьсот человек, из коих одни — сумасшедшие, другие погрязли в преступлениях, большинство — никому не ведомые люди, носятся повсюду, орут в группах, вопят в секциях, угрожают, говорят лишь об убийствах и грабежах, повелительно диктуют законы и осуществляют самый отвратительный деспотизм над шестьюстами тысячами граждан...*

Потомки ваши никогда не поверят этому.

Парижане, стряхните наконец с себя вашу летаргию и загоните этих ядовитых насекомых обратно в их логово».

Кабе несколько тяжеловесно обрисовал социальную суть жирондистской политики в беглом наброске этого периода кризиса [50]:

«*Народ*, в котором никакие соображения личной опасности не могут парализовать воинственного инстинкта и чувства национальной гордости, прежде всего одушевлен желанием изгнать иностранцев.

Буржуа боятся возвышения народа и опасаются за свое имущество.

Купцы, постоянно обманываемые роялистами, которые грозят им, что они лишатся своей клиентуры, и не пренебрегают ничем, чтобы запугать их перспективой беспорядков и грабежей, купцы, собственность которых еще более уязвима, проявляют мало пыла и много колебаний.

...Жирондисты, занимающие правое крыло Собрания, *доктринеры и люди умеренных взглядов* той эпохи, люди речей и переговоров, красноречивые, но самодовольные, притязающие на то, чтобы *руководить* и править, опираются на буржуа, на купцов».

Доктринеры, люди умеренных взглядов — это верно лишь отчасти. Политическая необходимость — вот что главным образом побуждало Жиронду искать в «средних классах» точку опоры против сторонников активных действий, против сил Революции, которые ее захлестывали. Но этот призыв к богатым буржуа, к перепуганным купцам был связан с опасностью. Ибо такое движение консерватизма и социальной реакции давало возможность роялистам примкнуть к жирондистским элементам. И если бы в Париже умеренные одержали верх в секциях, подобно тому как это произошло в Лионе, Парижем вскоре овладела бы контрреволюция. Дантон спрашивал лионских петиционеров: «Уверены ли вы в том, что ваши именитые купцы стали патриотами?» На подобный вопрос крупные купцы и напуганные буржуа Парижа могли бы дать только двусмысленный ответ. Стало быть, в парижских секциях в тот момент решалась судьба нового мира, ибо силы модерантизма и скрытого роялизма притекали туда для того, чтобы нейтрализовать народные и революционные силы.

РОЛЬ ГАЗЕТЫ «РЕВОЛЮСЬОН ДЕ ПАРИ» ВО ВРЕМЯ КРИЗИСА

Газета Прюдома «Революсьон де Пари», по своему обыкновению двусмысленная, педантичная и бесцветная, сначала пытается

48. Шассе (1745—1824) — адвокат, депутат третьего сословия от сенешальства Вильфранш-де-Божоле, затем депутат Конвента от департамента Рона и Луара.

49. «Lettre... aux Parisiens». (B.N., 8° Lb[41] 2728, imp. in-8°, 16 p.)

50. C a b e t. Histoire populaire de la Révolution. 1839, t. III, p. 452.

скрыть этот глубокий политический и социальный конфликт между двумя классами. Затем, вынужденная признать его, она как бы старается утопить его в потоке сентенций и наставительных нотаций. И с видом мнимого беспристрастия, который позволяет ей обезопасить себя на будущее, она пытается дискредитировать силы Революции. Борьба народа с буржуазией за руководство революционным движением приняла, однако, тогда столь острый характер, что это ощущалось, несмотря на бессвязные и лицемерные фразы газетного предпринимателя. В номере от 4—11 мая он пишет так, словно принятие декрета о прогрессивном принудительном займе устранило все антагонизмы [51]:

«Париж все время в отличном настроении. Подавляющее большинство граждан за Республику, несмотря на жертвы, с которыми связано ее установление, и поддерживает Конвент, несмотря на все упреки, которые ему можно сделать. *Богатые вполне готовы протянуть руку помощи своим братьям.* Сначала они обратили необходимость в добродетель, но в конечном счете они поймут, сколь радостно принести свои излишки в дар отечеству. Бедный гражданин уже не смотрит на них с прежним раздражением. Некогда богатство выковало наши цепи. *Ныне оно помогает нам разбить их окончательно. Пройдет еще немного времени, и мы достигнем, отчасти по доброй воле, отчасти силой, того имущественного равенства и того единообразия нравов, которые являются прочной основой подлинно свободной Республики. Да, мы этого достигнем, все классы общества сближаются между собой, сливаются и вступают в подлинно братские отношения.* Рим, даже в пору своего наибольшего блеска и могущества, не являл миру такого зрелища, какое ныне дает Франция.

Законодатели, разделенные во мнениях и недостойные их высокого звания. Непоследовательные должностные лица. Судьи, выносящие приговоры более кровавые, чем законы Драконта *. Священники, с трудом сдерживающие свое нетерпение и не осмеливающиеся перешагнуть порог своих храмов. *Богачи, готовые к разделу их собственности.* Ремесленник истощен и еле в состоянии работать, чтобы прокормиться. Политические шарлатаны, завладевшие трибунами во всех секциях. 200 тыс. мятежников, раздирающие грудь своего отечества. Нет никакого военного флота, и это накануне угрожающего нам нападения со стороны главных морских держав мира. Четыре года длится революция. Два года продолжается война. И однако, Франция противостоит всему этому и трудится над составлением самой совершенной Конституции, которая когда-либо существовала. И однако, Париж, быть может, немного менее многолюдный, но наслаждающийся спокойствием, высказывается за того или другого и отправляется посмеяться на представление триумфа Марата [пьеса, поставленная в театре Эстрапад]. В другие времена Париж при подобных обстоятельствах был бы залит кровью и вскоре вообще перестал

бы существовать. На всех улицах строят дома. Муниципальный чиновник еле успевает регистрировать браки. В украшениях женщин никогда раньше не было столько вкуса и свежести. Все театры полны. Когда еще можно было наблюдать столь разительный контраст? Что надлежит думать об этой картине? Дело в том, что французский народ, и особенно народ Парижа, стал более мудрым, чем все те, кто именует себя его вожаками. Разум народа, если только он обладает сознанием своей силы, превыше всего. Париж, Лион, Бордо и Марсель дают урок всей остальной Республике».

В этой бессвязной картине, где банальные и пустые дерзости перемешаны с реакционными разглагольствованиями, в этой слащаво-кислой идиллии можно ли было разглядеть те бурные конфликты сил, которые отмечает и которые возвещает письмо Петиона? Газета Прюдома как будто и не подозревает, что на сотрясаемом бурей корабле среди экипажа идет драка за штурвал.

Она как будто и не подозревает, что богатые, до сих пор действительно посещавшие только театры и продолжающие их посещать, начинают ходить также и в секции, чтобы овладеть там Революцией, чтобы вырвать ее из грубых и могучих рук народа. Правда, она находит некое решение затруднений, предлагая своего рода мягкое устранение как жирондистского священника Фоше, так и монтаньярского священника Шаля [52], как Марата, так и Клавьера. Нелепое равновесие, фальшивое и убийственное беспристрастие в час, когда Революции необходимо было сосредоточиться, чтобы не погибнуть, и сделать решающий выбор между враждующими силами, оспаривавшими друг у друга руководство событиями. Это мнимое беспристрастие Прюдома на самом деле не что иное, как неуверенность. Он еще не знает, какая партия одержит верх.

Он наконец решается, когда ему кажется, что успех на стороне жирондистских и буржуазных сил. Обратите внимание на то лицемерное многословие, с которым он нападает на монтаньяров под

---

51. «Révolutions de Paris», № 200, 4—11 mai 1793 («Спасет ли Париж Республику?..»). Декрет о принудительном займе был принят только 20 мая 1793 г.

* Древнейший афинский законодатель, составивший около 621 г. до н. э. свод законов. Законодательство Драконта, отражавшее острую борьбу демоса с родовой аристократией, несмотря на всю его жестокость (по словам афинского оратора IV в. Демада, законы Драконта написаны «не чернилами, а кровью»), несколько ограничило судебный произвол аристократии.— *Прим. ред.*

52. Шаль (1753—1826) — каноник, личный секретарь архиепископа Турского, мэр Ножан-ле-Ротру в 1790 г., депутат Конвента от департамента Эр и Луар. Фоше (1744—1793) — королевский проповедник, аббат, пользовавшийся доходами с Монфор-Лакав, член Парижской коммуны в 1790 г., конституционный епископ Кальвадоса в 1791 г., депутат Законодательного собрания, а затем Конвента.

предлогом защиты Парижа от несправедливых упреков Жиронды! Какая это желчная и подлая «защитительная речь», превращающаяся в обвинительную, какой коварный ход с целью прикрыть движение контрреволюции собственников!

«Уже давно в самом Конвенте и еще кое-где,— пишет он в номере от 11—18 мая [53],— существует некая система клеветы, направленная против Парижа. Любой ценой хотят изолировать этот город, так чтобы ограничить его только его силами, только его ресурсами, или же разжечь против него зависть и злобу других частей Республики. Так, можно было слышать, как Гюаде заявил с трибуны по поводу зачитанного у барьера Конвента адреса от имени 120 тыс. граждан Бордо буквально следующее: «Бордосцы направили в Вандею 4 тыс. человек, которым не потребовалось набивать свои карманы ассигнатами, чтобы пойти освобождать своих братьев». Депутат, произнесший эти подстрекательские и злонамеренные слова, имел в виду набор добровольцев *в Париже, проводимый и в самом деле довольно медленно и с большими денежными расходами* [54], но надо быть исключительно недобросовестным, чтобы бросить косвенно такой упрек городу, сохранившему превосходство своего мнения только благодаря величию и множеству принесенных им жертв. Конечно, Париж на сей раз не впал слепо в тот гражданский пыл, который до сего дня оставлял без прикрытия только бедного гражданина, предоставляя богатому спокойно поживать, усевшись на своем золоте. Да, начинается подлинное царство равенства, и общественное спасение стало наконец общим делом благодаря сознательным санкюлотам, которые не захотели одни идти сражаться и потребовали, чтобы все, кто пользуется благами свободы, также несли связанные с этим повинности. Разве не справедливо и не законно требовать от тех, кто хочет пользоваться покровительством общества, чтобы они оказывали ему поддержку и защищали его каждый соразмерно своим силам или своим средствам?

Такой образ действий, к которому не все были подготовлены, не мог быть осуществлен так быстро, как этого можно было желать. Но наконец набор проведен, и даже с превышением, несмотря на всякого рода попытки противодействия, *несмотря на необдуманные, преждевременные угрозы, брошенные разным объединениям молодых граждан. Что последние не были столь злонамеренными, как в том пытались убедить, чтобы вызвать возбуждение, видно из того, что в устроенном ими сборе на Елисейских полях участвовало много канониров*, а насколько нам известно, никто еще не усомнился в пылком и стойком патриотизме этих неутомимых добровольцев, которым Республика обязана всем. Поэтому канониры не стали бы компрометировать себя участием в незаконном сборище злонамеренных личностей.

Ничто не было упущено, чтобы внести раскол в среду граждан. И как будто мало еще было разных партий, придумали тысячу

предлогов, чтобы расплодить бесчисленные группировки. Дабы увеличить число недовольных, *смешали умеренных с подозрительными лицами, хотя это два совершенно различных класса людей*, к которым нельзя одинаково относиться и применять одинаковые наказания. В эти грозовые дни, бесспорно, велика была бы заслуга перед отечеством того, кто смог бы представить точный список 15—20 тысяч платных агентов Питта, Кобурга и Брауншвейга, кишащих главным образом в Париже и хозяйничающих повсюду, от Конвента и до самого маленького клуба. Вот это и есть подлинная армия вражеских держав, другие их войска стоят перед нами не таясь и никогда не причинят нам столько зла, сколько эта армия уже причинила и готовит нам еще в будущем.

Что касается умеренных, этой, разумеется, опасной разновидности людей, то они есть и их много, *но кого следует в этом винить? Не всех ли этих так называемых патриотов, которые, день за днем появляются то на одной трибуне, то на другой, ратуя за самые жесткие, чрезмерные меры? О, если бы постарались внушить любовь к Революции, если бы те, кто стали ее вожаками, внушили больше уважения к себе, если бы лучше изучили сердце человеческое, то не было бы никаких умеренных. Почему христианская религия, которая требует от приверженцев стольких лишений, породила так много энтузиастов? Ее первые апостолы обращали в свою веру даже палачей. Все это потому, что первые христиане были мудрыми, добродетельными и на деле точно следовали тому, что проповедовали.*

Но как можно доверять людям, проповедующим равенство только для того, чтобы самим возвыситься и занять важнейшие посты, осуждающим богачей только для того, чтобы самим обогатиться, ограбив их, неустанно твердящим о спартанской умеренности, об античной простоте римлян и в то же время столь непоследовательно или бесстыдно выставляющим напоказ всяческую роскошь, роскошь стола, платья, домашней обстановки? Это криводушие, не говоря уже о всякого рода крайностях и самых вопиющих злоупотреблениях, ослабило рвение многих добрых граждан, и без того уже пострадавших от злополучных обстоятельств. Сегодня многие рассуждают так: да ведь это не то, что нам обещали. До сих пор мы охотно соглашались на все, что от нас требовали, но это пошло на пользу только нескольким интриганам. Ради отечества мы разорились, но отечеству от этого не легче. Губку выжали, а теперь, когда она начинает высыхать, грозятся выкинуть ее вон.

---

53. «Révolutions de Paris», № 201, 11—18 mai 1793 («Продолжение наблюдений за умонастроениями в Париже...»).
54. Намек на премию в 500 ливров, которая выдавалась парижским добровольцам за участие в кампании в Вандее. Отсюда выражение «герои по 500 ливров».

Но, кроме этого, в планах тех, кто управляет политической машиной, очень мало последовательности. Никогда столько не говорили о принципах и никогда их не нарушали столь часто и столь дерзко. При малейшем порыве ветра наши лучшие кормчие теряются, а пираты Революции спекулируют на крушении и заранее делят богатства, которые они снимут с корабля, когда посадят его на мель.

При первом же несколько неприятном известии с фронтов или из Вандеи прекращается выдача паспортов, заставы закрываются, прекращаются спектакли, газеты не выходят, спешат объявить себя в состоянии революции, учредить революционные комитеты, революционные трибуналы, произвести набор в революционную армию, принять революционные меры, иными словами, привести гильотину в состояние постоянной готовности, завладеть кошельками богатых и схватить подозрительных людей, наполнить тюрьмы и государственную казну, спешат осуществить новую эмиссию ассигнатов, раздел имений эмигрантов, мятежников, спешат изъять те немногие ружья, которыми еще располагает Париж. А затем выстрел пушки, подающей сигнал «тревога», и, конечно, тут же набат со всеми его последствиями.

И таким вот образом растрачиваются самые ценные, последние ресурсы, ничего не оставляя про запас на будущее. Как будто мало держать гражданина в состоянии ставшего привычным страха. Как будто мало терзать его тысячами всяких формальностей, точно задавшись целью внушить ему отвращение к Революции и к республиканскому режиму, его еще осыпают насмешками и упреками. Вместо того чтобы сближать тех, кто кое-что имеет, с теми, кто ничего не имеет, их натравливают друг на друга. Санкюлоту говорят: „Кидайся на тех, что в обтянутых штанах; раздели с богатым его богатство или ограбь его; у богатых нет ни души, ни отечества; под предлогом того, будто он дает бедным возможность жить, предоставляя им работу, он наступает им ногой на горло; человек не будет независимым до тех пор, пока одна часть граждан будет наемниками другой; чтобы люди оставались свободными, нужно, чтобы все были богатыми или чтобы все были бедными".

Богатым говорят: „Вы умеренные, беззаботные, вы подозрительные люди, ваши сердца очерствели от золота, вам бы только мирно почивать в ваших выстланных коврами альковах, вас не беспокоит иго Георга, Вильгельма или Людовика. Вы украдкой призываете контрреволюцию, и, откуда бы она ни пришла, она будет для вас желанным гостем. Подлые буржуа, подлые лавочники, которым не хватает лишь чуточку храбрости, чтобы восстать в Париже, как они восстали в Вандее! Так вот, мы заставим вас открыть ваши кошельки, это будет легче, чем отогреть ваши сердца. А если вы будете роптать, тюрьма охранит нас от вас, когда мы пойдем сражаться".

Эти горькие упреки не лишены основания, и наши капиталисты дали более чем достаточно поводов для обвинительной речи прокурора Коммуны. „Причину наших бед,— сказал он,— я вижу в эгоизме богатого, который, разлегшись в своем устланном коврами алькове, с сожалением вспоминает о прежних злоупотреблениях. Я ее вижу в незаконных спекуляциях на бирже, в преступном поведении тех стяжателей, которые выступают против Революции с целью утроить свои капиталы. Что они сделали для бедняка? Ничего".

Но вместо того, чтобы угрожать им национальной бритвой, косою равенства, жерлом пушки и т. п., насколько более политично было бы сказать им с подлинно республиканской откровенностью: „Друзья мои, братья мои, отступать некуда, мы слишком далеко ушли вперед, чтобы теперь отступать. Свобода — остров, раз вступив на него, покинуть его может разве что мертвый. Но ведь вы умеете рассчитывать. Если вы могли на какой-то момент поверить в химеру некой контрреволюции, подумайте же о том, что, если она восторжествует, вы не станете от этого лучшими торговцами. Вы меж двух огней; так или иначе, в покое оставят тех, у кого нет ничего; всегда будут обращаться к тем, у кого что-то есть. Восстановление монархии обошлось бы вам так же дорого, как укрепление Республики. Лучше выполните свой долг по доброй воле, не ждите, пока от вас этого потребуют. Пусть это будет вашей заслугой — самим предложить на нужды отечества четверть, треть, даже, если потребуется, половину вашего имущества. Вы на этом еще выиграете. Ибо таким патриотическим поступком вы сохраните остаток вашего богатства, и разве такая цена слишком высока за независимость и спокойствие? Не подражайте дворянам и духовенству, не будьте такими упрямыми, как они, вспомните, во что им обошлось их упрямство. Народ пришел в ярость и наложил руку на все их имущества и привилегии. Ибо, не заблуждайтесь, *свобода нуждается еще в третьей революции. Вы приветствовали революцию, направленную против дворян, и другую, направленную против духовенства. Теперь пришла очередь богатых.* Граждане этой последней касты, с вами поступят, как с теми, другими, если их опыт не сделал вас более мудрыми. В отношении их Права Человека были соблюдены: покарали только эмигрантов-заговорщиков и непокорных фанатиков. Эти права будут соблюдены и в отношении собственности. Но собственники-эгоисты не будут забыты санкюлотами. Революция принесла выгоды всем, и все должны участвовать в расходах, с нею связанных: храбрецы — своей кровью, богатые — жертвуя свои сокровища".

„Раз дело обстоит так,— скажут богатые,— придется с этим примириться. Но пусть нас успокоят насчет того, как будут употреблены взимаемые с нас сборы. Пусть установление тарифа этих сборов не будет отдано на произвол революционных комитетов,

состоящих из честных, благонамеренных санкюлотов, но руководимых двумя-тремя смутьянами. Ибо не в интересах Республики, равно как и не в наших интересах, рубить дерево под корень для того, чтобы собрать с него плоды".

Этого мнения придерживаются подлинные патриоты. Они не хотят обращать людей в революционную веру посредством ножа гильотины или произвольных сборов *Именно подлинные парижане разрушили Бастилию. Но не они построили по новой Бастилии в каждой секции*, чтобы запереть туда всех тех, кто мужественно говорит или беспристрастно пишет. Подлинные парижане потребовали казни деспота, но не они хотят и требуют роспуска всего Конвента на том основании, что некоторые его члены утратили доверие народа.

Великодушные граждане Марселя, Лиона, Вердена, Авиньона, Нанта, Бордо, в ваших энергичных обращениях к народным представителям вы выражаете тревогу за их личную безопасность и свободу их дискуссий... Будьте покойны, порукой вам в том интересы самого Парижа и его слава... угрожающие Парижу опасности не требуют помощи вооруженной департаментской стражи. Активной бдительности и сознательного патриотизма достаточно для нас, чтобы справиться с многочисленными эмиссарами, засланными в нашу среду, чтобы увлечь нас на путь крайних эксцессов Вот уже три месяца чего только не делают, чтобы вызвать волнение в Париже. Но из этих попыток ничего не вышло и ничего не выйдет, *если при первом же сигнале тревоги каждая секционная рота будет на своем посту в боевой готовности и, таким образом, в любом пункте города будет налицо сила, достаточная, чтобы загасить первую же искру замышляемого пожара, чтобы отвести беду в самом ее начале. Такая вполне естественная мера обескуражит тех, кто каждое утро просыпается с новым планом гражданской войны. При первом сигнале общего сбора, или пушечном выстреле, или набате пусть каждый гражданин, богатый или бедный, схватит свое ружье или свою пику, если у нас отберут наши ружья, и пусть охраняет свой очаг, свой дом, свою улицу, свою секцию*, не отвлекаясь от главной задачи, и Париж, Конвент и Республика будут спасены».

Это критика ядовитая, реакционная и коварная. Напрасно газета Прюдома пытается обмануть читателя, начав с нападок на Гюаде и делая вид, что выступает в защиту Парижа. Напрасно она цитирует высказывания Шометта в социалистической и революционной манере Напрасно она говорит о некой *третьей революции*, которая якобы необходима для дела свободы и будет направлена против богачей-эгоистов. По существу, она клевещет на то революционное движение и меры, с помощью которых Париж защищал новый мир от последствий измены Дюмурье, от вторжения вражеских армий, от восстания в Вандее. Что означают эти опасные и туманные обвинения по адресу самых пылких деятелей

Революции? Неужто Марат, или Дантон, или Робеспьер хотели разбогатеть за счет ограбления граждан? И как может газета Прюдома не понимать, что, клевеща на клубы, на ораторов секций, на революционные комитеты, она ломает все орудия обороны и революции?

САНКЮЛОТЫ И ШИТЫЕ ЗОЛОТОМ ШТАНЫ *

Конечно, кое-какой произвол имел иногда место при реквизициях, проводимых этими комитетами, когда они призывали граждан в армию и облагали богатых налогом на нужды войны. Но в обстановке с каждым днем нараставшей бури не было регулярно действующих сил управления и сбора налогов, которые дали бы возможность сконцентрировать ценности и людей путем законных и бесспорных средств. Газета Прюдома, делая вид, что она выступает очень смело, подогревает все клеветнические измышления контрреволюции, которые в эти дни крайнего кризиса парализовали необходимые действия Франции и друзей свободы. Чем же она заключает свои рассуждения? Призывом к оружию, который якобы адресован и бедному и богатому, но главным образом имеет своей целью сосредоточить в секциях все силы буржуазии и умеренных и мобилизовать их против Горы и Коммуны. Эта апология модерантизма весьма знаменательна И еще раз, этот двусмысленный газетный предприниматель не рискнул бы зайти так далеко, даже под прикрытием псевдосоциалистической болтовни, он не осмелился бы защищать эти сборища на Елисейских полях, где эгоистические приказчики и богатая молодежь смешались с роялистами и эмигрантами, если бы призыв, с которым Петион обратился к буржуазии и собственникам, не нашел отклика. Но двери богатых и до сих пор безмолствовавших домов открылись настежь, чтобы пропустить целую армию контрреволюции, целую клиентелу поставщиков, приказчиков, домашней прислуги, ведомых сыновьями буржуа и финансовыми агентами. Так впервые после начала Революции открыто и бурно проявилась скрытая до тех пор борьба между двумя группами третьего сословия. Это уже было не одно из тех беспорядочных мятежных движений, когда во имя права на жизнь бедняки кое-где грабили магазины и лавки. Это

* Санкюлоты (sans-culottes) — термин, возникший в период Великой Французской революции Первоначально санкюлотами (sans — без и culotte — короткие бархатные панталоны) аристократы презрительно называли представителей городской бедноты, носивших длинные брюки из грубой материи (в отличие от дворян и буржуа, носивших короткие штаны с шелковыми чулками). В дальнейшем, в годы якобинской диктатуры, этот термин становится самоназванием патриота, революционера — *Прим. ред.*

уже был не спор с трибуны между партией, опирающейся главным образом на буржуазию, и партией, взывающей к революционной энергии народа и его мускульной силе. Это уже были конфликт и схватка между двумя классами внутри каждой секции. Каждый вечер происходили своего рода рукопашные схватки, часто отчаянные драки между санкюлотами и теми, кого уже называли «шитыми золотом штанами» или «красивыми ляжками». *Красивые ляжки?* Это выражение принадлежит Шометту, как видно из донесения полицейского Дютара (более благородно называемого «наблюдателем общественного мнения»), адресованного министру Гара в понедельник 20 мая [55]. *Шитые золотом штаны?* Это выражение Робеспьера из речи, произнесенной им в Якобинском клубе [56].

ВЫСТУПЛЕНИЕ РОБЕСПЬЕРА ПРОТИВ ШИТЫХ ЗОЛОТОМ ШТАНОВ

Робеспьеру было ясно, что конфликт политический переходит в конфликт социальный. И конечно, глядя на контрреволюционную мобилизацию сил буржуазии, он радовался революционной мобилизации пролетарских сил. Он не хотел бы, однако, чтобы Революция привела к систематической борьбе против богатства и оттолкнула от себя ту часть богатой буржуазии, которая из осторожности не занимала определенной позиции или, руководствуясь великодушными и широкими взглядами, оставалась верной революционному движению.

Ведь Лепелетье де Сен-Фаржо, которого лишь недавно почтили торжественными похоронами, был одним из богатейших землевладельцев Франции и в то же время одним из самых пылких монтаньяров. Робеспьер озабочен как поддержанием боевого духа, так и соблюдением осторожности, и эта двойная озабоченность нашла отражение в кратком резюме речи, которую он произнес на заседании Якобинского клуба в среду 8 мая. Богатство должно считать подозрительным только тогда, когда оно проявляется в наглой роскоши и в вызывающих притязаниях [57].

«Только безумец может поверить, что гнусные приспешники Дюмурье и Кобурга серьезно намерены отразить разбойников Вандеи. Во Франции осталось только две партии: народ и его враги. Надо истребить всех этих подлых злодеев, которые будут всегда плести заговоры против Прав Человека и против счастья всех народов. Вот каково наше нынешнее положение.

Кто не за народ, кто ходит в шитых золотом штанах — прирожденный враг всех санкюлотов. Есть только две партии: партия добродетельных людей и партия развращенных людей. Людей следует различать не по их имуществу или положению, а по их характеру. Есть только два класса людей: друзья свободы и равенства, защитники угнетенных, друзья неимущих, с одной стороны, и защитники несправедливо приобретенного богатства и тиранической аристократии — с другой. Таково существующее во Франции разделение. Так вот, если мы хотим избежать гражданской войны, надо отделить эти два класса людей друг от друга.

Санкюлоты, неизменно руководствуясь любовью к человечеству, строго придерживались истинных принципов общественного порядка; они никогда не претендовали на имущественное равенство, а требовали равенства прав и счастья. Часть защитников народа позволила себя подкупить. Я тоже мог бы продать свою душу за богатство. Но в моих глазах богатство — это не только плата за преступление, но и кара за преступление, и я хочу быть бедным [58], *чтобы не быть несчастным*». (*Аплодисменты.*)

Так, настраивая санкюлотов против шитых золотом штанов, Робеспьер старательно избегает того, чтобы социальная борьба не вылилась в борьбу классов, основанную на противоположности бедности и богатства.

И если в разгар кризиса он требует признания революционного приоритета бедных, то не для того, чтобы ограбить богатых, а для того, чтобы обеспечить победу демократии и спасение свободы: «Вы имеете в законах все необходимое для того, чтобы законным образом истребить наших врагов. В секциях имеются аристократы, выгоните их. Вам надлежит спасти свободу, провозгласите права свободы, проявите всю вашу энергию. Вы располагаете бесчисленным народом санкюлотов, честных и полных сил. Они не могут оторваться от своих трудовых занятий, заставьте же богатых платить им. У вас есть Национальный Конвент. Очень возможно, что не все члены этого Конвента являются в равной мере друзьями свободы и равенства, но большинство их полно решимости защищать права народа и спасти Республику. Разложившаяся часть Конвента не помешает народу вести борьбу с аристократами. Неужто вы думаете, что Гора в Конвенте будет недостаточно сильна, чтобы противостоять всем приспешникам Дюмурье, Орлеана, Кобурга? Право же, вы не можете этого думать.

Если свобода погибнет, это будет по вине не столько представителей, сколько самого суверенного народа. Парижане, помните,

55. A. Schmidt. Tableaux de la Révolution française publiés sur les papiers inédits du département et de la police secrète de Paris, 1867—1870, 3 vol., t. I, p. 256.
56. A. Aulard. Op. cit., t. V, p. 179, заседание 8 мая 1793 г. «Кто ходит в шитых золотом штанах, тот прирожденный враг всех санкюлотов». [См.: M. Робеспьер. Избранные произведения, т. II. М., 1965, с. 333.— *Прим. ред.*]
57. A. Aulard. Op. cit., t. V, p. 179; Maximilien Robespierre. Œuvres. Discours t. IX, p. 487.
58. «*Бедный*» на языке Робеспьера и якобинцев — это не неимущий, а тот, кто удовлетворяет свои потребности посредством своего личного труда, не презирая благосостояния, но и не стремясь к роскоши, к праздности. Это идеал среднего класса.

что ваша судьба в ваших руках, вы должны спасти Париж и человечество. Если вы этого не сделаете, это будет ваша вина.

Гора нуждается в поддержке народа. Народ видит свою опору в Горе. Нас всячески пытаются запугать; нам хотят внушить, будто южные департаменты враждебно относятся к якобинцам. Я заявляю вам, что Марсель — навеки друг Горы, что в Лионе патриоты одержали полную победу.

Подводя итоги, я требую:

1. Чтобы секции собрали армию, достаточную для образования ядра революционной армии, которая увлечет и всех санкюлотов из департаментов на борьбу с целью истребления мятежников.

2. Собрать в Париже армию санкюлотов для обуздания аристократии.

3. Все опасные преступники, все аристократы должны быть арестованы; санкюлоты должны оплачиваться за счет государственного казначейства, расходы которого должны возмещаться богатыми, и эта мера должна быть распространена на всю Республику.

Я требую сооружения кузниц на всех городских площадях.

Я требую, чтобы Парижская коммуна поддержала всеми своими силами революционное рвение парижского народа.

Я требую, чтобы Революционный трибунал исполнил свой долг и покарал тех, кто в эти последние дни кощунственно выступал против Республики.

Я требую, чтобы этот трибунал не медлил с примерным наказанием известных генералов, взятых на месте преступления, которые уже должны были быть судимы.

Я требую, чтобы парижские секции присоединились к Парижской коммуне и своим влиянием обезвредили коварные сочинения журналистов, инспирируемых иностранными державами.

Приняв все эти меры, вы, *не давая никому предлога для утверждений, будто вы нарушили законы*, дадите импульс департаментам, которые объединятся с вами для спасения свободы». (*Аплодисменты.*) *

Итак, подобно тому как Робеспьер, возбуждая санкюлотов, в то же время хотел удержать их от объявления решительной войны буржуазии и собственности, точно так же он хотел максимально активизировать революционные действия, но не нарушая законности. Ясно видно, что он сохраняет еще страстное желание не затронуть Конвент. Народ, используя свои наблюдательные комитеты, учрежденные законом с 21 марта и обязанные надзирать сначала за набором в армию, а затем за взиманием военных сборов, используя Революционный трибунал, революционные армии, опираясь на большинство Конвента, сможет свести на нет политическое влияние Жиронды, не нарушая прав национального представительства. Но только для этого необходимо, чтобы он

с величайшей энергией использовал все те силы, которыми располагает: он должен воспрепятствовать контрреволюционным силам овладеть секциями, вывести из строя важнейшее орудие революционной борьбы.

«В секциях имеются аристократы, выгоните их».

Таким образом, все партии, от Петиона до Робеспьера, сходились в том, что секции должны стать полем и центром сражения. И какое кипение, какое бурление страстей вызывало это столкновение противоположных сил, которые теснили там друг друга!

ПРИЗЫВ ЭБЕРА К ПРОЛЕТАРИЯМ

В эти дни открытой, грубой и физической борьбы именно Эбер, папаша Дюшен, становится выразителем сильных страстей народа. Его грубость обретает свой смысл — как противопоставление изысканности и элегантным манерам умеренных буржуа, наглость которых принимала в секциях разнузданный характер. Его выступления были как бы мощным отзвуком тех речей, которыми отвечали в секциях на изысканные дерзости салонов или на провокации лакейских. Он возмущается вторжением аристократов в секции. И, тщательно стараясь, так же как и Робеспьер, успокоить собственников, он призывает пролетариев вести энергично борьбу с эгоистическими буржуа, которым хотелось бы «заставить их есть штукатурку со стен».

«Славные санкюлоты департамента Эро,— пишет он в № 234 своей газеты [59],— стремясь спасти Республику, приняли постановление, обязывающее всех граждан, способных носить оружие, выступить против мятежников и заставить богатых оплатить расходы по этой кампании [60]. Почти все секции, узнав об этом поста-

---

* См: М. Робеспьер. Избранные произведения. Т. II, М., 1965, с. 332—337.— *Прим. ред.*

59. «*Великий гнев папаши Дюшена* («*La Grande Colère du Père Duchesne*») при виде того, как санкюлоты довольствуются тем, что дуются, вместо того чтобы задать трепку священникам и разбойникам, опустошающим департамент Вандея. Его добрые советы молодцам Сент-Антуанского предместья вооружиться кнутами и дубинками, чтобы загнать в подвалы всех коротышек-лавочников, всех клерков бывших прокуроров и приказчиков торговцев сахаром, которые хотят произвести контрреволюцию в Париже».

60. Чтобы положить конец волнениям, вызванным набором 300 тыс. человек в армию, власти департамента Эро объявили своим постановлением от 19 апреля 1793 г. прямую и личную мобилизацию. Одновременно администрация департамента Эро предусмотрела принудительный заем на 5 млн. с разверсткой его среди богатых, для оплаты военных расходов, выплаты жалованья солдатам и для помощи «бедному классу». («Moniteur» XVI, 239.) См. ниже, с. 437, прим. 69 и 70.

новлении, приветствовали его, и все они приняли бы аналогичное, если бы некие олухи не вмешались и не внесли беспорядок. Уже парижская армия стояла лицом к лицу с мятежниками, и герои 14 июля и 10 августа раздавили бы мерзавцев, ускользнувших от их мести Но, черт побери, все *порядочные люди Лафайета воспользовались добрым советом Жерома Петиона и, как он и рекомендовал им в своем письме к секциям* [61], *не преминули отправиться на собрания секций, с тем чтобы изгнать оттуда санкюлотов. Какие-то незнакомые рожи, морды, которые просят кирпича, церковные старосты, банкиры, торговцы сахаром, банды недоносков в узких панталонах, завитые и раздушенные щелкоперы наводнили все секции.* Там уже не узнать друг друга Каждое собрание превращается в настоящее столкновение, там только и разговору что об убийствах да грабежах Вырезать Гору, якобинцев, мэра, прокурора, всех должностных лиц, сжечь предместья — таковы замыслы этой презренной сволочи.

Банды приказчиков из лавок, рассыльных стряпчих и нотариусов, продавцов бакалейных товаров и лимонада собрались в Люксембургском саду, вооруженные кинжалами и пистолетами, чтобы начать гражданскую войну. Эта проклятая сволочь оскорбляла и избивала патриотов *Эти мерзавцы до того обнаглели, что захватили регистры и назначили себя председателями и секретарями*»

Допустят ли патриоты, чтобы их так топтали ногами? Неужели они не ответят немедленно на эти оскорбления, не перейдут в наступление? Неужели они не сумеют заставить богатых буржуа понять карая их надлежащим образом, что в их собственных интересах — не допустить во Францию грабительские и опустошительные полчища, извергаемые Европой королей?

«Черт возьми! — кричит папаша Дюшен в № 235 своей газеты [62],— до чего мы дошли? Я уже не узнаю Парижа. Куда же девались герои 14 июля и 10 августа? Я вижу только равнодушных трупов, встречаю только трупов, у которых в жилах не кровь, а водица».

И он добавляет обращаясь по очереди ко всем социальным категориям, третируя собственников и щадя собственность

«Вы, не желающие ничего сделать для Республики и сожалеющие о старом порядке, богачи-вымогатели, и вы, толстопузые лавочники, смеющиеся исподтишка над угрожающими отечеству опасностями, ответьте мне, черт вас побери на что вы надеетесь? Что станет с вашим имуществом, с вашими роскошно обставленными апартаментами, с вашими магазинами, если враг овладеет Парижем? Неужто, мечтая поживиться, он станет тратить время попусту в Сент-Антуанском предместье, тогда как он сможет собрать богатый урожай у вас? Берегитесь, богатые особняки Сен-Жерменского предместья, берегитесь, роскошные лавки на улице Сент-Оноре Подлые эгоисты, подумайте о том, что контрреволюция будет для вас последним ударом. Уж если у вас недостает мужества спасать отечество своими руками, то оплачивайте по крайней мере расходы по борьбе с его врагами.

А вы, славные санкюлоты, еще раз закусите удила.

И вы, женщины 6 октября, покажите, на что вы способны. Знаете ли вы, черт возьми, что сделали ваши кумушки в департаменте Ньевр для обеспечения мира, в то время как их мужья сражаются с мятежниками? Они ухватили за космы всех жен бывших людей, схватили за шиворот всех ветрогонов старого порядка, попов, фейянов, всех мнимых патриотов, всех умеренных. Ныне эта сволочь заперта в монастырях».

Пусть патриоты проснутся, если не хотят, чтобы их перерезали. В № 237 их предупреждают, что «готовится новая Варфоломеевская ночь» [63].

«Жертвы уже намечены, жирондистская банда набирает и объединяет рыцарей кинжала . отправьтесь со мной на спектакли и в кафе, кого вы там встретите? Стаю молокососов, тявкающих на Республику, как шавки, радующихся успехам разбойников и нагло заявляющих, что не пройдет и месяца, как Франция будет занята пруссаками .. отправьтесь к бывшим финансистам, к судейским, к крупным лавочникам, какие толки вы там услышите? Весь этот мир лакеев, все эти гнусные канальи вздыхают по монархии, клевещут на патриотов, угрожают им».

И чем объяснить, что «у нотариусов и стряпчих все эти клерки и посыльные, которые при старом порядке питались одной фасолью и картошкой», теперь питаются, как благочинные, а клерка нельзя отличить от прокурора? «Не думайте, что эта перемена — следствие равенства», ибо «эти старорежимные кровопийцы не утратили своих наклонностей, они так же жаждут обкрадывать и обирать тяжущихся». Чем же объяснить, что клерки так хорошо питаются? Дело в том, что «эти надушенные и принаряженные кле-

61 J Petion Lettre aux Parisiens См выше, с 419, прим 49.

62. «*Великий гнев папаши Дюшена* («*La Grande Colère du Père Duchesne*») против бывших финансистов, адвокатов, прокуроров и крупных лавочников, которые смеются исподтишка при виде того, как опустошают наши департаменты Его добрые советы женам всех санкюлотов, отправляющихся сражаться в Вандею, вооружиться на время отсутствия их мужей прутьями и отправиться патрулями к бывшему Пале-Руаялю и театрам, чтобы задать трепку всем этим балбесам, проповедующим контрреволюцию»

63 «*Великий гнев папаши Дюшена* («*La Grande Colère du Père Duchesne*») по поводу широкого заговора бриссотинцев и жирондистов, имеющего целью поджечь Париж с четырех сторон и в сумятохе перерезать всех патриотов Горы Его добрые советы честным санкюлотам сформировать в Париже армию для защиты Республики от 60 тыс молокососов, прибывших из Кобленца и заделавшихся приказчиками в лавках и посыльными у нотариусов и стряпчих»

рикалы — большею частью эмигранты; этим плутам надоело поститься в Кобленце, и они предпочли вернуться во Францию». И вот сброд, в котором смешались дворяне, финансисты и судейские, переодетые дворяне и эгоисты буржуа, старается овладеть секциями, подчинить себе Париж, чтобы передать Францию «младенцу, которого австрийская волчица выдает за продукт Людовика-укороченного». Но Париж пробуждается. Вот идут санкюлоты, люди с крепкими кулаками, они вновь идут в секции, засоренные аристократами, и выметают оттуда все это отродье. Революция опять становится хозяйкой Парижа. Пусть же Париж действует, пусть рассеет недоверие департаментов и пусть от имени Франции возьмет на себя верховную инициативу в осуществлении решающих мер.

«Санкюлоты департаментов,— восклицает в № 238 своей газеты [64] папаша Дюшен, внезапно поднявшийся до возвышенного стиля и пускающий из своей трубки широкие клубы дыма,— вот что мы видим, и вы должны это знать. *Храм свободы находится в Париже*; это мы, черт возьми, заложили первый камень этого храма. Вы нам доверили его охрану; если бы мы его не сохранили, вы имели бы основание обвинить нас. Когда пьяница Капет мало-помалу подрывал его, мы непрестанно вырывали у него из рук топор, которым он разбивал его колонны. Тогда, как и ныне, вам клеветали на нас, вам говорили, что Капет — верховный жрец этого храма, а мы оскорбляем, оскверняем само божество. Вы нам прислали работников для восстановления здания, но, *к сожалению, ваш выбор был неудачным*». Париж, наблюдающий за ними и видящий их вблизи, собирается поэтому прогнать этих дурных работников.

И пусть патриоты не боятся, что департаменты их дезавуируют Конечно, если их усилия будут посредственными, если они не достигнут цели, их заклеймят, они окажутся под угрозой. Но «Пер Дюшен» знает, что оправданием благотворной революционной диктатуры Парижа будет сам ее успех, и в своем № 239 папаша Дюшен вдохновляет парижан на решительную борьбу: «Победите, и все департаменты одобрят ваши действия и последуют за вами. Куйте железо, пока оно горячо» [65].

ПОРАЖЕНИЯ В ВАНДЕЕ И АГИТАЦИЯ В СВЯЗИ С НАБОРОМ В АРМИЮ

А между тем из Вандеи почти каждый день поступали вести, вызывавшие среди сил, которые сталкивались и вели жаркую борьбу в секциях, раздражение или растерянность. Первые месяцы войны на Западе среди патриотов, революционеров преобладает состояние оцепенения. Они не понимают ни мотивов восстания, ни тактики мятежников. И неудачи, являющиеся результатом

недостаточной подготовки и неумения приспособиться, они объясняют изменой генералов. Как! Патриоты, победившие старые армии Фридриха и войска императора под Вальми и Жемаппом, которые потерпели поражение в Бельгии исключительно из-за измены их командующего, эти люди побеждены какими-то грубыми мужиками! Как! Жалких хитростей попов, обещающих этим глупым крестьянам неуязвимость для пуль или воскрешение, достаточно, чтобы воодушевить их на героические деяния! Их ложный епископ Агрский [66] сказал им, что они пройдут невредимыми сквозь огонь неприятеля, и они бросаются, почти безоружные, на хорошо вооруженных патриотов. Священники показывают им трех стариков, которым в течение трех дней стягивали ниткой шею: это, мол, след ножа гильотины, бог приклеил обратно головы этим честным людям. И вот уже вандейские крестьяне бросают вызов смерти.

Нет, право же, все эти кривлянья и обманы не могут одержать верх над силой и правдой Революции. И если вначале имеют место только неуверенные действия и неудачи, если Марсе разбит у Пон-Шарро и вынужден поспешно отступить, если Кетино второпях эвакуирует Брессюир, сдает Туар и сам сдается вместе со своей армией, то только потому, что тень измены, после того как она покрыла широкие однообразные равнины Бельгии, распространяется на холмистые и раздробленные поля Запада. Разве Кетино не был другом и заместителем Дюмурье [67]?

---

64. «*Великий гнев папаши Дюшена* («*La Grande Colère du Père Duchesne*») на работников, которым народ поручил построить храм свободы, но которые хотят его разрушить и вместо того чтобы горячо приняться за работу, изо всех сил стараются разжечь гражданскую войну и уничтожить Париж. Его добрые советы бравым санкюлотам Марселя и Бордо, которых хотят вооружить против Парижа, чтобы они помогли нам сделать еще одно большое усилие, чтобы избавить Францию от сообщников Капета и Дюмурье, пребывающих среди членов Конвента»

65. «*Великое разоблачение папашей Дюшеном* («*La Grande Dénonciation du Père Duchesne*») перед всеми санкюлотами департаментов заговоров, которые плетут бриссотинцы, жирондисты, роландисты, бюзотинцы, петионисты и вся проклятая шайка сообщников Капета и Дюмурье с целью истребления бравых монтаньяров, якобинцев, Парижской коммуны. Его добрые советы бравым молодцам предместий разоружить все это старье, у которого в жилах не кровь, а водица и которое вместо того, чтобы защищать Республику, старается разжечь гражданскую войну между Парижем и департаментами».

66. См. выше, главу V, с. 359, прим. 26.

67. О Марсе и Кетино см. выше, главу V, с. 349, прим. 11 и с. 351, прим. 15. Марсе был разбит у Пон-Шарро 20 марта 1793 г. Кетино эвакуировал Брессюир 2 мая и сдался вандейцам в Туаре 4 мая. См.: Ch.-L. Chassin. La Vendée patriote, 1793—1800. Paris, 1893—1895, 4 vol., t. I, p. 269 (взятие Брессюира), p. 274 (оставление Туара).

В действительности генералы не были изменниками. Но они сами были смущены, сбиты с толку этой совершенно для них новой войной, нисколько не похожей на то, к чему они привыкли прежде. Они рассчитывали легко рассеять бродячие банды крестьян, вооруженных дубинами и вилами, но вдруг очутились перед изгородями, ощетинившимися смертоносными ружьями, из которых целились медленно и верно, увидели, как крестьяне, обычно рассеянные, внезапно собирались в крупные отряды и устремлялись на республиканские войска с таким порывом и такой силой, что им удавалось захватить пушки, и мало-помалу они вооружались за счет самой Революции. А на захваченные ими пушки, на «Мари-Жанну» [68], на «Миссионера», они прибивали распятия, как бы для того, чтобы к ненадежному действию естественных сил добавить какую-то мощь христианских чародейственных сил. А первые посланные туда генералы, профессиональные солдаты, честно служившие Революции, как они продолжали бы служить монархии, не имели никакого представления о великих основных силах, ни о католической, ни о революционной. Чтобы повести в эти бои, таившие всякие неожиданности, еще неуверенных новобранцев, надо было вдохнуть в них пыл, энтузиазм, а их начальники были всего лишь хорошими тактиками времен старого порядка.

Когда Марсе дали знать о приближении крестьянских отрядов, его охватили колебания: а вдруг это подходят силы патриотов. Он не двинул своих войск с места и вскоре, захваченный врасплох превосходящими силами противника, отступил в беспорядке. Если Кетино оставил Брессюир, а 4 мая сдал Туар почти без боя, то не вследствие измены или из трусости, а потому, что оказался окруженным неожиданно целой армией, тогда как он думал, что имеет дело с несколькими бандами, и он не счел себя вправе рисковать своими войсками, и в обычной войне такое рассуждение, быть может, не лишено резона. Но в завязавшейся грозной борьбе, от которой зависело будущее мира, всякое проявление слабости, хотя бы и без малейшего злого умысла, было преступлением. Вместо того чтобы дать согласие местным властям Туара на поднятие белого флага, Кетино должен был бы драться до последнего вздоха, до последнего солдата. Но он этого не понимал, а далеко, в Париже, где сердца пылали в самом центре очага, такие слабости истолковывались как измены. Изменники и те, кто в самом Конвенте, скрывая вначале опасность, ослабляя революционное пламя, крича об анархии, о тирании, о скандале всякий раз, как только Парижская коммуна принимала хотя бы малейшие энергичные меры, предавал в руки врага Революцию, разъединенную и неуверенную.

Итак, в бурлящих секциях, где сталкивались санкюлоты и те, кто носил шитые золотом штаны, партия действия, яростной и фанатической борьбы превращала каждый вечер следующие

одно за другим поражения Революции в Вандее в аргументы, сила которых все возрастала.

В Лионе, где весь ритм жизни был подчинен крупной промышленности и где не воспринимали сразу, всем сердцем, как в Париже, все потрясения, переживаемые отечеством в опасности, вести из Вандеи, наоборот, в какой-то мере ободряли умеренных: они видели в них некий первый урок, преподанный сторонникам революционной крайности. Но в Париже острая опасность, угрожавшая отечеству и свободе, вонзалась в души, как раскаленная игла, и под действием этого жгучего стрекала силы Революции поднимались.

Кто же победит в Париже, в секциях? Одно время можно было думать, что верх одержат умеренные, буржуа, собственники, рантье, приказчики, вся социальная клиентела Жиронды: очень уж были они многочисленны, уверены в себе, агрессивны. Они не уклонялись от жестокой драки, и все хорошо упитанные молодчики от крупной торговли похвалялись тем, что с помощью своих дубинок справляются с жалким пролетариатом. Закон о наборе в армию имел одно неожиданное следствие. Поскольку он предоставлял гражданам, объединенным в секции, определение порядка проведения набора, то все поспешили в секции, чтобы постараться провести наиболее благоприятную для них систему. Будет ли это набор по жребию или призыв? Будет ли разрешенная законом замена проводиться практически, и на каких условиях [69]?

Когда департамент Эро, соображения которого были сообщены Конвенту 27 апреля и составили содержание общего декрета от 5 мая [70], объявил, что новые солдаты должны быть назначены самими гражданами, он не скрывал, что главная его цель —

68. См.: Ch.-L. Chassin. Op. cit., t. I, p. 431.

69. Законом от 21 февраля 1793 г. (см. выше, с. 173) все граждане в возрасте от 18 до 40 лет были объявлены военнообязанными и могли быть в любой момент призваны на военную службу. В принципе добровольное поступление на военную службу сохранялось. Статья 11 гласила: «В случае, если добровольная запись не даст числа людей, установленного для каждой коммуны, граждане обязаны будут восполнить его немедля, использовав для этой цели порядок, который они сочтут большинством голосов наиболее подходящим». Допустить жеребьевку, определение призываемых голосованием — это означало поставить набор рекрутов в зависимость от соперничества местных групп. Замещение разрешалось, но заместитель должен был быть одобрен генеральным совето коммуны, а также должен был быть одет, экипирован и вооруже.. за счет замещаемого.

70. «Archives parlementaires», LXIV, 551; в «Монитёр» никаких упоминаний. Доклад был представлен Барером. О постановлении департамента Эро от 19 апреля 1793 г. см. выше, с. 431, прим. 60.

заставить богатых служить в армии. В докладной записке, адресованной административными властями Монпелье Конвенту, было сказано [71]:

«Департамент Эро лишь недавно провел крупный набор. Не следует скрывать, каков его состав. . Большинство новобранцев — заместители, которых соблазн крупного жалованья побудил покинуть свои очаги... Предлагается новые наборы проводить в порядке *назначения*, т. е. направляя прямые и личные вызовы гражданам, признанным наибольшими патриотами и наиболее способными по своему мужеству, характеру и физическим данным с пользой служить Республике в это опасное время Список призываемых граждан будет вывешен во всех народных обществах».

В докладе Барера от 5 мая уточнялось, что речь идет о распространении на богатых граждан повинности, которую до тех пор несли почти одни только бедные граждане. Барер напомнил, что «до сего дня бремя тягот и опасностей лежало на плечах наименее зажиточного класса, сельских жителей, городских ремесленников; что ныне все граждане должны разделить это бремя; что собственники и граждане, занятия которых можно прервать без особого ущерба, должны поспешить увеличить силу армии и подать — в тех департаментах, где вспыхнул мятеж,— пример мужества и любви к отечеству».

И Комитет общественного спасения в циркулярном письме заявил: «Народные представители должны напомнить французскому народу, что издавна, даже после начала Революции, праздное богатство умело уклоняться от тягот и опасностей, перекладывая все это бремя на плечи наименее состоятельного класса; что ни один гражданин не должен уклоняться от личной службы».

Это было очень четко. Но одновременно это побудило богатых ринуться в секции. А может быть, еще удастся сохранить большую часть системы заместительства? И поскольку и им грозит быть отправленными на фронты, подвергнуться тяготам и опасностям, не лучше ли действовать немедля? И они покидали свои «устланные коврами альковы», чтобы отправиться на завоевание секций. Как часто это им удавалось, об этом свидетельствует не только Эбер.

Полицейский Дютар, не лишенный, несмотря на свой напыщенный стиль, претенциозность и дух модерантизма, некоторой наблюдательности, часто отмечает в своих секретных донесениях министру внутренних дел Гара это возрождение сил буржуазии [72].

1 мая он доносил [73]: «Посетил Пале-Эгалите и Тюильри; почти одни только аристократы и бриссотинцы. Генеральный совет Коммуны принял постановление, призывающее секции присылать к нему комиссаров, дабы они делали заметки и затем информировали секции о действиях Генерального совета. Шометт, который

был инициатором этого постановления, совершенно не достиг своей цели, потому что приходят туда одни только аристократы и бриссотинцы. И я нисколько не сомневаюсь в том, что его смущает то равнодушие, с которым некоторые старики встречают его зажигательные проекты резолюций...»

И ревностный Дютар (слишком ревностный для склонного к выжидательной тактике Гара, которому он докучает своими планами) трубит сбор всех консервативных сил: «Пусть с сего дня, с сего мгновения для всех собственников, для возможно большего числа их, звучит сигнал к единению, пусть они утешат народ, пусть внушат ему мужество. Да будут принесены величайшие жертвы. Пусть не поскупятся на золото, на деньги, на всякого рода милости — словом, на все, что угодно. Пусть хорошенько объяснят аристократии, насколько в ее интересах соединиться со здоровой частью народа; пусть ей ясно докажут, что, если произойдет малейшее восстание, она будет перемолота и что ни один ее человек не спасется...»

Из донесения от 3 мая [74]: «Почему, скажут мне, якобинцы не предприняли никакой атаки в Париже после бегства Дюмурье? Дело в том, что класс недовольных слишком многочислен, что этот класс, по правде говоря, одолеваемый робостью, является почти единственным классом, обладающим оружием (*ибо почти все торговцы вооружены*); дело в том, что все служащие администрации имеют репутацию аристократов, и может случиться, что в какой-то момент все вооруженные люди, объединившись с упраздненным классом, окажут сильное сопротивление. Эбер высказал это недавно в связи с празднеством, которое должно было иметь место на Марсовом поле: «Двадцать тысяч контрреволюционеров вскоре собрались бы и могли бы захватить внутренние посты и оружие, хранящееся в арсеналах».

Из донесения от 5 мая [75]. «Я вам уверенно заявляю, что настоящий момент не тот, которого вам следует опасаться, что в течение по меньшей мере трех-четырех дней вам ничего не следует страшиться. Я мог бы дать тому множество доказательств, но главное —

---

71 «Moniteur», XVI, 239, «Archives parlementaires», LXIII, 435

72 Учреждение «комиссаров наблюдателей» (сами они называли себя «наблюдателями» или «наблюдателями за общественным мнением») было утверждено по требованию Гара, министра внутренних дел, постановлением Временного Исполнительного совета от 3 мая 1793 г Дютар был адвокатом Он жил частью в Бордо, частью в Париже, где посе[illegible]лился в секции Почт (в дальнейшем — Общественного договора) Он был связан с Гара

73 A Tuetey Op cit, t IX, № 546; A Schmidt Tableaux de la Révolution française, t. I, p 166

74. A Tuetey Op cit, t IX, № 552; A Schmidt Op cit, t I, p 175

75. A Tuetey Op cit, t IX, № 561; A Schmidt Op. cit, t I, p 183

то, что клика [Коммуна и Гора] не чувствует себя сильной и, находясь среди огромного населения, окруженная подводными камнями и всяческими опасностями, она не располагает ни достаточно искусными политиками, ни достаточно ловкими наблюдателями, чтобы осмелиться что-либо предпринять.

Во многих секциях происходят раздоры, и, по-видимому, крикунов повсюду добили; секция Сен-Жак одна из тех, которые я должен добавить к тем, о которых я вам говорил сегодня утром.

Но я особенно опасаюсь момента, когда набор будет кончен, момента, когда каждый торговец, каждый собственник, каждый владелец мануфактуры вернется в свою лавку, в свой дом, в свою мастерскую со своими приказчиками и служащими» [76].

В самом деле, именно вопрос о наборе в армию вызвал наплыв в секции всех умеренных, буржуазных и торговых, сил Парижа.

Из донесения от 6 мая [77]: «Сегодня утром мне сообщили, что в секции Маконсей дело дошло вчера вечером до рукопашной схватки. В секции Сент-Эсташ поломали стулья и разошлись, ничего не обсудив» [78].

Из донесения от 7 мая [79]: «Вчера вечером я совершил прогулку по Елисейским полям и к Тюильри и нашел народ всюду довольно спокойным. Одно важное наблюдение доставило мне удовольствие: в местах гулянья умеренных было меньше, чем обычно. Чем ближе опасность, *тем сильнее испытывают они потребность в единении.* Да будет угодно богу, чтобы это чувство, которое вопреки желаниям клики довольно быстро выросло, продолжало и дальше расти все более и более, *так чтобы класс собственников стал отныне единым.*

Я отправился в свою секцию и нашел там многочисленное собрание. Я стал свидетелем дискуссии по поводу одного постановления секции Пуассоньер, содержавшего два основных положения. *Первое касалось требования освободить молодых людей, арестованных на Елисейских полях.* Второе положение гласило, что Сантер потерял ее доверие. По последнему предложению собрание приняло решение о переходе к очередным делам, но по первому завязалась оживленная дискуссия. И замечательно то, что почти все выступавшие высказывались за предложение об освобождении мятежников, и собрание опять приняло решение о переходе к очередным делам. Поскольку первое голосование ни к чему не привело, два цензора были выбраны из числа монтаньяров для подсчета результатов второго голосования. И несмотря на то, что умеренных было на 40 человек больше, чем других, эти цензоры имели бесстыдство оценить результаты голосования в пользу бешеных. Председательствовал кто-то из собратьев Эбера; мне сказали, что его фамилия — Гиро.

На собрании и при выходе я заметил, что умеренные проявляли величайшее удовлетворение. *Выходя, все взаимно призывали друг друга аккуратно посещать собрания.* Они сознают, что до тех

пор, пока они будут присутствовать на заседаниях секции, их не вырежут».

Дютару кажется, что он переживает некую весну модерантизма. «Вчера вечером,— пишет он 10 мая [80],— я стоял на правой стороне Елисейских полей. Она вся была заполнена, кем бы вы думали? Поверите ли, умеренными, аристократами, собственниками. Очень хорошенькие принаряженные женщины наслаждались ласковым весенним ветерком. Это было очаровательное зрелище. Это случайное совпадение прихода весны и *нового порядка вещей в нашей политической жизни* развеселило даже стариков: все смеялись; только я один не смеялся».

Заметьте, что Дютар не оптимист, что он отнюдь не старается успокоить Гара, что, наоборот, он обращает его внимание на все симптомы грядущего восстания 31 мая. Тем большую ценность имеет то, что он говорит о пробуждении умеренных. Он не закрывает глаза ни на временное усиление их деятельности, ни на их слабости.

«Вчера вечером в моей секции было многочисленное собрание. *Умеренные, которых было гораздо больше, чем других,* требовали освобождения гражданина Бушаре, приговоренного наблюдательным комитетом секции к заключению в течение полутора месяцев в тюрьме Аббатства *за то, что он сломал несколько стульев о спины бешеных.* Хотя умеренные были в весьма значительном большинстве, собрание приняло постановление о переходе к очередным делам. Председательствовал Гиро. Умеренные кричали, что это несправедливо, число их голосов явно превышало, по меньшей мере на 30, голоса бешеных.

Что же сделали умеренные? Они вскочили как ужаленные и толпой бросились к выходу, с руганью, проклятьями, бранью. Их пытались удержать, но тщетно. Выйдя на улицу, они стали совещаться, некоторые стали раскаиваться; они хотели вернуться,

---

76. В том же донесении Дютар сообщает о манифестации на Елисейских полях «молодых людей, о которых говорят, что это торговые приказчики и клерки нотариусов», численностью 400—500 человек,— манифестации, направленной против набора в армию. «Предполагают, что большое их сборище, числом до 10 тыс. человек, на Елисейских полях отложено на завтра». См. ниже.
77. A. Tuetey. Op. cit., t. IX, № 563; A. Schmidt. Op. cit., t. I, p. 186.
78. Дютар отмечает также, что общее собрание секции Хлебного рынка постановило, что, когда санкюлоты окажутся в меньшинстве, они покинут место и присоединятся к санкюлотам другой секции; эта тактика *братания* секций позволила санкюлотам в конечном счете одержать верх над умеренными. См. ниже, с. 449, прим. 2 и 3.
79. A. Tuetey. Op. cit., t. IX № 569; A. Schmidt. Op. cit. t. I, p. 192.
80. A. Tuetey. Op. cit., t. IX, № 579; A. Schmidt. Op. cit., t. I, p. 202.

но, так как многие уже разошлись, их осталось мало, и они тоже ушли

Примечательно, что в этом собрании почти все — собственники и часть из них, которые являются умеренными, вынуждены занимать места среди бешеных, потому что в одной стороне мест почти столько же, сколько в другой.. »

Как сумели санкюлоты в этой первой половине мая дать отпор внезапной и грозной мобилизации сил умеренных и буржуазии? Как удалось им сохранить или вернуть себе руководство секциями? Прежде всего, в этом внезапном и почти беспорядочном движении буржуазии и ее клиентелы не было ни достаточного единства, ни большого постоянства. Революционные силы можно было бы в какой-то момент остановить и нейтрализовать только при условии тесного союза умеренных и аристократов Если бы у роялистов хватило сообразительности следовать за буржуазией и подталкивать ее вперед, возможно, этот блок реакции и консерватизма оказал бы сильное давление на партию санкюлотов Но роялисты еще не смирились с ролью класса, следующего позади одной из групп Революции. И они сохраняли неискоренимое недоверие или непримиримую ненависть даже к самым остепенившимся, наиболее охладевшим вчерашним революционерам

Коалиция, подобная той, которая намечалась в Лионе, не была возможна в Париже, где события оставили повсюду самые горячие следы. А аристократы не отказались еще от тактики отчаяния, от надежды все спасти, пойдя на крайности.

1 мая Дютар отмечает [81]: «На мой взгляд, трудность изменения настроении общественного мнения коренится не в народе Это аристократия всегда разжигает раздоры, возбуждает беспорядки Пожалуй, аристократия возразит мне: „Да мы ничего не делаем, ни во что не вмешиваемся, мы сидим по домам". В том-то и дело! Такой уход народ воспринимает как оскорбление. Народ хочет с вами брататься, почему же вы не сближаетесь с нами вместо того, чтобы отдаляться от нас? Народ, в общем, рассуждает здраво. Он с уважением относится к обычаям, ему приятен вид образованного человека, лишь бы он был легко доступен» [82].

Даже там, где аристократия не занималась интригами в духе крайних партий, она брюзжала и бездействовала. Конечно, полицейскому легко об этом говорить Дворянам, тем, кто были известны как роялисты, почти невозможно было появляться в секциях. Самое большее, что они могли себе позволить,— это смешаться на собраниях с «золотоштанниками», с папенькиными сынками умеренной буржуазии.

В своем докладе от 3 мая [83] Дютар продолжает в том же духе

«Народ охвачен одним стремлением — свалить нынешнюю администрацию [власть жирондистов]. Респектабельная аристократия присоединяется к народу и являет ему любопытное зрелище того, что народ обычно видит только в изображениях. Откровенно говоря, меня так возмущает аристократия, ее беспутство, которое я наблюдаю повседневно, что, если бы во главе стояли только Гюаде, Марат и я. я, пожалуи, решился бы сказать Гюаде. «Друг мой, давайте срубим все эти головы Они желают вам зла, они хотят вас погубить, эти головы нам в тягость и более опасны для нас, чем головы самых бешеных санкюлотов».

Я не могу отделаться от одного предвидения, основанного на наблюдениях, накопленных за четыре года. Допустим, что восстановили короля, что аристократии вернули ее замки со всеми ее прерогативами, что восстановлены парламенты, духовенство и т. д. Так вот, в этом случае аристократия не простила бы никому из тех, кто играл какую-либо роль в Революции. *Она приписала бы величайшие провинности, величайшее беспутство даже тем, кто ей помогал. Нет таких гнусностей, которые аристократы не приписали той части Конвента, которая, кажется, могла бы их пощадить. Они не осмеливаются выступать против Горы, но срывают свою злобу на жирондистах*».

Для умеренных большим источником слабости было то, что они как бы опирались на этих фанатиков старого порядка, которые надеялись на полное восстановление своих привилегии и жаждали этого. Такое же меланхолическое наблюдение и столь же мрачное предчувствие Дютара мы обнаруживаем и в донесении от 10 мая [84]:

«Еще следует заметить, что завсегдатаев секции из числа бешеных приходит человек 12 или 15 и что если две партии не объединяются, то только из-за упрямства и безмозглости аристократии, не желающей идти на уступки. По этому факту вы можете судить о том, в какой мере можно рассчитывать на парижских собственников. *Чтобы от них чего-то добиться, пришлось бы приковать их цепями друг к другу*».

ПОЧЕМУ ПОБЕДЯТ САНКЮЛОТЫ

Итак, силам модерантизма недоставало сплоченности, они не способны были действовать совместно; тревожные и двусмысленные махинации людей старого порядка искажали и парализовали

---

81 См выше, прим 73

82 Действительно, народные активисты постоянно разоблачали «равнодушие», «беспечность», «абсентеизм» «Чем больше отечеству грозит опасность, тем более едиными должны быть граждане»,— объявила секция Бобур 6 сентября 1792 г Должно исчезнуть всякое разграничение между гражданами, пусть секция станет только «одной большой семьей, все члены которой полностью едины» Тщетные призывы .. Не сумев убедить, секционные активисты вынуждены были прибегнуть к репрессиям осенью 1793 г. «равнодушие» стало мотивом для причисления к подозрительным

83 См выше, прим 74

84 См выше, прим 80

движение сопротивления. К тому же действия буржуа, умеренных не отличались ни последовательностью, ни упорством. Под угрозой новой революции, которая могла посягнуть на собственность, они в большом числе появлялись в секциях. Особенно часто приходили они туда, подгоняемые бичом закона о наборе в армию. Но они не в силах были надолго отказаться от своих привычек. Поскольку прежде они редко посещали секции, они чувствовали себя там новичками. Они либо приходили в уныние при первой же неудаче, либо не умели использовать свои победы. Даже там, где они составляли большинство, они, как мы видели, позволяли организованному меньшинству, до того господствовавшему в секциях и научившемуся управлять ими, диктовать им свои законы. Импровизированным и непоследовательным махинациям буржуа, быстро угасавшим порывам умеренных санкюлоты противопоставляли удивительную силу страсти, организованности и настойчивости. Их революционный инстинкт был в высшей степени возбужден. Если бы в этот решительный момент Париж проявил слабость, то со свободой, с завоеваниями четырех лет Революции было бы покончено. Однако, чувствуя, как в них воспламеняется вся сила Революции. которой угрожает опасность, санкюлоты в то же время понимали, что партия, которую они играют на сей раз,— их партия. Служа общему делу Революции, они служили своему делу. Сила народного сознания отнюдь не уменьшилась, и порыв народа не ослаб. Но на смену идеалистической горячности, поднимавшей народ в июле 1789 г., в августе 1792 г., пришел своего рода революционный позитивизм, ясный, пылкий и суровый. Народ уже не бросался сразу же навстречу опасности, он уже не полагался более на то, что в каком-то туманном будущем его героизм будет доказан и вознагражден. У него начали появляться его собственные интересы.

Санкюлоты, демократы уже проникли в довольно большое число административных учреждений. При Паше они заполнили канцелярии военного министерства. А при его втором преемнике, Бушоте [85], они остались их хозяевами. Они начали вкушать от платных должностей, наслаждаться гордостью и выгодами, связанными с положением господствующей и хорошо оплачиваемой бюрократии. В армии, посылаемой на Запад, они могли рассчитывать — при Сантере, при Ронсене — на должности и чины. Это наводило их на мысль, что все те должности, которые до сих пор они исполняли бесплатно, в секциях, в многочисленных комитетах, гражданских комитетах, наблюдательных комитетах, которые отнимали у них так много времени, тоже в близком будущем могут стать платными. И если ремесленники, пролетарии жертвовали своим рабочим временем, чтобы охранять Революцию, чтобы обеспечить революционную администрацию, приведя в движение огромный и возбужденный народ, если, отправляясь на фронт к границам и в Вандею, они рисковали потерять средства к существованию для себя и своей семьи, то разве не справедливо, чтобы им щедро платили, притом за счет богатых, чей эгоизм повинен во всех тяготах и опасностях, которые обрушились на народ? Обложить богатых не только для того, чтобы накормить бедных, но и для того, чтобы вознаградить их наконец за все жертвы, принесенные ими Революции и отечеству,— это было справедливо, и к этому должны были прийти [86].

Робеспьер, который отнюдь не был идеологом и обладал поразительно острой способностью улавливать все изменения в умонастроении народа, уже откликнулся на это движение умов, когда он предложил, выступая 8 мая в Якобинском клубе, в речи, которую я уже цитировал, создать оплачиваемую организацию пролетариев [87].

Он говорит об этом, так же четко, в тот же день в Конвенте [88]:

«В последнее время аристократия осмелилась поднять голову; я требую, чтобы все подозрительные люди были взяты заложниками и арестованы, чтобы в эти дни кризиса интриганы, повалившие в секции, были бы самым жестким образом изгнаны оттуда патриотами, *чтобы уважаемый и трудолюбивый класс мог там присутствовать каждодневно и чтобы с этой целью каждый раз, когда ремесленник употребит свой рабочий день на несение караула или на участие в общественном собрании, он получал за это возмещение*».

Таким образом, материальные блага Революции, которые для крестьянина выразились в приобретении земли, теперь должны были путем учреждения своего рода щедро финансируемой революционной общественной службы распространиться на широкие слои населения городов. Но все это было возможно, все эти надежды не остались бы напрасными, все это огромное поприще для боевой и оплачиваемой деятельности открылось бы перед народом только при условии, если бы он сохранил в своих руках руководство революционным движением и еще более овладел им. И именно

---

85. Бушот (1754—1840) был назначен на пост военного министра после ареста Бернонвиля, которого Дюмурье выдал австрийцам. См.: général H e r l a u t. Le colonel Bouchotte, ministre de la Guerre en l'an II. Paris, 1946, 2 vol.

86. Жорес затрагивает здесь одну из важнейших проблем любого революционного процесса — необходимость обновления личного состава государственного аппарата со всеми последствиями, могущими отсюда проистечь (новый конформизм, бюрократизация...). В этом отношении показательна эволюция личного состава революционных комитетов парижских секций за время с весны 1793 г. до весны 1794 г. По этому вопросу см.: A. S o b o u l. Les sans-culottes parisiens en l'an II. Paris, 1958, p. 1033. [См.: А. С о б у л ь. Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. М., 1966, с. 529.— *Прим. ред.*]

87. A. A u l a r d. Op. cit., t. V, p. 179. См. выше, с. 429, прим. 57.

88. «Moniteur», XVI, 338; «Archives parlementaires», LXIV, 335.

в этот момент умеренные, как самозванцы, ринулись в секции, чтобы вырвать Революцию из рук народа, чтобы лишить его тех бесчисленных должностей, которые льстили его самолюбию и начинали пробуждать в нем вожделение! Результатом был колоссальный взрыв, крайнее напряжение всех сил, мощное и отчаянное сопротивление класса, еще не испорченного пребыванием у власти, но уже почувствовавшего, как в результате первых достигнутых им завоеваний его желания принимают четкие очертания.

Это отнюдь не расчетливый и ленивый эгоизм. Народ не хочет быть одураченным, он по-прежнему готов сражаться и умирать. Но собственническая буржуазия, скупающая государственные имущества, торгующая и играющая на бирже, извлекла из Революции такие выгоды, что преподала народу урок политики немедленных результатов. И героический народ, столь же пылкий, но уже более опытный, ставит свои условия. Подобно тому как вскоре в энтузиазме солдат великих революционных армий сольются воедино любовь к отечеству и надежда на неограниченное служебное продвижение, точно так же ныне Революция является санкюлотам одновременно как идеал и как карьера. И подобно тому, как вскоре они устремятся к военным чинам вооруженной Революции, они ныне устремляются к гражданским чинам борющейся Революции [89]. Именно ей, этой могучей и пламенной революционной администрации, идею которой он первый четко сформулировал, Робеспьер будет обязан своим могуществом. Это она будет жертвовать собой, чтобы оказать ему поддержку 9 термидора. И он мог бы, опираясь на младший командный состав Революции, попытаться произвести гражданский государственный переворот, который был бы как бы революционным предвосхищением Брюмера.

САНКЮЛОТЫ В РЕВОЛЮЦИОННЫХ КОМИТЕТАХ

Эта позитивная и реалистическая тенденция парижской демократии начала утверждаться в мае 1793 г., и санкюлоты, сильные воодушевляющим их идеалом и жаждой достижения немедленных завоеваний, повели борьбу за очищение секций от распространяющегося влияния модерантизма. Они были для этого замечательно оснащены. Они давно уже взяли в свои руки аппарат секций: они заняли все влиятельные посты, и, если порой они их теряли, им было гораздо легче их отвоевать. В своем донесении от 14 марта Дютар сообщает Гара [1]: «Почти во всех секциях наблюдательные комитеты состоят из санкюлотов. Они также занимают председательское кресло, контролируют распорядок в зале, расставляют часовых, назначают цензоров и счетчиков *. Пять или шесть шпионов из числа завсегдатаев секции, которые получают по 40 су, находятся там с начала и до конца заседания, это люди, готовые на все».

Таким образом, умеренным, когда они устремились в секции, приходилось либо подчиниться утвердившимся там до них кад-

89. Глубокая мысль. Многие секционные активисты, если даже ими руководило не только честолюбие, видели в получении должности законное вознаграждение за их деятельность. С другой стороны, этим достигалась устойчивость революционного движения; удовлетворение личных интересов совпадало здесь с необходимостью проведения чистки аппарата. Но Жорес не останавливается на последствиях этого превращения народных активистов в государственных служащих. См. выше, прим. 86.

1. A. Tuetey. Op. cit., t. IX, № 591; A. Schmidt. Op. cit., t. I, p. 222.

* См. далее, с. 722.— *Прим. ред.*

рам, либо потратить часть своей энергии и своего времени на то, чтобы сломать эти кадры. Будучи плохо знакомы с руководящим составом секций, они не решались исключать людей, которых они еще не видели в деле, и чаще всего оказывались как бы втянутыми в революционную административную сеть, которую они не могли разорвать.

К тому же санкюлоты секций, там, где они были в явном меньшинстве, придумали очень хитрую уловку — объединение секций [2]. В самом деле, разве умеренные неустанно не повторяли, что каждая секция не более чем секция, т. е. частица суверенитета? Следовательно, объединяя для дискуссии несколько секций, приближаются к полному суверенитету, более широко выявляют волю народа. Таким образом, если в какой-либо секции санкюлоты оказывались в меньшинстве, они призывали на помощь под предлогом «объединения» санкюлотов соседних секций. Подобно тому как в 1789 г. коммуны образовали федерации для оказания сопротивления людям старого порядка, так и теперь против модерантизма создаются «федерации секций». 6 мая Дютар пишет: «Секция Рынка постановила, что, когда санкюлоты в ней утратят большинство, они ее покинут и отправятся соединиться с санкюлотами другой секции. Примечательно, что эта секция была одной из самых бешеных во все время Революции» [3].

13 мая [4]: «В секции Общественного договора разгорелась большая ссора. Умеренные оказались там в большинстве и потребовали, чтобы наблюдательный комитет два раза в неделю отчитывался перед общим собранием в своих действиях. Что же сделали санкюлоты, вернее сказать, бешеные? Видя, что они в меньшинстве, они отправились в секцию Моконсей, чтобы попросить о помощи. Секция Моконсей закрыла свое собрание, и все гурьбой отправились в секцию Общественного договора. Там они навязали свою волю, отстранили комиссара полиции, который был выбран на эту должность очень значительным большинством. И провели все революционные постановления, какие им было угодно. Наконец, они провели постановление, обязывающее секцию Общественного договора принять тот окончательный порядок набора в армию, который ей будет представлен, в противном случае... Эта бравая процессия разошлась в полночь» [5].

Санкюлоты — функционеры секций носились от одной секции к другой, чтобы передать приказ и узнать о слабых местах, куда необходимо послать подкрепления. «Эти же люди [те, кого Дютар называет шпионами, получающими по 40 су в день] обязаны еще доставлять последовательно приказы одного наблюдательного комитета другому, так чтобы, если что-нибудь произойдет в одной секции, соседняя немедленно была бы об этом уведомлена и, если санкюлоты одной секции недостаточно сильны, они могут вызвать

санкюлотов соседней секции. Это как раз и сделала моя секция вечером третьего дня и вчера вечером торжественно объявила эту мерой общественной безопасности» (14 мая) [6].

Пример дали еще 12 апреля секции Ломбар и Моконсей, составив «протокол объединения», в котором они взаимно обещали «и поклялись в единстве, братстве и оказании помощи всякий раз, когда аристократия захочет уничтожить свободу». Секция Друзей отечества одной из первых присоединилась к этому пакту, и все секции были призваны вступить в такое же братство, дать поцелуй мира председателю каждой секции и поклясться оказать поддержку и помощь в деле подавления «возмутителей общественного порядка» [7]. Дютар констатирует, что эта коалиция санкюлотов произвела на умеренных устрашающее действие.

«Собственников моей секции,— пишет он 15 мая,— могло также смутить заключение своего рода уз федерализма между бешеными их секции и бешеными секции Моконсей. Третьего дня умеренные из этой последней имели большинство, бешеные обратились за поддержкой к своим единомышленникам из секции Общественного договора, и те поспешили им на помощь» [8].

Жирондистская газета «Патриот франсэ» остро чувствует опасность, которую представляет такой маневр, и яростно обличает его 19 мая [9]:

---

2. Это тактика *«братания»*. См. выше, с. 441, прим. 78. Братание получило широкое распространение в мае 1793 г. с целью противостоять опасности, грозившей со стороны умеренных. 12 мая 1793 г. две секции, Бон-Консей и Общественного договора, соединившись в одном собрании, постановили считать «единым и неделимым принципом санкюлотов, что всюду и в любом месте, где одна или несколько парижских секции соединятся с другой секцией, объединившиеся секции будут проводить только общие собрания и обсуждения будут общими для всех». Братание будет осуществлением единства действии передовых секции. См.: A S o b o u l. Op. cit., p. 570—576.
3. См. выше, с. 441, прим. 77 и 78.
4. A. T u e t e y. Op. cit., t. IX, № 588; A. S c h m i d t. Op. cit., t. I, p. 517.
5. См. выше, прим. 2. После 10 августа 1792 г. секция Моконсей приняла название Бон-Консей. Об этом важном заседании секций Бон-Консей и Общественного договора 12 мая 1793 г. см.: *Bibliothèque Victor Cousin* (á la Sorbonne), ms 119, f. 4; B.N., Lb[40] 1733 et 1781, Lb[41] 3038; M. T o u r n e u x, № 8502, 8755.
6. A. T u e t e y. Op. cit., t. IX, № 591; A. S c h m i d t, t. I, p. 222.
7. Здесь Жорес следует за: E. M e l l i é. Les sections de Paris pendant la Révolution française. 21 mai 1790 — 19 vendémiaire an IV. Organisation. Fonctionnement. Paris, 1898, p. 134. См. также: M. M o r t i m e r - T e r n a u x. Histoire de la Terreur, t. VII, p. 218; A. S c h m i d t. Op. cit., t. I, p. 22.
8. A. T u e t e y. Op. cit., t. IX, № 595; A. S c h m i d t. Op. cit., t. I, p. 227.
9. «Le Patriote français», № 1375, 20 mai 1793, p. 561.

«Анархисты прибегают к всевозможным средствам, чтобы вновь обрести почву, утраченную ими в секциях. При помощи двух или трех секций, оставшихся им верными, они отправляют в другие секции депутации, которые стараются явиться к концу заседаний, когда уже остается немного народу. И часто хитростью протаскивают, а еще чаще вырывают присоединение [к нужным им постановлениям]. Несколько дней тому назад Варле [10], агитатор подонков Парижа, прибыл в половине двенадцатого ночи в сопровождении депутации от секции Санкюлотов в секцию Французского Пантеона и долго проповедовал о прелестях нового восстания и о наслаждениях всеобщей резни. Хотя народу на заседании было мало, Варле потерпел полную неудачу и вынужден был убраться с позором. На следующий день секция приняла постановление, что ее заседания должны обязательно закрываться в 10 часов вечера и что обсуждения могут иметь место только при наличии не менее 200 граждан. Пора бы всем секциям последовать этому разумному примеру.

Анархисты прибегают к еще более гнусному средству. Они собирают разбойников из нескольких секций, таскают их из секции в секцию и подавляют там республиканское большинство. Таким образом им удалось в конечном счете опять одержать победу в секции Бон-Консей; таким образом в секции Общественного договора они отменили назначения и тут же заместили всех общественных должностных лиц; таким же образом в секции Ломбар они арестовали гражданина, который выступил против этих ужасов. Эти разбойничьи действия называются собранием объединенных секций. В дрожь бросает, когда узнаешь, что монтаньяр Левассёр [11] *присутствовал на таком собрании в секции Общественного договора и приветствовал эти нарушения всех законов и всех прав*».

Выступая 18 апреля [12], Верньо нарисовал картину — несомненно, несколько преувеличенную — деятельности санкюлотов в секциях. Когда нужно принять текст какой-нибудь петиции, «составители и их друзья тотчас отправляются по всем секциям Парижа. Каждый эмиссар заявляет секции, в которую он прибыл: «Вот петиция, которую надо подписать».—«Прочтите ее».—«Это ни к чему, она уже принята большинством секций». Этот обман удается в некоторых секциях, где многие добросовестно подписывают, не читая. В некоторых секциях читают и ограничиваются принятием резолюции о переходе к очередным делам. Что тогда происходит? Интриганы и заправилы остаются, дожидаясь ухода добрых граждан. Затем, став хозяевами прений, они принимают решение о необходимости подписать петицию и подписывают ее. Когда на следующий день граждане приходят в секцию, им дают петицию на подпись, ссылаясь на принятое накануне решение. Если они вздумают сделать какие-либо замечания, они слышат в ответ следующие страшные слова: «Подписывайте, или останетесь без свидетельства о гражданской благонадежности». И для

подкрепления этой угрозы некоторые секции, где хозяйничают составители проскрипционных списков, принимают решение об обмене этих удостоверений и отказывают в выдаче новых удостоверений тем гражданам, которые не желают подписаться под петицией. Это еще не все. На улице ставят постовых, вооруженных пиками, чтобы принудить прохожих поставить свою подпись». Это недоброжелательное, но убедительное свидетельство упорства революционеров, ведущих борьбу с влиянием умеренных.

НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЕ КОМИТЕТЫ

Прекрасным инструментом в их руках оказались наблюдательные комитеты. С самого начала Революции секции имели свои исполнительные органы. Хотя все граждане были представлены через посредство делегаций в Генеральном совете Коммуны, Революция желала создания возможно большего числа очагов автономного действия. Она полагала, что лучшим средством увлечь, держать под своим контролем, пропитать своим духом эту огромную массу, эти 25 млн. людей, освобожденных от гнета старого порядка, но еще обремененных многими предрассудками,—это возбудить всеобщее рвение и инициативу, предоставив в распоряжение всех граждан орудия действия. Так, например, для Парижа муниципальный закон от 21 мая 1790 г. учредил в каждой секции избираемый ею гражданский комитет, который становился как бы посредником между секцией и муниципалитетом. Он был наделен многочисленными функциями и действовал очень эффективно. Комитет, состоявший из 12 человек, обладал полномочиями по охране порядка. Они помогали комиссарам полиции, избранным секцией, и осуществляли за ними надзор. Они информировали Генеральный совет Коммуны, мэра, прокурора-синдика обо всем, что могло влиять на ход Революции, о замышляемых заговорах, о затруднениях с продовольственным снабжением.

Это был регулярно и энергично действующий институт. Комитет должен был собираться не реже одного раза в неделю, а в периоды кризиса заседания его происходили ежедневно. Комитет вел реестр протоколов, которые составлял секретарь-письмоводитель комиссара полиции. И каждый член комитета по очереди обязан был принимать граждан, давая им всякого рода справки и решая необходимые дела. Гражданские комитеты были теми

10. Варле (1764 — после 1831) — почтовый служащий, будущий *бешеный*, активист секции Прав человека, «оратор народа», который выступал с речами перед гражданами с походной трибуны, на мостах и перекрестках.
11. Левассер — депутат от департамента Сарта. См. выше, с. 387, прим. 31.
12. «Archives parlementaires», LXII, 634.

органами, на которые возложено было распределение первых ассигнатов, с тем чтобы предотвратить их скупку. Эти комитеты выдавали свидетельства о местожительстве. Они же, по распоряжению Коммуны, накладывали и снимали печати, накладывали арест на имущество, производили перепись населения. (См. Мелье [13].)

В момент революции 10 августа деятельность этих комитетов была прервана, затем они были восстановлены решением революционной Коммуны и получили от нее более широкие полномочия и новый импульс [14]. Но довольно скоро у Революции возникли опасения, как бы они не оказались слишком поглощенными своими разнообразными административными функциями — инспекцией дорожного хозяйства, контролем или организацией благотворительных общественных мастерских, заурядной охраной уличного порядка — и как бы все это не сказалось отрицательно на их способности достаточно активно надзирать за всеми подозрительными лицами, за всеми замаскированными роялистами, за возвратившимися эмигрантами, за всеми дворянами, которые, покидая свои замки на Западе, стекались в Париж летом 1792 г., чтобы оказать поддержку королю. Начиная с июля месяца Петион требовал учреждения наблюдательного комитета, на который было бы возложено расследование всех преступлений, затрагивающих внутреннюю и внешнюю безопасность государства. И когда после 10 августа Законодательное собрание сместило всех мировых судей, зараженных фейянским духом [15], когда оно постановило передать функции охраны общественной безопасности департаментам и муниципалитетам, для всего Парижа был учрежден Наблюдательный комитет.

Однако как мог бы функционировать этот комитет, если бы он не опирался на комитеты секций, которым было легче следить (каждому в определенной части города) за движением, интригами и даже за мыслями отдельных людей? Вот почему сразу после 10 августа эти секционные комитеты почти стихийно создаются вновь более или менее посюду [16] в составе то 14, то 12 человек, однако неизменно проникнутых пламенным революционным духом. Членами этих комитетов могли быть избраны только лица, доказавшие, что они никогда не входили в какой-либо фейянский клуб и не подписывались под петициями восьми тысяч или двадцати тысяч. Рожденные Революцией, это были органы Революции. И по мере того, как Революция обострялась, выходила из-под влияния Жиронды и переходила под влияние Горы, наблюдательные комитеты вместе с нею становились все более боевыми и энергичными. Революционер-сапожник Люлье никогда не был бы избран прокурором-синдиком департамента, Паш не был бы выбран мэром Парижа, ни Эбер, ни Шометт не занимали бы должностей прокурора Коммуны и его заместителя, если бы наблюдательные комитеты, выражавшие волю секций и руководившие ими, не были глубоко проникнуты духом решительной политики действий [17].

Так вырабатывалась и учреждалась целая система сильной революционной администрации. Так самые пылкие патриоты привыкали командовать, надзирать, действовать. Так они приобретали в довольно узких масштабах секций знание людей и вещей, ту надежную детальную информацию, которая в моменты кризиса позволяет принимать быстрые решения. И честолюбие этих наблюдательных комитетов, сфера их деятельности расширялись по мере развития событий, их рвение возрастало вместе с Революцией.

Когда в первые дни марта положение становится угрожающим, когда вновь дует ветер поражения, когда тревожные симптомы измены предвещают близкие катастрофы, наиболее пылкие секции стихийно решают придать своим наблюдательным комитетам более четкий революционный характер и наделить их более непосредственной властью. Мало составлять списки подозрительных для передачи их Коммуне. Что произойдет в некий критический день, когда ход событий станет стремительным, когда каждый час, каждая минута будут иметь значение, если подозрительные, продолжая интриговать на свободе, дадут сигнал к избиению патриотов, обеспечат какой-нибудь район города для сбора эмигрантов, которые вдруг сбросят маски и поднимут знамя измены?

Необходимо, чтобы быстрой деятельности Революционного трибунала, созданного 9—10 марта, соответствовала быстрая работа секций, выявляющих подозрительных. Общее собрание секции Круа-Руж постановило 13 марта 1793 г. [18].

«Принимая во внимание, что Национальный Конвент счел необходимым в настоящих трудных обстоятельствах учредить Революционный трибунал для суда над врагами отечества, что эффект действия этого трибунала будет мало ощутимым, если бо́льшая часть этих врагов от него ускользнет, что все добрые граждане должны иметь возможность до них добраться и что одним из средств

13. E Mellie Op cit, chap IV, «Les comites civils», p 158 См A Soboul Op cit, p 599 [См А Собуль Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры М, 1966, с 298 — *Прим ред*]

14. Коммуна 10 августа приостановила 11 августа деятельность гражданских комитетов, избранных при цензовом режиме 15 августа она установила новый порядок их избрания общими собраниями секции Они состояли из 16 человек (а не из 12, как пишет Жорес), которые выбирали из своей среды председателя и секретаря, сменяемых каждые две недели, гражданские комитеты были вновь обтечены всеми своими прежними полномочиями

15 E Mellie Op cit, p 275; A Soboul Op cit, p 604

16 E Mellie Op cit, p 179; A Soboul Op cit, p 608.

17 Люлье (1746—1794), Паш (1746—1823), Эбер (1757—1794), Шометт (1763—1794)

18 A Tuetey Op cit, t VIII, № 2024, «Archives parlementaires», LX, 343, E Mellie Op cit, p 180, A Soboul Op cit, p 609 [См русское издание, с 302 — *Прим ред*]

достижения в этом деле успеха является осуществление строжайшего надзора, секция учредила в своем лоне *революционный комитет*».

Этот комитет, состоящий из семи человек и обновляемый наполовину каждый месяц, должен заседать ежедневно и будет получать «от любого гражданина секции все подписанные и сохраняемые в секрете разоблачения против эмигрантов и высланных священников, вернувшихся в Республику», и вообще против всех врагов единой и неделимой Республики.

Комитет сможет назначить двух своих членов, которые будут уполномочены вызывать вооруженную силу для проведения домашних обысков в присутствии мирового судьи и полицейского комиссара [19].

Оказавшись перед лицом этого беспорядочного, стихийного движения секций, расширявших в революционном порядке свои права, Конвент вмешался. Он урегулировал, расширив их, функции наблюдательных комитетов, превратившихся фактически и по наименованию в революционные комитеты.

Вот текст декрета от 21 марта 1793 г. [20]:

«В каждой коммуне Республики и в каждой секции коммун, разделенных на секции, во время, предварительно указанное генеральным советом, будет учрежден комитет, состоящий из 12 граждан.

Статья 2. Члены этого комитета, которыми не могут быть избраны ни духовные лица, ни бывшие дворяне, ни бывшие местные сеньоры или агенты этих бывших сеньоров, будут избраны на выборах большинством голосов.

Статья 3 [новая редакция от 30 марта]. На тысячу человек, имеющих право голоса в секции, необходимы голоса ста человек для избрания лиц, которые войдут в состав наблюдательного комитета.

Статья 4. Комитет коммуны или каждый из секционных комитетов коммуны обязаны будут принимать в своем округе декларации от всех иностранцев, ныне проживающих в коммуне или могущих туда прибыть» и т. д.

Итак, новые комитеты должны были осуществлять надзор только над иностранцами. Но эти комитеты, избранные 28 марта, не замедлили расширить свои полномочия, они подчинили своему контролю всех граждан. Надо было пользоваться доверием комитета, чтобы получить от коммуны удостоверение о гражданской благонадежности, и это дало этим комитетам, ставшим революционными фактически и по наименованию, огромную власть.

Дютар сообщал Гара 13 мая об их возрастающей активности: «Если вы позволите революционным комитетам захватить их прежнюю власть, то что же получится? Получится то, что с вашего

соизволения общественное мнение окончательно падет духом. Даже партия собственников покинет вас и отдастся на волю случая» [21].

Он продолжает 14 мая [22]: «Конвент отчасти сам причинил себе вред, учредив революционные комитеты. Я желал бы по крайней мере, чтобы он хотя бы подчинил их другим органам власти, чтобы он доверил руководство ими только отцам семейств, людям, достигшим сорокалетнего возраста и проживающим на территории секции не менее 30 лет. Теперь же эти должности занимают почти сплошь молодые люди, стремящиеся кем-нибудь стать, и иностранцы.

В моей секции бешеные сняли с должности полицейского комиссара (и секретаря-письмоводителя), законно выбранного несколькими днями ранее, только потому, что у него лицо порядочного человека. Они ссылались на то, что собрание ранее постановило, что полицейских комиссаров будут выбирать только после обмена удостоверений и что произведенное избрание было делом некой клики.

Удивительно, какую власть над народом приобрел этот проведенный в жизнь закон. Если Конвент допустит замену его власти властью наблюдательных комитетов, он погиб, и, по моему мнению, не пройдет и недели, как это случится» [23].

Разумеется, ответственность за его фейянскую философию я оставляю на совести наблюдателя Дютара, постоянно повторяющего, что Лафайет — его бог. Но его заметки позволяют нам видеть наблюдательные комитеты в действии. Одним из первых актов наблюдательных комитетов было объявление о введении новых удостоверений личности для каждого гражданина, чтобы обеспечить честность избирательных операций. И можно представить, сколько возможностей открывал перед ними этот обмен удостоверений, чтобы беспокоить, обескураживать, удалять из секций тех граждан, которые были враждебны Горе и Коммуне.

Почти во всех секциях полицейские комиссары, как те, что были избраны до прихода в секции буржуазных сил, так и те, что

---

19. Прежде чем это сделала секция Круа-Руж, секция Французского театра создала у себя наблюдательный комитет и постановлением от 12 марта 1793 г. уполномочила его выдавать мандаты на арест граждан, которые ему «покажутся подозрительными из-за своих направленных против Революции взглядов». См.: A Soboul Op cit, p 609
20. E. Mellié Op cit, p. 182.
21. A. Tuetey Op cit, t. IX, № 588, A Schmidt Op cit, t I, p 217.
22. A Tuetey. Op cit, t. IX, № 591; A. Schmidt. Op. cit, t I, p. 222
23. Фактически к тому времени революционные комитеты уже находились в большей или меньшей степени под контролем Парижской коммуны В течение зимы 1793/94 г они попали под опеку правительственных комитетов, которая становилась все более жесткой

были выбраны под влиянием революционных комитетов, действовали в согласии с последними: это была еще одна большая сила для приближавшейся новой революции [24].

РЕВОЛЮЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ КОММУНЫ

Но главным источником той большой силы, которую обрели комитеты, была их тесная связь с установленными властями департамента и Коммуны, почти нерушимый союз революционных сил, взаимно дополнявших друг друга. Прокурор Коммуны Шометт, словно желая искупить ту вынужденную умеренность, которую он проявил 25 февраля и 10 марта, выступает то с пылкими проектами резолюций, то с пламенными обвинительными речами. Он как бы охвачен некой патриотической и революционной лихорадкой.

28 апреля секция Прав человека, та самая, которая скомпрометировала себя перед Конвентом, явившись туда с захваченным по ошибке знаменем с изображением лилий, старается доказать искренность своего революционного рвения [25]:

«Командир вооруженной секции Прав человека докладывает о том, что граждане этой секции желают представить Генеральному совету знамя взамен того, которое оскорбило взоры республиканцев, будучи запятнано эмблемой роялизма. Совет во главе с мэром спускается на площадь Общего дома [Ратуши], чтобы совершить там торжественное освящение нового знамени. Затем Совет возвращается обратно, сопровождаемый вооруженной силой названной секции, которая дефилирует по залу под звуки военного оркестра и многочисленных аплодисментов».

Это означало рассеять ту тень, которая еще нависала над недавними повстанческими событиями. Это означало провозгласить патриотами тех, кто обращался к Конвенту с дерзкими словами. В то же время 24 апреля Совет Коммуны проявляет большое рвение в связи с похоронами Лазовского, этого героя 10 августа [26]:

«Совет постановляет, что мэр и депутация Генерального совета примут участие в погребальном кортеже Лазовского, капитана канониров секции Финистер, что Генеральный совет 10 августа будет приглашен участвовать в нем со своим стягом и табло со списком убитых и раненых в тот памятный день и что знамя *военного положения* будет сожжено на могиле этого гражданина».

Так, отметим мимоходом тот факт, что красное знамя — хотя 10 августа в порядке своего рода народной узурпации и иронического вызова его несли во главе части наступавших — оставалось еще в 1793 г. эмблемой контрреволюции и объявления военного положения. Но показательна тщательность, с какой Коммуна 1793 г. воскрешала память о 10 августа и даже декор революционной Коммуны! Лихорадочное возбуждение заметно росло.

Однако в продовольственном вопросе политика Парижской коммуны носила еще неуверенный характер. Правда, 18 апреля

Коммуна принимает участие в обсуждении продовольственного вопроса, начатом по инициативе Генерального совета Парижского департамента и завершившемся резолюцией об установлении максимума на зерно.

«Прокурор Коммуны,— гласит отчет, опубликованный в «Монитёр» [27],— сообщает Совету, что в соответствии с приглашением, направленным Парижским департаментом всем его коммунам, мэр, муниципальные должностные лица и он сам отправились в указанное место собрания — в зал Якобинского клуба; что там были избраны комиссары для составления обращения к Национальному Конвенту по продовольственному вопросу; что главным моментом этого обращения были предложение Конвенту фиксировать ежегодно цену зерна, приняв за единицу меры квинтал».

Как мы видим, инициатива исходит не от самой Коммуны, хотя она так активна и охотно идет на демонстрации. Похоже на то, что департаментские власти ближе, чем Коммуна, к бешеным, программа которых предусматривала установление твердых цен.

Именно департамент предложил максимум установленным властям Парижа, и именно председатель департамента сформулировал петицию, адресованную Конвенту [28]:

«Мы пришли от имени граждан всего Парижского департамента осведомить вас о наших страданиях и предложить вам средства их исцеления. Вот уже четыре года нет такой жертвы, которой не принес бы народ отечеству. В качестве награды он просит у вас хлеба. Меры, которые мы вам предлагаем, в глазах общественного мнения имеют уже силу закона. Речь идет о том неимущем классе, для которого законодатель не сделал ничего, если он не сделал всего. *Пусть нам не возражают, ссылаясь на право собственности. Право собственности не может быть правом морить голодом своих сограждан. Плоды земли, как и воздух, принадлежат всем людям.* Мы запросили мнение хлебопашцев; все заверили нас, что Франция обладает бо́льшим количеством зерна, нежели ей необходимо для своего потребления. Мы пришли для того, чтобы предложить: 1) установление *максимума* цен на зерно по всей Республике, он мог бы составить для будущего года от 25 до 30 ливров за сетье; 2) уничтожение торговли зерном; 3) упразднe-

24. О полицейских комиссарах, избираемых общими собраниями секций, см.: E. Mellié. Op. cit., p. 271; A. Soboul. Op. cit., p. 603. [См. русское издание, с. 301.— *Прим. ред.*]
25. «Moniteur», XVI, 265.
26. «Moniteur», XVI, 226. Лазовский Клод (1752—1793) — сын обосновавшегося во Франции польского дворянина из свиты Станислава Лещинского, выборщик от секции Финистер (Сен-Марсельское предместье), один из популярных руководителей своей секции и вдохновителей восстания 10 августа 1792 г.
27. «Moniteur», XVI, 177.
28. «Moniteur», XVI, 175; «Archives parlementaires», LXII, 620.

ние всех посредников между земледельцем и потребителем; 4) общий учет всего зерна после каждой уборки урожая».

Было ли это осуществимо? И можно ли было упразднить всех посредников, не идя на коммунистическую организацию снабжения, не возложив на саму нацию закупку зерна у земледельцев и его продажу? Я пока оставляю этот вопрос открытым. Я только отмечаю, что эта программа, хотя внешне и официально к ней присоединились все установленные власти Парижа, была скорее программой департамента, чем Коммуны. Никто из прямых представителей Коммуны, ни мэр, ни прокурор, не брал слова, чтобы поддержать оратора департамента.

Похоже на то, что на состоявшемся накануне, 17 апреля, заседании Коммуны (насколько можно судить по отчетам, опубликованным в «Монитёр» и в «Кроник де Пари») при обсуждении продовольственного вопроса проявляли осторожность и народу на сей предмет давали советы благоразумия и умеренности.

«Открывается,— сказано в «Монитёр» [29],— дискуссия по продовольственному вопросу. Некоторые члены предлагают в качестве средства устранения нынешних трудностей выставить на рынке максимально возможное количество муки со складов муниципалитета. Но заместитель прокурора Коммуны полагает, что такая мера может причинить лишь большой вред, так как помешает булочникам запастись мукой вне Парижа, и, когда склады опустеют, муниципалитет и булочники будут вынуждены покупать муку вне Парижа, а тогда, пожалуй, это уже будет невозможно.

От одного из администраторов по продовольственной части, Гарена [30], потребовали заявить, верно ли, как он это утверждал, что Париж достаточно обеспечен продовольствием, и, наконец, сказать, на сколько времени хватит продовольствия. *Он отвечает, что с прискорбием видит, что неуместные тревоги расстраивают все планы администрации.* Он неоднократно подтверждает, что недостатка в продовольствии не будет, и предлагает опубликовать на сей предмет прокламацию, текст которой одобряется.

Присутствовавшим на заседании комиссарам секций было предложено отправиться в свои секции и информировать их о том, что они только что слышали о продовольственном положении».

Итак, Коммуна скорее старается успокоить, ободрить. Тон предложенной Гареном прокламации, текст которой нам дает «Кроник де Пари», почти агрессивен по отношению к тем, кто распространяет тревогу [31]:

«Коварные люди хотят посеять смуту среди вас, возбуждая тревогу относительно снабжения продовольствием. Это те люди, которые стремятся к свержению Республики, к восстановлению монархии. Не вздумайте прислушиваться к ним. Париж обеспечен продовольствием, *булочники выпекают даже больше*, чем необходимо для пропитания жителей нашего города. Если могло показаться, что хлеба не хватает, то это можно объяснить только страхом, охватившим некоторых мнимых патриотов, которые, ринувшись к булочникам, увлекли и вас за собой, да еще тем, что те же так называемые добрые граждане вывозили или помогали вывозить из Парижа изрядное количество выпеченного здесь хлеба. Ныне муниципальная администрация положила предел этому вывозу, приказав осматривать возы, выезжающие из Парижа, и конфисковывать найденные на них хлебы. Это мера справедливая и естественная, ибо если народ Парижа несет жертвы, чтобы поддерживать у себя низкие цены на хлеб, то этот народ имеет право пользоваться плодами своих жертв. Поскольку в Париже нет недостатка в муке и булочники пекут хлеб в достаточном количестве, нет оснований для опасений и не должно быть тревоги. У нас уже нет причин врываться силой к булочникам. Вы можете уверенно и спокойно одобрить разумные меры, принятые вашими должностными лицами, что обеспечит ваше снабжение продовольствием и расстроит подлые заговоры смутьянов».

Очевидно, Генеральный совет Коммуны, одобривший вечером 17 апреля [32] текст этой прокламации и постановивший, что она будет напечатана и расклеена, в частности у дверей булочников, а также разослана по 48 секциям, без особой охоты вступил на следующий день на тот путь, на который его увлек департамент. Незаметно, чтобы кто-либо из членов Коммуны задумался над таким вопросом: если вывозят хлеб из Парижа, то потому, что в других местах он дороже, а если он там дороже, то потому, что не установлен максимум цен на хлеб, стало быть, надо установить общую таксацию, чтобы воспрепятствовать вывозу хлеба, который может привести к истощению Парижа. Нет, в дошедших до нас отчетах нет никакого следа, указывающего на такого рода рассуждения. В действительности даже после установления общих твердых цен на зерно оставалась бы еще разница между ценой хлеба в Париже и его ценой вне Парижа, поскольку Париж шел на жертвы, чтобы удерживать цену хлеба ниже даже нормальной цены. Гарен, к которому Совет Коммуны относится с полным доверием, поскольку принимает все его предложения, по-видимому, противник всякой системы регламентации. 29 апреля администраторы Гарен и Кузэн предлагают Совету следующую прокламацию, которую тот одобряет [33]:

---

29 «Moniteur», XVI, 170.

30 Гарен (1753—?) — хозяин пекарни, выборщик 14 июля, член Генерального совета Коммуны, администратор по продовольственной части в 1793 г.

31. «Chronique de Paris», № 109, 19 avril 1793, p. 2

32. «Moniteur», XVI, 170.

33. «Moniteur», XVI, 266. Кузен (1739—1800) — профессор математики в Эколь-милитер и в Ко-

«Граждане, администраторы продовольственного снабжения с подлинным удовлетворением обращаются к секциям, чтобы осведомить их о продовольственном положении в Париже. *Коммерческая мука, хотя и по высоким ценам, имеется на рынке в изобилии*, и администрация надеется, что принятые ею меры, до сих пор имевшие успех, будут столь же успешны и в дальнейшем и постепенно приведут к снижению цен на этот товар. Однако мы повторяем вам, эти меры не могут и не должны стать достоянием гласности, да и зачем предавать их гласности, если от этого не может быть никакой пользы, а только один вред, и, главное, вред неисправимый? Зачем открывать перед глазами любопытных муниципальные склады, реестры управления продовольственного снабжения? Не для того ли, чтобы знать, как работают администраторы? Но они дают об этом ежедневно точный отчет мэру и муниципальному бюро. При подобном надзоре есть ли малейшие основания беспокоиться о том, как ведется эта работа? Не для того ли нужна гласность, чтобы знать, каково состояние складов и сделок о доставке товара? Но важно, чтобы эти сделки сохранялись в секрете, потому что может случиться, что малейшее разглашение помешает доставке ожидаемой муки. Важно, чтобы состояние складов не было всем известно. Может быть, не все муниципальные склады находятся в Париже, да и не должны там быть, дабы надежнее обеспечить успешное снабжение. Пока давайте довольствоваться преимуществами, вытекающими из этих мер. Придет день, когда администраторы смогут подробно рассказать не о трудах и заботах, которых потребовали от них эти меры, а о самих этих мерах. *Они, вероятно, остались бы бесполезными, если бы в соответствии с постановлением муниципалитета от 3 февраля мы бы допустили, чтобы цена хлеба в Париже следовала за ценой муки, подобно тому как это происходит по всей Франции* [34]. Париж обеспечен продовольствием, булочники снабжены, муниципальные склады тоже, и они и дальше будут снабжаться назло мнимым патриотам и интриганам, ибо именно они, несомненно, пробуждают у вас тревогу. Но эти аристократические уловки уже устарели; вы понимаете, что сейчас более, чем когда-либо, необходимо, чтобы все граждане сплотились вокруг мэра, который пользуется их доверием, и муниципальных должностных лиц, которые заслуженно разделяют это доверие благодаря их искренней преданности общественному благу, основой которого является продовольственное снабжение».

Верно, что муниципалитет, как это видно из записи от 1 февраля 1793 г. в реестре протоколов его заседаний, рекомендовал народу предоставить цене хлеба повышаться соразмерно изменениям цен на муку и выступал в защиту принципа свободы торговли [35]:

«Некоторые секции жалуются на вздорожание хлеба, созывают собрания, на которых раздаются угрозы в адрес булочников,

и требуют, чтобы муниципалитет принял меры, способные вернуть спокойствие. Возникла дискуссия по вопросу о том, следует ли поднять цену четырехфунтового хлеба до 13 су или же сохранить нынешнюю цену.

После оживленных прений муниципалитет постановляет: 1) передать этот вопрос на рассмотрение самих секций; 2) послать им «Обращение к народу», составленное гражданином Гареном, для того чтобы дать им возможность обсудить этот вопрос, имея точные сведения о мотивах как в пользу увеличения цены, так и против увеличения».

Итак, Гарен помнил решение муниципалитета в начале февраля тем лучше, что сам предложил и сформулировал его. И составленное им «Обращение к народу», цель которого была изложить секциям аргументы «за» и «против», в действительности было решительным выступлением в защиту свободы торговли, за свободное изменение цен в соответствии с положением на рынке:

«Должностные лица народа всегда обязаны говорить ему правду, ибо мужественный народ, завоевавший свободу, всегда готов ее выслушать.

До сего дня, граждане, хлеб в этом великом городе продавался дешевле, чем в любом другом городе Республики. Жители департаментов, даже наиболее плодородных, уже давно едят хлеб, за который платят 4—5 су за фунт, а в некоторых местах и по 7 су [36]. Цена 12 су за 4 фунта, которой вы пользуетесь, была бы невозможна без огромных жертв со стороны муниципалитета,—

ролевском коллеже, член Академии наук, администратор по продовольственной части с 1791 г.

34. В действительности это постановление было аннулировано Генеральным советом Коммуны на следующий же день («Moniteur», XV, 366) «Совет, уведомленный о том, что вот уже несколько дней, как булочники повысили цену на хлеб, постановил, что цена четырехфунтового хлеба устанавливается в 12 су с предоставлением возмещения булочникам, если для этого имеются основания» (заседание 4 февраля 1793 г.). См. ниже, прим 37.

35. Обо всем этом см · A Mathiez La vie chère et le mouvement social sous la Terreur Paris, 1927, p. 119. [См.: А. Матьез Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. М.— Л..1928, с 93.— *Прим ред*.] Парижский муниципалитет был склонен поднять цену хлеба, установленную в размере 3 су за фунт, и облегчить таким образом бремя, лежавшее на его бюджете. 12 тыс. ливров ежедневного возмещения булочникам. Говоря о муниципальных учреждениях, надлежит отличать собственно муниципалитет, исполнительный орган, заботящийся о четком ведении финансовых дел, и Генеральный совет Коммуны, орган, обсуждающий и выносящий решения, более чувствительный к народному мнению.

36. См указания на этот счет в работе A Mathiez Op. cit., p. 114 [См русское издание, с 90 — *Прим. ред*.]

жертв, продолжение которых немыслимо без полного разорения Парижской коммуны, *жертв, создающих неодолимые препятствия для нашего снабжения продовольствием* Ибо если булочник продает свой четырехфунтовый хлеб всего лишь по 12 су, то он может платить за муку не более 60 ливров за мешок весом 325 фунтов, а за такую цену он нигде муки не достанет, поскольку наши братья в наиболее отдаленных департаментах покупают ее по 66—67 ливров в провинциях Бос, Бри, Суассонэ, Вексен. Есть только один способ создать изобилие в Париже — платить за муку столько, сколько она стоит, столько, сколько платят за нее наши братья в департаментах! У нас есть основания думать, что небольшое увеличение цены на хлеб даст булочнику возможность покупать муку по более высокой цене, создаст ему благоприятное положение на рынках и восстановит в среде торговцев и земледельцев то доверие к нему, которое он потерял из-за низкой цены хлеба по сравнению с ценой муки.

Мы надеемся, граждане, что вы поймете эти соображения ваших должностных лиц и что никто из жителей этого великого города не откажется поддержать это повышение, которое не может быть меньшим, чем одно су на четырехфунтовый хлеб.

Помните, что разумная цена — источник изобилия, а изобилие приводит к снижению цен.

Муниципалитет, всегда ревностно стремящийся дать своим доверителям всю возможную информацию, распорядится о том, чтобы дважды в неделю в Париже вывешивались сведения о ценах на муку на рынке и на пристанях и о цене, по которой булочник не может, не терпя убытка, продавать свой хлеб потребителю при существующих ценах на муку.

2 февраля 1793 г., II г. Французской Республики

Цена четырехфунтового хлеба в зависимости от цены муки, не считая расходов булочника·

При цене муки 50 ливров за мешок цена хлеба будет 10 су. При цене муки 60 ливров — 12 су. При цене муки 65 ливров — 13 су. При цене муки 70 ливров — 14 су. При цене муки 75 ливров — 15 су. При цене муки 80 ливров цена хлеба будет 16 су.

Замечание.

В настоящее время мука продается по 65 ливров. Уборка хлебов происходит в дождливое время, и вследствие этого у булочника и мельника не может быть никаких надежд на спекуляцию. Мука берет меньше воды, дает меньше фунтов хлеба, лишает нас того избытка, который приносят хлеба, сжатые в сухую погоду, при сноровке булочника; мы теряем 25 фунтов хлеба на каждом мешке муки весом в 325 фунтов по сравнению с нормальными годами.

Соседние с нами муниципалитеты повысили цену на хлеб до 13 су. Если парижский муниципалитет сохранит цену 12 су, то вы лишитесь того хлеба, который булочник производит для вас, так как сельские граждане будут охотно приезжать, чтобы покупать хлеб по цене более низкой, чем у них, и это сделает иллюзорными все заботы ваших должностных лиц, пекущихся о том, чтобы у нас не было недостатка в хлебе» [37].

Это чистейший язык либеральной экономической политики, и весьма любопытно, что Парижская коммуна в своем обращении от 29 апреля ссылается на эти декларации от начала февраля. Это абсолютно противоречило всей той системе регламентации, которая уже начинала диктоваться ходом событий и которую, казалось, сама Коммуна рекомендовала Конвенту на заседании 18 апреля. Что еще любопытнее, так это то, что Генеральный совет Коммуны, сожалея вместе с Гареном по поводу того, что постановление муниципалитета от 3 февраля не было выполнено, сам себя дезавуирует. Ведь именно Генеральный совет Коммуны пренебрег решением муниципалитета и сохранил, как я уже указал, цену четырехфунтового хлеба в 12 су на своем заседании 4 февраля [38]. Муниципалитет тщетно протестовал. В отчете о заседании Коммуны 5 февраля, помещенном в «Кроник де Пари», я читаю следующее [39]:

«Муниципалитет пересылает Генеральному совету петицию, полученную им сегодня утром от булочников. Они указывают, что принятое вчера Генеральным советом решение ставит их в затруднительное положение, которое может причинить много бед их согражданам. "Пока вы будете рассматривать,— говорят они,— вопрос о том, следует ли выплачивать возмещение, можно опасаться нехватки хлеба...„

Генеральный совет постановляет, что решение, фиксирующее цену четырехфунтового хлеба в 12 су, подлежит исполнению, и подтверждает булочникам, что возмещение будет определенно выплачиваться».

Ясно, что муниципалитет, передавая петицию, одобрял ее. Так что, когда 29 апреля Генеральный совет Коммуны выражает сожаление по поводу того, что цена хлеба не следовала за ценой муки, как того хотел муниципалитет, он сам себя порицает и полностью подчиняется влиянию экономических идей Гарена. Стало быть, если 18 апреля Генеральный совет Коммуны присоединился к решению департамента, то без горячего убеждения и, вероятно, под давлением некоторых секций [40].

---

37 Генеральный совет Коммуны дезавуировал это «Обращение к народу» и 4 февраля 1793 г. постановил, что цена хлеба будет сохранена в размере 3 су за фунт благодаря введению особого налога на богатых (4 млн), в счет которого будет запрошен аванс у Конвента. См выше, прим. 34.

38. См. выше, прим 34 и 37.

39 «Chronique de Paris», № 38, 7 février 1793, p 152

40. По-видимому, Жорес не был знаком с официальным протоколом заседания Коммуны 18 ап-

На заседании 17 апреля, когда некоторые делегаты секций выступили с предложением провести на поле Федерации гражданский праздник, с трибун раздались крики: «*Долой праздник! Нам хлеба надо!*» [41] Генеральный совет не посмел выступить против этих требований и стал делать вид, что что-то предпринимает. Но его экономическая политика была другой. По существу, при наличии крупных субсидий, которые Париж получал от Конвента и которые позволяли удерживать цену хлеба в размере 3 су за фунт, Париж нисколько не был заинтересован в установлении твердых цен на зерно. Он даже мог опасаться, что твердые цены могут послужить решающим предлогом для прекращения этих государственных субсидий Парижской коммуне. Да и достаточно ли установить твердые цены на зерно, чтобы сохранить цену на хлеб в размере 3 су за фунт? Это было весьма сомнительно; жирондист Дюко на заседании Конвента 18 апреля сообщил петиционерам, что в Бордо хлеб продается по коммерческой цене 7 су за фунт [42]. Позволит ли установление *максимума* цен на зерно снизить наполовину цену хлеба? Это не было вероятным. Так что, по всей видимости, скорее соседние с Парижем коммуны, а не сама Парижская коммуна, побудили департамент потребовать установления твердых цен на зерно.

Не это было главным, что волновало Парижскую коммуну. И когда в начале мая в Париж пришли женщины из Версаля, чтобы оказать давление на Конвент и добиться от него установления *максимума*, Парижская коммуна, хотя и устроила им братский прием, была, видимо, больше всего озабочена надзором над ними и старалась удержать их от всяких дерзких выступлений [43].

(Заседание 1 мая).— «Гражданин мэр сообщает, что граждане из Версаля собираются провести ночь в зале Конвента в ожидании, пока соберутся его члены. Совет предлагает гражданину мэру отправиться к ним и объяснить, что зал Конвента есть национальное владение, которое должно уважать, и назначает комиссаров для сопровождения его» [44].

Шометт был больше озабочен организацией того, что на современном языке мы назвали бы «социальной помощью и страхованием», чем регламентацией цен на продукты, и соответственно ориентировал Коммуну. Последняя по его предложению принимает 4 мая решение «обратиться с петицией к Конвенту, чтобы просить его о скорейшей организации народного просвещения, заведений для бедных, как трудоспособных, так и немощных, а также о том, чтобы он поручил Комитету земледелия и торговли представить к определенному сроку доклад о наиболее быстрых и верных средствах *не только облегчить положение бедных, но и искоренить нищету путем предоставления молодежи возможностей обеспечить себе старость, а тем, кто обладает только руками, мужеством и здоровьем, предоставить возможность применить их таким образом, чтобы когда-нибудь они могли стать собственниками*».

Это были планы более широкие, но рассчитанные на осуществление в более отдаленные сроки, чем установление твердых цен на зерно.

Вероятно, у Жака Ру вызывали улыбку эти колебания Парижской коммуны, то увлекаемой народным движением в сторону социальной политики бешеных, то отвергающей или забывающей максимум и предающейся смутным надеждам на всеобщее благоденствие. Большим сюрпризом было внезапное появление Жака Ру 19 апреля на заседании Генерального совета Коммуны. Вот как начинается отчет об этом заседании, опубликованный в «Монитёр» [45]:

«Во время обычного назначения на дежурство в Тампле [надзор за Марией Антуанеттой] Жак Ру был назначен на дежурство. Он заявил, что болен и что, если его заставят идти в Тампль, он не появится больше в Совете.

Это заявление дало повод для различных предложений, сводившихся к резкому осуждению Жака Ру и даже изобличению его перед его секцией. После довольно продолжительной дискуссии Совет постановляет, что ответ Жака Ру будет сообщен в его секцию, а именно секцию Гравилье, а что касается всяких дальнейших объяснений, то Совет переходит к очередным делам».

Откуда он явился и каким образом оказался здесь? Мы видели из отчета о заседании 2 марта, опубликованного в «Монитёр» [46],

---

реля. Он нашел бы там, что Шометт по возвращении из Конвента, куда он сопровождал Люлье, провел постановление о том, что Коммуна объявит себя «в состоянии революции до тех пор, пока не будет обеспечено снабжение продовольствием». См. нашу работу о принятии первого максимума в «Annales révolutionnaires», mai-juin 1919. [*Примечание А. Матьеза.*]

41. «Chronique de Paris», № 109, 19 avril 1793, p. 3.
42. «Moniteur», XVI, 175; «Archives parlementaires», LXII, 620. Во время этого заседания 18 апреля и была представлена петиция «от имени граждан всего Парижского департамента». См. выше, прим. 28. См.: A. Mathiez. Op. cit., p. 178. [См. русское издание, с. 138.— *Прим. ред.*]
43. «Moniteur», XVI, 293. См.: A. Mathiez. Op. cit., p. 185. [См. русское издание, с. 143.— *Прим. ред.*]
44. «Moniteur», XVI, 309.
45. «Moniteur», XVI, 186. См.: W. Markov. Jacques Roux. Scripta et acta. Berlin, 1969, p. 457. 20 апреля 1793 г., заслушав письмо Жака Ру, в котором он просил приостановить принятое накануне постановление, где его изобличали перед его секцией, Генеральный совет Коммуны принял резолюцию о переходе к очередным делам. («Moniteur», XVI, 193.) См. ниже.
46. «Moniteur», XV, 618.

что Жак Ру был в числе тех делегатов Генерального совета Коммуны, которых большинство секций отвело. Он определенно указан в этом отчете (правда, неофициальном). Ошибки тут не может быть. Уже события 25 февраля [47] привлекли внимание к Жаку Ру, и, если бы «Монитёр» допустил относительно его столь серьезную ошибку, она была бы исправлена. К тому же, как я уже отметил, «Монитёр» указывает по поводу заседания 19 марта, что секция Гравилье еще не прислала протокола о новом избрании, которое было ей предложено [48].

«Кроник де Пари», сообщившая в начале марта об отводе ряда комиссаров большинством секций, дает о заседании 19 марта информацию, почти тождественную той, которая содержится в «Монитёр» [49]:

«Секции Мон-Блан и Французского Пантеона отказались выбрать других делегатов, несмотря на отвод, заявленный большинством секций. Секции Елисейских полей, Французских гвардейцев, Попенкур, Кенз-Вен, Федератов и Обсерватории произвели новые выборы, в результате которых избранными оказались все те же лица, отведенные большинством секций. *Секции Гравилье и Тампля не прислали своих протоколов*».

Итак, не может быть сомнения в том, что делегаты секции Гравилье, и в их числе Жак Ру, были отведены большинством секций. Но я слишком поспешно заключил на основе отчета заседания Коммуны 10 апреля, что секция Гравилье (сначала не посчитавшая нужным послать свои протоколы и показавшая довольно длительным воздержанием свое недовольство или презрение) в конечном счете решила между 19 марта и 10 апреля заменить своих делегатов в Совете Коммуны [50]. Вот отчет о заседании 10 апреля, опубликованный в «Монитёр» [51]:

«Поскольку обращение, направленное Конвенту с целью принятия им декрета, устанавливающего предельный срок выборов, было передано в Законодательный комитет, Совет постановил, что Конвенту будет предложено определить точный срок замещения граждан, отведенных большинством секций, и что в случае несоблюдения этого декрета секции будут созваны для проведения этого замещения в секциях Французских гвардейцев, Попенкур, Французского Пантеона и Обсерватории, *которые одни не захотели заместить граждан, избранных ими и отведенных большинством*».

Из этого текста как будто вытекает, что секция Гравилье выполнила все требования. «Кроник де Пари» дает нам самый текст постановления, принятого 10 апреля Генеральным советом Коммуны [52]:

«Генеральный совет, принимая во внимание, что нескончаемые трудности, возникающие в нескольких секциях в связи с избранием почетных граждан, наносят великий ущерб общественному благу, что ни один закон не содержит карательных постановлений в отношении секций, отказывающихся заменить делегатов, которых отвергло большинство секций, что реорганизация муниципалитета должна быть прямой и что никакой посредствующий орган власти не может заменить народ в выборах, резервированных за ним законом, постановляет, что Конвенту будет направлена просьба установить точный срок замещения граждан, отвергнутых секциями, и что в случае несоблюдения этого декрета секции будут созваны для проведения упомянутого замещения в секциях Французских гвардейцев, Попенкур, Французского Пантеона и Обсерватории, *которые одни не захотели заместить граждан, избранных ими и отведенных большинством*, и постановляет, сверх того, что депутация немедля направится в Законодательный комитет для доведения до его сведения настоящего постановления».

Опять-таки, если секция Гравилье не подчинилась закону, если она не произвела замену Жака Ру и других, отвергнутых контрольным голосованием секций, то как объяснить, что она не указана вместе с другими четырьмя секциями, которые должны быть созваны на сей предмет? Как объяснить, что Генеральный совет подчеркивает, что эти четыре секции — *единственные*, не подчинившиеся закону? Если же Жак Ру был замещен до 10 апреля, то как мог он участвовать 19 апреля в качестве делегата секции Гравилье в дебатах Генерального совета Коммуны? Признаюсь, что с данными, которыми мы располагаем, я не нахожу решения этого вопроса. Возможно, что Жак Ру и секция Гравилье, которые, как мы видели, не послали 19 марта своих протоколов, избрали тактику, заключавшуюся в том, чтобы выиграть время и избежать открытого столкновения с Коммуной. Это могло бы объяснить, почему секция Гравилье не была включена в список секций, оказавших открытое сопротивление закону.

Что могла поделать Коммуна перед лицом той силы инерции, которую ей противопоставляли некоторые секции, и при отсутствии всякой законной санкции? Она уважала суверенитет народа, и, несомненно, временные представители секций продолжали заседать в Генеральном совете Коммуны до окончания разрешения спора. А он не был разрешен еще в конце мая. В самом деле, в «Монитёр» в связи с заседанием Коммуны 23 мая [53] я читаю следующее:

«Совет постановляет, что для устранения помех, вытекающих из того, что организация муниципалитета еще окончательно не

47. О беспорядках и грабежах 25 февраля 1793 г. см. выше, с. 215.
48. «Moniteur», XV, 770.
49. «Chronique de Paris», № 80, 21 mars 1793, p. 4.
50. Обо всем этом деле см. выше, с. 222.
51. «Moniteur», XVI, 130.
52. «Chronique de Paris», № 102, 12 avril 1793, p. 3. Об этом деле нет никакого упоминания в указанной выше работе В. Маркова (прим. 45).
53. «Moniteur», XVI, 406.

завершена, печатный список окончательно одобренных членов и имена трех, еще не прошедших контрольных выборов, будут разосланы секциям вместе с циркулярным письмом, дабы объявить им, что, если в трехдневный срок они не сообщат об отводе или признании своих представителей, которые должны дополнить окончательный состав муниципалитета, Совет осуществит его организацию совместно с департаментом и в соответствии с мнением большинства секций, не считаясь с теми секциями, которые будут хранить молчание».

Впрочем, в то время царило такое сильное возбуждение, во всех секциях шла столь ожесточенная борьба между умеренной буржуазией и революционной демократией, что у Коммуны не могло быть никаких надежд на проведение нормальных выборов делегатов в Генеральный совет. Вопрос поэтому как бы повис в воздухе, и Жак Ру, несомненно, пользовался этим неопределенным положением, чтобы временно продолжать осуществлять в Генеральном совете свои функции делегата. С другой стороны, очевидно, что его отношения с Генеральным советом довольно напряженные. Почему Жак Ру отказался, когда пришла его очередь, выполнить в Тампле те функции надзора, которые Коммуна взяла на себя? Действительно ли он был болен, как он это сказал? Или он опасался, что многочисленные враги, которые имелись у него в Коммуне, постараются его скомпрометировать как раз в тот момент, когда донос надзирателя Тизона на двух комиссаров Коммуны, повинных в снисходительности к Марии Антуанетте, привел Коммуну в волнение [54]? Или он был в обиде на Генеральный совет, который часто дезавуировал его и грубо обходился с ним? Похоже на то, что он хотел возможно меньше связываться с Коммуной и присутствовал на ее заседаниях скорее как угрюмый или иронический наблюдатель, чем как член Коммуны. Он дерзко угрожает ей не появляться больше на ее заседаниях, если она будет навязывать ему общую дисциплину, и Генеральный совет, хотя и передает на суд секции Гравилье отказ Жака Ру, считает, что инцидент исчерпан [55]. Он, видимо, устал от постоянных конфликтов с упрямым и дерзким священником и в эти дни кризиса не хотел ссориться с мощной революционной секцией Гравилье.

Жак Ру видел, как в экономических вопросах Совет Коммуны качало от либерализма Гарена до политики вмешательства Люлье и департамента. Несмотря на все эти несообразности и противоречия, он констатировал успехи своей политики и ожидал своего часа со смешанным чувством злобы и презрения.

Но если в вопросе продовольственного снабжения Коммуна колебалась, она энергично поддерживала и организовывала революционное политическое движение, ширившееся против Жиронды со времени измены Дюмурье. Ее охватил гнев при виде того, как

Жиронда ловко использовала в своих интересах петицию секций (15 апреля): если секции Парижа требуют, чтобы депутаты предстали пред судом народа, да будет так, но пусть это будут все депутаты и весь народ. Получалось так, словно призыв к народу был подсказан Жиронде парижскими революционерами. Надо было поскорее выбраться из западни, которую сами себе устроили.

«Генеральный совет [заседание 15 апреля, отчет в «Монитёр»] [56], уведомленный о том, что петиция большинства секций, представленная сего дня Национальному Конвенту, была неверно истолкована и дала повод для бурных прений, *принимая во внимание, что воля секций имела в виду отнюдь не созыв первичных собраний, а кару подлых представителей, изменивших делу народа*, постановил, что депутация предстанет завтра перед Конвентом с целью восстановления подлинного смысла этой петиции и осуждения всякого истолкования, противоречащего ее подлинному духу».

Это значило заявить во весь голос, что разрешение кризиса — исключительно дело инициативы и революционной активности Парижа. Эту активность Коммуна поддерживала всей своей властью, с самого начала вмешиваясь в дела секций в пользу самых пылких демократов. Почти во время каждого заседания секции, где «патриоты» оказывались в меньшинстве перед лицом буржуа, посылали делегатов в Коммуну. И Коммуна немедля присылала комиссаров для надзора за происками «контрреволюционеров». Она наводит на них страх: если им удалось завладеть реестрами, опечатать бумаги какого-либо наблюдательного комитета, Коммуна приказывает снять печати. Так, 3 мая (но это лишь один из очень многих примеров) «секция Единства просит Совет выделить одного или нескольких его членов, чтобы присутствовать на ее заседаниях и положить конец скандальным сценам, которые устраивают враги набора в армию, писцы нотариусов и банкиры. Совет назначает с этой целью комиссаров и постановляет, что объявит дурными гражданами тех, кто будет противиться набору в армию, и что закон, карающий смертной казнью врагов общественного блага и свободы, будет завтра разослан всем 48 секциям» [57].

Отсюда мы видим, какими грозными средствами располагала Коммуна и как она могла воздействовать на ход дел в секциях. Поскольку врагами Жиронды были именно те, кто наиболее активно содействовал набору для усмирения Вандеи, поскольку они хотели энергично взыскать прогрессивный налог, чтобы создать

54. Тизон, комиссар Коммуны в Тампле, 20 апреля 1793 г. обвинил комиссаров Коммуны, в частности Тулана и Венсана, в «тайных совещаниях» с узниками Тампля. («Moniteur», XVI, 193.) О Тулане см. выше, с. 401, прим. 7.
55. См. выше, прим. 44.
56. «Moniteur», XVI, 153.
57. «Moniteur», XVI, 302.

ресурсы для ведения войны, и поскольку, с другой стороны, умеренные буржуа колебались и отчасти отступали, Коммуне было нетрудно вмешаться во имя отечества и свободы и навести ужас на своих противников.

7 мая депутаты от секции Единства опять приходят в Коммуну [58].

«Они сообщают Генеральному совету, что распорядились сжечь злобную речь, направленную против прокурора Коммуны, и заявляют, что этот гражданин и командующий никогда не теряли доверия честных граждан этой секции.

Совет назначает комиссаров для снятия печатей, наложенных на помещение наблюдательного комитета этой секции, для восстановления его членов в их должностях и для ареста контрреволюционеров.

Один член Совета докладывает Совету свои соображения по поводу учреждения революционных комитетов, которые он считает преждевременными и обладающими слишком широкими полномочиями Он хотел бы, чтобы Совет обратился к Национальному Конвенту с петицией о запрещении учреждения этих комитетов.

Другой член Совета высказывается против такой меры Он считает, что высший закон — *спасение народа* — требует сохранения этих комитетов, являющихся очагами патриотизма, состоящих, как правило, из самых безупречных граждан, наиболее отличившихся в ходе Революции. Он требует принятия строжайших мер против тех, кто хотел бы посягнуть на революционные комитеты, и даже ареста всех тех, кто посмел или посмеет опечатать помещения упомянутых комитетов. Совет принимает предложения, сделанные другими членами, и постановляет выбрать комиссаров для составления текста постановления. Этими комиссарами стали Любен, Милье и Луве...» («Монитер»)

5 мая завязалась борьба в секции Бон-Консей. «Туда посылают двух комиссаров для восстановления единства. Помимо этого, выбирают комиссаров, которые будут направлены в Якобинский клуб, к Братскому обществу и в Клуб кордельеров с тем, чтобы пригласить их членов отправиться в их секции, *что там будут выдаваться удостоверения о гражданстве не требуя предъявления квитанции об уплате налогов*» [59].

6 мая Шометт предлагает, «чтобы до тех пор, пока патриотизм не восторжествует на собраниях секций, Генеральный совет не заседал по воскресеньям вечером и в дни выборов в упомянутых секциях; чтобы все другие административные учреждения были призваны поступить так же, дабы увеличить число подлинных друзей Республики на собраниях секций» («Кроник де Пари») [60]

Коммуна способствовала, таким образом, обеспечению в секциях господства революционных элементов И полицейский наблюдатель приходит к выводу, что давно пора лишить Коммуну «этой важной части муниципальной юрисдикции». Постановив, что все жители Парижа обязаны написать свою фамилию на двери своего дома, она облегчала наблюдательным комитетам осуществление контроля. И она старается изыскать такие меры, чтобы в Париже были вооружены одни только революционеры.

«Совет по докладу оружейной комиссии [заседание 20 мая] [61] постановляет. 1) что все ружья, случайно оставшиеся в Арсенале и в наблюдательных комитетах секций, найденные у оружейников во время обысков на основании приказа мэра, должны быть переданы каждой секции для их распределения, а именно. калиберные ружья — среди граждан, отправляющихся воевать в Вандею, а охотничьи ружья — среди тех, кто отдаст свои калиберные добровольцам, завербовавшимся на войну в Вандее; таковые ружья будут оценены и оплачены оружейникам, после того как они докажут, предъявив ходатайство, что они действительно являются их собственностью; 2) *что впредь ни один гражданин не сможет купить ружья, не получив предварительно на то разрешения от революционного комитета своей секции, под угрозой наказаний, предусмотренных законом*».

Наблюдатель Дютар в своем донесении от 14 мая обращает внимание Гара на то, что этот установленный Коммуной порядок приведет вскоре к тому, что все ее противники будут обезоружены [62]

«Наблюдательные комитеты будут обезоруживать одного за другим всех, кто им покажется подозрительным, т. е. половину Парижа Тут уже вы утратили равновесие. Они будут арестовывать первого попавшегося, если тот, прежде чем говорить, не закричит *«Да здравствует Марат!»* По мере прибытия людей в Па-

---

58 «Moniteur», XVI, 334

59 «Moniteur», XVI, 318. 5 мая 1793 г в результате бурной борьбы умеренным удалось одержать верх на собрании секции Бон-Консей Санкюлоты тотчас же призвали на помощь секцию Ломбар, ссылаясь на «протокол объединения [ ], в коем обе названные секции обещали и поклялись друг другу поддерживать отношения единства, братства и взаимопомощи во всех случаях, когда аристократия захочет уничтожить свободу» Санкюлоты из секции Ломбар в большом числе пришли на собрание секции Бон-Консей, а вскоре к ним еще присоединились их единомышленники из секции Друзей отечества. Умеренные были изгнаны Все три секции связали себя узами «братского постановления» и послали комиссаров в другие секции, «чтобы предложить им всем установить такое же братство, оказывать друг другу такую же поддержку, обменяться братским поцелуем с председателем каждой секции и поклясться оказывать поддержку и помощь в деле подавления возмутителей общественного порядка ». (A. Soboul Op cit., p 572) См. выше, с 449, прим 2

60 «Chronique de Paris», № 128, 8 мая 1793, p 4, «Moniteur», XVI, 324

61. «Moniteur», XVI, 441

62. A Tuetey. Op cit , t IX, № 591, A Schmidt. Op cit., t I, p 222

риж их будут осматривать, обыскивать, а если у них будет оружие, им придется отдать его клике».

Наконец, ввиду того что служащие и чиновники многих министерств, которые длительное время возглавлялись жирондистами, а также сотрудники крупных управлений, например почты, склонялись к модерантизму, Коммуна распорядилась провести строжайшую чистку чиновников. 29 апреля «заместитель прокурора Коммуны жалуется на то, что часть старших служащих различных канцелярий министров весьма мало патриотична и что уже принятое по этому вопросу постановление Совета не осуществляется. Он предлагает, чтобы была выбрана депутация, которая напомнила бы министрам ранее принятое постановление и вменила им в обязанность от имени Генерального совета изгнать из своих канцелярий всех служащих, которые не смогут представить доказательства своего патриотизма» [63].

И конечно, только революционные комитеты будут уполномочены выдавать служащим свидетельства о гражданской благонадежности.

«Когда государственный чиновник попросит о выдаче ему свидетельства о гражданской благонадежности, его прошение будет отослано в революционный комитет его секции и в народные общества, и, чтобы не замедлять работу административных учреждений, комиссия всегда будет передавать на проверку Совета в первую очередь свидетельства сотрудников, оплачиваемых за счет Республики» [64].

Кроме того, «по требованию прокурора Коммуны Совет постановил обязать всех служащих муниципалитета в двухдневный срок представить свои свидетельства о гражданской благонадежности».

Таким образом, революционный контроль Коммуны распространялся на государственные административные учреждения 2 мая Коммуна возвращается к этому вопросу, настолько важным ей представляется держать под своим надзором и в своих руках всех служащих Республики [65]:

«Комиссары, выбранные для посещения министров и проверки свидетельств о гражданской благонадежности служащих их канцелярий, отдают отчет о своих первых шагах. Совет в дополнение к своему первому постановлению предписывает разослать список служащих канцелярий по всем 48 секциям».

Ясно, что в этих условиях они уже не могли примыкать к движению жирондистской или фейянтистской буржуазии. Они чувствовали себя под строгим наблюдением. 4 мая министр внутренних дел Гара «является и дает объяснения по поводу мнения, которое могло бы сложиться у Совета в связи с письмом, посланным им накануне Совету. *Он заверяет, что с величайшим вниманием относится к представлению ему свидетельств о гражданской благонадежности служащими его канцелярии и что, если бы среди них нашелся кто-нибудь, у кого этого свидетельства не было, он не остался бы и двадцати четырех часов на своей должности*» [66].

Совет встретил аплодисментами данные министром внутренних дел объяснения. Действительно, это выступление Гара могло только усилить влияние и престиж Коммуны, которая таким образом получала своего рода официальный мандат на надзор за патриотической чистотой всех административных учреждений.

Однако рядом с этой «установленной властью» Коммуны, рядом с этой организованной революционной силой вырастали в возбужденной атмосфере этих грозовых дней другие объединения, другие революционные группировки.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ СОБРАНИЕ В ЕПИСКОПСТВЕ

Секции и революционные комитеты сближались и объединялись иногда для кратковременных задач, а иногда для продолжительных совместных действий. В некоторых случаях это были только частичные объединения, например когда соседние секции оказывали друг другу взаимную помощь для подавления «контрреволюционеров», умеренных. Но чаще всего у всех революционных сил Парижа наблюдается тенденция образовать — в различных и меняющихся формах — общий союз. Коммуна была центром, законным объединением — но именно узы законности могли стеснять Коммуну. В феврале и марте Коммуна была неуверенной и робкой. Надлежало создать более свободные и более гибкие революционные органы, и в этом направлении делалось много попыток. Сначала, когда окончательно выяснилась измена Дюмурье, это была инициатива секции Прав человека, той самой, которая так смело выступила в марте, а затем, дезавуированная Маратом, скомпрометированная злосчастным инцидентом со знаменем с королевскими лилиями [67], стремилась искупить эти промахи проявлением революционного рвения, одно время подавляемого

Этот первый опыт объединения отмечен в «Кроник де Пари» 1 апреля под рубрикой «Парижская коммуна» [68]:

«В связи с постановлением от 27 марта секции Прав человека относительно средств спасения отечества собрание комиссаров большинства секций, состоявшееся в одной из зал Епископства, после проверки полномочий постановило, что оно учреждается *как центральное собрание общественного спасения и связи со всеми*

63. «Moniteur», XVI, 266
64. Ibidem
65. «Moniteur», XVI, 302.
66. «Moniteur», XVI, 309.
67. См. M Tourneux, № 8830.
68. «Chronique de Paris», № 93, 3 avril 1793, p 4.

департаментами Республики для защиты народа, что депутация в составе четырех его членов будет направлена в избирательное собрание с тем, чтобы пригласить кантональные собрания Парижского департамента выбрать по четыре комиссара, которые присоединятся к комиссарам 48 секций, что кантоны, входящие в состав Парижского департамента, будут созваны, чтобы выбрать комиссаров, которые войдут в состав [центрального] собрания, и что им будут посланы копии постановлений секции Прав человека и центрального собрания» [69]

Это был план очень широкой организации вся система колес, образующих механизм законной власти, была как бы перенесена в единый революционный механизм 48 секций Парижа со своими комиссарами представляли общественное мнение избирателей Парижа, живую и непосредственно действующую силу народа, разнообразный и единый источник, давший жизнь всем органам власти Избирательное собрание — это было объединение избирателей второй ступени, тех, кто избрал депутатов в Конвент и кто продолжал действовать в качестве некоего перманентного собрания Наконец кантональные собрания выбирали членов директории департамента Таким образом, все органы власти, созданные Революцией Конвент, департамент и сама Коммуна,— оказались как бы охваченными и подчиненными единой революционной организации, восходящей к естественному источнику всякой власти, к народу, и даже присвоившей себе те непосредственные полномочия народной власти, которые дали жизнь установленным органам власти Эта новая организация устроила свои заседания в непосредственном соседстве с ратушей, в зале Епископства, в котором заседало избирательное собрание, конституировавшееся затем в Электоральный клуб Она таким образом отделялась от законной Коммуны, но в то же время устраивалась рядом с ней, чтобы господствовать над ней увлечь ее за собой, а если это окажется полезным, и опередить ее

И в самом деле, Коммуна не может отказать этой новой организации в своего рода инвеституре

В ходе заседания 1 апреля «депутация от большинства секций, собравшихся в Епископстве (бюро № 6) для обсуждения вопроса о средствах общественного спасения, сообщает Совету об этом собрании и *просит об ассигновании средств на его канцелярские расходы Шометт замечает, что комиссары большинства секций собираются в Епископстве только ввиду отсутствия достаточного помещения в Общем доме и что, следовательно, Совет должен одобрить это собрание Совет постановляет, что он ассигнует средства на канцелярские расходы этого собрания*» [70]

Итак, Коммуна приняла этого грозного и беспокойного соседа Мортимер Терно думает (ибо то, что он говорит о последних днях мая, очевидно, применимо в его представлении, ко всему этому периоду), что учреждение этого двоевластия было плодом

своего рода революционного макиавеллизма с одной стороны, сохраняющая видимость законности власть Коммуны, которая сможет тем лучше служить делу подготовки восстания, что будет до конца сохранять законные формы, с другой стороны, власть откровенно повстанческая, готовая на любое смелое предприятие и на самые дерзкие нарушения принятых норм На его языке это «два военных механизма, которые, предназначенные действовать раздельно, но способные в случае надобности объединиться, должны опрокинуть все препятствия, восторжествовать над всеми силами сопротивления Приведение в движение этих двух механизмов доверено различным деятелям Одни должны как бы получать свои полномочия непосредственно от парижских секций, другие — от установленных властей департамента Первые должны с самого начала занимать по существу, революционную позицию, другие — так сказать умеренную позицию» [71]

Возможно, в самом деле, что такое двоевластие отвечает глубокому и мудрому инстинкту, направляющему революции Оно, впрочем, соответствует революционной тактике 10 августа И конечно, те, кто собирался таким образом в Епископстве, подумывали о том, что, возможно придется когда нибудь оказать мягкое давление на Паша, подобно тому как 10 августа было оказано мягкое давление на Петиона Но я думаю, что со стороны Коммуны расчеты были другие

Если Паш, со своими простыми манерами со своей скрытой цепкостью, не был более храбрым, чем Петион то он меньше боялся брать на себя ответственность Не в его духе было закрывать глаза на движение, которое может завершиться революцией Он старался привязать к Коммуне начинавшие возникать революционные организации с тем, чтобы их контролировать сдерживать, предотвращать необдуманные выступления но также с тем, чтобы в критические часы взять на себя часть решающей ответственности Он сознавал, какую великую роль может играть Коммуна, и не хотел, чтобы ее обошли смельчаки и оттеснили ее с первого плана борьбы и опасностей Он знал, что в революционное время надо быть готовым ко всем событиям, чтобы не быть увлеченным вслепую или не быть скомпрометированным

Позднее, в оправдательной памятной записке, скромной и в то же время исполненной гордости, где он подведет итог своей

---

69 Об образовании Комитета в Епископстве было донесено Конвенту 2 апреля 1793 г См Buchez et Roux Histoire parlementaire, t XXV, p 240, A Tuetey Op cit, t IX, p XXVI

70 «Moniteur», XVI, 37

71 M Mortimer-Ternaux Histoire de la Terreur, t VII, p 307 Эти рассуждения Мортимер Терно, по существу, относятся к дням, предшествовавшим восстанию 31 мая 1793 г

работы в военном министерстве и в мэрии Парижа, он напишет [72]: «Если мое управление особенно примечательно потому, что в период наиболее страшного столкновения самых мощных, самых коварных, самых озлобленных клик, притом почти в момент рождения Республики и вместе с тем ее возможного крушения, берега Сены не были залиты кровью; если я прошел с незапятнанным шарфом через чудовищные избиения на Марсовом поле, *мрачные события 2 сентября* и злополучные подавления заблуждений 10 термидора и 13 вандемьера, *которые благонамеренный мэр предотвратил бы*; наконец, если, открыто используя все партии, когда они выражали взгляды и тенденции, полезные для хода Революции и для установления Республики, и столь же решительно сопротивляясь им, когда они увлекались замыслами, продиктованными их частными интересами, я добился того, что победа реяла над французскими армиями во все время моего пребывания на посту министра, *а дух демократии витал над великой Коммуной* и под ее влиянием над всей Францией во время моего пребывания на посту мэра, то все это отнюдь не результат какого-либо дара, каких-либо чрезвычайных средств, а исключительно результат моих политических полномочий, твердой решимости выполнять во всем их объеме те обязанности, которые эти полномочия на меня налагали, и поддержки со стороны моих коллег и граждан, которых я собрал вокруг себя и которые помогли мне в выполнении моих тяжелых функций».

Человек, имевший столь величественное представление о «великой Коммуне», главою которой он был, не согласился бы поставить ее где-то позади некой революционной организации и из осторожности играть в прятки с Революцией. Он был также слишком искренним демократом, чтобы отвернуться от стихийных проявлений преданности. Его тактика заключалась в том, чтобы сохранять сердечные отношения со всеми революционными группировками, порождаемыми бурными событиями, не для того, чтобы ревниво ограничивать сферу их влияния, а для того, чтобы свести к минимуму возможность слепого конфликта и чтобы, действуя сдержанно и твердо, сохранить за Коммуной ее великую центральную роль и ее ответственность. Он предоставлял Шометту изливаться в страстных, а порой и несколько лихорадочных речах. Сам он оставался спокойным, бдительным и деятельным [73].

Революционная организация парижских сил вначале несколько задержалась. Инициатива тех, кто приглашал секции в Епископство, вызвала у многих патриотов раздражение и тревогу.

2 апреля парижское избирательное собрание выразило свой протест в весьма резких выражениях [74]: «Избирательное собрание Парижа выражает Совету [Коммуны] негодование, которое оно испытало при виде сборища каких-то личностей, открыто игнорирующих суверенитет народа: они имеют дерзость именовать себя, не имея полномочий от большинства секций, *Комитетом общественного спасения, поддерживающим связь с департаментами в деле защиты народа*. Избирательное собрание призывает Совет во имя общественного спасения разоблачить перед 48 секциями существование этого мнимого Комитета, некоторые члены которого потеряли общественное доверие или еще вовсе не заслужили его, и в числе прочих некий *Трюшон*, секретарь этого собрания [75]; *Гренье*, клерк у прокурора, арестованный вчера в Якобинском клубе [76]; *Ландрен*, из секции Французского Пантеона, *обвиненный в том, что он восстанавливал против патриотов этой секции многих рабочих, введенных им в заблуждение* [77]; этот человек говорил добрым гражданам: «*Вы патриоты 89-го года, но мы вас отделаем*»[78]; наконец, некий *Варле*, из секции Прав человека, автор петиции, которая вызвала все эти фальшивые и коварные действия [79]. Избирательное собрание доносит также о том, что названный выше *Ландрен* только что предложил этому Комитету заседать при *закрытых дверях* и добавил, что, если после приглашения покинуть собрание там окажутся *чужие*, с ними разделаются. Этими якобы чужими были выборщики».

Первый толчок этому делу был дан, очевидно, бешеными, направляемыми Варле, из секции Прав человека. Это они пытались захватить руководство революционными силами Парижа. И про-

72. Паш Жан Никола (1746—1823). Цитируемая здесь Жоресом оправдательная памятная записка помещена в: «Mémoires sur Pache», réédition par L. Pierquin. Charleville, 1898, p. 96. Это переиздание трех памятных записок Паша, из которых нас здесь интересует только одна, от V г.: «Sur les factions et les partis, les conspirations et les conjurations, et sur celles de l'ordre du jour». (B.N., 8° Lb[42] 329, imp. in-8°, 38 p.)
73. Хорошей биографии Паша нет. Он был военным министром с 18 октября 1792 г. до 2 февраля 1793 г., затем мэром Парижа до 21 флореаля II г. (10 мая 1794 г.) и остается одной из прекрасных фигур народной Революции.
74. «Moniteur», XVI, 45.
75. Трюшон — литератор, председатель Коммуны 10 августа, был обвинен революционным комитетом секции Гравилье и арестован как подозрительное лицо 8 прериаля II г. (27 мая 1794 г.); ему был поставлен в вину его модерантизм. В секции Гравилье Трюшон был одним из противников Жака Ру.
76. См. ниже, прим. 80.
77. Ландрен — секретарь-письмоводитель революционного комитета секции Французского Пантеона начиная с 21 апреля 1793 г. Заключен в тюрьму Ла-Форс 1 августа того же года.
78. Здесь появляется различие между «патриотами 89-го года» и «патриотами 93-го года», между патриотами «старого поколения» и патриотами «нового поколения». Проведение этого различия стало обычным делом в зиму 1793/94 г.; оно подчеркивает антагонизм между революционным поколением 1789 г. и поколением народных революционеров 93-го года.
79. О Варле см. выше, с. 451, прим. 10.

тив них, так же как это было в марте, вновь образовалась коалиция тех, кто им не доверял. Якобинцы с особенным подозрением относились к этой организации, претендовавшей лишить их революционного главенства.

Марат, столь грозный для бешеных в феврале и марте, оставался во всеоружии. На заседании Якобинского клуба в понедельник, 1 апреля, «гражданин Гренье сообщает, что утром сего дня делегаты 48 секций, среди которых находился и он, собрались в Епископстве и конституировались в Центральное собрание общественного спасения и связи с департаментами. Коммуна вскоре предоставит им помещение. С... заявляет, что центральный клуб вне Общества [т. е. Якобинского клуба.— *Ред.*]— это нечто подозрительное. Общественное спасение — дело наблюдательных комитетов, *координирующих свои действия с якобинцами*. Марат заявляет, что проекты Гренье антипатриотичны, и предлагает распорядиться отвести его в Комитет общественной безопасности под конвоем четырех граждан. Предложение принято, и Гренье уводят, несмотря на его протесты» [80].

В то время движение носит еще сектантский характер. Исступление и тщеславие молодого Варле, аффектация, с которой бешеные изображали себя самоновейшим революционным поколением, независимым от старших, их презрение к «патриотам 89-го года», их призывы к пролетариям, к рабочим — все это тревожило или шокировало уже признанных революционеров. Протесты были, видимо, очень резкими, поскольку даже секция Гравилье сочла благоразумным отказаться от своего присоединения [81].

Жак Ру, несомненно, считал выступления Варле рискованными и опрометчивыми. Совет Коммуны некоторое время задавался вопросом, не слишком ли далеко он зашел, санкционировав этот Центральный комитет. На своем заседании 2 апреля он констатировал, что, поскольку четыре секции — Гравилье, Арси, Арсенала и Болота — отозвали своих комиссаров из Центрального комитета, последний уже не представлял большинства секций [82].

И Совет решил отложить обсуждение вопроса о канцелярских расходах. Но на этом же заседании секция Прав человека настояла на своем [83].

«Она докладывает Совету, что ее оклеветали, дав ложное истолкование ее постановлению (тому, которое стало поводом к созданию Центрального комитета в Епископстве). Она заверяет о чистоте своих намерений и затем зачитывает текст своего постановления. *Совет приказывает дать патриотический отзыв и разослать по 48 секциям*».

Таким образом, силы действия, даже рискованного, не отступали, не рассеивались. Авангард парижской Революции не мог позволить более отрезать себя от главных сил армии, и, несмотря на сопротивление якобинцев и даже самого Марата, приходилось отныне считаться с бешеными.

Но движение, совершенно естественно, расширялось. Наблюдательные комитеты уже в силу своих законных полномочий не могли оставаться разобщенными. Они должны были согласовывать свои действия при принятии мер патриотического и революционного надзора, при изыскании наилучшего способа проведения военного набора и принудительного займа. А от этих все более частых совместных действий до постоянной организации, до создания Центрального революционного комитета уже было недалеко. Законные власти, Конвент, Коммуна, поощряли стремление секций к объединению. Секция Гравилье, вероятно следуя советам Жака Ру, поняла, как можно использовать для объединения парижских сил возможности, предоставляемые законом.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ НАБЛЮДАТЕЛЬНЫХ КОМИТЕТОВ

2 апреля, т. е. в тот самый день, когда секция Гравилье как будто дезавуировала преждевременную и авантюристическую попытку Варле и Комитета общественного спасения, собравшегося в Епископстве, она начала выдвигать другие средства, другие предлоги для объединения. Как об этом свидетельствуют протоколы заседаний ее революционного комитета, просмотренные Э. Мелье в Национальном архиве [84], она предложила созыв общего собрания делегатов от наблюдательных комитетов. И, не получив ни от департамента, ни от Коммуны помещения, о котором она просила, она смело обратилась в Комитет общественной безопасности Конвента, где преобладало влияние монтаньяров. Этот Комитет обрадовался возможности взять в свои руки все живые силы парижской демократии (во всяком случае, так ему казалось) и оказал добрый прием просьбе секции Гравилье. И он, вероятно, пошел даже дальше того, чего она желала, созвав сам делегатов от наблюдательных комитетов письмом от 4 апреля, которое подписали от имени Комитета общественной безопасности Гарнье, Дюэм, Осселен [85].

---

80. A. Aulard. Op. cit., t. V, p. 118.
81. «Moniteur», XVI, 45.
82. Ibidem.
83. «Moniteur», XVI, 46.
84. Archives nationales (AN), F7 2487*; E. Mellié. Les sections de Paris.., p. 189.
85. «Actes du Comité de salut public», t. IV, p. 101; E. Mellié. Op. cit., p. 190. Дюэм — депутат от департамента Нор; Гарнье (из Сента) — депутат от департамента Нижняя Шаранта; Осселен — депутат от Парижа.

«Граждане, общественное спасение требует, чтобы все добрые граждане удвоили свои усилия для спасения отечества; вы установлены для того, чтобы помогать нам в разоблачении заговоров, *и, так как необходимы согласованность и единство применяемых средств*, мы предлагаем вам выбрать одного из ваших членов, дабы завтра, 5 апреля, он явился в обычное место наших заседаний, чтобы договориться с нами».

Нужна согласованность. То, что является ныне лозунгом законной революционной деятельности, станет вскоре лозунгом повстанческой революционной деятельности. Комитет общественной безопасности не только собрал вокруг себя делегатов комитетов. Он призвал их образовать постоянный Центральный комитет.

«13 апреля 1793 г. председатель секции Пик доводит до сведения Комитета текст письма, полученного им от Комитета общественной безопасности и приглашающего комиссаров секций назначить одного из них для того, чтобы, соединившись с другими делегатами секций, образовать Центральный комитет. Центральный комитет будет заседать только два раза в неделю, и один и тот же делегат не может быть допущен туда более двух раз сряду. Связанные с этим расходы будет нести Коммуна. Мы запросили Комитет общественной безопасности, будут ли члены комитетов получать вознаграждение. Они будут снабжены единообразными печатными мандатами, визированными Комитетом общественной безопасности, и будут именоваться революционными комиссарами» (Мелье, по протоколам революционного комитета секции Пик [86]).

Этот своего рода официальный Центральный комитет почти не функционировал. Прежде всего, возможно, что создание большого Комитета общественного спасения, декретированное Конвентом 6 апреля, на какое-то время уменьшило значение Комитета общественной безопасности и положило конец этой его попытке овладения революционными силами Парижа. Но главное — делегаты секций не хотели, чтобы Центральный комитет находился под опекой Конвента. Они начали собираться в одной из наиболее деятельных секций, в секции Общественного договора. Они встречались там один раз в неделю и 27 апреля обратились в Комитет общественного спасения Конвента с просьбой установить вознаграждение для членов революционных комитетов Парижа, состоящих большей частью из рабочих [87]. В то время как зарождался, то при содействии и под контролем Конвента, то в результате стихийных и независимых действий секций, Центральный революционный комитет, Коммуна со своей стороны пыталась организовать широкое объединение демократических и народных сил.

На заседании 6 мая Шометт выступил с большой речью, в которой потребовал [88]:

«Чтобы Генеральный совет Коммуны постановил, что до тех пор, пока не минуют грозящие отечеству опасности, все органы управления, все установленные власти Парижа, департаментские власти, Коммуна, председатели секций, председатели революционных комитетов и гражданских комитетов будут призваны собираться в присутствии граждан два раза в неделю, по четвергам и воскресеньям утром, в месте достаточно просторном, чтобы обсуждать там вопрос о мерах, которые надлежит принимать сообща для сохранения порядка, спасения Республики и счастья граждан»

Это было сложно, театрально и пространно, как все, что создавало возбужденное воображение Шометта. И это не было практично. Ибо твердые и четкие решения требуют более сосредоточенных обсуждений. Но это еще один признак общего стремления к объединению, которым были охвачены парижские секции.

Пламя Революции, рассеянное по 48 очагам, кружилось вихрями, языки его смешивались под порывами грозового ветра, нараставшего с каждым днем. На грандиозные и несколько суетные проекты Шометта делегаты наблюдательных комитетов ответили созданием организации более ограниченной и более эффективной: поскольку революционная энергия Парижа распределена по секциям, поскольку в каждой секции есть революционный комитет, может быть, достаточно связать между собой посредством делегатов все эти революционные комитеты секций для достижения полного единства парижской Революции?

В этом смысле делегаты секции Общественного договора, председатель Гиро и секретарь Шери, и написали 48 комитетам 5 мая: «Братья и друзья, мы просим вас прислать завтра одного из ваших членов точно в 6 часов вечера в Центральный революционный комитет, основанный в одной из наших зал, чтобы ознакомиться со всеми мерами по надзору и мерами общественного спасения и действовать единообразно. Неотложные обстоятельства требуют, чтобы вы обязательно там присутствовали» [89].

Но и в этом случае это еще не постоянная и твердо установленная организация, не своего рода революционная бюрократия с определенными кадрами. Есть живая идея каких-то централизованных и единых действий, которая принимает то одну форму, то другую. И в самом разнообразии этих попыток революционный народ Парижа пробует свои силы и готовится к всеобщему движению.

---

86. AN, F⁷ 2475*; E. Mellié. Op. cit., p. 190.
87. AN, F⁷ 2507*, Comité révolutionnaire de la section de l'Unité; A. Soboul. Op. cit., p. 611.
88. «Moniteur», XVI, 325. См.: «Chronique de Paris», № 128, 5 mai 1793, p. 4.
89. AN, F⁷ 2475*, Comité révolutionnaire de la section des Piques; E. Mellié. Op. cit., p. 92. Гиро — член Совещательного бюро искусств и ремесел, член Коммуны 10 августа от секции Почт (в дальнейшем Общественного договора). Шери — художник, мастер исторических полотен.

Пока что те, кто подготавливает общее выступление Парижа, используют для объединения своих сил самые разные и неопределенные предлоги. В них явно чувствуется угроза, но перед формирующимися революционными организациями еще не поставлено никакой четкой цели. Но с того момента, как парижские секции потребовали от Конвента ареста или исключения двадцати двух жирондистов, это стало важной целью всех тех, кто хотел объединить силы народа. И вскоре главное, что они потребуют от революционной организации,— это средства давления на Конвент, чтобы вырвать у него направленный против Жиронды декрет об исключении.

КОММУНА ТРЕБУЕТ ОРГАНИЗАЦИИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ АРМИИ

К концу первой половины мая движение принимает более четкий характер и темпы его нарастают: две большие зарницы возвещают приближение грозы. Заседание 13 мая в Коммуне [90], отчет о котором в «Кроник де Пари» дает нам его яркое отражение[91], как бы озарено пламенем патриотической и революционной страсти. Дефилируют добровольцы из секций: они направляются в Вандею сражаться с эмигрантами, фанатиками и священниками. Но неужели они оставят позади Париж, где царит такая неуверенность, где до сих пор не устранили угрозу жирондистской контрреволюции?

«Добровольцы из секций Республики и Тюильри появляются в Совете, они требуют оружия и различной амуниции, чтобы немедля выступить против мятежников Вандеи. Эти требования были переданы в различные комиссии, чтобы они могли получить то, в чем нуждаются.

Секция Тампля требует, чтобы Совет принял строгие меры против секций, которые еще не выставили своих контингентов. У нее превышение на 40 человек, которых она предназначает для формирования Революционной армии, состоящей на жалованье.

Пять рот из секции Епископства, составляющие контингент этой секции, проходят через зал с возгласами: „*Да здравствует нация! Да здравствует Республика!*“ Они требуют оружия, чтобы раздавить тиранов и фанатиков Вандеи. Совет примет меры, чтобы обеспечить им его. Они выходят с пением гимна марсельцев, и по предложению Шометта *сирень, которую они принесли, будет сохранена в Общем доме, из нее сплетут венки, которыми увенчают победителей из этой секции по их возвращении из Вандеи.* Избраны комиссары, которые должны добиться от Комитета общественного спасения быстрой выдачи оружия...

Полицейские власти дают отчет о положении в Париже и предлагают Совету меры для поддержания общественного спокойствия.

„Охваченные, — говорят администраторы полиции, — энтузиазмом свободы, многочисленные республиканские когорты собираются в поход, чтобы уничтожить мятежников Вандеи. Но их мучит вполне понятная тревога. Нельзя не видеть, что в настоящее время в Париже находится огромное множество подозрительных и, вероятно, злонамеренных людей. Раздоры, имевшие место в различных секциях, сборища, состоявшиеся во многих местах города, дерзость, с какой стали показываться аристократы,— все это должно внушать нам опасение, как бы после отбытия наших мужественных братьев, чье присутствие в значительной мере их сдерживало, они опять не нарушили общественное спокойствие в Париже и не создали своими коварными кознями непосредственной опасности для Республики.

Наши братья, отправляющиеся воевать, и те, кто уже сражается, оставляют малообеспеченные семьи. Им следует помочь. В первую очередь должен платить изнеженный сибарит, богатый эгоист, за тот покой, которым он наслаждается, и за защиту его собственности. Поэтому неотложным делом является завершение разработки метода разверстки принудительного займа. Революция, выравнивая состояния, неизбежно лишает заслуживающий сочувствия класс рабочих того труда, который их кормил. Долг должностных лиц народа — прийти на помощь неимущим. Мы полагаем полезным постараться создать в Париже оплачиваемую Революционную армию, состоящую исключительно из небогатых патриотов, подлинных санкюлотов, которых только настоятельная необходимость могла удержать в стенах нашего города. Мы полагаем, что до окончания волнений, терзающих департамент Вандею, необходимой мерой является арест и разоружение всех подозрительных людей, коими кишит Париж и которые только и заняты тем, как бы разжечь пожар гражданской войны“.

Совет постановляет: 1) что по окончании военного набора будет организована состоящая на жалованье Революционная армия, которая будет нести службу в Париже и будет находиться в состоянии постоянной мобилизации [92]; 2) что разоружение и арест подозрительных людей будут возложены на мэра и администрацию полиции и что порядок проведения этих мер будет предметом секретного обсуждения».

Этот доклад полиции, имевший своей целью вооружение и субсидирование революционного пролетариата, не является чем-то ординарным, и, конечно, в минувшем веке образчики такого

90. «Moniteur», XVI, 386.
91. «Chronique de Paris», № 135, 15 mai 1793, p. 3.
92. О возникновении и формировании парижской Революционной армии см. в основном: R. Cobb. Les armées révolutionnaires, instrument de la Terreur dans les départements. Avril 1793 — floréal an II. Paris — La Haye, 1961, 2 vol.

рода литературы не часто встретишь. Это Коммуна применяет на практике ту политику, которую рекомендовал Робеспьер в своей речи в Якобинском клубе 8 мая [93]. Но каждому видно, что в то время Робеспьер хотел принять главным образом меры предосторожности и не соглашался еще на применение насилия против части Конвента, Коммуна увлечена желанием повернуть против Жиронды острие этой Революционной армии санкюлотов. Уже ощущается то мрачное возбуждение умов, которое предшествовало сентябрьским событиям. Как тогда патриоты решительно не хотели отправляться к северным границам, не избавившись предварительно от внутреннего врага, так и сейчас они не хотят отправляться в Вандею, не избавившись предварительно от враждебной клики, парализующей революционный порыв.

Накануне 2 сентября народ не мог пенять на общественные власти, поскольку как раз происходили выборы в Конвент. Он дал выход своему гневу и своей тревоге в избиении заговорщиков и подозрительных лиц в тюрьмах. Ныне речь идет уже не о том, чтобы убивать, но об устранении из Конвента тех людей, чей эгоизм и дух клики, чей модерантизм и недоверие к народу играют на руку контрреволюции.

В этом смысле наблюдатель Дютар был прав, говоря своему министру Гара 12 мая в 7 часов вечера: «Это страшный момент, очень напоминающий тот, что предшествовал 2 сентября» [94].

Любопытное дело! Мы здесь видим полицию, выступающую против полиции.

Как раз в ту минуту, когда правительственный полицейский Дютар обращал внимание Гара на грозящую опасность и предлагал ему средства сопротивления, революционные полицейские, избранники секций, обсуждали решающие меры, которые на следующий день, 15 мая, предложили Коммуне [95]. В той несколько банальной анафеме, которой в наше время революционные социалисты предают порой полицию, всякую полицию, имеется известная неблагодарность. Полиция Парижской коммуны во многом помогла делу спасения Революции [96].

ДИСКУССИИ В ЕПИСКОПСТВЕ

Но не только в Коммуне оттачивались решения и пылали умы. В Епископстве возобновились революционные собрания. Вспомним, что именно в Епископстве состоялось 1 апреля по инициативе секции Прав человека первое собрание «большинства секций»[97]. Оно проходило под влиянием самых горячих голов из числа бешеных, Варле и его друзей. На какое-то время, столкнувшись с недоверием или враждебностью некоторых секций, с осуждением со стороны якобинцев и угрозами Марата [98], оно вынуждено было отложить свои заседания, приостановить свои действия или скрывать их.

То, что теперь оно опять выбрало своим местопребыванием Епископство, ясно показывает, что это вновь бешеные возвращаются на сцену. Собрания более робкого Центрального революционного комитета имели место то в одной секции, то в другой, предпочтительно в секции Общественного договора. Они, таким образом, не отличались четко от самой жизни секций. И наоборот, революционные делегаты секций, обосновавшись вновь в Епископстве, рядом с Коммуной, рядом с властями, тем самым показывали, что они хотят стать силой отдельной, постоянной, организованной, способной на большее единство, чем секции, и на большую энергию, чем Коммуна.

Около 12 или 13 мая собрания в Епископстве начинают становиться ожиленными и вызывать тревогу у тех, кто опасается новых потрясений. Барер, выступая в Конвенте 18 мая, сообщает, что ему донесли о состоявшемся *шесть дней назад* собрании 80 выборщиков, которые в одной из зал Епископства обсуждали вопрос «о средствах чистки Конвента» [99]. Это нас приводит приблизительно к 12 мая. Терассон пишет своему министру 13 мая (его донесения, рассчитанные на то, чтобы возможно меньше смущать неизменный оптимизм Гара, всегда имеют характер более успокоительный, чем донесения его коллеги Дютара) [100]:

«Группы становятся менее многочисленными и более спокойными. Однако бешенство агитаторов выросло вдвое. В секциях действуют богатые, и они опять становятся апатичными. *Тем не менее их комиссары в архиепископстве серьезно занимаются общественными делами и, вероятно, принимают меры по части общественной безопасности. Они, видимо, исполнены решимости оказать давление на Конвент, с тем чтобы он высказался за единство Республики и за арест подозрительных лиц*».

Терассон высказывает здесь в сдержанных выражениях то же, что со своей стороны говорил Барер: имеется в виду насильственное устранение. 14 мая Дютар доносит Гара: «Клика отлично понимает толк в революции и сговаривается гораздо лучше, чем

93. См. выше, с. 429, прим. 57 и с. 445, прим. 87 и 88.
94. A. T u e t e y. Op. cit., t. IX, № 587; A. S c h m i d t. Op. cit., t. I, p. 212.
95. Никаких упоминаний в «Монитёр».
96. Жорес недостаточно подчеркивает тот факт, что «полиция Коммуны», т. е. руководители администрации полиции и комиссары полиции, избиралась на общих собраниях секций. В Париже во времена террора не было профессиональных полицейских в современном понимании этого слова.
97. «Moniteur», XVI, 337. См. выше, с. 473—475, прим. 68 и 69.
98. См. выше, с. 479, прим. 80.
99. «Moniteur», XVI, 423; «Archives parlementaires», LXV, 47.
100. A. T u e t e y. Op. cit., t. IX, № 589; A. S c h m i d t. Op. cit., t. I, p. 217. Терассон (в 1793 г. ему было 43 года) — бывший адвокат при парламенте Бордо, был связан с Гара, служащий министерства юстиции.

Конвент... *Клика только что образовала Центральный комитет комиссаров 48 секций, которые должны пребывать в Епископстве*» [101].

Вначале, в первых числах апреля, это было «центральное собрание общественного спасения». От этого наименования пришлось отказаться, потому что 6 апреля Конвент создал свой Комитет общественного спасения и было бы неосторожно создать впечатление, что бросаешь ему вызов путем революционной узурпации слова. К тому же организаторы собраний в Епископстве были заинтересованы в том, чтобы казалось, будто они продолжают деятельность, которую Центральный революционный комитет проводил в апреле и начале мая. Они ее продолжали, но смелее и все более расширяя.

Коммуна не могла открыто присоединиться к агрессивным планам, которые вырабатывались на собраниях в Епископстве против определенной части Конвента. И вероятно, пока Робеспьер и Марат не высказались, она еще колебалась. Но она не упускала ни единого случая, который давала ей ее законная власть, чтобы установить связь со всеми живыми силами, со всеми деятельными группировками Парижа. Так, например, 16 мая, когда собрания Центрального комитета уже несколько дней проводились в Епископстве, Коммуна приглашает секции в то же помещение Епископства, в зал выборщиков.

«Генеральный совет постановляет: секции будут призваны избрать по три члена от каждой, которые должны заседать в указанном общем собрании в зале выборщиков, в Епископстве [102].

Эти три члена будут избраны: один — общим собранием каждой секции, другой — революционным комитетом, а третий — гражданским комитетом, причем они должны быть отобраны из числа членов этих комитетов.

Это собрание созывается для обсуждения вопроса о наиболее быстрых, наиболее верных и наиболее единообразных мерах, которые надлежит принять для проведения принудительного займа, а также вопроса о месте хранения сумм, от него полученных, *наконец, для принятия мер к тому, чтобы бремя этого займа легло только на плечи богатых и чтобы класс просто зажиточный, принесший жертвы ради Революции, был максимально пощажен*».

Таким образом, Коммуна, пожалуй более благоразумная, чем кое-кто из друзей Варле, проявляет заботы о том, чтобы пощадить даже при осуществлении революционных мер средний класс, промышленную и скромную торговую буржуазию. Это собрание, созываемое Коммуной для проведения в жизнь законов, невозможно было смешать с революционными собраниями, проводимыми в Епископстве. Однако почтение, проявляемое Коммуной к революционным комитетам, ее забота о том, чтобы никакого решения не принимать без них, — все это свидетельствует

о том, что центр силы и влияния мало-помалу перемещается к этим комитетам. Коммуна не лишена своих прав и не унижена, но она все более вынуждена согласовывать свои действия с действиями революционных объединений. И Епископство, видимо, становится местопребыванием власти несколько двусмысленной, но тем более грозной, потому что у нее одно лицо — законное, а другое — повстанческое.

Администраторы полиции, более непосредственно участвовавшие в борьбе со всеми контрреволюционными элементами, которыми буквально кишел великий и запутанный город, и бывшие по роду службы своей людьми действия и смелых предприятий, служили своего рода посредствующим звеном между законной силой Коммуны и бурлящей силой наиболее возбужденных секций. Это они подсказали Коммуне 15 мая формирование состоящей на жалованье Революционной армии и арест подозрительных. Это они получили от Коммуны полномочия подготовить и обеспечить осуществление этих мер. Это они еще 14 мая письмом, подписанным Лешенаром и Сулесом, призвали революционные комитеты секций образовать *собрание в мэрии* для принятия полицейских мер в интересах общественного спасения и для составления списков подозрительных лиц [103]. Но кому не ясно, что под покровом секретности, которым Коммуна решила прикрыть эти дебаты, будут проведены самые смелые предложения? Кому не ясно, что среди подлежащих аресту подозрительных лиц в первую очередь будут указаны главные подозрительные — главари Жиронды? Итак, час рукопашной схватки приближался.

ЖИРОНДА РВЕТСЯ В БОЙ

Жиронда была предупреждена. Она знала, что с начала мая парижская Революция уже не довольствуется угрозами и неуверенными поползновениями, что она организуется для нанесения удара. Жиронда была легкомысленной, но она была смелой. В течение ряда месяцев она причитала или разглагольствовала об угрожающих ей избиениях. Но то было не от страха, это была определенная политика. Она хотела прежде всего дискредитировать и обвинить своих противников, монтаньяров, перед департаментами. Даже тогда, когда у нее появлялись мрачные предчувствия, вроде тех, которые выразил Верньо в письме к своим друзьям в Бордо, она не бледнела, а сохраняла какую-то тщеслав-

101. A. Tuetey. Op. cit., t. IX, № 591; A. Schmidt. Op. cit., t. I, p. 222.
102. «Moniteur», XVI, 409; «Chronique de Paris», № 133, 18 mai 1793, p. 3.
103. A. Schmidt. Op. cit., t. I, p. 247. Лешенар и Сулес были руководителями департамента полиции Парижской коммуны.

ную и благородную уверенность в будущем. В номере от 5 мая, воскресенье, «Патриот франсэ», анализируя положение в Париже, указывает на наличие опасности и в то же время бравирует [104].

«Брожение возрастает, и агитаторы пускают в ход все свои приемы. На всех улицах выкрикивают гнусный пасквиль против определенной части Конвента, имеющий заглавием и припевом следующие слова: *„Верните нам наши восемнадцать франков, проваливайте к черту и берегитесь Революционного трибунала и любезной гильотины“* [105]. Говорят о том, чтоб ударить в набат, предвещают новые петиции. Говорят, что не пойдут воевать с мятежниками, если Конвент не будет очищен, если он не выдаст таких-то и таких-то своих депутатов. Особенно используют волнения, вызываемые новым военным набором, и раздоры из-за порядка его проведения, и те, кто не хочет отправляться, кричат громче всех. *Совершенно ясно, что готовится новое выступление. Должны ли патриоты бояться его? Нет, они даже должны желать его еще больше, чем его зачинщики. Слишком долго республиканцы и анархисты стоят лицом к лицу и ничего, так сказать, не делают, разве что происходят небольшие словесные стычки. Такое мучительное состояние не может далее продолжаться. Нам предлагают смертельный бой, ну что ж, примем его! Если мы победим, Республика спасена. Если мы потерпим поражение, остаются департаменты; будет кому отомстить за нас. Республика найдет своих спасителей. Разве Республика может погибнуть?*

Но мы победим. Республиканцы, осознайте свою силу. Кто ваши враги? Банда бешеных краснобаев, на трибуне они — Ахиллы, а в бою — Терситы [106]; кучка подпольных заговорщиков, дрожащих даже при виде их собственных кинжалов; сброд разбойников, лишенных мужества, храбрых при истреблении заключенных в тюрьмах, но не смеющих взглянуть в глаза бесстрашному человеку; наконец, подлое стадо нищих, которых объединяет жажда грабежа, а обилие рассеивает. Кто ваши друзья? Огромное большинство Конвента, огромное большинство жителей Парижа, уставших от ненавистной и нелепой тирании этих Мазаньелло в миниатюре [107]. Республиканцы, будьте наготове».

Похоже на то, что Жиронда хочет бороться, и притом до конца. Луве в брошюре, изданной Горса, отвергает всякую политику примирения и компромисса:

«Мы знаем, что люди, чьи намерения мы уважаем, чьи даже ошибки заслуживают уважения, сказали: „Во имя отечества, объединяйтесь“. Но как? Конечно, надо жертвовать своими страстями, но можно ли принести в жертву свои обязанности?.. Разве наши доверители послали нас для того, чтобы мы разрешили разбой, или для того, чтобы мы его прекратили? Для распространения анархии или для ее подавления? Для разрешения избиений

или для того, чтобы карать за них?.. Та страстная ненависть, которую честные люди должны питать к дурным людям, она в настоящее время (и на посту, который мы занимаем) более необходима, более почтенна и более свята, чем когда-либо прежде.

И к тому же где вы найдете узы столь крепкие, чтобы удержать вместе, объединенными законодателей и анархистов, граждан и заговорщиков, убийц и их жертв?.. Мы обвиняем их в том, что они хотят, так же как в сентябре, захватить всю власть, все армии, все богатства Республики. Мы их обвиняем в том, что они хотят нажраться до отвала добычей, пить кровь народа и, используя народные массы Парижа, спекулируя на их мнимых интересах, подавить сам Париж, раздавить департаменты и в итоге четырех лет Революции вновь заковать в цепи суверенный народ. Мы их обвиняем в том, что вот уже семь месяцев они хотят и продолжают хотеть дезорганизовывать, грабить, ссылать, убивать и править под прикрытием короля-манекена.

И неужто нам договариваться с ними, нам? Никогда! Никогда! Не может быть никакого перемирия между гордыми республиканцами, преданными делу свободы, и коварными роялистами, жаждущими тирании! Между добродетелью и преступлением может быть только война, война беспощадная, вечная! В последние, лучшие дни римского Сената не видно было, невозможно было увидеть Катона, ведущего переговоры с Катилиной, или Брута, целующего Цезаря»

Да, Луве! Это будет та беспощадная война, которую ты требовал! 10 мая «Патриот франсэ» воспроизвела этот призыв к бою [108]. А в номере от 16 мая эта жирондистская газета, как бы утомленная медлительностью противника, вызывает его на смертный бой [109]:

«Они всё хотят покончить с этим и всё не кончают. Теперь великий замысел, поставленный ими в порядок дня,— истребить государственных людей, жирондистов, умеренных и т. д., при помощи граждан, призванных в армию, чтобы отправиться сражаться против мятежников. Презренные негодяи! Неужели вы думаете, что республиканцы, покидающие свои очаги и свои семьи ради того, чтобы победила свобода, согласятся стать отвратитель-

104. «Le Patriote français», № 1360, 5 mai 1793, p. 500.
105. B.N., 8° Lb[39] 4115, imp. in-8°, 8 p.
106. Терсит — один из греков, участников Троянской войны, прославившийся своей наглостью и трусостью. Ахилл убил его ударом кулака.
107. Мазаньелло (сокращенное от Томмазо Аньелло) (1620—1647) — вождь народного антифеодального восстания в Неаполе в 1647 г., направленного против испанского господства.
108. «Le Patriote français», № 1365, 10 mai 1793, p. 521.
109. «Le Patriote français», № 1371, 16 mai 1793, p. 544.

ными орудиями анархии, грабежа, убийства и в конечном счете контрреволюции! Если вы рассчитываете на них, вы опять не покончите с этим. Они открыли новое средство, великое средство! Они хотят организовать революционную армию из женщин. Для начала эти женщины собираются в зале Якобинского клуба. Трусы, вы рассуждаете верно: эти женщины храбрее вас. Но и с их помощью вы все же с этим *не покончите.* У вас не будет даже ужасной чести нескольких убийств: *вы знаете, что мы наготове*».

Глава восьмая

БОРЬБА МЕЖДУ ПАРТИЯМИ В ДЕПАРТАМЕНТАХ

ПРЕДСТАВИТЕЛИ В МИССИИ

Главным источником, питавшим эту агрессивную самоуверенность жирондистов, были известия, приходившие из департаментов, а также манифестации, имевшие место в нескольких крупных городах. Говоря по правде, умонастроение в провинции, рассматриваемое в целом, представлялось неопределенным. Жирондисты начинали понимать, какую ошибку они допустили, предоставив Горе почти одной направлять представителей в миссии [1]. «Патриот франсэ» пишет 16 мая [2]:

«Нам сообщают, что Шабо свирепствует в Авероне, потрясает ордерами на арест, грозит гильотиной, и все это не прерывая кутежей [3]. Однако два его письма, написанные в наилучшем духе, свидетельствуют как будто об обратном. Шабо во весь голос провозглашает себя в них „*другом порядка и человечности*“. Пребывая в сомнении, мы охотнее верим обвиняемому, чем обвинителю, и пожелаем Шабо следовать и далее этому славному символу веры; мы были бы очень рады забыть о том, что на-

1. 9 марта 1793 г. Конвент делегировал в департаменты 82 депутата для организации набора в армию 300 тыс. человек. 9 апреля он командировал по три представителя в каждую из одиннадцати армий Республики с неограниченными полномочиями. 30 апреля новый декрет еще более усилил власть командированных представителей.
2. «Le Patriote français», № 1371, 16 mai 1793, p. 545.
3. Шабо Франсуа (1756—1794) — депутат Конвента от департамента Луар и Шер, командирован 9 марта 1793 г. вместе с Бо в департаменты Аверон и Тарн для надзора за проведением набора. См. ниже, прим. 12 и 13.

ша строгая профессия часто обязывала нас преследовать этого депутата.

Нам сообщают из Байонны, что Шодрон-Руссо и Прожан тоже выдают ордера на арест тех лиц, которые не падают ниц перед маратизмом, держат в заточении честных граждан даже после досмотра их бумаг и не найдя ничего подозрительного и т. д. [4]

Посещения всех этих комиссаров, большей частью анархистов, вероятно, помогли департаментам получше познакомиться с их доктриной и их поведением. Это под именем свободы самый неистовый деспотизм, и они вовсе не хотят конституции, потому что хотят продлить этот столь приятный их сердцу деспотизм».

В действительности комиссары Конвента сталкивались повсюду с огромными трудностями. Патриотический порыв был велик, но им приходилось бороться с падением курса ассигната, которое подрывало все торговые сделки, и везде они констатировали тревогу, которую вызывала далеко за пределами столицы межпартийная борьба в Конвенте. Кто знает, не идет ли дело к тому, что и сам Конвент будет распущен? Из Шамбери комиссары Эро и Симон [5] доносят о «дьявольском ажиотаже женевцев», которые спекулировали на колебаниях курса ассигната и звонкой монеты [6]. Из Страсбурга члены Конвента сообщают, что курс ассигнатов упал на 70% [7]. Из Сен-Жан-де-Люса Изабо и Мазад пишут 22 апреля Комитету общественного спасения [8]: «Байонна является центром ажиотажа, меркантильной алчности и стяжания. Там постоянно ведется открытая торговля деньгами. Небольшое число скряг, которые держат в своей власти весь город, до сих пор снижали курс и ценность ассигнатов. Зло распространилось широко и повсюду пустило глубокие корни...»

И так как члены Конвента приняли энергичные меры против ажиотажа, так как они запретили приобретать ассигнаты по курсу ниже номинала, «вы можете себе представить,— пишут они,— как разъярились на нас богачи. Их бешенство дошло до предела, и, следуя своим обычаям, они преследуют нас оружием клеветы... Мы всюду даем ход ассигнатам... бедные люди и солдаты благословляют нас».

Из департамента Нижняя Сена комиссары пишут, «что хлеб там дорог и народ не всегда уверен в том, что сможет его достать»[9].

Ясно, что либо Революция уступит и роялизм одержит верх над ней, либо, чтобы противостоять все возрастающей опасности, она напряжет все силы вплоть до повсеместной организации террора.

В департаменте Ньевр Лапланш и Колло д'Эрбуа (у которого, правда, была большая склонность к высокопарности и театраль-

ности) уже начинают выставлять гильотину. 22 апреля они пишут в Комитет общественного спасения [10]: «Проекты резолюций, представленные Конвенту и имеющие целью созыв первичных собраний, также производят самое дурное действие. Достаточно появиться чрезвычайному курьеру, как злонамеренные люди принимаются кричать, что он привез декрет о созыве этих собраний. Эта неуверенность задерживает принятие каких-либо мер. Есть много граждан, которые могли бы сами экипироваться и охотно пошли бы в армию, но они считают, что благу отечества будет грозить величайшая опасность, если первичные собрания будут созваны в отсутствие всех патриотов. Наконец, все честолюбцы, которые всегда оживляются в преддверии выборов, скрытно готовятся; видные чиновники уже рисуют себе перспективу нового Конвента, членами которого они уже себя видят. Этим своим надеждам, этим страстям они уделяют много времени, которое могло бы быть обращено на благо Республики».

Колло д'Эрбуа и Лапланш сообщают, что «гильотина вынута из чехла... Палач начал свое обучение на пяти чучелах, изобра-

---

4. Шодрон-Руссо (1752—1816) — депутат Конвента от департамента Верхняя Марна, командированный 12 апреля 1793 г. в армию Западных Пиренеев, в Байонну, вместе с Прожаном (1752—1818), который 30 апреля отправился в армию Восточных Пиренеев.
5. Эро де Сешель Мари Жан (1759—1794) — депутат Конвента от департамента Сена и Уаза, назначенный 29 ноября 1793 г. вместе с Грегуаром, Жаго и Симоном одним из комиссаров Конвента в Савойе для организации нового департамента Мон-Блан. Симон (1755—1794) — депутат Конвента от департамента Нижний Рейн.
6. Письмо из Шамбери от 21 апреля 1793 г. («Actes du Comité de salut public», t. III, p. 377.)
7. Письмо из Страсбурга от 14 апреля 1793 г. («Actes du Comité de salut public», t. III, p. 252.) Члены Конвента: Луи (1742—1796) — депутат от департамента Нижний Рейн, командирован 9 марта 1793 г. в департаменты Нижний Рейн и Верхний Рейн для проведения в жизнь закона о наборе в армию. Он был послан вместе с Пфлигером (Pflieger) (1744—1801) — депутатом Конвента от департамента Верхний Рейн.
8. «Actes du Comité de salut public», t. III, p. 391. Мазад-Персен (1750—1823) — депутат Конвента от департамента Верхняя Гаронна, командированный 23 января 1793 г. в приморские департаменты для инспекции побережья от Лориана до Байонны. Изабо Клод Александр (1754—1831) — депутат Конвента от департамента Эндр и Луара, командированный 9 марта 1793 г. в департаменты Верхние и Нижние Пиренеи для надзора за проведением набора в армию.
9. Письмо от 18 апреля 1793 г. («Actes du Comité de salut public», t. III, p. 315.)
10. «Actes du Comité de salut public», t. III, p. 394. Колло д'Эрбуа Жан Мари (1749—1796) — депутат Конвента от города Парижа, командирован 9 марта 1793 г. в департаменты Луаре и Ньевр, чтобы обеспечить выполнение закона о наборе в армию. Вместе с ним был направлен Лапланш (1755—1817), депутат от департамента Ньевр.

жающих Дюмурье, Валанса, Шартрского-Эгалите[11] и двух других офицеров штаба Дюмурье».

В Кастре представители Бо и Шабо ведут борьбу с модерантизмом[12].

«В том революционном кризисе, который мы переживаем,— восклицает Шабо 24 марта[13],— нет больше места для *эгоистов* и для *умеренных*. Пусть все то, что не отвечает духу Революции, покинет Республику. Пусть они уходят в Кобленц, а имущества этих перебежчиков станут уделом тех, кто проливает свою кровь, защищая отечество. Если бы [муниципальная] администрация была плохо составлена, мы бы ее сместили. Даже с риском для жизни, мы все равно обеспечим счастье народа. Ему нужен хлеб, мы ему достанем его. Ему нужно золото, чтобы помочь санкюлотам, проливающим кровь за дело свободы, чтобы помочь их женам и детям, мы ему достанем и это. Наконец, мы дадим рвотное политическому корпусу, мы заставим его изрыгнуть и очиститься *от аристократического яда, который уже давно его разъедает*».

И 26 марта Бо и Шабо обложили всех подозрительных военным налогом [14]. 28 марта по их требованию администрация департамента затребовала от народных обществ список *государственных чиновников, подозрительных* или не давших никаких доказательств своего цивизма (гражданской благонадежности). (См.: Р о с с и н ь о л ь. История округа Гайак [15].) 9 апреля Бо и Шабо постановили, что директории департаментов Аверон и Тарн должны приступить к разоружению граждан, подозреваемых в гражданской неблагонадежности; содержатели постоялых дворов должны представить муниципалитету список проживающих у них иностранцев, и последние должны предъявлять свои паспорта при первом требовании; национальная гвардия должна быть реорганизована, и в каждом дистрикте должен быть учрежден *наблюдательный комитет*[16]. Под действием данного членами Конвента импульса развивалось сильное народное движение. Делегат департаментского совета Фаржанель с радостью констатировал энергию, проявленную городами Гайак, Лиль, Рабатенс[17]. Муниципалитеты вытравляли последние остатки феодализма даже из эмблем. Они заставляли сбивать гербовые щиты, геральдические лилии и гербы с церковных образов и с дверей дворянских домов. Они доходили до того, что заставляли стирать вывески, гласившие о *благородной* игре — бильярде. Эти муниципалитеты затребовали у бывших дворян все их старые дворянские грамоты, и 23 мая на патриотическом празднестве в Пюисельси эти документы были брошены в огонь и «сразу испортили воздух». Танцевали фарандолу, обменивались братскими поцелуями и устроили большую трапезу «по-санкюлотски».

Но, несомненно, вся эта революционная активность протекала главным образом на поверхности, ибо вскоре департамент Тарн стал одним из очагов федерализма. По-видимому, на различных глубинах в стране было много течений и контртечений.

ИЗЕР

9 мая Амар и Мерлино, представители в департаментах Эн и Изер, писали из Вьенна Конвенту [18]:

«Мы завершаем сегодня нашу поездку по департаменту Изер, в котором, так же как и в департаменте Эн, мы были неустанно заняты возрождением общественного мнения, озлобленного из-за присутствия множества людей, открытых врагов Революции.

В Гренобле, как и во всех городах, где привилегии питали и множили злоупотребления, наглая аристократия расхаживала с дерзким видом при молчаливом, но ясно выраженном покровительстве установленных властей. Их послушать, так в Гренобле *и в департаменте Изер живут одни только патриоты* или те, кого директория департамента определяет как людей очень спокойных.

Вы, возможно, полагаете, дорогие коллеги, что в краю, который представляется родиной философии, таланта и разума, преданность общественному делу, интерес к нему, братское рвение опередили наши шаги! Вы ошибаетесь. *Мы нашли здесь лишь парламентскую спесь и людей, раздраженных смертью тирана.*

Гражданин Руайе, член департаментской директории, известен возмутительными речами, с которыми он публично выступал против Конвента. Его поведение по отношению к нам, перед установленными властями, было более чем неприлично. После того как его всерьез призвали к порядку и напомнили о необходимости оказания должного уважения Конвенту и его комиссарам, администрация принесла нам извинения за него и сам он повторил

---

11. Герцог Шартрский, сын Филиппа Эгалите, и генерал Валанс перешли на сторону врага одновременно с Дюмурье, 5 апреля 1793 г.
12. Бо (1743—1814) — депутат Конвента от департамента Аверон, командирован 9 марта вместе с Шабо в департаменты Аверон и Тарн для надзора за набором. О Шабо см. выше, прим. 1.
13. E.-A. R o s s i g n o l. Histoire de l'arrondissement de Gaillac (département du Tarn) pendant la Révolution de 1789 à 1800. Toulouse, 1890, p. 89.
14. Ibidem, p. 90.
15. Ibidem, p. 90.
16. Ibidem.
17. 7 мая 1793 г. (Ibidem, p. 91.)
18. «Actes du Comité de salut public», t. IV, p. 74. Амар Андре (1755—1816) — депутат Конвента от департамента Изер, командирован 9 марта 1793 г. в департаменты Эн и Изер для надзора за проведением набора в армию. Вместе с ним был послан Мерлино (1737—1805), депутат от департамента Эн.

эти извинения. Но мы не сочли нужным воздержаться от сообщения вам об этом случае, дабы вы могли принять в связи с этим те меры, которые сочтете надлежащими. Вот каков человек, который, как полагают, обладает большим влиянием в директории департамента Изер... Как бы там ни было, мы здесь образовали семью, объединившись с другими установленными властями. Это становилось для нас тем более необходимым, что мы могли положиться на чистоту патриотизма и намерений дистрикта, большей части муниципалитета и мэра, за которого высказались все честные патриоты. По зачтении наших полномочий мы попросили дать нам отчет о ходе набора в армию и обо всем, что до этого касается. В этом отношении все было выполнено. Было даже некоторое превышение, а несколько добровольцев уже отправились по своему назначению. Мы не забыли и о лошадях и ожидаем справку об их количестве, обещанную директорией департамента.

Перейдя затем к вопросу о мерах общественной безопасности, мы запросили установленные власти, образовавшие Комитет, объявить нам и дать сведения обо всех лицах, известных тем, что они возбуждают или являются причиной волнений или раздоров в департаменте. Как мы уже говорили, нет места более спокойного, чем департамент Изер. Все аристократы, все новые ханжи, все святоши Вандеи и департамента Дё-Севр — люди, смирившиеся с обстоятельствами. Мы их [власти] познакомили с длинным списком людей, которых общественное мнение считает самыми смертельными врагами Революции и весьма подозревает в тайных связях с внешними врагами. По поводу этого списка открылась дискуссия, которая продолжалась два дня и даже ночью. Список был окончательно утвержден в том виде, как мы его вам посылаем [19].

После смещения многих чиновников, офицеров и полковников — ультрааристократов, как только публика узнала о проведенных нами мерах, настроение патриотов поднялось. Несколько членов департаментской директории, чьи добрые принципы и скромность не позволяют нам назвать их поименно, полностью ободрились и вознаграждены за огорчения, которые были им причинены большинством, более чем фейянтистским.

Но хватит говорить о нем. Вместе с нами покиньте департаментскую директорию. Отправьтесь в деревни вдыхать чистый воздух лояльности, откровенности, братства и самого решительного республиканизма. Пройдите через Муаран, Тюлленс, Сен-Марселлен, Ла-Сон, Винэ и т. д. Остановитесь на мгновение в Вуароне, коммуне с населением 6 тыс. душ, в которой вы тщетно искали бы хоть одного аристократа. Вместе со всем народом этого края поцелуйте дерево свободы. Послушайте, как женщины, старики, ликуя, поют гимн марсельцев, провожают нас, идут впереди нас и заканчивают свой день в патриотических клубах, где с самым живым интересом слушают изложение охранительных принципов гражданской и политической свободы и равенства прав, которые мы неустанно им проповедуем. Примите же присягу, которую они нам принесли: истребить всех тиранов и скорее умереть, нежели смириться с посягательствами на единство и неделимость Республики и на Национальный Конвент.

Вьенн, город фейянтистский, представил нам, однако, хорошую директорию дистрикта, сносный муниципалитет и превосходное народное общество. Набор в армию не закончен, не хватает 39 человек. Повинны в том могут быть аристократы, рядящиеся в патриотов, новые святоши, о которых мы уже говорили и которые ходят повсюду и говорят, *„что вы идете на бойню"*. Их арест произвел чудеса. Мы имели удовольствие видеть, как набор был закончен в тот же день. Ему предшествовал патриотический праздник, а завершился он под возгласы: *„Да здравствует Республика и Национальный Конвент!"*

Мы просим вас издать пояснительный декрет — или, вернее, категорический и четкий — о запрещении носить церковное облачение вне времени отправления культа и исповедования больных, поскольку двусмысленное выражение, содержащееся в законе, служит для большинства священников предлогом, чтобы уклоняться от того повиновения, которое они обязаны оказывать вашим декретам. Общий отчет, который мы вам вскоре представим, как только вернемся, позволит вам легко убедиться в том, как важно, чтобы конституционные священники не позволяли себе больше носить никаких знаков, некогда отличавших их от простых граждан»[20].

МОНТОБАН

Ясно, что в стране действует много противоречивых сил. Во многих местах именно импульс, исходящий от Парижа, выбор, сделанный столицей между Горой и Жирондой, должен был определить ход событий и умонастроение. Жан Бон Сент-Андре шлет Комитету общественного спасения 15 мая из Монтобана новости довольно смешанного характера [21]:

---

19. 29 мая 1793 г. Конвент заслушал двух петиционеров, ходатаиствовавших об освобождении «500 несчастных, которых ваши комиссары, Амар и Мерлино, бросили в темницы». («Moniteur», XVI, 511.)
20. Письмо, написанное рукой Амара, который *в конце* указывает на опасную деятельность Барнава и его родных. «Мы думаем, что следовало бы перевести его в Париж».
21. «Actes du Comité de salut public», t. IV, p. 180. Жан Бон Сент-Андре (1749—1813) — депутат Конвента от департамента Ло, 9 марта 1793 г. командирован в департаменты Дордонь и Ло для проведения в жизнь закона о наборе. Вместе с ним был послан Эли Лакост (1745—1806), депутат от департамента Дордонь.

«Граждане коллеги, с тех пор как мы находимся в департаментах, нашей работе непрестанно мешают всякого рода способами и стараются возбудить к нам вражду посредством самой подлой клеветы. При сем посылаю вам документы, подтверждающие этот факт и показывающие, каковы источник и цель всех этих происков. Я прошу вас доложить эти документы Национальному Конвенту, *ибо важно, пожалуй, чтобы знали, что есть также провокаторы и среди тех, кто непрестанно разглагольствует против того, что они называют анархией.* Наша осторожность и наша твердость уберегли нас от расставленных нам ловушек, и вопреки стараниям клеветников мы, пожалуй, сделали кое-что доброе в наших департаментах, не посягая при этом, в чем нас обвиняют, на собственность, мы даже соблюдали уважение к самому излюбленному идолу стяжания, к блаженной кубышке».

И, отчитавшись в мерах, принятых им для организации национальной обороны от испанцев и для сооружения в Монтобане пушечно-литейного завода, мастерской по изготовлению телег, указав, что «сукновальни и машины для чистки скребком тканей представляют собой заранее подготовленные средства, которые можно быстро и с небольшими расходами приспособить для сверления пушек», а также воздав хвалу патриотизму города Фижак, давшего родине один батальон сверх контингента, Жан Бон Сент-Андре свидетельствует о цивизме департамента Ло:

«Дух, царящий в департаменте Ло, цивизм и твердость администрации департамента, рвение граждан, и *особенно трудового класса, ставят этот департамент на уровень* тех, что имеют наибольшие заслуги перед отечеством».

АЖЕН

От имени представителей, посланных в департаменты Жиронда и Ло и Гаронна, Гарро сообщает Комитету общественного спасения довольно тревожные сведения об умонастроении на Юге [22].

Ажен, 16 мая[23]:

«Граждане коллеги, в тех критических обстоятельствах, в которых мы находимся, подлинные друзья народа не так опасаются коалиций деспотов вне нашей страны и объединившихся разбойников внутри ее, как тайных происков интриганов и федералистов. Посылаемые нами вам документы [это были письма Верньо к его друзьям в Бордо][24] как раз могут открыть Национальному Конвенту глаза на эту разновидность людей, тем более опасных, что они обладают умением завоевывать известную популярность, развращая общественное мнение. Численность их сторонников довольно значительна в некоторых южных департаментах, особенно в приморских городах. На их стороне *часть народа, которую они ввели в заблуждение*, и весь класс умеренных, фейянов, эгоистов, биржевых игроков, плутов и честолюбцев, *так*

что нередко можно слышать даже совсем открыто такие речи: поскольку Париж хочет господствовать, надо от него отделиться и образовать отдельные штаты. Из-за этого трудно достать оружие для новобранцев, направляющихся к границам. Никто не хочет расставаться со своим оружием. Уполномоченные Национального Конвента, которые именем закона требуют выдачи этого оружия, наталкиваются на оскорбления и угрозы, их называют *маратистами* и дезорганизаторами. Из-за этого распространяются недоверие и подозрения, грубость и насильственные действия, та атмосфера страха и неуверенности, которая ослабляет мужество, охлаждает рвение и подавляет патриотический порыв к свободе. Из-за этого возникают самые скандальные прения, самые прискорбные раздоры, самые грубые оскорбления в адрес народных обществ, секций одного и того же города, одного и того же департамента. Каждый придерживается той или другой партии, и *уже недалеко до гражданской войны, которая разразится с яростью, если Национальный Конвент, который должен наконец погасить всю эту ненависть, не примет самых срочных мер для ее предотвращения.*

Но, граждане, что делает эту новую опасность более реальной, что ее приближает — это множество пасквилей, распространяемых ежедневно во всех частях Республики. Бесстыдные газетные писаки, которым в течение шести месяцев предательски раздавали золото нации, продолжают изрыгать свой яд. И не столько против вас, *членов Комитета общественного спасения*, хотя они и не перестают чернить ваши намерения на том основании, что вы приводите в движение *машину*, сколько против комиссаров Национального Конвента, посылаемых в департаменты и в армии, распускают эти наемники Питта самые отравленные слухи! Негодяи! Они твердят об уважении к национальному представительству, они ругают парижан, и они же первые унижают это национальное представительство, нападают на него в вашем лице, между тем как вы нуждаетесь в полном доверии народа для того, чтобы успешно выполнить возложенную на нас важную миссию».

---

22. Гарро (1762—1819) — депутат Конвента от департамента Жиронда, командированный 9 марта 1793 г. в департаменты Жиронда и Ло и Гаронна для проведения набора 300 тыс.
23. «Actes du Comité de salut public», t. IV, p. 195. См. ниже, прим. 31.
24. Речь идет о письмах, которые Верньо написал 4 и 5 мая 1793 г. Обществу друзей свободы и равенства, заседавшему в монастыре францисканцев в Бордо. В первом письме он жалуется на молчание бордоских якобинцев в то время, когда депутатам Жиронды угрожают. Во втором он зовет своих избирателей на помощь. См.: Vergniaud. Manuscrits, lettres et papiers, pièces pour la plupart inédites, classées et annotées par C. Vatel. Paris, 1873, 2 vol., t. II, p. 151 et 152. См. ниже, прим. 30.

Жан Бон Сент-Адре в письме от 17 мая из Монтобана добавляет темных красок к нарисованной Гарро картине [25]:

«Народ настроен наилучшим образом, но его всюду стараются сбить с толку. *Самая опасная из аристократий, та, которую порождает эгоизм, ведет борьбу против свободы и действует отныне заодно с аристократией церковной и дворянской. Этим союзом, пожалуй, и можно объяснить развитие гражданской войны в Вандее*, а фермент, который может вызвать ее во всех департаментах, существует в большей или меньшей степени повсюду. Тот департамент, который я имел возможность особенно хорошо наблюдать, пожалуй, еще один из лучших в Республике, и тем не менее аристократы всех мастей не теряют там надежды спровоцировать волнения и заставить Революцию отступить».

Все же он заключает выражением надежды:

«Все колокола в департаменте сняты. Оставили по одному колоколу на каждую церковь. Остальные ждут руки мастера, который придаст им форму, грозную для врагов отечества. Просветите народ, и Революция завершится».

Дартигойт и Ишон в письме от 23 мая из Лектура жалуются на департаментские власти, которые постоянно создают препятствия их действиям [26].

26 мая Левассёр, Менье, Марибон-Монто и Субрани в письме из Меца доносят Комитету общественного спасения об охлаждении граждан[27]:

«Граждане коллеги, мы рассчитывали использовать день отдыха, чтобы наилучшим образом узнать настроения народа. Вчера мы отправились в Общество в надежде приступить там к этой работе. Однако, мы с прискорбием сообщаем вам это, дважды посетили мы Общество за те три дня, что мы провели здесь, и оба раза находили его пустым. *Все, что мы видели здесь в эти три дня, и все, что нам сообщили, доказывает, что злонамеренные люди здесь, как и в других местах, обрабатывают народ и что умонастроение далеко не на уровне обстоятельств.*

У нас создалось впечатление, что административные органы отнюдь не борются с этой беспечностью. В такое время, когда надо гореть как пламя, они могут только способствовать безразличию, отталкивая патриотов той безнаказанностью, которую они обеспечивают преступлению».

Что же будет делать Франция? Дойдет ли она в последних конвульсиях инстинкта самосохранения до революционного террора? Или, утомленная, соскользнет к некоему модерантизму, в который проникнет, а затем и захлестнет его контрреволюция? К этому времени видно, что она еще не решилась, еще колеблется. Но кажется, что крупные города провинции, большие торговые города, склоняются к некоему фейянскому жирондизму. В Лионе, как мы видели [28], секционное движение угрожает якобинскому муниципалитету.

БОРДО

В своем обращении от 8 мая к Конвенту «бордоские республиканцы» не ограничиваются защитой своих представителей[29]. Они с такой силой выступают против деспотической власти деятелей Горы и Коммуны над Конвентом, что становится ясно, что они вполне готовы, если потребуется, вступить в борьбу против порабощенного Конвента.

«Да, вместе с большинством Конвента мы думаем, что уже давно вокруг него вынашиваются планы дезорганизации и анархии. Есть люди, которые хотят *анархии*, чтобы захватить должности и воровать деньги. Хотят *анархии*, чтобы попытаться, с дерзостью, присущей спеси и преступлению, захватить хотя бы на несколько дней регулярную власть...

Да, вместе с большинством Национального собрания мы думаем, что, поскольку оно не может покарать единственный установленный орган власти, который бросает ему вызов, поскольку оно не может предать мечу законов тех, кто проповедует убийство и пьет кровь, поскольку оно не может прогнать с трибун тех, кто там господствует и оскорбляет его, Национальный Конвент видит, как его сила слабеет, его суверенная власть ускользает от него, правительство распадается... *и начинается анархия.*

Есть в Конвенте одаренные и мужественные люди, которые давно предсказывали те беды, что мы сейчас описали. Они видели, как надвигалась буря, как она нарастала, ширилась, омрачала всю атмосферу. Они хотели ее предотвратить. Но эти коварные существа, показывающиеся только в потемках и живущие только разрушением и смертоубийством, тотчас же покинули свои логовища, они спустились со своего кровавого Кавказа, выбрались из авгиевых конюшен и поднялись, словно фурии, против подлинных опор Республики и свободы, они выли на порядок, как волк

25. «Actes du Comité de salut public», t. IV, p. 213.
26. «Actes du Comité de salut public», t. IV, p. 302. Дартигойт (1763—1812) — депутат Конвента от департамента Ланды, командирован 9 марта 1793 г. в департаменты Жер и Ланды для обеспечения набора 300 тыс. Вместе с ним был направлен Ишон (1757—1837), депутат от департамента Жер.
27. «Actes du Comité de salut public», t. IV, p. 337. Левассёр (1746—1826) — депутат Конвента от департамента Мёрт, командирован 30 апреля в Мозельскую армию вместе с Менье (1758—1834), депутатом от департамента Пюи-де-Дом, Марибон-Монто (1754—1842), депутатом от департамента Жер, и Субрани (1752—1795), депутатом от департамента Пюи-де-Дом.
28. См. выше, гл. III, с. 243.
29. Buchez et Roux, t. XXVII, p. 3; M. Mortimer-Ternaux. Op. cit., t. VII, p. 224; «Archives parlementaires», LXIV, 668.

и гиена воют на луч света... Да, мы все жирондисты, и мы будем ими до смерти».

Это вызов, это уже высокопарный и кровавый язык гражданской войны. Но для Горы значение этих неистовых декламаций ослаблялось тем, что, как она знала, обращение бордосцев не было плодом их инициативы. Чтобы вызвать это обращение, потребовались волнующие письма Верньо, патетические призывы, направленные им 4 и 5 мая Обществу друзей свободы и равенства, заседающему в монастыре францисканцев в Бордо[30]. В первом письме он жаловался на то, что бордоские якобинцы хранят молчание в то время, как депутатам Жиронды грозит смерть. Следует ли считать, что к неизбежной тревоге, вызываемой опасностью, присоединилось чувство горечи от сознания, что их покидают на произвол судьбы? Во втором письме он писал своим избирателям:

«Если меня к тому вынудят, я призову вас с трибуны прийти, чтобы защитить нас, если еще будет время, чтобы отомстить за свободу, истребив тиранов... Люди Жиронды, поднимайтесь! Конвент лишь потому был слаб, что его покинули. Поддержите его против бесноватых, угрожающих ему. Наведите ужас на наших Мариев*, и я вас заверяю, что ничто не может сравниться с их трусостью, разве что их коварство».

Ходил слух, что текст обращения, принятого секцией в ответ на этот отчаянный призыв, был прислан Ласурсом. Многие высказывались против этого текста. Гарро писал в постскриптуме к упомянутому мною письму от 15 мая[31]: «Обращение граждан Бордо к Конвенту, сочиненное несколькими интриганами, не встретило в департаменте значительного одобрения. Многие народные общества не только отвергли его, но порицали его мотивы и стиль».

МАРСЕЛЬ

В Марселе, освободившемся как будто уже несколькими месяцами ранее от влияния жирондистов, произошли небывалые перемены. В декабре, январе, феврале господствовали монтаньяры, самые пылкие, самые неистовые. Колебания депутатов Жиронды, не решавшихся покончить с королем, возбудили негодование революционеров. Для ускорения процесса и казни Людовика XVI они делегировали в Париж Александра Рикора, который 21 января писал Марсельскому клубу [32]: «Сего 21 января 1793 г., в десять часов двадцать минут утра, на площади Революции, с последним королем Франции Людовиком Капетом было покончено».

В Марселе была устроена иллюминация, чтобы отпраздновать казнь короля.

К знаменам возвращавшихся марсельских батальонов были привязаны ленты, окрашенные кровью Людовика, а к остриям

своих штыков федераты прикрепили платки, смоченные кровью тирана. Царило необычайное возбуждение. Париж, откликаясь на пропаганду бешеных, возвещал, что смерть короля была символом падения старых властей, знамением нового порядка, при котором богатые не смогут уже выжимать соки из бедных. Все депутаты департамента Буш-дю-Рон, голосовавшие за обращение к народу, были разоблачены и заклеймлены[33]. Народное общество в письме к Барбару высказывалось следующим образом: «Мы предаем тебя, тебя и твоих приверженцев, презрению, бесчестью и проклятию нации. Так думает святая Гора Марселя»[34]. Ребекки, оскорбленный, выведенный из себя, отказался от мандата члена Конвента и поселился в Авиньоне, чтобы наблюдать за событиями вблизи[35]. Барбару остался на своем посту, но написал своим бывшим избирателям, что они поразили его в самое сердце. Все граждане, подозреваемые в модерантизме, были разоружены, у них отобрали даже ножи, и казалось, Марсель становится все более горячим очагом все более обострявшейся революции.

Мэр Мурай и прокурор коммуны Сэтр, по-видимому, следовали за этим движением, исполняли все требования клубов, поддерживали все энергичные меры для проведения набора в армию, для взимания революционных налогов. Когда в марте комиссары Конвента, монтаньяры Буассе и Моиз Бейль[36], прибыли в Марсель, казалось, что Жиронда там раздавлена и что им нет надобности обходить все секции для проведения там революционной пропаганды. Но вдруг внезапно в конце марта и в апреле всё, события и умонастроение, как бы резко меняется. Марсельские секции оказываются захваченными умеренной буржуазией и роялистами, и начинается бурное реакционное движение. Следует ли полагать, как это думает Мишле, что это произошло потому, что Марсель, отправив к границам тысячи своих самых отважных патриотов, оказался оставленным на милость контрреволюционных элемен-

---

30. «Actes du Comité de salut public», t. IV, p. 196, note. См. выше, прим. 24.
* Марий Гай (ок. 157—86 гг. до н. э.) — римский полководец и политический деятель.— *Прим. ред.*
31. См. выше, прим. 22 и 23.
32. Рикор Александр (1767—1829) — администратор, затем прокурор-синдик департамента Буш-дю-Рон.
33. Этот адрес был зачитан на вечернем заседании Конвента 21 марта 1793 г. («Moniteur», XV, 765.)
34. Письмо от 8 февраля 1793 г.
35. Ребекки подал в отставку 9 апреля 1793 г. «Так как я не могу заседать долее в Собрании, у которого не хватает мужества покарать виновных, я подаю в отставку».
36. Бейль Моиз (1755—?) — депутат от департамента Буш-дю-Рон, командирован 9 марта 1793 г. в департаменты Дром и Буш-дю-Рон для проведения набора. Вместе с ним был направлен Буассе (1748—1813), депутат от департамента Дром.

тов[37]? Но в марте не было большого исхода, а между тем ветер принимается дуть в противоположном направлении.

Не было ли это следствием перерыва в торговых сделках, причиненного войной на морях? Конечно, Марсель начинал страдать от этого. Военный флот, совершенно дезорганизованный, не мог обеспечить [французским торговым судам] защиту от каперства. 1 апреля Буассе и Бейль писали Комитету общественного спасения: «Марсельские купцы, у которых каждый день захватывают суда из-за отсутствия конвоя, высказывают такие же желания [против исполнительной власти]... Наши дела на Ближнем Востоке приходят в упадок»[38].

Конечно, этот экономический кризис начинал тревожить умы, вызывал беспокойство в заинтересованных кругах и давал контрреволюции тему для опасных нападок. Но страдания еще не были столь острыми, чтобы этим можно было объяснить резкое изменение политической ситуации в Марселе. Мне представляется, что тому есть две прямые причины.

Во-первых, оба комиссара, Бейль и Буассе, оказались исключительно неловкими. Их действия страдали пагубным противоречием. С одной стороны, они одобрили наиболее энергичные революционные меры: учреждение Революционного трибунала, формирование Революционной армии, имеющей своей задачей преследование контрреволюционеров на всем Юге. А с другой стороны, не понимали того, что для успешного проведения смелой и сильной политики надлежало сохранять единство всех революционных сил. Между тем этот пылкий марсельский град раздирала борьба между кланами, личное соперничество. Даже в самом народном обществе некоторые революционеры ненавидели мэра Мурая и прокурора Сэтра, которых они обвиняли в том, что они присвоили себе власть чрезмерную, почти диктаторскую. Эти диссиденты были явно подогреты скрытыми происками контрреволюционеров, и, как только они высказались против мэра и прокурора, их протест получил огромный отзвук в секциях, наводненных умеренными и роялистами.

Если бы Буассе и Бейль были прозорливыми и твердыми, они бы обратили внимание патриотов на ту смертельную опасность, которой были чреваты их раздоры. Они разобрались бы в том, что кампания против Мурая и Сэтра, хотя по видимости она проводилась несколькими революционерами, по существу направлялась контрреволюцией. Как могли они ошибиться на этот счет, видя, как на этих двух человек обрушился целый поток контрреволюционных обвинений?

Когда еще в первые дни апреля в народном обществе против Мурая было выдвинуто обвинение в том, что «он осуществляет над своими гражданами деспотическую власть, произвольно распоряжается их свободой, их жизнью и общественным достоянием, что, подобно Пигмалиону *, которому на каждом шагу мерещилась рука возмездия за его злодеяния, он выезжает с эскортом вооруженных людей» и т. д., когда народное общество жалуется «на угрозы, которым подвергались почти во всех секциях те, кто посмел не голосовать за гражданина Мурая на выборах мэра, что доказывает, что гражданин Мурай обязан своим переизбранием не любви и доверию граждан, а страху перед фонарями», то это обычный язык контрреволюции.

Очевидно, роялисты и фейяны хитрыми происками сбили с толку или раскололи народное общество, а Буассе и Моиз Бейль вели себя легкомысленно, помогая тем самым этому зарождению реакции. Комитет общественного спасения, не будучи в состоянии понять их поведения, послал им в апреле строгое письмо, где осуждал их как за революционную опрометчивость в деле организации армий, которые должны были действовать на всем Юге, так и за непонятную слабость, которую они проявили, согласившись на отозвание Мурая и Сэтра[39].

«Принятое 10 апреля департаментом Буш-дю-Рон по вашему требованию постановление о сформировании отряда из 6 тыс. человек в целях поддержания общественного спокойствия в департаменте или направления его, если потребуется, в соседние департаменты для восстановления там порядка и подавления контрреволюционеров, а также арест мэра и прокурора Марсельской коммуны вызвали резкие нарекания со стороны многих ваших коллег. Они собрались и все были выслушаны в Комитете. Вы поймете, что мы сделали все, чтобы не подвергаться влиянию каких бы то ни было предрассудков или предубеждений. Напрасно мы изучали вашу переписку: мы не нашли там ни изложения мотивов, ни статей постановления или требований, вызывающих столько нареканий, о которых вы, согласно декрету, должны были сообщить Национальному Конвенту в течение двадцати четырех часов.

---

37. «Что касается Марселя, то его погубил его чрезмерный патриотизм, побудивший отправить к границам лучшую и наиболее патриотическую часть его населения». (M i c h e l e t. Histoire de la Révolution française. Livre X, chap. IX: «Le modérantisme...» Edition G. Walter, t. II, p. 491.)
38. «Actes du Comité de salut public», t. III, p. 14.

* Пигмалион — легендарный царь Тира, брат Дидоны — легендарной основательницы Карфагена, мужа которой, Сихея, Пигмалион убил.— *Прим. ред.*

39. 13 апреля 1793 г. Бейль и Буассе сообщили Комитету общественного спасения, что они распорядились арестовать мэра и прокурора коммуны вследствие поданных на них жалоб. («Actes du Comité de salut public», t. III, p. 237.) Сэтр был освобожден 14 мая 1793 г., для Мурая потребовалось более обстоятельное следствие. («Moniteur», XVI, 474.)

Мы настоятельно просим вас осуществлять руководство действиями граждан... Разногласия и гражданские распри — величайшие бедствия, удручающие Республику. Мы были бы бессильны гарантировать нации ее свободу и независимость, если бы южные департаменты начали гражданскую войну и если бы их движение приняло характер тех волнений и беспорядков, которые все еще потрясают некоторые департаменты Запада».

Перспектива возникновения некой провансальской Вандеи вдобавок к той, другой,— какая тяжкая забота для Комитета общественного спасения! В письме от 28 апреля[40] Буассе и Моиз Бейль просят извинения, ссылаясь на то, что они уступили воле секций, когда сместили мэра и прокурора, и что невозможно действовать против единодушного убеждения народа. Словно они и не заметили, что секции внезапно захлестнула волна контрреволюции! Впрочем, сознавая свое бессилие, презираемые и опозоренные в глазах всех, они уныло сообщают 28 апреля, что покидают Марсель.

«Враги общественного блага оживились. Марсельцы оказывают сопротивление установленным властям и даже нам: мы здесь уже ничего не можем сделать для общественного блага. Мы собираемся отправиться к центру». Тщетно пытаются они оправдаться перед Конвентом в своем письме от 15 мая из Монтелимара[41]. Из него с очевидностью вытекает, что они оказались неспособными привлечь на свою сторону какие-либо силы, что они восстановили против себя одну за другой все партии, что после того, как они неистово нападали на умеренных, на эгоистов, ожесточили до крайности жирондистов и навлекли на себя проклятия Барбару («Они ворвались в Буш-дю-Рон как опустошительные горные потоки; они ворвались туда, как скалы, оторвавшиеся от Горы и давящие на своем пути стада и равнины»[42]), они позволили самым жалким образом себя одурачить софизмом народного суверенитета, выдвинутым роялистскими секциями. Достаточно было одной из них, седьмой, предъявить им требование: «Скажите нам раз навсегда, считаете ли вы, что народ суверенен, да или нет, мы вас спрашиваем последний раз», чтобы они испугались и отступили, бросив Мурая и Сэтра, уже арестованных по их приказанию, беззащитными перед угрозами и разнузданной яростью реакции.

Их защита бессвязна и производит жалкое впечатление:

«Барбару сказал с трибуны, что мы — ваши комиссары в департаментах Дром и Буш-дю-Рон — явились якобы в этот последний департамент как опустошительные горные потоки. Посмотрим, прав ли этот человек. Что мы делали? Мы способствовали ускорению набора в армию, который закончен, и новобранцы направлены в армии. Мы распорядились о создании вооруженной охраны побережья, которой не было, и это было осуществлено на наших глазах. Мы распорядились о наборе 6 тыс. человек, чтобы направить их в различные места департамента и прекратить там контрреволюционное движение, которое уже имеет там место и стало распространяться на соседний департамент. До сих пор успех отчасти сопутствовал нашим желаниям. Мы сформировали отряд из 600 человек в Монредоне, на побережье недалеко от Марселя, где неприятель легко мог высадить десант.

Мы затребовали конвой для судов, предназначенных для наших армий в Пиренеях и в Италии, которые гнили в марсельском порту, и эти суда прибыли к местам своего назначения. Таким же образом мы обеспечили продвижение торгового флота с богатым грузом для Ближнего Востока. Мы распорядились арестовать — *по требованию всех секций Марселя*,— мэра, прокурора Коммуны и братьев Савон. Мы устрашили дурных, ободрили честных граждан, *осудили секции, нарушившие установленные для них законами границы*, и аннулировали учреждение трибунала, который мог быть создан только по приказанию Конвента[43]. Депеши, задержанные по приказу комиссаров тех же секций, были распечатаны вчера и не были нам возвращены. Мы велели выпустить на свободу патриотов, арестованных на основе самовольных приказов. Мы предприняли все возможное, чтобы установленные власти сохранили всю свою энергию и активность, которой секции непрестанно мешают».

Это было признание как того, что Марсель в результате действий своих секций превращался в контрреволюционную коммуну, так и того, что в угоду этим реакционным и мятежным секциям сместили революционные установленные власти, мэра и прокурора коммуны. Письмо Буассе и Моиза Бейля — документ, страшный для них самих.

КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ В МАРСЕЛЕ

17 мая представители в Итальянской армии Бове и Пьер Бай доносят Комитету общественного спасения из Тулона о серьезном характере допущенных ошибок и о контрреволюционном

40. «Actes du Comité de salut public», t. III, p. 518.
41. «Actes du Comité de salut public», t. IV, p. 183. См. также оправдательные объяснения, которые Бейль и Буассе представили Конвенту 2 июня 1793 г. («Moniteur», XVI, 552.)
42. «Moniteur», XVI, 332, заседание 7 мая 1793 г.
43. Марсельские секции образовали народный трибунал, который мог быть учрежден только декретом Конвента. Они потребовали от представителей, чтобы этот трибунал судил мэра, прокурора коммуны и братьев Савон, передовых республиканцев. 2 мая 1793 г. представители упразднили трибунал и поспешно покинули Марсель. Барбару потребовал и добился от Конвента отсрочки действия постановления об упразднении трибунала. См. ниже, прим. 57.

движении, очагом которого становится Марсель[44]: «Вам не безызвестно, что с первых дней сего месяца в Париже распространилась глухая молва, что Марсель охвачен брожением, что, по-видимому, аристократия берет там верх, что патриотизм там задушен. Что ж, слухи эти более чем обоснованны.

Мы не позволим себе разбирать здесь поведение наших коллег Моиза Бейля и Буассе, которые были нашими предшественниками в этом департаменте. Мы не собираемся ни порицать их, ни одобрять. Вы, возможно, уже вынесли о них суждение. Возможно, что вы их уже заслушали и оценили те документы, которые они с собой привезли. Как бы там ни было, вот факты в том виде, как нам о них рассказали.

Вначале, приветливо встреченные общественным мнением Марселя, наши коллеги с увлечением, успешно занялись выполнением доверенной им миссии. Патриотизм встречал поддержку и сохранял всю свою силу в этом городе, издавна слывшем его очагом, а злонамеренных заставили замолчать. Прибытие в этот город семейства Бурбонов изменило положение вещей[45]. Уверяют, что комиссары давали секциям какие-то противоречивые объяснения по поводу этого события, считая нужным их о нем предупредить, и что эта противоречивость, конечно, невольная и, во всяком случае, продиктованная добрыми намерениями, вызвала недоверие к их действиям и нарушила то доверие, которым они пользовались вначале и которое столь важно было сохранить. С этого момента комиссары стали вызывать подозрение, их засыпали всякого рода требованиями. *Снисходительность, с какой они готовы были идти навстречу желаниям секций относительно ареста нескольких лиц, окончательно придала смелости вожакам секций в выполнении давно вынашиваемых ими планов. Секции уже объявили себя заседающими непрерывно, а эта непрерывность такова, что они заседают днем и ночью*[46]. *Там опять появилось множество подозрительных или злонамеренных людей, которых прежде твердое сопротивление честных граждан оттуда устранило. Многие бывшие привилегированные, из числа тех, кого разоружили, ныне занимают там трибуну. Членов народного общества там дурно принимают или даже с позором выгоняют. Секции объявили себя суверенными, они публично выступают с этим титулом, а также используют его в исходящих актах. Копию одного из них мы вам посылаем. Они приказывают установленным властям, которые они поработили.* Они неотвязно осаждали, днем и ночью, наших предшественников, которые подтвердят вам это множеством полученных ими петиций. Они дошли в своем исступлении до того, что применили по отношению к ним насилие, чтобы узнать содержание их переписки. Была нарушена тайна их писем и тех, которые прибывали в их адрес. Некоторые из этих последних были публично зачитаны и так и не были вручены нашим коллегам. Ряд достойных доверия лиц заверили нас, что в

момент, когда они сочли должным покинуть город, их безопасность была сомнительной и самой жизни их угрожала опасность.

Некий народный трибунал был создан властью самих секций, *и хотя он был упразднен комиссарами Конвента и, соответственно, счел необходимым прекратить свои функции, однако члены муниципалитета, опоясанные шарфами, восстановили его при поддержке секций. Теперь этот трибунал работает вовсю, выносит ежедневно приговоры, из которых три, смертные, были приведены в исполнение вчера, в четверг, с соблюдением всех внешних атрибутов*[47].

Секции послали в Конвент 30 комиссаров. Мы их встретили в пути. Мы не знаем в точности цели их поездки. Секции посылают комиссаров, которые разъезжают по всему департаменту и даже заезжают в соседние департаменты, чтобы создать вместе с окрестными коммунами некую ассоциацию, к которой не везде относятся одинаково. В Эксе депутация была встречена восторженно, в

---

44. «Actes du Comité de salut public», t. IV, p. 216. Бове Шарль Никола (1745—1794) — депутат Конвента от Парижа, командирован 30 апреля 1793 г. в Итальянскую армию. Вместе с ним был послан Бай Пьер (1753—1793), депутат от департамента Буш-дю-Рон.
45. В связи с изменой Дюмурье и герцога Шартрского были приняты меры безопасности против членов семьи Бурбонов. 7 апреля 1793 г. Конвент декретировал, что «члены семейства Бурбонов, кроме содержащихся в Тампле, будут переведены в Марсель, где они будут находиться на положении арестованных...». («Moniteur», XVI, 86.) 3 мая министр юстиции сообщил Конвенту, что «граждане Конти, Эгалите, отец и два его сына, а также гражданка Бурбон помещены в качестве арестованных в замок Нотр-Дам, в Марселе». («Moniteur», XVI, 304.)
46. *Непрерывность заседаний* секций была оружием обоюдоострым. Если в критические периоды санкюлоты стекались в общие собрания (как то было в мае 1793 г. в Париже), то стоило опасности миновать, как они имели склонность не посещать их. Тогда опять появлялись умеренные и производили перемену большинства, как то случилось в Марселе. Марат, обладавший реалистическим умом, указал на эту опасность в письме к Конвенту от 21 июня 1793 г.: «Богатые, интриганы и злонамеренные толпами сбегаются в секции, овладевают ими и проводят там самые губительные для дела свободы постановления, тогда как поденщики, рабочие, ремесленники, розничные торговцы и земледельцы, одним словом, множество несчастных, вынужденных работать, чтобы жить, не могут там присутствовать, чтобы подавить преступные происки врагов свободы». О проблемах, связанных с непрерывностью заседаний, см.: A. Soboul. Op. cit., p. 530. [См. русское издание, с. 279.]
47. «Марсель, 11 мая. Постановлением, принятым 2-го числа сего месяца комиссарами Национального Конвента, наш Центральный комитет и наш народный трибунал были упразднены; наши секции собрались и восстановили их полномочия; они были торжественно восстановлены, и город был иллюминирован». («Moniteur», XVI, 435.)

этой древней столице бывшего Прованса царит тот же дух, какой ныне господствует в Марселе[48]. Вчера в пути нас заверили, что они намеревались арестовать даже нас, если бы мы поехали через Марсель. Нас также заверили, что наш коллега Грегуар во время своего проезда через город подвергся там оскорблениям[49].

Мы сами могли наблюдать в Эксе это настроение секций, когда прибыли туда в среду около трех часов пополудни. Один из нас, Пьер Бай, встретил, когда мы ходили по городу, несколько человек, которые, как он заверяет, всегда были ему известны как добрые патриоты. Один из них — должностное лицо муниципалитета, другой — прокурор-синдик дистрикта. Мы остановились на минутку побеседовать с ними. Этого оказалось достаточно, чтобы привести в движение секции. К вечеру весьма многочисленная депутация от секций явилась на наш постоялый двор, чтобы выразить нам свое недовольство тем, что мы общались с лицами, которые, как они заявили, считаются весьма подозрительными. Эти петиционеры резко сетовали на поведение наших предшественников. Они нас заверили, что их секции, так же как Марсель, посылают делегатов в Париж.

К тому же в обоих этих городах аресты производятся все чаще, а на народные общества там смотрят косо, и не сегодня-завтра они будут уничтожены или дезорганизованы. Мэр маленького городка Роквер, где мы вчера остановились, чтобы пообедать, сообщил нам о факте, который, несомненно, даст вам представление о настроениях, царящих в секциях Марселя. Он рассказал нам, что, отправившись несколько дней назад в этот город, чтобы купить там зерна, которого в коммуне Роквера совершенно нет, он с величайшими трудностями раздобыл его. Повсюду ему говорили, что зерна совсем нет, однако ему обещали достать его, *если он определенно, от имени своей коммуны, возьмет обязательство присоединиться ко всем действиям Марсельской коммуны.* Он нам обещал засвидетельствовать этот факт подлинным актом, который должен передать нам незамедлительно. *Мы не вправе скрывать от вас, что народные общества, число которых очень выросло в департаменте Буш-дю-Рон и которым, видимо, угрожает коалиция секций Экса и Марселя, в большинстве своем решили объединиться, чтобы оказать сопротивление тем, кто готовится их разрушить, что эти народные общества образовали Центральный комитет в Салоне и решили послать комиссаров во все коммуны с целью расширить этот Комитет. Мы сами убедились в том, что народ исполнен неуверенности и колеблется между теми и другими и что все идет к раздорам, которые неизбежно приведут к расколу и окончательно подорвут общественное мнение, слабеющее с каждым днем вследствие недостатка доверия».*

Ясно, что для объяснения этого грозного движения контрреволюции недостаточно сослаться на неловкие действия двух представителей. Недостаточно сказать, что они давали противоречивые объяснения по поводу ареста герцога Орлеанского: один, очевидно, заявил, что Конвент был прав, поразив заговорщика, сообщника Дюмурье; другой сказал, что Конвент был неправ, принеся в жертву человека, заслуживающего доверие патриотов уже потому, что его ненавидела Жиронда. Правда заключается в том, что некий подспудный роялизм, до того наполовину скрытый, вдруг поднялся на поверхность.

Контрреволюция никогда не разоружалась. И особенно на Юге всегда существовало нечто вроде скрытого заговора. Почему эта глубинная контрреволюция внезапно всплыла на поверхность? Потому что Жиронда, выступив с неслыханно резкими обвинениями против Коммуны, Горы и Парижа, дала реакционерам те предлоги, в которых они нуждались.

В городах Юга, в частности в Марселе, часть народа сохранила привязанность к монархии. Тысячи моряков под королевским флагом принимали участие в смелых предприятиях, а их непрестанные контакты с латинскими странами, с Италией, Испанией, способствовали тому, что они были проникнуты католическим суеверием.

Изучая в Архиве документы, относящиеся к снабжению продовольствием, я обратил внимание на названия судов, ходивших между Марселем и Генуей в 1792 г. Все они сохранили свои христианские или даже монархические названия: «Король Генрих», «Св. Иосиф», «Святой Иоанн», «Непорочное зачатье», «Св. Констан», «Св. Николай».

Историк Марселя Фабр писал в 1829 г.[50], когда еще совсем было живо предание. Он с гневом отмечает этот роялистский характер марсельского движения. И его свидетельство тем более заслуживает внимания, что он ненавидит Гору и не любит Конвент. Он хотел бы восстания в Марселе, но такого, которое вдохновлялось бы Жирондой.

«Поднявшись, секции следовали лишь тайному импульсу роялистов. Однако они сочли благоразумным не сбрасывать маски и продолжали выступать от имени Республики, единой и неделимой. По существу, их вожаки, люди слабохарактерные, не имевшие ни административного опыта, ни политической честности, одинаково ненавидели как Жиронду, так и Гору, как Барбару, так и Гране[51]. В этом ложном положении они не могли сделать

48. См. корреспонденцию «De Marseille, le 11 mai...». («Moniteur», XVI, 435.)
49. Грегуар Анри (1750—1831) — депутат от департамента Луар и Шер, командирован 4 февраля 1793 г. в департамент Приморские Альпы для организации этого департамента. Он отбыл из Ниццы 6 мая и вернулся в Париж.
50. A. F a b r e. Histoire de Marseille. Marseille, 1829, 2 vol.
51. Гране (1758—1821) — богатый фабрикант бочек, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Буш-дю-Рон. Он заседал в Конвенте

ничего великого и благородного и обладали всем, что нужно для того, чтобы все портить: негодяи, которые вместо того, чтобы смело оказать необходимую помощь угнетенной Жиронде, вооружились лишь ради личного дела — тепла и изобилия»[52].

Есть что-то ребячье в гневе Фабра. Зачем гневаться на роялистов Марселя? Они вели свою игру, притворяясь сначала, что просто поддерживают обвинения, исходящие от Жиронды, для того, чтобы затем раздавить саму Жиронду. Подлинные виновники — это те революционеры, которые позволяют себя одурачить, которые сами дают контрреволюции нужную ей маску. На заседании 6 мая Конвент заслушал сообщение от секций Марселя, датированное 1 мая[53]:

«Гражданин председатель, в настоящий момент все секции Марселя, слитые в единый братский народ, заняты составлением обращения к Национальному Конвенту и посылкой к нему комиссаров для вручения этого обращения. Они нарисуют Конвенту правдивую картину положения в этом большом городе: Конвент увидит, каковы принципы этого города, его настроения, его желания. До этого же Конвент сочтет, несомненно, правильным оградить себя от всяких разглагольствований, которые клевета могла бы извергать на нас. Наши республиканские добродетели сумеют ее пристыдить, и наших хулителей ожидает только позор, который они вполне заслужили.

Марсельцы все поклялись защищать Республику, единую и неделимую, основанную на свободе, равенстве и строгом соблюдении законов. Они повторяют эту клятву представителям нации».

Это действительно была маска, маска республиканская и революционная. В подтверждение своих чувств эти мошенники воспроизвели циркуляр, который марсельский муниципалитет разослал муниципалитетам Республики:

«Граждане коллеги, в этом городе распространился слух, что какие-то эмиссары разъезжают по этому департаменту и даже по соседним департаментам, внушая, что Марсель во власти контрреволюции, что истинных патриотов там притесняют, и, не зная удержу в своей злобе, они добавляют, что там уже была пролита кровь. Они нашептывают жителям мест, которые объезжают, что надо идти походом на Марсель, напасть на непрерывно заседающие секции и освободить угнетенных патриотов. Так как жители вашей коммуны могли бы быть введены в заблуждение этими коварными и клеветническими измышлениями и предпринять незаконные и необдуманные действия, мы сочли своим долгом предотвратить последствия этой пропаганды, ибо они нанесли бы вред общественному благу. Постоянная и ясно выраженная воля марсельцев — защищать свободу и равенство, отстаивать неприкосновенность личности и собственности, поддерживать всеми силами единство и неделимость Республики. Стало быть, остерегайтесь, граждане коллеги, всех тех, кто под личиной патриотизма и выдавая себя за марсельских комиссаров попытается внушить нашим согражданам противоположные взгляды».

Цель этого демарша была очевидна — прежде всего, усыпить бдительность патриотов Юга и самого Конвента. Однако уже по одному тому, как марсельский муниципалитет восхвалял секции как подлинно суверенную власть, было ясно, что он готов вступить в борьбу, при поддержке этих роялистских секций, с самим Конвентом.

«Заговоры наших внутренних врагов разоблачены, интриганы и смутьяны известны! Марсельский народ поднялся весь, как один. Секции заседают непрерывно, и звучит голос суверена. Граждане, ваши должностные лица поклялись умереть на своем посту, защищая ваш суверенитет и требуя уважения собственности. Но в то время, как секции энергично занимаются делами общественного блага, клеветники распространяют повсюду слухи, будто они полностью во власти контрреволюции. Граждане, вы понимаете, сколь ужасна эта ложь. Ваши должностные лица, наоборот, видят в секциях грозные оплоты, о которые разобьются все усилия злонамеренных людей. На этих непоколебимых столпах и будет покоиться Республика, единая и неделимая».

Это было подписано муниципальными должностными лицами и заместителем прокурора Марсельской коммуны, т. е. того муниципалитета, который выдал секциям Мурая, мэра, и Сэтра, прокурора-синдика.

Конвент оказал хороший прием этому обращению, и, когда Лидон предложил занести его в протокол заседания, никто не встал, чтобы возразить против этого[54]. Монтаньяры боялись разоблачением контрреволюционного движения в Марселе обескуражить Париж. Мы видели, как Робеспьер успокаивал на этот счет якобинцев.

А жирондисты, которые рассчитывали опереться на это движение, тщательно остерегались указывать на ту примесь роялизма, которая извращала его. Они утверждали, что это чистый протест в защиту свободы и порядка против гнета и анархии. В своих газетах они благоприятно комментировали новости из Марселя. «Патриот франсэ» писала 6 мая[55]:

на самом верху Горы, в карманьоле [куртка с узкими фалдами, которую носили якобинцы.— *Ред.*] и красном колпаке. «Кровожадный человек в облике философа»,— скажет о нем Барбару в своих мемуарах. В действительности — ни то ни другое.

52. A Fabre. Histoire de Marseille, t II, p. 494

53. «Moniteur», XVI, 321; «Archives parlementaires», LXIV, 199.

54. «Moniteur», XVI, 322. Лидон (1752—1793) — адвокат и промышленник, депутат Конвента от департамента Коррез. Примкнул к партии Жиронды.

55. «Le Patriote français», № 1361, 6 mai 1793, p 503.

«Немногие письма, прибывшие из Марселя (ибо там, как и в других местах, их перехватывают и распечатывают), подтверждают известие о революции, происшедшей в этом городе. Что к счастью, не подтверждается, это кровопролития, о которых мы говорили. По-видимому, прибытие семьи Орлеанов и разоблачение заговора этой партии открыли глаза марсельцам и показали им, кто подлинные республиканцы. Поэтому руководители Марсельского клуба жалуются на неуклюжесть Горы, которая прислала им семью Орлеанов»[56].

Выходит так, что если Марсель восстал, то против Горы, у которой он разглядел роялистскую привязанность к герцогу Орлеанскому, а если роялисты марсельских секций объявляют себя суверенными, то это делается для того, чтобы лучше защищать Республику. 7 мая «Патриот франсэ» торжествует по поводу зачитанного накануне обращения[57]:

«Наконец-то официальное письмо из Марселя вывело умы из того состояния мучительной неуверенности, в котором они пребывали относительно этого города. С анархией там полностью покончено, законный порядок торжествует. Таково содержание письма, написанного прокурором коммуны от имени всех секций. Именно с сего дня, заверяют они, Марсель действительно предан Республике, единой и неделимой... Хорошо, если бы те немногие города, где еще господствует маратизм, последовали этому примеру, и можно было бы надеяться на восстановление порядка и процветания.

Это известие, которое Гора восприняла с унынием, огорчит ее еще больше, когда она узнает, что ряд зачинщиков анархии ныне арестован и что есть надежда, что будет разоблачен заговор, который плели в другом месте, но разветвления которого дошли до Марселя».

Неужели жирондисты действительно нисколько не подозревали, что это революционное рвение марсельских секций было только маской? 12 и 13 мая они начинают энергичную кампанию в выступлениях с трибуны и в своих газетах в поддержку марсельского движения.

«Моиз Бейль и Буассе,— пишет «Патриот франсэ» в своем отчете о заседании 12 мая[58],— взбешенные тем, что их анархистские проекты были сорваны благодаря мужеству и патриотизму подлинных марсельцев, приняли против них грозное постановление, переслав его в Конвент, которое содержит самые низкие клеветнические измышления о городе, которому они так униженно льстили еще несколько дней назад. Это постановление провозглашало: 1) упразднение учрежденного в Марселе народного трибунала,— трибунала, никогда не выносившего смертных приговоров и удостоившегося похвал от того же Бейля; 2) упразднение центрального комитета секций,— комитета, спасшего Юг Франции, освободив его от пагубного ига Марсельского клуба; 3) преследование марсельских комиссаров, которые никогда не проповедовали ничего, кроме восстановления порядка и соблюдения законов, в то время как другие комиссары безнаказанно проповедовали грабеж и убийство.

Это постановление было до такой степени клеветническим, так трудно было его оправдать, что даже сами анархисты не посмели потребовать его проведения в жизнь; они хотели, чтобы его отослали в Комитет общественного спасения[59]. Но Барбару добился, чтобы голос правды прозвучал среди криков и суматохи. Он обвинил комиссаров в том, что они хотели обречь Марсель на анархию и вызвать там восстание. *Он отметил тот факт, что даже малоимущий класс сам присоединился к собственникам, чтобы сорвать заговор. В Марселе комиссаров призвал к уважению собственности столяр-подмастерье. В Эксе рабочий, занятый на ремонте дорог, разговаривал с ними в таком же духе.* Барбару в заключение предложил отозвать комиссаров и приостановить действие их постановления[60].

Гюаде с едкой иронией охарактеризовал тот вид *контрреволюции*, в котором комиссары обвиняют Марсель. Это контрреволюция равенства против деспотизма нескольких разбойников, закона против насилия и произвола, порядка против анархии. „О, благодатная *контрреволюция*, — воскликнул Гюаде.— Это та самая, которая в 1789 г. вывела философию и просвещение из темноты и варварства, на которые их обрек деспотизм. Это та самая, которая обеспечила свободе победу над потугами тирании". Гюаде поддержал выводы, сделанные Барбару»[61].

Какое печальное ослепление! Или, вернее, поскольку Жиронда главным образом задавалась целью одолеть Гору, какая печальная необходимость! Она соглашалась прикрывать красивыми республиканскими фразами глубокое движение роялистской реакции и контрреволюции. Несомненно, она уверовала в свой самообман. Она сознательно закрывала глаза на то, что ее союзниками были враги Республики и Революции. Страшным будет пробуждение Жиронды, когда она будет вынуждена либо высказаться в пользу роялизма, внезапно сбросившего маску, либо признать, что она, сама того не ведая, поддерживала контрреволюцию.

---

56. См. выше, прим. 45.
57. «Le Patriote français», № 1362, 7 mai 1793, p. 508. См. выше, прим. 53.
58. «Le Patriote français», № 1368, 13 mai 1793, p. 532. 12 мая 1793 г. в Конвенте было зачитано письмо Бейля и Буассе от 4 мая 1793 г. из Монтелимара, сообщавшее о положении в Марселе. Одновременно они переслали свое постановление об упразднении народного трибунала и центрального комитета, учрежденных секциями. Последовала бурная дискуссия. Барбару добился временной отсрочки введения в действие постановления Бейля и Буассе. («Moniteur», XVI, 371.) См. выше, прим. 43.
59. Это было предложение Тюрио. («Moniteur», XVI, 373.)
60. «Moniteur», XVI, 372.
61. «Moniteur», XVI, 372.

Поразительно, как жирондисты стараются ссылаться на бедный люд, показать, что в первых рядах марсельского движения идут рабочие, столяры, щебнебои, и как эти старания напоминают тактику вандейской контрреволюции, которая тоже притязала на то, что она народного происхождения. И по какой странной и преступной угодливости эти *«люди порядка» выступают* здесь с восхвалением марсельского народного трибунала, который был вполне готовым орудием кровавых расправ с главными и самыми пылкими друзьями Революции! Правда, «Патриот франсэ» проявляет в этом вопросе некоторое смущение: «Марсель, вернувшись к свободе и порядку, должен отказаться от этого трибунала. Он не должен перенимать у анархии ее ужасные методы. Он должен признавать только те трибуналы, которые признаны законом. Марсельцы, закон, закон — *вот цель наших усилий, вот объединяющий нас лозунг*».

Все же ощущается некоторая скрытая тревога. В «Кроник де Пари» от 13 мая Дюко обходит трудности, пускаясь в туманные примирительные рассуждения. Резюмируя и комментируя письмо комиссаров, он пишет[62]:

«Секции вдруг стали осуществлять суверенитет. Они учредили народный трибунал, и, странное дело, установленные власти не воспротивились этим актам федерализма.

Но раз установленные власти и граждане пришли таким образом к согласию, то, каким бы ни был предмет их соглашения, его необходимым следствием должно быть по меньшей мере сохранение порядка. Как же случилось, что порядок нарушен?

Комиссары дадут объяснение этому видимому противоречию... *Каков бы ни был исход этого дела, оно исполнено только надежд и мотивов безопасности.* Комиссары требуют возвращения к законному порядку, секции и установленные власти Марселя волнуются, настаивая на восстановлении законного порядка. При таком согласии в намерениях *все эти друзья законов в конечном счете договорятся между собой*».

Что это, беззастенчивость и ирония или простодушие? Дюко забывает одно, а именно что установленные власти и секции пришли к согласию лишь после того, как установленные власти были искалечены. Он забывает, что секции начали проявление своей контрреволюционной силы с того, что нанесли удар по Мураю и Сэтру. И в то время, как он не то насмехается, не то примиряет, пламя гражданской войны и контрреволюции охватывает весь Юг.

НАНТ ПРОТИВ ГОРЫ

Из Нанта, где, казалось бы, все революционные сердца должны были слиться воедино перед лицом непосредственной опасности и реакционного фанатизма Запада, поднимался и рос, как набатный звон, призыв к войне против Горы.

«Республиканцы, образующие генеральный совет коммуны и народное общество Нанта», в первые дни мая направили в Конвент обращение столь резкое, они осуждали деятельность Горы, Коммуны и секций Парижа в выражениях столь оскорбительных, бичующих, что этот манифест мог бы послужить оправдательным документом для мятежников Запада[63]. Разве не все дозволено, чтобы освободиться от такой Революции, которая, по мнению ее признанных сторонников, вся запятнана кровью и преступлениями, отягчена грабежами, осквернена пороком и грязью?

«Граждане законодатели, нам осмелились представить от имени нескольких парижских секций мятежный адрес [адрес, направленный против двадцати двух]. Читая этот наглый манифест, сочиненный, пожалуй, в лагере Кобурга или Дюмурье, мы не могли сдержать наше негодование. Мы почувствовали, сколь велика опасность, грозящая *здесь* личной безопасности наших представителей и национальному суверенитету. Мы предлагаем вам защитников. Мы требуем для всей Нантской коммуны инициативы возмездия. Ибо, прошедшие школу горя, *просвещенные относительно источника творимых вокруг нас опустошений, мы не можем более сомневаться в том, что вспыхнувшая в наших коммунах гражданская война — дело тех же людей, которые придумали адрес, тех самых, которые покупают или вымогают подписи под ним на всех перекрестках и во всех балаганах Парижа.*

Люди безнравственные и развращенные, негодяи, запятнанные кровью и преступлениями, узурпируют здесь права французского народа, посягают на его суверенитет, оскорбляют его представителей, обрушивают свою ярость на его самых неподкупных депутатов, неустанно добиваются роспуска Национального Конвента и в коварной форме петиции преподносят у вашего барьера самый мрачный замысел, когда-либо угрожавший спасению Республики...

Вы убедились, граждане законодатели, в том, что ваши и наши враги не смущены декретом порицания, их дерзость возрастает по мере вашего долготерпения, вы все еще находитесь под угрозой кинжалов безжалостной клики и заговорщики спокойно метят здесь свои жертвы, как будто вы узаконили их заговоры.

Между тем именно на вас возлагает в этот момент свои последние надежды наше несчастное отечество. Еще день, а может быть, час, и чудовища совершат свое преступление! Что же вы медлите?

---

62. «Chronique de Paris», 13 mai 1793, p. 3. Дюко Жан Франсуа (1765—1793) — депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Жиронда.
63. «Actes du Comité de salut public», t. IV, p. 198. Этот манифест был отпечатан и распространен в департаментах Запада и Юго-Запада. («Les Républicains à la Convention nationale», imp. in-4°, 10 p.) См. ниже.

Не пора ли отвратить беду и обратить во прах подлых сообщников Катилины? Разве не в ваших руках меч закона? Неужто национальный суверенитет пребывает в конвентиках Парижской коммуны, а ее безумные секции стали державами, коалиция которых способна вас устрашить?

О, если это необходимо, граждане законодатели, если в этом огромном городе остались только мятежники, оскорбляющие вас, или робкие граждане, неспособные вас защитить, наконец, если только этой ценой вы можете дать нам охранительное правление, уходите вместе с нами, уходите из этого города, где отказали в уважении нашим представителям. Уходите из этого мятежного города, где добродетель встречает только гонителей. Предоставьте позору и угрызениям совести этот преступный муниципалитет, где распущенность и анархия, по-видимому, учредили свой мерзкий конклав.

И к тому же мы вооружены поддержкой общественного мнения всех департаментов страны. И к тому же мы побудим всю Францию повторить крик нашего негодования. И к тому же мы укажем все совершенные преступления и назовем имена тех, кто повинен в них.

Преступления этих людей известны, и — увы! — на наших имуществах и на наших личностях остались их неопровержимые следы. С тех пор как они растратили государственные доходы, они поставили на все выгодные должности исключительно своих родственников и свои креатуры. С тех пор как вы потребовали от них отчетов, они отвечают вам исключительно клеветническими измышлениями. С тех пор как вы провозгласили Республику, они только и делают, что льстят диктаторам. С тех пор как у нас есть уголовный кодекс и присяжные заседатели, они непрестанно провоцируют убийства и грабежи. Марат, их вождь и их идол, собрал обломки поверженного трона, чтобы усадить в него Орлеанского, и узурпатор, более удачливый, чем его родственник, нашел послушных министров в обществе, уже давно унизившем свою трибуну и превратившем ее в место для панегириков всем нечистоплотным людям.

Они убили в тюрьмах тысячи жертв. Они разворовали миллионы из хранилища королевского имущества. Они наняли палачей, чтобы задушить нас в наших городах. Они делегировали к нам апостолов мятежа и разбоя. Они наводнили наши провинции своими наглыми проконсулами. Они записали своих эмиссаров в наши республиканские фаланги, чтобы сеять там уныние и недисциплинированность... Они представили Европе как некое новое божество неустанного клеветника на всех талантливых и на всех добродетельных людей. Они превозносили Дантона и Лакруа, из коих первый недобросовестно исполнял свою должность и не представил никакого отчета, а оба — новоявленные *Верресы* *, разжиревшие на крови и сокровищах бельгийцев» [64].

Сегодня мы видим их вновь возвышающими Леонара Бурдона, ставящими его рядом с Лепелетье [Бурдон подвергся в Орлеане, в самом деле, довольно незначительному нападению и поднял по этому поводу большой шум] и нахально требующими почестей апофеоза для мерзавца, который ушибся, упав в собственное д...» [65].

Это неслыханно по своему неистовству и грубости. Конечно, если все нантские республиканцы были проникнуты такой ненавистью к Горе и Парижу, то как могли они оказать сопротивление вандейцам? Если судить по этому манифесту, то не против Запада, а против Парижа готовы они выступить в поход. Да разве сам этот манифест не был на руку мятежникам Запада? Разве распространения его не достаточно было, чтобы оправдать и расширить восстание? Если верно, что Революцию захватили негодяи, убийцы, воры, распутные люди, измазанные в крови и д..., то надо выметать Революцию, чтобы вымести всю эту грязь.

Поэтому-то прозорливые и твердые революционеры с негодованием выступали всюду против этого *пасквиля*. Когда муниципалитет Бордо распорядился перепечатать его, то в департаменте Жиронда многие испытывали отвращение. Гарро отмечает это в письме из Ажена от 16 мая [66]:

«То же произошло и с петицией Нанта, которую муниципалитет Бордо весьма мудро дал перепечатать. Нельзя было читать без чувства негодования эту отвратительную фразу [и он приводит фразу о Леонаре Бурдоне]. Похоже на то, граждане коллеги, что автор этой петиции Нантской коммуны тот же, кто в прошлом году после событий 20 июня сочинил пресловутое обращение того же города в защиту короля: тот же стиль, те же разглагольствования против Горы, те же угрозы. Неужто сегодняшние республиканцы — это тогдашние роялисты?»

---

* Веррес Гай Корнелий (ок. 115—43 гг. до н. э.) — римский политический деятель, сторонник К. Суллы, наместник Сицилии в 73—71 гг. до н. э. Его правление в Сицилии ознаменовалось хищническим грабежом, коррупцией и т. д.— *Прим. ред.*

64. Дантон и Делакруа были командированы в Бельгию 30 ноября 1792 г. и снова — 31 января 1793 г. и 12 марта этого же года.

65. Бурдон Леонар (1754—1807) — депутат Конвента от департамента Луаре. 15 марта 1793 г. в Орлеане после резких речей, произнесенных им у якобинцев и направленных против богатых и жирондистов, в завязавшейся драке был слегка ранен. Конвент объявил, что коммуна Орлеан находится в состоянии мятежа, сорок нотаблей были арестованы и предстали перед Революционным трибуналом, из них девять были приговорены к смертной казни и казнены в красных рубашках (июль 1793 г.).

66. «Actes du Comité de salut public», t. IV, p. 195. См. выше, с. 499, прим. 22 и 23.

КОМАНДИРЫ-САНКЮЛОТЫ АРМИИ, НАПРАВЛЕННОЙ ПРОТИВ ВАНДЕИ

Что особенно серьезно и что ясно указывает, что пришло время покончить с Жирондой, так это то, что даже такие люди, как Мерсье дю Роше, страстные демократы, до сих пор не одобрявшие жирондистских колебаний, в свою очередь начинали поддаваться духу очернения и критики. Казалось бы, в такой решающий и трагический момент какое значение могли иметь те или иные частичные ошибки Революции? Какое значение могли иметь те или иные опрометчивые назначения, произведенные Бушотом, новым военным министром? Разумеется, в том революционном потоке, который Париж направил на Запад, были некоторые мутные элементы; но было ли тогда время, чтобы изучать каждого человека в отдельности и тщательно проверять каждый выбор?

Это были люди новые, часто великодушные и искренние, а порой порочные. Бывший солдат и рабочий-ювелир Россиньоль, один из «победителей Бастилии», честный и довольно скромный человек, однако мало подготовленный для трудных командных постов, начал свою деятельность в Вандее в чине подполковника [67]. Моморо был назначен «комиссаром исполнительной власти в Вандее» и возвращался на Запад, облеченный революционной властью, всего лишь несколько месяцев спустя после того, как сеял там ужас своими проповедями «аграрного закона» [68]. Драматург Ронсен [69], автор довольно правильной и плоской пьесы под названием «Лига фанатиков и тиранов» [70], исполнявшейся в 1791 г. в театре Мольера, на улице Сен-Мартен, а ныне помощник Бушота, был уполномочен чрезвычайной комиссией 9 мая «неустанно заниматься в Туре и повсюду, где его присутствие окажется необходимым, снабжением армии Побережья Ла-Рошели снаряжением, продовольствием, гужевым транспортом, всеми военными материалами, в которых имеется срочная потребность».

Его назначение на эту роль было предрешено той энергичной кампанией, которую он провел в военном министерстве против крупных поставщиков и спекулянтов Малюса и д'Эспаньяка. Главным помощником Ронсена был его собрат по драматургии генерал Парен [71], один из «бешеных», один из тридцати комиссаров, посланных после 10 августа в шестнадцать департаментов, расположенных вокруг Парижа. Самыми важными агентами Ронсена и Парена были два актера: Гийом Антуан Нурри, известный под именем Розелли, а затем Граммона, член товарищества Комеди Франсез, где он дебютировал в 1779 г. в роли Танкреда, и Луи Арман Робер [72]. Последний был родом из Тура и возвращался туда с триумфом. Это несколько смахивало на театральное вторжение.

Конечно, во всех этих людях было много здоровой силы. Они рисковали своей жизнью — одни 14 июля, другие 10 августа — ради дела свободы. Они проработали в канцеляриях министерства Паша, в атмосфере несколько странной и беспорядочной, но живой и исполненной пыла. И впоследствии самые серьезные и самые уважаемые военные деятели, такие, как Вимё и Бопюи [73] из Майнца, подтвердили, что Парен был «честным и лояльным республиканцем, человеком революционных принципов, что он отлично знал свое дело и исполнял его по закону и справедливо». Но у всех или почти у всех у них были привычки к шумихе и к некой театральности. У них была свобода в обращении и легкость нравов, которые, для провинции, довольно сильно контрастиро-

---

67. Россиньоль Жан Антуан (1759—1802) — ювелир-подмастерье, капитан в роте Победителей Бастилии, подполковник в 32-й дивизии пешей жандармерии (именуемой дивизией Победителей Бастилии), 9 апреля 1793 г. Временно исполнявший обязанности полковника штаба в армии Побережья Ла-Рошели.
68. Моморо Антуан Франсуа (1756—1794) — печатник, член Клуба кордельеров, администратор Парижского департамента после 10 августа 1792 г., комиссар исполнительной власти в Вандее.
69. Ронсен Шарль Филипп (1751—1794) — литератор, комиссар — распорядитель кредитов в Бельгийской армии после 10 августа 1792 г., помощник военного министра с апреля 1793 г. [до 2 августа], произведен в капитаны 1 июля 1793 г., затем командир эскадрона, полковник штаба и командир бригады, бригадный генерал в армии Побережья Ла-Рошели. О Ронсене см.: général Herlaut. Le général rouge, Ronsin (1751—1794). La Vendée. L'armée révolutionnaire, Paris, 1956.
70. Ronsin. La Ligue des fanatiques et des tyrans, tragédie nationale en 3 actes... Paris, s.d., imp. in-8°, 44 p. Исполнена в театре Мольера 18 июня 1791 г.
71. Парен (1755—1831) — офицер в роте Победителей Бастилии, комиссар Временного Исполнительного совета в сентябре 1792 г., затем, в мае 1793 г., в армии, действовавшей в Вандее; председатель Военной комиссии при армии Побережья Ла-Рошели в июле, бригадный генерал в Революционной армии со 2 октября 1793 г. См. его пьесу: Parein. La prise da la Bastille, fait historique en 3 actes, en prose et mêlée d'ariettes. Paris, 1791, imp. in-8°, VIII—66 p.
72. Нурри, именуемый Граммоном (1752—1794),— актер, покинул театр в 1792 г.; начальник штаба Революционной армии в октябре 1793 г.

    Робер (1767—1796) — служил в национальной гвардии Тура с 1789 по 1791 г.; драматический артист в Париже в 1791 г.; капрал-каптенармус 2-го батальона Бютт-де-Мулен, в сентябре 1792 г., служил в Бельгии; командирован в Вандею 8 мая 1793 г.; произведен в капитаны в июне 1793 г.; бригадный генерал с 30 сентября 1793 г. в Западной армии.
73. Бопюи (1755—1796) — бригадный генерал в мае 1793 г., после капитуляции Майнца отправился во главе первой колонны 25 июля 1793 г. в Вандею.

    Вимё (1737—1814) — бригадный генерал в мае 1793 г., в июне — комендант крепости Майнц; переведен после капитуляции, в августе 1793 г., в армию Побережья Бреста.

вали со строгостью их принципов. И с самого начала они шокировали Мерсье дю Роше, который некогда, во время своих встреч с членами Комитета общественной обороны, хвалил почти одного Марата, а тут стал высказываться обо всех этих делегатах, комиссарах и адъютантах, шумливых и отважных, в духе почти столь же резком, как язык обращения Нанта [74].

«В Сомюре,— пишет он,— улицы были наводнены длинноусыми адъютантами, за которыми волочились огромные сабли, комиссарами исполнительной власти, *которые проповедовали анархию, аграрный закон, убийства*; Сен-Феликс [75], Моморо, Ронсен, Азар, изгнанные в 1790 г. из Общества якобинцев, были в их числе. *Казалось, что все пройдохи Парижа собрались в этих несчастных провинциях, чтобы разжигать там гражданскую войну и грабить их жителей.*

Это зрелище вызвало во мне ужас; но я еще видел лишь один уголок этой отвратительной картины. Тэнк, которого я впервые встретил в Туре, а затем в первых числах апреля при генерале Мену в Анжере, Тэнк, который при первой встрече со мной отрекомендовался «Сантером 10-го августа», принижая всех генералов, добивался поста в этой армии [76]. Он ухаживал за всеми. Только к Карра он не подходил [77]. Последний утверждал, что Тэнк мошеннически выманил у него 20 тыс. ливров. Тэнк вполне мог быть мошенником. Я знаю, что он приобрел прекрасных лошадей, за которых он так никогда и не заплатил, что на языке грабителей называлось *взять максимум от Вандеи.*

Тэнк был когда-то адъютантом у Вуайе д'Аржансона; низкий лакей этого сеньора, он при его помощи получил крест св. Людовика. Затем он увлекся игорными домами Пале-Руаяля, где именовался бароном де Тэнк. После упразднения дворянских титулов он отказался от своего баронства и в дальнейшем признал, что был сыном бедного ткача из нижней Бретани. Он был низким льстецом, трусом и вместе с тем наглецом. Его чрезвычайно влекло к пороку и женщинам [78]...

Я беседовал с Карра, когда он получил письмо от Сандоза[79], сообщавшего добрую новость [о поражении разбойников при Фонтене 16 мая]. Он пригласил меня поужинать с ним. Он жил в прекрасном доме около Нового моста, у его дверей дежурили двое часовых. Жюльен (из Тулузы), Данденак и Бурбот, шурин Карра, а также поэт Руссе присутствовали на этом ужине [80]. Я неоднократно замечал в Париже, в Туре и в других местах, что между народными представителями царили крайние раздоры. За два дня до этого я был свидетелем ссоры, разгоревшейся между Гупийо [81] и Карра по поводу назначения некоего армейского аптекаря. Я слышал, как они обзывали друг друга плутами, интриганами. Я слышал, как Гупийо назвал Карра «старой рухлядью». Я знал, что представители народа запросто награждают друг друга титулом «негодяй». За ужином большую часть

времени я хранил молчание. Я прервал его, услыхав, как Бурбот заявил, что он уничтожит тех, кто препятствует их операциям в Национальном Конвенте, и поклялся умертвить всех этих людей.

— Было бы гораздо лучше,— сказал я ему,— если бы между нашими представителями царил мир. Это было бы предвестником счастья французов.

Жюльен энергично поддержал мнение своего коллеги и пошел еще дальше его. Я ему ответил, что нет ничего более достойного уважения, чем собрание свободных людей, на которых возложена задача дать законы своему отечеству. Я добавил, что у законодателей сердце должно быть горячим, а голова холодной.

— Это невозможно,— ответил Бурбот,— когда обсуждаются дела, затрагивающие столь крупные интересы.

— А что, разве все декреты Национального Конвента не имеют своей целью счастье народа? — гордо подхватил Жюльен.— И разве Законодательное собрание не дало примера самых бурных прений, самых возмутительных сцен?

---

74. См.: Ch.-L. Chassin. La Vendée patriote..., p. 548, 550.
75. Сен-Феликс — комиссар, помощник Ронсена в Вандее, уполномоченный по инспекции продовольственных и фуражных запасов, конского запаса и госпиталей. См.: Saint-Félix. Récit de la mission... à l'armée de Vendée... (B.N., 8° Lb[41] 749, imp. in-8°, 31 p.)
76. Тэнк (Tuncq) (1746—1800) — капитан гренадеров в национальной гвардии Шату, капитан егерей в Пиренейском легионе в сентябре 1792 г., командир бригады в мае 1793 г., генерал, назначенный в армию Побережья Ла-Рошели 20 июня 1793 г.; Мену Жак Франсуа (1750—1810) был дивизионным генералом в армии Побережья Ла-Рошели.
77. Карра Жан Луи (1742—1793) — депутат Конвента от департамента Сона и Луара, командирован 9 марта 1793 г. в департаменты Дё-Севр и Вандея для проведения в жизнь закона о наборе. 30 апреля командирован в армию Побережья Ла-Рошели. Карра обосновался в Туре, затем в Сомюре.
78. По мнению Гоша, Тэнк был «человеком безнравственным, без чести и таланта». О Тэнке см.: «Le général Tunck à ses concitoyens» (B.N., 8°Lb[41] 801, imp. in-8°, 15 p.); «Réponse... à V. d'Aubigny, et au rapport de Richard et Choudieu sur la guerre de Vendée [18 pluviôse an II]» (B.N., 8°Lb[41] 3693, imp. in-8°, 99 p.).
79. Сандоз (род. в 1756) — полковник штаба, командир бригады в армии Побережья Ла-Рошели.
80. Жюльен Жан (из Тулузы) (1750—1828) — депутат Конвента от департамента Верхняя Гаронна; был командирован в Тур 4 мая 1793 г. вместе с Бурботом (1763—1795), депутатом от департамента Йонна. Данденак (1750—1830) — депутат Конвента от департамента Мен и Луара.
81. Здесь, несомненно, речь идет о Гупийо из Фонтене (1753—1823), депутате Конвента от департамента Вандея, командированном 9 марта 1793 г. для обеспечения проведения набора в департаменты Эндр и Луара и Луар и Шер; вместе с ним был послан Тальен Жан Ламбер (1767—1820), депутат от департамента Сена и Уаза. Гупийо был командирован 30 апреля 1793 г. в армию Побережья Ла-Рошели, тоже вместе с Тальеном.

— Это верно,— ответил я,— но это были только кратковременные сцены, и оно умело заставить трибуны уважать его. Я уверен в том, что Национальный Конвент думает лишь о свободе и счастье французов. Но я хотел бы спросить вас, почему, признав принцип, принятый всеми публицистами *, что не может быть Конституции без санкции народа, Конвент установил смертную казнь для всякого, кто предложит иное правление вместо республиканского. Надо было либо не признавать того принципа, либо не издавать декрета от 4 декабря.

— То есть вы хотели бы голосовать за короля,— сказал мне Жюльен.

— Я, голосовать за короля! Я предпочел бы умереть, нежели стать рабом кого бы то ни было. Я был республиканцем раньше тебя, Жюльен.

— Ты,— сказал он,— ты был еще мальчишкой, когда я уже был республиканцем.

— Ну нет,— гордо ответил я,— я провел свою жизнь в лесах, я мечтал о Республике тогда, когда Жюльен занимался только своими интересами. Республиканцы не разъезжают в роскошных каретах, запряженных шестерней.

— Ты аристократ, только аристократ может так говорить. События показали, кто из нас был прав, Жюльен или я [82].

Что касается Бурбота, он более справедливо оценил мое мнение. Он признал, что я говорил скорее как публицист, а не как дурной гражданин. Он запросил сведения о моем цивизме и узнал, что я был горячим патриотом. Карра во время этой дискуссии старался примирить различные мнения. Жюльен поразил его своим восклицанием, что меньшинство должно всюду повелевать. Что до Данденака, он не говорил ничего...

В Туре я обратился к Тальену [83] и тоже не получил от этого особого удовольствия. Я жил в той же гостинице, что и он, и мы часто ели вместе. Мы говорили о государственных делах. *Часто предметом наших бесед было поведение Петиона и Бриссо. Я выражал удивление по поводу того, как изменились их принципы, и говорил: их политические идеи изменились, и они стали аристократами.* На что Тальен возразил мне: в Париже одна женщина предсказала ему, что однажды он тоже станет аристократом и потеряет свою репутацию патриота, как потерял ее и Петион, Бриссо, Жансонне и др. «Я совершенно не верю этому предсказанию»,— добавил он... Он обладал большим превосходством в этом краю; его отец был родом оттуда и служил поваром в доме жившего в окрестностях финансиста, купившего себе дворянство в обмен на часть награбленного им. Тальен постоянно был в окружении прекрасных дам, которые добивались от него одни — освобождения своих отцов, другие — освобождения своих мужей. Представитель был суров и ласков в одно и то же время. Он вел себя так, чтобы всех удовлетворить и сохранить мир. Он выступал

перед народом с большой силой, ходил на конституционные мессы в окрестностях, поднимался на амвон и проповедовал принципы Революции и религии. Эти добрые жители Тура были так очарованы его красноречием, что в своих восторженных восклицаниях смешивали Конституцию, религию и представителя Тальена. В других краях, другие представители проповедовали атеизм и низвержение алтарей и храмов. Каждый из них действовал, как ему вздумается, в силу неограниченной власти, которой был облечен...

...Я негодовал при виде улиц Сомюра, заполненных адъютантами, генералами-вымогателями и другими людьми того же сорта. Этих испорченных людей, этих столпов злачных мест здесь было куда больше, чем в Туре. Численность их возрастала с каждым днем по мере прибытия из Парижа новых батальонов. Я видел скоморохов, превращенных в генералов, я видел, как плуты, шулера, которые тащили за собой самых отвратительных шлюх, получали чины в армии или должности в продовольственной, фуражной или обозной службах, и эти развратные насекомые еще имели наглость называть себя республиканцами. Я видел отряды легкой кавалерии, состоявшие из подлых дезертиров — пруссаков и австрийцев, которые извлекали выгоду из весьма неполитичного декрета Национального Конвента, предоставлявшего этим плутам сто ливров пенсии и право завербоваться вместе с французами. Изменники всегда продаются тому, кто дороже платит. Им не понравились наши бумажные деньги. Они переходили к мятежникам, которые предлагали им платить звонкой монетой, или же, оставаясь среди нас, предавались самому ужасному разбою. И этими людьми, думал я с болью, окружают статую свободы! Республику хотят защищать с людьми, подобными тем, которых некогда собрал Катилина, чтобы погубить свою родину!»

Итак, Мерсье дю Роше был противником жирондистской политики, но в то же время ему внушало отвращение то, что вскоре назовут «эбертизмом» [84]. В этом его идеи близки к идеям Робеспьера, только он более суров, чем Робеспьер, к офицерам — ультрапатриотам и эбертистам из Западной армии.

Но разве не очевидно, что для того, чтобы сдержать или эффективно контролировать эти несколько мутные элементы, надлежало решительно действовать в духе Революции? Стало быть, уничто-

---

* Публицисты в данном контексте — специалисты по государственному праву (Droit public).— *Прим. перев.*

82. Жюльен (из Тулузы) был серьезно скомпрометирован в скандале о ликвидации Ост-Индской компании. [*Примечание А. Матьеза.*]

83. См. прим. 81.

84. Но не преувеличивает ли Мерсье дю Роше, которого Жорес так любезно здесь цитирует, коррупцию этих кругов патриотов-экстремистов?

жение Жиронды было с любой точки зрения необходимым предварительным условием. При том умонастроении, которое царило тогда в провинции, Франция довольно быстро скатилась бы к роялизму и к контрреволюции, если бы Париж не сломил все колеблющиеся и злонамеренные силы.

Предположите, что в самом Париже Жиронда одерживает верх над Коммуной. Предположите, что парижские секции присоединяются к политике лионских, марсельских секций и нантского муниципалитета Революция всюду вступила бы в борьбу со своими самыми неистовыми силами. Она бы дезавуировала и заклеймила крайние действия широких народных движений и тем самым подавила бы порыв народа Чтобы оправдать насильственные меры против монтаньяров, против пламенных революционеров, она была бы вынуждена повторить и как бы официально подтвердить клеветнические измышления жирондистских пасквилей против самых деятельных людей Революции. Тем самым она сыграла бы на руку роялистской и контрреволюционной пропаганде. И вскоре после того, как угасло бы последнее пламя и была бы сломана последняя пружина, она была бы выдана в руки врага. В тот момент именно в Париже, сердце нации, «решались судьбы».

Глава девятая

ПОСЛЕДНЯЯ ФАЗА

В первые же дни мая жирондисты объявляют, что их план наступления окончательно готов. Это, очевидно, тот план, который Гюаде вскоре изложит перед Конвентом: сломить установленные власти Парижа, обуздать секции, а если Париж восстанет, подавить восстание с помощью мобилизации буржуазных сил или перебраться в Бурж и обратиться с призывом к Франции [1]. Самые пылкие среди монтаньяров и в Коммуне хотели перейти в наступление и опередить Жиронду. Молодой лионец Леклерк, вернувшийся с островов [Вест-Индии] в первые дни Революции, человек пламенного темперамента, жаловался на медлительность и колебания революционеров [2].

В протоколе заседания Парижской коммуны 16 мая записано [3]: «Леклерк, депутат Лиона, выступивший на одном из пре-

1 Еще 30 апреля 1793 г Гюаде предложил, чтобы Конвент переехал в Версаль («Moniteur», XVI, 272) 1 мая Мазюйе, депутат от департамента Сона и Луара, предложил, чтобы заместители депутатов собрались в Туре или в Бурже «в случае, если Конвент будет уничтожен» («Moniteur», XVI, 290) 18 мая Гюаде предложил, чтобы заместители собрались в Бурже в кратчайший срок, «однако они не должны приступать к исполнению своих функций, пока не получат достоверного сообщения о роспуске Конвента» («Moniteur» XVI, 423)

2 О Теофиле Леклерке, именуемом Леклерк из Оза, родившемся в Монбризоне, одном из «бешеных» лета 1793 г, см A Mathiez La vie chère et le mouvement social sous la Terreur Paris, 1927, p 202 [А Матьез Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора М — Л, 1928, с 156 и сл.— *Прим ред*]

3 «Moniteur», XVI, 409

дыдущих заседаний с предложением, выдвинутым его департаментом, об учреждении Революционного трибунала, вновь поднялся на трибуну, жалуясь на то, как ведут себя по отношению к нему журналисты. Он дал объяснения относительно того, о чем он уже ранее говорил в Совете.

Он объявил, что, хотя Совет и придал ему комиссаров, он не счел нужным появиться в Конвенте при нынешнем настроении умов. Он добавил, что существует замысел вырезать патриотов, и *сетовал на слабость* некоторых монтаньяров. В заключение он сказал, что существует только один способ спасти Республику: *надо, чтобы народ сам свершил правосудие*, потому что чувство справедливости всегда живо в народе и он никогда не ошибается».

Этот намек на «слабость некоторых монтаньяров» был направлен против Робеспьера. Последний, верный своему плану — окончательно дискредитировать Жиронду, не подрывая Конвента,— уже начинал отставать от событий. Из его речи от 8 мая[4] народ выделил и одобрил самые смелые и самые четкие предложения, в частности идею создания Революционной армии из санкюлотов, состоящих на жалованье. Но народ не одобрял его тактики выжидания. Робеспьер начинал отставать от хода событий.

ЗАСЕДАНИЕ В ЯКОБИНСКОМ КЛУБЕ

На заседании 17 мая в Якобинском клубе, бледный протокол которого, разысканный Оларом, может дать о нем лишь очень слабое представление, столкнулись два течения [5]: сторонники законных действий и сторонники повстанческой борьбы. Наблюдатель Дютар очень хорошо отразил различные настроения в Якобинском клубе в тот момент и нарастающую силу сторонников насильственной политики.

«Вчера вечером я присутствовал,— пишет он в своем донесении от 18 мая [6],— на заседании у якобинцев и обнаружил там, как и повсюду, в порядке дня такие вопросы, как *немедленное восстание, способы сокращения сил Конвента, увеличения сил клики, коалиция*.

Поскольку в тот момент мне нечем было писать, я не мог запомнить все, замеченное мной, но вот некоторые из особенно поразивших меня обстоятельств.

Я прибыл в 6 часов. Много народу заполняло трибуны, расположенные в наиболее отдаленных краях зала. Оглядываюсь направо и налево. Всюду слышу предложения резолюций. Все они относятся к обвинениям, направленным против *черных* в Конвенте, против министров и т. д. Они-де замыслили гибель Франции, они делают все, что противно интересам народа; народ должен опять восстать, как он сделал это 10 августа; почему не бьют в набат, не подают знак тревоги пушечным выстрелом? Робеспьер

одним из первых попал в точку: он сказал, что, когда народ угнетен, он должен сам свершить правосудие и что его гнев должен подсказать ему линию его поведения [7]. *Почему он не договорил до конца? Мы все были готовы бежать.* Сегодня они еще продолжали обсуждать в течение четырех часов одно особое дело. *Черные хотят спасти какого-то контрреволюционера.* Председательствующий вынужден был четыре раза надевать свой головной убор * Неужто вот так они собираются тратить время? Неужто так они собираются тратить деньги нации? Один из этих негодяев сказал, что, к счастью, вандейские войска (мятежники) идут на Париж, чтобы его образумить. И там ведут такие речи? Что же они, заодно с мятежниками?

Другой, сидевший рядом со мной, сказал: „Зря это они делают. Народ сам спасет себя. *Вчера вечером все было решено в другом месте* (*в Клубе кордельеров*), и я видел однажды, когда все мы поднялись; но это не может долго длиться. *Здесь говорят о благоразумии, о том, какие меры принять, словно при таких грозных обстоятельствах возможны другие меры, кроме как всем вместе подняться и истребить всех врагов, которые есть среди нас*". Это был какой-то бедняк, плохо одетый, с длинной рыжей бородой, который что-то все записывал.

Только что нам сообщили, что Варле, изгнанный из Якобинского клуба за эксцессы своего патриотизма, получил от кого-то на улице пощечину и что один национальный гвардеец сказал ему: „Какой же вы трус: имея саблю на боку, вы не отомстили тут же за оскорбление, которое вам нанесли!"—„О,— ответил Варле,— я честный патриот, а честный патриот должен уметь сносить оскорбления!"

...Тюрио поднимается на трибуну [8] и говорит, что средства, которыми располагает народ, чтобы свершить правосудие, велики, огромны, но, чтобы они принесли пользу, нужно очень много осмотрительности, осторожности... (При этих словах трибуны

---

4. «О мерах общественного спасения», речь в Конвенте 8 мая 1793 г., повторенная вечером в Якобинском клубе. (M. Robespierre. Œuvres, t. IX, Discours, p. 480, 487.)
5. A. Aulard. La Société des Jacobins, t. V, p. 192.
6. A. Tuetey. Répertoire des sources manuscrites de l'histoire de Paris..., t. IX, № 603; A. Schmidt. Tableaux de la Révolution française, t. I, p. 242.
7. Дютар тут допустил ошибку: Робеспьер не выступал на заседании в Якобинском клубе 17 мая 1793 г. См.: A. Aulard. Op. cit., t. V, p. 192, и M. Robespierre. Œuvres, IX, Discours, p. 518.

* Когда председательствующий надевал свой головной убор, это означало прекращение прений. Применялось, когда прения принимали слишком бурный характер.— *Прим. перев.*

8. A. Aulard. Op. cit., t. V, p. 194. Тюрио (1753—1829) — депутат от департамента Марна.

пришли в негодование.) „*Робеспьер тоже стал нам говорить об осторожности! Опять нас угощают Робеспьером!*“ Несколько человек кричат: „Сигнальную пушку!.. Мы не должны закрывать глаза на угрожающие нам опасности...“ Тюрио продолжает умно развивать свою точку зрения. *Собрание слушает его внимательно, а трибуны выражают нетерпение.*

Лежандр бежит к трибуне, чтобы обрушиться на Тюрио [9]. „*О, этот не будет нас угощать Робеспьером*“,— говорят на трибунах. Он по своему обыкновению беснуется, размахивает руками и вызывает особенно бурные аплодисменты, когда произносит следующие слова: „Если это продлится и далее, если Гора останется и далее бессильной, *я призову народ и скажу трибунам: спускайтесь сюда и участвуйте в прениях вместе с нами*“.

Внесенные Тюрио предложения были отклонены голосованием по вопросу о целесообразности рассмотрения внесенного предложения. „О, вот этот (Лежандр) — это человек! *Это не какой-нибудь Робеспьер*“. Мне бы хотелось, чтобы в Собрании дело дошло до драки, и это не замедлит произойти, и чтобы Гора оказалась слабее. Ах, как бы мы тогда поспешили к ней на помощь!»

По существу, между предложениями Тюрио и Лежандра, судя по протоколу, как будто не такая уже большая разница, как то воображали до крайности возбужденные трибуны. Ни тот ни другой не выступили с четким призывом перейти к повстанческим методам борьбы. Возбужденное состояние умов лучше отражено в адресе санкюлотов Меца, зачитанном и прокомментированном Тирионом [10].

«Если подлые агитаторы, вроде Бриссо, Гюаде, Верньо и им подобных, будут и дальше упорно препятствовать вашим действиям, *имейте мужество донести о них Революционному трибуналу*. Народ будет отомщен за учиненные ими коварные действия. Своего спасения он ждет от вас, *или же он сам себя спасет*».

Эти резкие слова вызывают продолжительное волнение. Тирион берет слово и заявляет: «Вы видите, что граждане Меца заблуждаются, они думают, что Гора составляет большинство; надо им разъяснить, что мы пребываем в угнетении, *и тогда они будут знать, что́ им следует делать*».

Эти резкие слова, которые, казалось, побуждали к восстанию, вызвали сильное волнение. Якобинцы не хотели еще идти на риск восстания. Они колебались между различными проектами, между различными резолюциями, не решаясь еще перейти в наступление. Тюрио предложил объявить заседания Якобинского клуба непрерывными и высказался против создания в самом клубе Комитета общественного спасения, так как это может показаться посягательством на компетенцию соответствующего Комитета Конвента. Лежандр особенно энергично высказался против всякого проекта создания какого-либо секретного комитета:

«Что до меня, то я заявляю, что буду с подозрением относиться к этому обществу, если будет создан какой-нибудь секретный комитет. Надо все говорить с этой трибуны».

Да, но все, что он говорил, было пылким и в то же время туманным. Однако влияние «бешеных» в Якобинском клубе возрастало.

«Я углубляюсь в свою остеологию,— заявляет сентенциозно Дютар по поводу заседания 17 мая.— Мне кажется, что существуют две группы, которые я назову верхней палатой и нижней палатой. Якобинцы, стало быть, делятся на две партии, весьма различные и обособленные: с одной стороны, образованные люди, собственники, которые немного думают о себе, как бы против своей воли,— сюда относятся Сантер, Робеспьер и большая часть членов Горы; с другой стороны — анархисты, обосновавшиеся частью у якобинцев, но главным образом у кордельеров, которых возглавляет Марат.

По-видимому, образованные люди заглянули в темную камеру, и прочитанные ими там пророчества превратили их, несмотря на их отвращение, в почти законченных умеренных. Им немногого недостает, чтобы стать аристократами.

По-видимому, анархисты всегда будут привязаны (без всякого уважения к прежним руководителям) к тому, кто окажется более склонным следовать за ними во всей их разнузданности, и они будут любить Марата, Робеспьера лишь постольку, поскольку те им будут говорить: „Давайте бить, грабить, убивать“, и, если во всем их обществе останется только один (например, Шометт), этого будет достаточно, чтобы руководить всей этой ордой бандитов».

«ИСТОРИЯ БРИССОТИНЦЕВ» КАМИЛЯ ДЕМУЛЕНА

Нет, Робеспьер и якобинцы, «образованные, собственники», не становились ни аристократами, ни умеренными, но они боялись, искалечив Национальный Конвент, повредить Революции. Они ограничились тем, что выпустили памфлет Камиля Демулена, точно бросили факел. 17 мая Общество якобинцев одобрило его «Историю бриссотинцев, или Фрагмент секретной истории Революции» [11]. Демулен, с ужасающим легкомыслием доводивший

9. A. Aulard. Op. cit., t. V, p. 195. Лежандр Луи (1752—1797) — депутат от Парижского департамента. См. далее, с. 541, прим. 35.
10. A. Aulard. Op. cit., t. V, p. 193. Тирион (1763—1815) — представитель от департамента Мозель.
11. C. Desmoulins. Histoire des Brissotins, ou Fragment de l'histoire secrète de la Révolution et des six premiers mois de la République.., Paris, 1793 (B.N., 8° Lb[40] 755, imp. in-8°, 80 p.). См.: A. Aulard. Op. cit., t. V, p. 193. Камиль Демулен представил свое сочинение Обществу

всегда до конца свои агрессивные гипотезы, стремясь обвинить Жиронду, уличить ее в заговоре, не останавливается даже перед тем, чтобы и саму Революцию свести к какому-то английскому заговору. Ее-де хотел Питт, и Питт ее направлял. Послушайте и скажите, бывало ли еще когда-нибудь, чтобы дух групповщины доводил до более чудовищного отречения от самого себя. Оклеветать величайшие события, в которых к тому же сам участвовал, чтобы опутать клеветой своих противников! Какая безнадежная полемика!

«Для начала одно совершенно необходимое предварительное замечание: было бы недобросовестно требовать от нас фактов, доказывающих наличие заговора. Единственное, что запомнилось от пресловутых речей Бриссо и Жансонне, доказывавших существование австрийского комитета,— это то, как они заявляли, вполне основательно, что, когда речь идет о заговоре, нелепо требовать наглядных доказательств, судебных улик, их никогда не было, даже в заговоре Катилины, ибо у заговорщиков не принято действовать открыто. Достаточно существенных признаков. Так вот, я берусь доказать, против Бриссо и Жансонне, существование англо-прусского комитета посредством совокупности признаков во сто крат более существенных, чем те, с помощью которых они, Бриссо и Жансонне, доказывали существование австрийского комитета.

Я утверждаю как факт, что правая сторона Конвента и особенно ее вожаки — почти все сторонники королевской власти, сообщники измен Дюмурье и Бернонвиля, *руководимые агентами Питта, Орлеанского и Пруссии*, что они хотели разделить Францию на двадцать или тридцать республик, связанных узами федерации, или, вернее, разрушить ее, чтобы не было совсем республики. Я утверждаю, что никогда в истории не было заговора более очевидно доказанного, путем множества более сильных презумпций, чем заговор, который я называю заговором бриссотинцев, потому что Бриссо был его душой, и который направлен против Французской Республики.

Восходя к истокам заговора, нельзя сегодня отрицать того, что Питту Революция 1789 г. давала возможность взыскать с Людовика XVI переводный вексель, выданный Ришелье в 1641 г. на Карла I. Известна роль этого кардинала в волнениях Долгого парламента, где он оплачивал наиболее ревностных республиканцев; и многие события с тех пор заставили меня вспомнить о гневе Бриссо три года назад, когда один журналист-аристократ раскопал Красную книгу [12] *Ришелье и Мазарини, где перечислены с точностью до су и денье все суммы, переведенные этими министрами Пиму и Гемпдену* [13] *за рвение, с которым они выступали за республику. Те, кто читал «Патриот франсэ», могут припомнить, с каким жаром Бриссо, опасаясь, как бы это не применили к нему, выступил в защиту бескорыстия английских республиканцев.*

Питту нужно было также взять реванш за поддержку, оказанную Верженном [14] *англо-американским повстанцам. Однако после 10 августа оказалось, к великому отчаянию Питта и Бриссо, что они двинули дело свободы дальше, чем это отвечало интересам Англии, и Питт и Бриссо принялись его тормозить. Когда генерал Дийон* [15] *четыре года назад заявлял с трибуны Учредительного собрания, что ему известно из верного источника, что Бриссо — эмиссар Питта и трубит в рог за счет английского правительства, то на это не обратили особого внимания, потому что Дийон был на правой стороне, но те, кто следил за зигзагами Бриссо, начиная с его сочинений о торговле черными и колониях и до эвакуации Голландии и Бельгии, вряд ли станут отрицать, что в этой массе томов нет ни одной страницы, которая не была бы направлена на пользу Англии и ее торговли и на разорение Франции.*

Можно ли отрицать, что в речи, которую еще помнят в Обществе якобинцев, в речи, которую я произнес *о политическом положении нации к моменту открытия Законодательного собрания*, что в этой речи я доказал, что наша Революция 1789 г. была делом, согласованным между британским правительством и частью меньшинства дворянства, делом, подготовленным одними для того, чтобы устроить переезд аристократии из Версаля в некоторые замки, некоторые особняки, некоторые конторы, а другими — чтобы произвести смену главы государства и всеми — чтобы дать нам две палаты и Конституцию наподобие английской? Когда я начал эту речь в Обществе 21 октября 1791 г. [16], когда показал, что корни Революции были аристократические, я и сейчас

под заглавием: «Маска сорвана с государственных людей». По решению Общества, принятому 19 мая, оно было напечатано под названием: «Fragment de l'histoire secrète de la Révolution, sur la faction d'Orléans, le Comite anglo-prussien et les six premiers mois de la République». Paris, s.d. (B.N., 8° Lb[40] 754, imp. in-8°, 80 p.)

12. Реестр в переплете из красного сафьяна. Намек на *Красную книгу*, в которую записывались денежные награды и пенсии, которые раздавал Людовик XVI. Учредительное собрание приказало опубликовать ее в апреле 1790 г.
13. Гемпден Джон (1594—1643) — один из лидеров парламентской оппозиции, член Короткого парламента в 1640 г. Пим Джон (1584—1643) — один из главных руководителей парламентской оппозиции накануне и в первый период английской буржуазной революции XVII в., один из авторов «Петиции о праве» 1641 г.
14. Верженн Шарль Гравье (1717—1787) — министр иностранных дел в 1774—1783 гг.
15. Дийон (1750—1794) — депутат от комитета колонистов Мартиники, заседавшего в Париже; служил в 1792 г. в армии Севера, затем в армии Центра, уволен 17 ноября 1792 г.
16. C. Desmoulins. Discours sur la situation politique de la nation à l'ouverture de la seconde session de l'Assemblée nationale... S.l., 1791 (B.N., 8° Lb[40] 645. imp. in-8°, 44 p.); A. Aulard. Op. cit., t. III, p. 200.

еще вижу гнев и судорожные подергиванья, которые мои слова о *машинистах* Революции вызвали у Сийери и де Вуаделя [17]. Я лишь поверхностно коснулся этой темы, потому что тогда еще было не время и надо было завершить Революцию, прежде чем давать ее историю...

Неужто кто-нибудь убедит меня в том, что когда 12 июля я вскочил на стол и призвал народ к борьбе за свободу, то именно мое красноречие вызвало то великое движение, которое развернулось через полчаса и извлекло из-под земли бюсты Орлеанского и Неккера?» [18]

Демулен ставит в вину Бриссо даже слова уважения, произнесенные по его адресу деятелями английской оппозиции, друзьями Фокса [19], видя и в этом интриги Питта.

«Когда потеряли надежду на то, что Мирабо, а затем Барнав, начавшие уже выдыхаться, смогут долго продержаться, то наспех собрали огромное приданое в виде патриотической репутации для Бриссо и Петиона, чтобы они могли их заменить. И с тех пор мы видели, как английские газеты, превратившиеся в эхо гимнов из репертуара Тальма [20], представляли Дюмурье как некоего Тюренна *, а Ролана — как Цицерона...

Когда Питт увидел, как падают во Франции акции Бриссо, он сделал все, что мог, чтобы запустить его вверх к облакам, как бумажный змей, *он призвал всех известных членов оппозиции восхвалять мудрого, добродетельного Бриссо в парламенте, дабы это дошло до наших ушей, и таким образом послал своему верному вассалу пакетботом подкрепление патриотической репутации для поддержания его кредита, что необходимо было Питту*».

Поистине, когда партии дошли до того, что таким образом обвиняют и подозревают друг друга, им не остается уже ничего другого, как убивать и истреблять друг друга. И Камиль Демулен был прав, когда, по словам Дютара, сказал о своем памфлете: «Тот, кто его выслушает, тотчас спросит: *Где эшафот?*»

Таким образом, даже друзья Робеспьера толкали уже к насильственным решениям и подготовляли их. И ввиду этой грядущей революции, в которой Коммуна и бедный люд Парижа должны обеспечить победу Горы, Демулен пытается успокоить богатых, купцов и ремесленников, людей чувствительных. Нет, это не будет революция варварства и нищеты. Нет, блеск и мощь Парижа не пострадают. Нет, величие и сила Конвента не будут подорваны устранением заговорщиков и предателей.

«В талантах, столь необходимых для основателей Французской Республики, не будет недостатка в Собрании представителей нации. Не может быть, чтобы в результате брожения, происходящего в умах в течение четырех лет революции и гражданских раздоров, и в такой стране, как Франция, не выковался народ, состоящий из граждан, политических деятелей и героев. В Конвенте есть много граждан, коих мы знаем только характер, но

вскоре узнали бы и заслуги, если бы организация наших национальных собраний не благоприятствовала развитию больше болтовни, чем таланта, и если бы размышление, при слабости человеческого разума, было бы возможно при этих непрерывных заседаниях без всяких решений и при этой легислатуре, которая мчится на почтовых без смены лошадей. Эти таланты уже проявили себя в важных вопросах, когда не допустили проведения декрета второпях, например в вопросе обращения к народу по поводу приговора Людовику XVI.

...Порок был в крови. Извержение яда в результате эмиграции Дюмурье и его подручных уже более чем наполовину спасло политический корпус, а ампутации, которые произведет Революционный трибунал, не тогда, когда рубят голову служанке, которую следовало отправить в больницу, а тогда, когда рубят головы генералам и министрам-предателям, и *извержение бриссотинцев из лона Конвента* завершат дело, дав ему здоровую Конституцию. Уже 365 представителей казнили всех королей в лице Людовика, а около 250 гордятся тем, что принадлежат к Горе. Укажите мне во всем мире такую нацию, у которой когда-либо было столько преданных представителей. За те почти 600 лет, что существует английский парламент, им только однажды довелось иметь, в лице Долгого парламента, группу подлинных патриотов и некую Гору, и эта группа, совершившая столь великие дела, не превышала 200 членов».

Это значило объявить стране, что новый слой людей, заслуженных и добродетельных, готов для замены поверхностной Жиронды. Это значило также заверить ее, что Конвент, даже сведенный к 365 цареубийцам, будет все же одним из самых могучих собраний в мире, одним из самых богатых талантами и мужеством.

Увлеченный своим пылким темпераментом, Демулен ушел далеко за пределы осторожной политики Робеспьера. Он ушел даже дальше петиции секций, которые требовали устранения только 22 представителей. Казалось, он готов идти на полный

---

17. Сийери Брюлар Алексис (1737—1793) — депутат от дворянства бальяжа Ренн, а затем депутат Конвента от департамента Сомма. Вуадель (1758—1812) — депутат третьего сословия от бальяжа Саргемин. Тот и другой принадлежали к группе герцога Орлеанского.
18. Намек на знаменитый эпизод в Пале-Руаяле 12 июля 1789 г. и на последовавшие за ним манифестации. См.: Ж. Жорес. Социалистическая история Французской революции, т. I, ч. 1, с. 394—395.
19. Фокс Чарлз Джеймс (1749—1806) — глава оппозиции вигов правительству Питта.
20. Тальма (1763—1826) — член товарищества Комеди Франсез в 1789 г., с блеском сыграл роль Карла IX в пьесе М.-Ж. Шенье.

* Тюренн Анри де ла Тур д'Овернь (1611—1675) — маршал Франции, выдающийся полководец своего времени.— *Прим. ред.*

раскол, который оставил бы в Собрании только партию Горы. Но этой партии он предлагал широкую программу народного просвещения и больших общественных работ, развития науки, программу славы и радости, способную примирить с Горой все силы цивилизации:

«*Давайте скорее открывать начальные школы:* одно из преступлений Конвента, что они до сих пор не открыты. Если бы в деревнях вместо священника был государственный учитель, который комментировал бы Декларацию прав человека и альманах папаши Жерара [21], с глаз нижних бретонцев спала бы пелена суеверия, эта чесотка человеческого духа, и у нас, в век просвещения и просвещенной нации, не было бы той темноты в Вандее, Кемпер-Корантене и стране Ланжюинэ [22], когда крестьяне говорят нашим комиссарам: „Прикажите скорее гильотинировать меня, чтобы я воскрес через три дня". Подобные люди позорят гильотину, как некогда позорили виселицу теми собаками, которых брали при поимке контрабандистов и вешали вместе с их хозяевами. Я не понимаю, как можно серьезно приговаривать к смертной казни этих животных с человеческим лицом; их можно преследовать, как преследуют на охоте, а не как на войне; что же до тех, кого возьмут в плен, то при нехватке продовольствия, от которой мы страдаем, лучше всего было бы обменивать их на их быков из Пуату.

Вместо коллежей, где обучают греческому языку и латыни, надо во всех кантонах открыть бесплатные коллежи, где будут обучать ремеслу.

Подведем море к Парижу, чтобы в близком будущем показать народам и королям, что республиканское правительство не только не разоряет города, но благоприятствует торговле, которая всегда процветает только в республиках и соразмерно свободе данной нации и порабощенности ее соседей. Об этом свидетельствуют Тир, Карфаген, Афины, Родос, Сиракузы, Лондон и Амстердам.

Мы пригласили всех философов Европы способствовать своими познаниями выработке нашего законодательства; есть среди философов один, мудрость которого нам следовало бы заимствовать,— это Солон, законодатель Афин; очень много его установлений кажутся нам особенно пригодными для использования у нас, как если б для своих законов он снимал мерку с французов. Монтескьё восторгался фискальными законами Афин. Там человек, обладавший только необходимым, нес перед государством только личные обязанности, в секциях и в армии. А гражданин, имущество которого составляло 10 талантов, должен был поставить государству одну галеру; две галеры — если у него было 20 талантов, три — если у него было 30 талантов. *Однако в целях поощрения торговли, если человек приобрел огромные богатства, закон не мог требовать с какого-нибудь Лаборда [23] больше трех галер и одного шлюпа *. В возмещение этого богатые пользовались почетом пропорционально своим взносам, их назначали на высокие посты в муниципалитете и осыпали почестями.* Тот, кто считал себя чрезмерно обложенным налогом, имел право обменяться имуществом с тем, кто был менее обложен.

Была там касса театров и чрезвычайных расходов на празднества, которая служила для оплаты комедиантам билетов для бедных граждан. Это были их начальные школы, которые не выдержат сравнения с нашими коллежами искусств и ремесел, когда Конвент их учредит.

Там от участия в войне освобождался только тот, кто оснащал всадника оружием и конем и содержал его; это освобождало военный лагерь от множества лавочников и богатых буржуа, которые могли только вредить, и заменяло их отличной кавалерией.

...Я признаю, что мы еще не переняли всех этих прекрасных учреждений, признаю, что положение вещей в настоящее время не свободно от неурядиц, грабежей и анархии. Но возможно ли было подмести столь великое государство, не подняв немного пыли и грязи? Нация страдала — но можно ли было, исцеляя ее, избежать ее отощания? Она заплатила за все крайне дорого, но это ее выкуп, и ее уже никогда не предадут. Мы уже имели счастье выполнить самую дорогую сердцу гражданина клятву,— клятву, которую приносил в Афинах молодой человек в храме Агроль [24], когда достигал возраста восемнадцати лет,—«*оставить свою страну более цветущей и более счастливой, чем он ее нашел*». Мы нашли Францию монархией, мы оставляем ее Республикой.

Предоставим же глупцам повторять каждый день россказни наших бабушек о том, что якобы для Франции Республика не подходит. Красные каблуки и красные платья, куртизаны Бычьего глаза [25] и куртизанки Пале-Руаяля, сутяги и азартные игроки,

---

21. «L'Almanach du Père Gérard pour l'annee 1792 » (B N , 8° Lc[22] 36 imp. in-12, 84 p) был составлен Колло д'Эрбуа под эгидой Якобинского клуба; он имел огромный успех Название свое ведет от Мишеля Жерара, депутата третьего сословия от Реннского сенешальства, землепашца в Монжермоне, «человека весьма уважаемого своими согражданами за свою прямоту и мудрость». Альманах представляет собой двенадцать патриотических бесед, написанных в добродушном тоне, в виде диалога между крестьянами и папашей Жераром.
22. Ланжюинэ был из Ренна Кемпер, или Кемпер-Корантен,— административный центр департамента Финистер.
23. Лаборд Жан Жозеф (1724—1794) — один из крупнейших финансистов XVIII в В 1793 г. был арестован и приговорен Революционным трибуналом к смертной казни.

* Шлюп — военное судно, близкое к фрегату — *Прим. перев*

24. Агроль, дочь Кекропса, имела около Акрополя храм, где молодые афиняне приносили клятву.
25. Бычий глаз — передняя королевской спальни, во втором этаже Версальского дворца, выходящая на Зеркальную галерею и на Мраморный двор, названная так из-за овального окна (бычьего глаза) Придворные ожидали там утреннего выхода короля.

сутенеры и проститутки, биржевые спекулянты, финансисты, доносчики, вымогатели, плуты, подлецы всех сословий и, наконец, священники, дающие вам отпущение всех грехов в обмен на десятину и плату за требы,— вот те профессии, вот те люди, которым нужна монархия. Но если бы даже было верно, что республика и демократия никогда не могли пустить корни в государстве столь обширном, как Франция, то восемнадцатый век по своему просвещению стоит вне всякого сравнения с веками минувшими, и, если бы некий художник показал вам женщину, красота которой превзошла бы все ваши представления, разве вы возразили бы ему, говорил Платон, что такой совершенной красоты никогда не было? Что до меня, то я утверждаю, что достаточно простого здравого смысла, чтобы понять, что только Республика может исполнить то обещание, которое монархия тщетно дала Франции двести лет назад,—*«курицу в горшке для каждого»*.

Этот идеал афинской демократии, утонченной и вместе с тем народной, очищенной от пороков монарших дворов, но блещущей гением искусства и богатством торговли, деликатной и обильной, Демулен и якобинцы предлагали Парижу, чтобы увлечь его на решительную борьбу с Жирондой. Выступая в этом же духе 20 мая в Якобинском клубе с комментариями по поводу принятия закона о принудительном займе, Леонар Бурдон сказал: *«Принудительный заем — мера тем более выгодная, что она привязывает богатых к Революции и становится для них мощным основанием желать мира и способствовать его скорейшему наступлению»* [26].

УЧРЕЖДЕНИЕ КОМИССИИ ДВЕНАДЦАТИ

В это время в Конвенте разыгрывалась страстная борьба между партиями. Схватка завязалась из-за злоупотребления властью, совершенного революционерами секции Единства. Мировой судья Ру был незаконно арестован, как это признал сам Шометт, не установленными властями, а революционным комитетом [27]. Некоторые граждане заявили протест, и Жиронда использовала это как предлог для обвинений в адрес «анархистов». Прения приняли бурный характер. Начиная с 10 мая Конвент заседал в своем новом зале в Тюильри. Жиронда полагала, что там она будет лучше защищена от вмешательства трибун, которые в этом зале были расположены довольно удаленно, но они были полны народу, все более распалявшегося, и его неодобрительные крики доходили через весь зал до оратора. 18 мая Гюаде резко восстал против этой «тирании» и вдруг развернул целый план сопротивления, явно подготовленный и одобренный на собраниях, которые происходили у Валазе [28]. «Доколе, граждане,— воскликнул он,— будете вы дремать на краю пропасти? Доколе будете

отдавать на волю случая судьбу свободы? Пока еще есть время, примите серьезные меры, вы спасете Республику и вашу славу, которым грозит опасность. Парижские власти часто выходят за границы, предписанные для них законами. Они позволяют себе истолковывать их смысл. *Я требую их роспуска.* Их могут заменить председатели секций. Одновременно я требую, чтобы наши заместители собрались в Бурже в кратчайший срок, однако они не должны приступать к исполнению своих функций, пока не получат достоверного сообщения о роспуске Конвента. Я предлагаю, наконец, чтобы этот декрет был разослан с чрезвычайными курьерами департаментам. Когда эти меры будут приняты, мы будем работать с полным спокойствием духа и как люди, поместившие в надежное место доверенную им святыню» [29].

Это был отвратительный план. Прежде всего, он свидетельствует о том, что Гюаде питал странные иллюзии относительно умонастроения парижских секций. Конечно, буржуазия там была еще влиятельна, и даже в Коммуне многие ораторы неоднократно выражали свои опасения, что председатели секций будут избраны жирондистами. Однако к тому времени сопротивление и пыл санкюлотов были таковы, что было в высшей степени неосторожно для Гюаде полагаться на дух умеренности секций. Вероятнее всего, в атмосфере той анархии, которая возникла бы после роспуска установленных властей Коммуны и департаментов, именно революционные комитеты, хотя и запрещенные Конвентом, стали бы «установленной властью». Но самое бессмысленное было провоцировать и вместе с тем бежать из Парижа. Очень опасное дело было идти на смертельную борьбу между Парижем и Конвентом. Но по крайней мере надо было объявить, что Конвент до конца будет оставаться в Париже, дабы вести эту борьбу. Какой престиж могло бы иметь Собрание заместителей в Бурже на следующий день после сокрушения Конвента в Париже? Это был бы лишь некий призрак федеративного собрания. Либо сам Конвент должен был покинуть Париж до этой решающей битвы и переехать в Бурж, либо он должен был проявить отчаянную решимость остаться в Париже и подчинить его. Одна эта мысль о побеге в Бурж была уже поражением.

---

26. A. Aulard. Op. cit., t. V, 201. О Леонаре Бурдоне см. выше, гл. VIII, с. 519, прим. 65.
27. Мировой судья Ру был арестован за непатриотические речи. Депутация от роты национальной гвардии, в которой состоял Ру, донесла об этом аресте Конвенту 17 мая 1793 г. Это стало поводом для бурных прений, в ходе которых особенно сильно столкнулись Кутон и Верньо. В конечном счете Конвент распорядился освободить Ру. («Moniteur», XVI, 406, 408.)
28. Валазе (1751—1793) — депутат Конвента от департамента Орн.
29. «Moniteur», XVI, 423; «Archives parlementaires», LXV, 39.

Барер проявил большое политическое чутье, выступив против предложений Гюаде. Конечно, сказал он, налицо действия, подготовляющие восстание, за которыми необходимо следить, но распустить установленные власти значило бы дать сигнал к анархии. И он предложил избрать комиссию из двенадцати членов, уполномоченных изучить политическую ситуацию и учинить розыск всех заговоров, угрожающих свободе и закону [30]. Поскольку Жиронде не удалось провести предложение Гюаде, она постаралась использовать в своих интересах Комиссию двенадцати. Она составила ее в подавляющем большинстве из преданных ей людей. Семь комиссаров: Буайе-Фонфред, Рабо-Сент-Этьенн, Кервелеган, Буало, Мольво, Анри-Ларивьер, Бергуэн — были страстными жирондистами [31]. Четверо: Сен-Мартен-Валонь, Гомер, Бертран (из Орна) и Гардиен — были люди менее четко выраженного направления, но мало симпатизирующие Горе [32]. Двенадцатый, Виже, заседал в Конвенте всего только несколько дней [33]. Таким образом, несколько двусмысленное предложение Барера, направленное против волнений, вызываемых всеми партиями, получало фактически чисто жирондистское осуществление и сразу же принимало наступательный характер.

Комиссия двенадцати появилась как боевая комиссия. Как ответили на этот ход Гора, якобинцы, Коммуна, Революционный комитет? 19 мая якобинцы еще колеблются. Сразу после открытия заседания один из них поднимается на трибуну и заявляет: «Если я не ослышался, то в только что зачитанном протоколе (предыдущего заседания) упоминается предложение, сделанное одним членом народу, сидящему на трибунах Конвента,— спуститься и заседать вместе с монтаньярами, чтобы сделать их партию господствующей. Что касается меня, то я никогда не поверю, чтобы якобинцы, *которые являются друзьями законов и воздают дань уважения принципу национального суверенитета, пребывающего в Конвенте*, могли одобрить подобную меру, которая компрометировала бы Общество» [34].

Это значило отмежеваться от неистовой фразы Лежандра, того самого, который «не угощал трибуны Робеспьером». Было решено, что компрометирующий призыв дюжего мясника исчезнет из протокола [35]. Но что из того! Все предосторожности Общества якобинцев не могут остановить развитие неизбежного кризиса. Теперь уже и сам Якобинский клуб наводнен делегатами Клуба кордельеров и Общества революционных гражданок. И эти граждане и гражданки обращаются к Обществу якобинцев и почти требуют действовать наконец, выступить. Сначала их прерывают ропотом, но вскоре они заставляют, силой революционной логики, считаться с ними [36].

«— Уполномоченные народа, отечеству угрожает непосредственная опасность. Если вы хотите его спасти, надлежит принять самые суровые меры. (*Шум.*)

— Я требую,— восклицает оратор,— величайшего внимания.

Спокойствие восстанавливается.

Он продолжает:

— Иначе народ сам себя спасет. Вам не безызвестно, что заговорщики только и ждут отправки добровольцев, которые идут сражаться с нашими врагами в Вандее, чтобы истребить патриотов и все, что им дорого. Чтобы предотвратить осуществление этих ужасных замыслов, поспешите объявить, что все подозрительные лица будут немедленно арестованы, что во всех департаментах и в секциях Парижа будут учреждены революционные трибуналы.

Всякие Бриссо, Гюаде, Верньо, Жансонне, Бюзо, Барбару и прочие уже давно намечены как штаб контрреволюционной армии. Почему вы медлите с обвинительными декретами? *Преступники нигде не могут быть неприкосновенными.*

Законодатели, вы не можете отказать французскому народу в совершении этого великого акта правосудия. Это значило бы объявить себя их сообщниками. Это значило бы доказать, что кое-кто из вас боится света, который прольется в ходе судебного следствия по делу этих подозрительных членов Конвента. Мы требуем, чтобы вы учредили в каждом городе революционные армии из санкюлотов пропорционально их населению. Чтобы армия Парижа было доведена до 40 тыс. человек, оплачиваемых за счет богатых из расчета 40 су в день. Мы требуем, чтобы на всех общественных площадях были устроены мастерские, где бы железо превращали в разного рода оружие.

---

30. «Moniteur», XVI, 423; «Archives parlementaires», LXV, 40. См.: B a r è r e. Mémoires, t. II, p. 336.
31. Буайе-Фонфред Жан Батист (1765—1793) — депутат от департамента Жиронда; Рабо де Сент-Этьенн (1765—1793) — депутат от департамента Об; Кервелеган (1748—1825) — депутат от департамента Финистер; Буало (1751—1793) — депутат от департамента Йонна; Мольво (1744—1816) — депутат от департамента Мёрт; Анри-Ларивьер (1761—1838) — депутат от департамента Кальвадос; Бергуэн (1750—1829) — депутат от департамента Жиронда.
32. Сен-Мартен-Валонь (1750—1807) — депутат от департамента Аверон; Гомер (1745—1805) — депутат от департамента Финистер; Бертран де Ла Осдиньер (1756—1819) — депутат от департамента Орн.
33. Виже (1755—1793) — заместитель депутата от департамента Мен и Луара, стал депутатом 27 апреля 1793 г., заменив Деульера, ушедшего в отставку. См. ниже, прим. 43.
34. A. A u l a r d. Op. cit., t. V, p. 196.
35. Ibidem. См. выше, с. 531, прим. 9.
36. A. A u l a r d. Op. cit., t. V, p. 198, заседание 19 мая 1793 г.

Законодатели, ударьте по биржевым спекулянтам, скупщикам и торговцам-эгоистам. Существует чудовищный заговор — уморить голодом народ, установив непомерные цены на продовольствие. Во главе этого заговора стоит торгашеская аристократия некой наглой касты, которая хочет уподобиться королевской власти и прибрать к рукам все богатства, повышая цены на предметы первой необходимости сообразно своей жадности. Истребите этих негодяев. Родина не много потеряет, если у нее останутся санкюлоты с их добродетелями. Законодатели! Спешите на помощь всем обездоленным — это крик нации, это воля всех истинных патриотов! Наше сердце разрывается при виде народных бедствий. *Мы намерены возвысить человека. Мы хотим, чтобы не было ни одного несчастного в Республике.* Очистите Исполнительный совет; прогоните таких, как Гойе, Гара, Лебрен и т. п., обновите Директорию почт и все развращенные административные учреждения [37].

Необходимо,— восклицает оратор,— чтобы большая толпа народа понесла этот адрес в Конвент. Возможно ли! Патриоты все еще спят и занимаются пустяковыми дискуссиями, в то время как коварные газеты открыто провоцируют народ! Посмотрим, осмелятся ли наши враги воспротивиться мерам, от которых зависит счастье Республики»

Бантаболь, председательствовавший на этом заседании, выразил свое согласие с речью делегата другого клуба [38]: «С глубочайшим удовлетворением слушает Общество эти выражения самого чистого и самого пламенного патриотизма. Оно мужественно поддержит ваши усилия. Ибо оно придерживается тех же принципов и выражает те же мнения. К каким бы средствам и усилиям ни прибегали наши враги, свобода не погибнет, *ибо в сердцах французов всегда пребывает убеждение, что восстание — последний довод народа*».

Бантаболю аплодировали. Мощный поток кордельеров, кипящий политическими и социальными страстями и гневом, обрушился на якобинцев и захлестнул на время колебания и заботы о законности Общества друзей Конституции.

В тот же день, 19 мая, в мэрии состоялось собрание делегатов от 36 или 37 революционных комитетов. Два администратора полиции, Марино и Мишель, выступили там с романтическим и смертоносным предложением [39]. Они предложили тайно похитить двадцать двух жирондистов, тех, которые были указаны в петиции Парижа, убить их, а затем распространить слух, что они эмигрировали.

Это было бессмысленно, и только горячка Революции могла породить в полицейском мозгу проекты столь ребяческие и в то же время столь жестокие. Это совершенно не отвечало видам

Коммуны. Несколькими днями ранее, 14 мая, Совет Коммуны постановил, по предложению Шометта, «написать установленным властям, народным обществам и секциям Бордо, чтобы объяснить им заблуждение, в которое их ввели злонамеренные люди, уверившие их, *что Париж хочет убить депутатов Жиронды, тогда как он хочет только истребить их воззрения*» [40].

Но истребления воззрений было недостаточно для Мишеля и Марино, и, с чисто полицейской логикой, они хотели дополнить его истреблением людей. Присутствовавший на собрании Паш энергично протестовал против такого рода проектов [41]. Но делегаты секции Братства, действуя, по-видимому, по указанию Руайе-Коллара [42], сообщили об этом Конвенту, и это послужило для Комиссии двенадцати прекрасной возможностью усилить наступление.

Именно этим «заговором» собрания в мэрии оправдывал, выступая 24 мая от имени Комиссии двенадцати, Виже очень резкий проект декрета, направленный против того, что Дютар называл федерализмом секций [43]:

«Я заявляю от имени членов Комиссии [двенадцати], что если мы не докажем Франции существования заговора, направленного к истреблению многих из вас и к установлению на развалинах Республики самого ужасного и самого унизительного деспотизма, да, если мы не дадим доказательств существования этих заговоров, то мы готовы сложить наши головы на эшафоте. Мы свободны от всякого партийного духа, мы не смотрели, на каких местах

37. Гойе (Gohier) (1746—1840) — министр юстиции; Гара (1749—1833) сменил Дантона на посту министра юстиции в 1792 г., затем, в 1793 г.,— министра внутренних дел; Лебрен Пьер Мари (1754—1793) — министр иностранных дел после 10 августа 1792 г.
38. A. Aulard. Op. cit., t. V, p. 199. Бентаболь Пьер Луи (1756—1798) — депутат Конвента от департамента Нижний Рейн.
39. A. Schmidt. Tableaux..., t. I, p. 250.
40. «Moniteur», XVI, 402.
41. A. Schmidt. Op. cit., t. I, p. 250. Речь идет фактически о заседании 20 мая 1793 г. Паш: «Я не потерплю, чтобы здесь, в мэрии, вели подобную дискуссию».
42. Руайе-Коллар Пьер Поль (1763—1845) — секретарь первой Парижской коммуны. Ушел от активной политической деятельности после 10 августа 1792 г., вернулся к ней в 1797 г. в качестве члена Совета пятисот. 23 мая 1793 г. делегация секции Братства, руководимая Руайе-Колларом, разоблачила собрания, проводимые в мэрии, которым, по-видимому, покровительствовала Коммуна. («Moniteur», XVI, 456; M. Mortimer-Ternaux. Histoire de la Terreur..., t. VII, p. 250.) См. ниже, прим. 48.
43. «Moniteur», XVI, 464; M. Mortimer-Ternaux. Op. cit., t. VII, p. 257. О Виже см выше, прим. 33.

сидят заговорщики, тут или там. Мы искали правду. У нас в руках уже многие нити заговора, и мы надеемся, что вскоре они все будут у нас в руках. Мы собираемся предложить вам принять важные меры. Но в качестве меры предварительной мы предлагаем вам следующий проект декрета:

Статья 1. Национальный Конвент ставит под охрану честных граждан общественное достояние, национальное представительство и город Париж.

Статья 2. Каждый гражданин Парижа будет обязан немедленно явиться в обычное место сбора своей роты.

Статья 3. Капитаны произведут перекличку всех вооруженных людей своей роты и отметят отсутствующих.

Статья 4. Пост у Национального Конвента будет состоять только из двух человек от каждой роты. Ни один гражданин не сможет выдвинуть взамен себя другого ни для этой службы, ни для какой-либо другой, за исключением тех случаев, если он — общественное должностное лицо, или служит в канцеляриях администрации, или болен, или занят по какой-либо другой уважительной причине, которую он обязан доказать.

Статья 5. Все граждане будут находиться в состоянии готовности явиться по первому сигналу на пост, который им будет указан командиром их секции.

Статья 6. До того как будет назначен в законном порядке главнокомандующий вооруженными силами Парижа, старейший из командиров секций будет выполнять его функции.

Статья 7. Общие собрания секций будут закрываться каждый вечер в 10 часов, и это будет отмечаться в протоколе заседания. Председатели секций будут нести личную ответственность за соблюдение этой статьи.

Статья 8. Никакое постороннее для секции лицо не будет допущено к участию в ее обсуждениях [44].

Статья 9. В том случае. если различным секциям понадобится снестись друг с другом, их соответствующие комиссары будут допущены только после предъявления ими полномочий, доверенных им на то общим собранием их секции.

Статья 10. Национальный Конвент поручает своей Чрезвычайной комиссии двенадцати представить ему безотлагательно предложения о мерах, которые должны обеспечить свободу и общественное спокойствие.

Статья 11. Настоящий декрет будет немедленно разослан во все 48 секций Парижа и будет там тотчас же торжественно оглашен» [45].

Это означало организацию сил общественного порядка, подчиненных Конвенту. Сантер подал в отставку со своего поста главнокомандующего вооруженными силами Парижа. Он объявил, что отправляется в Вандею, а возможно, хотел уклониться от страшной ответственности за предстоящие события [46].

Совет Коммуны временно назначил вместо него Буланже. Но несколько секций опротестовали это назначение как неправильное. Буланже отказался от временного исполнения этих функций, на которое дал было согласие, и вооруженные силы Парижа остались без командующего [47]. В результате этого безличная власть Конвента выросла: какой командир секции, по возрасту назначенный командующим, мог бы отказаться от передачи и выполнения приказов Конвента? На это по крайней мере надеялась Комиссия двенадцати. Она надеялась также на то, что секции, изолированные одна от другой и лишенные возможности затягивать свои заседания после того часа, когда «люди порядка» привыкли возвращаться домой, окажутся опять под господствующим влиянием буржуазии и умеренных.

В тот же день Конвент поздравил секцию Братства с тем, что она разоблачила заговор собрания в мэрии [48]. Коммуна, сознавая серьезность нанесенного удара и желая свести к действительным размерам мнимый «заговор», направила ультиматум секции Братства [49]: «Генеральный совет, будучи осведомлен о том, что делегация от секции Братства донесла Национальному Конвенту о чудовищном заговоре, имевшем своей целью истребление представителей народа и распространение затем слухов, будто они эмигрировали;

полагая настоятельно необходимым немедленно арестовать виновных в столь отвратительных заговорах, призывает составителей и подателей выше упомянутого обращения дать ему необходимые сведения, чтобы он мог обнаружить этих изменников и сегодня же вечером предать их суду».

Это было умно, ибо вынуждало секцию Братства либо ограничиться туманными декларациями, либо свести инцидент к истинным его размерам, приведя слова Марино и Мишеля. К тому же

---

44. Смысл этой статьи в том, чтобы воспрепятствовать *братаниям*. См. выше, гл. VII, с. 449, прим. 2 и с. 471, прим. 59.
45. Проект Виже был одобрен после бурной дискуссии. («Moniteur», XVI, 467—471.)
46. «Moniteur», XVI, 302, заседание Генерального совета Парижской коммуны 2 мая 1793 г. «Главнокомандующий Сантер объявляет Совету, что, услышав голос отечества в опасности, он намерен отправиться сражаться с мятежниками Вандеи».
47. Буланже (1757—1793) — ювелир, в 1789 г. состоял в парижской национальной гвардии, помощник командира батальона секции Хлебного рынка 10 августа 1792 г., назначен временно исполняющим обязанности командующего парижской национальной гвардией 17 мая 1793 г., ушел в отставку 20 мая. («Moniteur», XVI, 417, 441.)
48. «Moniteur», XVI, 456, заседание Конвента 23 мая 1793 г.; «Archives parlementaires», LXV, p. 222. См. выше, прим. 42.
49. «Moniteur», XVI, 466, вечернее заседание Генерального совета Коммуны 23 мая 1793 г.

Коммуна делала вид, что она крайне заинтересована в подавлении заговора, если только ей соблаговолят дать сведения о нем.

Секция Братства вышла из затруднительного положения, дав утонченно иронический ответ, в котором уже проявляется осмотрительная и надменная манера Руайе-Коллара [50]:

«Собрание единогласно постановляет ответить Генеральному совету, что администратор полиции, который председательствовал в мэрии в воскресенье на собрании членов Революционного комитета, а также мэр, который председательствовал на таком же собрании в понедельник, могут дать Генеральному совету все необходимые сведения.

Собрание равным образом спешит довести до сведения Совета о том, что сегодня утром Национальный Конвент принял решение, признающее большие заслуги секции Братства перед отечеством».

Но если на собрании делегатов революционных комитетов имел место прямой призыв к убийству нескольких жирондистов, то разве все неистовства журналистов и ораторов, к которым до сих пор относились терпимо, не являются тоже частью некоего заговора? Стало быть, надо арестовать подстрекателей к убийствам и судить их. Комиссия двенадцати не решалась нанести удар по Шометту. Подвергаясь в течение уже нескольких дней самым ожесточенным клеветническим нападкам, вынужденный защищаться посредством афиш против пасквилей, в которых его обвиняли в том, что он бывший монах, а ныне растрачивает на роскошную жизнь аристократа муниципальные фонды, Шометт не давал повода для преследования его на законных основаниях [51]. У него бывали приступы сентиментальной вспыльчивости, лирические излияния гнева по поводу бедственного положения народа. Но чаще всего, а пожалуй всегда, он воздерживался от всякого грубого призыва к восстанию.

АРЕСТ ЭБЕРА И ВАРЛЕ

Наоборот, крайности языка Эбера, его с каждым днем все более дерзкие призывы к революционным действиям давали Жиронде повод для обвинений. Уже в номере от 4 мая «Патриот франсэ» приводила некоторые смертоносные фразы Эбера [52]:

«Можно получить представление об ужасах, которые позволяют себе здесь анархисты, ознакомившись со следующей статьей «Пер Дюшен», опубликованной вчера [т. е. 2 мая] [53]. Заметьте, что она опубликована как раз в тот момент, когда было объявлено, что несколько секций находятся в состоянии мятежа и что предместья направились к Собранию, чтобы заставить его установить твердые цены на зерно. И подумать только, что это должностные лица народа позволяют себе подобные мерзости! И их не разобла

чают, не преследуют и не карают! Пусть департаменты обдумают эти факты, пусть они увидят, можно ли когда-либо установить здесь порядок, когда должностные лица народа каждый день безнаказанно нарушают его:

„Огонь тлеет под пеплом (пишет Эбер), и бомба вот-вот взорвется. Бриссотинцы, роландисты, *скоро зазвучит набат свободы, и час вашей смерти пробьет*. Те, кто уничтожил королевскую власть, сумеют истребить интриганов и предателей. Прежде чем Капет достигнет возраста щенка, *все его адвокаты отправятся ему вослед*. Груша созрела, пора ей упасть, черт побери! Подпись: *Эбер*, заместитель прокурора Коммуны. *Отрывок из Великого гнева папаши Дюшена на Жерома Петиона*“» [54].

Эбер, который в течение всего мая продолжал свои неистовые призывы, был явно предназначен для жестких мер Комиссии двенадцати.

Вышедший 24 мая номер 239 «Пер Дюшен» был очень агрессивным. Его заглавия достаточно, чтобы понять его тон: «Великое разоблачение папаши Дюшена перед всеми санкюлотами департаментов заговоров, которые плетут бриссотинцы, жирондисты, роландисты, бюзотинцы, петионисты и вся проклятая шайка сообщников Капета и Дюмурье, заговоров с целью истребления бравых монтаньяров, якобинцев и Парижской коммуны, нанесения смертельного удара делу свободы и восстановления королевской власти. Его добрые советы бравым молодцам предместий разоружить все это старье, у которого в жилах не кровь, а водица и которое вместо того чтобы защищать Республику, старается разжечь гражданскую войну между Парижем и департаментами» [55].

Комиссия двенадцати решилась нанести удар. Вечером 24 мая она принимает два постановления. Первым постановлением она подчиняет все парижские секции своему контролю [56].

---

50. A. Tuetey. Op. cit., t. IX, № 631, донесение наблюдателя Дютара от 24 мая 1793 г.; A. Schmidt. Op. cit., t. I, p. 282.
51. «Moniteur», XVI, 458, 25 mai 1793. «Шометт, прокурор Коммуны, своим согражданам». «Распространяют слухи, будто я монах, будто я был прокурором монашеской общины и т. д.».
52. «Le Patriote français», № 1359, 4 mai 1793, p. 496.
53. «Le père Duchesne», № 232, s.d.
54. «*Великий гнев папаши Дюшена* («*La grande colère du père Duchesne*») на Жерома Петиона, который после того, как он бросил санкюлотов, хочет стать во главе сутяжного сословия и армии, состоящей из бывших адвокатов и прокуроров, торговцев сахаром и деньгами и всех *порядочных людей* Лафайета, с целью изгнать неактивных граждан из их секций, дабы выдать Францию королю Жоржу Дандену [простофиле] и восстановить королевскую власть, которую мэтр Жером и бриссотинцы поклялись защищать до самой смерти».
55. См. выше, гл. VII, с. 435, прим. 65.
56. M. Mortimer-Ternaux, Op. cit., t. VII, p. 266.

«Граждане, — говорит она им, — Чрезвычайная комиссия двенадцати, учрежденная Национальным Конвентом 18 числа текущего месяца, уполномочена, в частности, *изучить все постановления, принятые в течение месяца Генеральным советом Коммуны и секциями Парижа.* В соответствии с этим Конвент предлагает вам переслать ему реестры, содержащие постановления, принятые на протяжении месяца в вашей секции, чтобы Комиссия могла их изучить. Комиссия заседает непрерывно и примет вас в любое время. Впрочем, все время, пока реестры будут находиться у нее, они в любое время могут быть представлены вам для наведения справок. *Подписи*: **Мольво**, *председатель*; **Анри Ларивьер**, *секретарь*».

По существу, это было началом следствия, направленного против всех революционеров секций. Одновременно, чтобы ясно показать, что она решила перейти к действиям, Комиссия двенадцати выдала ордер на арест Эбера и Варле. Это был ловкий ход — смешать воедино и объединить Коммуну и бешеных. Одновременно были арестованы Марино и Мишель. Таким образом, Варле и папаша Дюшен были связаны общим обвинением в призывах к убийству, основанием для которого послужили выступления революционных полицейских» [57].

Все эти взрывы бомб не испугали революционных секций.

Центром волнений и действий стала Коммуна. Сопоставляя отчет, данный в «Монитёр» [58], с тем, который помещен в «Кроник де Пари», и добавляя к этому отрывки из более обстоятельного протокола, использованного Шмидтом в его «Картинах Французской революции» [59], можно восстановить события ночи с 24 на 25 мая, столь пламенной и бурной, изобилующей драматическими инцидентами, торопливыми и неистовыми заявлениями, уже почти переходящими в действия.

«Один из членов сообщает Совету, что секция Елисейских полей расклеила на всех перекрестках Парижа афишу, в которой муниципалитет подвергается оскорблениям. Он добавляет, что сегодня утром было предложено учредить в Париже 48 муниципалитетов. Другой сообщает, что Национальный Конвент постановил, что секция Бютт-де-Мулен [умеренная секция] имеет большие заслуги перед отечеством [60]. Любен [61] замечает, что вскоре все секции будут иметь важные заслуги перед отечеством, а муниципалитет Парижа будет опозорен перед всеми департаментами. [Любен уже ранее, 23 мая, высказывался в пессимистическом тоне.] Гарен [62] уверяет, что вскоре председатели секций будут в свою очередь опозорены санкюлотами.

Совет постановляет, что ни один гражданин не сможет войти в Общий дом [ратушу], не имея при себе гражданского удостоверения или удостоверения члена Совета, и что ни паспорт, ни удостоверение о гражданской благонадежности не могут заменить этих документов. Он одобряет постановление муниципалитета, касающееся удостоверений о гражданской благонадежности и разрешающее комиссарам для покрытия канцелярских расходов взимать 15 су за уведомления секций и 25 су за выдачу удостоверений о гражданской благонадежности.

Совет одобряет текст обращения, которое он должен представить Конвенту относительно обращения секции Братства [63], и назначает комиссаров, чтобы отнести его завтра в Конвент.

Патриотическое общество секции Люксембургского дворца, принимая во внимание, что рядом предложений, выдвинутых в Конвенте, нас стремятся повергнуть в рабство, что департаменты вооружают против Парижа и федерализируют Республику и что дело уже идет к возведению эшафотов для расправы с самыми горячими поборниками свободы и равенства, что ведут постоянную войну с установленными властями, в частности с Парижской коммуной, постановляет, наряду с другими решениями, что оно признает безупречными перед всей нацией членов, заседающих на Горе, и поздравляет Коммуну за принятые ею в критических условиях гражданские и революционные меры. Совет одобряет патриотические чувства секции Люксембургского дворца и приглашает ее представителей присутствовать на заседании» [64].

И в этом уже сильно возбужденном собрании как бомба взрывается весть об аресте Эбера [65].

«В девять часов Эбер, второй заместитель прокурора Коммуны, доводит до сведения Совета, что в награду за его службу отечеству ему только что вручили от Комиссии двенадцати ордер на арест. Он говорит, что его отрывают от выполнения его обязанностей, но что *он подчинится закону.* Он напоминает Совету о

57. A. Tuetey. Op. cit., t. IX, № 2525; M. Mortimer-Ternaux. Op. cit., t. VII, p. 267.
58. «Монитёр» от 27 мая 1793 г. дает под рубрикой «Парижская коммуна» пространный отчет «Ночь с 24 на 25 мая». («Moniteur» XVI, 473.)
59. Напомним, что А. Шмидт в своих «Картинах Французской революции» следовал в основном донесениям полицейских наблюдателей, хранящимся в Национальном архиве (F^{1c} III Seine 27), — донесениям, которые Тюэте анализирует в своем «Répertoire général des sources manuscrites de l'histoire de Paris pendant la Révolution française».
60. «Moniteur», XVI, 463, заседание Конвента 24 мая 1793 г.
61. Любен (1765—1794) — живописец, член Коммуны 10 августа, член Генерального совета законной Коммуны от секции Елисейских полей.
62. Гарен — член Генерального совета, администратор по снабжению продовольствием.
63. См. выше, прим. 42 и 48.
64. Патриотическое общество секции Люксембургского дворца было учреждено в январе 1792 г. Его устав принят 19 февраля 1793 г. Оно изменило свое наименование в одно время с секцией и во II г. стало называться Народное общество Муция Сцеволы.
65. «Moniteur», XVI, 473.

принесенной им клятве защищать угнетенных и расценивать посягательство на кого-либо из его членов как посягательство на себя лично. Он напоминает об этой клятве не ради себя, ибо он готов сложить голову на эшафоте, если принесение в жертву его жизни окажется полезным отечеству, но ради своих сограждан, которые близки к возвращению в рабское состояние. Он выходит, возвращается, обнимает Шометта, который целует его со словами: „*Иди, мой друг, я надеюсь вскоре присоединиться к тебе*". Шометт объявляет, что были выданы ордера на арест Марино и Мишеля, администраторов полиции, и еще одного гражданина из секции Общественного договора. *Он призывает всех членов Совета оказать помощь женам и детям своих коллег, которые могут быть арестованы.*

Генеральный совет постановляет, что он будет заседать непрерывно до получения известий о своем коллеге и друге Эбере.

Добровольцы из секции Музея приходят, чтобы в лоне Совета принести клятву до последней капли крови защищать свободу, равенство и процветание Республики.

Является множество граждан из секции Арсенала. Их оратор информирует Совет о том, что они покинули аристократов и тех, кто хочет повернуть Революцию вспять. Он жалуется на то, что (в своей секции) был призван к порядку, так как потребовал доказательств заговора, о котором донесла секция Братства. Он просит сведений о тех фактах, о которых донесла эта секция. Мэр подробнейшим образом рассказывает о том, что происходило на собраниях, проведенных в мэрии членами революционных комитетов. Он заверяет, что там не было никакого плана заговора и что только злая воля могла извратить факты, сами по себе очень простые, в которых нет ничего тревожного, и зачитывает свое письмо по этому вопросу, оглашенное сегодня в Национальном Конвенте[66]. Доклад, письмо и заявление мэра, равно как и отчет о той части заседания, которая касается мнимого заговора, будут напечатаны, расклеены и разосланы секциям и народным обществам».

Под непосредственным впечатлением вызывающих мер Комиссии двенадцати Совет Коммуны еще не решается оказать сопротивление, начав восстание. Он решает передать Комиссии реестры своих заседаний. Эбер формально заявил, что он подчинится закону (по этому вопросу тексты в «Монитёр» и в «Кроник де Пари» идентичны), и он действительно подчинился ему, причем никто из членов Коммуны не попытался воспротивиться этому или высказать противоположное мнение. Они, несомненно, еще не решались нанести удар по Конвенту, в котором, несмотря на ошибки и межпартийные раздоры, все еще пребывало величие нации: оно прикрывало даже преступных депутатов. И к тому же кровожадные речи администраторов полиции, несомненно, известные всем революционным комитетам, делегаты которых присутствовали на собрании в мэрии, внесли смущение в сердца. Если можно занести руку на Жиронду, то бесноватые могут дойти и до убийств. Этот страх удручал сердце Парижа и сдерживал революционный порыв. Для того чтобы рассеять этот страх, члены Коммуны начали свое заседание 24 мая с принятия безотлагательного обращения к Конвенту[67]:

«Граждане, вам было донесено об ужасном заговоре. Это обвинение было подтверждено от имени двух секций[68]. Заговорщики не были названы по именам, и это жестокое умолчание бросает подозрение на всех граждан Парижа. *В Париже, несомненно, есть преступные люди. Питт и тираны коалиции подкармливают их. С них надо сорвать маску.* Обращение, которое было вам представлено, несомненно, подписано. Подписавшие знают виновных. Если они истинные патриоты, пусть их укажут, и их надлежит покарать. Если же дело обстоит по-другому, если обвинители не укажут или укажут неопределенно, вы должны оказать нам правосудие. Как должностные лица парижского народа, облеченные его доверием, мы считаем своим долгом требовать от вас для него правосудия.

Граждане представители, именно от вас мы должны ожидать этого правосудия. Мы пришли просить Конвент, чтобы вы постановили передать представленную вам петицию общественному обвинителю Революционного трибунала; чтобы парижские преступники, если таковые имеются, были без промедления наказаны; если же их нет, чтобы меч возмездия, хоть один раз, пал на головы тех, кто клевещет на город, который сделал Революцию и хотел ее, который может сделать нас счастливыми, если Конвент останется на той высоте, на которую французский народ его поставил».

Коммуна хочет, чтобы любой ценой Париж был избавлен от этого кошмара. Она надеется прижать к стене секцию Братства, доказать, что либо нет никакого заговора, либо он нелепо раздут. Но она готова, в случае если бы следствие доказало, что виновные действительно есть, отмежеваться от них, она готова сама обвинить их как агентов Питта, которым он платит за то, чтобы они поставили Революцию под угрозу своими преувеличениями и кровожадными предложениями. От этого наваждения хотят избавиться и делегаты секции Арсенала, пришедшие в тот вечер в боль-

66. «Moniteur», XVI, 471. «В заключение я заверяю, что если некоторые члены Конвента соблаговолят забыть частные раздоры и предоставят Собранию возможность заняться великим делом выработки Конституции, то нет такого другого города, в котором оно бы чувствовало себя более спокойно и было бы более уважаемо, чем Париж».
67. «Moniteur», XVI, 479, заседание Конвента 25 мая 1793 г.
68. Секции Братства и Тюильри.

шом числе на заседание Коммуны [69]. Встревоженные, обращаются они к мэру, требуя объяснений, подробностей. Чтобы успокоить их, выступивший после мэра заместитель председателя Коммуны Детурнель [70] в свою очередь настаивает на несостоятельности разговоров о заговоре и на необходимости революционных действий, одновременно решительных и благоразумных

«Да, граждане, вы здесь среди ваших должностных лиц, которые являются также вашими друзьями. Когда вы почтили нас вашим доверием, мы представлялись вам достойными его. Мы и сейчас таковы, мы никогда не перестанем быть такими. Сейчас мы переживаем трудное время! *Намечается большой кризис, он близок. Да что я говорю! Он уже наступил.* Сейчас от нас требуется быть твердыми, быть республиканцами, *не забывая, однако, об осторожности и, самое главное, не нарушая закона.* Демократическая Революция не должна отступать ни на один шаг, она не должна даже останавливать своего движения. Однако, граждане, мы не должны выходить за пределы законного, за исключением одного случая — когда какая-либо новая, невыносимая тирания делает неизбежным святое восстание, которое, как гласит Декларация прав человека, является самой священной из обязанностей человека.

Граждане, вы столь же просвещенны, как и благоразумны. Мы рассчитываем на то, что вы будете держаться правильной линии поведения в настоящих грустных обстоятельствах.

Что касается вопроса, с которым вы обратились к нам, относительно мнимого заговора, разоблачение которого было бы верхом смешного, если бы оно не было верхом нелепости, то гражданин мэр дал вам самое чистосердечное объяснение. Вы должны были почувствовать искренность и чистосердечие его рассказа и ту ясность, которые характерны для всего, что исходит из уст этого добродетельного должностного лица. Мне нечего к этому добавить» [71].

Этих объяснений, доведенных делегатами до сведения своей секции, оказалось недостаточно для того, чтобы рассеять тревогу патриотов, а равно и для того, чтобы расстроить происки контрреволюционеров и умеренных, ибо в одиннадцать часов один делегат сообщил Коммуне, что секция Арсенала только что сместила со всех должностей санкюлотов.

«В одиннадцать часов один делегат секции Арсенала доводит до сведения Совета, что собрание этой секции отрешило от должности своего председателя и секретаря-письмоводителя и объявило, что все ее нынешние члены Совета неправомочны выполнять какие-либо функции [т. е. не удовлетворяют требованиям местожительства, как видно из дальнейшего]. Совет предлагает членам этой секции, которые входят в его состав, перейти в зал Равенства и проверить их удостоверения гражданства, чтобы нельзя было говорить, что это какие-то темные личности, не имеющие определенного местожительства. Он выбирает двух комиссаров для того, чтобы сопровождать их в их секцию, братски восстановить там спокойствие и доказать всем введенным в заблуждение гражданам, что приводимые секцией Братства факты абсолютно ложны» [72].

При таком потрясении умов и тревоге, охватившей даже некоторых революционеров, Коммуна не могла сразу перейти в наступление. Она могла придерживаться только выжидательной и твердой политики, внимательно следить за ходом событий и ожидать новых провокаций со стороны врага, которые наконец поднимут революционный Париж.

«В полночь Совет поручает Менессье и Симону отправиться в Комитет двенадцати, чтобы получить сведения об Эбере, заместителе прокурора Коммуны, и о Марино и Мишеле, причисленных к администрации полиции, на которых Комиссия двенадцати также выдала ордера на арест [73].

Секция Единства [одна из наиболее преданных Коммуне], узнав об угрозах муниципалитету, заявляет торжественно о своей преданности должностным лицам народа, которые всегда пользовались ее доверием. Она доводит до сведения Совета, что, *принимая во внимание беспорядки, которые вот-вот вспыхнут, она постановила: добровольцы не отправятся в Вандею, а посвятят себя борьбе с врагами, которые действуют сейчас повсюду в Париже*».

Ответ Детурнеля делегатам был осторожным, но исполненным доверия [74]:

«План, задуманный с целью оклеветать, арестовать и погубить муниципалитет, — этот гнусный план осуществляется с жаром, достойным тех чувств, которые его породили. Нас нельзя разложить, нас нельзя ни сделать аристократами, ни запятнать модерантизмом, поэтому нас изображают мятежниками, анархистами, убийцами. Такими нас изображают дурные люди, но честные люди нас оправдывают; вы из их числа. С такими друзьями, как вы, и с чистой совестью должностные лица народа не боятся никаких врагов, и они уверенно идут по стезе закона, своего долга и общественного спасения, которое для них — высший закон.

Что касается добровольцев, отправление которых вы предлагаете отсрочить, то Генеральный совет братски замечает вам, что такая мера, подсказанная, несомненно, преданностью, недостаточ-

69. «Moniteur», XVI, 476.
70. Детурнель (1746—1794) — директор Управления регистрационных пошлин в Париже, командир национальной гвардии в 1792 г., член Парижской коммуны, министр общественных налогов (финансов) в июне 1793 г.
71. «Moniteur», XVI, 474.
72. На общем собрании секции Арсенала волнения продолжались. 25 мая 1793 г. Генеральный совет Коммуны снова выбрал четырех комиссаров для восстановления там порядка. («Moniteur», XVI, 482.) См. ниже, с. 565, прим. 1.
73. «Moniteur», XVI, 474.
74. «Moniteur», XVI, 474.

но продумана. Дайте отправиться этим бравым воинам, даже поддержите их пыл! Пусть они идут в Вандею, чтобы повергнуть в прах мятежников! Именно там самые грозные враги Франции, именно там решаются судьбы Республики. Что касается врагов, укрывшихся в этом великом городе, то ваши должностные лица с помощью подлинных патриотов смогут их обуздать, и ни один контрреволюционер, кто бы он ни был, не останется безнаказанным.

Добровольцы ушли, заявив, что они смело отправляются на фронт, поскольку они оставляют здесь столь патриотичный муниципалитет».

Итак, великое сердце революционного Парижа успешно противостояло всем опасностям. Оно расширялось при виде огромной опасности, угрожавшей отечеству, и даже тогда, когда оно, казалось, должно было в отчаянии сжаться, думать только о себе, оно изливало свою щедрость и свою силу повсюду, где Революция была под угрозой.

«В половине второго утра Совет выбирает трех новых комиссаров, которым поручает направиться в Комитет двенадцати для получения сведений о гражданах Эбере, Марино и Мишеле, и постановляет каждый час посылать новых до тех пор, пока не будет ответа. В половине третьего сообщают, что Эбер подвергается допросу, что Варле, апостол свободы, об отъезде которого в Вандею мы объявили, был допрошен и затем арестован.

В четыре часа утра комиссары, вернувшись, сообщают, что Эбер только что отправлен в Аббатство по приказу Комитета двенадцати. Марино и Мишель, наоборот, как будто освобождены. Совет постановляет, что всем его членам предлагается явиться сегодня утром, точно в 9 часов, на свои места, чтобы обсудить, какие меры надлежит принять в связи со столь прискорбными для всех честных граждан событиями» [75].

В субботу 25 мая, в 11 часов (изнуренные, члены Коммуны не смогли собраться в 9 часов), заседание возобновляется.

«Шометт сообщает Совету, что, явившись сегодня утром в Аббатство для свидания с Эбером, не мог с ним поговорить, так как тот спал. Это доказывает, добавил он, что Эбер невинен, ибо преступник не может спокойно спать.

[Это одна из тех сентиментальных благоглупостей, которыми добрый Шометт порой уснащает свои речи.] Он сообщает, что единственное, что ставится в вину Эберу, — это страница из «Пер Дюшен».

Один член замечает, что в нынешних обстоятельствах Генеральный совет не может оставаться равнодушным к несчастьям, обрушивающимся на честных граждан, и к посягательствам на свободу печати. По его предложению Совет постановляет донести Конвенту об ущербе, нанесенном Правам Человека посягательством на свободу печати. Это будет приложено к одобренному вчера

обращению, которое сегодня утром должно быть доставлено в Конвент.

Вносится предложение разослать всем 48 секциям циркулярное письмо, чтобы предупредить их об аресте гражданина Эбера, которого оторвали от выполнения его обязанностей должностного лица народа. Один член полагает, что было бы полезнее, чтобы член Совета посетил каждую секцию и сделал бы там доклад о том, что произошло в течение вчерашнего дня. Генеральный совет постановляет разослать по 48 секциям копию обращения к Конвенту об аресте Эбера; это обращение будет доставлено всадниками, которым будет вменено в обязанность явиться в 7 часов на заседания общих собраний и потребовать от имени Совета немедленного зачтения обращения» [76].

Но Совет Коммуны, по-видимому, опасается, как бы эти резкие послания не вызвали дерзких движений. Он все еще хочет остаться на почве законности и, согласно «Монитёр», постановляет «предложить главнокомандующему распорядиться об усилении важных постов и об охране пушек, дабы обезопасить их от коварных атак со стороны злонамеренных людей в связи с распространяемыми слухами о том, что замышляется заговор против свободы» [77].

Этот текст довольно неясный. Тот текст, который дан в «Кроник де Пари», кое в чем отличается, но не более ясен:

«Главнокомандующему предложено распорядиться об усилении постов и охраны Конвента, дабы обезопасить их от атак злонамеренных людей в связи с распространяемыми слухами, будто замышляется заговор против свободы».

Это, очевидно, означало, что народ, возбужденный кое-какими коварными людьми, мог беспорядочно кинуться к Конвенту с целью отомстить тем, кто создает опасность для дела свободы, и что такое отчаянное выступление могло бы послужить желанным предлогом для тех, кто хочет силой задушить Революцию. Это все та же тактика твердой законности, та же боязнь случайностей, связанных с восстанием. Однако вот как после добровольцев революционной секции Единства высказались добровольцы революционной секции Гравилье [78]:

«Их *батальон выстраивается для приема знамени, поскольку* он готов выступить в Вандею. Навстречу ему выходит депутация Коммуны, и заместитель председателя вручает знамя. Затем от имени Совета он дает братский поцелуй командиру батальона. Депутация спускается на площадь Общего дома, чтобы принять присягу добровольцев, которая была принесена с величайшим энтузиазмом, при аплодисментах граждан и возгласах „Да здравствует Республика!“»

75 Ibidem.
76. Ibidem.
77. Ibidem.
78. Ibidem

Итак, Коммуна не считает за должное задерживать в Париже силы революционного действия Она думает о Вандее, которой грозит опасность, о фанатизме Запада, который продолжает распространяться, и именно туда посылает она добровольцев из наиболее патриотически настроенных кварталов города· сыновья и братья бешеных из секции Гравилье охвачены восторженной любовью к свободе и отечеству.

Наконец, как бы для того, чтобы вновь засвидетельствовать свое уважение к законным решениям Конвента, Совет Коммуны по предложению своего прокурора приказывает занести в свои реестры и привести в исполнение декрет, ставящий Париж под охрану граждан и связывающий революционные секции [79]

Марино и Мишель были освобождены с оговоркой, что они должны постоянно находиться в распоряжении Комиссии двенадцати, а Эбер и Варле остались под арестом Вызвало ли это сильное волнение в народе? Отношение к Варле было очень разным и недоверчивым. Его деятельность во время февральских и мартовских событий многим патриотам казалась подозрительной К тому же его почти болезненное возбуждение (которое вскоре обострилось и дошло до сумасшествия), его склонность к саморекламе, его неугомонное тщеславие — все это рождало в сердце народа какое-то смутное беспокойство Народ останавливался на минутку у передвижных трибун установленных под открытым небом этим лихорадочным агитатором, но быстро продолжал свой путь, сохраняя сдержанность После того как Марат от него отмежевался, а якобинцы его исключили, Варле, вынужденный добиваться своего рода революционной реабилитации, решил отправиться на войну в Вандею, но тут на него наложила руку Комиссия двенадцати.

25 мая Дютар пишет Гара (в десять часов утра, до того как он узнал об аресте Варле, произведенном в ночь с 24 на 25 мая) [80].

«Вчера вечером я слышал, как г-н Варле горланил в течение часа на террасе дворца перед большими воротами. Он там выкладывал в более утонченной форме и более четко те мечтания, которые я вам излагал, когда говорил о том, что́ бы сделал, будь я якобинцем. Ему не удалось собрать много аплодисментов» Несомненно, это та проповедь восстания в нескольких шагах от дворца Тюильри, которая побудила Комиссию двенадцати арестовать его Ее к тому же вполне устраивало связать дело Эбера с делом Варле, в известной мере подозрительного в глазах самого народа

Говоря о Варле, Дютар добавляет·

«Мне только что сообщили, что он и шесть других арестованы Так вот, хотите знать, что говорит народ об этих *второстепенных крикунах*? Тем лучше, они нам осточертели; хорошо, что их посадили; если бы их всех пересажали, может быть, они бы оставили нас в покое и дела пошли бы лучше»

Заметьте, что Дютар отнюдь не старается успокоить Гара, наоборот, он старается внушить ему страх, держать его в напряжении Можно сделать какую угодно скидку, оценивая слова полицейского, одно остается несомненным: арест Варле не вызвал никакого волнения, он даже был встречен с одобрением не одним человеком.

Я читаю в отчете заседания Коммуны от 25 мая («Кроник де Пари») следующий многозначительный отрывок [81]:

«После того как занимались Эбером, несколько секций выступили в защиту гражданина Варле. Отмечают, что не следует проводить параллели между этими двумя гражданами».

И когда 28 мая освобожденный Эбер вернется в Коммуну, он будет вынужден сам защищать интересы Варле, настойчиво убеждая, что и он тоже имеет право на защиту [82]. Ясно, что Коммуна и большинство революционных комитетов предпочли бы поднимать возможно меньше шума вокруг этого имени Его считали по меньшей мере компрометирующим Движение протеста было гораздо более сильным из-за Эбера. И если бы Комиссия двенадцати захотела его казнить, это, несомненно, вызвало бы бурное возмущение

25 мая Дютар пишет [83]:

«Настроение народа отличное Наносите ваши удары размеренно, избегайте пролития крови. *Партия Эбера могла бы поднять народ* Однако я думаю, что она решится на это только в крайнем случае. Будьте снисходительны! Но если бы можно было подержать его несколько дней под арестом, это было бы очень полезно Вам следует представить себе, что произойдет при наших нынешних обстоятельствах, когда Эбер выйдет из тюрьмы: он будет сильно пристыжен, напрасно он будет симулировать бешеного, народ не поверит. Есть некое клеймо позора на лбу каждого, кого поразил закон, кто, проявив чрезмерное самомнение, терпит неудачу и оказывается слабейшим Народ ненавидит слабость так же, как трусость Когда дерево повалено, все бросаются обрубать ветки Не знаю, достаточно ли ясно я высказался».

ПОПУЛЯРНОСТЬ МАРАТА

Мне представляется несомненным, что Эбер не внушал народу той глубокой, страстной привязанности, какую народ питал к

---

79 « Выполнение декрета, ставящего под охрану честных граждан общественное достояние, национальное представительство и город Париж». («Moniteur», XVI, 474)

80 A Tuetey Op cit , t IX, № 635; A Schmidt. Op. cit , t I, p 300.

81. «Chronique de Paris», № 147, 27 mai 1793, p 4

82. «Moniteur», XVI, 506; «Chronique de Paris», № 150, 30 mai 1793, p 4

83. Доклад, уже цитированный ранее См выше, прим 80

Марату. В любви народа к Марату было определенное уважение. Имело значение не только то, что он неоднократно правильно оценивал положение, тогда как все другие бродили в потемках, но и то, что во всех его выступлениях была какая-то необыкновенная серьезность, мучительная и трагическая искренность. Особенно важно — и народ это чрезвычайно ценил, — что часто вопреки своей внешней неистовости он оказывался человеком здравого смысла, расчета, я бы даже сказал, почти умеренности. Дютар в этом замечательно разобрался, и, признаюсь, я ни у кого не видел такого портрета Марата и такого анализа его популярности, которые бы в такой мере соответствовали тому живому впечатлению, какое я получил, изучая тексты и документы. Полицейский-философ очень хорошо разглядел, что в тот момент Марат был популярен не только в той части народа, которая была раздражена и доведена до отчаяния, он глубоко проник и в души рабочих и ремесленников, честного и великодушного трудового народа, который готов жертвовать собой, но не хочет быть в дураках. Дютар отмечает в своем донесении Гара от 24 мая [84]:

«„Как все дорого (говорят бедные люди)! Когда же наконец нас оставят в покое! В этом Собрании ссорятся, дерутся; к чему все это? Однако нам сообщают и хорошие новости: 12 тыс. врагов убито в последнем сражении. Скажите нам, правда ли это? Этот господин де Кюстин [85], он из хороших, не изменит ли нам, как другие?“

Говоря о Марате: „*Бедняга, милый человек*, ведь он нам предсказал все, что с нами приключилось, и еще все его терпеть не могут! За две недели он трижды чуть не лишился жизни! Если бы не патриоты, которые вырвали его из рук аристократов...“»

Итак, та часть народа, которая устала от споров и ссор, сплачивается вокруг Марата, у которого, как она чувствует, забота об общественном благе сильнее духа групповщины.

«Ремесленник, производящий детскую обувь, с которым я часто беседовал, хороший рабочий, большой труженик, прекрасный отец и супруг, одним словом, порядочный человек, но также выборщик, большой резонер, сказал мне с выражением жалости: „Недавно секция Тюильри прислала нам (секции Монтрёй) свое пресловутое постановление относительно безопасности Конвента [86]... Мы ответили комиссарам: «Нам ясно, что вы посланы к нам большими париками * Конвента... Они испугались. Так вот, товарищи, скажите им, что это с их стороны клевета на народ предместий — выражать ему недоверие. Скажите им, что народ предместий неспособен на преступление, какого они опасаются с его стороны. Скажите им, чтобы они выполняли свои обязанности лучше, чем прежде, и чтобы мы больше не слышали об их раздорах». Эх, им нужно уйти. Мы все здесь *оборванцы*, но все — честные люди, среди нас нет воров; нам ведомо только прямодушие и разум, никакой подлости“».

И как бы откликаясь на суждение этих разумных, вдумчивых и честных людей о Марате, Дютар добавляет:

«Я настаиваю на роли Марата, потому что предполагаю, что все, кто вас окружает, говорят вам, что сам народ смотрит на него как на оборванца и что только одни разбойники относятся к нему с уважением. Так вот, я имею смелость оспаривать их и заверить вас, что знаю много честных людей, которые убежденно высказываются в пользу Марата. Прежде всего, народ, как правило, не считает Марата виновным во всех убийствах, им вызванных, и вы знаете почему. Дело в том, что народ, который разделял чувства Марата в связи с сентябрьскими, версальскими [87] и прочими событиями, не мог осудить Марата, не обвинив при этом и себя. Подлинное отношение всего простого народа к Марату может быть выражено так: народ не почитает его, даже как будто считает его немножко сумасшедшим. Но то ли его предсказания, в какой-то мере оправдавшиеся, то ли его упорное сопротивление различным партиям, которые народ ненавидел, то ли, наконец, представление, сложившееся у народа о его неподкупности (а неподкупность — бог народа), создали ему сторонников и обеспечили ему защиту и любовь простого народа.

И я тоже, признаюсь вам, часто говорю себе, читая статьи Марата: «Этот человек прав». Даже очень часто я находил его более логичным, чем наши великие резонеры, которые, подобно орлу, парящему благодаря его мощным крыльям в небесах и забывающему о земле, что дает ему пищу и место для покоя, забывают, по существу, о деле народа, они хотят переделать все его вкусы, склонности, привычки и увлечь его в метафизические выси. Марат — тот остается с народом, и всегда с народом. Несколько месяцев назад он писал в одной из своих статей: «Идут разговоры об упразднении жалованья конституционным священникам. Я согласен с тем, что это сэкономит немало миллионов для французской нации». (Весь Париж, Коммуна, везде и всюду только и говорили что о предполагаемом упразднении.) «Но,— добавлял Марат, — не будет ли это вершиной подлости? Стало быть, не будет никакой разницы между неприсягнувшими и конституционными, между пороком и преступлением, поскольку обращение с теми и

---

84. A. Tuetey. Op. cit., t. IX, № 631; A. Schmidt. Op. cit., t. I, p. 283.
85. Кюстин (1740—1793) был назначен главнокомандующим Северной и Арденнской армий вместо Дампьера 15 мая 1793 г.
86. Речь идет о постановлении секции Братства, к которому присоединилась секция Тюильри.

* Старые парики, большие парики — так называли приверженцев старины, людей консервативного склада — *Прим. перев.*

87. Намек на избиения 9 сентября 1792 г. узников, содержавшихся в тюрьмах Национального Верховного суда в Орлеане, во время их провоза из Орлеана в Версаль.

другими будет одинаковое». Если бы Марат всегда выступал таким образом, признаюсь вам, в Париже не было бы маратиста, равного мне, потому что и я, я тоже очень люблю дух справедливости».

УГРОЗЫ ИСНАРА

Этот практический смысл и это самообладание Марата вновь проявились еще совсем недавно, когда после первых поражений в Бельгии он добивался отсрочки репрессий в отношении Дюмурье и высказался против восстания. Что из этого следует? А то, что, хотя арест Эбера и вызвал сильное волнение, народ ринулся бы в бой лишь по сигналу Марата и Робеспьера. Между тем 25 мая на заседании Конвента Жиронда дала волю своему бешеному гневу. Возбужденная лживым и коварным обращением контрреволюционных секций Марселя[88], она с нетерпением слушала делегатов Парижской коммуны, требовавших проведения расследования по доносу секции Братства и освобождения Эбера[89].

«Другое дело привело нас к вам. Должностные лица народа, давшие клятву жить свободными или умереть, не могут без возмущения видеть, как открыто нарушаются самые священные права. Мы разоблачаем перед вами преступление, совершенное Комиссией двенадцати против личности Эбера, заместителя прокурора Коммуны: его вырвали из Генерального совета и отправили в тюрьму Аббатства. Генеральный совет будет сражаться насмерть, защищая невинность. Он требует от вас возвращения к исполнению своих обязанностей должностного лица, заслужившего уважение своими гражданскими добродетелями и своими знаниями. Впрочем, для почтенных людей произвольные аресты подобны гражданскому венку».

Председательствовал Иснар. Он ответил с небывалой резкостью. Я не думаю, чтобы он просто поддался порыву гнева или увлекся импровизацией. Он наверняка знал еще накануне или по меньшей мере с утра, что Коммуна пришлет своих делегатов в Конвент с требованием освобождения Эбера, и заранее приготовил свой ответ. Он любил грандиозные и страшные картины, своего рода библейские пророчества, еще усиленные провансальским пафосом:

«— Конвент, который создал Декларацию прав человека, не потерпит, чтобы какой-либо гражданин оставался в заключении, если он невиновен. Поверьте, правосудие безотлагательно займется вашим делом. Но выслушайте те истины, которые я вам сейчас выскажу: Франция отдала на хранение Парижа национальное представительство, и Париж должен его уважать. Если когда-либо Конвент будет унижен, если когда-либо в результате одного из тех восстаний, которые начиная с 10 марта не прекращаются во-

круг Национального Конвента и о которых муниципальные должностные лица уведомляют нас лишь в последнюю очередь[90]... если когда-либо, повторяю, в результате этих постоянно возобновляющихся восстаний случится так, что на национальное представительство будет совершенно покушение, то я вам заявляю от имени Франции...

— Нет, нет, — раздаются возгласы со скамей крайне левой.

— Да, да, — отвечают люди Жиронды и Равнины; все вскочили, до крайности возбужденные этой горячей речью.

— Я вам заявляю от имени всей Франции: *Париж будет уничтожен; вскоре на берегах Сены будут разыскивать то место, где был этот город*».

Это было своего рода безрассудное переиздание манифеста герцога Брауншвейгского. Он грозил Парижу разрушением, если тронут короля. Иснар угрожает ему разрушением, если тронут Жиронду. Дантон настойчиво требует предоставления ему слова, но Иснар подчеркивает и уточняет свои угрозы:

«Возмездие нации падет не только на головы убийц представителей народа, но и на должностных лиц, которые не воспрепятствуют этому преступлению. Меч закона, на котором еще не засохла кровь тирана, готов пасть на голову каждого, кто осмелится возвыситься над национальным представительством»[91].

В ответ Дантон выступил с речью довольно сильной, но двусмысленной. Среди многочисленных вспышек молний гражданской войны он продолжал призывать к соглашению и миру. И его торжественная речь звучала порой то как защитительная речь, то как скучная проповедь.

«Зачем предполагать, что когда-нибудь на берегах Сены будут тщетно разыскивать то место, где был Париж? Совсем не подобают председателю подобные настроения! Он должен выступать только с утешительными идеями.

Я не умею скрывать своих мыслей. *Даже среди лучших граждан встречаются люди слишком запальчивые.* Но не осуждайте то, что совершило Революцию, ибо, если бы не было людей великих страстей, если бы народ не бывал необузданным, он бы никогда не разбил своих оков. И я тоже был у кормила государства во время бури. Я не боюсь обвинений тех, кто приписывает мне огромное состояние. Мне предложили представить отчеты, я их представил, теперь я предлагаю еще раз отчитаться перед Революционным трибуналом.

---

88 Обращение тридцати двух секций, составляющих коммуну Марселя, к Национальному Конвенту. («Moniteur», XVI, 476)

89 «Moniteur», XVI, 479.

90. В этот момент, согласно отчету, данному в «Moniteur» (XVI, 479), «раздаются бурные протесты на скамьях крайне левой. В противоположной стороне аплодируют. Несколько голосов на скамьях левой: *Это не ответ*».

91. «Moniteur», XVI, 479; «Archives parlementaires», LXV, 320

Возвращаюсь к моему основному вопросу. Я заявляю, что силы нации можно удвоить, если объединить Париж с департаментами. Надо всячески остерегаться возбуждать департаменты против Парижа. Кто это придумал, что этот огромный город, который обновляется с каждым днем, этот политический центр, где сходятся все лучи, якобы собирается посягнуть на национальное представительство? Как? Париж, первый разбивший скипетр тирании, стал бы посягать на доверенный ему священный ковчег? Нет, Париж любит Революцию. За жертвы, принесенные им на алтарь свободы, Париж заслуживает объятий всех французов. Вы разделяете эти чувства? Что же, проявите их. Заявите, что Париж никогда не переставал оказывать важные услуги отечеству. *Объединимся же!* Пусть наши враги почувствуют на своей шкуре, что накал наших прений имеет источником энергию нации. Пусть они узнают, что вы всегда готовы объединиться, чтобы раздавить их. Пусть они узнают, что если мы окажемся настолько глупыми, чтобы рисковать свободой, то народ слишком велик, чтобы дать ей погибнуть» [92].

Да, но какой же план был у Дантона в тот момент? И какие были у него еще основания надеяться на сближение партий и на замирение?

Между тем волнение в секциях нарастало, но ничего решающего еще не происходило. Если верить Дютару, вечернее заседание Совета Коммуны 25 мая протекало тускло и Шометт тщетно расходовал свое красноречие, стараясь подогреть немного энтузиазм.

«Позавчера вечером (он пишет 27 мая) [93] г-н Шометт из кожи вон лез, обвиняя нас, журналистов, в том, что мы — лазутчики бриссотинской клики; он как с цепи сорвался, обрушился на нас, плакал, извергал какие-то звуки, исходившие как будто из самого его нутра, бился, старался изо всех сил. *Народ оставался холодным, а Совет подавленным.*

Этот бедняга, с тех пор как он стал сенатором, политиком, публицистом, и все это почти одновременно, *перестал быть революционером.* Он не заметил, что, чем больше он старается показать, какие страдания причиняет ему тюремное заключение Эбера, тем более он обнаруживает перед народом свое бессилие, свою неполноценность и слабость: *«Если ты бог, как ты говоришь, освободись сам!»*

Господин Шометт имел глупость разгласить, что он был юнгой, а не монахом [94]. И чтобы доказать, что он не плут и не совершал злоупотреблений на занимаемой им должности, он прибавил, что с тех пор, как он занимает эту должность, он ограничивался тем, что «погашал долги, которые почтенная бедность заставила его сделать».

Наконец, в вечер заключения [Эбера] в тюрьму, он рассказал, что Эбер небогат и что у него жена и ребенок. Смею думать, что, если бы он осмелился, он тогда же потребовал бы выплаты временного пособия, после одного дня заключения, человеку, занимающему важную должность и зарабатывающему по меньшей мере 12 тыс. ливров.

Похоже на то, что г-н Шометт тоже ушел от народа, что он уже не знает народа и что обе партии состязаются на глазах у народа в том, кто больше наделает глупостей».

И в самом деле, по отчету, помещенному в «Кроник де Пари» и в этой части более полному, нежели приведенный в «Монитёр» [95], создается впечатление, что Шометт не говорил в этот вечер как человек действия. Он погрузился в какие-то сентиментальные или ребячьи бредни, истово и слезливо защищал Коммуну и предложил самому разделить с Эбером оковы или же изыскать способ разбить их.

«Шометт навестил Эбера в тюрьме и рассказывает об этом посещении. Эбер спокоен и просит Совет не тревожиться за него. Но, говорит он, преследуя Эбера как журналиста, преследуют свободу печати, и он требует, чтобы камера, где находится Эбер, была названа *камерой свободы печати.* [Как будто это самое важное; подобные благоглупости в момент кризиса вызывают раздражение.] Ведь была же в Бастилии башня Свободы. Дюмурье, говорит он, так уверенно рассчитывал на какое-то движение в Париже, что извещал об этом в каком-то письме. В то время как Дюмурье клеветал на Паша, Паш подвергал свою жизнь опасности ради народа на улице Ломбар, где его чуть не раздавили [96]. [Заметьте, что Паш боролся с теми, кто похищал продовольствие из лавок, и Шометт довольно плоско распространяется о духе законности Коммуны.]

Наше великое преступление в том, что мы сохранили цену на хлеб в размере 3 су за фунт. Вы в конечном счете поймете, где ваши враги и где ваши друзья, и воздадите должное вашим должностным лицам. Повторяю, нас упрекают в том, что мы сохранили цену на четырехфунтовый хлеб в размере 12 су. Возмещение булочникам выплачивалось за счет богатых, благодаря обложению их налогом, и они не могут нам этого простить. Собственник покупает хлеб по цене 16 су за фунт, и только бедняк выигрывает на этом деле; *мы все сделали для бедных, и в этом наше преступление в глазах богатых, наших величайших врагов. Другое наше*

92. D a n t o n. Discours. Édition critique par A. Fribourg. Paris, 1910, p. 438.
93. A. T u e t e y. Op. cit., t. IX, № 444; A. S c h m i d t. Op. cit., t. I, p. 313.
94. См. выше, с. 547, прим. 51.
95. «Chronique de Paris», № 148, 28 mai 1793, p. 2, «Suite de la séance du 25 mai».
96. Во время ограбления бакалейных лавок 25 февраля 1793 г.

преступление в том, что мы едины, а наше единство делает нас грозными для злонамеренных, и, чтобы нас опрокинуть, нас хотят расколоть.

Затем Шометт делает историческое отступление о кардинале Ришелье. Этот кардинал, говорит он, сказал однажды одной придворной даме: «Дайте мне четыре строчки любого человека, и я его отправлю на виселицу». [Очевидно, для защиты Эбера, обвиненного за несколько статей, Шометт и привел этот сомнительный анекдот] Риенцо* хотел сделать свою страну свободной, но имел несчастье сказать: *«Я хочу власти»* — и злоупотребил ею. Он сделался кондотьером, диктатором и был убит, потому что изменил народу под предлогом служения ему. Если у нас есть такие Риенцо, их надо разоблачить и покарать. Я вижу, как французы дерутся с французами, граждане с гражданами, что за зрелище! . Наши враги объединяются, чтобы угнетать нас, неужто мы не можем их победить, ведь мы объединены под знаменем свободы! Мы их победим. Я вижу Париж в тех же обстоятельствах, что и прошлой весной, возродился новый Австрийский комитет, и опять преследуют патриотов. Но кто же определяет судьбы Франции? Увы, я мог бы сказать, как Вольтер: «*Так вот кто опора моего печального отечества!*» Я вам возвещаю департаментскую вооруженную силу, сказал он в заключение, но это братья, и вместе с ними мы посадим большое дерево Братства, новое дерево Единения»

Конечно, было бы рискованно и несправедливо судить о речи человека по столь сжатому отчету. Все же тут, пожалуй, можно ясно разглядеть, что в этой мешанине, исторической, апологетической и слезливой, нет ни одного сильного и ясного слова, ни одного решительного и четкого совета. Однако Шометт предстает в лучшем свете, когда следует своему социальному инстинкту, довольно глубокому и чувствительному: «Мы все сделали для бедных». Он таким образом объединяет всех пролетариев Парижа Верно и то, что по сравнению с Конвентом, расколотым, терзаемым раздорами, Коммуна спаяна сердечным и братским единством В это время, несмотря на довольно большие различия в характерах, нельзя заметить никакого соперничества, никаких разногласий между Шометтом, Эбером, Детурнелем: Совет почти всегда единодушен.

ДЕЙСТВИЯ СЕКЦИЙ

Из секций доходили довольно разноречивые известия В секции Арсенала борьба продолжалась [1].

«Один делегат секции, в красном колпаке, сообщает Совету, что в собрании опять происходят волнения. „Ваши комиссары,— говорит он,— подвергаются оскорблениям; мы располагаем недостаточными средствами; эта секция находится в плачевном состоянии, там множество молодых людей в узких коротких штанах, которые устраивают ужасный гвалт. Я прошу вас прислать комиссаров с крепкими легкими, чтобы они заставили себя услышать". Он замечает, что причина беспорядка в том, что аристократы выбрали одного из подписавших (нашумевшие петиции) председателем секции. Туда посылают четырех комиссаров».

Но 16 секций высказались в духе Коммуны и Горы [2].

«Секции Прав человека, Тампля, Федератов, Ломбар, Попенкур, Гравилье, Пантеона, Марселя, Бон-Консей, Арси, Рынка, Музея, Предместья Монмартр, Единства, Бон-Нувель, Горы присое-

* Кола ди Риенцо (1313—1354) — итальянский политический деятель Мечтал о возрождении былого величия Рима. В результате успешного восстания пополанских масс Рима в 1347 г. в Риме была провозглашена республика, а Риенцо стал народным трибуном. Феодалы начали решительную борьбу против республики, и Риенцо вынужден был бежать. Вернулся в Рим в 1354 г. с помощью кондотьерских отрядов. Тиранические методы его правления привели к восстанию, во время которого он был убит — *Прим. ред*

1. «Moniteur», XVI, 482, заседание 25 мая 1793 г. См. выше, с 553, прим. 72 Волнения в секции Арсенала продолжались до 31 мая. («Moniteur», XVI, 490, 527.)
2. «Moniteur», XVI, 482, заседание 25 мая 1793 г.

диняются одни — к обращению, представленному муниципалитетом Конвенту, относительно ареста гражданина Эбера, другие — к постановлению секции Тампля, призывавшему остальные 47 секций выбрать комиссаров, которые соберутся сегодня вечером в Общем доме для составления адреса Конвенту на предмет выяснения мотивов, побудивших арестовать второго заместителя прокурора Коммуны».

Это движение еще не было очень широким, поскольку оно охватило только 16 секций из 48. Однако оно обозначилось уже достаточно ясно и сильно, чтобы Дютар предупредил Гара в тот же вечер, 25 мая, что Конвенту следовало бы освободить Эбера. 27 мая он пишет ему [3]:

«Я отмечал, что после перемен, происшедших за последние два месяца, Конвенту следует действовать с величайшей осмотрительностью, что ему не следует трогать главарей групп, что в данное время он должен довольствоваться тем, чтобы подрезать им когти и крылья, преследовать же сейчас кого-либо из этих людей значило бы пробудить внимание народа, который, хотя и не очень их ценит, все же отдает им предпочтение перед теми, кого он ненавидит.

Вечером третьего дня [т. е. 25 мая] *я вам сказал, что Конвент должен быть готов к тому, что ему придется освободить Эбера,* что он должен к этому подготовиться и заранее обдумать, каким образом его освободить без ущерба для своего престижа, что в данных обстоятельствах он не может обрушиваться главным образом на Эбера, что такая попытка была бы связана с риском зажечь пламя гражданской войны только ради того, чтобы избавиться от человека, который почти не в состоянии причинить вреда».

На следующий день, в воскресенье 26 мая, заседание Конвента проходило довольно вяло [4]. Делегаты от 16 секций потребовали освобождения Эбера. Марат, Бийо-Варенн, Лежандр в крайне резких выражениях протестовали против действий «Двенадцати», этих *«дуодецемвиров»,* и потребовали выразить порицание Комиссии двенадцати или распустить ее. Но петиция была отвергнута, и заседание было закрыто, и Гора ничего не добилась. Но характерным для этого дня 26 мая, возвещающим нарастание движения, является, во-первых, то, что борьба между Конвентом и секциями становится более открытой, более грубой, и, во-вторых, то, что якобинцы вступают в строй. Вначале в секциях патриоты, санкюлоты, которых на воскресных заседаниях гораздо больше, одерживают верх почти повсюду. «Рабочие моей секции, работающие в Шайо, — отмечает один из наблюдателей, — приходят толпой на общее собрание, они требуют отчета; все решения, принятые за неделю, отменяются. но в понедельник принимаются другие постановления».

Но теперь импульс, данный секциям революционными рабочими, которых воскресный день возвращает к политической борьбе,

становится решающим и долговременным. В то воскресенье 26 мая «секция Единения берет под свою защиту Эбера и Варле; *рабочие этой секции сего дня одержали победу над аристократами»* [5].

Совет Коммуны в ходе своего заседания получает от секций бюллетени о боевых действиях, которые, в сущности, чаще всего являются бюллетенями о победах. «Секция Санкюлотов сообщает Совету, что завтра она потребует от Конвента освобождения Эбера...

Секция Пантеона ранее приняла постановление, соответствующее постановлению секции Братства; *сегодня ветер переменился*; было нанесено несколько ударов, патриоты одержали верх; секция Предместья Монмартр огласила вечером свое постановление, и оно было одобрено» [6].

Даже в секции Арсенала баталия, шедшая уже несколько дней с переменным успехом, принимает наконец оборот в пользу санкюлотов. Дютар отмечает инциденты, имевшие место вечером 26 мая [7]: «Спешу в секцию Арсенала; там все в большом оживлении, кое-кого побили стульями, несколько человек ранено, одного капитана унесли на кресле, и здесь рассыльные и приказчики из лавок удрали, хозяевами положения остались санкюлоты. „Ладно, — говорят некоторые, — им хочется, чтобы их угробили; нам от них ничего не надо, мы ничего от них не требуем. Пусть же оставят нас в покое“».

Когда читаешь Дютара, создается впечатление, что вмешательство соседних секций было законным. «Сбежались, — говорит он, — некоторые секции, т. е. патрули. Они следили за соблюдением закона, поддерживали порядок и спокойствие. Мы расстались после долгих прощаний ровно в 12 часов ночи, т. е. после того, как ушли и комиссары Коммуны».

Но как может Дютар уверять, что во время драки делегаты других секций не оказали поддержки патриотам? А именно это явствует из отчета, помещенного в «Кроник де Пари» [8]: «Бодсон [9] докладывает Совету. Он говорит, что, когда прибыли комиссары секции Арсенала, патриоты уже имели некоторое преимущество. Затем на помощь патриотам секции Арсенала прибыли депутации от секций Монтрёй, 92 года, Прав человека, Марселя, Арси.

---

3. A. Tuetey. Op. cit., t. IX, № 644; A. Schmidt. Op. cit. t. I, p. 313.
4. «Moniteur», XVI, 486; «Archives parlementaires», LXV, 355.
5. «Moniteur», XVI, 490.
6. Ibidem.
7. A. Tuetey. Op.cit., t. IX, № 643, донесение от 27 мая 1793 г.; A. Schmidt. Op. cit., t. I, p. 312.
8. «Chronique de Paris», № 148, 28 mai 1793, p. 3.
9. Бодсон (1765—?) — художник-гравер, член Коммуны 10 августа, комиссар исполнительной власти в департаментах в 1792 г.

Двери собрания были открыты, и каждый мог войти, предъявив свое удостоверение. Аристократы обратились в бегство, оставив свои шляпы. Было решено присоединиться к постановлению секции Монмартра».

Воодушевленные приливом рабочих сил, одобренные поддержкой, которую они взаимно оказывали друг другу, секции были еще вдобавок возбуждены страстной пропагандой Клуба кордельеров.

«Прихожу в свою секцию без четверти десять, — сообщает Дютар Гара [10]. — Там обсуждали вопрос о допущении депутации от Клуба кордельеров. Двое бешеных стояли у трибуны и требовали слова. Справа кричали: „Долой, долой, к очередным делам!“ Более десятка умеренных, казалось, думали про себя, а некоторые даже говорили вслух: „Всего только десять минут осталось, уже только шесть, только четыре“».

Охваченные страстью, секции уже совершенно не считались с пресловутым постановлением Конвента, запретившим секциям отправляться друг к другу и предписывавшим закрывать заседания в 10 часов вечера. Наиболее пылкие оставались, и постановление Конвента, как можно видеть из рассказа Дютара, произвело действие, прямо противоположное тому, какое имел в виду Конвент: ему подчинялись только умеренные, и, таким образом, начиная с 10 часов секции оставались в руках санкюлотов. Последние к тому же считали, и не без основания, что большинство Конвента установило время закрытия заседаний в 10 часов для того, чтобы рабочие, освободившиеся очень поздно после длительного рабочего дня, были устранены от обсуждений. Именно это отмечает наблюдатель Перьер в своем письме к Гара от 28 мая: «В этом законе о закрытии собраний в 10 часов, который мог иметь своей целью дать отдых утомленному рабочему, они видят лишь средство устранения их от обсуждений» [11].

Поистине до чего же неблагодарными оказались революционные рабочие, не сумевшие оценить проявление столь нежной заботы об их отдыхе! Они даже нашли ловкий прием, чтобы обойти этот чересчур доброжелательный закон. Не секции ли Ломбар принадлежит эта инициатива? «Депутаты от секции Ломбар доводят до сведения Совета Коммуны (на его заседании 27 мая), *что граждане, входящие в ее состав, собираются в качестве клуба после десяти часов вечера*» [12]. Собрание секции закрывается в соответствии с законом, и затем открывается клуб.

29 мая Дютар пишет Гара, и из приводимого ниже отрывка можно заметить, что даже часть мелкой ремесленной буржуазии начинает колебаться, что ей внушает страх растущая активность пролетариев [13].

«Я был вчера на холме св. Женевьевы, у одного переплетчика, порядочного человека, очень аккуратного и очень трудолюбивого. Внешне он напоминает одного из наших каноников прошлых ве-

ков. Когда-то он был в якобинской партии, т. е. он превыше всего любил свободу и Революцию. Я очень часто с ним беседовал, но никогда раньше не находил его столь разумным, как вчера.

Замечу вам, что с некоторых пор у него стало меньше работы. Он был неприятно поражен слухами и сообщениями в газетах о том, что клика собирается перемешать все имущества. Этот честный человек небогат, но есть у него вполне приличная квартира, небольшая обстановка, мастерская и лавка, где находятся товары. У него двое малых детей, и, чтобы не тратиться на прислугу, он сам стряпает, потому что его супруга умерла. Есть у него ассигнаты, водится, пожалуй, и немного луидоров. Вот примерно что он мне говорил: „Господин Дидо [14] богаче меня, но, если бы мне предложили его состояние, я бы его не взял. Если бы предложили отнять у него это состояние, чтобы дать его другому, у которого ничего нет, я бы тоже был против, потому что я так понимаю: господин Дидо достиг этого состояния благодаря своему труду, своему искусству, своей бережливости и т. д. Во всяком случае, он его заработал. Пусть тот, у кого нет этого, действует так, как господин Дидо, как я сам действую, хотя у меня ничего нет: пусть работает, чтобы заработать. Разве это не возмутительно, что на место буржуа, адвокатов и т. п. хотят поставить всех рабочих церкви св. Женевьевы [т. е. занятых на ее постройке]? Неужто думают, что эти люди должны нами руководить? Тем временем они творят закон в нашей секции, *и с тех пор, как законом предписано закрывать заседания в 10 часов, все эти рабочие организовались в клубы, собрания которых проводятся после собрания секций и в другом месте.* У меня появилось желание написать об этом в Комиссию двенадцати. Я хотел бы, чтобы им воспрепятствовали вооруженной силой собираться, потому что это опасные собрания“».

Пусть этот добрый мелкий буржуа скатывается потихоньку к модерантизму и контрреволюции. В его речах меня интересует только его свидетельство об организации клубов, собирающихся после 10 часов.

Но секции не ограничивались невыполнением закона, они не только обходили его. Некоторые из них (правда, они составляли меньшинство) открыто пренебрегали постановлением Конвента. Секция Предместья Монмартр, к решениям которой, как мы виде-

10. A Tuetey. Op. cit., t. IX, №643, донесение от 27 мая 1793 г.; A. Schmidt. Op. cit., t. I, 313.
11. A. Tuetey. Op. cit., t. IX, № 649; A. Schmidt. Op. cit., t. I, p. 327.
12. «Chronique de Paris». № 149, 29 mai 1793, p. 4; «Moniteur», XVI, 498.
13. A. Tuetey. Op. cit., t. IX, № 651; A. Schmidt. Op. cit., t. I, p. 330.
14. Господин Дидо: имеется в виду типограф.

ли, примкнули многие другие секции, отказалась передать Комиссии двенадцати свои реестры и протоколы заседаний [15]. Она решительно заявила, что протоколы обсуждений, происходящих в секциях, являются «священным сводом желаний и воли суверена при выполнении им различных его функций, а потому она их не понесет и не сообщит никакой комиссии; если же Национальный Конвент, олицетворяющий общий суверенитет нации, декретом потребует их передачи, то секция в полном составе понесет их ему и ни в коем случае не оставит».

Секция Единства высказалась более резко: «Заслушав сообщение о некоем декрете Конвента, который запрещает ей, под ответственность председателя, заседать после 10 часов и требует представления реестров и постановлений в Комиссию двенадцати, *собрание принимает решение о переходе к очередным делам, мотивируя это тем, что дозволено оказывать сопротивление угнетению*» [16].

Так как секция Сите последовала примеру секции Единства, на нее обрушился весь гнев Комиссии двенадцати. К концу заседания Коммуны «один гражданин предупреждает Совет о том, что Добсан, председатель секции Сите, и ее секретарь-письмоводитель арестованы, предположительно за то, что они подписали решение, принятое этой секцией, относительно передачи ее протоколов Комиссии двенадцати» [17]. Ночью 26 мая Добсан был заключен в Аббатство.

Волнение не ограничивалось только секциями. В воскресенье с самого утра оно охватило улицу. Начали появляться женщины, вероятно те, которые составляли Общество революционных гражданок, или те, которых это общество могло мобилизовать [18].

«Мне сказали, — сообщает Перьер Гара на следующий день, 27 мая [19], — что вчера были довольно значительные скопления народа около Тюильри, в Якобинском клубе и в Сент-Антуанском предместье. Скопление народа у Тюильри состояло главным образом из женщин, политично выдвинутых вперед самцами, которые не осмеливаются сами предложить или нанести удар».

Так рассуждает полицейский Перьер и грубо добавляет: «Они страдали от жажды и не прочь были бы напиться из черепов Бюзо, Бриссо и их приверженцев».

На следующий день «Патриот франсэ» [20] пишет об этой манифестации женщин с резкой, но не столь тяжеловесной иронией: «Вчера *эти дамы* все поднялись. Они размахивали прекрасным знаменем и великолепным красным колпаком. Они пели *литании* Марата в ожидании того времени, когда можно будет петь *реквием* по бриссотинцам. Они хотели вызвать общее восстание мужчин, но ни один не поднялся, и дамы отправились спать. Игра отложена на сегодня».

Дютар, несмотря на свои философские претензии, менее педантичен и не столь глуп, как Перьер.

Совет Коммуны был извещен немедленно, в ходе заседания 26 мая: «Гражданки, несущие знамя, проходят с возгласами по улицам и призывают прохожих отправиться к Аббатству [чтобы освободить Эбера]» [21].

Совет Коммуны, столь осторожный до сих пор, столь озабоченный тем, чтобы избежать непоправимых повстанческих выступлений, не хотел компрометировать себя этой авантюрой. «Председатель объявляет, что он примет все меры предосторожности, чтобы предотвратить волнения и скопления народа» [22].

Становится очевидным, что решающий сигнал последует не от Коммуны, парализованной заботой о соблюдении законности, а от самых революционных и пламенных секций, совещания которых проходят вне контроля установленных властей.

ЗАСЕДАНИЕ 26 МАЯ В ЯКОБИНСКОМ КЛУБЕ

В тот вечер в Якобинском клубе Марат и Робеспьер начали повышать тон. Не знаю почему г-н Олар дал гораздо более краткий и гораздо более слабый отчет об этом заседании, чем тот, который приводится в «Парламентской истории» Бюше и Ру (частично по газете Горса) [23]. Марат грубо одергивает тех, кто, продолжая следовать тому, что составляло еще недавно метод Робеспьера, занимается разоблачением жирондистских интриг. Уже давно пролит свет на эти дела, теперь надо действовать, надо драться.

«Заниматься разоблачением клики государственных людей значило бы попусту терять время. Эта клика достаточно хорошо известна, но важно разоблачить ее преступные заговоры. Злоупотребляя словами, давая им ложное истолкование, эти государст-

15. «Moniteur», XVI, 486, заседание Конвента 26 мая 1793 г.; «Archives parlementaires», LXV, 351. См. также: M. Mortimer-Ternaux. Op. cit., t. VII, p. 283.
16. M. Mortimer-Ternaux. Op. cit., t. VII, p. 283.
17. «Moniteur», XVI, 490, заседание Генерального совета Коммуны 26 мая 1793 г. Добсан (1743—?) — адвокат, был назначен на пост председателя Революционного трибунала 24 термидора II г., после падения Робеспьера.
18. Об этом обществе см.: M. Cérati. Le Club des Citoyennes républicaines révolutionnaires. Paris, 1966.
19. A. Tuetey. Op. cit., t. IX, № 645; A. Schmidt. Op. cit., t. I, p. 310.
20. «Le Patriote français», № 1383, 28 mai 1793, p. 592.
21. «Moniteur», XVI, 490.
22. Паш заявил: «Из этих объяснений следует, что нет ничего особенно тревожного».
23. A. Aulard. Op. cit., t. V, p. 206; Buchez et Roux. Histoire parlementaire, t. XXVII, p. 239, по «Le Courrier des départements».

венные люди сумели обмануть честных граждан и остановить порыв их негодования. Именуя чистыми республиканцами призраки деспотизма и пособников тирании, они подняли против патриотов всех аристократов секций. Недавно они вызвали к барьеру [Конвента] аристократов трех секций[24]. Сегодня они призвали биржевых спекулянтов из секции Май[25], чтобы придать некоторую видимость правдоподобия их клеветническим измышлениям о мнимых организаторах какого-то заговора, направленного против национального представительства, — заговора, существующего только в их воображении. *Важно собраться завтра, чтобы противостоять их замыслам. Важно уничтожить Чрезвычайную комиссию двенадцати, которая задумала сразить мечом закона энергичных друзей народа. Нужно, чтобы вся Гора восстала против этой презренной Комиссии, да будет она предана общественному проклятию и бесповоротно уничтожена*».

Вот это лозунг, ясный, точный и сильный: уничтожение Комиссии двенадцати. Но создается впечатление, что Марат, ставя целью уничтожение Комиссии, больше рассчитывает при этом на некое вулканическое извержение Горы, на непреодолимый взрыв гнева патриотов Конвента, чем на народное движение.

Симон в свою очередь призывает к применению кровавых, но законных санкций[26]. Он, очевидно, рассчитывает на Революционный трибунал, чтобы избавить Конвент и страну от Жиронды. Но он иногда примешивает к этому законному террору некое видение широких народных движений: «Сейчас во Франции мы видим ту же тактику контрреволюции, какая осуществлялась накануне падения тирана... Государственные люди не хотят монархической революции, но они хотят введения аристократической конституции. Они сказали генералам и общественным должностным лицам: вы можете изменять отечеству, вы можете быть уверены в том, что в Конвенте есть партия, которая вас поддержит. Но пусть прошлое послужит им уроком! *Аристократов утопили в их крови, а если потребуется утопить интриганов в их крови, то ее будет пролито еще больше.* (Аплодисменты.)

Хорошо было бы увидеть на карте или таблице, как враги окружают нас со всех сторон, и если подумать, что в такое время государственные люди хотят расколоть патриотов и заковать их в цепи...

Интриганы не будут зарезаны. *Они погибнут, их судьба решена, но они погибнут под тяжестью их бесчисленных преступлений* [по приговору Революционного трибунала]...

Народ должен быть справедливым и блюсти закон, *до тех пор пока не пробьет час самочинных действий и восстания 10 августа*».

В представлении якобинцев, меч Революции, занесенный над головой Жиронды, воплощает двусмысленную угрозу. Эти головы падут. Но как? «От меча закона» или от меча восставшего народа?

В этом отношении речь Робеспьера выдержана в стиле искусной двусмысленности. Я восстанавливаю эту речь, комбинируя некоторые части текста, имеющиеся у г-на Олара, с другими весьма важными частями, приведенными в «Парламентской истории». Ввиду отсутствия аутентичного и официального текста такой метод представляется наиболее надежным, позволяющим восстановить мысль оратора с максимальной достоверностью[27].

Пространно, словно для того, чтобы еще раз прибегнуть к той тактике морального уничтожения Жиронды, которую он рекомендует уже в течение двух месяцев, Робеспьер прилагает старания к тому, чтобы подорвать уважение к Верньо. Он использует для этого тревожное письмо, которое Верньо послал гражданам Бордо[28]:

«Я требую, чтобы внимание общества было привлечено к этому письму, которое открывает тайну преступных заговоров наших врагов. Надо напомнить народу, что Верньо — тот самый человек, который через посредство Тьерри и Боза[29] предлагал королю сохранить его на троне, если он согласится вернуть обратно трех интриганов, виновных в несчастье Франции, и назначить воспитателя наследному принцу. Таким образом, если бы это предложение было принято, народ был бы навсегда привязан к тирании. Все должны знать, что этот лицемерный человек — тот самый, который возражал против отрешения короля, когда этого требовали самые пылкие патриоты. По этим фактам вы можете судить о клике, душой которой он является. Повсюду эта клика стремится воскресить монархию. Повсюду она оттачивает кинжалы, чтобы поразить патриотов».

Но, как ни сильна его склонность к этой тактике обвинительных речей, Робеспьер все же понимает, что нельзя больше тянуть или ограничиваться взаимными обвинениями и препирательствами. Надо указать выход из положения. Он успокаивает народ, поддерживает его мужество и его надежду. Он намекает ему на возможность, быть может, даже необходимость в ближайшее вре-

---

24. Эти три секции — Тюильри, Братства и Бютт-де-Мулен; первые две явились 20 мая, третья — 24 мая 1793 г., чтобы заявить протест против действий Парижской коммуны.
25. «Moniteur», XVI, 486.
26. Buchez et Roux, XXVII, 240: у Олара краткое упоминание. Симон (1755—1794) — депутат Конвента от департамента Нижний Рейн.
27. См. эту речь: M. Robespierre. Oeuvres, t. IX, Discours, 4e partie, p. 524. [См.: М. Робеспьер. Избранные произведения М., 1965, т. II, с. 354.— *Прим. ред.*]
28. О письмах Верньо от 4 и 5 мая 1793 г. к Обществу друзей свободы в Бордо см. выше, с. 499, прим. 24.
29. Намек на переговоры, которые вела в конце июля 1792 г. Жиронда с Людовиком XVI через посредство придворного художника Боза и его друга Тьерри де Вилль-д'Авре, первого камердинера короля.

мя прямого восстания. Затем мало-помалу он умеряет это восстание народа, сводя его к некоему восстанию представителей этого народа в самом Конвенте. Мне кажется, что даже в этом дошедшем до нас и, конечно, несколько грубом резюме внимательный глаз различит эти тонкие ухищрения, это смягчение яркости тонов, этот постепенный переход от восстания к законности.

«Не пугайтесь этого множества обращений, посылаемых вам контрреволюционными торговцами и купцами-роялистами. Когда народ поднимается, все эти люди исчезают. Пусть не пугает вас временная победа аристократии, равно как и успех интриганов в нескольких развращенных секциях. Сент-Антуанское предместье аристократов. Помните, что народ Парижа еще жив, что санкюлотов — бесчисленное множество. Вы должны предохранить себя раздавит секцию Май так же, как санкюлоты Бордо раздавят от козней бриссотизма. Бриссотинцы ловки, но народ еще более ловок, чем они. Я вам говорил, что народ должен полагаться на свою силу. Но, *когда народ угнетен, когда он может рассчитывать только на самого себя, было бы трусостью не призвать его к восстанию. Когда все законы поруганы, когда деспотизм достиг своего предела, когда честность и стыдливость попирают ногами, народ должен восстать. Этот момент настал.* Наши враги открыто угнетают патриотов. Ссылаясь на закон, они хотят вновь ввергнуть народ в нищету и рабство. Я никогда не буду другом этих коррумпированных людей, какие бы сокровища они мне ни сулили. Я предпочту умереть с республиканцами, чем победить с этими злодеями. (*Аплодисменты.*)

Я знаю только два образа существования для народа: либо он сам управляет собой, либо он возлагает эту заботу на уполномоченных. Мы, депутаты-республиканцы, хотим установить правление народа через посредство его ответственных уполномоченных. Наши взгляды основаны на этих принципах. Но чаще всего нас не хотят слушать. Короткий сигнал председательствующего лишает нас права высказать свое мнение. Я полагаю, что суверенитет народа нарушается, когда его уполномоченные раздают своим креатурам места, которые принадлежат народу.

Я призываю каждого гражданина сохранять сознание своей силы. Я призываю его рассчитывать на свою силу и на силу всей нации. *Я призываю народ объявить себя в Национальном Конвенте в состоянии восстания против всех коррумпированных депутатов.* (*Аплодисменты.*) Я заявляю, что, получив от народа право защищать его права, я считаю своим угнетателем того, кто меня прерывает или не дает мне слова, я объявляю одного себя в состоянии восстания против председательствующего и против всех членов, заседающих в Конвенте. (*Аплодисменты.*) Заявляю, что, если будут выказывать преступное презрение к санкюлотам, я объявляю себя в состоянии восстания против коррумпированных депутатов. Я призываю всех депутатов-монтаньяров объединиться для борьбы с аристократией и заявляю, что у них есть только один выбор: либо сопротивляться всеми своими силами, всей своей властью усилиям внутренних врагов, либо уйти в отставку.

В то же время необходимо, чтобы французский народ знал свои права, ибо верные ему депутаты ничего не могут сделать без народа.

Если изменники призовут внешних врагов во Францию, если в то время, как наши канониры держат в своих руках тот порох, который должен истребить тиранов и их приспешников, мы увидим, что враг приближается к нашим стенам, тогда, заявляю я, я сам покараю изменников и обещаю рассматривать каждого заговорщика как своего врага и обращаться с ним как с таковым».

Все Общество аплодирует Робеспьеру, все встают и *объявляют себя в состоянии восстания против коррумпированных депутатов.* Но что это значит? И разве не создается впечатление, что речь идет лишь о том, что ныне назвали бы «парламентским» восстанием? Словно Робеспьера больше всего волнуют диктаторские замашки жирондистского председателя Иснара, который отказывал в предоставлении слова монтаньярам. Словно он призывает Гору восстать прежде всего против навязывания силой несправедливого применения регламента Конвента. Словно он надеется, что если монтаньяры, поддержанные трибунами и, может быть, непрерывным потоком народных депутаций, разобьют *внутри Конвента* жирондистскую тиранию, то главная пружина Жиронды будет сломана. Даже не будет уже больше надобности прибегать к Революционному трибуналу и нарушать целостность Конвента. Таким образом, развивая свою глубокую и хитроумную мысль, Робеспьер не порывал с той тактикой, которую он рекомендовал до сих пор. Однако, произнеся слово «восстание», напоминая народу, что он должен полагаться на свои силы и восстать против крайней тирании, он делал шаг в направлении, в котором развивались события.

Каким образом могла бы Жиронда противостоять буре, которая уже рокотала и которую она сама неосторожно вызвала? Она не располагала никакой серьезной силой. Она не сумела объединить вокруг себя силы департаментов, а комиссары-монтаньяры, рассеянные повсюду в провинции, смогли бы, во всяком случае, воспрепятствовать общей мобилизации против Парижа. Жиронда не могла также более рассчитывать на парижские вооруженные силы. Большинство секций были отвоеваны санкюлотами, а угрожающие слова Иснара вызвали волнение и страх даже у той буржуазии, которая была настроена сочувственно к Жиронде, но с ужасом слушала пророчество, предвещавшее Парижу гибель от чудовищных катаклизмов в результате жирондистской мести. Что касается министров, неуверенных, задерганных, лишенных подлинной власти, они были заранее готовым орудием для той пар-

тии, которая победит, и не могли служить в руках Жиронды эффективным средством борьбы с революционным Парижем.

Министр юстиции Гойе[30], казалось, старался всячески скомпрометировать Комиссию двенадцати, делая вид, что исполняет ее приказания. Гара[31] в частных беседах с жирондистскими лидерами всячески старался показать, что питает к ним симпатию и уважение. Он уверял, что крайности маратизма внушают ему ужас. Но он видел, что сила была на стороне Коммуны и Горы, и она все возрастала, поэтому прежде всего он хотел избежать насильственного столкновения, когда был бы вынужден примкнуть к одной или другой стороне. Поэтому он отрицательно относился к агрессивной политике Жиронды и Комиссии двенадцати. А сама эта Комиссия, имела ли она какой-нибудь ясный и широкий план действий? Арест Эбера не более чем опасное ребячество, если не сломать всю Коммуну — а как ее сломать? Более того, пришлось бы сломать и саму Гору. Но можно ли было тронуть Робеспьера и Марата, не вызвав восстания Парижа, который лишь недавно, в апреле, встречал восторженными криками у выхода из Революционного трибунала Друга народа, оправданного и торжествующего?

БЕСЕДА ГАРА С РАБО-СЕНТ-ЭТЬЕННОМ

Гара внушал все эти сомнения Жиронде, оказывая на нее расслабляющее и парализующее действие.

«26 мая, в половине второго ночи, — пишет Гара в своих мемуарах[32], — ко мне явились в министерство с сообщением, что около заставы Сен-Бернар готовится большое движение, что во главе его женщины, но их сопровождают вооруженные мужчины. Я тут же посылаю туда двух жандармов, чтобы удостовериться в том, что происходит, а сам отправляюсь в Комиссию двенадцати. Я нахожу там только Рабо-Поммье, который искал своего брата. Рабо-Сент-Этьенн встретился со мной позднее, часа через два, в Комитете общественного спасения[33]. К тому времени я точно знал из рапорта жандармов, что движение у заставы Сен-Бернар ничего собой не представляет. Однако я был более чем уверен, что вслед за этой угрозой последуют другие, более реальные выступления. Я был дружен с Рабо-Сент-Этьенном. Он мне нравился как человек, я уважал его философию. Я знал, что его богатое и блестящее воображение побуждало его усматривать между разными фактами гораздо больше отношений и связей, нежели их было на самом деле. Но я знал также его любовь к истине и знал, что он оттачивал свой ум в ее поисках и доказательстве.

У меня завязалась с Рабо-Сент-Этьенном весьма продолжительная и задушевная беседа. Я не скрывал от него, что нахожу очень неосторожным и опасным оставлять в распоряжении Коммуны все

силы Парижа и в то же время арестовывать одного из муниципальных должностных лиц почти в лоне самой Коммуны.

Неужели вы забыли, говорил я ему, что мы живем в такое время, когда люди осмеливаются делать все, что *могут*, и когда есть прекрасные имена, чтобы почитать то, что осмеливаются делать? Комиссии указали на один ужасный отрывок из газеты Эбера, которую я никогда не читал. Но этот отрывок хотя и ужасен, но не более, чем сотня отрывков из сочинений того самого Марата, которого трибунал недавно вернул, увенчанного лаврами, в ряды законодателей. Конечно, если бы мы жили под властью законов, Марата следовало бы отправить по меньшей мере туда, куда вы отправили Эбера. *Но поверьте, что крайне опасно отправлять Эбера в Аббатство, когда Марат находится в Конвенте.* Простонародье, венчая одного лаврами, не потерпит, чтобы другой пребывал в цепях. *Несколько дней назад разумные люди, мудрые и честные друзья свободы, имели перевес в секциях. А после этих арестов люди неистовые, бешеные возобновили свои выходки и восстановили свое влияние.* Я, так же как и любой человек, считаю необходимым, чтобы *сила пребывала в законе.* Но для того, чтобы сила пребывала в законе, необходимо, чтобы закон обладал силой. Вы ее дали Коммуне. Стало быть, отнимите ее у Коммуны, если вы не хотите, чтобы сила, вместо того чтобы пребывать в законе, стала пребывать в Коммуне. Мы приучили умы к идее некой неограниченной свободы печати. В Учредительном собрании мы смеялись, когда к народу обращался *его друг* с призывом повесить восемьсот человек из нас на деревьях Тюильри. И вдруг, не имея в этой области никакого хорошего закона, вы арестовываете человека только потому, что он написал статью, отнюдь не более свирепую, нежели сто других статей, свирепость которых возбуждала у нас смех, а не ужас. Прежде чем совершать великие правительственные акты, надо иметь само правительство, и данный момент, когда вы обладаете большинством, был бы, на мой взгляд, лучше использован, если бы без шума и не вызывая тревоги в лагере врага организовали такую исполнительную власть, с которой вы подчините закону всех путаников и всех негодяев или сможете пренебречь ими».

---

30. Гойе (1746—1830) — юрист, депутат Законодательного собрания от департамента Иль и Вилен, министр юстиции в 1793 г., член Исполнительной директории в 1799 г.
31. Гара (1749—1833) — преемник Дантона на посту министра юстиции 10 октября 1792 г., назначен на пост министра внутренних дел 14 марта 1793 г.
32. G a r a t. Mémoire sur la Révolution ou Exposé de ma conduite dans les affaires et dans les fonctions publiques... Paris, an III. Были переизданы в 1862 г. Им была предпослана «Notice sur la vie de Garat» par E. Maron.
33. Рабо-Поммье (1744—1820) — депутат Конвента от департамента Гар. Рабо-Сент-Этьенн (1743—1793) — брат предыдущего, депутат от департамента Об.

По существу, план, который Гара предлагал Рабо-Сент-Этьенну, был таким же пустым, таким же опасным, как сама политика Жиронды. Это отголосок донесений Дютара, все идеи которого почти дословно воспроизводятся в рассуждениях министра внутренних дел. Именно Дютар доказывал невозможность для Жиронды применить силу. Именно он предупреждал о том, как опасно оставлять в распоряжении Коммуны всю вооруженную силу. Это он советовал мало-помалу отнимать у нее власть, «подрезать ей когти», без шума, без насилия. Но оба, и полицейский и министр, нерешительный и слабый, — оба забывают, равно как и сама Жиронда, что Революция всецело занята борьбой с внешним и с внутренним врагом, с коалицией европейских держав и с фанатизмом на западе страны. А для того, чтобы она победила, мало того, чтобы не было резкого конфликта между различными революционными партиями, надо, чтобы правительство Революции, то, которое создано ходом событий, с его Конвентом, его Коммуной, секциями, могло отдать все свои силы борьбе против грозящей опасности. А если его тайно подрывают, если в разгар кризиса, в разгар внешней и внутренней войны хитро стараются мало-помалу обезоружить установленные власти, создать некую особую власть, поначалу скрытую, которая затем восстанет против так называемого анархического правления, которого страшатся, то результатом будет расслабление, столкновение противоположных сил и некий общий паралич. Попытка Жиронды вновь захватить всю полноту власти была менее опасна, чем таинственные и ослабляющие комбинации, в которых слабосильный ум Гара искал сомнительное успокоение.

«Рабо-Сент-Этьенн, — добавляет он [34], — заявляет мне, что всеми силами противился аресту Эбера, что так же, как я, считал этот шаг опасным. В дальнейшем Буайе-Фонфред и Виже также заверили меня, что Эбер был арестован вопреки их мнению. Я оставил Рабо-Сент-Этьенна в глубоком убеждении, что, когда не обладаешь силой, надлежит применять власть с большой осмотрительностью, чтобы эти действия были успешными и внушительными. Утром следующего дня у меня состоялся такой же разговор с Фонфредом, и, хотя он гораздо моложе и более горячего нрава, я нашел его проникнутым такими же намерениями».

Жиронда была внутренне расколота, и Гара незаметно прививал ей сомнения.

СОБЫТИЯ 27 МАЯ

Между тем в понедельник 27 мая все силы гнева, кипевшие накануне в заполненных рабочими секциях, рокочут и начинают захлестывать Конвент. Марат повторяет клич войны против Жиронды, брошенный им в воскресенье вечером на заседании Якобинского клуба: «Я веду войну не только с Комиссией двенадцати, но и с кликой государственных людей» [35]. Делегаты от секции Сите приходят требовать, решительно и в угрожающем тоне, освобождения их председателя Добсана и их секретаря, арестованных по приказу Комиссии двенадцати.

«*Время жалоб миновало. Мы пришли предупредить вас: спасайте Республику, либо же вставшая перед нами необходимость самим себя спасти вынудит нас это сделать*... Еще есть время, покарайте вероломную Комиссию, нарушающую права человека и гражданина. Мы требуем привлечения членов Комиссии двенадцати к ответственности перед Революционным трибуналом. Поймите, что речь идет об отмщении за свободу, которая почти в могиле. Народ предоставляет вам приоритет. Секция Единства желает продефилировать через ваш зал» [36].

Председательствовавший Иснар был не тот человек, который мог бы потушить или смягчить эти страсти. Левассёр обвиняет его в том, что он был главным виновником событий, разыгравшихся в эти трудные дни [37]:

«Иснар, пламенный жирондист, обязанный земле Прованса горячей головой и огненным темпераментом... Как только этот человек оказался в председательском кресле, характер наших прений изменился. В любой момент его еле сдерживаемое бешенство разжигало плохо потушенные головни. За несколько дней он привел к тому, что все было охвачено огнем, и, пожалуй, его злосчастной горячностью следует объяснить большую, чем принято думать, часть тех бурь, которые вскоре разразились над нами».

Он ответил петиционерам высокомерной речью, прерываемой страстными возгласами крайне левой:

«Граждане, Конвент прощает вашей молодости. Представители народа благоволят дать вам некоторые советы. Вы хотите быть свободными? Так вот, поймите, что свобода заключается не в словах и не в символах. Поймите, что тирания, *скрывается ли она в каком-нибудь подвале* или выступает на публичных площадях, восседает ли на троне или на трибуне клуба, держит ли в руке скипетр или кинжал, выступает ли вся раззолоченная или маскируется под санкюлота, носит ли на голове корону или колпак, все равно остается тиранией. Французский народ поклялся не терпеть никакой тирании. Конвент, орган воли нации, не поддастся никакому насильственному влиянию. Он всегда будет проповедовать повиновение законам, безопасность личности и собственности, войну с аристократами и анархистами» [38].

---

34. G a r a t. Op. cit., p. 188.
35. «Moniteur», XVI, 488; «Archives parlementaires», LXV, 377.
36. «Moniteur», XVI, 491.
37. L e v a s s e u r. Mémoires... Paris, 1829—1831, 4 vol., t. p. 212.
38. «Moniteur», XVI, 492; «Archives parlementaires», LXV, 375.

Робеспьер просит слова. Большинство отказывает ему в этом, ссылаясь на то, что в порядке дня вопрос о конституции. Робеспьер «восстает», как он предвещал это накануне в Якобинском клубе[39]. Но Гора, решившая развернуть серьезную борьбу *внутри Конвента* (в соответствии с робеспьеристской формулой), настойчиво требует предоставления ему слова. Формальный декрет Конвента, жирондистское большинство которого как бы доведено речью Иснара до исступления, отказывает ей в этом[40]. Гора требует поименного голосования. «Да, — восклицает Верньо, — давайте поименное голосование, чтобы определить, будут ли созваны первичные собрания». Со стороны Жиронды это было признание того, что она уже не может больше управлять с помощью Конвента. Это означало пагубное разложение всей революционной силы.

Дантон, вскочив на скамью, готовый, наконец, к бою, грозно бросает правой: «Такое бесстыдство начинает нас утомлять. Я заявляю Конвенту и всему французскому народу, что если будут продолжать держать в заключении граждан, все преступление которых заключается в крайностях патриотизма, если постоянно будут отказывать в слове тем, кто хочет выступить в их защиту, — я заявляю, что, если есть здесь сто честных граждан, мы вам окажем сопротивление. Комиссия двенадцати держит в заключении в Аббатстве должностных лиц народа, не соизволив представить об этом никакого доклада»[41].

С трибун, предельно возбужденных, неслись страшные крики, и народ начинал собираться вокруг Конвента. Мало-помалу он стал нарушать или обходить запрет, проник в коридоры и даже заполнил проходы в зале заседаний. Это было для Жиронды как бы прелюдией к осаде.

РОЛЬ ГАРА

К семи часам в Конвент прибывает Гара, которого Дютар известил о нарастающем возбуждении в Собрании и вне Собрания[42].

«Выходя из Исполнительного совета между четырьмя и пятью часами пополудни, — рассказывает он в своих мемуарах[43], — я не заметил вокруг Конвента ничего такого, что предвещало бы какое-либо движение и заставляло бы опасаться какого-нибудь нападения. Около половины седьмого я обедал в обществе моего племянника, когда один из граждан, чьи наблюдения давали мне картину положения дел в Париже и чьи донесения всегда благоприятно оценивали все, что было на пользу правой[44], вошел, сильно встревоженный, чтобы сообщить мне, что Конвент в величайшей опасности, что он осажден огромной толпой и вооруженной силой, что люди, стоявшие около пушек, кричали «*К оружию!*», что поговаривают о том, чтобы вырезать всех апеллянтов[45], и что все предвещает столкновение и резню. Меня отнюдь не вызывали в Конвент, но, когда мне говорят, что ему угрожает большая опасность, я полагаю, что мой долг находиться там, и я туда отправился.

Пересекая Тюильри, замечаю группы людей, но число их не так велико, они не очень многочисленны и не очень возбуждены.

На большой лестнице и у дверей салона Свободы я вижу очень большую и очень взволнованную толпу, которая теснится около двери, но без всякого оружия, по крайней мере видимого.

Проходя по дворам Пале-Насиональ, я вижу над пушками зажженные фитили и довольно значительные вооруженные силы, выстроенные и передвигающиеся вдоль фасада дворца, напротив пл. Карусели. При виде этого я уже не сомневался в том, что Конвент действительно осажден, и такая упорядоченность в столь преступном движении [резкостью эпитетов Гара искупает нерешительность действий] убедила меня в том, что у этого движения есть главари.

Я встречаю Лидона[46], который говорит мне, что пришел с большим трудом, что ему угрожали. Он шел в Комиссию двенадцати. Я поднимаюсь туда с ним, в это же время прибывают и поднимаются вместе с нами Паш, за которым послали, Детурнель и несколько членов Коммуны. Там между несколькими муниципальными должностными лицами и одним или двумя членами Комиссии двенадцати произошел обмен такими речами, которые больше разжигают страсти, нежели что-либо объясняют. Один вопрос больше всего интересовал меня, а именно: по *чьему* приказу были вызваны *вооруженные силы*, которые я видел вдоль дворца, и в *чьем* распоряжении они находились. Лидон заверил меня, что он об этом ничего не знает. Паш дал мне понять, что он подписал требование прислать вооруженную силу, но что он был лишен возможности отказать в этом. Рабо-Сент-Этьенн, который выглядел крайне утомленным и пил бульон, не ответил на мой вопрос, потому что в это же время ему приходилось отвечать на другие вопросы, которые ему задавали».

---

39. «Moniteur», XVI, 492; «Archives parlementaires», LXV, 378; M. Robespierre. Œuvres, t. IX, p. 529.
40. «Председательствующий объявляет, что Робеспьер не будет заслушан».
41. «Moniteur», XVI, 493; «Archives parlementaires», LXV, 380; Danton. Discours. Édition par A. Fribourg, p. 445.
42. О событиях 27 мая 1793 г. см. донесение Дютара от 28 мая. A. Tuetey. Op. cit., t. IX, № 648; A. Schmidt. Op. cit., t. I, p. 322. См. ниже, с. 593, прим. 72.
43. Garat. Mémoires..., p. 189.
44. Имеется в виду Дютар.
45. *Апеллянты* — депутаты Конвента, голосовавшие за обращение (апелляцию) к народу во время судебного процесса над Людовиком XVI.
46. Лидон (1752—1793) — депутат Конвента от департамента Коррез, жирондистского направления.

Итак, именно Комиссия двенадцати приказала командиру батальона умеренной секции Бютт-де-Мулен привести несколько вооруженных рот [47]. Паш действительно подписал требование прислать вооруженную силу, но сделал он это тоже по приказу. Действия Жиронды были настолько непоследовательными, что, приступая к первой мобилизации вооруженных сил, давая, таким образом, первый сигнал к гражданской войне, она не предупредила об этом министра внутренних дел, который, хотя и не был самоотверженно предан ей, питал к ней симпатию. Революция уже не имела более ни правительства, ни руководства, и только энергичное вмешательство народа, акт насилия над одной из борющихся групп могли избавить ее от губительной анархии.

«Между тем, — продолжает Гара, — нам приходили докладывать, что брожение усиливается с каждым мгновением как внутри Конвента, так и за его стенами. Паш отправляется к барьеру, и я решаюсь войти в Конвент, чтобы иметь возможность лучше судить о положении дел [48].

Проходя по двору, мы шли вдоль строя головной части войска, и я слышал, как некоторые из вооруженных людей со смехом говорили: «Ха-ха, вот эти мерзкие шарфы!» [Это были плоские шутки умеренных из секции Бютт-де-Мулен в адрес Паша и муниципальных должностных лиц.] Пройдя немного дальше, я услышал буквально следующие слова: «*И как это Гара может идти вместе с этими мерзавцами?*» Там, где кончался строй, стояло несколько невооруженных мужчин и побольше женщин. Здесь уже не было никакой ругани в адрес муниципальных должностных лиц, наоборот, их благословляли, говоря: «*Вот идут наши добрые отцы*».

Едва я вошел в Конвент, имевший вид поля битвы, где друг другу противостояли две армии, как для меня потребовали слова, которого я вовсе не просил [49].

Что от меня хотели узнать и что я должен был говорить? *Я не имел понятия*».

Верно, Гара не имел понятия. Будь у него хоть немного политического смысла и мужества, он был бы озабочен только одним — не допустить, чтобы Конвент подвергся насилию, добиться разрешения кризиса без грубого вмешательства повстанческой силы. Но для этого надо было принять определенное решение. Либо следовало дать Жиронде совет идти до конца, не ограничиваться арестом Эбера и Варле, а привлечь лидеров Горы к ответственности перед Революционным трибуналом, распустить Коммуну и секции и организовать диктатуру умеренных, оттеснив народ и вступив в переговоры с Европой.

Такая политика была неосуществима в рокочущем Париже. Это была бы политика контрреволюции, которая пробудила бы к жизни все надежды католического фанатизма, но это по крайней мере была бы ясная и логичная политика, которая не отдавала бы

Конвент на милость анархических конвульсий и движения уличной толпы.

Либо следовало сказать Жиронде энергичным и угрожающим языком, что ее роль в политической жизни если не кончена, то по меньшей мере прерывается, что она совершила слишком много непоправимых ошибок, что она восстановила против себя живые силы Революции, что она утратила всякий интеллектуальный и эмоциональный контакт с народом, без которого ничего невозможно делать, что ее неловкие и слабосильные провокации могут только обострить до крайности ненависть к ней, а не обезоружить ее и что она должна, если она хочет уберечь Революцию от великого посягательства на личность представителей народа, отказаться от руководства событиями, освободить Эбера, распустить Комиссию двенадцати, уступить руководство комитетами Горе, а управление Парижем — Коммуне. При этих условиях единство власти и действий было бы восстановлено без пролития крови и порядок был бы мало-помалу восстановлен, ибо Гора не угрожала ни существованию людей, ни их собственности.

Кто знает, что было бы, если бы у Гара, министра внутренних дел, хватило прозорливости и твердости, чтобы говорить таким честным и ясным языком. Но он вилял, прибегал к увертках и окончательно разложил ту силу сопротивления, которая еще оставалась у Жиронды, не побудив ее, однако, к великому акту политического отречения. В своих мемуарах он старается оправдать неопределенность своих речей. Он говорит [50]:

«Не дело министра заявлять совершенно открыто, что надлежит провести реформу Коммуны. Подумали бы, что он посягает на права народа и человека, и ему не нужно было бы даже наименования министра, чтобы сойти за агента тирании.

Не дело министра заявлять Конвенту без всяких околичностей: „*Это вашими собственными декретами вы воздвигли возле себя этого колосса, который теперь вам угрожает*“».

Нельзя более наивно сознаваться в своем страхе ответственности. Как раз именно дело министра было ясно высказаться в том или ином смысле. В этот трагический и смутный час, когда воздух города был словно насыщен ожиданием набатного звона, надлежало говорить во весь голос и ясно. Или до конца против Коммуны — или до конца за Коммуну. Любое решение было лучше злосчастного равновесия двух партий, которые не могли ни договориться, ни победить одна другую. Но для того, чтобы побудить людей сделать решающий выбор, принять смелое решение, надо

47. Командиром батальона секции Бютт де-Мулен был Раффе. В июле 1793 г. его кандидатура была выдвинута умеренными секциями на пост главнокомандующего парижской национальной гвардии, против Анрио.
48. G a r a t. Op. cit., p. 191.
49. «Moniteur», XVI, 494.
50. G a r a t. Op. cit., p. 194.

было поставить их перед лицом опасности. Он же, наоборот, всячески успокаивает партии обманчивыми кроткими речами, смягчающими истолкованиями:

«Я сообщил Комитету общественного спасения и Чрезвычайной комиссии то, что было доведено до моего сведения. Сегодня в шесть часов меня предупредили о большом скоплении народа вокруг Конвента Я пожелал увидеть все собственными глазами. Вооруженная сила оказалась значительнее, чем скопление народа. Правда, я не смог войти в Собрание через ту дверь, к которой сначала подошел, и вооруженная сила оказалась бессильной проложить мне проход *Но во всем этом нет ничего опасного. Конвенту нечего опасаться*» [51]

Трибуны, которым замечательный революционный инстинкт подсказывал, что оптимизм министра способствует разложению Жиронды и помогает народному движению, аплодируют речи Гара Он принимает эти аплодисменты со своеобразным простодушием, которое свидетельствует если не о крайней глупости, то о крайнем коварстве, а возможно, о смеси того и другого «Неужто вы думаете, что эти санкюлоты, аплодирующие моим заверениям относительно их чувств, стали бы им аплодировать, если бы в их сердцах были преступные намерения!» [52]

Всеми этими рассуждениями Гара раздражал и уязвлял правую; и в самом деле, отмежевавшись от ареста Эбера, сурово осудив Комиссию двенадцати, он обезоруживал и предавал Жиронду То, что важно, что делает Гара почти достойным презрения, заключается в том, что он предает Жиронду с невинным видом, он ни разу не обращается к ней честно, взывая к тому, что еще могло остаться в ней благородного и великодушного, к духу самоотверженности. Он не говорит этим людям. «Вы ошиблись, уходите! Предоставьте другим руководить Революцией!» Он просто их дискредитирует, он отмечает их непоследовательность и бессвязность и, умалив их таким образом, бросает на съедение с жестом миротворца [53]:

«Одной из причин всех нынешних брожений является распространившееся мнение, что Парижская коммуна хочет быть соперником Национального Конвента в сфере власти и влияния И доказательства этого видят в том, что Коммуна вербует войска и взимает налоги, как она считает нужным. Действительно, взимать налоги и вербовать войска — это настоящие суверенные акты Но, гражданин председатель, я боюсь, что Национальный Конвент сам забыл последовательность своих декретов и их результаты Ведь именно он, Национальный Конвент, выдвинул в качестве примера и образца для всех административных властей Франции знаменитое постановление департамента Эро [54] Так вот, это постановление есть настоящий акт суверенитета. Во исполнение этого постановления департамент Эро призвал 6 тыс человек и взыскал 6 млн. налогов. Парижская коммуна, осуществляя суверенные акты, которые в основном входят в компетенцию Конвента, отнюдь не узурпировала полномочий, она лишь осуществляла те, которые получила от самого Конвента» [55].

Но, право же, неужели Гара хочет доказать этими речами, что он держался на равном расстоянии от обеих борющихся партии и что он даже склонялся к Жиронде, предупреждая, подобно ей, о растущей опасности, которую представляла для Конвента власть Коммуны? Есть некоторое лицемерие в такой попытке, ибо заявления Гара в тот момент, когда он с ними выступал, могли только вредить Жиронде, доказывая ее непоследовательность Жиронда была до крайности раздражена выступлением Гара, и она имела на то право, ибо лучше открытая враждебность, чем эта фальшивая беспристрастность, которая, проводя ложную симметрию и якобы воздавая должное тем и другим, ускоряет гибель тех, кого будто бы хочет уберечь С какой-то слащавой подлостью Гара окончательно добил Жиронду тем, что он сказал о Комиссии двенадцати [56].

«Беседуя со всеми вместе и с каждым в отдельности с тем доверием, с той искренностью, которая открывает души и позволяет им освободиться от секретов, я нашел в них поразительную смесь подозрительности к людям, которых они не любят, опасении за общественное благо, терзающих их воображение, желания выказать большое мужество и доказать свои великие услуги Республике и увидел, как все это вместе толкнуло их на путь непостижимых для меня заблуждении Это честные люди, но и самой добродетели случается ошибаться, и ее ошибки могут быть особенно опасными Вы это знаете, господин председатель, вы, являющийся членом этой Комиссии двенадцати, поскольку все это я уже говорил вам То, что я сейчас говорю здесь, не должно казаться вам чем-то новым, и уважение, которое я вам здесь свидетельствую, не притворное уважение с почтенной целью успокоить озлобление, которое пытаются подавить,— нет, это подлинное и искреннее чувство, идущее от самого сердца».

Но можно только поражаться подлинно презренным противоречиям этого худосочного философа. В тот самый момент, когда он обвиняет Комиссию двенадцати в том, что она одержима несправедливыми подозрениями, он сам выдвигает против Горы самую чудовищную гипотезу.

«Поскольку выступавшие против меня клеветники отбросили всякий стыд, — пишет он в своих мемуарах [57] в тоне жертвы, —

---

51 «Moniteur», XVI, 495 «Я повторяю Конвенту ему не грозит никакая опасность Вы все спокойно вернетесь к себе домой»
52. «Moniteur», XVI, 495
53. Garat Op. cit., p 194
54 О постановлении департамента Эро см выше, гл VII, с 431, прим 60 и с 439, прим. 71.
55 «Moniteur», XVI, 495.
56 Garat Op cit, p. 199.
57. Ibidem, p. 200.

мне дозволительно говорить не только о том, что меня оправдывает, мне дозволительно говорить и о том, что делает мне честь. Итак, я добавлю, что в тот момент, когда я вошел в Конвент, *ко мне подошли, чтобы сказать, что левая сейчас откроет огонь по правой и бросится на нее с саблями наголо.. Я нисколько не поверил этому. Но можно было не верить этому и все же опасаться этого*, и, исходя из этого опасения, я пошел и занял место на скамьях правой, а не левой. Члены, сидящие на скамьях правой, и не подозревали, что человек, столь мало разделявший их страсти, пожелал, однако, разделить их судьбу» [58].

Не правда ли, какой тонкий анализ и какой великолепный героизм!

Точно зараженный этим малодушием, Дантон изливался в жалобах и банальных речах, в которых не было ни искусства, ни достоинства. Словно не в силах снести удара недавно появившегося пасквиля Бриссо, воспроизводившего все контрреволюционные клеветнические измышления по его адресу [59], он смиренно доказывал свою честность и выпрашивал у Гара некое свидетельство своей умеренности:

«Я прошу министра ответить мне. Я льщу себя надеждой, что из этой великой борьбы родится истина, подобно тому как после вспышек молнии атмосфера проясняется. Нация должна знать тех, кто хочет спокойствия. Я не был знаком с министром внутренних дел. Я требую, чтобы он заявил — и это заявление важно для меня в нынешних обстоятельствах, в момент, когда один депутат, а именно Бриссо, выступил против меня с кровожадной обвинительной речью, в момент, когда доход от должности, которую я исполнял, превращают в какое-то огромное состояние.. — я прошу министра сказать, не приходил ли я к нему неоднократно, чтобы призвать его успокоить волнения, объединить департаменты, положить конец внушаемым им предубеждениям против Парижа . Я прошу министра ответить, не призывал ли я его в ходе Революции умалять всякую ненависть, не говорил ли я ему: я не хочу, чтобы вы угождали одной партии больше, чем другой, я хочу, чтобы вы проповедовали единение» [60].

Но что означает все это в разгар боя? Можно подумать, что Дантон заранее извиняется за удар, который он вместе со своими коллегами по Горе собирается нанести. Нет у него уже больше той прекрасной и полной уверенности в себе, которая ранее составляла его силу. Он как бы просит о снисхождении: его сдерживают сомнения как относительно его дела, так и будущего. Он как будто смущен тем страшным кризисом, который явно приближается, когда уже нельзя будет резкостью слов прикрывать умеренность действий Тогда и действия будут резкими, и Дантон в недоумении. Видно, что он находится в глубоком замешательстве, это почти начало того отвращения, которое его погубит.

УПРАЗДНЕНИЕ КОМИССИИ ДВЕНАДЦАТИ

Между тем Гора поняла, что речи Гара внесли разлад в ряды Жиронды и разложили энергию ее сопротивления. И Гора решила, продлив заседание, использовать до конца свое преимущество, добиться от Конвента голосования, которое уничтожило бы Комиссию двенадцати. Иснар, у которого было больше риторики, чем силы характера, покинул председательское кресло, как будто в этот критический час, в этот трагический вечер, когда народ мало-помалу наводнял Собрание и, казалось, тень проскрипции и смерти уже нависала вместе с ночью над Жирондой, растерянной и захлестнутой ходом событий, он не должен был сделать физическое усилие и председательствовать до конца, даже если бы дело кончилось обмороком на посту. Столь пагубны для своей партии и своих друзей как своей слабостью в борьбе, так и вызывающей неосторожностью своих рассчитанных на эффект фраз, он призвал на смену себе жирондиста Буаие-Фонфреда. Последний, будучи членом Комиссии двенадцати, вызвал резкие выкрики. Жирондистский штаб, видя, что положение складывается неблагоприятно, решил закрыть заседание. Буаие-Фонфред покинул председательское кресло, но Гора настояла на продолжении боя, и один из монтаньяров, Эро де Сешель, овладел креслом [61]. С этого момента Жиронду затопляют волны враждебных ей делегаций Парижские секции, дожидавшиеся в течение трех часов, входят наконец в зал Конвента Они требуют Эбера, «их друга, их брата», и председательствующий им отвечает: «*Граждане, сила разума и сила народа составляют единое целое* Вы пришли сейчас требовать справедливости, и наш самый священный долг — оказать вам ее». Это было как бы официальное освящение восстания. Секции Гравилье, Круа-Руж настаивают [62].

«Граждане представители, — заявляет оратор секции Гравилье, — в 1789 г. народ Парижа изнывал под гнетом, и он взял приступом Бастилию. В 1792 г. вероломный король распорядился истребить граждан под окнами его дворца; убийцы погибли. В 1793 г. некий новый деспотизм, более ужасный, чем два предыдущих, инквизиторская комиссия возвышается на обломках мо-

58. «Moniteur», XVI, 495 Согласно «Républicain français», «речь Гара была встречена самыми бурными аплодисментами Действительно, она выявляла коварство и малодушие *трусов*»
59. «J -P Brissot à ses commettants sur la situation de la Convention nationale, sur l'influence des anarchistes et sur les maux qu'elle a causés, sur la nécessité d'anéantir cette influence pour sauver la Republique» (B. N , 8° Lb[41]652, imp. in 8°, IV-128 p.)
60. «Moniteur», XVI, 495; Buchez et Roux, XXVII, 264; Danton Discours Édition par A Fribourg, p 451
61. «Moniteur», XVI, 496 См.: M Mortimer-Ternaux. Op cit , t VII, p 294
62. «Moniteur», XVI, 499, 500; «Archives parlementaires», LXV, 389.

нархии. Патриотов бросают в тюрьмы, готовятся новые кровавые сцены, подобные тем, что были 17 июля. [Расстрел на Марсовом поле в 1791 г.]

Республике грозит уничтожение Секция Гравилье пришла, чтобы заявить вам, в лице своих комиссаров, что она не зря дала клятву жить свободною или умереть Вы признали священный принцип сопротивления угнетению. Горе изменникам, награбившим золота и жаждущим власти, которые готовят нам цепи!»

Эти резкие обвинения пробивались сквозь ропот Жиронды и все возрастающий гул народа, мало-помалу проникавшего из кулуаров в зал заседании, и как бы отражались Горой в бурном эхе восторженных возгласов Как будто в самом Конвенте между народом Парижа и монтаньярами заключался договор о третьем восстании

Секция Гравилье, как если б Конвент был сведен уже к одной только Горе, обращается в заключение исключительно к ней:

«— Депутаты Горы, вы снесли голову тирана. Мы заклинаем вас, спасите отечество

— Да, да, мы его спасем.

— Если вы можете это сделать, но не хотите, вы трусы и предатели. Если вы хотите это сделать, но не можете, скажите только нам, для этого мы сюда и посланы сто тысяч человек вооружены, чтобы вас защищать Мы требуем освобождения заключенных патриотов, упразднения Комиссии двенадцати и открытия судебного процесса над подлым Роланом».

Эро де Сешель отвечает: «Когда нарушены Права Человека, надлежит заявить Республика или смерть» [63]

Это тоже было равносильно выражению законного согласия на восстание народа

С высоты председательской трибуны прозвучал, направленный против определенной части Конвента, набат восстания Каждую новую делегацию сопровождала толпа народа Делегаты и сопровождавшие их граждане постепенно заполнили все места, предназначенные для петиционеров, и стали занимать и скамьи депутатов народ и Конвент сливались воедино подобно тому, как, по выражению председательствовавшего Эро де Сешеля, сливались воедино «сила разума и сила народа».

Когда около полуночи председатель поставил на голосование вопрос об упразднении Комиссии двенадцати, трудно сказать, участвовали ли в этом голосовании только депутаты, как заверяет Левассер, утверждающий, что петиционеры в это время удалились в левый коридор, или же в этом голосовании приняло участие повстанческое смешение депутатов-монтаньяров и делегатов секции [64] Да это не так уж важно В Конвент, как в расшатанный корабль, хлынула горькая и мутная вода, и кораблю оставалось либо погрузиться в пучину и ночь, либо спастись, выбросив Жиронду за борт [65].

ЖИРОНДИСТСКАЯ ПЕЧАТЬ

Жирондистские газеты по-разному комментировали события. В одних преобладает печаль В других — крайнее отчаяние «Кроник де Пари», где выступают Дюко и Рабо-Сент-Этьенн, в очень умеренном тоне скорее сетует, чем обвиняет, и даже, судя по доброжелательности, с какой она говорит о Гара, можно легко убедиться, что беседа этого министра с Рабо-Сент-Этьенном произвела на последнего определенное впечатление [66]

«Относительно доклада Гара было сделано замечание, заслуживающее того, чтобы его запомнить. А именно что он — единственный человек, имевший смелость хвалить обе партии, на которые разделяется Конвент, притом в их присутствии и не вызвав сильного неодобрения ни в одной из них В этом привилегия честного человека, чьи намерения внушают уважение и тем, кто не разделяет его взглядов, и чьи ошибки даже достойны были бы уважения, ибо они проистекают только из чувства некой всеобъемлющей доброжелательности, которая под воздействием счастливого воображения наделяет все окружающее ее чертами добродетели»

На некоторых жирондистов дурманящие свойства оптимистической и коварной философии произвели определенное воздействие Впрочем, о заключительной части заседания «Кроник» рассказывает в скорбно-проникновенном тоне, хотя и без гнева:

«Между тем Комиссия двенадцати просила как о милости предоставления ей права быть заслушанной [67] Ответом ей было требование ее упразднения Несколько человек хотели выступить в ее защиту Но как можно заставить себя услышать, когда обсуждения превратились в крики, когда все обсуждали, начиная с самых высоких трибун и до центра зала? Напрасны были многократные требования закрыть заседание, которое уже утратило всякое достоинство, всякую свободу, необходимую для принятия

63. «Moniteur», XVI, 500; «Archives parlementaires», LXV, 391. «Граждане,— добавил Эро де Сешель,— будьте уверены в том, что мы скорее все умрем на своем посту нежели смиримся с каким-либо посягательством на ваши права и на суверенитет народа» («Moniteur», XVI, 500)

64. Это соответствовало бы народным представлениям о суверенитете Так, во время событий 4 сентября 1793 г в Генеральном совете Коммуны, судя по «Journal de la Montagne», «зал заседаний был полон, причем народ смешался со своими должностными лицами и обсуждал дела вместе с ними»

65 Одновременно с решением об упразднении Комиссии двенадцати Конвент декретировал освобождение заключенных в тюрьмы граждан («Moniteur», XVI, 500; «Archives parlementaires», LXV, 391)

66 «Chronique de Paris», № 149, 29 mai 1793, p 1

67. Выступление Анри-Ларивьера: «Если вы против того, чтобы закрыть заседание, вы не можете отказать в том, чтобы заслушать Комиссию двенадцати » («Moniteur», XVI, 496)

декрета Напрасно правая Собрания, *применяя против своих противников такие приемы, какие обе партии должны были бы себе запретить*, на долгое время задержала всякое обсуждение непрерывным шумом, упразднение Комиссии двенадцати было поставлено на голосование и декретировано при криках радости с трибун и большого числа присутствующих, которые проникли в зал. Заседание закрылось в час ночи.

По адресу Комиссии двенадцати были высказаны некоторые упреки *Она, пожалуй, без достаточной осторожности применяла власть, которую надлежало умерять, дабы она принесла пользу.* Если эти упреки обоснованны, мы поздравляем ее с тем, что она была упразднена, не добившись права быть заслушанной. Но мы огорчены за Конвент. Не такое большое несчастье потерять свою власть. она перейдет в другие руки, а правление останется. Но видеть унижение своей власти, сохраняя функции, к которым относятся с презрением, — это величайшее из несчастий в свободном государстве».

Другая интонация в высказываниях «Патриот франсэ» Раздражение выражается тем более резко, что еще накануне жирондистская группа, опьяненная показной энергией Комиссии двенадцати, была уверена в победе В номере от 27 мая «Патриот франсэ» безоговорочно торжествовала победу [68]:

«Не один только сентябрист Эбер арестован. Такая же судьба постигла прорицателя Варле и многих других. Еще другие сбежали *Анархия терпит поражение*».

И вдруг оказывается, что поражение потерпела Комиссия двенадцати. «Патриот» открыто обвиняет Гара в том, что он и Паш организовали всю сцену, разыгравшуюся в Конвенте. Если накануне, в номере от 26 мая, она заявляла, что, «по-видимому, целью посещения мэра Паша этой ночью министрами Гара и Гойе было предотвращение общего восстания» [69], то теперь она утверждает, что Гара произнес в Конвенте «речь, исполненную притворства», и добавляет: «*По-видимому, целью посещения Паша министром Гара предыдущей ночью была подготовка этого доклада*». Дальше она упрекает Гара в притворном неведении и снисходительности к страшным заявлениям Эбера, писавшего всего лишь за два дня до этого. «В самом Конвенте находится очаг контрреволюции Скоро пробьет последний час змей равнины и жаб болота. Скоро прольется нечистая кровь». И «Патриот франсэ» заключает, обвиняя Гара в непростительной слабости: «И Гара еще говорит о своей любви к общественной морали, но разве она возможна без этих принципов? Он напоминает о созданной им газете, в которой он давал уроки этой морали [70], — о газете, которая, так же как его поведение на посту министра, останется памятником его слабости и *его постоянных капитуляций перед господствующей партией*».

Само заседание жирондистская газета рисует в мрачных тонах и наконец заключает проклятьями в адрес Гара, анафемой бессильному Конвенту, отчаянным призывом к некоему новому Собранию.

«Было около девяти часов. Часть депутатов покинула зал, множество посторонних и петиционеров заполнили скамьи. Громкими криками требуют закрытия заседания. Требуют ухода посторонних. Шум был ужасный, Собрание представляло зрелище некой арены, где повсюду люди угрожали друг другу, где анархисты смешались со своими противниками, а провокации и оскорбления происходили на каждом шагу. Разумеется, в такое время, после двенадцатичасового заседания, в обстановке чудовищного шума, когда невозможно было проверить, не голосуют ли посторонние, долгом председателя было бы закрыть заседание Но анархисты, затеявшие все это дело, возражали против закрытия. Они требовали решить этот вопрос голосованием Собрания, что было абсурдно, так как Собрания уже не было, однако голосование провели, и бесконечно малое большинство решило, что заседание будет продолжено

Фонфред, сменивший Иснара, тоже покидает председательское кресло и уступает его Эро. Эро! Некогда откровенный аристократ, затем фейян, затем патриот, затем честолюбец, наконец, анархист из страха, это был новый механизм, с помощью которого *банда* рассчитывала добиться успеха [71].

Эти заранее подготовленные депутации выкладывают в общей суматохе свои резкие обвинения в адрес Комиссии двенадцати и говорят о третьей революции, о правосудии народа, о пушках. Эро де Сешель отвечает им всякими избитыми истинами, перемешанными с грубой лестью *народу трибун*, и затем, в нарушение регламента, требующего, чтобы голосование происходило в

68. «Le Patriote français», № 1382, 27 mai 1793, p 588
69. «Le Patriote français», № 1381, 26 mai 1793, p 584
70. Гара «Я ненавижу все сочинения, которые не проповедуют разум и мораль Мне тоже доводилось писать в бурные времена, но я не написал ни одного слова, которое не захотел бы повторить на краю могилы. Я не написал ни одной строчки, которая содержала бы какой либо призыв к преступлению Такова мораль, слетавшая с моего пера, ибо она была в моем сердце (*Аплодисменты*) Та часть Учредительного собрания, которая совершила Революцию была терпима ко всем газетам, даже не одобряя их, поступала она так ради того, чтобы свобода печати оставалась неприкосновенной». («Moniteur», XVI, 495) Гара с 1789 г был редактором «Журналь де Пари»
71. Эро де Сешель принадлежал к старинному дворянскому роду. В последние годы старого порядка он был в большой милости у Марии Антуанетты, но порвал с двором с первых дней Революции Фактически Эро де Сешель не был ни одиночкой, ни монтаньяром, ни жирондистом он просто следовал за революционным движением, с тонким пониманием, но без энтузиазма.

спокойной обстановке, в нарушение справедливости, требующей, чтобы Комиссия была выслушана прежде, чем ее осудить, он ставит на голосование при самом оглушительном шуме вопрос об упразднении этой Комиссии и объявляет, что это упразднение декретировано, между тем как Собрание не обсуждало и не могло обсуждать! Это было после полуночи!

Эро де Сешель, придет день, когда ты будешь держать ответ перед Францией за позор, которым подобное заседание, подобный декрет покрыли Конвент! Гара, придет день, когда и ты будешь держать ответ перед Францией за те неизбежные бедствия, на которые обречет нас этот успех анархии, той анархии, которой ты помог по малодушию... *Но теперь пусть департаменты судят по верному описанию этого заседания, до какого состояния доведен сейчас Конвент и не пора ли созвать наконец эти первичные собрания, о которых еще сегодня десять раз вспоминали. Это единственно возможное средство исцеления наших недугов. Нынешний Конвент не может нас исцелить. Там уже нет, уже не может быть никакой дискуссии, последнее заседание это доказало*».

Народ, окруживший Конвент и проникший в его помещение, мог бы, конечно, в этот вечер достичь еще большего и потребовать не только упразднения Комиссии двенадцати, но и устранения Жиронды и судебного процесса над двадцатью двумя депутатами-жирондистами. Так, по мнению Дютара, которое представляет интерес, поскольку оно было выражено на следующий же день, было достаточно самого легкого толчка, чтобы довести до конца развитие событий.

«*Конвент подвергся вчера опасностям гораздо большим, чем это представляется.* Так как, если бы одна или две секции отправились в полном составе в Конвент, этого было бы достаточно, чтобы его уничтожить, потому что они увлекли бы за собой все население, во всяком случае, наиболее низкая его часть обязательно выступила бы» [72].

Однако в тот вечер еще не было выдвинуто решающего лозунга, народные силы не были организованы для восстания и монтаньяры все еще хотели разрешить кризис *внутри Конвента.*

Якобинцы, собравшись в тот вечер, слушают некоторое время расплывчатые и неопределенные речи [73], но избегают всего, что могло бы быть воспринято как сигнал к действию. Когда один из членов Общества предлагает «выбрать комиссаров для проповеди патриотизма в секциях», Гассенфрац восклицает: «Мы все комиссары, мы все проповедуем патриотизм» [74], и Общество принимает резолюцию о переходе к очередным делам, уклонившись, таким образом, от принятия меры, которая возложила бы на него ответственность за движение. Выслушав бурное заявление гражданки Лекуэнтр, утверждающей от имени революционных республиканок, что «ее товарки не раболепные жены, не домашние животные, что они образуют фалангу, чтобы раздавить аристократов», якобинцы спешат закрыть заседание клуба в половине десятого, не дожидаясь результатов великой битвы, разыгравшейся в Конвенте, и как бы желая дать понять, что Конвент один должен решать в условиях своей полной суверенной свободы.

Коммуна, наоборот, бодрствовала далеко за полночь, неустанно принимая делегации от секций, объявивших себя непрерывно заседающими, и ожидая с часу на час известий из Конвента. В четверть первого ночи известие об упразднении Комиссии двенадцати было встречено восторженными аплодисментами Совета и трибун. Действительно, это означало поражение Жиронды [75].

Что из того, что на следующий день жирондисты пытаются взять себя в руки? Что из того, что по предложению Ланжюинэ и после длительных прений они добились от Конвента отмены принятого накануне декрета и восстановления Комиссии двенадцати [76]? Последняя, не сумевшая постоять за себя в Конвенте и не сумевшая даже, после того как она спровоцировала народ Парижа арестом Эбера, принять необходимые меры предосторожности против малейшего восстания, была уже не более чем призраком. Впрочем, и Конвент в тот самый момент, когда он как будто восстанавливает Комиссию двенадцати, дезавуирует ее, декретируя, по предложению примирителя Буайе-Фонфреда, освобождение заключенных [77]. Этот бессильный поворот обратно к Жиронде практически означал лишь одно, а именно что Конвент не сможет сам избавиться от жирондистской группировки. Слово принадлежало народу.

Но сигнал не последует и от Коммуны, где Шометт, право, слишком уж много разглагольствовал. На заседании 28 мая он изливается в скучных назиданиях и изображает возвращение Эбера в духе пасторали и идиллической пошлости [78]:

«Доклад Комиссии паспортов прерывается продолжительной речью, с которой выступил Шометт, на тему об опасностях, угро-

---

72. A. Tuetey. Op. cit., t. IX, № 648; A. Schmidt. Op. cit., t. I, p. 322.
73. A. Aulard. Op. cit., t. V, p. 209.
74. Ibidem, p. 211. Гассенфрац (1755—1827) — химик, сотрудник Лавуазье, член Коммуны 10 августа, начальник материальной части в военном министерстве в 1792 г.
75. «Moniteur», XVI, 498.
76. «Moniteur», XVI, 500, заседание Конвента 28 мая 1793 г.; «Archives parlementaires», LXV, 491. По вопросу отмены декрета об упразднении Комиссии двенадцати было произведено поименное голосование. Из 517 голосовавших 279 депутатов проголосовали за отмену декрета, 239 — против. Жиронда не была единодушна: Кондорсе, Карра, Рабо-Поммье голосовали за оставление декрета в силе. См.: M. Mortimer-Ternaux. Op. cit., t. VII, p. 304.
77. «Moniteur», XVI, 506.
78. «Moniteur», XVI, 504.

жающих отечеству, о защите и провозглашении принципов, о нарушении Прав Человека... Он подробно рассказывает о заговоре, который затевается против свободы, разоблачает Лебрена и Клавьера[79]... В заключение он заявляет, что, к несчастью для Республики, страсти все еще господствуют; но сколь бы сильно ни было их влияние, говорит он, будем твердыми! Выйдет ли Эбер из тюрьмы или нет, мы останемся на своем посту. Народ сумеет отомстить за нарушение своих прав. Но прежде всего, не надо оружия, не надо крови. (*Бурные аплодисменты.*) Я не люблю крови; те аплодисменты, которые звучат здесь со всех сторон, доказывают, что здесь никто не любит крови. В чем наша сила? Она в нашем единении... Я вам сейчас объясню происходящее движение: это прибывает Эбер.

Без четверти девять в зал входит Эбер, раздаются бурные аплодисменты. Его коллеги обнимают его. Ему надевают на голову красный колпак, некоторое время он пребывает в молчании.

Шометт, продолжая, говорит: «Вы это знаете, граждане, я защищал принципы, а не Эбера. Надлежит обеспечить торжество принципов, карая тех, кто на них посягает...» По его обвинительной речи Совет постановляет: 1) что комиссары составят петицию к Конвенту, в которой потребуют, чтобы инквизиторское поведение Комиссии двенадцати было подвергнуто строгому расследованию и чтобы выписка об этом была разослана всем департаментам; 2) чтобы после этого расследования члены названной Комиссии были привлечены к судебной ответственности и чтобы их судили как притеснителей свободы; 3) что Совет не будет преследовать введенные в заблуждение секции, которые его изобличат, что он будет преследовать только инквизиторскую Комиссию.

Слово берет Эбер. Он заявляет, что первым его долгом было вернуться на свой пост, что ему остается выполнить другой, великий долг, а именно выразить Совету свои чувства благодарности. Он требует написать историю инквизиторских действий Комиссии двенадцати и разослать ее с курьерами по департаментам; он требует, чтобы народ призвали быть всегда наготове и изгнать из собраний секций всех интриганов, чтобы подозрительные люди были разоружены, а их оружие распределено между санкюлотами. Эти предложения оставлены без последствий...

Шометт сообщает, что он принял депутацию, одетую в лохмотья, которая принесла ему венок для Эбера .. «Руссо, — заявил он, — был осужден Сенатом своей страны, и он защитил и Сенат и свою страну». Он передает этот венок в руки Эбера. Последний поднимается на трибуну и спускается оттуда с бюстом Жан Жака Эбер возлагает венок на голову Руссо и заявляет, что живым людям подобает лишь поощрение, а венками надлежит награждать только после смерти.

Одна гражданка с трибун приносит еще один венок, его возлагают на голову Брута»[80]

Глава десятая

РЕВОЛЮЦИЯ 31 МАЯ — 2 ИЮНЯ 1793 г.

В то время, когда Коммуна увенчивала венками и Жан Жака, и Брута, наиболее деятельные революционеры в секциях понимали, что пробил час решающего боя. Уже 28 мая батальоны умеренных секций мобилизовались и обещали свою поддержку Конвенту, т. е. Жиронде[1].

Возможно ли было подавить это внезапное наступление модерантизма просто словами или даже энергичным сопротивлением монтаньяров в Конвенте? Будет ли дано Комиссии двенадцати время, чтобы оправиться от бурной тревоги 27 мая и подготовить свою месть? Секция Сите, та, которая отказалась повиноваться приказу Конвента о предоставлении протоколов, та, председатель которой, Добсан, был арестован, обратилась ко всем секциям с призывом собраться на следующий день, 29 мая, с целью организации повстанческих действий[2].

---

79. Лебрен — министр иностранных дел Клавьер — министр государственных налогов Тот и другой были обвинены вместе с жирондистами

80 «Moniteur», XVI, 506 В описании этого заседания Жорес следовал отчету, данному в «Chronique de Paris», № 150, 30 mai 1793, p 4.

1 Так поступила секция Французских гвардейцев «Вам достаточно сказать слово, вам достаточно призвать нас к себе — и вы будете окружены защитниками, достойными дела, которое им будет доверено». («Moniteur», XVI, 509.)

2 M Mortimer-Ternaux. Histoire de la Terreur ., t. VII, p 307 Это решение было подписано знаменитым Майяром по прозвищу Крепкий Кулак (Tapedur), заместителем председателя секции Сите.

РОЛЬ КОМИТЕТА ОБЩЕСТВЕННОГО СПАСЕНИЯ

Между тем в Конвенте, в тот же день, 29 мая, Комитет общественного спасения под влиянием Барера и Дантона предпринял последнюю попытку примирения, последние усилия выиграть время.

Еще накануне, видимо, стремясь смягчить губительные раздоры, грозившие распространиться на всю Францию, он разослал командированным народным представителям составленное Робером Ленде циркулярное письмо в духе примирения и благоразумия [3]:

«Мы не должны уподобляться генералам и министрам монархии, которые в случае неудач приписывают друг другу ошибки отдельных лиц и общие несчастья...

...Граждане, именно в трудных обстоятельствах мы должны держаться сплоченно. Пусть события никогда не нарушают нашего единства».

Барер, который рассчитывал своим предложением создать Комиссию двенадцати смягчить затруднения или как-то оттянуть время, убедившись, что его изобретение не удалось, выступил с обширным докладом, очень уравновешенным и совершенно беспредметным, где он воздавал должное каждой партии, перечисляя заслуги и ошибки той и другой, призывая их ко взаимной терпимости и согласию [4]. К чему это, когда со всех сторон уже гремела война?

Дантон, который накануне разразился гневной речью против внезапного наступления Жиронды, восстановившей Комиссию двенадцати, Дантон, который восклицал: «Если эта Комиссия сохранит тираническую власть, которую она осуществляла и которую она хотела, я это знаю, распространить на членов этого Собрания, тогда, после того, как мы доказали, что превосходим наших врагов в осторожности, в благоразумии, мы превзойдем их в смелости и в революционной силе» [5], — этот самый Дантон опять цепляется за безнадежную попытку сближения.

Г-н Борнарель заметил (и это замечание — своего рода открытие), что Дантон, который почти никогда не писал, на сей раз принял участие в составлении доклада Барера, что он внес в него наиболее настоятельные, наиболее красноречивые призывы к единению и к миру [6]. Решающим в этом отношении является свидетельство «Репюбликэн, журналь дез омм либр де ту ле пэи», номер от 30 мая 1793 г. [7]:

«Затем Барер представил общий доклад Комитета общественного спасения о внутреннем и внешнем положении. Он слишком обширен для того, чтобы наши читатели могли удовлетвориться его беглым анализом. Мы хотим, чтобы они насладились им полностью. Но мы сообщим, однако, сегодня, что именно Дантону,

столь оклеветанному, столь часто изображаемому в самых мрачных красках, мы обязаны тем параграфом, в котором Комитет доказывает необходимость республиканской Конституции, учреждения начальных школ, укрепления собственности, восстановления порядка, господства законов и нравственности и прежде всего подавления тех страстей, которые разделяют представителей одного и того же народа и превращают дворец единства в храм раздоров».

Свидетельство Камбона, как замечает г-н Борнарель, подтверждает свидетельство «Репюбликэн». Дюко сообщает об этом в «Кроник де Пари» за 31 мая в следующих выражениях [8]:

«Одно место в докладе Барера было встречено аплодисментами. „Это место, которое вы только что слышали, — воскликнул Камбон, — оно ведь написано человеком, которого оклеветали, Дантоном“».

В своих мемуарах, в которых он чернит Дантона, Барер воздержался от воспоминаний об этом сотрудничестве. Но это факт достоверный. Итак, Дантон говорил с той своеобразной высокопарностью, которая иногда примешивалась к силе его красноречия:

«При входе в помещение, где заседает Собрание, иностранца, равно как и гражданина, поражает возвышенная надпись, сама по себе являющаяся некой Конституцией, охватывающей все наши обязанности, оживляющей надежду, которая должна нас одушевлять, возбуждающей мужество, которое необходимо вам в ваших трудах и которое должно заставить побледнеть тиранов Европы. Слово «Единство», начертанное над входом Национального дворца, должно быть видно всем департаментам и начертано в сердцах их депутатов.

Единство 25 млн. человек, единство такого множества воль должно сделать вас непобедимыми.

Но неужели эта надпись всегда будет ложной? Неужели мы постоянно будем видеть во дворце единства бешенство раздоров 40 тыс. мелких республик, разбирающих там свои распри при посредстве своих представителей?

---

3. A. Aulard. Actes du Comité de salut public..., t. IV, p. 355. Циркулярное письмо было составлено самим Робером Ленде 28 мая 1793 г. Этот циркуляр обращен главным образом к представителям в Северной армии.
4. «Archives parlementaires», LXV, 559.
5. «Moniteur», XVI, 509.
6. F. Bornarel. Danton, collaborateur de Barère.—«La Révolution française», 1890, t. XIX. p. 185. См. ниже, с. 619, прим. 10.
7. «Le Républicain, journal des hommes libres de tous les pays» редактировал со 2 ноября 1792 г. Ш. Дюваль, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Иль и Вилен.
8. «Chronique de Paris», № 151, 31 mai 1793, p. 55.

Уберите же тогда изображения Ликурга, Солона, Брута, которые были честью и опорой своего отечества. Замените эти почитаемые изображения отвратительными портретами зависти, честолюбия и анархии. Сотрите над входом в Национальный дворец слово «Единство», которое, видимо, пребывает в ожидании более мудрых законодателей и более преданных патриотов.

...Если вы упустите эту возможность учредить Республику, вас всех равно заклеймят и ни один из вас не ускользнет от победителей-тиранов. Вы погубите права народа, на вашей совести будет гибель 300 тыс. человек. И о вас скажут: „Конвент мог дать свободу Европе, но своими раздорами он выковал цепи для народа и своими склоками услужил деспотизму".

И наоборот, сколь прекрасно будет называться французом, принадлежать к нации, которая, подвергшись нападению тиранов, явит внушительное зрелище великого народа, где нет ни рабов, ни хозяев, ни вассалов, ни сеньоров, народа, который, постоянно предаваемый своими законодателями, королями, генералами, министрами, своими привилегированными кастами, своими собственными детьми, бьющийся с коррупцией, унаследованной от умирающего деспотизма, создает последовательно на всех своих границах и против наводняющих его страну разбойников армии и подготовляет мир во всем мире против коалиции королей».

Вся эта риторика по поводу единения звучит горестно. Поздно было говорить о единстве. Разрыв произошел. Отныне никакими речами нельзя было исцелить уязвленные сердца. Дантон сознавал приближение своего поражения: ибо он был побежден, оказавшись неспособным действительно сохранить единство. Его широкая революционная концепция оказалась разбитой, изуродованной грубой силой страстей и событий. Продолжая идти таким образом, в своих химерических усилиях примирения, навстречу Равнине и сотрудничать с ее главой, он сохранял, однако, контакт с революционными силами.

Трудно составить себе точное представление о том, что происходило на тех тайных совещаниях в Шарантоне, где на протяжении всего этого периода Робеспьер, Дантон, Марат обменивались мнениями.

Жирондист Дюлор в своих «Исторических очерках событий Французской революции» рисует нам фантастическую картину[9]:

«Дантон, Робеспьер, Паш и др. собирались в Шарантоне на тайные совещания и выработали там план атаки против большинства Конвента. *Там обсуждалось, говорят, предложение о восстановлении трона Бурбонов, с тем чтобы посадить на него сына Людовика XVI; но, по-видимому, этому не было дано хода.* Был там человек, стремящийся к верховной власти и мало расположенный расстаться с ней, когда он ее получит. Заговорщики посвятили в свою тайну нескольких высших офицеров и возложили на них исполнение своих планов»[10].

На этих-то тайных совещаниях, по словам Дюлора, и был разработан весь тот план, который проводился в мае, и в частности собрание делегатов секций в Епископстве 15 мая. Но можно ли оказывать хотя бы малейшее доверие историку, который серьезно сообщает, что Паш, Робеспьер, Дантон и Марат обсуждали план реставрации Бурбонов?

Об этих совещаниях в Шарантоне говорит также Гара, но самым туманным образом[11]: «В тот же день [т. е. 30 мая] либо в один из предыдущих или последующих дней (я не могу с уверенностью указать дату) начальник первого отделения министерства внутренних дел Шампаньё[12] принес мне очень много экземпляров плаката, в котором Робеспьера, Марата, Дантона, Шометта и Паша, которого там называют *политический лицемер*, обвиняют в том, что они проводили в Шарантоне ночные тайные совещания, где под охраной внушительной вооруженной силы обсуждали средства организации новых сентябрьских избиений. Я сразу отнес плакат в Комитет общественного спасения и уловил для этого такой момент, когда в Комитете не было ни Дантона, ни Лакруа. Комитет вынес как будто секретное постановление о том, что все экземпляры этого плаката должны быть изъяты, что тот, кто распорядился доставить их мне, обязан хранить это дело в тайне и чтобы я собрал сведения на месте, в Шарантоне. Я там никого не знал, и очень мало было таких лиц, которым можно было бы доверить подобные розыски. Шампаньё знал там одного гражданина, за честность и осторожность которого он ручался. Он ему написал, и полученный ответ гораздо более был способен рассеять ужасные обвинения плаката, нежели их подтвердить».

Несомненно одно: если Паш, Робеспьер и Дантон совещались, то это имело целью найти, наоборот, такой способ разрешения кризиса, который позволил бы избежать кровопролития и даже нарушения целости Конвента. Даже 29 мая Дантон еще не совсем потерял надежду на это, а Робеспьер отказался от нее только 29 мая,

9. Dulaure. Esquisses historiques des principaux événements de la Révolution française depuis la convocation des États généraux jusqu'au rétablissement de la maison des Bourbons. Paris, 1823—1825, 5 vol. Дюлор (1755—1835) — инженер-географ, писатель и журналист времен Революции, депутат Конвента от департамента Пюи-де-Дом.
10. Ibidem, t. II, p. 390. Такие же утверждения содержатся в мемуарах Луве. См. также речь Камбона от 12 вандемьера III г. (3 октября 1794 г.): «Нам сообщили, что Дантон и Робеспьер отправились в Шарантон, чтобы выработать там меры». («Moniteur», XXII, 139.)
11. Garat. Mémoires. Édition de 1862, p. 219.
12. Шампаньё — старший служащий в министерстве внутренних дел, был обвинен Колло д'Эрбуа и арестован 2 августа 1793 г. («Moniteur», XVII, 302.)

когда Конвент совершил ошибку, восстановив Комиссию двенадцати, и когда секция Сите начала приводить в движение революционные силы.

ПРИЗЫВ РОБЕСПЬЕРА К ВОССТАНИЮ

Лишь вечером 29 мая в Якобинском клубе Робеспьер публично признает бессилие того законного метода, которого он до сих пор придерживался. Он призывает к сопротивлению Парижскую коммуну, опять встревоженную внезапным наступлением Жиронды и Комиссии двенадцати [13]:

«Если, в частности, Парижская коммуна, на которую специально возложена забота о защите интересов этого великого города, не разоблачит перед всем миром посягательств на свободу со стороны самых подлых заговорщиков, если Парижская коммуна не сольется с народом, не образует с ним тесного союза, она нарушит свой главный долг, она уже не будет заслуживать той популярности, которой пользовалась до сих пор. В эти последние моменты кризиса муниципалитет должен оказать сопротивление угнетению и выступить против преследования патриотов и в защиту справедливости.

Когда становится очевидным, что отечеству угрожает самая серьезная опасность, долг представителей народа — умереть за свободу и добиться ее торжества».

Робеспьер заранее солидаризировался с революционными действиями Коммуны. И он почти требовал от нее взять в свои руки руководство движением. Кто знает, не опасался ли он анархического наводнения, которое могло бы разразиться в результате беспорядочной инициативы секций и бешеных? Затем он добавляет с некой меланхолией, исполненной угроз:

«Я не могу предписать народу, какими средствами надлежит спасаться. Это не в силах отдельного человека. Это не в моих силах, ибо я изнурен четырьмя годами Революции и душераздирающим зрелищем торжества тирании и всего, что есть самого подлого и самого развращенного. Не мне указывать эти средства, ибо я снедаем длительной лихорадкой, и особенно лихорадкой патриотизма. Я сказал, и в данный момент у меня нет другого долга».

Тем, кто с каким-то суеверным доверием ожидал, что Робеспьер развяжет узел, он отвечал: я не в состоянии дать решение проблемы, это выше сил отдельного человека. Кризису могут положить конец только коллективные действия народа.

На этом собрании якобинцев, столь долгое время связанных духом законности, прозвучал наконец призыв к восстанию или по меньшей мере официальное согласие на восстание. Слова Робеспьера были восприняты в их истинном смысле, ибо волнение

якобинцев было бурным, поднялось огромное возбуждение, страстная прелюдия к движению улицы.

Словно желая уточнить и довести до конца мысль Робеспьера, Бийо-Варенн напомнил о все более ужасных бедствиях, обрушивающихся на отечество и дело свободы, о поражениях Кюстина, о росте мятежного движения в Вандее и заключил разоблачением бесплодной политики Комитета общественного спасения: «В докладе Барера говорится о единстве, как будто возможен союз между добродетелью и преступлением. Тридцать вожаков составляют план заговора». И он предложил свои меры общественного спасения [14].

Еще до того, как Робеспьер выступил и в присущей ему осторожной форме окончательно ввязался в бой, маратистское течение было явно сильнее среди якобинцев, чем течение дантонистское. Когда Лежандр, друг Дантона, предложил разослать, по правде говоря, довольно бесцветное циркулярное письмо к французскому народу, его обозвали «усыпителем». Бантаболь, отвечая ему, раскритиковал доклад Барера, в составлении которого, якобинцы это знали, участвовал Дантон: «Якобинцы отнюдь не должны следовать докладу Барера. Ему случалось говорить хорошие вещи. Этот депутат оказал много услуг, но в нем живет дух модерантизма» [15].

Бантаболю много аплодировали. И Робеспьер, с его острым чутьем духовных кризисов, переживаемых людьми, понял, что законопослушное Общество якобинцев готово и без него вступить на путь восстания. Он примкнул к этой новой политике, чтобы не оторваться от главной силы Революции, чтобы укрепить и в то же время направлять движение.

Однако те меры общественного спасения, которые предложил Бийо-Варенн, будут приняты делегатами революционных секций. Секция Сите призвала их сначала собраться 29 мая, в четыре часа, в соборе Парижской богоматери. Но потом она сочла, что лучше собраться в месте более уединенном, чтобы надежнее обеспечить секретность обсуждений, и делегаты собрались в Епископстве, где уже с 28 мая заседал некий тайный Революционный комитет, именуемый Комитетом шести [16]. В тот день, 29 мая, состоялось два заседания, одно в четыре часа, другое вечером, и делегаты

13. A. Aulard. La Société des Jacobins, t. V, p. 213; M. Robespierre. Œuvres, t. IX, Discours, p. 536.
14. A. Aulard. Op. cit., t. V, p. 213.
15. Ibidem. Бантаболь продолжает: «Он [Барер] искусно направляет против якобинцев все то, что говорят наши враги. Будь он честным человеком, он обрушился бы на Ролана и на главарей клики, чьи преступления общеизвестны».
16. Жорес следует здесь: M. Mortimer-Ternaux. Op. cit., t. VII, p. 307.

восстания совещались как раз в то время, когда Робеспьер в Якобинском клубе согласился на восстание.

На этих повстанческих заседаниях в Епископстве 29 мая обсуждение шло, так сказать, в двух планах. На первом плане находилось относительно публичное собрание, где делегаты секций и выборщики 10 августа обсуждали в довольно умеренном тоне текущие события и решения, которые необходимо принять. Но на втором плане, в полумраке, благоприятном для подготовки смелого предприятия, небольшое число комиссаров секций, молчаливо облеченных некими исполнительными полномочиями, вырабатывали методы действий. Похоже, что Комиссия двенадцати, по крайней мере если судить по записям, оставленным одним из ее членов, жирондистом Бергуэном [17], была предупреждена своей полицией только о наименее решающем совещании. Она, по-видимому, не знала об образовании Исполнительного комитета. В переданной Комиссии двенадцати записке о состоявшемся днем заседании еле просматривается некий план действий:

«На этом заседании обсуждался адрес к двенадцати секциям с тем, чтобы они направили своих комиссаров, которые присоединятся к тем, что уже избраны другими секциями, для предъявления требований Конвенту. Было выдвинуто возражение, что секциям, прежде чем они смогут обсуждать этот адрес, т. е. сегодня вечером, *следовало бы обсудить гораздо более важные меры общественного спасения*, и тем не менее постановили принять указанное предложение, потому что никто не мог отрицать, что оно отнюдь не ошибочное, а, наоборот, вполне революционное.

Все кантоны департаментов были призваны согласовывать свои действия с мерами, которые собирается принять Париж. Комиссары, которые должны направиться в Версаль, получат особые инструкции.

Какое-то довольно большое знамя, *с красным фоном*, находилось в зале, там, где расположены скамьи. На нем была следующая надпись: «*Только просвещение и добрые нравы могут сделать людей равными*». Это знамя не было прикреплено к какому-либо древку, и непонятно, какое отношение могло иметь это знамя, которого никто не видел *вчера*, к тем планам, которые замышляются».

Не было ли это уже вызвано заботой успокоить парижскую мелкую буржуазию и даже ремесленников, опасавшихся экспроприации и уравнения?

«Около часа председатель сказал, что, поскольку собранию, по-видимому, не предстоит сегодня принимать других мер, надлежит отложить обсуждения до завтрашнего утра, и добавил, что секция [секция Сите, на территории которой находилось Епископство] должна занимать сегодня зал, где происходят обсуждения».

Однако вечером того же дня имело место новое заседание, на котором были уточнены методы действий.

«В Электоральный клуб, называемый Центральным, можно было войти только по предъявлении членской карточки патриотического общества. В собрании участвовало около *пятисот* лиц с правом голоса, в их числе сто женщин. На трибунах находилось около ста человек.

Дюфурни [18], выступая *от имени созданной накануне Комиссии, именуемой Комиссией шести*, предложил выбрать шесть комиссаров и поручить им отправиться в муниципалитет и потребовать, чтобы последний позаботился немедля произвести выборы временного командующего парижской национальной гвардии, *ибо без этого не может быть согласованности в тех мерах, которые предстоит принять*. Одна женщина выступила по этому вопросу и изложила свои взгляды. Она сказала, что впредь следует рассчитывать на спасение, только приняв быстрые и энергичные меры и нанося врагу такие удары, от которых он никогда не сможет оправиться. Она очень старалась доказать, что Конвент никуда не годится... Она поддержала предложение Комитета и увлекла за собой всех. Было принято решение в соответствии с предложением Комитета, и она первая была намечена в состав этой Комиссии.

От имени Комитета шести потребовали неограниченного доверия и обещания выполнять все решения, которые он примет, без другого рассмотрения. По-видимому, с этими предложениями согласились.

Дюфурни дважды или трижды заставил замолчать ораторов, которых он упрекнул в неосторожности, потому что они, по-видимому, коснулись мер, которые предстояло принять. Еще одного оратора он прервал, сказав: «Боюсь, что, если вы будете тратить столько времени на обсуждения, вы не попадете на торжество».

Общей темой всех выступивших ораторов было восстание, немедленное, общее, с проведением широких мер в Париже.

Одною из мер, предложенных членом, сказавшимся представителем секции Французского театра, являлось разоружение всех

17. Bergoeing. La longue conspiration des Jacobins pour dissoudre la Convention nationale... (B.N., 8° Lb[41] 1430, imp. in-8°, 78 p.) Бергуэн (1750—1829) — хирург, мэр Сен-Макера (Жиронда), депутат Национального Конвента. Бергуэн опубликовал документы, относящиеся к заседаниям Центрального революционного комитета, которые Жорес здесь воспроизводит. Член Комиссии двенадцати, Бергуэн был хранителем этих бумаг; он приводит текст или выдержки из 32 документов, из которых первые шесть представляют собою показания свидетелей о заседаниях Центрального комитета. Это один из важнейших источников по истории подготовки восстания 31 мая 1793 г.

18. Дюфурни (1739—1795?) — главный инженер города Парижа, один из основателей *Лицея* в 1790 г., председатель директории Парижского департамента в 1793 г.

богатых, аристократов, фейянов, умеренных, и он сообщил, что это уже проведено сегодня в его секции и еще в одной очень простым способом. «Мы собрали, — сказал он, — нескольких канониров, мы им сказали, что Конвент обещал вооружить их, но ничего не сделал, что им не остается ничего другого, как нанести братский визит вышеуказанным лицам и забрать у них сегодня их ружья, чтобы завтра можно было взять у них их ассигнаты и их деньги». (Это индивидуальное выступление, имеющее, несомненно, достоверный характер, конечно, не отражало общего настроения делегатов.)

Еще одно общее предложение, выдвинутое Дюфурни, *тоже от имени Комиссии шести*, заключалось в том, чтобы призвать все секции направить Конвенту обращение с требованием покарать Иснара за преступление перед Парижем. „*С тем чтобы*, — сказал он, — *дав однажды общий импульс всем парижанам, можно было увлечь их к общей цели*".

Помимо этого, говорилось, что надо нанести очень сильный удар, и всякий раз при этом указывали на правую Конвента и на Комиссию двенадцати как на опаснейших врагов отечества. В общем все можно резюмировать так: „*Восстание*, подобное восстаниям 14 июля и 10 августа, *стремительность* в его проведении, и *для этого* собрание должно продолжиться *завтра, в девять часов утра*, и с этого момента оно будет *непрерывным*"».

Из этого очень важного сообщения, полученного Комиссией двенадцати, вытекает, что начиная с 29 мая восстание было, если можно так выразиться, учреждено. У него был план, поскольку Дюфурни заставляет замолчать неосторожных делегатов, рискующих проболтаться. У него был свой исполнительный орган, ибо эта Комиссия шести разговаривает как суверен даже с делегатами. Дюфурни их предупреждает, что, если они будут тратить слишком много времени на обсуждения, они не попадут на торжество. Иными словами, исполнительная комиссия вполне уверена в том, что секции немедленно последуют за нею, как только она подаст сигнал к движению, и отныне она решила не останавливаться перед трудностями и возражениями, которые могли бы ей противопоставить даже делегаты секций, озабоченные, быть может, сознанием своей ответственности. Комиссия шести, приняв решение дать ход развитию событий посредством энергичной инициативы совсем небольшого меньшинства, в то же время озабочена тем, чтобы сразу же расширить движение, вовлечь в него и связать с ним весь Париж. Речь Иснара, оскорбившая и встревожившая всех парижан, как имущих, так и санкюлотов, оказалась очень полезной для достижения этой цели. Поднять Париж сначала против Иснара было легко, а раз подняв, Париж можно было бы *вовлечь* в движение против всей Жиронды Когда Бланки, страстно увлеченный изучением революционных движущих сил 1793 г., говорил: «Движение не создают, его направляют», он сформулировал ту тактику вовлечения и революционной замены, которую Дюфурни указал на собрании в Епископстве.

Но именно для того, чтобы увлечь весь Париж, чтобы соединить в одном движении пролетариев и буржуа, санкюлотов и купцов, надо было успокоить Париж насчет собственности. Вот почему я выше отметил, что резкие слова относительно богатых, у которых сначала отберут их оружие, а затем и «их ассигнаты и деньги», были на собрании в Епископстве лишь индивидуальным выпадом. Успокоить собственников — эта забота начиная с 29 мая стала одной из самых главных и неотложных для революционеров Епископства, как это видно из слов, произнесенных на следующий день Гассенфрацем в Якобинском клубе [19].

«Секция Сите призвала остальные 47 секций присоединиться к ней, направив своих комиссаров для обсуждения средств общественного спасения. Вчера это присоединение осуществилось. *Первое обсуждение было посвящено вопросу о том, как рассеять тревоги собственников. С этой целью секция постановила, что все имущества находятся под охраной санкюлотов, которые все возьмут на себя обязательство предать мечу правосудия всякого, учинившего малейшее посягательство на собственность, и все члены этой секции поклялись умереть, но заставить соблюдать этот закон*».

Очевидно, что мысль секции Сите, самой пламенной из всех и выступившей с инициативой созыва секций, была общей для всех секций.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ КОМИССИЯ ДЕВЯТИ

Весьма вероятно, что в эту ночь с 29 на 30 мая полномочия Комиссии шести, которая еще 28-го так смело выступила в авангарде движения, были подтверждены и санкционированы. Возможно также, что она была пополнена и несколько расширена с учетом нарастающего размаха движения. Сначала Бюше и Ру, а затем Шмидт говорят, что в тот вечер 29 мая собрание в Епископстве избрало Комиссию в составе девяти человек [20].

Всматриваясь в тексты, я не могу решить, произошло это 29 или 30 мая. «Кроник де Пари» в номере от 2 июня, где дается обзор событий 31 мая, заявляет [21]: «В статьях, озаглавленных „Конвент" и „Коммуна", можно было прочитать о том, как развивались события на собрании в Епископстве: там были выбраны девять комиссаров, которые отправились в Коммуну, упразднили

19. A Aulard. Op cit, t V, p 214, заседание 30 мая 1793 г.
20. Buchez et Roux, t. XXVII, p 299, A Schmidt, Tableaux ., t I, p 343.
21. «Chronique de Paris», № 153, 2 juin 1793, p 3.

ее и затем создали вновь». Но из этого нельзя заключить, что эта Комиссия девяти была избрана ночью 29-го взамен Комиссии шести. Похоже даже на то, судя по тексту «Кроник», что это какая-то комиссия, образованная в последний момент, утром 31 мая, когда в Париже уже били в набат и надо было идти в Коммуну. Паш, будучи вызван 1 июня в Комитет общественного спасения, сказал там (согласно протоколу): «*Вот уже два дня*, как создан Революционный комитет в составе девяти граждан, им придали десятого члена». Два дня тому назад, значит ли это 30 или 29 мая? Гара, правда, высказывается как будто более ясно [22]:

«На следующий день (29 мая) между одиннадцатью и двенадцатью часами ночи мне сообщают, что в Епископстве сформировалось собрание, что оно обсуждало меры, называемые им мерами общественного спасения, и что только что оно выбрало 10 комиссаров. Бегу в Комитет общественного спасения передать это сообщение и к мэру, чтобы расспросить его о характере и цели этого собрания. Мэр был в постели. Я попросил разбудить его и принять меня. Из каких людей состояло это собрание в Епископстве? Какая у них задача? Кто ее поставил перед ними? Что могли представлять собой эти люди, которые, становясь рядом с Национальным Конвентом и его комитетами, рядом с Исполнительным советом департамента, рядом с Коммуной и секциями, обсуждали средства общественного спасения? Все, что мэр мог ответить на эти вопросы, сводится к тому, что собрание в Епископстве состояло из членов корпуса выборщиков, членов патриотических обществ и комиссаров ряда секций. Но он заверил меня, причем тоном человека, который знает это достоверно, что это собрание, которое и его тревожит, само себя признало и объявило некомпетентным принимать какие-либо меры исполнительной власти, что оно считает себя лишь собранием граждан, совместно обсуждающих общественные дела. Я обратил внимание мэра на то, что такое собрание требует тщательного надзора со стороны главных должностных лиц полиции и что ему следует осведомлять министра внутренних дел обо всем, что там будет происходить, день за днем, час за часом. Мэр заверил меня в том, что это будет сделано, и я вернулся в Комитет общественного спасения, чтобы доложить об этой беседе».

Прелестный допрос! Как будто Гара не знал уже в течение недель, что секции подготовляли революционное выступление! Когда слабость ума и воли пытаются прикрыть покровом раздумий и аналитических потуг, получается жалкое, комическое зрелище Паш, когда его разбудил этот несчастный вопрошающий и суетливый философ, нашел его, наверно, в высшей степени смешным. Он отделался от него уклончивыми ответами. Сознательно ли обманул он его, сказав, что собрание признало себя некомпетентным, тогда как секции, следуя призыву секции Сите, дали своим делегатам неограниченные полномочия? Или же он и сам еще не знал,

как далеко зашли в своей повстанческой смелости собравшиеся в Епископстве?

Из слов Гара нельзя с уверенностью заключить, что Комиссию шести сменила новая Комиссия (из десяти или девяти членов). Осведомитель, информировавший Гара в тот вечер, вполне мог принять за вновь избранную комиссию ту же Комиссию шести, заговорившую столь повелительно властным тоном. Мне кажется странным, что столь обстоятельная запись, представленная в Комиссию двенадцати и цитированная Бергуэном, не упоминает о факте столь важном, каким явилось бы специальное избрание новой исполнительной комиссии. В этой записке так часто говорится о Комиссии шести, что трудно предположить, что ее замена прошла бы незамеченной.

Шмидт построил гипотезу довольно неправдоподобную и шаткую: будто в тот вечер в Епископстве состоялись два различных собрания, одно — собрание делегатов без формальных полномочий, имевших обыкновение собираться в последние две-три недели; другое — собрание делегатов с неограниченными полномочиями, только что избранных секциями для организации восстания. Не так уж легко было установить непроницаемые перегородки. И весьма вероятно, что делегаты секций отнюдь не отказывались, после взаимной проверки своих полномочий и утверждения Комиссии шести, от участия в более широком собрании. Представляется вероятным, что именно предварительное согласие и официальная инвеституpa, полученные от полномочных делегатов секций, и придали Комиссии шести ту революционную уверенность, которую проявил Дюфурни, выступая от ее имени на пленарном заседании. Мишле считает, что избрание Комиссии девяти состоялось в ночь с 30 на 31 мая [23]. Все это довольно шатко. Всего правдоподобнее, что к учрежденной 25 мая Комиссии шести присоединился 29-го Добсан, освобожденный одновременно с Варле и Эбером Он обладал большим престижем. Это он дал сигнал к сопротивлению. Он обладал всеми качествами, необходимыми для того, чтобы возглавить исполнительную комиссию.

Собрание в Епископстве было очень заинтересовано в признании его Якобинским клубом и Коммуной. Или, вернее, оно пыталось своей смелостью заставить все установленные власти, все организованные силы Революции признать его. В Якобинском

22. G a r a t. Op. cit , p. 215.
23. С некоторой вероятностью Развитие событий, даваемое Жоресом, остается в данном вопросе неясным История событий 31 мая, 1 и 2 июня 1793 г была воссоздана А. Тюэте (A. Tuetey) во введении к т. IX его «Répertoire général » (p XXVI) Тюэте пишет· «Первый комитет, названный Комитетом девяти, возник в ночь с 30 на 31 мая» (p. LIX).

клубе Дюфурни, один из самых пламенных деятелей директории департамента, и Буассель, крайний маратист и даже коммунист, был связующим звеном между Обществом и Епископством [24]. Еще на заседании 27 мая Дюфурни сказал, обращаясь к якобинцам [25]: «Я сообщил Обществу о том, что завтра в пять часов в Епископстве состоится собрание выборщиков и патриотов».

Он старался придать таким образом собранию в Епископстве официальный характер и приучить якобинцев рассчитывать на это собрание для осуществления тех смелых выступлений, неизбежность которых все предчувствовали. В тот самый вечер 29-го, когда Гроц де Люзанн получил слово для того, чтобы сообщить какое-то свое наблюдение, предвещавшее крупный заговор, Буассель почти насильно прервал его [26]:

«Клуб в Епископстве избрал комиссию для рассмотрения всех мер общественного спасения. Если находящийся на трибуне гражданин желает предложить какие-либо меры, он может обратиться к этому комитету».

Тем самым Епископство неким образом присутствовало в этот вечер 29 мая в Якобинском клубе.

Если Эбер, который был заключен и освобожден так же, как Варле, представлял последнего патриотам и старался пробудить к нему сочувствие, то отнюдь не только из чувства сентиментальной солидарности с товарищем по несчастью. Эбер, которому вовсе не хотелось быть вторично арестованным и который понимал, что если Комиссия двенадцати, которую однажды обуздали, опять перейдет в наступление, то на этот раз она дойдет до конца, хорошо знал, что самые мощные ресурсы борьбы и дерзания — у бешеных, и он связывал себя с ними, чтобы не погибнуть. Вот почему, выступая в Якобинском клубе в самый вечер 29 мая, он заявляет, как об этом свидетельствует не протокол, всегда осторожный, а запись, опубликованная Бергуэном [27]: «Народ может и должен *напасть* на Комиссию двенадцати». Это было дыхание восстания, которое ощутил Робеспьер. Но, когда он втягивает в это дело Коммуну, когда он ей заявляет, что это ей надлежит действовать и бороться, не было ли это косвенным и чрезвычайно осторожным ответом на неистовства Эбера? Почему заместитель прокурора Коммуны приходит изливать зажигательные речи в Общество якобинцев, которое не имеет полномочий защищать Париж, и почему он не берет на себя вместе с самой Коммуной, одним из главных членов которой он является, решающей ответственности?

Коммуна, казалось, не была расположена выступить в активной роли и на первом плане. Она тоже ожидала революционной инициативы секций. С 29 мая Епископский дворец представляет собой подлинный центр революционного действия. Когда в соответствии с принятым в Епископстве предложением депутация от Электорального клуба сразу же, во время того же заседания

29 мая, отправляется в Коммуну, чтобы предложить Совету «назначить временного командующего-патриота», Коммуна хорошо понимает, что, назначив таким образом начальника вооруженных сил Парижа, по требованию и внушению революционных секций, она совершит первое повстанческое действие. Она уклоняется, и председатель отвечает, что, «поскольку Конвент определил порядок назначения главнокомандующего, остается лишь выразить пожелания на этот счет» [28]. Это означало сказать Епископству: Коммуна не может открыто нарушать закон. Решайте сами, мы за вами последуем. Коммуна еще раз уклоняется, в тот же вечер 29 мая, когда секция Гравилье просит ее присоединиться в связи с праздником тела господня к первым опытам резко антирелигиозной политики, на почве которой вскоре развернется эбертизм [29].

«Секция Гравилье сообщает о постановлении, которым она предлагает священнику церкви св. Николая не производить крестного хода в своем районе. *Совет переходит к очередным делам, мотивируя тем, что он не хочет вмешиваться в дела священников и что, если вспыхнут беспорядки, покарают тех, кто их вызвал».* (Отчет, опубликованный в «Монитёр»; «Кроник» об этом случае не упоминает [30].)

Итак, в эту весеннюю ночь, когда революционеры задерживаются и в Епископстве, и у якобинцев, и в Коммуне, господствует Епископство. Это оно внушает самые смелые шаги. И создается впечатление, что оно подчеркивает бессилие и нерешительность «установленных властей», чтобы иметь возможность совершенно свободно и со всей решительностью взять на себя первую роль, от которой официально уклонились администраторы.

РОЛЬ ДЕПАРТАМЕНТА

Испугался ли Робеспьер этого верховенства бешеных, которые после победы стали бы хозяевами Революции, подобно тому как революционная Коммуна стала после 10 августа хозяйкой Парижа? Он ли, стремясь предотвратить опасное отстранение «установленных властей», посоветовал департаментской директории выйти

24. Буассель — адвокат, судья гражданского суда Парижского департамента, член Общества якобинцев.
25. A. Aulard. Op. cit., t. V, p. 211.
26. Buchez et Roux, t. XXVII, p. 295. Никакого упоминания в сборнике Олара. Этого Гроца де Люзанна (Grotz de Luzenne) мы не смогли идентифицировать.
27. A. Aulard. Op. cit., t. V, p. 212. Фразы, приведенной Бергуэном, нет в сборнике А. Олара, который следует в изложении «Journal des Jacobins». О записях, опубликованных Бергуэном, см. выше, с. 603, прим. 17.
28. «Moniteur», XVI, 517.
29. Эбертизм: будет точнее назвать его санкюлотизмом.
30. «Moniteur», XVI, 517.

на сцену, чтобы объединить под своей властью все организованные силы Революции и свести к скромным размерам роль Епископства, где торжествовал Варле? Такова гипотеза Мишле, чей взгляд иногда столь глубоко проникает в смысл событий и в души людей[31]. Она совершенно противоположна концепции Мортимер-Терно. В самом деле, последний считает, что между повстанческими элементами Епископства и установленными властями Коммуны и департамента существовало полное согласие и что они лишь разделили между собой роли[32]. Истина, мне кажется, состоит в том, что существовало одновременно и соперничество и согласие.

Установленные власти (главным образом департаментские) и Епископство оспаривали друг у друга, и довольно резко, руководство движением. Но они были готовы в случае надобности согласовывать свои действия, и все эти, порою несогласные, силы действовали сообща. Департамент, чтобы не быть захлестнутым бешеными, постановил днем 30 мая пригласить все установленные власти и секции собраться 31 мая в девять часов утра в зале Якобинского клуба[33].

«Генеральный совет, заслушав генерального прокурора-синдика, постановляет, что *все установленные власти департамента*[34] *и секции Парижа* будут приглашены принять участие, в лице своих комиссаров, в собрании, которое состоится в пятницу 31-го числа сего месяца, точно в девять часов утра, в зале Общества друзей Свободы и Равенства, заседающего у так называемых якобинцев, на улице Сент-Оноре, для обсуждения мер общественного спасения, которые надлежит принять при настоящих обстоятельствах для сохранения свободы и равенства, которым угрожают серьезные опасности, а также мер, необходимых для борьбы с клеветническими измышлениями, распространяемыми против граждан и установленных властей Парижского департамента в других департаментах, для выведения из заблуждения всех граждан, которые могли быть обмануты, дабы расстроить явный заговор, составленный с целью погубить Париж, восстановив против него все департаменты, и нанести таким образом удар по единству и неделимости Республики, которые он поклялся защищать от всех ее врагов;

постановляет, следовательно, что генеральные советы дистриктов Сен-Дени и Бур-де-л'Эгалите, советы коммун этих двух дистриктов и Генеральный совет Парижской коммуны приглашаются соответственно избрать из своей среды и послать на это собрание такое число комиссаров, какое они сочтут подобающим, что равным образом всем 48 секциям предлагается избрать по два комиссара от каждого из наблюдательных комитетов, принимая во внимание, что эти комитеты в силу характера своих функций и доверия, которым они пользуются, приобрели сведения и знания, которые принесут пользу собравшимся комиссарам в ходе предстоящей дискуссии;

постановляет также, что комиссары, которые будут выбраны установленными властями и секциями, должны быть снабжены полномочиями, чтобы они могли быть допущены на собрание. Подписи: **Николо**, *председатель*; **Рессон**, *генеральный секретарь*»[35].

Итак, Генеральный совет департамента решил отвести революционное движение к якобинцам. Это означало поставить его неким образом под начало Робеспьера.

Был ли Люлье робеспьеристом, как это утверждает Мишле? Действовал ли он по личным указаниям Робеспьера, когда созывал таким образом то, что можно называть легальными революционными силами? Думаю, что такое утверждение было бы весьма рискованным. Люлье был человеком действия[36]. Среди полицейских донесений, врученных Комиссии двенадцати, есть одно, в котором отмечается его почти неистовая роль в секциях:

«Вчера в секции Бон-Консей извергали всяческие мерзости против Конвента. Секция постановила, что не будет признавать законов Национального Конвента и будет признавать лишь приказания муниципалитета, наконец, что она не пошлет своих протоколов в Комиссию двенадцати. Заправила всего этого — Люлье (генеральный прокурор-синдик департамента)».

Мне думается, что он занимал позицию между бешеными и Робеспьером. Вспомним, что именно Люлье убедил Коммуну потребовать от Конвента введения *максимума* на зерно, которого требовал Жак Ру и которого не хотели ни Коммуна, ни Робеспьер. Спустя несколько месяцев после этого Люлье оказался на какой-то момент замешанным в делах Шабо[37]. А Шабо, как мы видели, начиная с марта пытался служить связующим звеном между яко-

31. M i c h e l e t. Histoire de la Révolution française. Edition G. Walter, t. II, p. 515 («Департамент, где Люлье, то есть Робеспьер...»), p. 518 («Главный вожак, прокурор-синдик Люлье, созвал 29-го числа членов департамента и, одержав верх благодаря своему влиянию, как человек Робеспьера, над непримиримостью Майяра...»).
32. M. M o r t i m e r - T e r n a u x. Op. cit., t. VII, p. 309.
33. «Таким образом, — поясняет М. Мортимер-Терно,— цель была та же, но состав собрания и выбор места были различны».
34. То есть включая установленные власти дистриктов Сен-Дени и Бург-де-л'Эгалите (ранее дистрикт Королевы).
35. M. M o r t i m e r - T e r n a u x. Op. cit., t. VII, p. 310. Николо (1737—1810) — преподаватель риторики в Тулузе, затем директор воспитательного дома в Париже, выборщик секции Круа-Руж, член директории Парижского департамента в 1793 г. Рессон (1759—?) — продавец лимонада, выборщик секции Гренельского фонтана, генеральный секретарь Парижского департамента после 10 августа 1792 г.
36. Люлье (1746—1794) — лиценциат права, в 1789 г. представлял в Коммуне дистрикт Сен-Жакл'Опиталь, председатель Коммуны 10 августа, генеральный прокурор-синдик Парижского департамента.
37. Люлье должен был быть привлечен по процессу Дантона; оправданный, он был оставлен в тюрьме как подозрительный.

бинцами и бешеными. На заседании 30 мая Ланжюинэ обличал его как соучастника Варле в каком-то проекте заговора [38]. К тому времени, по-видимому, и относится начало его отношений с Люлье. Поэтому я склонен думать, что последний искал некий средний путь между неосторожными, по его мнению, и крайними действиями бешеных, объединившихся в Епископстве, и тактикой выжидания, которой придерживались Коммуна и якобинцы. Правда, Робеспьер в это время тоже как будто ищет некий средний путь. Этим объясняется его кратковременная встреча с Люлье. Инициатива последнего была по душе и Коммуне, избавляя ее от необходимости самой проявлять страшные инициативы, а разосланное департаментом приглашение на 31 мая давало ей удобный предлог для сдерживания нетерпения [комитета] Епископства, желавшего выступить немедленно. Ясно, что ни Конвент, ни Коммуна, ни якобинцы не обладали силой порыва.

30 МАЯ В КОНВЕНТЕ

30 мая заседание Конвента было, можно сказать, бесплодным. Это был день выжидания, когда петиционеры секций повторяли свои обычные требования, направленные против Комиссии двенадцати, но не приводили с собой народные силы, а Конвент, усталый и как будто равнодушный, оставался бесстрастным [39].

Ланжюинэ выступил с резким разоблачением «заговора в Епископстве» [40]:

«Одно из тех мест, где сейчас плетутся заговоры, — это Епископство. Там собираются выборщики, незаконно назначенные 10 августа минувшего года, самые дерзкие заправилы Якобинского клуба и секций, граждане, наиболее способные содействовать всяким ужасам, люди, которых проще простого ввести в заблуждение. Это собрание образовало исполнительный комитет, диктаторский комитет. Послушайте, что сказал совсем недавно Гассенфрац в присутствии тысяч граждан [41]:

„Вспомните 10 августа. До этого дня разные были мнения о Республике. Но едва вы нанесли решающий удар, все умолкли. Пришло время нанести новые удары. Не опасайтесь ничего со стороны департаментов. Я их объездил, я их все знаю: немного террора и просвещения, и мы настроим умы на свой лад. Отдаленные департаменты следуют импульсу, который дает им Париж. Из окружающих нас департаментов многие нам преданны. Версаль, например, готов прийти нам на помощь; при первом выстреле пушки, подающей сигнал «тревога», к нам придет из Версаля грозная армия, и мы обрушимся на эгоистов, т. е. на богатых. Да, восстание становится здесь нашим долгом, восстание против развращенного большинства Конвента“».

Это большинство ропотом выразило свой протест против наспльственных речей Гассенфраца, воспроизведенных и, быть может, преувеличенных Ланжюинэ. Но оно уже не обладало наступательной силой. Оно выжидало.

Несомненно, чтобы ответить Ланжюинэ и успокоить собственников, без которых нельзя было рассчитывать на широкое движение в Париже, Гассенфрац выступил вечером в Якобинском клубе с речью, в которой подчеркивал необходимость охраны собственности. Напомнив, что первой заботой революционных секций было поклясться в уважении к ней, он приобщает якобинцев к этой клятве [42]:

«Важно, чтобы граждане прежде всего позаботились о том, чтобы успокоить людей относительно сохранения собственности. Негодяи напечатали и глубоко в том убеждены, что малейшее нарушение права собственности физически невозможно; и, однако, они продолжают притворяться, будто опасаются такого ограбления, лишь для того, чтобы возводить клевету на патриотов.

Рабо сказал: „Если будет грабеж, то начнут с движимой собственности“. Но ведь есть 160 тыс. людей оседлых, которые вооружены и способны дать отпор грабителям. Ясно, что посягать на имущества абсолютно невозможно. Стало быть, когда стараются создать тревожные настроения и делают вид, что испытывают их, то это делается для того, чтобы расколоть патриотов и вызвать контрреволюцию. Необходимо сделать так, чтобы вся Республика знала, что имущества находятся под охраной санкюлотов, и я предлагаю всем членам этого Общества принять здесь обязательство скорее погибнуть, чем допустить посягательство на собственность».

Все якобинцы встают и единодушно приносят эту клятву.

«Я предлагаю, — продолжает Гассенфрац, — чтобы этот высокий патриотический порыв нашел отражение в протоколе заседания, чтобы это было напечатано во всех газетах и опубликовано по всей Республике».

И в заключение он сказал: «Я сейчас доложил о мерах, принятых большинством парижских секций. Они заняты тем, что карают изменников. *Я возвращаюсь на свой пост*».

---

38. «Moniteur», XVI, 521; «Archives parlementaires», LXV, 629.
39. «Moniteur», XVI, 522; «Archives parlementaires», LXV, 630. Речь идет о депутации от 27 секции, оратором которой выступил Русселен, друг Дантона, из секции Единства.
40. «Moniteur», XVI, 521; «Archives parlementaires», LXV, 629.
41. О Гассенфраце см выше, с. 593, прим 74.
42. A Aulard. Op. cit., t. V, p. 214.

Он шел в Епископство [43]. Таким образом он дал знать якобинцам, что отныне действующая Революция пребывает в Епископстве

МАРАТ В ЕПИСКОПСТВЕ

В тот день Марат произнес лишь два слова в Конвенте [44], а у якобинцев он не появлялся Со свойственным ему непосредственным и проницательным революционным инстинктом он отправился прямо в Епископство И в речи, которую Эскирос восстановил по запискам, переданным ему сестрой Марата [45], *Друг народа* вкратце изложил, не без важности и некоторого высокомерия, свои обвинения против Жиронды Его главный упрек заключался в том, что своей угодливостью перед генералами она парализовала или подорвала дело национальной обороны И он призывал народ подняться, наконец, окружить Конвент с оружием в руках и потребовать выдачи наиболее скомпрометированных жирондистов Он отнюдь не призывал к избиениям Он хотел передать Жиронду в руки революционного правосудия С тех пор как ветер стал приобретать ураганную силу, он постоянно выступал против Жиронды, по крайней мере тогда, когда его уже подорванные силы позволяли ему писать Он выдвинул обвинения против Петиона Он с большой силой обличал аристократов секций, которые однажды его оскорбили Он расширил, и намного, список двадцати двух и требовал принятия суровых мер в отношении почти восьмидесяти депутатов-жирондистов Но ни в одной из его статей того времени нет призыва к пролитию крови [46]. Он избегает всяких призывов к насильственным действиям, к убийствам, столь частых на столбцах «Пер Дюшен» Он не осуждает сентябрьские избиения, которые он называет «народными казнями», но, полемизируя с Петионом, охотно клеймившим сентябрьских убийц, он не отвечает ему восхвалением избиений Он только отмечает, что тот мог бы, в своем качестве мэра, воспрепятствовать этим избиениям и что он этого не сделал Было ясно, что он не хочет их повторения, что он сознает, что истребить жирондистов — значит вызвать волнения по всей Франции Одно время могло казаться, что, подобно Робеспьеру, он рассчитывал на то, что ныне мы назвали бы чисто парламентской акцией, и придавал очень важное значение тому, чтобы поименное голосование было включено в регламент Конвента

У него, мне кажется, не было большой симпатии к Эберу, которого он презирал за его невежество и грубость [47] Он резко протестует против действий Коммиссии двенадцати, которая хочет бросить в темницы «самых горячих патриотов», но только мимоходом упоминает об Эбере.

«Гара, — говорит он, — обращает внимание на несправедливость заключения в тюрьму заместителя прокурора Коммуны, осуществленного в качестве меры государственной безопасности, но в действительности являющегося исключительно актом подлой мести со стороны членов Комиссии, которых «Пер Дюшен» забавно изобразил государственными инквизиторами»

Если верить более позднему свидетельству «Подневной записи», опубликованной Добаном [48], то Марат черпал свои сведения о генералах и об армиях из военного министерства, где преобладали друзья Эбера, и в частности Венсан [49] Но с этой группировкой он был связан не более, чем с любой другой И издали, в глазах наших революционных армий, он начинал представляться великим поборником справедливости, выступавшим, если это необходимо, даже против самого Бушота и его сотрудников К нему обращается Лазар Гош (письмо от 12 мая, которое Марат публикует 16 мая) с жалобой на то, что офицеры — подлинные республиканцы, хорошо знающие свое дело, заменяются интриганами [50]:

«Верно ли, Друг народа, что недавно полученные нами уроки могут пойти нам на пользу и что впредь мы будем определять наши действия с учетом прошлого? Если верно, то мы не увидим более на командных должностях предателей, плутов и интриганов Нашими армиями не будут больше командовать люди трусливые, невежественные, алчные, пьяницы и совершенно непригодные для такого дела Наши начальники будут знать свои обязанности, они дадут себе труд встречаться со своими солдатами и

3. Генеральный совет Парижской коммуны направил Гассенфраца в Центральный революционный комитет департамента Он представлял секцию Предместья Монмартр.

44 «Moniteur», XVI, 522; «Archives parlementaires», LXV, 630 «Это два аристократа»— по поводу двух посланцев из Руана

45 A Esquiros Histoire des Montagnards Paris, 1847, t II, p 350

46. См «Le Publiciste de la République française», 26 mai 1793 («Les battus payant d'amende »), 29 mai («Les oppresseurs pris à leur piège »)

47. Явно предвзятое мнение Эбер не был ни невеждой, ни грубым человеком, это был остроумный и образованный человек, язык папаши Дюшена не должен вводить нас в заблуждение

48 «Les souvenirs de l'histoire ou le Diurnal de la Révolution de France » par Cl.-Fr. Beaulieu Paris, 1797, 2 vol Добан (1820—1876) — преподаватель истории, в дальнейшем хранитель в Национальной библиотеке, автор многочисленных трудов, посвященных Французской революции

49 Канцелярии военного министерства были одной из цитаделей *решительных патриотов* 17 апреля 1793 г Бушот назначил Венсана, влиятельного члена Клуба кордельеров, генеральным секретарем министерства. И тот принялся заполнять канцелярии ревностными активистами

50. «Le Publiciste de la Révolution française», 16 mai 1793 «Перечень самых дурных людей, поставленных во главе наших армий» Гош, адъютант генерала Ле Венера, был послан в Париж для разъяснения общего положения после измены Дюмурье (апрель — май 1793 г); 15 мая он был назначен подполковником, командиром батальона в Северной армии

окружат себя сведущими людьми; тогда наше отечество сможет внушить уважение к себе и будет пользоваться безграничной свободой и бесценным счастьем.

Но счастье и сама свобода будут постоянно убегать от нас, если Исполнительный совет будет по-прежнему назначать на вакантные должности случайных людей и если предпочтение будет постоянно отдаваться интриганам. Неподкупный защитник священных прав народа, ныне толпа интриганов и скрытых поборников старого порядка осаждает кабинет министра, и своей назойливостью эти подлые и пресмыкающиеся существа добиваются должностей... Прощайте, примите мой братский поцелуй.

Л. Гош,

улица Шерш-Мидди, № 294»

Этот братский революционный поцелуй молодого Гоша, чье честолюбие было столь благородно, ставил Марата выше всяких группировок. Идя прямо в Епископство, где бешеные были влиятельны, он не отказывался полностью от недоверия к ним, он продолжал ненавидеть и презирать Фурнье-Американца [51]. Но в час, когда Революции нужны были все силы народа, он не хотел связывать себя какими бы то ни было предубеждениями и в своей газете признавал, что был неправильно осведомлен о Ландрене, которого неистово обвинял как аристократа в связи с мартовскими событиями. Он ставил себе целью объединить и воодушевить все силы и дисциплинировать движение. Пусть никто не поднимет руку на Жиронду, но преступные депутаты должны быть, под давлением народа, окружившего Конвент, преданы суду Революционного трибунала. Таков был лозунг, выдвинутый Маратом вечером 30 мая перед революционерами, собравшимися в Епископстве.

Марату устроили овацию [52], и делегаты постановили утром бить в набат, чтобы привести Париж в движение.

КОМИТЕТ ОБЩЕСТВЕННОГО СПАСЕНИЯ

Не было никакой организованной силы, которая старалась бы предотвратить восстание. Комитет общественного спасения находился в состоянии растерянности. Дантон, обладавший там большим влиянием, несомненно, еще 30 мая принял решение относительно восстания, предусмотренного на следующий день. Он понял, что надо кончать, и со всей присущей ему энергией и способностью быстро принимать решения приложил все силы к тому, чтобы не допустить столкновения между Комитетом общественного спасения и революционным народом.

Комитет общественного спасения не мог официально поддерживать восстание. Он не мог также и бороться с ним, ибо это значило бы лить воду на мельницу Жиронды, компрометируя в ее

интересах тех самых людей, советы и содействие которых она грубо отвергла. В этих условиях Комитету общественного спасения оставалась лишь одна возможная тактика — делать вид, что он ничего не знает. Барер рассказывает в своих мемуарах [53]:

«После 31 мая, но уже слишком поздно, я узнал, что Дантон и Лакруа, хотя они были членами Комитета общественного спасения, стояли во главе этого движения, которое приписывали Парижской коммуне. На письменном столе Комитета накануне коммунального восстания они написали ту петицию, которую затем передали прокурору Коммуны, имевшему смелость прийти 31 мая, чтобы зачитать ее у барьера Конвента, между тем как командир Анрио встал во главе вооруженных сил и сорока восьми пушек парижских секций. На этом заседании депутаты словно оцепенели, они потеряли дар речи. *Вся партия левой была в курсе дела. Один только Комитет общественного спасения не знал, куда хотели нас повести*».

Действительно ли Дантон играл ту четкую роль, которую приписывает ему Барер? Действительно ли он написал своей рукой на столе Комитета общественного спасения ту петицию, которую на следующий день Коммуне предстояло зачитать? Если он действительно это сделал, то, конечно, для того, чтобы эта петиция не вышла за пределы, согласованные между Коммуной и им. Но можно ли полагаться, даже в отношении этой детали, только на свидетельство Барера, который так странно путает в этой части своих мемуаров события 31 мая и 2 июня? Несомненно одно: Дантон был осведомлен о том, что готовится движение, и он маневрировал таким образом, чтобы ни Конвент, ни Комитет общественного спасения не затягивали своих заседаний в ночь с 30 на 31 мая. Он хотел, чтобы это время можно было полностью использовать для подготовки восстания. То, что рассказывает Гара, не оставляет на этот счет никаких сомнений [54]:

«В четверг 30 мая один гражданин написал мне, что с трибуны его секции было сказано, что только что в Епископстве было окончательно решено, что в эту ночь будут закрыты заставы, ударят в набат и будет сделан выстрел из сигнальной пушки. Прочитав эту записку, я тотчас же отправился, чтобы прочесть ее в Комитете общественного спасения, и сообщил там, что собираюсь пойти в Национальный Конвент, который заседал, чтобы и там зачитать ее. *Лакруа из Эра, ни на минуту не покидавший в тот вечер Комитет общественного спасения, где обычно он не был столь усидчивым, берет слово. Он утверждает, что записки, доносящей о том, что болтали с трибуны какой-то секции, недостаточно для того, чтобы поднимать тревогу в Национальном Конвенте*, что необходимо прежде всего проверить факты и вызвать в Комитет общест-

51. См. выше, с. 333, прим. 36.
52. A. E s q u i r o s. Op. cit., p. 353.
53. B a r è r e. Mémoires, t. II, p. 91.
54. G a r a t. Op. cit., p. 221.

венного спасения установленные власти, отвечающие за общественную безопасность, департаментские власти и мэра. Комитет присоединяется к этому мнению. [Барер в своих мемуарах тщательно избегает упоминания об этом сообщении Гара; он тщательно воздерживается от признания, что не настаивал в Комитете общественного спасения на том, чтобы Конвент был немедленно предупрежден и мог бы объявить свои заседания непрерывными]; сам он вызывает запиской генерального прокурора-синдика, а я отправляюсь в Коммуну искать мэра.

Как раз в это время он туда прибыл. Он поднимался по большой лестнице в сопровождении 10 или 12 человек, в жилетах которых торчало столько пистолетов, сколько в них было карманов.

Мэр склоняется к моему уху и шепчет слова, которые настолько поразили меня, что я их запомнил: „*Я тщетно выступал против, я не мог им помешать. Они только что приняли постановление, что Парижская коммуна и департамент, ими представляемые, находятся в состоянии восстания*". Я ответил ему: „*Комитет общественного спасения вызывает вас к себе, и я вас жду*". Он входит в зал заседаний Генерального совета. Там он объявляет то, о чем только что мне сообщил, и заявляет еще более определенно, что восстание было объявлено вопреки высказанному им мнению и несмотря на все его усилия воспротивиться этому. Я слышу аплодисменты, сотрясающие зал, крики, трепет ликования. Мне кажется, что я в Тавриде.

Закончив свою речь, мэр тотчас же садится, один, в мой экипаж.

В дороге я не перестаю рисовать ему страшные картины бедствий, которые сулит нам эта новость, я обращаю его внимание особенно на то, что в то время, когда мы находимся в состоянии войны со всей Европой, столь великое потрясение в городе, где сосредоточены все государственные учреждения, может подорвать снабжение флотов и армий всем необходимым. Среди других, столь же мрачных предзнаменований это тревожило меня больше всего, ибо в этом должно было усматривать план лиги тиранов и рабов Европы. Высказывая те же опасения и ту же скорбь, мэр сожалел, и я сожалел вместе с ним, об этих ужасных раздорах, порождаемых страстями, которые одни сделали возможными столь великие посягательства...

[Ах, как *сожалел* Гара во время этой ночной поездки в своем казенном экипаже по погруженному в сон Парижу!]

...И вот мы приезжаем в Комитет общественного спасения.

Генеральный прокурор-синдик департамента, Люлье, и два члена директории уже были там. Из их признаний или, вернее, заявлений совершенно недвусмысленно вытекало, что Парижский департамент в силу своего одобрения и своих обязательств уже пребывает в том состоянии, которое он называет состоянием восстания.

Паш говорил далеко не так, как Люлье. *Он излагал факты, не одобряя и не порицая, без подавленности, но и без увлечения, серьезно и с печалью.*

В ходе обсуждений я встал и заявил, что хочу пойти доложить обо всем Конвенту. Лакруа возразил мне: „*Вы не член Комитета общественного спасения, а в данных обстоятельствах именно ему в лице одного из его членов надлежит докладывать*". *Ему это поручают, и через полчаса он возвращается и заявляет, что не мог доложить, так как заседание уже было закрыто, когда он туда явился.*

Члены департамента и мэр неоднократно повторяют в Комитете общественного спасения заверения в том, что, пока они на своих постах, никаких насилий не будет учинено в ходе этого восстания. Там я впервые услышал из уст Люлье выражение «*моральное восстание*», которое на следующий день было написано на некоторых из их флажков [55—56]. И это Люлье морально восставал против Верньо и против Кондорсе!»

Итак, Комитет общественного спасения был предупрежден. Но он предпочел не упорствовать. В протоколе этого заседания записано, что не лишено известного комизма: «*Совет разошелся лишь утром, после того как убедился, что в Париже спокойно*» [57].

Поскольку восстание еще не пробудилось, Комитет общественного спасения поступил так же, как Конвент: он отправился спать, и Дантон потушил свечку.

НОЧЬ С 30 НА 31 МАЯ В КОММУНЕ

Коммуна — та не спала. Она ожидала решений в Епископском дворце. Можно восстановить события ночи с 30 на 31 мая, дополняя отчет «Монитёр» отчетом «Кроник» [58]. Когда, открывая свое заседание утром, часов в восемь пли девять, Совет Коммуны выбрал комиссаров, уполномоченных представлять его утром следующего дня на объединенном собрании представителей властей, которое созвал Люлье, Шометт сообщил, «что в Епископстве существует собрание, в котором царит большое возбуждение и которое способно встревожить граждан. Дабы лишить злонамеренных людей всякого повода клеветы [на Коммуну], Генеральный

55—56. «*Моральному восстанию*», как его понимали Робеспьер и якобинцы, Мишле противопоставляет «насильственное восстание»—восстание, организованное в Епископстве. (M i c h e l e t. Histoire de la Révolution française. Edition G. Walter, t. II, p. 518.) См. ниже.

57. A. A u l a r d. Actes du Comité de salut public, t. IV, p. 379, вечернее заседание 30 мая 1793 г.

58. «Moniteur», XVI, 517; «Chronique de Paris», № 152, 1er juin 1793, p. 2.

совет постановляет немедля направить четырех своих членов к месту этого собрания, чтобы узнать о его действиях и немедленно сообщить о них на этом же заседании».

Но, по-видимому, Совет получил новые, еще более тревожные сведения, ибо мэр решил сам отправиться, в сопровождении шести комиссаров, на собрание в Епископстве. Был такой момент, когда Совет Коммуны надеялся, что постановления департамента будет достаточно для революционных делегатов, и он послал им его в надежде, «что оно всех удовлетворит».

Но непохоже было на то, чтобы это сообщение могло убедить повстанческие силы подчиниться руководству установленных властей. Поэтому Паш решил непосредственно ознакомиться с настроением умов и предпринять последнюю попытку в интересах того, что можно было бы назвать повстанческой законностью.

Во время его отсутствия «один из членов предлагает, чтобы Генеральный совет поклялся быть верным принципам Республики и защищать собственность». Имело ли это целью прикрыть подлость в виду сделать предупреждение революционерам Епископства? Трудно в этом разобраться. Но что верно, это то, что Совет Коммуны был не в состоянии принимать четкие решения, он как бы находился под властью мыслей соседнего собрания, и он выжидал: «Дискуссия открывается, и Совет не принимает никакого решения».

В Епископстве Паш столкнулся с бесповоротно принятыми решениями, и ему осталось только принять их к сведению. Он быстро убедился в том, что всякая настойчивость была бы тщетной, ибо еще до десяти часов вернулся обратно в Коммуну. Здесь его дожидался Гара, чтобы увезти его в Комитет общественного спасения. Паш, оставив Гара в передней и войдя в Совет, «докладывает, что ему были зачитаны постановления, принятые в том собрании. Первое заключается в *возобновлении клятвы уважать собственность*. Вторым постановлением оно объявляет себя в состоянии восстания; оно полагает необходимой мерой закрытие застав. Мэр и его коллеги разъясняли этому собранию, сколь опасно и в то же время недостаточно такое закрытие, и доказали ему, что восстание законно только тогда, когда оно необходимо, что в нем нет необходимости, что частичные мероприятия опасны. Он призывал собрание не настаивать на этих двух моментах его второго постановления и предложил ему *отсрочить, хотя бы до заседания, которое должно состояться завтра в Якобинском клубе*, осуществление этих крайних мер, которые ввиду их важности требуют длительного обдумывания. Собрание, добавил он, упорствует в проведении своих постановлений, и я счел долгом вернуться на свой пост».

Все ясно: еще в десять часов вечера Епископство взяло на себя инициативу завтрашнего восстания. Бедный Гара тужится,

чтобы убедить нас в почти полной гармонии между ним и Пашем. Если сама Коммуна осуждала восстание и вместе с тем была не в силах воспрепятствовать ему, то кто может осудить министра, располагавшего гораздо меньшими средствами воздействия, чем Коммуна, за то, что он не мог овладеть ходом событий?

«Паш сожалел, и я сожалел вместе с ним!»

Похоже на то, что было некое общее сожаление, некая грустная симфония, в которой министерское стенание перекликалось со стенанием муниципальным. Есть, однако, различие нюансов. Паш говорил очень мало, а Гара болтал не умолкая, Паш знал, чего хотел, а Гара не знал. Паш принял определенное решение по главному вопросу — о необходимости устранения Жиронды. Он расходился с Епископством в вопросе выбора средств и времени. Он, вероятно, предпочел бы, чтобы вовлечение народа было более общим и более широким. Он желал бы, чтобы действиями руководили установленные власти Парижа. Он опасался того, что незначительное экзальтированное меньшинство Епископства захочет восполнить насильственными, быть может, даже кровавыми действиями нехватку великих народных сил, которые, казалось, еще недостаточно пришли в движение. И это опасение и придавало Пашу ту молчаливую и несколько печальную серьезность, в которой Гара виделось отражение его собственной скорби, болтливой и беспомощной.

Но если у Паша были тревоги, то по крайней мере у него была решимость действовать, даже вместе с Епископством, если понадобится. И, выступая перед Комитетом общественного спасения, он не произнес ни одного слова порицания.

Он, таким образом, сохранял за собой возможность вступить в движение, когда пробьет решающий час. И он успокаивал себя тем, что если завтрашний день и может таить в себе немало прискорбных тайн и кровавых неожиданностей, то, во всяком случае, намерения руководителей, их план имеют в виду воздержание от всяких насилий над людьми. Очевидно, Робеспьер, Дантон и сам Марат, прежде чем дать согласие на это движение, получили заверения в этом, и выражение «моральное восстание», которое употребил как раз в эту ночь Люлье в Комитете общественного спасения, выражало мысль не только установленных властей и прокурора-синдика, но также и собрания в Епископстве [59]. Бешеные, по крайней мере некоторые из них, хотели бы немедленной казни, «народной казни» жирондистов. Когда 1 июня Варле жалуется в Коммуне на то, что Паш не был подвергнут домашнему аресту на 24 часа (как это было сделано с Петионом 10 августа), когда

59. Это не точка зрения Мишле; см. выше, прим. 55—56.

он заявляет, «что, будучи облечен законной властью, он может оказаться вредным для дела Революции» [60], то он хочет открыть шлюзы для насилий бешеных. Все же он не решается открыто предложить убивать жирондистов. И несомненно, было заключено некое предварительное соглашение о том, чтобы в эти революционные дни не было кровопролития.

Впоследствии, на заседании Клуба кордельеров 27 июня, лионец Леклерк [61] обвинял Дантона и дантонистов в том, что они выступали 31 мая против проведения энергичных мер: «Я предлагаю исключить Лежандра из списка кордельеров. *Не он ли сорвал те мудрые меры, которые мы столько раз принимали для истребления наших врагов? Это он вместе с Дантоном своим преступным сопротивлением довели нас до модерантизма во время событий 31 мая. Это Лежандр и Дантон воспротивились революционным мерам, которые мы приняли бы в те знаменательные дни, чтобы раздавить всех парижских аристократов. Это Лежандр связал нам руки.* Это он выступает ныне против наших принципов. Я требую, чтобы без всякой дискуссии общество изгнало его из своей среды».

Можно не сомневаться, что Дантон, знавший, судя по предложению полицейских Марино и Мишеля, до чего могут дойти некоторые умы, обещал свое столь полезное содействие лишь при условии, что [собрание в] Епископстве откажется от всякой политики избиений. И бешеные, которые хотели покончить с противниками повторением сентябрьских событий, с трудом сдерживали свое нетерпение. Я нахожу в полицейском донесении о заседании в Клубе кордельеров 12 марта 1794 г. (опубликованном Шмидтом) [62] очень ясный намек на шаги, предпринятые Шабо в конце мая — начале июня для того, чтобы воспрепятствовать истреблению жирондистов:

«Маньен, или Монен [63], попросил слова, чтобы рассказать о том, что в Национальном Конвенте существует некая группа. Он сказал, что эта группа существовала еще до 31 мая. В доказательство этого он сослался на шаги, которые Шабо и Леонар Бурдон предприняли перед Центральным комитетом, только что захватившим власть и руководившим восстанием. В качестве свидетеля оратор указал на одного члена этого Комитета, присутствовавшего на заседании. Этот член сказал, что Шабо и Леонар Бурдон действительно приходили в Комитет; что они хотели осведомиться о мотивах действий Комитета; что они угрожали Парижу местью со стороны департаментов, если посмеют поднять руку хоть на одного депутата; что они сказали, что главари депутатов, которых рассматривали как врагов государства, уже подали в отставку; что они, следовательно, уже якобы не опасны и что восстание становится бесполезным...

Эбер, видевший Шабо и Леонара Бурдона, когда они приходили в Центральный комитет, подтвердил правильность этого рассказа. Он сказал, что пора наконец разорвать завесу, что кто-то хотел привлечь к суду патриотов, которые тогда спасли Республику, что надо вернуться к событиям того времени».

Конечно, нельзя полностью полагаться на полицейское донесение. Особенно в те мартовские дни 1794 г., когда эбертисты, защищаясь от нападок со стороны дантонистов, старались доказать, что они одни энергично боролись за Революцию. Возможно, что Эбер и его друзья преувеличивали умеренность, проявленную Шабо 31 мая. Однако я полагаю, что Шабо после собраний в кафе Коракца притязал, как мы уже видели, на роль посредника между якобинцами и бешеными и старался отвлечь последних от всяких кровавых затей. И меня бы не удивило, если бы Шабо действовал в этом духе, следуя указаниям Дантона. К тому же сам Эбер был в то время сторонником «морального восстания». Это он, выступая 1 июня в Коммуне, опровергнет утверждения Варле [64]. Мэр Парижа был вправе накануне великого кризиса надеяться на то, что движение не перейдет границы, начертанные Робеспьером, и что оно не будет скомпрометировано актами насилия, которые огорчили бы человечество и вызвали бы в департаментах неумолимый гнев против парижской Революции. Поэтому он решил следовать за [комитетом, заседавшим в] Епископстве, или по меньшей мере не мешать ему. Муниципалитет ждал лишь предлога, чтобы отречься от власти, как бы на законном основании, в пользу Революционного комитета. Если большинство секций выскажется в пользу последнего, разве не станет он тогда, в силу принципа народного суверенитета, законной властью? В самом начале движение секций было чересчур ограниченным, чересчур частичным, чтобы Коммуна могла перед ним отступить.

«Секция Люксембургского дворца сообщает Совету (очевидно, около полуночи), что она распорядилась закрыть заставы в своем округе и что общее собрание объявило себя в состоянии священного непрерывного восстания». Председатель отвечает, что, поскольку это восстание только частичное, оно не может быть ни священным, ни одобренным Советом [65].

Депутация от граждан Епископства прибывает в Коммуну, «они сообщают о решении, которым, объявляя себя облеченными неограниченными полномочиями от секций, они провозглашают

60. «Moniteur», XVI, 542.
61. Речь идет о Леклерке из Оза, одном из *«бешеных»*.
62. A. Schmidt. Op. cit., t. I, p. 146, донесение Бушезеша; P. Caron. Paris pendant la Terreur, t. V, p. 245.
63. Монен — адъютант Анрио, главнокомандующего парижской национальной гвардии.
64. «Moniteur», XVI, 542. «Эбер опровергает утверждения оппонента; он изображает события 31 мая как одни из самых прекрасных в глазах республиканцев».
65. «Moniteur», XVI, 517.

Коммуне оставалось только уступить. И она охотно уступала, отчасти потому, что таким образом снимала с себя ответственность в эти страшные дни, отчасти потому, что была увлечена революционным порывом секций. Заместитель председателя Генерального совета старался придать этому вынужденному подчинению Коммуны вид законного и свободного решения. Дескать, не перед силой склонилась Коммуна, а перед верховной властью народа, перед ясно выраженной волей большинства секций:

«Граждане, наши функции ограничены Парижем. Только граждане этого города являются нашими доверителями, их доверие сделало нас должностными лицами. Если их доверие кончилось, наши полномочия тотчас же прекращаются, ибо у нас отныне нет уже ни власти, ни силы, ни каких-либо средств, чтобы защищать интересы Коммуны, чтобы совершить какое-либо благо.

Сегодня никто не посмеет подвергать сомнению тот факт, что от народа исходит всемогущество и что только его именем и для него оно может осуществляться. Отсюда вытекает то всеми признанное следствие, что, если народ имеет право учреждать, он имеет также право смещать. Но это право, бесспорное, когда речь идет о всем народе, не является таковым, когда речь идет только о небольшом числе. Оно не может применяться частично. Оно требует наличия большинства подлинного, очевидного и полученного в законном порядке.

Если вы обладаете таким большинством, граждане, если вы это докажете, мы вам тут же сдадим наши полномочия, которые в таком случае уже не имеют законной силы. Если бы мы захотели сохранить эти полномочия, это не было бы с нашей стороны ни мужеством, ни добродетелью, это было бы дерзостью и преступлением.

Но если нет у вас этого большинства, такого, чтобы не могло возникнуть никаких сомнений ни в каком отношении, не ждите от нас снисходительности, которая была бы лишь малодушием. Мы готовы уступить воле всех, ибо это наш долг, но мы сумеем также из чувства долга оказать сопротивление капризу меньшинства. Он был бы тиранией, а мы поклялись не терпеть никакой тирании.

Граждане, напрасно объявляли бы вы о нашем смещении: не имея на это права, вы не заставили бы нас повиноваться. Угрозы и даже насилие были бы тщетны: можно будет оторвать нас от наших сидений, но никогда не удастся заставить нас сойти с них. Я читаю в глазах и сердцах всех моих коллег, что нет среди них ни одного, кто не был бы исполнен решимости, если нужно, умереть на своей скамье, как я приму смерть в этом кресле» [71].

Было ли это, как полагает Мортимер-Терно, пустой аффектацией мужества в заранее расписанной комедии и лицемерным фарсом законности? Я этого не думаю [72]. Коммуна отдавала себе отчет в том, что она не приспособлена к тем революционным действиям,

необходимость которых стала очевидной. Но она знала и то, что она осталась еще популярной в секциях и представляла еще большую силу. И, соглашаясь подчиниться новым кадрам революции, она отнюдь не хотела быть униженной. По требованию Шометта Добсан представил документы и мандаты делегатов. Из их рассмотрения вытекало, «что 33 секции дали своим комиссарам неограниченные полномочия для спасения государства» [73]. Это были секции Арси, Бонди, Тюильри, Фобур-дю-Нор, Пантеона, Гренельского фонтана, Единства, Гравилье, Кенз-Вен, Попенкур, Марселя, Единения, Предместья Монмартр, 92-го года, Республики, Мон-Блан, Рынков, Хлебного рынка, Монтрёй, Пик, Друзей отечества, Общественного договора, Болота, Бон-Нувель, Люксембургского дворца, Нового моста, Санкюлотов, Тампля, Арсенала, Бон-Консей, Ломбар, Прав человека, Сите.

После этой проверки полномочий Шометт объявил, что воля большинства секций очевидна, и предложил, чтобы Генеральный совет передал свои полномочия суверенному народу. Добсан занял кресло председателя. В его лице Революционное собрание обосновалось в ратуше с соблюдением своего рода законности.

«Гражданин председатель, — сказал Детурнель, — и вы, граждане члены Революционной комиссии, действующей от имени народа, ваши полномочия очевидны, они законны. Отныне без всякой слабости и не стыдясь мы прекратим исполнение наших функций. Поскольку народ этого требует, мы должны это выполнить. Да будет нам только разрешено, в тот момент, когда мы покидаем наши места, просить у вас не милости, а акта справедливости.

Дайте нам свидетельство, кое мы обретаем в нашей совести, что с тех пор, как мы находимся на этом посту, мы постоянно

---

1. Жорес следует здесь тексту, опубликованному у: M. Mortimer-Ternaux. Op. cit., t. VII, p. 315; простое резюме см.: «Moniteur», XVI, 517.

72. «Заместитель председателя Совета отвечает ему речью, в которой выставляет напоказ совершенно бесполезную смелость, так как развязка комедии была ему известна заранее». (M. Mortimer-Ternaux. Op. cit., t. VII, p. 315.) Ответ заместителя председателя Генерального совета Коммуны отражал народное понимание суверенитета. Последнее средство суверенного народа — восстание. Когда он полагает, что его права нарушены его же уполномоченными, он возвращает их себе посредством восстания, даже если он пожелает снова облечь своих представителей новым мандатом. Секция Санкюлотов объявила в своем обращении от 31 мая 1793 г.: «Если даже в момент народного восстания наша секция еще обращается к вам, то она это делает в надежде на то, что, когда она снова вручит вам свое оружие и передаст вам осуществление своего суверенитета, вы используете его на благо народа». О народных концепциях в области суверенитета и восстания см.: А. Собуль. Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. М., 1966, с. 267, главу, посвященную политическим устремлениям парижских санкюлотов.

73. «Moniteur», XVI, 517.

проявляли усидчивость в работе, рвение, мужество и даже достоинство, которых требовали от нас трудные обстоятельства, нами переживаемые.

Пусть другие, более просвещенные и более талантливые, лучше нас выполнят то, чего народ вправе требовать в нынешних обстоятельствах, — это предмет наших самых пламенных желаний. Но признайте, что мы не потеряли уважения и любви наших сограждан, и это признание, достойная награда любого честного должностного лица народа, утешит и вознаградит нас за все»[74].

Добсан объявляет «от имени народа», что полномочия муниципалитета аннулированы. Члены бывшего Генерального совета Коммуны и члены временного Революционного совета встают в едином порыве энтузиазма. Все, члены муниципалитета, чьи мандаты были только что аннулированы, делегаты секций, братски обнимают друг друга, чтобы доказать, как чужды им досада уязвленного самолюбия или спесь власти, все вместе приносят патриотическую клятву, весьма умеренную и важную, предназначенную успокоить опасения робких, успокоить и увлечь всю страну:

«*Клянусь быть верным Республике, единой и неделимой, поддерживать всей моей властью и всеми моими силами святую свободу, святое равенство, личную безопасность и уважение к собственности или умереть на своем посту, защищая священные права человека. Клянусь также жить с моими братьями в республиканском единении. Клянусь, наконец, точно и мужественно выполнять те особые поручения, которые могут быть на меня возложены*»[75].

При единодушных возгласах «*Да здравствует Республика!*» аннулированный Совет уходит. А новый Совет, временный Генеральный совет, образуется на короткое время под председательством Добсана и с продолжающими исполнять свои функции секретарем-письмоводителем и двумя его помощниками.

Но в намерения революционеров Епископства не входило заменить собой Коммуну: они решили облечь ее новыми полномочиями от имени восставшего народа. Таким образом они освобождали ее от всяких помех законности и придавали ей открыто революционный характер, не утрачивая при этом преимущества приобретенного ею авторитета, ее широкой и устойчивой популярности[76].

Поэтому Временный совет «постановляет немедленно направить депутацию к мэру, к прокурору Коммуны, к муниципальному корпусу и ко всем членам муниципалитета, чтобы пригласить их прибыть в Совет; это тут же осуществляется.

Председатель заявляет от имени суверенного народа, что мэр, заместитель председателя, прокурор Коммуны и его заместители и Генеральный совет Коммуны восстановлены в своих функциях суверенным народом, который свидетельствует им свое удовлетворение за их постоянную и подлинно патриотическую заботу об общественных интересах.

Восстановленный Совет приносит патриотическую присягу под приветственные возгласы всех граждан из революционных комитетов 48 секций и граждан, находящихся на трибунах. С этого момента Генеральный совет Коммуны принимает наименование *Революционный Генеральный совет*»[77].

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ ДЕПАРТАМЕНТСКИХ ВЛАСТЕЙ

В то же время и посредством аналогичной операции [комитет, заседавший в] Епископстве, аннулировал и затем восстановил в их правах департаментские власти. Он направил в департамент делегата со следующими тремя постановлениями[78]:

I. «Париж, 31 мая 1793 г.

Год II Французской Республики [тогда еще продолжали считать с 1 января, и последние месяцы 1792 г. были отнесены к I г. Республики], от имени суверенного народа, к Директории и Генеральному совету Парижского департамента.

Члены Директории и Генерального совета департамента временно отрешены от своих должностей.

Варле, временно исполняющий обязанности председателя.

Фурнеро, секретарь»[79].

---

74. M. Mortimer-Ternaux. Op. cit., t. VII, p. 317. Никаких упоминаний в «Монитёр».
75. M. Mortimer-Ternaux. Op. cit., t. VII, p. 318, n. 1. В «Монитёр» излагается другая версия. Мортимер-Терно, как и Мишле, пользовался отчетами Генерального совета Коммуны, погибшими во время пожаров майской кровавой недели 1871 г. Мортимер-Терно подчеркивает, что эта клятва, составленная в Епископстве, была написана «так, что ее с легкостью могли дать все секции, даже самые умеренные».
76. См. изложение у Мишле: «Итак, от имени народа Добсан требует, чтобы муниципалитет и Генеральный совет были распущены и созданы вновь. Народ смещает их, но народ назначает их снова, *облекая их неограниченной властью своих комиссаров*. Они выходят в одну дверь и возвращаются в другую. Они возвращаются переменившимися. Они вышли как парижские должностные лица, зависящие от Конвента. Они возвращаются как суверенный народ». (Michelet. Op. cit., t. II, p. 520.)
77. «Moniteur», XVI, 517, 518; M. Mortimer-Ternaux. Op. cit., t. VII, p. 318, 319.
78. M. Mortimer-Ternaux. Op. cit., t. VII, p. 319, n. 1. «Почти такая же комедия была разыграна по отношению к департаментскому совету, но при этом меньше церемонились. Центральный революционный комитет удовлетворился тем, что послал туда делегата».
79. Фурнеро, из секции Кенз-Вен, — участник всех революционных событий начиная с 14 июля 1789 г., член Коммуны 10 августа.

II. «Париж, 31 мая 1793 г., II г. Республики.

Комитет, после обсуждения на основании полномочий, переданных ему комиссарами секций, собравшимися в Епископстве, постановил поручить гражданину Вендлингу [80] направиться в департамент на предмет временного отрешения от исполнения обязанностей членов Совета департамента и Директории.

Учинено и постановлено в Комитете.

Варле, временно исполняющий обязанности председателя.

Фурнеро, секретарь».

И наконец, III. «Париж, 31 мая 1793 г.

Год II Французской Республики, от имени суверенного народа, к Директории и Генеральному совету Парижского департамента.

Члены Директории и Генерального совета Парижского департамента временно восстановлены в исполнении своих функций. Они принесут присягу перед комиссаром о точном выполнении возложенных на них обязанностей и о поддержании связи с Революционным комитетом девяти, заседающим в Епископстве [81].

Варле, временно исполняющий обязанности председателя.

Фурнеро, секретарь».

Ввиду отсутствия Добсана, занятого в Коммуне, в Исполнительном комитете в Епископстве председательствовал Варле, и одного этого достаточно, чтобы составить себе представление о том, какую крупную роль играли бешеные в революционном собрании секций.

Впрочем, восстановление в правах, как для департамента, так и для Коммуны, было только временным.

Варле, одержимый страстью к переменам и желавший оказывать исключительное влияние на ход Революции, был, конечно, склонен к полному обновлению органов власти. Он, несомненно, отрицательно относился к этому новому облечению властью. Но он был вынужден соблюдать условия соглашения, заключенного между Епископством и Робеспьером и Дантоном. Таким образом, все установленные органы власти Коммуны и департамента не были устранены, но претерпели некое превращение. Это была поистине гениальная комбинация, и она имела самые счастливые последствия. Если 10 августа революционная Коммуна пришла на смену Коммуне Петиона и таким образом возникла новая власть, вызвавшая всякого рода соперничества и подозрения, то 31 мая делегаты секций довольствуются тем, что окружают и оказывают свое влияние на уже установленные власти.

Таким образом, даже в самой Революции преемственность не нарушена. Отныне Коммуна усвоит новый образ действий, более энергичный и более четкий. Но это не победа какой-либо группы. Если бы Епископство * одно одержало победу, если бы оно смело установленные власти, оно вскоре стало бы претендовать, как одно время это делала Коммуна 10 августа, на своего рода диктатуру.

Между такой диктатурой некой группы и Конвентом, даже после его чистки, существовало бы недоверие, которое вскоре привело бы к конфликту.

И наоборот, революционная сила, созданная союзом Епископства, департамента и Коммуны, имела широкую базу. Она не подчинялась лихорадочным побуждениям отдельных возбужденных патриотов. Она могла развиваться широко, приобщая к своему ритму все силы и все, что было популярным. Решающая услуга, оказанная тогда революционной Франции мэром Пашем, заключалась как раз в том, что он, пренебрегая суетным самолюбием, пошел на это соглашение. Если бы он обладал мнительным тщеславием Петиона, который никогда не простил Коммуне 10 августа того, что она на короткое время обрекла его на второстепенную роль, он бы обиделся на эту церемонию смещения и восстановления в должности, превращавшую его как бы в креатуру и делегата Епископства. Молчаливо и с достоинством он принял эту роль и сохранил, таким образом, широкую базу для революционных действий. Благодаря ему Революция смогла устранить пагубную Жиронду, не обрекая себя на сектантскую узость. Благодаря ему Епископство вписалось в Революцию, вместо того чтобы стать над нею или даже занять ее место.

Несмотря на свою скромность, Паш сознавал, какую большую роль сыграл тогда; впоследствии он охарактеризовал ее в нескольких строках, смысл которых доступен только тем, кто хорошо понимает ту своего рода революционную приспособляемость, которую он проявил в то утро 31 мая [82]:

«Если на восьмой день моего пребывания на посту мэра я предотвратил кровопролитие во время грабежей на улице Ломбар [83], подготовленное роялистской кликой, чтобы дать Дюмурье предлог для похода его армии на Париж; если это предотвраще-

---

80. Вендлинг известен только как член революционного комитета секции Хлебного рынка. В Национальном архиве в алфавитной серии Комитета общественной безопасности его досье нет.

81. Комитет девяти, образованный в ночь с 30 на 31 мая 1793 г.: Варле (секция Прав человека), Гусман (секция Пик), Бономе (секция Бон-Консей), Симон и Вендлинг (секция Хлебного рынка), Митуа (секция Единства), Лоран (секция Марселя), Добсан (секция Сите), Фурнеро (секция Кенз-Вен).

* Говоря «Епископство», Жорес имеет в виду Революционный комитет, созданный в Епископском дворце.— *Прим. ред.*

82. «Mémoires sur Pache», réédition par L. Pierquin. Charleville, 1898. Сюда вошли три памятные записки Паша. Жорес цитирует первую (p. 95): «Sur les factions et les partis, les conspirations et les conjurations, et sur celles à l'ordre du jour». Paris, an V. (B.N., 8° Lb^{42} 329, imp. in-8°, 36 p.)

83. Намек на разграбление бакалейных лавок 25 февраля 1793 г. См. выше, гл. III, с. 215.

ние кровопролития сделало его заранее продиктованное письмо смешным из-за очевидности его лжи и тщетным вследствие раскрытия интриги, если я рассеял без единого выстрела сборища, имевшие место 10 марта [84], в связи с чем некоторые введенные в заблуждение патриоты клеветали и по сей день еще клевещут на меня, если, когда наконец измена Дюмурье стала явной, измена, открывшая путь вторжению австрийцев в Бельгию, повлекшая за собой захват ряда наших пограничных крепостей, появление их передовых частей в 45 лье от Конвента, потерю завоеванных нами территорий на Рейне, вторжение в департамент Нижний Рейн и одновременно рост движения в Вандее, тоже подбиравшегося к Конвенту, если при всех этих обстоятельствах *я сохранил спокойствие в Париже и воспрепятствовал тому, чтобы депутаты-изменники, защищавшие генерала изменника, стали жертвами законного негодования республиканцев, взбешенных этими бесконечными изменами, если во время движения, имевшего целью свержение Комиссии двенадцати, этого образца тиранических учреждений, создаваемых с тех пор с целью восстановления монархии путем уничтожения патриотов, я сохранил 31 мая, 1 и 2 июня такой порядок, что Париж не только не был потрясен и разрушен так, чтобы камня на камне не осталось, как о том мечтали обе роялистские клики, не скрывавшие, ни та ни другая, своей ненависти к этому городу, если я сохранил в нем такой порядок, что в том великом акте народного правосудия, спасшем тогда Республику, не было ни единой царапины, ни одного разбитого стекла; если в первое время после этих достопамятных дней,* **не угодивших ни одной клике, ни одной партии, ни одной группе, потому,** *что они были хороши только для нации, когда члены Комитетов были неуверенны, расколоты, разрозненны, нетвердо держали бразды правления, между тем как наиболее влиятельные смутьяны разъезжали с крупными средствами по департаментам, пытаясь сбить их с толку, удваивали свои усилия в Вандее, организовывали движение шуанов, если во все это время я успокаивал сердца, просвещал умы, одних принуждал, других смягчал и если, поддерживая почти один движение механизма при расстроенных двигателях, я предотвратил распад государства, которого многие желали, то это объяснялось не какими-то личными дарованиями,* — скромно заканчивает Паш, — *а вытекало из самой природы политических полномочий, которыми был наделен мэр»*

Да, но если бы Паш, побуждаемый капризом, или спесью, или обидчивостью в духе Петиона, или высокопарным тщеславием в духе Ролана, отклонил бы в то утро 31 мая несколько повелительное сотрудничество Епископства, он не сохранил бы Коммуну как великую силу, являющуюся одновременно двигателем и регулятором движения, силу революционную и осторожную, которая во время кризиса спасла единство Революции, сохранила ее широкий характер и уберегла ее от кратковременной диктатуры шко-

радочно возбужденных сект, которые залили бы страну кровью и подняли бы всю Францию против Парижа Паш очень правильно заметил, что революция 31 мая не принесла удовлетворения ни одной из группировок, оспаривавших друг у друга превосходство Она не была ни робеспьеровской, ни дантонистской, ни эбертистской, ни бешеной, она была широко революционной и народной [85]

РАСТЕРЯННОСТЬ ЖИРОНДЫ

Но кто мог при первых ударах набата быть уверенным в том, что гнев и страсти людей не перейдут разумных границ? Жирондисты уже в течение нескольких дней имели основание опасаться за свою жизнь Долгое время они разглагольствовали по поводу мнимых опасностей Долгое время в своих риторических излияниях, выставляя напоказ свой героизм, они говорили о занесенных над ними кинжалах, когда еще ни один кинжал не был поднят

В течение нескольких недель, прошедших с тех пор, как секции потребовали привлечения к суду Революционного трибунала двадцати двух членов Конвента, а на некоторых тайных собраниях выдвигались неистовые предложения, опасность стала принимать более конкретный характер Меланхолический призыв, с которым Верньо обратился к своим избирателям, был выражением возрастающей растерянности Жиронда, так часто и надоедливо вызывавшая призрак смертоубийства, вдруг увидела, как эта опасность становится реальной

Еще 8 мая Ласурс в письме, адресованном народному обществу Кастра (вновь опубликованном в 1889 г Камилем Рабо), говорил со своими избирателями так, как если б над ним уже нависла трагическая тень смерти [86]

«Я с негодованием узнал, что некоторые агенты тех негодяев, которые хотят здесь меня убить, непрестанно клевещут вам на меня, дабы лишить меня вашего уважения *Они хотят сделать так, чтобы вы не стали выражать ни малейшего сожаления по поводу моей смерти и мстить за мое убийство*, которое они подготовляют своими темными происками, своими кровожадными обвинениями, которое они ускоряют, возбуждая в обманутой ими невежественной массе жажду убийств и направляя кинжалы сброда

---

84 О попытке восстания 10 марта 1793 г см выше, гл IV, с 330

85 Справедливость этой оценки не оспорима Действительно, после устранения жирондистов оставались различные революционные течения Как пишет Ж Лефевр «революция 31 мая» была для монтаньяров только этапом

86 C Rabaud Lasource, deputé a l Assemblee legislative et a la Convention, d'apres ses manuscrits et les documents originaux Paris, 1889 p 201

убийц... Вот краткое изложение моих дел. Похоже ли это на измену отечеству? О, если меня обвиняют в таких изменах, то я их совершил и буду и далее совершать, ибо до самой смерти я буду трудиться на благо моей страны. Честолюбцы, изменники, люди, алчущие власти и крови, могут меня изгнать, но не смогут меня устрашить; они могут лишить меня жизни, но никогда не заставят меня пойти на сделку с моей совестью... Пусть те, кто хочет править, поспешат убить меня; они правы, ибо смогут править спокойно лишь тогда, когда меня уже не будет. Пусть им выдадут мою голову, раз она им нужна, я согласен, но пусть память обо мне останется чистой. Я им прощу преступление, которое они совершат, убив меня; но я не прощу им преступного стремления похитить мою честь прежде моей жизни...»

Грядущие великие испытания придают некоторый оттенок достоинства тому, что так часто прежде было лишь легкомысленной и пагубной декламацией. Ночь с 30 на 31 мая большинство жирондистов провели не дома. Они боялись, что их схватят прямо в постели. Петион в довольно посредственном описании событий, где он сводит грозную поступь оказавшейся под угрозой Революции к масштабам лично против него направленной интриги, раскрывает перед нами то состояние растерянности, в котором оказалась Жиронда, захваченная врасплох ею же вызванными событиями и даже не подумавшая о каком-либо плане сопротивления.

«Я один из самых разительных примеров непостоянства народа[87]... Задолго до 31 мая интриганы и мятежники, причиняющие страдания моей несчастной родине и ведущие ее к рабству, прилагали все усилия к тому, чтобы подорвать мою репутацию и лишить меня того доверия, которым я пользовался. Убежденные в том, что я не разделяю их дезорганизаторских принципов и кровожадных идей, они сознавали, сколь может помешать им мое влияние среди народа в осуществлении их замыслов и, стало быть, сколь необходимо меня погубить.

Трудно было бы перечислить все средства, к которым они прибегали. Достаточно сказать, что не было такого, которого бы они не испробовали, и что честный человек не может даже представить себе всех средств, какими располагают дурные люди для совершения зла. Я сейчас вспоминаю, с какой хитрой и коварно рассчитанной постепенностью достигли они того, что смогли заявить народу об одном из наиболее уважаемых и любимых им людей, что он негодяй и предатель.

Я видел, как много людей не могли прийти в себя от удивления, сравнивая прошлое с настоящим и не понимая, как это народ мог так изменить свое отношение ко мне. Дело в том, что эти люди не знают, что такое искусство клеветы. Они не знают, до какой степени развращенность сумела усовершенствовать это искусство в наши дни, они не проследили или не имели возможности проследить за развитием козней, направленных против меня.

Я уже давно говорил себе, говорил это и моим друзьям: «Народ будет ненавидеть меня тем сильнее, чем сильнее он меня любил». И в самом деле, я уже не мог ни входить на наши заседания, ни выходить оттуда, не подвергаясь самым грубым оскорблениям и неистовым угрозам. Сколько раз мне приходилось слышать от людей, мимо которых я проходил: «Мерзавец, мы с тобой расправимся!»; и у меня нет сомнений, что несколько раз меня собирались убить.

Должен признаться, что тому, кого ранее осыпали знаками народного доверия, было больно стать предметом ненависти и проклятий народа.

Что я ему сделал? — спрашивал я себя не раз. Разве я не тот, что прежде? Конечно, нет у него лучшего друга, чем я, более искреннего защитника. Иногда я доходил до того, что презирал его, но в конечном счете жалел его и оплакивал его заблуждения. Клянусь, даже приняв смерть от народа, я не испытывал бы к нему ненависти. Я был и всегда буду убежден в том, что он добр, желает добра, но его точно так же можно увлечь на путь преступления, как и на стезю любви и добродетели.

Тучи собирались над нашими головами, и гроза вот-вот должна была разразиться. 31 мая был тот день, когда заговор должен был осуществиться, когда Конвент должен был быть распущен, когда под ножом убийц должны были пасть жертвы. Зловещий звук набата, барабанный бой, возвещавший общий сбор, закрытые заставы, задержание почтовых курьеров, перехват писем, кровожадные предложения, выдвигаемые с трибун народных обществ и повторяемые в многочисленных группах, — все предвещало великую катастрофу. Что 31 мая было роковым днем, назначенным заговорщиками, со всей очевидностью вытекает из того, что они распорядились заранее изготовить печати с надписью «*Революция 31 мая*» и имели дерзость штемпелевать и запечатывать письма, ими же распечатанные, которые они прочитывали, а затем отправляли адресатам.

Эти негодяи называли революцией самый жалкий из бунтов, подлый акт свержения свободы, и нашлись люди, достаточно трусливые, и установленные власти, достаточно низкие, чтобы одобрить столь преступные крайности.

...До того дня я никогда не соглашался ночевать вне дома, несмотря на настойчивые просьбы моей жены и друзей. Наконец я уступил их мольбам и провел ночь с 30 на 31 мая в одном доме на Шоссе д'Антен.

Я находился там у очень почтенных стариков, но невозможно передать тот страх, который они испытывали. Каждую минуту

---

87. Pétion. Mémoires inédits (précédés d'une introduction par C.-A. Dauban). Paris, 1866, p. 105.

им мерещилось, что к ним входит стража, обыскивает весь дом от погреба до чердака, что народ окружает их дом и поджигает его.

Рано утром оба, муж и жена, вошли ко мне в комнату в слезах и рассказали, что всю ночь не сомкнули глаз, что бьют сбор всех частей. Если бы я даже был уверен, что, выйдя от них, буду арестован, я не колеблясь ушел бы, до такой степени мне было жаль этих славных людей и страшно, как бы они не пострадали из-за меня.

Я простился со своими хозяевами, которые с сожалением расстались со мной. Я прошел весь бульвар, ведущий к улице Руаяль. Я встретил усиленные патрули, которые не сказали мне ни слова, и нашел убежище у гражданина...

Меня хорошо приняли. Я нашел там Бриссо. Мы провели там часть утра. Каждый раз, когда слышались шаги, мы думали, поскольку нас видели привратник и многие жильцы из этого дома, что нас предадут и народ ворвется в квартиру, где мы находились. Мы уже основательно изучили помещение и подготовились к бегству. Неожиданная случайность чуть было нас не открыла и не согнала народ к тому месту, где мы находились. Клочок зажженной бумаги, брошенный в камин, быстро вызвал большой огонь, из трубы повалил густой дым, уже сбежались жильцы и соседи Но мы заперли двери и сумели потушить огонь так же быстро, как он разгорелся.

Затем я отправился в Собрание, пройдя сквозь наиболее угрожающие группы».

ОБЛИК ПАРИЖА

Первым делом Революционного Генерального совета было назначение на пост главнокомандующего национальной гвардии (в нарушение декрета Конвента) командира батальона секции Санкюлотов, Анрио [88]. Совет стремился придать движению единый импульс, единое руководство. Но развитие восстания не было, так сказать, ни очень энергичным, ни очень четким. Под повторные звуки набата граждане брали свои ружья, выходили из домов, собирались на улице или у поста секции. Медленно, небольшими группами направлялись они к Конвенту, не слышно было никакого энергичного и ясного лозунга, и никто не мог бы сказать, были ли все эти люди повстанцами, идущими атаковать Жиронду в самом Национальном собрании, или национальными гвардейцами, наблюдающими за порядком, или просто зеваками, фланирующими на солнышке в ожидании новостей. Это было похоже на море, порой темнеющее, порой переливающее бликами света, переменчивые волны которого, казалось, не грозили ничьим берегам.

Присоединившись к Коммуне с целью расширить движение, Епископство ослабило свой порыв. Мне кажется, однако, что

Мишле преувеличивает вялость и пассивность Парижа, преувеличивает он и сопротивление Коммуны тем энергичным мерам, которые подготовлял Революционный комитет, заседавший в Епископстве.

«В событиях того времени, — пишет он [89], — больше всего поражает и удивляет почти полное исчезновение населения Парижа. Численность голосующих на выборах в секциях поистине незначительна. За исключением трех секций (из числа наиболее богатых, Бютт-де-Мулен, Музея и Тюильри), собрания которых в эти дни кризиса были довольно многочисленными, в остальных насчитывалось не более 100 голосующих, и почти всегда значительно меньше этого числа. В секции Тампля во время важных выборов участвовало только 38 человек. Можно смело утверждать, даже преувеличивая цифровые данные и считая по 100 человек на каждую из 48 секций, что все политически активное население (в этом городе с населением 700 тыс. душ) [90] *не составляло и 5 тыс. человек*. Париж, по существу, отвернулся от общественных дел, подал в отставку» [91].

Однако в мае в секциях временами наблюдалось крайнее оживление. Верно то, что имело место не столько равнодушие, сколько неуверенность и расхождения во мнениях. Когда Мишле настойчиво указывает на малочисленность голосующих, например на малое число голосов, которое Люлье получил на выборах в ноябре 1792 г., он забывает, что даже в сентябре, даже на общих выборах в Конвент, число голосовавших было крайне низким. Париж тогда мало голосовал, даже в дни, когда общественное мнение было крайне возбужденно и наиболее деятельно, как то было на следующий день после 10 августа [92].

Но 31 мая народные массы находились под воздействием противоположных сил. 10 августа (хотя число бойцов, осадивших Тюильри, было довольно незначительно) порыв Парижа был единодушным. Все революционеры устремились в одном направлении.

---

88. M. Mortimer-Ternaux. Op. cit., t. VII, p. 320 Анрио (1761—1794) — в прошлом служащий застав, командир вооруженных сил секции Санкюлотов, главнокомандующий парижской национальной гвардии (временно исполняющий свои обязанности) с 31 мая 1793 г. до 9 термидора II года.
89. «Histoire de la Révolution française», édition G. Walter, t. II, p. 513.
90. Преувеличенные данные; население Парижа, несомненно, не превышало 600 тыс. человек.
91. Мишле прибавляет: «Когда речь шла о продовольственных и других интересовавших народ вопросах, можно было привлечь многочисленных жителей предместий». Об участии народа в событиях 31 мая—2 июня 1793 г. см. ниже, с. 645, прим. 107.
92. Политическая жизнь в секциях всегда была делом меньшинства. Число присутствующих на общих собраниях увеличивалось только при чрезвычайных обстоятельствах. См.: А. Собуль. Цит. соч., с. 286 и сл.

Все хотели либо сломить сопротивление королевской власти, либо сломить саму королевскую власть.

31 мая народ желал покончить с тиранией Комиссии двенадцати, с фракционным духом Жиронды, со всеми этими раздорами и ссорами, которые, парализуя Конвент, тем самым парализовали саму Революцию. Но к этой мысли примешивалось некоторое сомнение, нечто вроде угрызений совести. Не преступно ли, не опасно ли было посягать на Конвент, нарушать неприкосновенность национального представительства? Еще одна тревожная мысль одолевала ремесленников: кто знает, не окажется ли под угрозой сама собственность трудящихся? Революционное течение, стесненное всеми этими противодействиями, развивалось медленно, подобно загроможденной реке, с трудом пробивающейся по едва заметному склону. Но можно ли это назвать коллективной политической отставкой Парижа?

Хотя оживление в день 31 мая было несколько двусмысленным, оно было, однако, огромным. Я хорошо знаю, что нельзя оказывать большого доверия тому, что рассказывает Прюдом в своей «Революсьон де Пари»: это торгаш, трус и плут[93]. Тот же человек, который всего несколько недель назад так предательски клеветал на патриотов секций, на революционеров — членов комитетов, внезапно, под впечатлением событий конца мая, принимается льстить Эберу, пошло восхвалять «статьи в «Пер Дюшен», такие удачные, пожалуй, более подходящие для просвещения народа, чем все эти прекрасные планы воспитательной работы, которые нам рисовали до сих пор». Ругань папаши Дюшена, его грубые выходки, неискренние и бездушные, — все это, оказывается, лучше, чем план Кондорсе! Презренный трус, которому нужно было возвеличить Париж после того, как он его оклеветал, придает событиям 31 мая самый величественный вид, но и здесь ему нельзя доверять. Однако трудно допустить, чтобы все было выдумано в картине, которую он нарисовал[94]:

«Сколь внушительное зрелище являл собою Париж! *Около трехсот тысяч вооруженных граждан*, ибо все муниципалитеты департамента и даже за его пределами (5 тыс. человек прибыли из Версаля) поспешили направить свой контингент для участия в этом мирном восстании, около трехсот тысяч *граждан, повторяю, собравшихся по первому удару набата*».

Больё, который вел записи день за днем и опубликовал «Исторические воспоминания, или Подневную запись для года от рождества христова 1793-го», писал о событиях 31 мая[95]:

«Между тем весь город Париж был под ружьем, не зная для чего... В течение всего этого дня Конвент окружали от 20 до 30 тыс. человек, большинство которых не знало, зачем их туда собрали».

«Революсьон де Пари» отмечает, что к концу дня одно только Сент-Антуанское предместье мобилизовало 12 тыс. человек. Это

больше того, что оно выставляло во время самых крупных событий. Дюлор пишет[96]:

«Начиная с пяти часов утра на всех улицах слышно, как бьют общий сбор, на всех колокольнях Парижа бьют в набат. *Каждый гражданин, вооружившись, отправляется в свою секцию.* Заставы закрыты».

Стало быть, не было инертности и равнодушия, но эта народная масса, огромная и активная, оказавшаяся в каком-то неясном кризисе, не знала точно, в чем ее долг, чего требуют интересы свободы и отечества. «Революсьон де Пари» правильно отметила это состояние неопределенного ожидания, недовольства и колебаний:

«Прежде чем взяться за оружие, граждане Парижа не обсуждают вопроса о том, должны ли они это сделать. Первым делом они спешат к своим пикам, к своим ружьям, к своим пушкам. И только после того, как они искали врага, с которым надо сражаться, и не нашли его, только к концу дня они стали раздумывать: «Как же это так, за 24 часа, что мы на ногах, нам все еще не сказали, что от нас требуется. Зачем эта общая тревога, затянувшаяся до ночи? Куда надо идти? Против кого направить наши штыки и нацелить наши орудия?»

С одной стороны им отвечали: «Мы хотим нанести большой удар по контрреволюционерам, тормозящим быстрый ход работ Конвента и, несомненно, располагающим кликой, вполне готовой высказаться за них, если мы не одернем их с помощью грозного орудия и боевого образа действий».

С другой стороны им говорили: «Не трогайтесь со своих постов. Будьте осторожны, не становитесь орудием борьбы одной группы с другой. Чудовищные власти, антиреволюционные власти захотят подняться под прикрытием пушечного сигнала тревоги и набата. Если только вы окажетесь послушными, они вам предложат произвести кровавые расправы. Будьте глухими, и пусть виновники всей этой шумихи страшатся катастрофы для них самих».

---

93. Прюдом (1752—1830) — служащий книжного магазина, затем издатель и журналист, с 12—17 июля 1789 г. выпускал газету «Révolutions de Paris», имевшую очень большой успех. Он сумел собрать вокруг себя талантливых журналистов, таких, как Лустало, Шометт, Фабр д'Эглантин, Марешаль, придерживавшихся определенных мнений, но сам он тем не менее оставался политическим оппортунистом.
94. «Révolutions de Paris», № 203, 25 mai — 1er juin 1793. Содержание: «О национальном представительстве.— Преступление Комиссии двенадцати и события 31 мая».
95. Beaulieu (1754—1827). Les souvenirs de l'histoire, ou le Diurnal de la Révolution de France. Paris, 1797, 2 vol., t. I, p. 215.
96. Dulaure. Esquisses historiques, t. II, p. 406.

Вокруг Конвента, открывшего свое заседание в шесть часов утра, теснится какая-то очень смешанная вооруженная сила. По свидетельству Левассёра[97], депутаты, первыми прибежавшие на звук набата, увидели «две тысячи сторонников жирондистов из секций, заполнивших площадь Карусели, куда сбежалось также множество повстанцев». Это было похоже на широкие волны, приводимые в движение противоположными ветрами. Если бы у Жиронды был лозунг, четкий, живой, действенный, подлинно революционный и национальный, и она бросила бы его в эти толпы, она так же могла бы одержать верх, как Гора. Но после того, как она столько раз проявляла слабость, после всех ее пустых выкриков кто поверил бы в нее, если б она сказала народу: «Я — энергия Революции»? Коммуна и Гора — те, наоборот, могли крикнуть Парижу: «Освободите нас от спорщиков Жиронды, и мы раздавим врага и прогоним чужеземцев».

КОЛЕБАНИЯ КОММУНЫ

Но Коммуна, боясь ответственности, говорила с Парижем лишь вполголоса. Возможно, если бы с самого начала, с утра, она выступила решительно, если бы это она приказала с самого начала выстрелить из сигнальной пушки, если бы она указала народу Парижа прокламациями и плакатами, что он не должен складывать оружия до тех пор, пока осажденный им Конвент не распустит Комиссию двенадцати и не изгонит из своей среды двадцати двух [жирондистов], если бы она заявила к тому же, что должностные лица муниципалитета возглавят движение и первыми пойдут навстречу опасности, быть может, такой страстный и четкий призыв ускорил бы темп этого неуверенного и вялого восстания. Но Коммуна боялась, что ее захлестнут бешеные, если она сама развяжет и ускорит движение. Она надеялась на то, что эта широкая манифестация, несколько неопределенная и мирная, окажется, однако, для Конвента достаточно ясным предупреждением. Паш хотел сохранить контакт как с Конвентом, так и с Революционным комитетом Епископства, и он больше следил за событиями, чем воодушевлял их. Мишле перешел границы того, что позволительно утверждать, когда написал, что с самого начала дня существовал тактический конфликт между Революционным комитетом, заседавшим в Епископстве, и восстановленной Коммуной[98]:

«Конвент вызывает к себе мэра; что делать? Варле и наиболее неистовые *не хотели повиноваться*. Они требовали подвергнуть мэра домашнему аресту, подобно тому как это было сделано с Петионом во время сражения 10 августа. Другие, более разумные (во главе с Добсаном и в согласии с Коммуной), полагали, что еще ничто не организовано, что еще неизвестно, будет ли новый командующий признан национальной гвардией. Они решили, что *надлежит повиноваться* и что Паш отправится дать отчет Конвенту. Таково было первое расхождение».

Но нет никаких указаний на это в отчетах, которыми мы располагаем. Правда, я вижу, что на следующий день, 1 июня, Варле жаловался в Коммуне на то, что мэра не подвергли домашнему аресту на 24 часа, потому что, «будучи облечен законной властью, он может оказаться вредным для дела Революции»[99]. Я вижу также, что он жаловался на то, что Добсан затруднял действия Революционного комитета. Но все это суждения о событиях 31 мая, высказанные после этих событий. И ничто не доказывает, что Варле предлагал утром 31 мая то, о чем 1 июня он сожалеет, что оно не было сделано. Да и кто знает, присутствовал ли Варле, который временно исполнял обязанности председателя Революционного комитета и которому нравилось играть эту первую роль, присутствовал ли он на заседании Генерального совета Коммуны?

Если бы утром 31 мая в связи с письмом Конвента, вызывавшим Паша, произошел столь серьезный инцидент, если бы некоторые революционные делегаты предложили не подчиняться Конвенту, это, несомненно, было бы отмечено в отчете заседания, ибо там достаточно пространно излагаются дискуссии, вызванные демаршем Паша[100]:

«Зачитывается письмо, которым председатель Национального Конвента приглашает гражданина мэра прибыть в Конвент, чтобы дать ему отчет о положении дел в Париже в настоящее время.

Отдельные члены предлагают, чтобы гражданин мэр пошел в сопровождении внушительной охраны, набранной из лиц, состоящих в вооруженных силах всех 48 секций.

Мэр замечает, что, будучи рад находиться среди своих коллег, он желает только, чтобы к барьеру Национального Конвента его сопровождала депутация от Генерального совета.

В соответствии с этим замечанием Совет назначает депутацию, которая должна его сопровождать.

По требованию заместителя прокурора Коммуны Совет заявляет от имени 48 секций, что ставит гражданина мэра Парижа под свою защиту».

Я не думаю, чтобы вопрос о том, следует ли мэру повиноваться, был поставлен.

Равным образом Мишле, думается, сильно преувеличивает, когда в связи с вопросом о выстреле из сигнальной пушки кате-

97. Levasseur. Mémoires, t. I, p. 234.
98. Michelet. Op. cit., t. II, p. 520.
99. «Moniteur», XVI, 542.
100. «Moniteur», XVI, 518.

горически противопоставляет тактику Епископства тактике Коммуны [101].

«Второе [расхождение] было связано с вопросом о том, следует ли дать сигнал тревоги пушечным выстрелом. Со времени сентябрьских событий эта [сигнальная] пушка вызывала ужас у парижского населения. В Париже могла начаться страшная паника, бесчисленные сцены страха, отчаянного страха. Была предусмотрена смертная казнь для каждого, кто выстрелит из этой пушки. Неистовые из Епископства, Анрио, дали приказ стрелять из нее. И на этот раз Коммуна также приняла противоположное решение — *повиноваться* закону и не стрелять. А Шометт дал даже приказ прекратить звонить с колокольни ратуши, где принялись звонить без разрешения».

В оставшихся свидетельствах этих событий мы не находим описаний, которые подтвердили бы эту картину.

«Граждане, которым было поручено дать сигнал тревоги выстрелом из пушки, отчитываются в выполнении данного поручения. Они заявляют, что приказ, с которым они явились, не был признан на том основании, что он не отвечал формальным требованиям, что они тщетно доказывали, что в революционное время нельзя соблюдать обычных формальностей, и что в конечном счете выполнить приказ оказалось невозможным [102].

Совет возлагает выполнение этого приказа на Революционный комитет, заседающий в Общем доме [*ратуше*]...

Член Революционного комитета объявляет, что сейчас будет дан сигнал тревоги пушечным выстрелом. Совет постановляет, что немедля будут бить в набат с колокольни Общего дома, что главнокомандующему будет приказано охранять общественные учреждения, различные кассы и склады, поставить многочисленную стражу около тюрем, в частности у Аббатства, где находятся ценные заложники. которых наши враги очень хотели бы у нас похитить».

Наконец, довольно поздно, между двенадцатью и часом дня, «объявляют, что все еще не удалось дать сигнал тревоги выстрелом из пушки и что со стороны мэра имеется противоположный приказ.

Заместитель председателя отвечает, что, когда мэр дал этот приказ, *революционная власть еще не была установлена* и что в этих обстоятельствах мэр исполнял свой долг [103].

Это происходило в час дня, заседание продолжалось непрерывно».

Именно в это время, между часом и двумя, пушка наконец прогремела. Мне кажется, что этот отчет позволяет восстановить точный ход событий. Мэр, очевидно, опасался, что выстрел из сигнальной пушки вызовет смертоубийственную панику. Когда в ночь с 30 на 31 мая он узнал, что в Епископстве готовится какое-то движение, он сразу сообразил, что первым актом Повстанческого комитета будет разбудить Париж набатом и, что особенно опасно, пушечным выстрелом. И именно тогда, еще до того, как делегаты секций от имени народа сместили и вновь облекли властью Коммуну, еще до того, «как революционная власть была установлена», он послал канонирам приказ никому не позволять разбудить дремлющий голос пушки.

Сам Паш очень четко излагает это Конвенту [104]:

«Сегодня утром я дал временному командующему приказ собрать возможно больше резервов, удвоить численность постов при общественных учреждениях, таких, как казначейство, *а также пост у Нового моста*, дабы не допустить, чтобы произвели выстрел из сигнальной пушки.

Я сделал отчет Комитету общественного спасения о положении в Париже. Вернувшись в Генеральный совет, я увидел там комиссаров большинства секций, которые заявили нам, что они уполномочены отрешить от власти муниципалитет».

Стало быть, совершенно ясно, что приказ Паша относительно пушечного сигнала тревоги действительно предшествовал революционному кризису Коммуны.

С этим-то приказом и столкнулись пришедшие первыми революционные делегаты и сам Анрио. И колебания, недоразумения продолжались до полудня.

Конечно, ни Совет Коммуны, ни мэр не очень старались преодолеть это сопротивление и рассеять это недоразумение. Однако было бы неверно утверждать, что из уважения к законности они сопротивлялись мероприятиям Епископства. Наоборот, Генеральный совет Коммуны дает Революционному комитету, заседавшему в Епископстве, формальный, по всем правилам, мандат произвести сигнал тревоги пушечным выстрелом [105]. А для того, чтобы Париж ясно понял, что это отнюдь не дерзкая фантазия некоего повстанческого комитета, а согласованный революционный акт, Коммуна приказывает одновременно бить в набат в ратуше. Приказав бить в муниципальный набат, Коммуна тем самым брала на себя ответственность и за гром тревоги, которому предстояло привести в движение Париж. И Коммуна благоразумно принимает меры, чтобы избежать повторения сентябрьских избиений: она ставит усиленную охрану около тюрем. Правда, она не осмеливается ска-

---

101. Michelet. Op. cit., t. II. p. 520.
102. «Moniteur», XVI, 518.
103. «Moniteur», XVI, 518. В тексте прибавляется: «Революционный комитет отдает новый приказ — выстрелить из сигнальной пушки». См. ниже.
104. «Moniteur», XVI, 523, заседание Конвента 31 мая 1793 г.; «Archives parlementaires», LXV, 639.
105. См. выше, прим. 103.

зать, что делает это из чувства гуманности: это, мол, делается для того, чтобы сохранить заложников. Стало быть, верно, что повстанческий порыв Епископства был замедлен и смягчен благодаря сотрудничеству с Коммуной. Верно, что Революционный Генеральный совет не увлекается крайними мерами в такой степени, как Революционный комитет. Но не следует забывать, что и Коммуна была восстановлена в своих полномочиях в революционном порядке, что с ней смешались революционные делегаты секций во главе с Добсаном и что между нею и Епископством нет никакой коренной противоположности. Наоборот, в тот день Коммуна делает Революционный комитет своим исполнительным органом. Она приветствует самые энергичные решения секций, например решение секции Бон-Консей, высказавшейся против отправления всех почтовых курьеров и распорядившейся об аресте на их постах всех администраторов и даже начальников отделов [106]. И, что особенно важно, она принимает серьезную революционную меру, имеющую целью продлить восстание: держать народ под ружьем до тех пор, пока Жиронда не будет побеждена. По предложению Революционного комитета Коммуна постановляет, «*что малоимущим гражданам будет выплачиваться 40 су в день до тех пор, пока они будут оставаться под ружьем*» [107]. Стало быть, существует скрытое противоречие между осторожными, теми, кто больше представляет традиционные методы действий Коммуны, и неистовыми, которые хотят ускорить сражение. И это противоречие находит свое выражение в замедленном развитии движения. Но, собственно говоря, конфликта нет, и бесспорно, что как только эта полувыжидательная тактика окажется недостаточной, то все силы Коммуны и Епископства совместно перейдут к тактике более решительной и прямолинейной.

106. «Moniteur», XVI, 518.
107. «Moniteur», XVI, 518. См.: H. Calvet. Remarques sur la participation des sections au mouvement du 31 mai, 1er et 2 juin 1793.—«Annales historiques de la Révolution française», 1928, p. 367. Ссылаясь на платежные ведомости о выплате 40 су ежедневного пособия, автор уточняет участие народных масс в событиях.

ЗАСЕДАНИЕ КОНВЕНТА 31 МАЯ

И в Конвенте также монтаньяры, особенно робеспьеристы, решили, что пора кончать. Это было необходимо для спасения Горы не менее, чем для спасения Революции. Гора была осуждена победить или погибнуть. Если бы после этих дней кризиса Жиронда одержала верх, она, несомненно, прибегла бы к решительным репрессиям.

Левассёр очень ясно говорит в своих мемуарах, что монтаньяры были вынуждены нанести удар, если не хотели сами погибнуть [1].

«Когда завязалась схватка, речь могла идти только о том, чтобы одержать победу и доказать, как грозил Дантон, что мы не уступаем нашим противникам ни в осторожности, ни в революционной энергии. С того момента, как мы заявили, что будем *сопротивляться*, с того момента, как Комиссия двенадцати объявила о своем намерении преследовать изменников даже *на Горе*, дискуссии между коллегами *уступили место войне насмерть*, и, уж конечно, не нас можно обвинять в том, что мы скрывали свои планы. Пусть уж не говорят, что мы действовали коварно, призывая восстание себе на помощь. Да, мы дали сигнал к этому

1. Levasseur. Mémoires, t. I, p. 231.

восстанию, но мы находились в окружении врагов, которые были в силе. С другой стороны, они тоже хотели нас изгнать, обвинить, погубить. Если им не удалось бросить против нас национальную гвардию, то не потому, что они этого не хотели, а потому, что сил у них не хватило на это... Меч был извлечен, и ножны далеко отброшены. Осталось только драться».

На этом заседании 31 мая монтаньяры были в очень трудном положении[2]. Восстание, которое должно было избавить их от их противников, было достаточно ясно объявлено, чтобы скомпрометировать Гору; но оно было недостаточно сильным, чтобы погубить Жиронду.

Секционные силы, которые начали накапливаться на площади Карусели, не были едиными, и они колебались. Только трибуны были беззаветно преданы Горе, но что могли бы они сделать, оказавшись перед лицом решительной и сильной позиции Конвента? Последний не особенно взволновался, когда Паш сообщил ему в спокойном тоне об упразднении и революционном восстановлении муниципалитета[3]. Он не отмежевался от Епископства. «Мы это приняли, — сказал он, — с благодарностью». Он, таким образом, узаконивал Революцию. Он сносился с Национальным Конвентом не в силу власти, данной ему законом, а в силу полномочий, полученных им от восставшего суверенного народа, представленного делегатами секций. Конвент оказал ему честь, пригласив его присутствовать на его заседании. Очевидно, Жиронда видела некое последнее средство спасения в этом человеке, на которого она столько клеветала и который ныне, казалось, был призван сыграть роль примирителя.

Буря разыгралась, когда стало известно, что Анрио хотел дать сигнал тревоги пушечным выстрелом. Командир вооруженных сил секции Нового моста уведомил Конвент, «что Анрио, временно исполняющий обязанности командующего национальной гвардии Парижа, приказал дать сигнал тревоги пушечным выстрелом, но охрана поста у Нового моста отказала в этом, что Анрио тогда обратился к департаментским властям, которые приняли резолюцию о переходе к очередным делам, ссылаясь на закон, запрещающий стрелять из сигнальной пушки без специального декрета Конвента». Он ожидал приказаний Конвента и просил допустить его к барьеру[4].

Жирондистов сразу же охватило негодование. Чего хочет этот Анрио? Что готовит этот наглец, этот мятежник? Пусть его вызовут для объяснений. Матьё, Валазе выходят из себя, произносят бурные речи. Их поддерживают петиционеры из секции Нового моста, повторяющие, что департамент напомнил всем, что закон запрещает стрелять из пушки, предназначенной для подачи сигнала тревоги[5]. Верньо, по-видимому, больше всего озабочен тем, чтобы не допустить обострения конфликта. «Если будет бой, — восклицает он, — то, каков бы ни был его исход, он будет гибельным для Республики». Но и он хочет, чтобы стало известно, кто распорядился бить в набат, кто приказал дать сигнал тревоги пушечным выстрелом[6]. Как раз в этот момент раздается пушечный выстрел, и Гора, встревоженная, раздумывает, как ей вести себя. Если она дезавуирует Анрио, если она его вызовет, если она его выдаст, она дезорганизует то народное движение, в котором нуждается, внесет смятение и сомнение в ряды патриотов, даст Жиронде некоторое начальное преимущество и та не замедлит расширить его в этом растерянном и выбитом из колеи Париже. Если же, наоборот, она признает Анрио, если она станет на сторону того, кто распорядился выстрелить из сигнальной пушки вопреки противоположному приказу, отданному утром Коммуной, вопреки отрицательному мнению департамента, Гора рискует быть увлеченной дальше, чем Паш, Эбер, Шометт, Люлье, она смешается с бешеными, она окажется в руках Варле и неистовых, и, стремясь не погубить Революцию проявлением слабости, она рискует погубить ее перегибами и безрассудством, она рискует вызвать панику и поднять против нее департаменты.

Один только человек способен был вывести Гору из затруднения. Один только человек мог своей громовой речью ответить как эхо на пушечный выстрел тревоги, безоговорочно признать перед Конвентом восстание, безоговорочно признать Революцию и в то же время лишить наметившееся движение того ультрареволюционного характера, который хотело придать ему Епископство. Это был Дантон. В последние несколько недель часто колебавшийся, ослабевший, он в самый разгар кризиса вновь обрел свою смелость, кипучую и гибкую, и над Конвентом, то ли ободренным, то ли покоренным, зазвучал его голос, словно продолжение революционного голоса пушки, подающей сигнал тревоги. Прежде всего надо избавиться от Комиссии двенадцати[7].

«— Париж должен покончить с Комиссией. Она не имеет такого существования, как Конвент. Вы создали политически порочную Комиссию.

---

2. «Moniteur», XVI, 523. «Уже шесть часов утра. Слышен звук набата и сигнал общего сбора. Около ста членов, собравшись в зале, открывают заседание». Председательствовал Малларме, депутат от департамента Мёрт, монтаньяр.
3. «Moniteur», XVI, 523; «Archives parlementaires», LXV, 639.
4. «Moniteur», XVI, 523; «Archives parlementaires», LXV, 641.
5. «Moniteur», XVI, 523; «Archives parlementaires», LXV, 641, 642. Матьё (1763—1833) — депутат Конвента от департамента Уаза.
6. «Moniteur», XVI, 524; «Archives parlementaires», LXV, 642.
7. «Moniteur», XVI, 528; «Archives parlementaires», LXV, 642. D a n t o n. Discours. Édition par A. Fribourg, p. 465.

— *Многие голоса*: Мы этого не знаем.

— Вы этого не знаете? Значит, надо вам это напомнить. Да, ваша Комиссия заслужила негодование народа. Припомните мою речь об этой Комиссии, речь слишком умеренную [8]. Она бросила в тюрьмы должностных лиц народа за одно то, что они в своих газетах вели борьбу с тем духом модерантизма, который Франция хочет убить, чтобы спасти Республику. Почему вы распорядились освободить арестованных ею граждан? Вы это сделали либо по слабости, либо из чувства справедливости. Вы приняли это решение, заслушав доклад человека, которого природа создала бесстрастным, чуждым злобы, горечи, чтобы он стал глашатаем истины [9]. Министр внутренних дел, чьи намерения вам легче извратить, чем опровергнуть его доводы [как ловко Дантон обыгрывает Гара!], дал ясное истолкование поведения Эбера и побудил ваш дух справедливости принять решение об его освобождении. Следовательно, Комиссия поступила несправедливо, когда распорядилась арестовать это должностное лицо.

Неужели вы и теперь не решитесь упразднить ее немедля? Вы рассмотрите затем поведение личностей, входящих в ее состав, и тогда, если есть для того основания, вы дадите пример, грозный для тех, кто не уважает сам народ в его революционных преувеличениях.

Сигнальная пушка гремит, и некоторые лица, по-видимому, боятся ее. Тот, кого природа создала способным плыть по бурному океану, не испугается, когда молния ударит в его корабль. Вы, бесспорно, должны действовать так, чтобы дурные граждане не могли использовать в своих целях это великое потрясение. Но если Париж хотел лишь дать сигнал, чтобы представить вам свои соображения (*находящиеся на трибунах граждане аплодируют вместе с большой частью Собрания*), если Париж хотел лишь призвать всех граждан, путем приглашения слишком торжественного, слишком громогласного, обратиться к вам с требованием разительного акта справедливости, то и на этот раз Париж заслужил благодарность отечества. Следовательно, говорю я, если вы действительно политические законодатели, то вы не только не станете осуждать этот взрыв, но, наоборот, обратите его на пользу общественным интересам, исправляя прежде всего свои ошибки и упразднив вашу Комиссию. (*Ропот.*)

Я обращаюсь только к тем, кто одарен известными политическими талантами, а не к глупцам, послушным лишь голосу своих страстей. Я говорю им: имейте в виду, что величие вашей задачи в том, чтобы спасти народ от его врагов, от аристократов, *чтобы спасти его от его собственного гнева*... Я предлагаю упразднить Комиссию и учинить суд над действиями каждого из ее членов. Вы их считаете безупречными? Я же считаю, что они тешили свою злобу. Надо внести ясность в это дело; но надо воздать должное народу.

— *Несколько голосов*: Какому народу?

— Вы спрашиваете, какому народу? Этот народ огромен, этот народ — передовой часовой Республики. Все департаменты страстно ненавидят тиранию.

— *Голоса многих депутатов*: Да, да.

— Все департаменты ненавидят этот подлый модерантизм, который ведет к возврату тирании. Близок день, и это будет день славы для Парижа, когда все департаменты присоединятся к этому великому движению, которое истребит всех врагов свободы. Все департаменты одобрят ваше мудрое решение, если вы упраздните эту политически порочную Комиссию. *Я первый во весь голос воздам должное тем мужественным людям, которые сейчас оглашают воздух криками.* (*Трибуны аплодируют.*)

Вас, представители народа, я призываю остаться бесстрастными. Обратите на пользу отечеству эту энергию, которую только дурные граждане могут считать гибельной, *а если несколько человек, действительно опасных — к какой бы партии они ни принадлежали, — захотят продлить движение, которое станет ненужным, после того как вы свершите правосудие, Париж сам вернет их в небытие*».

И в заключение он предложил произвести поименное голосование по вопросу упразднения Комиссии двенадцати. Это шедевр мощи и политического чутья. Истолкованный таким образом, пушечный сигнал тревоги уже не мог быть использован Жирондой как предлог для вызова Анрио, для конфликта с революционной Коммуной. Это спокойная, законная сила народа заговорила громовым голосом, чтобы быть услышанной законодателями. «Патриот франсэ» пишет (и, заметим мимоходом, эти несколько слов еще раз подтверждают замечание г-на Борнареля о сотрудничестве Дантона с Барером) [10]: «Дантон, этот человек, на которого *так много клеветали*, который вписал в доклад Барера столь трогательные строки о единении, Дантон говорил с яростью человека, держащего в руке канат набата» [11].

Нет, это была не ярость. Это был благородный гнев человека, который испробовал все, чтобы предотвратить страшный кризис, который столкнулся со слепым эгоизмом групп и сталкивается и теперь, когда старается придать более умеренный характер событиям, зарождению которых он не смог помешать. Каким печальным недоразумением объяснить, что человек столь гордого и великодушного характера, каким был молодой Жире-Дюпре, ре-

---

8. Дантон выступал против Комиссии двенадцати 24 и 27 мая 1793 г.
9. 28 мая 1793 г. по предложению Буайе-Фонфреда Конвент, восстановивший Комиссию двенадцати, принял решение об освобождении заключенных. («Moniteur», XVI, 504.)
10. См. выше, с. 597, прим. 6.
11. «Le Patriote français», № 1388, 2 juin 1793, p. 607.

дактор «Патриот франсэ», до такой степени не понял этого великого революционера? В статье, посвященной описанию этого заседания, Жире-Дюпре писал со спокойным достоинством и мужеством [12]:

«Вечная слава народным представителям, которые не потеряли веру в Республику и, готовые умереть, отправились на свои пост, под похоронные звуки набата, под зловещий треск барабанной тревоги! Я хочу последовать их мужественному примеру. Я хочу полностью разделить их судьбу. О, если бы я мог разделить с ними также их славу! Мой долг перед французским народом, мой долг перед моей совестью и моим независимым характером, который не изменят ни набат, ни сигнал общего сбора, ни пушка, мой долг перед потомством, чей суд, более высокий, более грозный, чем все революционные суды, рассудит и меня и моих врагов, мой долг перед свободными людьми всей земли сказать правду, правду беспощадную, но и беспристрастную. В час великих опасностей душа республиканца возвышается не только над мелочной злобой, но и над низменным страхом».

Увы! Какой ошибкой объяснить то, что эта республиканская душа, честная и юная, восторженная и добрая, действительно поднявшаяся над мелочной злобой, каким ослеплением объяснить, что она не распознала в великой душе Дантона то же природное великодушие и ту же отрешенность от мелких страстей? Дантон не бил в набат, призывавший к избиению жирондистов. Он старался ограничить, насколько то было возможно, последствия народного гнева. Прежде всего, следует заметить, что он хотел поставить перед судом не тех двадцать двух депутатов, которых обвиняли секции, а только членов Комиссии двенадцати. Тем самым (и на это недостаточно обратили внимание) он исключал из этого обсуждения самую головку Жиронды, ее самых прославленных вождей: Бриссо, Верньо, Гюаде. Более того, он мог надеяться, что политическое упразднение Комиссии двенадцати утолит гнев народа и он не станет мстить отдельным лицам. Наконец, речь шла не о суде над партией, не о тенденциозном процессе над Жирондой. Речь шла о вполне конкретных действиях, вменяемых в вину Комиссии двенадцати, членов которой должны были допросить, судить и, если будут на то основания, осудить. Между тем оказывалось, что единственные видные люди в этой Комиссии двенадцати — Буайе-Фонфред и Рабо-Сент-Этьенн — выступали под влиянием Гара против насильственных мер, против ареста Эбера. Станет ли после этого кто-нибудь ожесточенно нападать на мало кому известных второстепенных лиц?

Но это была химера. Как можно было надеяться на то, что народ оставит в покое тех блестящих и ответственных вождей, которых он научился ненавидеть больше всего, которые действительно несут наибольшую ответственность за события? Что стало бы с Революцией, если бы жирондистская группировка, пережив

Комиссию двенадцати, продолжала бы свое дело, продолжала бы все чернить и бездействовать? Отвращение, вызываемое у Дантона мыслью о необходимости нанесения удара Жиронде, было почти неодолимо, эта рука, «держащая канат набата», незаметно дрожала. А сколько предосторожностей он принял против возможных насильственных действий бешеных! Как он провозглашает, что едва Комиссия двенадцати будет распущена, Епископство должно будет «вернуться в небытие»!

УХИЩРЕНИЯ ЖИРОНДЫ

Жиронда, которая вызывала против себя ярость трибун, но которую восставший Париж окружил широким, неопределенным валом, без особого гнева и без угроз, решила, что ей достаточно будет маневрировать с некоторой ловкостью, чтобы не только выйти невредимой из событий этого дня, но и одержать победу. Сколь велик будет ее триумф, если путем нескольких формальных уступок она окончательно лишит сил это вялое движение, которое с трудом затеяли против нее, если она сможет заявить, что народ Парижа, восставший как один человек и вооружившийся, но в душе исполненный уважения к закону, расстроил замыслы «анархистов»!

Рабо-Сент-Этьенн произносит речь, в которой оправдывает Комиссию двенадцати, утверждает, что разоблаченные ею заговоры действительно существовали, пытается в доказательство этого утверждения зачитать письмо герцога Орлеанского, сообщавшего об угрожающих речах Сантера, говорившего, что он хочет идти на Париж с батальонами, предназначенными для войны в Вандее. Он предлагает не принимать решения по вопросу Комиссии двенадцати, пока ее не заслушают [13]. Но «для того, чтобы создать единый центр», он предлагает упразднить эту Комиссию, с тем чтобы Комитет общественного спасения был облечен всеобщим доверием для розыска всех заговорщиков. Это означало растворить ответственность Жиронды, ловко подменив ее ответственностью Горы и Равнины, Дантона и Барера. В этот момент казалось, что только очень слабый нюанс отличает Дантона от Рабо-Сент-Этьенна. Неужто сближение, которое Дантон тщетно пытался осуществить, будет достигнуто под давлением грозящей опасности?

---

12. «Le Patriote français», № 1387, 1er juin 1793, p. 604. Жире-Дюпре (1769—1793) — помощник хранителя рукописей в Национальной библиотеке, редактор «Патриот франсэ»; казнен вместе с лидерами Жиронды.
13. «Moniteur», XVI, 529; «Archives parlementaires», LXV, 643.

Вооруженная секция Обсерватории, будучи допущена к барьеру, говорит угрожающим языком [14]. Она объявляет, что делегаты 48 секций открыли нити заговора против свободы, «что они арестуют его зачинщиков и предадут их мечу закона». Она говорила как хозяин положения, как если бы восстание уже одержало победу. Но где была та народная сила, которая должна была подкрепить эти речи? Она была на залитых солнцем улицах, но не предпринимала никаких единых массовых действий, словно залитый светом неподвижный пруд.

Гюаде ответил петиционерам со свойственной ему язвительной горячностью: «Заговор — это вы». А Кутон, чувствуя, что день проходит зря, ни к чему не приводит, выступил с разоблачением «дьявольской клики, вводящей в заблуждение часть Конвента». Но в какие осторожные выражения он все это облекал! Он отмежевывался от неистовых трибун и их запросов. Он говорил: «Я ни за Марата, ни за Бриссо», тоже предлагал Конвенту создать центр единения и равновесия, к которому смогут присоединиться и жирондисты, освободившись от уз сектантского духа. И в заключение он просто предложил, чтобы Конвент перешел к голосованию по вопросу упразднения Комиссии двенадцати [15].

Было около трех часов дня. Верньо решил, что наступил момент, когда можно констатировать, что Париж вовсе не восставал. Это была отчасти иллюзия, отчасти тактика. Уже Саль, галлюцинирующий Саль, видевший повсюду махинации и хитрости, заявил, в то время как Дантон выступал и призывал Конвент не слушать тех, кто хочет запугать его опасностями: «Мы отлично знаем, что все это только видимость, граждане кричат, сами не зная почему». Нет, конечно, весь этот великий народ поднялся не против жирондистов. Наоборот, соблюдая порядок и уважение к Конвенту, он отмежевывался от мятежников. Рассуждая таким образом, маневрируя, одновременно доверительно и хитро, Верньо приписал себе, своим идеям, делу, которое он отстаивал, все это широкое, но мирное движение Парижа, ожидавшего дальнейшего развития событий [16].

«— Граждане, — воскликнул он, как будто подтверждая слова Кутона, — вам только что сказали, что все добрые граждане должны объединиться. Конечно, когда я предложил членам Конвента поклясться в готовности умереть на своем посту, я, конечно, имел в виду призвать всех членов объединиться во имя спасения Республики. Я далек от мысли обвинять большинство или меньшинство жителей Парижа. *Сего дня достаточно, чтобы убедиться, как сильно Париж любит свободу. Достаточно пройти по улицам, увидеть царящий там порядок, циркулирующие по ним многочисленные патрули, чтобы декретировать, что Париж заслужил благодарность отечества.*

— Верно, верно, — раздаются возгласы со всех сторон зала.

— *Да, я предлагаю, чтобы вы декретировали, что секции заслужили благодарность отечества, поддерживая спокойствие в этот критический день, и что вы призываете их продлить этот надзор до тех пор, пока все заговоры не будут уничтожены*».

Предложение Верньо было принято под единодушные возгласы одобрения всего Собрания. Казалось, что Жиронда опять отвоевала право говорить от имени Парижа и что день, когда ей грозила гибель, станет для нее днем возрождения.

От имени Комитета общественного спасения Барер вносит компромиссный проект. Комиссия двенадцати будет упразднена, а вооруженные силы Парижа будут находиться в распоряжении Конвента [17]. Это означало одновременно сломать как орудие диктатуры, находившееся в руках Жиронды, так и орудие восстания, которым располагали Епископство и Коммуна. Это означало возвращение Конвенту полностью его суверенной власти и его блистательного первенства. Освободившись одновременно от жирондистской группировки и от опеки Коммуны, Конвент становился воплощением революционной и вооруженной нации. Если бы правая вся в целом оказалась достаточно разумной, чтобы сразу же присоединиться к этому предложению Комитета общественного спасения, она, быть может, могла бы обеспечить себе после кризиса значительную долю влияния. Но куда там! Ведь это означало бы отречься от духа исключительного господства, от духа групповщины. Ведь это означало бы ступеваться перед этим Комитетом общественного спасения, где временами, казалось, господствовал Дантон. И правая ропщет и сопротивляется, признавая, таким образом, что все ее похвалы Парижу не более как тактическая уловка и интрига. Ибо если Париж действительно поднялся для защиты свободы и закона, то кому нужна эта инквизиторская Комиссия, созданная якобы для того, чтобы обезоруживать и преследовать какие-то воображаемые или бессильные заговоры?

---

14. «Moniteur», XVI, 530; «Archives parlementaires», LXV, 645.
15. «Moniteur», XVI, 531; «Archives parlementaires», LXV, 648. «Слащавая речь» Кутона, пишет Мишле.
16. «Moniteur», XVI, 532; «Archives parlementaires», LXV, 649.
17. «Moniteur», XVI, 536; «Archives parlementaires», LXV, 652. Как пишет Мишле, «решительное предложение, которого никто не сделал и которое изменило бы положение вещей».

НА СЦЕНУ ВЫХОДЯТ ЛЮЛЬЕ И ДЕПАРТАМЕНТСКИЕ ВЛАСТИ

И вот, в то время как Конвент продолжает колебаться, в то время как вновь выявляется непримиримость жирондистов, происходит неожиданная развязка[18]. На сцене появляются департаментские власти, созвавшие утром в Якобинском клубе представителей всех установленных властей и делегатов секций. Могло показаться, что уже было поздно. Что делал с утра Люлье? По-видимому, его мысли и мысли революционеров-якобинцев, объединившихся вокруг него, прошли три стадии: сначала они были враждебны начинаниям Епископства, затем они присоединились к нему, когда пушечный сигнал тревоги возвестил, казалось, решительный момент восстания, и, наконец, Люлье решается сам возглавить движение, когда выясняется бессилие Епископства. Если я не ошибаюсь, постановление, сообщенное департаментом Коммуне уже некоторое время пополудни, носит следы двух последовательных обсуждений:

«Зачитывается постановление, принятое на заседании комиссаров, установленных властей департамента и 48 секций, собравшихся в зале Общества друзей свободы и равенства, заседающего у бывших монахов-якобинцев.

Это постановление от сего дня гласит, что будет избрана комиссия из одиннадцати членов[19], что эта комиссия будет уполномочена принимать все меры общественного спасения, которые она сочтет необходимыми, и непосредственно приводить их в исполнение; что муниципалитеты двух сельских дистриктов и революционные комитеты 48 секций будут обязаны выполнять принимаемые ею постановления и одобренные ею меры; что постановления этой комиссии будут приводиться в исполнение только тогда, когда они будут приняты абсолютным большинством голосов»[20].

Это, как я понимаю, первое постановление. Оно принято тогда, когда созванное в Якобинском клубе собрание организуется в качестве единственной регулярной силы Революции, когда оно подчеркнуто игнорирует решения Епископства и противопоставляет Комиссии одиннадцати, назначенной Епископством[21], свою Комиссию одиннадцати как единственно полномочную. Я обращаю внимание на то, что в то время, как Коммуна приняла объявленное Революционным комитетом смещение, постановление департамента не содержит никакого упоминания о подписанных Варле решениях о смещении и восстановлении в правах: департамент явно действует как самостоятельная власть.

Но затем, когда департамент узнает, что Коммуна и революционные секции неким образом слились в единую революционную власть, когда звук набата, плывущий от одной колокольни к другой, разбудил наконец и сигнальную пушку, Люлье присоединяется к движению:

«Этим же постановлением (и сама эта формулировка ясно показывает, что это добавление) Собрание объявляет, что оно одобряет и полностью присоединяется к линии поведения и мерам общественного спасения, принятым Генеральным советом и комиссарами парижских секций, и что та самая Комиссия, которую оно только что избрало, немедля передаст Генеральному совету Коммуны выражение его чувств единения и братства и сообщит о том, что она будет там заседать и сообща работать во имя общественного спасения и укрепления свободы и равенства»[22].

Но странно! Из этого движения Коммуны и Епископства ничего не выходит! Мэр мужественно принял революционный акт, преобразовавший Коммуну, но он не сделал никакого вывода, не дал никакого импульса. Епископство не смогло бросить против жирондистской группы, заседающей в Конвенте, гудящий рой секций, и этот рой кружится в чудесном воздухе, как бы наслаждаясь красотой яркого света и забыв о своем жале! День потерян, он будет днем победы для врага, если только Люлье, опираясь на ту законную силу, которую дают ему его полномочия, и используя революционную силу, которую сообщают ему окружающие его делегаты секций, не продолжит боя. Он отправляется в Конвент решительным, почти агрессивным шагом, и та часть народа, которая только и дожидалась проявления силы и решимости, присоединяется к нему, входит вслед за ним в зал заседаний.

Что делает Люлье? В горячей и ловкой речи он старается раздуть пламя гнева Парижа против Исnара и Жиронды и в то же время успокоить всех тех, кто мог опасаться, как бы насилия и суровые меры Коммуны и Горы не нанесли ущерба собственности, не убили прелесть и радость жизни. И он наносит Жиронде сильные, прямые удары[23]:

«Законодатели, слишком давно уже на город Париж и на его департамент клевещут перед лицом всего мира. Слишком давно

18. Мишле продолжает: «В то время как правая оспаривает сама себя, привередничает и заносится, не хочет победы, восстание вот-вот начнется; наконец собираются две черные тучи и готовы разразиться над Собранием». (M i c h e l e t. Histoire de la Révolution française, t. II, p. 525.)
19. В этот Комитет одиннадцати, созданный в 4 часа 31 мая в Якобинском клубе, вошли: Клеманс (секция Бон-Консей), Луа и Сегн (секция Бютт-де-Мулен), Дюнуи (секция Санкюлотов), Буэн (секция Рынков). Ложье (секция Гренельского фонтана), Маршан (секция Мон-Блан), Безо (кантон Исси), Русселен (секция Единства), Креспен (секция Гравилье), Оврэ (командир батальона секции Мон-Блан), Мёссар (секция Май).
20. «Moniteur», XVI, 527, непрерывное заседание Генерального совета Коммуны в пятницу, 31 мая, в час пополудни.
21. К первоначальному Комитету девяти, образованному в Епископстве (см. выше, с. 631, прим. 81), были прибавлены два члена: Клеманс (секция Бон-Консей) и Лебурсье (секция Единения).
22. «Moniteur», XVI, 528.
23. «Moniteur», XVI, 536; «Archives parlementaires», LXV, 653.

уже стараются самыми преступными, жестокими средствами посеять в Республике волнения и раздоры. Те же люди, что хотели погубить Париж в общественном мнении, являются зачинщиками избиений в Вандее. Это они лелеют и поддерживают надежды наших врагов. Это они унижают установленные власти, стараются сбить народ с толку, чтобы иметь право жаловаться на него. Это они разоблачают мнимые заговоры, чтобы иметь возможность плести подлинные заговоры. Это они предложили вам создать Комитет [Комиссию] двенадцати для подавления свободы народа. Наконец, это они путем преступного брожения, воинственных обращений поддерживают злобу и раздоры в вашей среде и лишают отечество величайшего из благодеяний, хорошей Конституции, за которую народ заплатил ценой стольких жертв.

Законодатели, эти люди ненавидят свободу народа, они хотят поработить его сами или предать его новому деспоту. (*Аплодисменты.*) Но чтобы добиться этого, они стараются расколоть народ, и, чтобы достигнуть этого предела злодеяний, они пытаются уничтожить Париж. Они отлично знают, что, разрушив это средоточие просвещения, центр связи, они бы уничтожили силу и единодушие Республики, а затем, пользуясь отсутствием связей, они легко могли бы разрушить один департамент с помощью другого и, таким образом, могли бы продать первому попавшемуся тирану окровавленные останки отечества.

Пора кончать эту борьбу патриотов с бесноватыми, которые их постоянно осаждают. Разум народа возмущен таким упорным сопротивлением. Пусть его враги трепещут, его величественный гнев готов излиться! Пусть трепещут! Мир содрогнется от его мести.

Законодатели, мы пришли сорвать маску с бесстыдства и разоблачить обман. Мы пришли от имени департамента, чтобы изложить вам его убеждения.

Мы пришли, чтобы объявить вам, что верный принципам, уважающий законы Парижский департамент поддержит достойных представителей народа ценою всей своей крови. (*Аплодисменты.*)

Мы объявляем вам, как и всему миру, что нас воодушевляет лишь инстинкт слияния в великом едином целом; что мы признаем деление на департаменты лишь в той мере, в какой это необходимо для нужд администрации; что Республика едина и неделима; что мы ненавидим всякого рода федерализм; что мы хотим только такую Конституцию, которая будет полностью народной, основанной на равенстве.

Мы объявляем: мы гордимся тем, что Париж, хотя сам по себе он ничто, является квинтэссенцией всех департаментов, слава его состоит в том, что он служит зеркалом общественного мнения и центром объединения свободных людей.

Мы объявляем, что после того, как мы сражались с деспотизмом и раздавили его в незабвенный день 10 августа, мы будем сражаться до последнего вздоха со всеми тиранами, которые захотели бы восстановить его, к какой бы разновидности они ни относились.

Таковы наши убеждения.

Теперь, законодатели, мы взываем к вашему правосудию, воздайте должное за жестокое оскорбление, нанесенное нации. Да, что я говорю, за оскорбление, за преступление против воли народа. Мы говорим вам о кощунственных словах, произнесенных Иснаром в священном храме законов. (*Аплодисменты.*) Иснар подстрекал к гражданской войне и уничтожению этого великого города.

Он обесчестил одновременно Париж предположением, будто этот город может когда-либо заслужить столь ужасную судьбу, он обесчестил департаменты, приписывая им жестокость своей души (*ропот некоторых депутатов, бурные аплодисменты на противоположных скамьях*) и думая, что, послушные его грязному голосу, со всех концов Республики двинутся колонны, чтобы уничтожить Париж.

Есть и другие, не менее жестокие люди, против которых мы требуем обвинительного декрета.

Среди врагов отечества особенно выделяются члены Комиссии двенадцати, *всякие Бриссо, Гюаде, Верньо, Жансонне, Бюзо, Барбару, Роланы, Лебрены, Клавьеры*, и все пособники роялизма, осужденные общественным мнением, из которых многие были разоблачены Парижской коммуной.

Законодатели, неужели проект разрушения Парижа уже вполне разработан? Неужели хотят разом погубить столько богатств, накопленных самым трудолюбивым промыслом и мастерством, и уничтожить искусства и науки, чтобы скорее привести наших граждан к анархии и рабству?

Нет, вы сохраните, вы защитите сами священное хранилище человеческих знаний. Вы вспомните, что Париж заслужил благодарность отечества. Вы вспомните, что он был колыбелью свободы и продолжает быть школой свободы, что он является средоточием Республики, что в любой момент он может выставить 100 тыс. бойцов для защиты отечества, что такова его воля. Вы вспомните, что он принес великие жертвы делу Революции и не сожалеет ни об одной из них; что он безропотно принесет и в дальнейшем все те жертвы, которых потребуют обстоятельства, и, наконец, что он воодушевлен самой искренней, самой братской любовью ко всем другим департаментам.

Вы отомстите за нас Иснару и Ролану и всем этим бесчестным людям, против которых столь решительно восстает общественное мнение.

Законодатели, дайте же этот великий пример, исполните волю этой великодушной нации, которая почтила вас своим уважением. Вы восстановите спокойствие, потушите огонь гражданской войны. И благодаря священному союзу всех граждан мы вскоре одержим

победу над этой ордой тиранов, которые нас осаждают. Тогда ваша Конституция двинется вперед быстрыми шагами. Вы составите счастье великодушного и благородного народа, который, сливая воедино, в бесконечных порывах своей верности, благодетеля и благодеяние, вознесет ваши обожаемые имена к высотам бессмертия. (*Бурные и продолжительные аплодисменты.*)» [24]

Люлье сослужил огромную службу Горе: он ей возвращал Париж. С утра казалось, что вялость движения, неуверенность секций, ловкий ход Верньо вернули столицу Жиронде. Но вот опять явился революционный Париж, предъявляя свои обвинения и обвинения отечества против Жиронды, негодуя разом по поводу нанесенного ему оскорбления и интриги, направленной против свободы. Не злоупотребил ли Люлье, действуя несколько тяжеловесно, разглагольствованиями Иснара? Вполне возможно, и жирондисты, конечно, не хотели погасить великолепный светоч гения Франции. Но революция была в разгаре, и она обращала против этих необузданных краснобаев, чье красноречие парализовало отечество, их неосторожные выпады.

Почему же Мишле говорит о Люлье с таким презреньем и гневом?

«Чтобы спасти науки и искусства, надо было, видите ли, обвинить Верньо, Иснара, жирондистов как поборников роялизма и пособников Вандеи!

Этот сапожник-законник в подкрепление своей желчной речи в защиту цивилизации указывал на толпящуюся вокруг него массу дикарей, вооруженных дубинами и пиками» [25].

Странное противоречие: Мишле сам разоблачает преступление Жиронды, «преступное увлечение спорами в течение трех месяцев перед лицом врага», он еле решается измерить взглядом глубину того бедственного состояния, «в каком она оставила страну», он обвиняет ее «в том, что она сама ничего не делала и ничего не давала делать другим», и в то же время Мишле так суров к тем, кто 31 мая сделал великое и мужественное усилие, чтобы освободить от Жиронды Революцию. И если Люлье был в окружении вооруженных секционеров, проникших с ним вместе в Конвент, то откуда эта неожиданная чувствительность, позволяющая ставить ему это в упрек?

Хотеть Революцию и отвергать средства Революции — это значит впасть в жирондистское бессилие как раз в тот момент, когда его разоблачаешь, это значит задушить всякую активность и поразить бессилием всякую волю. К тому же у «вооруженных пиками дикарей» было больше выдержки, чем это воображает Мишле: они не принуждали Конвент силой, не оскорбляли его. Они «по-братски смешались», как пишет «Монитёр», с депутатами левой Собрания [26]: они пошли, так сказать, заседать на Горе, среди

тех, кто сознавал грозящую родине опасность. Правая протестовала, заявляя, что Конвент, захваченный таким образом петиционерами, уже не свободен.

«Граждане, — воскликнул тогда Левассёр, обращаясь к монтаньярам [27], — положим конец этим воплям. Перейдем на ту сторону (*указывая на правую сторону*) во избежание всякой путаницы. Наши места останутся под охраной петиционеров». «Мое предложение, — рассказывает Левассёр [28], — было принято моими коллегами с каким-то энтузиазмом, оно тут же было приведено в исполнение, и мы сели на скамьи, которые до того были заняты жирондистами, под многократные возгласы петиционеров и трибун».

Между тем слово получил Робеспьер. Конвент был охвачен сильным волнением. Жирондисты, еще недавно считавшие, что победа у них в руках, предчувствовали, что она от них ускользает. Не суждено ли им рухнуть, как в тот вечер 27 мая, в этот бурлящий хаос, где смешались депутаты и петиционеры? Даже движение, увлекшее монтаньяров на скамьи Жиронды, встревожило последнюю. Это было похоже на горный поток, затопивший Равнину. Верньо предпринял еще одну, почти отчаянную, попытку. Он попытался апеллировать из наполовину захваченного Конвента к самому народу, к этому великому народу, благодушно выжидавшему, спокойно заполнив улицы и площади.

«Давайте выйдем отсюда, — воскликнул он, — и поставим себя под защиту вооруженной силы» [29].

Это было продолжение той тактики, которая незадолго перед тем побудила его провозгласить, что секции заслужили благодарность отечества, — тактики или иллюзии. Это означало искать убежища в лоне Парижа от тех, кто претендовал на право говорить от его имени. Это означало восстановить давно прерванную связь между Жирондой и народом. Только несколько депутатов последовало за ним. Гора с демонстративным презрением игнорировала этот маневр: она осталась с Конвентом. В случае необходимости, если неустойчивые элементы уйдут, как бы увлеченные

24. В отчете, помещенном в «Moniteur» (XVI, 537), прибавляется: «Депутация, сопровождаемая толпой граждан, входит в зал заседания, встреченная аплодисментами Собрания и трибун. Эти граждане братски смешиваются с депутатами левой».
25. Michelet. Op. cit., t. II, p. 526.
26. См. выше, прим. 24. Мишле уточняет: «Все-таки кажется, что это было не столько враждебное действие, сколько своего рода варварское благодушие: они заполнили не места правых, но скамьи той стороны, которую они любили, Горы; они ринулись туда, чтобы *побрататься*».
27. «Moniteur», XVI, 537; «Archives parlementaires», LXV, 654.
28. Levasseur. Mémoires, t. I, p. 235.
29. «Moniteur», XVI, 537; «Archives parlementaires», LXV, 655.

течением, она одна останется, она будет Конвентом, в одно и то же время его гранитной опорой и вершиной. Что касается Жиронды, то демарш Верньо не столько увлек ее, сколько удивил. В душе она сознавала, что не знает, что ей говорить народу, что она потеряла привычку откровенно говорить с ним. И может ли отважная импровизация благородного оратора, пытающегося превратить в реальный шаг чисто риторический прием, восполнить нарушенное доверие? Если бы Верньо был хорошо принят вооруженной силой секций, что бы он стал делать? Вернулся бы с ней в Конвент, чтобы прогнать петиционеров, смешавшихся с Горой? Это был бы государственный переворот, задуманный Лафайетом и Дюмурье. Все это смутно промелькнуло в сознании жирондистов, и они не двинулись с места. Да и что они могли сделать, будучи окружены своими коллегами — монтаньярами, перебравшимися теперь на правую сторону и смешавшимися с ними, как могли они резко вырваться и пойти за Верньо? Возможно также, их души охватил смутный страх. Уйти значило обратить на себя внимание. Шабо уже предложил произвести поименную перекличку, чтобы составить список отсутствующих [30]. Да и сам Верньо, когда он заставил всех депутатов поклясться, что они умрут на своем посту, разве тем самым он не дал заранее героический предлог для бездеятельной осторожности тем, кто ныне не хотел следовать за ним?

ЗАКЛЮЧЕНИЯ РОБЕСПЬЕРА

Выступая перед Собранием, взволнованным, но оставшимся на месте почти в полном составе, Робеспьер принял к сведению предложения Люлье и со своей стороны заявил, что надлежит довести дело до конца. Упразднения Комиссии двенадцати недостаточно: надо ударить по заговорщикам. Компромиссное предложение, выдвинутое Комитетом общественного спасения, которое уничтожает Комиссию двенадцати, но, передавая в распоряжение Конвента вооруженную силу, обрекает на бессилие установленные власти и революционные силы Парижа, неприемлемо. Под личиною фальшивого беспристрастия хотят одновременно разоружить тех, кто предает Революцию, и тех, кто ее спасает.

Робеспьер, таким образом, шел гораздо дальше Дантона, который, несомненно, не был чужд той комбинации равновесия, которую Барер предложил от имени Комитета.

«Граждане, не будем тратить такой день на пустые вопли и мелкие мероприятия. Этот день, быть может, последний день борьбы патриотизма против тирании. Пусть верные представители народа объединятся, чтобы обеспечить его счастье» [31].

В этот момент вернулся Верньо, одинокий, подавленный после попытки апелляции к народу, которую он не смог даже начать

и которая из-за отсутствия поддержки даже его друзей становилась почти смешной. Робеспьер, торжествуя по поводу этого краха, презрительно сказал: «Я не стану занимать Собрание рассказом о бегстве и возвращении тех, кто дезертировал с этих заседаний».

Это был удар ножом в сердце побежденного.

«Я уже сказал вам, что нельзя спасти отечество посредством каких-то незначительных мероприятий. Наш Комитет общественного спасения выдвинул пред вами ряд предложений. Одно из них я одобряю, это предложение об упразднении Комиссии двенадцати. Но неужели вы думаете, что этого решения достаточно, чтобы дать удовлетворение встревоженным друзьям отечества? Нет, и после упразднения Комиссии двенадцати цепь предательств не оборвалась, ибо уже на следующий день осмелились отменить спасительный декрет об ее упразднении, и патриоты опять оказались под гнетом. Упраздните же эту комиссию. Но примите также энергичные меры против тех, кто вошел в ее состав. На этот счет те петиционеры, которых вы только что слушали, дали вам указание пути, по которому вам надлежит следовать.

Что касается предложения о передаче в распоряжение Собрания вооруженной силы, то, отдавая должное патриотическим мотивам, продиктовавшим это предложение Комитета общественного спасения, я должен выступить против него. В самом деле, что это за вооруженная сила, которую хотят передать в распоряжение Конвента? Это граждане, вооруженные для защиты своей свободы против злодеев, которые ее предают, *а такие есть в Собрании. Кто участвует в обсуждениях Конвента? Разве нет там личностей, разоблаченных парижским народом? Мы знаем слишком много случаев, когда такие люди давали направление прениям. Да разве еще сегодня я не слышал, как здесь было выдвинуто предложение о преследовании виновников только что вспыхнувшего восстания? Стало быть, здесь есть люди, которые хотели бы карать за это восстание? Но в таком случае было бы нелепо передать в их руки вооруженную силу.* Но разве вы обязаны принимать только меры, предложенные вам Конвентом? Разве петиционеры не предложили вам мер, способных спасти государственные интересы? Разве те предложения, против которых я возражаю, могут предотвратить акты предательства, направленные против армии? Нет. Необходимо очистить армию от предателей. Необходимо...»

«Давайте же ваше заключение», — кричит Верньо, крайне раздраженный и, вероятно, с нетерпением ожидающий возможности подняться на трибуну и попытаться, в блеске ораторского триум-

30. «Moniteur», XVI, 537; «Archives parlementaires», LXV, 655.

31. «Moniteur», XVI, 537; «Archives parlementaires», LXV, 655. [См.: М. Робеспьер. Избранные произведения. М., 1965, т. II, с. 358—359.— *Прим. ред.*]

фа, взять реванш за унизительный провал, который его удручал.

«Да, я сейчас дам свое заключение *против вас*. Против вас, пытавшихся после революции 10 августа погнать на эшафот тех, кто ее совершили. Против вас, непрестанно провоцировавших разрушение Парижа. Против вас, пытавшихся спасти тирана. Против вас, замышлявших заговор с Дюмурье. Против вас, яростно преследовавших патриотов, головы которых требовал Дюмурье. Против вас, чьи преступные акты мести вызывали крики негодования, которые вы хотите вменить в преступление вашим же жертвам. Итак, я заключаю предложением обвинительного декрета против всех сообщников Дюмурье и всех тех, на кого указывают петиционеры» [32].

Верньо, который после первых слов Робеспьера требовал слова, теперь молчал. Все еще под впечатлением испытанного им унижения от неудачной попытки, он, быть может, лишился того вдохновения, которое предполагает известную уверенность в себе. Или, быть может, он не надеялся найти столь же сильные слова, как те отточенные и острые слова, которыми Робеспьер закончил свое выступление? Или он устал в конце этого бурного и изнурительного дня? А быть может, сдержанность, которую проявил Конвент в отношении последних ясных и резких предложений Робеспьера, послужила Верньо предупреждением, что лучше не углублять спора.

Конвент, очевидно, не хотел ни защищать Жиронду, ни выдавать ее, и компромиссное предложение Комитета общественного спасения устраивало большинство людей. Предложенный Барером декрет был одобрен значительным большинством, и было решено немедленно опубликовать его в Париже. По предложению Лакруа Конвент одобрил постановление о выплате ежедневного пособия в размере 40 су рабочим, которые останутся под ружьем до восстановления общественного спокойствия. Конвент решил также, что трибуны Конвента будут оставаться открытыми для публики без билетов [33]. Эти дантонистские решения давали нерешительному по видимости ходу событий этого дня уклон влево.

В то время как заседание подходило к концу, в зал проникла большая толпа народа, внеся с собою атмосферу ликования, сердечности, братства [34]. Что же случилось? Днем по Парижу и особенно в предместьях распространился слух, что в буржуазной секции Бютт-де-Мулен стали носить белую кокарду и что, укрывшись в Пале-Эгалите (бывшем Пале-Руаяль), эта секция готовилась производить оттуда вылазки, нападая на патриотов. Был ли это ход Коммуны или Епископства с целью вызвать возбуждение умов и ускорить повстанческое движение, которое заставляло себя

ждать? «Кроник де Пари» пишет, что слух этот распространяли «злонамеренные люди», «испорченные» [35]. «Подневная запись» рассказывает более подробно, что «негодяи, опоясанные муниципальными шарфами, носились по предместьям и призывали их жителей выступить против секций Бютт-де-Мулен, Май и 92-го года, утверждая, что они взяли себе за эмблему белую кокарду» [36]. Это мог быть также один из тех слухов, которые стихийно возникают в грозовые дни. Однако конфликта, который вот уже более месяца крайне обострил отношения между жирондистскими и монтаньярскими секциями, вполне достаточно, чтобы объяснить появление этих слухов. Когда временный командующий национальной гвардией направил батальонам секции Бютт-де-Мулен приказ сложить оружие, они решили, что их хотят разоружить, чтобы истребить без затруднений. Таким образом, с обеих сторон недоразумение приобретало все более серьезный характер. Дело чуть было не приняло трагический оборот.

Спльная колонна из Сент-Антуанского предместья прибыла, чтобы освободить Пале-Эгалите, ставший, как предполагалось, крепостью контрреволюции. Однако с обеих сторон закрытой решетки нашлось несколько разумных людей, сообразивших, что стоит, пожалуй, вступить в переговоры. Выбрали делегатов, объяснились друг с другом. Нет, в Бютт-де-Мулен вовсе не носят белой кокарды. Нет, Сент-Антуанское предместье не хочет истреблять патриотов, своих братьев. Затем последовали объятия и клятвы бороться насмерть (так уверяет «Кроник де Пари») «*с аристократами и анархистами*». Это была жирондистская формула золотой середины. Но я думаю, что в порыве братских чувств, пришедшем внезапно на смену тревожному ожиданию гражданской войны, люди не замечали таких деталей.

Все эти примирившиеся батальоны, смешавшись друг с другом, вместе повалили к Конвенту. И в тот самый момент, когда Собрание, уставшее, не уверенное относительно исхода прожитого дня и совершенных им дел, готово было разойтись, в зал влилась эта теплая волна братства. Верность отечеству! Братство! Согласие! Эта толпа увлекает членов Конвента, со всех сторон несутся возгласы: «Да здравствует Конвент!», которые, казалось, игнорировали или отменяли всякие распри [37].

---

32. «Moniteur», XVI, 537; «Archives parlementaires», LXV, 655; M. Robespierre. Oeuvres, t. IX, Discours, p. 540.
33. «Moniteur», XVI, 538; «Archives parlementaires», LXV, 656.
34. «Толпа граждан в одно мгновение заняла все места у барьера. Они ликовали». («Moniteur», XVI, 538.)
35. «Chronique de Paris», № 153, 2 juin 1793, p. 4.
36. Beaulieu. Les Souvenirs de l'histoire, ou le Diurnal de la Révolution française, t. I, p. 214. Об этом издании см. выше, с. 639, прим. 95.
37. По предложению Базира заседание Конвента закончилось гражданским шествием. «Конвент в

Было десять часов вечера. Звезды тускло озаряли эту путаную сцену. А ночь добавляла свою двусмысленную безмятежность, исполненную неизвестности, к двусмысленному примирению людей. Освободившись от этих странных объятий, бойцы направлялись либо в свой клуб, либо домой, либо в таинственное убежище, куда они несли свои тревоги, и тихо обсуждали итоги этого неопределенного дня, измеряя глубину ран, на которые толпа на какой-то момент пролила некий обманчивый бальзам мира и забвенья.

СООБЩЕНИЯ ГАЗЕТ

Презренный Прюдом, мастер прикрывать фальшивой сентиментальностью торгашеские комбинации или расчеты, продиктованные страхом, дает своей газете приказ изображать все события этого дня в идиллических красках. Если бы дело зависело от него, то день 31 мая фигурировал бы не в календаре революций, а в кроткой серии весенних праздников: разве случайно не в этот день славили прелести Флоры? И как таяло сердце Парижа от простодушной доброты в этом умилительном сиянии весны! [38]

«Какой урок семистам законодателям, которые вечно в раздорах, явили то согласие, то братство, которые царили среди трехсот тысяч граждан! И образ действий в течение всего этого дня был самым гордым, но и самым спокойным, самым разумным! Потребовали праздника федерации. Но можно ли представить себе более совершенный праздник федерации? К тому же этот праздник не был задуман заранее, его не выклянчили. Все патриоты встали разом и, казалось, говорили клеветникам: „А ну-ка, гнусная порода, пиши департаментам, иди рассказывай им, что Париж — город, где убивают и грабят, иди повторяй им, что национальное представительство каждый день подвергается опасности в этом городе и что *рано или поздно мы все будем залиты кровью законодателей* Республики“».

О слащавый Прюдом, святоша Прюдом, папаша Прюдом, прочти же, прежде чем говорить о «гнусной породе клеветников». свою собственную коварную статью против революционных комитетов, свою начиненную ядом статью.

Цветистая идиллия развертывается далее:

«Ах, как жаль, что все департаменты не могли быть свидетелями *торжества* 31 мая! Ибо это был своего рода национальный праздник. Как жаль, что они не могут видеть народ Парижа в массе, они бы знали, что если он чувствителен к оскорблениям, то он и велик, великодушен! Он умеет смирять свой гнев ради утверждения своих прав и ради спасения отечества. Предоставьте его самому себе, и он будет вести себя достойно и заставит уважать тот драгоценный залог, который вверен его защите.

События 31 мая — это поистине его дело, и своим общим возвышенным характером это зрелище не обязано ни Конвенту, ни установленным властям. Для сохранения порядка не потребовалось ни декретов, ни постановлений. Все это не прошло бы так хорошо, если бы Конвент и другие власти не ограничились ролью зрителей этого движения, которое возымеет свое действие. Если оно заставит клевету замолчать, то одного этого будет уже много».

Колокольный набат, гром пушки, подающей сигнал тревоги, — все это было, стало быть, лишь аккомпанементом празднества? Но за этим притворным благодушием скрывается коварство. Прюдом хочет утопить революционеров в океане безмятежности.

«Говорят, что события 31 мая подготовлялись с совершенно другой целью. Говорят об анархистах, о мятежниках. Но этот день показал им, что прошло время их господства. Ныне граждане Парижа слишком сознательны, чтобы согласиться взаимно истреблять друг друга в угоду той или другой группе. Гражданская война становится с каждым днем все более невозможной».

«Кроник де Пари» дает умиротворяющее описание [39]:

«Погода была великолепная, и, поскольку к полудню не произошло никакого мрачного события, каждый прогуливался в отличном настроении, женщины сидели спокойно у дверей своих домов, *чтобы видеть, как проходит восстание*. Не было учинено никаких беспорядков, если не считать одной задницы, которую отстегали на трибунах Конвента».

Бедная Теруань! Как легко говорят о постигшем ее унижении [40]!

«...К вечеру все секции спокойно разошлись. Париж был иллюминирован, но очень спокоен: вчера [т. е. 1 июня] все мастерские возобновили работу, и ничто не предвещает, что спокойствие будет нарушено».

«Патриот франсэ» *начинает в тоне напускного оптимизма*, сквозь который вскоре уже проглядывает тревога [41]: «Издан декрет о том, что все секции Парижа заслужили благодарность отечества. Действительно, в течение всего дня они были постоянно в сборе при оружии, и своим пылом, своей неустанной бдительностью они предотвратили великие бедствия. *Они находились в*

полном составе покинул зал заседаний; все его члены, с председателем во главе, могли присутствовать при факельном шествии, на празднике, устроенном Коммуной, велевшей иллюминировать весь город...» («Moniteur», XVI, 538, n. 1.)

38. «Révolutions de Paris», № 203, 25 mai — 1er juin 1793, p. 409,
39. «Chronique de Paris», № 153. 2 juin 1793, p. 3.
40. Теруань де Мерикур (1762—1817) отстегали на трибунах как «бриссотинку».
41. «Le Patriote français», № 1386, 1er juin 1793, p. 602.

состоянии восстания против мятежа. Кто-то настроил секции Сент-Антуанского предместья против секций Бютт-де-Мулен, 92-го года, Май и др. Первым сказали, что последние перешли на сторону контрреволюции. Но когда они объяснились друг с другом, все прояснилось, они расцеловались, и любителям гражданской войны остались лишь позор и бешенство».

Так говорится в номере от 1 июня, но, начиная со следующего номера, мы находим более сумрачное суждение о событиях 31 мая. «Патриот франсэ» показывает нам Конвент, подавленный Коммуной и Парижским департаментом, «этой ничтожной администрацией, существование которой проявляется лишь в судорожных движениях...». А изданные декреты он приемлет лишь с оговорками.

«Декреты быстро следовали один за другим. Уже не могло и не должно было быть никакого сопротивления. Однако мы отнюдь не порицаем всех принятых постановлений, но хорошие решения теряются в массе дурных» [42].

В глубине души жирондисты отдавали себе отчет в том, что этот день был для них плохим. Как-никак, они зависели от милости восставших. Они даже не осмелились предложить (если не считать речи Гюаде, которая не содержала никаких выводов и осталась без последствий), чтобы к барьеру Конвента вызвали тех, кто распорядился бить в набат и дать выстрел из сигнальной пушки. Изданные декреты не ограничивались упразднением Комиссии двенадцати. Комитету общественного спасения было поручено произвести опись всех бумаг комиссии и представить доклад о них в трехдневный срок [43]. Таким образом, уже тогда комиссия была поставлена в положение виновного или по меньшей мере подозрительного учреждения. Да и кто знает, не собираются ли революционеры Епископства и наиболее пылкие секционеры, слабо сдерживаемые Коммуной — в значительной мере их сообщницей — и уверенные отныне в безнаказанности, возобновить свою попытку и пойти еще дальше?

Жирондисты до такой степени сознавали грозящую им опасность, что даже наиболее храбрые из них не ночевали в эту ночь дома. Петион, обладавший замечательным хладнокровием, но не закрывавший глаза на очевидную опасность, с грустью рассказывает:

«Выйдя из Собрания, я заметил, что угрожающие группы [через которые он проходил утром] не только не отказались от своих замыслов, но проявляли величайшую активность в своем стремлении следовать им и далее. Я отправился на ночлег в меблированные компаты на улице Жан Жака Руссо. Хозяин, честный патриот и капитан национальной гвардии, подвергался преследованиям со стороны маратистов. Ему как раз предстоял допрос, и его жена очень боялась, как бы его не арестовали» [44].

РАЗОЧАРОВАНИЕ БЕШЕНЫХ. ИХ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА КОММУНУ

Наиболее горячие революционеры Епископства и Коммуны были исполнены одновременно разочарования и пыла. Нет, конечно, решающий удар не был нанесен, но надо начать все сначала и на этот раз не слушать советов робких людей. На заседании Коммуны, еще до закрытия заседания Конвента, когда стало выясняться, что движение только еле-еле близится к завершению, раздаются нарекания. Почему муниципалитет действует так неуверенно и так слабо?

«Один гражданин поднимается на трибуну и предлагает принять самые срочные и самые надежные меры и не тратить время на длинные речи [это относилось к Шометту], ибо все время должно быть употреблено на действия. Прокурор Коммуны, похвалив рвение и патриотизм оратора, замечает, что величие принимаемых мер должно сочетаться с осторожностью, что аристократы были бы очень рады увидеть, что граждане Парижа идут не в том направлении, куда следует, беспорядочно мечутся, не зная, куда они идут и к чему стремятся.

Предыдущий оратор настаивает на тех мерах, которые он предложил, *обвиняет прокурора Коммуны в слабости и предлагает себя в качестве председателя Совета и руководителя революционных действий*» [45].

Как ни расценивать эту дерзость неизвестного оратора, была ли то дерзость жажды борьбы или дерзость тщеславия, ясно одно: революционная репутация официальных руководителей Коммуны должна была сильно пострадать от почти установленного неуспеха истекшего дня, чтобы подобное предложение могло быть выдвинуто.

«Заместитель прокурора Коммуны [вероятно, Эбер] берет слово и, выступая в том же духе, что и гражданин Шометт, призывает граждан отправиться в свои секции и *рассказать там чистосердечно о причинах того, почему этот великий день прошел неудачно. Он обвиняет в несдержанности, в чрезмерной стремительности лиц, наметивших план этого дня. Он думает, что можно будет выполнить завтра то, что предполагали выполнить сегодня*» [46].

Коммуна, на которую довольно сильно нападали, старалась оправдаться. Она обвиняла Епископство в том, что оно действовало с чрезмерной поспешностью, т. е. прибегло к набату и дало

42. «Le Patriote français». № 1387, 2 juin 1793, p. 608.
43. «Moniteur», XVI, 524.
44. Mémoires inédits de Pétion, p. 109.
45. «Moniteur», XVI, 533; A. Schmidt. Tableaux..., t. I, p. 370.
46. «Moniteur», XVI, 533.

пушечным выстрелом сигнал тревоги, не обеспечив еще широкий отклик со стороны секций. Вместе с тем Эбер принимал определенные обязательства, от своего имени и от имени Коммуны, на завтрашний день. «Нет, сейчас же», — кричат нетерпеливые, не понимая, что вернуть ход событий этого уходящего дня к наивысшей точке революционного подъема так же невозможно, как невозможно вернуть к зениту заходящее солнце.

«Один гражданин, которому эти меры представляются малодушными, выказывает готовность встать во главе батальона Парижа и направиться к Конвенту».

Необузданность этого плана вызывает возмущение Коммуны [47]:

«Генеральный совет выражает свое негодование, свой ужас по поводу подобного предложения. Выступившего с ним гражданина просят подойти в бюро и сказать там свое имя, звание и профессию. Он отвечает на различные заданные ему вопросы и просит выслушать его предложение до конца. Он заверяет, что его единственное намерение — добиться ареста подозрительных членов Конвента, с тем чтобы передать их соответствующим департаментам для суда над ними. Совет, приписав речь предыдущего оратора невежеству и недостатку опыта, полагает, что не следует давать никакого хода этому делу».

А какой, собственно, ход мог бы он ему дать? И как мог бы он покарать человека, который лишь уточнил подлинную цель восстания?

«В связи с этим эпизодом слово берет мэр. Он заявляет, что народ Парижа умеет отличить своих подлинных друзей от бесноватых, от глупцов, старающихся ввести его в заблуждение, толкнуть его на неверные шаги. Он особенно подчеркивает, что меры, только что предложенные предыдущим оратором, навсегда оторвали бы Париж от департаментов и привели бы к гражданской войне».

Какую, собственно, игру вела Коммуна? И откуда такая внезапная строгость к плану, который сам мэр от имени секций представлял в апреле Конвенту? Считала ли она, что в данный момент партия проиграна, и полагала благоразумным хранить молчание? Или же она предпочитала, в том случае если народ отправится в Конвент и добьется ареста уже разоблаченных жирондистов, чтобы это движение было стихийным и исходило прямо от народа? Однако свежий опыт показал, что без мощного импульса и без централизованного уверенного руководства народ не выступит и Революция, подобно скрипучей и плохо пригнанной телеге, застрянет в рытвине.

Но чем больше Совет Коммуны уклоняется, тем больше сторонники действий нажимают на него. Напрасно пытается он успокоить их, принимая одну за другой неопределенные революционные меры, рассчитанные на то, чтобы выиграть время, но не отвечающие неотложным потребностям переживаемого кризиса.

Какое значение имеет его постановление, что завтра «в течение дня все подозрительные граждане будут обезоружены, а их оружие будет передано патриотам, у которых его нет», если этим патриотам не разрешают пользоваться им, если они не могут, даже угрозами, вырвать у Конвента решение о предании суду предателей? Какое значение имеет решение Совета, что «принудительный заем будет размещен в соответствии с порядком, ранее указанным Коммуной; что средства, полученные от этого займа, будут употреблены для оказания помощи вдовам, отцам, матерям, женам и детям граждан-солдат, которые служат отечеству в наших армиях, на изготовление оружия и на оплату граждан, состоящих в платной революционной гвардии Парижа» [48]?

Да, что толку во всем этом? Это филантропическая ложь, имеющая целью оттянуть время, уклониться от неотложного революционного долга. Коммуна, суетясь попусту, никого не может ввести в заблуждение и теряет авторитет. Именно этот момент и выбрал Жак Ру, чтобы вновь выступить с проектом нового обращения к Конвенту. Это было, вне всякого сомнения, социально-политическое обращение, в котором вновь был поставлен вопрос о праве на жизнь [49].

Упрямый священник, конечно, злорадствовал, глядя на унижение бессильной Коммуны, на ее затруднительное положение; с горделивой и жестокой радостью повторял он свои прежние лозунги перед вчерашним противником, ныне ослабленным и униженным, словно читал у одра умирающего горестные молитвы, исполненные мысли о смерти. И штурм официальной Коммуны продолжался с удвоенной силой.

«Молодой гражданин поднимается на трибуну и предлагает принять самые жестокие меры. Совет предлагает этому неблагоразумному молодому человеку уйти. Он продолжает говорить. Но наконец, уступая замечаниям бывшего председателя Добсана и видя явное негодование Совета, он покидает трибуну» [50].

Между тем приходят делегаты от соседних коммун, Берси, Севр, Дранси, Бурже, и обещают присоединиться к движению Парижа. К какому, если Париж пребывает во сне? Поэтому вновь выдвигают решительные предложения. «Один член требует, чтобы члены Конвента, разоблаченные перед общественным мнением,

47. «Moniteur», XVI, 534.
48. «Moniteur», XVI, 534.
49. В отчете, помещенном в «Moniteur» (XVI, 534), сказано только: «Жак Ру огласил новое обращение к Конвенту». Согласно «Moniteur» (XVI, 538, вечернее заседание Конвента 31 мая 1793 г.): «У барьера появляется депутация, она требует управы на эгоистов монополистов и таксации цен на продукты первой необходимости по всей Республике». Вне всякого сомнения, речь идет о петиции Жака Ру, текст которой не был найден. См.: W. Markov. Jacques Roux, Scripta et acta, p. 463, 465, n. 6.
50. «Moniteur», XVI, 534.

были арестованы». Если это не было целью прошедшего дня, то какой в нем был смысл? И сможет ли Совет Коммуны отвергнуть то, что только что от имени всех установленных властей Парижа и департамента предлагал Люлье, что предлагал также Робеспьер? Но Шометт растерялся.

«Прокурор Коммуны восстает с негодованием против этого предложения, выдвигаемого в третий раз. Он заявляет, что если кто-либо осмелится еще раз повторить его, то он разоблачит его перед тем самым народом, который аплодирует, не сознавая, что аплодирует своей погибели».

Что же, Коммуна хочет броситься между Революцией и Жирондой? Будет ли она защищать последнюю? Был момент, когда можно было это предполагать, до такой степени она, казалось, согнулась под тяжестью этого дня, безрезультатность которого производила гнетущее действие.

«Один член [Совета] предлагает вывесить на двери зала заседаний объявление, содержащее формальное осуждение всяких предложений, имеющих целью нарушение неприкосновенности национального представительства».

Таким образом пресловутые двадцать два члена Конвента оказались бы под официальной защитой Коммуны. Однако возможность такого соскальзывания испугала ее, и она уклонилась от решающего постановления:

«Высказывается мнение, что такое осуждение — в сердце каждого, что граждане и установленные власти Парижа слишком глубоко проникнуты сознанием своего долга, чтобы нуждаться в особом предупреждении» [51].

Для Коммуны это отнюдь не час славы: все ее поведение отмечено непоследовательностью, фальшивым возбуждением, неизменным бессилием и лицемерием. Но кто не чувствует, что события захлестнут ее и поднимут?

Маневр Верньо, приветствовавшего секции, сначала застал всех врасплох: комиссары Коммуны, уполномоченные поддерживать связь с Национальным Конвентом, писали днем Совету: «Это сделано по предложению Верньо, *что, пожалуй, вас удивит*». И кто знает, не способствовал ли этот маневр в какой-то степени этой разрядке, этому колебанию Генерального совета Коммуны? Но, поразмыслив, активные революционеры поняли, какую пользу они могут из этого извлечь. Восхваление секций, народной силы — это было по существу, хотя и в несколько подозрительной форме, капитуляцией Жиронды. Стало быть, враг испугался — надо теснить его до конца. Левассёр, впечатления которого всегда очень ясные, уверяет, что для Горы это был триумф. «Болото покидало Жиронду, или, вернее, жирондисты сами себя покидали. Ибо перед лицом вооружившихся против них батальонов, при звуках набата, пушечного сигнала тревоги и барабанов, бьющих общий сбор, Верньо предложил объявить, что секции Парижа заслужили благодарность отечества. Разумеется, это его не поддающееся объяснению предложение было с радостью принято нашей стороной. Коммуна тоже ликовала. Одного этого факта было достаточно, чтобы убедить ее в том, что у ее противников нет ни воли, ни смелости, чтобы вести борьбу» [52].

ЗАСЕДАНИЕ В ЯКОБИНСКОМ КЛУБЕ

Вечером в Якобинском клубе [53] истекший день получил оценку более четкую и более решительную, чем в Коммуне. Депутаты, пришедшие в клуб сразу после заседания в Конвенте, видели баталию, находясь в самом ее центре: они обозревали горизонт с более высокой точки, нежели Коммуна, которая весь день оставалась как бы в складке местности, бездействуя и выжидая новостей. Впрочем, якобинцы тоже не пришли к определенным выводам. Они разобрались в том, что было коварного и опасного в маневре Верньо: это был призыв к народу, широкому и аморфному, все еще обремененному всякими рабскими инстинктами и консервативными предрассудками, призыв против революционных комитетов, против действующих и решительных групп. Вспомним, что Гюаде уже выражал свою уверенность в председателях секций. Буассель указал на эту опасность [54]:

«Секциям надлежит конституироваться в народные общества: они не должны вмешиваться в государственные дела, иначе они сделают совершенно бесполезными все те революционные меры, которые будут декретированы народными представителями. Нельзя допустить, чтобы осуществлению этих мер мешали враги общественного блага. Словом, секции должны только надзирать и заниматься исключительно обезоруживанием подозрительных лиц».

Что это означает? Это значит, что самые пылкие монтаньяры опасаются контрреволюционного вмешательства народа, еще недостаточно просвещенного. Если секции останутся, или станут, суверенными, они смогут сорвать или ослабить движение. Разве сообщения из Марселя («Журналь де ла Монтань» от 1 июня) [55] не говорят о том, что там «воспользовались отсутствием наших бравых санкюлотов, отправившихся защищать ценой своей жизни Республику от ее врагов, чтобы установить систему, направленную к их угнетению», и что «все богатые, все крупные капита-

51. «Moniteur», XVI, 534.
52. Levasseur. Mémoires, t. I, p. 235.
53. A. Aulard. La Société des Jacobins, t. V, p. 215, заседание 31 мая 1793 г. под председательством Бурдона из Уазы.
54. О Буасселе см. выше, с. 609 прим. 24.
55. «Journal de la Montagne», официальный орган якобинцев; первый номер вышел 1 июня 1793 г. См. ниже, прим. 66.

листы, слишком трусливые, чтобы взяться за оружие и даже открыто выступать против санкюлотов, овладели секциями и нагло господствуют там»? Разве не известно, что в «этих *фальшивых секциях*, где голос народа задушен, изрыгают всяческие мерзости против Горы, против парижских якобинцев, против всех обществ, которые следуют принципам чистого республиканизма» [56]?

Так же и в Париже «фальшивые секции», подкупленные аристократами, могли стать опасными: они могли откликнуться, если не принять мер, на коварный призыв Жиронды. Скрытый смысл революционных выводов Буасселя состоит в том, что надо рассчитывать не столько на рассеянную и ненадежную силу народа, сколько на комитеты действия, сильные и связанные друг с другом. По существу, он объявляет о банкротстве легкомысленной и беспомощной тактики 31 мая и предлагает для следующего дня тактику более продуманную и более эффективную.

В этом же духе выступает и другой гражданин:

«Гражданин Миттие сказал вам, что страх побудил Верньо сделать хорошее дело. *Что до меня, то я рассматриваю это как выражение благодарности аристократам за то, что они помешали патриотам придать их восстанию тот характер, который оно должно было иметь*» [57].

Каких четких и энергичных действий можно ожидать от народа, еще пребывающего во власти всех суеверий прошлого, если его не организовать и не увлечь? Некий военный с негодованием говорит об отношении Парижа к празднику тела господня. Накануне, 30 мая, в своем полицейском донесении Дютар писал Гара [58]:

«На улице Сен-Мартен, около улицы Сен-Мерри, я слышу барабан и вижу хоругвь. Здесь уже все знали, что из церкви Сен-Лё скоро выйдет крестный ход. Забегаю вперед. Все было скромно. Шли человек двенадцать священников, во главе с почтенным старцем, благочинным, который нес святые дары под балдахином. Этому кортежу предшествовал представительный швейцар. Спереди и сзади шла вооруженная сила, человек двенадцать добровольцев. Довольно многочисленная толпа простого народа благоговейно следовала за кортежем. Вдоль улицы все опустились на колени; я не видел ни одного мужчины, который бы не снял шляпы. Когда они проходили перед кордегардией секции Бон-Консей, все национальные гвардейцы взяли на караул.

Чуточку позже я был у одного торговца, в самом центре Рынка. Барабанщики, предшествовавшие и следовавшие за кортежем, возвестили приближение процессии. О, каково же было смятение всех наших дам Рынка! Они мгновенно договорились между собой насчет того, чем устлать дорогу до того, как подойдет процессия. Каждая охотно несла кто простыню, кто свой фартук. Часть заранее встала на колени, и наконец, когда Бог проходил, почти все были на коленях. Мужчины поступили так же. Одни торговцы пошли впереди процессии. Другие стреляли из ружей; всего было произведено больше ста ружейных выстрелов. Все одобряли этот обряд, и я не слышал ни одного порицания. Это поистине поразительная картина. Присутствие некоего Бога мира, нашего древнего господа, который не переставал им быть, внесло растерянность во все умы.

Наблюдательный человек мог бы сделать набросок физиономий, красноречиво говорящих о чувствах и мыслях, кипевших в глубине души каждого из присутствовавших.

Я видел там раскаяние, я видел там сопоставление, которое каждый вынужден проводить между нынешним положением вещей и тем, что было когда-то. Я видел там утрату, какую испытывает народ от того, что упразднен торжественный обряд, который некогда был самым красивым обрядом церкви. Я видел там сожаления по поводу заработков, потерянных тысячами рабочих из-за упразднения этого и других праздников. Народ всех рангов, всех возрастов оставался пристыженный, молчаливый, подавленный... у некоторых были слезы на глазах. Священники и кортеж, кажется мне, остались очень довольны тем, как их встречали».

Именно этот прием и вызвал тревогу и негодование у пылкого военного, который выступил в Якобинском клубе: «Вот уже 36 часов, как я должен был уехать, но я задержал свой отъезд, потому что восемь дней назад должны были дать пушечный выстрел тревоги. *Вчера я с возмущением смотрел, как национальная гвардия по-прежнему эскортирует святые дары*» [59].

Вот оно, революционное зерно эбертизма. Не следует ли бороться с этой сентиментальной реакцией, ослабляющей силу народа? Это также сигнал к действию, концентрированному и решительному, которое 2 июня сменит вялое начинание 31 мая. Ибо якобинцы исполнены решимости довести дело до конца. Комиссия двенадцати упразднена. «Но разве надо было ждать до сего дня, чтобы сокрушить этот самый характерный памятник деспотизма? Вы смогли вырвать этот спасительный декрет только сегодня вечером. *Не будем почивать на лаврах. Подлые враги, оставьте надежду*, она химерична, а постоянство свободы таково, что она одержит победу над всеми вашими потугами.

Эбер сказал вам, что члены диктаторского комитета [Комиссии двенадцати] вне закона и что их можно преследовать. А я говорю,

---

56. Об опасностях непрерывных заседаний секций см. выше, гл. IX.
57. A. Aulard. Op. cit., t. V, p. 216. Миттие-сын, якобинец, комиссар Исполнительного совета в Марселе.
58. A. Tuetey. Op. cit., t. IX, № 654; A. Schmidt. Op. cit., t. I, p. 350.
59. A. Aulard. Op. cit., t. V, p. 216.

что все граждане должны преследовать и этих диктаторов и двадцать двух депутатов, недостойных доверия народа, и я считаю, что народ не должен успокаиваться до тех пор, пока эти двадцать два депутата не понесут кару за свои преступления» [60].

БИЙО-ВАРЕННН ТРЕБУЕТ ДОВЕСТИ ВОССТАНИЕ ДО КОНЦА

Но вот выступает суровый и недоверчивый Бийо-Варенн [61]. Он резко высказывает свое разочарование. Он доходит почти до обвинения Горы в слабости или по меньшей мере в том, что она поддалась иллюзии и не довела своей победы до конца. И, словно его беспокойный ум выискивал повсюду опасности и подозрительные явления, он, призывая к борьбе с Жирондой, в то же время обличает в Якобинском клубе неосторожные слова Марата [62].

«Я прямо из Конвента; заседание только что кончилось. Приняли декрет, проект которого был предложен Комитетом общественного спасения; после целого дня борьбы Гора удовольствовалась этим триумфом [упразднением Комиссии двенадцати]. Что касается меня, то я не думаю, судя по дерзости заговорщиков, что отечество можно считать спасенным. Конечно, надо было принять серьезные меры общественного спасения, и именно сегодня надлежало нанести решающий удар по клике. Не понимаю, как могли патриоты оставить свой пост, не приняв обвинительного декрета против министров Лебрена и Клавьера [63]. Ведь восстание направлено против контрреволюционеров правой, оно должно поэтому прекратиться только тогда, когда они все будут уничтожены».

Остановиться на полпути — значит нести бремя событий, не реализуя никаких преимуществ. Жирондисты будут и дальше клеветать, до тех пор пока не будут уничтожены, и этот день, который занес над ними меч, но не нанес им удара, еще усилит их бесконечные клеветнические причитания.

«Не будем закрывать глаза на то, что происшедшее в Париже движение обернется против нас в департаментах. По департаментам разосланы чрезвычайные курьеры, чтобы объявить, что депутатов убивают».

И внезапно он добавляет, как бы желая сгустить мрачные тучи на горизонте и бросить вызов всем угрозам тирании, откуда бы они ни исходили:

«Я здесь заявляю, что слышал, как один член Горы сказал, что пришло время, когда нация должна выбрать себе главу. Я заявляю якобинцам, заявляю всему миру, что не желаю склонить свою голову перед каким бы то ни было вождем, и я требую, чтобы каждый, кто осмелится выдвинуть такое предложение, был наказан в течение двадцати четырех часов».

Неужели Бийо-Варенн действительно опасался, что Марат претендует на роль диктатора? По-видимому, бессилие этого анархического и хаотического дня, когда народные силы плыли наугад, лишний раз вырвало у Марата его вечный припев о необходимости единства действия.

Но Бийо-Варенн возвращается к тому, что является непосредственной целью борьбы:

«Я слышал, — сказал он в заключение, — как слабые люди заявляли, что арестовать тридцать двух депутатов — это слишком крутая мера. Я заявляю, что мы отнюдь не должны идти на компромисс с тиранией. Париж должен остаться в боевой готовности. Нам надлежит, подобно Бруту, заколоть себя кинжалом, если свобода погибла, или погибнуть под ее развалинами».

Шабо выступает в этом же духе, но в то же время отмечает, что Дантону недостает энергии: «Народ останется в состоянии боевой готовности до тех пор, пока эгоисты не склонятся перед санкюлотами. Но одно меня беспокоит: *Дантон утратил свою энергию с тех пор, как упразднили Комиссию двенадцати.* Эта Комиссия была орудием в руках интриганов. Она действовала не сама по себе: ее направляла клика. Народ восстал против этой клики, и он не остановится до тех пор, пока эта клика не будет раздавлена» [64].

Странные предчувствия рождают в сердце эти заявления! Борьба с Жирондой еще не закончена, но мрачные подозрения Бийо-Варенна, оговорки Шабо уже предвещают другие раздоры, другие битвы. Подозрительность Бийо-Варенна к каждому, кто хочет стать главой, приведет однажды к нанесению удара не по Марату, а по Робеспьеру. Группы Шабо и Дантона будут пожирать друг друга. Приведите колдуний Шекспира, которого Бриссо называл «английским Эсхилом», к этому котлу, в котором рок смешал столько человеческих судеб, столько страстей, столько великодушия и столько злобы: склонившись над этой кипящей темной мешаниной, они увидят поднимающиеся над ней кровавые испарения.

Но якобинцы, даже наиболее решительные, дискутировали, подготавливали, формулировали, но не действовали. Временно исполняющий обязанности командующего Анрио предложил им дер-

60. A. Aulard. Op. cit., t. V, p. 216. «*Один гражданин*»: личность не установлена.
61. Бийо-Варенн Жан Никола (1756—1819) — светский преподаватель в ораторианском колледже в Жюйи, заместитель прокурора Коммуны после 10 августа 1792 г., депутат Конвента от Парижа.
62. A. Aulard. Op. cit., t. V, p. 217.
63. Клавьер Этьенн (1735—1793) — банкир, министр государственных налогов (министр финансов) после 10 августа 1792 г.; Лебрен Пьер Мари (1754—1793) — журналист, министр иностранных дел после 10 августа 1792 г. И тот и другой разделяли взгляды Жиронды.
64. A. Aulard. Op. cit., t. V, p. 219.

жать с ним связь. Они выбрали для этой цели комиссаров[65]. Но они не выдвинули того лозунга на завтрашний день, которого, несомненно, ждал Анрио. И, объявив себя заседающими непрерывно, они закрыли заседание.

Однако они были очень уверены в себе и уверены в будущем Наиболее убедительным свидетельством этого является, пожалуй, тот факт, что как раз 1 июня якобинцы начинают выпускать свой официальный орган «Журналь де ла Монтань»[66]. Гора впервые получила свой орган. Уже одним его названием она объявляла Франции о своем единстве и своей силе. Эпиграфом была взята фраза из речи Эро де Сешеля, председателя Конвента: «Сила разума и сила народа составляют единое целое». Это не восстание нищеты, которое громко звучит в эпиграфе газеты Марата[67]. Это теоретическое, торжественное заявление о том, что Революция может быть завершена только благодаря великой энергии народа, подчиненной дисциплине принципов Именно этой фразой Эро де Сешель утвердил и придал законный характер требованию, предъявленному народом Конвенту и направленному против жирондистов. Таким образом, один этот эпиграф представлял собой целую революционную программу действий, несколько формальную и напыщенную, но смелую и решительную

В тот вечер ни Робеспьер, ни Марат не появились в Якобинском клубе. Марат редко туда ходил: он находил, что там слишком много говорят. К тому же, истощенный болезнью, он с трудом справлялся с обязанностями депутата Конвента и с выпуском своей газеты Был ли Робеспьер в тот вечер измучен усталостью? После двенадцатичасового заседания, где он вел борьбу, это вполне возможно. Все же я думаю, что он был не прочь избавить себя от необходимости давать в такой момент слишком точные советы

Только в номере от 5 июня Марат изложил свои впечатления от событий 31 мая[68]:

«Комитет общественного спасения, хотя и составленный из образованных и благонамеренных людей, плохо оценил народное движение, происшедшее 31 мая. День прошел без грозы, несмотря на то что набат гудел всю ночь и народ весь день был под ружьем

Конвент был в большем возбуждении, чем город. Клика государственных людей, трепеща, пыталась приободриться и ввести в заблуждение относительно причин восстания, и все заседание было посвящено заслушиванию представителей установленных властей, вызванных к барьеру. Министр внутренних дел совершенно убедительно доказал, что мнимый заговор против апеллянтов вымышлен. Мэр показал, что зачинщиками сбора вооруженной силы вокруг Сената были как раз те же государственные люди, которые так громко протестовали против этого дерзкого предприятия, ибо она [вооруженная сила] состояла как раз из батальонов аристократических секций, изобличавших этот мнимый заговор.

[Марат, чей ум, утомленный неустанной работой, порой мутился, смешивает здесь, в части, касающейся министра внутренних дел и мэра, события 31 мая с событиями 27 мая. Равным образом, когда Гюаде предложил переезд Конвента в Бурж, ему послышалось «в Тур», которому тогда угрожали вандейцы, и он на этом построил целую систему.] Наконец, департамент доказал, что народные движения накануне были вызваны исключительно негодованием из-за произвольных арестов [по приказам] Комиссии двенадцати, чудовищной клеветы, распространявшейся так долго против Парижа, ужасных перспектив, которые позволяла предвидеть речь Иснара, новых измен некоторых генералов и зловещих замыслов вожаков клики.

Эти вожаки, желающие совершить свое предательство во мраке и больше всего на свете опасающиеся народного восстания, потребовали устами Валазе, чтобы временный командующий парижской армией был вызван к барьеру и осужден на смерть за то, что он приказал стрелять из сигнальной пушки. Но это предложение было высмеяно Многие депутаты высказывали различные мнения. Тюрио, Жан Бон Сент-Андре, Друэ и многие другие выступили с тем же требованием, которое я внес утром: уничтожить Комиссию двенадцати, отменить все отданные ею приказы и освободить всех арестованных граждан. По этим предложениям были приняты соответствующие декреты. *Так рассеялось как дым восстание огромного города, но огонь продолжал тлеть под пеплом».*

ДЕЙСТВИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА

А раздул этот огонь Революционный комитет, созданный в Епископстве В то время как Коммуна исходила в пустых речах, он выработал свои план Около десяти часов вечера делегат Революционной комиссии [Комитета] докладывает перед Генеральным советом Коммуны, пополненным десятью членами директории департамента, вопрос о мерах, принятых этим Комитетом[69]:

65 Ibidem, p 216 «Временный главнокомандующий призывает Общество якобинцев поддерживать с ним связь и сообщить ему, если оно испытывает какое-либо беспокойство по поводу общественных дел»

66 «Journal de la Montagne» явился продолжением газеты «Debats et Correspondance de la Société des Jacobins», выпускавшейся прежде Обществом «Journal de la Montagne» издавали Ж Ш Лаво и Тома Руссо

67 «Ut redeat miseris, abeat fortuna superbis»—«Чтоб Фортуна вновь обратилась к несчастным, от гордых же прочь удалилась». [Горация. Наука поэзии, 201. Перевод М Дмитриева]

68. «Le Publiciste de la République française», № 208 5 juin 1793. «Парижские санкюлоты, обучающие Гору как вести игру, или Гора торжествующая над кликой государственных людей » [См Ж-П Марат Избранные произведения Т III. М, 1856, с 305 и сл — *Прим ред*].

69 «Moniteur», XVI, 535

«Он делит эти меры на две группы: меры тайные и меры, которые могут быть преданы гласности. Он подробно излагает последние, в том числе арест всех лиц, способствовавших контрреволюционному движению последнего времени».

Как бы для того, чтобы указать Конвенту путь и силой совершившегося факта увлечь его, Революционный комитет отдает ночью приказ об аресте Ролана. Его не оказалось дома. Но утром, около семи часов, была арестована и отведена в Аббатство г-жа Ролан[70]. Это означало объявить Конвенту, что, если он не арестует всех разоблаченных жирондистов, парижская революция сумеет это сделать сама. С утра 1 июня Комитет подготовил текст призыва ко всем 48 секциям, ободряющий и искусно составленный, в котором констатировались все достигнутые накануне результаты и утверждалась решимость довести дело до конца[71]:

«Граждане, вы находились на краю пропасти, окруженные сильными внешними врагами и дерзкими заговорщиками внутри страны. Свободе пришел бы конец, если бы вы не восстали. Заговор, который плели внутри Конвента, угрожал самым стойким патриотам и должностным лицам, наиболее любимым народом. Перед лицом этой опасности комиссары, которых вы облекли полномочиями и вашим доверием, желая спасти отечество, поспешили принять чрезвычайные меры, продиктованные интересами защиты свободы. Они обеспечили надежность связей между общественными учреждениями. Они довели до сведения ваших делегатов ваши справедливые нарекания, ваши настоятельные жалобы и потребовали наказания изменников, укрывшихся в лоне Конвента. Они распорядились об аресте всех подозрительных лиц, укрывающихся в парижских секциях. Эти аресты сейчас производятся повсюду.

Помимо этого, ваши комиссары согласовали проект формирования Революционной армии численностью 20 тыс. человек для охраны и защиты Парижа. Эта армия будет содержаться на средства от налога, которым будут обложены богатые, главным образом те, кто известен своей неблагонадежностью.

Мы уже добились некоего первого успеха: Конвент упразднил инквизиторскую Комиссию двенадцати и направил на рассмотрение особого комитета вопрос о преступных действиях ее членов. Другим декретом утверждено постановление Коммуны о выплате ежедневного пособия в размере 40 су рабочим, призванным находиться под ружьем в эти дни кризиса... Наконец, Конвент объявил, что секции заслужили благодарность отечества. Мы ожидаем, что и сегодня он будет действовать так же, как он действовал вчера. Граждане, оставайтесь в боевой готовности, грозящие отечеству опасности требуют этого от вас».

Этот призыв был признан слишком умеренным, и его опубликование было отложено. Епископство хотело немедленных и энергичных действий[72].

План Революционного комитета имел в виду возобновить наступление в тот же день, вновь оказать давление на Конвент. Установленные власти представят Конвенту энергичную петицию с требованием ареста и привлечения к судебной ответственности жирондистских вождей, и Конвент, уставший, побежденный этим упорством народа, уступит, и ни одна капля крови не будет пролита. Чтобы сильнее воздействовать на Конвент, командующий Анрио сумеет окружить его преданными Революции батальонами. Умеренным секциям не будет дано возможности приблизиться к Конвенту; это, вероятно, та «тайная мера», о которой делегаты Епископства не хотели публично сообщать Коммуне. И по этой же причине Эбер и Добсан лишь вполголоса отвечали на жалобы Варле, обвинявшего Коммуну в вялости.

Между тем Конвент заслушивал оптимистический доклад Барера, объяснявший департаментам, что день 31 мая прошел в атмосфере братской нежности[73]. Надо было устроить так, чтобы крах Жиронды произвел возможно меньше шума, и Барер старался заглушить шум от ее падения. Конвент одобрил обращение, вопреки протестам Ласурса и Верньо[74], которые боялись, что Жиронду поглотят молча, так что никто и не заметит этого. Собрание, вероятно измученное пережитыми накануне волнениями, не продлило своего заседания: разошлись около 5 часов, т. е. как раз в тот момент, когда Коммуна только что решила послать Конвенту угрожающий адрес. Уж не смеется ли Конвент над народом? Неужели революционным секциям придется отправиться по домам преступных депутатов, вместо того чтобы добиться законного правосудия от Конвента?

Комитет общественного спасения решил, вероятно под влиянием Дантона, срочно созвать в тот же вечер заседание Конвента. Это было равносильно официальному признанию силы восстания, не желающего ждать и повелительно назначающего свидание тем, кого оно хочет заставить действовать. Паш и Марат, выйдя вместе из Комитета общественного спасения, поспешили в Коммуну, что-

70. «Moniteur», XVI, 535; M. Mortimer-Ternaux. Op. cit., t. VII, p. 356
71. Buchez et Roux, t. XXVII, p. 353.
72. «Ему [Генеральному совету] представляют вышеупомянутое обращение в отредактированном виде; он находит его недостаточно энергичным и приостанавливает его опубликование, пока он не примет дальнейших мер». (Buchez et Roux, t. XXVII, p. 354.)
73. «Moniteur», XVI, 540; M. Mortimer-Ternaux. Op. cit., t. VII, p. 361.
74. «Moniteur», XVI, 539, 540. Ласурс: «...Пусть ограничатся заявлением, что злоумышленники составили заговор и что спокойствие полностью восстановлено в городе и в Конвенте». Верньо: «Я предлагаю отослать обращение в Комитет общественного спасения, чтобы внести в него некоторые изменения».

бы объяснить ей положение вещей и предотвратить какое-нибудь судорожное движение.

«Я выхожу из Комитета общественного спасения, — рассказывает мэр[75], — куда я был приглашен. Я нашел Комитет в самом лучшем расположении духа. Он выражает недвусмысленно желание, чтобы все демарши суверенного народа перед его представителями отличали надлежащий порядок и согласованность. Присутствовавший при этом Марат может вам подтвердить этот факт.

В самом деле, каково положение вещей? Мы хотим представить сегодня Конвенту обращение, в успехе которого заинтересована вся Республика. Народ Парижа, внимательно за всем следящий, узнает, что Конвент закрыл свое заседание. *Можно было опасаться, что эта задержка послужит поводом для каких-нибудь крайностей со стороны тех, кто счел себя обманутым.* Но Комитет общественного спасения созвал на сегодняшний вечер всех членов Конвента для обсуждения срочных мер. Стало быть, мы можем представить сегодня наше обращение, и Марат, пришедший к вам вместе со мной, собирается дать вам совет в этих обстоятельствах».

По существу, это было победой политики Паша: обеспечить успех Революции, избегая при этом слишком сильных потрясений; устранить Жиронду без насилия, без кровопролития, строго соблюдая внешне установленные правила, щадя тем самым чувствительность департаментов и избавляя Францию, которой угрожали как внутренние, так и внешние опасности, от пагубных конвульсий гражданской войны.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МАРАТА 1 ИЮНЯ

Марат был полностью согласен с этой политикой силы и мудрости и был для Паша в эти трудные часы самым надежным союзником. Он сам рассказал, как 1 июня он наметил политический план, отмежевываясь как от вялой риторики Барера, которая могла только усыплять умы, так и от смертоносного нетерпения бешеных. В этот день, 1 июня, он был подлинным вождем народа. Он рассказал без бахвальства, какой была его роль в Конвенте, на улице, в Комитете общественного спасения, в Коммуне[76].

«Воззвание Барера, принятое с несколькими небольшими поправками, воздает похвалу величественному и спокойному поведению парижан, признает, что они заслужили благодарность отечества, и предлагает в ближайшее 14 июля провести снова праздник федерации. [Нет, не 14 июля, а 10 августа. У Марата, очень изнуренного, несколько ослабла память.]

Я подхожу к Бареру, чтобы сказать ему, что этих мер недостаточно, *что спокойствие, за которое он хвалит парижан, — только временное затишье*, что единственная возможность восстановить спокойствие в Париже — это осуществить правосудие над изменниками в Конвенте. Он отверг мои соображения с насмешливой улыбкой. Его умеренные взгляды и его мелкие уловки слишком хорошо известны; чему же тут удивляться!

Я отправился в Комитет общественной безопасности по поводу разных важных дел, так как для меня было слишком очевидно, что Конвент не примет никаких серьезных решений. Оттуда я отправился к одному гражданину, чтобы получить сведения о некоторых аристократических вожаках секции Бютт-де-Мулен. На обратном пути вижу большое скопление народа на улице Сен-Никез. *Меня узнают, толпа следует за мной. Со всех сторон раздаются жалобы на недостаток энергии у Горы; со всех сторон требуют ареста депутатов — изменников и злоумышленников. Со всех сторон кричат: „Марат, спасите нас!“ Дойдя до площади Каруселли, я встречаю там толпу вооруженных граждан. Толпа растет и повторяет те же крики.* Умоляю толпу не следовать за мной, вхожу во дворец Тюильри, затем в помещение Комитета общественной безопасности, чтобы скрыться от этих настойчивых требований. Напрасный труд, пришлось еще раз пройти через толпу, чтобы попасть в Комитет общественного спасения, который заседал вместе с министрами, мэром и несколькими членами департамента. *Я рассказал о том, что со мной произошло, я указал Комитету на недостаточность мер, предложенных Барером, я заявил, что единственные эффективные меры — это арест разоблаченных депутатов и членов Комиссии двенадцати.*

Комитет как раз обсуждал эти меры. *Он предложил мне отправиться вместе с мэром в муниципалитет*, чтобы предотвратить всякое беспорядочное движение».

Однако, возлагая на Марата заботу о сохранении общественного спокойствия, Комитет общественного спасения тем самым обязывался заплатить назначенную Маратом цену, т. е. покончить с Жирондой.

«Мэр сообщает о цели моего прихода. Я беру слово и заявляю (я точно воспроизвожу свою речь, потому что большинство продажных журналистов злонамеренно искалечили и исказили ее): „Граждане, Комитет общественного спасения обсуждает серьезные меры для наказания и подавления изменников; оставайтесь в боевой готовности, развертывайте свои силы и не складывайте оружия, пока не добьетесь громогласного правосудия, пока не обеспечите своей безопасности“.

Председательствующий, которого я знаю как умеренного [это Детурналь], желая, чтобы я подтвердил его советы, спросил меня,

75. «Moniteur», XVI, 542

76. «Le Publiciste de la République française», № 208, 5 juin 1793 См. выше, прим. 68 [См.: Ж.-П. Марат Избранные произведения. Т. III, с. 307.— *Прим. ред.*]

не должен ли народ, преданный и поднявшийся против изменников, обращаться исключительно к своим должностным лицам и применять только средства, предписанные законом, чтобы добиться справедливости. Почувствовав ловушку, я так ответил на его обращение: „Когда свободный народ доверил осуществление своей власти, защиту своих прав и своих интересов избранным им уполномоченным, он должен, пока они верны своему долгу, безусловно, обращаться к ним, относиться с уважением к их декретам, поддерживать их в спокойном осуществлении ими своих обязанностей. Но когда эти уполномоченные постоянно злоупотребляют доверием народа, торгуют его правами, предают его интересы, угнетают его, грабят, разоряют, злоумышляют с целью погубить его, тогда народ должен лишить их своих полномочий, развернуть всю свою силу, чтобы заставить их вернуться к исполнению долга, наказать изменников и спасти себя. Граждане, вы теперь можете рассчитывать только на свою энергию, представьте Конвенту обращение с требованием наказания депутатов, изменивших нации. Оставайтесь в боевой готовности и не складывайте оружия, пока не добьетесь своего“ [77].

Многие члены Коммуны предлагают мне пойти в Революционный комитет. Я им отвечаю, что мое место — в Конвенте, и я отправился в Комитет общественного спасения, чтобы отчитаться в моей миссии.

Необходимо было созвать Собрание [Конвент], но поручить это председательствовавшему было невозможно: большей части депутатов не было на месте и неизвестно было, где их найти. Но в различных кварталах били общий сбор; загудел набат, и должна была выстрелить сигнальная пушка. Поэтому надо было просто ожидать, пока депутаты сами вернутся на свой пост».

Странный час, когда в конечном счете на набат и сигнальную пушку легла задача созвать Конвент на заседание, для того чтобы принять обращение от секций. Набат говорил депутатам: «Придите!», а сигнальная пушка говорила революционным делегатам: «Вам предоставляется слово». Марат на короткое время встряхнул и воспламенил Коммуну. Но едва он ушел, как она опять впала в состояние нерешительности, и прокурор выступил против того, чтобы стреляли из сигнальной пушки и били в набат, «дабы не утомлять граждан» [78]. Но ни колокола, ни пушка не дожидались приказов колеблющейся Коммуны, и город наполнялся революционным гулом.

НОЧНОЕ ЗАСЕДАНИЕ КОНВЕНТА

Однако можно ли было надеяться, что Конвент уступит в тот же вечер? Какой-то момент люди наиболее восторженные верили в это. Лионец Леклерк воскликнул на заседании Якобинского клуба в неком порыве революционного восторга: «Я буду краток. Начинается агония аристократов. Гудит набат, прогремел выстрел сигнальной пушки. Коммуна в боевой готовности. Народ направляется к Конвенту. Вы — народ, вы должны идти туда» [79].

Эту слабую голову сильный звон опьянял, и ему казалось, что все возможно, раз заговорили колокола.

«Останемся здесь, — говорит один военный, — мы здесь на своем посту для спасения государства». — «Нет, — говорит другой гражданин, — сейчас пост патриотов — в Генеральном совете Коммуны и в революционных комитетах». И к десяти часам якобинцы стали расходиться, унося в теплую ветренную ночь свое возбуждение и свою неуверенность.

Анрио, вероятно, не успел еще собрать свои надежные батальоны, сгруппировать их отдельно и расставить вокруг Конвента, который таким образом был бы изолирован от умеренных секций. Во всяком случае, он не имел еще возможности передать им приказ.

«Собравшиеся секции [это рассказывает «Кроник де Пари»] [80] направились к Конвенту со своими пушками, их вооруженная сила заняла все подступы к нему: Национальный мост, набережные, Тюильри и все прилегающие улицы были заняты разными батальонами. Скоро стало известно, что́ было причиной этого сбора воинских частей... вооруженные граждане оставались на месте до часу ночи. Им приносили хлеб.

Этому сбору, объединившему несколько секций, сопутствовал ряд трогательных сцен: секция 92-го года и секция Братства, на которые возвели клевету, как и на секцию Бютт-де-Мулен, явили зрелище единения, согласия и дружбы».

Нет, решающие дела не будут совершены в эту ночь. Секции, плохо подготовленные, все еще пребывали в состоянии смутной неуверенности, как и 31 мая. И пожалуй, именно для того, чтобы организовать их в предвидении завтрашней операции, Коммуна и Революционный комитет отозвали вооруженных патриотов под предлогом желания сберечь их силы.

Однако этот вечер не прошел бесполезно. Двенадцать делегатов Коммуны и шесть делегатов Революционного комитета получили возможность зачитать их повелительное обращение в Конвенте.

---

77. «Moniteur», XVI, 542. «Председатель выражает Марату удовлетворение, которое испытывает Совет, видя и слыша его выступление в своих стенах. Марат выходит под громкие аплодисменты».
78. «Moniteur», XVI, 543.
79. A. Aulard. Op. cit., t. V, p. 222.
80. «Chronique de Paris», № 154, 3 juin 1793, p. 1.

От их имени выступил Гассенфрац. Не потому ли выбрали его, чтобы выразить протест против клеветнического выпада Ланжюинэ, которому он недавно послал резкое письмо с опровержением? [81]

«Народ поднялся, он в боевой готовности. Мы требуем обвинительного декрета для Петиона, Гюаде, Жансонне, Верньо, Бюзо, Бриссо, Барбару, Шамбона, Бирото, Рабо-Сент-Этьенна, Горса, Буайе-Фонфреда, Лантена, Гранженева, Леарди, Лесажа, для двадцати семи депутатов» [82].

Конвент декретировал, что Комитету общественного спасения поручается в трехдневный срок представить доклад относительно обращения петиционеров. Три дня — это довольно долго. Но этот срок мог быть сокращен; и то уже было победой, что Конвент заставили обсуждать вопрос об аресте жирондистов. Марат выразил удивление по поводу того, что в список попал старик Дюсо [83]. Это проявление беспристрастия само по себе было мрачным предзнаменованием для других. Оно означало, что на этот раз принято серьезное постановление, поскольку Марат был озабочен исключением из списка человека, которого он считал невиновным. По существу, вопрос должен был быть окончательно решен завтра: мог ли Париж и дальше выносить такое нервное напряжение, этот зов колоколов, этот ужасный и тщетный озноб? Напрасно Коммуна постановила, около часу ночи, отозвать вооруженные силы, чтобы не слишком утомлять их. Революция на этот раз не хотела ложиться спать. Завтра воскресенье, народ знал, что ему не надо будет идти на работу, и все спрашивали себя о том, какие важные события заполнят пустоту этого столь долгого дня.

Со своей стороны Революционный комитет был так уверен в том, что продление восстания — дело необходимое и нормальное, что потребовал составить в каждой секции список рабочих и выдать каждому из них по *6 ливров*... Шесть ливров, из расчета 40 су в день, — это заработная плата за три дня. Между тем 31 мая и 1 июня составляли два дня. Третий день должен был стать решающим, и надо было оплатить его вперед. Шометт, несколько ошеломленный, спросил, откуда взять средства [84]. Но таково было тогда парадоксальное смешение морального восстания с законностью, что докладчик комитета спокойно ответил, «что их истребуют у Конвента». Конвент должен субсидировать вооруженную силу, которой поручено было оказать на него давление! К Конвенту, впрочем, не пришлось обращаться, потому что на следующий день, 2 июня, Революционный комитет объявил, что располагает необходимыми суммами. Мог ли он не располагать ими, если в течение ряда недель через посредство революционных комитетов тех секций, которые он объединял, он осуществлял право реквизиции у богатых? Итак, по бухгалтерии восстания, оно должно было завершиться в один день, вечером 2 июня, считая это воскресенье, 2 июня, как рабочий день.

В самом деле, это было уже начало агонии Жиронды, ей осталось жить (политически) только несколько часов, несколько тоскливых и тревожных часов. Журналисты, работавшие в «Патриот франсэ», спешно готовили номер, который должен был выйти в свет 2 июня и стать последним [85]. Они все еще искусно клеветали на Коммуну в словах, исполненных яда. Она хотела получить взаймы миллионы для Парижа, но что бы она стала делать с этими миллионами? Она бы их разворовала.

«Она их *пашизирует*, она их *шометтизирует*, и каждый член банды получит свою долю. Остаток будет использован для подкупа разбойников с целью подавления общественной свободы, и, может быть даже, я каждый день этого опасаюсь, они захватят казначейство и кассу чрезвычайных доходов и расходов» *.

И заканчивается это безумным воплем контрреволюционного бессилия: «*Зря все это делает большинство Конвента: он будет порабощен Коммуной, если он не подавит и не закроет клубов якобинцев и кордельеров*».

Когда я сказал, что это конец «Патриот франсэ», я ошибся: в самом конце газеты я нахожу объявление о курсе лекций по химии крупного ученого Воклена: «Гражданин Воклен начнет в понедельник, 3 июня, в 4 часа дня, курс лекций по прикладной химии, который он будет читать в те же часы по средам и пятницам. Обращаться в лабораторию гражданина Фуркруа, улица Бурдоннэ, „Куронн д'Ор“» [86].

О жирондисты! Почему не восприняли вы от науки, вечной и неторопливой, ее свободное от личного тщеславия спокойствие и ее терпение? Какое это несчастье, что под ее лучами, столь вами любимыми, не утихла ваша жалкая суетность!

---

81. «Le républicain Hassenfratz à M. Lanjuinais».— A. Aulard. Op. cit., t. V, p. 222, заседание 1 июня 1793 г.
82. «Moniteur», XVI, 544; «Archives parlementaires», LXV, 688.
83. Дюсо (1728—1799) — комиссар военного министерства, литератор, выборщик и член Парижской коммуны в 1789 г.; депутат-заместитель Законодательного собрания от Парижа; он заседал там с 6 июня 1792 г.; был переизбран в Конвент. «Старый пустомеля, неспособный быть вождем партии», по выражению Марата. («Archives parlementaires», LXV, 689.)
84. «Moniteur», XVI, 543.
85. «Le Patriote français», № 1388, 2 juin 1793, p. 610.

* См.: Ж. Жорес. Социалистическая история Французской революции, т. II, с. 306.— *Прим. ред.*

86. Воклен (1763—1829) — химик, ученик Фуркруа, профессор Политехнической школы, созданной в 1794 г. Фуркруа Антуан Франсуа (1755—1809) — выборщик, депутат-заместитель от Парижа, заседал в Конвенте с 25 июля 1793 г., заняв место Марата.

ПОСЛЕДНЕЕ СОБРАНИЕ ЖИРОНДИСТОВ

1 июня наиболее прозорливые из них поняли, что они погибли. Они пытались собраться у одного из них и обсудить положение, но им не удалось собрать достаточно большое число людей и выработать общий план действий.

Собрание состоялось в поместительном доме, принадлежавшем Мейану [87], который стоял в стороне и был мало заметен.

«Мы решили, — меланхолически рассказывает Петион [88], — провести там всю ночь, расположившись на стульях, и не расставаться. Мы договорились собрать завтра, с утра, двадцать двух обвиненных и двенадцать членов Чрезвычайной комиссии, чтобы принять совместные меры.

Ударили общий сбор, часть ночи гудел набат. Несмотря на все наши старания, мы смогли собрать только человек двадцать. Главными были Бриссо, Верньо, Жансонне, Гюаде, Бюзо».

Ненадежное и небезопасное уединение, подавленность, растерянность — все это делало это собрание похожим на беспорядочный лагерь на пути гонений, страданий и смерти. Распыление воль предшествовало распылению изгнанников. Даже те, что собрались у Мейана, не смогли договориться о совместных действиях. Идти ли в этот день, 2 июня, в Конвент? Большинство отказалось от мысли бросить бесполезный вызов опасности, которую отныне никто не мог предотвратить. Но Барбару чуть не силой вырвался и пошел навстречу грозе. Остаться ли им всем в Париже, чтобы не раздражать до крайности победоносную Революцию угрозой гражданской войны между департаментами и столицей? Или всем отправиться с призывом к департаментам, так чтобы самый размах их протеста разбудил общественное сознание? Луве энергично настаивал, чтобы все покинули Париж. Но он не смог увлечь всю Жиронду.

«Отныне, — говорил он [89], — мы ничего не сможем более сделать в Конвенте, где Гора и трибуны не дадут нам больше сказать ни слова, где мы только оживим надежды этих заговорщиков, которые обрадуются возможности захватить всю добычу одним ударом. Нечего делать также и в Париже, находящемся во власти террора, вдохновляемого заговорщиками, распоряжающимися вооруженной силой и установленными властями. Только *восстание департаментов может спасти Францию.* Нам следует подыскать какое-нибудь убежище на этот вечер, а завтра и в следующие дни разъехаться поодиночке, используя свои различные средства, а затем собраться либо в Бордо, либо в Кальвадосе, если уже появившиеся там повстанцы заняли достаточно сильную позицию. *Но больше всего надо избегать опасности остаться заложниками в руках Горы, ни в коем случае не следует возвращаться в Собрание.*

Почему вы не послушались меня, Бриссо, Верньо, Жансонне,

Мэнвиель, Валазе, Дюко, Дюпра, Фонфред [90], вы все, почитаемые жертвы, за которые отомстит потомство! Возможно, что и всем нам вместе не удалось бы разбудить в сердцах пламенную любовь к отечеству и жгучую ненависть к угнетению. Но по крайней мере мне не пришлось бы сегодня оплакивать вашу преждевременную гибель».

Между тем как жирондисты пребывали в неуверенности и сомнениях, их противник наносил решающие удары. Париж как раз только что узнал, что 29 мая в Лионе умеренные и буржуазные секции вступили в бой с якобинским муниципалитетом и последний был побежден. Шалье оказался в тюрьме. Напрасно некоторые из тех, кто передавал эти страшные известия, пытались смягчить их значение, напрасно они говорили, что секции шли с возгласами *«Да здравствует Республика!»*. Даже двусмысленный характер писем Готье и Ниоша [91], которые не решались вникать во всю опасность положения, не смог ввести в заблуждение революционеров Коммуны и Епископства. Они отлично понимали, что в Лионе одержала победу контрреволюция и что и они сами будут поражены заразой этого движения, если в этот же день не нанесут врагу решающего удара. Жан Бон Сент-Андре предупредил Конвент об опасности в нескольких решительных словах, которые Марат записал [92].

«Вы сейчас узнали неприятные новости из департамента Лозер. Аристократия в этих местах осмелилась на угрожающее вы-

87. Мейан (1748—1809) — владелец источников минеральных вод и грязей в Даксе и магазина в Байонне, администратор департамента Нижние Пиренеи, депутат Конвента.
88. P é t i o n. Mémoires.... publiées par. C.-A. Dauban. Paris. 1866, p. 109.
89. L o u v e t. Mémoires.... Paris, 1821, p. 260. Эти мемуары воспроизводят издание, появившееся в III г.: «Quelques notices pour l'histoire et le récit de mes périls depuis le 31 mai 1793». (B.N., 8° Le³⁸ 78, imp. in-8°, 190 p.)
90. Все были приговорены к смертной казни 9 брюмера II г. (30 октября 1793 г.).
91. Готье (1752—1838) — адвокат, депутат Генеральных штатов от третьего сословия бальяжа Бур, генеральный прокурор-синдик департамента Эн, депутат Конвента; командированный 30 апреля 1793 г. в Альпийскую армию, он находился в Лионе, когда там вспыхнул 29 мая контрреволюционный мятеж. Ниош (1751—1828) — адвокат, депутат Генеральных штатов от третьего сословия бальяжа Тур, судья трибунала в Лоше, депутат Конвента от департамента Эндр и Луара, коллега Готье по миссии в Альпийскую армию. После победы лионского восстания оба представителя опубликовали прокламацию, выдержанную в примирительном духе по отношению к победившей стороне; в то же время они известили Комитет общественного спасения.
92. «Moniteur», XVI, 547, заседание Конвента 2 июня 1793 г. Секретарь только что огласил письмо комиссаров Конвента в департаментах Верхняя Луара и Лозер, собравшихся в Сен-Шели, в котором сообщалось о восстаниях в Лозере.

ступление. Контрреволюционные движения начались во многих местах южных департаментов. *В Лионе контрреволюционеры торжествуют*, убито 800 патриотов. Мятежи в Лозере должны тем более вас обеспокоить, что мятежники Лозера могут через департамент Канталь соединиться с мятежниками департамента Рона и Луара» [93].

Создавалась как бы огромная глыба контрреволюции, где ядром жестокого севеннского фанатизма была яростная лионская реакция. Да, необходимо было кончать с этим. Еще несколько дней, и, вдохновленные этим примером, буржуазные секции Парижа могут попытаться подавить Коммуну и Гору.

СОБЫТИЯ 2 ИЮНЯ

На этот раз Анрио распорядился лучше, чем 31 мая. Он не полагался уже на неуверенные и противоречивые стихийные действия народа. Он сосредоточил вокруг Конвента тщательно им самим отобранные батальоны, пять-шесть тысяч решительных революционеров. Кроме этого, остальной народ представлял собой толпу, связанную с событиями лишь цепочкой неустойчивых слухов. Поэтому когда петиционеры Коммуны явились с требованием ареста двадцати двух, то, хотя и была сделана попытка смягчить удар, почти никто не подумал уклониться от него. С трибун неслись угрожающие крики. Прозвучал призыв к оружию [94].

«Спасите же народ от него самого, — вскричал Ришу. — Спасите ваших коллег, *декретируйте их временный арест*» [95].

Временный? Это значило признать, что речь идет об уступке под грубым давлением народа. Это значило объявить, что обвиненные депутаты, несомненно, будут признаны невиновными, когда рассеются угрозы толпы. Гора с негодованием отвергла эту махинацию. Левассёр бурно протестовал против «трусливого примирения, предложенного Болотом» [96].

«Я всегда был сторонником энергичных мер, но не одобрял ненужных насильственных действий, и всякая бесполезно пролитая кровь вызывала у меня ужас. Поэтому в этот решающий день я оказался перед печальным выбором. Принять обвинительный декрет против наших коллег значило бы послать их на смерть, а объявить их невиновными значило бы солгать перед своей совестью и в то же время свести на нет успех, достигнутый в этот день, который мог нас спасти. Трусливое среднее решение, предложенное Болотом, было наихудшим, ибо, объявляя косвенно обвиняемых невиновными, оно сводило на нет восстание, которое должно было принести определенные плоды, и в то же время выдавало на произвол народной ярости людей, гибели которых мы отнюдь не желали. К тому же оно позорило Конвент, констатируя некоторым образом, что мы уступили страху и давлению».

И Левассёр требует немедленного ареста двадцати двух депутатов и Комиссии двенадцати [97]. В молчавшем Конвенте раздались только два протестующих голоса, Барбару и Ланжюинэ [98]. Они не желают покориться. Ланжюинэ, словно он еще мог выступать в роли обвинителя, разоблачает узурпаторскую власть Коммуны. Барбару защищает марсельские секции от обвинений, содержащихся в докладе Моиза Бейля и Буассе [99]. Но вот и Комитет общественного спасения, в лице Барера, выступает с предложением двусмысленного решения, в точности повторявшим предложение Болота.

«Комитет не счел должным прибегать к арестам. Он полагает, что надлежит воззвать к патриотизму, благородству и чувству любви к отечеству обвиняемых депутатов и потребовать от них временного прекращения действия их полномочий, объяснив им, что это единственная мера, которая может положить конец раздорам, терзающим Республику, и восстановить в ней мир» [100].

Действие их полномочий должно быть приостановлено лишь на определенное время.

Кое-кто из жирондистов, Дюсо, Фоше, Иснар, приняли этот странный компромисс, Иснар — даже торжественно. Но Барбару, Ланжюинэ запротестовали [101]. «Я полагаю, — воскликнул Ланжюинэ, — я проявил уже и прежде некоторое мужество и некоторую энергию. Поэтому не ждите от меня ни отставки, ни временного отрешения».

И так как его прерывали ропотом и возгласами с мест, он заявил:

«Знайте же, когда жертву ведут к алтарю, то жрец, который ее умерщвляет, не издевается над нею: древние даже венчали ее цветами».

---

93. «Le Publiciste de la République française». № 209, 6 juin 1793, p. 3. [См.: Ж.-П. Марат. Избранные произведения. Т. II, с. 312.— *Прим. ред.*] Географические познания Жана Бона Сент-Андре в данном случае весьма приблизительны: Канталь находится к западу от Лозера; мятежники Лозера могли соединиться с мятежниками департамента Рона и Луара через департамент Ардеш, на востоке.
94. «Moniteur», XVI, 548; «Archives parlementaires», LXV, 700.
95. «Moniteur», XVI, 550; «Archives parlementaires», LXV, 701. Ришу (1748—1839) — адвокат, мэр Жизора в 1790 г., администратор дистрикта Лез-Андели, депутат Конвента от департамента Эр, был близок к жирондистам.
96. Levasseur. Op. cit., t. I, p. 241.
97. Moniteur», XVI, 551.
98. «Moniteur», XVI, 552.
99. «Moniteur», XVI, 552. Буассе и Моиз Бейль, народные представители, посланные в департаменты Дром и Буш-дю-Рон, предлагают отчитаться в своей миссии.
100. «Moniteur», XVI, 552; «Archives parlementaires», LXV, 704.
101. «Moniteur», XVI, 553; «Archives parlementaires», LXV, 705.

А Барбару добавил:

«Нет, не ждите от меня никакой отставки. Я поклялся умереть на своем посту, и я сдержу свою клятву».

Марата крайне раздражала двусмысленная комбинация, придуманная Комитетом общественного спасения и Жирондой и возвышавшая последнюю.

«Я не одобряю меру, предложенную Комитетом, — заявил он в Конвенте,— поскольку она воздает людям, обвиняемым в заговоре, почести, которые подобают преданности. Надо быть безупречным, чтобы приносить жертвы отечеству; это я, подлинный мученик дела свободы, я могу приносить себя в жертву. Поэтому я предлагаю свою временную отставку с того момента, когда вы прикажете арестовать контрреволюционеров, добавив к списку Фермона и Валазе, которых в нем нет, и вычеркнув из него Дюко, Лантена и Дюсо, которых в нем не должно быть» [102].

Он говорил тоном хозяина, с каким-то диктаторским беспристрастием. В своей газете он подчеркивает [103]:

«Энергия, которую проявил накануне Комитет общественного спасения, испарилась... в его докладе уже не было речи о суровых мерах против вероломных депутатов. Вместо обвинительного декрета нам предложили некий призыв ко всем без различия членам Конвента, ставшим яблоком раздора, подать в отставку или просто прекратить выполнять свои обязанности до восстановления мира. Столь ложная мера могла только озлобить умы и вызвать возмущение народа, давая ему почувствовать, что ему нечего ожидать какого бы то ни было удовлетворения. Она оборачивалась даже на пользу изменникам, изобличенным установленными властями. Можно было подумать, что с ними ее согласовали, так поспешно они за нее ухватились.

Иснар бросился на трибуну, стал восхвалять свой патриотизм и выставлять напоказ свою преданность отечеству, предлагая свою отставку [104].

Лантена хочет последовать его примеру. Ему кричат, что он может избавить себя от этого... Отлично видя, к чему приведет этот сентиментальный фарс, я спешу назвать вещи своими именами и разъясняю, что не те, кто обвинен в измене, должны приносить себя в жертву отечеству, а безупречные депутаты, пострадавшие из-за своих добродетелей и клеветы. Я предлагаю свою отставку и требую ареста всех изобличенных депутатов. Мое требование получает поддержку всех настоящих монтаньяров. Оно должно было уже пройти, когда многие государственные люди подняли крик, что они несвободны, что зал окружен гражданами, которые не дают им выйти».

КОНВЕНТ ОСАЖДЕН

В самом деле, кольцо осады Конвента с каждой минутой сжималось. Какие-то женщины заполнили кулуары, а выходы из зала охраняли солдаты, поставленные по приказу Анрио.

Барер, который почти всегда проявлял незаурядное мужество, когда грубо угрожали величию и неприкосновенности Конвента, восстал против этих унизительных мер:

«Законы вырабатываются не рабами: Франция отвергла бы законы, исходящие от порабощенного Собрания. Как можно было бы уважать законы, которые вы составляли в окружении штыков? Нам угрожает опасность, ибо новые тираны осуществляют над нами надзор. Мы окружены их запретами. Эта тирания пребывает в Революционном комитете Коммуны. И Генеральный совет, если он не примет срочных мер для предотвращения этих насилий, заслужит серьезные упреки. В его лоне есть лица, за мораль которых я не хотел бы отвечать.

Нити угрожающего нам движения тянутся в Лондон, в Мадрид, в Берлин. Одного из членов Революционного комитета, именуемого Гусман, я знал как испанца... Народ, тебя предают» [105].

Но что толку во всем этом? Какой смысл в этом полусопротивлении? И почему Барер, который под давлением народной силы согласился потребовать от жирондистов их ухода в отставку, вдруг стал проявлять такую щепетильность в вопросе независимости? На какую вооруженную силу мог бы он рассчитывать? И как он мог надеяться в такой момент столкнуть друг с другом Революционный комитет Епископства и Генеральный совет Коммуны, насквозь проникнутый революционным влиянием?

Левая Конвента находилась в ужасно трудном положении. Она хотела поразить Жиронду. Но если ампутация национального представительства уже сама по себе была делом опасным, то она

---

102. «Moniteur», XVI, 553. Фермон, точнее, Дефермон (1752—1831) — адвокат, депутат Генеральных штатов от третьего сословия Реннского сенешальства, председатель уголовного трибунала в Ренне, депутат Конвента от департамента Иль и Вилен. Лантена Франсуа Ксавье (1754—1799) — врач, связанный с Роланами, сотрудник газеты «Патриот франсэ», депутат Конвента от департамента Рона и Луара.

103. «Le Publiciste de la République française», № 209, 6 juin 1793. «Подробности восстания 2 июня...» [См.: Ж.-П. Марат. Избранные произведения Т. III, с. 314.— *Прим. ред.*]

104. «Moniteur», XVI, 553 «Ну что же, я подаю в отставку и не желаю для себя никакой иной защиты, кроме защиты народа, которому я неизменно предан».

105. «Moniteur», XVI, 554; «Archives parlementaires», LXV, 706. Гусман (1753—1794) — испанец по происхождению, финансист, натурализовавшийся во Франции в 1781 г., считался агентом иностранных держав, был осужден и казнен вместе с дантонистами.

становилась еще более опасной, когда она представала акцией, совершенной под угрозой восставшей уличной толпы. Что же останется завтра от прерогатив Конвента, т. е. от морального авторитета самой Революции? Левассер хорошо обрисовал эту бездеятельную скорбь в своих мемуарах [106].

«В Собрании царило какое-то оцепенение Мы сами, члены Горы, желавшие положить конец господству некоторых коллег, неспособных выполнять свои обязанности, мы сами не могли видеть без боли, как восставший народ выступал против единственного установленного учреждения, которое могло спасти отечество. Никто не просил слова. Не было никакой дискуссии... За исключением пяти или шести человек, людей действия, среди которых не было ни одного из друзей Дантона, Гора разделяла подавленное настроение правой. Председательствовавший Мальларме, утомленный, покинул свое кресло, и Эро де Сешель молча председательствовал в немом Собрании».

Между тем Дантон, озабоченный тем, чтобы избежать всяких крайностей со стороны народных сил и сохранить, даже при необходимом акте ампутации, достоинство Конвента, требует, чтобы Комитет общественного спасения выяснил, кто приказал солдатам блокировать двери зала. «Вы можете положиться, — заявляет он, — на рвение Комитета общественного спасения, он сумеет жестоко отомстить за оскорбление, нанесенное сейчас национальному величию» [107].

Офицер Лесэн, капитан вооруженных сил секции Бон-Консей, давший приказ, был вызван к барьеру [108]. И в это время Барер внезапно предлагает Конвенту покинуть зал, с тем чтобы продолжить обсуждение среди вооруженной силы и тем самым ощутить свою собственную свободу и засвидетельствовать ее перед всем миром [109].

При всех громких фразах это был самый легкомысленный и самый бесполезный шаг. Вооруженные революционные силы, окружавшие Конвент, хотели, чтобы жирондисты были повержены. Чтобы доказать, что он сохраняет свою свободу и среди штыков, Конвент должен был бы взять Жиронду под свою защиту То, что предложил Барер, означало либо театральный жест, либо открытый, резкий конфликт между Конвентом и вооруженными революционными секциями

Какой реванш для Верньо, который 31 мая тщетно пытался организовать такой массовый выход Конвента! Трудно разобрать, даже по мемуарам Барера, был ли у него разработан точный план или хотя бы имелся какой-то определенный замысел [110].

«Я поднимаюсь на трибуну, полный решимости погибнуть или добиться наказания командующего Анрио, поддержавшего вооруженной силой такое грубое нарушение неприкосновенности национального представительства. Я выступаю против этого насилия, я призываю Собрание выйти и стать перед лицом этой ко-

щунственной артиллерии, которой руководят негодяи. Собрание взволнованно, негодует, готово выйти. В это время Робеспьер поднимается на трибуну и говорит мне вполголоса: „Что вы делаете? Вы тут заварили *изрядную кашу*“. Это выражение открывает мне ту роль, какую этот лицемер играл во всем этом деле, не осмеливаясь показаться. „Ну нет, — отвечаю я ему громко, — каша не на трибуне, а на площади Карусели, вот где она“. Я указал на площадь, где находились наши убийцы. И, продолжая свою речь, я старался вновь убедить Конвент выйти, чтобы своим мужественным присутствием самому свести на нет усилия мятежников и бросить им в лицо обвинения. Тут-то я и произнес те слова, которые мне позднее так часто ставили в упрек: „Я требую примерного и немедленного наказания того наглого солдата, который осмеливается оскорблять и чинить насилие над национальным *представительством*“.

К несчастью, председательствовал в то время Эро де Сешель, человек бесхарактерный и подчиненный влиянию Дантона. [Он не был председателем, но, как бывший председатель, временно замещал уставшего Мальларме.]

Однако он был вынужден выйти и возглавить депутатов, поспешивших на площадь Карусели, чтобы встать перед лицом батарей и пушек Коммуны.

Наше присутствие останавливает канониров, стоявших с зажженными фитилями. В этот момент Эро де Сешель *вежливо* подходит к Анрио и спрашивает его от имени Конвента, какова причина *этого военного выступления*. Анрио отвечает ему, что он пришел потребовать от имени парижского народа ареста и удаления двадцати двух депутатов, чинящих повседневно помехи работе Собрания и действующих во вред общественному благу. Во время этого ответа один адъютант Анрио приближается к Дантону и что-то говорит ему на ухо, а также Лакруа. Я расслышал (как и мой двоюродный брат, Гектор Б., которого слухи об опасности побудили прибежать на площадь Карусели, чтобы быть рядом со мной): „Да, да, правильно, все хорошо“, и Дантон пожимает руку адъютанту. Тогда Эро де Сешель говорит, что Собрание хотело бы разойтись и что собранные войска тоже должны разойтись. В это время явился Марат. Марат, этот свирепый адъютант Дантона,

---

106. Levasseur Op cit, t. I, p. 247.
107. «Moniteur», XVI, 554; «Archives parlementaires», LXV, 707
108. «Moniteur», XVI, 554 Лесэн был обвинен Сорином (1773—1813), депутатом Конвента от департамента Ланды, близким к жирондистам.
109. «Moniteur», XVI, 554; «Archives parlementaires», LXV, 707. «Граждане, я повторяю· докажем, что мы — свободные люди. Я требую, чтобы Конвент отправился обсуждать свои дела среди вооруженной силы, которая его, несомненно, защитит».
110. Barere Mémoires, t. II, p. 91.

говорит, что Собранию для того, чтобы доказать, что его свобода не нарушена, достаточно прогуляться по Тюильри. Депутаты направились к различным воротам или выходам, которые оказались под охраной отрядов Анрио, получивших приказ никого не выпускать. Марат торжествовал и улыбался, как тигр, готовый броситься на свою добычу. Криками он заставил депутатов вернуться в зал. И в тот момент погибла общественная свобода».

Я не воспроизвожу здесь всех тех контрреволюционных ухищрений, с помощью которых Барер старался в своих мемуарах обезоружить гнев реакции. Я не оспариваю также его столь суровые суждения о роли и характере Робеспьера, Дантона и Марата. У него были две причины клеветать на них. Он старался отмежеваться от их «крайностей», и в то же время он пытался снять с себя обвинение в том, что он принес или позволил принести в жертву великих революционеров. Но в самом деле, какой целью он задавался, предлагая этот выход на площадь? Чего ожидал он от этого? Хотел ли он просто дать Конвенту возможность показать свою свободу? Но тогда надо было скорее умереть, чем вернуться в Тюильри и позволить зажать себя в железные тиски. Или он думал, что Конвенту удастся рассеять скопление войск и затем отложить дебаты на следующий день, чтобы вести обсуждение в обстановке, свободной от всяких угроз? Это означало бы крайне ожесточить Революцию, оттягивая ее. Это означало бы, затягивая кризис, привести к его обострению и кровопролитию.

По некоторым штрихам рассказа Марата может показаться, что Барер хотел увлечь депутатов Конвента довольно далеко, до Марсова поля, с тем, может быть, чтобы там они разошлись, предварительно поклявшись не позволить повстанческой силе оказывать давление на решения Конвента. Но тогда Конвент стал бы, помимо своей воли, центром контрреволюционного модерантизма. Марат проявил гораздо больше политического чутья, отказавшись сначала участвовать в этом бесполезном или пагубном выходе и вернув затем Конвент обратно.

«Требуют к барьеру командующего. Его не могут найти. Несколько офицеров являются и заявляют, что не они давали подобные распоряжения. Замешательство усиливается, ходят туда и сюда, бегут во все стороны, говорят, что все погибло, что какая-то посторонняя стража держит Конвент в плену, пока не наступит время его вырезать. *До чего ничтожны эти мнимые мудрецы!* Они испугались горсточки часовых, вооруженных пиками, охранявших двери и не разрешавших никому ни входить, ни выходить — мера предосторожности, принятая лучшими гражданами, чтобы не допустить расправы подосланных злодеев с депутатами клики. Среди всего этого беспорядка председателю предлагают выйти во главе депутатов Конвента. Он встает с кресла, почти все члены следуют за ним, он подходит к бронзовой двери, стража тут же открывает проход. Вместо того чтобы вернуться и констатировать

лживость выкриков, он ведет Конвент процессией во дворы и в сад. Я оставался на своем месте, со мной оставалось десятка три монтаньяров. Трибуны проявляют нетерпение, видя, что Собрание не возвращается, и начинают громко роптать. Я их успокаиваю. Бегу за Конвентом. Нахожу его у разводного моста, где, говорят, Барер предлагал идти на Марсово поле. Я настаиваю на возвращении Конвента на свой пост. Он возвращается и возобновляет свои работы» [111].

Болото могло убедиться, что революционные секции решили довести дело до конца. Народ, когда мимо него проходили депутаты Конвента, встречал их криками: «Да здравствует Республика! Спасите нас! Долой двадцать двух!» [112]

ДЕКРЕТ ОБ АРЕСТЕ ВОЖДЕЙ ЖИРОНДИСТОВ

Пытаясь и далее спасти Жиронду от ее судьбы, пришлось бы сражаться не только против пушек Анрио, но и против самой Революции. Кутон предложил, чтобы разоблаченные депутаты были подвергнуты домашнему аресту, равно как и министры Клавьер и Лебрен [113]. Предложение было встречено сочувственными возгласами, и тут же принятый декрет поразил Верньо, Бриссо, Гюаде, Горса, Петиона, Саля, Шамбона, Барбару, Бюзо, Бирото, Рабо-Сент-Этьенна, Ласурса, Ланжюинэ, Гранженева, Лесажа (из департамента Эр и Луар), Луве (из департамента Луаре), Валазе, Дульсе, Лидона, Леарди (из департамента Морбиан), всех членов Комиссии двенадцати (за исключением Буайе-Фонфреда и Сен-Мартена) [114] и министров Клавьера и Лебрена.

Парижский департамент, выразив благодарность Собранию за решение, которое спасает отечество, предложил выделить из со-

---

111. «Le Publiciste de la République française», № 209, 6 juin 1793. [См.: Ж.-П. Марат. Избранные произведения. Т. III, с. 315.— *Прим. ред.*]
112. Помещенный в «Moniteur» (XVI, 554) рассказ об этом знаменитом эпизоде очень краток. «Весь Конвент выходит из зала заседаний и проходит сквозь вооруженную силу, которая его окружает. Крики: «Да здравствует Республика и Национальный Конвент!» раздаются со всех сторон. Конвент, пройдя по садам Тюильри и площади Каруселли, возвращается в зал своих заседаний. (*Трибуны разразились бурными аплодисментами.*)»
113. «Moniteur», XVI, 555; «Archives parlementaires», LXV, 707.
114. Речь идет о Сен-Мартен-Валоне (1750—1807) — адвокате, мэре Мийо, депутате Конвента от департамента Аверон; благодаря своим связям с Жирондой он был назначен членом Комиссии двенадцати. Сен-Мартен-Валонь и Буайе-Фонфред были исключены из перечня лиц, указанных в декрете, так как возражали против выдачи комиссией ордеров на арест.

става должностных лиц департамента заложников в числе, равном числу арестованных депутатов, и отвечать за безопасность последних перед их департаментами [115].

Нет, революционерам не нужна была жизнь жирондистов. Както в один из этих трагических дней Верньо воскликнул: «Дайте же Кутону стакан крови, он изнывает от жажды». Верньо ошибался: Кутон не жаждал крови. Но Жиронда превратилась в смертельную опасность для революционной Франции. Она должна была исчезнуть 2 июня ее политическое могущество рухнуло.

Глава одиннадцатая

ПРИЧИНЫ ПАДЕНИЯ ЖИРОНДЫ

Почему она потерпела поражение? Почему она была устранена? Потому ли, как думает Зибель [1], что она до такой степени стала партией класса, исключительно партией буржуазии, что уже не могла больше вести совместную с пролетариями борьбу? Но между социальными взглядами Жиронды и Горы не было глубоких противоречий. Монтаньяры, в общем, не были ни коммунистами, ни уравнителями. Если Жиронда делала вид, что охраняет от них собственность, то это был просто тактический прием в политической борьбе. Горса в своем очерке о событиях 31 мая — 2 июня настаивает на этом: жирондисты-де боролись за то, чтобы спасти Францию от «аграрного закона» [2].

Но все это было лишь обманом и полемическими уловками. Монтаньяры и сама Коммуна так же несомненно, как и Жиронда, хотели обеспечить уважение к собственности и ее основную форму. Развитие политической борьбы между Жирондой и монтаньярами привело эти партии к тому, что одна стала опираться на буржуазию, другая — на силу народа. Но по существу, это была скорее борьба между партиями, чем борьба между классами. Жи-

115 «Moniteur», XVI, 554.

1 H von Sybel (1817—1895). Geschichte der Revolutionszeit. Dusseldorf, 1853—1879, 5 vol См. французский перевод M Боске, просмотренный автором «Histoire de l Europe pendant la Révolution française» Paris, 1869—1888, 6 vol , t II, p. 315. («...Они встали во главе оппозиции буржуазии и выступали под знаменем порядка и собственности»)

2. G o r s a s Précis rapide des événements qui ont eu lieu a Paris dans les journées des 30 et 31 mai, 1er et 2 juin 1793 . (B.N , 8° Lb41 666, imp. in-8°.)

ронда согласилась бы и на принудительное прогрессивное обложение, и на закон о максимуме, если бы считала возможным таким образом обеспечить свое господство. В области экономической политики она не была связана непримиримым догматизмом. Но, отстав от политического порыва народа, она, естественно, была вынуждена бережно относиться к тому, что осталось от ее революционной клиентелы, к торговой и промышленной буржуазии [3].

Можно ли считать, что Жиронда скомпрометировала себя в глазах пролетариев расточительным и роскошным образом жизни? Но отнюдь не доказано, что нравы жирондистов были более вольными, чем у монтаньяров. Против Жиронды особенно были использованы министерские обеды, устраиваемые Роланом, поскольку они носили политический характер. Роланы были честными, это знали даже их враги. К тому же если некоторые жирондисты, как это случилось раньше их с Барнавом, уступали соблазну светской жизни, если они посещали салоны, театры и будуары, то это не изменяло их скромного в основном быта. С другой стороны, разве все их противники были аскетами? Когда Дантона обвиняли в том, что он чересчур уж наслаждается жизнью, то он не оправдывался, он только пожимал плечами, а порой даже грубо похвалялся силой своего темперамента.

Робеспьер был воздержан и целомудрен, но в общем жил весьма комфортабельно и в условиях некой утонченной обеспеченности. Семейство Дюпле, принявшее его в своем доме как близкого друга, принадлежало к весьма состоятельной буржуазии. «Столяр Дюпле», довольно крупный хозяин в столярном деле, получал от одной лишь сдачи в аренду домов от 10 до 12 тыс. ливров ренты, не считая доходов от своего промысла [4]. Проживая в комфортабельном и тихом доме на улице Сент-Оноре, Робеспьер был предметом обожания, и вся эта семья ревностных якобинцев заботилась о нем, как набожные прихожане о своем священнике. Он в какой-то мере наслаждался всеми прелестями семейной жизни, не будучи обременен ее обязанностями. Никаких денежных, никаких хозяйственных забот, полная свобода, утонченное благосостояние, атмосфера нежной преданности — чем не идеальная жизнь для человека, чей несколько скудный темперамент как бы пожирала лихорадка мысли и борьбы? Очень хорошо обрисовал это Бодо в своих мастерски написанных воспоминаниях [5].

«В семействе Дюпле существовал своего рода культ Робеспьера. Утверждали, будто этот новоявленный Юпитер не нуждался в метаморфозах, к которым прибег бог Олимпа, чтобы сделать уступчивой старшую дочь своего хозяина Элеонору. Это совершенная ложь. Подобно всей своей семье, эта юная девушка была фанатически предана богу Робеспьеру, она была даже, в силу своего возраста, более восторженной. Но Робеспьер совершенно не любил

женщин, он был весь погружен в свои политические озарения: его абстрактные мечты, его метафизические рассуждения, его охрана, его личная безопасность — все эти дела, несовместимые с любовью, не оставляли никакого места для этой страсти. Он не любил ни женщин, ни денег, и *своим частным делам он уделял так мало внимания, словно все торговцы должны были быть для него бесплатными и благодарными поставщиками, а все постоялые дворы, заранее оплаченные, должны были быть к его услугам. И действительно, он так себя держал со своими хозяевами*».

Сказано резко, но справедливо. Это было в конечном счете удобное существование. У Бриссо, которому приходилось заботиться о содержании семьи, который был завален трудами и делами, жизнь была значительно тяжелее и труднее. И неужто Демулен, жизнерадостный, женатый на богатой женщине, которую он обожал [6], постоянно порхавший среди блеска салонов, наслаждавшийся радостями жизни, неужто Демулен мог упрекать Жиронду в недостаточной строгости нравов?

Нет, не в этом суть глубокого недовольства народа.

Можно ли считать, что чрезмерная мягкость и бесхарактерная гуманность мешали жирондистам действовать в соответствии с требованиями революционной действительности? Нет. Они умели быть беспощадными, когда этого требовали интересы их дела. Открытое письмо Ролана Людовику XVI было ударом ножа [7]. Их возмущение сентябрьскими избиениями было запоздалым и рассчитанным. Они пытались морально убить Дантона путем жестоких инсинуаций и гнусных пасквилей. Они пытались предать Марата в руки палача. Пусть прочтут переписку г-жи Ролан, которую опубликовал Перру [8]. На протяжении всего 1791 г. она побуждает к насильственным мерам. Она поет хвалу Марату и «могучему Дантону». Она провозглашает, что свободы можно добиться, только «пройдя через море крови» [9]. О нет, милосердие,

---

3. Об отношениях между Жирондой и Горой см.: Ж. Жорес. Социалистическая история Французской революции. т. III, с. 526, Дополнительные замечания.
4. От 10 до 12 тыс. ливров ренты за сдачу в аренду домов. Мы не смогли найти источника, из которого Жорес заимствовал эти данные.
5. Baudot. Notes historiques sur la Convention nationale, p. 242.
6. 20 декабря 1790 г. Камиль Демулен женился на Люсиль Дюплесси, дочери старшего служащего Генерального контроля финансов.
7. См.: Ж. Жорес. Цит. соч., т. II, с. 478, «Требование Ролана».
8. «Lettres de Madam Roland...», publiées par Cl. Perroud. Paris, 1900—1902, 2 vol.
9. «Об этом страшно и подумать...: мы должны отступать, идя путем мира, и сможем возродиться лишь путем кровопролития» (t. II, p. 313, письмо от 24 июня 1791 г. Банкалю). «Нам необходимо прий-

чувство жалости были для жирондистов только тактическими уловками, и отнюдь не гуманная чувствительность сделала их беспомощными перед грубостью разыгравшихся событий.

Может быть, они были дезориентированы какой-нибудь ложной идеей, какой-нибудь абстрактной системой? Бодо писал: «Монтаньяры считали, что для защиты родной земли и для сохранения самой Революции необходимо продолжать проводить насильственные меры. Жирондисты, наоборот, хотели сразу же провести в жизнь свои основные идеи» [10].

Однако здесь не следует смешивать причины и следствия. Не потому, что жирондисты были людьми доктрины и созидания, противостояли они Горе, людям действия и борьбы. Именно потому, что они утратили контакт с революционными действиями и борьбой, они и казались погруженными в отвлеченные системы и теории. Если Дантон говорил о них, что «они адвокаты и судейские, но они не видят дальше пера их судебного исполнителя», если Бодо добавлял, что «это богословы, закосневшие в спорах» [11], то ни тот ни другой не имели при этом в виду некий прирожденный или профессиональный порок. Они скорее констатировали таким образом, во что превратилась Жиронда, когда она уже не шла больше в ногу с Революцией, когда ее речи уже не отражали всей полноты событий. Наибольшим теоретиком среди жирондистов, действительно систематически мыслящим человеком, был Кондорсе. Но его с трудом можно причислять к партии Жиронды, которую погубило отнюдь не философское и абстрактное теоретизирование.

ФЕДЕРАЛИЗМ ЖИРОНДИСТОВ

Были ли они действительно одержимы доктриной федерализма? И действительно ли предвзятая теоретическая установка на рассредоточение национальной жизни увела их в сторону с пути Революции как раз тогда, когда последняя старалась максимально концентрировать свои силы? Но и здесь не следует впадать в заблуждение, искажая перспективу. Именно политическая борьба, которую они повели против Парижа, потому что утратили там превосходство, побудила их обратиться к рассредоточенной жизни департаментов и к своего рода федерализму, а не федералистская концепция отвратила их априори от парижской Революции.

Я знаю, правда, что Ларевельер-Лепо, который хотя и не был жирондистом, но с ненавистью относился к врагам Жиронды, в своих мемуарах охотно говорит о федерализме [12]. Он вспоминает о том, что в Комитете общественного спасения всегда выступал против упразднения федералистских конституций Голландии и Швейцарии. Но не эти соображения определяли действия Жиронды. Я знаю также, что Бюзо в своих полных отчаяния мемуарах, хотя и протестует против обвинения в федерализме, не отмежевывается от теории федерализма [13].

«Нет такого департамента, такого города, даже какого-нибудь жалкого клуба, который не обзывал бы нас роялистами и федералистами. Сами эти два слова, наверное, сильно удивлены такому соседству... Однако Барер в только что прочитанном мною докладе счел возможным дать этой клевете другой оборот. Послушайте, что говорит этот ловкий человек после того, как двадцать три человека из наших погибли на эшафоте за двойное преступление, выразившееся в федерализме и роялизме. Это уже нечто другое, надо, оказывается, говорить, что мы хотели *установить монархию под видом федерализма*. Жалкий негодяй, ты потерял, стало быть, всякий стыд, тебе ничего не стоит совершить преступление! Почему ты прибегаешь ко все новым кривотолкам, к объяснениям, более темным, чем те слова, которые ты берешься объяснить? Ты отлично понимаешь, что, если мы федералисты, мы должны быть республиканцами, а не роялистами. Но тот народ, который следует за тобой, этого не понимает... Подлый софист, чего ты добиваешься своими формальными выдумками, смешивая федерализм и монархию?

То, что нас обвиняют в федерализме, должно немало удивлять американцев, с которыми наши противники как раз жаждут заключить полезный союз. Неужели федерализм — чудовище, которое должно вызывать возмущение? Неужели преступление — высоко ценить форму правления, которая обеспечивает Америке счастье и свободу? А они-то, бедные, не могут разобраться, что к чему, и живут себе по-своему, как будто что-то знают. Федерализм, пожалуй, наиболее подходящая форма правления для великого народа, для больших государств, где хотят сочетать преимущества хорошо организованной свободы внутри страны с выгодами мощного объединения всех сил государства во внешних делах... Федерализм, в котором упрекали осужденных, мог бы стать новым основанием для выражения им общественной благодарности, если б этот упрек был заслуженным; но он так же необоснован, как и другие предъявленные им обвинения. В дебатах Национального Конвента нельзя найти следов приписываемого им плана установления у нас этой формы республиканского правления, которая к

ти к этой свободе, хотя бы через море крови» (t. II, p. 317, письмо от 1 июля 1791 г. Банкалю). «Могучий Дантон» (t. II, p. 304), «могучий Робеспьер» (t. II, p. 270).

10. B a u d o t. Op cit., p. 120.
11. Ibidem.
12. L a R e v e l l i è r e - L é p e a u x. Mémoires ... publiés par son fils... suivis des pièces justificatives et des correspondances inédites. Paris, 1873, 3 vol., t. I, p. 136. «Reflexions sur la tactique des assemblées et sur le fédéralisme».
13. B u z o t. Mémoires sur la Révolution... Paris, 1823, p. 53.

тому же не исключает единства и неделимости Республики. А их многочисленные сочинения свидетельствуют об их неизменной приверженности этому принципу, и это очевидно для тех, кто пожелает их прочесть и способен их понять. Главный труд, который они вырабатывали совместно, — это Конституция, основной принцип которой Кондорсе изложил в превосходной речи [14]... Почему же ни в Конституции, ни в речи Кондорсе, которая служит ее преамбулой, мы не находим никаких следов федерализма, никакого восхваления, даже никакого упоминания этой формы правления?

Федералисты! А почему? Потому что предложили организацию департаментской стражи? В принципе предложение было правильным, а преследуемая им цель — спасительной. Это было средство, способное положить конец преступным крайностям столичных вожаков, умерить всепожирающее честолюбие Дантона, Робеспьера и Парижской коммуны, способное, наконец, создать из всех частей государства союз, одушевленный общей волей, доверием, духом единения и согласия, который сохранил бы неизменными среди них принципы равенства и свободы, единства действия и силы. Будь эта мера принята вовремя, беды, от которых страдает Республика, не достигли бы ныне предела.

Федералисты! А почему? Потому что голосовали за обращение к народу в связи с процессом короля. Это обращение было лишь справедливой данью уважения, которую представители французского народа должны были ему воздать в тех обстоятельствах. Это была также важная и полезная мера, направленная против тех, кто стремился к тирании и кого таким образом лишали возможности использовать смерть Людовика XVI, чтобы собрать вокруг себя все силы, все, что есть влиятельного в государстве, и поработить одних граждан с помощью других. Наши департаменты не были бы порабощены Парижской коммуной...

Федералисты! А почему? Потому что требовали наказания участников сентябрьских избиений, которыми руководили и которых направляли Робеспьер, Дантон...

Федералисты! А почему?...»

О да, конечно, доказательств более чем достаточно. Все, что говорит осужденный Бюзо, дышит болезненной яростью ненависти, но это не отражение какой-либо системы. И если мысль жирондистов повернулась к широкой рассредоточенной и раздробленной жизни департаментов, то не вследствие заранее обдуманного федералистского плана, а в силу безумной логики борьбы со столицей, где они уже не были хозяевами положения.

Пожалуй, не было обращено должного внимания на то обстоятельство (напротив, это даже остерегались делать), что Марат снимает с жирондистов обвинение в федерализме. Правда, он тут же обвиняет их в том, что они хотели поставить свою деятельность в области централизации на службу контрреволюции и монархии. Бюзо ставит дилемму: или мы федералисты, и тогда мы республиканцы, или же мы роялисты, и тогда мы не федералисты. А Марат заявляет: «Нет, жирондисты — не федералисты, ибо по существу они роялисты». Я читаю в «Люблисист де ла Репюблик франсэз» Марата, Друга народа (номер от 24 мая 1793 г.) [15]:

«До тех пор пока у тирана была еще голова на плечах, клика государственных людей делала все, чтобы спасти его от казни и сохранить монархию в его лице, несмотря на то что Республика была провозглашена в соответствии с формальным голосованием всех честных французов. *Вожаков этой дьявольской клики долгое время обвиняли в федерализме. Признаюсь, я никогда не разделял этого мнения, хотя и случалось мне иногда выдвигать это обвинение. Я исхожу в основном из того, что эти вожаки — слишком образованные люди, чтобы воображать, будто федеративная Республика у французов может обеспечить устойчивый порядок. Ибо у нации, суетной, легкомысленной, склонной к необдуманным действиям, одержимой страстью к господству и всегда готовой стать жертвой первого попавшегося плута, достаточно ловкого, чтобы снискать ее доверие, федерализм вскоре зажег бы пламя внутренних раздоров во всех департаментах и возродил бы злосчастные войны баронов и феодальное правление.*

Как бы там ни было, сношения главных вожаков с двором в период до 10 августа, связи их приспешников с Дюмурье с целью восстановления Конституции 1789 г. и декларация этого генерала-заговорщика во время его похода в Голландию не оставляют никаких сомнений относительно их подлинных замыслов.

Эти преступные замыслы не изменились и после падения верховного главнокомандующего. Поддерживая пособников старого порядка и подготавливая победу врагов Революции, они работают над восстановлением монархии. Они отлично поняли, что прежде всего им необходимо стать абсолютными хозяевами Конвента, чтобы получить возможность безнаказанно издать затем самые убийственные для дела свободы постановления, чтобы декретировать контрреволюцию. Но как этого достигнуть на глазах у просвещенной публики и в таком огромном городе, как Париж? Так как такая попытка представлялась им столь же бесполезной, сколь и опасной, то они оказались перед альтернативой: либо заполнить трибуны своей публикой, либо перенести местопребывание Конвента в какой-либо аристократический город. И таково их упрям-

---

14. «Plan de constitution présenté... les 15 et 16 février 1793...» (B.N., 8° Le[38] 1766, imp. in-8°, 48 p.)

15. «Le Publiciste de la République française», 24 mai 1793. Содержание: «Клика родила мышь».

ство в этом деле, что с тех пор они не упускали ни единого случая, чтобы не способствовать осуществлению этого замысла».

Есть ли нужда доказывать, что жирондисты не были роялистами, что они не трудились сознательно и решительно над восстановлением монархии? Здесь, как во многих других случаях, ошибка Марата заключается в том, что он рассматривает как проявление сознательной воли то, что было лишь крайним логическим следствием и неизбежным или возможным результатом определенных действий. Но Марат прав, когда он отмечает, что, силясь найти точки опоры для борьбы против Парижа, против революционных сил Горы, Коммуны и секций, жирондисты пробуждали или разжигали надежды роялистов и контрреволюционеров. Он также глубоко прав, когда заявляет с замечательной ясностью и свободой мысли, что жирондисты не вдохновлялись федералистской системой. По существу, их план состоял в том, чтобы сохранить или обратно отвоевать центральную власть.

Несколько месяцев спустя, когда Бюзо, осужденный и скрывшийся из Парижа, будет объяснять, в чем заключалась тактика Жиронды, он подтвердит в этом вопросе мнение Марата:

«Если я с удовольствием наблюдал величественное движение департаментов, развернувшееся в минувшем июне, то потому, что *все устремлялись к центру*, все шли на Париж, чтобы разбить оковы Конвента, запертого в своих стенах. Они все желали единства Республики, которое выступление 2 июня имело целью разорвать. Разве они говорили бы так, как они говорили, разве движение их было бы таким, каким оно было, если бы у этих департаментов был замысел отделиться друг от друга, изолироваться? Нет. Обвиняя во всех своих бедах Парижскую коммуну, а у них, конечно, были на то основания, эти департаменты объявили бы себя независимыми от Конвента, мятежные депутаты которого привязались к этому городу как к очагу их честолюбия и их преступлений. Они собрали бы, каждый на своей территории, войска, чтобы защитить себя в случае нападения, а впрочем, их сопротивление выразилось бы скорее в неком, хорошо между ними согласованном, плане пассивного неповиновения, нежели в активных действиях, имевших гораздо меньше шансов на успех, да и трудно осуществимых. *Наконец, они обратились бы к французскому народу с торжественной декларацией, что они намерены прервать все сношения и все политические, гражданские и торговые связи с городом, который во все времена был бичом для Франции и который, несомненно, станет могилой свободы*» [16].

Когда Бюзо в порыве бешеной ненависти как будто смешивает федерализм со своеобразным отлучением Парижа и сожалеет о том, что жирондисты и департаменты не были в достаточной мере федералистскими, он тем самым защищает свою партию от обви-

нения в федерализме. Но мне кажется, что и Бюзо и Марат смешивают здесь разные вещи. Конечно, жирондисты не были федералистами, в том смысле, что они не придерживались некоего законченного и систематического федерализма. С их точки зрения, федерализм не мог обеспечить нормальной и прочной организации французского общества. Но не доказано, что в своих предположениях, в своей непосредственной тактике в ходе борьбы они не допускали возможности некоего временного федерализма. Их призыв к департаментам против Парижа мог принять две различные формы. Либо они создали бы в Бурже или в ином месте другой правительственный центр, другую столицу, жирондистскую, столицу порядка, которая вступила бы в борьбу со столицей анархии, пока вся страна не была бы подчинена единой политике и единому закону. Это был бы по существу жирондистский и департаментский централизм, противопоставленный монтаньярскому и парижскому централизму. Такой план был у некоторых жирондистов, в частности у Гюаде, в то время, когда руководители Жиронды могли еще надеяться договориться между собой о некотором единстве действий.

Либо еще жирондисты могли рассчитывать на различные стихийные взрывы многочисленных сил недовольства и оппозиции, носивших в различных районах разные формы. В будущем из этого временного разобщения возникло бы новое объединение, Франция восстановила бы свое единство, но без воздействия Парижа, вопреки воздействию Парижа, т. е. единство более свободное и более гибкое. Это был, так сказать, некий переходный федерализм, федерализм отчаяния. Все это так, но поскольку нация, привыкшая к организации и единству, не может, даже временно, впасть в состояние расчленения, не испытывая тоски агонии и предчувствия бесповоротной гибели, то не подлежало сомнению, что эта департаментская анархия сразу же стала бы стремиться к организации вокруг некоего центра сил и идей. И какой же другой возможен был центр, кроме монархической традиции и контрреволюционной идеи?

В этом глубоком смысле слова Барер вправе был утверждать (и хотя Бюзо считал это софизмом, это была истина), что жирондисты своим разрывом с Парижем подготавливали монархию в федеративной форме. Да, это было так, даже если бы иностранные державы, вооруженный защитник контрреволюции, не использовали эту анархию, для того чтобы навязать нации свою контрреволюционную волю.

Бодо в своих записках очень искусно и верно отметил нюансы жирондистского федерализма. Он прав, утверждая, что федера-

16. Buzot. Op. cit., p. 55.

тивная организация департаментов была в их замыслах только маневром с целью раздавить своих противников в Париже и вернуть себе власть [17]:

«Тридцать первое мая было лишь неким ответным ходом. Депутаты от Бретани неоднократно собирались под предлогом гражданских трапез, и на этих, якобы гастрономических, собраниях много раз поднимался вопрос о том, как избавиться от Парижской коммуны, *как конституироваться в федеративные департаменты*, как опустошить ряды Горы, а если нужно будет, то и совсем ее уничтожить, что и было осуществлено позднее как в отношении опустошения, так и в отношении полного уничтожения. Позаботились о том, чтобы устранить от этих обсуждений Шарля Дюваля, депутата от департамента Иль и Вилен, и Фуше, депутата от департамента Нижняя Луара [18], поскольку оба они были противниками той системы, торжества которой хотели организаторы этих собраний. Божар и Меоль всегда высказывались против того, что было целью этих собраний [19]. Так как не удалось преодолеть их сопротивления, то собрания прекратились, а дискуссии продолжались у Дюфриш-Валазе. То же происходило у депутатов из провинции Пуату, которых таким же образом и под тем же предлогом созывали на трапезы, после которых собирались у Крёзе-Латуша [20]. Депутаты Бион и Дютру-Борнье активно выступали на этих собраниях [21]; там была и сильная принципиальная оппозиция, что и послужило причиной собраний у Крёзе-Латуша, в которых участвовали только люди, пользовавшиеся полным доверием. Речь постоянно шла о том, чтобы удалить наиболее горячих сторонников Горы, изгнать их и управлять в духе Жиронды. События обернулись против этих происков, и любители проскрипций сами оказались изгнанными».

Группируясь таким образом по старым провинциям, Бретани и Пуату, жирондистские депутаты, несомненно, думали организовать федеративные союзы, объединить по районам департаментские силы, и, по-видимому, именно это и подразумевает Бодо под словами «конституироваться в федеративные департаменты». Но прежде всего, в пределах каждой провинции существовало слишком много разногласий, чтобы эти группы смогли установить прочное равновесие, и совершенно очевидно, что все эти комбинации имели своей целью господствовать в центре, «управлять в духе Жиронды». Никакой доктрины тут не было. Бодо ясно заявляет [22]:

«В первое время существования Национального Конвента много говорилось о федерализме во Франции. *Я не думаю, чтобы эта система основывалась когда-либо на четком плане.* Враги Революции, подхватывающие все идеи, которые могли бы послужить источником разногласий, воспользовались этим случаем, как и многими другими. Я узнал, что некоторые из них обратились к депутату Руйе [23] с предложениями в духе этой системы. Этот депутат при внешней грубости обладал большой способностью к интриге, и их выбор был неплох. Он не пользовался широкой популярностью, но все же был довольно известен. В случае надобности его можно было использовать как пробный шар или как трамплин. Потому ли, что события тогда развертывались слишком стремительно, потому ли, что планы были плохо разработаны или отвергнуты, но об этом больше не было речи.

Я твердо знаю, что в Комитете общественного спасения не раз ставился вопрос о необходимости составления доклада о федерализме и что этот проект всегда откладывался за отсутствием доказательств. Между тем в ту эпоху представление доказательств не составляло труда».

Однако пока существовала Жиронда, все департаменты, где господствовало ее влияние, казалось, образовывали своего рода федерацию сопротивления, и можно было думать, что она превратится в федерацию управления.

«Политический федерализм, — отмечает Бодо [24], — был распространен от Нанта до Тулона, следуя по линии Ла-Рошель, Бордо, Тулуза, Монпелье, Ним, Марсель, Тулон; он охватывал города и окружающие их территории. Кроме этого географического и политического федерализма, во многих городах существовал гражданский федерализм, поддерживаемый перепиской с депутатами — сторонниками этой партии, так что администрация действовала вразрез с указаниями Конвента. Часто федерализм существовал изолированно в разных городах, в зависимости от того, чьими сторонниками были власти: Жиронды или Горы. Следствием этого были раздоры в правительстве, которые привели к гражданской войне. В Комитете общественного спасения много раз признавалось, что правительство не могло действовать при таких разногласиях; разъединение было очевидным и близким. Поэтому

---

17. B a u d o t. Op. cit., p. 233.
18. Дюваль Шарль (1750—1829) и Фуше (1759—1820) — оба монтаньяры.
19. Божар (1764—1832) — депутат от департамента Иль и Вилен; Меоль (1757—1826) — депутат от департамента Нижняя Луара, оба близки к монтаньярам.
20. Крёзе-Латуш (1749—1800) — депутат Генеральных штатов от третьего сословия сенешальства Шательро, затем депутат Конвента от департамента Вьенна, был близок к жирондистам.
21. Бион (1730—1798) — депутат Генеральных штатов от третьего сословия сенешальства Шательро, затем депутат Конвента от департамента Вьенна; Дютру-Борнье (1741—1816) — депутат Генеральных штатов от третьего сословия сенешальства Пуатье, затем депутат Конвента от департамента Вьенна; оба были близки к жирондистам.
22. B a u d o t. Op. cit., p. 290.
23. Руйе (Rouyer) (1761—1819) — мэр Безье в 1790 г., депутат Законодательного собрания от департамента Эро, затем депутат Конвента; был близок к жирондистам.
24. B a u d o t. Op. cit., p. 103.

надо было принять решение, Парижская коммуна сочла себя вправе диктовать условия, несомненно, напрасно. Но если бы Конвент действовал сам, то не было бы никакого насилия извне».

Итак, как только Жиронда была побеждена, оказалось, что федерализм сопротивления, для которого она была мнимым основанием, не обладал никакой внутренней силой организации и единства. Было лишь рассеивание мыслей и усилий. Когда жирондисты после удара, нанесенного им Конвентом, кинулись в департаменты, они словно провалились в пропасть, где бушевали отдельные и не связанные между собой вихри, и не смогли создать никакого энергичного движения [25].

«Не было единства взглядов, — говорит Бодо [26], — в различных местностях и городах, поднявшихся против Конвента после 31 мая. В Кане, ставшем столицей Жиронды, богатые люди в городе и деревне не хотели и слышать о теориях жирондистов, касавшихся управления страной. Молодые люди, несомненно по совету родных, намеревались просто восстать, чтобы вернуться к системе старого порядка; они хотели восстановления феодальных прав, привилегий, дворянства и всей королевской иерархии. Генерал Вимпфен намеревался координировать восстание в Кальвадосе с действиями армий, стоявших по ту сторону Рейна [27].

Депутат Бирото [28], посланный Центральным комитетом Жиронды в Лион, не имел в этом городе никакого успеха; почти все восставшие присоединились к Преси, который хотел восстановления наследственной королевской власти прежней династии [29].

[Мятежники] Тулона согласились сдать крепость иностранцам. не посоветовавшись с жирондистами и даже не написав им об этом [30].

Марсель сражался за то, чтобы стать столицей Юга.

Даже Бордо не хотел признавать Конвент, но ничего и не предпринимал, чтобы организовать движение в пользу своих депутатов.

Вандея продолжала набирать войска для защиты дела дворян и священников и не проявляла никакого интереса к Жиронде.

Таким образом, восстания, поднятые после 31 мая, были предлогом, *и жирондисты нигде не находили поддержки своей системе*

В сущности, у них была бессвязная доктрина, лишенная продуманного плана».

Это — решающее слово. Итак, если жирондисты стали препятствием для революционного развития и опасными для Революции, то не столько из-за своей приверженности к федералистской доктрине и системе, сколько из-за своей изначальной преданности классовым интересам, из-за своего узкобуржуазного эгоизма.

ПАРТИЙНЫЙ ИЛИ КЛАССОВЫЙ КОНФЛИКТ?

Их погубил, сделал из них критикующую и парализующую силу, смертельную для национального и революционного действия, просто дух партийности, доведенный в своей узости до духа групповщины и клики. Я знаю, что те, кто считает политические события, вплоть до самых мелких, непосредственным отражением экономических явлений, сочтут это объяснение весьма поверхностным и легкомысленным. Если строго придерживаться метода, который Маркс, одновременно гениально и прямолинейно, применил в своей «Истории 18 брюмера» [31], то в ужасном конфликте между Жирондой и Горой следовало бы искать проявления глубоких классовых противоречий. Но в истории существует не только классовая борьба, но и борьба между партиями. Я имею в виду, что, независимо от экономического родства или экономических противоречий, образуются группировки, объединяемые страстями, интересами честолюбия и жаждой власти, оспаривающие друг у друга место под солнцем и приводящие к сильнейшим потрясениям *.

В первоначальных концепциях жирондистов, в их социальных симпатиях не было ничего такого, что сделало бы совершенно невозможным их соглашение с Дантоном и с Горой. Даже Парижская коммуна, в сущности, не угрожала буржуазной собственности. Но жирондисты, появившиеся после роспуска великого Учредительного собрания, не знали никакой политической дисциплины. Огромная коллективная сила, рожденная наказами Генеральным штатам и величественно проявившаяся в органической деятельности первого Собрания, либо ослабла, либо исчезла. В Учредительном собрании к моменту его заката было множество группировок и клик, и оно не могло придать духу Революции никакого широкого и решительного импульса, никакой определенной формы.

---

25. Серьезного общего исследования о федералистском движении нет. См.: H. W a l l o n. La Révolution du 31 mai et le fédéralisme en 1793. Paris, 1886, t. II. [См. работу советского историка: А. В. Г о р д о н. Федералистский мятеж.— «Французский Ежегодник. 1967». М., 1968.—*Прим. ред.*]
26. B a u d o t. Op. cit., p. 160.
27. Вимпфен Луи Феликс, барон де (1744—1814) — главнокомандующий армии федералистов в Нормандии в июне 1793 г.
28. Бирото (1758—1793) — депутат Конвента от департамента Восточные Пиренеи.
29. Преси Луи, граф де (1742—1820) — подполковник в конституционной гвардии короля в 1791 г., главнокомандующий мятежных войск в Лионе, восставшем против Конвента в 1793 г.
30. Тулон был сдан англичанам роялистами 29 августа 1793 г.
31. Точное название труда К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта».

*Критический анализ исторических взглядов Ж. Жореса см.: Н. М. Л у к и н. Жорес как историк Французской революции.— Н. М. Л у к и н. Избранные труды. Т. I. М., 1960, с. 159—177.— *Прим. ред.*

С другой стороны, пролетарии только начинали участвовать в политической жизни. Они еще не обладали политической силой, какую обретут благодаря своим действиям 10 августа и пылкому участию в священной войне за свободу. Поэтому, когда появилась Жиронда, не было никакой координации французских сил, никакой их определенной и прочной организации. Даже клубы, в том числе и Якобинский клуб, казалось, переживали в конце 1791 г., как и сама Революция, начало распада. Раскол среди фейянов, неопределенность политического плана (быть ли республиканцами или монархистами?) разбили или по меньшей мере временно ослабили влияние Якобинского клуба. Итак, когда появились жирондисты, когда они вдруг показались на горизонте, это была слабо связанная между собой группа блестящих личностей. Они были подобны молодым богам, двигавшимся без помех среди оказывавших им слабое сопротивление миров. Если так можно выразиться, в политическом и социальном устройстве мира не было ни монархической, ни народной плотности, и среди всех сил, находившихся либо в состоянии распада, либо в состоянии формирования, безрассудно действовали жирондистское тщеславие и честолюбие.

Эти честолюбивые и легкомысленные люди, чувствовавшие, что еще предстоит совершить великие дела, и не видевшие для их осуществления иной силы, кроме своей собственной, в какой-то момент уверовали в то, что при своей легкой одаренности, несколько непоследовательной смелости и никогда не изменявшем им красноречии, они олицетворяют собой всю Революцию. Может быть, если бы они остались предоставленными самим себе, если бы каждый из этих людей следовал своим немного неясным предначертаниям, то они вскоре примкнули бы к различным направлениям и их своенравие не укрепилось бы и не превратило бы их в клику.

Но мечтой г-жи Ролан всегда было управлять посредством небольшой группы людей, она упорно возвращается к этой мысли в своих письмах 1791 г.: ей кажется, что события пойдут не так, как нужно, если их не будет направлять группа друзей. Пагубное искушение! Влияние, которое придало г-же Ролан вхождение в правительство [ее мужа], мучительная и горькая любовь, которой она связала надменного Бюзо, — все это позволило ей мало-помалу навязать своего рода групповую дисциплину людям, не знавшим сильной политической и социальной дисциплины. Приобщившиеся очень быстро, благодаря вхождению многих жирондистов в правительство, к ответственности властей, вынужденные идти на компромиссы или вступать в сделки, они вскоре оказались обойденными движением иных сил.

Сама война, которую они вызвали, развязала грубую энергию народа. Выявились новые силы, центром которых был Париж, и новые власти оказались в глазах Жиронды одновременно и упреком и узурпацией. Все место под солнцем перестало принадлежать этим пристрастным людям. Отсюда их бунт в тот день,

когда привычка к исключительному и безответственному господству, приобретенная ими в период революционного разброда и яркого индивидуализма, натолкнулась на оказывающие сопротивление организации, на перестроившихся якобинцев, на парижскую демократию, на робеспьеристское влияние, на пылкие группы, образовавшиеся вокруг Дантона, на Парижскую коммуну. Вот в чем источник конфликтов между Жирондой и Горой. Он не в социальных противоречиях, а в силе самых обычных человеческих страстей, в честолюбии, в спеси, в тщеславии, в эгоистическом стремлении к власти. Вполне естественно, что, критикуя новые силы демократии, Жиронда выработала определенные политические и социальные положения. Но положения эти не лежали первоначально в основе жирондистской политики. Они были придуманным задним числом предлогом для все отвергающей, надменной и желчной оппозиции.

Глухой классовый конфликт, несомненно, незамедлительно присоединился к политической борьбе партий. Но в то время это было не главное. Гора, озабоченная прежде всего спасением Революции и необходимостью отразить вторжение неприятеля, питала вполне естественную симпатию к огромному и сильному народу, устремившемуся в армию. Она была вполне готова с помощью экономических средств обеспечить жизнь этого народа, путем таксации цен на зерно и принудительного прогрессивного займа у богатых. Но она не хотела ввязываться в систематическую борьбу против буржуазии. Это были меры, диктовавшиеся революционной борьбой; в сущности, они были предназначены для борьбы против старого мира, угрожавшего интересам самой буржуазии, могущество которой могла обеспечить только победа Революции. Монтаньяр Левассёр сожалеет о том, что жирондисты, в ожесточении своей борьбы против парижских властей, пытались вызвать недоверие буржуазного класса [32].

«Это было желание столкнуть между собой два общественных класса, тесно связанных с Революцией. Быть может, жирондисты таким образом подготовляли себе красивую роль, становясь во главе той части общества, где преобладали люди просвещенные; мы же, мы верили, что лучше послужим общественному делу, опираясь на народные массы, где преобладали сильные руки и энергичная самоотверженность. Быть может, из их рядов и не вышел бы прославленный генерал или красноречивый трибун; но именно они составили многочисленные батальоны, далеко отбросившие от границ вражеские когорты; именно они спасли Республику, тогда как страсти государственных людей толкали ее в пропасть».

Люди действия своим внезапным появлением и своей революционной организацией оттеснили на второй план непоследова-

32. Levasseur. Mémoires, t. I, p. 152.

тельную и болтливую Жиронду, проявив свое сочувствие активной силе народа, тогда как жирондисты клеветали на эту активную силу и все более регрессировали, превращаясь в своего рода фейянтистскую буржуазию, не в силу своего классового духа, а из желания обеспечить себе политическую клиентелу, которую можно будет противопоставить другой клиентеле. С этой оговоркой я согласен с суждением Бодо [33].

«Жирондисты хотели остановить Революцию на буржуазии; но такое решение было тогда неосуществимым и неполитичным. Война бушевала у наших границ и угрожала нам внутри страны; чужеземные орды можно было отбросить только с помощью народных масс; поэтому их надо было поднять и заинтересовать в успехе. Буржуазия по своей природе миролюбива и к тому же недостаточно многочисленна для таких великих акций.

Итак, одна только Гора хорошо поняла свою миссию, состоявшую прежде всего в том, чтобы помешать иностранному нашествию, и она воспользовалась единственным средством, которое могло привести к успеху этой высокой задачи. Она оказалась в крайне затруднительном положении и осмелилась громко сказать об этом; жирондисты не захотели этого или не захотели испытать эту участь».

Это несомненно; но если жирондисты хотели остановить Революцию на буржуазии, то главным образом потому, что намеревались остановить ее на Жиронде. Именно этот партийный эгоизм Революция и должна была устранить под страхом смерти. И она устранила его.

Конечно, жирондисты тоже могли жаловаться на многие несправедливости. Их намерения не раз становились предметом жестокой клеветы. Не раз также жестокие люди ради утоления своих аппетитов или своей ненависти использовали свою временную революционную диктатуру, давая благородным душам благовидный предлог для того, чтобы воздержаться, устраниться. И когда жирондистов обвиняли в роялизме, их республиканская честность восставала. Но они в значительной степени были сами повинны в тех эксцессах, которые они клеймили, ибо, если бы они искренне объединились со всеми революционными силами, они бы более надежно упорядочили их.

Какое значение имеют намерения людей в острый период революционного действия и опасности? Какое значение имеет то, что жирондисты не собирались восстанавливать королевскую власть, если своей разлагающей инертностью они подготовляли поражение Революции? Поэтому те из монтаньяров, которые, пережив события, сохранили силу и ясность мысли, могли признать известную предубежденность и заблуждение, которые примешивались в 1793 г. к их суждениям о Жиронде, не отрекаясь, однако, от необходимости удара, который они ей нанесли.

Я восхищаюсь прекрасным, полным силы спокойствием, с каким состарившийся Левассёр говорит о петиции парижских секций, требовавших ареста жирондистов [34]:

«Если на минуту забыть о событиях, происшедших после этой петиции, чтобы воскресить впечатления того момента, если поставить себя в то же положение, как тогда, если суметь восстановить в своей памяти законные причины недоверия и повседневные битвы и досаду, смешанную с негодованием, которую во мне вызывали многочисленные ошибки и многократные клеветнические выступления наших противников, если воскресить все, вплоть до предрассудков, от которых я не мог полностью избавиться, то сегодня, как и тогда, я вижу в петиции секций истинные факты и выводы, какие с полным правом можно было из них сделать. *Да, жирондисты препятствовали деятельности революционного правительства*; да, они ставили под угрозу дело Франции, отказываясь объединить свои силы с нашими против аристократии и вооружившейся Европы; да, они оставались друзьями Дюмурье до того момента, когда этот военачальник поднял открытый мятеж; да, они беспрестанно провоцировали гражданскую войну, призывая месть департаментов на голову народа Парижа. Сегодня, как и тогда, я не могу поставить эти факты под сомнение. Они вытекают из самих речей наших противников, и, чтобы установить истину, достаточно раскрыть «Монитёр». *Но тогда большинство из нас, и я первый, видели в этом неразумном поведении явные доказательства несомненной измены.* Так же как и парижские секции, мы видели в общности их желаний с желаниями Дюмурье общность действий и полное соучастие; как и Парижская коммуна, мы усматривали в помехах, чинимых всем нашим действиям, несомненное доказательство наличия заговора против Республики, который самым убедительным образом подтверждали неустанные усилия разжечь гражданскую войну. Ныне я, конечно, далек от того, чтобы высказать подобное суждение. Немалое число наших противников пострадало за свободу, многие из них выказали прекрасные черты характера, и прежде всего тот самый Луве, который проявил себя как наш самый ожесточенный враг. Так что я должен видеть только ошибки там, где тогда я усматривал преступления. Мы были несправедливы, не ведая того, и, быть может, то же самое происходило и со многими членами [Конвента], принадлежавшими к правой. Как только наши противники остановились на пути, которым мы хотели идти до конца, они, не ведая того, сами стали действовать заодно с аристократией. И, ощущая только оказываемое нам сопротивление, нам трудно было провести различие между противниками: все, что цеплялось за

33. Baudot. Op. cit., p. 158.
34. Levasseur. Op. cit., t. I, p. 183.

колесницу Революции, чтобы повернуть ее вспять, было в наших глазах равнозначным; от их торжества должна была выиграть только аристократия. Впрочем, эта несправедливость была так естественна, что жирондисты впали в подобную же ошибку по отношению к конституционалистам.

Ролан и Луве смешивали Лафайета и Байи с Мори и Казалесом; когда первые были арестованы в свою очередь, то не удивительно, что мы были склонны смешивать Верньо и Петиона с Рамоном и Дюма [35]. Это естественный ход вещей; мы видели лишь цель и препятствия, мешавшие нам достигнуть ее, и, по каким бы причинам наши противники ни старались их создать, они не могли быть для нас менее подозрительными и менее ненавистными».

Верно ли, что Жиронда оказалась победительницей посмертно, в том, что касается некоторых ее идей? Конечно, она участвовала в общей победе Революции, чью силу она некоторое время представляла, прежде чем стать для нее угрозой. Но если говорить о самих стремлениях, исходя из которых Жиронда выступала против Парижа и Горы, то ее победа лишь кажущаяся.

Бодо сказал, что монтаньяры хотели продлить время применения решительных мер и что «жирондисты хотели сразу осуществить конституционные идеи». И ныне не путем мер, диктуемых обстоятельствами, а путем претворения «конституционных идей» осуществляется и развивается республиканская демократия как форма Революции. Да, но монтаньяры тоже хотели, когда буря минует, управлять «посредством применения конституционных идей».

Жирондисты боролись портив чрезмерного влияния Парижа; и ныне вся республиканская Франция умеет уравновешивать, когда это нужно, ошибки Парижа, его цезаристские фантазии и его шовинистские увлечения [36]. Но это равновесие сил не имеет ничего общего с той ненавистью, какую Жиронда хотела внушить Франции. Это не уничтожение или умаление значения Парижа; напротив, это — придание ему большей широты, это — развитие просвещения и жизни, которые превращают Париж лишь в один из их очагов Разумеется, и монтаньяры, ученики Жан Жака, не были фанатиками Парижа; но Париж был в их руках единственно возможным орудием национальной обороны и великого революционного действия.

Да, Жиронда протестовала против того, что было ограниченного в мнимой или искренней суровости части монтаньяров. Она открыла перед Революцией блестящие перспективы богатства. Но значительная часть монтаньяров отвергала парадоксы Жан Жака и преклонялась перед самой широкой в целом и самой утонченной цивилизацией. Разве член Конвента Бодо в одном из вариантов эпитафии, которую он для себя написал, не назвал себя

«republicanus Pereclidis more» (республиканец в духе Перикла) [37]? И именно социалист Лассаль самым решительным образом отвергал омерзительный, грубый и завистливый «санкюлотизм» [38]. Воздавать честь одной только Жиронде за широту мысли, постепенно развившейся из мощи демократий, значило бы принижать демократию. Я не забываю о прекрасной картине богатства и расцвета искусств, которую нарисовал Верньо в своей речи о Конституции [39], говоря о будущем Французской Республики. Но в 1793 г. верным средством спасти цивилизацию было спасение Революции, а жирондисты губили ее.

---

35. Рамон (1755—1827) — адвокат при Высшем совете Эльзаса, депутат Законодательного собрания от Парижа, один из руководителей партии роялистов до 10 августа 1792 г. Дюма Матьё (1753—1832) — депутат Законодательного собрания от департамента Сена и Уаза, эмигрировал после 10 августа 1792 г.
36. Намек на генерала Буланже (1837—1891) и на «буланжизм»: 29 января 1889 г. генерал Буланже получил в Париже 245 236 голосов.
37. Baudot. Op. cit., p. 210. «Я хотел Республики в духе Перикла, т. е. с роскошью, науками, искусствами и торговлей». И в другом месте: «Я хотел Республики Перикла, а не Республики Ликурга» (p. 165).
38. См.: Lassalle. Discours et pamphlets. Paris, 1903, Bibliothèque socialiste internationale. «Во времена первой Французской республики 1793 г. ... было догмой верить, что высшие классы — безнравственны и развращенны и что один только простой народ — честен и нравственен. Это мнение пошло от Руссо. Догма эта в те времена получила такое распространение, что обладатель хорошего костюма тем самым начинал казаться подозрительным и развращенным; добродетель, честность и патриотизм, казалось, были уделом только тех, у кого не было хорошей одежды; это период санкюлотизма» (p. 181).
39. Bouchez et Roux, XXVI, 386; «Archives parlementaires», LXV, 330.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

ПАРИЖСКИЕ СЕКЦИИ

I. ИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ ПАРИЖСКИХ СЕКЦИЙ
(21 мая 1790 г.— 19 вандемьера IV г.)

1. Секция *Тюильри*.

2. Секция *Елисейских полей*.

3. Секция *Рульи* (1790 г.— октябрь 1792 г.), секция *Республики* (октябрь 1792 г.— 30 прериаля III г.), секция *Рульи* (30 прериаля III г.— IV г.).

4. Секция *Пале-Руаяля* (1790 г.— август 1792 г.), секция *Бютт-де-Мулен* (август 1792 г.— август 1793 г.), секция *Горы* (август 1793 г.— 21 фримера III г.), секция *Бютт-де-Мулен* (21 фримера III г. — IV г.).

5. Секция *Вандомской площади* (1790 г.— сентябрь 1792 г.), секция *Пик* (сентябрь 1792 г.—5 прериаля III г.), секция *Вандомской площади* 5 прериаля III г.— IV г.).

6. Секция *Библиотеки* (1790 г.— сентябрь 1792 г.), секция *Катр-Вен-Дуз (92 года)* (сентябрь 1792 г.— октябрь 1793 г.), секция *Лепелетье* (октябрь 1793 г.— IV г.).

7. Секция *Гранж-Бательер* (1790 г.— август 1792 г.), секция *Мирабо* (август — декабрь 1792 г.), секция *Мон-Блан* (декабрь 1792 г.— IV г.).

8. Секция *Лувра* (1790 г.—6 мая 1793 г.), секция *Музея* (6 мая 1793 г.— IV г.).

9. Секция *Оратуар* (1790 г.— сентябрь 1792 г.), секция *Французских гвардейцев* (сентябрь 1792 г.— IV г.).

10. Секция *Хлебного рынка*.

11. Секция *Почт* (1790 г.—18 августа 1792 г.), секция *Общественного договора* (18 августа 1792 г.— IV г.).

12. Секция *Площади Людовика XIV* (1790 г.— август 1792 г.), секция *Май* (август 1792 г.— сентябрь 1793 г.), секция *Вильгельма Телля* (сентябрь 1793 г.— мессидор III г.), секция *Май* (мессидор III г.— IV г.).

13. Секция *Фонтана Монморанси* (1790 г.— октябрь 1792 г.), секция *Мольера и Лафонтена* (октябрь 1792 г.—12 сентября 1793 г.), секция *Брута* (12 сентября 1793 г.— IV г.).

14. Секция *Бонн-Нувель*.

15. Секция *Понсо* (1790 г.— сентябрь 1792 г.), секция *Друзей отечества* (сентябрь 1792 г.— IV г.).

16. Секция *Моконсей* (1790 г.— август 1792 г.), секция *Бон-Консей* (август 1792 г.— IV г.).

17. Секция *Рынка невинных* (1790 г.— сентябрь 1792 г.), секция *Рынка* (сентябрь 1792 г.— май 1793 г.), секция *Рынков* (май 1793— IV г.).

18. Секция *Ломбар*.

19. Секция *Арси*.

20. Секция *Предместья Монмартр*.

21. Секция *Пуассоньер*.

22. Секция *Бонди*.

23. Секция *Тампля*.

24. Секция *Попенкур*.

25. Секция *Монтрёй*.

26. Секция *Кенз-Вен*.

27. Секция *Гравилье*.

28. Секция *Предместья Сен-Дени* (1790 г.— январь 1793 г.), секция *Северного предместья* (январь 1793 г.— IV г.).

29. Секция *Бобур* (1790 г.— сентябрь 1792 г.) секция *Единения* (сентябрь 1792 г.— IV г.).

30. Секция *Анфан руж* (1790 г.— сентябрь 1792 г.), секция *Болота* (сентябрь 1792 г.— июнь 1793 г.), секция *Вооруженного человека* (июнь 1793 г.— IV г.).

31. Секция *Сицилийского короля* (1790 г.— август 1792 г.), секция *Прав человека* (август 1792 г.— IV г.).

32. Секция *Ратуши* (1790 г.— 21 августа 1792 г.), секция *Мезон-Коммюн* (21 августа 1792 г.— фрюктидор II г.), секция *Верности* (фрюктидор II г.— IV г.).

33. Секция *Королевской площади* (1790 г.— август 1792 г.), секция *Федератов* (август 1792 г.— 4 июля 1793 г.), секция *Неделимости* (4 июля 1793 г.— IV г.).

34. Секция *Арсенала*.

35. Секция *Острова св. Людовика* (1790 г.— ноябрь 1792 г.), секция *Братства* (ноябрь 1792 г.— IV г.).

36. Секция *Нотр-Дам*, или *Острова* (1790 г.— август 1792 г.), секция *Сите* (август 1792 г.— 21 брюмера II г.), секция *Разума* (21— 25 брюмера II г.), секция *Сите* (25 брюмера II г.— IV г.).

37. Секция *Генриха IV* (1790 г.— 14 августа 1792 г.), секция *Нового моста* (14 августа 1792 г.—7 сентября 1793 г.), секция *Революционная* (7 сентября 1793 г.—10 фримера III г.), секция *Нового моста* (10 фримера III г.— IV г.).

38. Секция *Инвалидов*.

39. Секция *Гренельского фонтана*.

40. Секция *Четырех наций* (1790 г.— апрель 1793 г.), секция *Единства* (апрель 1793 г.— IV г.).

41. Секция *Французского театра* (1790 г.— август 1792 г.), секция *Марселя* (август 1792 г.—август 1793 г.), секция *Марселя* и *Марата* (август 1793 г.— плювиоз II г.), секция *Марата* (плювиоз II г.— 22 плювиоза III г.), секция *Французского театра* (22 плювиоза III г.— IV г.).

42. Секция *Круа-Руж* (1790 г.— 3 октября 1793 г.), секция *Красного колпака* (3 октября 1793 г.— жерминаль III г.), секция *Колпака свободы* (жерминаль — прериаль III г.), секция *Запада* (прериаль III г.— IV г.).

43. Секция *Люксембургского дворца* (1790г.— брюмер II г.), секция *Муция Сцеволы* (брюмер II г.— прериаль III г.), секция *Люксембургского дворца* (прериаль III г.— IV г.).

44. Секция *Терм Юлиана* (1790 г. — 8 сентября 1792 г.), секция *Бо-*

репера (8 сентября 1792 г.—20 плювиоза II г.), секция *Шалье* (20 плювиоза II г.— плювиоз III г.), секция *Терм Юлиана* (плювиоз III г.— IV г.).

45. Секция *св. Женевьевы* (1790 г.— август 1792 г.), секция *Французского Пантеона* (август 1792 г.— IV г.).

46. Секция *Обсерватории*.

47. Секция *Ботанического сада* (1790 г.— август 1792 г.), секция *Санкюлотов* (август 1790 г.—10 вантоза III г.), секция *Ботанического сада* (10 вантоза III г.— IV г.).

48. Секция *Гобеленов* (1790 г.— август 1792 г.), секция *Финистер* (август 1792 г.— IV г.).

II. ПЕРЕЧЕНЬ ПАРИЖСКИХ НАРОДНЫХ ОБЩЕСТВ (1792—1794 гг.)

Мы здесь перечисляем общества, возникшие в рамках каждой секции. Четыре народных общества (не говоря уже об эфемерном Обществе революционных гражданок-республиканок), хотя их нельзя сравнить ни с Якобинским клубом, ни даже с Клубом кордельеров, обладали влиянием, выходившим за рамки секции. Это: *Братское общество патриотов обоих полов*, заседавшее в Якобинском клубе, *Общество революционеров 10 августа*, *Общество защитников Республики*, *Электоральный клуб*, заседавший в Епископстве (позднее *Центральный комитет народных обществ*).

1. Секция Тюильри: *народное общество Тюильри* (13 октября 1793 г.—25 флореаля II г.).

2. Секция Елисейских полей: *народное общество Красного колпака* (15 сентября 1793 г.—27 флореаля II г.).

3. Секция Республики: *народное общество секции Республики* (3 нивоза — 24 флореаля II г.), *общество Учеников Друзей свободы и равенства*, основанное 18 нивоза II г.

4. Секция Горы: *патриотическое общество секции Пале-Руаяля*, затем *секции Бютт-де-Мулен*, затем *секции Горы* (июнь 1792 г.—28 флореаля II г.).

5. Секция Пик: *народное общество Друзей Французской республики* (19 сентября 1793 г.—29 флореаля II г.).

6. Секция Лепелетье: *общество Друзей секции Библиотеки* (26 августа 1790 г.), затем *патриотическое общество секции Библиотеки*, затем *народное общество Лепелетье* (1 октября 1793 г.— 25 флореаля II г.).

7. Секция Мон-Блан: *народное общество Мон-Блан* (11 июля 1793 г.— 25 флореаля II г.).

8. Секция Музея: *народное общество Музея* (18 сентября 1793 г.— 2 прериаля II г.).

9. Секция Французских гвардейцев: *народное общество Французских гвардейцев* (23 сентября 1793 г.— 27 флореаля II г.).

10. Секция Хлебного рынка: *народное общество секции Хлебного рынка* (сентябрь 1792 г.—25 флореаля II г.).

11. Секция Общественного договора: *общество Друзей единой и неделимой Республики* (основано в 1792 г.); *народное общество Общественного договора* (26 сентября — 6 октября 1793 г.).

12. Секция Вильгельма Телля: *патриотическое общество Май* (основано в 1793 г.), затем *народное общество Вильгельма Телля* (октябрь 1793 г.), называвшееся также *обществом Друзей добродетели* (распущено 28 флореаля II г.).

13. Секция Брута: *народное общество секции Брута* (2 сентября 1793 г.—27 жерминаля II г.).

14. Секция Бонн-Нувель: *народное общество Бонн-Нувель* (17 сентября 1793 г.—1 прериаля II г.).

15. Секция Друзей отечества: *народное и братское общество Друзей отечества* (16 сентября 1793 г.— 27 флореаля II г.).

16. Секция Бон-Консей: *народное общество секции Моконсей* (6 января — июнь 1791 г.); *республиканское общество Бон-Консей* (24 фримера — 24 флореаля II г.).

17. Секция Рынков: *братское общество Рынка* (июнь 1791 г.— ?); *народное общество секции Рынков* (30 сентября 1793 г.—27 флореаля II г.).

18. Секция Ломбар: *общество Друзей Прав человека и гражданина* (декабрь 1791 г. — ?); *республиканское общество Санкюлотов секции Ломбар* (конец 1793 г.—26 флореаля II г.).

19. Секция Арси: *народное, братское и республиканское общество секции Арси* (17 сентября 1793 г.— 10 флореаля II г.).

20. Секция Предместья Монмартр: *народное общество секции Предместья Монмартр* (17 сентября 1793 г.—28 флореаля II г.).

21. Секция Пуассоньер: *народное общество секции Пуассоньер* (конец 1792 г.— ?); *народное и республиканское общество секции Пуассоньер* (23 брюмера — 27 флореаля II г.).

22. Секция Бонди: никакого упоминания о народном обществе в этой секции.

23. Секция Тампля: *народное общество Санкюлотов* (? —29 флореаля II г.).

24. Секция Попенкур: *народное общество секции Попенкур*, называвшееся *общество Христовых невест* [заседало в монастыре Христовых невест.— *Ред.*] (6 брюмера — 30 флореаля II г.).

25. Секция Монтрёй: *братское общество Друзей Прав человека и врагов деспотизма* (2 января 1791 г.— II г.), бывшее *общество Победителей Бастилии*; *общество Республиканцев улицы Монтрёй* (13 сентября 1793 г.—14 прериаля II г.).

26. Секция Кенз-Вен: *народное общество секции Кенз-Вен* (21 сентября 1793 г.), затем *общество Защитников Прав человека* (распущено 28 флореаля II г.).

27. Секция Гравилье: *общество Друзей закона, свободы, равенства и гуманности* (основано 8 августа 1791 г.); *народное общество Гравилье* (основано осенью 1793 г.).

28. Секция Северного предместья: *общество Друзей истины* (конец 1793 г.—18 прериаля II г.).

29. Секция Единения: *народное общество Друзей равенства* (28 июля 1792 г.), затем *народное общество секции Единения* (18 сентября 1793 г.— 1 прериаля II г.).

30. Секция Вооруженного человека: *братское общество*, называвшееся *Республиканским клубом секции Вооруженного человека*, или еще *народным и республиканским обществом Шомьер* (1792 г.—6 прериаля II г.).

31. Секция Прав человека: *народное общество секции Прав человека* (июль 1793 г.—2 прериаля II г.).

32. Секция Мезон-Коммюн: *общество Защитников свободы и друзей Прав человека* (весна 1791 г.— 1792 г.); *народное общество секции Мезон-Коммюн*, или *народное общество Защитников Республики* (7 ок-

тября 1793 г.— весна 1794 г.); *общество Защитников Прав человека и гражданина* (II г.).

33. Секция Неделимости: *братское общество Пале-Кардиналь* (основано 2 января 1791 г.); *общество Друзей закона* (основано в 1791 г.); *революционное общество Неделимости*, затем *общество Друзей свободы и равенства* (14 сентября 1793 г.— 1 прериаля II г.).

34. Секция Арсенал: *народное общество Санкюлотов обоих полов, защитников Конституции* (7 июля 1793 г.— 28 флореаля II г.).

35. Секция Братства: *народное общество секции Братства* (25 сентября 1793 г.— весна 1794 г.).

36. Секция Сите: *общество Друзей Конституции*, называвшееся *патриотическим* (основано в 1791 г.); *общество Свободных людей, друзей Конституции* (основано 20 февраля 1792 г.), которое перебралось в секцию Нового моста в конце 1792 г.

37. Секция Революционная: *общество Свободных людей, друзей Конституции* (основано 20 февраля 1792 г. в секции Сите), затем *народное общество Свободных людей* (распущено 14 прериаля II г.).

38. Секция Инвалидов: *народное общество секции Инвалидов* (конец 1793 г.—1 прериаля II г.).

39. Секция Гренельского фонтана: *общество Друзей закона* (основано в феврале 1791 г.), затем *общество Друзей революционных законов* (распущено 18 флореаля II г.).

40. Секция Единства: *общество неимущих* (март — 12 июля 1791 г., когда это общество переехало в секцию Французского театра); *братское общество Единства* (август 1793 г.), затем *народное и республиканское общество Единства* (октябрь 1793 г.).

41. Секция Марата: *патриотическое общество Великих августинцев* (1790 г.), затем *патриотическое и братское общество граждан секции Французского театра* (1791 г.); *народное*, затем *республиканское общество Друзей народа* (11 сентября 1793 г.—30 флореаля II г.).

42. Секция Красного колпака: *общество Молодых друзей свободы* затем *Друзей свободы*, затем *Друзей свободы и равенства* (начало 1791 г.— II г.).

43. Секция Муция Сцеволы: *патриотическое общество Люксембургского дворца*, затем *народное*, или *республиканское*, или *патриотическое общество Муция Сцеволы* (январь 1792 г.— III г.).

44. Секция Шалье: *патриотический клуб* (4 декабря 1790 г.— 1792 г.); *народное общество Революционных санкюлотов 31 мая* (11 сентября 1793 г.—6 прериаля II г.); *общество Друзей Жан Жака Руссо* (III г.).

45. Секция Французского Пантеона: *патриотическое общество секции св. Женевьевы* (декабрь 1790 г.); *братское общество св. Женевьевы* (март 1791 г.); эти два общества слились и образовали *Братское общество обоих полов Французского Пантеона*, просуществовавшее до прериаля III г.

46. Секция Обсерватории: *народное общество Обсерватории*, затем *Республиканских добродетелей* (17 мая 1792 г.— III г.).

47. Секция Санкюлотов: *народное*, или *братское общество секции Санкюлотов* (28 мая 1793 г.— ?).

48. Секция Финистер: *общество Братского союза Гобеленов* (1 апреля 1792 г.— ?); *братское общество Лазовского* (19 сентября 1793 г.— прериаль II г.).

III ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПАРИЖСКИХ САНКЮЛОТОВ

Используя законные учреждения, созданные Учредительным собранием, но придав им новое содержание, используя революционные институты, навязанные Конвенту, вожаки санкюлотов дали революционному движению гибкую и в то же время эффективную организацию. С весны до осени 1793 г. эта организация доказала свою состоятельность в борьбе против умеренных и в значительной степени облегчила установление Революционного правительства. Как только Революционное правительство укрепило свои позиции, двойственность власти, правительственной и народной, не замедлила проявиться, а вскоре обнаружилась и их несовместимость.

Общие собрания секций

На основании королевского указа от 13 апреля 1789 г. город Париж в связи с выборами в Генеральные штаты был разделен на 60 дистриктов. По окончании выборов эти дистрикты продолжали собираться и обсуждать вопросы в постоянных общих собраниях. По муниципальному постановлению от 30 августа, управление каждым дистриктом было возложено на комитет, состоявший из 16—24 человек.

Учредительное собрание, создавшее своим декретом от 14 декабря 1789 г. муниципалитеты королевства, не могло допустить существования для Парижа особой организации. После долгих дебатов оно приняло декрет от 21 мая — 27 июня 1790 г., который явился муниципальной хартией Парижа. Вместо 60 дистриктов было создано 48 секций. Они становились избирательными округами и собирались для выборов; как только те заканчивались, они тотчас же распускались. Однако если закон и ограничивал свободу секций собираться, то полностью это право не было ликвидировано; секции собирались и по иным поводам, не связанным с выборами, но при определенных условиях.

Собрание являлось высшим органом секции: это был «*суверен в действии*». В *первичных* собраниях граждане собирались для голосования; обсуждение происходило в *общих* собраниях.

Первичные собрания, составлявшие основу секций и являвшиеся самыми важными с точки зрения законодателя, собирались редко: 50 раз с 11 ноября 1791 г. по 11 февраля 1794 г. Упразднение различия между «*активными*» и «*пассивными*» гражданами, проведенное секцией Французского театра 27 июля 1792 г., примеру которой тотчас же последовали другие парижские секции, изменило характер собраний: они превратились в подлинный орган народного суверенитета. 11 августа 1792 г. Законодательное собрание приняло декрет, в котором говорилось, что «деление французов на активных и неактивных граждан упраздняется».

Закон от 21 мая — 27 июня 1790 г. предусматривал созыв общих собраний секций, но не уточнял ни их продолжительности, ни того, как часто они могут собираться, ни их компетенции и цели. При цензовом режиме общие собрания собирались не очень часто (так, в секции Почт состоялось 50 заседаний общего собрания с 4 декабря 1790 г. по 25 июля 1792 г.).

Война и угроза, нависшая над родиной весной 1792 г., привели к восстановлению непрерывности за-

седаний общих собраний, практики, которой дистрикты широко пользовались в 1789—1790 гг. Одновременно их компетенция расширилась и стала неограниченной: до весны II г. собрания занимались как вопросами общей политики, так и местными делами.

Согласно закону, собрания сами определяли свою организацию. В 1793 г. и во II г. она, по-видимому, была очень проста. Собранием руководил председатель, при котором существовало бюро, и секретарь-письмоводитель для составления протоколов; счетчики занимались подсчетом голосов и определением результатов голосования; цензоры обеспечивали порядок в зале. Состав бюро обычно обновлялся каждый месяц, причем голосование происходило путем вставания или путем выкриков с мест. Этот личный состав мало менялся, небольшое число активистов делило между собой места; так, некоторые председатели общих собраний не обновлялись в течение всего II года.

Общие собрания, теоретически являвшиеся суверенным органом секции, были бы обречены на бессилие, если бы в их распоряжении не было исполнительных органов для обеспечения непрерывности их деятельности. Отсюда появление комитетов и должностных лиц секций.

Гражданские комитеты

По закону от 21 мая — 27 июня 1790 г., гражданские комитеты являлись одновременно органами, проводящими в жизнь административные постановления, и органами, информирующими муниципалитет о состоянии дел в их округе. Призванные следить за исполнением ордонансов, постановлений и решений, они, кроме того, должны были давать муниципалитету, Генеральному совету, а также мэру и прокурору Коммуны или его заместителям все разъяснения и сообщения, которых они потребуют. Гражданские комитеты состояли из 16 человек, которые выбирали из своей среды председателя и секретаря каждые две недели.

Гражданские комитеты, как и все исполнительные органы, назначение которых находилось в ведении секций, оказались в двойственном положении. Избиравшиеся общими собраниями секций, они являлись их представителями и их уполномоченными. В качестве же административных органов они зависели от Коммуны, чьи постановления они обязаны были выполнять даже вопреки воле общего собрания. Перегруженные делами, осмотрительно ограничиваясь своими административными функциями, гражданские комитеты как в 1793 г., так и во II г., почти не вмешивались в общеполитические дела. 31 мая — 2 июня они оставались в стороне. Поэтому в эти дни революционные комитеты отодвинули их на второй план.

Полицейские комиссары

В соответствии с муниципальным законом от 21 мая — 27 июня 1790 г. каждая секция назначала полицейского комиссара сроком на 2 года из числа граждан секции с правом его переизбрания. В его подчинении находился секретарь-письмоводитель, избиравшийся, как и он, сроком на 2 года и переизбираемый. После 10 августа 1792 г. состав полицейских комиссаров стал более демократичным, к осени 1793 г. их значение падает; они становятся помощниками революционных комитетов.

Мировые судьи

Мировые судьи были учреждены в парижских секциях на основании закона от 25 августа — 29 сентября 1790 г. об организации парижских трибуналов. В их компетенцию входили все личные споры и дела, связанные с движимым имуществом стоимостью не выше 50 ливров, а в случае апелляции — не выше 100 ливров. Мировые судьи избирались сроком на 2 года и могли быть переизбраны. Несмотря на установленное для них жалованье (2400 ливров в год), состав мировых судей слабо демократизировался в 1793 г.; для их исполнения требовались определенные юридические познания, которых не было у истинных санкюлотов.

Вооруженная сила секций

В 1789 г. буржуазная национальная гвардия стихийно организовалась по дистриктам, разделившись на 60 батальонов. Закон от 12—23 сентября 1791 г. сохранил эту организацию, несмотря на новое деление Парижа на 48 секций. По мнению секции Круа-Руж (9 мая 1792 г.), это была ненормальность, «коварно задуманная и подстроенная», чтобы лишить секции возможности свободно распоряжаться своей вооруженной силой.

После 10 августа эта организация была отменена. Согласно закону от 19—21 августа 1792 г., парижская национальная гвардия была разделена на 48 *вооруженных секций*; число рот в каждой секции было пропорционально численности ее населения. Каждая секция имела еще одну или несколько артиллерийских рот. Все граждане вооруженной секции участвовали в избрании ее командира, офицеров и унтер-офицеров.

Таким образом, секции приобрели власть над своей вооруженной силой. Они внимательно следили за выборами офицеров, присвоив право отзыва их. Для согласования всех вопросов, касавшихся разных рот, секции создали *военные комитеты*, которые в случае надобности могли быть преобразованы в дисциплинарный суд. Посредством этих комитетов секции поддерживали постоянную связь с теми из своих граждан, которые находились в армии, ободряли их и одновременно осуществляли надзор над ними. Таким образом, не было никакого разделения между армией и нацией. Об этом свидетельствуют, в частности, многочисленные обращения к армии, принятые секциями, и отправка секциями комиссаров на театры войны.

Революционные комитеты

Из всех народных институтов, порожденных Революцией и развивавшихся вместе с ней, революционные комитеты более других символизировали если не секционную автономию, то по крайней мере народное движение.

После 10 августа 1792 г., следуя примеру или указанию Коммуны и ее Наблюдательного комитета, ряд секций создал настоящие революционные наблюдательные комитеты, предвосхитившие комитеты, созданные в соответствии с законом от 21 марта 1793 г. В марте 1793 г. возросшая угроза вызвала стихийное образование новых комитетов. Конвент узаконил новый институт, который начал приобретать общее распространение: закон от 21 марта 1793 г. учредил во всех коммунах или секциях коммун комитеты из 12

человек Однако функции их были крайне ограниченны закон предоставил им лишь право наблюдения за иностранцами

Вскоре новые комитеты, созданные в конце марта или в начале апреля в обстановке бурных событий, состоявшие чаще всего из испытанных санкюлотов, превратились в органы борьбы против умеренных Это привело к быстрому расширению компетенции новых комитетов Закон от 17 сентября 1793 г зафиксировал их полномочия им поручалось составлять списки подозрительных лиц, выдавать ордер на их арест Очень широкое толкование, даваемое Коммуной понятию «*подозрительный*», значительно расширило полномочия комитетов Они превратились в важнейшее низовое звено террористической системы Понятно, что с конца осени 1793 г Революционное правительство было озабочено тем, чтобы контролировать деятельность парижских революционных комитетов Таким образом они постепенно освободились от опеки общих собраний, а затем и от контроля Парижской коммуны, чтобы превратиться в наиболее действенное орудие революционной централизации под руководством правительственных Комитетов

Парижские секционные институты, как гражданские, так и военные, развивались по мере развития самой Революции и, принимая все более и более народный характер, проявляли несомненную революционную энергию по сравнению с государственными учреждениями и органами центральной власти Ни 10 августа, ни 31 мая не были бы возможны без той организации и тех сил, которые были предоставлены секциями в распоряжение повстанческих комитетов Рожденные Революцией, секционные органы содействовали ее успехам и сами укреплялись вместе с ней Вскоре они захирели и в конце концов оказались под контролем того самого Революционного правительства, приходу к власти которого они способствовали

Дело в том, что секционные органы подтачивало двоякое противоречие, делавшее их гибель неизбежной Как согласовать народное стремление к местной автономии с усилением центральной власти и требованиями якобинской диктатуры? Более того, может ли буржуазия, после того как опасность контрреволюции устранена, смириться с органами, являющимися воплощением революционного порыва санкюлотов и сохраняющими бесспорный народный характер? Секционные институты исчезли после 9 термидора, сметенные реакцией, но они были обречены на гибель уже с упрочением Революционного правительства осенью 1793 г

То же произошло и с народной политической практикой (По всем этим вопросам см А Собуль Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры М , 1966 с 286—305)

IV НАРОДНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

Парижские санкюлоты не могли не внушать тревоги буржуазии как своей политической организацией, так и своим поведением и своей политической практикой В политической деятельности они руководились двумя основными принципами публичностью, этой «самозащитой народа», которая в 1793 г и во II г является неизбежным следствием революционного надзора и единством которое, будучи основано на общности чувств и убеждений, позволяет добиться «согласованности действий» и поэтому служит залогом победы Отсюда ряд практических приемов, характеризующих политические действия народа и противопоставляющих его буржуазии Задуманные и испытанные в огне борьбы, эти практические меры способствовали прогрессу Революции и установлению с весны до осени 1793 г , Революционного правительства

Непрерывность заседаний секции

Непрерывность заседаний секции составляет одну из основ народной политической системы, в период кризиса она оказалась эффективным орудием действия, и поэтому ее тщательно оберегали В начале сентября 1792 г один из выборщиков секции Терм Юлиана охарактеризовал ее как один из «четырех столпов свободы»

В борьбе между жирондистами и монтаньярами непрерывность заседаний секций была решающим оружием в руках санкюлотов Вот почему с начала 1793 г жирондисты стали яростно требовать ее упразднения Саль подчеркнул, что поскольку непрерывность заседаний секции является *революционным орудием*, то ее дальнейшее сохранение не может не угрожать общественной безопасности Марат, напротив, считал, что угрозой общественной безопасности была бы отмена непрерывности заседаний, и потребовал, чтобы секции, пока отечество находится в опасности, заседали непрерывно 24 мая 1793 г Комиссия двенадцати добилась решения о том, что общие собрания секции будут ежедневно прекращать заседания в 10 часов вечера — косвенная мера подрывавшая преимущество непрерывных заседаний в том виде, как они практиковались санкюлотами Передовые секции совершенно игнорировали этот декрет: секция Бонн Нувель, по предложению Эбера, решила после 10 часов собираться как клуб

Однако непрерывность заседаний секций была обоюдоострым оружием Если в период кризиса санкюлоты устремлялись в общие собрания, то с ликвидацией опасности они имели тенденцию покидать их И тогда их противникам достаточно было только более регулярно посещать заседания, чтобы достигнуть изменения большинства в свою пользу. Такое явление наблюдалось в парижских секциях после 2 июня, умеренные потерпев поражение в плане общей политики, попытались взять реванш в общих собраниях секций, которые они буквально наводнили Это привело к ожесточенной борьбе, подлинной скрытой гражданской воине В больших городах, таких, как Лион или Марсель, непрерывность заседаний секций стала оружием контрреволюции Об этой опасности предупреждал Марат, политик и человек реалистического ума 21 июня 1793 г. в письме к Конвенту он потребовал отмены непрерывности заседаний секции, так как она явилась причиной бед, случившихся во многих крупных городах, «ибо богачи, интриганы и злоумышленники толпами устремляются в секции, хозяйничают в них и проводят там самые губительные для свободы решения, в то время как почтенцики, рабочие, ремесленники, розничные

торговцы, земледельцы—словом, масса обездоленных, вынужденных работать, чтобы жить, не могут присутствовать на их заседаниях и пресечь преступные происки врагов свободы».

Этот аргумент был подхвачен Дантоном и содействовал принятию декрета от 9 сентября 1793 г., который ограничил заседания общих собраний секций двумя в неделю. Сколь бы обоснованным оно ни было, упразднение непрерывности заседаний секции нанесло чрезвычайно тяжелый удар по народной политической системе. Оно явилось элементом эволюции Революционного правительства, которое стремилось контролировать народное движение и втиснуть его в рамки создававшейся якобинской диктатуры. Такие известные представители умеренных, как Николо, бывший председатель Парижского департамента, приветствовали этот декрет. Конвент предупредил серьезные беспорядки, «упразднив эту пагубную непрерывность, дававшую интриганам тем большую возможность вводить в заблуждение народ, что собрания были малочисленны и наиболее просвещенные патриоты не могли их посещать, так как должны были заниматься своими делами или выполнять общественные обязанности». Это было искажением аргумента Марата и Дантона, но вывод делался один и тот же.

Упразднение непрерывности заседаний секции вызвало единодушное противодействие народа. Санкюлоты обходили декрет от 9 сентября, создавая секционные общества, собиравшиеся в те дни, когда не было заседаний общих собраний. В течение всего II г. они не переставали во имя народного суверенитета протестовать против упразднения непрерывности заседаний секции.

Публичность — «самозащита народа»

«Патриот не имеет ничего личного,— писала 25 вантоза II г. секция Гренельского фонтана народному обществу Осера,— он несет все общей массе: радость и горе, — все изливает он своим братьям; это и есть источник публичности, отличающий братское, т. е. республиканское правление!»

Публичность вытекает из концепции братства, которой придерживаются санкюлоты в вопросе общественных отношений. В политическом плане она имеет важные последствия: патриоту нечего скрывать ни своих мнений, ни своих поступков, тем более что он ставит своей целью только общественное благо. Общественная жизнь протекает при ярком свете, на глазах у суверена; административные органы, как и общие собрания секций, обсуждают свои дела публично, избиратели голосуют открытой подачей голосов, на глазах у публики, заполняющей трибуны. Тайно люди действуют только тогда, когда у них дурные намерения; разоблачения становятся гражданским долгом. Публичность— это «самозащита народа». Это требование, выдвигаемое во все периоды кризиса, с 1792 по 1794 г., оказалось в руках санкюлотов действенным политическим оружием.

Публичности заседаний было недостаточно. Нужен был еще надзор народа над всеми важнейшими событиями политической жизни, над выборами и голосованием; с целью устранить своих противников патриоты заставили проводить голосование открыто, а затем голосовать выкриками. В марте 1793 г., когда парижские секции сначала стихийно, а затем во исполнение закона от 21 мар-

та выбирали революционные комитеты, эти выборы производились везде открыто, часто путем вставания. Впоследствии эти выборы были признаны незаконными и во время репрессий III г. их чаще всего вменяли в вину бывшим комиссарам. В мае и июне 1793 г. в ожесточенной борьбе, развернувшейся между санкюлотами и умеренными за господство в общих собраниях, способ голосования был оружием, которое оспаривали друг у друга соперничавшие группы. «Никакого тайного голосования, при котором торжествует клика»,— заявил 21 мая один санкюлот из секции Май. Во время выборов главнокомандующего парижской национальной гвардии санкюлоты, чтобы добиться на выборах победы Анрио, навязали секциям, где они господствовали, голосование открытой подачей голосов; но умеренные высказались за тайное голосование. Секция Лепелетье, где тогда господствовали умеренные, придерживалась закона; но санкюлоты голосовали в ней открыто. Так, канонир Ламерлиер заявил: «Я не строю из себя дурака и громко голосую за Анрио».

В течение лета 1793 г. открытая подача голосов распространилась повсюду, по мере роста политического влияния санкюлотов. Общество Свободных людей секции Нового моста одобрило ее 7 августа: это и есть «голосование свободных людей». Умеренных, продолжавших настаивать на проведении тайного голосования, рассматривали как подозрительных и соответственно относились к ним; так в брюмере II г. некий Бурдон из секции Бонн-Нувель был арестован «как голосовавший в момент выборов тихим голосом». Практика тайного голосования, считавшаяся недостойной гражданина, исчезла в начале II г. (осенью 1793 г.) из политической жизни секций.

Господствуя на общих собраниях, санкюлоты навязали последним способ выборов, еще более отвечавших их революционному темпераменту и их неистовому стремлению к единодушию: голосование путем выкриков, ставшее всеобщим в сентябре 1793 г. Этот способ голосования объясняется не одной спешностью; это было также средство уничтожить оппозицию, проявление дорогого сердцу санкюлотов революционного единства. Он, как правило, применялся до весны II г., конкурируя с голосованием путем вставания, менее распространенным, но так же действенным. Под давлением народа голосование выкриками в конце концов было введено и при выборах в Генеральный совет Коммуны. 2 вантоза II г. председатель Генерального совета Коммуны Любен попросил освободить его от его обязанностей. «Любен! Любен!»— немедленно стали кричать почти все члены Совета, которым вторила публика на трибунах: «Любен! Любен!» Любен заметил, что такое избрание незаконно. «Справьтесь в законах о временном правительстве; вы там найдете, что Генеральный совет вправе назначать и сменять своего председателя, когда ему это угодно, и таким способом, какой ему угоден». Производить голосование, назначать счетчиков? «Это было бы слишком большой потерей времени». Любен был провозглашен избранным.

Возврат к тайному голосованию был одной из мер, посредством которой проявила себя реакция весной II г.: он, со своей стороны, способствовал охлаждению санкюлотов к Революционному правительству.

Переписка

Между народными организациями необходимо было единство: от него зависела эффективность их действий. Координировать народное движение, заставлять секции и клубы действовать в соответствии с единым мнением и чувством было одной из постоянных забот санкюлотов-активистов. Долгое время действенными средствами для этого были коллективные петиции и переписка.

Для достижения «единодушия чувств и согласованности действий», необходимых, по мнению, высказанному секцией Ломбар 27 марта 1791 г., для спасения Революции, практика подачи коллективных петиций (точнее — от имени коллектива) мало эффективна, если секции не могут сноситься одна с другой. Переписка, извещения о своих дебатах и постановлениях действительно позволяют им осуществлять единство действий. Как правило, секции связываются одна с другой через посредство комиссаров, что происходит крайне медленно; когда извещены все секции, время действовать часто уже упущено. Для быстрой координации народных действий секция Французского театра назначила 11 августа 1792 г. «двух гражданских курьеров, которым было разрешено направляться туда, куда понадобится, чтобы сообщать и узнавать все подробности, разъяснения и инструкции, которые могут оказаться важными для общественного дела, и докладывать о них секции».

10 февраля 1793 г. секция 92 года жалуется на потерю времени, какую влечет за собой связь при помощи комиссаров. Умеренные, напротив, стараются ее запретить: 24 мая 1793 г. Комиссия двенадцати провела оставшийся мертвой буквой декрет, который ее регламентировал.

В разгар революционных кризисов, по причинам, уже отмеченным в марте 1791 г. секцией Ломбар, переписка оказалось недостаточной. Повстанческие комитеты, которые действовали 10 августа и 31 мая — 2 июня, могли проявить себя только в самый момент выступления, когда уже мобилизованные секции передавали свои суверенные полномочия. Для подготовки этой высшей формы действий и ввиду отсутствия эффективной организации переписки и связи, например официального центрального бюро, санкюлоты придумали братание.

Братание

Народная психология и поведение санкюлотов характеризуются горячим стремлением к единодушию: санкюлот все доводит до сведения массы, он не может себе представить, что можно от нее изолироваться; согласие чувств, мнений или голосования кажется ему не только желательным, но и необходимым. Поэтому единство было одной из движущих сил его политической деятельности; он составил себе о нем почти мистическое представление. В руках санкюлотов единство было политическим оружием, залогом победы и средством ее достижения: они хотят самого широкого союза народных организаций, более того, союза между различными социальными категориями, стремящимися к разгрому аристократии. Братание было одним из средств осуществления единства: его символом был братский поцелуй; клятва сообщала ему религиозное значение.

Для санкюлотов союз, по-видимому, заключает в себе братство; оба эти слова часто употребляются вместе в текстах 1793 г. и II г. Братство подразумевает не только узы понимания и дружбы между гражданами, но и означает, что они слиты в массу, где все равны. Братание наполняется умилительным содержанием и приобретает мистический оттенок. Его истоки можно искать в федерациях 1790 г. Там тоже наблюдается столь же горячее утверждение единства, такая же общность. Но федерации охватывали все классы нации; они были не столько проявлением боевого духа, сколько его торжественным утверждением. Братание охватывает только тех, кто объявляет себя санкюлотами; оно имеет своей целью немедленные действия; это боевое оружие против умеренных. Санкюлоты братаются в массе. Если какой-нибудь секции угрожает господство умеренных, то общее собрание соседней секции в полном составе отправляется в находящуюся в опасности секцию; во имя братства оба собрания сливаются в одно, объединенное мистическими узами клятвы и братского поцелуя; решения принимаются сообща. Братание — это соглашение о взаимной помощи, объединяющее всех санкюлотов, независимо от секции и обществ.

Братание возникло в марте 1793 г. Общество защитников Республики предложило секциям и народным обществам собраться вместе 17 марта на площади Сплочения, «чтобы скрепить братским поцелуем единство, которое должно царить между патриотами». Братание распространилось, когда определилась угроза со стороны умеренных. 21 апреля 1793 г. многочисленная депутация секции Ломбар является на собрание в секцию Общественного договора. Ее оратор разоблачает «интриги, анархию и волнения, беспрестанно вызываемые партией роялистов и сторонников Дюмурье, и жестокие внутренние раздоры, имеющие место в собраниях». Пусть обе секции дадут торжественную клятву «жить в братстве, в тесном союзе и согласии и поддерживать братские отношения. чтобы раздавить и уничтожить гидру, это чудовище аристократии». Депутация и собрание обменялись братским поцелуем. 23 апреля общее собрание секции Общественного договора во главе со своим бюро в свою очередь направилось на собрание секции Ломбар. Обе секции образовали единое собрание *братьев* и *друзей*, оба бюро слились в одном президиуме. Была вновь принесена клятва единства и братства, и заседание завершилось братским поцелуем. Отныне обе секции были связаны неким почти религиозным соглашением. Поэтому, когда 14 мая 1793 г. депутация секции Ломбар сообщила секции Общественного договора, что «аристократия хочет раздавить ее патриотов», председатель немедленно прервал заседание, и собрание в полном составе направилось в секцию Ломбар, чтобы помочь санкюлотам, оказавшимся под угрозой.

Братание позволило парижским санкюлотам в мае 1793 г. остановить наступление умеренных в секциях, а затем подчинить своему влиянию общие собрания. 5 мая, в атмосфере насилия, умеренным удалось добиться господства в собрании секции Бон-Консей. Санкюлоты тотчас же призвали на помощь секцию Ломбар, ссылаясь на «протокол об объединении, согласно которому две вышеуказанные секции

обещали и поклялись друг другу в единстве, братстве и помощи во всех случаях, когда аристократия захочет уничтожить свободу». Санкюлоты секции Ломбар наводнили собрание секции Бон-Консей, вскоре им пришли на помощь и санкюлоты секции Друзей отечества. Умеренные были изгнаны. Три секции связали себя *братским постановлением*; они послали комиссаров в другие секции, чтобы предложить всем секциям установить «такие же братские отношения, оказывать такую же помощь, председателям секций обменяться поцелуем мира, поклясться во взаимной помощи и поддержке, чтобы уничтожить всех возмутителей *общественного порядка*, и, наконец, употребить все средства, дабы избежать гражданской войны, которую злонамеренные лица хотят разжечь в Париже».

К концу мая 1793 г. положение стало более напряженным и братание стало частым явлением. После 2 июня, когда опасность со стороны умеренных уменьшилась, братание постепенно утратило свой наступательный характер. В течение лета 1793 г. модерантизм был окончательно раздавлен в парижских секциях, братание исчезло из народной политической практики.

Восстание

Последнее прибежище суверенного народа — восстание. Декларация прав 1789 г. провозгласила *сопротивление угнетению* одним из прав человека; в июньской Декларации прав 1793 г. это право на восстание было ясно подтверждено.

Санкюлоты не видели в этом теоретического и формального подтверждения их суверенитета. Исполненные сознания своих прав, смутно осуществляя методы прямого управления, они, естественно, приходили к мысли о необходимости вновь взять в свои руки осуществление суверенитета, когда считали, что его уполномоченные предали права суверена. Заявления о праве народа на восстание приобретали массовый характер в период всех кризисов, с 1792 г. и вплоть до III г.

Однако в зависимости от обстоятельств это слово приобретает различные смысловые оттенки. Восстание, как его понимают санкюлоты, не является обязательно вооруженным выступлением. 6 октября 1792 г. общее собрание секции Гравилье заявило, что Конвент не признает народный суверенитет, притязая на «осуществление нелепой и неограниченной власти в отношении парижских секций». «Поднимемся же в последний раз,— говорилось в заключение,— и будем начеку до тех пор, пока не докажем уполномоченным, что люди 89 года, люди 10 августа и 3 сентября сумеют своей твердостью и отвагой, присущими лишь суверену, заставить их выполнять свой долг и вспомнить о наших правах, которыми они бесстыдно пренебрегают». Секция Французского театра 27 декабря 1792 г. объявила себя в состоянии восстания «до тех пор, пока Франция не будет очищена от своих тиранов»; под этим она понимала «*состояние* непрерывной полезной бдительности, активности, надзора, патриотического рвения, в котором должны пребывать все честные республиканцы до тех пор, пока свобода не будет упрочена на незыблемой основе». В таком же смысле понимала это слово и секция Единства, когда 24 мая 1793 г. она отказалась предоставить свои протоколы Комиссии двенадцати и постановила перейти к очередным делам, «сославшись на то, что позволительно оказывать сопротивление угнетению».

Мирные средства не всегда эффективны; поэтому, напоминая о своих правах, поднявшийся народ навязывает свою волю, демонстрируя свою силу и угрожая прибегнуть к насилию. 1 мая 1793 г. депутация секций Сент-Антуанского предместья, предложив Конвенту меры общественного спасения, предъявила ему настоящий ультиматум: «Если вы их не примете, то мы, мы, желающие спасти общественное дело, заявляем вам, что находимся в состоянии восстания — 10 тыс. человек собрались у входа в зал».

Вооруженное восстание является крайним проявлением народного суверенитета. Оно начинается с набата, бьют общий сбор, а это означает, что народ берет в свои руки осуществление своих прав и готов навязать свою волю силой оружия. Когда звучит набат, Конвент уже ничего не значит, имеет значение только суверенная воля восставшего народа. Такие выражения были в ходу в 1792—1795 гг. В силу своего эмоционального воздействия, в силу воспоминаний о великих днях 14 июля, 10 августа и 31 мая, когда народ предстал во всем величии своей суверенной власти, восстание обретало в глазах многих санкюлотов какой-то элемент экзальтации. Атмосфера тех дней оставалась для них незабываемой. Закрытие застав, общий сбор, набат, выстрел из пушки, подающей сигнал тревоги, щекоча нервы и возбуждая умы, способствовали экзальтации народа. К тому же простые и обездоленные люди видели в этой акции действия, которые возвышали их над их положением и посредством которых они оказывали влияние на ход истории.

Вновь возвращая себе путем восстания осуществление суверенных прав, народ сосредоточивает в своих руках всю власть: он может издавать законы, вершить правосудие, осуществлять все функции исполнительной власти. Когда народ в состоянии восстания, приказывает он один. В сентябрьские дни 1792 г. народ взял в свои руки осуществление правосудия как один из главных атрибутов суверенной власти. Проявив посредством восстания все могущество суверена, народ, сложив оружие, снова передает осуществление своей суверенной власти уполномоченным, вновь облеченным его доверием. Секция Санкюлотов, ранее секция Ботанического сада, заявила в своем обращении от 31 мая 1793 г.: «Если в тот момент, когда народ поднялся, наша секция еще обращается к вам, то только потому, что она надеется, что после того, как она сложит оружие и вернет вам осуществление своих суверенных прав, вы употребите их для счастья народа».

Здесь с очевидностью проявляются как сильные, так и слабые стороны народных представлений о суверенитете и о восстании. Недостаточно объявить восстание во имя прав суверена, его еще надо организовать. Недостаточно облечь новых уполномоченных народным доверием, в их распоряжении следует еще оставить вооруженную силу и организовать контроль за выполнением доверенных им полномочий. *События 10 августа 1792 г. и 31 мая—2 июня 1793 г.* служат тому доказательством. Трагические дни прериаля в свою очередь свидетельству-

ют о том, что происходит, когда эти условия не соблюдаются.

Какие бы особые цели ни ставили перед собой парижские санкюлоты, насильственные действия народа в значительной степени очистили для буржуазии поле деятельности от обломков феодализма и абсолютизма. Это насилие выражалось в различных действиях. Так же и народная политическая практика, характеризовавшаяся в 1793 г. и во II г. главным образом голосованием выкриками и братанием, была выражением совершенно иного понимания демократии, чем понимание буржуазии, даже якобинской.

Несомненно, в критических обстоятельствах своей борьбы против аристократии революционная буржуазия не остановилась бы перед необходимостью прибегнуть к насилию. Она также применяла некоторые методы народной практики: например, в Париже во время выборов в Конвент открытую подачу голосов. События, а также классовые интересы придавали законную силу этим отступлениям от обычных концепций либеральной демократии. Те же интересы и события помешали этой практике утвердиться; после изгнания жирондистов и умеренных Революционное правительство встало на путь консолидации. Если эта практика соответствовала характеру народа, то она была несовместима с поведением и политическими концепциями буржуазии: она угрожала ее главенству. В то же время она подрывала революционную организацию управления. Это противоречие неминуемо должно было вскоре усилиться. (Обо всех этих вопросах см.: А. Собуль. Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. М., 1966, с. 282 и сл.)

БИБЛИОГРАФИЯ

Общего труда, освещающего период, рассматриваемый Жоресом в V томе «Социалистической истории Французской революции» (от процесса Людовика XVI и до падения Жиронды), нет. Поэтому читателю следует обратиться к общим работам по истории Французской революции, уже указанным в общей библиографии к I тому данного издания (т. I, книга 1, с. 41). Напомним о фундаментальном труде: M. Mortimer-Ternaux. Histoire de la Terreur, 1792—1794, d'après les documents authentiques et inédits. Paris, t. V (1866), VI (1867), VII (1869).

Начало этого периода освещено в: F. Braesch. La Commune du 10 août 1792. Étude sur l'histoire de Paris du 20 juin au 2 décembre 1792. Paris, 1911; о событиях конца этого периода см.: A. Soboul. Les sans-culottes parisiens en l'an II. Mouvement populaire et Gouvernement révolutionnaire. 2 juin 1793—9 thermidor an II. Paris, 1958. [А. Собуль. Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. М., 1966.— *Ред.*] [См. книгу советского ученого В. Г. Ревуненков. Парижская коммуна. 1792—1794. Л., 1976.—*Ред.*]

Процесс короля.— О процессе и казни Людовика XVI существует обширная литература, в которой апологетика и агиография преобладают над историей. Общие исторические труды, естественно, уделяют процессу короля более или менее значительное место. См. прежде всего: J. Michelet. Histoire de la Révolution française. Paris, 1847 — 1853, livre IX; M. Mortimer-Ternaux. Op. cit., работу, особенно полезную содержащимися в ней оправдательными документами.

Наилучшим исследованием остается работа: E. Seligman. La justice en France pendant la Révolution. 1791—1793. Paris, 1901 et 1913, 2 vol., t. II, p. 378—483. См. также: E. Belhomme. Les

régicides. Paris, 1893. О смерти короля см.: «Captivité et derniers moments de Louis XVI. Récits originaux et documents officiels», recueillis et publiés par le marquis de Beaucourt. Paris, 1892; P. de Vaissière. La mort du roi. Paris, 1910. Этот вопрос был подытожен в: «Le procès de Louis XVI», présenté par A. Soboul. Paris, 1966, collection «Archives».

О частном вопросе, о роли Дантона и о попытках его подкупа во время процесса, см.: A. Mathiez. Danton, Talon, Pitt et la mort de Louis XVI.— «Études robespierristes». Paris, 1918, t. II, chap. IV. См. также: Théodore de Lameth. Mémoires. Paris, 1913; idem. Notes et souvenirs. Paris, 1914, publiés par E. Welvert. См. также: «Correspondance de Don Joseph de Ocariz au sujet de l'appel au peuple», опубликованную в приложении к «Memoires» Барбару (Barbaroux), изданным Шабо (A. Chabaud).

Первая коалиция.— См. уже упоминавшиеся выше, когда речь шла об объявлении войны, общие труды Г. Зибеля и А. Сореля; о Жиронде см. также: E. Ellery. Brissot. Cambridge, Mass., 1915. См. также: S. Tassier. Aux origines de la première coalition. Le ministre Lebrun-Tondu.— «Mélanges offerts à Louis Jacob». Lille, 1954. О политике Дюмурье см.: A. Chuquet. Dumouriez. Paris, 1914. О важной проблеме снабжения армий см.: Ch. Poisson. Les fournisseurs aux armées sous la Révolution. Le directoire des achats. 1792—1793. Paris, 1932. По вопросу об естественных границах см.: G. Zeller. La monarchie d'Ancien Régime et les frontières naturelles.— «Revue d'Histoire moderne», t. VIII, 1933, p. 305.

О разрыве с Англией см.: J.-H. Rose. Pitt and the great war. London, 1911; J. Deschamps. Les Iles britanniques et la Révolution française, Paris, 1949; более подробно см.: J.-H. Rose. Documents relating on the rupture with France.— «English historical review», t. XXVII, 1912, p. 117, 324.

О разрыве с южными государствами см.: A. Sorel. La diplomatie française et l'Espagne. 1792—1797.— «Revue historique», t. XI, 1879, p. 298; t. XII, 1880, p. 279; t. XIII, 1880, p. 41, 241; G. Grosjean. Les relations de la France avec les Deux-Siciles de 1788 à 1793.— «La Révolution française», t. XV, 1888, p. 9; F. Masson. Les diplomates de la Révolution: Hugon de Bassville à Rome; Bernadotte à Vienne. Paris, 1882; R. Trinquet. L'assassinat de Hugon de Bassville.— «Annales révolutionnaires», t. VII, 1914, p. 338; F. Bornarel. Les relations de la France et de la Toscane de 1792 à 1795. — «La Révolution française», t. XIV, 1888, p. 673.

О наборе 300 тыс. солдат и о вызванных им трудностях нет ни общего труда, ни местных или региональных монографий. Отсылаем читателя к весьма общим сведениям, излагаемым А. Собулем: A. Soboul. Les soldats de l'an II. Paris-1959. См. также: J. Jaurès. L'armée nouvelle. Paris, 1910.

Бешеные против дороговизны жизни.— Основным трудом остается: A. Mathiez. La vie chère et le mouvement social sous la Terreur. Paris, 1927. [См. А. Матьез. Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. М.—Л., 1928.] См. также: G. Rudé. Les émeutes de 25—26 février 1793 à Paris.— «Annales historiques de la Révolution française», 1953, p.33. Общего исследования о бешеных нет. Следует обратиться к индивидуальным монографиям, особенно к исчерпывающим исследованиям Маркова: W. Markov. Jacques Roux oder vom Elend der Biographie. Berlin, 1966; idem. Jacques Roux, Scripta et acta. Berlin, 1969; idem. Excurse zu Jacques Roux. Berlin, 1970. См. также: M. Cerati. Le club des citoyennes républicaines révolutionnaires. Paris, 1966. [См.: Я. М. Захер. Движение «бешеных». М., 1961.]

Поражения в Бельгии.— См.: A. Chouquet. Les guerres de la Révolution. T. V, La trahison de Dumouriez. Paris, 1890, а также его биографию Дюмурье (см. выше). См. также: A Mathiez. Danton et la paix. Paris, 1919.

Вандея.— Работы о Вандее весьма многочисленны, но часто страдают предвзятостью. Долгое время господствовавшая в историографии благоприятная для восставших точка зрения изложена у: E. Gabory. La Révolution et la Vendée. Paris, 1925—1928, 3 vol. Свое значение сохраняют труды, представляющие собой фактически сборники документов: Ch.-L. Chassin. Études documentaires sur la Révolution française. La préparation de la guerre de Vendée. 1789—1793. Paris, 1892, 3 vol.; idem. La Vendée patriote. 1793—1800. Paris, 1893—1895, 4 vol.; idem. Les pacifications de l'Ouest. Paris, 1896—1899, 3 vol. Синтезирующее изложение дано у: L. Dubreuil. Histoire des insurrections de l'Ouest. Paris, 1929, 2 vol.

Позднее историки заинтересовались социальными и экономическими причинами восстания в Вандее, позволяющими более глубоко осмыслить это событие вне его традиционного истолкования. См. фундаментальный труд этого плана: M. Faucheux. L'insurrection vendéenne de 1793. Aspects économiques et sociaux. Paris, 1954; idem. Le cas de la Vendée militaire.— «Occupants, occupés. 1792—1815. Colloque de Bruxelles, 29—30 janvier 1968». Bruxelles, 1969; см. также: J. Dehergne. Le Bas-Poitou à la veille de la Révolution. Paris, 1963.

Социологическую интерпретацию с противопоставлением города деревне дал: Ch. Tilly. The Vendée. A sociological analysis of the counterrevolution of 1793. Cambridge, Mass., 1964. Основной вывод автора сводится к тому, что в этой лесистой стране город и деревня представляли собой два совершенно различных мира, глубоко враждебных друг другу; набор 300 тыс. солдат еще более обострил волнения, то и дело вспыхивавшие там с 1789 г. и усилившиеся вследствие кризиса в текстильной промышленности. Но автор не принимает во внимание противоречий между городом и деревней, не изучает вопроса распределения земельной собственности в социальном плане, не рассматривает глубоко ни того бремени, которое могли представлять феодальные права, ни условий эксплуатации и «генеральной аренды», характерных для этой страны испольщины, ни экономического и социального положения земледельцев и ткачей. Все эти проблемы затронул М. Фошё, настаивающий на наличии «вандейского пауперизма».

Не следует ли искать глубокие причины восстания в Вандее в разочаровании, какое Революция принесла крестьянам? Отмена феодальных прав обратилась к выгоде землевладельцев, а не испольщиков; продажа национальных имуществ принесла выгоду буржуа, негоциантам, чиновникам и юристам, а не крестьянам. И это в то время, когда проведение в жизнь муниципальной реформы и осуществление гражданского устройства духовенства полностью нарушали традиционный уклад приходов. «Какое значение имело для крестьянина из Вандеи,— писал М. Фошё,— что дворяне и священники уже не обладали властью в коммуне, если эта власть полностью оказалась в руках буржуазии, которая мечтала лишь об одном — использовать обстоятельства, крушение привилегированных, чтобы попытаться возвыситься самой. Более того, неудача намеченной муниципальной реорганизации сблизит вандейцев с их прежними господами, в то время как их хотели отдалить от них. С этой точки зрения административную реорганизацию приходов можно рассматривать как немаловажный этап в постепенном ожесточении всего населения, что приведет к восстанию». (M. F a u c h e u x. L'insurrection vendéenne de 1793..., p. 316.)

Возвратимся к существенному заключению М. Фошё: «Следовательно, для беспристрастной оценки призыва 300 тыс. солдат следует принимать во внимание обстоятельства, предшествовавшие ему, и обстоятельства, при которых он производился. Тот, кто отказывался подчиниться требованиям закона, был не только, как говорили, слепец, не понимающий своих выгод, жертва махинаций священников и женщин. Это был человек, который на протяжении нескольких лет вел существование, омрачаемое рядом экстраординарных событий: продовольственным кризисом 1788 — 1789 гг., Великим страхом 1789 г., разочарованием, испытанным на другой день после изменения режима в отношении налогов, реорганизации приходов, продажи национальных имуществ; этот—человек, участь которого и в нормальное время была жалкой, все более и более страдал материально и морально. Его действия вызваны не только оскорблением его религиозных убеждений, но и отчаянием растерявшегося крестьянина, предоставленного самому себе, озабоченного исключительно условиями своего существования, которые для него важнее всех других забот». (M. F a u c h e u x. Op. cit., p. 368.) М. Фошё приводит вопрос, поставленный Е. Габори: «Вспыхнуло ли бы восстание без этой искры [набора 300 тыс. человек], упавшей на здание, набитое горючим материалом?» (E. G a b o r y. La Révolution et la Vendée, t. I, p. 215.] М. Фошё отвечает: «Разве главное не в том, что там был предварительно накоплен этот заряд, который должен был удесятерить силу взрыва? Без него искра быстро бы погасла или по меньшей мере не дала бы взрыва такой разрушительной силы».

Первую попытку синтеза в этом духе сделал К. Мазорик: Cl. M a z a u r i c. Vendée et chouannerie. — «La Pensée», № 124, décembre 1965, p. 54. Эта статья была воспроизведена в: Cl. M a z a u r i c. Sur la Révolution française. Contributions à l'histoire de la révolution bourgeoise. Paris, 1970, p. 195. См.: i d e m. Quelques réflexions sur les relations entre occupants et occupés dans le pays vendéen et chouan pendant la Révolution française.— «Occupants, occupés. 1792—1815», p. 291. Автор настаивает на крестьянском в основном характере восстаний на Западе, даже если в них, как это было в районе Шоле, участвовали буржуа и ремесленники. «Именно крестьянский дух придал шуанству его социологический и психологический характер шуанерии, отличая его тем самым от всех других контрреволюционных движений. Хотя в движении шуанов участвовали и представители других социальных кругов, это ничего не меняет в главном». (Cl. M a z a u r i c. Sur la Révolution française, p. 210.) Кл. Мазорик отвергает тождество «шуанство—лес»: «Если шуанство связано с лесом, то не все леса были во власти шуанов». Были и леса, находившиеся во власти патриотов. Следовательно, надо искать истоки шуанства в прежнем социальном положении. «В сельских местностях шуанство развивается особенно тогда, когда феодальный и сеньориальный гнет, возрожденный и смешанный с арендой и испольщиной, распространившимися с XV в., непосредственно давит на крестьян, оттого ли, что повинности сеньориального или феодального типа были не столь тяжелыми сравнительно с земельной рентой или налогом, оттого ли, что аренда, повинности испольщика, церковные или феодальные права стали собственностью буржуа, которые таким образом наложили руку на страну, оттого ли, наконец, что буржуазные собственники земель или сеньорий, придирчиво взыскивая различные повинности, сами также сделались не только покупателями-

соперниками, но и эксплуататорами. Итак, шуанство появляется там, где буржуазия утверждается как паразитирующий класс, там, где она вступает в соглашение с феодализмом вместо того, чтобы привнести в него революционный процесс...» (Cl. M a z a u r i c. Op. cit., p. 223.)

Измена Дюмурье.— М. M o p т и м е р - Т е р н о рассматривает измену Дюмурье в VI томе своей уже упоминавшейся «Истории террора». Более обстоятельны труды А. Шюке (A. Chuquet), его цитированная выше биография Дюмурье и труд «La trahison de Dumouriez» (Paris, 1890).— «Guerres de la Révolution», t. V. См. также: A. M a t h i e z. Danton et la paix. Paris, 1919, chap. IV.

Борьба Горы против Жиронды. — Не существует общего исследования о парижском политическом и социальном движении, охватывающем борьбу между Жирондой и Горой от процесса короля и до 31 мая 1793 г., исследования, которое явилось бы связующим звеном между трудом Ф. Бреша (F. Braesch) «La Commune du 10 août» и трудом А. Собуля «Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры». Мы отсылаем, естественно, читателя к все еще полезному своими документами труду: M. M o r t i m e r - T e r n a u x. Histoire de la Terreur, t. VI—VII.

Борьба группировок в департаментах.— Никакого общего труда ни по этой важной проблеме, ни — скажем точнее — по «секционному движению» в крупных городах департаментов нет. Отдельные моменты освещены в труде Валлона, в

остальных отношениях слабом: H. Wallon. La révolution du 31 mai et le fédéralisme en 1793. Paris, 1886, 2 vol., t. I. Поэтому мы отсылаем читателя к трудам по местной или региональной истории, в общем более ценным: C. Riffaterre. Le mouvement anti-jacobin et anti-parisien à Lyon et dans le Rhône-et-Loire en 1793 (29 mai—15 août). Lyon—Paris, 1912 et 1928, 2 vol., t. I; Ed. Herriot. Lyon n'est plus. Paris, 1937—1940, 4 vol. t. I; E. Coulet. Le comité central des sections de Toulon. 13 juillet—17 décembre 1793 (Toulon, 1960). Более обстоятельная библиография по федерализму дана в VI томе «Социалистической истории Французской революции».

Революция 31 мая — 2 июня. — И по этому периоду нет еще исчерпывающего труда. См.: M. Mortimer-Ternaux. Histoire de la Terreur, t. VII. Paris, 1869; A. Tuetey. Répertoire général des sources manuscrites de l'Histoire de Paris pendant la Révolution, t. IX. Paris, 1910. Introduction. См. также: P. Sainte-Claire Deville. La Commune de l'an II. Vie et mort d'une assemblée révolutionnaire d'après de nombreux documents inédits. Paris, 1946, и особенно две важные статьи: H. Calvet. Les origines du Comité de l'Évêché.— « Annales historiques de la Révolution française », 1930, p. 12; idem. Remarques sur la participation des sections parisiennes au mouvement du 31 mai — 2 juin 1793. — Ibidem. 1928, p. 367. [См. работу советского ученого: А. В. Гордон. Роль парижских секций и их Центрального революционного комитета в восстании 31 мая — 2 июня 1973 г.—«Французский Ежегодник 1963». М., 1964.— *Ред.*]

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Агроль, дочь Кекропса, имела около Акрополя храм, где молодые афиняне приносили клятву 537

Азар 522

Амар Андре (1755—1816), депутат Конвента от департамента Изер 495, 497

Амель Эрнест, историк, автор книги «История Робеспьера» 14—16, 86, 377

Анитус, один из обвинителей Сократа 75, 77

Анри-Ларивьер (1761—1838), депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Кальвадос 540, 541, 548, 589

Анрио Франсуа (1761—1794), главнокомандующий парижской национальной гвардии с 31 мая 1793 г. до 9 термидора II г. 583, 617, 633, 637, 642, 643, 646, 647, 649, 676, 679, 683, 688, 691—695, 727

Антуан, комиссар Конвента, командированный для набора 300 тыс. человек в департаменты Мерт и Мозель 339

Аранда Педро Пабло, граф де (1719—1798), испанский государственный деятель и дипломат, разделял взгляды французских просветителей 140, 141

Арди, депутат Конвента от департамента Нижняя Сена 410, 411

Аристотель 189

Артуа, граф д' (Карл X) 360, 402

Ахилл, легендарный герой Троянской войны 488, 489

Бабеф Гракх (Франсуа Ноэль) 194, 221, 224, 225, 305

Базир Клод (1764—1794), член Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Кот-д'Ор, гильотинирован вместе с дантонистами 88, 245, 258, 259. 663

Бай Пьер (1753—1793), депутат Конвента от департамента Буш-дю-Рон 507, 509, 510

Байи Жан Сильвен, мэр Парижа 714

Банкаль Дезиссар (1750—1826), нотариус, письмоводитель в тюрьме Шатле, депутат Конвента от департамента Пюи-де-Дом 375, 699, 701

Бантаболь Пьер Луи (1756—1798), адвокат, депутат Конвента от департамента Нижний Рейн 262, 263, 542, 543, 601
Барбару Шарль Жан Мари (1767—1794), депутат Конвента от департамента Буш-дю-Рон, жирондист 71, 181, 182, 203, 286, 305, 366, 410, 411, 503, 506, 507, 511, 513, 515, 541, 657, 684, 686, 689, 695
Барер Бертран (1755—1841), член Комитета общественного спасения, депутат Конвента от департамента Верхние Пиренеи 28—30, 39, 78—85, 100, 101, 104, 109, 112, 113, 140, 141, 172, 178, 179, 209, 307, 317, 318, 320, 322, 323, 338, 365, 369—371, 379—382, 399, 403, 406, 413, 416, 437, 438, 485, 540, 596, 597, 601, 617, 618, 649, 651, 653, 660, 662, 680, 681, 689, 691, 692, 694, 695, 701, 705
Барнав Антуан Жозеф (1761—1793) 46, 47, 305, 497, 534, 698
Бассе, гражданин, гравер, представитель от секции Боперера 227
Безо, член Комитета одиннадцати 665
Бейль Моиз (1755—?), депутат Конвента от департамента Буш-дю-Рон, член Комитета общественной безопасности 503—508, 514, 515, 689
Бейссе (1753—1794), командовал войсками в Нанте 358, 359
Бельомм А., историк 103
Бергуэн (1750—1829), хирург, депутат Конвента от департамента Жиронда 540, 541, 602, 603, 607—609
Берк Эдмунд (1729—1797), английский политический деятель и публицист, автор контрреволюционного памфлета «Размышления о Французской революции» 318, 319
Бернар Клод, бывший католический священник, член Коммуны 10 августа 213
Бернонвиль Пьер (1752—1821), бригадный генерал в 1792 г., военный министр в 1793 г. 153, 281, 297, 341, 365, 376, 445, 532
Бернье, аббат 359
Беррар, один из командующих католическими армиями Нижнего Анжу и Пуату (Вандея) 360
Беррюйе (1738—1804), главнокомандующий Внутренней армии в Париже 20 октября 1792 г. 132, 133
Бертран, негоциант, мэр Лиона, якобинец, друг Шалье 260, 261
Бертран де л'Одисньер, депутат Конвента от департамента Орн 540
Бетюи Жермен, адвокат, чиновник при Луи-Филиппе 355, 356
Бийо-Варенн Жак Никола (1756—1819), заместитель прокурора Коммуны, депутат Конвента от Парижа, член Комитета общественного спасения 179, 253, 332, 566, 600, 674, 675
Бион (1730—1798), депутат Генеральных штатов от третьего сословия сенешальства Шательро, затем депутат Конвента от департамента Вьенна 706, 707
Бирото Жан (1758—1793), депутат Конвента от департамента Восточные Пиренеи 398, 399, 410, 411, 684, 695, 708, 709
Бишофсвердер, генерал, прусский посол и министр, адъютант прусского короля 298, 299
Блан Луи, историк 86, 87, 134, 135, 220
Бланки Луи Огюст 604
Бо (1743—1814), депутат Конвента от департамента Аверон 491, 494, 495
Бове Шарль Никола (1745—1794), депутат Конвента от Парижа 507, 509
Бодо Марк Антуан (1763—1837), врач, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Сона и Луара, 54, 55, 68, 75, 82, 84, 105, 106, 118, 126, 130, 700, 705—708, 712, 714
Бодри д'Ассон 348—350
Бодсон (1765—?), художник-гравер, член Коммуны 10 августа, комиссар исполнительной власти в департаментах в 1792 г. 567, 569
Божар (1764—1832), депутат от департамента Иль и Вилен 706, 707
Боз Жозеф, придворный художник 47, 573
Больё, журналист, автор труда «Исторические воспоминания, или Подневная запись для года от рождества Христова 1793-го» 638
Бонн-Каррер Гийом (1754—1825), дипломат, посланник Франции в Льеже в начале Революции, был назначен в министерство иностранных дел в марте 1792 г. благодаря влиянию Дюмурье 94—96
Бономе, член Комитета девяти в мае 1793 г. 631
Боншан Шарль, маркиз де (1760—1793), роялист, главарь вандейцев 347, 350
Бопюи (1755—1796), бригадный генерал 521
Борнарель Ф., историк 596, 597, 649
Брауншвейгский, герцог (Карл Вильгельм Фердинанд) 279, 291, 423, 461
Бреар Жан Жак (1750—1840), депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Нижняя Шаранта 374, 375
Бретёй Луи Огюст, барон де (1730—1807), французский дипломат, министр Людовика XVI 318, 401
Бри Жан де, депутат Конвента от департамента Эна 403
Бриссо Жак Пьер (1754—1793) 11, 17, 19, 35, 51, 54, 56—58, 63, 73, 80, 93, 115, 118, 120—122, 129, 140, 141, 147, 181, 195, 222, 239, 252, 258, 264, 271, 280, 281, 284, 286, 305, 320, 321, 337, 341, 365, 379, 380, 410, 411, 524, 530, 532—534, 541, 570, 586, 636, 650, 652, 657, 675, 684, 686, 695, 699
Брут 252, 256, 489, 594, 595, 598, 675
Брюлар де Жанлис — см. Сийери
Буа, поставщик армии 214
Буайе-Фонфред Жан Батист (1760—1793), депутат Конвента от департамента Жиронда 100, 101, 103, 110, 111, 281, 320, 403, 411, 540, 541, 578, 587, 591, 593, 648, 650, 684, 687, 695
Буало Жан (1751—1793), депутат Конвента от департамента Йонна 540, 541
Буассе (1748—1813), депутат Конвента от департамента Дром 503—508, 514, 515, 689
Бауссель, адвокат, судья гражданского суда Парижского департамента, член Общества якобинцев 608 609, 671, 672
Буйеро, сборщик налогов в дистрикте Берне 71
Буланже (1757—1793), ювелир, помощник командира батальона секции Хлебного рынка 10 августа 1792 г., избран временно исполняющим обязанности командующего парижской национальной гвардии 17 мая 1793 г., ушел в отставку 20 мая 545
Буланже Жорж, генерал (1837—1891) 715
Бульме, судья в Машкуле 357
Бурбот (1763—1795), депутат Конвента от департамента Йонна 522—524
Бурдон Леонар (1754—1807), депутат Конвента от департамента Луаре 37, 519, 538, 539, 622, 623, 671
Бушаре, член секции Пуассоньер 441
Бушот Жан Батист Ноэль (1754—1840), военный министр, сменил Бернонвиля 297, 444, 445, 520, 615

Бюзо Франсуа Никола Леонар (1760—1793), адвокат, депутат Конвента от департамента Эр, жирондист 17, 19, 22, 33—35, 51, 62—65, 70, 71, 84, 96, 129, 204, 205, 398, 399, 410, 411, 418, 541, 570, 657, 684, 686, 695, 701—705, 710
Бюше Филипп, историк 571, 605

Валади, депутат Конвента от департамента Аверон 410, 411
Валанс граф де (1757—1822), генерал 274, 275, 278, 280—283, 297, 493, 494
Валлон, историк 737
Вандерноот 146
Варле Жан Франсуа (1764 — после 1831), почтовый служащий, активный деятель секции Прав человека, один из руководителей «бешеных» 199, 210—212, 215, 222, 224, 235, 286, 287, 289, 319, 331, 332, 339, 341, 450, 451, 477—479, 484, 486, 529, 548, 554, 556, 557, 567, 582, 590, 607, 608, 610, 621, 623, 629, 630, 631, 641, 647, 679
Вашингтон Джордж 91, 126, 127
Вендлинг, член революционного комитета секции Хлебного рынка, член Комитета девяти 630, 631
Венсан Франсуа Никола (1767—1794), влиятельный член Клуба кордельеров, генеральный секретарь военного министерства 83, 615
Вергилий 107
Верженн Шарль Гравье (1717—1787) министр иностранных дел в 1774—1783 гг. 533
Верньо Пьер Виктюрньен (1753—1793), адвокат, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Жиронда 47, 51—53, 59—63, 70, 71, 74, 75, 77, 78, 83—85, 91, 102—105, 112, 113, 119, 124, 129, 130, 141, 287, 332, 338, 342, 363, 364, 382, 410, 411, 414, 450, 487, 498, 499, 502, 530, 539, 540, 573, 580, 619, 633, 647, 650, 652, 657—662, 670—672, 679, 684, 686, 692, 695, 696, 714, 715
Веррес Гай Корнелий (ок. 115—43 до н. э.), римский политический деятель, сторонник Суллы, наместник Сицилии в 73—71 гг. до н. э. 518, 519
Вертёй де Маллере (1718—1801), генерал-лейтенант, командовал войсками в Ла-Рошели 349
Вертёй, один из дворян — вожаков мятежа в Вандее 349, 350
Вестерман Франсуа Жозеф (1751—1794), генерал, был гильотинирован вместе с Дантоном 16 жерминаля II г. 93
Виже (1755—1793), депутат Конвента от департамента Мен и Луара 540, 541, 543, 545, 578
Вийетт Шарль, маркиз де (1736—1793), кавалерийский офицер, депутат Конвента от департамента Уаза 110, 111
Виллер (1749—1807), священник, депутат Конвента от департамента Нижняя Луара 356, 357
Вильоме, историк 14
Вимё (1737—1814), бригадный генерал, комендант крепости Майнц 521
Вимпфен Луи Феликс, барон де (1744—1814), главнокомандующий армии федералистов в Нормандии в июне 1793 г. 708, 709
Вите Луи (1736—1809), врач, мэр Лиона в 1789 г., депутат Конвента от департамента Рона и Луара, друг Ролана 244, 245
Вожиро (1741—1819), один из главарей вандейских мятежников 347
Воклен Луи Никола (1763—1829), химик, профессор Политехнической школы, созданной в 1794 г. 685

Вольтер Франсуа Мари Аруэ (1694—1778) 564
Вуадель де (1758—1812), депутат третьего сословия от бальяжа Сартемин 534, 535
Вуайе д'Аржансон 522

Гавернер Моррис (1752—1816), полномочный посланник Соединенных Штатов во Франции в 1789—1794 гг. 91, 92, 96, 126, 178, 194, 195
Галуа, гражданский комиссар Конвента в департаментах Вандея и Дё-Севр в 1793 г. 365
Гамен, слесарь 24
Гара Доменик Жозеф (1749—1833), министр юстиции в 1792 г., министр внутренних дел в 1793 г. 84, 85, 95, 109, 153, 210, 211, 338, 339, 341—343, 368, 428, 441, 447, 454, 471—473, 484, 485, 542, 543, 558, 566, 568, 570, 576—587, 589—592, 599, 606, 607, 614, 618, 620, 621, 648, 650, 672
Гардиен, депутат Конвента от департамента Эндр и Луара, член Комиссии двенадцати 540
Гарен (1753—?), член Генерального совета Коммуны, администратор по продовольственной части в 1793 г. 241, 458, 459, 461, 463, 468, 548, 549
Гарнье (из Сента) (1755—1817), адвокат, депутат Конвента от департамента Нижняя Шаранта 86, 87, 479
Гарро (1762—1819), адвокат, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Жиронда 117, 498—500, 502, 519
Гассенфрац Жан Анри (1755—1827), химик, сотрудник Лавуазье, член Коммуны 10 августа, начальник материальной части в военном министерстве в 1792 г. 182, 183, 592, 593, 605, 612, 613, 615, 684
Гастон, парикмахер, один из главарей роялистов в Вандее 348, 349, 360, 361
Гемпден Джон (1594—1643), депутат английского парламента, один из самых активных противников абсолютизма Карла I, один из лидеров парламентской оппозиции, член Короткого парламента в 1640 г. 75, 76, 532, 533
Георг III, король Англии (1760—1820) 121, 424
Гепен А. (1805—1873), врач и публицист, автор труда «История Нанта» 353
Гибер Ипполит, граф де (1743—1790), бригадный генерал, автор труда «Общие очерки по тактике» 160, 161
Гийо де Фольвиль (1760—1794), викарий, главарь вандейских мятежников, выдавал себя за епископа Агрского 359, 435
Гийон Эме (Гийон де Монлеон), аббат 246, 248, 250, 251, 255
Гиро, член Совещательного бюро искусств и ремесел, член Коммуны 10 августа 440, 441, 481
Гитон-Морво (1737—1816), химик, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Кот-д'Ор 320—323
Годой Мануэль (1767—1851), министр и фаворит Карла IV, короля Испании 140, 141
Гойе Луи Жером (1746—1840), министр юстиции в 1793 г. 542, 543, 576, 579, 590
Гомель М., историк 206
Гомер (1745—1805), депутат Конвента от департамента Финистер 128, 540, 541
Горса Антуан Жозеф (1752—1793), журналист, депутат Конвента от департамента Сена и Уаза 109, 330, 331, 410, 411, 488, 571, 684, 695, 697

Госсюэн, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Нор 85, 89, 278, 279, 280
Готье Антуан Франсуа (1752—1838), адвокат, депутат Генеральных штатов, депутат Конвента от департамента Эн, в 1793 г. был командирован в Альпийскую армию 687
Гош Лазар Луи (1768—1797), командир батальона в Северной армии, в 1793 г произведен в генералы 523, 615, 616
Гране (1758—1821), фабрикант бочек, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Буш-дю-Рон 511
Гранженёв Жан Антуан (1751—1793), депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Жиронда 103, 410, 411, 415, 684, 695
Грегуар Анри (1750—1831), аббат, депутат Конвента от департамента Луар и Шер 493, 510, 511
Грибоваль Жан Батист (1715—1789), генерал, создатель дальнобойной артиллерии, главный инспектор артиллерии в 1776 г. 179
Гроц де Люзанн 608, 609
Гувьон Сен-Сир Лоран (1764—1830), маршал Франции 162, 163
Гупийо из Фонтене (1753—1823), нотариус, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Вандея 168, 169, 522, 523
Гусман (1753—1794), испанец по происхождению, финансист, член Комитета девяти в мае 1793 г.
Гюаде Маргерит Эли (1758—1794), адвокат, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Жиронда 19, 23, 47, 68, 69, 91, 100, 101, 103, 153, 286, 332, 365, 410, 411, 422, 443, 515, 527, 530, 538—541, 650, 652, 657, 666, 677, 684, 686, 695, 705
Давид Жак Луи (1748—1825), художник, депутат Конвента от Парижа 88, 140, 141
Дампьер Огюст Анри Мари, маркиз де (1756—1793), генерал, был временно главнокомандующим Северной и Арденнской армий 402, 403, 559
Данденак (1750—1830), депутат Конвента от департамента Мен и Луара 522—524
Дандэс, лорд Мелвил (1742—1811), адвокат, член Палаты общин, министр внутренних дел, а затем военный министр в кабинете Питта Младшего 106, 107
Дансар, школьный учитель, основавший в 1790 г. самое старое народное общество —«Братское общество обоих полов» 205
Дантон Жорж Жак (1759—1794) 22, 28, 34, 68, 69, 85—90, 92, 97—99, 113—115, 119, 120, 148—153, 181, 219, 230, 248, 256, 278, 279, 281, 284, 290—294, 296, 305, 312, 313, 315—330, 333—335, 339, 341, 368—371, 374, 376, 379—384, 386—397, 404, 405, 409, 412—417, 419, 427, 518, 543, 561, 562, 579, 580, 586, 596—599, 601, 611, 616, 617, 619, 621—623, 630, 645, 647—653, 660, 675, 679, 693, 694, 698—702, 711, 726, 734
Дарест, историк консервативного толка 100, 101, 124
Дартигойт (Dartigoeyte) (1763—1812), депутат Конвента от департамента Ланды 73, 500, 501
Делакруа Жан Франсуа (1753—1794), депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Эр и Луар 19, 85, 89, 278—281, 284, 291, 321, 322, 380, 381, 383, 384, 387, 518, 599, 617, 619, 662, 693
Делессар Антуан (1742—1792), министр иностранных дел 18, 19, 47

Делонэ из Анжера (1752—1794), адвокат, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Мен и Луара 121, 278, 285
Дельмас Жан Франсуа (1751—1798), депутат Конвента от департамента Верхняя Гаронна 403
Дельше, депутат Конвента от департамента Верхняя Луара 245, 246, 250
Демулен Камиль (1760—1794) 17, 35, 88, 106—108, 113, 363, 369, 531, 534, 699
Демулен Люсиль, жена предыдущего 699
Детурнель (1746—1794), директор Управления регистрационных пошлин в Париже, член Парижской коммуны, министр общественных налогов (финансов) в июне 1793 г. 552, 553, 564, 581, 627, 681
Дефермон Жак (1752—1831), адвокат, председатель уголовного трибунала в Ренне, депутат Конвента от департамента Иль и Вилен 37, 690, 691
Дефьё Франсуа (1755—1794), виноторговец из Бордо, член Якобинского клуба 94—96, 205, 316
Джефферсон Томас (1723—1826), американский государственный и общественный деятель, президент США 92, 96
Дидо, типограф 569
Дидона, легендарная основательница Карфагена 505
Дийон Артюр, граф де (1750—1794), член Учредительного собрания, генерал-лейтенант в Северной армии, затем в армии Центра 533
Добан (1820—1876), преподаватель истории, в дальнейшем хранитель Национальной библиотеки, автор многочисленных трудов, посвященных Французской революции 615
Добсан (1743—?), адвокат, председатель секции Сите, председатель Революционного трибунала после падения Робеспьера 570, 571, 578, 595, 607, 625, 627—631, 640, 641, 644, 669, 679
Дону Пьер Клод Франсуа (1761—1840), член конгрегации ораторианцев, депутат Конвента 86—88
Драконт, древнейший афинский законодатель 420, 421
Дрион, неприсягнувший священник, один из «фурий Машкуля». 357, 388, 389
Друэ Жан Батист (1763—1824), начальник почты в Сент-Менеульде, депутат Конвента от департамента Марна 92, 93, 677
Дульсе де Понтекулан— см. Понтекулан
Дюбуа-Дюбэ, депутат Конвента от департамента Кальвадос 127
Дюбуа-Крансе Эдмон Луи (1747—1814), депутат Генеральных штатов, депутат Учредительного собрания, бригадный генерал после роспуска Учредительного собрания, генерал-адъютант в Южной армии в 1792 г., депутат Конвента от департамента Арденны 14, 15, 40, 156, 157, 160, 163—166, 171—173, 175, 335
Дюбуше (1737—1825), врач в Монбризоне, депутат Конвента от департамента Рона и Луара 247
Дюбюиссон, член Якобинского клуба 390, 391, 405
Дюбюск, депутат Конвента от департамента Эр 71
Дюваль Шарль (1750—1829), депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Иль и Вилен 598, 706, 707
Дюко Жан Франсуа (1765—1793), негоциант, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Жиронда 20, 21,

53, 103, 388, 399, 464, 516, 517, 589, 597, 687, 690
Дюлор Жак Антуан (1755—1835), инженер-географ, литератор, депутат Конвента от департамента Пюи-де-Дом, автор труда «Исторические очерки событий Французской революции» 336, 337, 598, 599, 639
Дюма Матьё (1753—1832), депутат Законодательного собрания от департамента Сена и Уаза 714, 715
Дюмурье Шарль Франсуа (1739—1823) 33, 36, 88—99, 110, 114, 146—148, 152, 153, 201, 254, 255, 268—276, 279, 281—284, 289—299, 312, 316, 321—325, 329—334, 342, 347, 366, 373—377, 379—384, 386, 387, 389, 391—395, 397, 400—402, 406, 426, 429, 435, 439, 468, 473, 493, 494, 509, 511, 517, 532, 534, 535, 547, 560, 563, 631, 632, 660, 662, 703, 713, 729, 734, 735, 737
Дюнуи, член Комитета одиннадцати 655
Дюпле, столяр, в доме которого жил Робеспьер 698
Дюпле Элеонора, дочь предыдущего 698
Дюпра, депутат Конвента от департамента Буш-дю-Рон 687
Дюран де Майан Пьер Туссен (1729—1814), адвокат, депутат Учредительного собрания, а затем Конвента от департамента Буш-дю-Рон 54, 55
Дюруа, депутат Конвента от департамента Эр 71
Дюсо Жан Жозеф (1728—1799), литератор, член Парижской коммуны в 1789 г., депутат Конвента от Парижа 124, 684, 685, 689, 690
Дютар, полицейский, осведомитель при министре внутренних дел Гара 428, 441—443, 447—449, 454, 455, 471, 484, 485, 528, 529, 531, 534, 543, 547, 556—559, 562, 566—568, 570, 577, 580, 581, 592, 672
Дютру-Борнье (1741—1816), депутат Конвента от департамента Вьенна 706, 707
Дюфриш-Валазе Шарль (1751—1793), депутат Конвента от департамента Орн, жирондист 20, 398, 399, 410, 411, 538, 539, 647, 677, 687, 690, 695, 706
Дюфур (1758—1820), генерал 169
Дюфурни (1739—1795?), главный инженер города Парижа, председатель директории Парижского департамента 603—605, 607, 608
Дюшатель (1766—1793), землевладелец, депутат Конвента от департамента Дё-Севр 123
Дюшен папаша — см. Эбер
Дюэм Пьер Жозеф (1758—1807), депутат Конвента от департамента Нор 479

Екатерина II, императрица России 360

Жавог (1759—1796), судебный исполнитель в Монбризоне, депутат Конвента от департамента Рона и Луара, расстрелянный по делу о Гренельском лагере 252, 253
Жаго, депутат Конвента 493
Жан Бон Сент-Андре Андре (1749—1813), депутат Конвента от департамента Ло, член Комитета общественного спасения 18, 19, 73, 94, 96, 281, 316, 335, 497, 498, 500, 677, 687, 689
Жансонне Арман (1758—1793), адвокат, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Жиронда 19, 47, 51, 63, 90, 91, 103, 109, 122, 125, 286, 321—323, 332, 333, 364, 365, 380, 403, 410, 411, 416, 524, 532, 540, 657, 684, 686
Жарже де 400

Жар-Панвийе (1757—1822), врач, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Дё-Севр 168, 169
Жерар Мишель, депутат третьего сословия от Реннского сенешальства, землепашец, прообраз героя альманаха папаши Жерара 537
Жилибер (1741—1814), врач, известный натуралист, мэр Лиона в 1793 г., сторонник умеренных 246, 247, 258, 259
Жире-Дюпре Жозеф Мари (1769—1793), помощник хранителя рукописей в Национальной библиотеке, сотрудник газеты Бриссо «Патриот франсе», казнен вместе с лидерами Жиронды 650, 651
Жоли, один из первых вожаков мятежа в Вандее 350, 352, 360
Жоссюэн (1758—1830), администратор управления доменами и лесами герцога Орлеанского, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Нор 386, 387
Жуанн-Лоншан, депутат Конвента от департамента Кальвадос 126, 127
Жюльен из Тулузы Жан (1750—1828), депутат Конвента от департамента Верхняя Гаронна 522—525

Зайферт, саксонец, врач, член Комитета германцев-федератов 94, 95
Захер Я. М., советский историк, автор труда «Движение «бешеных»» 199, 735
Зибель Г. фон (1817—1895), немецкий историк 697, 734

Изабо Клод Александр (1754—1831), депутат Конвента от департамента Эндр и Луара 492, 493
Иосиф II (1741—1790), австрийский государь, император «Священной Римской империи» 149, 299
Иснар (Инар) Анри Максимен (1751—1825), негоциант, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Вар 176, 177, 332, 341, 398, 399, 403, 560, 561, 575, 579, 580, 587, 591, 604, 655, 657, 658, 689
Ишон (1757—1834), депутат Конвента от департамента Жер 500, 501

Йоркский, герцог 369, 371

Кабе Этьенн (1788—1856), французский утопический коммунист, автор труда «Народная история Французской революции 1789 г.» 419
Казалес Жан Антуан Мари де (1758—1805), член Учредительного собрания 111, 714
Камбасерес Жан Жак (1753—1824), советник Счетной палаты Монпелье председатель уголовного трибунала департамента Эро, депутат Конвента от департамента Эро 33, 87, 88, 335
Камбон Пьер Жозеф (1756—1820), негоциант, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Эро 14, 15, 89, 108, 111, 143, 145, 149, 154, 201, 263, 264, 306, 309, 406, 597, 599
Камю Арман Гастон (1740—1804), адвокат, депутат Учредительного собрания, а затем Конвента от департамента Верхняя Луара 85, 89, 375, 377, 384—387
Кант Иммануил (1724—1804) 10
Карл I, король Англии 31, 48, 75, 107, 532
Карл II, король Англии 75
Карл IV, король Испании 105
Карл IX, король Франции 535
Кармайкл Уильям, поверенный в делах США в Испании 195

Карно Лазар (1753—1823), депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Паде-Кале, член Комитета общественного спасения 149, 150, 162, 171, 312
Каролина, королева Неаполя, сестра Марии Антуанетты 140
Карра Жан Луи (1742—1793), журналист, депутат Конвента от департамента Сона и Луара 103, 204, 205, 238, 239, 371, 522—524, 595
Каррье Ж.-Б. (1756—1794), прокурор, депутат Конвента от департамента Канталь 316, 317
Кателино Жак, по прозвищу Анжуйский святой (1759—1793), один из руководителей вандейских мятежников 348, 349
Катилина (Сергий Катилина) 318, 489, 518, 525, 532
Катон Марк Порций, прозванный Утическим (95—46 до н. э.) 76, 489
Кауниц Венцель Антон, князь фон (1711—1794), австрийский государственный деятель и дипломат, канцлер 95
Кекропс, первый царь Аттики, легендарный основатель Афин 537
Келлерман Франсуа Кристоф (1735—1820), генерал 29, 275
Кервелеган Огюст Бернар Франсуа (1748—1825), депутат Конвента от департамента Финистер 128, 540, 541
Керсен Арман Ги (1742—1793), морской офицер, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Сена и Уаза 19, 320
Кетино (1757—1794), генерал, командовал в Вандее Брессюирской дивизией 350, 351, 435, 436
Кинет де Рошмон Никола (1762—1821), нотариус в Суассоне, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Эна 375, 377
Кине Эдгар (1803—1875), французский политический деятель, историк, писатель 55, 134, 135
Клавьер Этьенн (1735—1793), банкир, член Временного Исполнительного совета, министр государственных налогов (финансов) после 10 августа 1792 г. 95, 254, 421, 593, 595, 657, 674, 675, 695
Клеманс, член Комитета девяти и Комитета одиннадцати 655
Клерфе, австрийский генерал 276, 316
Клодий Пульхерий Публий (?—52 до н. э.), римский политический деятель, враг Цицерона, был близок Цезарю 75, 77
Клоотс Жан Батист (Анахарсис) (1755—1794), барон, депутат Конвента от департамента Уаза, был казнен вместе с эбертистами 94, 95
Кобенцль Людвиг (1753—1809), граф, австрийский дипломат и государственный деятель 276
Кобургский, герцог (Фридрих) (1737—1815), главнокомандующий контрреволюционными армиями антифранцузской коалиции, 274, 278, 279, 375, 423, 428, 429, 517
Кола ди Риенцо (1313—1354), итальянский политический деятель, народный трибун Римской республики в 1347 г. 564
Колло д'Эрбуа Жан Мари (1750—1796), депутат Конвента от Парижа, член Комитета общественного спасения 264, 335, 492, 493, 537
Конде Луи Жозеф де Бурбон (1736—1818), принц 401
Кондорсе Жан Антуан, маркиз де (1743—1794), французский философ-просветитель, экономист, депутат Законодательного собрания от Парижа, затем Конвента от департамента Эна 102, 103, 119, 121, 142, 147, 187, 188, 191, 197, 200, 278, 284, 285, 319, 331, 369, 595, 619, 638, 700, 702
Конти, принц де 509
Корде Шарлотта (1768—1793), французская контрреволюционерка, убийца Марата 407
Крёзе-Латуш Жак Антуан (1749—1800), депутат Генеральных штатов от третьего сословия сенешальства Шательро, затем депутат Конвента от департамента Вьенна, был близок жирондистам 706, 707
Креспен (из секции Гравилье), член Комитета одиннадцати 655
Критий (460—403 до н. э.), афинский политический деятель олигархического направления, ученик Сократа, один из «тридцати тиранов» Афин 75, 77
Кромвель Оливер (1599—1658), деятель английской буржуазной революции XVII в., вождь индепендентов, лорд-протектор Англии с 1653 г. 48
Кузэн Жак Антуан Жозеф (1739—1800), профессор математики в Эколь-милитер и в Королевском коллеже, член Академии наук, администратор по продовольственной части с 1791 г. 459
Кутон Жорж Огюст (1755—1794), депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Пюи-де-Дом, член Комитета общественного спасения 539, 652, 653, 695
Кювилье, комиссар Коммуны в феврале 1793 г. 221
Кюссе Жак (1759—1796), владелец мастерской, депутат Конвента от департамента Рона и Луара, расстрелян в 1796 г. по делу о Гренельском лагере 247, 250—253
Кюстин Адам Филипп, граф де (1740—1793), бригадный генерал, депутат Генеральных штатов от дворянства бальяжа Мец, с 15 мая 1793 г.— главнокомандующий Северной и Арденнской армиями 279, 558, 559, 601

Лаборд Жан Жозеф (1724—1794), банкир, член Учредительного собрания, в 1793 г. арестован и приговорен Революционным трибуналом к смертной казни 536, 537
Лаво Жан Шарль, главный редактор «Журналь де ла Монтань» 677
Лавуазье Антуан Лоран (1743—1794), известный французский ученый-химик 183, 593
Лазовский Клод (1752—1793), поляк по происхождению, активист секции Финистер, капитан канониров этой секции, участник событий 20 июня и 10 августа 1792 г. 341, 456, 457
Лайа Жан Луи (1761—1833), драматург, автор комедии «Друг законов» 113
Лакомб Сен-Мишель (1751—1812), депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Тарн 84, 85, 245, 250
Лакост Эли (1745—1806), депутат Конвента от департамента Дордонь 497
Ламарк (1753—1839), адвокат, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Дордонь 364, 365, 375, 377
Ламартин Альфонс (1790—1869), французский политический деятель, историк, поэт 85, 88, 108
Ламет Теодор граф де (1756—1854), депутат Законодательного собрания 99
Ландрен, член секции Французского Пантеона, секретарь-письмоводитель революционного комитета этой секции 477, 616
Ланжюинэ Жан Дени (1753—1827), адвокат, член Учредительного соб-

рания, а затем Конвента от департамента Иль и Вилен 68, 101, 127, 363, 364, 410, 411, 536, 537, 593, 612, 613, 695
Лантена Франсуа Ксавье (1754—1799), врач, депутат Конвента от департамента Рона и Луара, жирондист 410, 411, 684, 690, 691
Лану Рене Жозеф (1731—1795), бригадный генерал в 1788 г., генерал-лейтенант в Северной армии в 1792 г., командовал левым крылом Арденнской армии в январе 1793 г. 283, 290, 291
Лапланш Жак Леонар (1755—1817), депутат Конвента от департамента Ньевр 492, 493
Ларевельер-Лепо Луи Мари (1753—1824), депутат Конвента от департамента Мен и Луара, член Исполнительной директории в IV г. 328, 329, 351, 700
Ларошжаклен Анри (1772—1794), роялист, один из вожаков мятежа в Вандее 350, 351
Ла Руэри А. Ш. Тюффен, маркиз де 347, 349
Ласурс Марк Давид (1763—1793), протестантский священник, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Тарн 383, 391, 393, 394, 396, 403, 410—412, 502, 633, 679, 695
Лафайет Мари Жозеф, маркиз де (Мотье) (1757—1834), 46, 272, 296, 332, 340, 368, 455, 457, 660, 714
Леарди Пьер (1758—1793), депутат Конвента от департамента Морбиан, был осужден по процессу жирондистов 204, 205, 411, 684, 695
Леба Жозеф (1765—1794), депутат Конвента от департамента Па-де-Кале, друг Робеспьера 135, 171
Лебрен Пьер Мари (он же Лебрен-Тондю) (1754—1793), член Временного Исполнительного совета, министр иностранных дел после 10 августа 1793 г. 95, 96, 105, 542, 543, 593, 595, 657, 674, 675, 695
Лебурсье (из секции Единения), член Комитета девяти 655
Левассёр (из Сарты) Рене (1747—1834), депутат Конвента от департамента Сарта, монтаньяр 93, 339, 385—387, 394, 396, 403, 413, 415, 451, 579, 588, 640, 645, 659, 670, 688, 689, 692, 711, 713
Левассёр (из Мёрта) (1746—1826), депутат Конвента от департамента Мёрт 500, 501
Ле Венёр, генерал 615
Легэ 287
Лежандр Луи (1752—1797), владелец мясной лавки, депутат Конвента от Парижа 110, 111, 258, 259, 530, 531, 540, 566, 601, 622
Лекиньо, адвокат, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Морбиан 73
Леклерк Теофиль (1771—?), один из руководителей группы т. н. «бешеных», член Клуба кордельеров 261, 527, 622, 623, 682
Лэкуэнтр, гражданка 592
Лекуэнт-Пюираво (1764—1827), депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Дё-Севр 239
Лемарешаль, член Учредительного собрания, депутат Конвента от департамента Эр 71
Ленде Жан Батист Робер (1746—1825), законовед, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Эр, член Комитета общественного спасения 27, 71, 315, 596, 597
Ленде Тома, член Учредительного собрания, а затем Конвента от департамента Эр 27, 71
Лендсдаун, лорд (1737—1805), член правительства Питта Старшего с 1766 по 1768 г., глава министерства иностранных дел в 1782 г. 120, 121
Лепелетье де Сен-Фаржо Луи Мишель (1760—1793), президент Парижского парламента, депутат Генеральных штатов от дворянства города Парижа, депутат Конвента от департамента Йонна 111, 131, 133, 134, 246, 301, 302, 329, 428, 519
Лесаж Дени Туссен (1758—1796), депутат Конвента от департамента Эр и Луар, жирондист 684, 695
Лескюр Луи Мари, маркиз де (1766—1793), генерал, командовал войсками вандейцев 347, 350
Лесэн, капитан вооруженных сил секции Бон-Консей 692, 693
Лефевр Жорж, историк 49, 633
Лефран (1758—1839), адвокат, депутат Конвента от департамента Ланды 109
Лешенар, один из руководителей департамента полиции Парижской коммуны 487
Лещинский Станислав (1677—1766), польский король 457
Лидон (1752—1793), адвокат и промышленник, депутат Конвента от департамента Коррез 513, 581, 695
Ликург, легендарный древнеспартанский законодатель 598, 714, 715
Ложье (из секции Гренельского фонтана), член Комитета одиннадцати 65
Лоран (из секции Марселя), член Комитета девяти 631
Лоссель, лионский якобинец, прокурор коммуны Лиона 247, 249, 257, 258, 260
Луа (из секции Бютт-де-Мулен), член Комитета девяти 655
Луве, комиссар Парижской коммуны в мае 1793 г. 470
Луве (1757—1818), адвокат, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Сомма 22, 23

Луве де Кувре Жан Батист (1760—1797), депутат Конвента от департамента Луаре, литератор, издавал газету «Сантинель» 13, 28, 100, 125, 286, 342, 368, 410, 411, 488, 599, 686, 695, 714
Луи Филипп (1773—1850), король Франции (1830—1848), 33, 34, 94, 356
Лустало Элизе (1762—1790), журналист, сотрудник газеты Прюдома «Революсьон де Пари» 639
Любен (1765—1794), живописец, член Коммуны 10 августа, член Генерального совета Парижской коммуны 470, 548, 549, 727
Людовик, дофин (1729—1765), сын Людовика XV, отец Людовика XVI 133
Людовик XIV (1638—1715), король Франции (1643—1715) 278
Людовик XV (1710—1774), король Франции (1715—1774) 133, 138
Людовик XVI (1754—1793), король Франции (1774—1793) 7, 8, 10—17, 19, 20, 22—43, 48, 49, 51, 53, 55, 58—67, 70, 72, 73, 83, 86—92, 94, 97—102, 104—110, 113—117, 119, 121, 123, 124, 126, 127, 129, 132—141, 148, 179, 185, 186, 198, 212—214, 220, 252, 257, 266, 294, 298, 300, 305, 346, 424, 434, 435, 502, 532, 533, 535, 547, 573, 599, 702, 733
Людовик XVII (1785—1795), сын Людовика XVI, после казни последнего был провозглашен принцами в эмиграции королем Франции, умер в заключении 228, 246, 258, 402, 598
Люлье Луи Мари (1746—1794), прокурор-синдик Парижского департамента 181, 452, 453, 465, 468, 611, 612, 618, 619, 621, 637, 647, 654, 655, 658, 660, 670

Мазаньелло (Томмазо Аньелло) (1620—1647), вождь народного антифеодального восстания в Неаполе в 1647 г., направленного против испанского господства 488, 489
Мазарини Джулио (1602—1661), кардинал, первый министр Франции 532
Мазорик Клод, историк 736, 737
Мазад-Персен (1750—1823), депутат Конвента от департамента Верхняя Гаронна 492, 493
Мазюйе, депутат Конвента от департамента Сона и Луара 204, 205, 209, 527
Майль Жан Батист (1754—1834), депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Верхняя Гаронна 8, 9, 105, 106, 108, 115—119, 121, 126, 127
Майяр, по прозвищу Крепкий кулак, заместитель председателя секции Сите 595, 611
Макк австрийский полковник 375
Малларме, депутат Конвента от департамента Мерт, монтаньяр 646, 692, 693
Малле дю Пан Жак (1749—1800), публицист, тайный агент двора и эмигрантов 54
Мальзерб Кретьен Гийом де Ламуаньон (1721—1794), министр Людовика XVI 32, 33, 36
Малюс, главный поставщик армии Дюмурье 96, 295, 520
Манюэль Луи Пьер (1751—1794), муниципальный чиновник в 1789 г., прокурор Коммуны, депутат Конвента от Парижа 123, 281
Маньен — см Монен
Марат Жан Поль (1743—1793) 14—16, 19, 20, 22, 26—28, 32, 33, 35, 36, 80, 83, 89, 92—97, 109, 112, 125, 128, 129, 145—147, 187, 204, 205, 207—210, 214, 216—222, 234, 253, 265, 267, 287, 290, 293—299, 301, 302, 304—307, 309, 311—313, 320, 324, 325, 329, 332—334, 339, 341, 363, 365 366, 369—371, 376, 377, 380, 384, 391, 392, 395—397, 404—409, 420, 421, 427, 471, 473, 478, 479, 484, 486, 509, 518, 522, 531, 556, 558—560, 566, 570—572, 576—578, 599, 614—616, 621, 624, 652, 674—677, 679—685, 687, 689—691, 693—995, 699, 702—705, 725, 726
Марат Альбертина, сестра Марата 614, 624
Марек, депутат Конвента от департамента Финистер 128
Марешаль Пьер Сильвен (1750—1803), поэт, атеист, сотрудник газеты Прюдома «Революьсон де Пари», участник движения «во имя равенства» 639
Марибон-Монто — см Монто
Марий Гай (ок. 157—86 до н э), римский полководец и политический деятель 502, 503
Марино, администратор полиции из секции Пале-Руаяль 542, 543, 545, 548, 550, 553, 554, 556, 622
Мария Антуанетта (1755—1793), королева Франции 26, 133, 140, 400, 465, 468, 591
Марков Вальтер, историк 213, 467, 735
Маркс Карл 213, 709
Марон, издатель, выпустивший мемуары Гара 369
Марсе (1731—1794), генерал, командовал войсками в Нанте 349, 435, 436
Маршан (из секции Мон-Блан), член Комитета одиннадцати 655
Матье Жан Батист Шарль (1763—1833), депутат Конвента от департамента Уаза, член Комитета общественного спасения 399, 647
Матьез Альбер 17, 26, 99, 105, 201, 211, 213, 215, 221, 243, 329, 461, 525, 527, 734
Мейан (1748—1809), администратор департамента Нижние Пиренеи, депутат Конвента от этого департамента 686, 687
Менессье, комиссар Генерального совета Коммуны 553
Мену Жак Франсуа (1750—1810), был дивизионным генералом в армии Побережья Ла-Рошели 522, 523
Менье (1758—1834), депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Пюи-де-Дом 500, 501
Менье Жан Батист Мари Шарль (1754—1793), геометр и физик, член Академии наук 182
Меоль (1757—1826), депутат Конвента от департамента Нижняя Луара 706, 707
Меркур Терзань де (1762—1817) 665
Мерлен из Тионвиля Антуан Кристоф (1762—1833), адвокат, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Мозель 22, 23, 82
Мерлен из Дуэ Филипп Огюст (1754—1838), секретарь Комитета феодальных прав Учредительного собрания, депутат Конвента от департамента Нор 278—280, 282
Мерлино (1737—1805), депутат Конвента от департамента Эн 495, 497
Мерси д Аржанто Флоримон, граф де (1727—1794), австрийский посол во Франции 276, 401
Мерсье дю Роше (1753 — 1816), член администрации департамента Вандея 132 133, 348, 349, 351, 362, 364, 365, 371, 372, 520, 522, 525
Мессар (из секции Мон), член Комитета одиннадцати 655
Милье комиссар Генерального совета Парижской коммуны в мае 1793 г 470
Мирабо Оноре Габриэль Рикети, граф де (1749—1791) 25, 27, 42, 46, 111, 130, 299, 303, 305, 309, 326, 368 406, 534
Миранда Франсиско де (1750—1816), генерал, венесуэльский патриот, один из руководителей борьбы за независимость испанских колоний в Америке, заместитель Дюмурье в Северной армии, друг Петиона и жирондистов 274, 275, 281—283, 316
Миттие, якобинец комиссар Исполнительного совета в Марселе 672, 673
Митуа (из секции Единства), член Комитета девяти 631
Мишель, член Коммуны 10 августа, администратор полиции 542, 543, 545, 548, 550, 553, 554, 556, 622
Мишле Жюль 11, 31, 33, 43, 86—89, 115, 134, 135, 137, 152, 153, 213, 218, 219, 221, 224, 245, 253, 287, 607, 610, 611, 619, 621, 629, 640, 641, 653, 655, 658, 659
Молеврие 348
Мольво (1744—1816), депутат Конвента от департамента Мерт, председатель Комиссии двенадцати 540, 541, 548
Мольд, депутат Конвента от департамента Шаранта, французский посланник в Гааге 269
Моморо Антуан Франсуа (1756—1794), печатник, член Клуба кордельеров, администратор Парижского департамента после 10 августа 1792 г., комиссар исполнительной власти в Вандее 520—522
Монен, адъютант Анрио, командующего Парижской национальной гвардии 622, 623
Монморен Арман Марк, граф де (1745—1792), министр иностранных дел 19
Монтескье Шарль Луи 536
Монто Луи Мари Бон по прозвищу Марибон-Монто (1754—1842), депутат Конвента от департамента Жер 500, 501

Мори Жан Сиффрен (1746—1817), аббат, депутат Учредительного собрания 111, 318, 714
Моррисон (1751—1817), депутат Законодательного собрания, затем Конвента от департамента Вандея 20
Мортимер-Терно 330—332, 383—385, 387, 474, 475, 610, 611, 626, 629, 737
Мурай, мэр Марселя 503—505, 513, 516
Мэнвиель, депутат Конвента до департамента Буш-дю-Рон 687
Мюнен — см. Монен

Наполеон I Бонапарт 34
Неккер Жак (1732—1804), французский финансист и государственный деятель 91, 534
Нивьер-Шоль, негоциант, мэр Лиона 243, 245, 248, 249, 257—259
Николо (1737—1810), член директории Парижского департамента в 1793 г. 610, 611, 726
Ниош Клод Пьер (1751—1828), адвокат, депутат Генеральных штатов, депутат Конвента от департамента Эндр и Луара, якобинец 687
Ноай Луи Мари, маркиз де, французский посол при английском дворе, друг Дантона 99
Нурри Гийом Антуан, известный под именем Розелли, а затем именуемый Граммоном (1752—1794), актер, покинул театр в 1792 г., начальник штаба Революционной армии в октябре 1792 г. 520, 521

Обри (1747—1798), капитан артиллерии, мэр Нима в 1790 г., депутат Конвента от департамента Гар, специалист по военным вопросам 173
Оврэ, командир батальона секции Мон-Блан, член Комитета одиннадцати 655
Одуэн Франсуа Ксавье (1766—1837), викарий в Лиможе, член Коммуны 10 августа, секретарь Паша в военном министерстве 182, 183
Окарис, поверенный в делах Испании во Франции 99, 104, 105, 129
Олар Франсуа Виктор Альфонс (1849—1928), историк 210, 403, 528, 571, 573, 609
Орлеанский, герцог — см. Филипп Эгалите
Осселен Шарль Никола (1752—1794), депутат Конвента от Парижа 115, **479**

Панис Этьенн Жан (1759—1832), адвокат, администратор парижской полиции в 1792 г., депутат Конвента от Парижа, руководитель Наблюдательного комитета Коммуны 253
Парен Пьер Матье (1755—1831), участник взятия Бастилии, активный член Клуба кордельеров, был в Вандее, генерал Революционной армии, примкнул к движению «во имя равенства» 520, 521
Пари, телохранитель Людовика XVI, убийца Лепелетье де Сен-Фаржо 131
Паш Жан Никола (1746—1823), военный министр в 1792 г., мэр Парижа в 1793 г. 91, 95, 114, 148, 153, 181, 183, 184, 222, 231, 296, 297, 331, 444, 452, 453, 475, 477, 521, 543, 563, 571, 581, 582, 590, 598, 599, 606, 619—621, 631—633, 641, 643, 646, 647, 677, 679, 680
Пейн Томас (1737—1809), общественный и политический деятель США и Великобритании, депутат Конвента от департамента Па-де-Кале 122, 123
Первенкьер, администратор дистрикта Фонтене (Вандея) 364, 365

Перейра 390, 391
Перикл (ок. 490—429 до н. э.), древнегреческий политический деятель, стратег Афин 78, 714, 715
Перру К., историк 699
Перьер, полицейский осведомитель при министре внутренних дел Гара 568, 570
Петион де Вильнёв Жером (1753—1794), депутат Генеральных штатов, депутат Конвента от департамента Эр и Луар, мэр Парижа 13, 20, 35, 37, 51, 65, 67, 103, 180, 184, 275, 286, 320, 364, 371, 410, 411, 418, 421, 427, 431, 432, 452, 475, 524, 534, 547, 614, 621, 630, 632, 634, 666, 684, 686, 695, 714
Пешар, один из администраторов департамента Вандея 364
Пигмалион, легендарный царь Тира, брат Дидоны 505
Пим Джон (1584—1643), один из главных руководителей парламентской оппозиции накануне и в первый период английской буржуазной революции XVII в., один из авторов «Петиции о праве» 1641 г. 532, 533
Питт Уильям, Питт Младший (1759—1806), премьер-министр Англии в 1783—1801 гг. 99, 105—107, 220 318, 319, 367, 368, 370, 423, 499, 532—535, 551
Платон (428—348 до н. э.), древнегреческий философ 77, 189, 538
Плезан де ла Уссе Жан, законовед, из секции Французского Пантеона 307
Понтекулан (Дульсе де), депутат Конвента от департамента Кальвадос 204, 205, 410, 411, 695
Преси Луи, граф де (1742—1820), подполковник в конституционной гвардии короля в 1791 г., главнокомандующий мятежных войск в Лионе в 1793 г. 708, 709
Прованский, граф (Людовик XVIII) 360, 370
Прожан (1752—1818), депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Верхняя Гаронна 492, 493
Проли Бальтазар (1752—1794), финансист, австрийский подданный, внебрачный сын князя Кауница, был связан с демократическими кругами Парижа, хотя его подозревали в связях с Венским двором, издатель газеты «Космополит» 94, 95, 390, 391
Прюдом Луи Мари (1752—1830), журналист, главный редактор газеты «Революсьон де Пари», после 9 термидора враг якобинцев 136, 220, 242, 331, 419, 421, 426, 427, 638, 639, 664, 665
Пультье, депутат Конвента от департамента Нор 253
Пуэнт Ноэль (1755—1825), рабочий-оружейник из Сент-Этьенна, депутат Конвента от департамента Рона и Луара 247, 250, 252, 253

Рабо Камиль 633
Рабо-Поммье (1744—1820), депутат Конвента от департамента Гар, брат Рабо де Сент-Этьенна 576, 579, 595
Рабо де Сент-Этьенн Жан Поль (Рабо Жан Поль) (1743—1793), член Учредительного собрания, а затем Конвента от департамента Об 51, 188—191, 194, 399, 540, 541, 576—579, 581, 589, 613, 650—652, 684, 695
Рамон (1755—1827), адвокат при Высшем совете Эльзаса, депутат Законодательного собрания от Парижа, один из руководителей партии роялистов до 10 августа 1792 г. 714, 715

Раффе, крупный бакалейщик, командир батальона секции Бютт-де Мулен. В июле 1793 г его кандидатура была выдвинута умеренными секциями на пост главнокомандующего Парижской национальной гвардии против Анрио 583
Реаль Гийом Андре (1755—1832), депутат Конвента от департамента Изер 209
Ребекки Франсуа (1744—1794), марсельский негоциант депутат Конвента от департамента Буш-дю-Рон, жирондист 503
Редерер Пьер Луи (1754—1835), советник парламента в Меце, депутат Генеральных штатов, генеральный прокурор-синдик Парижского департамента в 1792 г 191, 231
Рессон (1759—?), фабрикант лимонада, генеральный секретарь Парижского департамента после 10 августа 1792 г 611
Рикор Александр (1767—1829), администратор, затем прокурор-синдик департамента Буш-дю-Рон 502, 503
Ришелье Арман Жан дю Плесси (1585—1642), кардинал, с 1624 г — первый министр Людовика XIII и фактический правитель Франции 532, 564
Ришу, депутат Конвента от департамента Эр 71, 688, 689
Робер Пьер Франсуа Жозеф (1762—1826), адвокат, журналист, основатель «Меркюр насиональ», депутат Конвента от Парижа, один из видных деятелей Клуба кордельеров 384, 385
Робер Луи Арман (1767—1796), бригадный генерал в 1793 г 520, 521
Робеспьер Максимилиан Мари Изидор де (1758—1794) 10, 12—16, 18, 22, 23, 28, 29, 34—36, 38, 55, 68, 70—77, 79, 81, 82, 84, 86, 92, 93, 102, 106—108, 125, 128, 129, 142—147, 152, 153, 181, 206, 210, 223, 226—228, 242, 243, 248, 264, 266, 267, 272, 284, 285, 287, 290—293, 305, 312, 313, 316—318, 320, 324 327—329, 333, 334, 338, 339, 341, 369, 371, 376—379, 381, 382, 386, 391, 392, 396, 403, 405, 411, 416, 417 427—431, 445, 446, 484, 486, 513 525, 528—530, 531, 534, 535, 540, 560, 571, 573, 576, 580, 581, 599—602, 608, 609, 611, 612, 614, 619, 621, 623, 630, 659—662, 670, 675, 676, 694, 698, 701, 702
Робеспьер Огюстен (Робеспьер Младший) (1763—1794), депутат Конвента от Парижа 207, 399
Ровер Жозеф Станислав Франсуа (1748—1798), маркиз, депутат Конвента от департамента Буш-дю-Рон, а затем от департамента Воклюз 258, 259
Ролан де ла Платьер Жан Мари (1734—1793), министр внутренних дел с 23 марта до 13 июня 1792 г и с 10 августа 1792 г до 23 января 1793 г 19, 24—26, 33, 91, 95 108—111, 113, 122, 148, 153, 211, 219, 243—245, 248, 252, 254, 266, 267, 286, 297, 303, 306, 331, 369, 389, 390, 534, 601, 632, 657, 678, 698, 699, 714
Ролан де ла Платьер Манон Жанна (1754—1793) жена предыдущего 21, 25, 235, 393, 678, 699, 710
Роланы 81, 691, 698
Ронсен Шарль Филипп (1751—1794), драматург, член Клуба кордельеров, комиссар в Бельгийской армии после 10 августа 1792 г, помощник военного министра в апреле 1793 г, осенью 1793 г — командующий Революционной армии 444, 520—523
Россиньоль Жак Антуан (1759—1802), ювелир-подмастерье, участник взятия Бастилии, член Клуба кордельеров, был послан в Вандею командиром дивизии 520, 521
Ру, мировой судья 538, 539
Ру Жак (1752—1794), священник, член Клуба кордельеров, один из вождей «бешеных», член Коммуны 199, 201, 210—218, 220—226, 229, 231—235, 242, 261, 262 264—266, 287, 289, 311, 319, 339, 341, 465—468, 477—479, 611 669
Руане, член директории департамента Изер 495
Руане-Колар Пьер Поль (1763—1845), секретарь первой Парижской коммуны член Совета пятисот 543, 546
Руаиран, один из дворян—вожаков мятежников в Вандее 350
Руйе Жан Паскаль (1761—1819), мэр Безье в 1790 г., депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Эро 707
Русселен де Сент-Альбен (1773—1847), друг Дантона, секционный активист, редактор «Фей де сатю пюблик», член Комитета одиннадцати 409, 613, 655
Руссо Жан Жак 40, 258, 260, 594, 595, 714, 715
Руссо Тома, один из издателей «Журналь де ла Монтань» 677

Савари, депутат Конвента от департамента Эр 71
Савен, один из первых вожаков мятежа в Вандее 350
Савон, братья, марсельские патриоты 507
Саличетти Антуан Кристоф (1757—1809), депутат Конвента от Корсики, член Совета пятисот 245, 246, 250
Саллюстий Гай Криспи (86—ок 35 до н э), римский историк, автор книги «О заговоре Катилины» 318
Саль Жан Батист (1759—1794), врач, депутат Генеральных штатов, а затем Конвента от департамента Мерт, один из основателей клуба фейянов Поддерживал жирондистов 51, 54—58, 62, 63, 124, 219, 307, 338, 339, 342, 368, 369, 371, 380, 382, 410 411, 652, 695, 725
Сандоз (1756—?), полковник штаба, командир бригады в армии Побережья Ла Рошели 522, 523
Сантер Антуан Жозеф (1752—1809), пивовар, участник взятия Бастилии, главнокомандующий Парижской национальной гвардии после 10 августа 1792 г 37, 94, 132, 133, 222, 364, 370, 440, 444, 522, 531, 544, 545, 651
Сапино де ла Верри, граф де (1738—1793), генерал, главарь вандейских мятежников 347, 350, 360
Сапино де ла Рэри (1761—1829), главарь вандейских мятежников 347
Сеги (из секции Бютт-де-Мулен), член Комитета одиннадцати 655
Седерманландский, герцог, регент Швеции (в дальнейшем король Карл XIII) 276, 402, 403
Сез Ромэн де (или Десез) (1748—1828), адвокат, один из защитников Людовика XVI 10, 26, 36—41, 48, 49, 129
Селигман Э , историк 103
Сен-Жермен Шарль Луи (1707—1778), военный министр в 1775 г 162, 163
Сен Жюст Луи Антуан (1767—1794), депутат Конвента от департамента Эна, член Комитета общественного спасения 10—16, 34, 35, 38, 48, 49, 73, 79, 98, 171, 203, 206, 226, 236, 237, 305, 312, 329, 382
Сен-Мартен Валонь (1750—1807), адвокат, мэр Мипо, депутат Конвента от департамента Аверон, член Комиссии двенадцати 540, 541, 695

Сен-Поль, один из дворян—вожаков мятежа в Вандее 350
Сент-Фуа, посол Франции в Гааге, был одним из распорядителей секретных фондов Людовика XVI, предназначенных для подкупа политических деятелей. Его донесения королю были обнаружены в «железном шкафу» 106
Сен-Феликс, комиссар, помощник Ронсена в Вандее 522, 523
Серван Жозеф (1741—1808), военный министр в 1792 г 160, 161
Сержан Антуан Франсуа (1751—1847), гравер, видный кордельер, член Коммуны 10 августа, депутат Конвента от Парижа 253
Сидней Олджернон, выдающийся деятель английской революции 1640 г., сторонник парламента и противник Карла I 75—77
Сиейес Эммануэль Жозеф (1748—1836), аббат, член Учредительного собрания, депутат Конвента от департамента Сарта 82, 338, 369
Сийери (Брюлар Ш. А , граф де Жанлис, маркиз де) (1737—1793), депутат Генеральных штатов, а затем Конвента от департамента Сомма 297, 534, 535
Симон, член Парижской коммуны, член Комитета девяти 553, 631
Симон (1755—1794), депутат Конвента от департамента Нижний Рейн 492, 493, 572, 573
Сократ (468—400 или 399 до н. э.), знаменитый греческий философ 75, 77
Солон (640—558 до н. э.), афинский политический деятель и социальный реформатор 536, 598
Сорель А , историк 734
Сорен Эли, историк 353
Сорин (1773—1813), депутат Конвента от департамента Ланды, близкий жирондистам 693
Стединг, барон де, посол Швеции в России 276, 402, 403
Стенгель (Штенгель) (1744—1796), кавалерийский офицер немецкого происхождения, поступил на французскую службу в 1760 г., бригадный генерал под началом Дюмурье в сентябре 1792 г. 290, 291, 293
Стофле Жан Никола (1750—1796), генерал-майор, один из вожаков вандейских мятежников 348, 349, 352
Субрани (1752—1795), депутат Конвента от департамента Пюи-де-Дом 500, 501
Сулес, один из руководителей департамента полиции Парижской коммуны 487
Сулла Луции Корнелии, римский диктатор 519
Сушю из Машкуля, главарь вандейцев 348
Сэтр, прокурор Марсельской коммуны 503—505, 513, 516

Таво, депутат Конвента от департамента Кальвадос 127
Талон, распорядитель секретных фондов Людовика XVI 96, 99
Тальен Жан Ламбер (1767—1820), секретарь-протоколист Парижской коммуны после 10 августа, депутат Конвента от департамента Сена и Уаза, монтаньяр, один из участников контрреволюционного переворота 9 термидора 258, 259 523, 524
Тальма Франсуа Жозеф (1763—1826), трагик, член товарищества Комеди Франсез 534, 535
Тарже Гюп Батист (1733—1807), адвокат, член Учредительного собрания, а затем депутат Конвента, защитник короля 33
Терассон, бывший адвокат при парламенте Бордо, служащий министерства юстиции 485
Тибодо Антуан (1765—1854), адвокат в Пуатье, прокурор этой коммуны в 1791 г., депутат Конвента от департамента Вьенна 82, 386, 387
Тизон, комиссар коммуны в Тампле 468, 469
Тирион (1763—1815), адвокат и профессор в Меце, депутат Конвента от департамента Мозель 318, 319, 530, 531
Тома, депутат Конвента от департамента Орн 124
Томпсон Филипп, член Академий изящной словесности Лондона, Парижа, Берлина 297, 298
Трейар Жан Батист (1742—1810), адвокат, член Учредительного собрания, а затем депутат Конвента от департамента Сена и Уаза 384, 385
Тронше Франсуа Деже (1726—1806), адвокат, член Учредительного собрания, защитник короля 33, 36
Трюшон, литератор, член Коммуны 10 августа 477
Тувено (1757—1817), генерал, начальник штаба у Дюмурье 280—282
Тулан, член Парижской коммуны, комиссар в Тампле 400, 401, 469
Тьер Адольф 208
Тьерри де Вилль-д'Авре, первый камердинер Людовика XVI 573
Тэнк (1746—1800), генерал, назначенный в армию Побережья Ла-Рошели в 1793 г. 522, 523
Тюрго Анн Робер Жак (1727—1781), генеральный контролер финансов, французский государственный деятель, философ, просветитель и экономист 33, 38
Тюренн Анри де ла Тур д'Овернь (1611—1675), маршал Франции, выдающийся полководец своего времени 534, 535
Тюрио де ла Розьер, адвокат, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Марна 355, 399, 529, 530, 677
Тюэте Александр (1842—1918), историк 549, 607

Уэльский, принц 368

Фабр А., историк Марселя 511, 512
Фабр д Эглантин Филипп Франсуа (1750—1794), поэт, депутат Конвента от Парижа, член Комитета общественного спасения, казнен вместе с дантонистами 68, 88, 335, 383, 639
Фаржанель (из департамента Тарн) 494
Фейо (1751—?), депутат Конвента от департамента Вандея 136, 137
Фердинанд IV (1751—1825), король Неаполитанский 141
Ферзен Ганс Аксель, граф де (1750—1810) 26, 27, 400, 402
Филипп Эгалите, герцог Орлеанский (1747—1793) 21, 33—37, 83, 84, 94, 124, 128, 129, 275, 297, 368, 369, 380, 381, 387, 429, 493, 509, 514, 518, 532, 534, 535, 651
Филиппо (1754—1794), адвокат, депутат Конвента от департамента Сарта 104, 105, 414—416
Фокс Чарльз Джеймс (1749—1806), английский политический деятель, лидер радикального крыла партии вигов 120, 534
Форстер Георг (1754—1794), немецкий просветитель и революционный демократ 151
Фоше Клод (1744—1793), аббат, редактор «Буш де фер», депутат Генеральных штатов, затем Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Кальвадос 20, 410, 411, 421, 689

Фошё М., историк 735, 736
Фукье-Тенвиль Антуан (1746—1795), один из руководителей обвинительного жюри Чрезвычайного трибунала, помощник общественного обвинителя Революционного трибунала с 10 марта 1793 г. 335
Фуркруа Антуан Франсуа (1755—1809), выборщик, депутат-заместитель от Парижа, заседал в Конвенте с 25 июля 1793 г., заняв место Марата 685
Фурнеро (из секции Кенз-Вен), участник всех революционных событий начиная с 14 июля 1789 г., член Коммуны 10 августа, член Комитета девяти 629—631
Фурнье (Фурнье-Американец) Клод (1745—1825), видный участник всех народных движений в Париже, один из руководителей Клуба кордельеров 332, 333, 616
Фуше Жозеф (1759—1820), депутат Конвента от департамента Нижняя Луара, был близок к жирондистам, затем примкнул к якобинцам, один из организаторов термидорианского переворота, с 1799 г. министр полиции 356, 357, 706, 707

Цезарь Гаи Юлий (102—44 до н. э.), древнеримский государственный и политический деятель, полководец, писатель 75, 77, 252, 489
Цицерон Марк Туллий 77, 534

Шабо Франсуа (1756—1794), настоятель монастыря капуцинов, депутат Законодательного собрания от департамента Луар и Шер, затем депутат Конвента, был замешан в дело ликвидации Ост-Индской компании и казнен 338, 339, 491, 494, 495, 611, 622, 623, 660, 675, 734
Шаль Пьер Жан Мишель (1753—1826), каноник, депутат Конвента от департамента Эр и Луар, левый якобинец 421
Шалье Мари Жозеф (1747—1793), глава лионских якобинцев, «мученик за дело свободы» 245, 247, 248, 250—254, 256—258, 260, 261, 265, 687
Шамбон де Монто Никола (1748—1826), врач, инспектор военных госпиталей в 1789 г., чиновник финансового ведомства города Парижа, мэр Парижа, депутат Конвента от департамента Гар 37, 180, 181, 185, 410, 411, 684, 695
Шампанье, старший служащий в министерстве внутренних дел 599
Шарет (1763—1796), один из главарей мятежа в Вандее 352, 357—359
Шарлетти Себастьян, историк 245, 249, 251, 253, 257
Шартрский, герцог (1773—1850), будущий король Луи-Филипп, сын герцога Орлеанского (Филиппа Эгалите) 33, 34, 94, 493, 494, 508
Шассе Шарль Антуан (1745—1824), адвокат, депутат Конвента от департамента Рона и Луара, жирондист, один из руководителей лионского мятежа 259, 418, 419
Шассен Ш. Л., историк 348, 357, 360—362, 364
Шевалье Франсуа, неприсягнувший священник в Вандее 354
Шено, одно время был председателем Клуба кордельеров 223
Шенье Мари Жозеф (1764—1811), драматург, поэт, депутат Конвента от департамента Сена и Уаза, деятель термидорианской реакции 535
Шери, художник, мастер исторических полотен, член секции Общественного договора 481
Шмидт А., историк, публицист, автор «Картин Французской революции» 548, 549, 605, 607, 622

Шовелен, посланник Франции в Англии 140
Шодрон-Руссо (1752—1816), депутат Конвента от департамента Верхняя Марна 492, 493
Шометт Пьер (Анаксагор) (1763—1794), член Коммуны 10 августа, прокурор Парижской коммуны 180, 181, 184, 222, 226, 240, 242, 243, 290, 330, 331, 426, 428, 452, 453, 456, 464, 465, 470, 474, 476, 480, 481, 531, 538, 543, 546, 547, 550, 554, 562—564, 593, 594, 599, 619, 627, 639, 642, 647, 667, 670, 684
Шудьё (1761—1838), депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Мен и Луара 85, 336, 337
Шуш, один из дворян — вожаков мятежа в Вандее 350
Шюке А., историк 737

Эбер Жак Рене (1757—1794) 31, 180, 181, 222, 223, 226, 229, 231, 234, 239, 240, 242, 266, 290, 330, 331, 340, 341, 371, 417, 431, 435, 438—440, 452, 453, 525, 546—550, 553, 554, 556, 557, 560, 562—564, 566, 567, 571, 576—578, 582—584, 590, 593, 594, 607, 608, 614, 615, 623, 638, 647, 648, 650, 667, 673, 679, 725
Эделе Клод, комиссар секции Пуассоньер 203
Эджеворт де Фермон (1745—1807), духовник Людовика XVI 132, 133, 213
Эльбе Жиго д' (1752—1794), один из главарей вандейских мятежников 347, 350, 360
Эро де Сешель Мари Жан (1759—1794), депутат Конвента от департамента Сена и Уаза, комиссар Конвента в Савойе, член Комитета общественного спасения 492, 493, 587—589, 591, 592, 676, 692, 693
Эскирос Анри Альфонс (1814—1876), историк, автор труда «История монтаньяров» 614, 624
Эспаньяк Марк Рене д' (1740—1794), аббат, поставщик армии Дюмурье, казнен по процессу дантонистов 96, 520